

ГОДЪ

ОДИНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

7.

ИЗДАВАЕМЫЙ

1873.

Петромъ Бартечевымъ

(БЫВШИМЪ БИБЛИОТЕКАРЕМЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКЕ)

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Воспоминаніе княгини Е. Г. Хилковой объ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ, стр. 1121.
2. Письма П. Атавацковича, Вука Караджича, Милошича и Коллара къ Н. Н. Надеждину, съ предисловіемъ и объясненіями профессора Н. А. Попова, стр. 1131.
3. Записки П. В. Берга о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. Глава VIII: Назначеніе Намѣстникомъ генераль-адъютанта Лидера. — Прибытіе его въ Варшаву и первыя дѣйствія. — Назначеніе архіепископомъ Варшавской архидіоцезіи ксендза Феликсаго. — Бѣлая организація. — Работы красной партіи. — Прибытіе новаго архіепископа въ Варшаву. — Открытіе храмовъ. — Присяги ремесленниковъ. — Назначеніе Намѣстникомъ Великаго Князя Константина Николаевича, Велеспольскаго — начальникомъ гражданскаго управленія. — Покушеніе противъ Намѣстника Лидера. — Прибытіе Великаго Князя. — Покушеніе противъ Него. — Казнь преступниковъ, стр. 1222.
4. Русскій человекъ на восточной окраинѣ (Очеркъ жизни и дѣятельности Г. С. Карелина). Софья Григорьевна Карелиной, стр. 1318.
5. Свиданіе съ императоромъ Александромъ по поводу Семеловской исторіи. Изъ воспоминаній С. Ф. Тимирязевой. Ф. И. Тимирязева, стр. 01319.
6. Изъ воспоминаній о 1812 годѣ Н. А. Дивова, стр. 01331.
7. Письмо графа Ридигера къ фельд-маршалу графу Дибичу, стр. 01339.
8. Возраженіе Е. В. Барсову (о Невоструевѣ), стр. 01343.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЧИСТ. ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1873.

Эту тетрадь начинается вторая книга или второе полугодіе Русскаго Архива 1873 года.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива въ 1873 году съ доставкою и пересылкою семь рублей.

(См. на оборотѣ)

Продаются оставшіеся экземпляры книгъ:

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

(533 стр.)

1. Біографія Е. А. Головина, соч. Ю. В. Толстаго.
2. Записки Н. В. Басаргина.
3. Записка о духовномъ союзѣ Татариневой (по неизданнымъ бумагамъ).
4. Дневникъ художника Боровиковскаго.
5. Записка князя Грабе-Горскаго.
6. Новая автобіографическія показанія Магницкаго.
7. Воспоминанія о Венгерской кампаніи, Д. Н. Сонцова.
8. Крестьяне Царства Польскаго въ 1863 г.
9. Неизданныя бумаги и письма Рыльева, статьи и воспоминанія о немъ.
10. Письма Рыльева къ Пушкину и Пушкина къ Нащокину.
11. Письма Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной.
12. Обзорніе жизни и царствованія императора Александра Павловича, Н. В. Путьяты.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

КНИГА ВТОРАЯ

(296 и 0271 стр.)

1. Письма графа Ѳ. В. Растопчина къ князю П. Д. Циціанову (1803—1806). Съ подлинниковъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя.
2. Изъ Записокъ графа Ѳ. В. Растопчина:
 - 1) Двѣнадцатый годъ
 - 2) Путевыя записки 1815 года.
 - 3) Последнія страницы графа Растопчина.
3. Историческая записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ (Проекты Аракчсва, Мордвинова, Сперанскаго, кн. Меншикова, гр. Перовскаго, С. П. Шипова. кн. Друцкаго-Соколинскаго и др., дѣйствія комитетовъ 1826, 1839, 1840, 1844, 1846 и 1848 годовъ). Сообщено Н. А. Милютиннымъ.
4. Записка о народномъ образованіи, представленная А. С. Пушкинымъ Императору Николаю Павловичу въ 1826 году, съ послѣсловіемъ издателя.
5. Старая Записная Книжка, начатая въ 1813 году, неизвѣстнаго сочинителя.
6. Записки очевидца о войнѣ Россіи противъ Турціи и западныхъ державъ. Сочиненіе Н. И. Ушакова.
7. Азбучный указатель.

Цѣна каждой книги «XIX Вѣка» — по три рубля, пересылка за 3 фунта по разстояніямъ (за каждую книгу).

Получать можно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и Одессы.

Изгородные обращаются преимущественно въ Москву, въ Русскій Архивъ, на Берсневской Набережной, въ домъ Археологическаго Общества.

СОДЕРЖАНІЕ ВТОРОЙ КНИГИ РУССКАГО АРХИВА 1873 ГОДА.

1. Переписка святѣйшаго патріарха Никона съ митрополитомъ Аванасіемъ и граматоносцемъ Саввою. 1665 и 1666 годовъ. Открылъ и объяснилъ А—ъ Л—ъ 1601.
2. Черты монастырскаго быта въ XVII вѣкѣ. (Письмо архіепископа Сибирскаго Нектарія и шутовская челобитная Колязинскихъ монаховъ). Два документа, съ предисловіемъ Л. П. 1770.
3. Печать Антихриста. (Письмо Петра Великаго къ князю Я. Ѳ. Долгорукому). Съ предисловіемъ Г. Н. Александрова и съ рисункомъ. 2068.
4. Еще о печати Антихриста (подлинное доказательство клейменія рекрутъ) Г. Н. Александрова. 02296.
5. Петръ Великій, первый овцеводъ на Югѣ Россіи. Статья Г. П. Данилевскаго. 02288.
6. Россія при Петрѣ Великомъ. (Новооткрытыя Записки жившаго въ Россіи Прусака Фокерода). 1360.
7. Новыя подлинныя черты изъ частной жизни императрицы Анны: а) Современный рассказъ Н. Ф. Шестаковой, б) частная переписка императрицы Анны съ гр. С. А. Салтыковымъ. 1641.
8. Историческія лица въ головѣ простолудина. (Екатерина, Петръ III-й и князь Орловъ). Письмо А. П. Барсукова къ издателю Русскаго Архива. 2073.
9. М. Ѳ. Каменскій у Фридриха II-го въ 1765 г. (Письмо Каменскаго къ В. Князю Павлу Петровичу съ описаніемъ Бреславскаго лагеря въ 1765 г. и Письмо къ М. Ѳ. Каменскому отъ неизвѣстнаго) съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. 1552.
10. Сонъ, видѣнный въ 1765 году. Сатира на Сухопутный Кадетскій Корпусъ и на Академіи Наукъ и Художествъ. Съ предисловіемъ Л. Н. Майкова. 1910.
11. Родословная Демидовыхъ, составленная П. А. Демидовымъ. 2212.
12. Прокофій Акинѣевичъ Демидовъ. 1) Письма къ сыновьямъ. 2230.

- 2) Письмо къ Михельсону. 2234.
- 3) Статья о пчеловодствѣ. 2236.
- 4) Письма къ М. И. Хозикову, Н. И. Рибасъ и И. И. Бецкому. 2242.
- 5) Наставленіе дочери. 02285.
- 6) Письмо къ прикащикамъ. 02287.
13. В. А. Чупатовъ, чудакъ XVIII вѣка, статья Л. П. Майкова. 1672.
14. Письма императрицы Екатерины II-й къ Тимоѳею Ивановичу Тутолмину. (Оборона противъ Шведовъ и вѣроисповѣдныя дѣла въ югозападномъ краѣ) 2273.
15. Приношеніе князя Потемкина Московскому Успенскому Собору. 2317. Переводъ изъ счета Людвига Давыдова Дюваля. 2319.
16. О взысканіи съ наслѣдниковъ кн. Потемкина - Таврическаго казенныхъ денегъ. Замятка Г. Н. Александрова. 2322.
17. Изъ бумагъ Диканьскаго Архива князя С. В. Кочубея: письма князя Потемкина и графа С. Р. Воронцова къ графу А. А. Безбородкѣ. 1685.
18. Распоряженіе императора Павла относительно театральн. дисциплины (1800). 02298.
19. Екатерина Ивановна Нелидова. Біографическій очеркъ. 2160.
20. Изъ писемъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго къ Е. И. Нелидовой (1797—1809). Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ. 2172.
21. Письма княгини Е. Р. Дашковой къ графу Н. П. Шереметеву съ послѣсловіемъ издателя. 1908.
22. Письма изъ Россіи въ Ирландію иноземки, гостившей у княгини Дашковой (1805—1807). Переводъ съ Англійскаго. 1825.
23. Донесенія изъ Франціи графа А. И. Моркова Императору Александру Павловичу. (Тутъ же два письма его къ управляющему Русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ). Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ и послѣсловіемъ. 2329.
24. О бывшихъ военныхъ поселеніяхъ и возникновеніи ихъ. Статья Г. Н. Александрова. 1716.
25. Мои воспоминанія о 1812 годѣ. Автобіографическая записка Павла Алексѣевича Тучкова. 1928.
26. Изъ воспоминаній о 1812 годѣ Н. А. Дивова. 01331.
27. Изъ Записокъ Юрьевскаго архимандрита Фотія о скопцахъ, хлыстахъ и другихъ тайныхъ сектахъ въ Петербургѣ въ 1819 г. съ примѣчаніями П. И. Мельникова. 1434.
28. Свиданіе съ императоромъ Александромъ по поводу Семеновской исторіи. Изъ личныхъ воспоминаній С. Θ. Тимирязевой. Θ. И. Тимирязева. 01319.
29. Московскій проповѣдникъ-обличитель. (1822) Письмо кн. А. Н. Голицына къ Московскому митрополиту Серафиму. 2325.
30. Зубриловскій пансіонъ. Попытка большаго учебнаго заведенія въ помѣщичьемъ имѣніи. Статья г-на Арнольдова. 2202.
31. Мытищинская встрѣча, или 30-го Ноября 1825 г. Изъ Записокъ А. Я. Булгакова. 1529.

32. Воспоминаніе княгини Е. Г. Хилковой объ императрицѣ Маріи Феодоровнѣ. 1121.
33. Воспоминаніе объ А. Я. Стороженкѣ, Н. И. Ушакова. 1722.
34. Выдержки изъ памятныхъ Записокъ А. Я. Стороженка о фельдмаршалѣ князѣ Паскевичѣ. 1735.
35. Воспоминанія графини Антонины Дмитриевны Блудовой. 1831 годъ. (Жизнь въ Берлинѣ. Польскій мятежъ. Берлинскій королевскій дворъ. Нынѣшній императоръ. Королева Луиза. Баронъ Штейнъ и пр.) 2049.
36. Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ С. Т. Аксакову по поводу „Мары Посадницы“ М. П. Погодина. 02301.
37. Россія и Германія (1844). Письмо Ѳ. И. Тютчева къ издателю Всеобщей Аугсбургской Газеты. Французскій подлинникъ съ Русскимъ переводомъ. 1993.
38. О дѣлѣ олигель-адъютанта Копьева. (Въ опроверженіе превратныхъ показаній о князѣ М. С. Воронцовѣ). Статьи В. С. Толстаго и Д. А. Чаплина. 1754.
39. Ермоловъ и Паскевичъ. Статья г-на Андреева (по поводу писемъ Паскевича къ императору Николаю). 1571.
40. Письмо графа Ридигера къ фельдмаршалу графу Дибичу. Съ изложеніемъ служебнаго поприща. 01339.
41. Записки Н. В. Берга о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ. Глава VIII-я: Назначеніе Намѣстникомъ генералъ-адъютанта Лидерса. — Прибытіе его въ Варшаву и первыя дѣйствія. — Назначеніе архіепископомъ Варшавской архидіецезіи ксендза Фелинского. — Бѣлая организація. — Работы красной партіи. — Прибытіе новаго архіепископа въ Варшаву. — Открытіе храмовъ. — Присяги ремесленниковъ. — Назначеніе Намѣстникомъ Великаго Князя Константина Николаевича, Велепольскаго — начальникомъ гражданскаго управления. — Покушеніе противъ намѣстника Лидерса. — Прибытіе Великаго Князя. — Покушенія противъ Него и Велепольскаго. — Казнь преступниковъ. 1222.
- Замѣчанія одного высокаго лица на нѣкоторыя мѣста этихъ Записокъ. 01345.
42. Письма П. Атанацковича, Вука Караджича, Миклошича и Коллара къ Н. И. Надеждину, съ предисловіемъ и объясненіями профессора Н. А. Попова. (Подробности о Вѣнской революціи 1848 года). 1131.
43. Николай Николаевичъ Муравьевъ-Карскій. (По поводу статьи г-на Берже). Статья Ѳ. И. Тимирязева. 2530.
44. Русскій челоѡкъ на восточной окраинѣ (Очеркъ жизни и дѣятельности Г. С. Карелина). С. Г. Карелиной. 1318.
45. Объ отмѣнѣ крѣпостнаго права. Письмо П. В. Кирѣевскаго къ А. И. Кошелеву (1851) 1345.
46. Выдержки изъ старой записной книжки, начатой въ 1813 году. Замѣтки біографическія, характеристическія, литературныя, житейскія. (Ермоловъ. Багратіонъ и Милорадовичъ. Новиковъ. А. М.

- Пушкинъ. Князь А. Ѳ. Орловъ. Поццо-ди-Борго и пр. Записки графини Хотекъ. — Разказы объ императорѣ Павлѣ. — Неѣловъ. — Позняковъ и пр.) 1783, 1968 и 2139.
47. Краткія свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1871 году. Изъ Справочнаго Словаря Г. Н. Геннади 1479.
Дополненіе къ свѣдѣніямъ о писателяхъ и ученыхъ умершихъ въ 1870 году, 1514.
48. Замѣтка къ первоначальной исторіи Русскаго театра. М. Н. Лонгинова. 2042.
49. Встрѣча Нѣмца съ Пушкинымъ. 2204.
50. Къ біографіи комика Княжнина. (Сообщено Г. Н. Александровымъ). 1796.
51. Поправка о Княжнинѣ. 02297.
52. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ. Статья М. Н. Лонгинова. 1453. Изъ бумагъ В. А. Жуковскага. Повѣсть о Іосифѣ Прекрасномъ и мелкіе отрывки въ стихахъ и прозѣ. Сообщены К. С. Сербиновичемъ. 1693.
54. Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго: 1. Письмо А. И. Тургенева къ В. А. Жуковскому. 1516. Переписка А. И. Тургенева съ Гумбольдтомъ. 1519. Письмо короля Прусскаго къ Тургеневу. 1526. Письмо Тургенева къ Жуковскому. 1528.
55. Изъ воспоминаній С. П. Соловьева, г-на режиссера Московскаго театра. (Васильевъ. — Лекскій. — Театральныя женщины. — Пожаръ Большаго Театра). 2046.
56. А. П. Розбергъ. Русскій педагогъ въ Прибалтійскомъ краю. Некрологъ. 1705.
57. Славянофилы. Историко-Критическій очеркъ (по поводу статьи г. Пыпина). Ѳ. А. Дмитріева-Мамонова. 2488.
58. Письмо къ издателю о Славянофилахъ (по поводу статьи г. Дмитріева-Мамонова) И. С. Аксакова. 2508.
59. Возраженіе Е. В. Барсову (о Невоструевѣ). 01343.
60. Отвѣтъ на бібліографическій вопросъ г-на Геннади. П. Библиографа. 1584.
61. Содержаніе второй книги Русскаго Архива 1873 года.
62. Азбучный указатель къ Русскому Архиву 1873 года.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБЪ ИМПЕРАТРИЦЪ МАРИИ ТЕОДОРОВНЪ.

Это воспоминаніе написано княгиней Елисаветою Григорьевною Хилковою, урожденною княжною Волконскою. На склонѣ лѣтъ и въ тиши деревенскаго уединенія, изложила она нѣсколько мыслей и чувствъ, вызванныхъ памятью о высокомъ нравственномъ существѣ, въ близи котораго протекли годы ея молодости. Почитатели царственной женской доблести вмѣстѣ съ нами благодарны за дозволеніе огласить въ Русскомъ Архивѣ эти искреннія, душевные строки. Можно сказать, что величіе историческаго лица измѣряется долговѣчностью памяти о немъ: по истеченіи почти полулѣтїи со времени кончины своей, Императрица Марія Теодоровна еще возбуждаетъ собою воспоминанія сердечной, незыбчивой приверженности.

(Писано въ день кончины Государыни).

Aujourd'hui 24 Octobre, c'est l'anniversaire de la mort d'une grande Princesse, de l'Impératrice Marie Féodorovna, épouse de l'Empereur Paul 1-ier et mère des Empereurs Alexandre 1-ier et Nicolas 1-ier. Elle est morte à l'âge de 69 ans en 1828. Il y a 44 ans qu' Elle n'est plus de ce monde; mais ceux qui ont éprouvé Ses bienfaits et auxquels Dieu a donné un coeur reconnaissant, ont béni Sa mémoire tous les jours et la béniront durant toute leur vie. C'était une Souveraine insatiable de bienfaisance, une protectrice éclairée des toutes les classes de la société et une mère pour les malheureux, pour les indigens. Elle écoutait toutes les voix qui s'élevaient vers Elle, car Elle lisait de suite toutes les suppliques en Son nom, n'en remettant jamais une seule au lendemain. Elle consolait ceux qui étaient dans les larmes et secourait ceux qui avaient faim. Eu obser-

vant chaque jour cette activité bien-faisante et infatigable, qui vous rendait muet d'étonnement, on l'attribuait d'abord au vain amour de la renommée historique; mais à la longue, on se persuadait que cette Souveraine éprouvait le besoin de faire le bien tous les jours de Sa vie: l'admiration, l'enthousiasme vous saisissaient, et on se mettait à l'aimer de toutes ses facultés. C'est surtout dans les nombreux établissemens d'éducation que Sa Majesté patronait qu'on Lui portait une espèce de culte; c'est là qu'on La contemplait avec adoration. Elle aimait à y aller tous les jours, et Ses visites étaient une source de bonheur pour les enfans. D'abord Elle parcourait les chambres d'études. Les toutes petites filles attiraient toujours Ses caresses. Ensuite Elle s'asséyait pour écouter les réponses, que les plus grandes demoiselles faisaient aux questions du professeur. Les progrès de l'intelligence et de la raison appelaient Son attention et Son contentement. Celles des élèves, qui méritaient souvent Ses éloges, l'intéressaient et Lui étaient agréables. Une fois leur éducation achevée, il arrivait que l'Impératrice les prenait à la Cour, pour être placée auprès d'Elle, ou près de l'une des Princesses de Sa famille. Elle leur témoignait la même sollicitude maternelle, dès qu'elles entraient dans le monde. Si c'étaient des orphelines sans fortune, Elle leur donnait une dot, quand il se présentait un mari pour elles. Son Auguste famille l'adorait et La vénérail, car elle avait devant elle le modèle de toutes les vertus. On pourrait citer bien des exemples de Son indulgence et

de Sa générosité, de Sa piété et de Sa charité. Elle était de suite informée dès qu'il survenait quelque chose d'extraordinaire ou une maladie grave dans l'un de ces établissemens. Les médecins craignaient-ils pour la vie d'un enfant, l'Impératrice accourait près de son lit pour lui sourire, ou pour l'encourager dans ses derniers moments. Un de ses sourires réussit vraiment à rappeler à la vie une petite fille de huit ans, orpheline, qu'Elle aimait et caressait particulièrement. L'enfant était tombée dangereusement malade et était condamnée des médecins. Sa Majesté, à cette nouvelle, vint la voir une dernière fois. La petite ne prenait plus aucune nourriture, ne prononçait plus aucune parole et tenait toujours les yeux fermés. Aussitôt qu'elle entendit la voix bien aimée, l'enfant rouvrit les yeux et prononça ces mots d'une voix claire: „donnez moi votre main à baiser“. L'Impératrice en éprouva beaucoup de joie et dit: „Je suis convaincue que cette enfant guérira, elle a trop de vivacité dans les yeux“. Elle a eu raison: l'enfant recouvrit la santé, et l'Impératrice lui continua toujours Ses bontés. Parvenue à l'âge de 18 ans, la grande jeune fille fut attachée à son Auguste Bienfaitrice comme demoiselle d'honneur. Elle demeura auprès d'Elle six ans, depuis 1819 jusqu'à 1825, année de son mariage. C'est elle qui écrit ces lignes et prononce ces éloges avec vénération, en les déposant aux pieds d'une tombe.

Je demande pardon d'avoir appelé l'attention sur moi, et je poursuis.

L'Impératrice, outre qu'Elle patronait de nombreux établissemens d'éducation, était aussi la protectrice de plusieurs établissemens de bienfaisance. Parmi ces derniers le principal était l'Hôpi-

tal de S-te Marie pour les pauvres, qu'Elle avait Elle-même fondé. Elle y allait souvent. Aucune maladie ne la rebutait. Quand une opération dange-reuse devait y avoir lieu, Elle ne manquait jamais d'exhorter le patient à la subir avec courage. Si l'opération réussissait, Sa Majesté ne manquait pas de revenir lui en faire Son compliment, accompagné d'un présent pécuniaire. Je me rappelle entre autres une scène bien touchante à ce même hôpital. Un jeune paysan, travaillant au toit d'une haute maison, était tombé sur le pavé et n'avait plus que quelques heures à vivre. Dès que l'Impératrice en eut connaissance, elle vint voir le malheureux. „Avez vous une mère?“ lui demanda-t-Elle.—Oui, répondit-il, elle habite le village. „Envoyez lui cet argent,“ et Sa Majesté lui donna deux cent roubles. Le malade les prit, et d'abondantes larmes de reconnaissance coulèrent de ses yeux. Sa Majesté ne connaissait pas le repos, qui est si doux, si nécessaire à toute existence vouée à la représentation. Quand on admirait Sa grande activité, Elle assurait, qu'Elle était née avec une grande disposition à l'indolence et au repos, mais qu'Elle était parvenue à la vaincre à force de travail et de peine.

L'Impératrice passait toujours l'été à la campagne. Elle aimait la nature avec enthousiasme et les fleurs comme un enfant. A la promenade Elle s'arrêtait au chant du rossignol, et je l'ai vue se baisser pour aspirer le parfum d'une touffe de violettes.

La campagne était splendide, et l'on s'y reposait de toutes les fatigues de la ville, et pourtant ce bien-être si nécessaire à la santé, Sa Majesté le quittait toutes les quatre semaines pour aller faire la ronde de Ses établissemens à St. Pétersbourg. Elle y pas-

sait toute une journée et la nuit. Voici comment cette journée se passait. Départ de la campagne à sept heures du matin, arrivée à St. Pétersbourg à neuf heures. Pendant la route l'Impératrice commençait par lire un chapitre de l'Évangile selon Son habitude et puis s'occupait des papiers du jour avec son secrétaire qui l'accompagnait. Arrivée en ville, pour ne pas perdre de tems en courses inutiles, Elle commençait par voir l'établissement le plus rapproché de la barrière. C'était l'école des filles des soldats de la garde Semenovsky; ensuite l'institut des orphelins militaires au pont de Kalinkine; puis venaient le grand établissement des enfans trouvés et celui des sourds-muets à la Moika; l'école des filles des soldats de la garde Préobragensky à la rue des Ecuries, l'hôpital des pauvres à la Litéina et l'institut de Ste Cathérine à la Fontanka, enfin vers cinq heures au couvent Smolnoy, où l'on dinait, après avoir pris un léger déjeuner ailleurs vers midi. Après le diner Sa Majesté prenait une heure de repos, puis remontait en voiture et allait à Kamenoy-Ostrow, faire visite à l'Empereur Alexandre et l'Impératrice Elisabeth. De là Elle allait passer la nuit à son château de Elaguine. Avant de se retirer, Sa Majesté tenait cercle, écoutait une lecture et soupait. Le lendemain Elle retournait avec grande satisfaction à la campagne, son délicieux Pavlovsk, sa création. Elle y séjournait pendant six mois, entourée de Ses Enfans et y invitait une société choisie. Le monde venait avec empressement à l'invitation de cette aimable et bienveillante Princesse, comme on était heureux de La contempler, de Lui plaire.

Tous les jours de ma vie je pense à Elle, je regarde avec amour Son image

vénéérée. Certainement bien des personnes font comme moi. Mais c'est peu de l'avoir dans son coeur, il faut glorifier de bouche cette grande et sainte Impératrice. Il y a longtems que je le médite, ce n'est qu'aujourd'hui que le courage de la parole m'est enfin venu. Ceux qui l'ont connue me tendront (j'en suis sûre) la main, et ceux qui ne l'ont pas connue l'admireront avec moi sans doute. O Vous, notre modèle dans le bien, regardez-nous d'en haut, apprenez-nous à penser chrétiennement, à agir avec conscience, et inspirez-nous le courage de supporter avec résignation les malheurs de la vie.

Paix à Votre belle âme, Impératrice Marie Féodorovna!

ПЕРЕВОДЪ.

Сегодня, 24-го Октября, день кончины великой Государыни, Императрицы Марии Феодоровны, супруги Павла Перваго и матери Императоровъ Александра Перваго и Николая Перваго. Она скончалась шестидесяти девяти лѣтъ въ 1828-мъ году. Вотъ уже сорокъ четыре года что Ея нѣтъ на свѣтѣ; но тѣ, которые испытали на себѣ Ея благотворное вліяніе и которымъ Богъ даровалъ благодарное сердце, каждый день благословляютъ Ея имя и не перестанутъ благословлять Его въ продолженіи всей своей жизни.

Въ отношеніи благотворительности Императрицу можно было назвать ненасытимою. Она была просвѣщенной покровительницей всѣхъ сословій и матерью всѣмъ несчастнымъ и немощнымъ. Ни одинъ изъ голосовъ, взывавшихъ къ ней, не былъ отвергнутъ Ею: у Нея было правило немедленно прочитывать всѣ прошенія, адресованныя на Ея имя, никогда не откладывая этого дѣла до другаго дня. Она утѣшала плачущихъ и помогала всѣмъ нуждающимся. Ежедневно наблюдая за этой неутомимой и бла-

готворной дѣятельностью, которая возбуждала удивленіе, сначала невольно приписывали ее тщеславію; но со временемъ нельзя было не убѣдиться, что въ этой Государынѣ была какая-то потребность посвящать каждый день своей жизни добрымъ дѣламъ; тогда всѣ, слѣдившіе за нею, исполненные восторженнаго благоговѣнія, привязывались къ ней всей душой. Но нигдѣ такъ не цѣнили Императрицу какъ въ многочисленныхъ заведеніяхъ и институтахъ, состоявшихъ подъ Ея высокимъ покровительствомъ. Тамъ Ее просто боготворили. Она любила бывать въ нихъ каждый день, и Ея посѣщенія были истинною радостію для дѣтей. Тотчасъ по прїѣздѣ туда, она проходила всѣ классы. Дѣвочки всегда вызывали Ея ласки. Потому Она садилась и выслушивала отвѣты взрослыхъ дѣвицъ на вопросы, предлагаемые профессорами. Всякій успѣхъ въ образованіи и наукѣ тотчасъ привлекалъ Ея вниманіе и вызывалъ одобреніе. Тѣ изъ ученицъ, которые часто заслуживали Ея похвалу, интересовали Ее и становились Ея любимицами. По окончаніи воспитанія, Императрица иногда брала ихъ во дворецъ, оставляя ихъ при своей особѣ, или при одной изъ Великихъ Княгинь. При вступленіи ихъ въ свѣтъ, таже материнская заботливость слѣдила за ними. Сиротамъ, безъ состоянія, при выходѣ въ замужество, Она давала приданое. Императрицу любила безпредѣльно вся Ея Августѣйшая семья, для которой Она служила образцемъ всѣхъ добродѣтелей. Много можно привести примѣровъ Ея рѣдкой доброты и великодушія, Ея высокаго благочестія и благотворительности. Какъ только гдѣ либо въ Ея заведеніяхъ приключалась болѣзнь, или случилось что либо необыкновенное, Ее немедленно о томъ увѣдомляли. Какъ скоро доктора находили, что кто изъ воспитанницъ при смерти, Императрица тотчасъ спѣшила къ постели больной, чтобы ласковымъ взглядомъ и добрыми словами ее ободрить или уладить ее по-

слѣднія минуты. Одной изъ Ея улыбокъ дѣйствительно удалось возвратить къ жизни 8-ми лѣтнюю сироту, которую Государыня особенно любила и ласкала. Этотъ ребенокъ былъ опасно боленъ, и доктора уже произнесли надъ нимъ смертный приговоръ. Узнавъ объ этомъ Государыня прїѣхала, чтобы въ послѣдній разъ взглянуть на малютку. Дѣвочка уже не принимала никакой пищи, постоянно держала глаза закрытыми и не произносила ни одного слова. Услыхавъ дорогой голосъ, она раскрыла глаза и твердо выговорила: „Дайте мнѣ поцѣловать Вашу руку. Императрица душевно обрадовалась и сказала: „Я убѣждена, что этотъ ребенокъ выздоровѣетъ, еще такъ много жизни въ его глазахъ.“ Она была права: дѣвочка дѣйствительно поправилась и не переставалась пользоваться покровительствомъ Государыни. Достигнувъ 18-ти лѣтняго возраста, она была назначена фрейлпной при Своей Августѣйшей Благодѣтельница, и въ этомъ званіи оставалась при ней шесть лѣтъ, отъ 1819 до 1825, когда она вышла замужъ. Она-то самая и пишетъ эти строки и съ чувствомъ благоговѣнія воздастъ должную хвалу памяти покойной Государыни. Извиняясь въ томъ, что на минуту обратила на себя вниманіе, продолжаю свой рассказъ.

Кромѣ учебныхъ заведеній, многія благотворительныя заведенія также находились подъ вѣдѣніемъ Государыни. Въ числѣ послѣднихъ первое мѣсто занимала Марьянская больница для бѣдныхъ, которую Она сама основала. Государыня часто посѣщала ее. Никакая болѣзнь не внушала Ей ни страха, ни отвращенія. Когда наступало время для какой нибудь опасной операціи, Она всегда ободряла страдальца, убѣждая его терпѣть съ твердостью. Когда операція удавалась, Императрица посѣщала больного еще разъ, чтобы передать ему свои поздравленія и денежное вспоможеніе. Помню я одну изъ такихъ трогательныхъ сценъ, происшедшую въ этомъ

самомъ госпиталѣ. Молодой плотникъ, чинившій крышу на высокомъ домѣ, упалъ на мостовую, и ему оставалось лишь нѣсколько часовъ жизни. Какъ только Императрица узнала объ этомъ, Она поспѣшила навѣстить несчастнаго. „Жива ли твоя мать“? спросила Она его. „Да, сказалъ онъ, она живетъ въ деревнѣ“. — „Пошли ей, вотъ эти деньги“, и Государыня дала ему двѣсти рублей. Больной принялъ ихъ, и ручьи благодарныхъ слезъ потекли изъ глазъ его.

Государыня не знала отдохновенія, столь драгоценнаго и столь необходимаго для существа, обреченнаго жить на показъ. Когда кто нибудь удивлялся Ея необыкновенной дѣятельности, Она всегда увѣряла, что родилась съ большимъ расположеніемъ къ безпечности и лѣни и лишь трудомъ и усиліями побѣдила въ себѣ эту наклонность.

Императрица проводила каждое лѣто въ деревнѣ. Она восторгалась природою и какъ дитя любила цвѣты. Во время прогулки Она любила слушать соловья, и я сама однажды видѣла, какъ Она низко наклонилась надъ пучкомъ фіалокъ, чтобы насладиться ихъ ароматомъ. Деревня была великолѣпна, и тамъ можно было отдохнуть отъ утомительной городской жизни; однако каждый мѣсяцъ Государыни покидала это мѣсто и лишала себя столь необходимаго для Ея здоровья отдыха. чтобы объѣхать всѣ свои заведенія въ Петербургѣ. Тамъ проводила Она цѣлыя сутки. Вотъ въ какомъ порядкѣ обыкновенно совершались эти поѣздки. Выѣзжала Она въ семь часовъ утра, а въ Петербургъ пріѣзжала въ девять. Дорогою Государыни сначала, по Своему обыкновенію, прочитывала одну главу изъ Евангелія, а потомъ занималась дѣлами съ своимъ секретаремъ, который ей сопутствовалъ. Пріѣхавъ въ городъ, чтобы не терять напрасно времени, посѣщала Она заведеніе первое на Ея пути: школу солдатскихъ дочерей Семеновскаго полка; потомъ институтъ военныхъ сиротъ у Калинкина моста; затѣмъ слѣдовали воспитательный домъ и заведеніе

для глухо-нѣмыхъ на Мойкѣ, школа солдатскихъ дочерей Преображенскаго полка въ Конюшенной, чернорабочая больница на Литейной, и Екатерининскій институтъ на Фонтанкѣ. Наконецъ, около пяти часовъ, Императрица пріѣзжала объѣдать въ Смольный монастырь, слѣва гдѣ нибудь позавтрадавъ около полудни. Послѣ объѣда, Ея Величество отдыхала около часу, потомъ снова садилась въ карету и отправлялась на Каменный Островъ посѣтить Императора Александра и Императрицу Елизавету Алексѣевну. Оттуда Она уѣзжала ночевать въ Свой Елагинскій дворецъ, гдѣ сначала принимала, слушала чтеніе и ужинала, а потомъ уже ложилась отдыхать. На слѣдующій день Императрица съ радостью возвращалась въ прелестный Павловскъ, который Она любила какъ Свое созданіе. Тамъ Она проживала шесть мѣсяцевъ, окруженная Своими дѣтьми и избраннымъ кругомъ общества. Всѣ съ радостію слѣзили на призвѣвъ этой милостивой и благосклонной Государыни; всякій чувствовалъ себя счастливымъ, если могъ видѣть Ее и угождать Ей.

Каждый день моей жизни вспоминаю Императрицу и съ любовью и благоговѣніемъ смогрю на Ея изображеніе. Безъ сомнѣнія многіе дѣлаютъ тоже; но недостаточно хранить Ея образъ въ душѣ: надобно благодарнымъ словомъ вспоминать о Ея добродѣтеляхъ. Давно уже я помышляю объ этомъ и только нынче наконецъ отважилась написать.

Тѣ кто знали Ее одобрятъ меня, а тѣ которые Ея не знали, станутъ почитать Ее безъ сомнѣнія вмѣстѣ со мною.

О Ты. Которая въ этомъ мѣрѣ служила для насъ образцемъ всего прекраснаго, принявши къ намъ Своимъ взоромъ, научи насъ мыслить похристіански, дѣйствовать по законамъ совѣсти, и внуши намъ твердость переносить съ покорностію всѣ горести и испытанія здѣшней жизни.

Миръ прекрасной душѣ Твоей, Государыня Марія Теодоровна!

**ПИСЬМА ПЛАТОНА АТАНАЦКОВИЧА,
ВУКА КАРАДЖИЧА, МИКЛОШИЧА И
КОЛЛАРА КЪ Н. И. НАДЕЖДИНУ.**

Исторія сношеній Россіи и русскихъ людей съ западными и южными Славянами вообще разработана чрезвычайно мало; но о личныхъ сношеніяхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей, людей ученыхъ и литераторовъ XIX столѣтія съ ихъ собратіями по занятіямъ (бывшими для нихъ и соплеменниками по языку) почти ничего не извѣстно. Между тѣмъ эти сношенія были, и весьма часто касались самыхъ важныхъ интересовъ какъ политической, такъ и умственной жизни. Эти сношенія въ разныя десятилѣтія нынѣшняго вѣка окрашивались различнымъ цвѣтомъ, носили самые разнообразныя оттѣнки. Въ эпоху войнъ Наполеона I и европейскихъ конгрессовъ, собиравшихся не разъ послѣ его паденія, эти сношенія закрѣплялись политическими интересами. Такова переписка барона Г. А. Строганова съ первымъ княземъ Сербіи Милошемъ Обреновичемъ. Духовное и умственное пробужденіе западныхъ и южныхъ Славянъ, послѣдовавшее за наполеоновскою эпохою, вызвало ихъ къ возобновленію литературныхъ и ученыхъ сношеній съ Россіей, существовавшихъ даже въ прошломъ вѣкѣ. Событія 1848 и 1849 г. г., затронувъ общеславянскіе интересы такъ рѣшительно и многосторонне и вѣщавъ въ общеславянскую жизнь участие Русскихъ, еще болѣе расширили прежнія сношенія, которыя со временъ славянскаго съѣзда въ Москвѣ сдѣлались и болѣе постоянными, и болѣе замѣтными для всѣхъ. Понятно послѣ этого, какой интересъ для насъ можетъ представлять переписка русскихъ людей недавняго прошлаго съ замѣчательными дѣятелями, принадлежащими къ другимъ славянскимъ племенамъ. Вотъ что побудило меня познакомить читателей „Русскаго Архива“ съ письмами къ Н. И. Надеждину у сербскаго епископа Платона Атанац-

ковича, сербскаго ученаго и знатока народнаго быта Вука Караджича, члена вѣнской академіи наукъ словенца Франца Миклошича и чешско-словацкаго поэта и археолога Яна Коллара. Главнымъ побужденіемъ къ перепискѣ между ними и Надеждинымъ были цѣли литературныя. Но такъ какъ большая часть писемъ относится къ 1848 и 1849 годамъ, то къ учено-литературному интересу присоединился интересъ политическій, давшій было на время одно общее направленіе всѣмъ славянскимъ народамъ.

Первое извѣстное намъ письмо Вука Караджича къ Надеждину отправлено было 1-го августа 1842 года. Оно собственно-ручное, и главное его содержаніе составляетъ перечисленіе нѣсколькихъ брошюръ и отдѣльныхъ номеровъ изъ сербскихъ газетъ, которыя пересылались Надеждину отъ Будимскаго епископа Платона Атанацковича и самого Караджича, какъ то: два церковные шематизма, замѣтки о Хорватахъ и Морлакахъ, № 27-й „Сербскихъ Новинъ“ отъ 4-го іюля, гдѣ напечатаны были нѣкоторыя возраженія на одно изъ сочиненій Караджича, и т. п. Изъ этого же письма видно, что переписка русскаго и сербскаго ученыхъ только что началась: хотя Караджичъ уже и посылалъ четвертое письмо къ Надеждину, но послѣдній успѣлъ написать лишь одно. За тѣмъ переписка прерывается, и изъ перваго письма по возобновленіи ея, а также изъ писемъ Платона Атанацковича видимъ, что Надеждинъ самъ посѣтилъ славянскія земли.

Мы прежде приведемъ письма Будимскаго епископа, не измѣняя въ нихъ ни слова, ибо они писаны церковно-словенскимъ языкомъ съ небольшою примѣсью сербизмовъ.

1.

Ваше высочородіе

Дражайшій мой Никола Ивановичь!

Съ радостію великою воспріяхъ милости писаніе Ваше отъ 15 ч. изъ Виенны! Но и усугубила бы ся была велика радость моя, есть ли бы изъ писанія то-

гоже уразумѣти возмоглъ былъ, яко со стояніе дражайшаго ми здравія Вашего, по искреннему желанію моему, отъ дне на день успѣваетъ на большее, а не бы стояло на точцѣ мѣры Пресбургскія. Вы „пока большаго и не жадаете“? Тако прямому философу вооружанну быти пристоитъ: *retundere debilitates corporis animi fortitudine* ¹⁾; нашихъ обаче,—почитателей и пріятелей Вашихъ многихъ и истинныхъ,—молитвъ усерднѣйшихъ вѣнецъ будетъ и успѣхъ, да по милости Божіей возрадуется Вы и паки полностью здравія!!! Аминь, аминь, аминь!

Приставленный писанію Вашему книжній Вашъ составъ получихъ со многоуваженіемъ и благодарностію; воспотреблю и по положенному между нама со дружельюбно уступленнымъ ми отъ Васъ, полнымъ и безусловнымъ распоряженіемъ моимъ. О всемъ семъ благовременно Васъ извѣстити не мимоупущу ²⁾.

Доста поздно—поне позднѣе отъ мене—отъ одра и сна возстанти обычествуй, побратимъ Вашъ Драговичъ, Василій Павловичъ ³⁾ изъятіе днесъ отъ сего строгаго своего си порядка сотвори; на мое бо, ей, великое удивленіе зѣло рано въ снѣная своя облеченъ, внезапно въ моей горницѣ ми предста съ привѣтствіемъ сыновнимъ тезоименітїа отча. Онъ Васъ нарочитѣйше поздравляетъ. О како нама отшествіе Ваше тяжело баше! Всякъ новъ обычай съ нѣкимъ несноснымъ непорядкомъ нападе на сердца наю; безъ вечерняго наиначе забавленія тяжело намъ бѣ ранѣе разстантися, неже творихомъ въ незабываемомъ содружествѣ Вашемъ и пр. и пр. и пр.—Когда видимси? Василій Павловичъ еще въ намѣреніи есть ити во Виенну, но едва сотворитъ тоѣ прежде 10 дней; дотолъ и Вы во Виеннѣ пребудете, погодъ ненепритѣй сущей. А что же со мною будетъ? Я отважилъ препролести всю зиму здѣ на діетѣ ⁴⁾,

¹⁾ Укрѣплять слабости тѣла силою духа.

²⁾ Рѣчь идетъ о матеріалахъ для брошюры о русскихъ старообрядцахъ, сообщенныхъ Надеждинымъ Атанацковичу.

³⁾ Сынъ Платона Атанацковича.

⁴⁾ На венгерскомъ сеймѣ.

а можетъ быти дожду здѣ и заключеніе діеты, аще на весну не позоветъ долу вождельный нашъ соборъ народный.—Слѣдующіи наши епископи возвратишася уже во свояси: 1., Паврачкій Стефанъ Крагуевичъ, 2., Карлштадтскій Евгенийъ Ивановичъ, 3., Вершачкій Стефанъ Поповичъ. Здѣ на мѣстѣ есмь: 1., архіепископъ ⁵⁾; 2., темишварскій Пантелеймонъ Живковичъ; 3., наша мѣрность.

Живыи во утѣшеніи обѣщанія Вашего, „яко не оставите безъ того Виенны, чтобы еще хотя разъ не извѣститъ мене о себѣ“, любви Вашей и пріятельству свойски препоручаяся, и съ оною и съ овымъ взаимно есть и пребуду.

Вашего высокородія постояннѣйшій почитатель Платонъ Атанацковичъ, Православный епископъ *Будимскій* ⁶⁾.

Въ Пресбургѣ на д. С. Платона 1847.

2.,

Пріятельская прошенія:

1) За сисеемы училищъ російско-священническихъ: прихожанскихъ, уѣздскихъ, академійскихъ и семинарскихъ.

2., Извѣстіе о щастливомъ походѣ изъ Виенны, либо изъ Прага, въ дражайшую славиую отчизну, въ коемъ извѣстіи нарочито преизлиха возрадуяся о поспѣшномъ здравіи своего незабравитаго ⁷⁾ пріятеля,

Николая Ивановича Надеждина, російско-императорскаго статскаго совѣтника, Платонъ Атанацковичъ,

Православный епископъ *Будимскій*.

Въ Пожунѣ ⁸⁾ на діетѣ венгерской, дне 17-го ноемврія 1847.

3.

Въ Пресбурѣ, 29-го ноемврія 1847.

Дражайшій Николай Ивановичъ!
Коликоежедневныя сессіи (дебаттіранія

⁵⁾ Іосифъ Раячичъ (Карловацкій).

⁶⁾ Будимъ—сербское названіе, Буда—мадьярское, Оффен-нѣмецкое, одного и того же города.

⁷⁾ Незабавеннаго.

⁸⁾ Мадыарское названіе Пресбурга, точно также какъ Бретяславль—чешское.

за данкс-адрессъ) едва днесъ, — въ 6-ый траянія день, — будутъ негли окончана; много же лишше печаль за удобнѣмъ обывалищемъ (еще во дивно живописанной „Лабудовой“ обрѣтаюся горницѣ, въ ней же я остависте) тако мя присвоиша, да и со отвѣтомъ симъ моимъ на премилое ми писаніе Ваше отъ 24-го т. день, два закоснихся. Оскудѣніе и непресѣчное исканіе квартира есть желѣзна вина, что побратимъ вашъ Василій Павловичъ всяко еще препятствуемъ бываетъ отдатися во Виенну. А вы отваялиси уже ятися путнаго шествія во вашу сладчайшую дальнюю отчизну. Не будете ли чрезъ Прагу? Аще тако, то обрѣтете тамо извѣстно у пріятели нашего г. Шафаріка число сербскаго народнаго листа 44-ое, въ немже заключается членъ: „*Dieuzeza iztochnoi vproisnost-danil u Erdelu*“¹⁰⁾. Се азъ Вамъ начатокъ токмо присылаю, помянутому заключенія числу 44-му у нашего г. архіепископа, иже Павловичевы „Новины“ здѣ отъ мене на прочтеніе относятъ, потерявну сушу, о чемъ Васъ ради весьма жалѣю. Естли бы вѣдалъ, да и въ Празѣ не возобрѣтете изгубленнаго того заключенія, то бы писалъ въ Будимъ, да ми сѣмо пошлютъ; и азъ бы тоѣ, аще и въ самый Петербургъ, средствомъ г. протоіереа Раевского, экспедиралъ. Учрежду ли тако? — Желасмая изъ книги: „*Vita Clementis, episcopi Bulgarorum*“ не мимопушу абіе съ прибытіемъ моимъ въ Будимъ прислати до Васъ посредствомъ истаго г. Раевского.

„*Если скучаюсь моимъ одиночествомъ въ Пресбургѣ?*“ — По премногу! — Помыслите, да ни дѣлати не могу, писати сирѣчь. Принесъ съ собою изъ Будима моя матеріалы. Дивное чудо, да отнюду невозможно есть обрѣсти здѣ обывалища! — Обаче мнѣ како тако; но Вы во Виенѣ ниже отрады державныхъ венгерскихъ сессій имѣете, а г. Вукъ подалѣе п слабоногъ. При всемъ томъ увѣренъ есмь,

¹⁰⁾ Мадырское названіе Трансильваніи, иѣмецкое — *Siebenbürgen*, славянское — Седмиградіи, Седмиградское княжество.

яко Вы блаженнѣе мене живете тамо между почитателями Вашими многими, едва у себе Васъ дождавшими литераторами. Како азъ? Архіепископъ совѣмъ на противной крайней странѣ града живетъ; Темишварскій черножелченъ, ни приходяй, ни приходимый, *sit venia verbo*; радонаказующій Евгеній въ пустыни Плашчанской со Соломономъ міру подсмѣвается: суета суетствъ! Вершачкій дарами отсюду отнесенными веселитъ тамошнія своя, проповѣдуя высокими гласомъ, гдѣ и како обѣдовалъ здѣ. Накрачкій пріиде, освѣи хоризу¹¹⁾ и возвратися съ сею, — *venit, vidit, vicil*. А Leporello? О, съ коликою неволею отъиде той отсюду! Уне ему было бы на всякъ день со уніятскимъ за билету обѣдную прятися, неже къ супрузъ своей я дѣтямъ возвратитися! Павловичъ вчера отпловилъ отсюду въ Пешту. Любезный Гай¹¹⁾ еще ли во Виенѣ? Онъ, исполнь надежды добрыя за народность свою, оставилъ Пресбургъ. Прощу поздравите ми г. Вука, любезно, прямо отечески устроившаго въ смотренія удачьбы своен добрыя дщери. Сожалѣю ему о секвестрираніи книгъ. Архіепископъ отъ мене тоу уразумѣлъ, негодунъ, что давню то правительствомъ на представленіе его учиненно не бысть.

Поздравляетъ васъ своимъ высокоочитаніемъ Василій Павловичъ всеусерднѣйше. Азъ же люблю Васъ, како точію можетъ свойта свойту любить, и пребываю на всегда Вашъ непремѣнный Платонъ епископъ.

*

Платонъ Атанацковичъ, родившійся въ 1788 году, былъ однимъ изъ наиболее

¹⁰⁾ Этими словами Платонъ Атанацковичъ дѣлаетъ намеки на частную жизнь сербскихъ епископовъ; въ послѣдствіи оны со многими изъ нихъ былъ въ холодныхъ отношеніяхъ, именно вслѣдствіе своей склонности къ юмору и насмѣшкамъ надъ другими.

¹¹⁾ Хорватскій писатель, возбудитель мысли объ объединеніи южныхъ Славянъ въ Австріи въ формѣ «иллиризма». О немъ еще будетъ говорено въ письмахъ Вука Караджича.

известныхъ епископовъ православной сербской церкви въ земляхъ венгерской короны въ вышшемъ столѣтїи и однимъ изъ самыхъ плодovitыхъ писателей, при чемъ трудился надъ дѣломъ сербскаго образованїя болѣе чѣмъ полвѣка. Сперва онъ былъ учителемъ, потомъ профессоромъ при учительской семинаріи въ Сомборѣ, священникомъ въ томъ же городѣ и носилъ имя Павла, но, овдовѣвъ въ молодыхъ лѣтахъ, перешелъ въ монашескій чинъ и принялъ имя Платона. Еще въ 1814 г. онъ напечаталъ: „Предложенїя изъ Славенске грамматике“; а въ 1817 г. произнесъ „Слово на праздникъ инсталациі крал. педагог. института сербскогъ у Сомбору“, которое и было напечатано въ Будимѣ. Въ томъ же году издалъ: „Педагогику и методику“. Въ слѣдующемъ году имъ изданы были: „Слово надгробно Василю Стоячковичу“, къ коему приложена „Элегїя или надгробные стихи“; и „Епїваланїонъ“ на бракосочетанїе I. Берича. Въ 1821 г. напечатано было имъ слово на смерть одного изъ чиновниковъ Сомборскаго магистрата. Въ 1823 г. Павелъ Атанацковичъ издалъ двѣ книги, имѣвшїя педагогическое значенїе. Болѣе важною изъ нихъ была „Огледало човѣчности“ (Зеркало челоувѣчества). Это было руководство для начальнаго воспитанїя народнаго, которое, по понятїю автора, должно было исходить отъ матерей. „Тебя, писалъ Атанацковичъ въ этой книгѣ, имѣлъ я предъ очами, нѣжная сербская мать. Ты изображена на первой страницѣ, питающее твое дитя. Принимая къ тебѣ, оно ищетъ пищи у тебя. Корни и воспитывай его всѣмъ сердцемъ, дабы оно потомъ было твоею опорой... Разсказывай и передавай ему всегда то, что можетъ насадить и возрастить въ его юномъ сердцѣ честность... (внѣшенна ваша обязанность, матерп! Отъ того, какъ вы ее исполняете, зависитъ счастье или несчастїе рода челоувѣческаго и нашего народа“. Вторая книга была руководство къ воздѣлыванїю шелковичныхъ деревьевъ и червей. Въ 1833 году, будучи уже игуменомъ Шиша-

товацкаго монастыря, Платонъ Атанацковичъ напечаталъ биографїю Федора Стратимїровича, члена суда четырехъ комитатовъ и родственника тогдашняго митрополита всѣхъ православныхъ въ Австріи. При посвященїи своемъ въ санъ епископа, 12-го сентября 1839 г., Платонъ Атанацковичъ произнесъ краткое слово, тогда же напечатанное. Потомъ имъ были изданы „Ободренїе на подвигъ катехитическаго наставленїя во училищахъ“ (1842), „Библическа повѣсть стараго завѣта за юность“ (1843); стихотворенїе въшмятъ Саввы Тевели (1843); Сеймовыя бесѣды (1845); „Повѣсть резиденціи Будимской епархіи, а отчасти и ея самой“ (1846). Таковы были сочиненїя Атанацковича до его знакомства съ Надеждинымъ. Послѣдній занимался изученїемъ русскаго раскола, и какъ одинъ изъ лучшихъ знатоковъ его въ свое время, склонилъ Платона Атанацковича къ изданїю на сербскомъ языкѣ брошюры о раскольникахъ, доставивъ ему не только матеріалы, но и деньги для изданїя. Въ то время у насъ вообще заботились, чтобы южные славяне православнаго исповѣданїя получали вѣрныя свѣдѣнїя о важнѣйшихъ событїяхъ, совершавшихся внутри русской церкви. Такъ известный сербскїй писатель Димитрій Тироль, долго жившїй въ Одессѣ и служившїй тамъ при попечителѣ учебнаго округа Д. М. Княжсвичъ¹²⁾, напечаталъ въ Москвѣ въ 1841 г. брошюру на сербскомъ языкѣ „О воссоединенїи униатовъ съ православною церковью въ русской имперїи“, которая и была разослана по южно-славянскимъ землямъ (см. Серб. народ. лист. 1844, стр. 110). Точно также и Надеждинъ, находясь за границей между прочимъ по дѣлу о переговорахъ было-крїицкихъ раскольниковъ съ бывшимъ далматинскимъ епископомъ Венедиктомъ Кралевичемъ и са-

¹²⁾ По происхожденїю далматинскїй Сербъ. Братъ его, о которомъ часто будетъ упоминаться въ письмахъ Караджича, былъ впоследствии министромъ финансовъ.

раевскимъ митрополитомъ Амвросіемъ, которыхъ они приглашали перейти въ расколъ, помогъ Атанацковичу составить обстоятельную брошюру о старообрядцахъ, которая и была напечатана въ началѣ 1848 г. подъ заглавіемъ: „Повѣсть краткая и достовѣрная о раскольничѣхъ, на соблазнъ и позоръ православныя нашей восточныя церкви въ сія послѣдняя времена прошибающихся“ (48 стр., церковнымъ шрифтомъ). Объ этой книжкѣ не разъ будетъ упоминаться въ письмахъ Караджича къ Надеждину. Въ описываемое время Платонъ Атанацковичъ уже былъ почетнымъ членомъ московскаго общества исторіи и древностей російскихъ, бѣлградскаго сербской словесности и чешскаго музея. Въ послѣдствіи Платонъ былъ переведенъ изъ Будима въ Новый Садъ, по поводу чего онъ напечаталъ: „Прощаніе съ будимскою епархіей и привѣтствіе бачской“ (1852), и потомъ изъ года въ годъ издалъ нѣсколько замѣчательныхъ книгъ какъ по части педагогической, такъ и церковной. Букварь, вызвавшій обширную рецензію извѣстнаго филолога сербскаго Даничича; ватихизисъ, церковное пѣніе, упражненіе въ чтеніе священныхъ книгъ, краткая священная исторія, двѣ части сербской хрестоматіи, нѣмецкій букварь, хрестоматія и словарь, руководство къ численію на память и при помощи цифръ, библейскіе рассказы, училищная и домашняя библія, приношеніе патриотическихъ мыслей на жертвенникъ народнаго преуспѣнія (два изданія въ 1856 и 1864 гг.), переводы библейскихъ книгъ Соломона и Сираха, царя Давида, Товіи, Юдфеи, Есеири, Іова, 17 пророковъ, апостола и евангелій на всѣ праздничные и недѣльные дни и т. п., — вотъ труды Атанацковича въ послѣдніе годы его жизни. Нѣкоторыя изъ позднѣйшихъ его сочиненій, назначенныхъ для народнаго употребленія, выпущены были въ свѣтъ подъ именемъ старца Марка.

Вышеприведенныя письма Атанацковича къ Надеждину показываютъ, что сербскій епископъ живо заинтересовалъ

ся своими отношеніями къ русскому ученому. Но событія 1848 и 1849 годовъ, измѣнивъ положеніе Атанацковича въ средѣ австрійскихъ Сербовъ, прервали эту переписку въ самомъ ея началѣ. Книжка о раскольничкахъ осталась однакожъ яснымъ доказательствомъ тѣсной связи, существовавшей нѣкоторое время между обоими писателями.

*

Переходимъ къ письмамъ Вука Караджича къ Надеждину, относящимся къ богатому событіями времени, къ 1848—1851 г. г. Всѣхъ писемъ этой поры 27; всѣ они писаны изъ Вѣны, за исключеніемъ одного, отправленнаго изъ Праги во время перваго славянскаго съѣзда, происходившаго въ этомъ городѣ. Эти письма чрезвычайно любопытны, ибо въ нихъ довольно подробно разсказаны событія изъ исторіи народныхъ движеній въ австрійской имперіи. По этимъ письмамъ можно прослѣдить постепенно развивавшіяся и смѣнявшія другъ друга впечатлѣнія, которыя выносимы были Караджичемъ изъ тогдашней борьбы между нѣмецкими революціонерами, мадьярскими республиканцами и славянскими федералистами. Сперва событія, совершившіяся въ Вѣнѣ, возбуждаютъ въ Караджичѣ надежды чисто общечеловѣческаго свойства; потомъ, когда движеніе охватило всѣ земли имперіи, его ожиданія принимаютъ характеръ общеславянскій; въ разгаръ борьбы между Мадырами и южными Славянами, онъ становится на сторону послѣднихъ, и его сужденія принимаютъ болѣе опредѣленное направленіе. Но среди этой борьбы сталкиваются интересы сербскаго княжества, Хорватовъ и венгерскихъ Сербовъ, добивавшихся для себя образованія особаго воеводства, и мысли Караджича невольно склоняются на сторону Сербовъ, желанія становятся еще ограниченнѣе. Наконецъ въ судьбѣ самаго воеводства совершается поворотъ въ смыслѣ реакціи, начинаются несогласія между свѣтскою и церковною властію и возникаютъ ссоры

и прерѣканія между членами православной іерархіи, пользовавшейся въ то время почти неограниченнымъ вліаніемъ на народъ, — тогда прежнія надежды Караджича незамѣтно поглощаются мелкими и личными интересами, всплывшими на верхъ послѣ столь великихъ событій и погасившими собою первоначальное движеніе.

Мы приведемъ всѣ письма Караджича, послѣдовательно одно за другимъ. За три недѣли до февральской революціи, онъ пишетъ Надеждину изъ Вѣны, и ни одно слово въ его письмѣ не указываетъ на возможность близкихъ событий. Все это письмо проникнуто мирными учеными интересами. Вотъ оно въ русскомъ переводѣ:

1.

Милостивый государь Николай Ивановичъ.

Съ княземъ Михаиломъ Милошевичемъ-Обреновичемъ ¹³⁾ послалъ я Вамъ четыре листка изъ „Сербскаго Народнаго Листа“, которые прислалъ мнѣ Платонъ Атанацковичъ для передачи Вамъ. За нѣсколько дней передъ тѣмъ я передалъ М. Ѳ. Р. „Житіе архимандрита Зелича“ и въ немъ нѣкоторыя изъ тѣхъ пѣсенъ (сколько могъ достать), которыя пѣлись при насъ на сельской бесѣдѣ, и просилъ его послать Вамъ. На дняхъ онъ мнѣ сказалъ, что ужъ отправилъ ихъ съ случившимся курьеромъ; а потому, если вы не получите ихъ прежде сего письма, то отыщите.

Прошу васъ извѣстить меня, можетъ ли что произойти изъ предположеннаго путешествія нашего въ Боснію къ кислымъ водамъ. Мнѣ очень нужно знать напередъ о томъ. Если что нибудь будетъ, то не можете ли извѣстить меня: *когда* думаете прибыть сюда и *какимъ путемъ*? Если бы мы поѣхали и если бы хотѣли быть о Троицынѣ днѣ въ Тро-

¹³⁾ Третьимъ княземъ Сербіи, управлявшимъ ею дважды (1840—1842 и 1860—1868), въ описываемое же время жившимъ въ удаленіи отъ отечества.

ицкомъ монастырѣ, тогда бы намъ слѣдовало въ началѣ мая быть уже въ Бѣлградѣ. Если поѣдемъ вмѣстѣ, то не могли ли бы Вы вписать и меня въ свой паспортъ?

Прошу Васъ прислать мнѣ слѣдующія книги: 1) Псалтирь и другія книги изъ Стараго Завѣта въ русскомъ переводѣ; 2) сочиненіе Павскаго о русскомъ языкѣ; 3) сочиненіе Попова о Черногоріи (и другія, если еще кто нибудь писалъ о томъ же на русскомъ языкѣ). Правда, что прошу многого, но все таки прошу прислать, а я постараюсь отсюда отплатить Вамъ.

Не забудьте написать обѣщанную статью о нашемъ языкѣ и составленіи книгъ на немъ. Можетъ быть, Вы уже и приготовили ее?

Поздравляетъ Васъ г. Миклошичъ. Полагаю, что и онъ пошлетъ Вамъ вскорѣ кое-что изъ извѣстной Вамъ рукописи. Поздравьте отъ меня его свѣтлость князя Михаила и доктора Пацева, а также И. И. Срезневскаго и П. И. Кеппена.

Въ надеждѣ, что Вы отвѣтите на это письмо тотчасъ же и не забудете объ остальномъ и свидѣтельствуя Вамъ истинное почтеніе, остаюсь

Вукъ Стефановичъ Караджичъ
(Landstrasse № 362).

Въ Вѣнѣ, на Срътеніе 1848 г. (2-го февраля). (Все письмо собственноручное).

А съ Марта начались уже обширныя письма, въ которыхъ Караджичъ извѣщалъ Надеждина о вѣнскихъ событіяхъ, изъ коихъ длинныя писаны были рукою Даничича ¹⁴⁾, меньшія самимъ Вукомъ. Вотъ первый изъ нихъ:

2.

Въ Вѣнѣ, 6 марта 1848 г.

Что за нѣсколько недѣль передъ симъ произошло въ Парижѣ, отозвалось по-

¹⁴⁾ Тогда начинавшій сербскій филологъ, впоследствии профессоръ бѣлградскаго лица, нынѣ членъ и секретарь южнославянской академіи наукъ и искусствъ въ Загребѣ.

что во всѣхъ народахъ Европы. Французы никуда никого не посылали, не подбивали воздвигать мятежъ. Мысли, съ которыми они поднялись, не остались только въ нихъ, но полетѣли отъ сердца къ сердцу, и гдѣ нашли сочувственное себѣ сердце, тамъ и были приняты. Это самые искренніе мятежники, которые никого не боятся и которымъ никто ничего не сдѣлаетъ, ибо они отъ Бога: то-есть время, или духъ времени. Эти богатыри, которыхъ нельзя видѣть глазами, но которые стираютъ со свѣта всякое зло, явились и сюда въ Вѣну, и Вѣна взволновалась. Въ концѣ прошлаго мѣсяца уговорились между собою всѣ здѣшніе студенты и написали адресъ къ императору, въ коемъ просили уничтожить всякое зло въ его имперіи, а чего еще вѣтъ въ немъ добраго, то завести: просили отмѣнить цензуру, дать уложеніе согласное съ духомъ времени, устанавить отвѣтственность министровъ за ихъ дѣйствія, разрѣшить земскіе сеймы, на которые и простой народъ могъ бы присылать своихъ людей и на которые собирались бы не одни важные господа, да и тѣ не смѣя говорить и дѣйствовать за народъ, какъ бы слѣдовало и какъ бы хотѣли, при чемъ всякому бы свободно было входить въ судъ, когда тамъ разбираются дѣла, чтобы можно было видѣть, правильно ли поступаютъ судьи, — однимъ словомъ просили *свободы*. Точно такой же адресъ составили и нѣсколько тысячъ горожанъ и поднесли императору. Все это было наканунѣ понедѣльника (1-го марта), а въ понедѣльникъ господа должны были собраться на земскій сеймъ. Когда наступилъ понедѣльникъ и чины сошлись въ земскій домъ, то предъ нимъ собралась студентъ, а за ними громадная толпа всякаго рода людей, такъ что всѣ окрестныя улицы были заняты. Пока земскіе чины вели пренія, на улицахъ студентъ стали говорить народу о своемъ адресѣ къ императору, чего въ немъ искали и какъ нужно, чтобы всѣ

того просили. Одинъ изъ нихъ заговорилъ громко, приглашая всѣхъ слушать его, и только что онъ проговорилъ, какъ народъ со всѣхъ сторонъ потребовалъ, чтобы ближайшіе къ говорившему подняли его на плечи, дабы всѣ могли видѣть его и яснѣе понимать, что онъ говоритъ. Его приподняли, и молодой человекъ лѣтъ 22-хъ сталъ говорить приблизительно слѣдующее: „Я родомъ Полякъ, но не хочу говорить отъ имени Поляковъ, а отъ имени всѣхъ, кому дорога свобода“; за тѣмъ сталъ говорить, что по духу нынѣшняго времени никуда не годится тотъ способъ управления народомъ, какой господствуетъ у нихъ, и что всему тому виновникъ Меттернихъ; въ концѣ добавлялъ: „дай Богъ долгую жизнь нашему цезарю, который добръ и все дастъ, чего мы просимъ, но прежде всего да будетъ низверженъ и прогнанъ Меттернихъ!“ Пока Славянинъ этотъ говорилъ, народъ безпрестанно перебивалъ его рвѣе рукоплесканіями и криками: вѣрно! вѣрно! А когда кончилъ, со всѣхъ сторонъ закричали: браво! и за тѣмъ понесли его далѣе. Такимъ образомъ носили его изъ улицы въ улицу, и онъ говорилъ народу, чтобы искали себѣ правъ, согласныхъ съ духомъ нынѣшняго вѣка, подобно тому, какъ уже имѣютъ ихъ многіе другіе народы. Идя все далѣе, толпа пришла къ дому, гдѣ живетъ Меттернихъ, и здѣсь Полякъ этотъ сталъ страшно кричать противъ Меттерниха и порицать его; между прочимъ, указывая рукою на окна, онъ сказалъ: „а того, кто убиваетъ и пожираетъ народы, надо свергнуть и прогнать!“ Народъ и тутъ рукоплескалъ, крича: браво! За тѣмъ опять вернулись къ земскому дому. Члены сейма, чтобы усмирить народъ, велѣли прочесть предъ нимъ внизу, что они сами предложили императору, чего искали отъ него и что императоръ обѣщалъ исполнить законнымъ путемъ, и приглашали народъ успокоиться и разойтись по домамъ. Но студентъ, увидавъ, что напи-

сано было въ сеймовой просьбѣ, разодрали её на куски съ криками: „Нечего отлагать! Довольно было обмановъ! Пусть теперь же дадутъ требуемое!“ Такъ волненіе расло и усиливалось, и вскорѣ стали затворять лавки. Съ тѣхъ поръ какъ стоитъ Вѣна, въ ней не бывало такого волненія. Тогда по приказу двинулись всѣ находящіяся здѣсь войска къ городскимъ воротамъ, а къ половинѣ втораго пополудни разставлены были пушки по площадямъ, всѣмъ главнымъ мѣстамъ и улицамъ, городскіе же ворота были затворены: вонъ изъ города ¹⁵⁾ могли выходить кто хотѣлъ, но и то пускали по одному кивозъ лазейку, а внутрь никого не пускали. Тогда племянникъ (сынъ брата) императора, Альбертъ, который былъ военный правитель Вѣны, вышелъ съ гренадерами противъ людей, стоявшихъ предъ земскимъ домомъ, чтобы разогнать ихъ. Приблизившись къ толпѣ, онъ велѣлъ солдатамъ зарядить ружья пулями въ виду народу. Въ это время около головы Альберта пролетѣли осколки отъ различныхъ досокъ, особенно же отъ служившихъ надписями у лавокъ. Онъ разгнѣвался и приказалъ солдатамъ стрѣлять въ народъ, стоявшій предъ ними въ нѣсколькихъ шагахъ. Тѣ выстрѣлили; но къ счастью не всѣ хотѣли стрѣлять въ народъ, а пустили пули на вѣтеръ, и только четыре человѣка пали на мѣстѣ мертвыми, раненыхъ же было болѣе. Правда, студенты отняли у солдатъ нѣсколько ружей, но солдаты оттѣснили ихъ и прогнавъ пошли далѣе. До сихъ поръ никто изъ студентовъ и народа не думалъ о борьбѣ, но думали искать своихъ правъ словами. Когда же пролилась кровь, со всѣхъ сторонъ послышалось: „Что теперь дѣлать? Безъ оружія ничего не добьешься! Гдѣ оружіе?“

¹⁵⁾ Караджичъ разумѣетъ собственно такъ называемый *буръ*, гдѣ помѣщались дворцовыя и правительственныя зданія, въ то время обнесенныя бастіонами, нынѣ уже не существующими.

Тогда нѣсколько студентовъ бросились къ городскому арсеналу; но тамъ стояли пушки, густо окруженныя войсками. Они однакожъ ударили на нихъ съ голыми руками; но и здѣсь солдаты убили у нихъ нѣсколькихъ товарищей и нѣсколькихъ ранили. Отбитые отъ арсенала, чтобы еще болѣе раздражить народъ, они подняли всѣхъ своихъ убитыхъ и раненыхъ и понесли ихъ чрезъ толпу, показывая народу и призывая его къ отмщенію. Въ это время встрѣтился съ ними одинъ капитанъ на конѣ; студенты, увидавъ его, окружили и стащили съ коня, а на его мѣсто посадили одного изъ своихъ товарищей, раненаго въ голову и повели его въ такомъ окровавленномъ видѣ далѣе по улицамъ, которыя всѣ были переполнены народомъ. Народъ, не имѣя оружія, сталъ кричать: „Гдѣ городская стража? Пусть идетъ сюда!“ Не много спустя стали кой-гдѣ показываться граждане съ оружіемъ и въ своемъ военномъ одѣяніи. Гдѣ бы который изъ нихъ ни показался, народъ имъ со всѣхъ сторонъ рукоплещая кричалъ: „Враво! Да здравствуютъ граждане!“ И стало накопляться такихъ вооруженныхъ гражданъ все болѣе и болѣе. Большіе отряды солдатъ, одинъ за другимъ, ходили по городу; а народъ, гдѣ бы ихъ ни увидалъ, встрѣчалъ свистомъ. Въ тотъ день до сумрака императорскія войска кидались на народъ во многихъ мѣстахъ и между прочимъ убили двухъ гражданъ и одну госпожу, которая случилась тутъ. Народъ все болѣе и болѣе волновался отъ того и все болѣе кричалъ; особенно бранили и ругали эрцгерцога Альберта, называя его *Rosshube*, *Mörder*, *Spizhube*. Въ это самое время пришла вѣсть, что и простой народъ по предмѣстіямъ и около нихъ взволновался, и что всѣ императорскія заставы вдоль таможенной линіи зажигаетъ и раззоряетъ. Народъ въ городѣ, какъ криками на улицахъ, такъ и чрезъ своихъ депутатовъ, требовалъ отъ императора, чтобы войска его оставили го-

родъ, и чтобы гражданамъ дано было оружіе для охраненія порядка. Императоръ, видя, какъ народъ волнуется, приказалъ войскамъ успокоиться и занять главныя мѣста стражи, а городской арсеналь открытъ и раздавать оружіе студентамъ и гражданамъ. Въ стѣ съ тѣмъ, чтобы еще болѣе ублажить народъ, было объявлено, что Меттернихъ отрѣшенъ отъ министерства, а на мѣсто Альберта военнымъ правителемъ назначенъ Виндишгреецъ. Такъ народъ по немногу успокоился; но изъ того, чего онъ дѣйствительно искалъ, ничего еще не было дано. Когда стали спускаться сумерки, въ одномъ домѣ зажгли свѣчи на окнахъ. Студенты, увидавъ то, сильно обрадовались и стали кричать по улицамъ: „свѣчи на окна!“ Въ одну минуту зажжены были свѣчи по всѣмъ окнамъ въ цѣломъ городѣ, а гдѣ не было свѣчей, тѣ окна были выбиты съ улицы; такъ были выбиты окна во всѣхъ правительственныхъ домахъ, гдѣ находились различные суды и канцеляріи, въ полиціи, въ городскомъ судилищѣ, на почтѣ (въ нѣсколькихъ шагахъ отъ которой стояли двѣ пушки), въ придворной военной казармѣ (съ двухъ сторонъ, а съ третьей спереди нельзя было приступить, ибо тамъ стоялъ цѣлый лагерь конницы; съ другой же стороны и самыя рамы изъ оконъ выброшены), и въ самомъ императорскомъ дворѣ съ одной стороны, откуда можно было приступить. Только библіотеку никто не тронулъ. И такъ въ продолженіе цѣлой ночи по всѣмъ улицамъ двигался народъ вооруженный и невооруженный съ криками: „Да здравствуетъ свобода! Да здравствуетъ уставъ! Да здравствуетъ свободная печать!“

Во вторникъ разсвѣнувшее утро стало однако городскіе ворота затворенными, а на нихъ и по всѣмъ главнымъ мѣстамъ императорскія войска и пушки какъ накаунтъ, а на столбахъ прилѣпленные объявленія: одно отъ императора, въ коемъ письменно объявлялось

о Меттернихъ и Альбертѣ, что было заявлено еще ночью, и дозволялось студентамъ вооружиться и вмѣстѣ съ гражданами возстановить спокойствіе; а другое отъ новаго городского военнаго управителя Виндишгреца, въ коемъ строго напоминалось народу, чтобы онъ успокоился, а не ждалъ успокоенія отъ войскъ. Императоръ надѣялся погасить мятежъ силою, потому и назначилъ Виндишгреца на Альбертово мѣсто, ибо зналъ его какъ суроваго человѣка. Но и народъ зналъ его; а если бы и не зналъ, то узналъ бы по сему объявленію, и его объявленія всѣ были разорваны на куски. Народъ снова взволновался, опасаясь еще болѣе, чтобы Меттерниховъ образъ правленія не остался, хотя самъ Меттернихъ и палъ; и всѣ отъ мала до велика бросились къ арсеналу за оружіемъ: тутъ были адвокаты, дѣкары, журналисты, купцы, ремесленники, подмастерья и слуги, богатые и бѣдные, безъ различія языка и мѣста рожденія (я видѣлъ одного Араба въ отрядѣ); всѣ протискивались впередъ, чтобы прежде другихъ достать оружіе. Къ тремъ часамъ по полудни весь городской арсеналь былъ опорожненъ. Говорятъ, что всѣхъ людей, кто подъ ружьемъ, а кто и при сабляхъ, было до 40.000; однихъ только студентовъ было около 4000. Правда, не было ни у кого ни пороха, ни пуль, а у иныхъ даже и кремней, но у всѣхъ ружей были штыки, и если бы дошло до крайности, все таки съ ними было лучше, чѣмъ съ голыми руками. Какъ только 50—100 человѣкъ набирали оружіе, нѣсколько человѣкъ городской милиціи становились въ ихъ главѣ и вели черезъ городъ, а изъ города въ какое нибудь предмѣстіе и водили ихъ тамъ по улицамъ какъ патруль (чтобы простой народъ не учинилъ какой нибудь бѣды). Каждый изъ нихъ на лѣвой рукѣ повыше локтя имѣлъ по бѣлому банту. Какъ только народъ замѣтилъ это, не прошло и часа, а уже не было ни одного мужчины безъ такого знака.

Предъ каждымъ отрядомъ несли бѣлое знамя и гдѣ бы отрядъ ни прошелъ, толпа встрѣчала его рукоплесканіями и громкими криками: „браво!“ А женщины изъ оконъ кидали вѣнки, махали бѣлыми платками или, сдѣлавъ настоящія бѣлыя знамена, махали ими внизъ, а отрядамъ, не имѣвшимъ знаменъ, кидали ихъ. Когда увидали, какъ народъ вооружается и какъ волнуется весь городъ, предъ самымъ полднемъ выдали приказъ, чтобы войска вышли изъ города вмѣстѣ съ пушками и стали лагеремъ (между городомъ и предмѣстіями близъ дворца). Только у воротъ осталась значительная стража: всякій могъ и внутрь входить и вновь выходить, не пропускались только экипажи. Около полудня разнеслась вѣсть, что императоръ дозволилъ народное войско (національную гвардію) и свободную печать; а когда около 4-хъ часовъ прилѣплены были по улицамъ объявленія, что дозволено только народное войско, а о свободной печати ничего не было сказано, тогда по всему городу раздалось: „Обманъ! Не дадутъ намъ ничего!“ А многіе стали кричать: „На дворецъ!“ Императоръ, узнавъ о томъ, издалъ вечеромъ предъ самымъ наступленіемъ ночи новую прокламацію въ нѣсколько строчекъ объ отмініи цензуры и о томъ, что вмѣсто нея выйдетъ законъ о печати. Но и тѣмъ народъ былъ болѣе раздраженъ, чѣмъ успокоенъ: одни говорили, что отміною цензуры еще не дается настоящая свобода печати; другіе — что новые законы о печати могутъ быть хуже прежней цензуры; третьи — что императоръ не думаетъ ничего давать, но только обманываетъ ихъ, пока не соберутся войска (и дѣйствительно ихъ стали собирать изъ ближайшихъ мѣстъ, ибо въ Вѣнѣ было не болѣе 15,000 человекъ); но всѣ соглашались въ томъ, что прежде всего надо требовать настоящаго уложенія, по которому уже все можно будетъ получить. Вечеромъ опять по всему городу и предмѣстіямъ, на всѣхъ окнахъ зажжены были свѣчи, и даже

тамъ, гдѣ наканунѣ были выбиты окна. И эта ночь опять прошла въ крикахъ и движеніи по улицамъ, подобно предшествовавшей.

Въ среду предъ полуднемъ императоръ выѣхалъ въ открытомъ экипажѣ съ своимъ братомъ и наслѣдникомъ Францемъ Карломъ и его старшимъ сыномъ Іосифомъ¹⁶⁾ и проѣхалъ по всѣмъ главнымъ улицамъ до университета. Многіе изъ народа провожали его криками: „да здравствуетъ императоръ и уставъ!“ Также его встрѣтили и студенты подлѣ университета, откуда онъ, сказавъ имъ, чтобы были спокойны и что все будетъ исполнено, возвратился назадъ во дворецъ. Послѣ того около полудня вышелъ прямо отъ имени императора указъ, въ коемъ было сказано: 1) что подъ словами „цензура отмінена“ разумѣется, что дается свобода печати, и притомъ такая, какъ во всѣхъ земляхъ, гдѣ только печать свободна; 2) что составится народное войско и навсегда останется; 3) что намѣренъ дать своей имперіи *уставъ*, для чего и указалъ, чтобы собрались возможно скорѣе депутаты изъ всѣхъ австрійскихъ земель. Хотя еще былъ вопросъ, каковъ будетъ уставъ, но послѣ такого объявленія всѣ успокоились, видя, что дѣйствительно дана свободная печать, что опытные люди могутъ включить въ уставъ все, что необходимо дать народу; и видя, что народу роздано оружіе, говорили: „Въ случаѣ, если не будетъ дано добровольно что слѣдуетъ, того можно будетъ требовать силою“. Вечеромъ опять весь городъ и всѣ предмѣстія были освѣщены. Народъ почти цѣлую ночь въ радости расхаживалъ по всему городу.

Полчаса спустя послѣ того, какъ обнародовано было объявленіе устава, приехали изъ Пожуна депутаты отъ земскаго сейма и поднесли императору просьбу, чтобы далъ Венгріи министровъ, которые должны быть отвѣтственны за все, и кромѣ того уставъ всѣмъ наро-

¹⁶⁾ Нынѣшній императоръ.

дамъ своей имперіи. По этой просьбѣ мадыарское королевство получило министровъ, какихъ искало, а уставъ данъ былъ императоромъ еще до просьбы.

Въ четвергъ всѣ городскіе ворота были отворены, и при нихъ обычная стража, кромѣ дворцовыхъ воротъ, которые были затворены, а около дворца большая стража, такъ что никто не могъ войти туда. Въ этотъ день только вписывался народъ въ народное войско и въ радости ходилъ толпами по улицамъ съ оружіемъ и безъ оружія. Лавки почти всѣ были открыты, и экипажи уже ѣздили по городу. Вечеромъ опять и въ городъ и въ предмѣстіяхъ горѣли свѣчи на окнахъ, и новое народное войско въ дѣломъ составѣ шло съ знаменами и музыкой по всѣмъ главнымъ улицамъ; хотѣло было пройти чрезъ императорскій дворъ, чтобы показаться императору, но онъ приказалъ много благодарить за то и сослался на свою слабость, которая бы не позволила ему выстоять все время, необходимое для осмотра ихъ.

Въ пятницу все болѣе и болѣе возстановлялось и утверждалось спокойствіе. Однакожъ народное войско собиралось и приводилось въ порядокъ. Полуодни совершенны были похороны погибшихъ во время волненія. На восьми колесницахъ возложено было пятнадцать мертвецовъ въ самомъ глубокомъ траурѣ. Все новое народное войско и большая часть населенія проводили ихъ до гроба. Вечеромъ на окнахъ не горѣла свѣчи, ибо вышло приглашеніе отъ городского суда не дѣлать того, дабы скорѣе возвратился истинный миръ и порядокъ, и каждый занялся своимъ дѣломъ.

Сегодня въ субботу еще нельзя пройти чрезъ императорскій дворъ, и войска стоятъ еще лагеремъ у города. Бѣлые банты начинаютъ снимать всѣ, кто не записанъ въ народное войско. Въ понедѣльникъ студенты начнутъ свое ученье.

Если бы кому учинены были какой либо ущербъ или неправда за это время среди столь взволнованнаго народа, не было бы въ томъ никакого чуда; но чудно, что безъ полиціи и безъ всякаго напоминанія сохранился такой порядокъ и такъ всѣ смотрѣли другъ за другомъ, что болѣе и требовать нельзя. Въ нѣкоторыхъ предмѣстіяхъ и близъ нихъ простой народъ причинилъ довольно убытковъ и еще сегодня не совершенно отсталъ отъ того; но то было совсѣмъ другое волненіе, само по себѣ.

О Меттернихъ навѣрное неизвѣстно, гдѣ онъ: одни говорятъ, что убѣжалъ изъ Вѣны, а другіе говорятъ, что здѣсь, но скрывается. Къ вечеру и дворцовые ворота отворены. (Безъ подписи. Все письмо писано рукою Даничича.)

*

Слѣдующее письмо переноситъ насъ въ главный городъ чешскихъ земель, куда собрались важнѣйшіе представители всѣхъ австрійскихъ Славянъ на общій съѣздъ. Письмо это писано собственноручно.

3.

Въ Золотой Прагѣ, 24 Мая 1848 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

И я, какъ гость, прибылъ сюда на славянскій съѣздъ. Вчера Новосадскій протоіерей *Стаматовичъ*¹⁷⁾ здѣсь на конной площади у алтара св. Вячеслава служилъ нашу литургію, во время которой между остальными славянскими наизнаменитѣйшими людьми помянулъ явно Петра I-го, Жижку, Душана и Георгія Чернаго. Тысячи народа наполнили всю конную площадь, и тысячи глядѣли изъ оконъ. Около алтара съ передней стороны стояли маленькія дѣвочки въ бѣлыхъ платьяхъ, и когда Стаматовичъ, по совершеніи литургіи

¹⁷⁾ Одинъ изъ извѣстнѣйшихъ писателей сербскихъ, въ свое время, издававшій сборникъ «Сербская Пчела (1830—1841) и редактировавшій «Сербскую летопись» (1832).

и проповѣди, сталъ раздавать антидоръ, посыпали цвѣтами алтарь и мѣсто предъ онымъ. На возвратномъ пути оттуда всѣ кричали: „слава Славянамъ!“ а женщины и дѣвицы махали изъ оконъ платками. Взирая на то и слушая все, я часто думалъ, гдѣ Вы, да видите это чудо. Сербовъ съ Хорватами здѣсь не болѣе 30-ти; между ними кромѣ меня еще двое, какъ гости изъ Сербіи (свѣтликъ Лазарь Арсеньевичъ и секретарь Мариновичъ).

Между польскими депутатами находится и тотъ раскольничій попъ, который привезъ въ Буковину владыку изъ Турціи ¹⁸⁾.

Въ Карловцахъ Сербы избрали митрополита Раячича въ *патриархи* и полковника Шупляка *воеводою*; но будетъ ли это подтверждено и удержится ли, самъ Богъ знаетъ. Отыщите и прочитайте, что пишутъ о томъ въ *Ausserordentliche Beilage zur Allgemeine Zeitung* v. 31 Мая 1848. Ни Платонъ Атанацковичъ, ни Живковичъ не были въ Карловцахъ на этомъ соборѣ, за что противъ нихъ много кричатъ и вивать ихъ, что придерживаются Мадыаръ. Мадыарское министерство назначило Платону какую-то службу, а также и Іовану Хаджичу (Милошу Светичу) ¹⁹⁾.

По всей вѣроятности, Сербы и Хорваты подерутся съ Мадыарами.

Князь Милошъ изъ Вѣны отъѣхалъ въ Загребъ, а оттуда должно быть собрался въ Сербію; но къ нему не поставили стражу, такъ что никто не смѣетъ къ нему войти, ни отъ него выдти, и Пацекъ ²⁰⁾ съ нимъ! Князь Милошъ до сихъ поръ еще никогда не былъ задержанъ, какъ сталъ управлять

¹⁸⁾ Алямпій Милорадовъ.

¹⁹⁾ «Милошъ Светичъ» — литературное имя Іов. Хаджича, главнаго противника въ то время нововведеній Караджича въ сербское правописание, но имѣвшаго большую извѣстность какъ поэтъ, историкъ и юристъ. Онъ писалъ первые законы для Сербіи; умеръ въ 1869 году.

²⁰⁾ Родомъ Чехъ, секретарь и докторъ Милоша Обреновича.

сербскимъ народомъ, и Богъ знаетъ, чѣмъ это кончится. Какъ удалился изъ Сербіи, все былъ между иностранцами, которые не заботятся о нашихъ дѣлахъ и легко поддаются обману и подкупу; но теперь попалъ *своимъ* въ руки. И князь Михайлъ *) выѣхалъ куда-то ввизъ по Дунаю; сказываютъ, будто въ Новомъ Садѣ.

Я послалъ Вамъ чрезъ М. Ф. Р. одинъ экземпляръ Новаго Завѣта для Будянскаго и нѣсколько экземпляровъ брошюрки: „В. Лазичу II. и юш нешто“ ²¹⁾; надѣюсь, что Вы получили ихъ. Прошу Васъ, пришлите мнѣ ту книгу „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (кажется, за Февраль прошедшаго года), въ которой Срезневскій говоритъ о моемъ переводѣ Новаго Завѣта. Полагаю, что Вы можете поручить какому нибудь курьеру довести ее до Вѣны.

Чрезъ три—четыре дня я хочу отправиться отсюда въ Вѣну, а Стаматовичъ и прочіе останутся здѣсь долѣе. Прошу Васъ поздравить отъ меня Александра Максимовича ²²⁾. Стаматовичъ просилъ меня поздравить Васъ отъ его имени, что и исполняю. Вашъ, какъ и прежде, Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

Слѣдующее письмо опять писано большою частію рукою Даничича, и только конецъ его рукою самаго Караджича.

4.

Въ Вѣнѣ ¹⁹ іюля 1848 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Я писалъ Вамъ изъ Золотой Праги отъ 24 Мая по нашему календарю. Мнѣ очень жаль, если вы не получили того письма, ибо я писалъ Вамъ въ немъ много новаго. Еслибъ я писалъ его изъ

*) Ученикъ Вука Караджича. П. Б.

²¹⁾ Одна изъ полемическихъ брошюръ Караджича въ защиту его нововведенія въ сербскомъ правописаніи.

²²⁾ Княжевича.

Вѣны, то не опасался бы, что Вы его не получите.

Когда Папекъ съ княземъ Михаиломъ прибылъ сюда, онъ передалъ мнѣ только Ваше письмо къ архіереямъ на Іоническихъ островахъ, а письмо Ваше ко мнѣ въ торопяхъ (отъѣзжая съ княземъ Милошемъ), забылъ отдать и прислалъ мнѣ его за нѣсколько дней предъ симъ изъ Рохича, вмѣстѣ съ письмомъ къ Платону Атанацковичу. А потому и ни въ запискѣ, приложенной къ Новому Завету для Бодянскаго (передалъ М. Ф. Р.), ни въ письмѣ изъ Золотой Праги, не упоминалъ ни слова объ атомъ письмѣ Вашемъ отъ 26-го Апрѣля.

У насъ здѣсь такъ много новостей, что не знаю, съ чего начать сообщеніе свое Вамъ. Такъ начнемте съ Сербіи. Тамъ до сихъ поръ еще спокойно, но долго ли такъ будетъ, — Богъ знаетъ. Есть и тамъ люди, которые настаивали на войнѣ съ Турками; есть и такіе, которые желаютъ свободной печати, но все это до сихъ поръ правительствомъ сдерживало. Теперь о Петровѣ днѣ была скупщина въ Крагуевцѣ, но я думаю, что мало новаго могло быть принято тамъ. Вы знаете, что тамъ скупщины собираются не для того, чтобы наряжать и приказывать, какъ слѣдуетъ дѣйствовать, но для того лишь, чтобы выслушать, что сдѣлано или что задумано. Вучичъ²³⁾ оставилъ службу, но не знаю изъ за чего, и не знаю, былъ ли въ Крагуевцѣ на скупщинѣ. Българскія газеты однакожъ пишутъ противъ Мадьяръ безъ всякой цензуры (это Вы можете сами видѣть и полагаю, что замѣтили), а кто хочетъ, уходитъ въ Сремъ и Банатъ на помощь своимъ братьямъ противъ Мадьяръ. Въ Сремѣ²⁴⁾ весь народъ во-

оружился, а также по нѣкоторымъ мѣстамъ и въ Банатѣ, и Сербы уже сильно бьются съ Мадьярами. Главный лагерь ихъ у Карловцевъ, потомъ другой у Римскихъ Шанцевъ (близъ Тисы), третій подъ селомъ Перлезомъ, а четвертый между городами Вершцемъ и Панчовомъ²⁵⁾. Карловацкій вѣроятно и до сихъ поръ на своемъ мѣстѣ, благодарн сосѣдству Варадина, а остальные можетъ быть и подвинулись куда нибудь впередъ, ибо рассказываютъ и въ газетахъ пишутъ, что дрались съ мадьярскимъ войскомъ въ Банатѣ около Вершца, а въ Бачкѣ²⁶⁾ у села Сентомаша (недалеко Новаго Сада) и еще около Сегедина. Вы видите, что и я настоящимъ образомъ не знаю, но говорю по слухамъ; да трудно и знать, ибо никто не смѣетъ ничего написать чрезъ мадьярскую землю. Новосадскихъ газетъ уже давно не получаемъ, а вотъ третій день какъ не приходитъ сюда и землинская почта; не имѣемъ также и българскихъ газетъ, а пароходы давно уже не ходятъ далѣе Осека. Всѣхъ Сербовъ противъ Мадьяръ, взятыхъ вмѣстѣ, будетъ не менѣе 30,000, между коими повсюду не мало Сербіанцевъ²⁷⁾. Пушекъ у нихъ довольно, но главное несчастье въ томъ, что не имѣютъ способныхъ старѣйшинъ, которые были бы опытны въ военномъ дѣлѣ, а главнаго начальника (кромя патріарха Раячича) не имѣютъ никакого. Хорваты сначала много обѣщали, но все еще уклоняются отъ битвы, говоря, что ихъ на Дравѣ стоитъ противъ Мадьяръ довольно, но еще нигдѣ не побились съ ними; по всей вѣроятности они хотѣли бы скорѣе помириться съ Мадьярами, чѣмъ сражаться. Я полагаю, что главная причина такому хор-

ловцы, мѣстопребываніе патріарховъ сербско-австрійскихъ.

²³⁾ По нижнему теченію Дуная.

²⁶⁾ Западная часть Баната, гдѣ Новый Садъ.

²⁷⁾ Такъ обыкновенно называютъ жителей Сербскаго княжества въ отличіе отъ остальныхъ Сербовъ.

²³⁾ Сербскій старѣйшина, виновникъ изгнанія обонхъ Обрезовичей изъ Сербіи и возведенія на ихъ мѣсто Александра Кара-Георгиевича.

²⁴⁾ Край, лежащій между Савою и Дрлвою при ихъ впаденія въ Дунай; здѣсь Фрушка гора съ сербскими монастырями и Бар-

ватскому колебанію заключается въ томъ, что у нихъ *господа* управляютъ народомъ; а у насъ народъ управляетъ самъ собою. Раяичъ съ депутаціей ѣздилъ въ Инспрукъ, прося императора подтвердить избраніе его сербскимъ народомъ, но императоръ оговъчалъ имъ, что онъ не можетъ того сдѣлать, ибо соборъ ихъ былъ противозаконный и дѣйствовалъ подъ влияніемъ чужихъ людей изъ Сербіи; и нынѣ дней за десять предъ симъ депутація возвратилась въ Карловцы. Императоръ лишилъ было бана Елачича его званія особымъ указомъ, а когда потомъ Елачичъ явился въ Инспрукъ, опять его приняли какъ бана, и какъ банъ вернулся онъ оттуда и управляетъ и повелѣваетъ въ Хорватіи. Хорваты желаютъ быть съ Мадырами подъ однимъ министерствомъ военныхъ дѣлъ и финансовъ; но оба эти министерства будутъ въ Вѣнѣ—общія для всей австрійской имперіи. И по другимъ причинамъ правительству должно быть приятно, что Сербы и Хорваты возстали на Мадыръ; только оно не хочетъ (а вѣрнѣе сказать и не можетъ) помочь никому, но само ждетъ, чтобъ каждый помогъ себѣ и ему. Дѣя славянскаго дѣла въ Венгріи опаснѣе всего то, что вслѣдствіе колебанія Хорватовъ нѣтъ никакого успѣха, а въ это время Мадыры приготавливаются; народу же нашему можетъ это служить во вреду, или ослабить его духъ.

Я писалъ Вамъ изъ Золотой Праги, какъ князь Милошъ задержанъ въ Загребѣ. И князь Михаилъ отправился было внизъ по Дунаю въ Новый Садъ; но когда къ нему прислали туда своихъ людей Русскій консулъ и Турецкій паша изъ Бѣлграда, прося его удалиться отъ границъ Сербіи, дабы тамъ не произошло какихъ либо безпокойствъ, онъ уѣхалъ въ Загребъ и постарался объ освобожденіи отца. Когда князь Милошъ вышелъ изъ подъ стражи и поѣхалъ въ Инспрукъ, то объявилъ, что Гай за тѣнадцать дней, которые онъ провелъ подъ стражей, ограбилъ его на

27.000 флоринновъ серебромъ (прежде, говорятъ, выманилъ у него 5000 флоринновъ, будто бы для отдачи окружающимъ бана, а послѣ 2000 дукатовъ и тринадцать банковыхъ билетовъ, по тысячѣ флоринновъ каждый, будто бы для самого бана). По этому дѣлу происходили различныя судебныя слѣдствія и въ Загребѣ, и въ Инспрукѣ; но Гай говоритъ, что все это не правда, что князь нагналъ на него. Какъ бы то ни было, но этотъ случай много повредилъ Гаю, а также и народу,—на сколько ему Гай могъ при нынѣшнемъ положеніи помочь своимъ трудомъ. Гай нынѣ съ своимъ семействомъ находится въ селѣ Быстрицѣ, и только по имени „minister exterrorum“. Князь Милошъ изъ Инспрука возвратился въ Ишль, оттуда прибылъ въ Бѣну и теперь находится въ Баденѣ; но я еще не видалъ его послѣ возвращенія изъ такого странствія. Князь Михаилъ въ Рохичѣ, на кислыхъ водахъ близъ Циали.

Я писалъ Вамъ изъ Золотой Праги, что Платонъ Атанацковичъ въ службѣ у Мадырскаго министерства (какъ начальникъ бюро въ отдѣленіи законовъ и управленія школами нашего народа и получаетъ 3500 серебряныхъ флоринновъ въ годъ), а потомъ былъ наименованъ владыкою Бачской епархіи, но не былъ тамъ, да и не смѣетъ теперь идти туда. Въ сію ночь былъ у меня сынъ его Вася, и я передалъ ему Ваше письмо, а онъ мнѣ принесъ отъ своего отца „Повѣсть о раскольницѣхъ“, и это можетъ бытъ единственная книга, напечатанная въ Будимѣ съ тѣхъ поръ, какъ начались безпокойства; да и въ другихъ мѣстахъ мало что печатаютъ. Вася мнѣ сказалъ, что принесетъ и для Васъ нѣсколько экземпляровъ этой книжки, а я постараюсь послать ихъ Вамъ чрезъ здѣшнее русское посольство.

Получивъ Ваше письмо, я снова говорилъ съ г. Маклошичемъ о перепискѣ известной Вамъ греческой рукописи, и нынѣ это дѣло опять подвинулось нѣсколько впередъ, какъ можете усмот-

рѣтъ изъ приложеннаго при семъ письма г. Миклошича. Если Вы не получили моего пакета съ „Житіемъ архимандрита Зелича“ и прочаго, о чемъ я писалъ какъ о посланномъ къ Вамъ, то требуйте отъ М. Ф. Р.: ибо я отдалъ пакетъ ему въ руки, и онъ на мою просьбу общалъ еще разъ его перевязать, запечатать своею печатью и надписать своею рукою на Ваше имя.

Сколько и могъ узнать до сихъ поръ, на Іоническихъ островахъ имѣется семь православныхъ епархій: 1) Кефалонія (130,000 душъ, имени владыки не умѣли сказать имъ); 2) Корфу (95,000 душъ, выѣшній владыка Хрисанъ); 3) Занте (45000 душъ, имени владыки не могъ узнать); 4) Итака (13,000 душъ, владыка Паисій); 5) Св. Мавра (25 т. душъ, владыка Макарій); 6) Черига (10,000 душъ, имени владыки не знаю); 7) Пакси, (9000 душъ, владыка Хрисанъ). Первые трое называются митрополитами, и послѣ пяти лѣтъ каждый изъ нихъ бываетъ экзархомъ; пятый и шестой называются архіепископами, а четвертый и седьмой только епископы. О другихъ титулахъ ихъ ничего не могъ узнать кромѣ того, что митрополиты и архіепископы именуется пангіеротати, а епископы теоѳилестати; я знаю, что Вы были бы рады узнать и другіе титулы ихъ, и постараюсь разузнать, если возможно и если они ихъ имѣютъ.

Я писалъ Вамъ изъ Золотой Праги, что тамъ на сѣздѣ былъ тотъ раскольничій малый попъ, который привелъ владыку изъ Цареграда; а теперь слышу, что его владыка все еще здѣсь въ Вѣнѣ.

Читали ли Вы въ какихъ либо газетахъ манифесты славянскаго сѣзда къ Европѣ и къ австрійскому императору? Стоитъ, чтобы Вы прочитали: *Slawenkon-gress und die neuesten Ereignisse in Prag, von Dr. Malisz (Manheim)*. Если бы я зналъ, что такія вещи свободно посылать къ Вамъ, и если бы Русскому посольству поручено было отсюда принимать отъ меня всякіе пакеты для Васъ, я

бы охотно посылалъ Вамъ и такія вещи и другія печатныя бездѣлицы, которыя, полагаю, Вы съ удовольствіемъ читали бы тамъ и быть можетъ посмѣялись надъ ними.

О черногорскомъ владыкѣ ничего не слышно. Сказываютъ, что тысяча Черногорцевъ идетъ на помощь Сербамъ и Хорватамъ; но это только разговоры и я не вѣрю, чтобъ было истиной. Они бы рады придти, но путь далекъ и тяжекъ. Въ Босніи до сихъ поръ все спокойно.

И австрійскій сеймъ теперь открылся. Депутатовъ гораздо болѣе Славянъ, чѣмъ Нѣмцевъ; и Миклошичъ депутатъ и Палацкій; и Шафарикъ былъ избранъ, но не принялъ выбора. Нѣмцы сердятся на Славянъ, но не помогаютъ имъ и только сами себя вредятъ, наталкивая на любовь къ Русскимъ и такимъ Славянъ, которые прежде о Русскихъ нисколько не мечтали. Славяне однако думаютъ, что австрійская имперія должна раздѣлиться на малыя страны по племенамъ, которыя внутри управлялись бы сами по себѣ, а ради общихъ договоровъ между собою сходились бы въ Вѣнѣ на сеймъ подъ австрійскимъ императоромъ. И то Нѣмцамъ очень противно; но имъ еще противнѣе, что австрійскіе Славяне ничего не хотятъ знать о франкфуртскомъ парламентѣ и „*innigen Anschluss an Deutschland*“. Того ради можетъ быть въ Вѣнѣ будутъ еще волненія.

Вученята очень Вамъ благодарны за привѣтствіе: Радичевичъ отъѣхалъ въ Сремъ, а Данпичъ здѣсь и, замѣняя мои глаза, пишетъ Вамъ это письмо (онъ былъ со мной въ Золотой Прагѣ, но я уѣхалъ оттуда въ первый день Троицы вечеромъ, а онъ остался тамъ и выѣхалъ восемь дней спустя).

Ни по Савѣ, ни по Дунаю нѣтъ теперь съ австрійской стороны никакой стражи, ибо Граничары ушли на Мадьяръ, а изъ Сербіи переходятъ въ Сремъ и Банатъ, гдѣ и когда кто хочетъ ²⁸⁾.

²⁸⁾ До сихъ поръ писано рукою Даничица.

А теперь и я напишу Вамъ что нибудь своей рукой.

Ваши слова: „пишите обо всемъ, что Вамъ понадобится; *мы съ своей стороны* рады стараться о Вашемъ удовольствіи“, даютъ мнѣ свободу просить Васъ о большомъ и очень большомъ. Не трудится ли Александръ Максимовичъ исходатайствовать мнѣ прибавку къ пенсіи? Я знаю, что русское царство богато и очень богато; знаю, что и царь русскій „щедръ и милостивъ“, только не имѣю, кто бы похлопоталъ за меня, подобно тому какъ сказалъ Христу болящій у купели Сплоамской, что не имѣетъ челоуѣка, который бы опустилъ его въ воду. Я надѣялся на покойнаго Дмитрія Максимовича ²⁹⁾, какъ и писалъ ему предъ смертью его, которое письмо должно находиться у Александра Максимовича, ибо послано чрезъ него; а потерявъ его, на кого бы другаго имѣлъ большее право надѣяться, какъ не на брата его? Я не желаю этой прибавки только для того, чтобы существовать, ибо жить такъ какъ теперь я могу и безъ нея (а вѣроятно и не заживусь долго, ибо мнѣ теперь уже 61-й годъ), но желаю ее, дабы имѣть возможность принести еще болѣе добра сербству и славянству. Если бы мнѣ прибавили 200 дукатовъ къ нынѣшней пенсіи (при чемъ я получалъ бы отъ Россіи по 300 дукатовъ въ годъ), какъ получаютъ Протичъ и Радичевичъ ³⁰⁾, тогда бы я всякое лѣто странствовалъ среди нашего народа и по всѣмъ его краямъ. Что касается помощи, какую бы оказала эта прибавка мнѣ и нашей литературѣ, то было бы много и премного; но что касается Россіи и значенія Александра Максимовича, то полагаю, что она не такъ велика, чтобы онъ не могъ ей исходатайствовать, а въ *нынешнее время* можетъ быть легче, чѣмъ въ другое. Если же къ моему и нашей

литературы несчастію, это будетъ невозможно (чему не могу вѣрить), то Вы постарайтесь о чемъ либо другомъ, дабы я могъ пользоваться какимъ нибудь покровительствомъ отъ Россіи, какъ мы говорили здѣсь о томъ въ прошлую зиму. Но если и это невозможно, то мы останемся и будемъ дѣйствовать, какъ и доннынѣ. Только прошу, чтобы ни Вы, ни Александръ Максимовичъ не разсердились за это письмо. Черногорцы говорятъ: „да что у меня противъ тебя, когда ищешь моей помощи въ бѣдѣ“?

Нынѣ мой главный трудъ — второе изданіе Словаря (въ которомъ будетъ около 15.000 новыхъ словъ); кромѣ того имѣю готовыми къ печати: четвертую книгу народныхъ пѣсень, одну книгу народныхъ сказокъ, новое изданіе пословицъ (умноженное двумя тысячами ихъ), исторію Карагеоргіева времени. Если дождусь изданія Словаря, то намѣренъ переселиться тогда въ Сербію, а изъ мелкихъ сочиненій надѣюсь кой-что напечатать и прежде Словаря (сказки сталъ печатать бы и теперь, еслибы не эти волненія).

Я просилъ Васъ въ письмѣ изъ Золотой Праги, чтобы Вы мнѣ выслали ту книгу „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, въ которой Срезневскій говоритъ о моемъ переводѣ Новаго Завѣта.

Сего дня (1^{3/4} іюля) рассказываютъ вѣрное, что Хорваты перешли чрезъ Драву и разбили Мадыаръ: одинъ конный полкъ съ мадыарской стороны, какъ только увидалъ хорватское регулярное войско (Граничаръ), не захотѣлъ биться и перешелъ къ Хорватамъ. Банъ былъ недавно въ Карловцахъ. Если Сербы и Хорваты станутъ дѣйствовать согласо, Мадыары пропали, и Венгерское королевство совершенно преобразится.

Теперь съ Богомъ! Если впредь произойдетъ что нибудь особенно важное, сообщу Вамъ тотчасъ же.

Вашъ истинный почитатель Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

²⁹⁾ Княжевичъ, бывшій полечитель одесскаго учебнаго округа.

³⁰⁾ Министры во время перваго управленія Сербіей князя Михаила Обреновича III-го, удалившіеся изъ отечества вѣсть съ княземъ.

5.

Милостивый государь Николай Иванович!

Надѣюсь, что Вы получили мое письмо отъ 10-го сего мѣсяца. Съ тѣхъ поръ у насъ здѣсь ничего особенно новаго не случилось.

Съ этимъ письмомъ посылаю Вамъ чрезъ здѣшнее русское посольство шесть экземпляровъ „Повѣсти о раскольничѣхъ“; если оно приметъ отъ меня ихъ и пошлетъ Вамъ, то другой разъ отправлю еще столько.

Прошу Васъ поручить меня вниманію Александра Максимовича и любезно поздравить отъ меня И. И. Срезневскаго.

Я думаю на этихъ дняхъ отправиться въ Триестъ, чтобъ видѣть сына своего Дмитрія, вмѣстѣ съ тѣмъ и покупаться въ морской водѣ. Не забуду и о владыкахъ Ионическихъ острововъ, если можно будетъ узнать что либо о нихъ.

По возвращеніи изъ Триеста надѣюсь застать здѣсь Вашъ отвѣтъ на помянутое письмо мое отъ 10-го сего мѣсяца.

Вашъ, какъ и прежде, Вукъ Стефановичъ Караджичъ

Въ Вѣнѣ 30-го іюля (нашего) 1848 г.
(Все письмо собственноручное).

6.

Въ Вѣнѣ 17 сентября 1848 г.

Милостивый государь Николай Иванович!

Я послалъ Вамъ большое письмо 10-го іюля по нашему календарю, но, не имѣвъ чести до сихъ поръ получить какой либо отвѣтъ, не знаю, дошло ли оно до Васъ.

Съ тѣхъ поръ въ здѣшнихъ происшествіяхъ особенно новаго то, что банъ Елачичъ за нѣсколько дней предъ симъ перешелъ съ Граничарами Драву и ударилъ на Мадьяръ. Все остальное почти по прежнему: наши православные (Сремцы, Бачване и Банатчане, между коими отъ 6 до 7.000 Сербіанцевъ) оказали чудеса храбрости противъ Мадьяръ (по двѣ, по три тысячи ихъ защища-

лись и отбивались отъ тридцати тысячъ Мадьяръ, теперь же ударили на нихъ, идутъ наступательно). Если Елачича не смѣнятъ отсюда, чему, какъ слышно, здѣсь были бы очень рады, то недѣли черезъ три онъ подойдетъ къ Будиму, а наши съ другой стороны къ Пешту. Мадьяры перепуганы и сами не знаютъ что имъ дѣлать; теперь свергли Кошута и остальныхъ министровъ кромѣ Батіани, который набираетъ новыхъ и старается поднять весь народъ (Landsturm) противъ Сербовъ и Хорватовъ; но и это ему не много поможетъ. Рассказываютъ, что и Словаки поднимаются; да и Румыны въ Трансильваніи не спокойны.

Нашъ Платонъ въ очень дурномъ положеніи. Мадьярское министерство назначило его не только владыкою въ Бачку, но и намѣстникомъ митрополита (ибо Раячича оно свергло); а тотъ не смѣетъ двинуться ни шагу впередъ, да и наши сильно грозятъ ему. Патріархъ Раячичъ держитъ себя очень хорошо: переѣзжаетъ отъ лагеря къ лагерю, возбуждаетъ храбрость въ народѣ и дѣйствуетъ письмами на всѣ стороны. Шупликацъ не прибылъ изъ Италіи. Гай пропалъ совсѣмъ: теперь его обвиняютъ за то, что когда Елачичъ отдалъ его отъ себя, онъ тайно ѣздилъ въ Будимъ и договаривался съ мадырскими министрами. Въ Сербіи мирно: сказываютъ, что на прошедшей скупщинѣ партія Вуччча восторжествовала. Стояня Симичъ, бывший президентомъ въ Совѣтѣ, долженъ былъ выйти въ отставку и удалиться въ Малую Валахію; а совѣтникъ Стефанъ Кничанинъ перешелъ въ Бавать и воюетъ противъ Мадьяръ.

Князь Милошъ уѣхалъ куда-то въ Германію, кажется съ цѣлю пробраться оттуда къ Вамъ; но думаю, что скоро вернется сюда ³¹⁾. Князь Михайлъ здѣсь.

³¹⁾ Милошъ Обреновичъ дѣйствительно перѣхалъ въ Россію, жилъ сперва въ Петербургѣ, потомъ на югъ Россіи. Въ Петербургѣ онъ впервые видѣлся съ императоромъ Ни-

Онъ много помогалъ народу при нынѣшнихъ событіяхъ: Хорватамъ пожертвовалъ 2000 флориновъ, на раненыхъ Сербовъ 1000, а Словакамъ, которые наибѣднѣйшій народъ, далъ много, много болѣе, чѣмъ все то. Говорилъ мнѣ, чтобы я поздравилъ Васъ отъ его имени и спрашивалъ: не можете ли Вы узнать отъ поручика Чиркова, что сдѣлалось съ тою картою нашихъ земель?

Г. Миялошичъ говоритъ, что переписка рукописи подвигается прилично, но удивляется, что отъ Васъ нѣтъ никакого извѣстія; и я прошу Васъ отвѣчать мнѣ хоть въ нѣсколькихъ словахъ, дабы я зналъ, что Вы приняли мои письма и дабы мнѣ пріятнѣе было опять писать къ Вамъ. Слышалъ, что М. Ф. Р. скоро прибудетъ сюда; надѣюсь, что онъ привезетъ съ собой письмо отъ Васъ. Еслибы это письмо застало его еще тамъ, то прошу Васъ сказать ему, чтобы не увѣжалъ, не сдѣлавши чего нибудь для монастыря Драговича ³²⁾ и не собравъ тѣхъ книгъ, одеждъ и сосудовъ, которые я по его порученію обѣщалъ недостаточнымъ церквамъ.

6 сентября.

Говорятъ, что Мадьярскій народъ вездѣ встрѣчаетъ Елачича криками *слуп*, (живіо), а мадьярское народное войско (около 10000), которое стояло на Дравѣ, чтобы помѣшать его переходу въ Мадьярское королевство, Богъ знаетъ куда побѣжало. Въ эту ночь отправились отсюда на родину нѣсколько сотъ Словаковъ чрезъ Моравію, чтобы поднять свой народъ на Мадьяръ; во главѣ ихъ стали Штуръ, Гурбанъ и Ходжа (эти три Словака были на пражскомъ съѣздѣ между знатнѣйшими Славянами) ³³⁾.

колаки, предъ которымъ былъ такъ очеркнень виѣшними и внутренними врагами въ 1836—39 годахъ. Въ Сербіи ходятъ любопытныя разсказы какъ объ этомъ свиданіи, такъ и о пребываніи Милоша въ Россіи. Желательно было бы знать о томъ же изъ разсказовъ русскихъ очевидцевъ.

³²⁾ Въ Далмаціи.

³³⁾ Всѣ три извѣстнѣйшіе писатели между словацкими патриотами. Штуръ и Ходжа умер-

Вотъ уже нѣсколько дней, какъ здѣсь сильно волнуются Нѣмцы по поводу народнаго флага: многіе хотятъ австрійскіе цвѣта (черный и желтый), а молодежь хочетъ нѣмецкихъ (черный, красный и желтый). У многихъ по улицамъ насильно отнимали австрійскій флагъ; а сегодня можетъ произойти и драка за то: ибо вчера было объявлено, что сегодня на всѣхъ домахъ должны быть выставлены флаги съ австрійскими цвѣтами. Все войско (регулярное) стоитъ за австрійскій флагъ, а также и всѣ Славяне. Сегодня пріѣзжаетъ сюда Мадьярская депутація, не къ императору или министерству, но къ нѣмецкому народу, съ жалобой, что Сербы и Хорваты направлены противъ Мадьяръ (за нѣсколько дней предъ симъ была подобная же депутація изъ двухъ сотъ человекъ у императора, но ничего не добились). Если случится что либо особенное, напишу Вамъ тотчасъ же.

Сказываютъ, что и черногорскій владыка посылаетъ нѣсколько тысячъ Черногорцевъ на помощь противъ Мадьяръ; но я не вѣрю, ибо и далеко, и было бы дорого идти моремъ.

Напомните обо мнѣ Александру Максимовичу и поклонитесь отъ меня И. И. Срезневскому, а также пишите по скорѣе Вашему давнему почитателю Вуку.

P. S. Не забудьте послать мнѣ ту книгу „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“, гдѣ Срезневскій говорить о моемъ переводѣ.

(Все письмо собственноручное).

7.

Въ Вапъ 23 сентября (нашего) 1848.

Милостивый государь Николай Ивановичъ.

Надѣюсь, что Вы получили мое письмо отъ 10 іюля, (которое я ¹³/₁₂ подалъ на почту), и другое отъ 30 того же мѣсяца, которое, съ шестью книжками: „О раскольницѣхъ“, въ тотъ день было отдано

ли; Гурбанъ недавно еще претерпѣлъ новое гоненіе отъ Мадьяръ

въ здѣшнюю канцелярію русскаго посольства; потомъ и опять Вамъ писалъ отъ 6-го сего мѣсяца, а отъ Васъ до сихъ поръ не получилъ никакого письма, кромѣ посланнаго съ докторомъ Падевомъ, и все таки не перестаю Вамъ писать.

Мадьяры выслали своего палатина ³⁴⁾ противъ Елачича, принять главное управленіе надъ войскомъ, но онъ оттуда ушелъ (чтобы не сказать убѣжалъ) въ Вѣну и подалъ отставку. Поэтому императоръ поставилъ графа Майлата временнымъ намѣстникомъ палатина, а генерала графа Ламберга, (который до тѣхъ поръ былъ въ Пожунѣ) королевскимъ комиссаромъ надъ своимъ войскомъ въ мадьярскомъ королевствѣ (также и надъ Граничарами), и повелѣлъ ему тотчасъ же учинить перемиріе между Мадьярами и Славянами, а потомъ стараться о совершенномъ примиреніи ихъ. Когда Ламбергъ прибылъ въ Будимъ съ императорскимъ манифестомъ, Мадьяры схватили его въ полдень на мосту (встрѣтивъ его бѣгущимъ изъ Будима въ Пештъ) и *убили*, потомъ волочили его (можетъ быть еще полуживаго) по многимъ улицамъ Пешта, похваляясь своимъ героизмомъ и таковымъ счастіемъ. По сему здѣшнее правительство должно было явно признать Мадьяръ бунтовщиками, и императоръ третьяго дня (по сегодняшнимъ газетамъ) назначилъ хорватскаго бана Елачича гражданскимъ и военнымъ губернаторомъ надъ цѣлымъ Мадьярскимъ королевствомъ, и сказываютъ, что войска, стоящія въ Австрійскихъ герцогствахъ, Крайнѣ и Моравіи, получили уже приказъ идти въ Венгрію. О Хорватахъ извѣстно, что къ сегодняшнему дню навѣрное должны быть въ Мартонъ-Вашаръ (въ четырехъ часахъ отъ Будима). Мадьяры призываютъ народъ къ

³⁴⁾ До 1848 года главными правителями Венгріи были палатины, намѣстники королей, бывшихъ въ то же время сперва германскими потомъ австрійскими императорами. Палатиномъ всегда бывалъ ближайшій родственникъ императора; въ 1848 г. эрцгерцогъ Стефанъ.

оружію и грозятъ смертію всякому, кто бы послушался чьего либо приказанія, противнаго интересамъ ихъ земли. Графа Евгенія Зича, который былъ адъютантомъ у палатина, *повѣсили*: ибо, какъ говорятъ, стало извѣстно, что онъ былъ въ договорѣ съ баномъ и австрійскимъ правительствомъ. Изъ Пешта и Будима всѣ зажиточные люди при первой возможности бѣгутъ въ Моравію. Около 5000 хорватскаго войска пришло въ Дюръ (Раабъ). Теперь вѣроятно будетъ легче нашимъ бѣднымъ православнымъ въ Бачкѣ и Банатѣ, которые до сихъ поръ много претерпѣли, но со славою удержались: Мадьярскія войска и въ другой разъ ударили на Сентомашъ; самъ министръ Мессарошъ управлялъ ими, но имѣли судьбу, горшую прежней: ибо наши отняли у нихъ болѣе десяти лушекъ и побили много и много людей. Словаковъ Мадьяры отбили назадъ, въ Моравію; не знаю, удастся ли имъ поправиться. Этихъ новостей пока достаточно.

Гдѣ М. Ф. Р.? Давно уже говорятъ, что скоро будетъ, а его еще нѣтъ! Когда пришлете мнѣ ту книгу „Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія“ (за Февраль мѣсяць), въ которой Срезневскій говоритъ о моемъ переводѣ Новаго Заветъ? Опять прошу Васъ не забыть о томъ. Написали ли вы что нибудь о нашемъ языкѣ? Если написали и напечатали ³⁵⁾, то прошу Васъ и то мнѣ послать.

Избранный въ прошломъ году въ Карловцахъ воевода Шупликацъ прибылъ изъ Италіи и теперь должно быть уже между Сербами (Какъ мѣняются дѣла!).

Переписка греческой рукописи идетъ впередъ; Миклошичъ удивляется, что отъ Васъ нѣтъ никакого отвѣта.

Не забывайте и меня! Поручите меня вниманію Александра Максимовича. Онъ можетъ все сдѣлать, только Вы напоминайте ему, какъ нѣкогда П. И. Кеппенъ напоминалъ А. С. Шишкову, пока тотъ

³⁵⁾ До сихъ поръ рукою Даничича, далѣе самого Караджича.

не исходатайствовалъ мнѣ нынѣшнюю пенсію. Что теперь трудно исходатайствовать прибавку къ моей пенсіи, я знаю то и самъ; но что трудно, то не всегда невозможно, и еслибъ не было трудно, то не зачѣмъ было бы хлопотать о томъ такимъ людямъ, какъ Вы и Александръ Максимовичъ.

Я теперь больше всего работаю надъ Словаремъ и думаю, если Богъ дастъ, печатать его не далѣе какъ черезъ годъ, а до тѣхъ поръ, надѣюсь, выйдетъ и еще чтонибудь. Съ Богомъ!

Вашъ, какъ и прежде, Вукъ Стефановичъ Караджичъ

Жена моя и Мина любезно поздравляютъ Васъ, и всѣ мы желаемъ знать, какъ Ваше здоровье.

P. S. (Съ боку снова рукою Даничи-ча). 25 Сентября. Это письмо было послано вчера на почту, но не могло быть подано, потому что здѣсь произошелъ мятежъ, какого до сихъ поръ не было: дрались и солдаты съ солдатами, и солдаты съ Вѣнцами, и Вѣнцы между собой; военный министръ повѣшенъ на одномъ фанарѣ близъ дворца. Спокойствіе еще не возстановилось, а потому и не знаю, будетъ ли послано Вамъ и сегодня это письмо. Имперскій сеймъ здѣшній требовалъ отъ императора, чтобы онъ отиѣнилъ тотъ манифестъ, ко зрымъ назначилъ Елачича въ губернатоу въ Венгрію. Богъ знаетъ что будетъ!

8.

Въ Вѣнѣ $\frac{1}{8}$ октября 1848 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Вчера получилъ Ваше письмо отъ 20 прошлаго мѣсяца. Не могу Вамъ сказать, какъ мнѣ пріятно, что Вы получили всѣ мои письма: отнынѣ мнѣ будетъ еще пріятнѣе писать къ Вамъ.

Съ этимъ письмомъ посылаю Вамъ еще шесть экземпляровъ книжки „О раскольницѣхъ“. Платонъ по всей вѣроятности имѣетъ еще нѣсколько экземпляровъ ея; но ни я не смѣю писать къ нему (дабы Мадыры не обвинили его

въ чемъ), ни самыя книги не могутъ теперь быть доставлены сюда. Но если Вы желаете, чтобы и ихъ здѣсь снова напечаталъ, то исполню это съ большимъ удовольствіемъ, только прошу Васъ извѣстить меня, сколько экземпляровъ надо печатать (500 или 1000)?

Вы пишете, что съ М. Ф. Раевскимъ послали мнѣ 50 дукатовъ и 100 руб. сереб., а не пишете что я долженъ дѣлать съ этими деньгами; ибо для напечатанія этой книжицы („О раскольницѣхъ“) не нужно и 100 флоринновъ серебромъ, хотя бы печаталась и тысяча экземпляровъ на самой лучшей бумагѣ²⁶⁾. Стало быть, остальные деньги пойдутъ г. Миклошичу на покрытіе расходовъ по греческой рукописи?

Въ письмѣ моемъ отъ 23 прошлаго мѣсяца я упомянулъ слегка, что тогда произошелъ здѣсь мятежъ и притомъ такой, какого еще здѣсь не бывало и который еще до сихъ поръ не прекратился, и одинъ Богъ знаетъ, чѣмъ кончится. Истинно сказать надо, что это мадырскій мятежъ противъ Славянъ, особенно южныхъ. Здѣшнее министерство приказало одному батальону гренадеръ идти въ Венгрію къ бану Елачичу. Эти гренадеры, которые были все Нѣмцы изъ Австріи, будучи по всей вѣроятности подговорены кѣмънибудь, показали еще ночью (между 23 и 24 сентября нашего) въ казармѣ, что не пойдутъ изъ Вѣны; а потому утромъ 24 ихъ послали подъ прикрытіемъ другихъ солдатъ къ сѣверной желѣзной дорогѣ, чтобы отвезти ихъ въ Венгрію. Вѣнское народное войско возстало, чтобы не допустить посылку этихъ гренадеръ изъ Вѣны, и такимъ образомъ у предмѣстій Леопольдштата близъ Дуная эти гренадере-

²⁶⁾ Еще до появленія въ свѣтъ этой книжки, Надеждину посланъ былъ чрезъ Караджича отъ 20 Февр. н. ст. 1848 г. примѣрный расчетъ изъ типографіи мекитаристовъ, изъ коего видно, что изданіе «Повѣсти о раскольницѣхъ» въ 300 экз. должно было обойтись въ 57 флор. 2 крейц., а въ 500 экз.—66 флор. 37 кр.

ры и народное войско вступили въ бой съ солдатами, которые провожали гренадеръ и отняли у солдатъ двѣ пушки, съ коими гренадеры и народное войско возвратились въ городъ со славою. Еще въ то время, какъ народное войско пошло къ Дунаю, въ городѣ строились барикады, и всѣ колокола били набатъ. Пополудни побились въ городѣ и солдаты съ народнымъ войскомъ, и народное войско между собою. Нѣсколько людей изъ народного войска, стоявшіе противъ мятежа, побѣжали въ церковь св. Стефана, но ихъ непріатели вломились за ними и убили въ церкви. Около 3 часовъ по полудни толпа мятежниковъ отправилась къ квартирѣ военнаго министра Латура и, найдя его укрывшимся въ четвертомъ этажѣ, стала его бить и умерщвлять; потомъ сволокли его за ноги внизъ по всѣмъ ступенямъ лѣстницы и предъ домою — (гдѣ прежде былъ Hofkriegsrath) — повѣсили его уже мертвого на фонарѣ, и тамъ онъ висѣлъ въ рубашкѣ и портахъ, пока ночью живодеръ (который подбираетъ по городу павшихъ коней и псовъ) не утащилъ его куда-то. Послѣ битвы на многихъ улицахъ и достачного кровопролитія, мятежники одолѣли, и та небольшая кучка солдатъ, которая оставалась въ городѣ, побѣжала прочь; лишь нѣсколько ихъ съ небольшимъ числомъ людей изъ народного войска остались въ императорскомъ арсеналѣ. Здѣсь опять дрались цѣлую ночь, стрѣляя изъ ружей и пушекъ и бросая ракеты; нападавшіе зажгли арсеналъ ракетами, и защищавшіе оставили его; а народъ бросился внутрь и разграбилъ все оружіе, захвативъ много и изъ стариннаго, которое нынѣ уже не употребляется (Такое драгоценное оружіе можно теперь видѣть у мастеровыхъ и простыхъ поденщиковъ). Императорское войско (здѣшній гарнизонъ отъ 10 до 12000 людей съ 50 пушками) еще въ пятницу вечеромъ оставило казармы и разиѣстилось по тому возвышенію, что около Бельведера. Имперскій сеймъ еще въ пятницу пополудни просилъ им-

ператора назначить новое министерство, удержавъ изъ прежнихъ министровъ троихъ (Doppelhof, Hornhostl и Krauss), объявить амнистію всѣмъ мятежникамъ и виновнымъ и взять назадъ тотъ манифестъ, которымъ поставилъ Елачича въ правители Венгріи. Императоръ, бывшій тогда въ Шенбрунѣ, кажется ничего не отвѣчалъ на это, но узнавъ, что дѣлается въ Вѣнѣ, двинулся въ субботу утромъ изъ Шенбруна³⁷⁾ съ отрядомъ въ 5—6000 солдатъ и съ нѣсколькими пушками, охранявшими его тамъ, и удалился въ Оломуць. Съ похода онъ отправилъ въ Вѣну манифестъ, въ которомъ объявилъ, почему въ другой разъ оставляетъ жилище своихъ предковъ и удаляется, чтобы озаботиться о способѣ, какимъ бы избавить австрійскій народъ отъ такихъ смятеній и безпорядковъ. Ни одинъ министръ не хотѣлъ подписать этотъ манифестъ, почему онъ и не былъ напечатанъ весь сполна, какъ подобаетъ. Еще въ пятницу многіе изъ депутатовъ (члены имперскаго сейма) побѣжали отсюда, особенно Чехи; а оставшіеся здѣсь пристали къ Вѣнцамъ, или вѣрнѣе сказать къ бунтовщикамъ, и въ началѣ приняли было на себя всю власть (ибо изъ упомянутыхъ выше министровъ остался только Краусъ, а другіе двое подали въ отставку); но потомъ назначенъ былъ Комитетъ для управленія городскими дѣлами, а сеймъ возвратился къ своимъ занятіямъ. Чешскіе депутаты протестуютъ теперь въ Золотой Прагѣ противъ всякаго постановленія сейма, а сеймъ въ свою очередь обвиняетъ ихъ за то, что ушли отсюда. Особенно замѣчательно, что польскіе депутаты изъ Галиціи соединились съ Вѣнцами, съ Нѣмцами противъ Славянъ! Теперь Полякъ Смолка президентомъ въ здѣшнемъ сеймѣ. Очевидно, сеймъ вмѣстѣ съ Вѣнцами уступаетъ венгерское королевство совершенно Мадьярамъ,

³⁷⁾ Дѣтнее иѣстопробываніе австрійскихъ императоровъ.

а ломбардо-венеціанское королевство Итальянцамъ.

Въ первые дни сего мятежа прибылъ сюда и банъ Елачичъ, какъ говорятъ съ 20.000 (а можетъ быть и болѣе) Граничаръ и размѣстилъ ихъ по селамъ около Вѣны. Потомъ и генералъ Ауэршпергъ двинулся съ гарнизономъ отъ Бельведера и соединился съ Елачичемъ, а изъ Чехіи прибываютъ войска, и думаютъ, что теперь подъ Вѣною стоитъ болѣе 60.000 солдатъ. Но и Вѣнцы приготавливаются и укрѣпляются: барикады построены не только въ городѣ, но и по предмѣстіямъ; народныя войска умножаются и устроиваются: по всѣмъ улицамъ двигаются люди съ оружіемъ; подлѣ барикадъ горятъ огни, на которыхъ народъ готовить пищу; барабанчики всякій часъ бьютъ тревогу, а часто и колокола звонятъ, и дабы знали, что колокола бьютъ набатъ, запрещено звонить во всѣхъ другихъ случаяхъ; ночью часто пускаютъ вверхъ съ церковной башни св. Стефана ракеты, какъ бы въ видѣ знаковъ вѣнскимъ приверженцамъ; около линій почти всякій день происходятъ небольшія стычки между Вѣнцами, Хорватами и солдатами, при чемъ стрѣляютъ изъ ружей и пушекъ. Выдаютъ за вѣрное, что Мадыяры идутъ на помощь Вѣнцамъ, и всякій день ожидается ихъ нападеніе на Елачича: тогда Вѣны выйдутъ изъ города и пойдутъ на цего съ своей стороны. Изъ Вѣны до сихъ поръ убѣжало болѣе 50.000 чело-вѣкъ въ близашія села и далѣе, куда кто знаетъ и могъ (говорятъ, что въ Баденъ³⁸) платятъ за одну комнату по десяти флоринновъ серебромъ въ день): сначала дозволяли уважать кто куда хотѣлъ, но теперь труднѣе. И князь Михаилъ куда-то удалился; еслибъ я имѣлъ достаточно денегъ, можетъ быть и я бы съ семействомъ отправился въ Загребъ, или въ Золотую Прагу, или въ Триестъ,

³⁸) Одно изъ ближайшихъ къ Вѣнѣ мѣстечекъ, гдѣ жители столицы любятъ гулять лѣтомъ.

но теперь остался здѣсь, — а барабаны бьютъ, колокола звонятъ, ружья и пушки стрѣляютъ; я же съ Даничичемъ подбираю и объясняю слова для втораго изданія Словаря. И Миклошичъ куда-то скрылся было, но въ эту ночь неожиданно явился ко мнѣ, а утромъ опять исчезъ. Я ему сообщилъ, что Вы пишите; и когда прекратятся эти безпокойства, если будемъ живы, постараемся устроить все по вашему желанію. О М. Ф. слышу, что онъ въ Берлинѣ и по всей вѣроятности будетъ выжидать тамъ, пока здѣсь не успокоится все, а можетъ быть поѣдетъ и къ Вамъ назадъ.

Возвратимся опять къ Елачичу. Я прежде писалъ Вамъ, что онъ двинулся въ Будиму; откуда же теперь явился подъ Вѣной? Того вѣрно никто не знаетъ здѣсь. Онъ подошелъ было къ Будиму на три часа разстоянія, имѣлъ небольшую стычку съ Мадыярами, послѣ которой заключили перемиріе на три дни, и въ это время онъ повернулъ на Дюръ (Раабъ), а оттуда чрезъ Альтенбургъ къ Вѣнѣ. Нѣкоторые думаютъ, что онъ не смѣлъ ударить на Будимъ, ибо мадыарскій народъ взялся за оружіе и захватилъ его пути сообщенія съ Хорваціей, такъ что онъ уже не могъ ничего получить оттуда; кромѣ того у него не было большихъ пушекъ. Поэтому онъ и повернулъ вверхъ по Дунаю, чтобы присоединить къ себѣ войска изъ Австріи и притянуть къ себѣ Словаковъ: въ это время произошелъ здѣсь мятежъ, и онъ долженъ былъ направиться сюда, не думавъ прежде о томъ.

Въ нашемъ Позизовѣ, въ Сремѣ, Бачкѣ и Банатѣ, мало что новаго случилось кромѣ прибытія воеводы Шупликаца. До сихъ поръ хорошо держались противъ Мадыяръ, а что будетъ впредь, — Богъ знаетъ.

Словаки ничего не могли сдѣлать: ихъ разогнало императорское войско! Кажется, я писалъ Вамъ прежде, что и само правительство, если его есть гдѣ на сколько нибудь, не знаетъ навѣрное, чего хочеть, — а то сегодня одно, завтра

другое: оно бы радо покорить и ослабить Мадьяръ, но опять боится, чтобы Славяне не усилились.

Изъ нашихъ владыкъ лѣтомъ (1 мая) на соборъ въ Карловцахъ были: Ефѣ Ивановичъ (карлштадтскій) и Крагуевичъ (пакрацкой епархіи); остальные, если и хотѣли придти, боялись Мадьяръ. Поповичъ (вершацкій) былъ лѣтомъ въ Пештѣ на сеймѣ; Живковичъ оставался въ Темешварѣ; но мало что писалось въ нашихъ газетахъ противъ котораго либо изъ нихъ, нашему же Платону пришлось хуже всѣхъ. Противъ него писано было много разъ и очень грубо. Его обвиняютъ въ томъ: 1) что задалъ на низовье Дуная и угаваривалъ народъ не возставать противъ Мадьяръ; 2) что, какъ намѣстникъ митрополита, предписывалъ народу покоряться Мадьярамъ; 3) что 15 августа въ Будимской церкви говорилъ проповѣдь, въ которой сказалъ: *стыдитесь, де быть Сербомъ-когда Сербы такъ не благодарны къ Мадьярамъ; Сербы въ Венгріи только въ своихъ долахъ должны быть Сербами, а какъ переступятъ за порогъ своего жилища, должны оставить тамъ свое сербство и быть только людьми и т. п.* Причиной такого поведения Платона и полагаю слѣдующее: 1) что онъ совершенно во власти Мадьяръ; 2) что онъ наибѣднѣйшій изъ нашихъ архіереевъ, а Мадьяры дали ему службу съ содержаниемъ въ 3600 флориновъ серебромъ (едва ли столько получаетъ отъ своей епархіи); 3) что онъ желалъ получить бачскую еперхію, которая и дана ему лѣтомъ мадьярскимъ министерствомъ; 4) что съ митрополитомъ Раяичемъ, еще когда Станковичъ былъ выбираемъ въ митрополиты, вступилъ въ непріязненные отношенія (а также и съ другими владыками, особенно изъ за бачской епархіи, которой *всѣ* искали); 5) что на вѣрное не зналъ, какъ и теперь еще не знаетъ, чѣмъ окончится эта война между Сербами и Мадьярами и т. д.

Когда лѣтомъ въ Золотой Прагѣ произошло волненіе, Стаматовичъ съ про-

тосингеломъ Груичемъ³⁹⁾ побѣжали оттуда въ какое-то село, въ которомъ ихъ сначала было задержали, а потомъ они чрезъ Вѣну и Загребъ уѣхали въ Карловцы; но теперь не знаю навѣрное — въ Карловцахъ или въ Новомъ Садѣ (можетъ быть не посмѣлъ идти въ Новый Садъ, гдѣ теперь распоряжаются Мадьяры).

Противъ Светича сначала кричали, какъ и противъ Платона, ибо онъ угаваривалъ держаться мадьярскаго министерства (въ которомъ Мадьяры и ему назначили службу), и потому онъ долженъ былъ бѣжать изъ Карловца, да и послѣ дружилъ и договаривался съ мадьярскимъ комиссаромъ Черноевичемъ, а нынѣ должно быть сидѣть въ Новомъ Садѣ и ждать окончанія. Не за долго до послѣдняго вѣнскаго мятежа прибылъ сюда и Павловичъ изъ Пешта, оставивъ свои „Новины“ и „Народный листъ“ совсѣмъ, а теперь опять удался куда-то и отсюда (должно быть съ Субботичемъ, который пріѣзжалъ сюда изъ Карловца чрезъ Загребъ и который еще съ лѣта, побывавъ на Карловацкомъ соборѣ, не смѣетъ возвратиться въ Пештѣ).

О раскольничьемъ владыкѣ теперь ни чего не знаю, но, когда окончится мятежъ, постараюсь розыскать, что возможно, и потомъ сообщить Вамъ.

Турка капитаномъ въ народномъ войскѣ; когда увижу его, поздравлю отъ Васъ. Изъ Вученичъ Радичевичъ уѣхалъ въ Сремъ, а Даничичъ здѣсь и помогаетъ мнѣ, кое-что переписывая (ибо знаете, что мои глаза очень слабы); онъ Васъ очень благодаритъ за поклонъ и самъ поздравляетъ любезно васъ. Моя жена и Мина также благодаритъ Васъ за поклоны и любезно поздравляютъ Васъ.

³⁹⁾ Теперь пакрацкій епископъ и администраторъ патріархіи. Известенъ сталъ въ послѣдствіи своими замѣчаніями на переводъ Новаго Завета, изданный Караджичемъ въ Вѣнѣ въ 1847, которыя были напечатаны въ Землянѣ въ 1852 году (138 стр. въ 8).

Я особо благодарю за поздравленіе, прошу и Васъ поздравить отъ меня всѣхъ, какъ сами найдете лучше и пристойнѣе. Чтò бы Вамъ ни понадобилось отсюда, приказывайте и будьте увѣрены, что готовъ служить Вамъ съ великою радостію, и наибольшою наградою мнѣ будетъ Ваше довольство моею службою.

Посылаю Вамъ одинъ печатный листъ („Wagun kommen die Bauern nicht?“), чтобъ Вы только видѣли, какое гланье, безсмыслицу и безобразіе печатають здѣсь, явно разпосять и продають.

Сегодня 7/19 октября, а положеніе дѣлъ нисколько не измѣнилось. Вчера слышалась стрѣльба пушекъ изъ пятидесяти на линіи св. Марка (близъ нашей Ландштрассе) между Вьнцами и Хорватами. Войска все подходятъ; говорить, что на этихъ дняхъ прибудеть изъ Италіи около 20000 Хорватовъ.

И Хорваты въ Загребѣ протестуютъ противъ сего вѣнскаго мятежа и зовутъ остальныхъ Славянъ на съѣздъ, чтобы договориться, какииъ образомъ сохранить австрійскую монархію и славянскіе народы въ ней отъ нынѣшняго нѣмецко-мадьярскаго союза (на такой же вѣротно съѣздъ и Чехи приглашали въ Брюннѣ 20 сего мѣсяца по римскому календарю).

Вы помните сестру князя Михаила, у которой мы ѣли *тевалъ* ⁴⁰⁾; она умерла недѣли три тому назадъ. Будьте здоровы и не забывайте Вашего

Вука Стефановича Караджича
(Все письмо собственноручное).

9.

Милостивый государь Николай Ивановичъ.

19 октября я передалъ въ здѣшнюю канцелярію русскаго посольства при большомъ пакетѣ на Ваше имя шесть

⁴⁰⁾ Особый родъ мяснаго кушанья. Рѣчь идетъ объ Елизаветѣ Николичъ (von Rudna, отъ Рудне), рожденной княжнѣ Обреновичъ, умершей 11 сентября 1848 г. въ Вѣнѣ, на 35-мъ году жизни.

книжекъ „о раскольниковѣхъ“, и при нихъ большое письмо; надѣюсь, что вы уже получили все это. Съ тѣхъ поръ у насъ произошло здѣсь много чрезвычайныхъ важныхъ новостей.

Я писалъ Вамъ въ упомянутомъ письмѣ, что императорскія войска продолжали собираться подъ Вѣною. Когда прибылъ сюда на Дунай и князь Виндишгрець съ войскомъ изъ сѣверныхъ областей, главный правитель здѣшняго народнаго войска Мессенгаузеръ (который прежде былъ лейтенантомъ и котораго хотѣли отставить за какой-то проступокъ, почему онъ и вышелъ изъ службы; но теперь имперскій сеймъ назначилъ его главнымъ начальникомъ всѣхъ войскъ въ Вѣнѣ) писалъ ему, спрашивая: какииъ образомъ могъ онъ подступить съ войскомъ въ Вѣнѣ, не сообщивъ ему о томъ. Въмѣсто отвѣта на такой вопросъ Виндишгрець послалъ Вьнцамъ изъ Лунденбурга отъ 20-го октября по римскому стилю прокламацію, въ коей объявляетъ, что императоръ отправилъ его положить предѣлъ вѣнскимъ беспорядкамъ, почему онъ и объявляетъ Вѣну со всѣми предѣстными и окрестностями въ осадномъ положеніи, и что всякій подпадетъ подъ полевую судъ, кто будетъ противиться его приказаніямъ. Вьнцы, сказать правду, носмѣивались надъ этой прокламаціей, съ одной стороны полагая, что Виндишгрець не посмѣетъ ударить на нихъ, а съ другой стороны надвѣясь на свою силу и считая себя безопасными даже въ томъ случаѣ, еслибъ всѣ императорскія войска ударили на нихъ. Общанный совѣтъ и національная гвардія послали императору протесты, въ коиъ просили его отвести всѣ войска отъ Вѣны, взять съ нихъ присягу конституціи, и указали, какие полки никоимъ образомъ не могутъ быть допущены содержать гарнизонъ въ Вѣнѣ. Депутации, имѣвшей представить эти протесты, императоръ не допустилъ къ себѣ, а министръ Вессенбергъ объявилъ имъ, что императоръ всю власть каса-

тельно Вѣны передалъ Виндшгрецу, съ коимъ они и должны договариваться. Въ это время Виндшгрецъ перешелъ уже на правую сторону Дуная и расположился у Гецендорфа (на одивъ часть отъ Вѣны съ юго западной стороны), и оттуда послалъ Вѣнцамъ отъ 23 октября римскаго стила другую прокламацію, въ которой къ объявленному въ прежней прибавилъ: что Вѣнцы въ продолженіи 48 часовъ должны объявить, хотятъ ли покориться и положить свое оружіе; что старшины академическаго легіона и двѣнадцать студентовъ должны быть даны ему въ заложники; что должны быть выданы всѣ люди, какихъ онъ потребуетъ; что во время осаднаго положенія не должны выходить никакія другія газеты и журналы, кромѣ Wiener Zeitung, но и въ нихъ не должно быть помѣшаемо ничего, вромѣ официальныхъ извѣстій; что всѣ клубы за это время должны быть закрыты; наконецъ, что каждый, кто бы воспротивился таковымъ приказаніямъ его словомъ или дѣломъ, кто бы поднялъ мятежъ или вмѣшался въ него, или былъ схваченъ съ оружіемъ въ рукахъ, будетъ судимъ полевымъ судомъ. На приведеніе въ исполненіе таковыхъ требованій онъ назначилъ 48 часовъ, считая съ той минуты, когда объявлена прокламація: „въ противномъ же случаѣ я постараюсь употребить самыя энергическія мѣры, чтобы привести городъ въ повинновеніе.“ Вѣнцы и эту прокламацію приняли точно также какъ первую: имперскій сеймъ объявилъ ее не только не законною, но и пагубною для самаго престола; многіе говорили, что Виндшгрецъ не посмѣетъ ударить на Вѣну. Въ это самое время прибыли сюда депутаты изъ Франкфурта, которые и безъ того возбужденный народъ еще болѣе волновали, раздражали и соблазнили свободой. Мессенгаузеръ продолжалъ укрѣплять городъ и готовился къ оборонѣ: баррикады исправлены были по всѣмъ предмѣстіямъ, учреждена подвижная гвардія, и изъ нея состав-

ленъ около Бельведера лагерь подъ начальствомъ Бема; стали призывать къ оружію и приневоливать къ тому всѣхъ людей, которые были способны носить оружіе. Среди такихъ приготовленій полученъ былъ императорскій манифестъ отъ 22 октября, коимъ закрывался имперскій сеймъ въ Вѣвѣ и перемѣщался въ Кромержижъ (Кремзиръ въ Моравіи), куда и назначено было собраться всѣмъ депутатамъ къ 15 ноября. Здѣшній сеймъ протестовалъ и противъ этого манифеста, а императору послалъ заявленіе, въ коемъ доказывалъ, что имперскій сеймъ не можетъ засѣдать въ иномъ городѣ кромѣ Вѣны. Такъ какъ Вѣнцы болѣе всего возставали противъ того пункта во второй прокламаціи Виндшгреца, въ коемъ онъ требовалъ выдачи всѣхъ, кого онъ ни потребуетъ; то онъ нѣсколько облегчилъ это условіе, назвавъ по имени трехъ человекъ, которые должны быть ему выданы, т. е. генерала Бема (польскаго эмиссара), мадырскаго секретаря Пульскаго и доктора Шютте (который былъ изгнанъ изъ Германіи, а съ лѣта и отсюда); къ этимъ тремъ онъ требовалъ еще убійцъ Латура. Пока все это происходило, по линіямъ всякій день происходили небольшія стычки между Вѣнцами и императорскими войсками, гдѣ сильнѣе, гдѣ меньше, а гдѣ отъ ружейной и пушечной стрѣльбы были зажжены дома и другія строенія, — и чему надо особенно удивляться, — гораздо болѣе нападали Вѣнцы, чѣмъ императорскія войска, такъ что настоящее сраженіе ожидалось впредь. Въ четвергъ (26 октября) ударили наши Граничары изъ Пратера на Леопольдштатъ: тутъ много бился и стрѣляли, довольно пролито было крови, сожжены были крайніе дома и другія кой-какія постройки; но Вѣнцы удержались въ этотъ день въ Леопольдштатѣ, хотя и съ большимъ трудомъ; ибо дали знать въ городъ, что у нихъ погибло много людей, и что Граничары такъ наступили, что имъ не возможно долѣе держаться, и при этомъ

просили дозволенія сдать это предмѣстіе, дабы не страдали женщины и дѣти и дабы не горѣли напрасно дома. Въ городѣ не согласились на то, но послали академическій легіонъ и другія войска къ Леопольдштату. Въ пятницу не было никакого большаго сраженія кромѣ обычной перестрѣлки по линіямъ. Но въ субботу передъ 10-ю часами утра со всѣхъ сторонъ произведенъ подступъ къ Вѣнѣ, особенно къ Леопольдштату, Ландштрассе, къ лагерю около Бельведера и къ предмѣстію Виденъ. Наши Граничары-молодцы къ тремъ часамъ пополудни заняли Ландштрассе и Бельведеръ и дошли до Гласиса, а къ сумеркамъ взяли и Леопольдштатъ. Изъ всѣхъ этихъ трехъ мѣстъ студенты и вооруженные рабочіе побѣжали въ городъ, а изъ національной гвардіи жившіе не въ городѣ большею частію побросали оружіе и укрылись въ своихъ домахъ. На остальныхъ мѣстахъ солдаты не могли въ тотъ день пробиться къ гласису, хотя вездѣ подвинулись впередъ; Вѣнды особенно храбро держались и защищались на Виденѣ. Когда въ городѣ увидали, что совершенно императорскими войсками, тогда лишь открылись глаза у защищавшихся, и они поняли, что не могутъ долѣе держаться. Мессенгаузеръ, какъ главный начальникъ всего войска и городской обороны, объявилъ общинному совѣту, что національная гвардія, студенты и всѣ остальные соглашаются на условія князя Виндишгреца. Общинный совѣтъ въ воскресенье утромъ послалъ депутацію къ Виндишгрецу въ Гецендорфъ; но къ несчастью вѣнскихъ жителей въ этотъ же день разнесся слухъ, что мадырскія войска прибыли на помощь къ Вѣнцамъ, и послѣдніе, измѣнивъ свое намѣреніе сдаться, стали пускать съ колокольни св. Стефана какой-то дымъ и ракеты, будто бы переговариваясь съ Мадырами. Мадыры дѣйствительно, какъ говорятъ, перешли было въ Австрію въ числѣ 30.000 человекъ слишкомъ (между коими были

два полка Секлеровъ изъ Трансильваніи, нѣсколько національной гвардіи, а всего болѣе сельчанъ съ косами) и дошли уже до Швехата (въ двухъ часахъ отъ Вѣны); но въ понедѣльникъ банъ съ Граничарами и нѣсколько генераловъ съ другими императорскими войсками вышли противъ нихъ, разбили и прогнали за венгерскую границу. Когда въ городѣ стало извѣстно, что Мадыры разбиты и прогнаны, студенты и рабочіе не хотѣли сдаться, а общинный совѣтъ объявилъ Виндишгрецу, что демократическій клубъ со студентами и вооруженными рабочими господствуютъ въ городѣ и что желающіе сдаться не смѣютъ и говорить о томъ. Поэтому снова употреблены были военныя средства. Во вторникъ около полудня солдаты ударили въ большомъ числѣ на Виденскія барикады. Говорятъ, что тамъ вооружены были и женщины чѣмъ попало; но солдаты, которые съ пушками, которые съ ружьями, пробились и дошли до Гласиса; а другія предмѣстія, какъ то Альзерфорштадтъ, Лаймгрубе и т. д. сдались еще прежде. Съ трехъ часовъ пополудни изъ подъ Бельведера, отъ Шварценбергова сада и изъ императорскихъ конюшенъ, стали стрѣлять на городъ изъ пушекъ и пускать въ него бомбы и ракеты, и такъ продолжалось до шести часовъ. Прежде, чѣмъ прекратили пальбу, загорѣлось въ городѣ во многихъ мѣстахъ. Видя это, солдаты, а болѣе всего, какъ говорятъ, наши Граничары ударили на приступъ къ городскимъ воротамъ и, разбивъ ихъ, вошли въ городъ. Въ среду утромъ (1-го ноября н. с.) на колокольнѣ св. Стефана развивался уже австрійскій флагъ (черно-желтый), по приказанію самаго Виндишгреца, и можно сказать, что это было наивеличайшимъ горемъ для мятежниковъ: ибо прежде они именовъ „черно-желтый“ бранили всѣхъ, кого считали врагомъ свободы и по улицамъ сдирали у многихъ съ груди таковыя бантики. Въ среду и четвергъ запрещено было входить въ городъ или выходить изъ него кромѣ сол-

дать, ибо тамъ искали и хватали студентовъ, рабочихъ и другихъ кой-какихъ людей. Въ пятницу дозволено было входить въ городъ съ письменнымъ пропускомъ, а въ субботу отъ 4 часовъ стали выпускать и выпускать свободно, но лишь до 7 часовъ, а послѣ 7 опять съ пропускомъ. Многіе изъ предводителей сего мятежа схвачены, но назвать важнѣйшихъ между ними не умѣю никого. Виндишгрецъ къ поименованнымъ въ прежней прокламации прибавилъ еще Мессенгаузера и его помощника Феннеберга; но навѣрное неизвѣстно, выданъ ли кто либо изъ этихъ господъ. О Бемѣ говорятъ, что онъ убѣжалъ во Францію въ качествѣ курьера отъ здѣшняго французскаго посольства; о Пульскомъ говорятъ, что еще 18 ч. убѣжалъ изъ Вѣны и что былъ у Швехата вмѣстѣ съ мадьярскими войсками; о Мессенгаузерѣ нѣкоторые сказываютъ, что его схватили гдѣ-то Граничары; но все это лишь уличные слухи. Говорятъ, что здѣсь останутся 32,000 человекъ изъ войска (12,000 Граничаръ и 20,000 разнаго оружія), а остальные пойдутъ на Мадьяръ, и уже нѣкоторые изъ полковъ отправились къ мадьярской границѣ. Думаютъ ударить на Мадьяръ со всѣхъ сторонъ: новое Хорватское войско отъ Вараждина ⁴¹⁾, румунскіе и севлерскіе Граничары изъ Трансильваніи, генераль Шимуничъ изъ Галиціи, наши люди изъ Бачки и Баната, а Виндишгрецъ и Елачичъ съ главнымъ войскомъ отсюда. Такимъ образомъ можно думать, что недѣли чрезъ три или много черезъ четыре эти войска будутъ въ Буднѣ и Пештѣ.

Если бы природный Вѣнецъ, который здѣсь родился и выросъ, спустился съ неба случайно среди вѣнскаго *бури*, то едва ли бы распозналъ, гдѣ онъ: по всѣмъ улицамъ лежитъ солома, какъ въ сербскихъ домахъ о Рождествѣ; на соломахъ стоятъ, сидятъ и лежатъ солдаты;

⁴¹⁾ Отъ Дравы.

по всѣмъ улицамъ и площадямъ горятъ огни большихъ костровъ и днемъ и ночью, какъ будто гдѣ нибудь по лѣсамъ въ Хорватіи или Сербіи; надъ огнями или кипятъ котлы, или вертятъ жареное мясо. Лавки большею частію затворены. Въ городѣ сгорѣли: домъ Коловрата, августинская церковь (до естественно-историческаго кабинета) и крыша отъ библиотеки, хотя внизу церкви не сгорѣло ничего; и библиотеку и естественно-историческій кабинетъ зажгли пролетаріи, но солдаты погасили. Въ предмѣстіяхъ сгорѣло много и много домовъ и другихъ различныхъ зданій и деревянныхъ построекъ, особенно въ Леопольдштадтѣ и на Виденѣ (въ Леопольдштадтѣ совсѣмъ сгорѣлъ Одеонъ, о громадной залѣ коего говорили, что она изъ первыхъ въ Европѣ). Многіе дома пробиты пушечными ядрами (одно ядро прошло сквозь печь въ квартирѣ князя Михаила). Тотъ фонарь, на которомъ былъ повѣшанъ Латуръ, повалили наши Граничары и раскололи на тысячу кусковъ.

Я съ своими, слава Богу, остался покоенъ, живъ и здоровъ; страха мы приняли много, но все этимъ и кончилось. Съ начала мы боялись, чтобы насъ не ограбила чернь, и страхъ этотъ особенно увеличился отъ того, что начальники вѣнскаго войска приказали, чтобы никто въ случаѣ уличнаго сраженія не смѣлъ запирать домовыхъ воротъ, дабы войска могли входить въ нихъ и стрѣлять изъ домовъ по солдатамъ (такъ что насъ могли перебить и пролетаріи, и солдаты, которые послѣ бѣгства первыхъ имѣли право и убивать, ибо изъ нѣкоторыхъ домовъ стрѣляли по нимъ). Кромѣ того мы боялись, чтобы насъ не выжгли Граничары, воюя съ Вѣнцами, ибо еще 26-го новаго стили на Ландштрассе летѣли изъ Леопольдштадта гранаты и ядра, и въ третьемъ домѣ отъ насъ погибло отъ гранаты дитя и ранена дѣвочка. А когда Хорваты дошли до Гласаса, то мы боялись, чтобы насъ не выжгли горожане, защищаясь отъ Хорватовъ. Я главное богатство свое, рукописи, сложилъ въ три сундука и дер-

жалъ ихъ открытыми, думая, если пролетаріи придуть грабить, то покажу имъ, что въ сундукахъ одна бумага; если же загорится домъ, то убѣгу съ ними въ подвалъ.

О нашихъ ничего не слышно отсюда, кромѣ того что держатся и бьются противъ Мадьяръ. Воевода къ нимъ прибѣлъ и управляетъ изъ Карловцевъ войскомъ, и то лишь какъ австрійскій генералъ; воеводою же будетъ называться и подписываться, когда утвердить его императоръ; еслибъ не случился этотъ митежъ, можетъ быть все это было уже сдѣлано ⁴²⁾.

Изъ приложеннаго при семъ письма бана Елачича къ „Славянской Липѣ“ можете видѣть, что и какъ онъ нынѣ думаетъ. Я на дняхъ былъ у него и разговаривалъ съ нимъ около получасу: онъ мнѣ показался еще болѣе Славяниномъ, чѣмъ въ этомъ письмѣ ⁴³⁾.

О раскольниковѣмъ владыкѣ не забуду, если только можно будетъ что узнать.

Слышу за вѣрное, что князь Милошъ отъѣзжаетъ туда къ Вамъ! Я желалъ бы знать отъ васъ, какъ его тамъ примутъ. Князь Михаилъ въ сію ночь прибылъ въ Вѣну, но я еще не видалъ его; на этихъ дняхъ схожу къ нему и передамъ ему Ваше поздравленіе. Здѣсь и Ефремъ съ цѣлымъ семействомъ и съ Анкой ⁴⁴⁾.

Чтобы Вы еще болѣе познакомились съ тѣмъ, что южные Славяне, а особенно Хорваты, думаютъ и говорятъ о здѣшнихъ происшествіяхъ, посылаю Вамъ два номера „Славянскаго Юга“, который издаетъ баронъ Кушлянь.

⁴²⁾ До сихъ поръ писано рукою Даничича, далѣе же рукою самаго Караджича.

⁴³⁾ Это знаменитое письмо отъ 22 окт. н. ст. 1848, гдѣ Елачичъ объявилъ, что Славяне важнѣйшая опора Австріи, а послѣдняя—лучшая охрана для ихъ существованія, и что если бы не было никакой Австріи, то они должны были бы создать подобную ей.

⁴⁴⁾ Ефремъ Обреновичъ, братъ перваго князя Сербіи. Дочь его Анка погибла вмѣстѣ съ княземъ Михаиломъ отъ руки убійцы 28 мая 1868 года во время Топчидерской катастрофы.

Миклошичъ еще въ Клостернейбургѣ, вѣроятно и онъ поѣдетъ въ Кромержижъ, но я надѣюсь видѣть его прежде отъѣзда.

Жена моя и дочь любезно поздравляютъ Васъ, а также и Юрій Даничичъ. Прошу Васъ, поручите меня Александру Максимовичу и поздравьте отъ меня И. И. Срезневскаго и П. И. Кеппена.

Сообщите мнѣ поскорѣе, что мнѣ дѣлать съ книжкой „о раскольникѣхъ“? Если случится что либо новаго, сообщу Вамъ. Вашъ, какъ и прежде,

Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

Въ Вѣнѣ, на Дмитріевъ день нашъ (26 октября) 1848 года.

10.

Въ Вѣнѣ, 10 ноября 1848 г.

Милостивый государь

Николай Ивановичъ!

Надѣюсь, что Вы получили мое письмо отъ 26 октября. Потомъ прибылъ сюда М. Ф. Р. и передалъ мнѣ отъ Васъ 20 голландскихъ дукатовъ и сказалъ, какъ Вы хлопчете обо мнѣ; за все это благодарю Васъ отъ всего сердца.

Нѣсколько листовъ изъ перенесанной греческой рукописи Миклошичъ передалъ М. Ф.; думаю, что Вы получите ихъ съ этимъ письмомъ. Если Вы пристааете къ тому, что думаетъ г. Миклошичъ, чтобы эту рукопись печатать здѣсь, а Вамъ посылать начисто отпечатанные листы, Вы же напишете свои примѣчанія и пришлете ихъ сюда для напечатанія при концѣ книги: тогда не нужно будетъ ни къ Вамъ посылать рукописи, ни Вамъ посылать назадъ отпечатанные листы. Прошу Васъ написать мнѣ о томъ опредѣленіе. Г. Миклошичъ завтра уѣзжаетъ въ Кромержижъ, но будетъ наѣзжать отсюда сюда, такъ что рукопись можетъ печататься, и онъ самъ будетъ держать корректуру ея, а я буду посылать къ Вамъ отпечатанные листы. За печать не нужно платить впередъ, а послѣ, когда вся книга будетъ готова. Что касается способа, какимъ

Вы будете впредь доставлять мнѣ деньги; то если не можете найти случая послать мнѣ звонкой монеты (голландскихъ дукатовъ), то присылайте мнѣ вексель отъ Штиглица на Амстердамъ (какъ мнѣ высылается пенсія), или еще лучше на Лондонъ, что можно продать здѣсь выгодноѣе.

О раскольничьемъ владыкѣ я могъ узнать лишь то, что онъ не здѣсь, а въ Цилли. Если узнаю болѣе, сообщу Вамъ.

Елачичъ все еще здѣсь. Хорваты много ушли, кто въ Хорвацію (чтобы защищать свое отечество отъ Мадьяръ), кто на здѣшнюю мадыарскую границу. Говорятъ, что черезъ двѣ недѣли ударятъ на Мадьяръ со всѣхъ сторонъ. Съ тѣхъ поръ какъ Вѣна освободилась отъ мятежниковъ, гдѣ бы ни сошлись чело-вѣка три, вездѣ можно было слышать въ ихъ разговорахъ: *Елачичъ и Кроатена*. Хорваты теперь у здѣшнихъ Нѣмцевъ, какъ въ 1812 и 1813 г. г. казаки у французскаго войска. Полагаю, Вамъ извѣстно, что между этими Хорватами гораздо болѣе православныхъ (настоящихъ Сербовъ), нежели римскихъ католиковъ (Шокцевъ); а Сержане (красные плащи)—всѣ Сербы, ибо Шокацъ не смѣетъ идти въ ту службу⁴⁵⁾.

Съ Низовья нѣтъ ничего особенно новаго. Здѣсь депутація изъ Карловцевъ, и члены ея надѣются, что скоро будутъ подтверждены патріархъ, воевода и воеводство. Противъ Платова кричатъ „до зла Бога“; я недавно защищалъ его какъ могъ, точно также какъ писалъ Вамъ прежде. О Светичѣ говорятъ, что побѣжалъ отъ Мадьяръ въ Карловцы!

На сей разъ съ Богомъ!

Вашъ, какъ и прежде, Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

P. S. Очень радуемся (всѣ Славяне), что Государь почтилъ Елачича орде-

⁴⁵⁾ Сербы православные называютъ Шокацми католиковъ, а Буньевцами преимущественно униатовъ. Сержане есть одинъ изъ отдаловъ Границаръ.

номъ, да еще чисто *славянскимъ* (Св. Владимира). Да продлитъ Господь дни и Государя, и Елачича.

(Все письмо собственноручное).

11.

Въ Вѣнѣ 25 ноября (нашего) 1848 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Послѣ письма моего (отъ 30 іюля), которое я послалъ Вамъ съ шестью книжками „о раскольницѣхъ“, я писалъ Вамъ по почтѣ 6 и 23 сентября. Ваше письмо отъ 20 сентября получилъ въ канцеляріи 3 октября, и Покасовскій, передавая мнѣ его, сказалъ, что если буду посылать Вамъ что нибудь, то приносилъ бы въ канцелярію, и посылка будетъ отправляться съ курьерами. Послѣ сего и тотчасъ же написалъ Вамъ письмо и отнесъ его съ остальнымъ шестью книжками „о раскольницѣхъ“ въ канцелярію 7 октября нашего (а 19 римскаго) и отдалъ его въ руки Покасовскому, который на мою просьбу сказалъ, что пошлетъ Вамъ съ первымъ курьеромъ. Послѣ того какъ императорскія войска взяли Вѣну, я опять написалъ Вамъ письмо и въ нашъ Дмитріевъ день (26 октября) послалъ его съ моей дочерью Миною въ канцелярію, а она отдала его Покасовскому, прося, чтобы отправилъ его къ Вамъ съ курьеромъ. Думая, что въ такое время курьеры отправляются отсюда всякую недѣлю, я надѣялся, что оба письма мои Вы получите; но за десять дней предъ симъ (послѣ того какъ я написалъ и третье письмо отъ 10 ноября и передалъ его М. Ф. Р.), къ великому моему сожалѣнію узналъ, что всѣ три пакетика мои еще здѣсь въ канцеляріи!!! М. Ф., чтобы ускорить отправку ихъ сколько возможно, завернулъ всѣ три въ свой пакетъ (съ греческою рукописью отъ Миклошича); но чрезъ это они можетъ быть еще болѣе запоздають, ибо пакетъ сдѣланъ большой, и его трудно послать туда. Повторяю Вамъ: мнѣ очень жаль

что такъ случилось; если бы зналъ это, то всѣ три письма послалъ бы Вамъ по почтѣ.

Раскольничій владыка просилъ, чтобы его отпустили въ Буковину въ свою епархію; но министр Пиллерсдорфъ сказалъ ему, что правительство видитъ и признаетъ его невинность, но ради Россіи не можетъ дозволить ему переѣхать въ Буковину, и потому пусть выберетъ другое мѣсто для житья. Тогда владыка объявилъ, что желаетъ остаться въ Вѣнѣ; но ему отвѣчали, что и здѣсь нельзя ему жить ради русскаго посланника. Послѣ сего онъ просился въ Пештъ, на что ему отвѣчали, что это было бы возможно, но такъ какъ сперва надо написать о томъ мадыарскому министерству, то и это будетъ затруднительно, а пусть лучше ѣдетъ въ Триестъ. Онъ согласился на то, но вскорѣ за тѣмъ къ Триесту подступилъ сардинскій флотъ, и владыкъ было велѣно поселиться на время въ Цилли (откуда ближе къ Триесту, чѣмъ сюда). Дано ему на путевыя издержки 300 серебряныхъ флориновъ и сказано, что тамъ будутъ давать деньги на содержаніе (но сколько, того здѣсь не сказали ему).

Теперь имѣемъ и новаго императора! Виндишгрецъ и Елачичъ все еще здѣсь. Словаки снова встаютъ на Мадыаръ. Говорятъ, что все одобрено и подтверждено, что Сербы постановили на Карловацкой скупщинѣ: избраніе патриарха, воеводы и воеводство.

Еслибъ Вы мнѣ отвѣтили, когда получите это письмо, чтобы я зналъ объ этомъ!

Вашъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

P. S. Въ тѣхъ письмахъ, которые переданы были въ канцелярію, когда ихъ получите, найдете отвѣтъ на все. Если гдѣ сойдется съ княземъ Милошемъ, поздравьте его отъ меня. Если Вамъ не будетъ неприятно, сообщите мнѣ чтонибудь о немъ.

(Все письмо собственноручное).

12.

Въ Вѣнѣ 30 ноября 1848 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ.

25 сего мѣсяца я писалъ Вамъ по почтѣ. Сегодня мнѣ сказалъ М. Ф. Р., что вечеромъ отъѣзжаетъ курьеръ, и вотъ я пишу Вамъ нѣсколько строкъ.

Сказываютъ, что сербское воеводство и патриархъ будутъ подтверждены на вѣрное и при томъ не далѣе недѣли.

Думаю, что Елачичъ отправился отсюда вчера къ мадыарской границѣ.

Стаматовичъ въ Банатѣ въ лагерь, гдѣ служитъ ополченцамъ литургію и исповѣдуетъ ихъ.

Здѣсь печатается Миклошичевъ славянскій словарь, изъ котораго посылаю Вамъ пробный листъ.

Въ Карловцахъ начала выходить новая сербская газета „Напредакъ“; посылаю Вамъ первый номеръ ея, но четвертый запрещенъ въ Карловцахъ, какъ говорятъ, потому что въ немъ было нѣчто противъ Виндишгреца. Увидимъ, что будетъ далѣе.

Препоручите меня Александру Максимовичу Княжевичу, поклонитесь отъ меня И. И. Срезневскому (постараюсь какънибудь и ему черкнуть нѣсколько словъ).

Князь Михаилъ, который Васъ любезно поздравляетъ, не только не получалъ отъ Чиркова письма, но ничего не знаетъ и о той ландкартѣ, кромѣ того, что Вы писали ко мнѣ! Извѣстите насъ о томъ, просимъ Васъ усердно, и постарайтесь, чтобы карта эта наконецъ была окончена и прислана сюда поскорѣе. Съ Богомъ!

Вашъ навсегда Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

(Писано собственноручно).

13.

Въ Вѣнѣ 23 декабря 1848 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Надѣюсь, что Вы получили мое письмо отъ 30 Ноября. Съ тѣхъ поръ у

насъ здѣсь получена важная новость, что $\frac{1}{3}$ сего мѣсяца умеръ сербскій воевода Шупликацъ, а $\frac{1}{15}$ вышелъ императорскій манифестъ, коимъ подтверждались и воевода, и патриархъ. Стало быть Шупликацъ только 12 дней былъ настоящимъ воеводою. Теперь совершенно неизвѣстно, кто будетъ избранъ на его мѣсто; можетъ быть Георгій Стратимировичъ; можетъ быть, что и князь Михайлъ могъ бы сдѣлаться воеводою, если бы захотѣлъ подчиниться австрійскому правительству, но думаю, что не захочетъ того. Помянутымъ манифестомъ наши тамъ нисколько не удовлетворены, ибо кромѣ подтвержденія патриарха и воеводы все остальное только *объяснено* имъ. А потому патриархъ писалъ сюда депутаціи, чтобы хлопотали снова; но я сильно боюсь, чтобы не перехитрили.

Въ Банатѣ Мадыяры было побили нашихъ на нѣсколькихъ мѣстахъ и многія села пограбили и выжгли; но наши опять поправились и особенно теперь прибываютъ къ нимъ на помощь многія войска изъ Сербіи.

Императорскія войска подвигаются противъ Мадыяръ со всѣхъ сторонъ; полагаю, что теперь наши Граничары недалеко отъ Пешта и Будима.

Владыка Живковичъ совершенно помирился съ патриархомъ и съ Комитетомъ ⁴⁶⁾, но положеніе Платона по прежнему дурно. Говорятъ, будто бы его послали изъ Будима въ Новый Садъ, чтобы склонить Сербовъ къ миру съ Мадыярами. Такимъ образомъ можетъ случиться, что императорскія войска войдутъ въ Будимъ, а онъ какъ мадыярскаго посланника явится на югъ. О вершацкомъ владыкѣ Поповичѣ сказываютъ, что онъ все еще въ Пештѣ, но онъ можетъ оправдаться скорѣе, чѣмъ Платонъ.

⁴⁶⁾ Народнымъ, управлявшимъ дѣлами Сербскаго воеводства вмѣстѣ съ патриархомъ и воеводою.

„Напредак“ продолжаетъ выходить въ Карловцѣ.

Если на русскій языкъ переведена та книга Монтеस्कье, въ которой онъ описываетъ *причины возрастанія и упадка Римской имперіи*, то князь Михайлъ проситъ Васъ прислать ему ее.

Въ октябрѣ здѣсь говорилось, что Вѣнцы захватили телегу, полную русскихъ денегъ, которыя будто бы посланы были Русскими на содержаніе Банова войска. Одинъ знакомый показывалъ мнѣ и давалъ въ руки одну мѣдную новую копѣйку, увѣряя меня, что взялъ ее изъ тѣхъ денегъ. Но я считалъ все это ложью. Нынѣ же, когда говорятъ и доказываютъ, что Мадыяры перепечатывали хорватскія и вѣнскія газеты и помѣщали въ нихъ кое-что по своему усмотрѣнію, съ цѣлю подвинуть Турокъ изъ Босніи на Хорвацію, мнѣ пришло на умъ: не дѣлали ли они и помянутыя русскія деньги и потомъ посылали ихъ въ Вѣну, чтобы еще болѣе раздражить народъ противъ правительства?

Миклошичъ на этихъ дняхъ былъ здѣсь и опять вернулся въ Кромержижъ; онъ спрашивалъ меня, не отвѣчали ли Вы чего по вопросу о греческой рукописи, и я ему сказалъ, что еще нѣтъ, но надѣюсь скорѣе получить отвѣтъ.

Кланяется Вамъ Ю. Даничичъ, а особенно я со своими домашними. Будьте здоровы и пишите мнѣ; по крайней мѣрѣ я могъ бы знать, что мои письма доходятъ и что Вы здоровы ⁴⁷⁾.

Препоручите меня Александру Максимовичу Княжевичу и поклонитесь И. И. Срезневскому. Если гдѣ сойдется съ княземъ Милошемъ, поздравьте его отъ меня.

Вашъ, какъ и прежде, Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

⁴⁷⁾ До сихъ поръ рукой Даничича, да еще самаго Караджича.

14.

Въ Вѣнѣ 25 гснв. 1849 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Надѣюсь, что Вы получили мое письмо отъ 23 декабря прошлаго года, которое и послалъ Вамъ по почтѣ.

Вѣроятно Вы узнали изъ различныхъ газетъ, что императорскія войска около нашего Рождества вошли въ Пештъ и Будимъ безъ боя, а Кошутъ съ своими побѣжалъ въ Дебречинъ.

Наши въ Бачкѣ держались по прежнему твердо, но въ Банатѣ, гдѣ они помѣшаны съ Румынами и Нѣмцами, Мадыры отѣснили ихъ и прогнали до самаго Панчева, и еслибъ не было Сербовъ изъ княжества, могли бы войти и въ Землинъ (ужь народъ сталъ перебѣгать изъ Землина въ Бѣлградъ); но къ счастью изъ Сербіи снова перешло около 5—6000 людей (съ ними между остальными поглаварями Милосавъ Здравковичъ Ресавацъ, у коего мы въ Тюпріи ночевали и о которомъ Вы сказали: „настоящій русскій баринъ“), и не только отбили Мадыръ отъ Панчева, но заняли Вершацъ и Бѣлую Церковь; а потомъ, когда между Мадырами разнесся слухъ, что императорскія войска въ Пештъ и Будимъ, то взяли и Бечей и Бечкерекъ: такимъ образомъ теперь весь Банатъ очищенъ отъ Мадыръ, а можетъ быть и Бачка, пожалуй даже и Осекъ. Мадыры еще держатся большими отрядами около Дебречина и въ Трансильваніи, и говорятъ, что Сербы отравились изъ Темешвара подъ начальствомъ генерала Тодоровича противъ нихъ.

Избраніе воеводы отложено до того времени, когда воеводство будетъ совершенно очищено отъ Мадыръ. Теперь же тамъ думаютъ, что воеводою будетъ одинъ изъ трехъ: или генералъ Тодоровичъ, или князь Михаилъ Обреновичъ, или Георгій Стратимировичъ. Одна нѣмецкая газета, издаваемая въ

Загребѣ, сообщила на дняхъ, что патриархъ Раичичъ хлопочетъ, чтобы князь Михаилъ сдѣлался воеводою; но другіе оттуда извѣщаютъ, что это не вѣрно, а что онъ старается, чтобы императоръ Францъ Іосифъ былъ сербскимъ воеводой (Herzog der Serben diesseits der Sau etc.). Это же предлагалъ въ сербской „Славянской Липѣ“, въ Митровицѣ, и докторъ Іованъ Субботичъ, съ которымъ Вы познакомились въ Пештъ и Будимъ и который недавно былъ въ Оломуцъ и Кромержижъ. Кромѣ того многіе Сербы тамъ, особенно молодежь, да и самъ комитетъ, жалятся на патриарха, что болѣе трудится на пользу императорскую, чѣмъ народную. Теперь онъ путешествуетъ по Банату. Да и было за чѣмъ! Когда наши взяли Вершацъ, то народъ хотѣлъ убить владыку (вершацкаго) Поповича или по крайней мѣрѣ обрить его, и едва отнял и защитилъ его генералъ Тодоровичъ; не знаю, что потомъ присудилъ ему патриархъ. Нашъ Платонъ Атанацковичъ выѣхалъ изъ Будима прежде, нежели императорскія войска вступили туда, и, какъ говорили, посланъ отъ Кошута къ Сербамъ для заключенія мира. Дѣйствительно онъ нѣкоторое время былъ въ Новомъ Садѣ, но потомъ, сказываютъ, возвратился въ Сомборъ; говорятъ, что теперь и онъ проповѣдуетъ противъ Мадыръ; увидимъ, поможетъ ли ему это. Светичъ перебѣжалъ изъ Новаго Сада въ Карловцы, а въ Новомъ Садѣ все еще распоряжаются Мадыры, ибо Петроварадинъ въ ихъ рукахъ.

Вѣроятно Вы слышали, что въ Прагѣ основана *Славянская Липа*, по ея примѣру возникла *Славянская Липа* и въ Загребѣ, а Субботичъ устроилъ такую же въ Митровицѣ (гдѣ онъ президентомъ), а теперь устраиваютъ и въ Задрѣ; въ Триестѣ же существуетъ *славянское собраніе*, въ которомъ сходятся Сербы и Словенцы, а въ Карловцахъ прежде всѣхъ этихъ обществъ нашихъ основанъ „Напредакъ“. Въ Бѣлградѣ уже давно *дружина сербской молодежи*, а

можетъ быть и тамъ есть какая либо *Лима*. Вы видите, что все ударилось въ общества.

Сказываютъ, что 9 марта по римскому календарю Славяне, особенно которые находятся на сеймъ въ Кромержижѣ, будутъ праздновать въ какомъ-то монастырѣ въ Моравіи „во славу и честь“ Кирилла и Меодія. Если будетъ хорошее время и буду здоровъ, можетъ быть и я поѣду на эту славу.

Милошичъ вчера прибылъ сюда изъ Кромержижа и удивляется, что до сихъ поръ мы не имѣемъ отъ Васъ никакого извѣстія. Его славянскій словарь печатается успѣшно.

Дней за двадцать предъ симъ я послалъ съ Милованомъ Пейчиновичемъ, служителемъ князя Милоша, четыре портрета бана Елачича, два большіе и два малые. Надѣюсь, что Вы получите ихъ (каждый подписанъ моею рукою).

Вотъ Вамъ мое объявленіе ⁴⁸⁾. Увѣренъ, что постараетесь собрать подписчиковъ на мое изданіе. Хорошо бы было, еслибъ Вы могли поручить это комунибудь въ Кіевѣ (въ Харьковѣ, надѣюсь, постарается И. И. Срезневскій, которому пишу сегодня, а въ Москву буду писать М. П. Погодину; было бы недурно, если бы Вы написали комунибудь туда же).

Прошу Васъ передать мой поклонъ А. М. Княжевичу и поскорѣе написать мнѣ чтонибудь.

Вукъ Стефановичъ Караджичъ.
(Все письмо рукою Дапчича).

15.

Въ Вѣнѣ, 30 января 1849 г.

Еще 21-го сего мѣсяца Карловцы объявлены въ осадномъ положеніи, и обѣ тамошнія газеты („Вѣстникъ“ и „Напредакъ“) запрещены впредь до распоряженія. Про-

⁴⁸⁾ О приготавливаемомъ изданіи „Сербскихъ народныхъ пословицъ“; при чемъ говорилось и о другихъ задуманныхъ Караджичемъ книгахъ, какъ-то: Словаръ, Пѣсняхъ Народныхъ, Пословицахъ, Сказкахъ, Загадкахъ, Исторіи Кара-Георгія, и т. п.

изошло ли это вслѣдствіе несогласія и препирательствъ между патриархомъ и Народнымъ Комитетомъ, или по манифесту отъ 3 октября, въ которомъ вся Венгрія объявляется въ осадномъ положеніи, навѣрно еще неизвѣстно; но само собою разумѣется, что изъ этого можетъ произойти очень многое. Если будетъ другая причина тому, то это достигнетъ и Загребѣ, а тамошнія газеты и безъ того кричатъ, на чемъ свѣтъ стоить, противъ теперешняго австрійскаго министерства. Новое мадьярское правительство въ Будимѣ послало въ Загребъ *повельніе на мадьярскомъ языкѣ*! Наконецъ и банъ Елачичъ можетъ очутиться въ очень дурномъ положеніи и не будетъ знать, на что ему обращать вниманіе: на повелѣнія министерства, или на желанія и ожиданія своего народа и всего славянства въ Австріи. Вооруженныхъ Сербовъ изъ Сербіи на здѣшней сторонѣ будетъ около 10.000. Я никакъ не могу додуматься, какъ они разстанутся съ здѣшними австрійскими Сербами; а по всей вѣроятности правительство будетъ стараться, чтобы это совершилось скорѣе.

Вершацкій владыка Поповичъ отрекся (по неволѣ) отъ архіерейства и отправленъ подъ стражею въ монастырь Фенекъ (близъ Землина) на житье. О Платонѣ не слышно еще ничего. Ему еще можетъ помочь военное положеніе, если оно распространится и на Бачку; ибо ему легче будетъ оправдаться предъ императорскими офицерами, чѣмъ предъ народомъ.

Въ послѣдній разъ (25 сего мѣсяца) и писалъ къ Вамъ по почтѣ и послалъ одно объявленіе; вотъ Вамъ теперь и другое.

Вукъ.

Р. С. Прежде чѣмъ Карловцы были объявлены въ осадномъ положеніи, патриархъ и генералъ Тодоровичъ послали изъ Баната солдатъ *закрывать* Народный Комитетъ (то есть запечатали канцелярію и объявили членамъ, чтобы не

смѣли болѣе собираться въ засѣданіи). Георгія Стратимировича (вице-президента этого Комитета), который уже давно былъ въ несогласіи съ патриархомъ и который рассчитывалъ сдѣлаться воеводою, вызвали въ Банатъ, и сказываютъ, что выѣхалъ изъ Карловцевъ, но прибылъ ли туда, куда звали, еще неизвѣстно. Все хуже и хуже! А можетъ быть, что все это еще только начало того, что будетъ далѣе.

(Писано собственноручно).

16.

Въ Вѣнѣ 10 марта 1849 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Последнее письмо послалъ Вамъ по почтѣ 30 генваря. Съ тѣхъ поръ здѣсь случилось много кой-чего новаго, но особеннаго постигнѣ ничего. Изъ газетъ Вамъ извѣстно, какъ разогнанъ имперскій сеймъ въ Кромержижѣ и объявленъ уставъ. Этимъ уставомъ многіе недовольны, особенно Хорваты и Чехи, и по всей вѣроятности нѣкоторые пункты должны въ немъ измѣниться. Министерство пригласило вліятельныхъ людей изъ различныхъ земель, чтобы договориться съ ними, какъ все устроить: такъ изъ сербскаго воеводства ожидается Яковъ Живановичъ (который въ Сербіи былъ любимцемъ князя Милоша), адвокатъ Пасковичъ, который прежде былъ секретаремъ митрополита Рачича, и Шупликацъ, бывший правительственный чиновникъ; Коляръ уже прибылъ изъ Пешта сюда съ тою же цѣлю, а слышно, что на сихъ дняхъ придутъ и Штуръ и Гурбанъ съ нѣсколькими Словаками; изъ Праги приглашенъ Палацкій съ двумя другими; но слышно, что ни одинъ изъ нихъ не будетъ сюда.

Такъ какъ воеводство уже очищено отъ Мадырѣ, то войска изъ Сербіи, которыя были въ Сремѣ, Бачкѣ и Банатѣ, двинулись назадъ и дошли до Землина; но кажется только немногіе пе-

рейдутъ въ Сербію, а остальные останутся на этой сторонѣ и вернутся вглубь воеводства. Выдаютъ за вѣрное, что здѣшнее правительство дало нынѣшнему князю Сербіи и Стефану Кничанину, который былъ начальникомъ надъ здѣшнимъ войскомъ изъ Сербіи, ордена Леопольда 1 ст., а Аврааму Петроневичу, Стояну Симичу и Ильѣ Гарашанину желѣзной короны 2 ст.

О Платонѣ Атанаковичѣ извѣстно лишь то, что онъ былъ въ Сомборѣ, когда Сербы выгнали оттуда Мадырѣ, и что потомъ патриархъ послалъ ему изъ Кикинды чрезъ военнаго начальника приказаніе явиться къ нему.

Стаматовичъ былъ въ Землинѣ при сербскомъ войскѣ, а куда направился оттуда, не знаю.

Мадыры все еще держатся на сѣверо-востокѣ Венгріи. Слачичъ жилъ въ Пештѣ, а войска его размѣщены по разнымъ мѣстамъ; теперь говорятъ, что и онъ отправился къ Сегедину, а оттуда пойдетъ съ Сербами на Дебrecинѣ.

Миклошичъ теперь здѣсь и печатаетъ свой словарь, но удивляется, что отъ Васъ нѣтъ никакого отвѣта; я и М. Ф. Р. тоже дивимся тому. Но будьте здоровы и спокойны! ⁴⁹⁾

Князь Михаилъ, который поздравляетъ Васъ, удивляется, что до сихъ поръ не получалъ карты отъ Чиркова.

Мой поклонъ Александру Максимовичу и поздравленіе И. И. Срезневскому; а равно и князю Милошу, если гдѣ увидите его.

Вашъ, какъ и прежде, Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

17.

Въ Вѣнѣ 23 апрѣля 1849 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Если Вы еще живы, то надѣюсь, что уже получили мое письмо отъ 31 марта ⁵⁰⁾.

⁴⁹⁾ До сихъ поръ рукою Давничча, далѣе—Караджича.

⁵⁰⁾ Этого письма нѣтъ въ собраніи, которыми мы пользовались. Въ немъ по всей вѣ-

Дѣла наши въ воеводствахъ съ тѣхъ поръ повернулись на лучшее. Но крайней мѣрѣ Мадыры не успѣли раззорить Срема. А теперь будетъ еще лучше, какъ придетъ туда банъ Елачичъ. Противъ патріарха и всѣхъ прежнихъ генераловъ императорскихъ (Тодоровича, Рукавины, Нужана, Майергофера), народъ нашъ кричитъ изо всѣхъ силъ; можетъ быть, что банъ нѣсколько поправитъ это. Когда здѣсь разнеслась вѣсть, что императорскія войска оставили Цештъ и отступили до Дюра (Раабъ), многіе стали подумывать, куда бы укрыться изъ Вѣны; но теперь какъ услышали, что русскія войска идутъ сюда на помощь, вздохнули свободнѣе.

Я завтра хочу съ Божіею помощію отправиться въ воеводство и Сербію, но чрезъ два мѣсяца надѣюсь опять быть здѣсь.

Объ книжицы мои готовы, и теперь печатаются имена подписчиковъ. Чрезъ нѣсколько дней пошлю Вамъ чрезъ здѣшнее русское посольство только два экземпляра: одинъ Вамъ, а другой передайте И. И. Срезневскому.

Вашъ Вукъ Стефановичъ Караджичъ.
(Писано рукою Даничича).

18.

Въ Вѣнѣ 18 іюля 1849 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Въ послѣдній разъ я писалъ Вамъ 23 апрѣля; потомъ былъ въ Загребѣ, Землинѣ, Бѣлградѣ, Шабцѣ и въ Ядрѣ, мѣстѣ своего рожденія, а теперь опять въ Вѣнѣ. Очень мнѣ жаль, что не имѣю отъ Васъ никакого извѣстія. Я боялся, не умерли ли Вы; но кто то писалъ оттуда Миклошичу, что Вы живы; потомъ я узналъ отъ служителя князя Милоша, что Вы были больны, что мнѣ болѣе

ростности сообщались первыя извѣстія о поворотѣ военного счастья въ пользу Мадыръ, вызвавшемъ внимательство Россіи въ австрійскія дѣла.

непріятно, чѣмъ отсутствіе Вашихъ писемъ.

Дней за осьмнадцать предъ симъ я передалъ въ канцелярію русскаго посольства два экземпляра новыхъ книжекъ моихъ для Васъ; не знаю, получили ли Вы ихъ. Вскорѣ пошлю Вамъ еще нѣсколько для Москвы, Харькова и Казани. Послалъ бы и графу Уварову для Государя и Наслѣдника, но не знаю, не лучше ли будетъ послать и эти экземпляры на Ваше имя; а Александръ Максимовичъ передастъ ихъ Уварову: могу ли такъ поступить? Еслибъ Вы рѣшились тамъ сдѣлать что нибудь въ мою пользу, можетъ быть Вамъ помогъ бы и графъ Дмитрій Николаевичъ Блудовъ, съ коимъ я познакомился здѣсь два года тому назадъ.

Въ Землинѣ я видѣлся съ нашимъ Платономъ и думаю, что теперь онъ на Фрушкой горѣ въ монастырѣ Раваницѣ. Онъ на покоѣ, а объ его епархіи (и старая, и новая) во власти Мадыръ. Владыка Поповичъ умеръ въ селѣ Бежани близъ Землина (должно быть выѣхалъ изъ Фенека въ Землинъ, чтобы лѣчиться, но не могъ найти квартиры). Стаматовичъ между Землиномъ и Карловцами. Патріархъ карловацкій потерялъ любовь и довѣріе своего народа, и теперь говорятъ, что министерство отняло у него званіе *императорскою коммиссара*. Онъ запретилъ объ сербскія газеты, печатавшіяся на этой сторонѣ Дуная („Напредак“ и „Вѣстник“), а бѣлградскія газеты не допускаются въ австрійскую имперію; и теперь его сторонники издають въ Землинѣ какую-то газету подъ названіемъ „Позорник“. За это и за многое другое противъ патріарха такъ кричатъ, что иные даже говорятъ: слѣдовало бы его повѣсить!

Мадыры опять стѣснили Бачку; дай Богъ, чтобъ не проникли въ Сремъ, Славонію и Хорвацію!

Пишите мнѣ что нибудь, чтобъ я зналъ, что Вы живы. Должно быть, Вамъ уже не нужна та греческая рукопись. Я же самъ, какъ и прежде. Прошу передать

мой сербскій поклонъ Александру Максимовичу.

Вашъ прежній Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

Р. С. Вѣроятно Вы уже слышали, что Новый Садъ *весь сторль* ⁵¹⁾. Светичъ въ Бѣлградѣ, какъ бѣглець; а остальные Новосадчане по Срему и Сербіи, какъ и многіе другіе Бачване и Банатцы.

(Собственноручное).

19.

Въ Вѣнѣ 25 октября 1849 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Банъ и патриархъ съ прошлаго лѣта состояли въ великой любви между собой, но съ тѣхъ поръ какъ патриархъ отрѣшенъ отъ комиссарства, стали говорить о несогласіи между ними; ибо патриархъ думаетъ, будто банъ причиною того отрѣшенія, а нынѣ это несогласіе обнаружилось явно. Вы знаете, что патриархъ запретилъ обѣ сербскія газеты въ Земливѣ и вмѣсто нихъ сталъ издавать на народныя средства „Позорникъ“. Въ этомъ „Позорникѣ“ за нѣсколько дней предъ симъ напечатаны были двѣ статьи противъ союза Сербовъ съ Хорватами, а можно сказать и прямо противъ бана, ибо мимоходомъ онъ названъ въ статьѣ интриганомъ. Изъ приложеннаго здѣсь отвѣта на эти статьи увидите лучше, что въ нихъ было, и какъ противная сторона на то отвѣчаетъ. Только сообщу Вамъ еще, что помнугыя статьи въ „Позорникѣ“ напечатаны въ 5000 экземпляровъ (а подписчиковъ на газету, говорятъ, не болѣе 60), и когда нарочно нанятой для того разносчикъ сталъ развозить ихъ въ телѣжкахъ и раздвигать бесплатно, военная власть задержала его, конфисковала статьи и привлекла къ суду редактора, который въ оправданіе свое объявилъ, что статью эту прислалъ ему патриархъ изъ Вѣны. Здѣсь думаютъ и говорятъ, что вопросъ о воеводствѣ уже рѣшенъ въ министер-

ствѣ, и всякій день ожидается объявленіе въ газетахъ такого рода: что воеводство причислено къ числу коронныхъ земель, что оно заключаетъ въ себѣ Сремъ, Бачку и Банатъ, и что временнымъ намѣстникомъ назначенъ генераль-маіоръ Майергоферъ, который недавно былъ австрійскимъ консуломъ въ Бѣлградѣ, а теперъ среди этихъ смятеній замѣшался между Сербами и сдѣлался генераломъ.

Вашъ, какъ и прежде, Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

(Писано рукою Даничича).

20.

Въ Вѣнѣ 18 ноября 1849 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Изъ приложеннаго здѣсь печатнаго листа увидите, чего патриархъ *искалъ*, а изъ того, что я продиктовалъ Юрію Даничичу, увидите, что *дано*. Нѣкоторые думаютъ, что для Сербовъ было бы хуже, еслибы все дано было такъ, какъ было просимо ⁵²⁾.

Слышу, что Уваровъ болѣе не министръ и при смерти; а потому экземпляры „Пословицъ“ и „Ковчежца“, назначенные было для него, пусть Александръ Максимовичъ окажетъ милость, передастъ новому министру просвѣщенія. А впрочемъ какъ Васъ Богъ научить!

Не разсердитесь ли, что посылаю Вамъ этотъ печатный листъ, отчего должны будете заплатить больше почтовыхъ? Полагая, что Вамъ будетъ пріятно имѣть его, если Вы только не получили съ другой стороны, я рѣшился послать его.

Простите также, что я приложилъ по одному экземпляру „Пословицъ“ и „Ковчежца“ и для Буслаева.

Вашъ прежній Вукъ.

⁵¹⁾ Любопытно, что Платонъ Атанацковичъ тогда же перевелъ императорскій патентъ о воеводствѣ на сербскій языкъ и издалъ особю брошюрою (въ Вѣнѣ, въ типогр. Армянскаго монастыря, 1849; 30 стр. in 8).

⁵²⁾ Отъ бомбардировки.

(На особомъ листѣ).

Наконецъ вышелъ (въ предвчерашнемъ номерѣ Wiener Zeitung) императорскій указъ о сербскомъ воеводствѣ. Илоцкій и Румскій уѣзды въ Сремѣ, вси Бачка и Банатъ, кромѣ Военной Границы, составляютъ новую область, столицею которой будетъ Темешваръ. Населеніе этой области будетъ раздѣлено по народностямъ на три главные округа. Помянутые два сремскіе уѣзда, а изъ Бачки и Баната тѣ мѣстности, гдѣ Сербы составляютъ большинство, будутъ называться „Сербское воеводство“⁵³⁾. Императоръ принимаетъ титулъ: „Grosswojwoda der Wojwodschafft Serbien“, а главный правитель воеводства будетъ называться „вице-воевода“, назначать же его будетъ самъ императоръ. Воеводству предоставляется, по обсужденіи и рѣшеніи на его скупщинѣ и съ одобренія высшаго правительства, и впредь соединяться съ какою либо другою коронною землею. И такъ въ наше время образовалась еще одна Сербія! За то Карловцы внѣ воеводства, въ Военной Границѣ, которая состоитъ подъ властью бана; равно и остальные два верхніе уѣзда Срема, вуковарскій и товарницкій, отнесены къ землямъ бана. Сербы, или вѣрнѣе сказать та сторона, которая противилась соединенію съ Хорватіей и глава коей патриархъ, особенно въ своей правительственной газетѣ „Позорникъ“, возстаютъ на Хорватовъ и на бана, какъ на величайшихъ враговъ своихъ, и точно такимъ же образомъ начинаютъ возставать Румыны на Сербовъ и требовать своего отдѣленія отъ нихъ въ церковныхъ дѣлахъ, чтó по всей вѣроятности

⁵³⁾ Границы бывшаго Сербскаго воеводства опредѣлены здѣсь довольно точно; на Сербскомъ церковно-національномъ конгрессѣ 1861 года, носившемъ названіе Благовѣщенскаго, ихъ пытались опредѣлить съ еще большею точностію, но пришли къ тремъ провѣткамъ. Теперь воеводство опять включено въ составъ Венгерскаго королевства, хотя и удержалось въ титулѣ австрійскаго императора.

и будетъ исполнено⁵⁴⁾. Патриархъ очень слабъ. Синодъ отложенъ до весны, и тогда будетъ засѣдать здѣсь. Владыка Евта давно вернулся назадъ, а Живковичъ и Платонъ еще здѣсь, но кажется еще не выдались другъ съ другомъ. О новосадской епархіи еще неизвѣстно, чья будетъ. Феодоръ Павловичъ, который прежде издавалъ газету въ Пештѣ, сдѣлался вмѣсто Тюрковича главнымъ правителемъ сербской школы!!! Видите, какъ наши дѣла идутъ впередъ. За нѣсколько дней предъ симъ прибылъ сюда Светицъ съ семействомъ, чтобы зимовать. Юридическо-терминологическая комиссія, съ концемъ сего мѣсяца по римскому календарю, окончила свое дѣло, и члены ея уже развѣщаются; только для всякаго нарѣчія осталось по одному редактору, чтобы присматривать за печатаніемъ. Печататься будетъ два изданія: одно будетъ общее для всѣхъ нарѣчій, а другое отдѣльное для каждаго нарѣчія⁵⁵⁾.

Миклошичъ опять прivityтствуетъ Васъ и просить, чтобы Вы написали что нибудь порусски для его журнала, ибо, говорить, будутъ статьи на всѣхъ славянскихъ языкахъ австрійской имперіи, пусть же будетъ и порусски (еслибы

⁵⁴⁾ Въ 1868 совершилось окончательное раздѣленіе сербской и румынской православныхъ церквей въ австрійской имперіи. Во главѣ православныхъ Румынъ сталъ митрополитъ ихъ, баронъ Шагуна, извѣстный писатель по исторіи церкви и каноническому праву.

⁵⁵⁾ Комиссія, составленная австрійскимъ правительствомъ послѣ распушенія Кромержижскаго сейма съ спеціальною цѣлію создать определенную и неизмѣнную юридико-политическую терминологию для всѣхъ славянскихъ нарѣчій, употребляемыхъ въ имперіи Габсбурговъ, была однимъ изъ лучшихъ дѣлъ, вызванныхъ событіями 1848 г. Она издала потомъ свои труды, при помощи которыхъ и печатаются теперь австрійскіе законы на всѣхъ славянскихъ языкахъ. Рекомендуюмъ вниманію нашихъ ученыхъ юристовъ и публицистовъ тѣ словари, которые составлены были этою комиссіею: для польскаго, чешскаго и словацкаго, галицко-русскаго, сербскаго, хорватскаго и словенскаго нарѣчій.

Вы написали о сербскомъ литературномъ языкѣ, о чемъ хотѣли было прежде писать! А впрочемъ, напишите, что Вамъ угодно)⁵⁶⁾.

Намѣстникомъ вышепомянутой области назначенъ генералъ Майергоферъ, который прежде былъ въ Сербіи генеральнымъ консуломъ; помощникомъ ему въ гражданскихъ дѣлахъ нѣкто Гриць (Griez), бывший въ Котторѣ окружнымъ начальникомъ⁵⁷⁾.

Не могу не послать Вамъ двухъ листовъ изъ Wiener Zeitung, въ которыхъ напечатаны министерскій докладъ и императорское рѣшеніе о воеводствѣ. Если Вы не получите ихъ прежде откуда либо съ другой стороны, то вѣроятно Вамъ будетъ пріятно видѣть ихъ; если же получите, то прошу покорно извинить меня.

21.

Въ Вѣнѣ 17 февраля 1850.

Милостивый государь Николай Ивановичъ.

Отъ 18 ноября прошлаго года не писалъ Вамъ ничего съ одной стороны потому, что не совсѣмъ былъ здоровъ, а съ другой потому, что нечего было писать.

Патріарху нѣсколько лучше, но все еще слабъ. Онъ теперь поссорился и съ Майергоферомъ. Послѣдній, отправившись отсюда въ Темешваръ, проѣздомъ чрезъ Землянъ *разомалъ* остатки народнаго правительства, взялъ народный архивъ и отвезъ съ собою въ Темешваръ. Секретарь не хотѣлъ отдавать ему добровольно архивъ, но хотѣлъ отвезти его въ Карловцы (какъ ему, по его показанію, приказывалъ

⁵⁶⁾ Здѣсь очевидно идетъ рѣчь о «Slavische Bibliothek», первый томъ которой вышелъ въ Январѣ 1851 года и заключалъ въ себѣ статьи на нѣмецкомъ, латинскомъ, сербскомъ, польскомъ, хорватскомъ и русскомъ языкахъ, принадлежавшія самому издателю, Копитару, Фидлеру, Караджичу, Кузманичу, Даничичу, Слотвинскому, Шюллеру и другимъ.

⁵⁷⁾ До сихъ поръ рукою Даничича, далѣе Караджича.

патріархъ) но Майергоферъ отвѣчалъ, что ему приказало министерство взять архивъ къ себѣ, и такъ онъ взялъ его, а секретаря прогналъ оттуда. Кромѣ различныхъ новыхъ писемъ въ томъ архивѣ есть старыя различныя драгоценныя вещи, какъ напр. дипломы, привиллегіи, рукописи и т. д., которые легко можно уничтожить или украсть.

Здѣсь еще и Живковичъ, и Платонъ. Первый на этихъ дняхъ, полагаю, отправится въ Темешваръ, а Платонъ печатаетъ *аналитику патріаршескаго письма* (какъ бы отвѣтъ на обвиненіе); когда будетъ готово, пошлю Вамъ. О новосадской епархіи еще ничего неизвѣстно. Синодъ отложенъ до 18 мая; а потому и патріархъ хочетъ уѣхать, если ему позволить болѣзнь. Румынскіе владыки (трансильванскій, буковинскій и арадскій) не хотятъ признавать патріарха Раячича и ищутъ отдѣлиться отъ сербовъ, и даже въ Вершцѣ поставить румынскаго владыку. Сербскій народъ въ Австріи никогда еще не былъ такъ слабъ какъ теперь, ибо нѣтъ людей въ уровень съ потребностями нашего времени. Светичъ назначенъ министерскимъ комиссаромъ (и то вмѣсто какого-то Мадьяра) устроить суды въ воеводствѣ; думаю, что и онъ отправится внизъ, когда откроется пароходство. Банъ Елачичъ все еще здѣсь, и съ каждымъ днемъ становится яснѣе, что онъ находится въ томъ положеніи, о которомъ я Вамъ писалъ прежде. Гай добился, что его газета будетъ министерскою (онъ все около денежныхъ доходовъ).

15 дней тому назадъ (21 прошлаго мѣсяца) я получилъ отвѣтъ отъ Географическаго Общества; теперь еще жду, что сдѣлаетъ Александръ Максимовичъ съ другими книгами: я много надѣюсь на его помощь; но если надежда обманетъ меня, мы все таки останемся попрежнему, а ему спасибо за трудъ!

Если думаете сѣздить лѣтомъ въ Боснію, то слѣдовало бы Вамъ написать ко мнѣ, когда Васъ ждать сюда.

Прошу Васъ передать мой поклонъ и поздравленіе Александру Максимовичу.

Всѣ мои поздравляютъ Васъ, а особенно

Вашъ Вукъ.

(Собственноручное).

22.

Въ Вѣнѣ 16 марта 1850 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Надѣюсь, что Вы получили мое письмо отъ 5 прошлаго мѣсяца. У насъ мало здѣсь новаго. Владыка Живковичъ уѣхалъ, и патриархъ говоритъ, что уѣдетъ чрезъ пять или шесть дней (онъ немножко поправился, но все еще слабъ). Атанаковичъ говоритъ, что уѣдетъ, когда кончитъ *Аналитику*. О новосадской епархіи ничего неизвѣстно. Незвѣстно навѣрно, когда соберется синодъ: теперь ему назначенъ срокъ на 18 мая; но патриархъ говоритъ, что радъ бы сѣздить въ мечадійскія купальни, и стало быть синодъ можетъ быть отложенъ до августа. Светичъ уѣхалъ „устроить суды“.

Узнавъ на этихъ дняхъ изъ газетъ, что князь Платонъ Александровичъ назначенъ министромъ просвѣщенія, я написалъ ему прилагаемое здѣсь письмо, которое прошу Васъ или Александра Максимовича передать ему. На другой сторонѣ сего письма увидите, что я писалъ ему. Можетъ быть, что изъ словъ „новыя изданія“ онъ пойметъ, что и „Ковчежецъ“ былъ напечатанъ прежде; но это будетъ невѣрно. Я впрочемъ болѣе надѣюсь на рекомендацію Вашу и Александра Максимовича, чѣмъ на сто моихъ писемъ.

Еслибъ Вы могли написать мнѣ, собираетесь ли сюда и когда именно! Мой покорный поклонъ и поздравленіе Александру Максимовичу.

Вашъ, какъ и прежде, Вукъ.

(Собственноручное).

При семъ копія съ письма къ князю П. А. Ширинскору-Шихматову:

Ваше сіятельство! Милостивѣйшій государь! Сіятельнѣйшій князь Платонъ Александровичъ!

Узнавъ о новомъ достоинствѣ, въ какое любовь и довѣренность великаго Монарха облекли ваше сіятельство для блага русскаго народа, на радость всего славянскаго міра, съ коимъ и я, уже счастливый Вашею высокою благосклонностію, раздѣляю сіе свѣтлос, велицебѣрное чувство вопли въ признательномъ моемъ сердцѣ, я приемлю днесъ дерзновеніе поздравить Васъ съ Божиимъ надъ Вами благоволеніемъ и поручить Вашему просвѣщенному, великодушному вниманію мое тридцатипестилѣтнее служеніе славянству на поприщѣ сербской литературы.

Водимый постояннымъ моимъ усердіемъ къ пользамъ славянской словесности и увлекаемый обычною моею радостію приносить вашему сіятельству жертву отъ трудовъ моихъ, какъ дань моего высокаго уваженія къ доблестямъ, украшающимъ Ваше имя, я осмѣлился и въ прошломъ 1849 г., въ ноябрѣ мѣсяцѣ, черезъ Александра Максимовича Княжевича послать Вамъ въ подарокъ новыя изданія „*Народныхъ сербскихъ пословицъ*“ и „*Ковчежеца для исторіи, языка, нравовъ и обычаевъ Сербовъ всѣхъ трехъ религій*“, также и особый экземпляръ для Русскаго Отдѣленія Академіи Наукъ.

При семъ имѣю честь донести вашему сіятельству, что тѣмъ же путемъ и повергаю сія изданія къ священнымъ стопамъ Его Императорскаго Величества Государя Императора, Самодержца Всероссійскаго Николая Павловича, и Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника, Цесаревича, Великаго Князя Александра Николаевича, — какъ усердное мое приношеніе августѣйшимъ покровителямъ единовѣрной и единоплеменной Сербіи, и осмѣливаюсь ласкать себя надеждою, что Ваше Сіятельство соблаговолите сему моему предпріятію дать надлежащій ходъ подъ Вашимъ высокимъ покровительствомъ.

Съ глубочайшими чувствами благодарности и благоговѣнія къ Вашему имени имѣю честь быть

Вашего сіятельства всепокорнѣйшимъ слугою докторъ философіи и сербскій литераторъ Вукъ Караджичъ.

Вѣна 1850 года
(Февраля 28
марта 12)

(Здѣсь сохраненъ языкъ подлинника).

23.

Въ Вѣнѣ 5 мая (нашего) 1850 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Надѣюсь, что Вы получили мое письмо, которое я послалъ 16 марта по римскому календарю, съ приложеніемъ къ нему на имя нынѣшняго министра прощвенія и что Вы передали его куда слѣдуетъ по моей просьбѣ; нынѣ все еще надѣюсь на благопріятный отвѣтъ. Въ понедѣльникъ послѣ Пасхи я получилъ дипломъ отъ Русскаго Географическаго Общества; знаю, что это Ваше дѣло, и очень благодаренъ за сей новый знакъ Вашей пріятельской любви и благоклонности. Сегодня я передалъ въ канцелярію здѣшняго русскаго посольства письмо на имя Э. П. Литке, въ коемъ благодарю и Общество. Въ другой разъ пошлю Обществу, которую либо изъ моихъ прежнихъ книгъ.

Я передалъ въ помянутую канцелярію и для Васъ въ одномъ пакетѣ экземпляръ моего перевода Новаго Завѣта и экземпляръ книги Исидора Николича о Воеводствѣ⁵⁸⁾: первую изъ этихъ книгъ прошу Васъ передать отъ моего имени Александру Максимовичу, а другую посылаю Вамъ.

Такъ какъ Васъ до сихъ поръ нѣтъ здѣсь, а также нѣтъ и писемъ отъ Васъ, то это для меня служить знаніемъ, что Вы нынѣшнимъ лѣтомъ не думаете по-

сѣтить наши края; а такъ какъ я слышу, что Александръ Максимовичъ собирается въ Крымъ, то думаю, что и Вы поѣдете съ нимъ. Завтра я уѣзжаю въ Сербію, но чрезъ два мѣсяца думаю опять быть здѣсь.

У насъ нѣтъ ничего особенно новаго. Банъ женится, какъ вѣроятно Вы знаете изъ газетъ. Патріархъ уѣхалъ въ Карловцы, а оттуда собирается въ Мехадію. Синодъ отложенъ до осени. Платонъ все еще здѣсь: въ Новый Садъ его не пускаютъ, а въ Будимъ самъ не хочетъ. Его отвѣтъ готовъ, но онъ еще не выпускаетъ его въ свѣтъ; должно быть ждать, не помирится ли съ патріархомъ⁵⁹⁾. Князь Михаилъ здѣсь, но собирается въ Малую Валахію; онъ говорилъ мнѣ, что хочетъ писать Вамъ предъ своимъ отъѣздомъ.

Моя жена и дочь любезно Васъ поздравляютъ; мой Дмитрій въ здѣшней инженерной академіи и между 77 учениками *сторымъ*; только мнѣ тяжело платить за него около 600 флоринновъ въ годъ.

Мое покорное поздравленіе и поклонъ Александру Максимовичу!

Будьте здоровы и веселы и не забывайте

Вашего, какъ и прежде, Вука.

(Собственноручное)

24.

Въ Вѣнѣ 22 сентября 1850 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Я писалъ Вамъ 5 мая предъ отъѣдомъ въ Сербію; нынѣ берусь за перо, чтобы писать снова.

За нѣсколько дней предъ симъ я получилъ письмо отъ князя Платона Александровича съ драгоценнѣйшимъ перстнемъ

⁵⁸⁾ Изданъ въ концѣ 1850 г. подъ заглавіемъ: «Аналитика писма нѣговимъ блаженствомъ господиномъ патріархомъ Іосифомъ Раичичемъ подъ 22 ноємбр. 1849 епископу Платону Атанацковичу послатога.» См. Гласник Серб. Друш. XXI, 369.

⁵⁹⁾ Николичъ Исидоръ, Войводство Серб-Аустрійски. У Вѣнии, 1849. л. 4, стр. 175 in 8.

отъ Государя, за что благодарю и Васъ и Александра Максимовича.

Платонъ Атанацковичъ послѣ цѣлаго года ожиданій кончилъ здѣсь свое дѣло удачно: императоръ призналъ его совершенно правымъ и подтвердилъ его на бачской епархіи. Это для патріарха Раячича очень неприятно, и не знаю, какъ онъ приметъ это извѣстіе.

Срокъ для собранія нашихъ владыкъ здѣсь отмиѣняемъ былъ до сихъ поръ три раза, все изъ за болѣзни патріарховой, а теперь министерство позвало всѣхъ сюда къ 15 октября н. ст. Говорятъ, что патріархъ *не хочетъ* быть и къ этому сроку, и прямо можно сказать, что онъ теперь въ ссорѣ съ министерствомъ; увидимъ что будетъ.

Банъ свои хлопоты о Хорваціи и Военной Границѣ окончилъ очень хорошо, на что мы не надѣялись, и теперь еще здѣсь хлопочетъ о чемъ-то для Границы. Наше же воеводство въ очень дурномъ положеніи болѣе всего потому, что нѣтъ людей, а какіе есть, и тѣ въ разладѣ между собой, и всякій тянетъ на свою сторону; но главное все таки въ томъ, что *нѣтъ людей*.

Здѣсь въ государственной типографіи готовятъ къ печатанію *всѣхъ* нашихъ церковныхъ книгъ; не знаю, хотятъ ли исполнить это на дѣлѣ или будетъ также какъ и до сихъ поръ, ибо за это принимались уже нѣсколько разъ.

Моего Словаря печатается уже пятый листъ, и въ немъ будетъ около 20.000 новыхъ словъ. И Вученята работаютъ по немногу, особенно Юрій Даничичъ. Когда будетъ напечатано около половины Словаря, издамъ объявленіе о подпискѣ, тогда и Вы поищите мнѣ у себя подписчиковъ.

Вѣрно Вы слышали, что императоръ почтилъ меня своимъ орденомъ (виѣсть съ Шафарикомъ и Коляромъ). Мнѣ и не снилось получить австрійскій орденъ прежде русскаго, а вотъ таки получилъ.

Мой Дмитрій въ здѣшней инженерной академіи и учится очень хорошо: въ этомъ (уже въ прошломъ) году былъ

вторымъ между 76 учениками; и плачу за него около 600 флориновъ (серебромъ) въ годъ: 240 флориновъ придало мнѣ къ пенсіи по этому случаю сербское правительство, а остальные, заштопывая и навязывая лыко на удочку, должны събирать какъ могу.

Черногорскій владыка писалъ мнѣ (25 августа), что его здоровье гораздо лучше.

Моя жена и Мина любезно Васъ поздравляютъ. Мой поклонъ и поздравленіе Александру Максимовичу.

Съ молодымъ Гагичемъ я послалъ Вамъ два экземпляра Сказокъ и три Старого и Нового Завѣта, одинъ для Васъ, а другіе для И. И. Срезневскаго.

Вашъ, какъ и прежде, Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

(Собственноручное).

25.

Въ Вѣнѣ ⁹/₂₁ октября 1850 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Надѣюсь, что Вы получили мое письмо отъ 22 прошлаго мѣсяца. Сегодня восемь дней, какъ здѣсь патріархъ со всѣми семью владыками нашего закона. Имъ поручено обсудить: 1.) какимъ образомъ сдѣлать духовенство болѣе образованнымъ и какъ бы улучшить его благосостояніе; 2.) какъ устроить консисторію; 3.) какъ устроить народныя школы. Когда это будетъ рѣшено, можетъ быть имъ поручатъ еще что нибудь другое; по всей вѣроятности и они предложатъ что нибудь съ своей стороны. До сихъ поръ еще не было приступлено къ занятіямъ; только препираются изъ за *Сириа* ⁶⁰⁾ (изъ за богатства бачской епархіи.) Патріархъ протестовалъ, что бачская епархія дана Платону; но министерство возвратило ему протестъ назадъ, совѣтуя не срамиться еще болѣе, ибо теперь онъ имѣлъ бы дѣло уже

⁶⁰⁾ Недвижимое имѣніе, принадлежащее архіерейскому дому бачской епархіи.

не съ Платономъ, а съ правительствомъ. Патріархъ и Живковичъ настаивали, чтобы Платону дали Темешварскую епархію и чтобы Живковичъ перемѣстился въ бачскую, но Платонъ не хочетъ того. До вчерашняго дня Платонъ еще не видался съ патріархомъ: когда еще прибыли сюда, онъ хотѣлъ быть у него, но патріархъ отвѣчалъ, что теперь не имѣетъ времени принять его, и такъ протянулось до вчерашняго дня. Платонъ думаетъ и говоритъ, что исполнилъ свою обязанность, а патріархъ не приказываетъ ему явиться къ себѣ. Слышно, что одинъ изъ министровъ сказалъ: „Если народные представители такъ дурны, несправедливы, мстительны и немиролюбивы, каковъ же долженъ быть ихъ народъ? И если они не стыдятся поступать такъ здѣсь въ глазахъ правительства, то что же дѣлаютъ тамъ съ своими подчиненными?“

Съ патріархомъ прибыли и архимандриты Груичъ и Катянскій. Слышно, что Груичъ останется здѣсь ради церковныхъ книгъ, которыя собираются печатать въ государственной типографіи. Здѣсь же и протоіерей Стаматовичъ, котораго никто не вызывалъ и который еще прежде, какъ говорить, пріѣхалъ по своимъ дѣламъ и, если вѣрить его словамъ, то чрезъ нѣсколько дней уѣзжаетъ отсюда. Живковичъ привезъ съ собой одного архимандрита (Михайловича), а Крагуевичъ (пакраціи владыка) привезъ протоіерея Остоича, о которомъ говорятъ, что будетъ инспекторомъ школъ нашего закона въ земляхъ бана. Павловичъ долженъ былъ оставить управленіе нашими школами въ воеводствѣ; можетъ быть, Субботичъ будетъ назначенъ на его мѣсто.

Слышалъ я, что въ какихъ-то русскихъ газетахъ (или въ журналѣ) было вѣчто о моемъ „Ковчежцѣ“; большую бы дружбу оказали мнѣ, еслибы отыскали то и прислали сюда.

Здѣсь печатается „Сербская Грамматика“ Юріи Даничица; дунаю, что

чрезъ мѣсяцъ въ состояніи буду выслать Вамъ ее.

Вашъ Вукъ.
(Собственноручное).

26.

Въ Вѣнѣ 13 марта 1851 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

Съ 9 октября прошлаго года не писалъ Вамъ ничего! Главная причина тому, что все это время былъ не совсемъ здоровъ, да и не было никакой особенной новости. Вчера капитанъ Фрейгангъ ⁶¹⁾ передалъ мнѣ Вашъ поклонъ; а и М. Ф. говорилъ мнѣ тоже, за что благодарю Васъ и радуюсь, узнавши, что Вы здоровы.

Теперь сообщу Вамъ кой-что новаго. Патріархъ не только не хотѣлъ взять назадъ своего протеста, о коемъ я писалъ Вамъ въ послѣднемъ письмѣ, но еще учинилъ договоръ съ владыками, дабы не сходитьсь съ Платономъ и ни въ чемъ не сообщаться. Когда за нѣсколько мѣсяцевъ предъ симъ здѣсь былъ Черногорскій владыка, Платонъ говорилъ ему, что ради церковнаго согласія и пользы готовъ отказаться отъ бачской епархіи. Патріархъ едва дождался того, какъ позвалъ къ себѣ въ назначенное время Платона вмѣстѣ съ Черногорскимъ владыкою. Когда Платонъ повторилъ, что готовъ отречься отъ бачской епархіи съ условіемъ, чтобы патріархъ далъ ему письменное заявленіе, что вмѣсто нея опредѣлятъ ему темешварскую, если Живковичъ будетъ перемѣщенъ въ Бачку, если же въ послѣднюю назначатъ кого либо другаго, то чтобы дали ему вершецкую епархію, которая теперь вдовствуетъ: патріархъ отвѣчалъ, что не можетъ дать ему письменнаго обѣщанія, ибо то не зависитъ отъ него, а отъ синода и остальныхъ владыкъ; но пусть онъ отречется отъ бачской епархіи и можетъ быть увѣренъ, что послѣ не останется въ Будимѣ и что ему дадутъ те-

⁶¹⁾ Нинѣ контръ-адмиралъ.

мешварскую или вершецкую. Платонъ не захотѣлъ согласиться на то, говоря, что не можетъ дать извѣстное за неизвѣстное. И такъ трудъ Черногорскаго владыки, который старался помирить ихъ, оказался напраснымъ. Послѣ этого мѣсяца спустя, патриархъ (по всей вѣроятности слышавъ, что здѣшнее правительство сердится на него за то, что онъ не мирится съ Платономъ), послалъ къ Платону Евту и Крагуевича нѣсколько разъ, и тѣ убѣдительно просили его помириться, послѣ чего Платонъ два раза былъ у патриарха. Между тѣмъ разболѣлся владыка Живковичъ, который былъ правою рукою патриарха во всемъ, а особенно въ этомъ дѣлѣ, которое съ тѣхъ поръ и остановилось до сегодня. Въ прошлую субботу Живковичъ умеръ. Увидимъ, что-то будетъ.

По дѣламъ, обсудить которыя министерство поручило патриарху и владыкамъ, (о священствѣ, консисторіяхъ, семинаріяхъ и школахъ), Шагуна составилъ отдѣльный докладъ и подалъ его министерству еще въ ноябрѣ. Точно также приготовилъ позднее свой докладъ и Платонъ и подалъ за мѣсяцъ предъ симъ, а патриархъ съ остальными не только ничего не сдѣлалъ и не подалъ, но еще въ началѣ раздѣлили между владыками, чтобы одинъ приготовилъ одно, а другой другое, но что ни приносилъ который либо изъ нихъ въ общесобраніе, остальные не хотѣли одобрить. Теперь только изъ того, что было приготовлено ими всѣми, патриархъ составляетъ одно цѣлое. Мутибаричъ и Гакманъ ⁶²⁾ дѣйствовали сами по себѣ; но еще неизвѣстно (да и сами не знаютъ), подадутъ ли въ министерство особо свои мнѣнія, или пристанутъ къ тому, что составитъ патриархъ. Я полагаю, что министерство найдетъ платоновъ докладъ болѣе совершеннымъ, чѣмъ мнѣнія всѣхъ остальныхъ.

Шагуна отъ имени румынскаго народа теперь явно ищетъ, чтобы Румынамъ данъ былъ митрополитъ; патри-

⁶²⁾ Первый далматинскій епископъ, второй—буковинскій.

архъ противится тому, но по всей вѣроятности не въ состояніи будетъ воспротивиться.

Давно уже передалъ я для Васъ въ канцелярію три пакета: въ одномъ четыре экземпляра грамматики Юрія Даничича, въ другомъ новая книга Миклошича „Slavische Bibliothek“, а въ третьемъ для Погодина одинъ экземпляръ книги Миклошича и одинъ грамматики Ю. Даничича. Прошу Васъ отправить назначенное не для Васъ по надписямъ.

Изъ Сербскаго Словари печатается уже девятнадцатый листъ, всего же будетъ не менѣе 50-ти листовъ. Я бы желалъ, чтобы Вы или И. И. Срезневскій написали о немъ что нибудь въ тамошнихъ газетахъ, и потрудились бы собрать мнѣ побольше подписчиковъ (цѣна 4 руб. сер. съ пересылкою). Для такой статьи посылаю Вамъ кой-что написанное здѣсь на особенномъ листѣ. Если будетъ возможно, постараюсь послать Вамъ и нѣсколько напечатанныхъ листовъ, дабы Вы видѣли, что будете хвалить. А пока съ Богомъ!

Вашъ, какъ и прежде, Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

P. S. Мой покорнѣйшій поклонъ Александру Максимовичу; а Васъ поздравляютъ оба Вученята.

Объявленіе о Словарѣ:

„Сербскаго Словаря“ напечатано уже 18 листовъ. Въ немъ будетъ на 20,000 словъ болѣе, чѣмъ въ первомъ изданіи (гдѣ ихъ было около 30.000), и съ различными прибавленіями къ словамъ, бывшимъ въ первомъ. Это второе изданіе будетъ вдвое болѣе противъ перваго; отъ 50 до 60 печатныхъ листовъ, и притомъ въ болѣемъ форматѣ чѣмъ прежде. Кромѣ различныхъ замѣчаній объ обычаяхъ, суевѣріяхъ и многихъ мѣстностяхъ, при многихъ словахъ будутъ и грамматическія объясненія. Тѣ слова, которыя вошли въ прежній Словарь, а почти всѣ (кромѣ немногихъ, при коихъ обозначено, что они употребляются въ австрійскихъ земляхъ) принесъ по неволѣ въ головѣ своей изъ Сербіи въ Вѣ-

ну, а прибавляемые нынѣ собраны тамъ по различнымъ краямъ нашего народа. Книга эта выйдетъ изъ типографіи къ осени. Цѣна ей для подписчиковъ 4 руб. сер. Кто вышлетъ деньги за десять экземпляровъ, тотъ получитъ одиннадцатый бесплатно.

(И письмо, и приложение писаны рукою Даничица).

27.

Въ Вѣнѣ, на Великую Пятницу ⁶³) 1851 г.

Милостивый государь Николай Ивановичъ!

22 марта я послалъ Вамъ по почтѣ запечатанныя на крестъ (in Kreuzband) три брошюры на нѣмецкомъ языкѣ: двѣ трансильванскаго владыки Шагуны, а третья безъ имени; но выдаютъ за вѣрное, что ее писалъ своей рукою патріархъ Раячицъ ⁶⁴). Очень бы жаль было, если бъ Вы не получили этихъ книжекъ. Отсюда навѣрное посланы, развѣ только у Васъ тамъ гдѣ нибудь задержать ихъ. Если бъ Вы могли поискать ихъ, если онѣ еще не дошли до Васъ! Если бы я зналъ, что Вамъ можно посылать этимъ путемъ все (какъ меня увѣряли на почтѣ), я послалъ бы Вамъ и другое что: ибо посылки чрезъ канцелярію идутъ очень медленно.

Платонъ и патріархъ все еще въ прежнихъ отношеніяхъ между собою.

При этомъ письмѣ посылаю Вамъ 5, 6 и 18 листъ Сербскаго Словаря, который печатается, дабы Вы могли болѣе знать изъ примѣра, каковъ онъ будетъ, и дабы могли рекомендовать его въ газетахъ; потрудитесь собрать побольше подписчиковъ. Если Вы найдете удобнымъ или стоящимъ, и если бу-

⁶³) Великій Пятковъ въ 1851 году по юліан. кал. приходился на 6 апрѣля.

⁶⁴) Брошюры Шагуны доказывали необходимость отдѣленія православныхъ Румынъ въ Австрію отъ сербскаго патріархата; брошюра Раячица была возраженіемъ на то; въ сербскомъ переводѣ она издана въ томъ же году въ Вѣлградѣ (31 стр. in 8).

детъ время у Васъ, Вы могли бы, на основаніи этихъ трехъ листовъ, написать большую статью для Географическаго Общества. Если бы Вамъ было некогда, или что либо другое помѣшало заняться этимъ, то попросите И. И. Срезневскаго. Если бы Русская Академія взяла одну сотню монхъ Словарей! Я увѣренъ, что Вы усердно потрудитесь по этому дѣлу и сами, и чрезъ Александра Максимовича, которому прошу передать мой покорный поклонъ.

Вашъ прежній Вукъ Стефановичъ Караджичъ.

(Писано рукою Даничица).

Этимъ письмомъ исчерпывается имѣвшееся у насъ подъ руками собраніе писемъ Караджича къ Надеждину. Но все, уже приведенное нами здѣсь, достаточно выясняетъ не только характеръ тѣхъ отношеній, въ которыхъ находился самъ Караджичъ и его окружавшіе къ событіямъ 1848—1850 годовъ, но и судьбу національнаго движенія разныхъ народностей Австрійской имперіи, пришедшихъ тогда въ столкновение между собою. Уже одно это даетъ немалый интересъ письмамъ Караджича. Но кромѣ того они важны, какъ указаніе на то матеріальное и нравственное содѣйствіе русскихъ людей, которымъ облегчалась Караджичу его ученая и литературная дѣятельность.

Въ поясненіе и объясненіе къ письмамъ Караджича присоединяемъ еще два письма къ Надеждину: Миклошича и Коллара, имѣющія также интересъ историко-литературный.

Письмо Миклошича писанное въ половинѣ (29 іюня—11 іюля) 1848 года, относится къ вопросу о перепискѣ для Надеждина той греческой рукописи, которой такъ часто касался Караджичъ въ своихъ письмахъ.

Мы предлагаемъ его въ переводѣ съ нѣмецкаго подлинника:

Высокоуважаемый господинъ и другъ!
Нѣсколько недѣль спустя послѣ Вашего отъѣзда, эллинистъ І. Мюллеръ, при-

нившій на себя, не смотря на множество другихъ работъ, переписку извѣстнаго кодекса, получилъ мѣсто въ императорско-королевской придворной библиотекѣ, и съ тѣхъ поръ только изрѣдка могъ заниматься этимъ дѣломъ. Въ мартовскіе дни его захватилъ *fluor pollicis*, совершенно отвлекшій его отъ занятій. Эта болѣзнь, кажется, теперь совершенно побѣждена, и вчера, къ большому моему удовольствію, я получилъ первую немалую тетрадь копій, которая, безъ всякаго сомнѣнія, можетъ наполнить четыре печатныхъ листа. Черезъ нѣсколько дней я прикажу сдѣлать пробный наборъ, и даже эти строки пишу единственно съ цѣлью спросить Васъ, какимъ путемъ я долженъ выслать Вамъ пробные листы вмѣстѣ съ примѣрнымъ счетомъ и первую тетрадь рукописи; а еслибы это оказалось затруднительнымъ, то по разсмотрѣніи и одобреніи Вами пробныхъ листовъ, не могъ ли бы я выслать уже отпечатанные листы по мѣрѣ ихъ приготовленія вмѣсто рукописи, не столь удобной для пересылки? Переписчикъ требуетъ за листъ кодекса 50 крейц. конвен. монеты, — цѣна, которую я нахожу крайне умѣренной; ибо я самъ убѣдился, что, не смотря на то, что онъ скоро читаетъ и пишетъ, ему обыкновенно нужно три часа на переписку одного листа. Я вчера и сегодня большую часть снабдилъ латинскимъ переводомъ, ибо работалъ со всею поспѣшностію.

Въ ожиданіи Вашего скорого отвѣта, Вашего высокородія покорнѣйшій слуга и другъ, Фр. Миклошичъ“.

По всей вѣроятности, греческій кодексъ, о которомъ переписывались съ Надеждинымъ Миклошичъ и Караджичъ, не попалъ къ Надеждину и въ копіи, а былъ однимъ изъ тѣхъ, которые впоследствии напечатаны въ общемъ изданіи Миклошича и Мюллера: „*Acta et diplomata graeca medii aevi, sacra et profana*“ (изданіе важное для исторіи восточной церкви, а также для политической исторіи Византійской имперіи, и отчасти Бол-

гаръ, Сербовъ и Русскихъ); ибо Караджичъ еще въ письмѣ своемъ отъ 18-го іюля 1849 года сказалъ: „должно быть Вамъ уже не нужна греческая рукопись“, а потомъ въ дальнѣйшихъ письмахъ уже не было поминка о ней.

Письмо же Коллара къ Надеждину было слѣдующее:

„Высокородный господинъ, многоуважаемый пріятель!

Моя рукопись „*Stara-Italia Slavjanska*“ ужъ давно готова къ печати и состоитъ изъ 145 мелко-писанныхъ листовъ и 30 таблицъ съ изображеніями *in folio*. Это сочиненіе обнимаетъ всѣ этрусскія, умбрійскія, осскія и старолатинскія надписи и событія, цѣлую монументальную исторію и географію старой Италіи и ея сравненіе съ славянствомъ. Не знаю, какъ издать такое большое и дорогое сочиненіе; я самъ не имѣю къ тому ни средствъ, ни мѣста, ни времени. Наши Словаки большею частію люди бѣдные и нуждающіеся; они покупаютъ только крейцеровыя и грошевыя книжки. Здѣшня вѣнская академія издала бы его, если бы оно было писано по нѣмецки. Нельзя ли собрать на это изданіе у Васъ подписчиковъ съ обозначеніемъ ихъ именъ? Подписной цѣны на книгу нельзя еще опредѣлить съ точностію, ибо не знаю, сколько экземпляровъ надо печатать, что будутъ стоить печать и наборъ одного листа и что литографіи. Можетъ быть, одинъ экземпляръ обойдется въ 20—25 серебряныхъ гульденовъ. Радъ бы всячески издать эту книгу и опрятно и красиво, какъ требуетъ самый предметъ и слава нашего народа.

На слѣхъ дняхъ я приглашенъ Его Высочествомъ Великимъ Герцогомъ Мекленбургскимъ къ поѣздкѣ въ Мекленбургъ для изслѣдованія тамъ руническихъ надписей на ретранско-бодрицкихъ идолахъ, изданныхъ Маше и Поточкимъ. Пробуду тамъ мѣсяць или долѣе и возвращусь въ концѣ сентября. Тотчасъ же по возвращеніи займусь печатаніемъ моей „*Старой Италіи Славянской*“, чтобы это сочиненіе вышло въ свѣтъ,

пока я еще здоровъ и живъ. Надѣюсь, что оно всю нашу древнѣйшую исторію измѣнитъ и объяснитъ, если бы только нашлось достаточное число подписчиковъ. Вѣдь могли бы подписаться: петербургская академія, Ваши многіе университеты, ученые общества, публичныя библіотеки и самъ *Батюшка*. Этимъ оказана была бы помощь дѣлу; иначе завязну съ печатаніемъ. Такой великій народъ, какъ нашъ славянскій, долженъ иногда издавать и большія сочиненія: маленькія брошюры и книжки далеко не поведутъ нашу литературу. Пишите о томъ къ г. Погодину, что и ему вышло нѣсколько экземпляровъ. Что дѣлаютъ Срезневскій, Бодянский, Касторскій, Пановъ и другіе?

Я оставилъ Пешть вслѣдствіе мадьярской революціи и приглашенъ въ Вѣну, гдѣ Его Величество императоръ нашъ назначилъ меня профессоромъ славянскихъ древностей при университетѣ. Напишите отвѣтъ. Будьте здоровы!

Вашъ усердный почитатель и пріятель Янъ Колларъ. Въ Вѣнѣ 1850 г. 6 іюня.

Это письмо также любопытно, какъ дополняющее характеристику сношеній Надеждина съ западно-славянскими учеными. Въ немъ Янъ Колларъ, знаменитый пѣвецъ Дочери Славы (*Slávy Dcera*) и авторъ переведенной на всѣ славянскія языки книги: „О литературной взаимности между различными племенами и нарѣчійми славянскими“, обращался къ Надеждину, за полтора года съ небольшимъ до своей кончины, съ просьбой о поддержкѣ для изданія обширнѣйшаго и труднѣйшаго изъ его сочиненій: „Старославянская Италия“, которое появилось въ свѣтъ уже по смерти своего автора (въ Вѣнѣ, 1853) ⁶⁵.

Нилъ Поповъ.

⁶⁵) Вся переписка Надеждина съ западными и южными славянами передана теперь въ архивъ Славянскаго Благотворительнаго Комитета въ Москвѣ. Въ ней, кромѣ приведенныхъ здѣсь, есть еще нѣсколько неважныхъ, заключающихъ въ себѣ просьбы о пособіи и благотвореніи.

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ *.

ГЛАВА VIII.

Назначеніе Намѣстникомъ генералъ-адъютанта Лидерса.—Прибытіе его въ Варшаву и первыя дѣйствія.—Назначеніе архіепископомъ Варшавской архидіоцезіи ксендза Фелинскаго.—Вѣлая организація.—Работы красной партіи.—Прибытіе новаго архіепископа въ Варшаву.—Открытіе храмовъ.—Присяги ремесленниковъ.—Назначеніе Намѣстникомъ Великаго Князя Константина Николаевича, и Велепольскаго — начальникомъ гражданскаго управленія.—Покушеніе противъ Намѣстника Лидерса.—Прибытіе Великаго Князя.—Покушеніе противъ него.—Два покушенія противъ Велепольскаго.—Казнь преступниковъ.

На опустѣлый опять тронъ Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ призванъ былъ, также какъ и прежде, временно—генералъ Сухозанетъ, проживавшій въ то время въ Дрезденѣ.

Межъ-тѣмъ, въ виду стараго Евксина, въ Николаевѣ, вынимались таинственные жребіи изъ урны судебъ: пришелъ на мысли всѣми забытый, послѣдній главнокомандующій Крымской арміи. За нимъ, очень скоро послѣ описанной нами катастрофы въ Варшавѣ, посланъ царской парадъ въ Одессу, гдѣ старый ветеранъ отдыхалъ на своихъ Венгерскихъ лаврахъ, у берега моря, не ожидая никакой погоды. Приглашеніе явиться немедленно въ Николаевъ для свиданія съ Государемъ и затѣмъ предложеніе ѣхать въ Варшаву Намѣстникомъ — были для него совершенно неожиданностію. Онъ не только колебался, но и отказывался, на сколько могъ. Для того, чтобы ѣхать въ тог-

* См. первыя главы въ Р. Архивѣ 1870—1872 годовъ.

дашнюю Варшаву Намѣстникомъ, нужно было не мало отваги.

Но, какъ-бы то ни было, 9 Октября ст. ст. (черезъ пять дней послѣ арестовъ въ храмахъ) былъ подписанъ въ Ливадіи Высочайшій приказъ о назначеніи генераль-адъютанта Лидерса исправляющимъ должность Намѣстника въ Царствѣ Польскомъ. Черезъ нѣсколько дней потомъ онъ былъ уже въ дорогѣ, а 24 Октября ст. ст. ¹⁾ прибылъ въ Варшаву, вмѣстѣ съ начальникомъ главнаго штаба генераль-лейтенантомъ Крыжановскимъ и полковникомъ генеральнаго штаба Черницкимъ, изъ которыхъ первый былъ посланъ генераломъ Сухозанетомъ въ Брестъ, а послѣдній въ Житомиръ—встрѣтить новаго Намѣстника и ознакомить съ положеніемъ дѣлъ въ краѣ.

Лидерсъ произвелъ на Варшаву своей воинственной осанкой довольно выгодное впечатлѣніе. На сколько могла тогдашняя бурная Варшава, исполненная самыхъ дерзкихъ и необузданныхъ мечтаній, разсматривать физиономіи Русскихъ генераловъ, приѣзжавшихъ ея править, на столько она разсматривала молодцоватое, съ большими сѣдыми усами, лицо новаго Намѣстника, желая безъ сомнѣнія прочесть въ чертахъ этого лица и самый характеръ Намѣстника: таковъ ли же онъ, какъ были до него, или другаго свойства? Страху, по видимому, никто не чувствовалъ. Лидерсъ просто понравился всѣмъ по наружности, и болѣе ничего. Сейчасъ обратили вниманіе и на оригинальные, смѣлые его выѣзды, безъ всякаго конвоя, что было въ особенности рѣзко послѣ шумныхъ выѣздовъ Сухозанета, за которымъ скакала цѣ-

лая сотня Кубанцевъ. Въ заключеніе поразили еще болѣе—смѣлыя и оригинальныя прогулки Намѣстника по городу пѣшкомъ, посѣщеніе магазиновъ, чего до тѣхъ поръ не дѣлалъ ни одинъ Намѣстникъ. Объ этомъ говорили немало.

Смѣлый воинъ хотѣлъ озадачить Варшаву сразу принятіемъ строгихъ мѣръ, сразу показать, что онъ шутить не намѣренъ.

Черезъ три дня послѣ его пріѣзда, именно 28 Октября ст. ст., начались аресты подозрительныхъ лицъ и агитаторовъ, возмущавшихъ общественное спокойствіе, а равно и всѣхъ тѣхъ, кто казался правительству съ какой-либо стороны опаснымъ и вреднымъ. Между прочимъ арестованы: Фердинандъ Новаковскій, замѣшанный въ разныхъ городскихъ безпорядкахъ; народный фотографъ Байеръ, какъ черезъ-чуръ усердный распространитель всякихъ карточекъ, раздражавшихъ страсти; старшій Еврейскій раввинъ Майзельсъ за разрѣшеніе своему духовенству запретить синагоги, и рѣзкіе проповѣдники этихъ синагогъ: Ястровъ, Крамштюкъ и Фейнкиндъ. Продажа гимновъ и возмутительныхъ картинокъ остановлена. Мальчики, продававшіе ихъ, жаловались офицерамъ, что „теперь не то уже время“, и если что продавали, то украдкой, подъ полою.

За тѣмъ Намѣстникъ приказалъ спросить у Капитулы, по какому праву и на какомъ основаніи она допустила закрытіе костеловъ. Капитула отвѣчала такъ дерзко, что Намѣстникъ счелъ лишнимъ вести съ нею дальнѣйшіе переговоры, а велѣлъ прямо арестовать администратора, какъ высшее духовное лицо, отвѣчающее за всякій шагъ духовенства и

¹⁾ День смерти Герштенцвейга.

Капитулы, лицо, безъ согласія котораго не только закрытіе костеловъ, но и менѣ важныя распоряженія невозможны. Администратора посадили въ Цитадель. Вѣроятно, болѣе или менѣ предвидя такой конецъ, онъ приготовилъ отвѣты на всѣ главные вопросы. Эти отвѣты довольно-любопытны. Когда Слѣдственная Комиссія спросила, на какомъ основаніи заперты первоначально костелы Свентоянскій и Бернардинскій, прелатъ отвѣчалъ: „Я заперъ ихъ между прочимъ потому, что не имѣлъ въ виду лучшаго средства къ прекращенію пѣнія запрещенныхъ гимновъ: оба эти костела представляли для того самое удобное мѣсто. Такимъ образомъ, запирая ихъ, я согласовался съ волею правительства, не дозволявшаго пѣть патриотическіе гимны.“ Когда же спросили: „а зачѣмъ потомъ заперты всѣ остальные костелы,“ прелатъ отвѣчалъ: „Каѳедральный костелъ, въ силу каноническихъ постановленій, есть мать всѣхъ другихъ костеловъ, кои суть его дочери; посему духовенство разсудило такъ: если страждетъ мать, то должны страдать и дочери.“ Всѣ восемь пунктовъ отвѣта Бялобржескаго на вопросы Комиссіи въ первый день (4 Ноября ст. ст.) носятъ на себѣ тотъ-же характеръ: также извращаютъ смыслъ фактовъ. Проговоривъ ихъ, Бялобржескій сказался больнымъ и уволенъ отъ дальнѣйшихъ распросовъ.

9 Ноября ст. ст. Комиссія представила прелату книги, на которыя онъ ссылался въ первомъ своемъ отвѣтѣ, и просила указать статьи, на основаніи которыхъ высшее духовное лицо Католической церкви можетъ запереть костелы. Бялобржескій туже минуту прискалъ между постановленіями Тридентскаго Собора такое, ко-

торое соответствовало данному имъ 4 Ноября объясненію. „Должность епископа (говорилось тамъ) повелѣваетъ ему заботиться о спасеніи душъ, его попеченію ввѣренныхъ: отсюда возникаетъ необходимость прибѣгать ко всевозможнымъ мѣрамъ, съ помощію которыхъ епископъ надѣется достигнуть цѣли; употреблять всѣ средства къ увеличенію славы Божіей и къ устраненію всего, что оскорбляетъ Бога, въ особенности въ костелахъ, какъ въ мѣстахъ святыхъ, предназначенныхъ къ славословію Его имени.“ „А потому, если епископъ не въ состояніи достигнуть сего просьбами, убѣжденіями, поученіями и выговорами, — ему остается одно: запереть входъ въ святое мѣсто народу, ведущему себя не такъ, какъ слѣдуетъ“³⁾.

Такимъ образомъ выходилъ виноватъ одинъ народъ, а Капитула и администраторъ совершенно-правы, какъ дѣйствовавшіе въ духѣ правительства, старавшіеся только о томъ, чтобы не было со стороны народа никакого безпорядка тамъ, гдѣ это въ особенности неприлично.

Но было весьма нетрудно доказать прелату неискренность его объясненій, освѣтить фактъ настоящимъ свѣтомъ. Самою первою и рѣзкою уликою такой неискренности было „воззваніе Консистеріи къ Варшавскому духовенству отъ 16 Октября“, гдѣ представлена совсѣмъ другая причина закрытія костеловъ и сказано прямо, что это закрытіе послѣдовало вслѣд-

³⁾ Приведенныя здѣсь въ слѣдственныхъ дѣлѣ Бялобржескаго выноски не вѣрны, и по нимъ нельзя было никакъ образомъ отыскать подлинныхъ текстовъ. Спрошенныя авторомъ Польскія духовныя лица уклонялись отъ отвѣтовъ по этому предмету.

ствіе приказанія администратора ³⁾. Далѣе: между постановленіями западной церкви нашлись и такія, которыя говорили противъ закрытія костеловъ въ томъ видѣ, какъ это было сдѣлано Варшавскимъ духовенствомъ. Было даже постановленіе, въ которомъ сказано, что „епископъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ наложить интердикцію на всѣ храмы.“ Наконецъ отыскано и такое постановленіе, которымъ оправдывалось распоряженіе правительства объ арестованіи въ храмахъ всей массы народа ⁴⁾.

Судъ, по собраніи всѣхъ уликъ, обвинилъ администратора въ прямомъ сопротивленіи власти, въ намѣреніи произвести волненіе въ народѣ, и приговорилъ его (21 Ноября ст. ст.) къ лишенію духовнаго званія, ордена Анны 2-й степени и растрѣлянію. Конфирмація Намѣстника смягчила этотъ приговоръ: Бялобржескаго посадили на годъ въ Бобруйскую крѣпость, не лишая ни духовнаго званія, ни ордена.

Капитула постановила: прервать всякія сношенія съ правительствомъ, не принимать отнюдь пакетовъ, входящихъ изъ Комиссіи Вѣроисповѣданій, и написала обо всемъ Папѣ, прося его: или освободить своимъ предстательствомъ заключеннаго въ крѣпость прелата, или назначить ему викарія. Папа принялъ это дѣло къ сердцу на столько, на сколько позволяла политика: послалъ успокоительный отвѣтъ и обѣщаніе всякаго заступничества Варшавскому духовенству и въ тоже самое время не былъ глухъ къ убѣжденіямъ нашего посла явиться съ помощію въ дѣлѣ, гдѣ прежде всего страдала его паства,

лишенная, въ большомъ, многолюдномъ городѣ, уже другой мѣсяцъ общественной молитвы.

Чрезвычайные успѣхи Виктора Эммануила и Гарибальди, создавшихъ въ самое короткое время новое королевство и заносившихъ дерзкую руку на Римъ, — ввущали конечно Ватиканскому двору немалыя опасенія. Россія стояла покамѣсть въ сторонѣ отъ другихъ державъ, рукоплескавшихъ такимъ успѣхамъ; даже была, можно сказать, во враждебныхъ отношеніяхъ съ новымъ королевствомъ. Читатели припомнятъ, что Викторъ Эммануилъ дозволилъ Полякамъ основать въ Генуѣ военную школу и далъ особый плацъ для экзерцицій будущихъ солдатъ близившагося недалекаго возстанія Польши. Даже говорили, будто-бы Итальянское правительство помогало этой школѣ деньгами ⁵⁾. Вслѣдствіе этого Русское правительство удерживалось признать новое королевство, равно не высказывалось окончательно въ отношеніи правъ бывшаго Неаполитанскаго короля Франциска II. Принявъ все это во вниманіе, его святѣйшество вскорѣ увѣдомилъ нашего посла въ Римъ, что готовъ преконизовать архіепископа, котораго Русское правительство назначить Католическимъ митрополитомъ въ Варшаву; только при этомъ высказалъ желаніе имѣть въ Петербургѣ своего нунція.

Само собою разумѣется, что преконизованный Папою архіепископъ могъ открыть запертые храмы. Осталось теперь назначить кого-либо въ эту должность. Имѣя въ виду одно лицо въ Царствѣ Польскомъ, рекомендованное двумя Намѣстниками, правитель-

³⁾ См. Р. Арх. 1872, стр. 697.

⁴⁾ И здѣсь цитаты приведены невѣрно.

⁵⁾ См. Р. Арх. 1870, стр. 1862.

ство обратилось сверхъ того съ вопросомъ къ маркизу Велепольскому, который, передъ самымъ прибытіемъ въ Варшаву Лидерса, переѣхалъ въ Петербургъ.

Надо знать, что со времени назначенія Намѣстникомъ Сухозанета (тогдашъ послѣ Горчакова) маркизу не повезло въ Царствѣ. Онъ ссорился съ высшими правительственными властями поминутно, никакъ не могъ играть прежней роли; а при Ламбертѣ его начали просто-за-просто, что называется спускать на-нѣтъ—тихо, безъ ссоръ и оскорбленій; и еслибъ только правленіе Ламберта, въ совокупности съ Герштенцвейгомъ, еще немного продолжилось, маркизь, вѣроятно, не замѣтилъ-бы и самъ, какъ бы вдругъ стушевался и пропалъ съ политическаго горизонта. Но при возвращеніи Сухозанета мягкое спусканіе на-нѣтъ прекратилось, пошли опять рѣзкія столкновенія что ни день, что ни часъ. Увѣряли даже потомъ иные, что маркизь выѣхалъ изъ Варшавы не самъ по себѣ, а вывезенъ съ жандармами; и одинъ полковникъ не шутя хвалился, будто бы онъ сопровождалъ маркиза до Петербурга по приказанію Намѣстника...

Мы рѣшились не опускать такихъ полуисторическихъ анекдотовъ и слуховъ. Заносимъ на свои страницы и этотъ. Но какъ собственно совершился выѣздъ Велепольскаго въ Петербургъ, въ двадцатыхъ числахъ Октября, по стар. стилю, 1861 года, мы не знаемъ. Извѣстно только то, что по прибытіи въ нашу сѣверную столицу, маркизь очень скоро занялъ прежнее почетное мѣсто въ самыхъ высшихъ салонахъ, и всѣ на него смотрѣли вовсе не такъ, какъ смотрятъ на невозвратно-проигравшаго свою служебную игру. И потому, когда на-

чалъ обсуждаться вопросъ объ архіепископѣ въ Варшаву, правительство не нашло возможнымъ обойти Велепольскаго: не узнать и его мнѣнія объ этомъ предметѣ. Велепольскій указалъ на молодаго профессора Католической Академіи въ Петербургѣ, ксендза Сигизмунда Щенснаго Фелинскаго, который самому Велепольскому былъ указанъ Ревельскимъ пробощемъ, впоследствии епископомъ Августовской епархіи, Константиномъ Лубинскимъ, человѣкомъ замѣчательнаго ума, но вмѣстѣ съ тѣмъ и чрезвычайно-хитрымъ. Справедливо или нѣтъ, говорили, будто-бы Лубинскій посылалъ Фелинскаго только расчистить дорогу, полную терніями, сломать себѣ неизбѣжно шею, а затѣмъ намѣренъ былъ самъ усѣсться на его стулѣ, при помощи того-же Велепольскаго, вождельный конецъ интригамъ котораго предвидѣлъ.... Какъ-бы то ни было, Фелинскій былъ признанъ достойнымъ занять высокій постъ архіепископа въ Варшавѣ не только Русскимъ правительствомъ, но и Римскимъ дворомъ. Изъ трехъ представленныхъ Россією кандидатовъ его святѣйшество выбралъ самаго младшаго по лѣтамъ и званію: такъ хорошо этотъ младшій былъ всѣми рекомендованъ.

Это случилось въ самыхъ первыхъ числахъ Декабря по ст. ст. 1861.

Вотъ что намъ извѣстно о прошедшемъ этого лица. Отецъ Сигизмунда, Герардъ Фелинскій, былъ Волинскимъ помѣщикомъ средней руки. Въ началѣ тридцатыхъ годовъ его сослали въ Сибирь, по обвиненію въ революціонной пропагандѣ. Онъ тамъ и умеръ, въ 1838 году, когда Сигизмунду Фелинскому, будущему архіепископу, было только одиннадцать лѣтъ. Дядя его, Алоизій, былъ литераторомъ; меж-

ду прочимъ написалъ драму Варвара Родзивиловича; но болѣе всего онъ прославился мелкими патристическими стихотвореніями, въ видѣ пѣсенъ или гимновъ, и былъ авторомъ знаменитаго *Woże coś Polskie*. Мать Сигизмунда, Ева Фелинская, урожденная Вендорфъ, была бойкая и образованная Польшка. Она тоже попала въ заговоръ, во времена Конарскаго (*Związek Nagodu Polskiego*), вмѣстѣ съ зятемъ своимъ Шеміотомъ, и оба были сосланы въ Березовъ, уѣздный городъ Тобольской губерніи ⁶⁾. Тогда Сигизмундова отца уже не было въ живыхъ. Дѣти: Сигизмундъ, два его брата и три сестры, остались какъ-бы круглыми сиротами. Ихъ призрѣли разные богатые помѣщики Воляни и Подола. Сигизмундъ взялъ къ себѣ въ домъ помѣщикъ Подольской губерніи, Бржозовскій, и отдалъ въ Московскій университетъ. По окончаніи тамъ курса, въ концѣ сороковыхъ годовъ, Сигизмундъ Фелинскій, тогда пламенный, живой Полякъ, исполненный разныхъ юношескихъ мечтаній о будущемъ Польши, былъ отправленъ своимъ протекторомъ въ Парижъ, при семействѣ его, состоявшемъ изъ жены, урожденной графини Замоиской, и нѣсколькихъ дѣтей,—въ видѣ наставника послѣднихъ. Ъхали черезъ Пруссію. Въ Познанскомъ княжествѣ встрѣтился имъ Польскій повстанскій отрядъ, шедшій подъ предводительствомъ Мирославскаго къ Милославу. (Былъ 1848-й годъ). Юноша Фелинскій, не долго думая, выскочилъ изъ экипажа и замаршировалъ рядомъ съ собратьями. Въ сраженіи подъ Милославомъ, гдѣ Пруссаки были разби-

⁶⁾ Воротясь изъ Сибири въ 1845 году, Ева Фелинская написала книгу: *Wspomnienia z podróży do Syberyi, pobyt w Berozowie i w Saratowie*. Wilno, 1852, 3 тому.

ты, Фелинскій получилъ рану палашомъ въ голову, оправаясь отъ которой, уѣхалъ въ Парижъ, къ семейству Бржозовскихъ, какъ ни въ чемъ не бывалъ—и началъ свѣтскую жизнь. Онъ предавался поэзіи, любви; видался безпрестанно съ вліятельными эмигрантами и бралъ у нихъ уроки въ настоящемъ Польскомъ катихизисѣ, какового въ Русской Польшѣ не знаютъ, или знаютъ очень немногіе. Между прочимъ близко сошелся съ поэтомъ Юліемъ Словацкимъ, который даже и умеръ на рукахъ Фелинскаго, въ Апрельѣ 1849 года ⁷⁾.

Что, если-бы кто-нибудь, какой-нибудь волшебникъ, не-то ворожея,—шепнулъ тогда этому Московскому студенту, одному изъ героевъ битвы подъ Милославомъ, этому Парижскому вѣтрянику, другу записныхъ эмигрантовъ, восторженному, кипучему, писавшему легкіе стишки дамамъ въ альбомѣ, — кто-нибудь шепнулъ ему, что онъ будетъ, недалше какъ черезъ десять-одиннадцать лѣтъ, Варшавскимъ архіепископомъ: какими глазами посмотрѣлъ-бы онъ на шутника-прорипателя!...

Воротясь изъ Парижа, Фелинскій, неизвѣстно по какому побужденію, поступилъ въ Житомирскую семинарію, гдѣ пробылъ только годъ и затѣмъ отправленъ, на счетъ того-же семейства Бржозовскихъ, въ Петербургъ, въ Католическую Духовную Академію, и тамъ, подъ вліяніемъ архіепископа Головинскаго, сдѣланъ вскорѣ кооператоромъ при костелѣ

⁷⁾ Главныя черты всего этого взяты изъ жизнеописанія архіепископа, составленнаго Правданицкимъ (псевдонимъ) по матеріаламъ, которые видимо доставлены самимъ архіепископомъ: *Wspomnienie o Zygmuncie Szczęsnym Felińskim, arzbiskupie metropolie Warszawskim, Kraków 1866*.

св. Екатерины, а потомъ, черезъ четыре года, профессоромъ Духовной Академіи и духовнымъ отцомъ оной. О Петербургской жизни Фелинского извѣство, что она была въ высшей степени скромная. Онъ основалъ въ Петербургѣ „обитель Польскихъ сестеръ милосердія“, гдѣ былъ и опекуномъ. Изрѣдка занимался литературой. Между прочимъ написалъ: „Послѣднія минуты Словацкаго“ и „Воспоминанія объ архіепископѣ Головинскомъ“.

Нечего и говорить, что все совершившееся потрясло шаткое зданіе совѣтовъ по выборамъ, начавшее было кое-какъ воздвигаться въ Варшавѣ и въ другихъ городахъ Царства⁸⁾. Манифестаторы, красная партія, вторично одержали побѣду: отдѣлили бѣлыхъ отъ правительства, даже многихъ изъ нихъ перекрасили въ свой красный цвѣтъ. Все вмѣстѣ представляло опять враждебную для насъ дружину, гдѣ только и раздавались крики о томъ, что „нужно энергически продолжать начатое, идти къ заговору быстрее, разорвать всѣ связи съ правительствомъ и на него уже висколько не полагаться. Кто думаетъ иначе, тотъ измѣнникъ!“ Но всѣ болѣе или менѣе понимали, что идти далѣе съ какимъ-нибудь толкомъ и смысломъ можно лишь при организаціи, при заговорѣ, устроенномъ правильно, по-европейски, подъ управленіемъ вліятельнаго вождя, или комитета. А вести дѣло по-прежнему, скачками и прыжками, по вдохновенію, насылаемому разными обстоятельствами, это значило: снова дѣйствовать по-дѣтски, подвергать себя всякаго рода случайностямъ, проиграть сраженіе, не выбравъ даже для него мѣста.

⁸⁾ См. Р. Арх. 1872, стр. 663.

И вотъ, всѣ бросились строить это зданіе, организацію, спѣшно, какъ попало, при чемъ одна партія старалась всячески опередить другую.

У бѣлыхъ было несравненно болѣе подготовки: ихъ организація была уже почти построена. Самые толки о совѣтахъ по выборамъ при графѣ Ламбертѣ и кое-какія работы по этой части были, можно сказать, кануномъ, дрожжами, на которыхъ должна была взбѣжать настоящая революціонная организація. А въ иныхъ мѣстахъ она уже и взбѣжала⁹⁾. О матерьяльныхъ средствахъ, о большемъ порядкѣ на сторонѣ бѣлыхъ, вспырнутыхъ подъ конецъ живою водою Варшавской бургеріи,—нечего и говорить. А потому неудивительно, что не успѣли еще красные вдволю накричаться о томъ, чего они теперь надѣлаютъ, какъ у бѣлыхъ была уже организація въ слѣдующемъ видѣ:¹⁰⁾

Вся Русская Польша дѣлилась на 8 воеводствъ, какія были до учрежденія губерній; воеводства на повѣты, повѣты на округа, при чемъ только послѣдніе не были тѣмъ, чѣмъ они были нѣкогда въ дѣйствительности, а каждый повѣтъ заключалъ въ себѣ отъ 3 до 6 неравныхъ округовъ.

Порядокъ выборовъ шелъ такимъ образомъ: каждый округъ выбиралъ своего окружнаго представителя (okręgowego męża zaufania). Въ этихъ выборахъ участвовали всѣ образованные и сколько-нибудь занимавшіеся интересами края люди въ округѣ, свѣтскаго и духовнаго сословія.

⁹⁾ Припомнимъ читателямъ, что помѣщикъ Каличковскій, вздвигшій на свиданіе съ Мировскимъ въ Гомбургъ, въ Сентябрѣ 1861, уже говорилъ о народной организаціи. См. Р. Арх. 1872, стр. 656.

¹⁰⁾ Свѣдѣнія изъ Записокъ Маевского и Авейде.

Потомъ окружныя представители выбирали повѣтовыхъ, и наконецъ повѣтовые — воеводскихъ. Случалось впрочемъ, что человекъ 30—40 шляхты и ксендзовъ, съѣхавшись въ какомъ-либо мѣстѣ, выбирали вдругъ повѣтоваго и окружныхъ.

Мы не считаемъ нужнымъ перечислять всѣ имена, всѣхъ окружныхъ и повѣтовыхъ перваго выбора. Мы назовемъ только воеводскихъ. Ими были:

1) отъ Мазовецкаго воеводства: графъ Владиславъ Замойскій ¹¹⁾, Чарповскій и Августъ Тршетршевинскій.

2) Калишскаго: Юсифъ Калачковскій и Кршиштопорскій.

3) Краковскаго: Яцекъ Семинскій и Масловичъ ¹²⁾.

4) Сандомірскаго: Станиславъ Карскій. Потомъ: Бохенскій.

5) Люблинскаго: Титъ Войцѣховскій и Луціанъ Городынскій.

6) Подлясскаго: Адамъ Гольць и Шидловскій.

7) Плоцкаго: Матвѣй Смолинскій, Карлъ Уяздовскій и Карлъ Зонненбергъ.

8) Августовскаго: до Іюня 1862—Юліанъ Пашкевичъ. Потомъ, до Декабря 1862, защитникъ гражданскаго трибунала въ Сувалкахъ, Авейде ¹³⁾. Послѣ него: Діонисій Скаржинскій, Евгений Рембелинскій и графъ Генрихъ Старжинскій. (Два послѣдніе какъ помощники воеводскихъ).

Представителями отъ города Варшавы выбраны: Эдуардъ Юр-

генсъ, Леопольдъ Кронебергъ и Карлъ Маевскій.

Новое соединеніе Маевскаго съ бѣлыми въ такую роковую минуту для красныхъ, когда бѣлые строили не правительственную организацію, а уже положительно свою, повстанскую, и строили еезатѣмъ, чтобы овладѣть всѣмъ движеніемъ въ краѣ, стянуть въ свои руки всѣ нити, стало быть подчинить себѣ и красныхъ и управлять ими какъ вздумается; соединеніе Маевскаго съ бѣлыми въ такую минуту было конечно не по сердцу его друзьямъ краснаго лагеря, никогда его не покидавшимъ, можетъ быть на томъ основаніи, что они не вѣрили въ искренность его бѣлыхъ чувствъ и постоянно думали, что онъ съ бѣлыми долго не уживется и снова бѣжить туда, гдѣ всѣ его настояція, дѣйствительныя симпатіи. Нѣкоторые изъ этихъ друзей Маевскаго объясняли себѣ его соединеніе съ бѣлою партіей Богъ-вѣсть какими хитрыми планами: говорили, что онъ хочетъ только, при помощи капиталистовъ и помѣщиковъ, собрать желѣзный фондъ, т. е. заготовить разное оружіе, необходимое на первый взрывъ, а потомъ произвести *coup-d'état* въ пользу красныхъ: слить воедино все живое и дѣятельное, а съ чисто-бѣлыми мертвецами порѣшить безъ всякой церемоніи, пореволюціонному, и вести дѣло далѣе уже вполне на красныхъ основаніяхъ: Мирославскій диктаторъ и весной 1862 года возстаніе!

Можетъ быть, Маевскій самъ распространялъ такіе слухи между красными, чтобъ ихъ не отдалять отъ себя черезъ-чуръ, чтобы оставить себѣ на случай лазейку въ красный лагерь; а можетъ, и дѣйствительно вѣрилъ въ исполнимость такого плана, въ такое *coup-d'état*. Это былъ гор-

¹¹⁾ Старшій сынъ графа Андрея.

¹²⁾ Авейде прибавляетъ здѣсь еще Хвалибога, избраннаго нѣсколько позже. Мы держались по преимуществу списка Маевскаго, какъ болѣе точнаго. Въ обихъ спискахъ недостаетъ при нѣкоторыхъ фамиліяхъ именъ; мы не могли этого пополнить.

¹³⁾ Отецъ автора Записокъ.

дець и фантазёръ самого перваго номера, считавшій себя превыше всѣхъ и всего. Онъ выражался иногда: край и я! Довольно такой фразы, чтобы показать, что это былъ за человекъ. Вѣчныя колебанія Маевского, переходы то туда, то сюда, этотъ постоянный недостатокъ твердой почвы подъ ногами, происходили болѣе всего отъ того, что онъ боялся остаться безъ первостепенной роли—гдѣ бы то ни было. Не удалось предводительствовать здѣсь, пойду предводительствовать тамъ! Такіе люди, какъ-бы они талантливы ни были, обыкновенно не предводительствуютъ нигдѣ.

Впрочемъ и то надо сказать, что тогдашняя бѣлая партія, то, что строило организацію, которой давали имя народной, было вовсе не бѣло, было далеко не то, что тѣ-же люди при Ламбертѣ, когда строилась правительственная организація, открытая, не тайная, называвшаяся совѣтами по выборамъ. Цитадель, съ которою познакомились массы бѣлыхъ въ ночь съ 15 на 16 Октября, переработала эти массы. Переработка эта отразилась потомъ и на всѣхъ бѣлыхъ городахъ, не сидѣвшихъ въ Цитадели. Теперь бѣлые были такіе-же красные, только не кричали о возстаніи весной 1862 года и не намѣрены были вводить терроръ: убивать намѣстниковъ, отравлять солдатскіе котлы, вести мины подъ казармы и пр. Даже имя Владислава Замойскаго не звучало тутъ чуждымъ звукомъ. И Владиславъ Замойскій посвоему значительно покраснѣлъ и сталъ живѣе, поворотливѣе, въ повстанскомъ смыслѣ этого слова. Впрочемъ это имя внесено въ списокъ „воеводскихъ“ по вліянію красныхъ (бѣлаго лагеря) главнѣйшимъ образомъ для того, чтобы Замойскіе и все къ нимъ близкое не

очутились какъ-нибудь на сторонѣ Велепольскаго, успѣхи котораго въ Петербургѣ были ни для кого не тайна. Что до самого графа Андрея, онъ по прежнему считался во главѣ всего, что называлось бѣлымъ, служило возстанію иначе, нежели кипучіе и нетерпѣливые мальчики.

Такъ положено было основаніе бѣлой организаціи.

Юргенсъ и Маевскій, будучи представителями города Варшавы, были въ то же время представителями Литвы, Руси¹⁴⁾, Галиціи и Познани. Изъ Литвы прислалъ имъ уполномочіе Францъ Далевскій, заправлявшій тогда дѣлами Литовскаго революціоннаго кружка. Изъ Руси — Густавъ Василевскій, Оома Буржинскій и Владиміръ Антоневичъ. Изъ Галиціи—Смолка и Зыбликевичъ. Изъ Познани Александръ Гуттри и Владиславъ Неголевскій¹⁵⁾.

Въ концѣ года (1861) всѣ воеводскіе съѣхались въ Варшаву и выбрали изъ себя и изъ Варшавскихъ представителей, Делегацию, членами которой были: Эдуардъ Юргенсъ, Леопольдъ Кронебергъ, Карлъ Масвскій, Титъ Войцѣховскій, Владиславъ Замойскій и Іосифъ Калачковскій.

Эта делегациа имѣла нѣсколько засѣданій, гдѣ разсуждалось о способахъ дальнѣйшаго развитія организаціи и ея дѣйствіяхъ, но ничего изъ этого не вышло. Делегаты чувствовали, что для какихъ-бы то ни было работъ нуженъ прежде всего складъ и ладъ въ обществѣ, а его-то и не было. Общество и весь край представляли изъ себя хаосъ. Какъ бываетъ у Поляковъ при всякой поли-

¹⁴⁾ Еще разъ напоминаемъ читателямъ, что подъ Русью слѣдуетъ разумѣть губерніи: Киевскую, Волынскую и Подольскую.

¹⁵⁾ Эти подробности по Маевскому.

тической стройкѣ, едва организація бѣлыхъ проявила кое-какую жизнь, сейчасъ-же нашлись недовольные, начивавшіе шумѣть, что то не такъ и другое не такъ, и за чѣмъ ихъ объ этомъ не спросили. Такими укащиками недостатковъ въ организаціи бѣлыхъ оказались прежде всего делегаты Горчаковского времени, обиженные тѣмъ, что масса ихъ была обойдена при новыхъ выборахъ. Они стали подъ крыло генерала Левинскаго и принялись сочинять свою организацію. Тогда воеводская делегація прекратила занятія вовсе. Остановились работы и Горчаковскихъ делегатовъ. Городъ говорилъ о назначеніи новаго архіепископа, о проискахъ Велепольскаго, въ особенности занимавшихъ вершины бѣлой партіи.

Тѣмъ временемъ красные, видя занесенный надъ ними мечъ, бросились со всѣхъ ногъ строить свою, красную организацію. Кучка людей, заправлявшихъ этими работами, состояла изъ всего кипучаго и неукротимаго въ обществѣ. Тутъ были и мелкіе чиновники, и помѣщики, и „академики“, и военный народъ, и ксендзы. Наиболѣе вліятельными считались слѣдующія лица: помѣщики Игнатій Хмеленскій, Іосифъ Наржимскій ¹⁶⁾, Эдуардъ и Іосифъ Рольскіе, Альфредъ де-Роштейнъ, Юліанъ Верещинскій, Эдуардъ и Эразмъ Кокосинскіе, Эдуардъ Лисикевичъ, эмигрантъ Францискъ Годлевскій; чивов-

¹⁶⁾ Тотъ самый, который былъ принесенъ друзьями въ Земледѣльческое Общество, какъ бы раненный, 27 Февраля 1861. См. Р. Арх. 1870, стр. 1902. Живя позже въ Краковѣ, онъ занимался литературой. Изъ писемъ, имъ написанныхъ, Эпидемія имѣла нѣкоторый успѣхъ и дается на Варшавской сценѣ. Биографія и портретъ Наржимскаго въ Tygodn. Ilustrowan. 1872, № 239.

ники желѣзныхъ дорогъ: Витольдъ Марчевскій и Брониславъ Шварцъ; капитанъ Ярославъ Домбровский ¹⁷⁾, отставной офицеръ Коссовскій, студентъ Петербургскаго Университета Оскаръ Авейде, студентъ Главной Школы Владиславъ Данилевскій, воспитанники Медико-хирургической Академіи: Владиславъ, Иванъ и Леонъ Франковскіе и ксендзъ Древновскій.

Между ними показывались, а иногда какъ-будто бы и дѣйствовали съ ними за-одно: Тома Буржинскій, Титъ Войцѣховскій и Бохенскій, считавшіеся членами бѣлой организаціи.

На сторонѣ всѣхъ этихъ необузданныхъ смѣльчаковъ, бобылей и кутилъ болѣшею частію безъ всякихъ средствъ и вліянія въ обществѣ, на кого серьезные люди смотрѣли съ улыбкой, какъ на шалуновъ и проказниковъ, — на сторонѣ ихъ стояла молодость, юркость и необычайная, неутомимая, временами нечеловѣческая энергія; и эти рати, какъ увидимъ, при слабости и неловкости бѣлыхъ, завоевали вскорѣ бобылямъ все. Хаосу и криковъ на ихъ чисто-студенческихъ сборищахъ бывало, разумѣется, всегда больше, чѣмъ у бѣлыхъ. Такъ и теперь: бѣлые уже нѣчто построили, а „студенты“ все еще шумѣли. Наконецъ и у нихъ явилась слѣдующая программа:

„Возстановить Польшу въ прежнихъ границахъ посредствомъ революціи и готовить къ этому все нужное. Всякую связь съ правительствомъ разрывать. Думать только о возстаніи и идти къ нему возможно-скорыми шагами. Принципы: равноправность ис-

¹⁷⁾ Основатель офицерскаго революціоннаго кружка въ Петербургѣ. См. Р. Арх. 1870, стр. 1852; прибылъ въ Варшаву вскорѣ послѣ закрытія храмовъ.

повѣданій, народностей и сословій; освобожденіе крестьянъ и надѣленіе ихъ землею. Въ средствахъ къ достиженію цѣлей не быть слишкомъ разборчивыми. Прибѣгать, въ крайнихъ случаяхъ, не только къ обману, но и къ террору. Новаго комитета, или центральной власти, пока не устанавливать. Всѣмъ долженъ править Комитетъ, возникшій въ Октябрѣ, при выборахъ¹⁸⁾.

Послѣ того сейчасъ-же поскакали по всему краю курьеры¹⁹⁾ устраивать красную организацію.

Само-собою разумѣется, ни та, ни другая организація не носили эпитетовъ, которые мы имъ даемъ. Обѣ были для партій, ихъ создавшихъ, народными организаціями; обѣ сочинялись, насколько это было возможно, въ тайнѣ. Отъ этого произошла вѣкоторая путаница: иные чины не знали хорошо, кому они служатъ, кто и гдѣ ихъ главные начальники. Курьеры красной партіи еще нарочно сбивали съ толку завербованныхъ.

Эта скачка красныхъ по всему Царству, путаница организацій, сборъ денегъ всякими средствами были скоро замѣчены бѣлою партіей, и высшіе чины ея организаціи положили сѣхаться въ Варшавѣ для обсужденія своихъ дѣйствій на будущее время, съ принятіемъ мѣръ противъ красныхъ.

На этомъ съѣздѣ (въ концѣ Января или въ самомъ началѣ Февраля по нов. ст. 1862) возникли такъ-названная Дирекція Бѣлыхъ, или, по народному, Шляхетская Дирекція, иначе сказать бѣлый цен-

тральный комитетъ, въ который вошли членами лица, составлявшія Делегацию, выбранную воеводскими въ концѣ 1861 года.

Дирекція написала такую программу дѣйствій:

„Границы 1772 года. Принимать со смиреніемъ всякія правительственныя реформы, показывая видъ, что ими совершенно довольны. Равно принимать всѣ навязываемыя правительствомъ должности по новымъ учрежденіямъ. Стараться только всѣми способами, какіе кому будутъ сподручны и доступны, чтобы всѣ высшія мѣста въ Царствѣ Польскомъ были заняты Поляками, и чтобы рекруты изъ мѣстныхъ жителей оставались въ краѣ. Власть Дирекціи-законодательная и повелительная. Всѣ дѣла рѣшать большинствомъ голосовъ и представлять на утвержденіе графу Андрею Замойскому, который дѣйствуетъ постоянно, какъ посредникъ между народомъ и правительствомъ. Въ случаѣ несогласія на что-либо графа Андрея, Дирекція собираетъ воеводскихъ всѣхъ воеводствъ²⁰⁾. Они учреждаютъ изъ себя совѣщательный комитетъ, которому представляется вопросъ на обсужденіе. Рѣшеніе этого комитета безапелляціонно. Письменныхъ сношеній, печатей, квитанцій—никакихъ. Все на словахъ и на слово²¹⁾).

Эту программу Дирекція отправила на просмотръ къ князю Владиславу Чарторыскому съ тѣмъ-же охотникомъ на подобные разѣзды, Калачковскимъ, который ѣздилъ въ Гом-

¹⁸⁾ См. Р. Арх. 1873, стр. 660.

¹⁹⁾ Самыми дѣтельными курьерами были Иванъ и Леонъ Франковскіе.

²⁰⁾ Впрочемъ воеводскіе и безъ того должны были сѣзжаться каждыя шесть недѣль, или около того, въ Варшаву.

²¹⁾ Свидѣнія изъ Записокъ Маевского.

бургъ для объясненій съ эмиграцион-нымъ начальствомъ красныхъ ²³).

Другихъ дѣйствій и распоряженій Бѣлой Дирекціи за это время мы незнаемъ. Можетъ быть ихъ и не было. Всѣ умы занималъ тогда съ часу на часъ ожидаемый архіепископъ, который былъ преконизованъ 6 Генваря н. ст. Говорили объ немъ во всѣхъ салонахъ, во всѣхъ кельяхъ—бѣлые, красные, всякіе. Его свѣтское, до извѣстной степени повстанское прошедшее было болѣе или менѣе извѣстно всѣмъ; равно былъ извѣстенъ всѣмъ и его повстанскій антуражъ: отецъ, погибшій въ Сибири; мать и зять, тоже бывшіе въ ссылкѣ; дядя, писавшій патриотическіе гимны, авторъ *Boże coś Polskę*. Все это какъ-бы обѣщало повтореніе временъ Фіалковскаго, но Фіалковскаго съ талантами, умнаго, тонкаго, перехитрившаго всѣхъ старыхъ лисицъ въ фіолетахъ.... Съ другой стороны, его сношенія съ Велепольскимъ, которому онъ былъ обязанъ своимъ архіепископскимъ паліумомъ столько же, сколько и Папѣ, и неимоверная трудность задачи держаться между всѣхъ этихъ Скиллъ и Харибдъ, удовлетворять требованіямъ правительства и быть Фіалковскимъ для нѣсколькихъ партій вдругъ; ради одной — запрещать гимны, ради другой—смотреть на нихъ сквозь пальцы: все это, взятое вмѣстѣ, сбивало ожидавшихъ. Нѣвольно задавался вопросъ: „какъ-то архіепископъ выйдетъ изъ этихъ нѣсколькихъ квадратуръ круга?“

Фелинскій справедливо говорилъ всѣмъ и каждому, особенно ксендзу Лубинскому, съ которымъ наиболѣе бесѣдовалъ въ тѣ дни, что „бремя ему не по силамъ“. Оно никому не было по силамъ. У всякаго были свои осо-

бые начальники, у красныхъ красные, у бѣлыхъ бѣлые. Не понравилось тутъ—ушелъ на другую сторону, и конецъ! А онъ былъ одинъ для всѣхъ, одинъ и тотъ-же духовный вождь всего пестраго стада. На него смотрѣли всѣ до одинаго; его слова слушалъ всякій, и всякій ожидалъ такого слова, котораго ему желалось, которое-бы его успокоило, вдохновило, наполнило пустоту его души.

Послѣ перваго свиданія съ Государемъ въ Декабрѣ 1861, когда Его Величество объявилъ Фелинскому о предстоящемъ ему назначеніи, онъ пошелъ прямо въ костелъ св. Екатерины и палъ тамъ крестомъ передъ *Sanctissimum*. Потомъ дѣлалъ это неразъ и дома постоянно, слезно молился.

Въ двадцатыхъ числахъ Генваря н. ст. 1862 прибыли въ Петербургъ депутаты отъ капитулъ Варшавской и Ловицкой: ксендзы-каноники Щигельскій и Будзишевскій, и сверхъ того епископъ Платеръ, для присутствованія при посвященіи. Каково было имъ, облеченнымъ въ парадныя духовныя одежды (епископъ даже въ фіолетахъ), украшеннымъ крестами, людямъ въ солидныхъ лѣтахъ,—переступить порогъ молодаго, тридцатипятилѣтняго профессора, одѣтаго въ самое скромное платье, безъ всякихъ орденовъ, и привѣтствовать его, какъ своего главу, начальника и вождя, какъ Варшавскаго архіепископа и митрополита? А сколько осталось такихъ, кипѣвшихъ завистью, обойденныхъ фортуной тамъ! И это долженъ былъ соображать юный архіепископъ!

26 Генваря н. ст. произошло, въ костелѣ св. Іоанна Іерусалимскаго, посвященіе Фелинскаго въ архіепископы-митрополиты Варшавской ар-

²³) См. Р. Арх. 1872, стр. 656.

хидіецезіи, при чемъ находились: архіепископъ - митрополитъ Жилинскій, епископы-суфраганы: Станевскій и Бересневичъ и депутаты двухъ капитулъ изъ Царства Польскаго.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того ново-посвященный архіепископъ имѣлъ аудіенцію у Государа Императора, у Котораго испросилъ позволеніе отправиться къ мѣсту своего назначенія черезъ Познань, дабы увидѣться съ архіепископомъ Львовскимъ, нашедшимъ возможность остановить въ тамошнихъ костелахъ пѣніе патріотическихъ гимновъ; но еще болѣе Фелинскому желалось побесѣдовать съ архіепископомъ Пршилускимъ, который считался у Поляковъ патріархомъ духовенства во всѣхъ трехъ захватахъ, и получить отъ него благословеніе.

Повидавшись и переговоривъ съ обоими этими лицами, Фелинскій, 8 Февраля н. ст., отправился черезъ Бреславль въ Варшаву. Поздно вечеромъ того-же дня онъ постучался въ ворота Ченстоховскаго монастыря. Никакъ неожиданіе его монахи приняли гостя сухо, впрочемъ съ соблюденіемъ всѣхъ внѣшнихъ формъ чиновничьяго почитанія. Архіепископъ выразилъ прежде всего желаніе помолиться передъ чудотворною иконою Ченстоховской Божьей Матери, упалъ передъ нею крестомъ и въ такомъ положеніи находился болѣе часу, до совершеннаго изнеможенія, такъ-что былъ наконецъ поднятъ братією и отведенъ въ келью ксендза-генерала.

На другой день, въ воскресенье, архіепископъ, исповѣдавшись и приобщась, совершилъ первую литургію на землѣ Польской; хотѣлъ-было остаться въ монастырѣ до слѣдующаго дня, но получилъ отъ Намѣстника телеграмму, съ приглашеніемъ выѣхать немедленно, выѣхалъ и прибылъ въ Вар-

шаву того-же дня, въ 12-мъ часу ночи.

Вездѣ на станціяхъ, гдѣ только поѣздъ останавливался хоть на нѣсколько минутъ, сейчасъ-же собирались толпы любопытныхъ и оглядывали новаго архипастыря съ головы до ногъ. Иной разъ доносились до него слова: „попросите объ освобожденіи Бялобжескаго!“

Дебаркадеръ Варшавско - Вѣнской желѣзной дороги и улицы, по которымъ долженъ былъ слѣдовать экипажъ архіепископа въ Варшавѣ, не смотря на позднее время, были также полны народомъ.

Лишь-только вышелъ архіепископъ изъ вагона, толпа два раза прокричала: „да здравствуетъ архипастырь!“ (Niech żyje arcypasterz!). Ни малѣйшаго скандала нигдѣ не было. На всякій случай однако (такъ-какъ по городу ходили слухи, будто бы красная партія собирается дать архіепископу кошачій концертъ) карету его, отъ станціи желѣзной дороги до архіепископскаго палаца, на Медовой, провожалъ казачій эскортъ. Были приняты и другія мѣры, въ отвращеніе всякаго безпорядка.

Палацъ былъ совершенно - пустъ, когда въ него вступилъ архіепископъ. Никакой встрѣчи! Тутъ онъ въ первый разъ почувствовалъ свое сиротство. Было холодно, непріютно въ огромныхъ, сумрачныхъ покояхъ, какъ будто-бы въ нихъ давнымъ-давно перестали жить люди. Все смотрѣло пустыней. Городъ тоже спалъ. На дворѣ, въ тишинѣ ночи, брякали только сабли казачьяго эскорта, возившагося около своихъ лошадей...

На другой день, въ 5 часовъ утра, архіепископъ отслужилъ обѣдню въ своей домашней часовнѣ и послалъ собственноручное увѣдомленіе къ ксендзу-

декану о своемъ приѣздѣ, прося пригласить въ залу консисторіи Варшавскую Капитулу и духовенство, кои и прибыли около одиннадцати часовъ дня.

Фелинскій вышелъ къ нимъ и сказалъ:

„Да славится Іисусъ Христосъ“²³⁾ Привѣтствую васъ, преподобные братія, именемъ Господа нашего Іисуса Христа! Волею Божіею и соизволеніемъ Святаго Отца, я сдѣлался вашимъ пастыремъ. Тяжкое бремя пало на мои плечи: сознаюсь въ этомъ откровенно; оно будетъ еще тяжелѣе, если вы, преподобные братія, откажете мнѣ въ своей помощи. Прежде-нежели познакомлюсь съ вами ближе, прежде-нежели найду возможность служить чѣмъ-либо каждому изъ васъ, считаю моею первою и непремѣнною обязанностію объявить вамъ, что я намѣренъ возстановить честь религіи и общественное богослуженіе: открыть костелы, въ которыхъ никакія насилія болѣе не повторятся, равно и обряды наши не будутъ отнюдь стѣсняемы военными властями и полиціей: въ томъ порукою данное мнѣ слово Государемъ Императоромъ. Два костела, митрополитальный Св. Яна и Бернардинскій, какъ дѣйствительно профанированные въ смыслѣ каноническихъ узаконеній и ритуала (что засвидѣтельствовано мнѣ достойными прелатами) я открою и освящу самъ. Остальные-же поручаю открыть вамъ, преподобные братія, какъ заведующимъ этими костелами, и на-

чать въ нихъ божественную службу сорокачасовою молитвою“.

„Другою, можетъ быть несравненно-труднѣйшею моею миссіею (въ чемъ, надѣюсь, вы явитесь мнѣ усердными помощниками) есть разумное истолкованіе народу, что, отказавшись отъ пѣнія нѣкоторыхъ гимновъ, онъ насколько не измѣнитъ отечественнымъ интересамъ, напротивъ откроетъ этимъ путь льготамъ и милостямъ, въ коихъ Монархъ меня завѣрилъ“.

„Вотъ что хотѣлъ я вамъ прежде всего сообщить. Теперь прошу васъ сказать мнѣ взаимно, чѣмъ могу быть вамъ на первыхъ порахъ полезенъ?“

— „Освободите Бялобржескаго и всѣхъ ксендзовъ, заключенныхъ, либо сосланныхъ!“ — раздалось вдругъ нѣсколько голосовъ.

„Два раза просилъ я объ этомъ Государя; еще буду просить,“ отвѣчалъ архіепископъ.

— „Что-же касается гимновъ, которые ваше высокопреосвященство находите нужнымъ запретить (замѣтилъ кто-то въ толпѣ ксендзовъ), народъ къ нимъ такъ привылъ и считаетъ ихъ столь необходимыми. въ настоящую минуту, что едвали послушаетъ насъ, когда мы станемъ возбранять ихъ пѣніе. Мы потеряемъ чрезъ это во мнѣніи толпы, какъ идущіе противу народнаго дѣла“.

Фелинскій ожидалъ подобныхъ замѣчаній: онъ къ нимъ приготовился.

„За и противъ гимновъ можно говорить долго и много (отвѣчалъ онъ возражателю) Я-же скажу вамъ теперь только то, что, поможете вы мнѣ въ этомъ, или не поможете: я имѣю твердое намѣреніе въ первомъ-же моемъ словѣ выступить противъ пѣнія гимновъ, ибо это можетъ имѣть важныя для насъ послѣдствія. Я рѣшился дѣлится съ вами какъ счастье, такъ

²³⁾ Старинная форма привѣтствія у Поляковъ, при встрѣчѣ и прощаньѣ. Одинъ говоритъ: «Niech będzie pochwalony Jezus Chrystus!»— Другой отвѣчаетъ: «Na wieki wieków, amen!» Старые простые люди и духовные въ Польшѣ до сихъ поръ такъ здороваются и прощаются.

и несчастіе. Остальное—въ рудѣ Божіей. Приглашаю нынѣ, въ вашемъ присутствіи, ксендза-каноника Ржевускаго быть официаломъ моей архіепископской консисторіи ²⁴⁾. О времени освященія костеловъ увѣдомлю васъ чрезъ ксендза-декана, а жителей города чрезъ газеты. Поручаю васъ Господу Богу, а себя самаго вашимъ молитвамъ. Да славится Иисусъ Христосъ!⁴

Затѣмъ архіепископъ простился съ духовенствомъ и поѣхалъ въ Замокъ.

Быстрое назначеніе официала, прежде свиданія съ Намѣстникомъ, имѣло свой смыслъ: архіепископъ предчувствовалъ, что ему будутъ рекомендовать въ официалы каноника Зволинскаго, пробоща предмѣстья Праги; но взять Зволинскаго значило тогда возстановить противъ себя сразу весь городъ. Дѣйствительно, Намѣстникъ, встрѣтивъ архіепископа извиненіями, что просилъ его поспѣшить пріѣздомъ въ Варшаву, очень скоро заговорилъ о Зволинскомъ и совѣтовалъ назначить его официаломъ. Каково-же было изумленіе Намѣстника, когда онъ услышалъ, что официалъ уже назначенъ!

Произошло небольшое молчаніе. Потомъ Намѣстникъ спросилъ:

„Когда-же вы откроете костелы?“

— Я поговорю объ этомъ съ официаломъ, и мы рѣшимъ сообщая, отвѣчалъ архіепископъ.

Побесѣдовавъ потомъ нѣсколько минутъ о предметахъ мѣньшей важности, архіепископъ сталъ прощаться съ Намѣстникомъ.

²⁴⁾ Официалъ—помощникъ архіепископа или епископа, ими самими назначаемый и дѣйствующій въ предѣлахъ власти, ему сказанными лицами ввѣренной. Онъ называется также архіепископскимъ или епископскимъ инкаріемъ.

„Прошу помнить, сказалъ Намѣстникъ, что мой домъ всегда открытъ для вашего высокопреосвященства“.

— Душевно благодаренъ, отвѣчалъ Фелинскій: какъ-бы только не быть мнѣ черезъ-чуръ частымъ и скучнымъ для васъ гостемъ.

Въ тотъ-же день, въ три часа пополудни, архіепископъ увидѣлся съ Ржевускимъ. Въ концѣ продолжительной бесѣды, во время которой Ржевускій посвятилъ архіепископа во всѣ тайны, какими только обладалъ относительно положенія дѣлъ въ краѣ, было постановлено: открыть и освятить Свентоянскій и Бернардинскій костелы 13 Февраля н. ст., а въ другой день всѣ остальные. Торжественный-же *ingressus* въ митрополию назначенъ 16 Февраля н. ст., въ воскресенье, согласно требованію Римскаго понтификата.

Послѣ этого пошли переговоры архіепископа съ Замкомъ относительно церемоніи при открытіи костеловъ, гдѣ произведены аресты. Намѣстникъ не хотѣлъ допустить реконциліаціи, такъ-какъ чрезъ это признавалась профанація костеловъ; архіепископъ-же находилъ реконциліацію совершенно-неизбѣжною и не соглашался иначе открыть костелы. Онъ требовалъ даже оглашенія объ этомъ въ газетахъ. Кончилось тѣмъ, что реконциліація допущена, только безъ оглашенія въ газетахъ. Архіепископъ долженъ былъ извѣстить духовенство о церемоніи обыкновеннымъ циркуляромъ—и конецъ. А въ газетахъ имѣло быть сказано просто, что „костелы тогда-то открываются“.

Потомъ говорили о присутствіи полиціи при открытіи костеловъ. Фелинскому хотѣлось, чтобы ни полиціи, ни войскъ около костеловъ въ это время не было. Намѣстникъ отвѣчалъ,

что безъ нужды ни войскъ, ни полиціи посылать никуда не будутъ.

Между тѣмъ красные распростра- няли всякіе невыгодные слухи о новомъ архіепископѣ, вслѣдствіе того, что сдѣлалось уже извѣстнымъ его намѣреніе выступить противъ пѣнія гимновъ. На обоихъ костелахъ, кото- рые должны были открыться прежде другихъ, явилась карриатура, изо- бражавшая Фелинскаго на конѣ вер- хомъ, въ казацкомъ мундирѣ и па- пахѣ, съ нагайкой въ одной рукѣ, съ ключами въ другой. Подлѣ два ка- зака освѣщали главный входъ въ ка- едральный костелъ. Надпись гласила: архіепископъ Фелинскій отпра- вляется отпирать костелы.

Одинъ экземпляръ такой каррика- туры архіепископъ получилъ при ано- нимномъ письмѣ оскорбительнаго со- держанія.

Объ официалѣ Ржевускомъ, вооб- ще всѣми уважаемомъ, говорили въ городѣ, что „онъ для настоящей ми- нуты черезъ-чуръ святъ“²⁵⁾.

Красныхъ ксендзовъ раздражало то обстоятельство, что двери архіе- пископа были для нихъ положитель- но заперты; да и вообще въ первые дни онъ былъ не очень доступенъ для духовенства какихъ-бы то ни было оттѣнковъ; бесѣдовалъ только со своимъ официаломъ Ржевускимъ и

²⁵⁾ Ржевускій отличался дѣйствительно стро- гой и въ высшей степени умѣренной жизнію: жилъ въ отдаленной части города, на Хлод- ной улицѣ, и никогда не употреблялъ эки- пажа; квартира его представляла верхъ про- стоты, гдѣ было только много книгъ и очень мало удобствъ; даже не было кровати для сна: каноникъ спалъ, гдѣ случится, на какойнибудь лавкѣ или диванѣ, ничѣмъ не покрываясь, кромѣ одежды. Все свое жало- ванье и доходы, составлявшіе вѣсть нѣсколь- ко десятковъ тысячъ злотыхъ, онъ разда- валъ бѣднымъ, удерживая для себя самую незначительную часть.

черезъ него рѣшалъ всѣ вопросы. Ка- ноники Щигельскій, и Будзишевскій сильно добивались расположенія ар- хіепископа, употребляли всѣ мѣры, чтобы войти къ нему въ довѣріе, на- вязывались ему съ объясненіями всѣхъ подпольныхъ секретовъ того времени, но ничего не могли сдѣлать. Онъ и безъ нихъ уже все зналъ.

Наступило наконецъ 13 Февраля— день, ожидаемый всѣми жителями съ нетерпѣніемъ. Исключеніемъ въ этомъ случаѣ былъ развѣ только одинъ красный кружокъ, которому хотѣлось продлить такое состояніе потому, что это стѣсняло правительство, мѣшало реформамъ, запутывало дѣла, произ- водило ту мусть, какая красной пар- тіи была всего нужнѣе. Но все остальное, вся религіозная масса чув- ствовала себя какъ-бы безъ рукъ безъ общественной молитвы. Всѣми невольно замѣчалось, особенно въ большіе праздники, что чего-то въ горо- дѣ нѣтъ и притомъ чего-то существен- наго, необходимаго, къ чему всѣ при- выкли Богъ вѣсть съ какихъ лѣтъ. Не звонятъ колокола; нѣтъ, въ извѣст- ные дни и часы, движенія массъ съ книжечками въ рукахъ... Что-то тя- желое наваливалось иногда на душу; ощущался какой-то внутренній мракъ и холодъ.

А потому объявленіе, что костелы будутъ тогда-то открыты, обрадовало городъ. Толпы съ ранняго утра, 13 Февраля, потекли со всѣхъ концовъ къ Свентоаянскому костелу. День былъ ясный. Солнце сіяло, отражаясь од- нако ярче всего на штыкахъ и саб- ляхъ многочисленныхъ патрулей и развѣздовъ, приготовленныхъ на слу- чай въ нѣсколькихъ пунктахъ горо- да. Впрочемъ на Свентоаянской улицѣ войскъ не было. Вся она, къ 7 часамъ утра, была запружена народомъ до

того, что карета архіепископа, прибывшая около 9 часовъ, едва-едва могла продвигаться кое-какъ до сакристїи собора, гдѣ архіепископъ вышелъ, облачился въ торжественныя ризы и, въ сопровожденіи Капитулы, Духовной Академіи и множества ксензювъ, направился къ главному входу въ храмъ.

Несмотря на страшныя массы, спершіяся въ улицѣ, тишина была необыкновенная. Когда духовенство остановилось передъ дверями, архіепископъ самъ запѣлъ антифонъ покаянныхъ псалмовъ. Затѣмъ духовенство и клиръ начали пѣть псалмы епископскаго понтификата, сперва передъ главнымъ входомъ, потомъ обходя весь храмъ процессіей. Послѣ этого архіепископъ сталъ передъ дверями, ударилъ въ нихъ три раза жезломъ, открылъ ихъ—и первый переступилъ черезъ порогъ. Затѣмъ вошло духовенство и народъ.

Когда достигли презбитерія ²⁶⁾, всѣ опустились на колѣни, а самъ архіепископъ палъ крестомъ предъ вратами главнаго алтаря. Клиръ запѣлъ литавію всѣхъ святыхъ; чтò продолжалось около часу. Послѣ этого архіепископъ всталъ и три раза обошелъ съ духовенствомъ весь храмъ, омывая святою водою алтари и полъ. Этимъ завершился обрядъ реконциліаціи. Народъ сталъ молиться съ громкими рыданіями.

Архіепископъ взошелъ на амвонъ, перекрестился и дрожащимъ отъ волненія голосомъ произнесъ: „да славится Іисусъ Христосъ!“ Нѣсколько го-

²⁶⁾ Часть храма, ближайшая къ алтарю, отдѣленная рѣшеткой, за которую народъ допускается не всегда. Въ торжественныя праздники тамъ помѣщаются только одни наиболѣе почетныя лица города и духовенство.

лосовъ отвѣчало: „во вѣки вѣковъ, аминь!“

Послѣ этого все замерло какъ въ гробѣ. Архіепископъ произнесъ:

„Слава въ вышнихъ Богу и на земли миръ, въ человецѣхъ благоволеніе!“

„Эти слова, возлюбленные мои слушатели, сказаны въ минуты не менѣе тяжкія, чѣмъ тѣ, въ которыя мы живемъ, а потому они наиболѣе отвѣчаютъ печальной церемоніи, только что нами совершенной: доселѣ вы не имѣли и ни сего мира, и ни сей славы, ибо были лишены храма и молитвы.“

„Нынѣ сжалился Господь надъ вашею нищетою: врата храма отверзлись для насъ — для искренней молитвы вашей. Ибо костелъ есть прибежище ваше, а молитва—существо жизни, источникъ счастья, средство общенія съ Богомъ въ нуждахъ и скорбяхъ, какъ временныхъ, такъ и вѣчныхъ. Самою существенною молитвою, молитвою всѣхъ молитвъ, суть хорошо-извѣстныя вамъ слова Іисуса Христа: Отче нашъ, Иже еси на небесѣхъ, да святится имя Твое, да прїидетъ царствіе Твое! Изъ сихъ словъ видите, кто повелѣваетъ намъ молиться и какъ выражать нужды наши. Это ясно и понятно до такой степени, что я не считаю нужнымъ объ этомъ распространяться, но прямо перейду къ самому трудному вопросу, котораго долженъ коснуться непременно.“

„Еслибы кто-либо возбранялъ вамъ молиться Богу и обращаться къ Нему въ нуждахъ вашихъ, я-бы сказалъ Вамъ: не слушайте его! Еслибы какая-либо власть запрещала вамъ молиться, я бы тоже сказалъ вамъ: не слушайтесь этой власти, ибо обязанности ваши къ Богу выше, чѣмъ обязанности къ сильнымъ міра. Еслибы

кто возбранялъ вамъ молиться за отчизну, за возлюбленный край нашъ, и еслибы какая-либо власть не дозволяла вамъ молиться за счастье и благоденствіе отчизны нашей, опять сказалъ-бы я вамъ: не слушайтесь такой власти, ибо ея повелѣніе въ этомъ случаѣ есть недоброе повелѣніе. О, еслибы вы перестали молиться за отчизну, я-бы просилъ Бога, чтобы Онъ взялъ меня изъ сего міра; просилъ-бы Его, чтобы матери, которыхъ не умѣли вселить въ сердца дѣтей горячей и глубокой любви къ отчизнѣ, остались навѣки бесплодными. И такъ видите, что молиться за счастье нашей земли, за благоденствіе отчизны нашей никто намъ воспретить не можетъ: станемъ-же за нее молиться!

Эти слова сильно подѣйствовали на слушателей. Во многихъ мѣстахъ храма раздались рыданія. Черезъ нѣсколько минутъ архіепископъ продолжалъ:

„Успокойтесь и не плачьте! Еще разъ увѣряю васъ, что никакая власть на свѣтѣ не можетъ намъ запретить и не станетъ запрещать молитву, которая живетъ въ сердцахъ нашихъ и которая намъ дорога и священна. Увѣряю васъ, что мы всегда будемъ молиться за отчизну, но въ то же время совѣсть наказуетъ мнѣ, какъ вашему пастырю, остеречь васъ, что между молитвами вашими вкрались гимны, не освященные костеломъ, гимны, отъ пѣнія которыхъ слѣдуетъ уклоняться всѣмъ истиннымъ католикамъ, каковыми всегда желалъ-бы я васъ считать. Когда вы вникнете въ дѣло надлежащимъ образомъ, то увидите, что отказаться отъ этихъ гимновъ не значитъ отказаться отъ молитвы за отчизну, отъ которой — сохрани меня Богъ! — чтобы я сталъ

когда-либо принуждать васъ отказываться. Можете тогда оставить меня и не слушать; ибо въ сердцахъ вашихъ, какъ и въ моемъ, горитъ одинъ и тотъ-же священный огонь любви къ отчизнѣ, и въ силу этой любви мы всѣ обязаны возсылать къ Богу наши чистыя стремленія и желанія.“

„Считаю себя счастливымъ, что нынѣ открываю для васъ костелы, въ которыхъ будемъ всѣ мы снова молиться Богу; но заклинаю васъ и прошу во имя всего, что только дорого вамъ и свято: перестаньте пѣть гимны, запрещенные высшею властью, за которые вы столько уже потерпѣли, за которое страждетъ въ заключеніи столько братьевъ вашихъ и капляновъ.“

„Перестаньте пѣть эти гимны, ибо они уже не нужны; они были нужны до тѣхъ поръ, пока служили выраженіемъ нуждъ вашихъ, которые только такимъ способомъ могли быть высказаны власти. Нынѣ-же, когда власть услышала желанія наши и знаетъ, чего мы хотимъ, нынѣ наше упорство въ такомъ ничтожномъ дѣлѣ принесло-бы только дурные плоды. Я прибылъ къ вамъ между прочимъ вѣстникомъ доброй надежды, что Монархъ имѣетъ непремѣнное желаніе удовлетворить нуждамъ нашего края; Онъ завѣрилъ меня Своимъ словомъ, что и не думаетъ лишать насъ ни народности, ни религіи нашей; завѣрилъ меня, что исполнить всѣ наши законныя требованія, только подъ условіемъ, чтобы край успокоился и народъ пересталъ пѣть гимны, запрещенные правительствомъ. Можетъ быть, вы скажете, что подобныя обѣщанія, даваемые неоднократно, никогда въ дѣйствительности не исполнялись, что и теперь вы прождете понапрасну: на это скажу вамъ,

не забѣгайте впередъ съ вашимъ недоувѣрiемъ, ибо я имѣю слово Монарха. Будемъ сообразоваться съ нашимъ положенiемъ, дабы потомъ не пѣнять на самихъ себя, что мы сами-же все испровергли, сами виною того, что правительство не исполнило своихъ обѣщанiй, имѣющихъ въ виду благо нашего края и спасенiе многихъ нашихъ братiй. Поэтому еще разъ прошу и заклинаю васъ именемъ Бога и отчизны: перестаньте пѣть эти гимны, не потому только, что я васъ объ этомъ прошу, а для блага цѣлаго края, ради вашихъ-же собственныхъ интересовъ. Хотя-бы это было и тяжело для васъ, перенесите это терпѣливо, подражая Христу Спасителю, Который умеръ за правду на крестѣ, но до конца повиновался власти, поставленной кесаремъ. Берите примѣръ съ первыхъ мучениковъ христіанства, кои только въ томъ отказывались повиноваться власти, что было противно святой католической вѣрѣ. Смирениемъ и готовностію сносить терпѣливо удары судьбы потщимся снискать милосердіе Божіе, и Богъ благословитъ насъ. Помните, что вѣсть власти, аще не отъ Бога. Заслуживающіе наказанiя пусть трепещутъ передъ величіемъ Божіимъ, коего праведный гнѣвъ найдетъ виновнаго даже и здѣсь, на землѣ. А дабы тотъ праведный гнѣвъ не палъ на наши головы, дабы не оказалось, что мы сами виноваты, — послушайтесь этого перваго моего къ вамъ пастьерскаго слова и, вѣря въ то, что я одинаково съ вами желаю благъ нашему краю и святому нашему костелу, положитесь во всемъ на меня. Кто готовъ на это, кто готовъ послѣдовать моимъ совѣтамъ, — стань на колѣни: я благословлю его моимъ пастьерскимъ благословенiемъ!⁴

Проговоривъ это, архіепископъ окинулъ глазами весь костель и, видя, что весьма немногіе преклонили колѣни, иные-же стали кучами выходить вонъ, — успѣшилъ воскликнуть, поднявъ руки къ небу: „Benedicat vos † omnipotens Deus Pater et † Filius et † Spiritus Sanctus!“ — и слезы потекли у него изъ глазъ...

Невыразимо-тяжело было архипастьерю увидѣть такія послѣдствiя своего перваго слова къ паствѣ, въ только-что открытомъ имъ для этой паствы храмѣ, гдѣ не раздавались никакія слова и не возносились молитва къ Богу въ теченiи цѣлыхъ четырехъ мѣсяцевъ сряду. Конечно, архіепископъ могъ ожидать, что враги его и правительства настроятъ массу отнестись такимъ образомъ къ его слову, котораго содержанiе имъ было уже извѣстно. Архіепископъ самъ, своими глазами, видѣлъ красныхъ менѣровъ въ толпѣ, когда произносилъ свое слово; у него были на это зоркіе глаза: недаромъ онъ носилъ рубецъ палаша на лбу! Тѣмъ не менѣе, ему, взявшемуся теперь серьезно за иныя бразды и сознававшему лучше всякаго другаго нелѣпность и неприличіе пѣсенъ и гимновъ, мѣшаемыхъ съ молитвами, ему было горько и прискорбно. Онъ плакалъ больше сердцемъ, нежели глазами; плакалъ весь тотъ день. Битва была проиграна. Какъ долго, какъ хлопотливо устраивалъ онъ свое слово, которое долженъ былъ произнести при открытіи Свентоявскаго собора; писалъ и переписывалъ его болѣе мѣсяца, между стѣнами Петербурга, Познани и Варшавы; кому только изъ близкихъ и друзей не показывалъ его, рассчитывалъ хотя на малый эффектъ, и все пропало даромъ! Противъ него стояли враги, а не смиренное стадо.

Онъ это видѣлъ ясно, но рѣшился идти тою-же дорожкой далѣе, биться, пока не измѣнятъ силы.

Въ тотъ-же день пошли толки по городу, конечно пущенные красными, что архіепископъ черезъ-чуръ поспѣшилъ совершить такой великій и торжественный актъ, не огласивъ даже о томъ какъ-слѣдуетъ въ газетахъ и не заручившись отъ правительства ничѣмъ, кромѣ праздныхъ обѣщаній какихъ-то льготъ и милостей, не освободивъ ни одного узника. Что-бы тутъ могъ надѣлать всякій другой, ловкій человекъ и политикъ, имѣя въ рукахъ противъ правительства такое оружіе! „Нѣтъ у насъ Фіалковскихъ, нѣтъ у насъ Бялобржескихъ!“ повторяли разные голоса.

На другой день, 14 Февраля н. ст., архіепископъ объѣхалъ всѣ открытые храмы и въ каждомъ молился около получаса. Въ Бернардинскомъ, который былъ открытъ наканунѣ епископомъ Платеромъ, онъ молился долѣе.

Затѣмъ архіепископъ объѣзжалъ различныя богоугодныя заведенія и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ говорилъ рѣчи. Толпа вездѣ вела себя одинаково, настроенная менѣрами. Архіепископъ вездѣ чувствовалъ, что онъ еще — не архіепископъ, не пастырь для паствы; что между имъ и паствой цѣлая пропасть.

Въ довершеніе всѣхъ огорченій, нелѣпыхъ городскихъ толковъ и обвиненій въ томъ, въ чемъ онъ былъ вовсе не виноватъ, — архіепископъ получилъ, въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, анонимное письмо, въ которомъ нашель отвѣтъ на свое слово, произнесенное 13 Февраля, при открытіи Свентоянскаго костела. Отвѣтъ этотъ носилъ такое названіе: Слово Польскаго народа къ его высокопреосвященству Сигизмунду

Щенскому Фелинскому, архіепископу-митрополиту архидіецезіи Варшавской.

Вотъ нѣсколько мѣстъ изъ этого посланія, которое было, по всѣмъ вѣроятностямъ, плодомъ тѣхъ-же ядовитыхъ перьевъ, искусившихся въ повстанскомъ краснорѣчьи, которыя написали, въ началѣ 1861 года, Посланіе духовенства столицы къ братьямъ и товарищамъ въ цѣлой Польшѣ²⁷⁾, писали потомъ разные циркуляры отъ имени Фіалковскаго, а въ заключеніе соединились въ Голосъ Каплана.

„Высокопреосвященнѣйшій архіепастырь и отче! (начиналось Слово народа къ архіепископу). Рѣчь вашего высокопреосвященства, сказанная духовенству и народу при открытіи костеловъ, разоблачивъ предъ нами планъ дѣйствій, которому вы намѣрены слѣдовать, планъ столь свойственный слугамъ царя-притѣснителя, построенный не на законѣ Божиемъ и пастырскихъ обязанностяхъ, а на гибельной для насъ и для вѣры нашей политикѣ, — эти рѣчь побуждаетъ народъ Польскій протестовать противъ ложнаго разумнія народнаго дѣла, начатаго въ интересахъ вѣры и свободы“

„Вашему высокопреосвященству, какъ человеку образованному, нечего объяснять подробно положеніе дѣла въ Европѣ: оно благоприятствуетъ пробужденію нашихъ силъ“.

„Городельскій протестъ, учиненный представителями всѣхъ земель и повѣтовъ Рѣчи Посполитой, сдѣлалъ то, что у насъ теперь нѣтъ царя, которымъ мы не можемъ признавать Рус-

²⁷⁾ Wiadomosci z kraju, Lipsk, 1863, стр. 14—16. Переводъ нѣкоторыхъ мѣстъ этого посланія порусски въ Библіот. для Чтенія 1864, Февраль, стр. 33.

сваго Императора... Вынужденная присяга не присяга... Насъ столько разъ обманывали, столько разъ нарушали данныя намъ обязательства, что теперь уже не поддѣвуть ни на какое обѣщаніе и если вашему высокопреосвященству благоугодно будетъ высказать намъ свои панславистическія стремленія и восторгъ отъ новыхъ учрежденій, имѣющихъ явиться въ свѣтъ согласно планамъ царя и Велепольскаго, такъ знайте, что мы отъ васъ отступимся, какъ отъ человѣка, сбившагося съ пути, и намъ придется достигать грознаго могущества цѣною священнѣйшихъ сердцу нашему жертвъ. Ибо каждый, находящійся между нами, кто не отдался всею душою и тѣломъ нашему дѣлу, или оно, по слабости, заблужденіямъ или уничтоженію, не такъ разумѣть, долженъ быть сочтенъ препятствіемъ, которое необходимо устранить“.

„Пути Господни неисповѣдимы, и трудно сказать, что можетъ случиться въ самомъ непродолжительномъ времени“...

„Съ восшествіемъ на престолъ новаго царя наши надежды проснулись было, но чертъ не дремалъ“....

„Пути Господни неисповѣдимы. Кто могъ предвидѣть, что воючая жидкость, разлитая въ театрѣ, въ минуту прибытія туда трехъ враждебныхъ для насъ Монарховъ, будетъ приступомъ къ величайшимъ событіямъ, которыя получаютъ важное значеніе въ политикѣ и увѣнчаются торжествомъ!“

„Кто могъ предвидѣть! Былъ одинъ только мужъ, поистинѣ премудрый, который разумѣлъ настоящей смыслъ послѣднихъ событій: мы говоримъ о покойномъ архипастырѣ Фіалковскомъ. Онъ не повторялъ намъ словъ царской лжи; не говорилъ, что манифестаціи препятствуютъ развитію на-

родной жизни... онъ не парализовалъ дѣйствій духовенства... ему ненужно было рекомендательныхъ писемъ изъ Петербурга къ царскимъ опричникамъ Варшавы. Онъ не унижилъ перваго и высшаго чина отдачей визитовъ разнымъ губернаторамъ; проѣзжая по улицамъ, онъ обходился безъ всякаго eskortа; полиція не смѣла слѣдить за каждымъ его шагомъ“....

„Пока мѣсть онъ жилъ, правительство не трогало каплановъ, и чрезъ это, съ одной стороны, росло довѣріе, съ другой—любовь и самоотверженіе: ибо гдѣ капланъ и крестъ, тамъ и народъ послушенъ и покоренъ“....

„Но лишь-только мы опустили нашего архипастыря въ могилу, все пошло иначе. Самоволіе царскихъ опричниковъ достигло до того, что не только многихъ достойнѣйшихъ каплановъ сослали въ Сибирь, посадили подъ арестъ самого администратора“....

„Прибытіе вашего высокопреосвященства исполнило наши сердца нѣкоторыми надеждами... мы ожидаемъ вашихъ дальнѣйшихъ дѣйствій... начало намъ неблагоприятно... когда вы говорили намъ рѣчь, въ храмѣ не было ни одного человѣка, кто-бы раздѣлялъ ваши взгляды, кто-бы готовъ былъ слѣдовать вашимъ указаніямъ и былъ-бы убѣжденъ, что вы—истинный духовный вождь народа. Завѣряемъ васъ именемъ всемогущаго Бога и совѣстію Польскаго народа, что царь и Велепольскій лгутъ, чтобы и васъ сдѣлать лжецомъ передъ нами. Спросите у исторіи, есть-ли тамъ одинъ фактъ, свидѣтельствующій о томъ, чтобы въ отношеніи насъ сдержали хотя одно данное слово“....

„Теперь, пока ваше высокопреосвященство не сдѣлало еще никакого особенно-рѣшительнаго шага, — царскіе слуги осыпаютъ васъ лестью; но

лишь-только вы объявите себя окончательно на ихъ сторонѣ, и поворотъ назадъ, къ намъ, сдѣлается для васъ невозможенъ, тогда вы увидите, какая перемѣна произойдетъ съ Пильсудскимъ ²⁸⁾ и Крыжановскимъ“....

„Ваше высокопреосвященство и отче! Передъ вами лежатъ теперь двѣ дороги, и обѣ усыяны колючимъ терніемъ: одна зовется дорогой вѣры, дорогой, которая оро ена кровію мучениковъ, каплановъ и изгнанниковъ нашихъ. Другая ведетъ къ обманчивымъ царскимъ милостямъ и униженію передъ Москалями. Средняго пути, который вашему высокопреосвященству хочется здѣсь отыскать разными хитрыми дипломатическими изворотами, не было и не будетъ. Выбирайте-же стезю, какая вамъ покажется болѣе соотвѣтствующей вашимъ пастырскимъ обязанностямъ... и помните, что Христосъ сотворилъ не паству для пастыря, а пастыря для паствы“....

Фелинскій прочелъ это письмо своему официалу и, къ удивленію его, назвалъ автора: до такой степени въ это короткое время онъ успѣлъ познакомиться съ различными дѣятелями заговора! Письмо конечно было брошено и какъ-бы забыто. Но нельзя сказать, чтобы оно прошло совершенно-безслѣдно подушѣ читавшаго: нѣтъ, въ немъ шевельнулось что-то такое, противъ его воли; налетѣлъ какой-то кошмаръ... въ мысляхъ мелькнулъ марширующій къ Милославу Польскій повстанскій отрядъ... эмиграція... Словацкій, умирающій у него на рукахъ... Фелинскій почувствовалъ, что онъ тоже жале Полякъ, какъ всѣ Поляки... ему стало вдругъ и холодно, и жутко...

²⁸⁾ Тогдашній оберъ-полицеймейстеръ Варшавы.

Эти грѣзы начали посѣщать его потомъ чаще и чаще, и ихъ не такъ легко было отогнать, какъ въ первое посѣщеніе....

Письмомъ однако дѣло не кончилось; по городу былъ пущенъ сверхъ того плакатъ слѣдующаго содержанія:

„Храмы открыты, но молиться намъ въ нихъ нельзя! Народъ не можетъ и не хочетъ отрѣчься отъ пути, которому до сихъ поръ слѣдовалъ; не хочетъ лгать передъ прошедшимъ и въ бесѣдахъ съ Богомъ согласоваться съ указами царя. Взгляните на эти храмы: они обратились въ полицейскія казармы, гдѣ толпа сбировъ, шпионовъ и соглядатаевъ слѣдитъ за каждымъ вздохомъ молящихся, чтобы доставить царю лишняго солдата въ Оренбургскіе батальоны и рудокопа добывать золото.... Дорогие братья! Нѣтъ, единственная наша молитва „за благоденствіе отчизны“, а ее-то намъ и запрещаютъ! Потому, не желая подвергать духовенство новымъ преслѣдованіямъ и прибавлять къ жертвамъ жертвы, желая напротивъ сохранить кровь братій для болѣе рѣшительныхъ минутъ, мы не должны идти неразумно въ разставленныя врагомъ сѣти. Нѣтъ у насъ костеловъ, ибо духъ Божій не обитаетъ тамъ, гдѣ командуетъ царь. Христосъ удаляется изъ стѣнъ, кои стали мѣстопробываніемъ обмана и измѣны, квартирой сбировъ и полиціи. Храмы теперь не храмы; но помните, дорогіе братья, что Богъ вездѣ, а потому пускай покамѣстъ наши искреннія молитвы раздаются во славу Бога и за благоденствіе отчизны въ домахъ или внѣ ихъ; но придетъ часъ, когда, собравшись тѣсною семьей въ очищенные отъ мытарей и фарисеевъ костелы, мы вознесемъ къ Богу молитвенныя слова;

„отчизну, свободу возврати намъ, Господи“²⁹⁾).

Въ заключеніе вышелъ 1-й номеръ новой подпольной газеты: *Głos Karłana Polskiego*, редакторомъ котораго былъ ксендзъ Микошевскій, имѣвшій непосредственное сношеніе съ центральнымъ краснымъ кружкомъ, будущимъ „центральнымъ комитетомъ“, гдѣ былъ послѣ и членомъ.

Весь этотъ номеръ былъ наполненъ разсужденіями о новомъ архіепископѣ, которому при этомъ подавались совѣты, какъ вести себя далѣе. Въ видѣ эпиграфа, на первой страницѣ листа, стоялъ слѣдующій отрывокъ изъ VII главы Евангелія отъ Матвѣя: „внемлите-же отъ живыхъ пророкъ, иже приходятъ къ вамъ въ одеждахъ овчихъ, внутрь же суть волцы хищницы; отъ плодъ ихъ познаете ихъ. Еда объемятъ отъ тернія грозды, или отъ репія смоквы? Тако всяко древо доброе плоды добры творить, а злое древо плоды злы творить“.

„Мнози рекуть мнѣ во оный день: Господи! Невъ Твое-ли имя пророчествовахомъ и Твоимъ именемъ бѣсы изгонихомъ, и Твоимъ именемъ силы многи сотворихомъ? И тогда исповѣмся имъ, яко николи-же знахъ васъ: отидите отъ Меня дѣлающіи беззаконіе!“

Въ заграничныхъ Польскихъ газетахъ: Часѣ, Познанскомъ Дневникѣ и другихъ точно также являлись статьи, строго осуждавшія поведеніе архіепископа.

И все это читалось тогда въ запуски, съ увлеченіемъ, принималось какъ бы слова какихъ оракуловъ. Поэтому правительству нельзя было никакъ игнорировать подобныя явленія. При-

²⁹⁾ „Ojczyzna, wolność nasz wróćcie, Panie!“ — заключительный стихъ каждаго куплета въ гимнѣ: *Wzrost Polskę*.

няты были строжайшія мѣры противъ ввоза заграничныхъ газетъ. У себя усилены розыски, ревизіи, которые навели на слѣды типографіи Кормчаго (*Sternika*), газеты Сибирскаго Кружка (*Stronnictwa Sybiraków*), появившейся въ концѣ 1861, на мѣсто Стражницы. Самый кружокъ почти распался, вслѣдствіе того, что глава этого кружка, Александръ Краевскій, когда-то, при Конарскомъ, членъ Союза Польскаго Народа, проведеній въ Сибири 15 лѣтъ и возвратившійся, по амнистіи 1856 года, въ Царство Польское, — теперь снова былъ сосланъ, только не въ Сибирь, а въ Россію³⁰⁾. Кромѣ того сдѣлано нѣсколько открытій внутри края, до нѣкоторой степени приподнялась завѣса, скрывавшая организацію бѣлыхъ и красныхъ. Кое-что узнали изъ переписки Мирославскаго съ Бончаромъ, гувернеромъ графа Старжинскаго; кое-что изъ другихъ перехваченныхъ правительствомъ корреспонденцій. Но все это, взятое вмѣстѣ, ничуть не смутило ретивыхъ зодчихъ и стройщиковъ повстанскаго зданія. Оно все подвигалось да подвигалось впередъ. Этажи возводились за этажами. Объ организаціи, бѣлая и красная, росли мало-по-малу, гдѣ расходясь врознь, гдѣ сливаясь вмѣстѣ. Аресты, ссылки, ревизіи, казалось, еще болѣе придавали жару и энергіи работникамъ возстанія. Всякое выхваченное изъ цѣпи звѣно замѣнялось

³⁰⁾ Этотъ самый Краевскій, человекъ высоко образованія, былъ „действительнымъ“ редакторомъ журнала Земледѣльческаго Общества: *Хозяйственные Лѣтописи, Rozniki Gospodarskie*, когда номинальнымъ редакторомъ былъ секретарь графа Андрея, Гартинскій. — Въ 1863 г. подъ протекціей аристократовъ, Краевскій возвращенъ въ Царство. Р. Арх. 1871, 2005.

тремя новыми. Даже довольно быстро шель сборъ денегъ.

Намѣстникъ, подъ вліяніемъ архіепископа и нѣкоторыхъ указаній изъ Петербурга, гдѣ начинала уже сіятъ звѣзда Велепольскаго и ея лучи пробивались сквозь туманъ и непогоды, носившіеся надъ Варшавой,—рѣшился испробовать введеніе кое-какихъ мягкихъ мѣръ. Разрѣшено ходить вечеромъ безъ фонарей. Кондитерскія, баваріи и тому подобныя заведенія позволено не запираеть до 10 часовъ. Наканунѣ восшествія на престолъ (18 Февраля ст. ст.) помиловано 43 государственныхъ преступника. Прекращены всякія преслѣдованія по дѣлу манифестаціи похоронъ архіепископа Фіалковскаго. Наконецъ прощенъ Вялобржескій и допущенъ къ службѣ. Когда онъ совершилъ первую литургію, въ костелѣ „Maryi Paupu“ на Новомъ Мѣстѣ, восторженнымъ изліяніямъ народа не было конца. Гимны опять зазвучали. Полиція однако никого не тронула.

Этотъ языкъ, языкъ снисхожденій, былъ тогда еще менѣе понятенъ Полякамъ Варшавы и Царства, чѣмъ что-либо другое. Красная партія, пользуясь этими льготами по своему, сейчасъ-же приступила къ вербовкѣ рекрутъ для будущаго возстанія, въ самомъ городѣ. Открытіе огрудковъ и баварій по вечерамъ давало къ этому способы.

Нечего говорить, что лучшимъ матерьяломъ для такого повстанскаго контингента были ремесленники, потомки ратей Кишинскаго, народъ немного повыше мужика, тотъ-же мужикъ, только надѣвшій на себя другое, городское платье и шапку и очутившійся вдругъ въ артели безпардонныхъ ухарей, болтающихъ

за работой обо всякихъ городскихъ происшествіяхъ по своему, читающихъ Курьерку и что придется; а какъ-только кончилась работа, отправляющихся „прожигать жизнь“ по баваріямъ, огрудкамъ, харчевнямъ, гдѣ льется пиво, гремитъ музыка, щелкають бильярдные шары, чертовски весело и занято для вчерашняго мужика! Есть что-то одуряющее, волнующее, своя поэзія, которая задоритъ и восхищаетъ ремесленника, послѣ трудовъ и хозяйскихъ затрепичинъ, гораздо больше, нежели Шекспиръ и Байронъ своихъ почитателей. Аппетитъ къ разнымъ развлеченіямъ у ремесленника волчий, а денегъ почти никогда ни гроша. Девьги какъ-то сами исчезаютъ, точно тають въ карманахъ этихъ молодцовъ. Къ тому-же ихъ не бываетъ очень много. Сильно завистливо смотритъ затрапезный халатъ въ баваріи на того, кто можетъ свободно потребовать куфель-другой пива, съѣсть гдѣ-нибудь въ уголку и распивать этотъ куфель тихо и медленно, подъ звуки бубновъ и трубъ, никуда опредѣленно не глядя, а только замѣчая снованіе разныхъ фигуръ передъ глазами... Читающіе Байрона никогда не поймутъ, сколько наслажденія чувствуетъ въ такую минуту, за куфелемъ пива, простой человѣкъ съ заскорузлыми руками, привыкшими мять кожу, гнуть ободья, не то ворочать у горна тяжелые кузнечные молотки... Какимъ нектаромъ кажется ему тогда немудрое Варшавское пиво! Купить подобное наслажденіе, пожалуй, нетрудно, оно стобитъ всего какихъ-нибудь *dziesięć groszy*, по нашему пять копѣекъ; да нѣту у него подчасъ этихъ десяти грошей—и онъ стоитъ у порога, сверкая глазами и стиснувъ зубы, и только облизывается...

Знали хорошо этотъ забубенный народъ красные вербовщики изъ раторопныхъ „академиковъ“. Академикъ подсаживался къ какой-нибудь подобной фигурѣ, завистливо смотрѣвшей изъ угла на кутежъ другихъ, ставилъ куфель пива, потомъ другой, третій, подчивалъ недурной сигарой, какой будущей повстанскій солдатъ и во снѣ никогда не куривалъ, — и разговоръ у нихъ завязывался.

Разговаривать съ этими затрапезными халатами можно было обо всякой всячинѣ. Они знали давнымъ давно о Франціи, о Наполеонѣ, о Мирославскомъ, о Гарибальди... мало-ли о чемъ. Въ кабинетѣ ихъ хозяина, принципала, великаго политика на свой пай, ходящаго по-городскому въ сертукѣ, какъ панъ, кому всё говорятъ: „панъ“, не иначе, — висѣли на стѣнкѣ портреты Костюшки, Юсиа Понятовскаго; зрѣлась иногда статуетка Яна Собѣскаго, въ высокой шапкѣ съ султаномъ и съ саблей у боку; подчасъ являлся портретъ Мицкевича, Крашевскаго...

„Академикъ“, пощупавъ съ разныхъ сторонъ своего собесѣдника, узнавъ объ его настроеніи, о городскихъ связяхъ, или говорилъ ему *adieu*³¹⁾ — и скрывался въ толпѣ, или сообщалъ кое-какіе современные мѣстные секреты и приглашалъ служить народному дѣлу“.

„Да въ чемъ-же будетъ заключаться эта служба?“ спрашивалъ своего Мефистофеля потомокъ ратей Килинскаго, осадившій 3—4 куфля пива.

— А вотъ ты приходи завтра, часовъ въ 5 послѣ обѣда, на Съѣздъ къ Вислѣ, не то пройдишь у палаца Станислава Потоцкаго, что на Кра-

ковскомъ предмѣстьѣ: тамъ подойдетъ къ тебѣ человекъ и скажетъ что дѣлать!

Послѣ этого Мефистофель исчезалъ. Что-то смутное носилось передъ глазами и въ воображеніи „патріота“ въ засаленной накидкѣ, въ затрапезномъ халатѣ, не-то блузѣ. Проспавшись утромъ, онъ вспоминалъ бесѣду за пивомъ съ какимъ-то неопредѣленнымъ господиномъ, былъ сильно-заинтересованъ всѣмъ этимъ происшествіемъ и въ назначенное время, подъ какимъ-нибудь предлогомъ или вовсе безъ предлога, непременно отправлялся на Съѣздъ, не-то къ дому Потоцкаго, и ходилъ тамъ около часу и болѣе, поглядывая по сторонамъ, поплеывая, и ждалъ разъясненія тайны съ большимъ нетерпѣніемъ. Разумѣется, онъ до известной степени угадывалъ, въ какомъ родѣ могла быть эта тайна, какого именно предмета она касалась.

Между тѣмъ разные глаза оглядывали самаго „патріота“, и тутъ, болѣею частію, отыскивался наблюдатель, который зналъ пришедшаго, кто онъ такой, годится съ какой-нибудь стороны для возстанія, или нѣтъ; трусъ или человекъ отважный, имѣетъ или не имѣетъ друзей между полицейскими. Послѣ такого осмотра, къ патріоту подходилъ господинъ, нисколько ему неизвѣстный и приглашалъ за собою слѣдовать. Тотъ шелъ, чувствуя пріятную лихорадочную дрожь авантюризма...

Небольшая темная комната, съ закрытыми ставнями, куда приводили этихъ господъ порознь, по одному, не имѣла никакой мебели. Здѣсь каждый приведенный долженъ былъ простоять около часу, дожидаясь, пока наберется человекъ 5—10. Затѣмъ ихъ всѣхъ вводили въ другую комнату такой-же величины и точно также съ закры-

³¹⁾ Обыкновенная, городская форма прощанья *Waż zdr* употребляется рѣже.

тыми ставнями, только освѣщенную двумя свѣчами, которыя стояли на столѣ, покрытомъ чернымъ сукномъ. Между свѣчами помѣщалось Распятіе ³²⁾.

Вошедшихъ встрѣчалъ молодой человекъ, лѣтъ 35, представительной наружности, называвшійся графомъ Воловскимъ. Онъ говорилъ имъ краткую патріотическую рѣчь, гдѣ упоминалъ о святыхъ обязанностяхъ патріота въ чрезвычайныя, исключительныя минуты; потомъ объяснялъ, что такая минута наступила именно теперь, приводилъ доказательства: положеніе Европы, обѣщанія Наполеона и другихъ державъ — все это ясно, вразумительно, звучнымъ, пріятнымъ голосомъ, смѣло и рѣшительно, смотря въ глаза испуганнымъ халатамъ, накидкамъ, блузамъ, истертымъ и засаленнымъ сертукамъ. Никто изъ нихъ не сомнѣвался, что это—графъ, какъ бывають графы. Затѣмъ произнесшій рѣчь приказывалъ, совершенно по-графски, стать всѣмъ на колѣни, подлѣ стола и, положивъ два пальца на Распятіе, произносить присягу.

Инквизиціонная обстановка: сумрачный покой, черный столъ, свѣчи, Распятіе, дерзкая, повелительная осанка графа—все это располагало къ повинновенію. Рѣдко кто изъ пришедшихъ рѣшался ослушаться приказанія. Ббльшею частію становились на колѣни, не возражая ни слова, и повторяли машинально за графомъ слова присяги, которыя, болѣе или менѣе, заключались въ слѣдующемъ:

„Я, такой-то, присягаю Господу Богу Всемогущему, въ Троицѣ Свя-

³²⁾ Это была квартира Станислава Франковского гдѣ онъ однакожъ не жилъ, даже никогда не показывался.

той Единому, Пресвятой Дѣвѣ и всѣмъ святымъ, что съ сего дня поступаю на службу Отечеству; все, что ни есть у меня, ему посвящаю; власти народной, въ лицѣ начальника, во всемъ повиноваться буду и на первый призывъ явлюсь немедленно. Не стану ни узнавать, ни спрашивать, кто стоить во главѣ союза (związku) и все, что ни услышу, сохраню въ глубочайшей тайнѣ, не говоря ничего ни родителямъ, ни женѣ, ни дѣтямъ, ни своимъ знакомымъ. Съ деньгами, какія придуть въ мои руки изъ общественной складчины, буду обращаться добросовѣстно. Помогите мнѣ въ этомъ, Страсти Христовы и Святая Дѣва, души Избавительница! Аминь.“

Если случался какой-нибудь упорный, который отказывался присягать, графъ старался всячески убѣдить его, что страху тутъ никакого нѣтъ, что дѣло ихъ свято, что въ немъ принимаетъ участіе вся страна, что присягнувшихъ уже 175 тысячъ! „Твой хозяинъ давно присягнулъ, а ты не хочешь!“

—А развѣ хозяинъ присягнулъ?—спрашиваетъ оторопѣвшій и озадаченный цифрою присягнувшихъ патріотъ.

„Да, присягнулъ, отвѣчаютъ ему, но онъ тебѣ не скажетъ: про такія вещи не болтають принципы со своими работниками; къ тому-же всякій даетъ присягу не болтать. А что онъ присягнулъ, это вѣрно: я тебѣ говорю, мнѣ не зачѣмъ тебя обманывать!“

— Ну, коли хозяинъ присягнулъ, то и я пожалуй!—говоритъ патріотъ и произноситъ присягу.

Бывали однако изрѣдка случаи, что „патріотъ“ не поддавался никакимъ увѣщаніямъ и просилъ отпустить его

домой. Такихъ отпускали немедля, взявъ съ нихъ только слово о храненіи тайны во всемъ, что видѣлъ и слышалъ. Иногда впрочемъ и этого не дѣлалось. Устрашеній не бывало никакихъ. По крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ.

Тѣ, кто присягнулъ, обыкновенно спрашивали: „что-же намъ теперь дѣлать?“

Имъ отвѣчали, что прежде всего слѣдуетъ внести въ народную кассу, кто что можетъ, и потомъ вносить это аккуратно каждый мѣсяць.

Сначала присягнувшіе давали что случится, но впоследствии была установлена опредѣленная цыфра, народный злотъ въ мѣсяць, или 7½ копѣекъ въ фирцентахъ³³⁾, съ каждого поступившаго въ Союзъ ремесленника.

Иные спрашивали: „куда-же эти деньги пойдутъ?“ Отвѣчали: „На госпиталь: стануть тебя даромъ лечить, когда заболѣешь. Также помогутъ, если очутишься вдругъ безъ работы. Не-то случится надобность отпратить тебя за границу: было-бы на что справиться паспортъ. Мало-ли къ чему теперь нужны деньги!“

Такъ все это говорилось, и устанавливалась цыфра взноса; но акуратный сборъ денегъ для такого голаго и безалабернаго народа, который всякій свой лишній грошъ пу-скалъ немедля въ ходъ въ первой баваріи — оказался невозможнымъ. Къ тому-же сборщиками были своя братья, ремесленники: собирать иной разъ собираютъ и тутъ-же вмѣстѣ пропьютъ. Особенно туго пошелъ сборъ денегъ тогда, когда ремеслен-

³³⁾ Слово, употребляемое Польскими ремесленниками, по крайней мѣрѣ въ Варшавѣ, вмѣсто двѣ недѣли, со dwa tygodnia, чего не говорятъ.

ники узнали, что и „высшее начальство“ не очень честно относится къ народнымъ деньгамъ и что онѣ идутъ у „академиковъ“ совсѣмъ не на общинные даровые госпитали и приготовленіе къ возстанію, а больше на водку и на любовницъ.

Тѣмъ не менѣ вербовка шла. Болѣе смышленнымъ изъ присягнувшихъ поручалось начальствомъ пріобрѣтать людей Союзу, гдѣ и какъ кто знаетъ, и посылать къ присягѣ въ домъ Потоцкаго, смѣнившійся, немного позже, другимъ пунктомъ, въ глухомъ переулкѣ Кршиве-Коло, на Старомъ Мѣстѣ³⁴⁾. Навербовавшій десятокъ становился его начальникомъ, подъ названіемъ десятника или десятскаго (Dziesiątnik, Dziesiątkowy). Кто набиралъ нѣсколько десятковъ, того дѣлали сотникомъ (Setnik). Потомъ, смышленные и бойкіе изъ вновь набранныхъ единицъ въ каждомъ десяткѣ, набирали свои десятки и становились ихъ десятниками — такъ въ безконечность. При этомъ начальство всемѣрно старалось, чтобы одинъ десятникъ не зналъ другаго, равно сотники сотника; но это на практикѣ достигалось не вполне:

³⁴⁾ Первый пунктъ присягъ былъ открытъ полиціей. Второй пунктъ указалъ Комитету Красныхъ явко Обирскій, родомъ изъ Ольхускаго уѣзда Радомской губерніи. 17-ти лѣтъ онъ бѣжалъ въ Галицію и былъ нѣкоторое время портнымъ «челядникомъ» въ Тарновѣ. Въ 1848 году поступилъ въ Венгерскія войска. Потомъ слушалъ лекціи въ какой-то политехнической школѣ въ Краковѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ старался образовать революціонный кружокъ. Австрійцы выслали его подъ конвоемъ въ Варшаву, гдѣ онъ былъ посаженъ въ Цитадель и просидѣлъ тамъ 20 мѣсяцевъ, пока разсматривалось его дѣло, имъ же самимъ умышленно запутанное. Потомъ сосланъ въ каторжную работу, въ Сибирь, откуда воротился въ 1861 году, по амнистіи 1856 года — и сейчасъ-же при-мнулся къ краснымъ.

многіе десятскіе знали другъ друга, и сотскіе сотскихъ.

Далѣ сотскаго ремесленникъ идти не могъ. Тысяцкимъ, иначе окружнымъ, бывалъ кто-нибудь изъ „академиковъ“ или изъ мелкихъ чиновниковъ, и тутъ соблюдалась вѣ-которая тайна.

Когда организація красной партіи въ предѣлахъ Варшавы увеличилась, и вербовка пошла шибче, такъ-что графъ Воловскій не успѣвалъ приводить къ присягѣ вербуемыхъ, къ тому-жъ и за вторымъ пунктомъ присягъ, за квартирой Обирскаго на Кршиве-Коло, тоже стала наблюдать полиція: разрѣшено было приводить къ присягѣ десятскимъ и сотскимъ, въ отдаленномъ саду графа Браницкаго, Фраскати, на Вейской улицѣ, гдѣ хозяевъ не было; также по чердакамъ разныхъ удобныхъ къ тому жилищъ, не то просто по костеламъ. Но иные ремесленники, присягнувъ передъ своимъ братомъ - ремесленникомъ, оставались этимъ недовольны и шли на Кршиве-Коло присягать другой разъ „передъ графомъ“.

Такая вербовка рекрутъ будущаго возстанія шла неутомимо въ теченіи трехъ мѣсяцевъ: Марта, Апрѣля и Мая. Полиція не разъ нападала на слѣды этихъ работъ, нѣсколько звѣнцевъ вырывалось изъ цѣпи, но въ общемъ тайна продолжала оставаться тайной. Вербовка производилась сначала только въ Варшавѣ; а потомъ пошла съ такой-же энергіей и внутри Царства; наконецъ перенесена въ Литву и Русь.

Доставленные въ Комитетъ Красныхъ списки присягнувшихъ показывали такую громадную цифру воиновъ, готовыхъ встать каждую минуту, что въ Комитетѣ произошло волненіе. Свѣдѣнія о сборѣ денегъ

между капиталистами и помѣщиками красноватаго свойства были тоже весьма благопріятны. Получились сверхъ того кое-какія донесенія о ходѣ революціоннаго дѣла въ Россіи, показавшіяся также очень важными и серьезными. Наконецъ, Домбровскій представилъ рапорты своихъ агентовъ о состояніи крѣпостей въ Царствѣ, о духѣ ихъ гарнизоновъ и вообще о духѣ войскъ, расположенныхъ въ краѣ. Все вмѣстѣ рѣшительно сбilo мальчиковъ съ толку. Многіе начали кричать о необходимости безотлагательнаго возстанія. Эти крики дошли до того, что комитетъ разослалъ въ край циркуляры о „последнихъ приготовленіяхъ“ къ возстанію. Тамъ все встревожилось. Старшіе чины организаціи красныхъ прискакали въ Варшаву, при чемъ прибыло нѣсколько и бѣлыхъ вліятельныхъ чиновъ, до кого дошли слухи о „немедленномъ возстаніи.“ Все это, соединясь въ Варшавѣ въ одну массу, рѣшило принять самыя энергическія мѣры для отвращенія катастрофы, грозившей бѣдою всѣмъ: бѣлымъ и краснымъ, способной уничтожить мгновенно результаты понесенныхъ обѣими партіями трудовъ и усилій, ниспровергнуть всякія надежды. Къ пріѣзжимъ присоединилось нѣсколько вліятельныхъ лицъ городскаго бѣлаго кружка, между прочимъ Маевскій и Гиллеръ.

На первомъ засѣданіи этой пестроты, гдѣ находились и чисто-бѣлые, и чисто-красные, и такіе, которые сами не знали, какого они цвѣта и въ какой арміи состоятъ на службѣ,—люди, готовые переходить изъ лагеря въ лагерь что ни день и что ни часъ (были и дикіе крикуны, съ которыми никто сладить не могъ и которые никого не слушались); на первомъ засѣ-

даніи всѣхъ этихъ лицъ положено смѣнить членовъ Краснаго Комитета и выбрать новыхъ. Выбраны: Гиллеръ, Маевскій, Пашкевичъ, Марчевскій и Домбровскій.

Трое первыхъ, т. е. Гиллеръ, Маевскій и Пашкевичъ, составили Комиссію, которая должна была обсудить вопросъ: „возможно ли невозможно безотлагательное возстаніе?“

Такъ-какъ главнымъ виновникомъ всей тревоги былъ Домбровскій, прозванный въ организациі, по малому росту, Локтикомъ (Lokietek), то Комиссія пригласила его объяснить ей мотивы, на основаніи которыхъ рѣшился онъ направить все дѣло такимъ опаснымъ образомъ и подбить товарищей на распоряженіе, которое массѣ благомыслящихъ кажется несвоевременнымъ.

Локтикъ отвѣчалъ, какъ отвѣчаютъ всѣ нетерпѣливые революціонеры въ подобныхъ обстоятельствахъ, что „подготовить страну къ возстанію такъ, какъ хочется бѣлымъ, — никогда не возможно: вѣчно чего-нибудь будетъ не доставать по взглядамъ иныхъ, верѣшительныхъ. Что въ революціи первое дѣло — смѣлость и быстрота дѣйствій; что это одушевляетъ массы, вслѣдствіе чего малыя въ минуту взрыва силы становятся значительными, вырастаютъ мгновенно, и то, что казалось за мигъ неисполнимымъ, даже дикимъ, — вдругъ исполняется какимъ-то волшебствомъ. Что, если въ революціяхъ не допускать нѣкотораго риска, на свѣтъ не было-бы ни одной революціи. Что безумство (какъ сказалъ поэтъ) равняется иногда генію и дѣлаетъ то, что можетъ сдѣлать только геній...“

„Положеніе заговора и обстоятельствъ, его окружающихъ (продолжалъ Домбровскій) вовсе не такъ безот-

радно, какъ представляется съ перваго разу. Польша имѣетъ поддержку въ самой Россіи, гдѣ также готовится революція и всѣ ждутъ только знака къ возстанію. Все волнуется сверху до низу. Помѣщики, три мѣсяца назадъ утратившіе свои права и значеніе, раздражены неимоვნно. Крестьяне раздражены тѣмъ, что получили, по ихъ понятіямъ, меньше, чѣмъ слѣдовало. Они ждутъ какой-то Золотой Граматы и тоже волнуются. Были у нихъ ужъ и схватки съ войсками, оглашенныя въ газетахъ. Молодежь высшаго и средняго круга волнуется потому, что она — молодежь; потому, что она болѣе всего натерпѣлась въ прошедшее царствованіе; досталось ей, годъ назадъ, и въ нынѣшнее³⁵⁾. Въ войскѣ недовольство по своимъ причинамъ. Бѣдняки раздражаются безпрестанными измѣненіями формъ; а то, что посмышленіе и пообразованіе, — никогда не простить правительству ремешковъ и шагистики, погубившихъ въ послѣднее время военную славу прежнихъ даей, отодвинувшихъ Россію Богъ-знаетъ въ какіе задніе ряды Европейскихъ державъ. Случись теперь столкновеніе Русскихъ войскъ съ Польскими повстанцами — неизвѣстно что будетъ. Многіе офицеры завѣряли его, Домбровскаго, что цѣлые батальоны положить оружіе. Наконецъ, состояніе крѣпостей въ Царствѣ таково, что многія изъ нихъ, между прочимъ Новогеоргіевская и Ивангородская, гдѣ нѣкоторые ворота, вросшіе въ землю, разучились затворяться, — взять ничего не стобитъ. А взятіе такой крѣпости, какъ Новогеоргіевская, конечно нѣчто и потрясетъ огромныя простран-

³⁵⁾ Разумѣлась студенческая исторія 1861 года, въ Петербургѣ.

ства, будетъ электрической искрой, которая воспламенитъ всѣхъ и все. Перепуганное безъ-того и видящее разные призраки правительство совершенно растеряется“.

На это Комиссія возразила, что „одно дѣло красиво излагать разныя фантазіи, подымать Россію и брать у нея крѣпости—на словахъ; и другое дѣло—приводить все это въ исполненіе. Комиссіи желательно было-бы звать, какія доказательства можетъ представить Домбровскій въ томъ, что все, сказанное имъ съ такимъ одушевленіемъ и, повидимому, съ полной увѣренностью въ истинѣ и неоспоримости, дѣйствительно тажъ, а не обманъ воображенія“.

Домбровскій отвѣчалъ, что кромѣ подтвержденія его словъ многими Русскими офицерами, никакого другаго ручательства представить не можетъ.

Комиссія просила пригласить на слѣдующее ея засѣданіе такихъ офицеровъ. Домбровскій согласился и дѣйствительно привелъ нѣсколько офицеровъ Польскаго происхожденія, часть которыхъ пошла потомъ по повстанской дорогѣ и погибла, или ведетъ бѣдственную жизнь въ эмиграціи; а часть во-время искусно ретировалась назадъ и била очень сердито повстанцевъ въ 1863 году, такъ-что Талейраны арміи должны были неразъ говорить этимъ ретивымъ укротителямъ возстанія: *pas trop de zèle, pas trop de zèle!*... Все это теперь забыто; эти господа опять—Русскіе офицеры, даже — хорошіе Русскіе офицеры... но тогда, въ минуту, которую мы описываемъ, вся куча была, болѣе или менѣе, подъ одну статью: всѣ бурлили, всѣ болтали вздоръ, воображали себя будущими героями, генералами и другими высшими чинами возстановленной Польши..... Правда, у иныхъ бѣ-

гали по кожѣ непріятныя мурашки все время, пока они объяснялись съ Комиссіей, поглядывая то-и-дѣло надверь; бѣгаютъ иногда и теперь, когда эти офицеры припомнятъ себѣ живо странное, невѣроятное засѣданіе, странныя, невѣроятныя рѣчи; припомнятъ, какъ они переступали порогъ одного домика на Хмѣльной улицѣ, гдѣ она сходится съ Братской.....

Комиссія спросила офицеровъ, „правда-ли, что армія, расположенная въ Царствѣ, деморализована и откажется повиноваться начальству, когда оно поведетъ ее противъ Поляковъ? Равно, правда-ли, что крѣпости Царства въ плохомъ состояніи, и ихъ нетрудно взять?“

Голоса спрошенныхъ раздѣлились: одни утверждали, что все это совершенная правда: цѣлые батальоны не пойдутъ въ бой; и что если не Новогеоргиевскую, то какую-нибудь другую крѣпость взять очень можно, при полной энергіи извѣстнаго числа повстанцевъ, вооруженныхъ какъ слѣдуетъ и готовыхъ на все. Другіе-же находили, что во всемъ этомъ только часть правды, а часть — чистый вымыселъ. Первыхъ однако было больше. Когда-же Комиссія потребовала отъ нихъ честнаго, солдатскаго слова, что они ручаются за все сказанное, что все это дѣйствительно такъ, какъ сказано, а не фантазія: тогда всѣ стихли и объявили, что честнаго слова дать не могутъ ³⁶⁾.

Послѣ этого инструкціи бывшаго комитета о приготовленіяхъ къ безотлагательному возстанію оглашены неимѣющими ни для кого обязательной силы и какъ-бы несуществовавшими.

³⁶⁾ Авейде, III, 99, и другіе источники.

Сдѣлавъ это дѣло, заставивъ красный потокъ бѣжать по прежнему руслу, Маевскій съ Пашкевичемъ вышли изъ Комитета, несмотря на всѣ просьбы очень многихъ членовъ красной партіи остаться съ ними на всегда. Комитетъ представлялъ нѣкоторое время печальныя развалины. Въ немъ стали раздаваться опять необузданные крики крайнихъ, опять господствовали Хмѣлинскій и Домбровский и требовали отъ товарищей движенія впередъ въ какомъ-бы то ни было смыслѣ, указывая на грозящую опасность.

Опасность точно была, и не малая: въ Петербургѣ вставалъ во весь свой ростъ, выше чѣмъ кто-либо думалъ, маркизъ Велепольскій.

Правительство, получая поминутно болѣе и болѣе тревожныя извѣстія изъ Царства, какъ официальнымъ, такъ и частнымъ путемъ: о присягахъ, объ организациі, о спѣшныхъ приготовленіяхъ къ чему-то какъ-бы всего населенія въ краѣ; о перемѣнѣ характера бѣлой партіи, объ уступкахъ архіепископа внушеніямъ агитаторовъ, о разрѣшеніи имъ городу молиться за пять жертвъ, что вызвало конечно манифестаціи съ пѣніемъ гимновъ; о перепискѣ его съ Папой, письмо котораго, полученное тайнымъ путемъ, въ Мартѣ (1862), архіепископъ, неизвѣстно за чѣмъ, огласилъ въ иностранныхъ газетахъ; наконецъ, объ угрозахъ, высказанныхъ имъ однажды Намѣстнику, что онъ запретъ опять костелы, правительство рѣшилось на послѣдній опытъ—засыпать, такъ сказать, Польшу милостями, дать ей все, сколько-нибудь возможное изъ просимаго, конституцію *de facto*, если не *de*

jure — и дать все это руками Поляка, котораго поставить во главѣ гражданскаго управленія страной, съ правами, какихъ не имѣло дотѣ ни одно лицо изъ приближенныхъ къ Намѣстнику; съ правами — почти Намѣстника, только Намѣстника не въ мундирѣ, а во фракѣ; Намѣстнику же въ мундирѣ предоставлялась, въ сущности, одна военная часть.

Выборъ не могъ пасть ни на кого другаго, какъ опять на того-же маркиза Велепольскаго: онъ одинъ изъ наиболѣе - вліятельныхъ магнатовъ Польши оставался все это время вѣрнымъ правительственному знамени; Все же прочее постоянно колебалось, а теперь стало даже противъ насъ тѣсно - сомкнутыми рядами, за одно съ „мальчиками“. Было не тайна, что и графъ Андрей — тамъ-же противъ насъ. Итакъ обратились къ Велепольскому. Но онъ, натерпѣвшись всякихъ униженій и оскорбленій при Сухозанетѣ и Ламбертѣ, особенно при Сухозанетѣ, явившемся править должность Намѣстника во второй разъ, — ставилъ теперь, при новыхъ переговорахъ съ правительственными властями въ Петербургѣ, непремѣннымъ условіемъ, *conditio sine qua non*, чтобы Намѣстникомъ Царства былъ никто другой, какъ принцъ крови, братъ Царя: „ему онъ готовъ подчиниться и состоять въ его повелѣніяхъ даже по своей, гражданской части; но быть подъ командой обыкновеннаго Русскаго генерала никакъ не можетъ“. Маркизъ намекалъ, что такимъ Намѣстникомъ царской крови, въ настоящую минуту, всего естественнѣе быть, по старшинству лѣтъ, уму и образованію, старшему брату Государя, Великому Князю Константину Николаевичу. А самъ, тѣмъ временемъ, вошелъ въ сношенія съ Великимъ Кня-

земь и Великою Княгиней, которыхъ всемирно склоняялъ не отказываться, еслибъ предложеніе вдругъ восплѣдовало. Онъ указывалъ Великому Князю путь миротворца и спасителя двухъ великихъ странъ, двухъ великихъ Славянскихъ націй, искреннее соединеніе которыхъ въ одно цѣлое повлечетъ за собою безчисленныя, благодѣтельныя послѣдствія для нихъ и—можетъ, для всего міра.

. Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ Намѣстникомъ въ Царство Польское. Но относительно назначенія ему въ помощники маркиза Велепольскаго, съ тѣми правами, какихъ онъ домогался, — нѣсколько колебались. Полякъ Велепольскій, хоть онъ и пѣлъ какъ сирена и показывалъ правительству вдали уже начинающую совершаться перестройку въ умахъ многихъ Варшавянъ — лишь только повѣялъ вѣтеръ серьезныхъ реформъ и имя Великаго Князя пробѣжало по устамъ — Полякъ Велепольскій былъ все-таки прежде всего Полякъ, а не Русскій. Многие, подальше смотрѣвшіе государственные люди прямо говорили, что мы болѣе чѣмъ повторяемъ опасные зады: создаемъ Адама Чарторыскаго въ квадратъ; что помощникомъ новому Намѣстнику долженъ быть, при введеніи чрезвычайныхъ реформъ, непременно Русскій сановитый мужъ и опытный юристъ, отнюдь не Полякъ, какого-бы онъ цвѣта ни былъ. „Кто-же Русскій?“ сейчасъ рождался вопросъ. Возникали точно-такія же разсужденія объ этомъ предметѣ, какъ при назначеніи помощника, графу Ламберту.... Былъ указанъ наконецъ Н. А. Милютинъ, находившійся въ то время за границей. Къ нему полетѣла телеграмма съ приглашеніемъ при-

ѣхать въ Петербургъ. Пока онъ собирался, получено извѣстіе о сношеніяхъ нѣкоторыхъ полковъ, стоявшихъ въ Царствѣ Польскомъ, съ агитаторами, и вообще о ненадежномъ состояніи духа въ арміи; объ арестованіи нѣсколькихъ лицъ, присягнувшихъ заговору и о другихъ безпорядкахъ революціоннаго свойства.

Хотя значительная часть всѣхъ этихъ страховъ была въ сущности только призракомъ и болѣе ничѣмъ, но тогда и призраки пугали. Начавшій — было укладываться въ дорогу Велепольскій, дабы ѣхать на покой въ свои „Польскія Аѳины“³⁷⁾ — призванъ вновь; проекты его утверждены, а онъ самъ назначенъ начальникомъ гражданскаго управленія въ Царствѣ Польскомъ; попольски это выходило еще громче: *Naczelnikiem Rządu Cywilnego*, какъ-бы, правительства. „Предтечею его и новаго Намѣстника полетѣла бомба значительнаго калибра — Государственный Совѣтъ, который Намѣстникъ Лидерсъ открылъ 10 Іюня н. ст. и въ рѣчи своей объявилъ членамъ волю Государя Императора относительно переимѣнъ, о коихъ мы сейчасъ сказали.

Черезъ три дня послѣ этого прибылъ въ Варшаву Велепольскій и привезъ съ собою разныя привилегіи Евреямъ, въ силу чего имъ разрѣшалось: 1) Приобрѣтать дома и недвижимыя имущества во всемъ Царствѣ. 2) Пребывать сколько угодно во всѣхъ городахъ Царства. 3) Являться свидѣтелями при нотаріальныхъ и другихъ актахъ. 4) Въ криминальныхъ процессахъ показаніе Еврея ничѣмъ ни разнилось отъ показанія Христіанина.

³⁷⁾ Русскій Архивъ 1871, глава V, стр. 550.

Огласивъ это въ газетахъ, начальникъ гражданскаго управленія произнесъ, 21 Юня н. ст., рѣчь въ Комисіи Внутреннихъ Дѣлъ, гдѣ коснулся ожидающихъ край преобразованій, которыя должны были начаться очиншеваніемъ крестьянъ. Далѣе—объясаль уничтоженіе постановленій, стѣсняющихъ торговлю Евреевъ. Наконецъ упомянулъ о намѣреніи правительства сократить излишнюю переписку между присутственными мѣстами, оживить земледѣліе и промыслы. „Всѣ эти реформы (сказалъ онъ въ заключеніе) требуютъ со стороны чиновниковъ самыхъ добросовѣстныхъ трудовъ, требуютъ чистыхъ рукъ...“³⁸⁾ Все сообщенное мною теперь раздѣляетъ имѣющей прибыть сюда Намѣстникъ, со дня на день съ большимъ и большимъ нетерпѣніемъ ожидаемый. Упредимъ же его прибытіе искреннимъ движеніемъ на пути въ общественной пользѣ!³⁹⁾

Прибытіе новаго Намѣстника, дѣйствительно многими съ нетерпѣніемъ ожидаемаго, ускорилося отъ слѣдующаго обстоятельства.

Еще въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ было замѣчено, что солдаты 6-го стрѣлковаго батальона собираются, въ свободные отъ ученія часы, слушать какіе-то чтенія и рассказы двухъ молодыхъ офицеровъ, Аригольда и Сливицкаго.

Съ 23 на 24 Апрѣля ст. ст. обонхъ этихъ офицеровъ арестовали. Ныржено было слѣдствіе, которое показало, что солдатамъ читались различ-

³⁸⁾ Разумѣлось подъ этимъ, по всѣмъ вѣроятностямъ, не отреченіе отъ издоинства, а отъ участія въ заговорѣ, въ точеніи тайныхъ винжаловъ.

³⁹⁾ Вся рѣчь въ 138 № Dzienniku Powszechnego 1862.

ныя возмутительныя статьи Русской заграничной прессы, болѣе всего изъ Колокола и Полярной Звѣзды. Изъ книгъ, напечатанныхъ въ Россіи, читались между-прочимъ Исторія Генриха VIII и повѣсть Пушкина Дубровскій.

Кромѣ того открыты сношенія упомянутыхъ офицеровъ съ нѣкоторыми подозрительными лицами въ городѣ, что производилось черезъ солдата Щура, изъ перекрещенныхъ Евреевъ, и унтеръ-офицера Польскаго происхожденія Ростковскаго.

Одно это обстоятельство, что для посылки въ городъ⁴⁰⁾ употреблялись Еврей и Полякъ, говорило достаточно въ пользу всѣхъ остальныхъ нижнихъ чиновъ батальона. Солдаты слушали читаемыя и рассказываемыя имъ офицерами побасенки, въ видахъ развлеченія отъ скуки, какъ слушаютъ сказки, но сущности дѣла вовсе не понимали; ни одному и въ голову не приходило тѣхъ мыслей, какія чтецы надѣялись имъ внушить различными забирательными для образованнаго человѣка статьями. Солдатамъ все представлялось какъ-то смутно: Дубровскій, Герценъ, Генрихъ — были для нѣкоторыхъ изъ нихъ люди одного и того-же времени. Какой-то солдатъ спросилъ однажды у Сливицкаго: „а кто это пишетъ воззванія, которыя Поляки подбрасываютъ въ войска?“ — Не зная, что ему отвѣчать, Сливицкій, чтобы какъ-нибудь отдѣлаться отъ спрашивающаго, отвѣчалъ: „это пишетъ Дубровскій“ — и Дубровскій сталъ съ этихъ поръ для солдатъ писателемъ въ родѣ Герцена; иные думали, что это двоюродный братъ Герцена.

⁴⁰⁾ Батальонъ стоялъ въ городѣ, на Понизкахъ.

Случись возстаніе тотчасъ послѣ какого-угодно внушительнаго чтенія офицеровъ, батальонъ несомнѣнно пошелъ-бы на Поляковъ, не задумываясь ни минуты, и никто изъ нижнихъ чиновъ не измѣнилъ-бы присягѣ. Русскій солдатъ, точно, сближается съ Полякомъ, стоя у него на квартирѣ, особенно въ деревняхъ; дѣлается не только братомъ Польскаго селянина, но даже слугою цѣлаго дома: колетъ дрова, топить печи, нянчить дѣтей. А сказали завтра тому-же солдату: „Полякъ бунтуетъ противъ Царя!“ — куда полетѣла вся дружба и свычка! Тутъ ужъ надо удерживать солдатъ, чтобы они черезъ-чуръ не усердствовали въ укрощеніи бывшихъ своихъ хозяевъ.

Характериченъ анекдотъ того времени. Солдатъ поднялъ воззваніе и принесъ къ офицеру. „Чтожь, прочель?“ спросилъ тотъ. — Прочель, ваше благородіе! — „Что-жь тутъ пишутъ?“ — Пишутъ, чтобы мы васъ не слушали. — „Чтожь вы?“ — Да кабы мы васъ не слушали, давно-бы всѣхъ Ляховъ перебили!

И надо быть невѣроятными дѣтьми, воображая, что какой-нибудь мѣстный повстанскій листокъ, или статья, напечатанная въ Лондонѣ людьми, которые никогда не знали надлежащимъ образомъ ни Россіи, ни ея солдата, произведетъ вдругъ на наши войска вліяніе, и они измѣнятъ присягѣ!

Въ солдатахъ, вѣроятно, никто изъ властей не сомнѣвался. Но между офицерами точно бродилъ тогда какой-то безпокойный духъ — отраженіе Петербургскаго и Московскаго либерализма, что также было весьма несерьезно и въ другое время и въ другомъ мѣстѣ едвали бы обратило на себя вниманіе разсудительныхъ начальниковъ. Разсудительный на-

чальникъ, открывъ, положимъ: революціонныя (этотъ эпитетъ здѣсь какъ-то нейдетъ, такъ все это мало пахло дѣйствительной революціей) — открывъ эти революціонныя шалости дѣтей ⁴¹⁾, вовсе не умѣвшихъ дѣлать этого дѣла, стрѣлявшихъ тайкомъ отъ старшихъ изъ украденнаго гдѣ-то ключа, воображая, что это пушка, — разсудительный начальникъ, въ другомъ мѣстѣ и въ другое время, при большемъ спокойствіи вокругъ и своемъ собственномъ, пожурилъ-бы ребяташекъ, далъ-бы отечески хорошій нагоняй — и конецъ! Самое большее: ребятъ послали-бы куда-нибудь провѣтриться, на Кавказъ, въ Оренбургскія степи... Но въ ту минуту и притомъ въ Польшѣ, которая вела уже подъ насъ довольно-серьезные подкопы, нельзя было легко отнестись къ такому факту: нуженъ былъ строгій примѣръ, а потому военный судъ приговорилъ обоихъ офицеровъ и ихъ сообщника унтеръ-офицера, къ разстрѣлянію, а рядоваго Щура — прогнать сквозь строй черезъ четыре тысячи человекъ.

Варшава ожидала съ замираніемъ сердца конфирмаціи Намѣстника, надѣясь на смягченіе приговора; но этого не случилось, и трое осужденныхъ на разстрѣляніе разстрѣляны въ Новогеоргіевской крѣпости, 26 Іюня н. ст. Только рядовой Щуръ прогнанъ не черезъ 4 тысячи, а сквозь сто человекъ шесть разъ.

На другой день послѣ этого, 27 Іюня н. ст., въ 8-мъ часу утра, Намѣстникъ, гудая въ Саксонскомъ саду, на минеральныхъ водахъ, былъ раненъ пистолетнымъ выстрѣломъ сзади въ шею. Пуля прошла въ ротъ, по-

⁴¹⁾ Сливцовому было 19, а Аригольду 20 лѣтъ.

вредивъ языкъ и челюсть ⁴²⁾). Раненный въ первую минуту упалъ, но вскорѣ поднялся и былъ доведенъ адъютантомъ до квартиры генерала Хрулева, жившаго тогда на углу Саксонской площади, въ домѣ, который занялъ теперь охотничьимъ клубомъ. Тутъ сдѣлана первая перевязка. Потомъ прибылъ изъ Берлина, по телеграфу, знаменитый Лангенбекъ и сдѣлалъ надлежащую операцію. Однакоже генералъ чувствовалъ послѣ этого нѣкоторыя страданія еще около году и окончательно вылечился только въ Парижѣ, у Нелатона.

Замѣчательно то, что человекъ, выстрѣлившій въ Намѣстника днемъ, въ толпѣ народа, скрылся безъ слѣда, и его имя до сихъ поръ неизвѣстно. Секретъ ухода заключается въ твердомъ характерѣ стрѣлявшаго, въ его присутствіи духа послѣ выстрѣла: онъ не растерялся, не побѣжалъ, а положивъ спокойно револьверъ въ карманъ, тихо пошелъ къ кофейнѣ минеральныхъ водъ и оттуда проникъ особою дверью, обыкновенно запертою, на Граничную улицу и тамъ смѣшался съ прохожими. Побѣгъ онъ, растерялся, не походи въ эту минуту на всѣхъ, гулявшихъ въ саду, хоть чѣмъ-нибудь — онъ былъ-бы неизбѣжно схваченъ.

Прибавимъ къ этому, что Намѣстникъ Лидерсъ любилъ прохаживаться одинъ, и подлѣ него въ то время никого изъ адъютантовъ, а равно и полиціи, не было.

Разсказывали впрочемъ потомъ, что одному казачьему офицеру, Маюцко-

⁴²⁾ Слѣдъ этой пули, можетъ быть фантастическій, долго былъ отмѣчаемъ кружкомъ на стѣнѣ молочнаго заведенія, гдѣ растетъ 2-й каштанъ, если идти изъ сада къ водамъ. Полиція уничтожала этотъ кружокъ, но онъ опять являлся. Такъ было до 1865 года.

ву, удалось все-таки замѣтить стрѣлявшаго; онъ бросился за нимъ на Граничную, но найти его въ толпѣ не могъ.

Въ Варшавѣ сейчасъ-же стали говорить и говорили долго послѣ, что выстрѣлъ на минеральныхъ водахъ по Намѣстнику былъ слѣдствіемъ мести за казнь офицеровъ; даже увѣряли, что онъ сдѣланъ офицеромъ-же, однимъ изъ друзей разстрѣлянныхъ. Конечно эти слухи были пущены красной партіей, съ цѣлю скрыть слѣды настоящаго виновника преступленія.

Дѣло было не такъ.

Мы упомянули выше, что красные анархисты, по выходѣ изъ Комитета Маевского и Пашкевича, требовали отъ товарищей усиленныхъ энергическихъ дѣйствій, указывая на грозившую имъ всѣмъ опасность. Тогда эта опасность была еще вдали — теперь громъ грянулъ. Государственный Совѣтъ былъ открытъ. Въ немъ засѣдали Поляки, почти примирившіеся съ правительствомъ, не думавшіе ни о какой революціонной организаціи. Число такихъ Поляковъ, начинавшихъ не шутя группироваться около Велепольскаго и считать его способнымъ вывести край на настоящую дорогу, — могло увеличиться; бѣлая организація, не сегодня-завтра, могла рухнуть, явиться арміей правительства, которую оно сейчасъ-же повело-бы на красныхъ. Въ концѣ концовъ, все очутилось-бы на прежнихъ мѣстахъ, вернулось назадъ, въ то состояніе, какое было до Горчакова. Къ чему же понесено столько трудовъ? Къ чему были всѣ эти жертвы? Къ чему игралась вся эта жалкая повстанская комедія?

Въ предотвращеніе такой реакціи, необходимо было, по мнѣнію запра-

влявшихъ тогда дѣлами Краснаго Комитета, произвести что-нибудь потрясающее, напр. убить Намѣстника... авось черезъ такой порогъ не рѣшится перешагнуть принцъ крови, нагруженный разными привилегіями, которыхъ красные боялись пуще всего; Государь будетъ раздраженъ; реформы отложатся; бѣды снова станутъ работниками возстанія — и оно дойдетъ до своего конца.

Дѣло рѣшено окончательно тогда, когда Лидерсъ, открывая Государственный Совѣтъ, объявилъ объ ожидаемомъ всѣми прибытіи Великаго Князя. Еслибы только одни крутыя мѣры этого генерала показались террору препятствіемъ къ дальнѣйшему развитію заговора, — выстрѣлъ несомнѣнно грянулъ-бы раньше, грянулъ бы тотчасъ послѣ арестованія администратора, приказавшаго запереть костелы. Заточеніе въ крѣпость такого лица, ссылка въ рудники нѣсколькихъ рьяныхъ слугъ заговора, ревизіи, непохожія на прежнія, открытіе типографій, печатавшихъ возстанія и газеты: все это вмѣстѣ, для какаго угодно Поляка, вѣсило несравненно-тяжелѣ, чѣмъ осужденіе двухъ неловкихъ Русскихъ офицеровъ. Между тѣмъ Лидерсъ ѣздилъ, ходилъ безъ провожатыхъ — и ни одна рука на него не подымалась.

Повторяемъ: на него взглянули, какъ на жертву, долженствующую пасть только тогда, когда совершились въ Петербургѣ послѣднія перемѣны въ политикѣ управленія Польшею: Великій Князь назначенъ Намѣстникомъ, а Велопольскій начальникомъ гражданской части — и реформы посыпались на край. Вотъ чего испугались, вотъ что хотѣли предотвратить во что бы то ни стало.

Каково-жъ было удивленіе и досада предводителей террора, когда они услышали, что Великій Князь ни чушь не утратился выстрѣла по своему предшественнику и преспокойно собирается ѣхать въ Варшаву; что намѣренія правительства остались совершенно тѣже, какъ будто ничего особеннаго не случилось. Хмѣлевскій зарядилъ новый револьверъ, можетъ быть, тотъ-же самый, которымъ стрѣляли по Лидерсу — и потребовалъ отъ своихъ помощниковъ по этой части надежной руки. Она была прислана, на всякій случай, нѣсколько раньше въ средѣ раздраженныхъ чѣмъ-нибудь и беспорядочно-ведущихъ себя ремесленниковъ высшаго разряда: портныхъ, литографовъ, наборщиковъ типографій..... Здѣсь наиболѣе всего гнѣздились подобные „патріоты.“⁴

Въ Варшавѣ проживалъ, съ 1858 года, одинъ бездомный бобыль, мѣщанинъ Сандомірскаго уѣзда Радомской губерніи ⁴³⁾, портной по ремеслу, Людвигъ Ярошинскій, молодой парень 19 лѣтъ, всегда задумчивый, скрытный, котораго не зналъ хорошо никто, меньше всего его простодушные хозяева, портной Станьковскій и его жена, у кого онъ столовался и имѣлъ квартиру съ начала 1862 года, на улицѣ Узкій Дунай, но работать ходилъ въ другое заведеніе, къ вдовѣ Щицинской, на Новосенаторскую улицу.

Одно это обстоятельство: жить у одного хозяина и работать у другого, показывало нѣчто странное въ характерѣ, было какъ-то неестественно. Въ отношеніи всякаго исправнаго работника это могло быть объяснено, пожалуй, тѣмъ, что заведеніе

⁴³⁾ Напоминаемъ читателямъ, что у насъ постоянно дѣленіе губерній того времени.

Щицинской было лучше: тамъ можно было скорѣе выйти въ „челядники“ и наконецъ стать самому хозяиномъ, „принципаломъ“ подобнаго-же заведенія. Но Ярошинскій ни о какихъ челядникахъ, тѣмъ болѣе принципадахъ, и не думалъ; работалъ плохо и былъ въ вѣчныхъ долгахъ у обоихъ своихъ хозяевъ. Станьковскій бралъ съ него за квартиру неслыханно-малую цѣну: 9 злотыхъ въ мѣсяцъ, т. е. 1 рубль 35 коп.; за обѣдъ 35 грѣшей или 12½ коп. и за ужинъ 10 грѣшей, иначе 5 коп. Но и этого Ярошинскій никогда не выплачивалъ какъ надо, напротивъ еще выпрашивалъ у хозяина то десѣнтку (5 коп.), то двѣ, то злотъ (15 коп.)

Съ хозяйкой Щицинской, гдѣ онъ работалъ, была таже исторія.

Вещей у него не водилось рѣшительно никакихъ. Спалъ онъ на хозяйской кровати и самую постель бралъ тоже у хозяевъ.

Станьковскій хотѣлъ неразъ прогнать отъ себя такого безпутнаго жильца, но какъ человѣкъ добрый, только хотѣлъ да собирался, а на дѣлѣ этого никакъ не выходило. Можетъ быть, Станьковскому припоминалась и его собственная не очень путная молодость... Къ тому-же Ярошинскій былъ жилецъ тихій, никакихъ буйствъ и ссоръ ни съ кѣмъ не заводилъ,—и вотъ проходили дни за днями, и онъ жилъ-себѣ да поживалъ у Станьковского, занимая десѣнтки.

Въ заведеніи Щицинской, гдѣ Ярошинскій работалъ, у него было очень немного пріятелей. Онъ держалъ себя вообще въ сторонѣ отъ своей братьи молодыхъ ремесленниковъ, отъ этихъ рыцарей иглы, долота, карандаша, кисти—тѣмъ болѣе: молотка и шила. Они никогда не могли уговорить его

участвовать въ какой-либо манифестаціи, въ скандалѣ патріотическаго свойства. Онъ какъ-будтобы считалъ это для себя низкимъ.

Былъ онъ близокъ только съ однимъ человѣкомъ: съ челядникомъ того-же заведенія, гдѣ работалъ, Родовичемъ, малымъ очень бойкимъ ⁴⁴⁾, давным-давно имѣвшимъ сношенія съ красной партіей, а съ Марта зачисленнымъ даже и въ ея организацію. Родовичъ располагалъ кое-какими деньжонками и употреблялъ ихъ на общіе кутежи съ пріятелемъ въ разныхъ баваріяхъ и огрудкахъ, тогдашнихъ клубахъ всего ремесленнаго народа. Тутъ Ярошинскій посвященъ въ нѣкоторые тайны заговора, разумѣется съ прибавленіемъ кое-какихъ фантазій относительно огромнаго числа присягнувшихъ, сношеній съ Европой, съ самимъ Наполеономъ и т. д.

Съ Апрѣля мѣсяца они съ Родовичемъ почти не разставались. Ярошинскій былъ обойденъ своимъ лѣшимъ вполнѣ, принадлежалъ заговору душою и тѣломъ, и готовъ былъ на всякія жертвы для отчизны. Въ него старались всячески вперить, что онъ—человѣкъ съ необыкновеннымъ характеромъ, какихъ немного, какихъ Провидѣніе посылаетъ разнымъ странамъ въ критическія минуты... Въ отуманенной съ утра до ночи спиртомъ головѣ Ярошинскаго стали съ нѣкоторыхъ поръ сновать Богъ-знаетъ какіе призраки. Онъ представлялъ себя то Пекарскимъ, то Килинскимъ ⁴⁵⁾, и разными другими героями отечественной исторіи...

⁴⁴⁾ Есть много оснований думать, что по Лидеру стрѣлялъ этотъ самый Родовичъ.

⁴⁵⁾ О Килинскомъ см. выноски въ X книжкѣ Русскаго Архива 1870, стр. 1862.

Михаилъ Пекарскій, житель деревни Беньковицъ Сандомірскаго уѣзда въ воеводствѣ того-же имени, наслушавшись, во время за-

За недѣлю, или около того, до прибытія Великаго Князя, Родовичъ, избравивъ пріятелю, въ одномъ отдаленномъ огрудкѣ, за кружкой пива, положеніе ихъ повстанскихъ дѣлъ, въ возможно-живыхъ и яркихъ краскахъ: съ одной стороны чрезвычайные успѣхи и надежды, а съ другой—возрастающую грозу, которая могла все ниспровергнуть,—объявилъ тутъ-же, что „вышія правительственныя власти заговора ищутъ смѣлыхъ патріотовъ, способныхъ высокимъ подвигомъ самоотверженія спасти отъ гибели великое народное дѣло и... даже считаютъ такими патріотами ихъ двухъ. Я готовъ на все; не знаю, какъ ты?“ — заключилъ Родовичъ.

— И я готовъ, отвѣчалъ Ярошинскій, если только мнѣ будетъ положительно доказано, что такая жертва необходима и можетъ къ чему-нибудь привести.

„Тебѣ нужно познакомиться съ кѣмъ-либо изъ вышихъ лицъ... Я

говора Жебридовскаго, возмутительныхъ рѣчей противъ короля Сигизмунда III, рѣшился его убить и, прибывъ въ Варшаву, ходилъ постоянно съ тяжелымъ и острымъ чеканомъ, выжидая удобной минуты для нападенія. 15 Ноября 1620 года, онъ бросился на короля въ костелѣ Св. Яна и ударилъ его чеканомъ въ голову два раза, но тутъ-же схваченъ и осужденъ на жестокую казнь: его возили по городу на возорной колесницѣ, и палачъ съ помощниками сдиралъ въ это время раскаленными щипцами кожу съ его плечъ и спины. Послѣ чего, на рынокъ, преступника возвели на эшафотъ, вышиною въ 8 локтей; палачъ вложилъ ему въ правую руку чеканъ, которымъ совершенно преступленіе, и отжегъ ее до половины на сильномъ пламени; потомъ отрубилъ по плечо. Затѣмъ отрублена была лѣвая рука; тѣло разорвано на части четырьмя лошадыми, сожжено на кострѣ, а прахомъ зарядили пушку. Домъ Пекарскаго, въ деревнѣ Беньковицахъ, гдѣ обдумано преступленіе, сработанъ съ землей. Въ народѣ осталась поговорка: *placie jak Piekarski na tekach* (болтаетъ какъ Пекарскій на истязаніяхъ). *Encyklopedyja Powszechna, tom 20.*

тебя сведу съ однимъ“, сказалъ Родовичъ. За тѣмъ разговоръ принялъ обыкновенное направленіе.

Дня за три, за четыре до прибытія Великаго Князя, когда уже грянулъ выстрѣлъ по Лидерсу и стрѣлявшій такъ удивительно скрылся, о чемъ толковали во всѣхъ баваріяхъ и огрудкахъ, какъ о чудѣ совершившемся подъ покровительствомъ небесныхъ силъ, — Родовичъ, послѣ горячей бесѣды объ этомъ съ пріятелемъ, сказалъ, что одно высокое лицо, стоящее во главѣ народнаго правительства, ожидаетъ ихъ сегодня къ себѣ; живетъ въ Саксонской гостинницѣ, въ № 36; имени сказать нельзя. „Тамъ ты кое-что узнаешь!“

Заинтересованный открытіемъ какихъ-то новыхъ тайнъ и вмѣстѣ подстрекаемый желаніемъ видѣть главу народнаго правительства, человѣка, въ рукахъ котораго сосредоточивались всѣ нити, всѣ пружины заговора, что-то такое недостижимое, существующее для всѣхъ подъ шапкой-невидимкой, — Ярошинскій изъявилъ желаніе хотъ сей-часъ-же отправиться въ 36-й № Саксонской гостинницы — и они отправились.

Ихъ встрѣтилъ плотный мужчина средняго роста, въ темной чамаркѣ, съ довольно-большими русыми усами, безъ бороды, — вообще человѣкъ съ выразительной, внушающей физиономіей. Особенно выразительны были его глаза, свѣтлые, быстрые, проникающіе насквозь. Они впивались въ сердце гостя или собесѣдника, какъ два чрезвычайно-острые ножа, тихо и неслышно, и начинали хозяйничать въ этомъ замершемъ, робко-трепещущемъ сердцѣ, заглядывать во всѣ его закоулки, — и собесѣдникъ, самъ не зная какъ, покорялся магнетической ихъ силѣ, ничего не возражалъ, былъ

прикованъ къ мѣсту, какъ заяцъ, повпавшій подъ убійственный, цѣпнящій взоръ василиска.

Этотъ мужчина съ усами былъ Хмѣленскій — нечистый духъ послѣдняго Польскаго возстанія, все мутившій, испровергавшій, дышавшій одними убійствами, поджогами, отравленіями.

Противъ ожиданія Ярошинскаго, онъ вовсе не пускался съ нимъ въ дальнія разсужденія, не открывалъ никакихъ новыхъ тайнъ, а утопивъ свои страшные глаза въ жертвѣ, сказалъ прямо, что „твердый характеръ и патріотическія чувства гостя ему хорошо извѣстны, а потому — разпространяться нечего. Минута самоотверженія наступила. Нужно уничтожить одно препятствіе, *zgardzić* (какъ тогда выражались) нѣкоторую высокую особу... можетъ-быть Велепольскаго... на дняхъ скажутъ, гдѣ и кого именно... Надѣюсь (заклучилъ Хмѣленскій) не услышать никакихъ возраженій.“

Возраженія въ самомъ дѣлѣ не послѣдовало. Ярошинскій спросилъ только у Хмѣленскаго: „Католикъ-ли онъ?“ — Тотъ отвѣчалъ, что „Католикъ“ — и они разстались.

Въ день пріѣзда Великаго Князя, 20 Іюня ст. ст., въ три часа пополудни, Родовичъ привелъ Ярошинскаго снова въ 36 № Саксонской гостиницы. Тотъ-же усачъ сказалъ имъ, что „черезъ нѣсколько часовъ пріѣдетъ въ Варшаву новый Намѣстникъ, Великій Князь Константинъ Николаевичъ, и убитъ надо его, а не Велепольскаго; впрочемъ, если повернется подъ руку Велепольскій, послѣ того, какъ Князь будетъ уже убитъ, то не мѣшаетъ убитъ и его; но объ этомъ не думать, а думать объ одномъ Великомъ Князѣ, и постараться убитъ его тотчасъ по вы-

ходѣ изъ вагона, лишь-только онъ ступитъ на землю Варшавы. У васъ будетъ надежный помощникъ, сказалъ Хмѣленскій, обращаясь къ Ярошинскому: такъ вѣрнѣе; вы оба должны стрѣлять. Кто не выстрѣлитъ, отвѣтитъ головою народному правительству!“

Ярошинскій на этотъ разъ не сдѣлалъ никакого вопроса. Онъ былъ подъ вліяніемъ дурмана, которымъ его всякій день поили. И онъ, и Родовичъ молча приняли поданные имъ Хмѣленскимъ два шестиствольные револьвера, вынутые изъ комода; причемъ Хмѣленскій вынулъ и третій, незаряженный, и сталъ на немъ показывать, какъ цѣлиться и стрѣлять и какая нужна осторожность въ обращеніи съ такимъ оружіемъ, стрѣляющимъ не взводя курка. Окончивъ всѣ эти наставленія, Хмѣленскій велѣлъ молодымъ людямъ идти немедленно на Прагу, къ дебаркадеру Варшавско-Петербургской желѣзной дороги.

Они пошли и, смѣшавшись на Сѣздѣ съ толпами народа, скоро очутились вблизи дебаркадера. Оставалось до прибытія Великаго Князя только одинъ часъ: съ такою точностію было разсчитано Хмѣленскимъ время!

Великій Князь пріѣхалъ ровно въ 5 ч. по полудни. Вышедъ изъ вагона, онъ поздоровался съ выстроеннымъ на платформѣ почетнымъ карауломъ. Ярошинскій и пріятель его видѣли это хорошо, только на значительномъ разстояніи. Потомъ Великій Князь прѣшелъ мимо ихъ, имѣя подлѣ себя Великую Княгиню. Ярошинскій хотѣлъ выстрѣлить, но присутствіе Великой Княгини его удержало. Родовичъ не думалъ стрѣлять вовсе.

Такъ они оба воротились въ Саксонскую гостиницу и объявили Хмѣленскому, что стрѣлять было неудоб-

но. Онъ не только не порицалъ ихъ за это, напротивъ похвалилъ; однако замѣтилъ тутъ-же, что „выстрѣла по Князю откладывать все-таки нельзя: необходимо попробовать выстрѣлить завтра, у собора, куда Князь непременно поѣдетъ; или — гдѣ случится, гдѣ будетъ сподручнѣе.“ — Отобралъ у нихъ револьверы, заперъ въ комодъ и велѣлъ обоимъ придти завтра утромъ.

Ярошинскій почевалъ дома, у Станьковскаго. Вставъ въ 7 часовъ, онъ отправился къ Хмѣленскому. Родовичъ былъ уже тамъ. Хмѣленскій, какъ и наканунѣ, досталъ изъ комода револьверы и вручилъ ихъ пріятелямъ, повторивъ лекцію объ осторожности. Кромѣ револьверовъ далъ онъ еще каждому по небольшому кивжалу. Пріатели вышли и пустились бродить по разнымъ улицамъ, толкуя, какимъ образомъ и гдѣ лучше сдѣлать выстрѣлъ.

Во время обѣдни они явились передъ Соборомъ, но толпа была тамъ до того густа, что предпринять что-либо въ этомъ пунктѣ оказалось невозможнымъ. Друзья пошли къ костелу Св. Яна, рассчитывая, что Великій Князь проѣдетъ изъ Собора туда, но тамъ толпа была еще гуще: не только съ револьверами и кивжалами въ карманахъ, и такъ было трудно протискаться. Пріатели отправились по домамъ, условившись сойтись вечеромъ у театральнаго подъѣзда въ томъ мѣстѣ, гдѣ останавливается экипажъ Намѣстника.

Ярошинскій очутился дома во второмъ часу, пообедалъ совершенно спокойно, снялъ сапоги, пальто и легъ отдыхать, но не спалъ, а лежалъ такъ, болѣе часу; потомъ всталъ, одѣлся и вышелъ посвистывая. Въ сѣняхъ писалъ въ то время вывѣску маляръ,

знакомый Ярошинскому: взглянувъ на него, послѣдній сказалъ: „adieu!“ Но сдѣлавъ пять шаговъ, вспомнилъ о сигарницѣ, забытой на хозяйскомъ комодѣ, воротился, взялъ ее и пошелъ быстрыми шагами къ Краковскому предмѣстью, гдѣ очень скоро встрѣтилъ Родовича. Оба стали бродить по разнымъ улицамъ, условливаясь въ подробностяхъ нападенія и вмѣстѣ съ тѣмъ наблюдая за проѣздомъ Великаго Князя въ театръ, но какъ-то просмотрѣли его. Князь, жившій въ Бельведерѣ, проѣхалъ иначе, нежели они рассчитывали, судя по группамъ полицейскихъ, разставленныхъ въ разныхъ пунктахъ. Въ 8-мъ часу оба друга подошли къ театру и узнали, что Великій Князь уже тамъ.

Они проникли въ корридоръ или крытый ходъ, ведущій, внутри театральнаго зданія, съ Вержбовой улицы къ подъѣзду Намѣстника, и рѣшили выстрѣлить по Князю съ двухъ сторонъ, когда онъ сядетъ въ коляску. Это было удобно исполнить потому, что около подъѣзда собралась небольшая куча людей разнаго званія, человекъ тридцать, которыхъ полиція не устранила. Полиціи столько внушалось въ это время быть какъ можно учтивѣе съ народомъ, что она боялась каждаго лишняго шага, какъ Богъ-знаетъ чего ⁴⁶⁾.

Странная пiеса давалась тогда въ театрѣ, которая потомъ, сколько намъ извѣстно, не шла ниразу: опера Александръ Страделла. Содержаніе ея таково: артистъ Страделла влюбленъ въ воспитанницу одного Венеціанскаго скряги, который самъ намѣренъ на ней жениться. Чтобы избавиться

⁴⁶⁾ Нынѣ этотъ корридоръ бываетъ совершенно пустъ, когда пріѣзжаетъ и уезжаетъ Намѣстникъ.

отъ своего соперника, онъ нанимаетъ убійцу. Вовторомъ актѣ убійцы ждуть выхода Страделлы изъ церкви....⁴⁷⁾ Въ это время (между 9 и 10 часами) Великій Князь вздумалъ оставить театръ и пошелъ къ сказанному подъѣзду, гдѣ бродили настоящие, не-театральные убійцы.... Подали коляску. Князь сѣлъ. Вдругъ къ нему подошелъ человекъ, желавшій, повидимому, подать просьбу. Князь нагнулся для принятія ея—въ эту минуту грянулъ выстрѣлъ. Стрѣлявшій тутъ-же схваченъ: это былъ Ярошинскій. Родовичъ не стрѣлялъ. Было-ли это въ его планахъ вообще, или такъ вышло — неизвѣстно. Если предположить, что онъ стрѣлялъ по Лидерсу, то, можетъ быть, онъ считалъ, что на свой пай уже достаточно послужилъ отчизнѣ и потому игралъ роль товарища Ярошинскому вовсе не для того, чтобъ быть ему „дѣйствительнымъ товарищемъ“ до конца, а только для того, чтобы слѣдить за нимъ, ободрять его въ минуты раздумья, водить по баваріямъ и огрудкамъ и поить дурманомъ. Когда произошла суматоха и полиція столпилась около задержаннаго, Родовичъ спокойно вышелъ тѣмъ-же корридормъ на улицу, бросивъ по дорогѣ, за какую-то бочку, револьверъ и кинжалъ, гдѣ они и были потомъ найдены.

Раненнаго Намѣстника перенесли въ комнату за ложей, и тутъ сдѣлана первая перевязка. Оказалось, что „пуля, пробивъ пальто, потомъ скрутку и рубашку, повредила только покровы на ключицѣ лѣваго плеча и контузила съ той-же стороны шейные покровы“⁴⁸⁾. Ее нашли въ кистяхъ эпюлета. Ярошинскаго-же, напоивъ теплымъ молокомъ изъ кондитерской Гронерта⁴⁹⁾, такъ-какъ онъ

⁴⁷⁾ Само собою разумѣется, что третьяго акта оперы не играли. Говорятъ, что когда публика узнала о выстрѣлѣ, нѣсколько голосовъ сказали: «это по Страделлѣ!»

⁴⁸⁾ Рапортъ доктора Боголюбова и донесеніе коменданта города, князя Бебутова.

⁴⁹⁾ Была на углу Даниловичевской улицы и Театральной Площади. Теперь тамъ чайный магазинъ Попова.

чувствовалъ сильное головокруженіе отъ приѣма наркотиковъ,—повезли въ Цитадель, подъ конвоемъ 20 казаковъ. Полиціантъ Вишневскій, находившійся съ нимъ въ дружкѣ, спросилъ, кто онъ такой и почему рѣшился на покушеніе? „Съ тобой, дурню, я говорить не стану, отвѣчалъ Ярошинскій, а вотъ офицеру скажу, что сдѣлалъ это изъ мести за отчизну: она гибнетъ!“ Офицеръ, тоже сидѣвшій въ дружкѣ, сказалъ: „ты все врешь, ты вѣрно подкупленъ!“ Ярошинскій не отвѣчалъ на это ничего и во всю дорогу потомъ не произнесъ ни слова, сколько съ нимъ ни заговаривали.

Въ первую недѣлю слѣдственная комиссія ничего не добила отъ преступника: онъ давалъ невѣрныя и противурѣчивыя показанія. Между прочимъ сказалъ, что онъ-же стрѣлялъ по Лидерсу. Настоящія показанія онъ сталъ давать лишь тогда, когда ему предъявили нѣсколько заграничныхъ Польскихъ журналовъ гдѣ его поступокъ называли гнуснымъ и безумнымъ.

Въ городѣ также были всѣ глубоко возмущены этимъ покушеніемъ, которое для массы жителей, неимѣвшихъ никакого понятія о политикѣ террора, представлялось ничѣмъ необъяснимымъ, дикимъ, бессмысленнымъ злодѣйствомъ. Великій Князь, ничего дурнаго не сдѣлавшій Польшѣ, напротивъ: вооруженный реформами, льготами, привилегіями, даже предшествоваема имъ—едва-только ступилъ на Польскую землю и встрѣченъ выстрѣломъ! Это не могло не быть возмутительно для всякаго спокойно-смотрящаго на вещи и сколько-нибудь благомыслящаго человекъ. Архіепископъ на другой-же день послѣ покушенія громилъ преступника съ амвона. Велепольскій произнесъ громовую рѣчь⁵⁰⁾ въ Государственномъ Совѣ-

⁵⁰⁾ Произнесена 28 Іюня н. ст. 1862. — См. приложеніе къ № 143 Dziennika Powszechnego 1862.—Велепольскій рѣшился выразиться, наперекоръ исторіи, что это «неслыхан-

тѣ, гдѣ заступалъ мѣсто Князя-предсѣдателя...

Не удалось покушеніе на Лидерса, не удалось покушеніе противъ Великаго Князя: не удастся-ли оно противъ его соправителя, „позора Польскаго имени“, какъ говорилось въ запискѣ, найденной въ карманѣ Ярошинскаго. „Патріотъ“ для такого подвига былъ уже подготовленъ: литографъ Людвигъ Рыль, тоже молодой парень 19 лѣтъ, побочный сынъ одного Польскаго аристократа, брошенный отцемъ за свое крайнее безпутство, стало-быть раздраженный, мѣнявшій хозяевъ до такой степени часто, что литографы уже перестали къ себѣ его принимать, и онъ, не зная никакого другаго ремесла, поступилъ въ кузнецы, но при первомъ же обращеніи съ тяжелыми молотками отбилъ себѣ руки и ноги. Бѣсть было нечего. Раздраженіе его противу цѣлаго свѣта дошло до послѣднихъ предѣловъ. Вотъ когда явился къ нему искуситель и началъ водить его по баваріямъ и огрудкамъ. Чаще всего бывали они въ большемъ, безопасномъ для всѣхъ повстанскихъ совѣщаній и пьяной болтовни саду, близъ Смольной улицы, называвшемся Воксалъ. Здѣсь Рыль сошелся съ литографомъ Иваномъ Ржонцей, отчаяннымъ головорѣзомъ Зуавской породы, которому просто-за-просто, безъ всякаго противу кого-либо раздраженія, нужно было бить и рѣзать. Такъ-какъ Зуавская карьера ему не выпала на долю, никакого Алжира подъ бокомъ не было, то онъ пользовался всякимъ случаемъ, гдѣ только могъ пустить въ ходъ свои Зуавскія способности, въ какихъ-бы то ни было размѣрахъ. Его занимали всякія свалки, драки, ссоры. Чуть завязывалась исторія съ нѣкоторой потасовкой или разбитіемъ носовъ — онъ

являлся тамъ ту же минуту, выросталъ изъ-подъ земли. И такихъ ухарей умѣлъ отыскивать въ толпѣ острый глазъ Хмѣленскаго, переѣхавшаго изъ Саксонской гостинницы, тотчасъ послѣ выстрѣла Ярошинскаго, неизвѣстно куда. Этотъ Ржонца, называвшійся въ своей компаніи просто Янъ, и еще Станиславъ и Феликсъ⁵¹⁾, были постоянными собесѣдниками Рыля въ саду Воксала. Изрѣдка показывался между ними, на короткое время, и Хмѣленскій, подъ именемъ защитника отечества (*obroncy kraju*), какъ высшее правительственное лицо, говорилъ нѣсколько ободрительныхъ словъ, довершалъ то, что начато было его помощниками — и исчезалъ какъ призракъ. На молодежь, постоянно подогрѣваемую спиртомъ, чрезвычайно дѣйствовала эта ночная, таинственная обстановка: старый садъ недалеко отъ Вислы, снующія кругомъ темныя фигуры какъ-бы все такихъ-же заговорщиковъ, шушуканье — и тутъ вдругъ *obroncy kraju*, съ адскимъ пламенемъ въ глазахъ, магнетически-околдовывающій, подчиняющій себѣ сердца всѣхъ.... Недѣли три послѣ выстрѣла Ярошинскаго, Рыль былъ окончательно завоеванъ и выразилъ таинственному незнакомцу готовность дѣйствовать въ пользу народнаго дѣла, гдѣ и какъ прикажутъ. Тогда „Защитникъ“ сказалъ ему, что нужно убить Велепольскаго. Рыль не возражалъ. Въ томъ-же Воксалѣ былъ обдуманъ планъ нападенія. Сперва хотѣли-было нарядить Рыля офицеромъ и, вооруживъ револьверомъ, отправить въ Бельведерскій садъ, гдѣ Велепольскій гулялъ всякій день по утрамъ; но потомъ рѣшили, за неимѣніемъ приличнаго мундира, произвести нападеніе въ Комиссіи Финансовъ.

ное и безпримѣрное на землѣ Польской злодѣяніе — *tońcis tu o zbrodni niesłuchanej i bezprzykładu na ziemi naszej.*

⁵¹⁾ Станиславъ Ячевскій и Феликсъ Ковалевскій, впоследствии начальники повстанской полиціи въ Варшавѣ.

Послѣ одной ранней закуски въ Воксалѣ, 7 Августа н. ст., гдѣ была вся компанія заговорщиковъ, Защитникъ сообщилъ Рылью, что „выстрѣлить должно сегодня въ первомъ часу дня, въ сѣняхъ Комиссіи Финансовъ, черезъ которыя Велепольскій будетъ проходить“ — и тогда-же предложилъ пойти вмѣстѣ съ нимъ для осмотра мѣстности.

Пошли. Рыль былъ сильно навеселъ. Въ Воксалѣ было имъ выпито одного пива три большихъ куфля, но по дорогѣ Защитникъ зашелъ съ нимъ еще въ три кондитерскія и поднесъ ему три рюмки вина и столько-же стакановъ пуншу, съ подсыпкой чего-то такого, отъ чего Рыль совсѣмъ одурѣлъ и въ такомъ состояніи былъ приведенъ Защитникомъ въ сѣни Комиссіи Финансовъ. Тутъ Защитникъ, объяснивъ подробно Рылю, какъ дѣйствовать, вложилъ ему въ карманъ револьверъ и велѣлъ, послѣ выстрѣла, бѣжать дворами въ сторону Польскаго Банка, близъ котораго, на Электоральной улицѣ, будетъ подана ему помощь. Затѣмъ они разстались.

Было уже около 12 часовъ дня. Рыль еще разъ осмотрѣлъ мѣстность и вышелъ на улицу. Его томила страшная жажда, вслѣдствіе чего онъ отправился въ ближайшій шинокъ и выпилъ куфель пива. Потомъ снова воротился во дворъ Комиссіи Финансовъ, бродилъ тамъ въ разныхъ направленіяхъ около получаса и наконецъ, потерявъ терпѣніе, хотѣлъ было идти домой, тѣмъ болѣе, что чувствовалъ себя очень дурно, голова его кружилась и горѣла... Но вдругъ къ нему подошелъ какой-то молодой человекъ и сказалъ, что „маркизь ѣдетъ.“

Въ самомъ дѣлѣ вскорѣ раздался стукъ экипажа: Велепольскій ѣхалъ

въ открытой коляскѣ. Рыль поспѣшно вошелъ въ сѣни и сталъ на лѣво за стеклянную дверь. Когда маркизь, выйдя изъ экипажа, поднялся на три первыя ступени и очутился въ сѣняхъ — Рыль вышелъ изъ за двери и навелъ на него револьверъ меньше чѣмъ въ двухъ шагахъ разстоянія! Посчастію, маркизь не потерялся: поднявъ вверхъ толстую палку, которая была у него въ рукахъ, и закричалъ: „ты что тутъ, разбойникъ?“

Это такъ смутило Рыля, что онъ опустилъ мгновенно револьверъ, вскочилъ изъ сѣней и сдѣлалъ по маркизу два выстрѣла, когда тотъ поднялся уже по лѣстницѣ. Одна пуля попала въ стоявшій противъ самаго входа шкафъ съ дѣлами, а другая въ карнизъ, вѣвъ сѣней⁵²). Затѣмъ, слѣдуя наставленіямъ Защитника, Рыль пустился бѣжать въ направленіи къ Электоральной улицѣ дворами, которыхъ тамъ три, миновалъ ихъ всѣ, отмахиваясь револьверомъ отъ преслѣдовавшихъ его людей и отъ солдатъ съ гауптвахты, находившейся тогда на послѣднемъ дворѣ⁵³), но задержанъ сторожемъ въ воротахъ.

Въ отвѣтахъ своихъ слѣдственной комиссіи Рыль не выдалъ никого изъ сообщниковъ. Близъ того-же времени арестовали Домбровскаго. Рыль, на очной съ нимъ ставкѣ, объявилъ, что „знать не знаетъ этого человека“, хотя очень хорошо зналъ. Точно тоже сказалъ онъ и на очной ставкѣ съ Ржонцей; равно и Ржонца отрекся, что

⁵²) Слѣды этихъ пуль можно было видѣть до 1872 года. Потомъ шкафъ вынесенъ, карнизъ поправленъ, и дверь, за которою скрывался Рыль до выстрѣла, задымлена.

⁵³) Нынѣ (съ 1872) гауптвахта перенесена къ главнымъ воротамъ Комиссіи Финансовъ, на Римской улицѣ.

знаетъ Рылля — и былъ, послѣ того, отпущенъ домой. Но путешествіе въ извѣстный всей Варшавѣ 10-й павильонъ, съ его жандармами и солдатами на всякомъ шагу, этотъ *Poppe dei Sospiri* Александровской Цитадели, произвело на Ржонцу такое сильное впечатлѣніе, что онъ заболѣлъ.

Межъ тѣмъ окончилось слѣдственное дѣло Ярошинскаго, и назначенъ, по приказанію Намѣстника, особый полевой судъ, не въ Цитадели, а посреди города, на Медовой улицѣ, въ бывшемъ палацѣ Паца.

14 Августа н. ст., въ 9 часовъ утра, привезли туда Ярошинскаго въ каретѣ, подъ конвоемъ эскадрона гусаръ и уланъ и нѣсколькихъ жандармовъ⁵⁴). Кромѣ того, на дворѣ палаца, былъ выстроенъ цѣлый пѣхотный батальонъ. Медовая сейчасъ-же захлебнулась народомъ. Часть проникла даже и на дворъ. Легко понять, какимъ лихорадочнымъ трепетомъ бились сердца молодежи, толпившейся тамъ, таинственно шушукавшей между собою, молодежи, которая такъ или иначе была скомпрометирована и не сегодня-завтра могла попасться.

Передъ вечеромъ очутился тамъ и Ржонца, еще не совсѣмъ здоровый. Блѣдный какъ мертвецъ, съ впалыми глазами, сіявшими какъ блуждающіе огни, шатался онъ передъ палацомъ въ кучкѣ пріятелей, съ которыми кутилъ въ Воксалѣ и въ другихъ мѣстахъ, — а въ палацѣ происходилъ судъ надъ хорошо-знакомымъ всему этому народу „патріотомъ!“..... Потомъ предстоялъ судъ надъ Рыллемъ, а потомъ — можетъ быть и надъ нимъ,

⁵⁴) Когда карета ичалась по улицамъ, народъ, подучаемый агитаторами, кричалъ кое-гдѣ: ура!

Ржонцей, такъ-какъ онъ принадлежалъ къ организаціи и могъ быть выданъ Рыллемъ, или кѣмъ-нибудь изъ присягнувшихъ. Ржонца былъ въ лихорадкѣ всѣ эти дни, со времени прогулки въ Цитадель; теперь лихорадка еще удвоилась. Сопровождавшіе его „патріоты“ замѣтили это, и одинъ шепнулъ: „Рѣшайся! Погибать такъ погибать недаромъ... что толку если пропадешь, ничего не сдѣлаешь, не сослуживъ отечеству никакой службы! Затурять тебя въ Сибирь, не то запакують въ казематъ отдаленной крѣпости, и погаснешь тамъ глупо, какъ свѣча, не озаривъ ни одной страницы въ исторіи!“...

Обстановка была раздражающая: много войска, бряканье ружей, сабель... карета преступника, окруженная жандармами... тамъ и сямъ снующіе въ толпѣ полиціанты... говоръ массъ, свирѣпыя лица, блистающіе глаза...

Посмотрѣлъ на все это Ржонца, побродилъ по улицѣ и наконецъ сказалъ товарищамъ: „завтра-же пойду бить Велепольскаго!“ — и сдержалъ слово.

Зуавъ выбралъ себѣ орудіемъ для болѣшей, какъ онъ полагалъ, вѣрности удара, — кинжалъ, отравленный стрихниномъ.

Вставъ на другой день, 15 Августа н. ст., въ 8 часовъ утра, онъ отправился къ матери, жившей на Каноней улицѣ и торговавшей кренделями; взялъ у ней молитвенникъ и пошелъ въ соборъ Св. Яна, гдѣ отстоялъ обѣдню, молясь усердно и падая временами на колѣни.

Надо знать, что вообще онъ съ матерью видался очень рѣдко, какъ будто бы у него ея не было вовсе; въ церковь заглядывалъ тоже не ча-

сто, — а тутъ вдругъ ему понадобилась и мать, и ея молитвенникъ, и костель Св. Яна!

Вышедъ изъ костела, Ржонца пошелъ бродить съ пріятелями по разнымъ улицамъ, при чемъ заходили въ погребки и пили водку.

Въ шесть часовъ вечера вся компанія стправилась въ Уздовскія аллеи и тамъ разсѣлась по скамейкамъ, противъ Швейцарской Долины ⁵⁵⁾.

Въ восьмомъ часу показалась коляска Велепольскаго: онъ ѣхалъ съ супругой изъ города въ Бельведерь, гдѣ тогда жилъ. Такіе переѣзды совершались имъ ежедневно, около этого времени, что было очень хорошо извѣстно заговорщикамъ.

Когда экипажъ маркиза поравнялся съ тѣмъ пунктомъ аллеи, гдѣ находился Ржонца съ пріятелями, — послѣдній быстро перескочилъ канаву, отдѣляющую аллею отъ дороги, подбѣжалъ къ коляскѣ и нанесъ маркизу ударъ, направленный въ шею; но маркизъ уклонился, и кинжалъ скользнулъ по шапкѣ, измазавъ ее стрихниномъ. Нисколько отъ этого не растерявшись, Велепольскій поднялся на ноги и уставилъ въ нападавшаго револьверъ, а кучеръ въ тоже время хлынулъ его кнутомъ по лицу. Ржонца смутился и, не рѣшась повторить нападенія, бросился бѣжать по Пенкной улицѣ, гдѣ былъ схваченъ младшимъ сыномъ Велепольскаго, Иосифомъ, который ѣхалъ сзади, и его слугою. Потомъ подоспѣли и полиціанты.

⁵⁵⁾ Такъ называется домъ съ большимъ садомъ, въ Уздовскихъ аллеяхъ, гдѣ давались прежде балы для средняго круга и представленія важныхъ акробатовъ. Теперь домъ и садъ отдѣлены несравненно въ лучшемъ видѣ, и тамъ даются концерты. Зимой бывають балы и маскарады.

Когда Ржонцу вѣли въ ближайшій IX цыргулъ, коляска маркиза, воротившагося въ городъ доложить Намѣстнику о случившемся, догнала его, и маркизъ спросилъ: „за что ты хотѣлъ меня убить?“ — Тотъ отвѣчалъ: „съ отчаянія!“ — Съ какого отчаянія? — „Имѣю неприятности!“

Немедля была осмотрѣна квартира преступника: подъ ножкой кровати оказалась бумажка съ написанной на ней присягой въ двухъ формахъ. Первая форма: „Присягаю Всемогущему Богу, что, приступая, во имя вѣры и свободы, къ работамъ и трудамъ на благо отчизны, буду нести оныя до послѣдняго издыханія. Сохраню вѣренную мнѣ тайну прежде всего передъ родителями, женой, братьями и семействомъ, моему попеченію вѣреннѣмъ; никому не измѣню и никого не выдамъ, хотя-бы пришлось заплатить за это жизнью“.

„На все готовъ для блага человечества и отчизны“.

„Свято, съ сохраненіемъ человѣческаго достоинства, буду преклонять сердца людей къ братскому сожителству, любви, просвѣщенію и всему высокому. Буду собирать деньги на алтарь отчизны и добросовѣстно передавать ихъ въ распоряженіе властей. Клянусь повиноваться во всемъ властямъ, а равно буду покоренъ и послушенъ избранному представителю народа и явлюсь на его призывъ во всякую минуту“.

„Такъ присягнулъ: Господи Боже, помоги исполнить!“ ⁵⁶⁾.

Вторая форма: „Присягаю Всемогущему Богу, что буду послушенъ властямъ и готовъ исполнять всякія обязанности для блага отчизны. Не из-

⁵⁶⁾ Ржонца говорилъ, что эта присяга его сочиненія.

мѣню отчизнѣ и никому изъ братьевъ моихъ, хотя-бы пришлось заплатить за это жизнью. Еслибъ даже взяли меня и стали спрашивать, клянусь не выдать ни одной изъ вѣрренныхъ мнѣ тайвъ, а деньги, какія соберу, отдавать на пользу отчизны и всѣхъ благородныхъ соотчичей⁴.

Опыты съ кинжаломъ Ржонцы, въ аптекѣ Александровскаго военнаго госпиталя (въ Цитадели) и въ фармацевтической лабораторіи Медико-Хирургической Академіи, показали, что одинъ гранъ массы, которою былъ кинжалъ намазанъ и которая съ трудомъ растворялась въ водѣ, будучи введенъ въ желудокъ двухъ-мѣсячнаго здороваго щенка, убивалъ его въ нѣсколько минутъ. Всего-же такой массы на кинжалѣ было около 20 гранъ, гдѣ чистаго стрихнина надо считать, самое малое, десять гранъ.

Судъ надъ всѣми тремя преступниками не могъ, конечно, затягиваться долго.

Утромъ 21 Августа н. ст. огромныя толпы народа хлынули изъ города къ гласису Александровской Цитадели, гдѣ чернѣлъ эшафотъ, окруженный пѣхотнымъ каре и казаками и гдѣ должна была совершиться первая казнь за время тогдашняго революціоннаго движенія Польши.

Въ 9-мъ часу показались вдали, отъ Константиновскихъ воротъ Цитадели, красная точка и облако пыли: это ѣхалъ верхомъ на конѣ палачъ, официально магистръ юстиціи—*Mistrz Sprawiedliwosci* — въ черномъ фракѣ, въ обыкновенной Европейской шляпѣ, въ бѣлыхъ перчаткахъ и въ красномъ, довольно-длинномъ плащѣ, съ черными шнурами, которые завязывались у шеи ⁵⁷).

⁵⁷) До 1843 года палачъ Царства Польскаго носилъ красный однобортный мундиръ съ

Въ нѣкоторомъ разстояніи сзади ѣхала узкая, особаго фасону телѣга, въ одну лошадь: въ ней сидѣлъ преступникъ Ярошинскій, въ обыкновенномъ платьѣ, безъ шапки, съ Распятиемъ въ рукахъ. Рядомъ съ нимъ, по правую руку, сидѣлъ ксендзъ-капуцинъ, въ известномъ одѣяніи верблюжьяго цвѣта, подпоясанный бѣлымъ шнуркомъ.

По обѣимъ сторонамъ телѣги ѣхалъ взводъ жандармовъ съ обнаженными саблями, въ полной парадной формѣ, въ сіяющихъ на солнцѣ каскахъ съ бѣлыми хвостами. Затѣмъ шелъ взводъ пѣхоты.

Все это двигалось медленно, въ глубокомъ молчаніи.

Когда процессія приблизилась къ каре, стоявшему у эшафота, ряды разступились и, пропустивъ палача и телѣгу съ преступникомъ внутрь, сомкнулись опять. Жандармы и взводъ пѣхоты остались за каре.

Палачъ слѣзъ съ лошади и сталъ у эшафота, съ праваго его угла, лицомъ къ войскамъ. Два его помощника, въ обыкновенныхъ сертукахъ, приняли преступника съ телѣги, надѣли на него смертную рубашу и заняли назадъ веревками руки. Послѣ этого прочитанъ военнымъ аудиторомъ приговоръ; заиграла печальная музыка, пронзительный рожокъ, — и преступникъ сталъ подыматься на эшафотъ, имѣя по одну сторону ксендза, а по другую—помощника палача, который взвелъ потомъ преступника, по уз-

гладкими желтыми пуговицами и красные панталоны, а на головѣ имѣлъ при этомъ треугольную шляпу, съ генеральской кокардой изъ золота и чернаго шелковаго шнура. 24 Марта ст. ст. 1843 года, повелѣніемъ Намѣстника, мундиръ замѣненъ описанной нами одеждой, т. е. чернымъ фракомъ, тами-же брюками и краснымъ плащомъ, а треугольная шляпа — обыкновенной круглой.

кой лѣстницѣ, подѣ петлю, надѣлъ ему ее на шею, закрылъ лицо повязкой, спустился съ лѣстницы и привялъ ее прочь...

Когда послѣднія содраганія показали, что все кончено — повязка была снята, и ксендзъ прочелъ въ лицо повѣшеннаго отходную.

Городъ былъ цѣлый день въ тревожномъ состояніи. Женщины плакали. Мушеры имѣли свирѣпый видъ. Вездѣ было тихо.

Черезъ 5 дней, 26 Августа, точно также и на томъ-же мѣстѣ, казнены Рыллъ и Ржовца. Рыллъ былъ очень слабъ; а Ржовца взошелъ на эшафотъ сильнѣе и твердымъ шагомъ. Когда надѣли на него петлю и повязку, онъ самъ отпихнулъ ногой лѣстницу и повисъ.

Вскорѣ явилась фотографическая карточка съ изображеніемъ трехъ висѣльниковъ и особымъ знакомъ на шеѣ, въ видѣ круга около солнца, откуда падалъ лучъ на эшафотъ. Многие старались достать эту карточку и были убѣждены, что все это было точь-въ-точь такъ, какъ изображено.

А 28 Августа н. ст., въ октаву смерти Ярошинскаго, отслужена красной партіей въ нѣсколькихъ костелахъ панихида, на которую приглашали народъ слѣдующимъ плакатомъ:

„28 Августа будетъ отслужена во всемъ краѣ панихида за душу новаго мученика свободы, Людвига Ярошинскаго, который почилъ геройски, 21 Августа, на висѣлицѣ, за то что всею душою любилъ отчизну и посвятилъ себя служенію ея интересамъ“.

„О, еслибъ всѣ мы взяли примѣръ съ его смерти и научились выдерживать до конца и приносить жизнь свою на жертву, когда Польша требуетъ жертвъ!“

Г. С. КАРЕЛИНЪ.

Недавно въ маленькомъ городкѣ Уральскаго Войска, Гурьевѣ, скончался чело-вѣкъ, жизнь и дѣятельность котораго прошли вовсе не такъ тихо и безъ извѣстнаго, какъ послѣдніе много-страдальныя его годы.

Родившись въ Генварѣ 1801-го отъ небогатыхъ родителей изъ дворянъ С. Петербургской губерніи, *Григорій Силачъ Карелинъ* остался рано круглымъ сиротою и девяти лѣтъ отъ роду былъ отданъ старшимъ братомъ своимъ на воспитаніе въ 1-й Кадетскій Корпусъ, откуда былъ выпущенъ прапорщикомъ артиллеріи. Будучи замѣченъ по особымъ способностямъ своимъ, онъ поступилъ въ канцелярію графа Аракчеева; но вскорѣ, совершенно для себя неожиданно, былъ схваченъ и безъ суда и даже безъ объясненія отвезенъ въ Оренбургъ.

Застигнутый врасплохъ, безъ всякаго сознанія виновности въ чемъ бы то ни было, очутившись на быстро-мчавшейся день и ночь курьерской тройкѣ, въ сюртукѣ, безъ теплаго платья, съ единственнымъ носовымъ платкомъ въ карманѣ, Карелинъ напрасно пробовалъ допытаться отъ фельдъегеря, за что и куда его везутъ? Онъ ни разу не получалъ отвѣта, пока не остановился въ Оренбургѣ, гдѣ онъ былъ сданъ въ гарнизонъ Оренбургской крѣпости. Въ послѣдствіи, хорошо ознакомившись съ новыми своими товарищами и начальниками послужбы, онъ тщетно старался узнать о причинѣ своей внезапной ссылки: у самаго начальства не было о немъ никакой инструкціи кромѣ той, которая приказывала принять его прапорщикомъ въ гарнизонъ Оренбургскій. Въ умѣ его зародилось подозрѣніе, что до ушей графа Аракчеева дошла какъ нибудь сочиненная въ кругу веселыхъ товарищей баюкальная пѣсенка, которую онъ Карелинъ частенько пѣвалъ въ самой канцеляріи ради потѣхи пріятелей. Очутившись на чужой сторонѣ, въ ссылкѣ, съ

совершенно-пустымъ кошелькомъ, никого не зная, Карелинъ не палъ духомъ. Одаренный большимъ умомъ, крѣпкимъ сложеніемъ и неистощимо-веселымъ характеромъ, онъ смотрѣлъ бодро, дѣйствовалъ прямо, честно и открыто, не любя углубляться въ грустные размышленія. Никакое матерьяльно-дурное положеніе не омрачало и не мѣняло его добродушнаго веселья. Его бойкая, острая рѣчь и мастерское краснорѣчіе письма, скоро обратили на него вниманіе общества: не прошло году, какъ онъ сталъ свой всему роду. Но это, такъ сказать, товарищеское отношеніе его къ человѣку вообще не могло наполнить его жизни: мысль искала пищи въ болѣе широкой сферѣ дѣятельности. Онъ предался изученію естественной исторіи и, попавъ на этотъ желанный путь, не сошелъ съ него всю жизнь. Природу онъ любилъ страстно, въ изученіи ея обрѣталъ свое счастье и прилѣплялся къ ней всей душой. Онъ сталъ дѣлать экскурсіи въ степи и горы и занялся собираніемъ предметовъ естественной исторіи, которыми тотъ дикій въ то время край былъ такъ богатъ.

На сколько Карелинъ былъ человѣкъ способный и многосторонне-образованный, видно даже изъ тѣхъ совершенно одно съ другимъ несходныхъ порученій Оренбургскихъ военныхъ губернаторовъ, которые приходилось ему исполнять. Такъ въ Мавъ 1824 года графъ Эсенъ посылаетъ его сдѣлать маршрутъ и карту отъ Симбирска до Оренбурга, ради вскорѣ предстоявшаго въ то время проѣзда Государя Александра Павловича на востокъ Россіи. Едва Карелинъ окончилъ это дѣло, какъ въ Юль того же года командировается онъ въ Башкирію отыскивать горный хрусталь, дымчатый топазъ и яшмы для Высочайшаго двора. Въ 1829, по порученію графа Эссена, онъ работаетъ надъ статистическими свѣдѣніями о краѣ, по требованію министерства внутреннихъ дѣлъ, для книги, составленіе которой поручено было профессору Арсеньеву, преподававшему статистику юному тогда Наслѣднику

Престола. Въ Августъ 1830 г. Карелинъ вновь командировается другимъ уже начальникомъ края, графомъ Сухтеленемъ, и по требованію графа Льва Алексѣевича Перовскаго, для раскопокъ минералогическихъ въ Башкирію. Вскорѣ, выдѣвъ отставку прапорщикомъ артиллеріи, Карелинъ поступаетъ въ Азіятскій департаментъ министерства иностранныхъ дѣлъ и производится въ титулярные совѣтники, какъ видно изъ бумагъ его, за какіе-то труды по описанію степи и кочевой жизни Киргизовъ.

Между тѣмъ его помѣщаютъ на службу у хана Букѣевской Орды Джангера, съ которымъ во время своихъ степныхъ экскурсій Карелинъ сошелся пріятельски и по просьбѣ самого хана Джангера заключилъ съ нимъ частное условіе оставаться при немъ въ его ставкѣ на Рынъ-Пескахъ (съ жалованьемъ 4000 р. ассигнац. въ годъ) съ тѣмъ, чтобы управлять дѣлами хана и заниматься съ нимъ самимъ науками. Сказать мимоходомъ, эта сдѣлка съ ханомъ была вынуждена крайне-стѣсненными семейными обстоятельствами Карелина. Въ 1826 г. Карелинъ женился и около 1828 года имѣлъ уже двоихъ дѣтей.

Позволяемъ себѣ помѣстить здѣсь выписку изъ письма его къ женѣ, рисующую жизнь его у хана на Рынъ-Пескахъ.

„1 Декабря 1828 г. Послѣ претягостной дороги, впродолженіи которой дрогъ я какъ собака, пріѣхали мы на форпостъ Глиняный, гдѣ кромѣ соленой воды и бесплодной степи ничего не найдешь хорошаго. Но теперь-то начинается самое пріятное, именно: ханъ останавливается дня на четыре въ открытой степи, между Киргизами. Будемъ поживать на морозѣ и грѣться у огня; слѣдовательно лицу Петръ, а затылку Рождество, какъ говорятъ здѣшніе казаки. То-то удовольствіе! Но впрочемъ такая жизнь, по новостямъ предметовъ, имѣетъ также свою занимательность. Мы уже провели одну ночьку въ камышахъ, сиди кружкомъ у огня въ полуизорванной кибиткѣ. Мо-

розъ былъ, примѣрно, градусовъ 17. Позабавились, нечего сказать! Здѣсь нѣтъ отбоя отъ посѣтителей. Въ маленькой кибиткѣ усаживается нѣсколько десятковъ султановъ, старшинъ, беевъ и пр., бормочать и выгоняютъ на морозъ излишнюю опрятностію. Покушиваемъ лошадику съ волосочками и прочими вложеніями. Пишу тебѣ—изъ домика, или лучше хаты, построенной ханомъ Чокой въ камышахъ. Хата состоитъ изъ двухъ крошечныхъ грязныхъ комнатъ: въ одной спитъ хозяинъ съ тремя женами и готовится кушанье, въ другой мы съ ханомъ и 8 людьми при насъ.“

Отъ занятій у хана однако скоро отрывается Карелина гр. Сухтеленъ, прикомандировываетъ его къ степной экспедиціи подъ начальствомъ полковника Генса, председателя Пограничной Коммисіи, и поручаетъ Карелину заняться слѣдующимъ: 1-е) опредѣлить широты мѣстъ важнѣйшихъ пунктовъ, особенно въ Киргизъ-Кайсацкой степи, горахъ и урочищахъ оной, гдѣ таковыя опредѣленія до сего не были дѣлаемы; 2-е) дѣлать наблюденія надъ колебаніемъ магнитнаго маятника, барометрическія и другія, сколь пнѣющіеся способы, время и обстоятельства позволяютъ; 3-е) собирать сколь возможно вѣрныя свѣдѣнія о мѣстностяхъ ближайшихъ и удаленныхъ по разсирсамъ, а гдѣ съ безопасностію можно пройти, посредствомъ личныхъ наблюденій; особенное же обратить вниманіе на теченіе рѣкъ и направленіе горныхъ хребтовъ; 4-е) наконецъ собирать какъ можно болѣе свѣдѣній и о всѣхъ родахъ произведеній природы, въ сихъ мѣстахъ почти еще не пслѣдованныхъ, а потому еще болѣе заслуживающихъ вниманія ученаго испытателя.

Въ Октябрѣ того же 1831 года эта экспедиція возвратилась, окончивъ свои труды, и Карелинъ, отдохнувъ короткое время въ своей семьѣ въ Оренбургѣ, возвратился въ ставку хана Джангера; а въ Мартѣ 1832 г. Карелинъ получилъ, черезъ посредство графа Сухтелена, Высочайшее повелѣніе изслѣдовать сѣве-

ро-восточные берега Каспійскаго моря, при чемъ назначенъ главнымъ начальникомъ этой уже морской экспедиціи, при четырехъ судахъ и 170 человѣкахъ Уральскаго Казачьяго Войска. Это лестное и пріятное для него порученіе исполнено имъ въ концѣ Августа 1832 г., и въ бумагахъ Карелина мы находимъ весьма изъяснительную благодарность графа Сухтелена за превосходное веденіе и исполненіе этой экспедиціи, представившей: 1. Дневникъ, или путевыя записки. 2. Морской Журналъ. 3. Астрономическія и магнитныя наблюденія. 4. Объ обмелѣніи устьевъ Урала въобщее Каспійскаго моря. 5. О морскомъ разбоѣ въ сѣверной части Каспійскаго моря. 6. О тюленьемъ промыслѣ. 7. Объ Уральскомъ морскомъ рыболовствѣ. 8. Сигнальная тетрадь. 9. Отчеты по издержкамъ экспедиціи.

Къ симъ представленнымъ графу Сухтелену статьямъ приложены слѣдующіе брульоны картъ и плановъ: 1, Карта меркаторская сѣверо-восточной части Каспійскаго моря. 2, Таковая же плоская съ обозначеніемъ пути экспедиціи. 3, Плоская карта залива Кайдака. 4, Плоская входная карта устьевъ Урала. 5, Карта Уральскихъ морскихъ дачъ. 6, 7, 8, и 9, Планы мидгихъ острововъ, на пути встрѣчавшихся. 10, Планъ горы Ямакъ-Айраклп. 11, Планъ восхода на Устюртъ въ горахъ Туманныхъ, и 12, Карта Индерскаго соленаго озера.

Экспедиція эта, продолжавшаяся 80 дней, стоила правительству всего 6711 р. 63 к.; да еще изъ этой суммы сдано, по возвращеніи въ Гурьевъ, обратно казенныхъ вещей, въ родѣ судовъ, снастей, оружія и фуража, на 2000 ассиг.

Вслѣдствіе особаго о томъ донесенія Оренбургскаго военнаго губернатора графа Сухтелена, Карелинъ былъ вызванъ въ Петербургъ. Предложенное имъ мнѣніе объ основаніи военнаго укрѣпленія въ заливѣ Кайдакъ, въ Туманныхъ горахъ, на утесѣ Кизилъ-Ташъ, обратило вниманіе правительства какъ по необходимости, такъ и по чрезвычайно-удобно-

му мѣстоположенію. Глубокій портъ съ моря, превосходные ключи свѣжей прѣсной воды на вершинѣ Кизиль-Таша; обиліе камня, извести и глины для построекъ, близость сообщенія морскимъ путѣмъ съ Гурьевымъ (всего три дня плаванія даже парусныхъ судовъ), благодаря всему этому крѣпость представила бы удобнѣйшую станцію для войскъ при имѣвшихся тогда видахъ на Хиву, отъ которой Кизиль-Ташъ отстоитъ на 12 дневномъ разстояніи верблюжьего хода и 6 дняхъ коннаго пути.

Въ Петербургѣ Карелинъ лично далъ объясненія во всѣмъ этимъ предметамъ и подтвердилъ свое мнѣніе бывшему тогда министру иностранныхъ дѣлъ графу Нессельроде и начальнику Азіатскаго департамента К. К. Родофиникину, которые узнали въ немъ человѣка не только способнаго, но и весьма внимательнаго ко всѣмъ практическимъ пользамъ Отечества. Государь приказалъ его представить къ себѣ и долго бесѣдовалъ съ нимъ.

Карелинъ былъ въ это время уже основательно знакомъ со степями и горами, простирающимися отъ Оренбурга до Каспійскаго моря. Свой человѣкъ между Киргизами и казаками, онъ равно привлекалъ и тѣхъ и другихъ особю прямою и простотою обращенія: къ нему охотно шла люди, охотно сообщали ему о своихъ нуждахъ, цѣляхъ и о характерѣ взаимныхъ отношеній между всѣми этими кочевыми и нековыми людьми всѣхъ сословій и племенъ. Туркмены и Киргизы, то ссорясь, то мирясь и передавая другъ другу Русскихъ поиманныхъ врасплохъ, продавали ихъ невольниками въ Хиву. Ознакомясь близко и лично съ этимъ положеніемъ вещей, Карелинъ былъ убѣжденъ въ необходимости Русскаго укрѣпленія на восточномъ берегу Каспійскаго моря при выше упомянутомъ Кизиль-Ташѣ.

Вскорѣ, а именно въ 1833 году, онъ получилъ приказаніе готовиться съ этою цѣлью къ новой секретной экспедиціи подъ его непосредственнымъ началь-

ствомъ. Онъ сдѣлалъ смѣту ея и, простиаясь съ семьей въ Оренбургъ, отправился въ Уральскъ и Астрахань для закупки необходимыхъ матеріаловъ, найма рабочихъ, судовъ и проч. Заготовивъ всё зимою 1833 года, онъ 2 Мая 1834 года вступилъ на Кизиль и заложилъ крѣпость; а 22 Іюля того же года крѣпость была освящена, со всею торжественностію, подобающе случаю и названа Ново-Александровскою. Да позволено намъ будетъ, для лучшаго знакомства какъ съ Ново-Александровскою, такъ и съ строителемъ его, помѣстить здѣсь одно изъ писемъ Карелина къ Константину Константиновичу Родофиникину.

„Виноватъ передъ вашимъ прев.; давно не писалъ, но не безъ причины: мнѣ хотѣлось пооглядѣться на новосельѣ, чтобы не напугать чего нибудь сторича. Теперь надѣюсь отдать отчетъ вѣрный и основательный. Вашему пр. уже извѣстно, что 2 Мая, съ Божіею помощію, мы вышли благополучно на Туркменскій кряжъ, въ урочище Кизиль-Ташъ, при подошвѣ такъ называемыхъ Туманныхъ горъ. Киргизы встрѣтили было насъ грозно, съ шумомъ и суматохою; но дѣло обошлось безъ хлопотъ. Потолковавъ немного, человѣкъ 1000 ордынцевъ при первой срезанной на берегъ пушкѣ начали довольно скоро взбираться на ближнія и дальнія скалы. Немногимъ оставшимся на берегу, въ почтительномъ однакожь разстояніи, я растолковалъ о цѣли нашего прихода и ожидающихъ ихъ великихъ выгодахъ. Они, повидимому, успокоились и, узнавъ, что мы имѣемъ на судахъ разные предметы для мѣны, сдѣлались посмѣлѣе. Одинъ старшина, подѣхавъ ко мнѣ, поздравовался со мной поордынски. Я облакалъ его и одарилъ, такимъ же образомъ поступилъ я и съ ободрившимися его товарищами. Въ сей день свели артиллерію и окопались. На слѣдующій, принявъ всѣ предосторожности, взошли на верхъ къ мѣсту будущаго Ново-Александровска. Мы за-

стали всё, въ томъ же видѣ, въ какомъ оставили 1832 года. Мигомъ усердные казаки натаскали плитняку, и въ полдня редутъ выросъ какъ будто вытянутый пазъ земли за уши. Въ остальную половину дня, перевезли шесть орудій и разчистили ключъ. Хотя съ берега только двѣ съ половиною версты, но дорога самая трудная. Теперь она смотритъ повеселѣе, но всё еще крута и утомительна. Устюртъ возвышается надъ заливомъ на 100 сажень. На третій день принялись за инструментальную съёмку и возку тяжестей въ верхній редутъ. Киргизы мало по малу начали дружить съ нами, привозили и пригоняли на мѣну барановъ; но лошадей и верблюдовъ не продавали, вѣроятно по общему предварительному соглашенію, чтобы отнять у насъ средства развѣзжать по дальнимъ мѣстамъ. Однакоже 5 числа отдали въ наёмъ верблюдовъ для перевозки провіанта. Примѣтя, что они крайне боятся, чтобы мы не забрались въ ихъ аулы, и совершенно успокоилъ ихъ на этотъ счётъ, и въ первое Воскресенье, когда охотники наши, вопреки строгаго запрещенія, забрели въ аулъ выпить кумысу, наказалъ ихъ въ присутствіи 30 ордынцовъ. 7-го числа случилась бѣда: два молодые казака бѣжали изъ укрѣпленія и унесли мой портфель. Хотя всё доказывало, что казаки бѣжали сами, но я притворился, будто полагаю ихъ увезенными и задержалъ 8 Киргизцевъ изъ 15 бывшихъ въ лагерѣ. Мѣра эта вполне оправдалась: казаки привезены съ Эмбы 3-го Юня, и арестованные Киргизы выпущены съ честію и подарками. Задержаніе Киргизцевъ не нарушило мирныхъ нашихъ сношеній: мы продолжали мѣну, которая равно была прибыльна для нихъ, приобрѣтавшихъ нужныя вещи за половину той цѣны, какую принуждены платить въ Хивѣ, и для насъ, получавшихъ барана за три рубля ассигн. по Астраханскому курсу. Тягостная работа отряда требовала мясной порціи казакамъ, которая имъ симъ средствомъ и выдавалась“.

„18 Мая торжественно заложенъ Ново-Александровскъ. Солдаты, казаки, матросы пили, пѣли, веселились и шумѣли цѣлую ночь. Ново-Александровское укрѣпленіе состоитъ изъ двухъ бастіоновъ и двухъ полубастіоновъ, примыкающихъ къ крутому обрыву Устюрта и слѣдовательно съ сей стороны самую природою укрѣпленному; однакоже и тутъ выведенъ небольшой валъ. Косоломанная линія вытянута плетомъ. Валъ складывается изъ тесаннаго плитняковаго камня отъ 7 1/2 до 9 футовъ вышиною, 5 футовъ въ основаніи и 3 фута по кронѣ. Ровъ вырывается послѣ кругомъ нсей крѣпостцы. Въ 15 сажняхъ отъ стѣны ея идетъ каменная засѣвка, которая не только кавалерію, но и добрую Европейскую пѣхоту заставитъ призадуматься. Засѣвка шириною въ двѣ сажени и состоитъ изъ врытыхъ въ землю ребрами острыхъ камней отъ 6 вершковъ до 3/4 аршина и отстоящихъ одинъ отъ другаго на 3 и до 6 вершковъ. Укрѣпленіе посредствомъ покрытаго пути соединяется съ ключемъ, надъ которымъ строится каменная двурусная башня съ бойницами. Вотъ бѣглый очеркъ нашего Ново-Александровска, съ котораго видъ на рейдъ, заливъ и понижающіяся къ нему скалы прекраснѣй. Работа такъ идетъ скоро, что 22 Юля надѣюсь освятить главные работы и нѣсколько деревянныхъ строеній. Укрѣпленіе въ окружности до 620 сажень и можетъ вмѣстѣ около 100 дворовъ, кромѣ церкви съ небольшою площадью и бастіономъ, которые останутся не занятыми“.

„23 Мая прибылъ ко мнѣ адъютантъ его свѣтлости князя Меншикова, лейтенантъ Васильевъ, молодой бойкій морячокъ, котораго, сходно съ волею В. А. Перовскаго, собственныхъ его желаній и способностей и съ настоящею потребностію, послалъ я повѣрять съѣрвный и западный берега полуострова Бузачи, заливъ Качакъ и Мангишакскій прибрежный кряжъ. Выѣстъ съ тѣмъ узналъ я, что при заливѣ Качакъ разгуливаютъ морскіе разбойники и посѣтѣ-

шилъ отправить молодца на славное и вѣрное дѣло, давъ ему 35 Уральцевъ и легкое судно съ пушкою и фальконетомъ. Что-то онъ подблываетъ; а я, признаюсь, начинаю беспокоиться: вотъ 3 недѣли, а его нѣтъ какъ нѣтъ. Пора-бы!“

„8 Юня посѣтили меня бей, или почетнѣйшіе изъ здѣшнихъ ордынцевъ. О семъ примѣчательномъ свиданіи прилагаю копію съ рапорта моего е. п. Оренбургскому в. губернатору“.

„Вѣрить имъ плохо, и полагаться ни въ какомъ случаѣ нельзя: обманываютъ безпрестанно и безъ нужды, вѣроятно чтобы не разучиться; но кажется, имъ очень плохо отъ Хивинцевъ и Туркменъ“.

„Хивинскій ханъ разсердился, узнавъ о нашемъ нечаянномъ посѣщеніи; приказалъ Узбекамъ кормить лошадей, требовалъ отъ Адаевцевъ и Табынцевъ аманатовъ; но всё это не можетъ имѣть никакихъ дальнѣйшихъ послѣдствій, ибо онъ отпустилъ караваны въ Оренбургъ и Астрахань. Послѣдній долженъ проходить мимо укрѣпленія въ двухъ только суткахъ; теперь онъ еще колеблется, какъ ему слѣдовать въ новый Мангишлакъ, т. е. Тюкъ-Караганскую пристань, обычное мѣсто, откуда перевозятъ товары въ Астрахань и къ намъ. Наше мѣсто представляетъ имъ многія преважныя выгоды: 1-е) Караванъ избавится хлопотъ и издержекъ 12 дневнаго лишняго хода. 2-е) Будетъ находиться не во власти вѣчно враждующихъ между собою кочевыхъ племенъ, но подъ защитою укрѣпленія. 3-е) Не подвергнется опасности и издержкамъ при переѣздкѣ за море. 4-е) Получить возможность, вмѣсто одного рейса въ годъ, совершить три, четыре и пять, и будетъ то дѣломъ домашнимъ: ибо отсюда въ Хиву руку подать“.

„Есть много выгодъ другихъ, но предѣлы сего письма и терпѣніе в. п. истощаются“.

„Смѣтливые и оборотливые люди развѣзжаютъ по ордѣ и въ другихъ мѣстахъ, Посредствомъ ихъ надѣюсь вез-

дѣ имѣть глаза и уши; на пользу Его Величества надѣюсь быть полезнымъ и затѣялъ двѣа добрыхъ“.

„По Аральскому морю, путь къ Хивѣ другой; но оба ведутъ къ одной цѣли: непосредственной торговлѣ съ Индіей. Сколько до сихъ поръ могъ я развѣдать, по устьямъ Аму-Дарьи идти можно; слѣдовательно, имѣя уголь на Аральскомъ морѣ и волоскомъ не трогая Хиву, можете отъ нея вынудить всё: и нашихъ несчастныхъ плѣнныхъ, и уплату за многочисленныя потери отъ ихъ грабежей, и свободный по рѣкѣ путь въ большую Бухарію, и далѣе до воротъ Индіи“.

„Простите в. п.: увлекся; сажу у источника и вижу устья“.

Не совсѣмъ напрасно увлекся Карелинъ. Посылаемые имъ въ Хиву люди, какъ для узнанія пути, такъ и для приглашенія Хивинскихъ каравановъ идти по этой новой дорогѣ торговли, возвратились съ успѣхомъ на 17-й день отъ того дня, какъ вышли изъ Ново-Александровска, — за тѣмъ, что цѣлыхъ три дня были задержаны въ Хивѣ ханомъ и его министромъ торговли, Нязомъ. Вездѣ по дорогѣ, кочевые жители изъявляли радость отъ постройки Русскими новаго города, обѣщавшаго имъ покровительство отъ хищниковъ и средство мѣны и торговли въ такомъ близкомъ отъ нихъ разстояніи. Журналъ, веденный переводчикомъ Карелина, Армяниномъ Турпай-Тарапеевымъ во время ихъ поѣздки въ Хиву и обратно, очень интересенъ и доказываетъ несомнѣнно краткость и удобство этаго пути, имѣющаго много колодцевъ годной къ употребленію воды.

Объ естественныхъ произведеніяхъ около Ново-Александровска Карелинъ писалъ къ Перовскому такъ: „Не подалеку отъ Ново-Александровска есть соленый ручеекъ, которому Ордынцы приписываютъ цѣлебныя свойства; далѣе течетъ горная смола, еще далѣе бѣлая нефть, и наконецъ гора Кара-Тау съ разными минералами, гдѣ, по увѣренію ордынцевъ, видны древнія копи, вѣ-

роятно мѣдныя, ибо другихъ формаціи горъ не общаетъ. — Есть и еще кое-какія ископаемыя соли и даже селитра. Въ изобиліи и подлѣ насъ великолѣпный бѣлый камень, котораго многіе куски попадаются совершенно годными для литографіи, и такъ называемый икряной камень. Образцы ихъ вскорѣ вамъ пришлю“.

Въ Августѣ, заинтересованный всѣми донесеніями Карелина, Перовскій посѣтилъ его въ Ново-Александровскѣ, остался изумленъ всѣмъ видѣннымъ и говорилъ, что крѣпость превзошла его ожиданія. Работы были кончены, люди здоровы, и Карелину позволено возвратиться домой въ Оренбургъ въ семью, что онъ и сдѣлалъ, сдавъ крѣпость гарнизону. Но не успѣлъ Карелинъ отдохнуть дома, какъ (въ Генварѣ 1835) былъ возмущенъ извѣстіемъ, сообщеннымъ ему лично В. А. Перовскимъ о томъ, что провіантъ для гарнизона Ново-Алекс. крѣпости, закупленный въ Астрахани и отправленный оттуда на двухъ судахъ, по недобросовѣстности командированныхъ съ нимъ (прапорщикова Кокушкина и Куликова) заимовалъ при устьяхъ Урала и не можетъ достигнуть по назначенію. Карелинъ горячо принялъ къ сердцу это дѣло, зная гибельныя слѣдствія такой оплошности для гарнизона излюбленнаго имъ Ново-Александровска. Онъ предложилъ тотчасъ отправиться самому на мѣсто для поправки этого дѣла и тѣмъ, такъ сказать, снялъ камень съ весьма озабоченнаго всей этой исторіей Перовскаго. Черезъ нѣсколько дней и ночей безустанной скачки, Карелинъ очутился въ Гурьевѣ-городкѣ и живо нагрузилъ провіантъ на сто казачьихъ саней. Конвоируемый любезными его сердцу Уральскими и Гурьевскими казаками, по льду взморья и берегами Каспійскаго моря, Карелинъ благополучно и во время доставилъ провіантъ въ Ново-Александровскѣ на удивленіе и радость страшившагося голодной смерти гарнизона.

Любопытенъ одинъ изъ эпизодовъ эта-

го похода. Крѣпость была уже въ виду обоза, когда одинъ изъ верблюдовъ, навьюченный пушкою, и сани, на которыхъ ѣхалъ самъ Карелинъ, вдругъ ушли подъ ледъ, проломившійся неожиданно. Казаки бросились и вытащили Карелина; черезъ часъ всё было доставлено со дна морскаго, всё до послѣдней бездѣлки. Спасли не только Карелина, но и пушку, и верблюда, и шкатулку съ казенными деньгами, даже мелкія вещи Карелина. Самъ онъ, мокрый съ головы до ногъ, дождавшись когда казаки вынырнули назадъ, вскочилъ на верховую лошадь и скакалъ по взморью 7 верстъ до Ново-Александровска, при рѣзкомъ вѣтрѣ и нѣсколькихъ градусахъ мороза, отчего всё на немъ платье такъ обледенѣло, что онъ сравнивалъ себя съ грѣцкимъ орѣхомъ въ сахарной коркѣ. Казенныя деньги въ кредитныхъ билетахъ, промоченныя въ глубинѣ, были имъ высушены на веревочкахъ и въ неизмѣнной цѣлости доставлены въ Оренбургъ начальству, всё съ явными признаками пребыванія на днѣ морскомъ.

Въ то время Карелинъ пользовался желѣзнымъ здоровьемъ и непобѣдимой силой духа въ предпріятіяхъ. Онъ платился только насморкомъ и легкой ломотой рукъ за эту продѣлку, которую любилъ рассказывать въ кругу пріятелей съ самыми веселыми шутками на свой счетъ и съ искреннимъ энтузіазмомъ въ пользу Уральского казака, которому нѣтъ равнаго во всякомъ дѣлѣ молодечества, ловкости, удалой рѣшимости, преданности долгу и выносливости всего что бы ни послалъ ему Богъ испытать. Карелинъ зналъ этихъ людей и на морѣ и на сушѣ, въ жестокіе бураны снѣжныхъ степей, во льдахъ и впоследствии въ знойныхъ, безводныхъ равнинахъ Туркменіи и на высотахъ Балханскихъ горъ, и въ бури морскія. Казакъ вездѣ — одинаковъ: онъ вѣчный побѣдитель всѣхъ преградъ природы и собственныхъ нуждъ и испытаній. Карелинъ любилъ казаковъ искренно, вос-

торженно имъ вѣрилъ, и никогда они этой вѣры не обманули, воздавая ему тѣмъ же. У нихъ въ Гурьевѣ онъ и скончался, поплатившись на старости лѣтъ полнымъ параличемъ ногъ въ два послѣдніе года своей жизни (отъ 1870 до конца 1872), но сохранивъ до конца ясный свѣжій умъ и теплое чувство.

Въ 1836 году по высочайшему повелѣнію во главѣ новой экспедиціи, Карелинъ совершилъ подробный осмотръ всѣхъ восточныхъ и южныхъ береговъ Каспійскаго моря и его острововъ. Онъ сдѣлалъ новыя, болѣе прежнихъ вѣрныя карты береговъ и заливовъ Каспійскаго моря. На сушѣ онъ вдавался въ глубь степей Туркменскихъ, описалъ устья и рукава древняго Оксуса или Аму-Дарьи, посѣтилъ съ помощью каравана верблюдовъ (нанятыхъ съ проводниками) независимое Туркменское племя Юмудовъ, Балханскія горы, достигъ до ихъ вершинъ и изслѣдовалъ ихъ какъ путешественникъ и естествоиспытатель, также и острова Челекенъ и Огурчинскій, изобилующіе нефтью и солью, и часть берега Хивинцамъ принадлежащаго. Карелинъ былъ въ Астрабадскомъ заливѣ съ цѣлію завести торговыя сношенія нашего купечества съ Персіей, и въ концѣ 1836 года экспедиція его блистательно окончила всё что ей предназначалось совершить и сдала свои отчеты въ С. Петербургъ.

Прилагаемъ здѣсь три письма Карелина къ женѣ его, въ надеждѣ, что читатель не посѣтуетъ на насъ, читая эти письма.

«10-го Іюня 1836 года. При устьѣ рѣчки Багу, въ Астрабадскомъ заливѣ, въ Персіи».

„Хотя я и давно, очень давно разлучился съ вами, мои друзья, но ни въ какую изъ прежнихъ моихъ поѣздокъ не вспоминалъ объ васъ такъ часто какъ въ эту. Совершенно новый край и новыя ощущенія безпрестанно заставляли меня думать объ васъ и попеременно радоваться и сожалѣть, что васъ нѣтъ со мною“.

„19 Мая, утромъ, снялись мы съ якорей и, отсалютовавъ Бакинскою крѣпости 7-ю выстрѣлами, отправились на восточной берегъ Каспійскаго моря. На другой день были уже на такой глубинѣ, что никакимъ лотомъ дна не доставали, но къ вечеру встрѣтили насъ перемѣнные вѣтра, уклонявшіе то въ ту, то въ другую сторону. Время настало скучное. Ты знаешь, какъ легко занимаетъ и радуетъ меня всякая бездѣлушка. Я велѣлъ учить Алешу, Григорья Масленникова и нѣкоторыхъ ихъ сверстниковъ лазить по вахтамъ на верхъ мачтъ, которыя на нашемъ шкуутѣ имѣютъ 13 сажень вышины; а чтобы пристыдить малодушныхъ, то матросы вмѣстѣ съ нами начали учить тому же ремеслу шестинедѣльныхъ котятъ. Увѣряю тебя, что, при всей твоей скупости, ты дала бы 5 р. за билетъ, чтобы посмотреть на гримасы Алеши. Однакожъ онъ выучился и до того сталъ смѣлъ, что съ Масленниковымъ спалъ на марсахъ. На четвертый день настала буря, но за великою глубиною стая на якорь не было возможности. Насъ таскало и качало порядкомъ. Ночью разлучились мы съ развѣзднымъ судномъ „Васильемъ“, и это несчастіе было тѣмъ для насъ чувствительнѣе, что въ шкуутѣ нашемъ Св. Гаврилъ оказалась сильная течь, такъ что въ сутки прибыло воды въ трюмъ или низу корабля на 1½ аршина. Насилу успѣвали выкачивать. Порохъ и муку начало подмачивать, а волны, ударя въ борты и корму, повредили висѣвшія тамъ небольшія лодки. Положеніе наше тѣмъ было досаднѣе, что иногда усматривали съ вершины мачтъ землю, а пристать не имѣли возможности. Признаться ли тебѣ? Въ это горькое время меня утѣшали: три пѣтуха, три перепела и двѣ красныхъ куропатки. Пѣтухи и Алеша ходили на воляхъ, а прочіе сидѣли въ клеткахъ и безпрестанно рвались вонъ на драку. Наконецъ 25 Мая стали мы на якорь у полуострова Дервиша, соединяющагося съ о-вомъ Челекеномъ или Нефтянымъ.

Тутъ вырыто до 1000 колодцевъ, изъ которыхъ Туркмены добываютъ нефть и продаютъ въ Персіи. Тамъ употребляется она на освѣщеніе, вмѣсто свѣчь, которыхъ тамъ не знаютъ, разумѣется простолудины. Пустыня въ этого мѣста трудно себя представить. Песокъ, кое-гдѣ бугорки, и ни капли прѣсной воды. Кругомъ бушуетъ море; изрѣдка увидишь птицу, и то какого-нибудь баклана или рыболова. Мы поспѣшили оставить эту обиженную природой землю и, поднявъ паруса, вошли въ проливъ, между материкомъ Туркменіи и островомъ Огурчинскимъ, къ которому пристали 27 Мая. Тутъ тоже большею частію песокъ, но есть кустарникъ, прѣсная вода, бахчи, стада домашняго скота и дикихъ козъ. Нѣтъ только людей, изрѣдка сюда навѣщающихъ, и слава Богу! Потому что лучше жить съ куклами Сюски, нежели съ ними. Положеніе о-ва Огурчинскаго и возможность будущихъ выгодъ для нашего Отечества заставили меня командировать Алешу для съемки съверной его части. На другой день, генеральнаго штаба капитанъ Бларамбергъ, не знающій съемки, стоя на высококомъ, песчаномъ бугрѣ, въ кустарникѣ, съ инструментомъ, просилъ меня показать ему вѣкоторыя приемы; я въ это время только что выкупался и сидѣлъ въ одной рубашкѣ на морскомъ берегу. Вмѣсто того, чтобы обуться, я побѣжалъ къ нему босой; на вершинѣ бугра песокъ подо мною осыпался, я поѣхалъ внизъ, и остріемъ одного засохшаго корня распоролъ себя лѣвую ногу до кости. Вотъ были страданія! Однакожь, благодаря Бога, здоровое мое сложеніе помогло, и чрезъ семь дней я могъ ходить. Отъ о-ва Огурчинскаго поплыли мы на Югъ, вдоль восточныхъ береговъ; пробѣжали бугры Зеленый и Бѣлый, на которыхъ въ грязныхъ песчаныхъ ямахъ, вода безпрестанно кипитъ и пучится. 29 Мая положили якорь противъ главнаго Туркменскаго селенія Гассанъ-Кули. Море здѣсь такъ отлегло, что мы остановились отъ берега

не ближе 14 верстъ. Здѣсь нашли мы суда купца Герасимова, находящіяся въ моемъ распоряженіи, а вмѣстѣ съ ними и развѣдное судно „Василій“, разлучившееся съ нами во время бури. На одномъ изъ шкоутовъ находился Иванъ Маслениковъ, посланный мною впередъ изъ Астрахани. Онъ былъ въ Туркменіи съ письмомъ отъ меня къ одному хану и выполнилъ порученіе успѣшно. Начались посѣщенія отъ Туркменъ и ихъ старѣйшинъ, до того мнѣ надоѣвшихъ, что я велѣлъ поднять паруса и пошелъ въ Астрабадскій заливъ, въ Персію, куда мнѣ надобно было поспѣшать для починки шкоута. За 70 верстъ открылись предъ нами великолѣпныя горы, идущія вдоль Астрабадскаго залива. 2-го Іюня вошли мы въ заливъ и положили якорь между устьями рѣчекъ Кара-Су и Багу. Повсемѣстно рисовались прелестнѣйшіе ландшафты. Заливъ длиною въ 60 верстъ, а шириною въ 14. Берега его, отъ воды до вершины горъ, покрыты величественнымъ лѣсомъ, состоящимъ большею частію изъ плодовыхъ деревьевъ. Верстахъ въ семи отъ берега начинаютъ круто вздыматься живописныя горы. Мы съѣхали на берегъ и при устьѣ рѣчки Багу разбили лагерь, т. е. поставили палатки, свезли пушку, инструменты, постели, кузницу, пустыя бочки и 40 человекъ козакъ. Все было для насъ ново. Вмѣсто пустынныхъ, обнаженныхъ степей Туркменіи, предъ нами разливалась изумрудная зелень. Растительная сила такъ велика, что съ трудомъ можно поддерживать небольшія дорожки и, какъ мы послѣ увидѣли, не только деревни, но и городскіе валы кругомъ стоятъ въ густомъ лѣсу фруктовыхъ деревьевъ. Я исчисляю тебѣ тѣ деревья и кустарники, которые росли вокругъ и неподалеку отъ нашего лагеря: дубъ, восточный платанъ, желѣзное дерево, самшитъ, азатъ, букъ, много мнѣ неизвѣстныхъ, грѣчкіе орѣхи, большія фиговыя и шелковичныя деревья, квиты, дули, абрикосы, персики, кизылъ, азгилъ, урюкъ,

сливы, алыча, груши, яблони, но болѣе всего разнородныя гранаты со множествомъ большихъ, пунцовыхъ цвѣтовъ, и дикаго винограду, который, восходя на верхъ высочайшихъ деревьевъ, висѣлъ оттуда фестонами и гирляндами. Подъ небомъ палищимъ, на берегу рѣчки, въ непроницаемой тѣни, наслаждались мы райскою прохладою. Прибавъ къ этому множество соловьевъ и дикихъ чудныхъ звѣрей, и ты выразишь, сколько тѣшила и радовала меня природа. Черезъ нѣсколько дней отправились мы въ горы. На дорогѣ была Персидская деревня, первая, которую мы увидели. Мы зашли къ беку или владѣльцу помѣстья, натурально до зубовъ вооруженные. Среди обширнаго, чистаго двора, стоялъ исполинскій, густолиственный платанъ, и подлѣ него колодезь; съ одной стороны былъ домъ съ разными пристройками, изъ которыхъ украдкою отъ Персіянъ, высматривали и выходили бабы и дѣвки, одѣтыя въ красныя платья. На дворѣ подъ деревомъ разостлали для насъ ковры и войлокъ, потчивали разною дрянью и засыпали вопросами. Народу столпилась бездна: все черныя хари съ орлиными носами и сверкающими глазами. У большаго и малаго за поясомъ кинжалъ. Съ другой стороны тянулся неогороженный съ двора садъ бека, въ которомъ видѣлись толстыя апельсинныя, бодрячныя, лимонныя и другія деревья. Болѣе всего досталось нашему доктору. Персіяне, какъ и всѣ Азіатцы, охотники лѣчиться: толпами лезли они къ нему, прося и требуя лѣкарствъ. За деревней, на пути въ горы, пересѣкли мы древнюю дорогу, вымощенную камнемъ асминомъ за 200 лѣтъ шахомъ Аббасомъ Великимъ, и тотчасъ начали подниматься въ гору, вдоль по извилистой рѣчкѣ, загроможденной страшными камнями. Красота лѣса еще болѣе увеличивалась отъ множества огромныхъ деревьевъ мимозы или чувствительнаго дерева, котораго чудная зелень убрана была множествомъ большихъ, благоуханныхъ,

розовыхъ цвѣтовъ, въ видѣ шелковыхъ кистей. — Мы ночевали на отдѣльной горѣ, на берегу съ шумомъ падающей рѣчки, въ густомъ бору. Картина ночлега, написанная нашимъ живописцемъ, прелестна. Мы зажгли пять костровъ подъ каштановыми деревьями и во всю ночь слышали ревъ барса и завываніе шакаловъ. Ничего не можетъ быть поразительнѣе, для непривычнаго человека, какъ вой шакаловъ, который то уподобляется воплю женщины, то крику ребенка, то лаю щенка и проч. и проч. — Тигровъ, барсовъ, дикобразовъ, куницъ, разнородныхъ оленей и антилопъ здѣсь много. Птицъ видѣли мало, но за то по берегу водились порфировыя курицы или султанки и фазаны. На другой день возвратились мы обремененные чудесными предметами естественной исторіи, за которыми ученый Нѣмецъ безъ башмаковъ и съ колпакомъ въ рукѣ пройдетъ 25 верстъ, не выпивши ни капли пива“.

*

«14 Юля 1836. Дворецъ въ садахъ шаха Аббаса Великаго въ Эшрефѣ, на берегу Астрабадскаго залива».

.....„Пищу къ тебѣ подѣ влияніемъ восхищенія изъ мѣста, какихъ мало на земномъ шарѣ и о которомъ читалъ только въ сказкахъ Шехеразады. Подобныхъ ты и во снѣ не видала. Но надобно начать выше. Шкоутъ Св. Гавріилъ, какъ я уже писалъ къ тебѣ, остановился на якорѣ противъ устья Персидской р. Багу, не подалеку отъ входа въ Астрабадскій заливъ, который мнѣ смертельно хотѣлось осмотрѣть; я много читалъ объ остаткахъ дворцовъ и великолѣпныхъ садахъ въ Эшрефѣ, городкѣ, расположенномъ въ концѣ залива. Но какъ туда ѣхать? Къ нашему счастью, прибылъ изъ Гілянъ старинный мой знакомецъ, нѣкто г. Ходзько, служащій при посольствѣ въ Тегеранѣ. Мы увидѣлись съ нимъ и условились, чтобы онъ выпросилъ у областного правителя дозволеніе посѣтить Эшрефѣ и его

окрестности. Такъ и сдѣлалось. Этотъ благоприятный случай, кромѣ удовлетворенія пустаго любопытства, сопряженаго съ потерей времени, далъ мнѣ возможность описать и снять Астрабадскій заливъ, невѣрно положенный на карту. Оставя шкюуть, сѣли мы въ гребныя суда и поплыли вдоль береговъ, внутрь залива. Повсюду, между плодовитыхъ лѣсовъ и кустарниковъ, видѣлись поля, засѣянные рисомъ, хлопчатую бумагою и кунжутномъ. Нельзя вообразить каторжнѣе работы воздѣлыванія и уходу за сарочинскимъ пшеномъ. Растетъ оно не иначе какъ въ мѣстахъ топкихъ, въ которыхъ бѣдные поселенцы, стоя выше колѣна въ болотѣ, или рассаживаютъ, или пересаживаютъ, или по нѣскольку разъ полютъ рисовые кустики. Это продолжается 2½ жарчайшихъ мѣсяца.

Мы миновали съ 20 рѣчекъ, часто выходили на берега и вездѣ любовались чрезвычайною силою растительной природы. На третій день прѣехали къ устью Ша-каля, впадающей въ заливъ противъ Эшрефа. Ходякъ былъ уже въ садахъ и прислалъ намъ семь чудныхъ Персидскихъ коней, на которыхъ поѣхали я съ Бларамберомъ, Фелькнеромъ, докторомъ Заблоцкимъ, Маслениковымъ, переводчикомъ и живописцемъ.

До мѣстечка Эшрефа ѣхали мы густымъ лѣсомъ по северной тропѣ, и частію цѣликомъ по рисовымъ полямъ, около 10 верстъ. Непримѣтно взвѣхали въ Эшрефѣ, скрытый въ садахъ, и наконецъ приблизились къ первымъ, полуразвалившимся воротамъ, надъ которыми уцѣлѣлъ еще изваянный Персидскій гербъ: покоящійся левъ и заходящее солнце. Но лишь переступили эти остатки гдѣнія, какъ представилось намъ величественное зрѣлище. Прямо передъ нами, въ нѣкоторомъ отдаленіи, возвышалось зданіе, выстроенное извѣстнымъ завоевателемъ Надиромъ, на мѣстѣ прежде бывшаго главнаго дворца; съ боковъ и за чашею деревъ выказывались прелестнѣйшіе павильоны; отъ воротъ къ главному зданію ведетъ, черезъ рядъ кас-

кадовъ и бассейновъ, чистѣйшій водопроводъ, котораго вѣтви расходятся во всѣ стороны сада и проходятъ чрезъ всѣ зданія. Повсюду, на великое пространство, разсажены алеи и рощицы самыхъ исполинскихъ и рѣдкихъ Индѣйскихъ деревьевъ. Кипарисы стрѣлою высятся въ полтора раза выше нашей Оренбургской Петропавловской колокольни; кедръ, каштаны, апельсины, наридждъ и туринджъ, померанцы, лимоны, смоквы, и другія диковинныя деревья были толщины и вышины необыкновенной. Съ благоговѣніемъ и восторгомъ вошли мы въ открытую съ обѣихъ сторонъ залу дворца, поддерживаемую колоннами. Стѣны ея покрыты полуистертою живописью; полъ вымощенъ огромными плитами; по срединѣ протекаетъ кристальная вода и, приходя чрезъ три бассейна, съ шумомъ стремится внизъ по круто поставленному каменному скату. Прохлада въ этомъ каменномъ гротѣ манитъ къ нѣгѣ и наслажденію. Тутъ мы сдѣлали настоящій кейфъ и, налюбовавшись окружавшими насъ предметами, услыши на коврахъ вокругъ приготовленнаго Персидскаго обѣда, состоявшаго изъ разнородныхъ плововъ и одного превкуснаго Индѣйскаго кушанья, называемаго карри. Въ бассейнъ набросали вѣтокъ съ пышными жасминами, свѣжихъ огурцевъ и поставили на дно блюдо съ сливочнымъ масломъ, которое отъ того сдѣлалось очень благовононо.—Послѣ обѣда затянули каляны и, отдохнувъ немного, отправились осматривать павильонъ и садъ. Два павильона особенно хороши. Одинъ, нарочно назначенный для великихъ жаровъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ комнатъ, выведенныхъ гротами. Здѣсь, какъ и вездѣ, было много фонтановъ, которые теперь засорились. Наружныя и внутреннія стѣны наведены фарфоровою глазурью, расписаны и богато вызолочены. Во всѣхъ углахъ журчитъ вода; своды покрыты вьющимся виноградникомъ и плющемъ; въ трещинахъ стѣнъ растутъ гранатовыя деревья, и садовники держатъ коровъ и лошадей. Другой па-

вилонъ, Сеел-Абадъ, выстроенъ на ближайшей горѣ: онъ былъ любимымъ мѣстомъ пребыванія шаха Аббаса Великаго, строителя всѣхъ этихъ чудесныхъ палатъ. Зданіе окружено великолѣпными террасами и цвѣтниками; на террасахъ возвышаются кипарисы и Индѣйскія деревья. Павильонъ выстроенъ въ Восточно-итальянскомъ вкусѣ; весь въ большихъ фигурныхъ окошкахъ, но комнаты не велики. Съ балконовъ видна безконечная цѣпь горъ, весь заливъ и открытое море. Подъ зданіемъ устроенъ лабиринтъ и водохранилище. Тутъ же была и баня Аббаса Великаго“.

„Всѣ зданія съ зависящими отъ нихъ садами примыкаютъ къ высокимъ крутымъ горамъ, съ которыхъ низвергается множество ручейковъ, соединенныхъ въ водопроводы. Прежде росли здѣсь кофейныя, коричневые и другія деревья. Все это вырублено во время безконечныхъ междоусобій и, по словамъ стариковъ, нельзя узнать прежняго Эшрефа. Что же онъ былъ прежде? Я отдалъ бы три года жизни, чтобы имѣть удовольствіе въ кругу нашего семейства провести здѣсь одинъ мѣсяць. Прощай, милый другъ. Не могу складно писать. Идея гонить идею, не успѣваю ставить слова, и прелесть мѣста безпрестанно манитъ подъ тѣнь благовонныхъ рощъ. Передѣлуй дѣтей. Одинъ бекъ подарилъ мнѣ молоденькую антилопу неизвѣстной еще породы; я назвалъ ее Лизой, и она теперь любимица всего экипажа. За всѣми бѣгаетъ, выпрашиваетъ сахару, пьетъ чай, и нѣтъ ни одного изъ насъ, кого бы она ночью оставила безъ поливы. Какъ бы мнѣ хотѣлось привезти тебѣ нѣсколько деревцевъ апельсинныхъ и померанцовыхъ, которыя при насъ безжалостно рубили, какъ негодный кустарникъ“.

*

„Главный Астраханскій карантинъ при устьяхъ Волги, 14 Октября 1836.“

.....„Благодаря милосердаго Бога, я кончилъ экспедицію и, смѣю ду-

мать, съ честію и успѣхомъ. 11 числа утромъ, завидѣли мы четырехбугорный маякъ, первый предметъ роднаго берега, а вечеромъ положили якорь противъ карантина, у такъ называемой Бирючей косы. Здѣсь, по очистивъ всѣхъ нашихъ вещей и самихъ судовъ, просидимъ 14 дней и потомъ отправимся Волгою до Астрахани, куда отсюда 100 верстъ. Всевышнему угодно было сохранить насъ отъ опасности плаванія въ мѣстахъ неизвѣстныхъ, а частію и вовсе новыхъ, гдѣ во вѣки нога Русскаго не ступала. Всѣ возвратились здоровы. Последнее письмо мое, отправленное чрезъ Баку на легкомъ нашемъ развѣдномъ суднѣ, писано изъ Гассанъ-Кулинскаго залива. Помнится, я писалъ тебѣ, что тамъ было собраніе старѣйшинъ сильнѣйшаго Туркменскаго племени, и мнѣ удалось кое-что уладить къ выгодамъ Россійской промышленности и торговли. Оттуда, описывая берега, перѣехали мы на островъ Огурчинскій, который положи на карту, пустились мимо бывшаго Хивинскаго залива на о-въ Челекенъ или Нефтяной. Здѣсь видѣли нѣсколько псевдоволкановъ и удивлялись чрезвычайному изобилію нефти: во многихъ мѣстахъ, на вершинахъ холмовъ, нефть съ кипящею водою вырывается изъ подземныхъ хлябей и течетъ въ разныя стороны горячими ключами. Островъ представляетъ самый пустынный, печальный видъ: прѣсной воды ни капли; нѣтъ ни птицы, ни звѣря; но, не смотря на это, произведенія его, нефть и соль, доставляютъ пропитаніе многимъ сотнямъ Туркменъ. То и другое возятъ они въ Персію. Здѣсь 1800 нефтяныхъ колодцевъ. Оставя Челекенъ, вѣхали въ Красноводскій заливъ, гдѣ у порфириныхъ скалъ производили стѣмку, по окончаніи которой поѣхали въ настоящій Балханскій заливъ. По предварительному соглашенію съ Туркменами, я рѣшился посѣтить устья древняго Оксуса (Аму-Дарья) и самыя Балханскія горы, величественно предъ нами возставшія. До нихъ надобно было идти сухопутно болѣе 100 верстъ, и

предпріятіе было не безопасно, потому что невдалекѣ отсюда стоялъ Хивинскій отрядъ въ 1500 человекъ, и сверхъ того развѣзжали воровскія шайки Туркменскихъ племенъ Теке и Гокланъ. Но и хотѣлъ сдѣлаться достойнымъ довѣренности, которую почтало меня правительство и составилъ маленькій караванъ. Остави старшаго штурмана у о-ва Дагъ-Ады, съѣхалъ я съ большою частію казаковъ и всѣми чиновниками на полу-островъ Дарджу, откуда началась интересная наша экспедиція. Намъ, т. е. Русскихъ, было 45 человекъ. Туркменовъ подъ начальствомъ Кіать-Хана, 38 человекъ, нанято 24 верблюда и 5 лошадей собственно для насъ, и нѣсколько болѣе было подъ Туркменами. Мы отправились 7 Сентября, въ прелестное время, во все время похода намъ не изиѣнившее. На третій день поутру достигли перваго предмета нашего странствія: рѣки Актама, въ древности славнаго Оксуса; другой его рукавъ, идущій неподалеку въ остатки Хивинскаго залива, и по эту пору сохранилъ названіе Оксуса. Нѣкогда рѣка эта орошала плодоноснѣйшее государство, но теперь вода ея солона, и ширина не болѣе 35 сажень. Переправа представляла любопытное зрѣлище. 10 числа пошли къ Балханскимъ горамъ. Не вдалекѣ отъ теперешняго русла Актама, простирался другой изсохшій рукавъ въ 3 версты шириною. Не стану утомлять тебя топографическими, и историческими подробностями. Просто мы пришли къ Балхану, недоумѣван, какимъ образомъ попадемъ на его вершину, до которой почти перпендикулярный обрывомъ было 300 сажень, кромя 200 предварительныхъ; не такъ крутыхъ всходовъ. Одинъ изъ нашихъ проводниковъ, опытный охотникъ, завѣрилъ насъ, что хотя съ трудомъ, но взведетъ на самый верхъ. Мы подошли къ подошвѣ и видѣли почтеннаго барса, который съ легкостію кошки перепрыгивалъ съ камня на камень, но видно и ему путешествіе не обходилось даромъ: онъ ревѣлъ очень неосторожно.—На ут-

ро, запасшись сухарями и взявъ инструменты, начали мы взбираться. Я отдыхалъ на каждыхъ 100 шагахъ. Къ вечеру мы восторжествовали надъ всѣми препятствіями и ступили на высочайшую точку Балханъ. Вся окрестная страна открылась какъ на блюдечкѣ. Всѣ изгибы нѣкогда величественнаго Оксуса въ бѣлыхъ и голубыхъ лентахъ представились намъ почти на 70 верстѣ, и мы съ величайшею легкостію срисовали всѣ цѣпи подчиненныхъ Балхану горъ. Офицеры Муравьева, посылаемые имъ на первые уступы, не достигли и третьей доли той высоты, на которую мы вскарабкались“.

„Всѣ здѣшнія произведенія очень странны и носятъ особенный отпечатокъ оригинальности. Вершина Балханъ покрыта можжевельными деревьями, изъ которыхъ многія имѣютъ болѣе 10 вершковъ въ отрубъ; а въ лощинахъ растутъ въ изобиліи знаменитый кустарникъ, дающій *gummi galbanum* (особенную аптекарскую смолу, доселѣ произведеніе одной Африки.) Холодъ здѣсь ощутителенъ. Ночью термометръ 4° R., между тѣмъ какъ внизу было 11°. Довольно о Балханахъ, а то не кончу на 6 листахъ. 15 пустились въ обратный путь и шли такъ скоро, что 15 вечеромъ были уже на берегу полуострова Дарджи, противъ своихъ судовъ. 16 перебрались на шлюцъ. Изъ Балханскаго залива слѣдовали мы въ Карабугазскій, и были первые изъ Русскихъ, ступившіе на негостепріимные, страшные берега его. Здѣсь едва мы не погябли: одинъ Богъ спасъ насъ. Карабугазскій заливъ можетъ назваться отдѣльнымъ моремъ, имѣя болѣе 500 верстѣ окружности. Отсюда плыли далѣе и заключили нашу экспедицію описаніемъ заливовъ Александръ-Бей, Бектемиръ-Ишаха и береговъ до Тюкъ-Караганскаго мыса, отъ котораго поворотили поперекъ моря въ Волжскія устья. Поблагодарите Бога, мои милые!—Письма отъ тебя и бумаги отъ правительства должны теперь быть въ Багъ, а потому и недоумѣваю что дѣлать и доношу въ Петербургъ; въ ожи-

даніи отвѣта, просижу въ проклятой, мерзкой Астрахани, гдѣ буду приводить въ порядокъ всѣ бумаги. Много, много писалъ бы я къ тебѣ, еслибъ время позволило, но Богъ милостивъ, увидимся...
.....Сколько новыхъ сплѣтенъ ожидаетъ меня въ Астрахани и Оренбургѣ, и какъ многимъ будетъ досадно, что ни на морѣ, ни на сушѣ не беретъ меня лукавый!"

Въ 1841 году Карелинъ былъ посланъ съ ученою цѣлью въ Сибирь, и опять по Высочайшей волѣ. Въ Сибири этотъ неутомимый путешественникъ обозрѣлъ часть Китайскихъ границъ, хребты Алатавскихъ горъ и Тарбагатай, потомъ Алтай и въ продолженіи шестилѣтняго своего пребыванія въ Сибири не переставалъ снабжать С. Петербургскую Академію наукъ свѣдѣніями ей нужными, а университеты наши коллекціями естественной исторіи для ихъ музеевъ.

Страсть къ естественной исторіи отвлекла Карелина отъ государственной службы. Наукѣ исключительно посвятилъ онъ послѣдніе годы своей жизни.

Въ лѣто 1872 г. пожаръ истребилъ громадное количество его рукописей; самаго его больнаго на рукахъ вынесли изъ дома, объятаго пламенемъ. Глубоко огорченный потерей столькихъ трудовъ, онъ не долго пережилъ эту послѣднюю катастрофу и скончался 17 Декабря истекшаго 1872 года.

Софья Карелина.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

I. Письмо одного изъ начальниковъ Адовскаго рода.

Господину Карелину.

Во славу Бога и Пророковъ.

Сперва поклонъ, а послѣ слово. Почтенный, высокоблагородный и дѣятельный (Богъ исполнитъ бы Ваши желанія), поздравляю Васъ съ прїѣздомъ. Да будутъ слова Ваши приняты всеми, да будутъ остры мечи Ваши, да будутъ враги Вамъ покорны, да будутъ

прїатели Ваши нелицемѣрны. Богъ увѣнчаетъ путь Ваши успѣхомъ, достигнете предположенной цѣли и не унывайте. Киргизцы-воронье, Вы ястребъ; на тысячи вороновъ довольно одного ястреба, а Хивинцы-сороки. Киргизы какъ обезсилились и потеряли духъ, тому уже три года, а Хивинцамъ 9-ть лѣтъ; потому примѣчаю я сіе: ежегодно ѣзжу въ Хиву. Ханъ ихъ и вельможи говорятъ, что къ нимъ ѣдутъ Русскіе; прїискиваютъ средствъ къ оборонѣ, но, не найдя другаго, лучшаго, соглашаются изъявить покорность. Мысли Туркменъ и Каракалпаковъ таковыя: первые, по появленіи Русскихъ, надѣются откочевать къ Балханскому заливу, а другіе въ Бухарію; но око Киргизовъ не предвидитъ ничего. Однако думаютъ прїискивать средство и опасаются; завсѣмъ тѣмъ уйдти имъ не куда. Хорошіе просятъ моего совѣта, говоря, что я бывалый и много видалъ, но я представляю имъ: „не имѣете вы мѣста куда могли бы удалиться, съ Киргизами Малой Орды ссоритесь, удалились бы вы къ Ори, но и тамъ Русскіе построили городъ; будьте покорны тѣмъ же Русскимъ. Есть на Рыпъ-Пескахъ Киргизы, есть на Узекъ — Берши и Султаиъ - Сынна; ихъ Русскіе не трогаютъ и васъ не тронутъ, если успокоите присягою и будете жить мирно, и что Русскіе тверды на условіяхъ, а мы въ вѣрѣ“. Такъ я имъ совѣтую: они боязливы; по первомъ вашемъ извѣстіи, они прїѣдутъ къ Вамъ и успокоятъ присягою! Адаевцы многи и богаты. Не скрываю предъ вами, до Васъ сей цѣли предпринимали три человека: первый ѣздилъ г. Цюлковскій вверхъ Эмбы; по словамъ Ширгазы-Хана, воды и мѣста ему не понравились, и не было предприимчивости. Богъ не далъ успѣха, у нихъ не было хорошаго проводника, а бывший не показалъ хорошихъ мѣстъ; они не были въ устьи Эмбы, при впаденіи же сія есть хорошія озера; они остались не показанными. Цюлковскій о томъ не зналъ: опасались Киргизы сказать; если онъ уз-

насть, то построятъ городъ и займутъ ихъ мѣста. Когда Вы выѣхали въ пользу Государя Великаго, то Богъ даруй Вамъ силы довершить предположенія Ваши. Въ устьѣ же Эмбы есть четыре озера. 1-е) Машъ, 2-е) Чукуркуль, 3-е) Сазыкуль, 4-е) Симу. Окружность Маша десять верстъ, глубины сажень, изобилуетъ очень сазаномъ и другихъ родовъ рыбами. Окружность Чукуркуля четыре версты, содержитъ много сазановъ и другихъ рыбъ; остальные два озера пѣвютъ такуюже рыбу. Озеро Машъ не пѣветъ камышей, а прочія три озера пѣвютъ цѣльный камышъ, съ хорошимъ сѣнокосомъ, и землю годную къ хлѣбопашеству, даже многіе Киргизы сѣютъ пшено. Вода прѣсная; Вамъ стоитъ только взглянуть, и Вы увидите. Если построите на сихъ мѣстахъ городъ, тогда сосредоточите нѣсколько народовъ, и прекратятся злоумышленники. Могли бы Вы получить награды отъ Государя. Великій человекъ въ своей жизни ищетъ славы и благополучія. Озера сіи не даѣе отъ моря семи верстъ; если желаете воздвигнуть городъ, я вамъ покажу всѣ сіи мѣста. Извините, я обремению Васъ словами по той причинѣ, сердца наши наполнены печалью: Хивинцы разграбили и раззорили насъ, также хищные Киргизы отнимаютъ скоты наши. Полагая сыскать въ Васъ защиту, мы часто молились объ Васъ.

Отецъ мой при смерти далъ намъ наставленіе: когда мы дойдемъ совершенныхъ лѣтъ, быть вѣрнымъ слугою Россійскаго правительства, и по этому моему намѣренію состоять въ угодности Вашей. Онъ рожденъ въ Россіи и переселился къ Киргизамъ, здѣсь женился онъ на Киргизкѣ, и отъ нея мы четверо братьевъ. При князѣ Волконскомъ служилъ онъ въ Оренбургѣ, служилъ съ честію, исполняя обязанности, облегчалъ дѣла, покорялъ непріятелей, ознаменовалъ себя и померъ; такъ и я желаю подъ кровомъ счастливыхъ дѣй Вашихъ достигнуть благополучія.

Выше сего упоминалъ я трехъ людей, изъ нихъ же двое г. г. Бергъ и Генсъ. Они поступили неблагоуразумно, потому они грабили просто попадающихъ Киргизцевъ, совершенно невиныхъ, заключали ихъ въ узы, озлобили противу себя Киргизцевъ спереди и съ тыла и непріятельскими ихъ дѣйствіями растратили людей, не приобрѣли милости Царя. Сямъ самымъ случилась вражда между Киргизцами и Россією. Въ сихъ дѣлахъ требуются терпѣніе и соображеніе. Богъ даетъ, поступками Вашими благоуразумными осчастливите Киргизовъ, и сами достигнете благополучія.

Васъ же обезславятъ только тѣмъ, что называется торговцами, не пѣете хлѣба и товаровъ; полагаютъ, не пришли ли грабить и покорить ихъ, но видя ласки, остаются довольны Вами.

Какъ бы ни было, но Вы должны молить Бога и Святыхъ и подкрѣпляться упованіемъ на Него, не считать себя сильнымъ, а прочихъ не презирать: таковые люди не терпимы Богомъ и людьми, такъ у насъ въ Алкоранѣ. Навѣдываюсь, что Вы у Царя почтенный люди и благоуразумный; да содѣйствуетъ Вамъ Богъ. Касательно же дѣла Адаевцевъ я обизываюсь исполнить всякія Ваши приказанія. Не осуждайте за наставленіе, ибо я не знаю приличій; когда слова мои понравятся Вамъ, напишите письмо съ отвѣтомъ на своемъ языкѣ. Мы увидимся съ Вами лично (надежда на Бога), и у насъ всѣ дѣла окончатся успѣхомъ. Я знаю, великимъ людямъ какъ Вы, предлагать совѣтовъ непростительно; но я увѣренъ, что Вы простите мою вину. За славу Бога и Святыхъ, за Высочайшее Царское достоинство, за покореніе толикихъ народовъ да продлится жизнь Ваша и слава, да воспоможетъ Вамъ Иисусъ Христосъ.

Писалъ Адаевского рода Суюнгары Батырь Мулла Исмаилъ Шахъ Марданъ, Батырь Хановъ, прозваніемъ князь Мамоновъ.

II. Письмо графа Сухтелена.

Уральскъ $\frac{14}{28}$ Декабря 1830.

Милостивый государь Григорій Силичъ.

Получивъ изъ С.-Петербурга отъ г. Перовскаго для Васъ нѣсколько книгъ, я поспѣшаю препроводить оныя къ Вамъ, увѣренъ будучи, что ничѣмъ Васъ болѣе одолжить не можно, въ степномъ уединеніи.

Ошибаюсь, — ибо прилагаемый при семъ списокъ съ отношенія ко мнѣ г. вице-канцлера, можетъ быть, относясь еще болѣе къ Вамъ и любимой Вами наукѣ, — обратитъ вѣроятно не менѣе книгъ вниманіе Ваше на предметъ важный и любопытный.

Но и тутъ могу опять ошибиться: Вы супругъ и отецъ семейства, а при семъ посылаю къ Вамъ письмо. Въ Оренбургъ все благополучно.

Я прибылъ сюда вчера и намѣреваюсь пробыть у добрыхъ молодцовъ, до 16-го или 17-го. П. Подотнилову я сообщилъ все предположеніе экспедиціи къ Мертвому Култукъ и поручилъ ему, во ожиданіи того что получу отъ начальника главнаго штаба, имѣть въ виду изготовленіе судовъ, пушекъ и пр. и пр. Между тѣмъ я желалъ бы, чтобы Вы могли съ нимъ переписаться или видѣться и предупредить недоумѣніе, могущее впоследствии вредить успѣху, или замедлить самое дѣло.

Вашему почтеннѣйшему хану прошу засвидѣтельствовать мое почтеніе и благодарить его за скорое увѣдомленіе объ угрожавшей намъ опасности отъ холеры, въ Чертангѣ появившейся. Посланный туда офицеръ возвратился и нашелъ заразу уже слава Богу кончившеюся. Опѣшеніе уже снято. Въ Белебѣевскомъ уѣздѣ эпидемія продолжается; надоѣло.

Я поручилъ полков. Генсу переслать къ хану Джангеру, въ подарокъ, нѣсколько отличныхъ Бухарскихъ верблюдовъ;

желаю, чтобы онъ ихъ принялъ и получилъ бережными, о чемъ я много подтверждалъ погонщикамъ.

Ханъ ко мнѣ писалъ, что онъ охотно васъ уволить, когда надобность того потребуетъ. Не худо бы его предварить, что сіе вскорѣ случиться можетъ. — Изъ Петербурга общаются мнѣ скоро отвѣчать на статьи, о которыхъ я входилъ съ представленіемъ, по содержанію его записки, мнѣ въ Оренбургъ поданной.

Дальнѣйшее (о Култукѣ) ожидаемое я не упущу Вамъ сообщить, а отъ Васъ буду ожидать, кѣмъ и въ чемъ Вы желаете содѣйствія моего; кого Вы избираете въ сопутники и къ чему приступить нужно заблаговременно теперь.

Я писалъ, не придумывая словъ, скоро и можетъ быть не совѣзмъ ясно — прошу прощенія за реторику и за нечеткость почерка, пребывая съ истиннымъ почтеніемъ, милостивый государь, вашъ покорнѣйшій слуга гр. Павелъ Сухтеленъ.

Я узнаю сейчасъ, что письмо супруги Вашей уже отправлено особо.

III. Письмо графа В. А. Перовскаго.

Милостивый государь Григорій Силичъ! Отправляя адъютанта князя Меншикова лейтенанта Васильева въ Гурьевъ, а оттуда со вторымъ отрядомъ судовъ въ Ново-Александровскъ, я прошу Васъ употреблять офицера сего по дѣламъ экспедиціи; онъ исполненъ желанія быть полезнымъ, и нѣтъ сомнѣнія, что *въ вашемъ краѣ* представятся случаи употребить его съ пользою; во всякомъ случаѣ онъ можетъ заняться описаніемъ береговъ залива.

Вы можете себя представить, съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я перваго о васъ извѣстія; не хочу и вѣрить неудачѣ, а надѣюсь, что первый нашъ шагъ на землѣ Ново-Александровской совершёнъ удачно и благополучно. Прошу Васъ при всякой представляющейся возможно-

сти писать мнѣ обо всемъ до *васъ* касающемся сколь можно подробнѣе. Изъ Петербурга вообще и изъ Азіатскаго Департамента я не имѣю ничего интереснаго; К. К. *) до сихъ поръ не отвѣчалъ еще о переносѣ линіи.

Прощайте, будьте здоровы; мой поклонъ Мансурову. Если найду только возможность, то осенью приѣду пожить съ вами и погулять по окрестностямъ.

Истинно преданный вамъ В. Перовскій.

Оренбургъ
3 Мая 1834.

IV. Его же.

Можете вообразить, съ какимъ удовольствіемъ получилъ я извѣстіе о счастливошъ водвореніи вашемъ въ Ново-Александровскѣ: честь вамъ и слава! Не менѣе моего поражаются и въ Петербургѣ. По всѣмъ сношеніямъ видно, какое тамъ принимаютъ живое участіе въ вашей экспедиціи; съ нынѣшнюю почтою пишу всѣмъ и по военной, и по дипломатической части, а самъ буду ожидать дальвѣйшихъ о васъ новостей, которыя прошу доставить сколь возможно чаще, особенно на первыхъ порахъ.

Одинъ прибывшій сюда изъ Хивы Киргизецъ между прочими свѣдѣніями показалъ, что ханъ крайне недоволенъ вашимъ сосѣдствомъ, что въ отмщеніе за Ново-Александровскъ запретилъ онъ выступленіе въ Оренбургъ Хивинскаго каравана и что готовится къ вамъ въ гости; сему послѣднему извѣстію я не вѣрю, и во всякомъ случаѣ его высокостепенство изволилъ опоздать; однакоже осторожность и лишняя полезна: не позволяйте людямъ бродить по окрестностямъ и часовымъ спать ночью. До бѣды недалеко.

Прошу васъ сообщать мнѣ подробно слухи, которые будутъ доходить до васъ

*) Константинъ Константиновичъ Родовикъ, тогдашній директоръ Азіатскаго департамента. Сличъ письма къ нему Грибова въ Р. Архивѣ 1872 года.

о происшествіяхъ въ Хивѣ и о сношеніяхъ оной съ сосѣдными странами: сіе необходимо для повѣрки того что намъ здѣсь ризкаазываютъ по сему же предмету.

Прощайте, будьте здоровы и продолжайте радовать насъ пріятными вѣстями.—Мансурову мой искренній поклонъ; сверхъ форменныхъ донесеній ожидаю отъ васъ обоихъ по данному общанію и писемъ: въ нихъ удобнѣе входить въ подробности, даже и о дѣлахъ официальныхъ. В. П.

При семъ посылаются всѣ имѣющіяся у насъ газеты.

По послѣднимъ извѣстіямъ, Астраханскія суда и Уральскіе плоты въ Гурьевѣ еще не приплыли.

15 Мая 1834
Оренбургъ.

V. Его же.

Благодарю васъ за два ваши письма отъ 21 и 23 Мая, пишите чаще и пространнѣе; прошу васъ о томъ, какъ военный губернаторъ, какъ любитель натуральной исторіи и просто какъ человѣкъ любопытный.

Урядника Масленикова можете послать съ Углевымъ; что значитъ столь поспѣшный отъѣздъ сего послѣдняго? Я полагалъ, что онъ вамъ будетъ полезенъ при васъ, нежели въ Ленкоранѣ.

Термометрами и журналами буду вамъ служить по возможности и написалъ уже объ этомъ Ник. Ник.

Я не получалъ еще ни отъ гр. Несельроде, ни отъ Конст. Конст. отвѣта на мое извѣщеніе о вашемъ прибытіи въ Кизылташъ.

Весьма благодаренъ вамъ за собираемый для меня звѣринецъ; не забывайте и коллекціи минераловъ для брата *).

Скажите мнѣ, съ котораго времени можно плавать по Каспійскому морю, не под-

*) Т. е. для графа Льва Алексѣевича Перовскаго.

вергаясь сильнымъ штормамъ? Сей вопросъ нуженъ мнѣ для соображенія: если только представится малѣйшая возможность, то и явлюсь къ вамъ на почтовой лодкѣ; но надо рассчитать такъ, чтобы и на обратномъ моемъ пути не занесло меня куда либо вѣсто Гурьева. Прощайте; пришлите чертежъ Ново-Александровскаго. — Мой поклонъ Мансурову.

В. Перовскій.

Кочевка въ 9-мъ кантонѣ
5 Іюня 1834 года.

СВИДАНІЕ СЪ ИМПЕРАТОРОМЪ АЛЕКСАНДРОМЪ ПАВЛОВИЧЕМЪ

(По поводу Семеновской исторіи).

Въ Майской книжкѣ Р. Старины 1873 помѣщена Записка полковника Вадковскаго или, лучше сказать, оправдательная статья, написанная полковникомъ Вадковскимъ по поводу такъ называемой Семеновской исторіи 1820-го года. Авторъ этой статьи, мой родной дяди (старшій братъ моей матери) составилъ ее въ 1822 году, во время нахождения своего въ Витебскѣ подъ домашнимъ арестомъ, и подлинная записка хранится до сихъ поръ у сына его, а моего двоюроднаго брата, Ѳ. И. Вадковскаго ¹⁾ на Французскомъ языкѣ, въ томъ сѣмомъ видѣ, какъ она была написана покойнымъ дядею и съ тою цѣлью, которая будетъ мною объяснена ниже.

Ознакомившись чрезъ П. И. Бартенева съ содержаніемъ этой записки и сообразивъ ее съ тѣми семейными разсказами о Семеновской исторіи, которыя сохранились въ моей памяти, я намѣренъ былъ, въ первыя минуты досуга, помѣстить въ Русскомъ Архивѣ точный переводъ этой записки и дополнить ее тѣми свѣдѣніями, которыя заимствованы мною изъ разсказовъ моей матушки, игравшей не-

¹⁾ Ѳ. И. Вадковскій нѣсколько лѣтъ тому назадъ сообщилъ намъ эту записку, которая и имѣется у насъ во Французскомъ подлинникѣ. П. Б.

последнюю роль въ дальнѣйшихъ судьбахъ этой „оправдательной статьи.“

Появленіе этого документа на столбцахъ Русской Старины лишаетъ меня возможности выполнить мое намѣреніе въ томъ видѣ, какъ я предполагалъ это сдѣлать вначалѣ; но въ тоже время не считаю лишнимъ, въ дополненіе къ напечатанной уже запискѣ, присовокупить, съ разрѣшенія моей матери и со словъ ея, разсказъ о томъ участіи, которое она принимала въ доставленіи этой „оправдательной статьи“ въ собственныя руки Императора Александра I-го.

Все то, что будетъ мною сообщено, нисколько не должно служить дополненіемъ собственно къ происшествію въ Старо-Семеновскомъ полку 18-го Октября 1820-го года: историческій ходъ этого событія, его причины и конечный результатъ уже всесторонне разъяснены многими разсказами очевидцевъ ²⁾, письмами кн. Васильчикова и наконецъ нынѣ появившеюся запискою полковника Вадковскаго. Предлагаемыя мною дополнительные свѣдѣнія имѣютъ цѣлью „навести на слѣдъ“ той таинственной, доселѣ непонятной причины, почему этому движенію, въ сущности столь неважному и столь быстро и легко подавленному, приданы были такіе обширные размѣры и почему въ этомъ случаѣ Императоръ Александръ счелъ необходимымъ, какъ бы противъ своей воли, отрѣшиться отъ присущихъ его природѣ кротости и благодарности. Едва-ли было-бы справедливо приписывать это явленіе исключительно тому обстоятельству, что вѣсть объ этомъ происшествіи сообщена была ему на Троппаускомъ конгрессѣ Меттернихомъ, прежде чѣмъ посланный съ донесеніемъ отъ князя Васильчикова поручикъ Чаадаевъ успѣлъ достигнуть Тропау. Это предположеніе до сей поры служило постоянно главнымъ основаніемъ къ разъясне-

²⁾ Въ Р. Архивѣ 1868 г. частное письмо о томъ въ Тульчинѣ, 1870 г. статья Д. А. Кропотова; также въ Р. Архивѣ 1868 г. статьи М. Н. Лонгинова и Д. П. Свербева о Чаадаевѣ. П. Б.

нiю той необычайной строгости, которая была приѣтена къ этому случаю и того неумолимаго негодованiя, которое обнаружено самимъ Государемъ, по отношенiю къ его любимому, балованному полку. Чѣмъ болѣе разъяснялось въ печати самое событiе 18-го Октября, со всѣми его постепенно всплывающими подробностями и дополненiями; тѣмъ болѣе выдавалась наружу несообразность, такъ сказать, самаго проступка съ послѣдовавшею за онымъ карою, и опоздавшiй нѣсколькими часами гонецъ Чаадаевъ (Жихаревъ въ своей запискѣ о П. Я. Чаадаевѣ³⁾ опровергаетъ даже самый фактъ о томъ, что онъ опоздалъ) не можетъ, по справедливости, нести на себѣ одною отвѣтственность за все совершившееся вполнѣдствiи.

Надѣюсь, что сообщаемыя мною свѣдѣнiя, если и не разъяснятъ вполнѣ, то по крайней мѣрѣ, какъ сказано выше, *маведуть на такой слѣдъ*⁴⁾, который дастъ возможность со временемъ освѣтить это событiе новымъ свѣтомъ и уяснить себѣ многое доселѣ неяснимое.

Съ разрѣшенiя моей матери, я позволю себѣ, для болѣея ясности въ разсказѣ, говорить въ первомъ лицѣ отъ ея имени, стараясь съ возможною точностью воспроизводить ея отрывочныя воспоминанiя, въ томъ именно видѣ, какъ онѣ мнѣ были повторены ею еще вчера вечеромъ, по поводу вновь прочтенной нами вмѣстѣ записки моего дяди.

*

Зиму 1821—1822 годовъ я провела⁴⁾ въ Тулѣ вмѣстѣ съ сестрою моею Екатериною Федоровною Кривцовою, мужъ которой Николай Ивановичъ Кривцовъ былъ въ то время Тульскимъ губернаторомъ.

Весною 1822 года, Кривцова перевелъ губернаторомъ въ Воронежъ и, приготавлиаясь слѣдовать туда за сестрою, я воспользовалась временемъ ихъ сбо-

³⁾ Вѣстникъ Европы, Январь 1872 г.

⁴⁾ Матушка была въ то время вдовою послѣ смерти перваго мужа своего, полковника П. М. Безобразова.

ровъ и переѣзда на новое жительство, чтобы навѣстить моего бѣднаго старшаго брата, И. Ѳ. Вадковскаго, ожидавшаго рѣшенiя своей участи послѣ Семёновской исторiи въ Витебскѣ.

Понятно, что прiѣздъ мой чрезвычайно обрадовалъ брата; но я была жестоко поражена его физическимъ болѣзненнымъ состоянiемъ и нравственнымъ упадкомъ духа. Жена его воспользовалась моимъ присутствiемъ, чтобы сѣздить въ Москву повидаться съ отцемъ и сестрами, и я обѣщала дожидаться въ Витебскѣ ея возвращенiя. Тутъ-то, наединѣ со мною, бѣдный братъ мой высказалъ мнѣ всю горечь незаслуженнаго испытанiя, всю тягость своего положенiя, при совершенной невозможности довести до свѣдѣнiя Петербурга и самаго Государя всю истину по этому несчастному дѣлу. Его угнетала мысль, что Императоръ Александръ, столь неизмѣнно къ нему благосклонный до той поры, могъ считать его дѣйствительно-повиннымъ въ какихъ либо предосудительныхъ дѣйствiяхъ и что этому тяжкому подозрѣнiю повидимому никогда уже не суждено было разсѣяться и разъясниться. Тогда пришла мнѣ впервые мысль предложить ему мои услуги, чтобы доставить въ собственныя руки Государя объяснительную его записку, гдѣ онъ могъ-бы съ полнѣйшею откровенностью высказать всю правду по этому дѣлу и снять съ себя въ глазахъ Александра Павловича всякую тѣнь виновности и подозрѣнiя. Мое предложенiе до того обрадовало и ободрило его, что я забыла весь страхъ, внушенный мнѣ мыслью о предстоявшей мнѣ задачѣ. А было чего страшиться, по правдѣ сказать! Съ природною моею застѣнчивостью, 22-хъ лѣтъ отъ роду, не имѣя никакихъ отношенiй ко Двору (кромѣ первоначальнаго представленiя при вступленiи въ общество), мнѣ предстояло отпрапляться одной въ Петербургъ, искать свиданiя съ Государемъ, принимать на себя тяжелую отвѣтственность и пр. Но сознанiе того, что я этимъ принесла бы хоть временное улучшение въ состоянiи брата, заглушило

все остальное, и я съ радостнымъ чувствомъ слѣдила за тѣмъ, какъ онъ бодро принялся за составленіе своей подробной записки для Государя.

По возвращеніи моей невѣстки, братъ пожелалъ, чтобы и немедленно отиравилась въ путь и подготовила себѣ свиданіе съ Императоромъ, не дожидаясь окончанія его записки, которую онъ обѣщалъ выслать вслѣдъ за мною съ вѣрною оказіею.

Я отиравилась я, пріѣхавъ въ Петербургъ, остановилась въ пустомъ домѣ дяди моего графа Григорія Ивановича Чернышева, который только что переѣхалъ съ семействомъ на свою Каменно-Островскую дачу.

Въ то время Ник. Мих. и Екатерина Андреевны Карамзины (старые, искренніе друзья всей моей семьи) жили въ Царскомъ Селѣ, въ одномъ изъ Китайскихъ домиковъ, и мнѣ пришла мысль обратиться къ нимъ за совѣтомъ и помощью. Я переѣхала въ Царское и помѣстилась въ скромномъ номерѣ гостиницы; но почти всѣ дни свои проводила у добрыхъ Карамзиныхъ, которые приняли меня и мою тайну съ истинно-родственнымъ участіемъ. Оказалось, что Государь былъ гдѣ-то на маневрахъ, и его ожидали обратно только черезъ нѣсколько дней. По указанію моихъ милыхъ руководителей, я составила краткое письмо на имя Императора Александра, проси его даровать мнѣ аудіенцію по дѣлу брата и должна была, по завѣданному порядку, лично отнести это письмо на почту.

По истеченіи нѣсколькихъ дней, Государь дѣйствительно вернулся, и вскорѣ явился въ мою гостиницу его камердинеръ съ уведомленіемъ, что на другой день, въ 12 часовъ, пріѣдетъ за мною придворный экипажъ и что Государь приметъ меня въ Александровскомъ дворцѣ (въ то время никѣмъ не занимаемомъ).

Въ назначенный часъ, явились придворныя дрожки. Меня подвели ко дворцу, провели немедленно въ комнату,

предшествующую кабинету Императора, и просили обождать. Я была какъ въ лихорадкѣ, почти не понимала, что со мною дѣлается и прежде, чѣмъ и могли придти въ себя, дверь кабинета растворилась, и Александръ Павловичъ, въ сопровожденіи двухъ неизвѣстныхъ мнѣ генераловъ, вступилъ въ пріемную. Увидѣвъ меня, онъ пріятливо отпустилъ ихъ и скорыми шагами, съ ободряющею улыбкою и съ протнутыми объими руками, направился ко мнѣ.

Простота и пріятливость его обращенія до того меня ободрили, что и уже гораздо спокойнѣе послѣдовала за нимъ въ его кабинетъ, гдѣ онъ предложилъ мнѣ кресло и сѣлъ противъ меня.

„Вы желали видѣть меня“, началъ онъ, „чтобы просить о Вашемъ братѣ⁵⁾; къ несчастію, въ настоящую минуту и еще ничего сдѣлать не могу: проступокъ его требуетъ строгаго высланія для его-же пользы. Но я перевелъ его съ намѣреніемъ въ кавалерійскую дивизію къ Бородину, который будетъ имѣть за нимъ отеческій надзоръ. Онъ еще такъ молодъ, что отъ него и отъ его дальнѣйшаго поведенія будетъ зависѣть опять исправить свою карьеру, и тогда увидимъ, что можно будетъ сдѣлать для него.“

— „Стало быть, мы можемъ надѣяться, Государь, что его будущность не испорчена навсегда и что.....“

„Можете быть увѣрены, что при первыхъ признакахъ его искренняго раскаянія и исправленія, ему будетъ оказано все возможное снисхожденіе.“

— „Но и, Государь, собственно не объ этомъ братѣ моемъ осмѣлилась беспокоить Васъ; я просила аудіенціи Вашего Императорскаго Величества, чтобы ходатайствовать о старшемъ братѣ моемъ“

⁵⁾ Очевидно Императоръ имѣлъ въ виду младшаго брата матушки Ѳ. (†) Вадковскаго, корнета кавалергардскаго полка, переведеннаго не за долго передъ тѣмъ въ армію тѣмъ же чиномъ, за стикъ противъ начальства и великаго князя Михаила Павловича.

Иванъ, несчастной жертвѣ Семеновской исторіи.“

„Чего-же онъ желаетъ отъ меня?“ спросилъ меня Императоръ, и лице его сдѣлалось серьезно и задумчиво.

— Несчастный братъ мой изнемогаетъ физически и нравственно подъ бременемъ тяготящаго надъ нимъ подозрѣнія и обвиненія; но главнымъ образомъ его терзаетъ мысль, что В. И. В. можетъ считать его недостойнымъ Вашего постоянного къ нему благоволенія и что онъ лишенъ всѣхъ способовъ къ совершенному своему оправданію не столько еще передъ судомъ, сколько передъ священною для него особою своего Монарха. Поэтому онъ поручилъ мнѣ просить у В. И. В., какъ милости, дозволенія представить Вамъ исполнѣн откровенную, подробную записку о несчастномъ событіи 18-го Октября 1820 года, и онъ надѣется, что, по прочтеніи этого правдиваго разсказа, Вы убѣдитесь, Государь, что онъ остался достоинъ того драгоцѣннаго вниманія, которымъ прежде онъ пользовался.“

„Не только согласенъ на его просьбу“, съ живостью сказалъ Императоръ, „но даже благодарю его за эту мысль. Вы привезли эту записку? Дайте мнѣ ее!“

— Нѣтъ, Государь, онъ отправилъ меня сюда впередъ, чтобы испросить Вашего дозволенія и долженъ былъ выслать ее ко мнѣ, вскорѣ послѣ моего отъѣзда.“

„Тѣмъ лучше“, сказалъ Александръ. „Я на дняхъ опитъ увѣжаю на нѣсколько дней на маневры. Когда Вы получите эту записку, то пришлите ее ко мнѣ немедленно, *въ собственныя руки*; и прочту ее съ большимъ вниманіемъ, и тогда мы снова увидимся съ Вами.“

Затѣмъ онъ перешелъ къ разговору обо мнѣ, о моемъ семействѣ, о моемъ пребываніи въ Царскомъ Селѣ; спросилъ меня, не безпокойно-ли мнѣ въ той гостинницѣ, гдѣ я остановилась и когда н ему отвѣчала, что дѣйствительно часто бываетъ очень шумно и даже дико, среди студентовъ и молодежи, проживающихъ въ этой гостинницѣ, онъ сказалъ: „Я бы весьма охотно предложилъ Вамъ

болѣе удобное помѣщеніе здѣсь во дворцѣ; но при Вашей молодости и (прибавилъ онъ любезно наклоняясь въ мою сторону) при Вашей наружности, это могло-бы подать поводъ къ разнымъ предположеніямъ.“

Я поблагодарила его за его милостивое вниманіе и присовокупила, что всѣ дни свои провожу въ семейномъ кругу Карамзиныхъ, которые приняли меня на свое попеченіе.

Тѣмъ кончилось наше первое свиданіе, которое оставило во мнѣ неизгладимое воспоминаніе о чарующей блгогости и истинно-рыцарской любезности Императора Александра Павловича.

По совѣту Карамзиныхъ, я вскорѣ, однимъ прекраснымъ утромъ, въ извѣстный часъ, отправилась въ ту аллею Царско-сельскаго парка, гдѣ Государь совершалъ свою обычную, ежедневную прогулку, съ цѣлью возобновить моимъ присутствіемъ въ его памяти данное имъ обѣщаніе.

И точно, проходя мимо меня, онъ съ улыбкою протянулъ мнѣ руку и спросилъ, получила-ли я записку брата.

Я отвѣчала ему, что еще не получила ее, но жду ее съ часу на часъ. Тогда онъ повторилъ мнѣ требованіе переслать ее къ нему немедленно и пошелъ далѣе.

На другой-же день послѣ этого вторичнаго свиданія, я наконецъ получила отъ брата его записку, напечатанную нынѣ въ Русской Старинѣ ⁶⁾, и въ тотъ-же день препроводила ее Государю въ собственныя руки.

Императоръ Александръ находился въ то время на какихъ-то смотрахъ или маневрахъ, и прошло нѣсколько дней въ томительномъ ожиданіи.

Наконецъ однажды появился ко мнѣ вновь его камердинеръ и, также какъ и въ первый разъ, объявилъ мнѣ, что Го-

⁶⁾ Матушка не можетъ, по давности времени, упомянуть, именно эту-ли записку она получила; но полагаетъ, что другой записки братъ ее не составлялъ.

сударь приметъ меня на другой день, въ извѣстномъ часу и чтобы я ожидала экипажа, который будетъ за мною присланъ.

На этотъ разъ я застала Императора совершенно одного, ожидавшаго моего прїѣзда; меня провели прямо въ тотъ же уже знакомый мнѣ кабинетъ, и онъ усадилъ меня на прежнее мѣсто.

Оставаясь по прежнему кроткимъ и внимательнымъ по отношенію ко мнѣ, Государь казался болѣе обыкновеннаго озабоченнымъ, почти грустнымъ.

„Я прочелъ съ величайшимъ вниманіемъ записку Вашего брата“, началъ онъ; „но она меня не удовлетворяетъ и не можетъ удовлетворить. Я ожидалъ, что онъ дѣйствительно выскажетъ мнѣ всю правду, и меня огорчаетъ, что онъ ее скрываетъ отъ меня.“

— „Смѣю увѣрить В. И. В., что братъ мой изложилъ Вамъ всю истину и что онъ не скрылъ отъ Васъ ни малѣйшей подробности, касающейся этого несчастнаго событія.“

„Нѣтъ“, съ живостью, почти съ гнѣвомъ возразилъ Императоръ: „онъ скрылъ отъ меня главное! *Если-бы я могъ разсказать Вамъ все то, что я знаю*“ (прибавилъ онъ какъ-то нервнѣтельно и таинственно), *то Вы увидѣли-бы сами, что онъ не хочетъ быть со мною откровеннымъ!*“

— „Вѣрьте мнѣ, Государь, что онъ не скрылъ отъ Васъ ничего, что было ему извѣстно; если-же донесенія, полученные Вами, несогласны съ его словами, то онъ навѣрное и самъ не зналъ всего того, что было Вамъ донесено по этому дѣлу.“

„Онъ не можетъ не знать ихъ“, горячо возразилъ Александръ, „повторю Вамъ: я не могу пересказать Вамъ всего, что я знаю“; у меня есть неоспоримыя доказательства; но братъ Вашъ пойметъ, чего я отъ него требую. Я имѣю доказательства; но къ несчастію я не могу Вамъ ихъ передать.“

— „Если-бы Вашему Величеству угодно было показать мнѣ эти доказательства“,

прервала я его съ живостью, „я увѣрена, что я успѣла-бы убѣдить Васъ, что они несправедливы, что все происходило, какъ пишетъ братъ мой и что Вамъ представили это событіе въ ложномъ свѣтѣ.“

„Къ несчастію я не могу Вамъ показать ихъ“, возразилъ Императоръ съ легкою усмѣшкою, „но могу Васъ увѣрить, что все это совсѣмъ не такъ *невинно*, какъ Вы полагаете.“ Помолчавъ нѣсколько въ грустномъ раздумьи, онъ продолжалъ: „Вашему брату извѣстно, какъ я всегда любилъ, отличалъ и уважалъ его; скажите ему, что я прошу его не стѣснясь высказать мнѣ всю правду, *всю* безъ малѣйшей утайки; скажите ему, чтобы онъ прямо указалъ мнѣ на главную причину и виновниковъ; онъ обязанъ сдѣлать это, если онъ точно мнѣ преданъ.“

Я отвѣчала, что въ точности выполню его волю, но увѣрена, что братъ высказалъ въ этой запискѣ все, что могло быть ему извѣстно.

Послѣ этого онъ спросилъ меня, когда я намѣрена ѣхать, не нуждаюсь-ли въ путевыхъ средствахъ, когда думаю опять вернуться въ Петербургъ и пр.

Я благодарила его за милостивое вниманіе, объяснила, что уѣзжаю на другой день прямо въ Витебскъ, имѣю достаточныя средства къ жизни и едва-ли вернусь скоро въ Петербургъ, такъ какъ намѣрена поселиться въ Воронежѣ съ сестрою Кривцовою, мужъ которой состоялъ тамъ губернаторомъ.

Мы разстались, и съ тѣхъ поръ я уже никогда не видѣла болѣе Императора Александра.

По возвращеніи къ брату въ Витебскъ, я въ точности передала ему слова Государя. Должно сознаться, что онъ принялъ ихъ съ сильнѣйшимъ негодованіемъ. Онъ вновь подтвердилъ мнѣ, что въ своей запискѣ онъ положительно изложилъ всю правду и болѣе сказать ничего не имѣетъ. „Все происходило именно такъ, какъ изложено въ моей запискѣ“, повторялъ мой братъ съ гнѣвною до-

садою; „не понимаю, чего еще Государь отъ меня требуетъ. Я ничего болѣе сказать не могу, потому что ничего другаго и не было; а если-бы даже и могло быть что нибудь другое, можетъ-ли онъ считать меня способнымъ быть доносчикомъ!..“ Тѣмъ и кончилась моя попытка облегчить участь моего брата и, пробывъ съ нимъ нѣкоторое время, я отправилась на житье въ Воронежъ.....

*

Таковъ рассказъ моей матушки. Все мною здѣсь написанное было ею прочитано и помѣщается въ Русскомъ Архивѣ съ ея согласія и одобренія. Нѣкоторыя подробности событій, числа, мѣсяцы изгладились изъ ея памяти (она родилась въ 1799 году), но сущность не только ея свиданій съ Императоромъ, но и самыхъ *словъ Государя* осталась у нея въ воспоминаніи вполне отчетливо и сознательно. Слѣдуетъ только присо-вокупить, что разговоры между ею и Государемъ происходили на Французскомъ языкѣ, на которомъ она и мнѣ передавала его слова; но я старался по возможности вѣрно и буквально перевести ихъ здѣсь на Русскій языкъ.

Остановимся теперь на послѣднемъ свиданіи Императора Александра съ матушкою и постараемся уяснить себѣ значеніе его таинственныхъ, недосказанныхъ намековъ на то: „что ему все извѣстно, „что если-бы онъ могъ рассказать ей „все то что онъ знаетъ, то она сама-бы „увидѣла, что братъ ея не хочетъ быть съ „нимъ откровеннымъ, что у него есть ка- „кія-то доказательства, которыхъ онъ ей „сообщить не можетъ“ и т. д. Не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ 1822 году (а быть можетъ даже и 18 Окт. 1820 г., во время самой Семеновской исторіи) Императору Александру уже было извѣстно о существованіи разныхъ тайныхъ политическихъ обществъ, о возникающемъ Союзѣ Благоденствія и вообще о броженіи умовъ въ высшихъ сферахъ и слѣдовательно и въ его гвардіи, поглощавшей въ себя въ то время всѣ лучшія, юныя силы Россіи. Весьма вѣ-

роятно, что самое событіе 18-го Октября 1820 года послужило къ тому, чтобы обратить особенное вниманіе правительства на это господствующее настроеніе умовъ среди образованной столичной молодежи. Естественно, что въ высшихъ правительственныхъ сферахъ должны были существовать уже въ то время списки лицъ, извѣстныхъ своимъ особенно-либеральнымъ образомъ мыслей и участниковъ этихъ тайныхъ обществъ, которыя начинали уже сильно беспокоить правительство. Въ этихъ спискахъ не могла не находиться фамилія *Вадковскаго*, который, послѣ 14-го Декабря 1825 года, былъ причисленъ въ первый разрядъ обвиненныхъ и сосланъ въ Сибирь въ рудники. Но дѣло въ томъ, что этотъ *Вадковскій* былъ мой младшій дядя, *Федоръ Федоровичъ*, именно тотъ корнетъ кавалергардскаго полка, который за какіе-то стишки вольнаго содержанія былъ переведенъ въ армейскую кавалерійскую дивизію Бороздина и вступилъ впоследствии въ такъ называемое Южное Общество, организованное Пестелемъ и Сергеемъ Муравьевымъ-Апостоломъ.

Если затѣмъ предположить, что Императору Александру эти именныя списки въ то время уже были извѣстны и что онъ прочелъ въ нихъ между прочимъ и фамилію *Вадковскаго*, то весьма понятно, что всѣ его подозрѣнія остановились не на 20-ти лѣтнемъ кавалергардскомъ стихотворцѣ, а на полковникѣ Семеновскаго полка *Иванѣ Федоровичѣ Вадковскомъ*, тѣмъ болѣе, что въ этомъ полку въ то время, кромѣ *Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола*, служили еще многія личности, которыя принимали впоследствии участіе въ событіяхъ 14-го Декабря 1825 года и имена которыхъ вѣроятно уже находились въ то время въ спискахъ „ненадежныхъ лицъ.“

Въ такомъ случаѣ вышеприведенныя слова Императора Александра, обращенныя къ моей матери, становятся вполне ясными, и его неудовлетворенное настроеніе по прочтеніи записки моего дяди весьма понятнымъ. Считая его дѣя-

телемъ и участникомъ на болѣе широкомъ попрещѣ, онъ не могъ удовлетвориться простымъ изложеніемъ событій 18-го Октября, которыя уже были ему самому достаточно извѣстны.

Мнѣ кажется, что подобное предположеніе не можетъ быть сочтено произвольнымъ, что оно опирается на весьма существенныя вѣроятія и можетъ быть окончательно оправдано дальнѣйшими болѣе точными и подробными изслѣдованіями.

Если допустить возможность существованія подобнаго стеченія обстоятельствъ, то и самая Семеновская исторія или, лучше сказать, ея грустный исходъ и незаслуженная кара, постигшая этотъ любимый и образцовый полкъ, представится намъ въ совершенно новомъ и болѣе понятномъ свѣтѣ. Предубѣжденнымъ глазамъ подозрительнаго правительства жестокая дисциплина полковника Шварца не могла казаться достаточнымъ поводомъ къ возмущенію полка и, связывая событіе 18-го Октября съ имѣющимися у нихъ данными о созрѣвающимъ заговорѣ, правительственные лица представили Государю Семеновскую исторію какъ пробный камень, который могъ принять самыя опасныя размѣры, если не разгромить его въ самомъ зародышѣ.

12 Мая 1873 г.

Ө. Тимирязевъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Н. А. ДИВОВА *

Въ исходѣ 1811 года, выдержавъ удачно экзаменъ при Артиллерійскомъ Ученномъ Комитетѣ, произведенъ и былъ въ прапорщики лейбъ-гвардіи артиллерій-

*) Отставной артиллеристъ, генералъ-маіоръ Николай Адриановичъ Дивовъ, одинъ изъ немногихъ живыхъ дѣятелей славной эпохи, личный и непосредственный участникъ въ оборонѣ отечества отъ западнаго нашествія и съ своей батареи обстрѣливавшій Парижъ, склонился на просьбу нашу и изложилъ на бумагѣ нѣсколько воспоминаній, пробужден-

ской бригады и зачисленъ въ роту Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Михаила Павловича.

Изъ Петербурга вышелъ я въ походъ съ бригадою 5 Марта 1812 года. Переходы были легкіе, и мы часто имѣли дневки. Дошедши до Даугелишекъ (мѣстечка Витебской губерніи), мы получили приказаніе тамъ остановиться. Въ окрестностяхъ онаго мѣстечка солдаты получили широкое размѣщеніе, а для офицеровъ нашей роты опредѣленъ былъ фольварокъ одного пана, имя котораго не припомню. Эта стоянка продолжалась не болѣе трехъ недѣль. Время проводили не скучно. Общество нашихъ офицеровъ было самое отличное, и дружба наша была обща. Въ особенности подружился я съ двумя князьями Петромъ и Михайломъ Горчаковыми, съ Григоріемъ Николаевичемъ Коробьинымъ, Сергѣемъ Павловичемъ Сумароковымъ ¹⁾, съ Абрамомъ Сергѣевичемъ Норовымъ и Димитріемъ Андреевичемъ Дунинымъ-Барковскимъ.

Изъ Даугелишекъ, по данному намъ маршруту, дошли мы въ концѣ Мая до г. Вильны. Послѣ весьма короткаго пребыванія около Вильны, получено приказаніе слѣдовать обратнымъ путемъ къ городу Свенціанамъ. Тутъ прочли мы Манифестъ о войнѣ съ Наполеономъ, и вскорѣ Государь Императоръ изволилъ прибыть въ этотъ городъ, гдѣ однажды мнѣ довелось являться ординарцемъ къ Его Величеству. Какъ извѣстно, мы уступили къ городу Дриссѣ, и тамъ устроены былъ укрѣпленный лагерь. Для занятія мѣстъ на бивакахъ, я былъ от-

ныхъ въ его осмидесятилѣтней памяти напечатанными въ первой книгѣ Русскаго Архива сего года Записками его соратника графа П. Х. Граббе. Считаю долгомъ выразить глубокую признательность маститому старцу, озаренному лучемъ Русской славы. Даже и мелкія черты того времени должны бережно сохраняться въ нашемъ изданіи. *И. Б.*

¹⁾ Нынѣ графомъ. *И. Б.*

правленъ квартирьеромъ. Мнѣ было только 17 лѣтъ, и потому эта командировка, первая въ моей жизни, хотя и продолжалась не болѣе 12 часовъ, крайне меня тѣшила мыслию, что я команду отдѣльно двумя фейерверками ²⁾ и 15 солдатами.

Во время стоянки нашей въ Дрисскомъ укрѣпленномъ лагерѣ имѣлъ я случай познакомиться съ П. Х. Граббе, про котораго уже и въ то время мы знали, что онъ отличился въ сраженіяхъ 1807 года. Онъ былъ украшенъ Прейсиш-эйлаускимъ крестомъ (рѣдкое въ то время отличіе); его военныя способности, героическая пылкость, и ко всему этому прекрасная наружность обращали на него общее вниманіе. Въ началѣ 1812 года П. Х. Граббе числился въ гвардейской конной артиллеріи и состоялъ адъютантомъ главнокомандующаго Барклая де Толли.

Графъ П. Х. Граббе въ своихъ Запискахъ мастерски очерчиваетъ подвиги доблестныхъ нашихъ войскъ, но къ сожалѣнію часто умалчиваетъ о своихъ собственныхъ въ тѣ дни, которые возвеличили наше отечество, вышедшее такъ славно изъ борьбы съ исполиномъ. Несмотря на свой тогда оберъ-офицерскій чинъ, онъ былъ уже въ то время замѣтнымъ дѣятелемъ по блестящимъ способностямъ, личной храбрости и той живой отважности и предприимчивой дѣятельности, которая его всегда отличала. Его высоко уважали и цѣнили А. П. Ермоловъ и графъ А. И. Кутайсовъ, чему я (хотя и въ прапорщичьемъ чинѣ) былъ не разъ лично свидѣтелемъ.

Случайнымъ образомъ, въ день сраженія 13 Іюля подѣ Островной, былъ я ординарцемъ у начальника артиллеріи 1-й арміи графа А. И. Кутайсова, который, ѣдучи верхомъ изъ Витебска на мѣсто сраженія и проѣзжая мимо нашихъ биваковъ, приказалъ полковнику

²⁾ Въ артиллеріи того времени унтеръ-офицеры носили названіе фейерверкеровъ. П. Б.

нашей бригады Эйлеру (за неимѣніемъ при себѣ въ тотъ часъ адъютанта) нарядить офицера, который догналъ бы его; въ то самое время, будучи въ этотъ день дежурнымъ по ротѣ, возвращался я съ артиллерійскими лошадьми съ водопоя, и къ счастью моему довелось мнѣ получить отъ Эйлера приказаніе догнать начальника артиллеріи. Не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до гор. Островны, явился я къ графу А. И. Кутайсову. Къ сожалѣнію, къ пріѣзду нашему, сраженіе было уже окончено и не въ нашу пользу: шесть орудій конной роты полковника Кандибы взяты были непрітелемъ. Возвратившись съ графомъ въ г. Витебскъ, гдѣ была главная квартира, ожидалъ я приказанія его ѣхать назадъ въ свою роту, но къ радости моей не получилъ никакого приказанія и потому остался въ Витебскѣ при графѣ.

На слѣдующій день, около полудня, стала слышна довольно сильная перестрѣлка въ нашемъ арьергардѣ. Графъ А. И. Кутайсовъ приказалъ сѣдлатъ лошадей и, взявъ съ собою своего старшаго адъютанта Поздѣва, меня и барона Шепинга ³⁾, отправился на мѣсто, гдѣ была сильная ружейная перестрѣлка. Не прошло и полчаса, какъ графъ сказалъ мнѣ, что онъ раненъ и чтобы я поспѣшилъ снять его съ лошади, что и было мною исполнено. Графъ былъ раненъ пулею въ правую ляжку. Понесли мы его на солдатской шинели до ближайшей корчмы, гдѣ и вынута была пуля.

Всѣ думали, что предположено было на другой день дать большое сраженіе, но по распоряженію главнокомандующаго назначено снова отступленіе и велѣно оставить лишь сильный арьергардъ подѣ начальствомъ славнаго генерала графа П. П. Палена, который умными и геройскими распоряженіями далъ 1-й арміи нужное время, въ срединѣ дни,

³⁾ Баронъ Оттонъ Дмитріевичъ, двоюродный братъ графа П. П. Палена, впоследствии элигель-адъютантъ, нынѣ генералъ-майоръ въ отставкѣ. П. Б.

отступить съ позиціи въ совершенномъ порядкѣ. Графъ А. И. Кутайсовъ, несмотря на то, что на канунъ получилъ рану, былъ верхомъ все время, пока отступали войска. Припоминаю слова, сказанныя тогда при мнѣ графу Кутайсову А. П. Ермоловымъ: *Voilà comme on se retire en Picardie* 4).

Черезъ два или три дня по отступленіи отъ Витебска, вслѣдствіе приказа Цесаревича Великаго Князя Константина Павловича всѣмъ офицерамъ гвардейскаго корпуса, состоящимъ на ординарцахъ при генералахъ немедленно явиться къ своимъ полкамъ, долженъ былъ и я оставить графа Кутайсова и явиться въ свою роту, и это перемѣщеніе лишило меня счастья быть при графѣ А. И. Кутайсовѣ во время геройской защиты г. Смоленска.

По оставленіи пепелища Смоленска, Цесаревичъ отъѣхалъ изъ арміи, и въ тотъ же самый день начальникъ артиллеріи изволилъ самъ пріѣхать къ нашей палаткѣ и, вызвавъ меня, милостиво приказалъ мнѣ снова быть при немъ ординарцемъ. Такое еще незаслуженное вниманіе меня крайне обрадовало и польстило моему юному самолюбію. Когда явился я къ графу, онъ сказалъ мнѣ: *J'espère que vous ne me quitterez plus maintenant* 5). Я имѣлъ случай удостоиваться его личной довѣренности. Такъ, когда стали говорить о назначеніи въ главнокомандующіе М. Л. Кутузова, графъ Александръ Ивановичъ, получившій на этотъ счетъ вѣрное извѣстіе, написалъ о томъ нѣсколько строкъ на клочкѣ бумаги и приказалъ мнѣ отвезти эту записку къ другу своему Ермолову, прибавивъ, чтобы я никому ее не показывалъ, а въ случаѣ невозможности сохранить тайну, уничтожилъ бы записку. Но увы, скоро лишился я на всегда подобнаго благодѣтеля! Вскорѣ послѣ новаго моего назначенія прибылъ гене-

ралъ-фельдмаршалъ князь М. Л. Кутузовъ, главнокомандующимъ 1 и 2 армій. Въ этотъ день войска стояли у Царева-Займища. Въ тотъ вечеръ Кутузовъ объѣзжалъ на дрожкахъ всѣ линіи расположенія войскъ и, осмотрѣвъ позиціи, приказалъ арміямъ снова продолжать отступленіе.

Съ того времени, какъ я поступилъ во второй разъ ординарцемъ къ начальнику артиллеріи, имѣлъ я случай часто видѣться съ П. Х. Граббе и слышать отъ графа Кутайсова, какъ онъ ставилъ намъ примѣромъ его храбрость и сметливость во время геройской защиты города Смоленска.

Послѣ немногихъ переходовъ, выступивъ изъ Царева-Займища, арміи расположились лагеремъ на томъ мѣстѣ, гдѣ 26 Августа было побоище, которое названо Наполеономъ битвою исполиновъ. 24 Августа вечеромъ Кутайсовъ самъ разставлялъ всѣ батареи 1-й арміи, а на канунъ Бородинскаго дня посылалъ меня объѣхать батареи и донести ему объ ихъ расположеніи и состояніи.

24 Августа, съ 12-ти часовъ по полудни до вечера, генералъ Коновницынъ геройски удерживалъ арьергардомъ наступавшія силы, которыми лично командовалъ Наполеонъ. При началѣ Бородинскаго сраженія, гвардейскій егерскій полкъ, стоя въ самомъ селѣ Бородинѣ, былъ атакованъ сильнымъ непріятельскимъ отрядомъ. Начальникъ артиллеріи счелъ за нужное поставить противъ моста на рѣчкѣ Колочѣ конную батарею и поручилъ П. Х. Граббе исполнить оное; мнѣ же приказалъ ѣхать къ этому мосту и донести ему, когда конная батарея прибудетъ на назначенное мѣсто. Въ скоромъ времени П. Х. Граббе привелъ конную батарею полковника Егора Ѳедоровича Ховена. Съ необыкновенною неустрашимостью орудія были поставлены на мѣста, и жестокій огонь былъ открытъ. Въ продолженіе одного часа потеря людей и лошадей въ этой батарее была такъ велика, что она уже не

4) Вотъ какъ отступаютъ въ Пикардіи (Французская поговорка).

5) Надѣюсь, что вы меня теперь не оставите.

могла быть употреблена болѣе. Хотя я былъ самое короткое время на этой батарее, но убѣдился наглядно въ справедливости отзывовъ графа А. И. Кутайсова о П. Х. Граббе.

Около 11 часовъ А. П. Ермоловъ доложилъ главнокомандующему, что князь Багратионъ смертельно раненъ, корпусный командиръ Тучковъ убитъ, что Раевского батарея (центральная всей позиціи) уже взята непріятелемъ и что потому онъ весь счелъ за нужное отправиться къ этой батарее. Графъ Кутайсовъ не послѣдовалъ приказанію Кутузова оставаться все время при немъ и поѣхалъ къ той батарее вмѣстѣ съ Ермоловымъ. По дорогѣ туда, уже недалеко отъ батареи, я проѣзжалъ мимо оврага; а когда возвращался, то увидѣлъ тотъ же оврагъ, но уже ровень съ землею: онъ весь заваленъ былъ трупами. Удостоившись, что помянутая батарея находится въ рукахъ непріятеля, А. П. Ермоловъ съ свойственнымъ ему героизмомъ повелъ лично два полка на штыки, и въ самое короткое время батарея была отнята у непріятеля, и вновь поставлены нашихъ 18 орудій. Тутъ взялъ въ плѣвъ Французскій генералъ Бонами. Начальникъ артиллеріи, замѣтивъ, что рота полковника Веселитскаго недостаточно сберегаетъ заряды, отправилъ меня для передачи этаго замѣчанія, и въ самое то время когда я, подѣхавъ къ полковнику Веселитскому, передалъ ему нѣсколько словъ, онъ былъ смертельно раненъ. Многіе старшіе офицеры этой роты были уже перебиты, и поручикъ Я. И. Вальцъ принялъ командованіе. Возвратившись на то мѣсто, гдѣ я оставилъ графа А. И. Кутайсова, я не нашелъ его уже тамъ. Всѣ усилія мои вмѣстѣ съ полковникомъ Сеславиннымъ отыскать начальника артиллеріи остались тщетными. Вскорѣ потомъ увидали бурога боеваго коня стоящаго неподвижнымъ, не въ дальнемъ разстояніи отъ батареи, гдѣ мы находились. Мы вмѣстѣ съ полковникомъ Сеславиннымъ подошли къ лошади и увидали,

что она была облита кровью и обрызгана мозгомъ, что убѣдило насъ въ невозвратной потерѣ для всей Россійской артиллеріи достойнѣйшаго ея начальника.

Мое положеніе было самое затруднительное. Я не зналъ къ кому и куда пріютиться. Къ счастью моему, А. П. Ермоловъ удостоилъ меня дозволеніемъ состоять при немъ до окончанія Бородинскаго сраженія, и черезъ 60 лѣтъ я живо помню, съ какою распорядительностію, въ продолженіе болѣе четырехъ часовъ на батарее Раевского, П. Х. Граббе исполнялъ приказы А. П. Ермолова.

Положеніе наше въ эти часы было критическое. Самъ главнокомандующій тщетно изыскивалъ средства къ подкрѣпленію. Вѣроятно зная о довѣрїи ко мнѣ Кутайсова или просто замѣтивъ меня, когда я проѣзжалъ мимо, будучи посланъ Ермоловымъ съ какимъ-то приказаніемъ, генералъ Кайсаровъ подозвалъ меня къ себѣ и спросилъ, есть ли еще батареи, не бывшія въ дѣлѣ. Когда я отвѣчалъ, что, сколько мнѣ извѣстно, на самомъ крайнемъ правомъ флангѣ нашемъ должна находиться батарейная батарея ⁶⁾, Кайсаровъ представилъ меня главнокомандующему, который и приказалъ мнѣ немедленно ѣхать туда и вести батарею на лѣвый флангъ позиціи. Когда я доѣхалъ, батарейной батареи уже не было на мѣстѣ. Я поскакалъ обратно, доложилъ о томъ Кайсарову и отправился исполнять приказаніе Ермолова, при которомъ за тѣмъ и оставался во весь остальной день ⁷⁾.

Москва, 25 Мая 1873 г.

⁶⁾ Техническое выраженіе. П. Б.

⁷⁾ Ермоловъ, послѣ своего безсмертнаго подвига, какъ извѣстно, получилъ легкую рану въ шею и былъ вынесенъ изъ сраженія. По словамъ графа П. Х. Граббе, рана была такъ легка, что явившійся для перевязки Вилье засмѣялся и въ доказательство щелкнулъ по ранѣ пальцемъ. Это было минутное нервное разстройство героической личности. Во весь остальной день Ермоловъ продолжалъ заниматься бумагами и слѣдилъ за ходомъ дѣла, но въ самый бой уже не вступалъ. П. Б.

ПИСЬМО ГЕНЕРАЛА РИДИГЕРА КЪ ФЕЛЬДМАРШАЛУ ДИБИЧУ.

Ваше сіятельство,

Милостивый государь!

16-го Октября изъ главнаго штаба I-й арміи препровождено ко мнѣ 22.500 рублей съ увѣдомленіемъ, что деньги сіи Всемиловѣйше пожалованы мнѣ въ вознагражденіе долговременной усердной службы. Принимая Монаршую милость съ глубочайшимъ благовѣніемъ и истинною благодарностію, и признаю себя весьма несчастнымъ, что не могу ощущать вопли радости при многократно оказанныхъ мнѣ знакахъ Высочайшаго благоволенія и щедротъ.

Я имѣлъ честь въ теченіи кампаніи съ полною откровенностію довести до свѣденія вашего сіятельства, что разные неблагопріятныя обстоятельства вовлекли меня въ долги, превышающіе сто тысячъ рублей, къ уплатѣ коихъ не имѣю никакихъ способовъ и не могу даже отсрочивать дальѣ требованія кредиторовъ; и что все упованіе мое выйти изъ столь затруднительнаго положенія я возлагаю единственно на великодушіе Государя Императора и предстательство моего начальства. Ваше сіятельство, входи въ мои обстоятельства, были столь милостивы, что обнадежили лично за меня ходатайствовать и породили во мнѣ мысль о скоромъ наступленіи времени, которое освободитъ меня отъ бремени долговъ, что, кромѣ привычныхъ побужденій усердія и чести оружія, было постоянною цѣлюю всѣхъ трудовъ и усилій моихъ въ теченіи послѣдняго періода службы, и я уже льстился надеждой, что достигъ оной.

Назначеніе вышеупомянутыхъ 22.500 рублей, если суммою сею должны ограничиться всѣ теперь мои надежды на вспомошествованіе отъ щедротъ Государя Императора, не можетъ послужить особеннымъ пособіемъ къ улучшенію мо-

его положенія; напротивъ, въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ коихъ и нахожусь, подвергаетъ меня сильнѣйшему разстройству, потому что преграждаетъ мнѣ путь безъ новыхъ заслугъ прибѣгнуть прямо съ прозьбами къ Престолу, и я, въ ожиданіи получить достаточную сумму на удовлетвореніе всѣхъ моихъ кредиторовъ, испросилъ у нихъ короткіе сроки, и теперь долженъ подвергнуться всѣмъ ихъ притязаніямъ и судебнымъ искамъ и, что для меня тягостнѣе и огорчительнѣе всего, измѣнить своимъ обязательствамъ, хотя я готовъ не пощадить самыхъ необходимыхъ для меня вещей и даже заслуженныхъ кровію и трудами знакомъ отличій.

Въ сихъ горестныхъ для меня обстоятельствахъ, лишающихъ меня не только душевнаго спокойствія и силъ продолжать съ должною дѣятельностію служеніе, но угрожающихъ даже помраченіемъ чести, будучи увѣренъ, что хотя впаденіе въ долги навлекаетъ справедливое нареканіе, но я не былъ расточителемъ и подвергся онымъ по стеченію неблагопріятныхъ случаевъ, въ чемъ удостоверить можно изъ представляемой записки, я рѣшился вновь при всѣхъ обременяющихъ теперь ваше сіятельство важныхъ заботахъ, умолять васъ ходатайствовать у Государя Императора уплату всѣхъ моихъ долговъ, какъ единственное средство, коимъ я могу устроить свои дѣла и обезпечить будущность, и что послужитъ не только наградою за прошедшую мою службу, но и залогомъ будущаго служенія, которое по усердію и готовности, съ коими я приобыкъ проходить оное и тридцатилѣтней опытности, можетъ быть не бесполезно. Я располагалъ прибыть самъ въ С. Петербургъ, но передвиженіе внутренняго мнѣ корпуса въ Херсонскую губернію и опасеніе распространенія заразы въ назначенныхъ оному мѣстахъ не позволяютъ мнѣ отлучиться прежде устройства войскъ и минованія опасности.

Въ заключеніе я прошу всепокорнѣйше ваше сіятельство принять сіи стро-

ки не какъ жалобу чиновника, претендующаго на полученіе какихъ наградъ, отъ каковой мысли я весьма далекъ, но какъ изложеніе чувствованій человека, коему извѣстны высокія добродѣтели и возвышенный образъ мыслей особы вапшей, чувствованій, коихъ основаніемъ служило не дерзкое самонадѣяніе, но единственно увѣренность въ милостивомъ вашемъ расположеніи и всегдашней готовности оказать пособіе въ прозвѣтъ солдата, гордящагося тѣмъ, что раздѣлялъ ваши подвиги и служилъ подъ начальствомъ вашимъ въ достопамятной войнѣ 828 и 829 годовъ, и который всегда сохранить глубочайшее почтеніе и истинную душевную преданность, съ коими и имѣть честь быть

Вашего сіятельства покорнѣйшій слуга *Федоръ Ридицкій*.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

2 Ноября 1830 года. Г. Умань.

Съ 1815 года, со времени вступленія моего въ командованіе дивизіею, по 831 годъ, получилъ я окладнаго жалованья, включая за два года по заграничному положенію и столовыхъ денегъ, 152.760 рублей; изъ назначеннаго мнѣ въ 822 году аренднаго имѣнія выручилъ доходу 45.000 рублей, и въ 826 году въ день коронаціи Всемилостивѣйше пожаловано мнѣ взаимобразно—38.000 рублей, каковой долгъ въ послѣдствіи за кампанію 828 года прощенъ. Всего въ теченіи 16 лѣтъ получено мною на содержаніе изъ казны 235.760 рублей, что составятъ круглымъ шетомъ въ годъ по 14.735 рублей. Въ 1814 году покойный генералъ фельдмаршалъ князь Барклай де-Толли, принимая въ уваженіе, что я, состоя въ чинѣ генералъ-маіора съ 812 года, пользовался однимъ окладнымъ жалованьемъ, за отличіе въ дѣлахъ подъ Фершампенуазомъ и Парижемъ виѣсто награды обнадежилъ исходатайствовать аренду; но обѣщаніе его осталось безъ исполненія, и я удостоился получить аренду восемь лѣтъ спустя за доведеніе 2-й драгунской дивизіи. Нахожденіе непрерывно въ кампаніяхъ, бывшихъ съ 805 по 816 годъ, сдѣланныя мною из-

держки для устройства и сдачи Гродненскаго гусарскаго полка, который я принялъ въ самомъ ходѣ военныхъ дѣйствій въ Августъ мѣсяцъ 812 года по смерти генералъ-маіора Кульнева и сдалъ на законномъ основаніи по окончаніи кампаніи, значительные расходы наиболѣе зависящіе отъ званія и мѣста мною занимаемаго, кои увеличились по случаю частыхъ передвиженій войскъ подъ моимъ начальствомъ бывшихъ, троекратнаго перевода моего изъ одной дивизіи въ другую и двухъ-лѣтняго нахожденія въ предѣлахъ Турціи, а особенно первоначальной запутанности моихъ дѣлъ, кои безъ вспомошествованія, въ которомъ я былъ обнадеженъ назначеніемъ въ 814 году аренды, не могли быть приведены въ устройство и меня съ протеченіемъ времени болѣе и болѣе растранивали, какъ потому что, проценты съ отстрочкою платежа капитала накопились, такъ и потому что не имѣя въ рукахъ достаточнаго наличнаго капитала, коимъ при надобности могъ бы располагать своевременно и съ выгодою, долженъ былъ изворачиваться займами,—суть причины, что я въ теченіи 16 лѣтъ сверхъ вышепоказаннаго полученнаго отъ казны содержанія и прожитаго наследственнаго капитала болѣе 50 тысячъ рублей, вошелъ въ долги, кои нынѣ простираются свыше ста тысячъ рублей.

Хотя впаденіе въ долги во всякомъ случаѣ подвергаетъ справедливому нареканію, но вышеизложенныя причины и убѣжденіе, что, не бывъ скупымъ и корыстолюбивымъ, я не былъ и расточителемъ и ограничивался одними тѣми издержками, кои признавалъ по обстоятельствамъ необходимыми, могутъ нѣкоторымъ образомъ меня извинить, что въ нуждахъ своихъ прибѣгалъ къ тягостному извороту—дѣлать долги. Съ сими чувствами и упованіемъ на одобрителное засвидѣтельствованіе о трудахъ моихъ въ теченіи пятнадцатилѣтняго командованія поочередно тремя кавалерійскими дивизіями и ревностномъ участіи, принятомъ мною въ успѣхахъ послѣдней Турецкой войны, я упадаю къ стопамъ Великодушнаго Монарха, испрашивая отъ

щедротъ Его уплаты моихъ долговъ и способовъ къ обезпеченію будущаго содержанія моего назначеніемъ къ получаемому мною штатному окладу пенсій 15.000 рублей: ибо аренда, коей остается мнѣ владѣть еще три года, приноситъ доходу едва 5000 рублей ассигнаціями. — Не имѣя кромѣ заслуженныхъ знаковъ отличій и сабли своей чѣмъ обезпечить просимый способъ къ житію, да будутъ сіи кровію и трудами тридцатилѣтней безпорочной службы пріобрѣтенныя залогомъ — залогомъ чувствъ благодарности и неослабнаго ревностнаго желанія моего продолжать служить вѣрою и правдою; а за Богомъ молитва и Царемъ служба не пропадетъ. *Генер.-лейтен. Ридшеръ.*
(Съ свернуто-подписаннаго подлинника).

ВОЗРАЖЕНІЕ Г-НУ БАРСОВУ.

Въ Русскомъ Архивѣ сего года, въ статьѣ о Московскомъ археологѣ К. И. Невоструевѣ, сообщено извѣстіе, поразительно повѣрное. Авторъ статьи этой рисуетъ читателямъ картину великаго ученаго, яко бы погибшаго отъ бѣдности и замученнаго стѣснительнымъ положеніемъ въ кельѣ Московскаго Чудова монастыря. Въ заключеніе статьи красуются громкія слова: „О Русь святая, широкая и привольная! Еще ли такъ недостойно будутъ гибнуть у тебя дучшіе труженики науки изъ за теплаго угла и куска хлѣба?“ Знавшіе близко Невоструева не могли безъ улыбки прочитатъ этихъ строкъ; а самъ онъ, по своей правдивой и честной природѣ, если бы ожилъ, отнесся бы къ словамъ этимъ едва ли особенно лестно для автора.

Г. Барсовъ приводитъ слова Невоструева, сказанныя имъ передъ кончиною: „Загубила меня тѣсная, темная и затхлая квартира. Просилъ я Христомъ Богомъ у о. настоятеля одной тепленькой келейки; но мнѣ онъ отказалъ, а отдалъ ее послушнику“. Если действительно Невоструевъ говорилъ что либо подобное, то это надо отнести къ горячечному, предсмертному бреду его. Въ твердой памяти онъ говорить такъ не могъ (ни называть отца архимандрита Веніамина настоятелемъ). По распоряженію митрополита Филарета, достопочтеннѣйшій Капютонъ Ивановичъ зани-

малъ, въ теченіи 20 лѣтъ сряду, очень удобное для одинокаго человѣка помѣщеніе въ Чудовскихъ кельяхъ. Монастырь обезпечивалъ его также освѣщеніемъ, отопленіемъ, прислугою и столомъ какъ для него, такъ и для двоихъ писцовъ его. Желавшіе могутъ удостовѣриться сами, такъ какъ комнаты Невоструева до сихъ поръ еще заняты его библиотекою (которую онъ завѣщалъ Московской Духовной Академіи). Это три покоя, тѣсныя лишь отъ множества книгъ; они во второмъ этажѣ, не менѣе 5 арш. надъ мостовою, слѣд. не сырые; въ нихъ семь оконъ къ Сенатскому зданію (въ 2¹/₂ арш. вышины и въ 1¹/₂ арш. ширины), слѣд. они не темныя. Комнаты эти нѣкогда были залами засѣданій М. Духовной Консисторіи, а за тѣмъ составляли часть помѣщенія митрополита Московскаго на случай его пріѣздовъ въ Кремль, и они отведены были Невоструеву по прямому указанію митрополита Филарета.

Книги, на пріобрѣтеніе которыхъ Невоструевъ тратилъ свои избытки, могли бы вытѣснить его изъ любого помѣщенія. Незадолго до кончины, онъ дѣйствительно просилъ о. архимандрита Веніамина прибавить ему четвертую комнату; этого, по расположенію самихъ покоевъ, сдѣлать было рѣшительно невозможно, и начальство Чудова монастыря, любившее и уважавшее своего достойнаго жильца, предложило ему перейти въ особый, болѣе просторный флигель. Но мы знаемъ, каково ученому человѣку перемѣщать свои книжныя сокровища, рукописи и монеты. Невоструевъ захотѣлъ лучше остаться на прежнемъ мѣстѣ.

Причиною его болѣзни (водянки въ легкихъ) были, конечно, непомѣрные труды его, привычка работать постоянно стоя и ходя, и полное отшельничество. Но онъ не былъ стѣсненъ: напротивъ, его любили и берегли. Служители строгой науки могли даже завидовать его въполнѣ покойной, обезпеченной и чуждой мелочныхъ заботъ обстановкѣ. Что онъ не нуждался, доказательствомъ служить и то, что послѣ него осталось болѣе 2000 рублей денегъ.

Мы сочли нравственнымъ долгомъ очистить его свѣтлую память отъ самой возможности упрека въ неблагодарности.

Ученикъ Невоструева.

**ЗАМѢЧАНІЯ НА НѢКОТОРЫЯ МѢСТА ВЫШЕПОМѢЩЕННЫХЪ ЗАПИСОКЪ
„О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ.“**

То, что сказано въ началѣ статьи (на стр. 1283) о смыслѣ предполагавшагося назначенія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича въ Варшаву, совершенно справедливо. Ѣхать въ Варшаву Его Высочество, какъ Августѣйшій Братъ Государя Императора, не могъ иначе, какъ именно примирителемъ двухъ враждебныхъ другъ другу въ теченіи вѣковъ Славянскихъ народовъ. Когда, вслѣдствіе усилившагося возстанія и сопровождавшихъ его убійствъ и всякихъ безпорядковъ со стороны Поляковъ, примиреніе стало невозможнымъ и вмѣсто примирительной руки нужна была рука карающая и подавляющая, Великій Князь оставилъ Варшаву.

На стр. 1282, внизу, сказано, будто маркизь Велепольскій вступилъ съ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ и Великою Княгинею Александрою Іосифовною въ „сношенія“. Это выраженіе невѣрно. Никакихъ сношеній тутъ не было, а были разговоры и обмѣнъ мыслей, какіе маркизь Велепольскій имѣлъ въ то время и съ Великою Княгинею Еленою Павловною и со всѣми высокопоставленными лицами въ С. Петербургѣ, и чего онъ ни передъ кѣмъ не тайлъ.

На той же стр. 1283 сказано про маркиза Велепольскаго, что онъ пѣлъ какъ Сирена. Сирена поетъ, чтобы обмануть и втянуть въ гибель. Маркизь же Велепольскій, олицетворенная честность, могъ обманываться,

но никого никогда не обманывалъ. Онъ точно былъ Полякъ, никогда не прикидывался Русскимъ и надѣялся спасти Польшу Поляками и тѣмъ ее переродить. Это мысль честная, хотя, какъ опытъ показалъ, къ несчастію, неисполнимая.

Стр. 1285. Прибытіе Великаго Князя Константина Николаевича въ Варшаву, первоначально назначенное въ Іюль или въ Августъ, ускорилось вовсе не отъ указаннаго обстоятельства (исторія Аригольда и Сливицкаго), а единственно вслѣдствіе раны графа Лидерса. Покушеніе на графа Лидерса было въ пятницу утромъ ^{15/27} Іюня. Извѣстіе объ этомъ достигло до Государя Императора въ тотъ же день къ обѣду, и въ тотъ же вечеръ было рѣшено, что Его Императорское Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ отправляется въ Варшаву во Вторникъ утромъ 19-го числа.

На стр. 1298 прїездъ Великаго Князя въ Варшаву разсказанъ совершенно вѣрно.

На стр. 1299 сказано, что кинжалы были не большіе. Они пальца въ три шириною и около полфута длины.

Обстоятельства покушенія на Великаго Князя описаны вообще довольно вѣрно; несправедливо только то, что сказано внизу на стр. 1301: будто Великаго Князя перенесли въ комнату за ложей. Его Высочество отъ выстрѣла не упалъ, самъ вы-

шелъ изъ коляски, самъ взошелъ по лѣстницѣ въ комнату за ложей, самъ растегнулся, осмотрѣлъ рану и при этомъ нашелъ пулю, которая, завернувшись за потянутую за собой канитель эпюлета, повисла на шнуркѣ лорнетки Великаго Князя. Когда Ярошинскій подошелъ къ Его Высочеству (Его Высочество только-что сѣлъ въ коляску), Великій Князь точно думалъ, что Ярошинскій хочетъ подать прошеніе. Но онъ въ это мгновеніе положилъ Великому Князю пистолетъ на грудь въ упоръ, держа его обѣими руками, и выстрѣлилъ. Это обстоятельство (что Ярошинскій стрѣлялъ въ упоръ), вѣроятно, и спасло Великаго Князя, потому что воздухъ въ стволѣ, не имѣя свободнаго выхода, дѣйствовалъ какъ бы пружина, задерживавшая полетъ пули. Револьверъ, изъ котораго онъ стрѣлялъ, казенный военный револьверъ, пробиваетъ дюймовую доску на сто шаговъ.

Стр. 1302. Ярошинскаго поили молокомъ въ видѣ противудія; ибо онъ былъ предварительно отравленъ съ тѣмъ расчетомъ, что если онъ убьютъ, то его товарищи его спасутъ отъ яда; если же попадется, то умретъ отъ яда прежде, чѣмъ успѣетъ что либо показать на слѣдствіи. Тоже самое потомъ повторилось и съ слѣдующими двумя убійцами: Рылемъ и Ржонцюю.

На стр. 1308 внизу сказано, что покушеніе Рылля предполагалось въ Бельведерскомъ саду, гдѣ маркизъ Велепольскій гулялъ всякій разъ по утрамъ. Это невѣрно. Въ Бельведерѣ жилъ тогда Великій Князь Константинъ Николаевичъ съ семействомъ, и маркизъ Велепольскій пріѣзжалъ къ Его Высочеству съ докладомъ, но никогда въ саду не гулялъ.

Стр. 1311. Его Высочество Великій Князь Константинъ Николаевичъ былъ всегда поборникомъ публичности суда и воспользовался тогдашнею своею властію главнокомандующаго, тобы, на основаніи существовавшей, но никогда еще не примѣнявшейся статьи полеваго военно-судебнаго положенія, назначить надъ убійцами судъ публичный при открытыхъ для всѣхъ дверяхъ, дабы все было чисто, открыто и безъ всякой тайны.

Стр. 1313. Опять сказано, что маркизъ Велепольскій жилъ въ Бельведерѣ. Это неправда. Онъ жилъ въ Брюлевскомъ домѣ (Palais Brühl), а по Бельведерской аллеѣ катался съ женою каждый день послѣ обѣда. Ржонца бросался на маркиза два раза. Въ первый разъ убійца отшатнулся отъ удара кучера бичемъ по лицу, а во второй разъ отъ устроеннаго противъ него маркизомъ Велепольскимъ карманнаго пистолета, который онъ въ этотъ промежутокъ времени успѣлъ достать изъ кармана.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

ИЛИ

РУССКІЙ АРХИВЪ 1873

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ
РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ ВООБЩЕ.—
КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ,
ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЬ ВЪ ЖЕ МѢСЯЧНО.

(Годовое изданіе составляетъ двѣ книги)

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1873 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получить Русскій Архивъ въ 1873 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, въ Москву, на Берсеневку, въ домъ Московскаго Археологическаго Общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу, или въ Контору Русскаго Архива на Берсеневкѣ, въ церковномъ домѣ (подъѣздъ съ набережной), куда въ теченіи лѣтнихъ мѣсяцевъ исключи-

тельно обращаются лица, имѣющія дѣло до Русскаго Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Для перемены адреса необходимо высылать адресъ прежній и 10 копѣчную марку.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются; но каждую книгу, заключающую въ себѣ шесть соединенныхъ тетрадей, можно покупать отдѣльно по 4 рубли (съ пересылкою).

Заграничные подписчики къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—2 р., для Франціи и Англіи—3 р. 50 к., для Швейцаріи и Италіи—3 р. За полгода цѣны на пересылку за границу—половинныя.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартенева**.

ГОДЪ

ОДИНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

8.

1873.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ

(БЫВШИМЪ БИБЛИОТЕКАРЕМЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ).

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Обь отгѣнѣ крѣпостнаго права въ Россіи. Письмо *П. В. Куртескаго* къ *А. И. Кошелеву* (1847). Стр. 1345.
2. Внутреннее состояніе Россіи при Петрѣ Великомъ. Новоткрытыя Записки *Фокерода*, секретаря Прусскаго посольства при Русскомъ Дворѣ. Стр. 1360.
3. Изъ Записокъ Юрьевскаго архимандрита *Фотія* о скопцахъ, хлыстахъ и другихъ тайныхъ сектахъ въ Петербургѣ. Съ примѣчаніями *П. И. Мельникова*. Стр. 1434.
4. Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ. Его жизнь и сочиненія. *М. Н. Лонгинова*. Стр. 1453.
5. Свѣдѣнія о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1871 году. Изъ Справочнаго Словаря *Г. В. Геннади*. Стр. 1479.
6. Дополненія къ свѣдѣніямъ о писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1870 г. Стр. 1514.
7. Изъ бумагъ *В. А. Жуковскаго*: Письма *А. И. Тургенева*, *барона А. Гумбольдта* и *Короля Прусскаго Фридриха Вильгельма IV-го*. Стр. 1516.
8. Мытищенская встрѣча или 30 Ноября 1825 года. Записка *А. И. Булакова*. Стр. 1529.
9. *М. Ѳ. Каменскій* у *Фридриха Великаго*. *А. Н. Майкова*. Стр. 1555.
10. *Ермоловъ* и *Паскевичъ*. Замятки *В. А. Андреева*. Стр. 1571.
11. Отвѣтъ на вопросъ г-на *Геннади*, *П. Библиографа*. Стр. 1583.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К°),
на Страстномъ бульварѣ.

1873.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива въ 1873 году съ доставкой и пересылкою семь рублей.

(См. на оборотѣ).

ПРОДАЮТСЯ ОСТАВШИЕСЯ ЭКЗЕМПЛЯРЫ КНИГЪ:

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЪКЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

(533 стр.)

1. Биографія Е. А. Головина, соч. Ю. В. Толстаго.
2. Записки П. В. Васирлина.
3. Записка о духовномъ союзѣ Татарско-вой (по неизданнымъ бумагамъ).
4. Дневникъ художника *Боровиковскаго*.
5. Записка князя *Грубе-Горскаго*.
6. Новая автобіографическія показанія *Матвицкаго*.
7. Воспоминанія о Венгерской кампаніи, Д. П. Сомова.
8. Крестьяне Царства Польскаго въ 1863 г.
9. Неизданныя бумаги и письма Рыльева, статьи и воспоминанія о немъ.
10. Письма Рыльева къ Пушкину и Пушкина къ Пашокину.
11. Письма Жуковскаго къ К. Г. Пушкиной.
12. Обзорніе жизни и царствованія императора Александра Павловича, П. В. Цитлы.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВЪКЪ

КНИГА ВТОРАЯ

(296 и 0271 стр.)

1. Письма графа О. В. Растончина къ князю П. Д. Цицианову (1803—1806). Съ подлинниковъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя.
- II. Изъ Записокъ графа О. В. Растончина:
 - 1) Двѣнадцатый годъ.
 - 2) Путевыя записки 1815 года.
 - 3) Последнія страницы графа Растончина.
- III. Историческая записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ (Проекты Аракчсва, Мордвинова, Сперанскаго, кн. Меншикова, гр. Перовскаго, С. П. Шниова, кн. Друцкаго-Соволинскаго и др., дѣйствія комитетовъ 1826, 1839, 1840, 1844, 1846 и 1848 годовъ). Событію П. А. Милютинимъ.
- IV. Записка о народномъ образованіи, представленная А. С. Пушкинымъ Императору Николаю Павловичу въ 1826 году, съ послѣсловіемъ издателя.
- V. Старая Записная Книжка, начатая въ 1813 году, неизвѣстнаго сочинителя.
- VI. Записки очевидца о войнѣ Россіи противъ Турціи и западныхъ державъ. Сочиненіе П. И. Ушакова.
- VII. Алфавитный указатель.

Цѣна каждой книги «XIX Вѣка» — по три рубля, пересылка за 3 фунта по разстояніямъ (за каждую книгу).

Получать можно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и Одессы.

Иногородные обращаются преимущественно въ Москву, въ Русскій Архивъ, на Березневской Набережной, въ домъ Археологическаго Общества.

ОБЪ ОТМѢНѢ КРѢПОСТНАГО ПРАВА.

(1847).

Письмо Петра Васильевича Кирьевскаго къ А. И. Кошелеву.

Почтеннѣйшій Александръ Иванович!

Послѣ полученія нашего письма я уже нѣсколько разъ имѣлъ случай высказать вамъ лично свои главныя возраженія на вашу мысль объ пользѣ частныхъ сдѣлокъ съ крестьянами. Считаю однакоже не лишнимъ на письменное изложеніе вашей мысли отвѣчать также письменно: я убѣжденъ, что каждая мысль на бумагѣ получаетъ больше опредѣлительности; а ничто такъ не полезно для мысли, какъ именно ея опредѣлительность.

Мы съ вами расходимся не во мнѣніи нашемъ о свойствѣхъ крѣпостнаго права, а только въ оцѣнкѣхъ лекарствъ противъ этой глубокой и страшной язвы нашего государственнаго и общественнаго быта. Вы знаете, что я не защитникъ крѣпостнаго права. Едва-ли есть на свѣтѣ такой безумецъ, который бы могъ искренно думать, чтобы правда могла быть плодомъ человѣческихъ страстей и прихотей, и глубоко безнравственны тѣ отношенія, которыя обращаютъ человѣка въ беззащитную игрушку человѣческихъ страстей и прихотей: вмѣстѣ съ надеждою на правду, они наконецъ искореняютъ въ унывшемъ сердцѣ и самую любовь къ правдѣ, безъ которой не могутъ устоять никакія человѣческія доблести.

Вы знаете также, что я не принадлежу къ числу и тѣхъ мечтателей, которые воображаютъ, будто-бы можетъ помѣщикъ, или человѣкъ вообще, поручиться за самого себя, что онъ, силою сво-

ей воли или своего просвѣщенія, удержитъ свои страсти и прихоти въ должныхъ границахъ, не поставивъ себѣ внѣшней и для него самого неодолимой преграды. Самымъ краснорѣчивымъ отвѣтомъ на такое самонадѣянное мнѣніе можетъ служить примѣръ высокихъ подвизниковъ вѣры, которые обрекали свою пустынную жизнь исключительно борьбѣ съ самими собою, далеко превосходили насъ и крѣпостію воли, и высотой просвѣщенія, а не смотря на то должны были признать, что и они бы не устояли, безъ огражденія внѣшняго.

Въ безнравственности крѣпостнаго права нѣтъ никакого сомнѣнія.

И такъ спорная сторона вопроса заключается только въ томъ, какими средствами и до какой степени мы, помѣщики, можемъ истребить это зло, чтобы беззащитность нашихъ крестьянъ, зависящихъ отъ нашихъ страстей и прихотей, была замѣнена правдою закона.

Вопросъ легко-бы рѣшался, если-бы можно было найти вѣрнаго и безпристрастнаго посредника между помѣщикомъ и крестьянами. Я увѣренъ даже, что, не смотря на всю нашу несомнѣнную испорченность, еще нашлось бы столько великодушій въ значительномъ числѣ Русскаго дворянства, чтобы пожертвовать многими правами и выгодами и перевести своихъ крестьянъ изъ подъ владычества своей прихоти въ область закона, если-бы для этого пужно было пожертвовать только своими правами и выгодами.

Но, по несчастію, этотъ вопросъ гораздо многосложнѣе. А если крестьяннѣ, выходя изъ подъ власти помѣщика, поступить не подъ защиту закона, а подъ такой же помѣщичій произволь

такихъ же безнравственныхъ чиновниковъ, которые, пережѣняясь безпрестанно, не будутъ имѣть даже и той послѣдней преграды, которая еще существуетъ для помѣщика, т.-е. которымъ не нужно будетъ оставлять карманъ крестьянина не до конца исчерпаннымъ, какъ источникъ будущихъ доходовъ, и не страшно будетъ никакое ожесточеніе деревни, изъ которой онъ, передавъ свое дѣло товарищамъ, не замедлитъ переѣхать въ другую за тысячу верстъ, для такого же дѣла: то что же въ этой пережѣнѣ будетъ утѣшительнаго? Развѣ это будетъ значить, что помѣщикъ далъ своимъ крестьянамъ свободу, что онъ свои страсти и прихоти замѣнилъ дѣйствіемъ закона?

Вы согласитесь, что дѣло не въ словѣ, а въ вещи.

Какія бы ни были историческія причины крайней испорченности нашего чиновничества, но въ присутствіи этой крайней испорченности вы согласны. Самыя добрыя дѣла правительства получаютъ совсѣмъ противоположный характеръ, проходя чрезъ сотничерую цѣпь чиновничества; станове конечно заведены для того, чтобы легче было находить краденыхъ лошадей, а коно-вранство сдѣлалось для нихъ источникомъ дохода. Всякое новое вѣдомство становится только новымъ рядомъ кармановъ; прибавка жалованья послужила только къ увеличенію взятокъ, сообразно съ новымъ распространеннымъ кругомъ чиновническихъ расходовъ. Когда правительство захочетъ протянуть руку на помощь бѣднымъ, рука, изгибаясь въ своемъ стотысячесоставномъ протяженіи, опускается въ карманъ бѣдныхъ, но не затѣмъ, чтобы туда власть, а чтобы тащить оттуда послѣднюю копейку.

Все это факты, противъ которыхъ вы спорить не станете. Но вы говорите, что чиновничеству даетъ силу не что иное, какъ крѣпостное право.

Въ этомъ позвольте съ вами не согласиться. Мнѣ кажется, напротивъ, что крѣпостное право получило свою силу отъ чиновничества, хотя разумѣется, что и крѣпостное право могло обратнымъ вліяніемъ содѣйствовать порчѣ чиновничества. Если на ходъ этихъ двухъ разрушительныхъ силъ смотрѣть исторически, то мы найдемъ ясныя доказательства, что чиновничество предшествовало крѣпостному праву; но и одной современности довольно, чтобы показать намъ, что не на крѣпостномъ правѣ снуется чиновничество. Вы говорите, *что всѣ почти чиновники изъ нашего сословія и должны быть безнравственны какъ душевладѣльцы*; но это не совсѣмъ справедливо. Не говорю, чтобы чиновники-помѣщики были лучше другихъ, но несомнѣнно однако же, что большая часть чиновниковъ, и самая худшая, происходитъ не изъ душевладѣльцевъ, а поступаетъ въ душевладѣльцы уже изъ чиновниковъ. Припомните только имена ихъ: это всё почти Беневоленскіе, Здравомысловы, Борисоглѣбскіе, Рисположенскіе, Пирожковы, Огурчиковы и пр., которые поступаютъ въ различные суды и палаты либо изъ духовенства, либо изъ дѣтей вольноотпущенныхъ. Сверхъ того независимость чиновничества отъ душевладѣнія доказывается Консисторіями, которыя во всѣхъ чиновническихъ качествахъ могутъ получить пальму первенства. Думы и Магистраты также не во многомъ уступятъ Палатамъ и Правленіямъ. Изъ этого мнѣ кажется ясно, что чиновничество опирается не на крѣ-

постномъ правѣ, а вообще на отсутствіи правды, на которомъ опирается и крѣпостное право.

Вы говорите, *«что взятки происходятъ отъ роскоши, а роскошь отъ крѣпостнаго права, потому что деньги приобрѣтены чужимъ трудомъ»*. Но и основаніе взятокъ, также какъ чиновничества, мнѣ кажется, лежитъ глубже крѣпостнаго права, на одномъ, общемъ съ нимъ основаніи. Что онѣ происходятъ не отъ роскоши, могутъ служить доказательствомъ всѣхъ низшіе и многочисленнѣйшіе слои чиновниковъ, гдѣ онѣ скорѣе происходятъ отъ нищеты и безпріютности; а что роскошь имѣетъ свое основаніе независимо отъ крѣпостнаго права и скорѣе можетъ быть произведена прямо отъ централизаціи, разрушенія національныхъ и семейныхъ обычаевъ, отсутствія общаго мнѣнія и неуваженія къ своему собственному, человѣческому достоинству—можетъ быть доказано тѣмъ, что она равно существуетъ и у британскаго купечества, и у дворянъ-дшевладѣльцевъ, и у бездушныхъ чиновниковъ. Во всякомъ случаѣ, какъ скоро вы признаете совершенную испорченность чиновниковъ и господство неправды во всѣхъ юридическихъ отношеніяхъ Россіи, а чиновничество (какъ неспорно можетъ быть доказано Консисторіями и Магистратами) можетъ существовать и независимо отъ крѣпостнаго права—вы, мнѣ кажется, никакъ не можете надѣяться, чтобы крестьяне отдѣльныхъ помѣщичьихъ деревень, переходя изъ власти помѣщиковъ во власть чиновниковъ, въ самомъ дѣлѣ переходили изъ подъ неправедности произвола подъ защиту закона. Могутъ быть только два вопроса: улучшится ли хоть сколько ни-

будь положеніе крестьянъ отдѣльнаго помѣщика, который бы передалъ свое имѣніе казенному управленію, и будетъ ли помѣщикъ избавленъ отъ безнравственнаго положенія въ обществѣ? Заимѣйте, что я говорю только объ томъ случаѣ, когда переимѣна совершится однимъ или нѣсколькими помѣщиками, а не какъ общая государственная мѣра, которая имѣла бы совсѣмъ другое значеніе.

Что касается вообще до вопроса, лучше ли состояніе крестьянъ казенныхъ или помѣщичьихъ, то рѣшить его положительно весьма трудно. Тысячи разнообразныхъ мѣстныхъ обстоятельствъ даютъ рѣшеніе совершенно различное. Въ губерніяхъ болѣе промышленныхъ, нежели хлѣбопашенныхъ, прикосновеніе чиновничества должно быть рѣже, а слѣдовательно и крестьянамъ должно быть легче; за то именно въ тѣхъ же губерніяхъ, большая часть помѣщичьихъ имѣній издавна на оброкѣ, и потому избавлены точно также и отъ вреднаго вліянія помѣщиковъ. Въ губерніяхъ хлѣбопашенныхъ мы знаемъ вредное вліяніе заботливости помѣщичьей, но знаемъ также и заботливость чиновническую. Знаемъ примѣры помѣщичьихъ имѣній, ревностно старающихся поступить въ казенное вѣдомство; знаемъ также и другіе, гдѣ имѣнія, поступающія въ казну, нужно было принимать въ казенное вѣдомство вооруженною силою.

Статистику тѣхъ и другихъ составить почти что невозможно, и каждый долженъ руководствоваться въ своихъ соображеніяхъ своей окрестностію. Что до меня касается, то примѣръ сосѣднихъ со мною казенныхъ деревень не прівлечателенъ: эти деревни я еще засталъ, тому назадъ 12 лѣтъ, богатыми, а теперь они разо-

рены до послѣдней степени. Главнымъ доводомъ въ пользу казеннаго управленія мнѣ кажется есть тотъ, что оно однообразнѣе, и потому и легче къ нему примѣняться; а въ пользу помѣщичьяго тотъ, что выгоды крестьянина больше обезпечены выгодами самаго помѣщика.

Впрочемъ вы сами, какъ мнѣ кажется, не совсѣмъ отдаете преимущество казенному управленію передъ помѣщичьимъ, говоря, что общая *правительственная мѣра для устраненія или ограниченія помѣщичьей власти не измѣнитъ чиновничества, но еще больше усилитъ*. Но если общая мѣра усилитъ чиновничество, то почему же частная ослабитъ? Замѣчу между прочимъ, что здѣсь вы признаете независимость чиновничества отъ крѣпостнаго права. Вы желаете, чтобы общая правительственная мѣра была предупреждена частными сдѣлками отдѣльных помѣщиковъ, которые, при безконечномъ разнообразіи мѣстныхъ отношеній, могли бы послужить правительству какъ множество образчиковъ для разнообразныхъ мѣстностей. Вполнѣ уважаю благородное побужденіе, лежащее въ основѣ этихъ опытовъ, но именно потому и не предполагаю, чтобы улучшилась судьба тѣхъ крестьянъ, которые изъ подъ произвола помѣщиковъ съ благородными побужденіями перейдутъ вѣроятно подъ произволъ чиновниковъ съ побужденіями не такъ благородными. Вы скажете: самое свойство сдѣлокъ можетъ оградить крестьянъ отъ многихъ злоупотребленій чиновническаго управленія, особенно если-бы примѣру частныхъ сдѣлокъ послѣдовало большинство помѣщиковъ. И въ самомъ дѣлѣ, если-бы большинство помѣщиковъ могло *единовременно* согласиться на совершеніе частныхъ и доброволь-

ныхъ сдѣлокъ съ крестьянами, то это было бы явленіе самое желанное: тогда эти сдѣлки оградил бы крестьянъ и самихъ помѣщиковъ отъ чиновничьихъ злоупотребленій, потому что это событіе доказало бы существованіе такого крѣпкаго общественнаго мнѣнія, при которомъ не могли бы существовать и чиновники-взяточники.

Но признаюсь, что я больше чѣмъ сомнѣваюсь въ возможности такого обширнаго и одновременнаго согласія, а въ случаѣ отдѣльныхъ и разновременныхъ опытовъ думаю, что они совсѣмъ не достигли бы желанной цѣли.

Вы желаете предпочтительно, чтобы это дѣло началось не общею правительственною мѣрою, которая могла бы ввести законъ не приходящійся ко всѣмъ концамъ Россіи; полагаете, что крѣпостное состояніе можетъ быть уничтожено мало по малу частными сдѣлками помѣщиковъ съ крестьянами, представленными на утвержденіе правительства; и надѣетесь, что правительство, предупрежденное частными сдѣлками, при своихъ будущихъ распоряженіяхъ, получитъ множество образцовъ, приличныхъ каждой мѣстности.

Я смотрю на это совсѣмъ иначе: думаю, что крѣпостное состояніе не такого рода зло, которое бы могло быть исправлено отдѣльно отъ всѣхъ прочихъ злоупотребленій, полицейскихъ и общественныхъ, и что именно потому оно не можетъ прекратиться мало по малу, а должно быть исправлено не иначе какъ съ утвержденіемъ и всѣхъ прочихъ отношеній, сообразныхъ съ этой желанною переменною, слѣдовательно не иначе какъ одною общею правительственною мѣрою.

Общая правительственная мѣра не измѣнитъ чиновничества, но еще больше уси-

литъ. Можетъ быть, но въ такомъ случаѣ, если крестьянамъ будетъ еще хуже, чѣмъ у помѣщиковъ, отвѣтственность за эту переѣну уже не будетъ лежать на совѣсти помѣщиковъ. А возможность сдѣлать эту переѣну къ лучшему и устроить всѣ прочія отношенія сообразно съ нею, чтобы законность отношеній была не словомъ однимъ, а самымъ дѣломъ,—находится только въ рукахъ правительства. Кромѣ того я думаю, что если-бы правительство исполнило эту мѣру, даже и не давая ей никакой опоры въ прочихъ частяхъ администраціи, не переѣнная на первый разъ ни устройства судовъ, ни свойства чиновничества, — то во всякомъ случаѣ это былъ бы шагъ такой важности, что уже самъ собою указалъ бы ему всѣ болѣзненные стороны государственнаго организма, тѣмъ самымъ далъ бы ему болѣзную возможность исправить прочія его части, сообразно съ этою переѣною, и такимъ образомъ самая ошибка въ первоначальныхъ мѣрахъ легко бы исправилась при настоятельности и явственности тѣхъ дальнѣйшихъ переѣнъ, которыя необходимы для того, чтобы з дать настоящій смыслъ и опору.

Оно поступило бы такъ, какъ Юлій Кесарь въ рѣшительную минуту битвы, когда онъ бросилъ знамя своего легіона въ неприятельскіе ряды и тѣмъ рѣшилъ побѣду. Я убѣжденъ, что и положеніе Россіи не меньше критическое, какъ Кесарево.

Вы предполагаете, что вѣроятно съ начала будутъ инвентари, а потомъ обязательные. Согласенъ, что и то и другое отдѣльно не улучшило бы крестьянской участи. Но и то и другое однакоже, въ видѣ общей мѣры, необходимо повело бы за собою другія переѣны, которыя ис-

правили бы первоначальную ошибку. При обязанныхъ, напримѣръ, первый и настоятельный вопросъ будетъ въ томъ, кому быть посредникомъ? А этотъ вопросъ необходимо приведетъ къ преобразованію судовъ и чиновничества. Одинъ колось вѣтеръ сломить,—а десятина стоитъ. Двѣ стороны вопроса: порча крестьянъ и порча помѣщиковъ. Общая мѣра можетъ помочь тѣмъ и другимъ, а частная не поможетъ. Въ отношеніи къ помѣщику это было бы тоже, что продать имѣніе, а въ отношеніи къ крестьянамъ тоже, что вмѣсто одной пѣявки нѣсколько дюжинъ одна за другою.

«Сдѣлки, говорите вы, всегда должны оставаться для полиціи неизвѣстными, покуда крестьяне приучатся къ мірскому управленію и къ некоторой законной самостоятельности. Кто вамъ мѣшаетъ 5—10 лѣтъ оставаться ихъ почитаемымъ?» Но сдѣлки, въ которыхъ свобода крестьянскаго мнѣнія, при полномъ власти помѣщика, всегда будетъ сомнительна—едвали достигнуть своей цѣли. Если это будетъ опредѣленіе крестьянскихъ работъ, то, при недостаткѣ безпристрастнаго посредника между крестьянами и помѣщикомъ, вся сила останется все таки въ рукахъ помѣщиковъ, а крестьянское право, ничѣмъ не обезпеченное, будетъ только вводить крестьянъ въ пскушеніе начинать споръ для вѣрнаго проигрыша. Это будетъ нѣчто похожее на карточную игру, которую иногда мелкопомѣстные дворяне заводятъ съ своими крѣпостными людьми и въ которой послѣдніе только выигрываютъ обыкновенно пощечины. Если же сдѣлка не будетъ касаться до работъ, которыя будутъ совершаться свободнымъ наймомъ, и цѣлю договора будетъ только раздѣлъ земли,

которую еще (как вы предполагаете) крестьяне должны выкупить у помѣщика, то и въ этомъ случаѣ не только назначеніе цѣнности останется совершенно въ произволѣ помѣщика, но и высканіе назначенной цѣны будетъ вполне зависѣть либо отъ самаго помѣщика, либо отъ становаго, и въ обоихъ случаяхъ безпристрастно быть не можетъ. А сверхъ того этотъ раздѣлъ еще больше затрудняется Опекунскимъ Соѣтомъ, гдѣ заложена большая часть имѣній и который либо откажется перевести долгъ на крестьянъ, либо наложитъ на нихъ двойною тяжестью полицейскаго управленія. Въ такомъ случаѣ, предполагая даже и самопожертвованіе со стороны помѣщиковъ, не думаю, чтобы крестьяне остались въ выигрышѣ. *«Сдѣлки, говорите вы, могутъ оставаться для полиціи неизвѣстными; покуда крестьяне приучатся къ мірскому управленію и къ некоторой законности, кто мѣшаетъ помѣщику оставаться 5—10 лѣтъ ихъ попечителямъ?»* Но я мало вѣрю, чтобы крестьяне въ 5 или 10 лѣтъ могли приучиться къ законности, покуда эта законность не сдѣлалась общею атмосферою всего Русскаго царства и покуда они сами будутъ знать, что эта законность, которой они нигдѣ вокругъ себя не видятъ, только допущена въ помѣщикомъ какъ проба, не обеспечена ничѣмъ и завтра же тѣмъ же помѣщикомъ можетъ быть сломана какъ игрушка.

Нѣтъ народа, который бы меньше Русскаго былъ склоненъ къ пробамъ и тоньше бы чуялъ прочность или непрочность своихъ отношеній. Гдѣ мірская сходка еще существуетъ, какъ обломокъ древнихъ, тысячелѣтнихъ привычекъ народа, тамъ она конечно имѣетъ существенную

важность, и совѣстливый помѣщикъ долженъ почтительно хранить ее, какъ основу будущей законности; но тамъ гдѣ она уже разрушена злоупотребленіемъ помѣщичьей власти, она уже никакъ не возстановится какъ проба, а развѣ только какъ истинное и твердо основанное право.

«Если вамъ не нравятся обязанности, говорите вы, то изобрѣтите сами форму;— но по моему мнѣнію, всякая форма, еще не утвержденная правительствомъ, есть ничто иное какъ *хозяйственное распоряженіе*, которое иногда можетъ быть и хорошо, но нисколько не перемѣняетъ коренныхъ отношеній и оставляетъ крестьянъ въ прежней зависимости отъ произвола и страсти помѣщика. Какъ же скоро эта форма будетъ утверждена правительствомъ, то необходимо она либо сольется съ общею формою государственныхъ имуществъ и потеряетъ весь свой особенный характеръ, либо будетъ полумѣрою, что еще хуже, и поставитъ крестьянина подъ двойной произволъ и становаго и помѣщика и, обольщая его однимъ призракомъ права, исполнитъ надъ нимъ Русскую пословицу «медомъ по губамъ, а кулакомъ по зубамъ». Что же касается до той формы, которую я бы желалъ отъ правительства какъ общую, то это было бы не половинное положеніе обязанныхъ, потому что посредничество между помѣщикомъ и крестьянами невозможно, а *полный раздѣлъ помѣщика съ крестьянами*: имъ, по моему мнѣнію, справедливо было бы отдать половину земли.

И такъ, по моему мнѣнію, частныя сдѣлки съ крестьянами отдѣльныхъ помѣщиковъ ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ для крестьянъ благодѣяніемъ не будутъ.

Остается разсмотрѣть: будутъ ли онѣ полезны для нравственнаго достоинства помѣщиковъ? *«Ничто такъ не портитъ ума и сердца, говорите вы, какъ привычка и возможность расплачивать чело-
вѣкомъ какъ вещь»*. Въ этомъ я съ вами совершенно согласенъ и вполне вижу, до какой ужасной степени господство произвола вмѣсто законности искажаетъ крестьянина, искажаетъ и помѣщика.

Но если помѣщикъ, ограничивая или уничтожая свой собственный произволъ, передаетъ своихъ крестьянъ въ такой же произволъ безсовѣстныхъ чиновниковъ, то не вижу, почему его совѣсть можетъ быть спокойнѣе. Это было бы все тоже, (а можетъ быть и хуже), что продать свое имѣніе пріятелю, котораго, положимъ, онъ знаетъ за добраго человѣка. Онъ, можетъ, быть избавилъ бы себя отъ многихъ хлопотъ; но его положеніе нисколько бы не сдѣлалась нравственнѣе, потому что онъ точно также остался бы однимъ изъ членовъ несправедливаго чиновничества, которое, какъ вы сами соглашаетесь, не уничтожилось бы вмѣстѣ съ крѣпостнымъ правомъ. Даже и оставаясь внѣ государственной службы, онъ никакъ бы не могъ себя одного выгородить изъ общей порчи и отвѣтственности несправедливаго общества.

Однимъ словомъ, для помѣщика, который вмѣстѣ съ тѣмъ и дворянинъ, призванный къ государственной службѣ, вопросъ объ освобожденіи крестьянъ и объ водвореніи судебной справедливости не только равнозначительны, но даже послѣдній мнѣ кажется еще значительнѣе, и эти оба вопроса не могутъ быть разрѣшены иначе, какъ въ одно и тоже время.

Съ уваженіемъ смотрю я на тѣхъ, которые, какъ вы, заботятся объ водворе-

ніи законности въ отношеніяхъ отдѣльныхъ помѣщиковъ къ ихъ крестьянамъ, и на тѣхъ, которые идутъ въ государственную службу, ревностно стараясь, хотя бы въ своемъ кругу, истребить злоупотребленія чиновничества. Но, признаюсь—извините меня—что ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ я не жду значительныхъ плодовъ для Россіи, потому что всѣ усилія отдѣльныхъ людей необходимо бываютъ сокрушены давленіемъ общей массы, уже разъ принявшей направление ложное. А исправить общее направленіе Русской жизни не соразмѣрно съ силами частнаго человѣка; это можетъ быть совершено только изъ центра, т.-е. правительствомъ.

Если бы *всѣ* благонамѣренные люди согласились одновременно занять *всѣ* государственныя мѣста и по правдѣ исполнить свою должность, то безъ всякаго сомнѣнія, вмѣсто криводушнаго чиновничества, водворилось бы праведное, утвердилось бы и общественное мнѣніе, общественная справедливость; но такъ какъ эта *единовременная* стачка *всѣхъ* не возможна, то и долженъ каждый совѣстливый чиновникъ, стоящій одиноко, быть сокрушенъ массою взяточниковъ, уже разъ сомкнувшихся въ фалангу.

Точно также мнѣ кажется не возможна и всеобщая стачка благородныхъ помѣщиковъ для водворенія законныхъ отношеній къ крестьянамъ; а каждое отдѣльное усиліе точно также не достигнетъ своей цѣли и загложнетъ въ наплывѣ общаго моря.

Вполнѣ однакоже согласенъ я съ вами, что взаимная порча крестьянъ и помѣщиковъ идетъ такъ быстро и развивается такъ ужасно, что требуетъ быстрого пособія. Не только и не раздѣляю мнѣ-

вѣтъхъ, которые думаютъ, будто бы нашъ народъ еще не созрѣлъ для законности, но думаю напротивъ, что онъ стоитъ на той ступени, что еще не утратилъ къ ней способности, которую съ каждымъ годомъ утрачиваетъ больше и больше.

Помощь можетъ только одна коренная, центральная, слѣдовательно правительственная, мѣра, потому что одно правительственно можетъ одновременно остановить всѣ потоки злоупотребленій, которые одни другимъ взаимно поддерживаются. Оно одно можетъ въ одно и тоже время уничтожить и чиновничество, и крѣпостное право.

Это письмо, или скорѣе разсужденіе, принадлежитъ къ неимогимъ письменнымъ слѣдамъ чловѣка, прекрасною жизнію оставившаго въ современникахъ своихъ впечатлѣніе неизгладимое, а своимъ вліяніемъ вѣчно памятнаго въ исторіи нашего умственного развитія. Собиратель Русскихъ пѣсенъ, Петръ Васильевичъ Кирѣевскій (род. въ 1808 г., сконч. 25 Октября 1856) былъ народолюбивцемъ въ истинномъ смыслѣ слова: всю многостороннюю ученость свою примѣнялъ онъ къ дѣлу родины, и про него можно было безъ преувеличенія сказать, что общее дѣло Россіи почиталъ онъ своимъ частнымъ дѣломъ. Поэтому сужденія его о крѣпостномъ правѣ должны быть сохранены въ Русскомъ Архивѣ. Онъ не дождался улучшенія быта крестьянъ, но пламенно желалъ и чаялъ его, а (нынѣ бывшіе) собственные крестьяне его имѣли въ немъ почительнаго и заботливаго помѣщика. П. Б.

Въ отвѣтъ на запросъ нашъ о поводахъ, по которымъ было написано предъидущее письмо, мы получили отъ достоинства А. И. Копелева нижеслѣдующія строки:

«Письмо это было написано въ 1846 или въ 1847 году, когда въ кружкѣ нашемъ шли толки о необходимости прекращенія крѣпостнаго состоянія въ Россіи

и о различныхъ мѣрахъ, которыя могли бы быть приняты къ достиженію этой цѣли. Въ виду того, что принятіе со стороны правительства общей мѣры къ освобожденію крестьянъ и дворовыхъ людей, было, въ то время болѣе чѣмъ сомнительнымъ, я предлагалъ друзьямъ своимъ хотя частнымъ образомъ освобождать своихъ людей отъ произвола и для этого устроить между крестьянами самоуправленіе, совершенно отдѣлить ихъ земли отъ господскихъ земель и установить положительныя и точныя правила какъ къ отправленію барщинскихъ работъ, такъ и къ уплатѣ оброка. Въ отвѣтъ на это предложеніе и было написано упомянутое письмо».

30 Апрѣля 1873 г.

РОССІЯ ПРИ ПЕТРѢ ВЕЛИКОМЪ.

(Записки Фокерода)

Марбургскій профессоръ Германъ оказалъ новую услугу нашей историографіи, напечатавъ въ прошломъ году, къ юбилею Петра Великаго, небольшую, но весьма важную по содержанію своему тетрадь, подъ заглавіемъ: *Zeitgenössische Berichte zur Geschichte Russlands. Russland unter Peter dem Grossen. Nach den handschriftlichen Berichten Johann Gotthilf Vockerodt's und Otto Pleyer's. Leipzig. Duncker, 1872. 8-^o, XIV и 140 стр.* Это двѣ рукописи: Прусака Фокерода и Австрійца Плейера. Последняя не содержитъ въ себѣ ничего для насъ новаго и можетъ быть пригодна развѣ для иностранцевъ; первая же записка исполнена высокой занимательности для Русскаго читателя, и изъ нея приводимъ мы нижеслѣдующія извлеченія, сожалѣя что не имѣемъ права предложить полнаго ея Русскаго перевода.

Въ предисловіи къ своему изданію профессоръ Германъ говоритъ, что осенью

1871 г. онъ случайно попалъ въ Берлинъ на рукопись секретаря королевско-прусскаго посольства *Иоанна Фокерода*, и этотъ манускриптъ приковалъ къ себѣ немедленно все его вниманіе. И въ самомъ дѣлѣ, этотъ трудъ, обнимающій въ бѣгломъ, но весьма цѣльномъ очеркѣ весь государственный строй Россіи, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ возникъ подъ могучею десницею Петра Великаго, не можетъ не имѣть значенія въ глазахъ всякаго любознательнаго читателя. Въ качествѣ секретаря иностранной миссіи при Русскомъ дворѣ, Фокеродъ, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, предшествовавшихъ кончинѣ Петра I, имѣлъ случай близко ознакомиться съ государственнымъ устройствомъ Россіи во всѣхъ его отношеніяхъ и въ тоже время оцѣнить по достоинству дѣятельность и значеніе всѣхъ въ то время вліятельныхъ лицъ Русскаго двора. Наблюденія его гѣмъ болѣе заслуживаютъ вниманія и довѣрія, что онъ повидимому обладалъ полнымъ знаніемъ Русскаго языка, такъ что служилъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ переводчикомъ Русскихъ правительственныхъ бумагъ и книгъ для Берлинскаго двора, который, много лѣтъ до кроваваго столкновенія съ Россіею (при Фридрихѣ II и Елисаветѣ) уже зорко слѣдилъ за внутреннимъ состояніемъ нашего отечества. Очевидно, что самыя Записки Фокерода были составлены по порученію Прусскаго правительства. Рукопись Берлинскаго архива озаглавлена такъ: «Разъясненіе нѣкоторыхъ вопросовъ касательно перемѣны, происшедшей въ Россіи въ правленіе Петра I-го. Составлено въ Сентябрѣ мѣсяцѣ 1737 г.»

Можно утверждать, что Записки другихъ современниковъ-иностранцевъ, какъ

напр. Вебера и Бассевича (Р. Архивъ 1872 и 1865) блѣднѣютъ въ сравненіи съ глубиною и основательностью возрѣній этого новаго историческаго свидѣтеля. Фокеродъ начинаетъ съ слѣдующаго вопроса:

Точно-ли справедливо, что древніе Россіане были такими дикими и скотоподобными, какими ихъ провозглашаютъ?

Если приписывать подобныя свойства людямъ, которые не имѣютъ никакого или во всякомъ случаѣ весьма мало понятія о правилахъ учтивости и приличія, установившихся между другими просвѣщенными народами Европы, о правахъ народныхъ и о взаимномъ уваженіи государствъ между собою; которые питаютъ слѣпую любовь и благоговѣніе къ нравамъ и обычаямъ своего отечества и относятся съ презрѣніемъ и отвращеніемъ ко всему, что другія націи имѣютъ хорошаго, полезнаго и похвальнаго лишь потому, что все это чужеземное изобрѣтеніе; людямъ, которые пользуются науками и искусствами, лишь на сколько они въ человѣческой жизни приносятъ осизаемую и немедленную пользу, всѣ же остальные, служащіе къ душевному развитію, считаютъ пустыми и ничтожными и въ добавокъ ко всему этому заражены самымъ безразсуднымъ суевѣріемъ, — то въ такомъ случаѣ достовѣрно, что въ концѣ прошлаго столѣтія едва-ли какому Европейскому народу (даже немногимъ изъ Азіятскихъ) подобныя свойства могли быть съ такою справедливостію приписаны, какъ народу Русскому. Нельзя сказать, чтобы Русскимъ не доставало сознанія добра и зла. У нихъ были свои понятія о чести, которыя они (подобно тому, какъ это дѣлается въ Европѣ) внушали своей молодежи, и соблюденіе

или нарушение этихъ правилъ точно также приносило взрослымъ людямъ или почетъ, или осужденіе; скажу болѣе, за исключеніемъ Китайцевъ, едва-ли существуетъ на свѣтѣ народъ, у котораго простолоудинъ при встрѣчѣ съ подобнымъ себѣ былъ бы болѣе учтивъ и щедръ на привѣтствія (въ особенности жители Украины). Но къ несчастію имъ пришлось усвоить многіе обычаи своихъ покорителей и владыкъ, Татаръ Золотой Орды, у которыхъ они заимствовали и всѣ остальные учрежденія, какъ для устройства двора, такъ и по управленію государствомъ и военными силами. Приѣзжавшимъ въ Москву иностранцамъ эти понятія не могли не казаться варварскими и скотскими, и Русскіе поражали ихъ своимъ безобразіемъ, тѣмъ болѣе, что часто обращались съ иноземными послами презрительно и дерзко, по своему безразсудному убѣжденію въ превосходствѣ своего царя надъ всѣми остальными монархами.

Но если-бы вздумалось доводить эти укоры до крайнихъ предѣловъ и безусловно принять за истину описаніе Русскаго человѣка, сдѣланное однимъ Французомъ *«que le Moscovite est précisément l'homme de Platon, animal sans plumes, auquel rien ne manque pour être homme, si non la propreté et le bon sens»* (что Москвичъ именно человѣкъ по системѣ Платона: животное безъ перьевъ, заключающее въ себѣ все что нужно человѣку, кромѣ чистоты и здраваго смысла), то пришлось-бы нанести этимъ положительное оскорбленіе Русской націи. Кто въ состояніи сомнѣваться въ разумѣ Русскаго народа за время до воцаренія Петра Перваго, тому слѣдуетъ только бросить взглядъ назадъ на Русскую

исторію и взвѣсить все то, что совершилось въ предыдущемъ столѣтіи, когда Русскіе послѣ того, что государство раздробилось по властолюбію Годунова и по интригамъ Поляковъ на безчисленное множество партій и внутренними и внѣшними врагами приведено было на край гибели (при чемъ Поляки завладѣли Москвою, а Шведы — Великимъ Новгородомъ), когда Русскіе, говорю я, послѣ столькихъ бѣдствій, собственными силами и твердымъ образомъ дѣйствій, безъ всякой чужеземной помощи, безъ малѣйшаго содѣйствія со стороны какого либо иностраннаго министра или полководца, съ помощію того же военнаго искусства, которое сохранялось у нихъ изстари, не только возстановили свою монархію, очистили отечество отъ столь могущественныхъ враговъ и менѣе, чѣмъ въ 50 лѣтъ вернули всѣ тѣ области, которыя были ими по неволѣ уступлены, даже до Ингрін и части Кареліи; но сверхъ того отторгли отъ Поляковъ, кромѣ Смоленска, еще Кіевъ, Черниговъ и Сѣверскую область. Они даже вынудили Оттоманскую Порту, находившуюся въ то время на высотѣ могущества и величія, уступить имъ казаковъ, выѣстѣ со всею Украиною. И все это совершилось въ царствованіи государей, которые не отличались ни особеннымъ мужествомъ, ни превосходствомъ разума и къ тому же исходили изъ такого новаго рода, что ихъ первому царю Михаилу едва ли удалось бы доказать правоспособность свою, если бы онъ принадлежалъ къ одной изъ Германскихъ династій *.

* Авторъ вѣроятно подразумѣваетъ то, что царь Михаилъ Федоровичъ не находился въ прямой родственной связи съ послѣдними Рюриковичами. Д. Б.

Тотъ, говорю я, кто приметъ все это во вниманіе, не можетъ не сознаться, что подобныя великія предпріятія не могли быть задуманы, а еще менѣе приведены въ исполненіе людьми глупыми и пустыми.

Если даже не брать на себя трудъ убѣдиться въ томъ путемъ историческихъ изслѣдованій, то стоить лишь остановиться на простомъ Русскомъ гражданинѣ или крестьянинѣ, на котораго не распространялись образовательныя стремленія Петра I-го и выкинуть, на сколько въ немъ замѣтно проявленіе ума и душевныхъ силъ.

При подобномъ наблюденіи, немедленно окажется, что Русскій вообще, всюду, гдѣ онъ не связанъ предрасудками своего отечества и спосѣи вѣры, одаренъ здравымъ природнымъ умомъ и яснымъ сужденіемъ; что при этомъ онъ обладаетъ необыкновенною способностью пониманія, большою находчивостью въ изобрѣтеніи средствъ къ достиженію своей цѣли и умѣніемъ обращать въ свою пользу малѣйшее благоприятное обстоятельство и что большинство Русскихъ людей одарено достаточнымъ природнымъ краснорѣчіемъ при предъявленіи своихъ нуждъ и разумною разборчивостью между тѣмъ, что можетъ быть полезнымъ или вреднымъ. И при томъ, все это проявляется у нихъ въ несравненно большихъ размѣрахъ, чѣмъ мы привыкли встрѣчать среди простонародія въ Германіи или гдѣ-бы то ни было. Но тотъ, кто пожелаетъ произнести эти наблюденія какъ слѣдуетъ и составить себѣ вѣрное понятіе о способностяхъ Русскаго человека, долженъ сперва отрѣшиться отъ своихъ предубѣжденій и смотрѣть

на вещи, какъ онѣ есть, не принимая за мѣрило своихъ сужденій господствующіе въ его собственномъ отечествѣ обычаи и нравы. Кроме того, онъ долженъ понимать Русскій языкъ и находиться нѣкоторое время въ сношеніяхъ съ этимъ народомъ: потому что можно утвердительно сказать, что всякій Русскій простолюдинъ во всѣхъ своихъ отношеніяхъ къ чужестранцу имѣетъ постоянно въ виду лишь собственную свою выгоду, и ему всего менѣе приходитъ на умъ провозвести на него своею личностью благопріятное впечатлѣніе. Съ этою цѣлью относится онъ къ иностранцу съ величайшею сдержанностью и съ совершенно-навнымъ, почти простодушнымъ видомъ, стараясь въ тоже время проникнуть его сокровенныя мысли, и умѣетъ мастерски пользоваться малѣйшею съ его стороны оплошностью. А такъ какъ мы всего менѣе остерегаемся тѣхъ людей, у которыхъ предполагаемъ немного разсудка, то обыкновенно и случается въ подобныхъ отношеніяхъ, что иностранецъ попадаетъ въ просакъ. Этой участи подверглись многіе иноземцы, въ особенности изъ числа поступившихъ въ Русскую службу, которые, прежде чѣмъ успѣли о томъ догадаться, очутились въ сѣти у своихъ повидимому столь простодушныхъ подчиненныхъ и, не видя возможности выпутаться собственными силами, вынуждены были обращаться къ нимъ съ ласкою и подчиниться ихъ руководству. Но той же самой причинѣ случалось, что многіе иноземцы, которые только проѣхались по Россіи и судили о Русскихъ по наблюденіямъ весьма поверхностнымъ, составили себѣ весьма жалкое понятіе о ихъ умственныхъ способностяхъ; тогда какъ, напротивъ того,

другіе никогда въ Россіи не бывавшіе и знавшіе Русскихъ лишь по ихъ дѣйствіямъ и политическимъ сношеніямъ, какъ напримѣръ Пуффендорфъ въ своемъ жизнеописаніи Карла Густава и другіе, при всѣхъ жалобахъ на ихъ каверзы и недоброе вѣстоупство, не могутъ не воздать должнаго ихъ разуму и проницательности.

Послѣ этихъ общихъ замѣчаній Фокеродъ переходитъ къ настоящему предмету своихъ Записокъ и въ особой главѣ разбираетъ

Какія важнѣйшія измѣненія были предприняты Петромъ I-мъ относительно ерроученія.

Въ основныхъ положеніяхъ вѣры, т. е. въ догматахъ церкви, Петръ I во все свое царствованіе не произвелъ ни малѣйшихъ измѣненій; напротивъ того, онъ постоянно выказывалъ особенное рвеніе къ сохраненію первобытной чистоты въ исповѣданіи вѣры и стремился даже всѣми силами къ возвращенію въ лоно церкви такъ называемыхъ раскольниковъ, отпавшихъ отъ церкви въ правленіе его отца, побуждая ихъ къ тому чрезмѣрными налогами, унижательными послугами, позорнымъ отличіемъ ихъ одѣянія и другими столь-же мягкими (sanften) принудительными мѣрами, при чемъ даже предавалъ сожженію нѣкоторыхъ изъ ихъ наставниковъ.

Но за то въ іерархіи и чиновначаліи Русской церкви Петръ I-й предпринялъ и въ большинствѣ случаевъ удачно осуществилъ многія и существенныя перемѣны. Главнѣйшая изъ нихъ, на которой основывались всѣ остальные, состояла въ томъ, что онъ уничтожилъ въ

Москвѣ патриаршій престолъ и превозгласилъ себя главою своей церкви. *

Разказавъ объ учрежденіи въ Россіи патриаршества и характеризовавъ первыхъ патриарховъ, Фокеродъ продолжаетъ. Послѣдній патриархъ Андріанъ, скончавшійся въ 1702 г., оставался совершенно спокоенъ, когда Петръ I-й заточилъ свою сестру Софью въ монастырь, предавалъ казни съ жестокими пытками многихъ священниковъ и иноковъ, которые оказались участниками въ ея козняхъ или слишкомъ свободно выражались объ его поступкахъ, употреблялъ церковные колокола на возстановленіе утраченной подъ Нарвою артиллеріи, удостоивалъ еретиковъ свободнаго къ себѣ доступа и своего довѣрія, явно употреблялъ мясную пищу въ посты и безпрепятственно нарушалъ многія другія церковныя установленія, брилъ Русскимъ бороды и принуждалъ ихъ носить Французское платье, словомъ, вводилъ многія обыкновенія, которыя Русскимъ вообще, а духовенству въ особенности, представлялись чѣмъ-то чудовищнымъ.

Не взирая на то, что Русскіе государи, путемъ долгаго опыта, уже вполне изучили науку, какимъ образомъ сдерживать значеніе патриарховъ, чтобы они не могли служить помѣхою царской власти, Петръ I-й нашелъ, что было-бы еще несравненно безопаснѣе и для его обшир-

* Таково толкованіе, выводимое не только въ то время, но и повнѣ въ западной Европѣ, изъ отношеній, установленныхъ въ Россіи со временъ Петра Великаго между церковью и верховною властью, которая въ дѣйствительности никогда не признавала за собою права касаться догматовъ и основныхъ положеній церкви. Не таково отношеніе этихъ двухъ властей въ Пруссіи. Л. Б.

ныхъ замысловъ удобнѣе совершенно уничтожить это званіе и довести духовенство до сознанія, что ихъ природный государь въ тоже время долженъ быть и единственный ихъ первосвященникъ. Выгоды, сопряженныя съ достиженіемъ этой цѣли, были слишкомъ очевидны: вопросъ заключался лишь въ томъ—какъ достигнуть. Духовенство всѣми силами побуждало Петра къ немедленному замѣщенію патриаршаго престола и рисовало картину всѣхъ ужасовъ, угрожавшихъ государству при дальнѣйшемъ замедленіи въ этомъ дѣлѣ. Хотя Петръ и сознавалъ, что опасность совсѣмъ не такъ велика и что духовенство сильно преувеличивало ее, но при всемъ томъ онъ не зналъ, какъ именно поступить и потому зорко искалъ человѣка, который могъ бы вывести его изъ затрудненія и принять въ свои руки управленіе духовными дѣлами.

Незадолго передъ тѣмъ одинъ Русскій простолоудинъ, по имени Талицкій, учившійся въ Москвѣ книгопечатанію, основалъ секретно въ деревнѣ типографію и издалъ книжку, имѣвшую цѣлью доказать, что Петръ есть Антихристъ, потому что онъ бритіемъ бороды посрамляетъ подобіе Божіе, приказываетъ тѣла умершихъ вскрывать и разрѣзать на части, ногираетъ ногами церковные законы и т. п. Талицкій вскорѣ былъ отысканъ и, въ воздаяніе за свои труды, преданъ мучительной казни. Но одинъ монахъ, родомъ изъ Львова, по имени Стефанъ Яворскій, не задолго до того прибывшій въ Россію искать счастья, вознамѣрился опровергнуть сочиненіе Талицкаго. Трудъ его былъ неудаченъ, и вѣроятно заслужилъ бы ему бы одни насмѣшки въ цѣлой Европѣ: одно изъ сильнѣйшихъ его до-

казательствъ противъ возможности считать Петра Антихристомъ состояло въ томъ, что цифра 666, требуемая для Антихриста, никакими выкладками и вычислениями не могла быть выведена изъ имени Петра.

Но въ царствѣ слѣпыхъ и кривой идетъ за зрячаго. Петру это произведеніе такъ понравилось, что онъ велѣлъ его огласить въ печати и возвелъ Яворскаго въ санъ Рязанскаго епископа. Но такъ какъ сей послѣдній еще обладалъ даромъ слова и умѣлъ не только составить, но и произнести проповѣдь съ большими эффектными тѣлодвиженіями на подобіе Іезуитовъ, и кромѣ того умѣлъ въ совершенствѣ вилать лисьиимъ хвостомъ, принимая на себя личину безусловнаго повиновенія волѣ Петра: то царю и пришло въ голову, что онъ не только приобрѣлъ въ немъ ловкаго исполнителя, но даже такое орудіе, которое можетъ быть весьма удобно употреблено въ дѣйствіе для осуществленія его намѣреній, безъ малѣйшаго противорѣчія, и въ этихъ видахъ Яворскій назначенъ блюстителемъ патриаршаго престола.

Однако вскорѣ Петръ увидѣлъ, въ какой степени онъ обманулся въ этой личности. Правда, что его ученость не простиралась далѣе того, чего требовалось въ католическихъ Польскихъ монастыряхъ; но онъ усвоилъ себѣ въ Іезуитскихъ школахъ понятія папистовъ объ исключительныхъ правахъ и независимости, и менѣе всякаго другаго былъ созданъ содѣйствовать Петру I-му въ выполненіи его предначертаній, которыя находились въ явномъ противорѣчіи съ вышеупомянутыми понятіями. Яворскій постоянно противодѣйствовалъ всѣмъ его намѣреніямъ, въ особенности жела-

нію уменьшить излишнюю роскошь по церквамъ и обратить духовныя лица къ умѣренности, которая требовалась ихъ саномъ. При жизни Яворскаго ничто не могло быть приведено въ исполненіе, и при этомъ онъ дѣйствовалъ такъ осторожно, что нельзя было привлечь къ отвѣту. Не смотря на то, что всѣ эти уловки не могли оставаться неизвѣстными Петру, онъ не выказывалъ особеннаго недоброжелательства къ ихъ виновнику и ограничивался нѣкоторою холодною въ обращеніи, особенно въ послѣдніе годы. Подобное небывалое снисхожденіе не можетъ быть приписано ничему иному, какъ нежеланію посредствомъ низложенія Яворскаго преждевременно обнаружить свои дѣйствительныя намѣренія; напротивъ того, онъ находилъ выгоднымъ, въ утѣху старымъ православнымъ сердцаамъ, сохранять Яворскаго на мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока новая система церковнаго управленія, надъ которою онъ тѣмъ временемъ трудился съ Прокоповичемъ, вполне не созрѣетъ.

Прокоповичъ, скончавшійся прошлаго года въ Петербургѣ въ званіи Новгородскаго архіепископа, находился простымъ монахомъ въ Кіево - Печерской лаврѣ въ то время, когда Петръ, послѣ Полтавской битвы, посѣтилъ лавру. Въ молодости своей онъ не только воспитывался въ Польскихъ школахъ, но даже учился въ самомъ Римѣ; но, благодаря его честной и правдивой природѣ, всѣ эти лживыя проявленія благочестія, примѣченныя имъ въ Италіи, внушили ему такое отвращеніе къ папству, что онъ не могъ безъ волненія говорить о немъ, чему также много способствовало чтеніе протестантскихъ книгъ, которыя онъ ставилъ очень высоко и даже не коле-

бался предпочитать ихъ многимъ твореніямъ православныхъ отцевъ церкви. Сверхъ того онъ отличался такими достоинствами, которыя весьма рѣдко встрѣчаются между духовными особами, а именно необыкновенною скромностію (такъ что приходилось почти насильственно привлекать его ко всѣмъ высокимъ духовнымъ должностямъ, на которыя его постепенно возводили), полнѣйшимъ безкорыстіемъ и пламенною заботою о благоденствіи отечества, даже въ ущербъ интересовъ духовенства. Петръ тѣмъ сильнѣе привязался къ этому инокъ, что замѣчалъ въ немъ одинаковыя съ собою понятія относительно управленія церковью и находилъ его постоянно готовымъ содѣйствовать ему въ достиженіи этой цѣли. Но въ виду того, что Шведская война была въ то время еще въ полномъ разгарѣ и что было-бы несвоевременно приступить къ столь чувствительному перевороту, Петръ, не желая выказывать своихъ намѣреній, оставилъ Прокоповича до времени въ Кіевѣ и довольствовался тѣмъ, что велъ съ нимъ по этому предмету постоянную переписку. Но послѣ похода въ Померанію, поѣздки во Францію, отреченія царевича отъ престола, уже нѣсколько успокоенный Петръ вызвалъ Прокоповича, подъ предлогомъ устройства училища въ Александровскомъ монастырѣ, въ Петербургѣ, назначилъ настоятелемъ этого монастыря и тайнѣ совѣщался съ нимъ о той реформѣ въ управленіи, которую намѣревался ввести въ дѣлахъ церкви. Съ цѣлью подготовить къ этому общественное мнѣніе, Прокоповичъ обнародовалъ особую книжку подъ названіемъ «*Rotifex*» (первосвященникъ), въ которой доказывалъ на ученыхъ и разумныхъ ос-

нованіяхъ, что первые христіанскіе государи постоянно сохраняли за собою званіе «первосвященника», унаслѣдованное ими отъ ихъ языческихъ предковъ, пока наконецъ Римскимъ папамъ не удалось изыскать средства исторгнуть у нихъ это званіе со всѣми принадлежащими къ нему преимуществами и присвоить его себѣ; при чемъ намекалось на то, что въ каждомъ христіанскомъ государствѣ главный надзоръ по дѣламъ церковнымъ не можетъ принадлежать никому другому, кромѣ законнаго государя.

Вскорѣ послѣ этого, Петромъ I-мъ было объявлено, что патріаршество, какъ слишкомъ высокое и никакому подданному неподобающее званіе, отмѣняется, и впредь всѣ церковныя дѣла будутъ состоять подъ верховнымъ главенствомъ самаго государя и управляться Святѣйшимъ Синодомъ, состоящимъ изъ одного президента, двухъ вице-президентовъ и нѣсколькихъ членовъ и ассесоровъ.

Немедленно по учрежденіи Синода, былъ переданъ на его разсмотрѣніе новый духовный регламентъ и, не смотря на противодѣйствія Яворскаго (назначеннаго президентомъ, но скончавшагося въ самый первый годъ его назначенія) онъ былъ по именному повелѣнію Петра утвержденъ и опубликованъ.

Въ этомъ регламентѣ устанавливается полнѣйшее подчиненіе духовенства свѣтской, государственной власти, отмѣняются всѣ церковныя преимущества и привилегіи, постановляются различныя полезныя узаконенія относительно монастырскихъ уставовъ, воспрещаются многіе суевѣрные религіозные обычаи, а также ослабляется нѣсколько значеніе церковныхъ отлученій и дисциплины, и въ особенности ограничивается

тайна исповѣди, такъ что каждый духовникъ, въ случаѣ сдѣланнаго ему при исповѣди заявленія о какихъ либо заговорахъ противъ особы Государя или возмущеніяхъ и другихъ государственныхъ преступленіяхъ, — обязывался. не умалчивая о нихъ, немедленно доносить о томъ, подъ страхомъ государственной измѣны. Это произведеніе въ своемъ родѣ образцовое и заслуживаетъ того, чтобы его прочесть съ начала до конца; кромѣ того оно заключаетъ въ себѣ всѣ перемѣны, совершенныя Петромъ I-мъ по вопросу о церковной дисциплинѣ. Его можно получить въ Германіи напечатаннымъ, и потому безполезно распространяться на счетъ его содержанія.

Вначалѣ, въ числѣ разныхъ постановленій для поддержанія порядка и благолѣпія въ храмахъ, вмѣняется монастырямъ въ особенную обязанность, чтобы они совершали богослуженіе съ надлежащимъ благочестіемъ и приличіемъ, для чего предписывалось въ каждой обители имѣть не менѣе тридцати монаховъ; въ тѣхъ-же случаяхъ, когда такового количества иноковъ на лицѣ не имѣется и слѣдовательно указанная цѣль не достигается, предписывалось обращать подобный монастырь въ приходскую церковь или школу, а проживавшихъ въ немъ монаховъ распредѣлять по другимъ монастырямъ, гдѣ имѣется недостатокъ въ узаконенномъ количествѣ иноковъ. За тѣмъ внушается всѣмъ игуменамъ и монастырскимъ настоятелямъ, подъ страхомъ строгаго взысканія, не принимать въ монашество ни дворянина, ни кого изъ состоящихъ въ государственной службѣ, ни канцелярскаго служителя, никого неграмотнаго, или несовершеннолѣтня-

го, ни мѣщанина, ни крестьянина безъ особаго на то позволенія. Такимъ образомъ въ составъ этого перечня входили всѣ Русскіе подданные, къ какому бы они званію ни принадлежали, и слѣдовательно никому не дозволялось поступать въ монастырь за исключеніемъ овдовѣвшихъ священниковъ, которые по уставу Греко-россійской церкви не могли уже продолжать свое священнослуженіе; а въ тоже время монастыри, при неимѣніи въ наличности покрайней мѣрѣ 30 монаховъ, подлежали закрытію; — такъ что, при строгомъ соблюденіи этого постановленія, число монастырей въ Россіи, въ теченіи какихъ нибудь тридцати лѣтъ, должно было естественнымъ образомъ на столько сократиться, что во всей странѣ едва-ли могло ихъ сохраниться до десяти, которыхъ дальнѣйшее существованіе по особеннымъ соображеніямъ оказалось-бы полезнымъ поддерживать. Но послѣ кончины Петра I-го выполненіе этого намѣренія не было соблюдаемо и совмѣстно со многими другими полезными предпріятіями по церковнымъ дѣламъ оставлено безъ послѣдствій. По введеніи этой новой регламентаціи въ дѣлахъ церкви и связанныхъ съ нею учреждений, ничто столько не заботило Петра I-го, какъ желаніе вывести духовенство изъ того невѣжества, въ которомъ оно коснѣло. Въ началѣ его царствованія, оно было несравнено грубѣе, чѣмъ оно могло когда либо быть въ остальной Европѣ въ самыя мрачныя эпохи папскаго владычества. Проповѣдь совсѣмъ не была въ употребленіи. Кто умѣлъ читать и писать и въ точности соблюдать всѣ церковныя обряды, тотъ почитался выполняющимъ всѣ условія, требуемыя не только званіемъ священника, но даже

и епископа. Если онъ при этомъ еще умѣлъ составить себѣ репутацію чловѣка строгой жизни и былъ одаренъ окладистою бородою, то онъ уже считался замѣчательною духовною личностью.

Среди Украинскаго духовенства, впрочемъ, попадался изрѣдка извѣстная личности, обладавшія нѣкоторою ученостью, потому что, во время господства Поляковъ въ этой области, ея жители основали во многихъ монастыряхъ Латинскія школы, а въ Кіевѣ и Черниговѣ Академіи, въ которыхъ преподавались философія и богословіе, хотя и на Польскій ладъ. Впрочемъ, на сколько ученость этихъ господъ была поверхностна, можетъ быть усмотрѣно изъ слѣдующаго пререканія, возникшаго въ моемъ присутствіи между настоятелемъ одного изъ знатнѣйшихъ монастырей Украины и однимъ Русскимъ княземъ о томъ, грѣшно-ли курить табакъ. По поводу какого-то распутства, совершеннаго монахами означеннаго монастыря, князь утверждалъ, что было-бы лучше, если-бы монахамъ дозволялось куреніе табаку въ видѣ развлеченія, не затмѣняющаго ихъ умственныя способности, чѣмъ разрѣшать имъ употребленіе пива, водки и другихъ горячительныхъ напитковъ, которые вовлекали ихъ въ разные пороки и соблазны; на это настоятель возразилъ, что такое предположеніе было-бы весьма основательно, если-бы Слово Божіе прямо не воспрещало употребленіе табаку; ибо въ Библии сказано: все что входитъ въ уста—чловѣка не оскверняетъ; тогда какъ то, что изъ устъ его исходитъ—оскверняетъ его. Всѣ-же напитки входятъ въ уста, а куреніе табаку исходитъ изъ устъ чловѣческихъ.

Тѣмъ не менѣе одни эти Украинскія духовныя особы и могли быть полезны Петру I-му для распространенія нѣкоторой учености среди его духовенства. Если-бы онъ употреблялъ для этой цѣли лицъ чуждаго, хотя и родственнаго вѣроисповѣданія, онъ усилилъ-бы только чувство недовѣрія, и безъ того къ нему питаемое ревнителями древняго православія, быть можетъ, возбудилъ-бы опасное волненіе въ народѣ и въ тоже время все таки не достигъ-бы своей цѣли. А потому онъ и поручилъ Стефану Яворскому, при возведеніи его въ званіе блюстителя патріаршаго престола, учреждать школы, гдѣ личности, посвятившія себя духовному званію, могли-бы изучать требуемыя тѣмъ званіемъ науки: и въ видахъ большаго поощренія ихъ къ этимъ занятіямъ, онъ положилъ особымъ деньгами, изъ которыхъ всякому студенту, смотря по его успѣхамъ, выдавалось ежедневно отъ 3-хъ до 4-хъ копѣекъ вознагражденія (приблизительно 1 грошъ или 16 пфенниговъ.)

Хотя Яворскій и основалъ безъ особаго затрудненія философскую и богословскую академію при Спасскомъ монастырѣ въ Москвѣ, поручилъ управленіе ея настоятелю того монастыря Лопатинскому (человѣку не лишнему способностей, но въ тайнѣ папскому приверженцу) и выписалъ изъ Украины нѣсколько монаховъ для преподаванія въ качествѣ профессоровъ; но такъ какъ эти личности ничего не знали, кромѣ того, что они видѣли и заимствовали у лезуитовъ въ Польшѣ, то изъ этого предпріятія не вышло ничто другое какъ лезуитская школа. Преподаваемые профессорами курсы философіи и богословія списывались слово въ слово изъ учеб-

никовъ Римскихъ ученыхъ и наполнялись выдержками изъ Васкеда, Суареса, Эскобара, Анхеца, Овiedo и другихъ мрачныхъ схоластиковъ; причѣмъ студентами усвоивалось такъ мало серьезной учености, что Петръ I-й изъ огромнаго количества учившихся въ той академіи не нашелъ ни одного, кого бы онъ могъ назначить на высшія духовныя должности.

Когда Петръ I-й перенесъ свое довѣріе по церковнымъ дѣламъ отъ Яворскаго къ Прокоповичу, то онъ между прочимъ возложилъ на него заботу объ улучшеніи школьной системы въ Россіи. Этотъ разумный мужъ принялся за дѣло совершенно съ другаго конца и принялъ въ основаніе, что слѣдуетъ сперва заготовить хорошихъ учителей, а затѣмъ уже создавать какія либо высшія учебныя заведенія. Въ этихъ видахъ отправилъ онъ нѣсколько молодыхъ людей, получившихъ первоначальное понятіе о наукахъ въ его домовою школѣ и посвятившихъ себя духовному званію, въ Германскія академіи, для усовершенствованія ихъ въ усвоенныхъ тамъ научныхъ приемахъ обученія, съ тѣмъ, чтобы они могли въ послѣдствіи, въ имѣющихся открытыя въ ихъ отечествѣ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, преподавать своимъ ученикамъ нѣчто болѣе существенное, чѣмъ прежняя схоластическая, Польская болтовня. Въ тоже время, чтобы приготовить имъ къ ихъ возвращенію достойныхъ учениковъ, онъ основалъ какъ при своемъ домѣ, такъ и при нѣкоторыхъ монастыряхъ своей Новгородской епархіи начальныя школы, гдѣ значительное количество молодыхъ людей обучалось языкамъ, первымъ основаніямъ философіи и другимъ полезнымъ наукамъ; причѣмъ не колебался употреблять въ каче-

ствѣ наставниковъ и протестантскихъ студентовъ. Кончина Петра I-го остановила дальнѣйшее развитіе его благихъ намѣреній. Старое Русское, полу-папское духовенство, которое въ особенноти во времена Петра II получило большее значеніе, старалось всѣми силами ему противодѣйствовать. Молодые люди, отправленные имъ въ Германію, либо совсѣмъ не вернулись, либо не принесли съ собою тѣхъ познаній, которыхъ онъ ожидалъ отъ нихъ, такъ что его главнѣйшая цѣль не могла быть достигнута. Не менѣе того школы его принесли ту пользу, что онѣ доставили учрежденной въ послѣдствіи Академіи Наукъ многихъ достойныхъ дѣятелей, которые, впрочемъ, по мѣрѣ ихъ научнаго развитія, не желали болѣе посвящать свои труды духовному званію, а начали искать счастья въ свѣтскихъ должностяхъ.

Впрочемъ вопросъ еще остается нерѣшеннымъ, дѣйствовалъ ли Петръ какъ искусный политикъ (он hon politique) желая образовать свое духовенство и извлечь его изъ первобытнаго невѣжества и варварства; и не создалъ ли бы онъ самому себѣ и своимъ преемникамъ, въ случаѣ успѣха, лишнюю преграду при осуществленіи своихъ дальнѣйшихъ намѣреній, въ особенности въ вопросахъ, неблагопріятныхъ церковнымъ интересамъ. Но крайней мѣрѣ многіе разумные люди того мнѣнія, что онъ едва ли достигъ бы такихъ результатовъ въ своихъ преобразованіяхъ, если-бы ему пришлось бороться съ болѣе искуснымъ духовенствомъ, которое сзумѣло-бы заслужить любовь и уваженіе народа и обратило бы ихъ въ свою пользу.

По поводу переимѣнъ, предпринятыхъ Петромъ въ дѣлахъ церкви, слѣдуетъ

еще упомянуть, что онъ чрезъ вновь учрежденный Синодъ провозгласилъ дозволенными и закономъ признанными браки иноувѣрцевъ съ Русскими женщинами, до того времени положительно запрещенные, но только на слѣдующихъ условіяхъ: 1) чтобы иноувѣрецъ перешелъ сперва въ Русское подданство и обязался вѣчно служить Россіи; 2) чтобы дѣти обоюга пола были крещены и воспитаны въ Русской вѣрѣ; 3) чтобы иноувѣрецъ ни силою, ни убѣжденіемъ не совращалъ своей жены отъ ея вѣры и чтобы приходскій священникъ, обязанный наблюдать за этимъ, имѣлъ всегда свободный доступъ въ его домъ. Подобныя условія конечно не были такого свойства, чтобы внушить иностранцу особенную охоту вступать въ бракъ съ Русскою женщиною.

Въ заключеніе, будетъ не лишнимъ коснуться нѣкагого полуязыческаго обряда, постоянно соблюдавшагося Петромъ во все время его жизни, когда онъ находился въ предѣлахъ своего государства. Въ Россіи существуетъ древнее обыкновеніе, въ силу котораго священники, въ промежутокъ времени между Рождествомъ и Крещеніемъ, совершаютъ обходъ всѣхъ домовъ своего прихода и поютъ нѣкоторые духовныя пѣсни во славу родившагося Христа, за что и получаютъ стаганъ нива или вина и при этомъ нѣсколько грошей вознагражденія. Такъ какъ это время почитается церковнымъ празднествомъ и посвящается увеселеніямъ, то и многіи свѣтскія личности, угощая другъ друга на этихъ праздникахъ, подражали бывало этому церковному обряду и при входѣ въ дома своихъ друзей воспѣвали подобныя-же пѣсни, называя ихъ на своемъ

нарѣчиі славленіемъ или хвалебнымъ пѣніемъ. А потому и Петръ, не упустившій въ своей молодости удобнаго случая къ кутежу, пользовался этимъ обыкновениемъ чтобы путемъ отпировать этотъ праздникъ у своихъ любимцевъ. Въ началѣ свита его бывала малочисленна и состояла изъ его камердинеровъ и нѣсколькихъ фаворитовъ. Но вскорѣ онъ чрезвычайно умножилъ эту компанію и привлекалъ къ этому всѣхъ тѣхъ, кто своимъ ростомъ, лицомъ, рѣчью, привычками или юморомъ представлялъ нѣчто смѣшное и диковинное. Чтобы удержать за этимъ обычаемъ нѣкоторый духовный оттѣнокъ, онъ возвелъ своего стараго наставника въ патриархи пѣнницъ, подъ именемъ князи-папы, а двадцать другихъ Русскихъ, прославившихся своимъ скотскимъ обжорствомъ и разгуломъ, въ кардиналы. Остальному обществу роздалъ онъ другія духовныя званія, а себя самаго провозгласилъ діакonomъ и выполнялъ эту должность на ихъ собраніяхъ съ такимъ тщаніемъ, какъ будто это въ самомъ дѣлѣ было серьезное дѣло. Князь-папа появлялся на открытыхъ носилкахъ, которые несли двѣнадцать голо - головыхъ (эти люди составляютъ немногочисленное племя въ Сибирскихъ пустыняхъ, и у нихъ на всемъ тѣлѣ нѣтъ ни одного волоса); въ рукахъ у него была палка съ бычачинымъ пузырьемъ, которою онъ барабанилъ по головамъ своихъ носильщиковъ. Кардиналы ѣхали за нимъ верхомъ на быкахъ, а остальные духовныя чины слѣдовали въ саняхъ, запряженныхъ свиньями, собаками, медвѣдями и тому подобными животными. Въ этой фантастической обстановкѣ Петръ странствовалъ всюду, не только по царедвор-

цамъ, но и по кущамъ и по всѣмъ домамъ, извѣстнымъ своими достаточными средствами. Вездѣ, гдѣ этотъ поѣздъ приставалъ, раздавалось прежде всего хвалебное пѣніе, которое хозяинъ дома оплачивалъ подаркомъ не менѣе какъ въ 100 рублей. За тѣмъ гости, числомъ обыкновенно до 300 человекъ, садились за пиръ и если хозяинъ не предлагалъ достаточнаго количества вина или подарокъ оказывался слишкомъ скуденъ, или если имѣлось противъ него какое либо другое неудовольствіе, то его не только спаивали до полусмерти, но онъ еще получалъ кромѣ того порядочную потасовку въ видѣ награжденія. Безчинства и попойки, совершаемыя при подобныхъ случаяхъ, невообразимы. Но ничто не могло быть возмутительнѣе избранія новаго папы. Для этого случая Петромъ было приспособлено особенное зданіе, которому дано было названіе Ватикана. Въ немъ были устроены, на подобіе того, какъ говорятъ собирается конclave въ Римѣ, особыя кельи, раздѣленныя цыновками, въ которыя запирались кардиналы-пѣнницы; они обязывались ежедневно сходиться на выборы, при чемъ вмѣсто записокъ употребляли дѣтородные уды бѣлыхъ и черныхъ козловъ. Въ теченіи всего этого времени предлагались имъ въ пищу одни лишь дѣтородныя части быковъ, коровъ, козловъ, барановъ, даже собакъ и кошекъ, обильно приправленные перцомъ, а для питья крѣпкое пиво и водка, и не дозволялось ни минуты быть трезвыми, что продолжалось, сколько Петру заблагоразсудится. При этомъ онъ показывалъ взадъ и впередъ и не только забавлялся скотскимъ состояніемъ этихъ людей, но даже самъ отъважно участвовалъ въ этихъ попойкахъ,

такъ что тотъ кутежъ, который не за-долго до кончины былъ учиненъ имъ въ Ватиканѣ при избраніи послѣдняго пьянаго папы, по мнѣнію медиковъ, отчасти и свелъ его въ могилу.

Русскіе и иностранцы придумывали объясненія этимъ отвратительнымъ празднествамъ. Фокероду кажется, что Петръ предавался имъ по естественной склонности къ нимъ. Во всѣхъ его развлеченіяхъ, говоритъ онъ, было что-то грубое и отталкивающее. Ничто его такъ не забавляло какъ заставлять людей дѣлать и выносить противное ихъ природѣ. Если кто чувствовалъ естественное отвращеніе къ вину, маслу, сыру, устрицамъ, тому онъ при всякомъ случаѣ наполнялъ ротъ этими предметами. Любимѣйшимъ занятіемъ его было щекотать того, кто боялся щекотки и забавлялся производимыми при этомъ движеніями; многіе, чтобы угодить ему, прикидывались будто не могутъ выносить щекотанія.

Тѣмъ не менѣе легко быть можетъ, что онъ при этомъ имѣлъ отчасти и заднюю мысль относительно іерархіи Римской церкви. Ибо ученіе папистовъ о независимости духовенства отъ свѣтской власти внушало ему немалую ненависть и недовѣріе къ папству и довело его до того, что онъ всѣми силами старался покровительствовать протестантской партіи; тогда какъ именно эта система и была причиною, что Русское духовенство, за весьма малыми исключеніями, чрезвычайно расположено къ Римской церкви, а протестантовъ ненавидитъ отъ всего сердца и охотно приложило-бы свое содѣйствіе къ ихъ угнетенію и искорененію, если-бы у него не были связаны руки.

Въ третьей главѣ своихъ Записокъ секретарь Прусскаго посольства разбираетъ

Въ чемъ заключались реформы, предпринятія Петромъ I, въ отношеніи къ государственному управленію?

Весь Русскій народъ можно раздѣлить на два класса: на *работъ и людей свободныхъ*. Къ первому принадлежатъ не только одни крѣпостные и крестьяне, но и тѣ городскіе обыватели, которые подобно крестьянамъ обязаны платить подати и въ нѣкоторомъ смыслѣ считаются прикрѣпленными къ землѣ, такъ какъ ни одинъ мѣщанинъ не можетъ оставить жилище отца своего иначе какъ передавъ его одному изъ своихъ братьевъ, который вынужденъ вмѣстѣ съ тѣмъ принять на себя всѣ повинности своего сословія. Свободными людьми считаются всѣ дворяне, чиновники, духовныя особы и солдатскія дѣти, хотя эти послѣднія и принадлежатъ къ числу природныхъ рекрутовъ и несутъ военную повинность.

Тѣмъ не менѣе ни одинъ изъ свободныхъ людей въ Россіи не можетъ считать себя независимымъ отъ безграничной самодержавной власти, съ незапамятныхъ временъ принадлежащей Россійскимъ монархамъ, съ подчиненіемъ ей всѣхъ безъ исключенія сословій въ государствѣ. При многократныхъ раздѣлахъ земель между Русскими князьями, не разъ представлялся случай дворянству завладѣть новыми правами и предписать своимъ государямъ нѣкоторые предѣлы ихъ власти; но, не смотря на это, въ древнихъ лѣтописяхъ Россіи не находится ни малѣйшаго слѣда какой либо попытки такого рода. Напротивъ, даже всѣ льготы и преимущества, издавна принад-

лежавшія дворянству (какъ на примѣръ правило, по которому ни одинъ офицеръ не могъ быть принуждаемъ находиться подъ начальствомъ у другаго, родъ котораго принадлежалъ къ низшему разряду, и т. д.) въ сущности вполнѣ зависѣли отъ воли монарха и, по первой его прихоти, теряли свою силу и переставали существовать.

Чувство благоговѣнія и преданности всего Русскаго народа къ потомкамъ ихъ перваго великаго князя Рюрика было такъ сильно, что въ продолженіи всего того времени, когда они занимали престолъ, ни одному Русскому никогда и въ голову не приходила мысль, что его отечество могло быть управляемо иначе какъ вполнѣ самодержавными монархами. Это убѣжденіе вкоренилось такъ глубоко, что когда, по умерщвленіи Лжедмитрія, воцарился нѣкто князь Шуйскій (хотя и потомокъ того же древняго рода, но происходившій отъ младшей линіи и потому уже принадлежащій къ числу подданныхъ) и во время коронованія своего добровольно предложилъ дать клятвенное обѣщаніе не казнить ни одного изъ бояръ безъ соизволенія его собратьевъ, весь сонмъ бояръ, преклонивъ колѣна, сталъ умолять его не отказываться такъ легко отъ тѣхъ правъ самодержавія, которыя, по ихъ понятіямъ, составляли славу и украшеніе Русской державы.

Впослѣдствіи, когда вышеупомянутый царь Шуйскій былъ низвергнутъ Поляками, и всѣ сословія Русскаго государства, по прекращеніи смуты, вновь должны были приступить къ избранію новаго царя, многимъ изъ старѣйшихъ бояръ пришла мысль ограничить власть, даруемую ими царю, такъ какъ онъ не

имѣлъ никакихъ природныхъ правъ на престолъ, и предписать ему законы, которыми онъ долженъ былъ руководствоваться. Въ такомъ намѣреніи ихъ сильно поддерживали черезъ письма плѣнные ихъ товарищи, оставшіеся въ Польшѣ и усвоившіе себѣ, благодаря сношеніямъ съ Поляками, республиканскія мнѣнія; болѣе же всѣхъ дѣйствовалъ въ этомъ духѣ тогдашній епископъ Ростовскій, впослѣдствіи патріархъ Филаретъ, который тогда еще нисколько не подозрѣвалъ, что выборъ падеть на его сына. Съ этой цѣлью они образовали изъ своей среды нѣчто въ родѣ Сената (названнаго Соборомъ), въ которомъ не одни только бояре, но и всѣ лица, занимающія высшія государственныя должности, пользовались правомъ голоса. Они единодушно постановили: избрать въ цари только того, кто клятвенно обязуется свято соблюдать всѣ древніе законы Русскіе, не только никого не казнить, не даже не произносить суда по собственному произволу; безъ согласія Собора не вводить никакихъ новыхъ узаконеній, въ особенности же не обременять своихъ подданныхъ новыми налогами и въ вопросѣ о войнѣ и мирѣ не принимать никакихъ личныхъ рѣшеній. Чтобы еще крѣпче связать новаго царя этими условіями, рѣшено было не выбирать въ цари такого, который, опираясь на богатую и сильную семью, могъ бы со вреженемъ, при поддержкѣ своихъ родственниковъ, нарушить предписанные ему законы и снова овладѣть самодержавною властію.

Съ этой цѣлью избрали они молодого, пятнадцатилѣтняго дворянина Михаила Романова, который вовсе не имѣлъ кровныхъ связей и могъ похвалиться лишь одною заслугою, что отецъ его съ

большою твердостью противился Польской партіи, за что и пострадалъ, будучи арестованъ и увезенъ изъ государства. Единственная связь его съ древнимъ царскимъ родомъ заключалась въ томъ, что царь Иванъ Васильевичъ былъ женатъ на его внучатной бабкѣ Анастасіи Романовнѣ, дочери мелкаго дворянина, котораго родъ былъ еще столь неизвѣстенъ, что онъ не имѣлъ даже особеннаго прозвища (фамиліи), а назывался просто по отцу, какъ это дѣлается въ Россіи въ простонародьи.

Такимъ образомъ царь Михаилъ принялъ и подписалъ не задумавшись вышеприведенныя условія, хотя мать его при этомъ нѣсколько поморщилась и бытъ можетъ пожелала бы избавить своего сына отъ подобной чести, сопряженной съ такою опасностью. Правленіе нѣкоторое время продолжалось на предложенныхъ основаніяхъ.

Но какъ только отецъ его Филаретъ вернулся изъ Польскаго плѣна и возведенъ былъ въ званіе патріарха, то онъ вскорѣ сумѣлъ такъ мастерски обратиться въ свою пользу значеніе, придаваемое ему его званіемъ въ глазахъ суетливаго народа, а равно и неуодолюбивости мелкаго дворянства противъ влстолюбивыхъ бояръ, зависть и несогласія сихъ послѣднихъ между собою, что онъ одинъ завладѣлъ опекою надъ своимъ сыномъ, сохранилъ ее до самой своей смерти и, пользуясь этимъ положеніемъ, управлялъ всѣми дѣлами безгранично, отстраняя подъ всѣми возможными предлогами всѣхъ свободномыслящихъ лицъ и предоставивъ Собору лишь высокую честь одобрять всѣ его предпріятія и распоряженія. Для закрѣпленія этого порядка вещей, образо-

валъ онъ, подъ именемъ стрѣльцовъ или стрѣлковъ, особенную гвардію, предоставилъ имъ обширныя права и привилегіи, но начальство надъ ними не вѣрялъ ни одному изъ знатныхъ родовъ, а пскателямъ приключецій, отличившимся во время Польской войны. Вслѣдствіе того дворянство, въ то время еще болѣе чѣмъ нынѣ кичившееся своимъ происхожденіемъ, относилось съ полнѣйшимъ презрѣніемъ къ этому войску и почитало за стыдъ и униженіе принадлежать къ нему; а стрѣльцы съ своей стороны ненавидѣли всѣ знатныя семьи и всегда были готовы выполнять всѣ повелѣнія своего царя, клонившіяся къ ихъ вреду.

Съ помощью этой дружины, царю Михаилу удалось, послѣ кончины своего родителя-патріарха, продолжать прежнее управленіе съ властью и значеніемъ, и при ея же содѣйствіи сынъ его царь Алексѣй дошелъ до того, что не находилъ уже нужнымъ остерегаться знатныхъ родовъ и могъ даже ограничивать ихъ преимущества, какъ только считалъ это полезнымъ для блага государства. Послѣ его смерти, старшій сынъ его царь Θεодоръ, хотя и слабый, болѣзненный правитель, возмѣлъ намѣреніе предать сожженію всѣ дворянскія родословныя, сохранявшіяся въ Москвѣ въ особой канцеляріи, и уничтожить всякое различіе между высшими и низшими рядами дворянства.

Когда царь Θεодоръ скончался, то бояре возвели на престолъ Петра, въ то время десятилѣтняго ребенка, помимо старшаго брата его Ивана, въ надеждѣ воспользоваться его несовершеннолѣтіемъ, чтобы вернуть свои прежнія преимущества и возстановить образъ правленія на прежнихъ основаніяхъ. Но

сестра его царевна Софья, одаренная возвышеннымъ духомъ и великими достоинствами, сумѣла внушить къ себѣ такую преданность стрѣльцамъ, что они произвели великое возмущеніе въ пользу единоутробнаго брата ея Ивана, умертвили бояръ, его отстранившихъ, и не прежде успокоились, покуда онъ не былъ провозглашенъ царемъ совмѣстно съ Петромъ, а она сама правительницею, причемъ было постановлено, что имя ея должно появляться на ряду съ именами обоихъ царей какъ въ указахъ и правительственныхъ актахъ, такъ и на всѣхъ монетахъ. Затѣмъ она руководила въ теченіи шести лѣтъ управленіемъ съ такимъ же благоразуміемъ, какъ и счастьемъ и слѣдовала безусловно въ своихъ отношеніяхъ къ дворянству всѣмъ правиламъ своего отца и брата, такъ что она лишила его вполнѣ всѣхъ имъ присвоенныхъ себѣ правъ и поставила его на одну ногу со всѣми другими свободными Русскими подданными.

Въ такомъ стѣсненномъ состояніи, дворянство не могло ожидать большой для себя поддержки со стороны царя Ивана, столь же щедраго по уму, какъ и по наружности и вполнѣ подвластнаго своей сестрѣ, и наплось вынужденнымъ сдѣлать попытку уговорить младшаго брата Петра, чтобы онъ склонился рѣшительнымъ образомъ на ихъ сторону. Послѣдній и безъ того уже съ нѣкоторыхъ поръ не безъ большой досады выносилъ ту власть, которую царевна Софья приобрѣла надъ нимъ и его братомъ, тайлъ противъ нея сильное неудовольствіе за разныя пріямые и косвенныя оскорбленія его особы и подъ разными предлогами удалился изъ царскаго дворца въ загородное помѣстье, выстроенное имъ въ селѣ Преображен-

скомъ, которое находится подъ самою Москвою.

Поэтому онъ ухватился обѣими руками за такой случай вырваться изъ подъ опеки своей сестры, общалъ дворянству все чего оно требовало и, чтобы привлечь его еще болѣе къ себѣ, женился на дочери одной изъ знатнѣйшихъ фамилій, по имени Евдокіи Лопухиной, послѣ чего дворъ его началъ со дня на день возрастать. Царевна вполнѣ поняла возникавшую для нея опасность и вознамѣрилась сокрушить эту партію смѣло направленнымъ, рѣшительнымъ ударомъ. Для этой цѣли отправила она втайнѣ сильный отрядъ стрѣльцовъ въ Преображенское съ повелѣніемъ схватить царя Петра и доставить къ ней, въ намѣреніи немедленно заключить его въ монастырь и постричь его въ монахи. Но это намѣреніе было открыто Петру однимъ Женеваскимъ капитаномъ, по имени Лефортомъ, случайно о томъ узнавшимъ и притомъ на столько благовременно, что Петръ успѣлъ еще скрыться и въ сопровожденіи вышеназваннаго офицера удалиться въ Троицкій монастырь— мѣсто по своей святости глубоко уважаемое всѣмъ Русскимъ народомъ.

Какъ только онъ туда прибылъ и разрывъ между нимъ и сестрою сдѣлался явнымъ и безвозвратнымъ, къ нему пригнули не только всѣ чужеземные офицеры, принятые въ достаточномъ количествѣ въ Русскую службу во время тогдашней Турецкой войны, но и огромное число Русскихъ дворянъ, такъ что онъ вскорѣ оказался въ состояніи ей противодѣйствовать и предписывать законы. Вначалѣ она прикинулась, что никогда не замышляла ничего враждебнаго противъ своего брата, будто имѣя только

намѣреніе исторгнуть его изъ рукъ иностранцевъ, увлекающихъ его въ разныя распутства и внушающихъ ему ненависть къ Русской народности, къ ея религіи, правамъ и обычаямъ. Подобная уловка не возымѣла однако ни малѣйшаго дѣйствія на большинство народа и въ особенности на озлобленное дворянство: напротивъ того, всѣмъ извѣстное властолюбіе царевны было причиною, что принималось на вѣру все то, въ чемъ обвинялъ ее Петръ. Во всѣхъ сословіяхъ возникло такое къ ней отвращеніе, что даже среди стрѣльцовъ обнаружилось значительное число приверженцевъ юнагоцаря.

При такихъ обстоятельствахъ, покинутой всѣми царевнѣ не оставалось ничего другаго, какъ покориться безусловно волѣ Петра, который лишилъ ее всего принадлежавшаго ей до той поры значенія, заточилъ ее въ большой женскій монастырь, находящійся подъ Москвою и учредилъ надъ нею бдительнѣйшій надзоръ; а брата своего Ивана, частію ласкою, частію угрозами онъ довелъ до того, что тотъ отказался отъ правленія и предоставилъ всю власть ему одному.

Такой счастливый исходъ этого возмущенія, стрѣльцы, а равно и дворянство приписывали своей преданности къ юному царю и ласкали себя надеждою, что они будутъ имъ награждены и передъ другими возвеличены. Но онъ, напротивъ того, вслѣдствіе своихъ близкихъ отношеній къ иностранцамъ, усвоилъ себѣ многія преобразовательныя идеи и ясно сознавалъ при этомъ, что ему едва-ли удастся осуществить ихъ на дѣлѣ, покуда будетъ имѣть силу въ государствѣ могущественная военная сила, способная оказать противодѣйствіе его волѣ.

Поэтому онъ возымѣлъ намѣреніе ослабить и сокрушить какъ стрѣльцовъ, такъ и дворянство и, возстановляя однихъ противъ другихъ, довести ихъ до того, чтобы какъ тѣ, такъ и другіе, въ концѣ концовъ, очутились въ зависимости отъ его милости и воли.

Имѣя мало себѣ подобныхъ въ искусствѣ принимать личину притворства, Петръ чрезвычайно ласкалъ обѣ партіи и съ умѣлъ внушить какъ тѣмъ, такъ и другимъ наипріятнѣйшія и сладчайшія надежды. Онъ тотчасъ закрѣпилъ за стрѣльцами всѣ ихъ прежнія права и привилегіи, но въ то же время, подъ предлогомъ, что во время продолжавшейся войны съ Турками они необходимы для защиты отечества на его окраинахъ, — онъ удалилъ большую часть изъ нихъ изъ Москвы и распредѣлилъ въ пограничныхъ крѣпостяхъ.

Самою затруднительною задачею казалось лишить дворянство сознанія его мнимыхъ преимуществъ происхожденія и того предразсудка, въ силу котораго оно считало для себя оскорбительнымъ состоять подъ командою челоуѣка менѣе знатнаго рода. Для этой цѣли онъ изобрѣлъ слѣдующее средство. Онъ образовалъ изъ молодыхъ дворянъ, воспитанныхъ по древнему обычаю вмѣстѣ съ нимъ, отрядъ изъ 50 челоуѣкъ, назвавъ ихъ *Поттшыми* или своими товарищами по игрѣ. Онъ велѣлъ ихъ обмундировать и обучить на Нѣмецкій ладъ и объявилъ при этомъ, что онъ не намѣренъ самъ пользоваться никакими особыми преимуществами, но желаетъ наравнѣ съ остальными своими товарищами начать военную науку не только съ пріемовъ ружейныхъ, но даже съ барабана и постепенно достигать повышенія, почему онъ и пе-

редалъ свое верховное право въ этомъ отношеніи князю Ромодановскому, которому надлежало повышать его наравнѣ съ другими солдатами по достоинству, не оказывая ни малѣйшаго предпочтенія, и въ теченіи всей долгой жизни престарѣлаго князя (1718) онъ продолжалъ якобы принимать изъ его рукъ всѣ генеральскія и адмиральскія званія, которыя находилъ нужнымъ возлагать на себя. Вслѣдствіе подобной уловки съ его стороны, дворяне знатнѣйшихъ фамилій, хотя и не отрѣшались отъ своей родовой спѣси и до сей поры ее сохраняли, но не проявляли ея на службѣ и стыдились выказывать какія либо притязанія, могущія придать видъ, что они считаютъ себя выше и лучше своего Государя. И впослѣдствіи никто уже не дерзалъ заваться о своихъ преимуществахъ по происхожденію въ вопросахъ о начальствованіи и если даже случалось кому либо до такой степени забыться, то старый Ромодановскій, справедливый, но неумолимый человѣкъ, возведенный царемъ Петромъ въ тоже время и въ званіе верховнаго уголовного судьи, находилъ всегда способъ обуздать подъ различными предлогами подобныя выходки.

Когда эти затрудненія были устранимы и дѣти самыхъ знатныхъ родителей привыкли служить простыми солдатами въ полкахъ, образовавшихся изъ вышеназванныхъ потѣшныхъ товарищей и въ этомъ званіи подвергаться всякимъ высканіямъ, Петръ I-й счелъ уже излишнимъ особенно ласкать свое дворянство и такимъ образомъ довелъ его до того, что оно не смѣло шевельнуться. Онъ лишилъ все дворянское сословіе отъ высшаго до нисшаго и послѣдней тѣни ихъ прежнихъ преимуществъ и даже

уничтожилъ древній обычай, въ силу котораго во всѣхъ законахъ и постановленіяхъ упоминалось объ одобреніи бояръ, каковую формулу всѣ его предшественники, не смотря на принимаемыя ими мѣры къ ограниченію дворянскихъ преимуществъ, все таки считали болѣе благоразумнымъ постоянно сохранять. Затѣмъ онъ уже пересталъ скрывать свои преобразовательныя намѣренія, относился къ чужестранцамъ съ особеннымъ дружелюбіемъ, безъ вниманія къ ихъ положенію и частнымъ занятіямъ, при чемъ не пропускалъ ни одного случая подвергать насмѣшкамъ свою націю и ея древніе нравы и обычаи; а когда старше, почтенные бояре обращались къ нему съ увѣщаніями, то онъ поступалъ съ ними самымъ оскорбительнымъ и постыднымъ образомъ, и любимцы его выставляли ихъ шутами.

Подобный образъ дѣйствій не могъ не показаться въ высшей степени чувствительнымъ для всѣхъ сословій Русскаго народа, въ особенности для духовенства, которому онъ выказывалъ весьма ясно при всѣхъ случаяхъ свое презрѣніе и даже не соглашался вести подъ уздцы лошадь патріарха въ день Вербнаго Воскресенья. Тѣмъ не менѣе, такъ велико благоговѣніе, ощущаемое народомъ въ Россіи къ царскому роду, что покуда онъ оставался въ предѣлахъ государства, не могла образоваться ни одна партія, на столько сильная, чтобы дерзнуть воспротивиться его намѣреніямъ. Но такъ какъ его любознательность увлекла его въ Англію и Голландію и онъ слишкомъ долго пробылъ тамъ, то тлѣвшее подъ пепломъ пламя вспыхнуло въ Москвѣ въ полномъ разгарѣ.

Царевна Софья, которая, не взирая на свое строгое заточеніе, пылала возможность вступить въ переписку съ своими прежними приверженцами, распространила между стрѣльцами слухъ, что Петръ, по своемъ возвращеніи, намѣренъ совершенно уничтожить ихъ древнюю вѣру и обычаи и обратить ихъ въ Нѣмцевъ. Духовенство всѣми силами подерживало эти слухи и возбудило среди суевѣрной черни своими опасеніями за цѣлость церкви чрезвычайное волненіе, стараясь усилить его еще болѣе многими мнимыми пророческими явленіями, откровеніями и чудесами; и даже многіе изъ дворянъ, не въ силахъ будучи примириться съ лишеніемъ своихъ правъ, оказывали возмутителямъ изъ подъ руки все возможное содѣйствіе. Наконецъ стрѣльцы совершенно неожиданно возстали во всѣхъ гарнизонахъ и устремились къ Москвѣ подъ предлогомъ освобожденія отечества отъ неистовства иноземцевъ, при чемъ они поклялись другъ другу не положить оружія до тѣхъ поръ, покуда они не возведутъ вновь царевну Софью на престолъ, не возстановятъ въ прежнемъ видѣ всѣ свои древніе права и обычаи, не уничтожатъ вновь образованные полки и не выгонятъ изъ государства всѣхъ иностранцевъ.

Петръ I-й, находившійся именно въ Вѣнѣ въ то время, когда онъ получилъ извѣстіе объ этомъ возмущеніи, хотя и поспѣшилъ отправиться черезъ Польшу въ Москву, но вѣроятно прибылъ-бы слишкомъ поздно и оказался-бы въ весьма трудномъ положеніи, если-бы генераль Гордонъ не предупредилъ мятежниковъ и не подавилъ возмущенія, прежде чѣмъ оно могло вполнѣ разгораться. Тотъ храбрый генераль, кото-

рому Петръ при отъѣздѣ ввѣрилъ начальствованіе надъ своими новыми полками, стаянулъ ихъ съ немовѣрною быстротою, выступилъ на встрѣчу мятежникамъ, когда они еще не успѣли вполнѣ соединиться, разбилъ и разсѣялъ нѣсколько отрядовъ и окружилъ наконецъ ихъ главныя силы, такъ что они вынуждены были сдаться безусловно.

Такимъ образомъ Петръ I по своемъ возвращеніи нашелъ уже все усмирненнымъ, но не счелъ удобнымъ вновь оказать бунтовщикамъ милосердіе, а на противъ того воспользовался этимъ случаемъ, чтобы истребить до корня всѣхъ стрѣльцовъ, правыхъ и виноватыхъ, безъ различія.

Какъ велико было число казненныхъ при этомъ судилищѣ стрѣльцовъ, можно заключить изъ того, что не только во всѣхъ бойницахъ трехъ укрѣпленій, окружающихъ Москву, были вставлены бревна, и на каждомъ изъ бревенъ висѣло отъ 3 до 4 стрѣльцовъ; но даже вся торговая площадь въ Москвѣ была покрыта балками, на которыя должны были ложиться рядами осужденные къ смерти мятежники и подставлять свои головы подъ удары меча, причемъ царь не только самъ, своею высокою особою, принималъ весьма охотно участіе, въ этомъ занятіи, но и побуждалъ къ тому своихъ бояръ.

Послѣ этихъ казней или лучше сказать истребленій, Петръ I пользовался до самой своей смерти неограниченною верховною властью, какъ въ духовныхъ, такъ и въ свѣтскихъ дѣлахъ, безъ малѣйшаго сопротивленія: весьма ясно давала чувствовать дворянству гнетъ рабства, уничтожилъ окончательно всѣ преимущества происхожденія, подвергалъ

самым униженным наказаніемъ нѣкоторыхъ князей, происходившихъ отъ царскаго рода и даже присуждалъ ихъ къ висѣлицѣ, опредѣлялъ ихъ дѣтей на самыя низкія должности. напр. въ каютную прислугу, принуждалъ къ военной службѣ всѣхъ дворянъ безъ исключенія силою тяжкихъ наказаній, не позволялъ придавать значенія никакимъ другимъ почестямъ и преимуществамъ, кромѣ тѣхъ, которыя приобрѣтались чиномъ, полученнымъ на службѣ, — однимъ словомъ, располагалъ ихъ животомъ и имуществомъ безъ всякаго ограниченія, лишь по внушенію своей деспотической воли и своей прихоти.

Не смотря на то, что онъ впоследствии проводилъ цѣлыя годы за границею, что большая часть его арміи была отвлекаема за предѣлы государства, не взирая на бѣдственное начало Шведской войны, на волненія, возбуждаемыя неоднократно Казанскими Татарами, Донскими казаками и населеніемъ Астрахани и въ особенности на неудовольствія, возникшія между нимъ и наслѣдникомъ его престола, кои могли служить достаточнымъ поводомъ къ новымъ возстаніямъ — ни малѣйшій заговоръ или возмущеніе противъ его особы и его верховныхъ правъ никогда не повторялись. И вышеупомянутый царевичъ никогда не дерзалъ замыслить что либо противъ правленія или жизни своего отца и не стремился ни къ чему другому, какъ только къ огражденію себя отъ отцовской ненависти и преслѣдованій, чтобы приобрѣсти возможность проводить свою жизнь среди поповъ и другихъ своихъ любимцевъ, людей вообще порочныхъ и ничтожныхъ, въ пьянствѣ и разгулѣ, не принимая ни малѣйшаго участія въ дѣлахъ

Въ 1714 году Петръ I обнаружилъ узаконеніе, въ силу котораго дворянскія имѣнія на будущее время не должны были раздробляться, а поступать по смерти отца во владѣніе того сына, котораго отецъ назначалъ по завѣщанію своимъ наслѣдникомъ или, за немѣнѣемъ таковаго завѣщанія, къ старшему сыну, почти на подобіе того, какъ это совершается во Франціи и въ Англіи. Никто не могъ угадать, что могло побудить Петра издать подобный законъ, который со временемъ неминуемо долженъ былъ доставить дворянству огромное богатство и значеніе и который находился въ явномъ противорѣчій съ до сихъ поръ существовавшею правительственною системою держанія дворянъ въ постоянной нуждѣ и безсиліи. Съ теченіемъ времени однако оказалось, что онъ уже тогда замышлялъ лишить царевича его правъ на престолъ и желалъ пышно означеннымъ узаконеніемъ приготовить къ тому своихъ подданныхъ. Въ царствованіе Петра II этотъ законъ былъ совершенно отмѣненъ, и право наслѣдія въ имѣніяхъ частныхъ лицъ вновь восстановлено на прежнихъ естественныхъ основаніяхъ.

Вполнѣ убѣдившись по собственному опыту, какою могущественною поддержкою служить для монархическаго правленія правильно организованная армія, онъ приложилъ особенную заботливость къ совершенному преобразованію своихъ войскъ. Кромѣ того всѣ войны, которыя занимали его въ теченіи всей его жизни и трактаты, которые онъ вынужденъ былъ, благодаря этимъ войнамъ, заключать съ иностранными державами, заставляли его обращать пѣкоторое вниманіе и на иностранныя дѣ-

ла, хотя онъ въ этомъ случаѣ болѣею частью полагался на своихъ министровъ и любимцевъ, умѣвшихъ обыкновенно склонять его на ту сторону, гдѣ имъ было болѣе заплачено. Егоже любимое и наипрѣятнѣйше занятіе было кораблестроеніе и все относящееся до морскаго дѣла. Этимъ онъ потѣшался ежедневно, и важнѣйшія государственныя дѣла отступали на задній планъ. Случалось даже, когда онъ желалъ соорудить новый корабль, что онъ по цѣлымъ недѣлямъ затворялся въ саду и проводилъ время въ черченіи и исчисленіи размѣровъ мачтъ и парусовъ и въ это время не допускалъ къ себѣ никого изъ своихъ министровъ.

О другихъ внутреннихъ улучшеніяхъ въ государствѣ относительно юстиціи, экономіи, финансовъ и торговли, въ первыя 30 лѣтъ своего царствованія онъ мало или совсѣмъ не заботился и былъ доволенъ, когда его адмиралтейство и армія были достаточно снабжены деньгами, топливомъ, рекрутами, матросами, продовольствіемъ и аммунициею, чего можно было тѣмъ легче достигнуть, что его войска въ теченіи многихъ лѣтъ сряду имѣли случай содержать себя на чужой счетъ, безъ особеннаго отягощенія государства.

Однако онъ учредилъ въ самомъ началѣ Шведской войны, вынуждавшей его часто отлучаться изъ государства, въ Москвѣ Сенатъ, отъ котораго должны были исходить всѣ распоряженія въ коллегіи и куда стекались также всѣ ихъ донесенія. Но нельзя при этомъ умолчать, что назначенные для этой цѣли сенаторы не обладали ни тѣмъ искусствомъ, ни тою ревностью, которыя требовались для такого обширнаго управле-

нія, и большинство изъ нихъ были люди бесполезные, способные изъ за денегъ совершить все, что отъ нихъ требовалось, хотябы оно клонилось къ явному ущербу общественныхъ интересовъ. Кроме того любимцы Петра I во многихъ случаяхъ подрывали значеніе Сената, въ особенности князь Меншиковъ, которому этотъ государь въ теченіи многихъ лѣтъ предоставлялъ такую деспотическую власть, что онъ могъ дѣлать въ государствѣ все что хотѣлъ и къ тому-же былъ на столько требователенъ при выполненіи своихъ приказаній, что когда даже одна изъ его сестеръ принимала участіе въ какомъ нибудь дѣлѣ, то Сенатъ въ полномъ его составѣ не осмѣливался отказать ей въ ея желаніи.

Но лишь значеніе Меншикова начало въ нѣкоторомъ смыслѣ упадать, то въ 1714 году нѣкто Нестеровъ отважился въ пространной запискѣ изобразить Петру I всѣ безпорядки, происходящіе въ его государствѣ и всѣ беззаконія, совершаемыя его сенаторами и любимцами, что побудило его провѣрить наистрожайшимъ образомъ содержаніе этой записки черезъ особую комиссію, состоящую исключительно изъ гвардейскихъ офицеровъ. Она не только удостовѣрилась въ существованіи указанныхъ злоупотребленій, но обнаружила при этомъ еще столько новыхъ плутней, что Петръ счелъ, что онъ еще поступилъ весьма милостиво, приказавъ провести раскаленнымъ желѣзомъ по языку двумъ сенаторамъ за нарушеніе присяги и сослать ихъ въ Сибирь, Петербургскаго вице-губернатора публично наказать кнутомъ, а одного члена Адмиралтейства плетью, князя Меншикова и генералъ-адмирала Апраксина отодрать плетями.

Это открытіе произвело на Петра I двойное дѣйствіе; вопервыхъ, оно развело въ немъ расположеніе къ инквизиторскимъ мѣрамъ, которое онъ, по средству съ его врожденною строгостью, уже сохранилъ до конца; вовторыхъ, оно навело его на мысль поставить весь внутренний бытъ своего государства, также какъ и военную его часть, на Европейскій ладъ. Признавая Шведовъ своими наставниками въ военномъ дѣлѣ, онъ полагалъ, что съ такимъ-же успѣхомъ можетъ примѣнить къ своему государству ихъ учрежденія по части полиціи и финансовъ. Онъ до того увлекся этимъ предубѣжденіемъ, что, не посоветовавшись ни съ кѣмъ на этотъ счетъ, отправилъ тайно въ 1716 г. одну личность въ Швецію, снабдивъ деньгами щедрою рукою, чтобы приобрести всѣ инструкціи и регламенты тамошнихъ коллегій. Эти узаконенія такъ ему понравились, что онъ, безъ дальнѣйшихъ изслѣдованій о томъ, въ какой мѣрѣ подобныя учрежденія могутъ быть приложимы къ Россіи, немедленно рѣшился внести у себя именно такія коллегіи и вызвалъ изъ Германіи извѣстное количество лицъ, долженствовавшихъ состоять въ нихъ въ званіи вице-президентовъ, членовъ и секретарей. Такимъ образомъ коллегіи были введены въ Петербургъ всѣ за одинъ разъ, въ 1719 году. Но вскорѣ оказалось, что слишкомъ поспѣшили въ этомъ случаѣ и что отъ этого произошло при теченіи дѣлъ гораздо болѣе путаницы, чѣмъ порядка и быстроты. Всѣ канцеляріи внутри государства, откуда дѣла должны были стекаться въ Петербургскія коллегіи, оставались еще на прежнемъ положеніи и хотя имъ были тотчасъ разосланы указанія, какъ имъ

слѣдовало составлять свои донесенія и отчеты, но старые канцелярскіе чиновники умѣли усвоить себѣ эти приемы, и это произвело полнѣйшій беспорядокъ. Русскіе члены коллегіи, при всемъ ихъ знаніи отечественныхъ потребностей, не умѣли сразу составить себѣ ясное понятіе о новой системѣ; а члены изъ Нѣмцевъ рѣдко были въ состояніи руководить ими, отчасти по незнанію Русскаго языка и отчасти потому, что Шведскія учрежденія весьма немногимъ изъ нихъ были извѣстны.

Это побудило Петра I-го произвести въ 1722 году новую переимѣну въ его коллегіяхъ, уволить большинство иностранцевъ и устроить самыя коллегіи, сохранивъ только ихъ Нѣмецкое названіе, въ такомъ видѣ, что онѣ почти подходили къ прежнему Русскому порядку и почти ничѣмъ отъ него не отличались, кромѣ развѣ количествомъ своихъ членовъ (которые, впрочемъ, скорѣе препятствуютъ, чѣмъ способствуютъ быстротѣ исполненія, потому что каждый членъ не занимается на дому, а только прочитываетъ сокращенные доклады и высказываетъ затѣмъ свое мнѣніе) и тѣмъ еще, что въ тѣхъ отдѣленіяхъ, гдѣ разсматривались доходы и расходы, заведены были счетныя книги на подобіе торговыхъ.

Кромѣ этихъ переимѣнъ въ общемъ управленіи государственнымъ дѣлами, Петръ I задумалъ въ провинціяхъ такія учрежденія, которыя могли бы служить нѣкоторою преградой дерзкимъ злоупотребленіямъ и притѣсненіямъ со стороны губернаторовъ и главныхъ начальниковъ въ областяхъ и городахъ.

И подлинно, это зло до того разрослось въ Россіи, что немедленное врачеваніе казалось необходимымъ. Прежніе

цари мало или даже совсѣмъ не заботились о томъ, что происходило въ провинціи. Когда кто-либо успѣвалъ отличиться при какомъ-либо посольствѣ или другомъ порученіи, то ему въ награду назначалась губернія, гдѣ онъ, хотя и не получалъ никакого жалованья, успѣвалъ въ скоромъ времени до того обогатиться, что его считали весьма плохимъ хозяиномъ, если онъ не привозилъ съ собою обратно по крайней мѣрѣ побоченка съ золотомъ. Подобныя приемы, казалось, были дозволяемы самимъ государемъ. Когда царь назначалъ кому нибудь губернію, то онъ обыкновенно употреблялъ при этомъ слѣдующее изрѣченіе: Я пожаловалъ тебѣ за твои заслуги такимъ-то воеводствомъ. Отправься, живи тамъ и наждайся до-сыта! Случалось даже перѣдко, что если кто получалъ губернію ему не подходящую, то продавалъ ее затѣмъ, съ согласіи царя, другому.

Въ древнія времена, когда крестьянскій дворъ уплачивалъ весьма незначительныя государственныя повинности, губернаторъ могъ туго набивать свой кошелекъ безъ особеннаго отягощенія подданнаго. Но такъ какъ въ началѣ и въ продолженіи Шведской войны подати были возвышены и за тѣмъ удвоились, и въ тоже время губернаторъ желалъ извлечь свои прежнія выгоды отъ всѣхъ ему подвластныхъ, то имъ становилось это уже весьма труднымъ и ставило ихъ въ невозможность вносить общественныя повинности.

Обнаруженныя Петромъ I-мъ безчисленныя лихоимства по финансовой части въ тоже время открыли ему глаза и на счетъ этого злоупотребленія. Чтобы по возможности искоренить его, онъ со-

кратилъ число главныхъ губерній или, какъ ихъ въ Россіи звали, «воеводствъ» и довелъ ихъ только до тринадцати, а именно: Петербургская, Московская, Рижская, Ревельская, Смоленская, Кіевская, Вѣлгородская, Воронежская или Азовская, Нижегородская, Казанская, Астраханская и Сибирская. Къ нимъ онъ причислялъ всѣ остальные области, имѣнія прежде своихъ особыхъ губернаторовъ и заимѣнилъ ихъ гражданскими правителями или (тамъ, гдѣ находились гарнизоны) комендантами, которые обязаны были заведывать въ нихъ какъ гражданскою, такъ и военною частію. Кромѣ того онъ приставилъ къ каждому изъ нихъ особаго прокурора (Fiscale), который не только принималъ жалобы на нихъ со стороны имъ подвластныхъ, но и вообще наблюдало за ихъ образомъ дѣятельности и обязанъ былъ обо всемъ, что имъ почиталось несогласнымъ съ данными повелѣніями, доносить генералъ-прокурору въ Петербургъ. И для того, чтобы лишить правителей всякаго предлога къ наложенію своихъ поборовъ, онъ опредѣлялъ каждому изъ нихъ, хотя и весьма ничтожное, но опредѣленное содержаніе, и при этомъ издалъ чрезвычайно строгіе указы противъ подкуповъ и между прочимъ постановилъ, что тотъ кто по какому-нибудь дѣлу, будь оно справедливо или нѣтъ, до его рѣшенія или послѣ оного, приметъ или предложитъ подарки, — будетъ наказанъ плетью. Онъ охотно выслушивалъ доношковъ, возводившихъ на губернаторовъ какія-либо обвиненія и приказывалъ гвардейскимъ офицерамъ строжайшимъ образомъ изслѣдовать ихъ извѣты; такъ что въ послѣдніе годы его правленія почти не было ни одного губернатора.

который не былъ-бы изловленъ этою инквизиціею. Двухъ изъ нихъ, а именно правителя Сибири князя Гагарина и Бухмутскаго коменданта князя Масальскаго, происходившихъ отъ велико-княжескаго рода, приказалъ онъ публично выставить на висѣлицѣ, перваго живаго, а втораго послѣ его смерти. Генераль-прокуроръ Нестеровъ, который по интригамъ своихъ враговъ былъ вовлеченъ въ принятіе подарка въ 2000 руб., предложеннаго для содѣйствія по дѣлу, само по себѣ совершенно правому,— онъ не вѣлъ колесовать живаго; а барона Шафирова, по поводу самаго незначительнаго проступка, въ которомъ ни одинъ изъ его товарищей не могъ считать себя виновнѣе неповиннымъ, не взиралъ на всѣ его великія достоинства, приказалъ взвести на эшафотъ и положить его голову на плаху и хотя онъ и простилъ его въ самую минуту казни, но конфисковалъ все его имущество и содержалъ его подѣ постояннымъ арестомъ.

Однако все это не могло обуздать явную алчности Русскихъ и воспрепятствовать тому, чтобы злоупотребленія по финансовой части и угнетенію подданныхъ не продолжались по прежнему, въ особенности въ виду того, что Петромъ подобныя преступленія, казалось, только въ тѣхъ случаяхъ наказывались, когда онъ по какимъ-нибудь тайнымъ причинамъ хотѣлъ что либо выместить на виновномъ, тогда какъ главные преступники, которые неоднократно уличались въ величайшихъ злоупотребленіяхъ, на примѣръ князь Меньшиковъ, генераль-адмиралъ Апраксинъ, всегда находили средства какою-нибудь крупною жертвою утолить его гнѣвъ и испросить помилованіе.

Но въ послѣдніе годы своего цар-

ствованія онъ, казалось, потерялъ всякое терпѣніе и возымѣлъ твердое намѣреніе наказывать всѣхъ и каждого, уличенныхъ въ лихоимствѣ, безъ вниманія къ личностямъ, но всей строгости законовъ. Онъ предавался съ особеннымъ рвеніемъ инквизиціоннымъ занятіямъ, прочитывалъ самъ всѣ акты сначала до конца и отвѣлъ генераль-прокурору Макарову, честному, но весьма строгому человѣку, особенную комнату въ своемъ дворцѣ, не далеко отъ своей спальни, чтобы скорѣе съ нимъ сноситься. И когда вышеупомянутый генераль-прокуроръ спросилъ его, слѣдуетъ-ли только отсѣкать вѣтви или приложить сѣкиру къ самому корню, то онъ отвѣчалъ ему, чтобы онъ искоренялъ все обухомъ и остріемъ, такъ что, проживи онъ еще нѣсколько мѣсяцевъ далѣе, то вѣроятно совершилось бы множество странныхъ казней.

Въ четвертой главѣ Фокеродъ обозрѣваетъ преобразованія военныя, въ пятой говорить о Русской торговлѣ, въ шестой о сооруженіяхъ Петра Великаго, въ седьмой о распространеніи Русскихъ вглубь Востока и къ Финскому заливу, при чемъ мимоходомъ характеризуетъ тогдашнюю Московскую и Петербургскую жизнь.

Въ самомъ дѣлѣ говорить онъ) нельзя укорять Русскихъ за то, что они такъ любили Москву. Кто знаетъ хозяйство Русскаго дворянина, тотъ легко пойметъ, что Петербургская жизнь для него просто-разорительна. Онъ обыкновенно тратится не на роскошныя одежды и движимость, не на изысканный, а на обильный свосземными яствами и напитками столъ, на множество прислуги обоего пола и на конюшню. Въ Москвѣ всего этого ему вдоволь привозится изъ ближнихъ деревень, либо покупается за дешевую

цѣну. Все что ему нужно, для него сдѣлають его же собственные подмосковные крестьяне. Кругомъ Петербурга, напротивъ, почти ничего не родится, и все содержаніе для себя и людей приходится везти изъ дальнихъ мѣстъ. Случается, что крестьяне, поморизъ лошадей на дорогѣ, бросаютъ возы съ барскою поклажею, и сами не являются въ Петербургъ, а разбѣгаются. Господинъ долженъ все покупать, и по цѣнамъ очень высокихъ; денегъ же вообще у Русскихъ мало, такъ какъ доходы ихъ болѣе въ произведеніяхъ земли, а не въ денежныхъ знакахъ. Пребываніе двора въ Петербургѣ скорѣе вредитъ, нежели способствуетъ общему благу, и можно думать, что государь Русскій, живучи тамъ, подвываетъ собственную силу. Въ 1728 г., когда дворъ уѣхалъ въ Москву, денегъ въ казнѣ почти не было, у частныхъ лицъ тоже, и проценты платились отъ 12 до 15. Прошло всего два года, и проценты упали отъ 8 до 6; наступило общее изобиліе, и поразительныя траты двора въ началѣ нынѣшняго царствованія не привели къ денежнымъ затрудненіямъ. Съ той поры опять началось истощеніе страны. Говорятъ, что Петербургъ удобенъ для сношеній политическихъ; но это совершенно несправедливо. Во первыхъ, близость къ Швеціи есть уже его опасность: стѣдить Шведамъ пробраться между Выборгомъ и Кексгольмомъ, чтобы сжечь столицу Русскаго царя и нанести Россіи страшный ударъ; во вторыхъ, съ Турціею и Польшею, которыя для Россіи важнѣе Швеціи, имѣть дѣла гораздо легче изъ Москвы; а отъ прочихъ государствъ Москва удалена почти на такое же разстояніе, какъ и Петербургъ. На 20 верстъ кругомъ Петербурга ничего нѣтъ, кромѣ

лѣса и болотъ; каково же содержать войска?

Читая эти разсужденія умнаго и безпристрастнаго иностранца, невольно вспоминаются извѣстные стихи К. С. Аксакова, въ его посланіи къ Петру Великому: «гнѣздо и памятникъ насилья...»

*

Какъ далеко подвинулись Русскіе въ наукахъ при Петрѣ I, какія учрежденія имъ основаны для ихъ образованія и какая отъ нихъ предвидѣлась польза?

Петръ, въ началѣ, думалъ доставить своему дворянству потребныя средства къ образованію, дозволяя ему отправляться въ чужіе края. Поэтому, тотчасъ по возвращеніи изъ своего перваго долгаго путешествія, онъ командировалъ извѣстное число молодыхъ, грубыхъ, невѣжественныхъ людей изъ знатнѣйшихъ семействъ въ государствѣ, въ Англію, Голландію, Францію и Италію. Но такъ какъ они вернулись почти съ тѣмъ-же запасомъ знаній, съ какимъ и отправились, то онъ наконецъ убѣдился, что имъ не доставало прочныхъ основаній и сталъ изыскивать способы къ возмѣщенію этого недостатка учрежденіемъ необходимыхъ школъ и академій.

Около этого времени возникла связь Петра I съ будущею императрицею Екатериною, находившеюся въ услуженіи у пастора Глюка въ Маріенбургѣ и при завоєваніи этого города взятою въ плѣнъ и привезенною въ Москву, что доставило Петру I случай ознакомиться съ пасторомъ и совѣщаться съ нимъ относительно устройства школъ. Этотъ человѣкъ, который обладалъ лишь степенью учености доступною для каждаго Шведскаго сельскаго священника, но который тѣмъ не менѣе, благодаря своему знанію

Русскаго языка, въ глазахъ Петра казался какимъ-то міровымъ свѣтиломъ, — немогъ по своимъ понятіямъ предложить ему другаго указанія кромѣ того, что слѣдуетъ учредить школу на подобіе обычно существующихъ въ Лифляндіи, гдѣ преподавались-бы дѣтямъ катехизисъ, Латинскій языкъ и другіе школьные предметы. Петръ I одобрилъ это мнѣніе и, возложивъ осуществить его на вышеозначеннаго пастора, снабдилъ его надлежащими на сей предметъ суммами и отвелъ ему помѣстительное зданіе въ Москвѣ. Сей послѣдній выписалъ затѣмъ лютеранскихъ студентовъ богословія и устроилъ свою школу въ точности по образцу Шведскаго церковнаго порядка и не допуская ни малѣйшаго отступленія; онъ перевелъ разныя лютеранскія пѣсни Русскими грубыми виршами: дѣти были обязаны пѣть ихъ до и послѣ уроковъ.

Смѣшная сторона этихъ учрежденій и слабый успѣхъ подобнаго ученія среди Русской молодежи слишкомъ рѣзко бросались въ глаза, чтобы подобная школа могла долго продержаться. Петръ I вскорѣ закрылъ ее и предоставилъ родителямъ заботу передавать своимъ дѣтямъ начальныя основанія наукъ или черезъ частныхъ наставниковъ, или въ лютеранскихъ школахъ въ Москвѣ, или даже черезъ находящихся тамъ католическихъ патеровъ; а самъ онъ исключительно обратилъ всѣ свои заботы на то, чтобы сдѣлать своихъ дворянъ искусными въ инженерномъ и морскомъ дѣлѣ и основалъ съ этою цѣлью какъ въ Москвѣ, такъ и въ Петербургѣ, различныя академіи, гдѣ молодые люди обучались этимъ двумъ предметамъ и кромѣ того математикѣ.

За тѣмъ его рвеніе къ наукамъ на долгое время затихло и, если онъ и принималъ еще что нибудь въ этомъ смыслѣ, то это относилось исключительно до физическихъ и хирургическихъ опытовъ, доставлявшихъ ему особенное удовольствіе.

Но когда въ 1717 г. его избрали членомъ «Académie des Sciences» во Франціи, это избраніе возбудило въ немъ пламенное желаніе основать подобную академію въ своемъ государствѣ. Его понятія о наукахъ не были на столько сознательными, чтобы онъ могъ сдѣлать надлежащій выборъ тѣхъ изъ нихъ, которыя могли быть полезны его странѣ. Его совѣщанія съ нѣкоторыми учеными, незнакомыми съ особенностями Россіи, еще болѣе перепутали его мысли. Наконецъ, въ 1724 году, онъ рѣшился принять Французскую академію: вопліи за образецъ для своей академіи и, желая придать ей съ самаго начала нѣкоторый блескъ, употребилъ всѣ старанія, чтобы съ помощью большаго содержанія привлечь въ нее нѣсколько ученыхъ съ высокою репутаціею, какъ то: Вольфа, Германна, Делиля и Бернулли и опредѣлили на эти расходы таможенные сборы въ Нарвѣ, Дерптѣ и Пернанѣ, доходившіе круглымъ числомъ приблизительно до 25 т. руб. Однако онъ не дожился до того, чтобы имѣть удовольствіе видѣть это заведеніе въ ходу. Но его лейбъ-медикъ Блументростъ, который предназначался быть ея президентомъ съ содержаніемъ въ 3 тысячи руб., благодаря своему кредиту у императрицы Екатерины I, достигъ того, что академія была открыта и сѣужьлъ поддерживать ее постоянно и при Петрѣ II, не смотря на то, что большинство сенаторовъ считали ее без-

полезнымъ и необдуманымъ дѣломъ, отъ котораго государство не извлекало ни малѣйшей пользы, и охотно сократили-бы эти расходы.

Въ нынѣшнее царствованіе, однако, сзначенный Блуентростъ находится въ немилости и уволенъ отъ своихъ должностей. Но такъ какъ при этомъ императрица выказываетъ намѣреніе сохранять всѣ учрежденія Петра I, то она не только доставила Академіи ежегодно назначенные ей 25,000 р., но еще и подарила ей, по прибытіи въ Петербургъ, 30000 р. на уплату ея долговъ и возложила управление ею сперва на тайнаго совѣтника Кейзерлинга, а когда онъ былъ отправленъ министромъ въ Польшу, на камергера Корфа. Но сей послѣдній повелъ снова хозяйственную часть такъ неосторожно, что Академія, при наступленіи настоящаго года, опять задолжала болѣе чѣмъ на 30 т. р., и такъ какъ при нынѣшней обстановкѣ двора столь крупная ссуда едва-ли окажется возможною, то по всей вѣроятности Академія скоро сдѣлается несостоятельною и совсѣмъ утратитъ свое значеніе.

Если за тѣмъ спросишь себя, какую пользу принесли Россіи всѣ эти столь дорогія учрежденія, то окажется, что лучшимъ плодомъ ихъ были нѣсколько искусныхъ землѣровъ, приготовленныхъ математическими школами. Безполезную сторону путешествій Петръ I созналъ самъ еще задолго до своей кончины и потому не хотѣлъ даже совсѣмъ отпускать своихъ молодыхъ людей въ чужіе края. Нынѣшнее правленіе, къ тому же, полагаетъ, что предпринятая послѣ смерти Петра II попытка ограничить самодержавіе должна быть главнымъ образомъ приписана республикан-

скимъ понятіямъ, усвоеннымъ Русскими на чужбинѣ, и потому нынѣ съ большимъ трудомъ выдаются подобныя дозволенія.

Академія Наукъ до сихъ поръ не проявила особыхъ плодовъ затраченнаго на нее въ продолженіи 12 лѣтъ огромнаго капитала, кромѣ развѣ того, что Русскіе имѣютъ теперь свой по Петербургскому горизонту сочиненный календарь, читаютъ газеты на родномъ языкѣ и что нѣсколько Нѣмцевъ, вызванныхъ въ государство въ званіи адъюнктовъ, сдѣлались столь искусными по математикѣ и по философіи, что они получаютъ теперь отъ Академіи отъ 600 до 700 р. пенсіи. Между природными Русскими еще никто не достигъ того, чтобы можно было считать его годнымъ для профессуры. И вообще Академія сама по себѣ не такъ организована, чтобы Россія могла и въ будущемъ ожидать отъ нея какой нибудь пользы. Въ ней на первомъ планѣ стоятъ не языки, не нравственныя науки, народное право и исторія или практической отдѣлъ математики — единственныя познанія, могущія принести Россіи несомнѣнную пользу; но, судя по печатнымъ отчетамъ Академіи, алгебра, созерцательная геометрія и другіе отдѣлы такъ называемой высшей математики, критическія изслѣдованія быта и нарѣчія всѣхъ уже вымершихъ народностей, или анатомическія замѣтки о людяхъ и животныхъ — все что почитается Русскими бесполезною и безплодною тратою времени. Посему они весьма неохотно посылаютъ своихъ дѣтей въ Академію, не смотря на то, что тамъ всѣ предметы преподаются безвозмездно. Вслѣдствіе этого и произошло, что Академія заключала въ себѣ болѣе профессоровъ, чѣмъ студентовъ, и приходи-

лось нарочно выписывать изъ Москвы молодыхъ людей и привлекать ихъ особымъ жалованьемъ, чтобы профессора могли имѣть хоть кого янбудь для присутствованія на ихъ лекціяхъ.

На сколько Русскіе изменились въ одеждѣ, нравахъ, обычаяхъ и наклонностяхъ?

Реформа въ одѣяніи и нарядѣ введена только между дворянами, чиновниками и гражданами; а священникамъ и крестьянамъ предоставлено право сохранить бороду и носить ихъ прежнее платье: у священниковъ до сихъ поръ борода составляетъ ихъ существенную принадлежность. Перемяна одѣянія не стоила Петру I особенныхъ трудовъ. Всѣ охотно подчинились въ этомъ случаѣ его желанію и представляли только то возраженіе, что Нѣмецкій кафтанъ, въ особенности при такомъ суровомъ климатѣ, не столько предохраняетъ какъ Русскій, и при этомъ на него идетъ не меньше сукна.

Но борода имѣла многихъ упорныхъ защитниковъ, въ особенности между простолюдинами, которые вообразили себѣ, что подобіе Божіе оскорбляется, когда человѣка лишаютъ этого украшенія, почему многіе готовы были лучше класть голову на плаху, чѣмъ лишиться бороды. Синодъ даже обнародовалъ особую грамоту, гдѣ весьма подробно выяснилось, что борода не принадлежитъ къ подобію Божію; тѣмъ не менѣе еще существуютъ между гражданами весьма многіе, которые этими доводами не убѣждаются и готовы скорѣе вынести всѣ возможные испытанія, чѣмъ отдать свою бороду подъ ножницы. Это побудило правительство опредѣлить налогъ за право

носить бороду, и они охотно взносятъ его ежегодно.

Все остальное населеніе на столько отвыкло уже отъ своей привязанности къ прежнему платью и бородѣ, что даже въ томъ случаѣ, если-бы оно могло возстановить опять древній обрядъ правленія, оно навѣрное не вернулось бы къ своимъ прежнимъ модамъ.

Тоже самое можетъ быть сказано и о многихъ обрядахъ, бывшихъ прежде въ обыкновеніи между Русскими, такъ напримѣръ, что невѣста должна была вѣнчаться съ опущеннымъ покрываломъ, что среди брачнаго пира ее уводили въ постель и потомъ выносили къ брачному столу сохранившіеся на сорочкѣ признаки ея невинности и еще многія другія совершавшіяся на свадьбахъ и при другихъ случаяхъ курьозныя церемоніи, которыя теперь не только знатыми лицами, но даже богатыми купцами и гражданами почитаются пошлыми и неприличными, хотя они по сіе время въ ходу у простонародья, въ особенности въ провинціи.

Кромѣ того нельзя предполагать, чтобы женщины, которыя по древнему Русскому обычаю обязаны были жить весьма уединенно и почти ни съ кѣмъ не смѣли разговаривать, охотно согласились лишиться добытой ими въ царствованіе Петра I свободы, хотя она и до сихъ поръ весьма ограничена и далеко не такъ обширна, какъ во Франціи, въ Польшѣ и даже въ Германіи: чѣмъ, вообще говоря, и не было бы особенно желательно ради прочности ихъ супружескаго союза, потому что ихъ страсти большею частью пылки и воспитаніемъ весьма рѣдко сдерживаются, такъ что, когда онѣ влюбляются, то романческія

приключенія ихъ обыкновенно имѣютъ весьма скорый исходъ.

Наконецъ всѣ знатныя личности обоего пола и даже многіе изъ мѣщанства, благодаря ихъ сношеніямъ съ иностранцами, усвоили себѣ болѣе учтивости и болѣе внимательнаго соблюденія принятыхъ Европою правилъ приличія. Но при этомъ они отнюдь не впадаютъ въ крайность, и весьма нерѣдко еще случается видѣть, что самыя важныя особы очень грубо согрѣшаютъ противъ этихъ приличій. Во всемъ остальномъ, въ пищѣ, питьѣ, мебелировкѣ и пр. Русскій до сихъ поръ остается тѣмъ же прежнимъ Русскимъ; и какъ бы долго молодой Русскій дворянинъ ни пробылъ за границею и не усвоилъ себѣ вполне приличное и вѣжливое обращеніе, онъ обыкновенно начинаеть прежнее свое разгульное существованіе, какъ только возвращается на родину и подпадаетъ вновь подъ вліяніе своей семьи, такъ что годъ спустя онъ дѣлается неузнаваемъ для тѣхъ, кто видѣлъ его въ другомъ мѣстѣ.

Но всего менѣе могутъ Русскіе вообще преодолѣть отвращеніе къ тѣмъ порядкамъ, которые введены Петромъ I въ управленіи государствомъ и подавить въ себѣ пламенное стремленіе избавиться отъ школьной указки иностранцевъ и возстановить образъ правленія на старыхъ основаніяхъ. Память о Петрѣ I благоговѣнно читится только простоллюдинами и солдатами, въ особенности гвардейцами, которые не могутъ забыть значенія и отличія, принадлежавшаго имъ въ его царствованіе. Остальные хотя и воздають ему въ публичныхъ бесѣдахъ восторженные похвалы, но когда вы пользуетесь счастьемъ ихъ близкаго зна-

комства и приобрѣли ихъ довѣріе, то рѣчь ихъ звучитъ совершенно иначе. Самые умѣренныя изъ нихъ оказываются еще тѣ, которые упекаютъ его только въ томъ, что приводитъ противъ него Штраленбергъ въ своемъ описаніи сѣверной и восточной частей Европы и Азіи (отъ страницы 229 до 258) и что заслуживаетъ прочтенія; но большинство идетъ гораздо далѣе и не только возводитъ на него обвиненіе въ отвратительнѣйшемъ развратѣ, котораго безъ особеннаго стыда не можетъ коснуться никакое перо, и въ самыхъ ужасныхъ жестокостяхъ, но даже утверждаетъ, что онъ не былъ истиннымъ сыномъ царя Алексѣя, а ребенкомъ одного Нѣмецкаго хирурга, тайно подставленнаго царицею Натальею взамѣнъ рожденной ею дочери, при чемъ рассказывается множество разныхъ подробностей.

Этой причинѣ приписываютъ и его расположеніе не только къ чужеземнымъ нравамъ и обычаямъ, но даже къ разнымъ хирургическимъ операціямъ, какъ то къ дерганію зубовъ и т. и., а равно и то, что онъ чувствовалъ себя стѣсненнымъ въ знатномъ обществѣ и всего охотнѣе вращался въ кругу простыхъ ремесленниковъ, а наконецъ и то, что онъ не пожелалъ имѣть подругою Русскую, ни даже иностранную принцессу, а избралъ себѣ въ супруги простую крестьянскую дѣвицу изъ Лифляндіи, которая сверхъ того проходила черезъ разныя другія руки, прежде чѣмъ поступила къ нему. О его мужествѣ и другихъ достоинствахъ, ему приписываемыхъ, они составили себѣ совсѣмъ иное понятіе, чѣмъ то, которое распространено за предѣлами государства, и всѣмъ дѣйствіямъ его вообще они придаютъ совер-

шенно особое и не слишкомъ для него выгодное значеніе. Всѣ его учрежденія и преобразованія они отлично умѣютъ выставить съ смѣшной стороны. Петербургъ и морское вѣдомство и безъ того представляются ихъ глазамъ какимъ-то чудовищемъ, и у нихъ нѣтъ недостатка въ доводахъ къ подтвержденію своего мнѣнія. Даже и введеніе организованнаго войска, признанное во всемъ мірѣ за величайшее благо, которое Петръ I могъ только доставить своему государству, представляется имъ вполнѣ «безполезнымъ и вреднымъ.» «Безполезнымъ» въ силу ихъ убѣжденія, что имъ стоить только сидѣть смиренно и не вмѣшиваться въ ненужныя распри, и никто изъ ихъ сосѣдей на нихъ нападать не будетъ и что во всякомъ случаѣ ихъ прежніе военные порядки вполнѣ достаточны, чтобы отдалить непріятеля отъ ихъ границъ; «вреднымъ», потому что они смотрятъ на регулярное войско, какъ на новыя оковы, съ помощью которыхъ они принуждаются подчиняться деспотической волѣ своего государя, какъ бы она ни была безразсудна и несправедлива, лишаются того покоя и довольства, которыми могли бы пользоваться въ своемъ отечествѣ, и вынуждены служить во время войны, что они въ подобномъ случаѣ почитаютъ за великое несчастіе, а со стороны тѣхъ, кто служитъ добровольно, даже за величайшую глупость.

Ихъ разсужденія на этотъ счетъ весьма оригинальны. Когда имъ представляютъ въ примѣръ другія Европейскія націи, гдѣ дворянство считаетъ за величайшую честь отличиться на военномъ поприщѣ, то они обыкновенно возражаютъ: множество подобныхъ примѣровъ только доказываетъ, что гораздо

болѣе дураковъ, чѣмъ умныхъ людей на свѣтѣ. Если вы иностранцы, имѣете чѣмъ жить и тѣмъ не менѣе изъ за пустаго славолюбія подвергаете себя опасности лишиться здоровья и жизни, въ продолженіе которой вы только и можете наслаждаться этою славой, то укажите намъ на разумный поводъ къ подобному образу дѣйствій. Если же вы служите изъ нужды, то вы заслуживаете снисхожденія, но вмѣстѣ съ тѣмъ и сожалѣнія. Насъ Богъ и природа поставили въ болѣе благопріятныя условія, если бы только наше благоденствіе не было тревожимо чужестранными выдумками. Наша страна такъ обширна и наша почва такъ плодородна, что ни одинъ дворянинъ не долженъ испытывать голода, если онъ только можетъ сидѣть дома и слѣдить за своимъ хозяйствомъ. Какъ бы ни было ничтожно его достояніе, если бы даже ему пришлось идти самому за плугомъ, то все же его участь лучше солдатской. А тотъ, кто пользуется хоть небольшимъ достаткомъ, можетъ наслаждаться всѣми здоровыми удовольствіями: онъ имѣетъ пищу и питье, одежду, прислугу и экипажи въ избыткѣ и потѣшается, сколько душѣ угодно, охотою и всѣми другими забавами, которыми пользовались его предки. Если у него нѣтъ золотомъ и серебромъ усѣянной одежды, великолѣпныхъ каретъ, драгоценной мебели, если онъ не употребляетъ утонченныхъ винъ и заморскихъ лакомствъ, то онъ на столько счастливъ, что онъ всѣхъ этихъ вещей и не знаетъ и потому не ощущаетъ въ нихъ потребности, а поживаетъ себѣ на деревенскомъ положеніи столь же весело и гораздо здоровѣе, чѣмъ иностранецъ при его изысканномъ и столь-прославленномъ довольствѣ. Въ

подобной обстановкѣ, что же можетъ побуждать насъ рисковать нашимъ спокойствіемъ и подвергаться множеству различныхъ тягостей и опасностей единственно для того, чтобы заслужить извѣстный чинъ или званіе, которые не только ни мало не содѣйствуютъ нашему благосостоянію, но даже служатъ ему препятствіемъ? Вотъ, если бы наше отечество подверглось нападенію непріятеля, или нашему благосостоянію угрожала бы опасность, то мы сочли бы себя обязанными соединиться всѣ во едино и, отложивъ въ сторону всякія неудобства, содѣйствовать нашему государю въ защитѣ нашихъ границъ. И это мы всегда, безъ всякой чужой помощи и указанія, исполняли честно и съ такимъ успѣхомъ, что послѣ усмиренія тѣхъ смуть, которыя иностранцы вызвали у насъ сто лѣтъ тому назадъ, никакой непріятель не пріобрѣлъ ни пяди нашей земли, и напротивъ того намъ удалось вернуть всѣ области, отторгнутыя отъ насъ нашими сосѣдями во время этихъ смуть, даже бесплодную Ингерманландію. Все это мы выполняли охотно и съ радостью, потому что были убѣждены, что мы боролись за свое собственное благо и что, послѣ испытанной опасности, мы пожнемъ въ нашемъ отечествѣ, подъ сѣнью мира, плоды нашихъ усилій. Тогда какъ теперь, съ тѣхъ поръ, что вы, иностранцы, успѣли внушить нашему государю убѣжденіе, будто армию должно постоянно содержать какъ въ военное, такъ и въ мирное время, намъ не приходится и думать о подобномъ спокойствіи. Ни одинъ сосѣдъ не расположенъ оскорблять насъ. Самое наше положеніе уже служитъ намъ достаточнымъ обезпеченіемъ. Тѣмъ не менѣе не успѣ-

емъ мы заключить мира, какъ уже задумываютъ новую войну, не имѣющую большею частью инаго основанія, какъ честолюбіе государя или даже его министровъ. Имъ въ угоду, не только изнуряютъ нашихъ крестьянъ до послѣдней кровинки, но мы вынуждены нести службу лично и покидать наши дома и семейства не такъ, какъ прежде, лишь на время похода, но на долгіе годы, впадать въ долги и тѣмъ временемъ оставлять наши имѣнія въ воровскихъ рукахъ нашихъ управителей, которые обыкновенно приводятъ ихъ въ такое состояніе, что, когда намъ наконецъ посчастливится быть уволенными отъ службы по старости или по болѣзни, то мы до конца нашей жизни не можемъ возстановить нашего благосостоянія. Однимъ словомъ: съ помощью постоянно содержимой арміи со всѣми отъ того происходящими послѣдствіями, насъ до того изнуряютъ и разоряютъ, что самый жестокой непріятель, хотя бы онъ опустошилъ все наше государство, и то не могъ бы нанести намъ и половины того вреда. Такъ какъ насъ силою и воплѣ незаконно лишили нашихъ старыхъ правъ, и мы не смѣемъ роптать, но вынуждены сносить все, чему вздумаетъ государь насъ подвергнуть, то можно ли намъ ставить въ вину, что мы встрѣчаемъ это насиліе съ неудовольствіемъ и употребляемъ всѣ возможные старанія, чтобы по крайней мѣрѣ себя лично оградить отъ этого невыносимаго и несправедливаго гнета?

Когда имъ возражаешь, что, если бы даже они при своихъ старыхъ порядкахъ и въ состояніи были защитить свои границы, то всякое ихъ расширеніе оказалось бы невозможнымъ безъ органи-

зованной арміи, то на это они отвѣчаютъ: наша страна довольно обширна и требуетъ не расширенія, а только заселенія. Завоеванія, совершенныя Петромъ I-мъ, не принесли Россіи ничего такого, чего бы она уже не имѣла, не умножили ея богатства и требуютъ лишь большихъ издержекъ на ихъ сохраненіе, а не приносятъ выгоды. Кромѣ того они не доставили намъ новой охраны и могутъ скорѣе служить въ будущемъ поводомъ къ большому чѣмъ слѣдуетъ съ нашей стороны вмѣшательству въ чужія дѣла, причѣмъ намъ никогда не приходится отдыхать у домашняго очага. А потому Петръ I поступилъ бы гораздо благоразумнѣе, если бы онъ сохранилъ дома, за собою, тѣ милліоны людей, которыхъ погубили Шведская война и основаніе Петербурга и которыхъ гибель слишкомъ чувствительна. Прежніе цари тоже совершали завоеванія, но только такихъ областей, обладаніе которыми было необходимо для государства, или которыя хищническими набѣгами насъ тревожили. Кромѣ того они доставляли намъ возможность пользоваться плодами нашихъ трудовъ, обращались съ покоренными, какъ съ покоренными и раздѣляли ихъ имущество между дворянами, тогда какъ Лифляндцы почти ходятъ у насъ по головѣ и пользуются большими привилегіями, чѣмъ мы сами, такъ что мы изъ этого завоеванія не извлекаемъ никакой другой выгоды кромѣ чести стеречь на свой счетъ чужую націю и охранять ее своею кровью.

Если желаешь подстрекнуть ихъ самолюбіе и указать имъ на славу и блестящую репутацію, заслуженную ихъ націею, благодаря этимъ завоеваніямъ, у остальныхъ Европейскихъ народовъ, ко-

торымъ они до того времени оставались совершенно неизвѣстными, то они обыкновенно съ улыбкою возражаютъ, что имъ приходится только удивляться, когда люди разумные, въ возмѣщеніе за дѣйствительное зло, котораго послѣдствія они ежедневно испытываютъ, выставляютъ имъ воображаемую выгоду, нисколько не способствующую къ ихъ совершенствованію. Если бы Европейскія націи ихъ не знали, то было бы тѣмъ хуже для нихъ самихъ. Невѣжество иностранцевъ ни въ чемъ не сдѣлало бы ихъ Русскихъ несчастнѣе, и ихъ ни мало не тревожило бы, что есть въ мірѣ люди имъ незнакомые. Имъ даже почти казалось, что знакомство съ чужестранцами влечетъ за собою какое-то проклятіе; и съ тѣхъ поръ, что они его удостоились, исчезло все ихъ благополучіе. Ихъ государь пользуется со стороны своихъ подданныхъ всѣми почестями, которыхъ только земное существо вправѣ требовать. Если бы чужія націи также пожелали оказывать ему уваженіе, то имъ было бы это пріятно; но если бы онѣ этого не пожелали, то имъ было бы трудно предположить, что ему эта лишняя струйка фиміама покажется настолько необходимою, чтобы ради ея имъ пришлось жертвовать своимъ спокойствіемъ и благоденствіемъ. Впрочемъ они совершенно равнодушны къ тѣмъ чувствамъ, которыя питаютъ къ нимъ другія націи, предоставляя имъ право платить имъ тѣмъ же.

Вообще ничто во всѣхъ чужеземныхъ нововведеніяхъ не представляется Русскимъ смѣшнѣе того, какъ когда говорятъ имъ о правилахъ чести (*point d'honneur*) и желаютъ, во имя того, убѣдить ихъ сдѣлать что нибудь, или отъ чего нибудь

отказаться. Были-бы также совершенно напрасными всякія старанія убѣдить ихъ, что мнѣніе какой нибудь личности, не имѣющей права имъ приказывать, иногда можетъ сдѣлать ихъ счастливыми или несчастными, или можетъ ихъ вынудить совершить такое дѣло, которое противно ихъ интересамъ. Поэтому ни къ одному изъ своихъ повелѣній Петръ не встрѣтилъ такого сочувственнаго, охотнаго послушанія, какъ въ запрещенію дуэли, и до сей минуты ни одному Русскому офицеру не придетъ въ голову, когда онъ бываетъ оскорбленъ себѣ равнымъ, требовать удовлетворенія; но онъ въ точности выполняетъ предписанія положенія о дуэли, въ которомъ постановлено, что въ подобныхъ случаяхъ обиженный приносить жалобу, а зачинщикъ обязанъ принести ему публичное извиненіе и удовлетвореніе; причемъ ему не слѣдуетъ опасаться, что ради этого ему будетъ сдѣланъ упрекъ кѣмъ либо изъ его товарищей.

Усилилось-ли нынѣ народонаселеніе Россіи противъ прежняго?

Русскій народъ отъ природы весьма плодородный. Куда бы вы не заѣзжали внутри страны, вездѣ крестьянскіе дворы биткомъ набиты дѣтьми. Почти все простонародье женится такъ рано, какъ только возможно; они къ этому еще болѣе побуждаются тѣмъ, что имъ жена и дѣти никогда не бываютъ въ тягость. Жена обязана и дѣйствительно въ состояніи заработать свой насущный хлѣбъ трудами рукъ своихъ; а множество дѣтей составляетъ богатство крестьянина. Дѣвицы, остающіяся дома въ деревнѣ, никогда долго не засиживаются, и старыхъ дѣвъ почти нигдѣ не видно. Если-

же онѣ вынуждены находиться въ услуженіи, и господа препятствуютъ имъ выходить замужъ, то онѣ большею частью въ своихъ брачныхъ сношеніяхъ обходятся безъ священника и если даже вскорѣ обнаруживаются плоды этихъ сношеній, то рѣдко бываетъ слышно о дѣтубійствахъ. Напротивъ того, онѣ обыкновенно воспитываютъ весьма заботливо своихъ дѣтей, въ надеждѣ снискать себѣ ихъ трудомъ дневное пропитаніе. Этому не мало способствуетъ и то, что незаконорожденный ребенокъ не навлекаетъ на свою мать ни церковнаго покаянія, ни денежнаго взыскаія и даже не препятствуетъ ей получить мужа изъ своей среды.

Кромѣ того Русскіе, съ давнихъ временъ и даже еще съ первой Шведской войны, сохранили обыкновеніе изъ всѣхъ странъ, куда они совершали набѣги, увлекать слѣдомъ за собою въ Россію всѣхъ, кого они только могли увести: мужчинъ, женщинъ, дѣтей и тамъ силою или добромъ обрацали ихъ въ свою вѣру и женили ихъ на своихъ природныхъ.

Всѣ эти приемы естественно должны были способствовать къ значительному заселенію Россіи. Тѣмъ не менѣ почти всѣ дворяне жалуются, что у нихъ слишкомъ мало рабовъ для обработки земель и что ихъ число съ начала настоящаго столѣтія значительно уменьшилось.

Причины, которымъ они приписываютъ подобное уменьшеніе, суть слѣдующія: 1) огромное количество людей, которыхъ Петръ I отвлекъ отъ земли, частью въ качествѣ рекрутъ, частью въ видѣ обязательныхъ рабочихъ при сооруженіи крѣпостей, гаваней и каналовъ,

и изъ нихъ едва-ли вернулась назадъ и тридцатая доля, по милости столь бѣдственнаго устройства провизантскихъ магазиновъ, что большая часть изъ нихъ, еще не достигнувъ мѣста назначенія, померла съ голода.

Неоплатныя подати налагались на все народонаселеніе во время войны и взыскивались посредствомъ жестокихъ, принудительныхъ мѣръ, вслѣдствіе чего множество крестьянъ было вынуждено покинуть свои дворы и (такъ какъ въ Россіи ихъ никто не смѣлъ принять подъ страхомъ строгаго наказанія) переселиться съ своими семьями въ сосѣднія государства, въ особенности въ Польшу, такъ что въ первую Польскую войну Русскіе въ одной Литвѣ нашли до 200,000 подобнаго крестьянскаго сброда и отправили ихъ вновь въ Россію, причемъ впрочемъ достаточное количество изъ нихъ впослѣдствіи опять перебралось въ Польшу.

Къ этимъ причинамъ можно было бы еще присовокупить ужасное пьянство, распространенное между Русскими и которое среди взрослыхъ губить ежегодно великое множество народа. Никакой праздникъ не проходитъ безъ того, чтобы во всѣхъ большихъ городахъ многіе изъ простонародья, напившись до полусмерти или наляясь пьяными и замерзшими на улицахъ; не подбирались полиціею; а когда Русскій впадаетъ въ нужду и нищету, то онъ большею частью ищетъ развлечь свое горе и пьетъ до тѣхъ поръ, что у него образуется въ кишкахъ воспаленіе, кончающееся смертью.

Между дѣтьми, въ особенности въ деревняхъ, ужасно свирѣствуетъ оспа, и можно полагать, что изъ общаго числа заболѣвающихъ умираютъ три четверти. Главная тому причина заключается въ

томъ, что народъ въ этой болѣзни совсѣмъ не умѣетъ беречь себя и старается доставить больному, когда онъ жалуется на жаръ, возможное облегченіе посредствомъ всякихъ наружныхъ освѣжающихъ средствъ.

Этому злу можно было бы пособить заведеніемъ искусныхъ сельскихъ врачей, и даже остальные причины, до сихъ поръ опустошающія страну, могли-бы быть уничтожены, если-бы Россія была на столько счастлива, чтобы обладать послѣдовательно тремя или четырьмя Соломонами, которые управляли-бы ею въ покоѣ и мирѣ и обратили-бы особенное вниманіе на умноженіе народонаселенія (котораго Русское государство можетъ содержать въ тридцать разъ болѣе настоящаго колпчества) и на разумное улучшеніе экономической и финансовой части. При подобномъ управленіи, не подлежитъ сомнѣнію, что Россія вознеслась-бы надъ всѣми сосѣдними государствами и со временемъ вновь была-бы въ состояніи направить на Востокъ или на Западъ такія-же громадныя полчища, какъ тысячу лѣтъ тому назадъ.

Но если можно придавать какую-либо вѣру разсужденіямъ нѣкоторыхъ не лишенныхъ опытности врачей, то Провидѣніе положило уже извѣстную преграду этой возможности и ниспослало Русской націи внутреннюю язву, которая не только препятствуетъ ей размноженію, но даже неминуемо должна со временемъ уменьшить и нынѣ существующее населеніе и лишитъ ее всякой силы приводить въ исполненіе въ будущемъ какія-нибудь важныя предпріятія. Они разумѣютъ подъ этимъ сифилитическую заразу, распространившуюся въ Россіи черезъ сношеніе южныхъ областей съ Поль-

шею до крайнихъ предѣловъ ея на Сѣверъ и на Востокъ, уже заразившую среди мѣщанъ и крестьянъ цѣлыя семьи и совершившую тѣмъ болѣе огромные и бѣдственные успѣхи, что она такого свойства, что не можетъ быть исцѣляема силою собственной природы подобно другимъ болѣзнямъ, но требуетъ неизбѣжно помощи врача, а его-то простолюдины въ Россіи не могутъ имѣть, отчасти по бѣдности и недостатку въ медикахъ вообще, а отчасти и по нежеланію приглашать ихъ изъ скупости: они лечатъ себя всякими снадобьями, еще болѣе раздражающими болѣзнь. При этомъ я уже умалчиваю о томъ, что многіе ученые медики утверждаютъ, что венерическая зараза на 60 % сѣверной широты и выше того, вслѣдствіе господствующей тамъ скорбутической атмосферы, никогда радикально излечивася быть не можетъ, изъ чего естественнымъ образомъ должно бы слѣдовать, что въ теченіи какихъ нибудь ста лѣтъ Россія должна бы оказаться гораздо менѣе населенною, чѣмъ Испанія. Впрочемъ я не рѣшаюсь принять безусловно это мнѣніе, но предоставляю его на обсужденіе опытныхъ естествоиспытателей.

Сколько заключается примѣрно жителей въ Россіи и сколько духовенства?

Истинную цифру народонаселенія въ Россіи даже ея государи до настоящей минуты не могли опредѣлить. Но сколько гражданъ и крестьянъ находится по деревнямъ, можно теперь довольно близко обозначить. Когда Петръ I вздумалъ измѣнить старый способъ податнаго сбора и вмѣсто прежнихъ повинностей ввести поголовную подать, то всѣ дворяне, а равно и чиновники казен-

ныхъ имѣній, были обязаны представить самые точные списки всѣхъ своихъ поданныхъ мужескаго пола, отъ самаго дряхлаго старика до 10-ти лѣтняго ребенка включительно, и эти списки были потомъ повѣряемы офицерами, которыхъ Петръ съ этою цѣлью рассылалъ по всему государству.

По этимъ-то спискамъ значится въ Россіи всѣхъ податныхъ лицъ мужескаго пола, т. е. мѣщанъ, крестьянъ и поселенныхъ Татаръ, обязанныхъ также платить подати и ставить рекрутовъ, всего пять милліоновъ и 198,000 человекъ. Если къ этому присоединить женскій полъ, считая по общепринятой пропорціи, что еге должно быть нѣсколько менѣе этой цифры *, то общая сумма населенія будетъ примѣрно простираться до 10-ти милліоновъ.

Русскихъ дворянъ съ ихъ семьями обыкновенно насчитываютъ до 500 т.; канцелярскихъ чиновниковъ, составляющихъ особый классъ, до 200 т.; а священниковъ съ женами и дѣтьми до 300 т. человекъ.

Жители покоренныхъ областей, не обложенные податнымъ сборомъ, но платящіе повинности еще по Шведской раскладкѣ, составляютъ до 500 или 600 т.

Казаковъ въ Украинѣ, на Дону и на Яикѣ и въ пограничныхъ городахъ насчитываютъ всего отъ 700 до 800 т. Сибирскія народности — Татары, Остяки, Монголы, Башкиры (Bratskier), Тун-

* Во времера Фокерода еще не знали, что на оборотъ женщинъ обыкновенно бываетъ нѣсколько болѣе, чѣмъ мужчинъ; при Петрѣ въ Россіи ихъ должно было быть еще болѣе обыкновеннаго, такъ какъ мужчины гибли около 25 лѣтъ сряду въ войнахъ и въ мукахъ переворота. И. Б.

гузы, Вогуличи (Wogulitzen) и какъ ихъ еще тамъ называютъ, обыкновенно опредѣляются цифрою въ одинъ миллионъ, безъ всякой впрочемъ точности, по каковому разсчету число всѣхъ жителей этого большаго государства простирается не свыше 13 или 14 миллионовъ.

Россія не изобилуетъ священниками, лишь потому, что въ силу новаго регламента, никто не можетъ быть посвященъ, если онъ не имѣетъ своего прихода; а частнымъ лицамъ воспрещено имѣть домовыхъ священниковъ. Свѣтская часть духовнаго сословія обязана платить повинности по деревнямъ и равняѣ съ крестьянами слѣдовать за плугомъ. Кромѣ протоиереевъ въ городахъ они вообще пользуются большимъ пренебреженіемъ. Рѣдко дворянинъ посадить священника за свой столъ, но болѣею частью послѣ того, что онъ произнесъ молитву передъ обѣдомъ, его отправляютъ къ прислугѣ. Впрочемъ епископы и настоятели пользуются высокимъ почетомъ и живутъ въ изобиліи; но немногіе могутъ достигнуть этихъ званій. Остальнымъ монахамъ насущный хлѣбъ такъ скудно выдается, и имъ оказывается такъ мало уваженія, что знатныя лица не находятъ особенныхъ выгодъ посвящать себя духовному званію.

Какъ велики доходы Россіи?

Доходы Россіи нисколько не соответствуютъ ея пространству. Петръ, во время своего управленія, не могъ довести обыкновенные доходы выше 9 или 10 миллионовъ, а послѣ его кончины не было слышно, чтобы они замѣтно прибавились. Случайный приходъ, состоящій изъ штрафовъ и конфискацій, не заслуживаетъ большаго вниманія: подобные приливы обыкновенно также быстро растра-

чиваются, какъ они быстро притекаютъ, и распредѣляются между любимцами.

Какъ ни мала кажется эта сумма, но ея въ Россіи достаетъ на болѣе долгій срокъ, чѣмъ въ другихъ государствахъ, и ея оказалось достаточно при Петрѣ I, чтобы осуществить всѣ его великія предпріятія и учрежденія. Содержаніе его двора, стола, прислуги и конюшни не превышало въ годъ 50 т. руб. Содержаніе природныхъ Русскихъ чиновниковъ было вообще весьма ничтожно, и большая часть министровъ, сенаторовъ и совѣтниковъ, даже самъ великій канцлеръ, служили безвозмездно. Офицеры также получали малое жалованье: Русскій капитанъ получалъ въ мѣсяцъ 8 руб., поручикъ 6 руб., прапорщикъ 4 руб., солдатъ въ продолженіи цѣлаго года имѣлъ, со включеніемъ обмундированія, неполныя 11 р. и 12 мѣръ муки, не стоившія казнѣ по деревнямъ и полутора рубля; ружейниковъ и обязательныхъ рабочихъ государство должно было выставлять особо, и по комиссаріату, на который шли подати, соблюдалась такая строгая экономія, что къ концу года, даже въ военное время, значительный излишекъ оставался въ кассѣ. Какъ только офицеръ получаетъ позволеніе куда нибудь отправиться, то онъ лишается жалованья, и такъ какъ при Петрѣ II эти дозволенія раздавались до того часто, что нерѣдко прапорщику приходилось командовать цѣлымъ полкомъ, и кромѣ того укомплектованіе войскъ сильно было запущено, то при его кончинѣ военная касса и вообще всѣ кассы были переполнены такими значительными запасами, что вынѣшняя государыня, при вступленіи на престолъ, нашла достаточно средствъ къ удовлетворенію своей роскоши. Когда этотъ источникъ истощился,

то старались поддержать себя дополнительнымъ сборомъ податныхъ остатковъ и другихъ казенныхъ недоимокъ, которыя въ счастливыя времена Петра II не рѣшались выколачивать изъ поселеннаго. Хотя это средство и привлекло опять значительныя суммы въ кассу, но разорило многихъ дворянъ, мѣщанъ и крестьянъ и вытѣснило изъ государства немалое количество сихъ послѣднихъ.

Уже теперь предчувствуются грустныя послѣдствія всего этого, и хотя война едва начата, но уже вездѣ ощущается недостатокъ въ деньгахъ. Для двора еще служитъ нѣкоторымъ удобствомъ то, что не только народъ облагается имъ по его усмотрѣнію, но даже армія и гражданскіе чиновники, въ случаѣ нужды, обязаны служить безъ жалованья и даже безъ ропота и малѣйшаго возраженія. Какъ ни тяжело на сердцѣ у цѣлой націи отъ нынѣшней системы двора и отъ неограниченнаго въ немъ господства иностранцевъ; но она до сей поры терпѣливо переносила этотъ гнетъ, потому что еще не имѣетъ въ виду никого, кто бы имѣлъ довольно значенія и мужества, чтобы провозгласить себи вождемъ и воспротивиться намѣреніямъ двора. Время покажетъ, останутся-ли они упорно при своей безчувственности, или нечаянно появится среди нихъ патріотъ и найдетъ способъ повергнуть съ особенною силою къ подножію престола вопли и вздохи подданныхъ.

*

Въ этой главѣ, вообще, Фокеродомъ такъ наглядно и ярко выставлены отношенія массы Русскаго народонаселенія къ преобразованіямъ Петра I-го, что нельзя не удивляться вѣрности его взгляда и мѣткости его наблюдений. Имен-

но такъ, а не иначе долженъ былъ относиться Русскій народъ къ великой реформѣ, конечная цѣль которой превышала его пониманіе, тогда какъ ближайшіе результаты этой общей ломки отзывались столь тяжело на его матеріальномъ благосостояніи и нравственномъ, благодушномъ покоѣ.

Но въ этихъ возраженіяхъ, примѣченныхъ и подслушанныхъ тонкимъ, чужеземнымъ наблюдателемъ, звучитъ для насъ не одно, такъ сказать, ворчаніе съвернаго медвѣдя, потревоженнаго въ его теплой берлогѣ, не одинъ лишь ропотъ нарушеннаго духовнаго сна, не одно безсознательное противодѣйствіе чуждому и непонятному новому порядку. Въ этихъ возраженіяхъ, кромѣ того и даже несравненно яснѣе и громче, слышится намъ критическій и съ извѣстной точки зрѣнія даже нелитературный логическаго основанія анализъ сопершаемыхъ реформъ, ихъ строгая, осмысленная, хотя быть можетъ и слишкомъ пристрастная оцѣнка; а главное, сквозь всѣ эти доводы и возраженія, звучитъ какое-то спокойное сознаніе собственной силы и значенія, оскорбленное столь безусловнымъ раздраженіемъ и поклоненіемъ всему чужеземному. Постоянное истощеніе государственной казны для содержанія огромной арміи: непрерывныя войны почти столь же чувствительныя для побѣдителей, какъ и для побѣжденных; завоеванія, въ большей части случаевъ не приносящія завоевателямъ существенной пользы и не доставляющія «другой выгоды, кромѣ чести стеречь на свой счетъ «чужую націю и охранять ее своєю кровью»....

Подобныя разсужденія конечно не могутъ поколебать высокаго значенія Пе-

тровскихъ реформъ и во многихъ отношеніяхъ могутъ скорѣе служить доказательствомъ ихъ необходимости; но въ тоже время въ нихъ звучитъ извѣстная народная сила, извѣстное сознание своего народнаго достоинства

Нельзя не отнестись съ нѣкоторымъ уваженіемъ къ этому чувству отчизнолюбія и не почитать его однимъ изъ залоговъ прочнаго, самостоятельнаго благоденствія для всякаго нормально развивающагося государства. Если-бы со временъ Петра I-го всѣ его преемники, въ ихъ высокой и плодотворной борьбѣ съ національнымъ невѣжествомъ, могли не касаться этого патріотическаго корня и сохранять за нимъ его первобытную силу и достоинство, то всѣ преобразованія послѣдующихъ царствованій принесли-бы съ собою еще несравненно болѣе обильные и прочныя плоды. Это чувство *народнаго сознанія*, сохранившееся нетронутымъ и цѣльнымъ въ Англіи, въ Германіи и другихъ образованнѣйшихъ государствахъ Европы, всегда служило самымъ твердымъ основаніемъ ихъ могущества и силы и постоянно *живалось* въ нихъ со всѣми реформами и улучшениями, вызываемыми духомъ времени. Нельзя вполнѣ отрицать, что и у насъ возникло съ теченіемъ времени стремленіе вдохнуть народную, живительную силу во всѣ предпринимаемыя реформы и установить ихъ на болѣе прочныхъ и національныхъ основаніяхъ. Это стремленіе явилось плодомъ усилій извѣстныхъ одиночныхъ дѣятелей, даровитыхъ, энергичныхъ и безусловно почтенныхъ въ своей дѣятельности; но они оставались чужды народнымъ нуждамъ и потребностямъ и не могли воплотить въ себѣ однажды утраченные элементы на-

роднаго сознанія. Коренныя преобразованія, озарившія своимъ блескомъ настоящее царствованіе и коснувшіяся всѣхъ безъ исключенія сторонъ Русской жизни и отечественнаго государственнаго строя, имѣли своимъ естественнымъ, благодѣтельнымъ послѣдствіемъ нѣкоторое сближеніе между современною намъ эпохою и тѣмъ періодомъ, который воспроизводитъ Фокеродъ въ своихъ Запискахъ. Остается только желать, чтобы въ дальнѣйшемъ своемъ развитіи, великія реформы нынѣшняго царствованія все тѣснѣе и глубже сроднились съ этимъ столь высокимъ и прочнымъ, первобытнымъ началомъ народнаго сознанія и національнаго достоинства.

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ

Юрьевскаго архимандрита Фотія о сектцахъ, хлыстахъ и другихъ тайныхъ сектахъ въ Петербургѣ въ 1819 году. ¹

О умноженіи всякихъ отраслей зловѣрія, нечестія и беззаконія въ Петербургѣ и во всей Россіи. Во время

¹ Въ Р. Архивѣ 1869 г. были напечатаны выдержки изъ Записокъ Фотія о свиданіяхъ его съ императоромъ Александромъ Павловичемъ. Здѣсь помѣщается то что говоритъ этотъ протопопъ—Аввакумъ XIX столѣтія о зловредныхъ сектахъ „за исключеніемъ *секты Родіона Кошелева*“ (оберъ-гофмейстера), относительно которой самъ Фотій могъ привести одну только *ересь*, что Кошелевъ, будучи силенъ при дворѣ Александра, имѣлъ вліяніе на синодскіа дѣла. Опущено также сказаніе Фотія о *библейскомъ обществѣ*, которое фанатикъ считаетъ тоже чѣмъ-то въ родѣ секты.—Фотій умеръ въ Февралѣ 1838 года. Записки свои, по просьбѣ графа. А. А. Орловой-Чесменской, онъ диктовалъ не очень задолго смерти, въ 1834 или 1835 году.

оно великую силу воспріали въ столицѣ царской Санктпетербургѣ, въ Москвѣ, по главнымъ городамъ и мѣстамъ, разныя зловредныя общества, тайныя и явныя. Русское царство наводниемо было весьма отъ потоковъ нечестія и зловѣрія. Было въ разныхъ мѣстахъ до тридцати ложъ масонскихъ главныхъ, подъ разными именами; но всѣ оныя общества и скопища бѣсовскія антихристовы были, прямо или косвенно, тайно или явно, противъ Христовой святой церкви, противу благочестія христіанскаго, противъ всякаго правительства и порядка гражданскаго. Сверхъ масонскихъ ложъ и обществъ, были разныя секты, расколы и скопища многія, гнусныя и нечестивыя. Никто вниманія не обращалъ на потокъ невѣрія и нечестія явнаго. Министръ графъ Викторъ Кочубой² зналъ о семъ и молчалъ; всѣ епархіальныя власти слышали и видѣли вредъ происходящій, но хладнокровные зрители всего были: не только не пресѣкали успѣховъ зловѣрія, но еще дружбу, хлѣбъ и соль имѣли съ начальниками тайныхъ обществъ нечестивыхъ, помышляя отъ того себѣ нѣкоторыя выгоды имѣть мірскія, для достиженія чести и славы міра. Я не буду здѣсь говорить о сектѣ «*братья-свиньи*», гдѣ были ученые, даже врачи иностранныя и скверною плотію себя мазали; скажу о нѣкоторыхъ явно допускаемыхъ скопищахъ, безбожныхъ и нестерпимыхъ.

О сектѣ подѣ властію Лабзина³.
Боляринъ Лабзинъ, съ ученіемъ и смѣ-

лостію имѣя дерзкій характеръ, имѣлъ скопища по ночамъ у себя подѣ видомъ чистаго ученія о вѣрѣ христіанской, но въ самомъ дѣлѣ множилъ одно невѣріе. Заключалась въ семь обществъ премудрость земная, бѣсовская. Онъ, дѣйствуя открыто, подѣ видомъ Св. Писанія дѣлалъ свои толкованія произвольно на оное, яко же отъ бѣса способенъ былъ принимать. Изблевалъ ядъ ученія своего отъ сердца своего всюду и отравлялъ сердца многихъ, подѣ видомъ ученія вѣры Христовой давалъ ученіе лжехристіанское, и подѣ видомъ умноженія духовныхъ книгъ для духовныхъ и мірскихъ людей на Русскомъ нарѣчій, писалъ чисто, ясно сочинялъ, переводилъ книги нечестиваго всяческаго еретическаго ученія разнаго съ Нѣмецкаго языка, съ Французскаго и прочихъ и печатно все издавалъ, выдумывалъ разныя чудеса новыя, ложныя, прославлялъ какъ божественное дѣйствіе — магнетизмъ, сущее бѣсовское дѣло и упражненіе постыднѣйшее для христіанъ, а особенно людей просвѣщенныхъ. Всякими способами сей врагъ вѣры и благочестія пакости чинилъ церкви православной и вѣрѣ, ученію истины, благочестію вѣрныхъ, и духъ прелести, ереси и заблужденія всеусильно вливалъ въ сердца неопытныхъ всѣхъ и отвращалъ въ пути нечестія и святотатства. Его многіе называли: *Апостолъ и Пророкъ Сатанинъ*.

О *лицѣхъ духовныхъ, бывшихъ въ сектѣ Лабзина*. Въ ересь его многіе были увлечены. Книги сочиненія его

² Министръ внутреннихъ дѣлъ.

³ Александръ Федоровичъ Лабзинъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, вице-президентъ Академіи Художествъ и членъ Адмиралтейской Коллегіи, извѣстный мистикъ, род. въ 1766 г., умеръ въ ссылкѣ въ Сибирскѣ въ

1825 году. Издавалъ *Сіонскій Вѣстникъ*, сочинилъ исторію ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, переводилъ многія книги Эккартсгаузена, Штллингга и другихъ мистиковъ. Подробная біографія его въ Русскомъ Архивѣ 1866 года.

почти всѣ ученые читали съ удовольствіемъ, въ Семинаріи выписывали, хвалами превозносили его, яко учителя вѣры, изъ челоуѣкоугодія или по заблужденію. Архіереи, ректоры, архимандриты, протоіереи и прочіе многіе изъ духовныхъ, князья, бояры, ученые многіе потворствовали и желали имѣть какъ бы нѣкую тайну ученія и просвѣщенія отъ него. Многіе, такъ сказать, въ Лабзинѣ и его послѣдователяхъ искали обрѣсти Бога и святость Его, какъ бы того нигдѣ и не было кромѣ его. Сему идолу кланялось начальство Санктпетербургской Духовной Академіи, и Синодъ его чтить. Нѣкоторые въ общество его вступили и принимали духа нечистаго даже духовные, а нѣкоторые письменно себя причисляли, изъ каковыхъ былъ самъ ректоръ Академіи *Филаретъ*⁴. Изъ поступившихъ въ сонмъ бѣсовскій земный извѣстны были во дни синоноучитель Перваго Кадетскаго Корпуса іеромонахъ *Феофилъ*⁵, потомъ бывшій

⁴ Ректоромъ былъ Филаретъ, епископъ Ревельскій (потомъ Московскій митрополитъ).

⁵ Архимандритъ *Феофилъ* изъ Перваго Кадетскаго Корпуса переведенъ законоучителемъ и членомъ правленія въ Одесскій Ришельевской Лицей. Пользуясь дружбою съ кн. А. Н. Голицынымъ, онъ сдѣлался главнымъ въ правленіи Лицея и управлялъ имъ. Еще въ 1822 году онъ уже получилъ орденъ Владиміра 3 степени и конечно вскорѣ былъ бы архіереемъ, если бы Фотій, Серафимъ, Аракчеевъ и Шиховъ не свергли князя Голицына. Послѣ того начинаютъ странствованія Феофила по разнымъ городамъ Россіи: то дадутъ ему въ управленіе монастырь, то черезъ короткое время переведутъ въ другой „на іеромонашескія порціи“ по выраженію формулярнаго его списка. Причина переводовъ на іеромонашескія порціи заключалась въ томъ, что Феофилъ былъ не только мистикомъ, но и Ловеласомъ. Наконецъ, уже престарѣлый, онъ былъ въ 1848 году посланъ въ Нижегородскій Печерскій монастырь. Преосвящен-

при Одесскомъ лицей архимандритъ; законоучитель Морскаго Кадетскаго Корпуса *Іовъ*, который въ 1818 году Мая 7 вступилъ, не могъ устояться долго, сразу лишился ума, взбѣсился и по долговременномъ своемъ смущеніи былъ лишенъ монашества и священства⁶; законоучитель и священникъ Академіи Художествъ *Сперанскій*, священникъ Втораго Кадетскаго Корпуса *Эвеновъ* и прочіе. О мірскихъ же я считаю за излишнее писать обо всѣхъ или многихъ. Домъ секты или сборища былъ на Васильевскомъ острову. Домъ купца *Антонова* былъ также мѣстомъ сборища.

Въ секту Лабзина принимаемы были богатые, ученые и знатные. Лаб-

ншій архіепископъ Іаковъ Нижегородскій, управлявшій симъ монастыремъ, сдѣлалъ Феофила своимъ намѣстникомъ, но онъ и тутъ не ужился по строптивому нраву. Ему дали въ управленія бѣдный, заштатный Теодоровскій монастырь (въ селѣ Городцѣ Балахнинскаго уѣзда Нижегородской губерніи), въ которомъ умеръ Александръ Невскій. Феофилъ весь капиталъ монастыря (2000 р., пожалованныхъ императрицей Екатериной II, присутствовавшей въ 1767 году при освященіи храма въ Теодоровскомъ монастырѣ) употребилъ на покупку кареты, чтобы ѣздить въ становой приставу, и на подобныя тому затѣи. За тѣмъ совсѣмъ выжиль изъ ума и умеръ около 1860 года въ Городцѣ. При немъ въ Одесѣ хоронили тѣло патріарха Григорія, убитаго Турками, и письмо его о томъ къ кн. Голицыну см. въ Русскомъ Архивѣ 1871 г., стр. 1931.

⁶ Этотъ *Іовъ* въ 1819 году, вслѣдствіе ли пьянства или начинавшагося уже сумашествія (въ другомъ мѣстѣ своихъ Записокъ Фотій это дѣло приписываетъ бѣсу, вселившемуся въ *Іова*) зашелъ однажды въ церковь Морскаго Корпуса и осквернилъ въ алтарѣ престолъ. Его увели въ его квартиру, бывшую въ третьемъ этажѣ; онъ едва не выброился изъ окна. Тогда начальство Морскаго Корпуса отправило *Іова* въ Александро-Невскую Лавру, гдѣ онъ и умеръ въ сумашествіи. *Іовъ* находился въ Хлыстовскомъ кораблѣ Татаринной.

зинъ, врагъ вѣры Христовой, правительства всякаго, не всѣхъ въ свое общество принималъ, а богатыхъ, знатныхъ, ученыхъ и имѣющихъ какое либо влияние къ умноженію злаго ученія новаго. Юныя дѣти лишь въ общественныхъ гдѣ либо заведеніяхъ совершали свое ученіе и получали чины, то старался ихъ уловить въ свои сѣти. Отцы дѣтей своихъ прельщали, и тако поступали даже изъ учащихся у Фотія⁷ Закону Божию его дѣти духовныя, которыя ему послѣ раскрыли тайны ученія секты Лабзина. Самые первые купцы: Кусовъ * Маркеловъ и другіе были въ масонскихъ сектахъ.

Благоволеніе Императоръ имѣлъ къ Лабзину по содѣяствію князи Голицына. Прелесть и лукавство общее послѣдователей ученію Лабзина достигали до того, что министръ духовныхъ дѣлъ и просвѣщенія князь Александръ Николаевичъ Голицынъ былъ ему споспобникъ, отличія ему изъ рукъ царскихъ испрашивалъ, похвалы громкія, какъ нѣкоему Апостолу, царская рука писала въ рескриптахъ, чему любящіе славу и честь міра дивились. Лабзина боялись, ему угождали, подражали и, такъ сказать, поклонялись идолу нечестивому и безумному Лабзину. Первые изъ архіереевъ и учителей духовныхъ юношей не смѣли усть отворить для загражденія зла, когда Лабзинъ изблевалъ на вѣру Христову и благочестіе явно въ домахъ духовныхъ при собраніяхъ у митрополитовъ Ам-

вросія и Михаилъ. Многіе дивились дерзости явной Лабзина и потворству духовныхъ.

О изданіи книгъ еретическихъ подъ руководствомъ Лабзина и иныхъ того же духа. Лабзинъ, какъ ученый человекъ, вельможи отличіемъ почтенъ былъ, славу снискалъ о своей учености, под видомъ благочестія, въ самомъ же дѣлѣ будучи нечестивъ, издалъ переводовъ и сочиненіевъ многія книги, исполненные явно и тайно нечестія, злобрія и вреда обществу гражданскому, всякой власти, противу церкви и вѣры.

Роды сектъ новыя въ Санктпетербургѣ. Въ Санктпетербургѣ были извѣстны секты подъ названіемъ *Общества Татариновой*, дворянки, госпожи *Криштеръ*, ученіе *Хвостовой*, *секта братьевъ - свиной*, *секта Скопцовъ*, *секта Линдселя*, *Фесслера*, *Госнера*, разумнаго растриги католикаго, и прочихъ иныхъ.

О сектѣ госпожи Татариновой. Врагъ діаволь чего не дѣлалъ во дни оныя! Министръ духовныхъ дѣлъ, князь Голицынъ, былъ во всемъ споспѣшникъ Татариновой. Ей было дано мѣсто для пребыванія въ Михайловскомъ замкѣ, среди столицы. Къ ней собирались духовные и мірскіе. Лестію своею она привлекала даже пустынныхъ монаховъ. Въ жилищѣ ея, близъ дворцовой церкви и даже почти надъ мѣстомъ церковнымъ или близъ бышемъ⁸, былъ Святой Духъ у ней написанъ, да видать, что у ней наитіе Святаго Духа бываетъ. По ночамъ у нея собирались дѣвицы и жены и прочіе, и дѣйствовали какъ нѣкое священное дѣйство свое, обычай круженія

⁷ Фотій былъ закопоучителемъ въ Первомъ Кадетскомъ Корпусѣ. Онъ сталъ говорить проповѣди, но не за обѣдней, а за всенощной. Уже одно это, какъ новость, привлекло ему слушательницъ, въ числѣ коихъ случайно была графиня Орлова и подчинилась вліанію его энергической рѣчи. П. Б.

⁸ Петербургскій городской голова.

⁸ Это не вѣрно: Татаринова имѣла квартиру въ части дворца, выходящей на Фонтанку (*Воспоминанія Вигеля*), а церковь находится въ противоположной сторонѣ здавія.

дѣлать, вертѣлись, падали потомъ на землю отъ безумія. Демонъ же входилъ въ нихъ, производилъ глаголы, предсказанія, и потому называлась секта сія „*пророковъ и пророчиль*“, а Татаринова главою всѣхъ была. Пѣты были разныя смѣшныя пѣсни и стихи, безъ толку сочиненные, гдѣ духовное съ плотскимъ было смѣшано, и болѣе имѣлось плотское, *любодѣйное*, нежели иное: весьма смѣшное составленіе и понятіе. Отецъ Фотій много таковыхъ имѣлъ безумныхъ и гнусныхъ пѣсней изъ пѣній мірскихъ, любодѣйныхъ; онѣ всѣ взяты изъ мірскихъ, и мало нѣчто припоровлено было къ сектѣ. Голосъ мірскихъ пѣсней любодѣйныхъ былъ. Фотій всѣ оныя уничтожилъ для того, что стыдно читать ихъ и имѣть: такъ явно любодѣйны и крайняго безумія были исполнены.

Ему оныя вручилъ простой монахъ *Козьма*, котораго изъ Коневского монастыря ¹⁰ прельстили *Пилецкій* и *Дубовицкій* ¹¹, увлекли его въ свою секту. Сей *Козьма Семеновъ* нѣсколько лѣтъ былъ въ оной сектѣ, а послѣ возвратился, проклявъ заблужденія и собственноручно подписалъ отверженіе отъ секты, и вручилъ притомъ книгу неподобныхъ и любодѣйныхъ бѣсовскихъ пѣсней и сочиненій сея нечѣстивыя секты.

О *Хвостовой*. Къ тому же и въ таковыя времена врагъ началъ чрезъ лжеподвижниковъ своихъ лукавыхъ прославлять госпожу *Хвостову* подъ именемъ христіанки. Печатались глупыя письма ея и были съ усердіемъ отъ многихъ читаемы. Самъ великій мужъ, бывшій ректоръ Семинаріи Петербургской *Иннокентій* ¹², читая нѣкогда, восхвалялъ письма ея и называлъ ее христіанкою примѣрною. Фотій же ему сказалъ: „Мы здѣсь на землѣ живемъ, а не въ раи Божіемъ Святая проматерь Ева была отъ змія уловлена, а змій чрезъ нее уловилъ праотца: то ужели Хвостову Сатана не можетъ уловить, а чрезъ нее ученыхъ и духовныхъ? Развѣ мы премудрѣе и святѣе Адама? Единое знаю, что Хвостова есть лжехристіанка, духъ ученія ея происходитъ отъ діавола: надобно ей запретить ученія, яко уче-

пья письма ея и были съ усердіемъ отъ многихъ читаемы. Самъ великій мужъ, бывшій ректоръ Семинаріи Петербургской *Иннокентій* ¹², читая нѣкогда, восхвалялъ письма ея и называлъ ее христіанкою примѣрною. Фотій же ему сказалъ: „Мы здѣсь на землѣ живемъ, а не въ раи Божіемъ Святая проматерь Ева была отъ змія уловлена, а змій чрезъ нее уловилъ праотца: то ужели Хвостову Сатана не можетъ уловить, а чрезъ нее ученыхъ и духовныхъ? Развѣ мы премудрѣе и святѣе Адама? Единое знаю, что Хвостова есть лжехристіанка, духъ ученія ея происходитъ отъ діавола: надобно ей запретить ученія, яко уче-

¹² Докторъ богословія *Иннокентій* (Смирновъ), въ 1812 году на двадцать шестомъ году отъ роду архимандритъ и инспекторъ Петербургской Академіи при ректорѣ Филаретѣ (впослѣдствіи Московскій митрополитъ). Они не ужились. Филаретъ видѣлъ въ Иннокентіѣ опаснаго соперника, и этотъ былъ переведенъ ректоромъ въ Петербургскую Семинарію и назначенъ цензоромъ. Въ 1818 году онъ разрѣшилъ къ нанечатанію сочиненіе г. Станевича *Плачь на гробъ младенца съ рѣзвыми обличеніями Сіонскаго Востника*, издаваемого Лабзиннымъ и вообще тогдашняго мистицизма. Ректоръ Филаретъ призналъ книгу и эти обличенія вредными. Это подало поводъ погубить его соперника. Филаретъ свою записку представилъ митрополиту Михаилу, сочувственному къ мистикамъ, учившемуся съ Лабзиннымъ въ „Дружескомъ Обществѣ“ Новикова. Князь Голицынъ съ своей стороны вышелъ въ Комиссію Духовныхъ Училищъ съ предложеніемъ, что книга Станевича наполнена ложными понятіями о церкви и внутреннемъ ея духѣ. Пропустивъ книгу, Иннокентій получилъ строжайшій выговоръ, книга запрещена (въ 1824 году она была разрѣшена и одобрена самимъ Государемъ по представленію Шишкова и митрополита Серафима). Но этого казалось мало — надо было удалить Иннокентія, запретить его въ глуши провинціи. Его предположили сдѣлать епископомъ въ Уфу. Фотій, благоговѣвшій предъ Иннокентіемъ, чрезъ княгиню

¹⁰ Коневскій монастырь, Петербургской епархіи на островѣ Ладожскаго озера, не подалеку отъ Валаама.

¹¹ Статскій совѣтникъ Мартынь Степановичъ *Урбановичъ-Пилецкій* и полковникъ Александръ Петровичъ *Дубовицкій*, очень богатый Рязанскій помѣщикъ, были членами корабля Татариновой.

ницѣ Лабзина безбожной. " На что былъ великій Иннокентій согласенъ и оттолкъ не имѣлъ уже вѣры къ ея ученію, началъ находить заблужденія, явно вредныя церкви и ученію Христіанскому истинному.

Способы, какъ тайныя беззаконія были раскрываемы отцу Фотію. Нѣкто раскрылъ ему (Фотію) все о сектѣ и дѣйстви секты Татариновой въ Михайловскомъ Замкѣ, гдѣ *отецъ Фотій былъ во время ночи, самъ своими очами видѣлъ бѣснованіе, круженіе, лжеславленіе и прорицаніе.* Еще два простыхъ монаха Коневского монастыря бывали также, *Михаилъ и Иаковъ,* и тѣ немало ему повѣдали что видѣли. Нѣкогда единъ старецъ въ Лаврѣ ¹³ *Горгій,* бывъ единъ отъ заблудшихъ *яко скопцы,* ¹⁴ осмѣлился, убѣждать Фотія въ секту сію скопцовъ, любя его и жалѣя, дабы онъ не впалъ въ блудъ, будучи юнъ ¹⁵. На

что ему Фотій сказалъ, разженъ будучи ревностію: „Господь хранилъ меня доселѣ отъ блуда и жены не познахъ вовсе; но такъ ненавижу злочесть и скверность скопчества, что лучше мнѣ быть сквернителемъ, грѣшникомъ, отъ края земли до другаго ида блудить, со всѣми блудницами согрѣшить, нежели отрѣзать мнѣ уди моя, яже мнѣ Богъ создалъ, и тако на созданіе Божіе хулу изнести.“ Изобличая сего старца, проклялъ дѣло и ученіе предъ нимъ о скопствѣ. Серебряные ряды или мѣнялы, людикупцы серебряныхъ вещей во время оно были почти всѣ скопцы, мужи и жены. Когда же Фотій по назначенію торжественно слово учительное долженъ былъ говорить въ Казанскомъ Соборѣ всенародно, то оное всегда старался противу духа времени составить, за что любимъ былъ отъ многихъ православныхъ.

1822 годъ. ¹⁶

Дерзость Кривдировой и Татаринцевой, яко начальницъ сектъ въ Санктпетербургѣ, и другихъ нечестивыхъ обществъ, заведеній, паденіе и невниманіе духовенства. Всѣ секты, расколы и общества тайныя въ сіе время

Софью Сергѣевну Мещерскую достигъ того, что Императоръ Александръ Павловичъ приказалъ его назначить въ Пензу, такъ какъ Уфимскій климатъ разрушительно бы подѣйствовалъ на его слабое здоровье. Иннокентій былъ посвященъ въ епископа Пензенскаго и Саратовскаго 22 Февраля 1819 года, а 10-го Октября того же года скончался, будучи 35 лѣтъ отъ рожденія. Фотій, бывшій ученикомъ его, написалъ *Житіе блаженнаго Иннокентія,* состоящее впрочемъ преимущественно изъ общихъ мѣстъ и риторики. Иннокентій былъ замѣчательный ученый. Его *Церковная Исторія* (Спбургъ 1816, въ двухъ частяхъ) весьма замѣчательное сочиненіе. Кроме того онъ написалъ *Дѣтельное Богословіе* (не кончено) и былъ извѣстенъ какъ проповѣдникъ.

¹³ Въ Александровской.

¹⁴ Этотъ монахъ-скопѣцъ нѣкогда былъ подъ вліяніемъ скопца-камергера Елинскаго. Бывалъ на сходбищахъ Ненастѣевыхъ, а также и у Татариновой.

¹⁵ Фотій, сынъ дьячка Никиты Ѳедорова при церкви Спасскаго Погоста Новгородскаго уѣзда, родился 29 Іюня 1792, когда

умершій его отецъ лежалъ на столѣ, и названъ Петромъ. Въ Духовную Академію, бывшую при Александровской Лаврѣ, вступилъ въ 1814, стало быть двадцати двухъ лѣтъ отъ роду. Не окончивъ курса, онъ въ 1815 году вышелъ изъ Академіи и поступилъ учителемъ духовнаго училища, находившагося въ той же Лаврѣ, постриженъ въ монахи въ 1817 году Февраля 16, а 21 того же мѣсяца переселился въ зданіе 2-го Кадетскаго Корпуса, когда ему было 25 лѣтъ отъ роду. Неудавшееся обращеніе его въ скопчество скопцомъ инокѣмъ Георгіемъ могло быть въ 1814—1816 годахъ.

¹⁶ Изъ третьей части *Записокъ Фотія.*

съ великою дерзостію поступали. Общій слухъ былъ размашаемъ отъ общества франкмасоновъ, что самъ Царь къ нимъ благовольтъ, власти вышнія въ ихъ обществахъ, духовныя лица первыя съ ними въ союзѣ. Сія неосновательная ложь для того разглашалась, дабы сею молвою всѣхъ, кого можно, прелестію и ложью уловлять въ сѣть своихъ заблужденій. Духъ лести вѣщаль, что въ ихъ скверныхъ и нечестивыхъ обществахъ равенство, свобода, любовь, братство; въ ихъ власти чины и всѣ достоинства, взаимныя ихъ содѣйствія другъ ко другу; что въ ихъ скопищахъ самихъ несчастія быть никому не можетъ на землѣ, а всѣ блаженствуютъ, и у всѣхъ все общее; что вскорѣ господственная новая ихъ неслыханная отъ вѣковъ вѣра объявится главною. Впрочемъ все такъ было закрыто во всѣхъ обществахъ и сектахъ, что тайну ихъ словъ каждому изъ нихъ подѣ странными клятвами запрещалось открывать кому бы то ни было изъ принадлежащихъ къ тайному ихъ обществу. Между тѣмъ невниманіе правительства ко всѣмъ обществамъ тайнымъ, сдѣлавшимся явными и весьма имѣющимъ вліяніе на многихъ, дало дерзость не только врагамъ общественнаго и гражданскаго порядка вводить что хотятъ, среди ближнихъ, среди столицъ Москвы и Санктпетербурга и гдѣ хотятъ по всей Россіи, но даже на позоръ міра явно исходили, какъ лишенные всякаго разума. Самыя женщины свои новыя секты и скопища явно содержали и безстрашно собирали къ себѣ слушателей и учениковъ. Таковы были изъ многихъ *Криднеръ*¹⁷ и *Татаринава*. Криднеръ была

женщина зловѣрія лжехристіанскаго, какой-то западной ереси, съ дарованіями острыми, лѣтъ уже преклонныхъ. Она выдавала себя за вдохновенную свыше. Молва разнеслась отъ нѣкоторыхъ ея учениковъ столь быстро о ней, что весь Петербургъ подвигся какъ новое чудо видѣть и слышать госпожу Криднеръ. Женка сія, въ разгоряченности ума и сердца отъ бѣса вдыхаемая, не говоря никому ничего противнаго похотямъ плоти, обычаемъ міра и дѣламъ вражимъ, такъ нравиться умѣла всѣмъ во всемъ, что, начиная съ первыхъ столбовыхъ бояръ, жены, мужи, дѣвицы спѣшили какъ оракула нѣкоего дивнаго послушать женку Криднеръ. Нѣкоторые почитатели ея изъ обольщенія ли своего, или изъ ругательства надъ святынею христіанскихъ догматовъ, портреты изобразили Криднерши, издавали въ свѣтъ ея съ руками къ сердцу прижатými, очи на небо имѣющую, и Святаго Духа съ небесъ какъ на Христа сходящаго во Іорданѣ или на Дѣву Богородицу при Благовѣщеніи Архангеломъ. Вотъ слѣпота мудрыхъ и разумныхъ людей, просвѣщенныхъ отъ міра въ Санктпетербургѣ! Госпожа Татаринава, имѣя въ Михайловскомъ дворцѣ себѣ жилище, тѣмъ являла и гласила всѣмъ въ слухъ, что она извѣстна самому царю, подѣ вліяніемъ его державной милости все дѣлаеть, учитъ, собираеть. Дѣйствительно, кроткій царь, еще не знающій и обмана лукавыхъ, прельщался отъ лицемѣрнаго благочестія еретиковъ заблуждавшихъ и ласкателей своихъ придворныхъ, видалъ новую учительницу новаго ученія лжепророческаго и бѣсовскаго. Всему виною бѣсъ князь Александръ Николаевичъ Голи-

¹⁷ Извѣстная баронесса Криднеръ, имѣвшая со времяя Вѣнскаго конгресса нравственное

вліяніе на Императора Александра I. Она умерла въ Крыму въ старости.

цынь, какъ одинъ изъ бывшихъ приверженцевъ секты Татариновой и покровитель всѣхъ расколовъ старыхъ и новыхъ, распространитель прежнихъ. Сія госпожа учила всѣхъ своихъ, для нѣкаго мнимаго воздержанія, воздерживать, умерщвлять плоть и *скоплять*, вырѣзывать тайные уды мужамъ. Даже бѣсъ научилъ ее искусству женской поль, *самыхъ женъ и дѣвицъ, скоплять* ¹⁸. И сіе бѣсовское дѣло со-

¹⁸ Изъ всѣхъ дѣлъ о скопцахъ, производившихся съ 1770 годовъ, ни въ одномъ до двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія нѣтъ ни малѣйшаго, ни одного самого косвеннаго, намека на оскотленіе женщинъ. Старые скопцы въ Петербургѣ въ сороковыхъ годахъ неоднократно показывали, что оскотленіе женщинъ появилось въ Петербургѣ съ 1816 года и не было одобряемо Кондратьемъ Селивановымъ. Они называли это *замосковнымъ* нововведеніемъ (т. е. Тамбовскимъ, Орловскимъ и пр.), но въ этихъ замосковныхъ губерніяхъ нигдѣ раньше двадцатыхъ годовъ нѣтъ никакого слѣда оскотленія женщинъ. Съ большею, кажется, вѣроятностію должно отнести начало оскотленія женщинъ къ кораблю Екатерины Филипповны Татариновой. Первыя появленія оскотленныхъ женщинъ являются въ двадцатыхъ годахъ въ Рязанской губерніи, затѣмъ въ сопредѣльныхъ съ нею Тамбовской, Орловской, Тульской, гдѣ жилъ и распространялъ хлыстовскую скопческую ересь тамошній богатый помѣщикъ Александръ Петровичъ *Дубовицкій* (сочинитель *ростовцовъ* у Татариновой) въ своемъ Рязанскомъ кораблѣ. У него былъ сынъ, котораго онъ, имѣя не одну тысячу душъ, пустилъ по медицинской карьерѣ, что было несомнѣннымъ съ тогдашними воззрѣніями богатаго дворянства, а двухъ дочерей приготовилъ въ акушерки, какъ говорили въ свое время съ цѣлію скопленія. Дубовицкій въ этомъ отношеніи не достигъ своей цѣли, если имѣлъ ее: сынъ его, въ послѣдствіи президентъ Медикохирургической Академіи, уже конечно не способствовалъ своими занятіями и искусствомъ скопцамъ. Полковникъ Дубовицкій въ концѣ тридцатыхъ годовъ сосланъ въ Саровскую пустынь (Тамбовской губерніи на самой границѣ съ Нижегородской). — Оскотленіе женщинъ состоитъ изъ слѣдующаго: а) Вырѣзываніе, вы-

вершалось около груди гдѣ-то, но не скажу, дабы тайна сія бѣсовская не была извѣстна тѣмъ, кои еще не вѣдаютъ. Вотъ плодъ бѣсовскаго ученія! Но не такъ дѣлала сама скверная Татаринова. Неизвѣстно, отъ кого она окаянная блудница очреватѣла и родила и, удивленія достойно! (была многихъ слѣпость учениковъ) въ малолуіи молву разносили, что родитъ великаго человѣка, исполненнаго духа. По лукавству вельможи придворнаго,

травленіе или выжиганіе грудныхъ сосковъ съ одной или съ обѣихъ сторонъ (последнее чаще); б) Отнятіе части груди (машае) или полное отнятіе (ампутація) одной или обѣихъ груди (последнее гораздо чаще), такъ что на мѣстѣ ихъ представляются продольные рубцы, похожіе на тѣ, что бывають послѣ оперативнаго, съ врачебной цѣлію, отсѣченія этихъ частей; в) Разныя надрѣзы преимущественно на обѣихъ грудяхъ, расположенные на нихъ въ большинствѣ случаевъ симметрично; г) Вырѣзываніе частей малыхъ губъ (нимфъ) однихъ или вмѣстѣ съ похотникомъ (кляиторъ); д) Вырѣзываніе верхней части большихъ губъ вмѣстѣ съ малыми и похотникомъ; послѣдующее за тѣмъ неправильное сращеніе этихъ частей рубцомъ значительно уменьшаетъ половую щель. Поврежденіе половыхъ органовъ такъ называемыхъ *скопчихъ* производится собственно какимъ нибудь ножомъ, ножницами или бритвою и другими острорѣзущими орудіями. (Е. В. Целикана: *Судебно-медицинское изслѣдованіе скопчества*. II, 60 и 61). По показаніемъ *Будылина*, уродованіе нижнихъ половыхъ органовъ считалось у скопцовъ *первою чистотою* (какъ вырѣзываніе testiculae у мужчинъ), а отрѣзаніе груди *полною чистотою*, — „царской печатью“ (какъ у мужчинъ отнятіе ствола). Едва ли этой цѣли. Если не ошибаемся, уродованіе нижнихъ половыхъ органовъ у женщинъ появилось у скопцовъ не раньше сороковыхъ годовъ. Во всякомъ случаѣ всѣ уродованія тѣла женщинъ въ скопческомъ смыслѣ яки чему не ведутъ. По медицинскимъ изслѣдованіямъ изуродованная скопцами женщина можетъ быть оплодотворена и можетъ родить, не можетъ только кормить ребенка.

приверженца своего ¹⁹, Татаринова, столь безчестное дѣло сдѣлавши, удостоена была посѣщенія отъ царя Александра. Въ сіе время былъ имъ окрещенъ младенецъ ²⁰: такъ я слышалъ. Священникъ же помазалъ ее муромъ, *Ма 1082*, ²¹ противу всѣхъ запрещеній митрополита Михаила, къ церкви православной, дабы удобнѣе въ сѣти свои ловить. Оная женка была зловѣрія лжехристіанскаго, раскола лютеранскаго Архіереи, Синодъ, духовенство и правительство знали всѣ сіи скопища богомерзкія, но никто не смѣлъ касаться до дѣлъ и поведенія госпожи Татариновой: она дѣлала и учила что хотѣла. Уже продолжались ученія ея и сборища болѣе пяти лѣтъ, какъ съ ревностію Фотій противу всѣхъ расколовъ, обществъ, сектъ, враждебныхъ святой церкви православной, противу Криднерши и Татариновой и всѣхъ имъ подобныхъ дѣйствоваль, училъ, обличалъ, настоялъ, прещеніемъ о силѣ Божіей подкрѣпляемый, и не смогрѣлъ на то, что удаленъ уже былъ въ Новгородъ и именно за дерзновеіе противу всѣхъ сектъ, въ которыхъ всѣхъ, а особенно въ сѣтяхъ Татариновой и Криднерши, самъ министръ духовныхъ дѣлъ весь увязалъ. Его лю-

бимцы съ нимъ одно творили. Наконецъ писалъ онъ, отецъ Фотій, посланія къ разнымъ лицамъ, а особенно къ княгинѣ Софіи (Сергѣевнѣ) Мещерской ²², какъ имѣющей вліяніе на Государя Императора Александра, часто къ ней прѣзжавшаго, дабы послушать, что она узнаетъ у митрополита Михаила; и о прочихъ дѣлахъ, нуждахъ церковныхъ и по духовенству появляющихся внушала ему. Царь послушалъ и многое открываемое ему понималъ. Такъ случилось — когда за вѣру и ревность по благочестію Иннокентій епископъ за вѣру изгонимъ былъ силою князя Голицына, вліяніемъ же Родіона Кошелева и по внушенію нѣкоего архіерея ²³, друга его бывшаго, назначенъ въ Уфу во епископы. Императоръ вдругъ высочайше повелѣлъ быть ему Пензенскимъ и Саратовскимъ. Сей-то княгинѣ Софіи писалъ многое; она же старалась влить понятіе въ сердце царево о начальникахъ сектъ, хотя и сама была тутъ отчасти, покорствуя царю, и не все говорила что знала, ибо не хотѣла правды всея. Особенно же внушала онъ грѣ Аннѣ ²⁴ дабы при случаѣ она во дворцѣ предъ лицами царскими старалась

¹⁹ Князя Александра Николаевича Голицына.

²⁰ Этого младенецъ и была, какъ увѣряютъ, та воспитанница Татариновой, Анна Александровна, на рукахъ которой Татаринова скончалась, и которую для виду выдали за мужъ за престарѣлаго Пилецкаго. См. XIX Вѣка, кн. I, стр. 232 и Руск. Архивъ 1872, стр. 2352. Такимъ образомъ нѣсколько объясняется строгость мѣръ, принятыхъ противъ этого союза императоромъ Николаемъ Павловичемъ.

И. Б.

²¹ Священникъ дома Инвалидовъ (а потомъ протоіерей Исаіевскаго собора) помѣщавшагося въ зданіи Адмиралтейства (умеръ въ 1855 году), былъ духовнымъ членомъ корабля Татариновой.

²² Княгиня Софья Сергѣевна Мещерская, дочь генераль-поручика Сергѣя Алексѣевича Всеволожскаго, была за мужемъ за майоромъ княземъ Иваномъ Сергѣевичемъ Мещерскимъ. Она родилась въ 1775, умерла въ 1848 году. Замѣчательная по уму и образованію женщина, она имѣла нравственное вліяніе на императора Александра Павловича и была имъ весьма уважаема.

²³ Филарета, епископа Ревельскаго, потомъ митрополита Московскаго.

²⁴ Камеръ-фрейлина графиня Анна Алексѣевна Орлова-Чесменская, духовная дочь Фотія и. говорятъ, тайно постриженная имъ въ монахини, род. въ 1785 г., умерла 5 Октября 1848 года, оставивъ огромное свое состояніе церквамъ и монастырямъ.

имѣть внушеніе о новыхъ злыхъ сектахъ, что вредны оныя для цѣлаго государства, и прочимъ о Господѣ его любящимъ внушалъ, писалъ, обличая лжеученіе и вредъ Татариновой и Криднеръ. Сии были жабы, клекотавшія во время оно, дщери діаволи явныя, его все ученіе имѣли и прельщали многихъ. По сему Криднеръ, новой ереси начальницѣ, повелѣно воспретить собранія дѣлать, подъ какимъ бы то ни было видомъ добра, и удалиться изъ столицы; на Татаринову же обращено было вниманіе правительства. Особенно въ немилость впалъ по силѣ и другимъ причинамъ у царицы Маріи Феодоровны князь Голицынъ; и съ нимъ *Поповъ*, *Тургеневъ*, *Руничъ* и прочіе ²⁵. Слухи дошли, что явно въ учебныхъ заведеніяхъ нечестію учить дозволяли. *Кошелевъ* же, хотя имѣлъ доступъ къ Царю и жилъ всегда близъ царскихъ покоевъ во дворцѣ въ Царскомъ Селѣ, но не могъ дѣйствовать въ пользу своего сына, покровителя всѣхъ соблазновъ еретическихъ. Участь князя Голицына становилась сомнительною. Несправедливо оклеветалъ Иннокентія, который за ревность и вѣру по благочестію дошелъ, по внушенію нѣкоторыхъ почитателей духовенства, до слуха царицы, и Голицыну внушаемо было удалиться отъ должности и для того ѣхать въ чужіе края, отъ стыда уклониться на время. Немилость царская къ нему явно открывалась, за то особенно, что

²⁵ *Поповъ* Василій Михайловичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ департамента народнаго просвѣщенія, въ 1836 году сосланный за принадлежность къ сектѣ Татариновой въ Казань въ Зилантовъ монастырь. *Тургеневъ* Александръ Ивановичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, директоръ департамента духовныхъ дѣлъ. *Руничъ* Дмитрій Павловичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, попечитель С.-Петербургскаго учебнаго округа.

смерть митрополита *Михаила* также ему приписывали многіе, коего митрополита онъ Голицынъ началъ гнать за разными пастырскія внушенія и дѣйствія: ибо *Михаилъ* явно видѣлъ дѣйствія зла и зловѣрія, несмотря на тихость нрава начиналъ учить и писать противъ. Бывъ столь сильный любимецъ у двора всего, князь Голицынъ весьма шатался на своихъ много крѣпкихъ подпорахъ нечестивыхъ. Всѣ молвили, что онъ въ большой немилости у Императора Александра при новомъ митрополитѣ Серафимѣ, который архіерей явное отвращеніе показывалъ къ лицу Голицына тѣмъ, что на поклоненіе въ Царское Село и въ Санктпетербургъ не хотѣлъ ѣхать къ ересеначальнику *Родиону Кошелеву*, коему приписывали многіе ученныя и архіерей своего счастья полученіе, каковы были *Іона* архіепископъ Тверскій, членъ Синода ²⁶, *Филаретъ* Московскій, *Димитрій* Кишиневскій. Они какъ идолу кланялись сему лукавому челоуѣку. Въ сіе время церковь святая со всѣхъ сторонъ была обуреваема всѣми противу ея вражьими кознями. Всѣ раздирать ея усиливались разными образами: лютеранство, католичество, униатство по смѣшенію съ разными языческими религіями и христіанскими еретиками; вмѣстѣ всѣ имѣли такое вліяніе, что православные христіане, даже нѣкоторые духовные, дѣломъ были заодно съ ними. Постовъ люди самыя знатныя и даже нисшіе не хранили, позволяли себѣ всякіе соблазны и беззаконія, явно отъ церкви

²⁶ *Іона* (Иванъ Павловскій), протоіерей и духовникъ великой княгини Екатерины Павловны, съ 1817 по 1821 годъ епископъ Орловскій, съ 1821 по 1826 архіепископъ Тверскій, съ 1826 по 1833 архіепископъ Казанскій, умеръ 1833 года.

удалались, не имѣли почти никакого понятія о здоровомъ ученіи; многіе имѣли худо и добро, ересь и чистоту вѣры, какъ едино. Какъ едино другъ другу, такъ и всѣмъ внушали терпимость вѣры и сектъ; общества библейскія и прочія заведенія подъ видомъ богоугодныхъ дѣлъ самая богопротивныя были заведенія ко ослабленію однѣхъ правъ православной церкви и всего благочестія. Нечестіе вездѣ шло такими стопами, крѣпко поддерживаемо было вельможами, окружавшими царскій престолъ, допускаемо и даже благославляемо какъ добро пастырями, имѣвшими вліяніе на всѣ разсадники духовнаго сословія и на дѣла церкви по Святѣйшему Синоду и по Комиссіи Духовныхъ Училищъ: все зло было очевидно. Иерархія церковная въ самомъ началѣ, въ первомъ лицѣ, была нарушена; митрополиты, архіереи и духовныя лица были именованы, а все дѣйствовало министръ духовныхъ дѣлъ (князь Голицынъ), его директоръ (Тургеневъ) и канцелярія. Все въ печетивыхъ рукахъ было, и потокъ нечестія разливался съ такою быстротою, что начальство индѣ духовныхъ училищъ заражено было зловѣріемъ лютымъ и по слѣпотѣ своей не чувствовало пагубы своей и гордилося новымъ образованіемъ, мечтаніемъ пустымъ и просвѣщеніемъ.

(Собщено П. И. Мельниковымъ).

Михаилъ Матвѣевичъ Херасковъ.

Фамилія Херасковыхъ происходитъ отъ рода Валахскихъ бояръ Хереско (Русск. Арх. 1866, стр. 1243). Отецъ нашего писателя, Матвѣй Андреевичъ Херасковъ, переселился въ Россію во

времена Петра I съ сестрою своею графинею (княгинею?) Кантакузентъ (Улей, 1811, № 5, стр. 345), и хотя не дослужился далѣе чина маіора (Русская Стар., 1870, т. 1, стр. 10), но считался конечно лицомъ довольно знатнымъ, потому что женился на дѣвицѣ изъ аристократическаго рода, княжнѣ Аннѣ Даниловнѣ Друцкой (Рос. Род. Кн. кн. П. Долг., I, 322). Отъ нея имѣлъ онъ трехъ сыновей. Изъ нихъ Александръ Матвѣевичъ былъ въ 1767 году генераль-маіоромъ (Показ. знатн. въ госуд. чиновъ 1767, стр. 68), а Петръ Матвѣевичъ въ то же время состоялъ прокуроромъ при двухъ канцеляріяхъ: Отъ Строеній (*ibid.*, стр. 105) и Строенія Государственныхъ Дорогъ (*ibid.*, стр. 112).

М. М. Херасковъ родился 25 Октября 1733 (Слов. Евг., II, 235), не задолго до кончины отца. Анна Даниловна вступила 10 Ноября 1735 года во второй бракъ съ извѣстнымъ княземъ Никитою Юрьевичемъ Трубецкимъ (Русская Старина, 1870, т. I, стр. 10). Мать Хераскова была знаменитая красавица (Русск. Арх., 1866, стр. 1365). Князь Трубецкой занималъ во время женитьбы своей должность при Слободскихъ полкахъ на Украинѣ, въ Изюмѣ, гдѣ познакомился и вступилъ въ бракъ съ нею (Русская Стар., 1870, т. 1, стр. 10). Въ началѣ 1736 года занялъ онъ должность генераль-крюгсъ-коммисара (Слов. дост. люд. Б. Кам, 1836, V, 165) и продолжалъ проживать на Югѣ. Онъ тогда заготовлялъ тамъ продовольствіе для арміи графа Миниха, подступавшей къ Крыму весною 1736 года (Обз. главн. происш., Вейдем. II, 31). Минихъ плѣнился красотой его жены и потомъ уже постоянно оказывалъ ей особенное покровительство (Русск. Арх., 1866, стр. 1365). Этому конечно обя-

занъ былъ князь Трубецкой тѣмъ, что хотя онъ и чрезвычайно дурно распоряжался продовольствіемъ арміи (Обз. главн. происп. Вейдем., II, 31), но Минихъ оказывалъ ему полное снисхожденіе и способствовалъ даже его повышенію, не смотря на дальнѣйшія его злоупотребленія по комиссаріатской части, коею Трубецкой управлялъ до самаго 1740 года (Слов. Б. Кам., 1836, V, 165), въ чемъ Минихъ и упрекалъ себя въ послѣдствіи, при судѣ, бывшемъ надъ нимъ въ началѣ 1742 года (Чтен. изъ Русск. Ист. Щец., IV, 183). Вѣроятно, покровительству княгини Анны Даниловны обязанъ былъ также и отецъ ея, князь Данила Андреевичъ Друцкой, назначеніемъ своимъ въ 1740 году изъ капитановъ лейб-гвардіи Измайловскаго полка въ Бѣлгородскіе вице-губернаторы (Осмнадц. Вѣкъ, II, 279). По кончинѣ княгини Сумароковъ написалъ ей эпитафію. (Соч. Сумар. ч. 9, стр. 149).

Вообще Херасковъ былъ въ родственныхъ и близкихъ отношеніяхъ къ людямъ знатнымъ. Таковы были его единоутробные братья князья Трубецкіе. Изъ нихъ: князь Юрій (1736—1811) былъ женатъ на Аннѣ Петровнѣ Салтыковой (1736—1758), а потомъ на вдовѣ графинѣ Дарьѣ Александровнѣ Вальдштейнѣ (ум. 1817), сестрѣ Румянцова-Задунайскаго; а князь Николай (1744—1821) на княжнѣ Варварѣ Александровнѣ Черкасской (Рос. Род. Кн. кн. П. Долг., I, 322 и 323). Изъ единоутробныхъ сестеръ его княженъ Трубецкихъ: Анна была за камергеромъ Александромъ Ивановичемъ Нарышкинымъ, а Елена (1745—1832) за генераль-прокуроромъ княземъ Александромъ Алексѣевичемъ Вяземскимъ. (ibid.). Одна сестра матери Хераскова, княжна Ирина Даниловна Друцкая, была за княземъ Сергѣемъ Васильеви-

чемъ Урусовымъ (1721—1755), одна дочь которыхъ Варвара (1751—1831) была за Алексѣемъ Ивановичемъ Васильевымъ (1742—1807), въ послѣдствіи графомъ и министромъ финансовъ, а другая Екатерина (род. 1747), извѣстная въ свое время стихотворица, умерла въ дѣвицахъ (ibid., II, 29 и 30). Другая сестра матери Хераскова, княжна Татьяна Даниловна Друцкая, вышла за вдовца князя Ивана Прохоровича Вяземскаго (Рос. Род. Книга кн. П. Долг., I, 155). У нея была еще сестра, княжна Дарья Даниловна (Русск. Стар., 1870, I, 11) и братъ князь Андрей Даниловичъ, женатый на княжнѣ Варварѣ Ивановнѣ Трубецкой, двоюродной сестрѣ единоутробныхъ братьевъ Хераскова, князей Трубецкихъ, о коихъ говорено выше (Рос. Рос. Книга кн. П. Долг., I, 323). Такова была свѣтская и родственная обстановка Хераскова.

Херасковъ родился, какъ уже сказано, 25 Октября 1733. Онъ увидѣлъ свѣтъ и провелъ первые годы своей жизни на Югѣ. Тогда случилось, что няня оставила его какъ-то сидящимъ на окнѣ и ушла изъ комнаты, а проходившіе по улицѣ Цыгане схватили и унесли его; къ счастью, ихъ успѣли догнать и отнять у нихъ ребенка (Мелочи изъ зап. моей пам., М. Дмитриева, стр. 29). Но вскорѣ мальчика перевезли въ Петербургъ, гдѣ находилось вѣдомство, которымъ управлялъ его вотчимъ, успѣвшій при Елизаветѣ Петровнѣ сохранить полученную имъ въ Сентябрѣ 1740 года при Аннѣ Ивановнѣ важную должность генераль-прокурора, которую онъ и отправлялъ непрерывно до Августа 1760 года. (Опытъ біогр. ген. прок., Иванова, стр. 16 и 21). Въ концѣ 1743 года Херасковъ поступилъ въ Сухопутный Кадетскій Корпусъ, изъ котораго вы-

пущень 5 Сентября 1751 поручикомъ въ Ингерманландскій пѣхотный полкъ (Слов. Евг., II, 235). Онъ уже въ корпусѣ писалъ стихи; печатные опыты его стали появляться въ „Ежемесячныхъ Сочиненіяхъ“ Миллера (*ibid.*, стр. 236). Въ 1754 году Херасковъ перешелъ въ Комерцъ-Коллегію съ чиномъ титулярнаго совѣтника (*ibid.*, стр. 235). Въ 1755 г., онъ назначенъ былъ ассессоромъ при Конференціи Московскаго Университета, при самомъ его основаніи (*ibid.*). Съ этого времени жизнь его посвящена была въ течение полувѣка занятіямъ литературою и служенію почти исключительно Университету, въ разныхъ должностяхъ при ономъ.

По званію ассессора Конференціи, Херасковъ съ начала 1757 года дежурилъ въ Университетѣ понедѣльно, чередуясь съ двумя другими ассессорами (Ист. Имп. Моск. Унив., 26), и съ того же времени ему было поручено завѣдываніе Университетской типографіею (*ibid.*, 27 и 47). Вскорѣ около него стали группироваться бывшіе въ Университетѣ молодые люди, имѣвшіе охоту къ словеснымъ наукамъ, и начали упражняться въ литературѣ. Это были представители молодаго поколѣнія, народившагося въ началѣ сороковыхъ годовъ прошлаго вѣка, извѣстные потомъ въ литературѣ и въ обществѣ, или на служебномъ поприщѣ: И. Ѳ. Богдановичъ, служившій при Университетѣ надзирателемъ за классами (*ibid.*, 88 и 93), и студенты: Фонъ-Визины, Карины, Домашневъ, Булгаковъ, Санковскій, П. С. Потемкинъ и др. (*ibid.*, 93). Сюда же примыкали Нарышкины, Ржевскій и другіе нѣсколько старшіе ихъ молодые люди (*ibid.*). Всѣ они были сотрудниками въ издававшихся Херасковымъ

журналахъ. Первымъ изъ нихъ было „Полезное Увеселеніе,“ выходявшее въ 1760 и 1761 годахъ еженедѣльно, а съ 1 Января по 1 Юля 1762 ежемѣсячно (Моск. Вѣд., 1857, № 36, стр. 164). Въ 1761 году Хераскову поручено было начальство надъ Русскими актерами театра, заведеннаго въ Москвѣ (Ист. Ун., стр. 85) съ 1757 года и заключеніе договоровъ съ Итальянскими пѣвцами для концертовъ (*ibid.*). Въ томъ же году онъ былъ произведенъ въ надворные совѣтники (Слов. Евг., II, 235) и исправлялъ, за отсутствіемъ директора Университета И. И. Мелиссино, его должность (Ист. Ун., стр. 88). Въ 1762 году Херасковъ, по порученію вочима своего князя Н. Ю. Трубецкаго, бывшаго президентомъ комиссіи для устройства торжествъ при коронаціи Екатерины II, составлялъ орнаменты для триумфальныхъ воротъ, построенныхъ для ея въѣзда въ Москву (Мат. для ист. Рус. лит., Ефрем., стр. 166). Въ теченіи всего 1763 года Херасковъ издавалъ ежемѣсячный журналъ „Свободные Часы“ (Моск. Вѣд., 1857, № 36, стр. 164), и подъ его руководствомъ вѣроятно выходили въ первые шесть мѣсяцевъ того же года ежемѣсячное же изданіе Богдановича „Невинное Упражненіе“ (*ibid.*), а потомъ въ продолженіе всего 1764 года ежемѣсячникъ Санковскаго „Доброе Намѣреніе“ (*ibid.*) 13 Юля 1763 Херасковъ былъ назначенъ, на мѣсто Мелиссино, директоромъ Университета (Ист. Ун., стр. 125). Въ 1768 году онъ имѣлъ чинъ коллежскаго совѣтника (Мат. для ист. Рус. лит. Ефр., стр. 135). 18 Мая 1770 Херасковъ получилъ мѣсто вице-президента Бергъ-Коллегіи въ Петербургѣ (Ист. Ун., стр. 171), вѣроятно, вмѣстѣ съ производствомъ въ чинъ статскаго совѣтника.

Во время своей службы въ Бергъ-Коллегіи, Херасковъ былъ между прочимъ назначенъ въ 1772 году, по волю Императрицы, членомъ въ комиссію для описанія Русскихъ медалей, вмѣстѣ съ историкомъ княземъ М. М. Щербатовымъ и А. А. Нартовымъ (Русск. Арх., 1865, стр. 319). Въ Июль 1775 года онъ вышелъ въ отставку съ чиномъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника (Ист. Ун., стр. 213). Поступленіе въ Вольное Экономическое Общество, котораго онъ былъ членомъ (Слов. Евг. II, 235), вѣроятно относится ко времени пребыванія въ Петербургѣ. Въ ту же эпоху, а именно въ началѣ 1772 года, Херасковъ былъ избранъ въ дѣйствительные члены Вольнаго Россійскаго Собранія при Московскомъ Университетѣ (Ист. Ун., стр. 202), не смотря на тогдашнее отсутствіе его изъ Москвы. Вышедши въ отставку въ 1775 году, Херасковъ опять поселился въ Москвѣ, гдѣ жили его единоутробные братья князья Ю. Н. и Н. Н. Трубецкіе, и вмѣстѣ съ ними сдѣлался усерднымъ масономъ, каковымъ мы уже видимъ его въ началѣ 1778 года (Новик. и Моск. Март., стр. 104, 110 и 119). Тогда же познакомился онъ и съ Новиковымъ, пріѣхавши въ Петербургъ по дѣлу о соединеніи ложъ Рейхелевскихъ (системы коихъ тогда Новиковъ держался) съ Елагинскими (ibid.).

Въ 1778 году, 28 Июня Херасковъ былъ назначенъ кураторомъ Московскаго Университета (Ист. Ун., стр. 213). Тогда уже было три кура ора: Ив. Пв. Шуваловъ (съ 12 Января 1755 года), Вас. Евд. Адагуровъ (съ 30 Октября 1762) и Пв. Ив. Мелиссино (съ 17 Февраля 1771). Но изъ нихъ первый жилъ въ Петербургѣ; второй еще около 1770 года удалился отъ дѣлъ и только носилъ званіе куратора

(Ист. Ун., стр. 171); третій въ самое время назначенія Хераскова уѣхалъ за границу (ibid., стр. 214), откуда возвратился лишь въ концѣ Февраля 1782 года (ibid., стр. 222). Такимъ образомъ Херасковъ въ теченіе 3 лѣтъ и 8 мѣсяцевъ былъ единственнымъ дѣятельнымъ и находящимся на лицо кураторомъ Университета, гдѣ все дѣлалось по его распоряженіямъ, лишь подвергавшимся въ важныхъ случаяхъ на апробацію Шувалова, который всегда считался главнымъ лицомъ въ управленіи Университетомъ и имѣлъ, какъ видно по всему, полное довѣріе къ Хераскову.

Дѣятельность Хераскова ознаменовалась тогда слѣдующимъ. 15 Декабря 1778 объявлено было объ учрежденіи при Университетѣ прославышагося скорѣе заведенія — „Благороднаго Пенсіона“ (ibid., стр. 214), открытаго въ 1779 году. 1 Мая 1779 года заключенъ былъ съ Новиковымъ знаменитый контрактъ объ отдачѣ ему въ аренду на 10 лѣтъ университетской типографіи, книжной лавки и изданія Московскихъ Вѣдомостей (ibid., стр. 216). 13 Сентября 1779 поступилъ въ Университетъ профессоромъ извѣстный Ив. Григ. Шварцъ (ibid., стр. 219), другъ и сподвижникъ Новикова, пользовавшійся постоянно покровительствомъ Хераскова (ibid., стр. 224). 13 Января 1779, по мысли Шварца, открыта „Педагогическая Семинарія“ (ibid.). Въ 1780 году сдѣланы многія улучшенія въ Гимназіи (ibid., стр. 220); 13 Марта 1781 открыто „Собраніе Университетскихъ Пигтомцевъ“ (ibid., стр. 223 и 269). Наконецъ все было подготовлено къ основанію „Дружескаго Учебнаго Общества,“ открытаго (впрочемъ уже по возвращеніи Мелиссино), 6 Января 1782 (ibid., стр. 222) съ „Переводческою Семинаріей“

при ономъ, а изъ этого общества возникла въ 1784 году знаменитая „Типографическая Компанія“ (Нов. и Моск. Март., стр. 217), существовавшая до Ноября 1791 года (*ibid.*, стр. 310).

Херасковъ былъ награжденъ Владимирскимъ орденомъ 2 степени, въ 1786 году (Слов. Евр. II, 236). Императрица вскорѣ за симъ стала не совсѣмъ благоволять къ нему за связи его съ масонами, возбуждившими ея подозрѣніе, особенно простиравшееся на покровительствуемаго Херасковымъ Новикова.

Въ 1780 году Херасковъ былъ въ числѣ основателей немногочисленной масонской ложи „Гармонія“ (Нов. и Моск. Март., стр. 147), къ которой присоединились вліятельные Московскіе масоны разныхъ системъ (*ibid.*, стр. 148), и отъ ея имени Шварцъ поѣхалъ весною 1781 года за границу для отысканія высшихъ степеней масонства (*ibid.*, стр. 149). По возвращеніи Шварца, основанъ былъ въ концѣ 1782 года „Капитуль 8-ой Масонской Провинціи“ (Россіи) согласно организаціи, учрежденной на Вильгельмсбадскомъ Масонскомъ Конвентѣ (*ibid.*, стр. 175). Херасковъ сдѣлался членомъ этого капитула (*ibid.*, стр. 176). Вскорѣ послѣ того, также въ концѣ 1782 года, Херасковъ вступилъ въ Московскій „Орденъ Розенкрейцеровъ“, или „Злато-розоваго Креста“, учрежденный Шварцомъ помимо общей масонской организаціи (*ibid.*, стр. 177 и 218) Это не мѣшало Розенкрейцерамъ принадлежать и къ сей послѣдней, и Херасковъ былъ въ 1789 году риторомъ „Провинціальной Ложи.“ (*ibid.*, стр. 292). При разгромѣ въ 1792 году Московскихъ такъ называемыхъ мартинистовъ, къ коимъ принадлежалъ Херасковъ, ему удалось

однако усидѣть на мѣстѣ куратора и избавиться отъ всякихъ непріятностей. Императрица не хотѣла щадить его и даже предписала его „отставить“ (Доп. къ Ист. Мас. Пекарск., стр., 131); но онъ спасся заступничествомъ фаворита Плат. Александр. Зубова, котораго упросилъ о томъ Державинъ, пользовавшій тогда милостію этого временщика (соч. Держ., изд. Грота, V, 780). Въ концѣ 1795 года онъ просилъ у Императрицы какой-то милости (Доп. къ ист. мас. въ Рос. Пекарск., стр. 161), но кажется ничего не получилъ.

Херасковъ былъ членомъ Россійской Академіи съ самаго ея основанія, 21 Октября 1783 года (Общ. спис през. и чл., стр. 5).

Императоръ Павелъ, воцарившись, немедленно взыскалъ свою милостію мартинистовъ. Херасковъ произведенъ былъ въ тайные совѣтники 19 Ноября 1796 (Русск. Арх., 1864, стр. 760). 10 Марта 1799 онъ получилъ Анненскую ленту (Ист. Ун., стр. 293), по случаю чего Жуковский, бывшій тогда воспитанникомъ Университетскаго Благороднаго Пенсіона, написалъ стихи, напечатанные на особомъ листкѣ (Библиогр. Зап., 1859, № 17, стр. 542 и Соч. Жук., 1869, т. 4, стр. 452). Кромѣ того Хераскову пожаловано было 600 душъ (Улей, 1811, № 5, стр. 346). Въ самомъ концѣ царствованія Павла I и, кажется, именно въ самомъ началѣ 1801 года, Херасковъ уволенъ былъ въ отставку (Ист. Унив., стр. 315 и 321) и получилъ тогда чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника (Улей, 1811, № 5, стр. 344). Императоръ Александръ опять назначилъ его кураторомъ, и онъ окончательно вышелъ въ отставку уже въ концѣ 1802 года, когда происходило

преобразование Университета (Совр., 1857 № 16, смѣсь, стр. 8).

Послѣдніе годы жизни Херасковъ провелъ на покоѣ въ Москвѣ, занимаясь однако литературой, печатая стихи свои до самой кончины и пользуясь славою и почетомъ, какъ писатель. Онъ умеръ въ Москвѣ 27 Сентября 1807 года (Слов. Евг., II, 236 и др.) 73 лѣтъ, 11 мѣсяцевъ и 2 дней отъ роду, назначивши душеприкащиками Ив. Ив. Дмитриева и князя Николая Никит. Трубецкаго. Изъ 49 лѣтъ своей службы Херасковъ провелъ почти 40 лѣтъ, занимая разныя должности при Московскомъ Университетѣ.

Хераскова ожидала литературная почесть даже по смерти. Въ 1807 году онъ представилъ на соисканіе награды отъ Россійской Академіи новую неизданную трагедію свою „Зерейда и Ростиславъ.“ Награда была присуждена ей; но имя автора, какъ обыкновенно, оставалось тогда еще гайной. По провозглашеніи рѣшенія, обнаружено было имя автора, и имъ оказался недавно умершій Херасковъ (Слов. Евг., II, 237).

Портретъ Хераскова, рисованный Эстеррейхомъ и гравированный Чесскимъ съ надписью къ нему И. И. Дмитриева, приложенъ ко 2 части прозы „Собранія образцовыхъ Русскихъ сочиненій.“ изданныхъ въ Санктпетербургѣ, въ 1822 году. Онъ находится и въ „Портретной галереѣ Русскихъ дѣятелей.“ Оригиналъ этого портрета принадлежитъ Академіи Художествъ (Кат. истор. выставки портр., 1870, стр. 123, № 434).

Херасковъ женился въ довольно молодыхъ лѣтахъ на Елизаветѣ Васильевнѣ Нероновой, стихотворицѣ, печатавшей свои произведенія въ журналахъ, издававшихся въ пятидеся-

тыхъ и шестидесятихъ годахъ прошлаго вѣка и умершей въ Сентябрѣ 1809 года (Слов. Евг., II, 235). Она была съ 1801 года кавалерственной дамой (Улей, 1811, № 5, стр. 346). По кончинѣ мужа она пользовалась пенсіей въ 2800 рублей (Улей, 1811, № 5, стр. 346).

Херасковы не имѣли дѣтей, но по преданію имѣли воспитанницу Анну Евдокимовну, вышедшую въ послѣдствіи замужъ за извѣстнаго мистическаго писателя и масона высшихъ степеней, Александра Федоровича Лабзина (1766—1825), бывшаго ученика маргинастовъ, который въ осмидесятихъ годахъ воспитывался въ Московскомъ Университетѣ (Русск. Арх., 1866, стр. 845).

Братъ Хераскова, Петръ Матвѣевичъ, о которомъ упомянуто въ началѣ этой статьи, былъ женатъ на графинѣ Елизаветѣ Петровнѣ Девьеръ род. 1751, ум. 1829 (Рос. Род. Кн. князя П. Долгор., т. 2, стр. 137). Отъ этого брака родилась дочь Александра Петровна, вышедшая за Хвостова, извѣстная въ свое время сочинительница книжки: „Отрывки: Каминъ и Ручеекъ“. Спб., 1796. (Соп., № 8007; ошибкою показанъ 1798 годъ; Плав., № 6516; Смирд., № 6233). О Хвостовой и объ ея достоинствахъ не разъ говоритъ Вигель въ своихъ „Воспоминаніяхъ“ (напр., ч. 3, стр. 8 и пр.); см. также (оч. Евг. Петр. Ковалевскаго (ч. I, стр. 36).

Нѣкоторыя черты характера супруговъ Херасковыхъ приведены а), въ Ульѣ» 1811, № 5, стр. 344 б), въ «Москвитянинѣ» 1850, кн. 4, стр. 72 и кн. 10, стр. 32, в), во „Взглядѣ на мою жизнь“ И. И. Дмитриева (стр. 79) и г.), въ „Мелочахъ изъ запаса моей памяти“ М. А. Дмитриева (изд. 2. стр. 28).

Не вдаваясь въ подробности, нельзя однако не напомнить здѣсь, что Хераскову, независимо отъ услугъ, которыя онъ оказывалъ членамъ ученаго университетскаго сословія, обязаны совѣтомъ и покровительствомъ три литературныхъ поколѣнія, которыхъ главными представителями были: въ первомъ—Богдановичъ (1743—1803), Державинъ (1743—1816), Фонъ-Визинъ (1744—1792); во второмъ—Дмитріевъ (1760—1837), Карамзинъ (1765—1826); въ третьемъ—Мерзляковъ (1778—1830), Жуковскій (1783—1852), Тургеневы и пр. Почти всѣ молодые писатели ихъ времени были поощряемы Херасковымъ.

Великое множество изъ произведений Хераскова, въ особенности изъ числа мелкихъ его стихотвореній, не было издано отдѣльно и не вошло ни въ частные сборники разныхъ его сочиненій, ни въ общее собраніе его твореній. Ихъ должно искать въ Ежемѣсячныхъ Сочиненіяхъ, Трудолюбивой Пчелѣ, Полезномъ Увеселеніи, Свободныхъ Часахъ, Невинномъ Упражненіи, Добромъ Намѣреніи, Вечерахъ, Новиковскихъ мистическихъ журналахъ 1777—1784 годовъ, Московскомъ Журналѣ, Аонидахъ. Вѣстникѣ Европы и въ другихъ журналахъ, выходившихъ съ 1760 по 1807 годъ, особенно же въ тѣхъ, которые издавались при Академіи и при Московскомъ Университетѣ. Кромѣ того вѣроятно многія стихотворенія Хераскова, изъ числа печатавшихся по разнымъ случаямъ на отдѣльныхъ листахъ, были утеряны и не попали ни въ какую библиографію.

Здѣсь приводятся въ хронологическомъ порядкѣ: а), списокъ извѣстныхъ библиографамъ отдѣльно изданныхъ сочиненій Хераскова, а также сборниковъ, составленныхъ изъ одно-

родныхъ его произведеній; и б), извѣстіе объ изданіяхъ его разнородныхъ твореній, собранныхъ вмѣстѣ, съ показаніемъ тѣхъ вошедшихъ въ оныя произведеній, о которыхъ неизвѣстно, были ли они отдѣльно напечатаны прежде появленія ихъ въ этихъ изданіяхъ. Передъ нумерами списка отдѣльно напечатанныхъ его произведений, вошедшихъ потомъ въ собраніе „Твореній“ Хераскова, поставлена звѣздочка.

Свѣдѣнія о двухъ журналахъ, издававшихся Херасковымъ помѣщены выше (Они показаны у Соп. подъ №№ 3839 и 3853; у Плав. подъ № 6936; у Смирд. нѣтъ. См. также Моск. Вѣд., 1857, № 36, стр., 141).

А. Отдѣльно изданныя произведенія.

1. *Ода Императрицы Елизаветы Петровны въ воспоминаніе победы Петра Великаго надъ Шведами подъ Полтавою. М. 1751.* (Соп., № 12.453; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

*2. *Венеціанская монахиня, трагедія въ 3 дѣйствіяхъ въ стихахъ. М. 1758.* (Соп., № 11868; Плав., № 6126, показано: С., 1787; это вѣроятно оттискъ изъ „Россійскаго Театра;“ Смирд. № 6874, показано: М., 1793; это какое-то новое изданіе).

*3. *Плоды наукъ, поэма. М., 1761.* (Соп., № 8703; Плав., № 3943; у Смирд. нѣтъ; у Евг. показанъ 1757 годъ неправильно).

4. *Храмъ славы, поэма Понія, пер. съ Франц. М., 1761.* (Соп., № 8759; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

5. *Безбожникъ, ироическая комедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ. М. 1761.* (Соп., № 5294; Плав., № 5559; показано: С., 1786; это оттискъ изъ Рос.

Театра: Смирд., № 7007. Въ Драм. Слов. сказано, что она играна въ первый разъ въ Москвѣ, 10 Юля 1761).

6. *Ода на кончину Императрицы Елисаветы Петровны.* М. 1762 (у Соп., Плав. и Смирд. нѣтъ; существованіе ея указано Штелинымъ; см. Мат. для Ист. Русск. Лит., Ефрем., стр. 166).

7. *Ода на восшествіе на престолъ Императора Петра III.* М., 1762. (Соп., № 7023; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

***8.** *Ода на восшествіе на престолъ Императрицы Екатерины II.* М., 1762. (Соп., № 7030; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

9. *Эпистола Императрицы Екатерины II на день ея тезоименитства.* М., 1762. (Соп., № 3749; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

***10.** *Новыя оды.* М., 1762. (Соп. № 7373; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 7845. Въ собраніи „Твореній“ Хераскова напечатаны въ 7 томѣ, стр. 169, подъ заглавіемъ: „Анакреонтическія оды,“ въ числѣ двадцати осьми).

***11.** *Ода на день рожденія Императрицы Екатерины II.* М. 1763. (Соп., № 7031, у Плав. и Смирд. нѣтъ).

***12.** *Ода на день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II.* М. 1763. (Соп., № 7034; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

13. *Ода на день тезоименитства Императрицы Екатерины II.* М. 1763. (Соп., № 7032; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

14. *Басни нравоучительныя.* М. 1764. (Соп., № 2159; Плав., № 5859; у Смирд. нѣтъ).

***15.** *Мысли выбранныя изъ Элезіаста и три начальныя главы изъ Премудростей Соломоновыхъ.* М. 1764. (Хотя это первое изданіе не показано въ каталогахъ, но оно у меня есть.

Изданіе 2. М. 1779; Соп., № 6367; у Плав. и Смирд. нѣтъ. Изданіе 3. М. 1785—1786; оно тоже не показано въ каталогахъ, но есть у меня и обозначено 1786 годомъ. См. также о немъ Новик. и Моск. Март., стр. 270 и 064, подъ № 37).

***16.** *Ода на день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II.* М. 1764. (Соп., № 7035; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

***17.** *Пламена, трагедія въ 5 дѣйствій въ стихахъ.* М. 1765. (Соп., № 11936; Плав., № 6188; показано: С. 1786; это оттискъ изъ Рос. Театра Смирд. № 6942).

***18.** *Мартезія и Фалестра, трагедія въ 5 дѣйствій въ стихахъ.* М. 1765. (Соп., № 11923, показанъ 1767 годъ; Плав., № 6174; показанъ: С., 1787; это оттискъ изъ Рос. Театра; Смирд., № 6926, показанъ тоже 1767 годъ. Но въ „Твореніяхъ“ Хераскова. изд. 2, стр. 203, сказано, что трагедія эта напечатана именно въ 1765, а не въ 1767 году).

***19.** *Ода на день коронаванія Императрицы Екатерины II.* М. 1766. (Соп., № 7036; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

***20.** *Ода Императрицы Екатерины II о избраніи депутатовъ къ сочиненію проекта новаго положенія.* М., 1767. (Соп., № 7058; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

***21.** *Ода на прибытіе въ Москву Императрицы Екатерины II.* М. 1767. (Соп., № 7037; у Плав. и Смирд. нѣтъ. За эту оду авторъ получилъ табакерку съ червонцами).

22. *Ода Императрицы Екатерины II на установленныя вновь премудрыя ея законы.* М., 1767. (Соп., № 7038; у Плав. и Смирд. нѣтъ. За эту оду авторъ получилъ 2000 рублей).

***23.** *Нума или прощяющая Римъ.* М., 1768. (Соп., № 12450; у Плав.

нѣтъ; Смирд., № 8419. У Соп. показаны еще: № 12451. 2 издание, М., 1793 и № 12452. 3 издание, М., 1800. У Плав. № 4553, у Шторха № 1346, показано издание, М., 1803. У Смирд., № 8419, показано еще 3 издание, М., 1803. У меня есть 4 издание, М., 1809, составляющее 12-й томъ 2 издания „Твореній“ Хераскова).

*24. *Философическія оды или пьесы*. М., 1769. (Соп., № 12455; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 7846 Въ собраніи „Твореній“ Хераскова напечатаны въ 7 томѣ, стр. 229, подъ заглавіемъ: „Оды нравоучительныя“, въ числѣ 32).

*25. *Ода Россійскому воинству при объявленіи войны противъ Оттоманской Порты*. М., 1769. (Соп., № 7033; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

*26. *Ода Императрицѣ Екатерины II на побѣду, одержанную надъ Турками*. М., 1769. (Соп., № 7039; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

*27. *Ода на выздоровленіе отъ прививанія оспы Великою Князю Павло Петровича*. М., 1770. (Соп., № 7040; показанъ 1770 годъ; но это вѣроятно ошибка и долженъ быть 1769, такъ какъ это выздоровленіе произошло въ началѣ 1769 года).

*28. *Ода на торжественную побѣду при сраженіи Чесмы надъ Турецкимъ флотомъ*. М., 1770. (У Соп. и Плав. нѣтъ; Смирд., № 11754).

*29. *Селимъ и Селима, поэма*. С., 1770. (Соп., № 8737; показано, что напечатанъ въ С., 1773 года вмѣстѣ съ „стихами къ будущей невѣстѣ“ и разговоромъ Ломоносова съ Анакреономъ. У Плав. и Смирд. нѣтъ. Евгений говоритъ, что поэма эта напечатана въ 1770 году, и это подтверждается показаніемъ въ „Твореніяхъ“ Хераскова, т. 3, стр. 245, при чемъ упомянуто, что она есть подражаніе Французскому.

*30. *Чесменскій бой, поэма въ 5 дѣйствій*. С., 1771. (Соп., № 8762; Плав., № 3983; Смирд. № 6714).

*31. *Ода на бракосочетаніе Великою Князю Павло Петровича съ Великою Княгиницею Натальею Алексеевнѣю*. М., 1773. (Соп., № 7042; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

*32. *Дружъ несчастныхъ, слезная драма въ 3 дѣйствій*. М., 1774. (Соп., № 3349; Плав., № 5424; показанъ 1787 годъ; это оттискъ изъ „Рос Театра“. Смирд., № 7494. Въ Драм. Слов. сказано, что эта драма напечатана въ 1774 году, но не въ Москвѣ, а въ Петербургѣ, что весьма вѣроятно).

*33. *Бериславъ, трагедія въ 5 дѣйствій, въ стихахъ*. С., 1774. (Соп., № 11864; Плав., № 6123; Смирд., № 6871. Въ Драм. Слов. сказано, что она играна въ первый разъ въ Петербургѣ, 7 Ноября 1772, а напечатана тамъ же въ 1774 году и что нѣкоторые обстоятельства въ пьесѣ должны были быть измѣнены, а на мѣсто ихъ помѣщены при представленіи и печатаніи вымышленныя).

*34. *Ода на заключеніе мира съ Портою Оттоманскою*. М., 1774. (Соп., № 7041; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

*35. *Гонимые, драма въ 3 дѣйствій*. М., 1775. (Соп., № 3338; Плав., № 5410; Смирд., № 7494; показанъ 1774 годъ. Въ Драм. Слов. сказано, что она напечатана въ 1775 году въ Москвѣ и играна въ первый разъ 11 Октября того же года).

*36. *Храмъ Россійскаго благодѣствія, посвященный сооружительницѣ оной Императрицѣ Екатерины II*. М., 1775. (Соп., № 12485; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

*37. *Ода на прибытіе Императрицы Екатерины II въ Москву*. М.,

1775. (Соп., № 7043; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

*38. *Ода на рожденіе Великаго Князя Александра Павловича*. М., 1777. (Соп., № 7044; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

*39. *Ненавистники, комедія въ 3 дѣйствіяхъ, въ стихахъ*. М., 1779. (Соп. № 5484; Плав., № 5765, показано: С. 1786; это оттискъ изъ Рос. Театра; у Смирд. нѣтъ. У Евг. неправильно выставленъ 1770 годъ. Въ Драм. Слов. сказано, что она напечатана въ Москвѣ 1779 и представлена въ первый разъ въ Юль того же года).

40. *Добрые солдаты, оперы въ 3 дѣйствіяхъ*. М., 1779. (Соп., № 7416; у Плав. нѣтъ; у Смирдина С., 1779. Изданіе 2, М., 1782; Соп., № 7417; Плав., № 6012; Смирд., № 7661. Было, кажется, еще третье изданіе).

*41. *Россіяда, поэма эпическая въ XII пѣсняхъ*. М., 1779. (Соп., № 8730; у Плав. нѣтъ; Смирд. № 6705. Изданіе 2, М., 1786; Соп., № 8731. Изданіе 3, М., 1801; Соп., № 8732. Изданіе 4, М., 1807; Соп., № 8733; Плав., № 3959; Смирд., № 6705. У меня есть это послѣднее изданіе, составляющее 1 томъ 2 изданія „Твореній“ Хераскова. Собственно это была не четвертая, а уже пятая перепечатка этой поэмы, ибо между названными сейчасъ вторымъ и третьимъ изданіями ея, вышедшими въ 1786 и 1801 годахъ, Россіяда была еще не напечатана въ Москвѣ въ 1787 году, въ „Эпическихъ Твореніяхъ“ Хераскова, о коихъ см. ниже подъ № 48, и тогда-то было посвящено Екатеринѣ II это изданіе, которое авторъ назвалъ третьимъ въ посвященіи, хотя настоящее третье изданіе, то-есть напечатанное отдѣльно, вышло только въ 1801 году, какъ сейчасъ указано).

42. *Золотой пруть, восточная повѣсть, переводъ съ Арабскаго*. М.,

1782. (Соп., № 4314; Плав., № 4332; у Смирд. нѣтъ).

*43. *Утѣшеніе грѣшныхъ*. М., 1782. (Соп., № 12284, безъ имени автора и обозначено 1783 годомъ); у Плав. и Смирд. нѣтъ. Истинный годъ изданія 1782, см. „Новик. и Моск. Март.“, Лонгинова, стр. 187. Подъ этимъ заглавіемъ напечатано 9 анонимныхъ духовныхъ стихотвореній Хераскова, помѣщенныхъ потомъ въ трехъ изданіяхъ сборника И. В. Лопухина „Избранная Библіотека для Христіанскаго Чтенія“, о которомъ см. у Соп., №№ 2219 и 2220, въ Современ., 1857, № 11, смѣсь, стр. 13 и въ книгѣ „Новиковъ и Моск. Март.“, стр. 225 и 271. Эти 9 духовныхъ стихотвореній Хераскова вошли въ собраніе его „Твореній“, т. 7, стр. 26.

*44. *Идопоклонники, или Горислава, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ въ стихахъ*. М., 1782. (Соп., № 11903; Плав., № 6156; Смирд., № 6906. Была представлена въ Москвѣ, во время праздниковъ, бывшихъ въ Октябрѣ 1782 года, по случаю открытія Московской губерніи по новому учрежденію. См. „Отголоски Старины“, соч. Любецкаго, 1867, стр. 163).

45. *Стихи на отшествіе изъ Москвы по кратковременномъ пребываніи Императрицы Екатерины II*. М., 1785. (Соп., № 11398; у Плав. и Смирд. нѣтъ. За эти стихи автору пожалована табакерка).

*46. *Владиміръ возрожденный, поэма въ XII пѣсняхъ*. М., 1785. (Соп., № 8639; у Плав. и Смирд. нѣтъ. Изданіе 2, М., 1787, Соп., № 8640; у Плав. и Смирд. нѣтъ. Изданіе 3, М., 1801; Соп., № 8641; у Плав. и Смирд. нѣтъ. Изд. 4. М., 1809; Соп., № 8642; Плав., № 3881; Смирд., № 10479. У меня есть это послѣднее изданіе, составляю-

щее 2 томъ 2 изданія „Твореній“ Хераскова. Собственно говоря, изданія 1787, 1801 и 1809 годовъ, показанныя сейчасъ какъ второе, третье и четвертое, были третьимъ, четвертымъ и пятымъ: ибо между отдѣльными изданіями 1786 и 1787 годовъ, „Владиміръ“ былъ напечатанъ 1786—1787 въ Москвѣ въ „Эпическихъ Твореніяхъ“ Хераскова, о коихъ см. ниже, подъ № 48. Изданіе 1801 года посвящено Императору Павлу I. Въ поэмѣ было уже тогда 18 пѣсень, вмѣсто первоначальныхъ 12-ти, ибо авторъ ее передѣлалъ).

*47. *Кадмъ и Гармоніи, древнее поествованіе*. 2 ч. М., 1786. (Соп., № 12446; у Плав и Смирд. нѣтъ. Изданіе 2, 2 ч., М., 1793. Соп., № 12447; Плав., № 4373; Смирд., № 8381. Изданіе 3, 2 ч. М. 1801; Соп., № 12448; показанъ 1800 годъ по ошибкѣ; Плав., № 4373; Смирд. № 8381. Шторхъ, № 980, названо вторымъ изданіемъ изданіе 4, 2 ч. М., 1807. У меня есть это послѣднее изданіе, составляющее 8 и 9 томы 2 изданія „Твореній“ Хераскова).

*48. *Эпическія Творенія*. 2 ч. М., 1786—1787. (Соп., № 11743, показавъ одинъ 1787 годъ; Плав., № 5259, показанъ одинъ 1786 годъ; Смирд. № 6715. Изданіе второе было вѣроятно лишь новымъ выпускомъ перваго и хотя онъ мнѣ неизвѣстенъ, но вѣроятно вышелъ, ибо у Смирд. № 8715 показано 3 изданіе, М., 1820, о которомъ упоминаетъ и Евг. Въ эпическихъ твореніяхъ напечатаны четыре поэмы Хераскова: „Россіяда“ № 41, „Владиміръ“, № 46, „Чесменскій бой“, № 30 и „Плоды наукъ“, № 3).

49. *Ода на возвращеніе Императрицы Екатерины II отъ полуденныхъ Россіи предѣловъ*. М., 1787. Соп., № 7045; у Плав. и Смирд. нѣтъ. См.

о ней *Соврем.*, 1857, № 11, смѣсь, стр. 1).

50. *Ода на совершившееся двадцатипятилѣтіе царствованія Императрицы Екатерины II*. М., 1787. (Соп., № 7046; у Плав и Смирд. нѣтъ).

51. *Счастливая Россія, или двадцатипятилѣтній юбилей. Прологъ*. М., 1787. (Соп., № 5696; у Плав. и Смирд. нѣтъ. Въ Драм. Слов. сказано, что онъ игралъ въ Москвѣ 28 Юня 1787, съ музыкой Булана).

52. *Ода на взятіе Очакова*. М., 1788. (Соп., № 7047; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

*53. *Ода на день восшествія на престолъ Императрицы Екатерины II*. М., 1791. (Соп., № 7048; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

54. *Ода на новый 1792 годъ и заключеніе мира съ Турціей*. М., 1792. (Соп., № 7051; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

*55. *Ода на случай присоединенія къ Россійской Имперіи отъ Польши областей*. М., 1793. (Соп., № 7052; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

*56. *Полидоръ, сынъ Кадми и Гармоніи*. 3 ч. М., 1794. (Соп., № 8490; Плав., № 4660; Смирд., № 8432. Изданіе 2, 2 ч. М., 1801, Соп., № 8491; Плав., № 4660; Смирд., № 8432, показанъ 1802 годъ. Изданіе 3, 2 ч., М., 1806; Соп., № 8492, у Плав. и Смирд. нѣтъ. Изданіе новое, вѣроятно 4, 2 ч., М. 1808—1810; у Соп. и Плав. нѣтъ; Смирд., № 8432. У меня есть вѣроятно именно это послѣднее изданіе, впрочемъ безъ означенія года онаго, составляющее 10 и 11 томы 2 изданія „Твореній“ Хераскова).

*57. *Пилгримы, или искатели счастья, повесть въ стихахъ*. М., 1795. (Соп., №№ 8132 и 12454; Плав., № 5153; Смирд., № 6770. Ее иногда переплели какъ 7 томъ „Твореній“ Хе-

раскова“ какъ показываетъ Анастасевичъ).

58. *Стихи на кончину графа Теодора Григорьевича Орлова.* М., 1796. (Соп., № 11384; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

***59.** *Ода на восшествіе на престолъ Императора Павла I.* М., 1796. (Соп., № 7049; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

***60.** *Письмъ благодарственная Императору Павлу I за высокую его милость.* М., 1797. (Соп., № 7053; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

***61.** *Ода на прибытіе въ Москву Императора Павла I для священнаго миропомазанія.* М., 1797. (Соп., № 7050; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

***62.** *Освобожденная Москва, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ.* М., 1798. (Соп., № 11932; Плав., № 6183; Смирд., № 6937. Представлена въ первый разъ въ Москвѣ 18 Января 1798).

***63.** *Ода на рожденіе Великаго Князя Михаила Павловича.* М., 1798. (Соп., № 7054; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

64. *Царь, или спасенный Новгородъ, стихотворная повѣсть.* М., 1800. (Соп., № 8761; Плав., № 3982; Смирд., № 6713. Ее иногда переплетали какъ 13 томъ „Твореній“ Хераскова. Она посвящена Императору Павлу I.

65. *Ода на восшествіе на престолъ Императора Александра I.* М., 1801. (Соп., № 7055; показанъ 1800 годъ, по ошибкѣ; у Плав. и Смирд. нѣтъ; Шторхъ, № 950. См. Библиогр. Зап., 1858, № 9, стр. 287. За эту оду авторъ получилъ отъ Государя табакерку, а отъ вдовствующей Императрицы перстень).

66. *Ода на коронованіе Императора Александра I.* М., 1801. (Соп., № 7056; у Плав. и Смирд. нѣтъ. За эту оду авторъ получилъ перстень, а супруга его пожалована орденомъ св. Екатерины).

67. *Бахаріана, или неизвѣстный, волшебная повѣсть, начерпнутая изъ Русскихъ сказокъ.* М., 1803. (Соп., № 12445; показанъ 1804 годъ, по ошибкѣ; Плав., № 5142; Смирд., № 6750; Шторхъ, № 998; показанъ 1804, и Анастасевичъ говорить, что она напечатана два раза въ 1803 и 1804 годахъ; но это вѣроятно тоже изданіе съ новымъ заглавнымъ листомъ. Ее иногда переплетали какъ 14 томъ „Твореній“ Хераскова, или даже 3 томъ оныхъ, по указанію Анастасевича).

68. *Полта.* М., 1805. (Соп., № 8776; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 8224; Шторхъ, № 927, б.).

69. *Ода побѣдоносному Россійскому воинству.* М., 1805. (Соп., № 7057; у Плав. и Смирд. нѣтъ).

70. *Заренда и Ростиславъ, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, въ стихахъ.* С., 1809. (Соп., № 11901; Плав., № 6154; Смирд., № 6904. Напечатана послѣ смерти автора).

В. Собранія сочиненій.

71. *Полныя творенія Михаила Хераскова.* 12 ч. М., 1796—1800. (Соп., № 11741; Плав., № 6480, показаны 1797—1803 годы и сказано, что ихъ 14 частей, конечно потому, что къ 12 частямъ собственно „Твореній“ прибавлены отдѣльно изданныя поэмы „Царь“ 1800 года и „Бахаріана“ 1803 года; Смирд., № 6167, показаны 1796—1803 годы и только 12 частей, какъ и слѣдуетъ. Изданіе 2-ое, 12 ч. М., 1808—1809. Соп., № 12456; у Плав. нѣтъ; Смирд., № 6167, показаны 1807—1812 годы).

Изъ отдѣльно изданныхъ произведеній Хераскова въ собраніе это вошли тѣ, которыя въ предыдущемъ спискѣ обозначены звѣздочкой. Кромѣ того въ этомъ собраніи помѣщены

слѣдующія его произведенія, которыя не указаны нигдѣ вышедшими отдѣльно до изданія „Твореній,“ которыхъ печатаніе началось въ первый разъ въ 1796 году:

- а) *Вселенная, поэма.* (Ч. 3, стр. 17).
- б) *Цидъ, трагедія въ 5 дѣйствійхъ, въ стихахъ изъ Корнеля.* (Ч. 5, стр. 1).
- в) *Юліанъ отступникъ, трагедія въ 5 дѣйствійхъ въ стихахъ.* (Ч. 5, стр. 59).
- г) *Милана, драма съ пѣснями въ 2 дѣйствійхъ.* (Играна на театрѣ князя Петра Мих. Волконскаго, съ музыкой дворцоваго его человѣка Ѳ. Г., кажется Ѳедора Генша, см. Др. Слов. стр. 80. Ч. 6, стр. 95).
- д) *Школа добродѣтели, драма въ 5 дѣйствійхъ.* (Ч. 6, стр. 137).
- е) *Извинительная ревность, драма въ 3 дѣйствійхъ.* (Ч. 6, стр. 249).
- ж) *Ода мѣрѣ.* (Ч. 7, стр. 22).
- з) *Ода къ Богу.* (Ч. 7, стр. 56).
- и) *Ода на обрученіе Великой Княжны Александры Павловны съ Палатиномъ Венгерскимъ,* (Ч. 7, стр. 153).
- і) *Стихи.* (Переводъ стансовъ Вольтера („Si vous voulez que j'aime encore“). (Ч. 7, стр. 282).
- Б) *Лица.*
- л) *Сельская муза.*
- м) *Время.*
- н) *Газета.*

Изъ перваго списка видно уже, сколько отдѣльно изданныхъ произведеній Хераскова не вошло въ это такъ называемое полное собраніе его „Твореній.“ Но кромѣ того въ немъ не помѣщено еще великое множество его мелкихъ пьесъ, особенно стихотвореній, которыя были напечатаны въ разныхъ журналахъ, поименованныхъ выше.

Едва ли существуетъ Русская книга безобразнѣе двухъ изданій „Твореній“ Хераскова (совершенно тождествен-

ныхъ по заключающимся въ нихъ произведеніямъ) особенно второго изъ нихъ. Кромѣ того оно такъ безтолково, что невозможно описать его библиографически, съ объясненіемъ, какъ оно составилось изъ разныхъ томовъ. Этого не удалось сдѣлать даже трудолюбивому Анастасевичу (Улей, 1811, № 8, стр. 108 и № 11, стр. 362), у котораго описаніе нѣкоторыхъ частей онаго не сходствуетъ съ сдѣланнымъ мною (Моск. Вѣд., 1858, № 3, Лит. Отд., стр. 11) по моему экземпляру. Входить въ подробное объясненіе всѣхъ этихъ несходствъ было бы излишне и утомительно, да притомъ едва ли и возможно, потому что по видимому всякій экземпляръ этого изданія составлялся Московскимъ книгопродавцемъ и типографщикомъ Пономаревымъ (первое изданіе печаталось Ридигеромъ и Клаудіемъ), по его произволу: выбиралось то или другое отдѣльное изданіе напр. „Бадма“ или „Нумы Помпилія;“ къ нему приклеивался общій заглавный листъ „Твореній,“ а иногда даже и не приклеивался вовсе—и такимъ образомъ сколачивались 12 требуемыхъ томовъ, на заглавныхъ листахъ которыхъ иногда не было даже видно, когда и гдѣ иной изъ нихъ напечатанъ, и экземпляръ отпускался нетребовательному, хотя и дорого платившему, покупателю.

Вотъ какъ неуважительно обходились тогда съ произведеніями Хераскова, котораго величали однако великимъ писателемъ; „Виргиліемъ Россіихъ странъ,“ и т. п. Только черезъ шестьдесятъ три года послѣ его кончины, изъ уваженія къ заслугамъ Хераскова, не только какъ писателя, но и какъ незабвеннаго ревнителя просвѣщенія и покровителя всѣхъ талантовъ его времени, представляется здѣсь

мною въ первый разъ хотя краткое, но по возможности полное и систематическое извѣстiе о его жизни и сочиненiяхъ.

Михаилъ Лонтиновъ.

Орелъ.

22 Декабря 1870.

Краткiя свѣдѣнiя о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1871 году.*

(Изъ Справочнаго Словаря о Русскихъ писателяхъ и ученыхъ, составляемаго Г. Н. Геннади).

Ауербагъ (рожд. Беркхольцъ) Юлиа Федоровна, сконч. въ Москвѣ, въ Ноябрь 1871 г. на 44 году. Писательница, помѣстившая въ Рус. Вѣстникѣ повѣсти: „Въ дорогѣ“ и „Простой случай“, подписанныя буквами А. Д. З. и одну въ Бесѣдѣ 1871, кн. V.

Н. Н. Стороженко, въ Спб. Вѣдом. 1871, № 300.

Ананасьевъ Александръ Николаевичъ, археологъ. Р. 1826, воспитывался въ Воронежской гимназiи и Московскомъ унив-тѣ (1842). Съ 1849 по 1862 онъ состоялъ въ Моск. Архив. ин. дѣлѣ. Послѣднiе годы служилъ при Моск. сѣздѣ мировыхъ судей. Сконч. въ ночь съ 22 на 23 Сент. 1871 года.

Первая историческая статья его была въ Современникѣ 1847: „Государств. хозяйство при Петрѣ Великомъ“. Онъ ревностно занимался изученiемъ Славянской мифологiи и языческихъ пре-

данiй и вѣрованiй Русскихъ и послѣ ряда статей (въ Отеч. Запискахъ, Современникѣ, Кометѣ) изложилъ свои изслѣдованiя въ послѣднемъ обширномъ трудѣ своемъ. Сборники сказокъ географич. общества, Дала, свой собственный и нѣкоторыхъ частныхъ лицъ дали ему материалъ для перваго у насъ критическаго сборника Русскихъ сказокъ и книжки Легендъ, съ его примѣчанiями. Имѣя хорошую библиотеку по Русской исторiи и значительное собранiе Русскихъ журналовъ, онъ извлекъ изъ нихъ этюды свои о сатирич. журналахъ прошлаго вѣка и, любя историко-литературныя и библиографическiя изысканiя, основалъ при содѣйствii М. П. Полуденскаго, журналъ: „Библиографическiя Записки (два года, 1858 и 1859, въ 4-ку, съ приложенiями). Въ немъ много статей его; нѣкоторыя подписаны букв. И. М.—къ (подпись эта встрѣчается и въ другихъ изданiяхъ). Онъ первый составилъ подробные, описательныя указатели къ журналамъ: Отеч. Запискамъ Свиньина и Рус. Архиву Булгарина, помѣщенные въ Архивѣ Калачева. Статьи его находятся кромѣ того въ Моск. Вѣдомостяхъ, въ Читенiяхъ Общ. Ист. и Др., въ Рус. Рѣчи 1861, въ Лѣтописяхъ Рус. лѣт. Н. Тихонравова, въ Атенеѣ и въ Рус. Вѣстникѣ. Послѣднiе годы онъ былъ полезнымъ сотрудникомъ Моск. Археологическаго Общества.—Статьи его изчислены въ Рус. Архивѣ 1871, № 11 и въ Рус. Старинѣ 1872, № 5; здѣсь укажу отдѣльныя изданiя.

— Вѣдунъ и Вѣдьма. М. 1851.

— Мионическая связь понятiй: свѣта, зрѣнiя, огня, металла, оружiя и желчи. М. 1854 (Изъ Архива).

— Народныя Русскiя сказки. 8 выпусковъ М. 1855—1863. 8°. —2-е изд. вып. I, 1858; II, 1859; III, IV и V, 1860. —3-е изд. вып. I и II, 1863.

* Свѣдѣнiя о писателяхъ, умершихъ въ 1857 г. напечатаны въ Библиогр. Запискахъ г. I-й (1858 г. № 12); въ 1858—тамъ же, т. II-й (1859, № 2); въ 1859—тамъ же, т. III, (1861 № 4); въ 1860—1870 въ Русскомъ Архивѣ 1864—1872 годовъ. П. Б.

— Народныя Русскія легенды. М. 1859. 8°. (Книга эта быстро распродана, а второе изданіе не было дозволено).

Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 годовъ. М. 1869. 8°. (Прежде въ Отечественныхъ Запискахъ).

— Сатирическіе журналы: Кошелекъ, 1774, Н. Новикова; Поденшина, 1769, В. Тузова и Пустомеля 1770. Перепечатаны въ 1858, М. въ 16 д. л. съ предисловіями.

— Библиографическія Записки. Изд. Н. Щепкинымъ, 2 тома (по 20 №.№. въ году). Съ приложеніями и снимками.—Указатель къ нимъ приложенъ при Русс. Архивъ 1864 г.

— Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу. Опытъ сравнительнаго изученія Славянскихъ преданій и вѣрованій въ связи съ мифическими сказаніями другихъ родственныхъ народовъ. 3 тома. М. 1866—1869. (Изд. г. Солдатенкова).

Биогр. сост. *Н. Гербелемъ* въ Энци. Словарь, т. V. 743—745.—*Н. Моск. Вѣдом.* 1871, № 223. статья *Д. А.*—*Журналъ Мин. Н. Просв.* т. 137, (1871, № 10) *Е. Бестужева-Рюмина.* Рус. Архивъ 1871, № 11 и тамъ же 1872, № 3—4, отрывокъ изъ его воспомнаній о гимназическомъ курсѣ.—*Н. П. Ефремова,* въ Русс. Старинѣ 1872, № 5, 787—790 стр.—*Памяти Аванасьева, М. де-Пуле* въ Слб. Вѣдом. 1871, № 298.

Бернардъ, Матвѣй Ивановичъ, фортепьянистъ и композиторъ, учитель музыки въ Петербургѣ, гдѣ въ 1829 открылъ музыкальный магазинъ и основалъ въ 1839 ежемѣсячный музыкальный журналъ: Нувеллистъ. Онъ издалъ нѣсколько сборниковъ нотъ Русскихъ пѣсень и практическихъ руководствъ для обучающихся музыкѣ. Ум. 27 Апр. 1871. (См. Голось, № 123).

— Искусство настроить, или систематическое изложеніе правилъ научиться безъ труда и въ самое короткое время вѣрно и чисто строить фортепьяно, натягивать струны и вообще

поддерживать инструментъ въ надлежащемъ порядкѣ. Спб. 1848 и 1861 16°.

Бестужевъ, Михаилъ Александровичъ. Выпущенный мичманомъ изъ морскаго корпуса въ 1817, онъ въ 1825 г. поступилъ въ лейбъ-гв. Московскій полкъ, принявъ участіе въ мятежѣ 14 Декабря 1825 и былъ сосланъ въ Сибирь. Съ 1840 онъ жилъ до кончины поселенцемъ въ Селенгинскѣ, съ 1865 въ Москвѣ. Ум. 21 Іюня 1871 г., на 71 году отъ роду.

Онъ оставилъ Записки, изъ которыхъ два только отрывка напечатаны въ Рус. Старинѣ 1870.

Н. Рус. Старина 1871, кн. IV, стр. 460.

Бредилинъ, Иванъ Александровичъ, медикъ, профессоръ Моск. унив-та. Кончивъ въ 1857 г. курсъ въ Моск. унив-тѣ, онъ въ 1862 г. защитилъ диссертацию „о возрожденіи кости изъ костницы, вообще и въ частности послѣ резекціи“, и удостоенъ степени доктора медицины. Послѣ путешествія за границую, гдѣ изучалъ хирургию, онъ въ 1868 завѣдывалъ въ Моск. унив-тѣ клинкою болѣзней мочевыхъ и половыхъ органовъ. Ум. 5 Дек. 1871.

Н. Моск. Вѣдом. 1871, № 269.

Бугаревъ, Александръ Матвѣевичъ, уроженецъ Тверской епархіи, учился въ Тверской Семинаріи и Моск. Академіи, въ которой принялъ монашество съ именемъ *Флорода*. По окончаніи курса магистромъ, онъ оставленъ въ ней бакалавромъ на кафедрѣ Свящ. Писанія и тогда напечаталъ нѣсколько статей въ Приб. къ твореніямъ св. отцовъ. Въ 1854 онъ, въ санѣ архимандрита, переведенъ въ Казанскую Академію на кафедру догматическаго богословія и былъ въ ней инспекторомъ. По учрежденіи особаго комитета духовной цензуры онъ назначенъ былъ въ него членомъ. По случаю неудовольствій, возбужденныхъ просмотромъ его

сочиненія объ Апокалипсисѣ и согласно его прошенію, онъ былъ уволенъ въ Никитскій Переяславскій монастырь (около 1862 г.) и когда его сочиненіе было запрещено, онъ испросилъ себѣ снятіе духовнаго сана, что и исполнилось въ 1863 г. Затѣмъ онъ женился и остальные годы жизни прожилъ частію въ Твери, частію въ Ростовѣ, наконецъ въ Переяславлѣ, гдѣ и скончался въ Апрѣлѣ 1871 г.—Литературная извѣстность его началась критикою писемъ Гоголя и полемикою съ издателемъ Домашней Бесѣды. Духовныя сочиненія, изданныя подъ его свѣтскимъ именемъ, менѣе замѣчательны. Въ Каталогѣ Базунова значатся слѣдующія его сочиненія:

1) Изданныя съ именемъ архимандрита Феодора.

1. Три письма къ Н. В. Гоголю, писанныя въ 1848. Спб. 1861.

2. Нѣсколько статей объ апостолахъ Павлѣ. 1861.

3. Изъясненіе 1-й главы книги бытія о міротвореніи. Спб. 1862.

4. О новомъ завѣтѣ Господа нашего Иисуса Христа. Спб. 1861.

5. О міротвореніи. Спб. 1864.

6. О принципахъ или началахъ въ дѣлахъ житейскихъ и гражданскихъ. Спб.

7. О православіи въ отношеніи къ современности. 1860.

8. О картинѣ Иванова: явленіе Христа народу. Спб. 1859.

9. Приемы знанія и беспристрастіе въ критич. дѣлѣ редактора Домашней Бесѣды В. Аскоченскаго. Спб. 1862.

Изданныя съ именемъ А. Булгарева.

*1. Изслѣдованія о достоинствѣ, цѣлости и происхожденіи 3-й книги Ездры М. 1864.

*2. Св. Іовъ многострадальный. М. 1864.—Св. Пророкъ Даніиль.—Пр. Іеремія.—Пр. Іезекіиль, Пр. Исаія. М. 1864.

*3. О подлинности и цѣлости свящ. книгъ пророковъ Исаи, Іереміи, Іезекіиля и Даніила. М. 1864.

*4. Письмо о благодати св. таинствъ церкви православно-каѳолической. М. 1864.

*5. Печаль и радость по Слову Божію. Очерки свящ. книгъ Плача Іереміи и Пѣсни Пѣсней съ приб. соображеній объ Апокалипсисѣ и о 3-й книгѣ Ездры. М. 1865.

*6. О подлинности Апостольскихъ Посланій. М. 1866.

*7. О современныхъ духовныхъ потребностяхъ мысли и жизни, особенно Русской. М. 1865.

*8. Моя апологія по поводу критич. статей и отзывовъ о книгѣ: о соврем. дух. потребностяхъ... М. 1866.

*9. Объ успокоеніи усопшихъ и о дух. здравіи живыхъ. М. 1866.

10 Книга для обученія Русс. чтенію и письму. М. 1867.

Н. Голосъ № 108 и подробнѣе № 121.

Воейковъ, Николай Павловичъ, Мединскій помѣщикъ и предводитель дворянства; въ молодости служилъ при Ермоловѣ; ум. въ своемъ имѣніи въ Декабрѣ 1871 г.

Въ краткомъ некрологѣ его въ Моск. Вѣдомостяхъ 1872 г. № 4, подписанномъ: „Князь Куракинъ“ (?) сказано, что онъ оставилъ записки о Кавказѣ и о своей службѣ.

Говорскій, Ксенофонтъ Антоновичъ, преподаватель одной изъ семинарій югозападнаго края, издатель (съ 1863) Вѣстника Юго-западной Россіи. Ум. 17 Іюня 1871 г.

Гольцъ-Миллеръ, И. И. поэтъ, ум. на 28 году въ Орлѣ, 5 Авг. 1871. Его стихотворенія помѣщались въ Отеч. За-

пискахъ, Современникъ, Вѣстникъ Европы) Илл. Газета т. 28, стр. 783).

Григорьевъ, 1-й, Петръ Ивановичъ, актеръ Спб. сцены, въ роляхъ водевильныхъ отцовъ, мужей и другихъ. Онъ былъ хорошій музыкантъ и авторъ многихъ театральныхъ пьесъ. Ум. въ Пятигорскѣ лѣтомъ 1871 г.

Сочиненія его, въ 5 ч., изданы книгопродавцемъ Вольфомъ въ 1869—1871 г. Большая часть изъ нихъ вышли прежде, отдѣльно, или оттисками.

— Актеръ и музыкантъ, или любовь всему научить; ком. водевиль въ 1 д., новый дуэтъ изъ Рус. пѣсень Жучковскаго Спб. 1831. 12°.

— Братъ за брата, или нѣтъ правила безъ исключенія. Ком. водевиль въ 1 д., музыка Жучковскаго Спб. 1831. 12. 1860 и 1869. 8°.

— Горе отъ тещи, или живи да оглядывайся. Ком. вод. въ 1 д. 1835. 8°.

— Жена-кавалеристъ, ком. вод. въ 1 д. 1836. 8°.

— Вдова-чиновница. Ком. вод. въ 1 д. Спб. 1834. 12 и 1869. 8°.

— Жена какихъ много и мужъ какихъ мало. Ком. вод. въ 1 д. 1834. 12°. 1871. 8°.

— Пастушкина дочка, или суматоха на дачѣ. Вод. въ 1 д. передѣланный изъ комедіи Необразованная Дѣвушка. П. Г. 1837 и 1869.

— Три отца въ магазинахъ. Вод. въ 1 д., передѣланный изъ комедіи Крестный Отецъ. 1837.

— Герои преферанса или душа общества. Ориг. ком. вод. въ 3 картинахъ, музыка автора. 1844. 16°.

— Складчина на ложу въ Итальянскія оперы, водевиль (à propos) въ 2 картинахъ. 1843. 16°.

Жена, или карты. Ком. вод. въ 1 д. 1846. 16°.—1862 и 1869. 8°.

— Комедія съ дядюшкой. Шуточная оперетка въ 1 д.—1846. 8°.

— Путешествіе Апраксинскаго купца и благополучное возвращеніе. Фарсъ-вод. въ 3 отд. 1846. 8°.

— Домашняя исторія. Ком. вод. въ 1 д. въ стихахъ 1849. 8°.

— Житейская школа. Ориг. ком. въ 5 д. въ стихахъ. 1849. 8°.

— Заговорило ретивое. Ориг. ком. въ 1 д. въ стихахъ. 1851. 8.

— За вѣру, царя и отечество! Ориг. народное представленіе въ 3 картинахъ съ Русскими пѣснями, плясками и куплетами. Музыка В. Кажинскаго. 1854. 12°.

— Въ память столѣтія Русскаго театра. Ориг. драматич. представленіе, состоящее изъ 3-хъ отдѣленій, въ прозѣ и стихахъ съ хорами и танцами. 1756—1856. Спб. 1856. 8°; съ 12 портретами.

— Невѣста неподходящая. Ориг. водевиль въ 2-хъ картинахъ. 1858 и 1869.

— Петербургскіе шалуны. Ориг. оперетка-водевиль въ 2 картинахъ съ танцами. 1858 и 1869.

— Андрей Степановичъ Бука, или кто не плясалъ по женской дудкѣ! Ком. вод. въ 2 д. 1860 и 1869. 8°.

— Три пощечины, или молодые на разныхъ половинахъ. Ком. вод. въ 1 д. 1871. 8°.

— Любобная сдѣлка, или Русскіе въ Баденѣ. Ком. вод. въ 1 д. 1871. 8°.

— Мужъ, жена и знатный другъ. Ком. водевиль въ 1 д. (передѣлка съ Франц.). 1871. 8°.

— Петербургскій анекдотъ съ жильцомъ и домохозяиномъ. Шутка-вод. въ 1 д. 1871. 8.

— Полковникъ новыхъ временъ, или дѣвица-кавалеристъ. Вод. 1871. 8°.

— Друзья-журналисты, или нельзя безъ шарлатанства. Вод. въ 1 д. (Передѣланный изъ *Скрибова* водевиля *Le charlatanisme*): 1871.

— Зало для стрижки волосъ. Вод. въ 1. д. 1871.

— Здравствуйте братцы, или продайте. Ком. вод. въ 1 д. (Займствованъ съ Франц.) 1871.

— Любовная записка мужа. Вод. въ 1 д. 1871.

— Комнатка съ отопленіемъ и прислугою. Шутка-водевиль въ 1 д. 1871.

Примѣчаніе. Здѣсь исчислены пьесы Григорьева по каталогамъ книгопродавцевъ и Спб. публичной библіотеки (въ Русскомъ отдѣлѣ); но вездѣ они смѣшаны съ произведеніями брата его, актера Петра Григорьевича Григорьева 2-го, умершаго въ 1854 и также автора нѣсколькихъ театральныхъ пьесъ. Поэтому не ручаемся ни за полноту, ни за точность нашего списка.

Гудобинъ, Петръ Ильичъ, Рыбинскій купецъ, р. въ Шуѣ, съ 1862 жилъ въ Рыбинскѣ, гдѣ сконч. 3 Марта 1871.

Онъ занимался Русскими древностями и имѣлъ хорошее собраніе, изъ котораго часто дѣлалъ взносы въ наши столичные музеи и библіотеки (особенно въ императорскую публичную, въ Петербургѣ).

Н. Спб. Вѣдом. № 66.

Евгеній (Андрей Евѣиміевичъ Казанцевъ), архіепископъ, сынъ священника села Бѣляницына, Юрьевского уѣзда. (Род. 30 Іюня 1778, воспитанникъ Троицкой Семинаріи, въ которой кончилъ курсъ въ 1800 году. Замѣченный митрополитомъ Платономъ, по его назначенію былъ учителемъ, а съ 1804 префектомъ Виѣанской Семинаріи, съ того времени подружился съ покойнымъ митрополитомъ Филаретомъ и съ нимъ вмѣстѣ вызванъ въ новооткрытую въ Петербургѣ Духовную Академію, въ которую назначенъ инспекторомъ и, въ качествѣ бакалавра, преподавалъ, но не долго, философію. По просьбѣ Платона возвращенъ въ 1810 г. въ Москву и здѣсь, будучи возведенъ въ санъ архимандрита, назначенъ былъ инспекторомъ Троицко-Сер-

гійевской Семинаріи, до упраздненія ея въ 1814, когда переведенъ ректоромъ открытой тогда Московской Академіи съ управленіемъ Заиконоспасскимъ монастыремъ. Въ 1817 онъ былъ переведенъ архимандритомъ въ Донской монастырь и назначенъ членомъ Моск. Синодальной канторы и предсѣдателемъ Моск. цензурнаго комитета. Въ 1818 вызванъ въ Петербургъ и назначенъ 14 Іюня епископомъ въ Курскъ, въ 1822, Февр. 27 переведенъ архіепископомъ въ Псковъ, въ 1825 Сент. 30 въ Тобольскъ, въ 1831 Авг. 7 въ Рязань и 1837 Мая 9 въ Ярославль, гдѣ оставался до 1853. Въ этомъ году, по слабости здоровья, отправился на покой и, получивъ званіе синодальнаго члена, съ назначеніемъ присутствовать въ Моск. Синодальной Канторѣ, въ 1854 удалился въ Донской монастырь, который ему отданъ былъ въ управленіе. — 14 Іюня 1868 года девяностолѣтній іерархъ праздновалъ пятидесятилѣтіе своего служенія въ епископскомъ санѣ. (См. Моск. Вѣдом. 1868, № 147, Правосл. Обзорѣніе т. 26 (1868, № 8, стр. 80 — 86) — Соврем. Лѣтопись № 6 и другія газеты за Іюнь). Скон. 26 Іюля 1871.

— Слово въ день св. пасхи 1823, говор. еп. Псковскимъ Евгеніемъ. Спб. 1838, 8°.

— Слова Евгенія, бывшаго архіепископа Ярославскаго. М. 1854.

Чистовича, Исторія Спб. Дух. Ак., стр. 246. Пятидесятилѣтіе его служенія, Страникъ 1868, № 8 и тамъ же, № 11, привѣтственныя къ нему письма.

— Особенно замѣчат. черты жизни и характера его, протоіерея *І. Благотѣщенскаго*. Душен. Чтеніе 1869, № 1.

— Слово при погребеніи его, протоіерея *А. О. Ключарева*, въ Соврем. Лѣтописи 1871, № 31. и въ Моск. Епарх. Вѣдом. № 32. — Черты пастырской и проповѣднич. дѣятельности его, Воскресное Чтеніе 1869, № 45. Восп. о немъ, въ Моск. Епарх. Вѣдомостяхъ

1871, № 33. — Биографія *И. Б-ю*, въ Моск. Епарх. Вѣдом. 1871, № 35, 38, 39, 42 и 47.

Закревскій, Николай Васильевичъ, археологъ. † 29 Юля 1871 (Спб. Вѣдом. № 229).

— Очеркъ исторіи г. Кіева. Ревель, 1836. 8°.

— Лѣтопись и описаніе г. Кіева. М. 1858. Съ 4 рис. и планомъ (Изъ Чтеній Моск. Общ. Ист. и Др.).

— Старосвѣтскій Бандуриста. Кн. I. Избранныя Малороссійскія и Галицкія пѣсни и думы. Кн. II. Малорос. половицы, поговорки и загадки и Галицкія приповѣдки. — Кн. III. Словарь Малоросс. идиомовъ. М. 1861. 8°.

— Описаніе Кіева, 2 тома въ 4-ку, съ атласомъ рисунковъ и плановъ, М. 1868. Издано графомъ А. С. Уваровымъ.

Зотовъ, Рафаилъ Михайловичъ. Ум. въ Павловскѣ, 17 Сент. 1871, на 77 году. Онъ 54 года прослужилъ на военномъ и административномъ поприщѣ и 35 лѣтъ при Петерб. театрѣ, для котораго написалъ и перевелъ 110 пьесъ, частью напечатанныхъ въ театр. періодич. изданіяхъ и отдѣльно; изъ нихъ 10 на Нѣмецкомъ языкѣ, между прочими переводъ Фингала, Озерова. — Въ періодич. изданіяхъ напеч. много статей его и до 20 повѣстей и воспоминаній о театрѣ. Послѣдніе годы онъ участвовалъ въ издаваемыхъ сыномъ его Иллюстр. Газетѣ и Воскресномъ Досугѣ; здѣсь напечатаны романы „Бѣлое дитя и Питомица колдуньи“. Онъ оставилъ любопытныя Записки. (См. Моск. Вѣдом. 1871, № 205).

— Описаніе жизни актера г-на Яковлева, напечатанное въ пользу вдовы его и дѣтей. Р. З. Издивеніемъ содержателя театральной типографіи. Спб. 1817. 8°.

— Александріада, или собраніе достопримѣчательныхъ изрѣченій Импе-

ратора Александра 1-го во время пребыванія его въ Парижѣ, съ краткимъ описаніемъ военныхъ дѣйствій Россійской арміи и ея союзникогъ, до возстановленія на тронѣ Франціи Людовика XVIII, и съ извѣстіемъ о послѣднихъ минутахъ жизни генерала Моро. Спб. 1818. 12°.

— Красная шапочка, опера въ 3 д. перев. съ Фран. Спб. 1819. 8°.

— Убійца и сирота, драма въ 3 д. перев. съ Нѣмец. Спб. 1820. 8°.

— Александръ Македонскій въ Индіи, опера въ 1 д. пер. съ Нѣмецкаго. Спб. 1821. 8°.

— Христофоръ Колумбъ, или открытіе новаго свѣта, драма въ 3 дѣйств., перев. съ Нѣмец. Спб. 1821. 8°.

— Александръ и Софія, или Русскіе въ Ливоніи, драма въ 4 д. Спб. 1823. 8°.

— Юность Іоанна III, или нашествіе Тамерлана на Россію, драма въ 5 д. Спб. 1823. 8°.

— Волшебный стрѣлокъ, опера въ 3 д. съ хорами, перев. съ Нѣмец, Спб. 1824. 8°.

— Мужъ и любовникъ, или образованіе провинціала, комедія въ 1 д. передѣланная съ Франц. Спб. 1824. 8°.

— Леонидъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Наполеона. Изд. 2-е исправленное и дополненное одною главою (послѣднею въ IV части). Спб. 1840. 12°. (1 изд. 1832.)

— Робертъ-дьяволъ. Опера въ 5 д. въ стихахъ *Скриба* и *Делавиня*. Спб. 1835. 12.

— Разказы о походахъ 1812 и 1813 годовъ, прапорщика Санктпетербургскаго ополченія (Автора Леонида, Таинственнаго монаха и Исторіи двадцатипятилѣтія Европы). Спб. 1836. 8°.

— Карлъ Смѣлый Большая Опера въ 4-хъ дѣйств. Сюжетъ заимствованъ изъ романа Вольтеръ Скотта съ сохраненіемъ всей музыки извѣстной опе-

ры: Вильгельмъ Телль изъ Россіи. Спб. 1837. 8°.

Переводы: *Θυκιδιδα* о Пелопонезской войнѣ и *Ксенофонта* отступление десяти тысячъ въ Военной библиотекѣ Спб. 1837.

— Никласъ Медвѣжья Лапа, атаманъ контрабандистовъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Фридриха II. Историческій романъ. Спб. 1837. 16°.

— 2. Изд. Моск. 1858. 12°.

— Студентъ и княжна, или возвращеніе Наполеона съ острова Эльбы. Историческая повѣсть. Спб. 1838. 8°.

— Наполеонъ на островѣ св. Елены, въ четырехъ частяхъ. Собрано изъ Записокъ Ласъ-Казаса, Гурго, Монтолона, О' Меара и Антомаки. Спб. 1838. 8°.

— Шапка юродиваго или трилиственникъ. Историческій романъ изъ временъ Елизаветы и Екатерины. М. 1831. 8° вѣ 3 ч.

— Военная Исторія Росс. Государства. Спб. 1839. 8°. 5 ч. съ планами и рисунками.

— Фра-діаволо, или послѣдніе годы Венеціи. Историческій романъ 4 ч. Спб. 1839. 12°.

— Цынъ-Киу-Тонгъ или три добрыя дѣла духа тьмы. Фантастическій романъ въ 4 ч. Спб. 1840. 12°.

— Изд. 2-е: 4 ч. М. 1858. 12°. въ 3-хъ книгахъ.

Сардамскій корабельный мастеръ, или нѣтъ имени ему! Ком. въ 2 д. Спб. 1841. 8°.

— Двадцатипятилѣтіе Европы въ царствованіе Александра I. 2 ч. Спб. 1831. Съ 2 портретами. Второе изд. исправлен. 1841. 8°.

— Бородинское ядро и Березинская переправа. Историч. романъ.

Это заглавіе обѣртки, а 2-е заглавіе:

— Бородинское ядро и Березинская переправа. Полуисторич. романъ въ 2-хъ ч. 8°.

— Любовь Танцовщицы или генеральная репетиція Лодойски при Наполеонѣ Повѣсть. Спб. 1844.

— Новая школа мужей, ком. въ 5 д. Спб. 1845. Въ стихахъ.

— Два брата, или Москва въ 1812 году, романъ въ двухъ частяхъ. Спб. 1851. 12°. Изд. 2, 3 ч. 1858.

— Два брата, или Москва въ 1812 г. романъ въ 2 ч. Спб. 1851. 12.—2-е изд. 3 ч. М. 1858.

— Тридцатилѣтіе Европы въ царствованіе Николая I. 2 ч. Спб. 1857.

— Таинственный монахъ, или нѣкоторыя черты изъ жизни Петра I, Историч. романъ. 3 ч. Спб. 1842. Изд. 3-е М. 1857.

— Таинственныя силы, или нѣкоторыя черты изъ жизни Императора Павла I. 3 ч. Спб. 1859.

Двѣ сестры или Смоленскъ въ 1812 г. 2 т. Спб. 1859.

— Театральныя воспоминанія. Автобіографическія записки. Спб. 1859. 8. Прилож. къ Драматич. Сборнику № 3—11 и Собран. театр. пьесъ, № 3 и 4).

Ивашинцевъ, Николай Алексѣевичъ, контръ-адмиралъ, гидрографъ. Изъ дворянъ Буйскаго у. Костромской губ. Послѣ курса въ Морскомъ кадетскомъ корпусѣ (1841), служилъ въ немъ преподавателемъ математики и морскихъ наукъ, съ 1848 состоялъ при гидрографич. деп-тѣ и занимался съемками на Балтійскомъ морѣ, редактировалъ Морской Мѣсяцесловъ. Въ 1853 онъ былъ командированъ въ Оренбургъ и участвовалъ въ экспедиціи противъ Коканцевъ. Съ 1854 началъ главный трудъ свой—изслѣдованіе Каспійскаго моря и послѣ обзора его въ 1855 исправлялъ должность начальника отдѣленія гидрографич. деп-та, а въ 1856 назначенъ начальникомъ экспедиціи для съемки и промѣра Каспійскаго моря

и оставался имъ до 1871. — Сконч. 13 Янв. 1871 на 52 году.

Его статьи встрѣчаются въ Морскомъ Сборникѣ, въ Запискахъ Гидрогр. Деп-та, въ изданіяхъ Географическаго Общества и другихъ.

— Обзорѣніе Русскихъ кругосвѣтныхъ путешествій. Спб. 1850 (Записки Гидр. Деп.).

— Очеркъ теории урагановъ. Спб. 1850.

— Гидрографическія изслѣдованія Каспійскаго моря, 2 т. 1866—1870. 8. (За него выдана отъ Геогр. Общества Константиновская медаль въ 1864 году).

Биографія въ Морскомъ Сборникѣ т. 119 (1872. № 3), биогр. очерки, стр. 37—49. Здѣсь на стр. 43 указаны статьи его, помѣщенные въ Морскомъ Сборникѣ.

Герофей (Лобачевскій), епископъ. Изъ дворянъ Волынской губ. воспитанникъ Кіевской Академіи, былъ префектомъ Волынской Семинаріи (съ 1817), въ которой преподавалъ философію, потомъ былъ съ 25 Марта 1845 епископомъ Острожскимъ, викаріемъ Волынской епарх. Ум. 7 Апр. 1871 г. близъ Острога, въ Дерманскомъ монастырѣ, на 91 году.

Въ некрологѣ его въ Спб. Вѣдомостяхъ № 145 сказано, что онъ написалъ много статей и монографій, касавшихся исторіи и этнографіи Волыни, которыя были помѣщены, безъ подписи автора, въ Волынскихъ Губ. Вѣдомостяхъ, и принималъ дѣятельное участіе въ работахъ комиссіи, состоящей при Кіевскомъ генераль-губернаторѣ, для изданія актовъ и документовъ относящихся къ исторіи Западной Россіи. Говорятъ, что онъ велъ Записки о многихъ происшествіяхъ на Волыни. Онъ былъ замѣчательный лингвистъ и любилъ записываться естественными науками.

Кемницъ, Е. К. Ум. лѣтомъ 1871, на 39 году. Одинъ изъ дѣятельныхъ сотрудниковъ журнала Учитель.

Н. П. Г. въ Спб. Вѣдом. 1871, № 228.

Константиновъ, Константинъ Ивановичъ, генераль-лейтенантъ. Кончивъ курсъ въ артиллерійскомъ училищѣ, поступилъ въ 1837 г. въ артиллерію, посвятилъ себя ученымъ занятіямъ и вскорѣ получилъ извѣстность своими познаніями въ пиротехніи. Съ 1840 онъ завѣдывалъ лабораторною командою, въ 1845 назначенъ командиромъ пиротехнической школы, въ 1849 начальникомъ Охтенскаго капсюльнаго заведенія, а въ слѣдующемъ — Спбургскаго ракетнаго заведенія, устраивавшагося подъ его вѣдѣніемъ. Послѣдніе годы своей жизни К. провель въ Николаевѣ на Бугѣ, гдѣ завѣдывалъ основаннымъ имъ ракетнымъ заведеніемъ. Ум. въ Янв. 1871.

— Послѣдовательныя усовершенствованія ручнаго огнестрѣльнаго оружія. 1855.

— Объ ударныхъ трубкахъ, для разрывныхъ артиллерійскихъ снарядовъ, съ чертежами. Спб. 1855 (Изъ Морскаго Сборника).

— О боевыхъ ракетахъ. Спб. 1856. 8°. (Изъ 2-й части курса артиллеріи Весселя).

— Hausses de l'artillerie de campagne russe. St.-Pét. 1856. 8.

— Application des fusées au jet des amarrages de sauvetage. St.-Pét. 1863. 8.

№. Рус. Инвалидъ № 48 (Отсюда въ Спб. Вѣдом. № 62, 1871).

Красновъ, Иванъ Ивановичъ, генераль-лейтенантъ. Въ 1818 поступилъ въ лейбъ-гвардіи казацкій полкъ и участвовалъ въ войнахъ съ Турціею и въ Польшѣ. Въ 1841 онъ назначенъ былъ походнымъ атаманомъ Донскихъ казачьихъ полковъ, служившихъ на Кавказѣ и объ этомъ времени своей

жизни оставилъ Записки (неизданныя). Съ 1843 по 1848 командовалъ лейб-гвардіи казачьимъ полкомъ и собралъ матеріалы для его исторіи. Послѣ Крымской кампаніи онъ написалъ нѣскольکو статей о Донскомъ краѣ въ мѣстной газетѣ и въ Военномъ Сборникѣ. Ум. 14-го Апр. 1871 въ имени своемъ, въ области войска Дѣнскаго.

Н. Илл. Газета 1871, № 18, стр. 287.

Кромъ, Николай Ивановичъ, поэтъ. Ум. 28 Марта 1871, на 49 г. жизни (Спб. Вѣд. № 31 марта). Кромъ многихъ стихотвореній, напеч. въ журналахъ, особенно въ Рус. Словѣ, изданы отдѣльно:

— Комедія изъ современной жизни. Спб. 1849. 12°.

— Эскизы. Стихотворенія 1855 — 1857 годовъ. Спб. 1857.

— Бракъ при Петрѣ Великомъ. Дра-матич. представленіе въ 4 д. и 5 картинахъ. Спб. 1862.

— Біогр. очеркъ и портретъ въ Илл. Газетѣ 1871 г. № 19. — Илл. Календарь 1872, Некрологъ, 59.

Кулушевъ, князь Григорій Васильевичъ. Сконч. осенью 1871 г. (Илл. Газета, т. 28, стр. 624). Авторъ нѣсколькихъ комедій, имѣвшихъ успѣхъ на Московской сценѣ: Приемышъ, Друзья-пріятели, Комедія безъ названія, Кохинхинка (подъ псевдонимомъ Бѣляева).

— Корнетъ Отлетаевъ, повѣсть въ 3 ч. М. 1858 (Изъ Рус. Вѣстника).

— Пыль, повѣсть. 2 ч. 2-с изд. М. 1858, въ 32-ю д. л. (Изъ Рус. Вѣстника).

— Постороннее вліяніе, романъ, въ 4 ч. М. 1858 — 1859. 18 и 2 ч. М. 1859.

— Мазепа, большая драматическая опера въ 4 д. и 5 картинахъ съ танцами. Либретто заимствовано изъ Полтавы Пушкина. Музыка барона Фитингофа. Спб. 1859.

Прежде нѣсколько повѣстей помѣщены имъ въ Пантеонѣ 1851 и 1852.

Ламбинъ, Петръ Петровичъ (р. 1812 г.). Съ 1843 по кончину 5 Іюня 1871 г. онъ служилъ бібліотекаремъ въ Русскомъ отдѣленіи бібліотеки Академіи Наукъ.

Имъ составленъ: Русскій бібліографическій указатель за 1855 г., приложенный къ Извѣстіямъ II Отд. Академіи Наукъ. Онъ же участвовалъ съ братомъ своимъ Борисомъ Ламбининымъ въ составленіи Русской Исторической Бібліографіи (съ 1855 года), издаваемой съ 1861 года Академіею Наукъ.

— Краткое некрологич. извѣстіе о немъ въ Русс. Старинѣ т. V (1872, № 6), стр. 904, въ примѣч. редактора.

Ласковскій, Николай Эрстовичъ, докторъ медиц. Род. въ 1816, Апр. 12, въ Мариенбургѣ, изъ Польской фамиліи, поселившейся въ Россіи. Послѣ изученія фармаціи, онъ прослушалъ курсъ медиц. наукъ въ Моск. университетѣ (1836—1841, учился за границею (1843—1846), гдѣ особенно занимался химіею. По возвращеніи въ Россію опредѣленъ ученымъ аптекаремъ при Моск. унив.—тѣ и сталъ преподавать фармакогнозію и фармацію. Ум. въ Маѣ 1871.

Кромъ многихъ статей по химіи въ специальныхъ заграничныхъ изданіяхъ и трудахъ Московскихъ ученыхъ обществъ, указанныхъ въ Біогр. Словарѣ Моск. профес. при біографіи его, I, 475 — 479, напечатана отдѣльно его докторская диссертація: *De cholerae epidemiae nonnullis causis atmosphaericis.* М. 1849.

Мочульскій, Викторъ Ивановичъ, энтомологъ, членъ общества испытателей природы въ Москвѣ, въ изданіяхъ коего есть его изслѣдованія. Ум. 5 Іюля 1871 г. (См. протоколъ общества въ Моск. Вѣдом. № 247).

— Observations sur le musée entomologique de l'université de Moscou. M. 1845. 8°.

— Die Coleopterologischen Verhältnisse u. die Käfer Russlands. M. 1846 8°.

— Remarques sur la collection des coléoptères russes. 3 articles. M. 1846. 8°.

— Kritische Beurtheilung von Dr. Erichson's Naturgeschichte der Insecten Deutschlands in besonderer Berücksichtigung der in Russland vorkommenden Arten. M. 1849. 8°.

— Hydrocanthares de la Russie. Helsingf. 1853. 8°.

— Von einigen den Leguminosen schädlichen Käfern. St.-Pet. 1854. 8°.

— Coléoptères du gouv. de Jakoutsk, réunies par M. Pavlofsky. St-Pét. 1859. 8°.

— Etudes entomologiques. 11 anneés. 1856—1862.

— О вредныхъ и полезныхъ насекомыхъ. Кн. I. Спб. 1856.

Мухановъ, Павелъ Александровичъ, д. т. с., членъ госуд. совѣта, предсѣдатель археологич. комиссіи, археологъ.—Р. въ 1798 г., учился въ Моск. университетѣ и въ школѣ колонновожатыхъ, основанной Муравьевымъ, служилъ (съ 1815) въ генеральномъ штабѣ, участвовалъ въ кампаніяхъ въ Турціи въ 1829 и въ Польшѣ въ 1831. Выйдя въ отставку въ 1834, онъ занялся литературою и Русскою исторіею и жилъ въ Москвѣ. Въ 1842 онъ назначенъ былъ вице-президентомъ совѣта нар. просвѣщенія въ Царствѣ Польскомъ, съ 1844 былъ попечителемъ Варшавскаго уч. округа, съ 1856 главнымъ директоромъ въ правит. комиссіи внутр. и дух. дѣлъ Царства, оставаясь притомъ попечителемъ округа. Въ 1861, Апрѣля 23, онъ назначенъ былъ членомъ госуд. совѣта и поселился въ Петербургѣ. Послѣдніе тру-

ды его были посвящены изданіямъ археологич. комиссіи, которой былъ онъ предсѣдателемъ по кончинѣ Норова въ 1869 г.—Сконч. 16 Дек. 1871, въ Вюрцбургѣ.

Его богатое собраніе Русскихъ грамотъ поступило въ Московскій музей (См. Моск. Вѣдом. 1872, № 2, и также брошюру, Каталогъ актовъ XIV—XVII в.: принесенныхъ въ даръ Моск. Пуб. Музею П. А. Мухановымъ, Спб. 1865. 8°. 26 стр.).

— Подлинныя свидѣтельства о взаимныхъ отношеніяхъ Россіи и Польши, преимущественно во время Самозванцевъ. М. 1833. 8°.

— Штурмъ Праги 24 Окт. 1794. М. 1835. 4°. (Планъ сраженія и диспозиція войскъ).

— Портфель для хозяевъ 2 ч. М. 1834, 8°, съ тетрадью гравир. чертежей, въ л. Второй портфель для хозяевъ. 2 ч. съ чертежами. М. 1836. 8°. Портфель для хозяевъ или курсъ сельской архитектуры, 2 ч. текста, 1 ч. рисунковъ. Изд. 2-е умноженное. М. 1840. 8°.

— Рукопись Жолкѣвскаго, начало и успѣхъ Московской войны въ ц. Е. В. Короля Сигизмунда III подъ нач. пана Станислава Жолкѣвскаго... Изд. въ Рус. переводѣ съ приложеніемъ Польскаго текста и 3-хъ изображеній. М. 1835. 8°.

— Сборникъ М. 1836. 4°. Изд. 2-е доп. съ 18 листками приложеній. Спб. 1866.—Приложеніе вышло особо подъ загл. «Что желательно для Русской исторіи?» Изд. 2-е. 1870.

— Указатель къ Сборнику. М. 1838. 4°.

— Каталогъ историческимъ памятникамъ. 1836. 12°.

— Рукопись Филарета, патріарха Московскаго М. 1837. 4°.

— Памятная книга для хозяевъ, или указанія на каждый мѣсяць работъ и занятій по луговодству и полеводству М. 1838. 4^о.

Въ память о Мухановѣ, статьи *М. Погодина* и *М. Семейскаго* въ Рус. Старинѣ 1872, кн. II 335—345.—О его дѣятельности въ Варшавѣ см. въ статьяхъ г. *Берга* и *Пржецлавскаго* въ Русс. Архивѣ 1872, стр. 1031 и слѣд. и 1563.

Назаровъ, князь Николай Степановичъ, литераторъ. Ум. въ С.-Петербургѣ 16 Окт. 1871 г. на 40-мъ году. Онъ былъ 10 лѣтъ учителемъ и потомъ наставникомъ-наблюдателемъ Русской словесности во 2-мъ кад. корпусѣ въ Москвѣ и сотрудникомъ Русскаго Вѣстника и Моск. Вѣдомостей и участвовалъ въ Петербургскихъ газетахъ. По переселеніи въ С.-Петербургъ въ 1866, былъ постояннымъ сотрудникомъ «Голоса» и служилъ секретаремъ при директорѣ театровъ. Онъ слѣдилъ за драматической литературою и искусствомъ и много писалъ о театрѣ.

Н. Моск. Вѣдомости 1871, № 228.

Нечаевъ, Александръ Евѣиміевичъ, протоіерей Московской Софійской, что на набережной церкви, магистръ (7-го курса) Моск. Дух. Академіи и бакалавръ, долгое время былъ ректоромъ Донскаго училища, состоялъ на службѣ 41 годъ. Сконч. 16 Мая 1871. (Моск. Вѣдом. № 106).

Основскій, Ниль Андреевичъ, авторъ охотничьихъ разсказовъ и повѣстей, помѣщенныхъ въ Современникѣ и въ Русскомъ Вѣстникѣ, изъ коихъ особенно удачна повѣсть: Порода хищниковъ (1857) Ум. 2 Юня 1871 въ Москвѣ. (Илл. календарь 1872, некрологъ, стр. 67)

Побѣдинскій-Платоновъ, Іоаннъ Іоанновичъ, священ. Воспитаникъ Виѣанской Семинаріи и Моск. Академіи, въ которой кончилъ курсъ магистромъ

въ 1846 г. былъ преподавателемъ въ Московской Семинаріи, съ 1844 бакалавромъ по церковно-библейской исторіи и Греческому языку, потомъ патрологіи въ Моск. Дух. Академіи до 1852. Въ послѣдствіи служилъ священникомъ церкви священномученика Власія, что въ старой конюшенной въ Москвѣ. Ум. 30 Апр. 1871 г. — Онъ сообщалъ статьи въ Православное Обзорѣніе и былъ ученымъ секретаремъ Моск. общества любителей духовнаго просвѣщенія.

Н. Свящ. *К. Озерова* въ Моск. Епарх. Вѣдомостяхъ 1871, № 21.

Поповъ, Фѣдоръ Дмитріевичъ, протоіерей, законоучитель первой Моск. гимназіи. Онъ былъ магистръ Моск. Дух. Академіи (1850), потомъ наставникъ Орловской семинаріи и около 17 лѣтъ преподавалъ Законъ Божій. Помѣстилъ нѣсколько статей въ Педагогич. сборникѣ. 1871.

Н. С. П. *С—ва*, въ Моск. Епарх. Вѣдомостяхъ 1871, № 34.

Постельсъ. Александръ Филипповичъ, стат. сов. натуралистъ. Р. близъ Дерпта, въ 1801. По окончаніи курса въ 1823, въ Спб. унив-тѣ, онъ былъ оставленъ при немъ въ качествѣ магистра и съ 1826 преподавалъ химію и естеств. науки. Въ 1829—1831 онъ сопровождалъ Литке въ путешествіи вокругъ свѣта и потомъ оставался въ унив-тѣ адюнктомъ минералогіи и геогнозіи до 1836. Съ 1835 онъ былъ инспекторомъ частныхъ школъ и профессоромъ тѣхъ же предметовъ въ Педагогич. Институтѣ (съ 1839) и 25 лѣтъ преподавалъ естеств. науки въ Училищѣ Правовѣдѣнія. Кромѣ того съ 1839 до 1856 былъ директоромъ второй Спб. гимназіи, потомъ членомъ главнаго правленія училищъ.

Ему принадлежитъ третья часть (геогностическая) кругосвѣтнаго путешествія адмирала *Ө. Литке*, изданнаго

въ 1834—1836 годахъ и значительная часть атласа и мореходнаго описанія этого плаванія.

Картина земли. 1846 (руков. физич. географіи).

— Участвовалъ съ Сапожниковымъ и Далемъ въ составленіи Зоологіи (Спб. 1852, съ атласомъ) для военно-уч. заведеній.

— Изображеніе и описаніе морскихъ растений, собранныхъ въ Сѣв. Тихомъ Океанѣ, у береговъ Россійскихъ владѣній, въ Азіи и Америкѣ, въ путешествіи вокругъ свѣта, совершенномъ на военномъ шлюпѣ Сенявинѣ въ 1826—1829 годахъ, подъ командою флота капитана Ѳедора Литке. Изд. А. Постельсъ и Ф. Рупрехтъ. Спб. 1840, folio.

Справочный Словарь Крайя IX, 298 (здѣсь ошибочно показанъ умершимъ въ 1847 г.). — *В. Григорьева*: Спб. Университетъ, Спб. 1870.

Протопоповъ, Дмитрій Степановичъ, сынъ Московскаго протоіерея, р. 11 Іюля 1808, учился въ Перервинской Семинаріи и въ Моск. университетѣ, потомъ долго служилъ въ министерствѣ госуд. имуществъ, управлялъ палатами госуд. имуществъ въ Смоленскѣ и Самарѣ, участвовалъ въ кадастровыхъ работахъ для уравниенія госуд. крестьянъ въ денежныхъ сборахъ и въ составленіи положенія для крестьянъ Ц. Польскаго, кромѣ того во многихъ комиссіяхъ мин-ва. Нѣсколько замѣчательныхъ статей по народному хозяйству помѣщено имъ въ Журналѣ мин. гос. им. и статьи по современнымъ вопросамъ въ газетахъ и Правосл. Обзорѣніи. Ум. 23 Іюля 1871 г.

Дм. Ст. Протопоповъ. Некрологъ, *Я. Гротомъ*. Спб. 1871. 8 16 стр. о постав. Изъ Спб. Вѣдом. № 278).

Пузыревскій, Платонъ Алексѣевичъ, кандидатъ Спб. университета, изучавшій минералогію за границею, по защищеніи въ 1857 г. диссертациі „о

составѣ канкринита“, удостоенъ былъ степени магистра минералогіи и геогнозіи и опредѣленъ былъ доцентомъ этихъ предметовъ въ Спб. университетъ въ 1859. — Диссертациія его pro venio legendi: «Изслѣдованія нѣкоторыхъ Русскихъ апатитовъ», была напечатана въ *Verhandlungen* минералогич. общества, котораго онъ былъ секретаремъ. Ум. 7 Іюня 1871, 40 лѣтъ. Кромѣ нѣсколькихъ статей по минералогіи въ разныхъ изданіяхъ, издалъ *Кобелевы* Таблицы для опредѣленія минераловъ помощію химическихъ изслѣдованій мокрыми и сухими путями, Спб. 1863, и составилъ каталогъ бібліотеки Спб. минералогич. общества. Спб. 1867. — Частью его перевода, частью подъ его редакціею вышли:

— Геологич. картины Котты. 1859 и его же практ. геогнозія, 1862. Очеркъ исторіи земнаго шара, Рос-смеслера 2 ч. 1861—65, и минералогія Канштедта.

— Спб. Университетъ *Григорьева*, ст. 201 и 400 стр. — *Н. Журналъ* Мин. Н. Пр. ч. 157, (1871, № 9), от. IV, стр. 51—53.

Щома, Антоній Ивановичъ, священникъ Виленскаго кафедральнаго собора, съ 1847 по 1850 законоучитель Виленской гимназіи, знатокъ церковныхъ древностей г. Вильны, о коихъ написалъ нѣсколько записокъ и авторъ книги для чтенія въ народныхъ училищахъ, разошедшейся въ 53,000 экземплярахъ. Онъ былъ кандидатъ Моск. Дух. Академіи, (1844 г.). — Ум. 29 Іюля 1871.

Н. Илл. Газета 1871, № 31, стр. 496.

Райковскій, Сергій Андреевичъ. Послѣ курса въ Спб. унив-тѣ служилъ по гражданской службѣ, потомъ въ ополченіи, въ стрѣлковомъ полку и въ ген. штабѣ. Въ 1865 ему поручили собираніе матеріаловъ, относящихся къ управленію западнымъ краемъ и къ

мятежу 1863, но огромный сборник, имъ составленный, остался неизданнымъ. По этимъ матеріаламъ имъ составлено нѣсколько статей, между прочими: Польская молодежь въ мятежѣ 1863, въ Рус. Вѣстникѣ 1869. Съ 1864 по 1868 онъ былъ дѣятельнымъ сотрудникомъ Моск. Вѣдомостей, а въ 1870 помѣстилъ нѣсколько статей о Прусско-французской войнѣ въ газетѣ Голосъ. Ум. 30 Апр. 1871.

Н. Голосъ 1871, № 120.

Рейхель, Алексѣй Казиміровичъ, профессоръ Химической технологии въ Технологич. институтѣ † 27 Апр. 1871 на 38 году.

По окончаніи курса въ Спб. унив-тѣ въ 1856 онъ поступилъ на службу, но вскорѣ, по расположенію къ научной дѣятельности, въ 1858 отправился за границу для изученія химическихъ заводовъ и свои наблюденія описалъ въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ Журналѣ деп-та мануфактуръ и торговли. По возвращеніи онъ былъ назначенъ технологомъ мануфактурнаго совѣта, а въ 1860 помощникомъ инспектора технологич. института, гдѣ съ 1862 былъ профессоромъ и деканомъ. Онъ помѣстилъ нѣсколько статей въ газетѣ Москва и участвовалъ въ трудахъ вольнаго экономич. общества.

Н. Спб. Вѣдом. № 124.

Римскій-Корсаковъ, Воинъ Андреевичъ, контръ-адмиралъ. Изъ дворянъ Малоарханг. уѣзда. Послѣвоспитанія въ морскомъ корпусѣ (1833—1838), служилъ во флотѣ. Въ 1860 онъ былъ назначенъ начальникомъ штаба главнаго командира Кронштадскаго, порта въ 1861 начальникомъ морскаго кадетскаго корпуса и въ этомъ званіи скончался въ Пизѣ 4 Ноября 1871 г.

Онъ совершилъ во время своихъ многочисленныхъ плаваній нѣсколько

гидрографическихъ работъ, оставилъ нѣсколько проектовъ и помѣщалъ статьи по морскому дѣлу въ Морскомъ Сборникѣ (1851—1865), которыя указаны при подробной біографіи его, сообщенной *Д. Мертваю*, въ Морскомъ Сборникѣ, т. 119, (1872, № 3), біогр. очерки 1—37.

Розановъ, Сергѣй Матвѣевичъ, главный ботаникъ Петерб. ботаническаго сада по части растительной біологіи. Умеръ еще молодымъ человѣкомъ въ въ Италіи, куда поѣхалъ лѣчиться, осенью 1871. — Онъ участвовалъ въ изданіи учебника ботаники, по Саксу. Илл. Календарь 1872, некрологъ, стр. 70.

Рышетниковъ, Фѣдоръ Михайловичъ, Пермскій уроженецъ, даровитый описатель крестьянскаго быта, авторъ разсказовъ: Подлиповцы, Глумовы и проч., помѣщенныхъ въ журналахъ Дѣло, Современникъ и Отеч. Записки и Рус. Слово. — Ум. 29 лѣтъ, 6 Марта 1871 (См. Спб. Вѣдом. № 76, фельетонъ).

— Гдѣ лучше? романъ въ 2 ч. Спб. 1869.

— Сочиненія, 2 т. (повѣсти). Спб. 1869.

— Свой хлѣбъ. Романъ, въ 2 ч. Спб. 1871.

Серно-Соловьевичъ, Александръ Константиновичъ, помощникъ попечителя Спб. учебнаго округа; прежде (до 1868) служилъ въ Виленскомъ уч. округѣ. Ум. 8 Февр. 1871 г. 47 лѣтъ. (См. Голосъ № 39 и 41).

Кажется, онъ авторъ Практич. Русской Грамматики для Нѣмцевъ. Изд. 2-е испр., Ревель, 1858. 8°.

Скроботовъ, П. И. докторъ медицины. Сынъ священника, воспитанникъ 3-й Спб. гимназіи и медиц. академіи, въ которой, по окончаніи курса, оставленъ былъ ассистентомъ профессора Китнера. Въ 1868 онъ защищалъ диссертацию о внутрѣнной уретротоміи и, по

сдачѣ имъ экзамена на званіе оператора, былъ посланъ за границу. Академія предполагала избрать его профессоромъ по хирургіи. Усиленные занятія ослабили его здоровье; онъ сконч. 26 Января 1871, на 29 году. Нѣсколько статей его въ медиц. журналахъ.

Н. Голосъ, № 32.

Смарагдовъ, Сергѣй Николаевичъ, кандидатъ Дерптскаго университета (1827—1831), учитель исторіи и географіи при Сиротскомъ институтѣ Гатчинскаго воспит. дома и института корпуса инженеровъ, адъюнктъ - профессоръ Александровскаго Лицея (1840—1853).

— Руководство къ познанію древней исторіи для среднихъ уч. заведеній. Спб. 1840. 8°. — 2-е изд. 1842. — 3-е 1844; 4-е—1845, 5-е—1848; 6-е—1852.

— Рук. къ познанію средней исторіи. Спб. 1841; 2-е 1843; 3-е 1845; 4-е 1847; 5-е совершенно переработанное, 1856.

— Рук. къ познанію новой исторіи. Спб. 1844. 2-е 1846; 3-е 1849; 4-е 1854; 5-е 1864.

— Краткое начертаніе всеобщей исторіи для первонач. училищъ. Спб. 1845. 8° 3-е 1849; 4-е 1850; 5-е—6-е 1855. Польскій переводъ, *Скржининскаго*, вышелъ въ Варшавѣ, въ 1851 г.

— Руководство къ всеобщей исторіи для женскихъ учебныхъ заведеній. Ч. 1-я Древняя Исторія. Спб. 1849. 8° (Польскій переводъ Леона *Рогальскаго*, въ Варшавѣ, 1851).

— Рук. къ средней исторіи для женскихъ уч. заведеній, Спб. 1849. 8°.

— Рук. къ новой исторіи для женскихъ уч. заведеній (Спб. 1853. 8°.

— Нѣмецкія письма объ Англійскомъ воспитаніи, сочин. *Визе*. Перев. Спб. 1858. 8°.

Сокальскій, Николай Петровичъ, уроженецъ Харькова (р. 1834). По окончаніи курса въ Харьк. унив.—тѣ, жилъ съ 1852 г. въ Одессѣ. Съ 1853 участвовалъ онъ въ Одесскомъ Вѣстникѣ и съ 1859 оставался редакторомъ до кончины 16 Мая 1871. (Илл. Газета, т. 28, стр. 367).

Суриковъ, Николай Васильевичъ, одинъ изъ старѣйшихъ Русскихъ литераторовъ, воспитанникъ Моск. благ. пансіона, въ молодости началъ свою литерат. дѣятельность, въ 1814, стихами. Онъ началъ службу въ 1814 въ министерствѣ юстиціи, потомъ (съ 1820) по деп.—ту горныхъ и соляныхъ дѣлъ, въ 1830 управлялъ 1 отдѣл. медиц. деп.—та. Затѣмъ вице-директоромъ деп.—та министерства путей сообщенія при гр. Толѣ, о которомъ рассказываетъ въ своихъ мемуарахъ. Съ 1838 до 1843 былъ губернаторомъ въ Минскѣ. Послѣ того жилъ въ отставкѣ въ Москвѣ, гдѣ домъ его былъ одинъ изъ немногихъ всегда открытыхъ и гостепримныхъ свѣтскому и ученому обществу столицы.—Послѣдніе годы онъ усердно участвовалъ въ чтеніяхъ Моск. Общ. Ист. и Др. гдѣ печатались между прочимъ отрывки изъ его записокъ.—Род. 1796 Ноября 15, въ городѣ Сапожкѣ, ум. въ Моск. 7 Юля 1871 г.

Бумаги его (историч. матеріалы, пеписка, мемуары, неизд. сочиненія) поступили въ Московскій музей (См. статью А. Е. Викторова въ Моск. Вѣдом. 1872, № 107).

— Метроманія, или страсть къ стихотворству, ком. въ 5 д. *Пирона*. Спб. 1820. 8°.

— Сафо, лирич. трагедія въ 3 д. М. 1823. 8°.

— Москва, поэма въ лицахъ и дѣйствіи въ 5 ч. М. 1847. 8°.

— Нѣск. словъ на отзывъ журналовъ о поэмѣ: Москва. М. 1847. 12°.

— Бѣдность и благотворительность, драма въ 5 д. съ куплетами. М. 1847. 8°.

— Воспоминанія о Моск. унив. благор. пансіонѣ. М. 1848 (Изъ Чтеній Общ. Ист. и Др.).

— Комедія безъ свадьбы. Ком. въ 1 д. въ вольныхъ стихахъ. М. 1849. 8°.

— Раутъ, лит. сборникъ, М. 1851. — Раутъ на 1852 годъ. Историч. и литер. сборникъ. М. 1852. Книга третья. М. 1854. 8°.

— Движущіеся столы, пустачокъ въ 1 д. М. 1853. 8°.

— Книга Печалей. Стихотворенія. М. 1855. 12°.

— Моск. университетскій благ. пансіонъ и воспитанники Моск. университета, гимназій его, унив. благ. пансіона и дружескаго общества. Издан. испр. и дополненное. Съ портретомъ А. А. Прокоповича-Антонскаго. М. 1849. 4°.

— Современные вопросы и женихи всѣхъ временъ. Ком. въ 3 д. въ стихахъ. М. 1858. 8°.

— Записки о жизни и времени святаго Филарета, съ фототип. портретомъ. М. 1868. 8°.

— Воспоминанія о митрополитѣ Литовск. и Виленскомъ Іосифѣ, и объ уничтоженіи униі въ Россіи. М. 1869. (Изъ Чтеній).

Н. Календарь на 1872 г. *Гатиука*, стр. 245.—Надгробное Слово Пр. І. Рождественскаго въ Моск. Епарх. Вѣдомостяхъ 1871, № 29.—Рус. Архивъ 1871, стр. 1743.

Съровъ, Александръ Николаевичъ, извѣстный композиторъ и писатель. д. с. сов. Онъ р. въ Петербургѣ 11 янв. 1820 и успѣшно прошелъ курсъ гимназій и училища правовѣдѣнія, изъ котораго поступилъ на службу въ сенатъ, потомъ въ министерство юстиціи. Рано развившаяся способность и охота къ музыкѣ привели его къ теоретическому изученію музыки. Знакомство съ литературою о музыкѣ и соб-

ственные опыты композицій, при развитомъ вкусѣ и серьезномъ взглядѣ, дали ему возможность сдѣлаться однимъ изъ первостепенныхъ нашихъ рецензентовъ, съ весьма строгими требованіями и тонкимъ анализомъ. Его статьи появлялись съ 1851 г. въ Современникѣ и Библиотекѣ для Чтенія, въ Пантеонѣ, въ Сынѣ Отеч. 1856, въ Музыкальномъ и Театральномъ Вѣстникѣ, въ Сѣв. Пчелѣ, въ журналѣ: Искусство, 1-60, гдѣ между прочими его статья о Глинкѣ, въ Рус. Сценѣ: Мхико 1861—1865 и другихъ изданіяхъ. Въ 1867 предпринялъ онъ самъ изданіе журнала: «Музыка и театр», не имѣвшае однако успѣха. Потомъ онъ печаталъ рецензіи на Французскомъ яз. въ Journal de St. Pétersb. Познакомясь съ Вагнеромъ въ близость за границею, онъ сталъ усерднымъ его сторонникомъ и пропагандировалъ идею о «музыкальной драмѣ».

Изъ его композицій особенный успѣхъ имѣли оперы: *Юдифь*, появившаяся въ 1863 и *Ромеда* (1865). Онъ оставилъ еще почти оконченную оперу: *Вражья Сила*.

Несмотря на усердныя заплтія музыкальныя, С. продолжалъ службу по министерству юстиціи, въ 1845—1848 въ Крыму, потомъ во Псковѣ (1848—1849), наконецъ въ С.-Петербургѣ, гдѣ изъ этого министерства перешелъ въ почтамтъ, потомъ въ мин. вн. дѣлъ. Ум. 20 янв. 1871 г.

Н. Голосъ № 21 и 22.

Біогр. очеркъ *И. М.* въ Петерб. Листкѣ 1871, № 33.—Спб. Вѣдом. № 41.—Последніе три часа жизни его *И. Е. С.* въ Голосѣ № 40 (на Франц. въ J. de St. Pé.). — Замѣтка о немъ *Лароша*, Соврем. Лѣтопись, № 6. — A. Séron, par *W. de Tenz*. Journal de St. Pé. 1871, № 205 (личныя воспоминанія о знакомствѣ съ Съровымъ и характеристика). Біогр. очеркъ, *М.* въ журналѣ Русс. Сцена 1865, № 2, стр. 206—215.

Тилгорскій, Николай Яковлевичъ, Малороссъ, ум. 4 фев. 1871.—Онъ напечаталъ много стихотвореній и разсказовъ въ С.-Петербургскихъ журналахъ. Первые повѣсти его появились въ Сынѣ Отеч. 1834, Сѣв. Пчела 1835, Маякъ и проч. Послѣдніе годы печаталъ въ Илл. Газетѣ (съ 1863).

Н. Илл. Газета 1871, № 10, стр. 160.

Тройницкій, Александръ Григорьевичъ, т. с. членъ госуд. совѣта. Онъ былъ редакторомъ Одесскаго Вѣстника съ 1833 по 1857.

— Крѣпостное населеніе въ Россіи по 10-й народной переписи. Спб. 1861. Съ картою.

Тургеневъ, Николай Ивановичъ, публицистъ, одинъ изъ просвѣщенныхъ участниковъ преобразовательнаго періода царствования Александра, авторъ замѣчательныхъ сочиненій: Опытъ теоріи налоговъ и La Russie et les Russes, постоянный поборникъ идеи освобожденія крестьянъ. Сынъ бывшаго директора Моск. унив — та Ивана Петровича Т. Онъ р. въ 1789 г. окт. 11, въ Симбирскѣ; учился въ Москов. унив. пансіонѣ, потомъ въ Геттингенскомъ унив.—тѣ. Въ 1813 онъ былъ прикомандированъ къ извѣстному Штейну, потомъ сопровождалъ Русскую армію за границу и въ 1816 вернулся въ Россію. Послѣ того служилъ въ госуд. совѣтѣ статсъ-секретаремъ. Въ 1819 онъ представилъ Государю записку: «Нѣчто о крѣпостномъ состояніи въ Россіи», въ которой проводилъ мысль о необходимости освобожденія крестьянъ дѣйствіемъ верховной власти.—Въ 1819 онъ вступилъ въ тайное общество, устроенное кн. Трубецкимъ и Муравьевымъ, вскорѣ затѣмъ уѣхалъ за границу, гдѣ былъ и въ 1825 году и гдѣ остался послѣ произнесеннаго надъ нимъ приговора за участіе въ политическомъ заговорѣ, послѣ событій

14 декабря 1825.—Оправданіе его противъ обвиненій слѣдственной комиссіи подробно изложено въ 1-й части книги La Russie et les Russes, остальные части которой посвящены разсмотрѣнію политическаго положенія Россіи и изложенію его проэктѣ государственныхъ реформъ. Онъ жилъ почти постоянно въ Парижѣ, гдѣ купилъ домъ. Въ 1857, 1859 и 1864 онъ пріѣзжалъ въ Россію. Ум. въ окрестностяхъ Парижа (Vert-Bois) 29 Окт. (10 Ноября) 1871 г.

— Опытъ теоріи налоговъ. Спб. 1818 и 2-е изд. 1819. 8°.

— La Russie et les Russes. 3 ч. Paris, 1847 и перепечатка Bruxelles, 1847 8°.—Russland u. die Russen. Grimma, 1847, 3 В.

— La Russie en présence de la crise Européenne. P. 1848.

— Пора! 1858. (Рус. загранич. Сборникъ, т. II, № 3).

— О силѣ и дѣйствиіи рескриптовъ 20 Ноября 1857. (Рус. загранич. Сборникъ II, 2).

— Вопросъ освобожденія и вопросъ управленія крестьянъ. Лейпцигъ 1859. 8°. (Рус. загранич. Сборникъ, ч. III, N I).

— Осудѣ присяжныхъ о судахъ полицейскихъ въ Россіи. 1860. (Рус. загранич. Сборникъ № 1).

— Un dernier mot sur l'émancipation des serfs. 1860.

— О новомъ устройствѣ крестьянъ. 1861. (Рус. загранич. Сборн. V, № 1).

— Взглядъ на дѣла Россіи. 1862. (Тамъ же, V, № 2).

— О разноплеменности населенія въ Русскомъ государствѣ. 1866. (Рус. загранич. Сб. ч. V).

— Отвѣты: I) на IX главу книги графъ Блудовъ и его время Ег. Ковалевскаго, II) на статью Русскаго Инвалида о сей

книгъ. Н. Тургенева. Парижъ 1867. 8^о. (Печ. въ Лейпцигѣ).

— Чего желать для Россіи? 1868.

— О нравственномъ отношеніи Россіи къ Европѣ. 1869.

Н. Голосъ № 306 и 308. — Моск. Вѣд. № 247, примѣчательная панихида, *М. Погодина*. — Рѣчь при погребеніи его, Martin-Raschoud—въ Соврем. Лѣтописи № 46.—Восп. о немъ, *Д. Н. Свербева*, въ Рус. Архивѣ № XI. Некрологъ, *Ив. Тургенева*, въ Вѣстникѣ Европы 1871, т. VI, хроника, 913 — 920.—Въ Письмахъ къ нему А. Ив. Тургенева (Лейпцигъ, 1872) въ началѣ, есть извѣстія до него относящіяся.

Устряловъ, Осдоръ Герасимовичъ, т. с. членъ военнаго совѣта. Уроженецъ Орловской губ., кандидатъ Спб. унив.—та (1825), служилъ въ военномъ министерствѣ. Ум. 14 Марта 1871

— Описание Украины, соч. *Боплана*, пер. съ фр. О. У. Спб. 1832. 8^о съ 6 таблицами.

Кажется, ему же принадлежитъ брошюра: Успиреніе Венгерскаго маджа 1849 г. Спб. 1855. 8^о.

Справочный Энци. Словарь Крайя, X, 677.

Фелькнеръ, Владиміръ Ивановичъ, ген. лейтенантъ, состоявшій при генералъ-инспекторѣ по инженерной части. † 25 Янв. 1871 на 66 году.—Онъ былъ воспитанникъ главнаго инженер. училища, въ которомъ кончилъ курсъ въ 1822 году. Онъ составилъ записки о кампаніяхъ, въ которыхъ участвовалъ, изъ коихъ отрывки были въ Рус. Вѣстникѣ и въ Рус. Старинѣ.

Н. Рус. Инвалиды и Рус. Старина 1871. № 4, стр. 536.

Фрише, Юліи Осдоровичъ (Carl Julius Fritsche) химикъ, т. сов. орд. академикъ, Саксонецъ родомъ, р. 17/2^о Окт. въ Нейштадтѣ, ученикъ Мичерлиха, получилъ степень доктора философіи въ Берлинскомъ унив.—тѣ за Diss. de plantarum polline, 1833.—Въ 1834 онъ поселился въ Россіи, избранъ въ Академію Наукъ адъюнктомъ

въ 1838, былъ съ 1844 экстр. а съ 1852 орд. академикомъ по кафедрѣ химіи и исполнялъ разныя порученія правительства по своему предмету.—Заболѣвъ еще въ 1869 г. онъ сконч. въ Дрезденѣ 8-го Іюня 1871 г.

Его статьи по химіи находятся въ Poggendorf's Annalen и указаны въ Poggendorf's Handwörterbuch zur Geschichte der exacten Wiss. I, p. 808.—Большая часть изслѣдованій и открытій его сообщены въ періодич. изданіяхъ Академіи Наукъ и всѣ нечисленны въ Запискахъ Академіи, т. XX, кн. II, при некрологѣ его, *А. Витбергъ* стр. 191—204.

Чернявскій, Николай Ивановичъ, сотрудникъ Петерб. Листка (1867), авторъ комедіи: Гражданскій Бракъ, Спб. 1867 и 1868. Ум. на 32 году 12 Фев. 1871.

№. Пет. Листокъ 1871, № 34.—Замѣтка отца его на этотъ некрологъ въ Пет. Газетѣ № 26 и отвѣтъ *Худякова* въ Пет. Листкѣ № 39 (Полемика объ участіи Худякова въ неизданной пьесѣ Чернявскаго).

Черняевъ, Василій Матвѣевичъ, воспитанникъ и заслуженный профессоръ Харьк. унив.—та, ботаникъ, 21 Фев. 1871 на 78 году.

Онъ издалъ (но не окончилъ): Конспектъ растеній, дико растущихъ и разводимыхъ въ окрестностяхъ Харькова и въ Украинѣ. Харьк. 1859. 8^о. Здѣсь описаны 17 новыхъ видовъ растеній

Въ многочисленныхъ своихъ экскурсіяхъ онъ собралъ огромный гербарій, который оставилъ Харьк. унив.—ту.

Илл. Календарь 1872, некрологъ, 79.

Шуберскій, Эрнестъ Ивановичъ, Лифляндецъ, инженеръ-генералъ-лейтенантъ; ум. въ Берлинѣ 8 Іюля 1871 года, Онъ получилъ образованіе въ университетахъ Дерптскомъ (1812), Парижскомъ и Геттингенскомъ, и въ послѣднемъ получилъ дипломъ доктора философіи; на службу поступилъ въ

1823 въ корпусъ инженеровъ. Главныя труды его были по устройству шоссе отъ Тулы въ Москву и Орель и новаго оружейнаго завода въ Тулѣ. Въ 1863 г. въ званіи ген.-лейтенанта, онъ назначенъ былъ членомъ совѣта главнаго управленія путей сообщенія и затѣмъ начальникомъ управленія путей сообщенія въ Ц. Польскомъ и въ послѣдніе дни своей жизни написалъ трактатъ, изготвленнй уже къ печати, о нѣкоторыхъ существеннѣйшихъ вопросахъ по эксплуатаціи желѣзныхъ дорогъ.

М. Моск. Вѣдом. 1871, № 161 (Изъ Варшавскаго Дневника).

Шульгинъ, Иванъ Яковлевичъ, д. с. сов. Окончивъ курсъ въ унив-тѣ св. Владиміра, онъ началъ службу учителемъ словесности въ Кіевскомъ округѣ. По Министерству Нар. Просв. онъ прослужилъ 28 лѣтъ въ Кіевскомъ, потомъ въ Виленскомъ уч. округѣ, гдѣ былъ директоромъ гимназіи въ Пинскѣ и наконецъ товарищемъ попечителя округа. Весною 1871 онъ пріѣхалъ въ Москву, вскорѣ заболѣлъ и ум. 3 Мая.

— Душа человѣческая съ ея главными свойствами и способностями. Просто и удобопонятно изложилъ И. Я. Шульгинъ. Каменецъ-Подольскъ. 1858. 8°. и 2-е изд. Вильно, 1859. 12°

Краткая эстетика примѣненная къ словесности. Вильно. 1859. 12°. —

Опытъ системы энциклопедій словесности. Вильно, 1859. 12°.

М. Моск. Вѣдом. 1871 № 96 и 101.

Щилевъ, Романъ Петровичъ, д. с. с. Съ 1828 онъ занималъ мѣсто учителя математики. Съ 1833 въ званіи адъюнкта въ Александровскомъ лицей, изъ котораго вышелъ въ 60-хъ годахъ. Сконч. 1 Фев. 1871.

— Записки начальныхъ основаній Алгебры. Спб. 1838. 8°.

См. Историч. Очеркъ Алекс. Лицея И. Селезнева, стр. 349.

Яновичъ, Алексѣй Анисимовичъ, профессоръ ботаники Новороссійскаго унив-та. Онъ былъ магистръ и доцентъ Кіевскаго унив-та, потомъ профессоръ ботаники въ Казанскомъ, путешествовалъ два года за границу и при основаніи унив-та въ Одессѣ, получилъ кафедру ботаники и степень доктора. Въ 1867 онъ заболѣлъ умственнымъ разстройствомъ, лечился безуспѣшно въ Петербургѣ и сконч. 20 Янв. 1871.

Илл. Газета 1871, № 5, стр. 79.

Дополненіе въ свѣдѣніямъ о писателяхъ и ученыхъ, умершихъ въ 1870 году.

(См. Руск. Архивъ 1872, стр. 1985).

Бартоломеи, Иванъ Алексѣевичъ, генераль-лейтенантъ, археологъ. Род. 23 Ноября 1813, служилъ въ военной службѣ, съ 1850 состоялъ на Кавказѣ. Разныя командировки, участіе въ экспедиціяхъ, военныя дѣйствія въ Малой Азіи въ 1854 году познакомили его съ условіями края и, при знаніи нѣсколькихъ Кавказскихъ нарѣчій, онъ былъ однимъ изъ полезнѣйшихъ дѣятелей въ организаціи Кавказа. Бартоломеи, кромѣ археологіи, владѣлъ разнообразными знаніями, занимался естественными науками; издалъ нѣсколько книгъ на Абхазскомъ языкѣ, составлялъ описаніе Сванетіи, участвовалъ въ трудахъ Кавказскаго отдѣла географич. общества. Но любимое его занятіе была нумизматика, особенно же восточная. Кавказскій отдѣлъ нумизматическаго отдѣленія Эрмитажа образованъ изъ пожертвованныхъ имъ монетъ. Онъ не успѣлъ издать начатой имъ описи своего богатаго собранія. Ум. въ Тифлисѣ $\frac{3}{17}$ Окт. 1870 г.

Къ указаннымъ въ Рус. Архивѣ 1872, стр. 1985 брошюрамъ его слѣдуетъ прибавить:

— Письмо къ Кунику о Ярославль-Сребрѣ. Спб. 1860. 12°.

— О Сельджукидскихъ монетахъ. Спб. 1860. 8°.

— Розысканія о Славяно-Византійскихъ монетахъ. О древности монетъ съ именемъ Владиміра. (Изъ Изв. Арх. Общ.). 1861. 8°.

— Абхазскій Букварь, Тифлисъ 1865. 8°.

— Чеченскій Букварь. Т. 1866. 8°.

Герценъ. Самая подробная и интересная біографическая статья о немъ помѣщена въ журналѣ: *Unser Zeit*, 1872, VIII, № 1, стр. 21—56. Авторъ ея, знавшій Герцена и его сочиненія, Fr. Althaus. См. также воспом. о немъ *Д. Н. Свербеева* въ Рус. Архивѣ 1870, года. Послѣ Герцена изданы посмертныя его сочиненія. Женева 1871. 8°.

Полемиическія статьи о Герценѣ указаны въ книгѣ В. Межова: *Ист. Рус. и всеобщей словесности*, 1872, стр. 322—323.

Джунковский С. С. Его Энциклика переведена была порусски: Пастырское прощальное посланіе бывшаго апостолическаго намѣстника арктическихъ странъ и проч. Съ Франц. М. 1867. 4°. Статья о его возвращеніи въ православіе, протоіерея *Базарова*, въ Спб. Вѣдом. 1866, № 143.

Штакельбергъ, графъ Э. Г. (ст. 2021) Его сборникъ Французскихъ стихотвореній, напечатанный для раздачи знакомымъ: *Sylvie. Fragment du journal d'un voyageur. 1847—1849. Paris, 1870.* 8°. 205 стр.

ИЗЪ БУМАГЪ В. А. ЖУКОВСКАГО

1. Письмо А. И. Тургенева къ В. А. Жуковскому.

Champrosay, 19 Мая (1844)

Прочитай приложенное письмо ко мнѣ Гумбольдта и отвѣтъ мой. Получивъ первое, я лежалъ и страдалъ и даже не могъ всего прочесть, или слишкомъ бѣгло прочелъ начало, потому что не хотѣлъ давать другимъ; а братъ былъ также боленъ, и всѣ въ отсутствіи. Я одинъ, въ припадкѣ, схватилъ перо и, написавъ отвѣтъ, отдалъ на почту — и на другой день порядочно прочелъ письмо Гумбольдта и увидѣлъ, какъ мило и лестно для меня отъи-вался король. Мнѣ на себя очень досадно стало: но уже нечего было дѣ-лать. Я опасался, чтобы, напомнивъ о себѣ испрашиваюлемъ позволенія, какъ слѣдуетъ носить орденъ, не навелъ себѣ новыхъ непріятностей. Законъ о не выдачѣ паспортовъ всѣхъ насъ напугалъ. Разныя слухи и толки живущихъ въ Парижѣ тѣснились въ голо-вѣ моей, и я только и думалъ о томъ, какъ бы заставить забыть о себѣ. Къ сему присоединилось то, что было со мною по случаю дачи ордена Стани-слава * и пр. Все это внушило мнѣ отвѣтъ мой Гумбольдту, и я думалъ, что мастерски поправилъ свой поступокъ комплиментами и изъявленіемъ жела-нія получить въ подарокъ сочиненія Гумбольдта или изданіе короля сочи-неній Фридриха Великаго, о коихъ на-писано въ письмѣ; но теперь вижу, что поступилъ глупо и неучтиво, чему причиной, право, хандра моя. Вижу, что не полученіе ордена, а отказъ онаго

* Тургеневъ не скрывалъ своего неудовольствія, получивъ орденъ Станислава 1-й степени за свои *Monumenta Historica*, тогда какъ уже имѣлъ еще при Александрѣ Павловичѣ орденъ Св. Владиміра на шеѣ. П. К.

можетъ мнѣ повредить въ Петербургѣ (особливо, если припомнятъ бывшее по случаю Станислава). Желаю какъ можно скорѣе все это исправить и прошу тебя, немедленно по приѣздѣ въ Берлинъ, объяснить все это Гумбольдту. Къ счастью я еще не получалъ отвѣта на мое глупое письмо. Во всякомъ случаѣ, скажи ему, чтобъ онъ почиталъ оное какъ — поп avenue *, что я точно королю и ему очень благодаренъ за то и приѣхалъ бы самъ, еслибъ здоровье позволяло; что этотъ отказъ помѣшаетъ мнѣ въ Берлинѣ явиться: стыдно глаза показать. А мнѣ тамъ быть нужно и должно и для тѣлеснаго, и для душевнаго здравія. Естьли можешь, объясни мой поступокъ и королю и возврати мнѣ его благоволеніе. Я съ тобою на его счетъ согласенъ, хотя и желалъ бы, чтобъ онъ не отрекался, подобно императору Александру, отъ первыхъ стремлений своего царствованія. Какъ сожалѣлъ императоръ Александръ, что перемѣнилъ направленіе своихъ первыхъ двухъ или пяти лѣтъ царствованія. Гдѣ была бы теперь Россія, и многіе не были бы тамъ, гдѣ они теперь! А гророс: одна дочь Муравьева умираетъ отъ чахотки, другая отъ сумашествія. Катерина Теодоровна тверда какъ христіанка. Вчера отправилъ ей лекарства, но къ чему?

Пожалуста, исправь мою глупость. Мнѣ это нужно, и вотъ почему. Вѣроятно я проживу до осени въ Германіи. Возвращаться въ Парижъ мнѣ не хочется, и я желалъ бы оставаться до весны 1845 года въ Берлинѣ, если климатъ дозволитъ: тамъ и доктора, и мои душевные врачи, Неандеръ, Шеллингъ. Этотъ отказъ посоритъ меня съ Гумбольдтомъ, а мнѣ бы этого не хотѣлось: мнѣ онъ очень полезенъ и

пріятенъ. Не ловко будетъ жить въ Берлинѣ и не являться ко двору, а какъ являться послѣ отказа! Ничего этого я не обдумалъ прежде, по ты долженъ все исправить.

Все это время я жилъ какъ бы въ забытій всего мірскаго, и ты удивишься, когда изустно услышишь, какіе планы построилъ я себѣ для будущаго въ случаѣ воздоровленія. И отчасти еще и теперь думаю о сихъ планахъ, но для исполненія ихъ нужны ноги, а я и съ костылями едва брожу, и то только поутру съ перваго размаха. Меня объясняетъ, а можетъ быть и извиняетъ немного, мое прошедшее и то, чего я безпрестанно опасаясь издали. Пожалуста, примири меня съ Гумбольдтомъ. Дай почувствовать Гумбольдту или королю, что мнѣ хочется, если климатъ позволитъ, надолго поселиться въ Берлинѣ, укутавшись тамъ въ Библию, подъ ихъ покровомъ, и Неандеровою дружбою. Въ Парижѣ многого недостаетъ для меня: не о хлѣбѣ единомъ живъ будетъ челоуѣкъ. Никому не говори, что Гумбольдтъ пишетъ о Бунзенѣ и поклонись ему отъ меня, если онъ еще не въ Лондонѣ или не въ Іерусалимѣ. Вотъ тебѣ стихи Хомякова.

Пѣвецъ-пастухъ на подвигъ ратный
 Не бралъ ни тяжкаго меча,
 Ни шлема, ни брони булатной,
 Ни латы съ Саулова плеча;
 Но, силой Божьей осѣненный,
 Онъ въ поле бралъ кремень простой,
 И падалъ врагъ иноплеменный,
 Сверкая и гремя броней.
 — И ты, когда на битву съ ложью
 Возстанетъ правда думъ святыхъ,
 Не налагай на правду Божью
 Гнилую тягость латы земныхъ.
 Досиѣхъ Саула — ей окова,
 Ей царскій тягостенъ шлемомъ;
 Ея оружье — Божье слово,
 А Божье слово — Божій громъ.

Ожидаю съ кн. Мещерскимъ много новаго изъ Москвы литературнаго. Поскорѣе отвѣчай мнѣ.

* Не полученное.

II. Письмо А. Гумбольдта къ А. И. Тургеневу.

Monsieur et respectable ami!

Je suis infiniment coupable. Toutes les apparences sont contre moi, cependant j'ai encore l'espoir d'obtenir Votre pardon, monsieur. J'ai pressé, vivement pressé mon neveu mr de Bülow, qui a compris tout ce qu'il y avait de délicat dans Votre manière d'agir. Toutes les semaines on me faisait espérer la fin de la copie, qui forme un énorme volume. Je ne voulais Vous annoncer que la fin de cet interminable travail. Enfin il y a 15 jours la copie a été présentée par moi au Roi, qui à cette occasion s'est de nouveau exprimé sur Vous avec cette chaleur propre à Son caractère, avec cette haute estime, que depuis longtemps il a voué à Votre talent, à Vos travaux historiques, à la belle indépendance de Votre ame. Le Roi pense que, malgré Votre philosophie, Vous ne refuserez pas une marque de Son affection personnelle. Mr de Bulow en a avant-hier l'annonce officielle, que le Roi Vous a destiné, comme un faible gage de Sa reconnaissance, l'ordre de l'Aigle Rouge, seconde classe. Le Roi Vous en enverra les insignes directement. Le h. de Bulow attend cette semaine un courrier. S'il n'arrive pas, il enverra l'original de la précieuse correspondance diplomatique par un courrier expressément destiné pour cela et adressé à mr le comte d'Arnim. Tous les soins seront pris pour qu'il n'y ait aucun danger. J'ai fait entrevoir, combien Vous devez être pressé, voulant repartir pour les eaux. Vous nous devez une visite sur la colline historique où erre une grande ombre. L'Imperatrice arrive le 2—4 Juin; on ignore si ce sera par la Silésie. En

ce cas le Roi irait la prendre. Elle reste à Sans-Souci jusqu'à la fin de Juillet pour retourner dans le Nord. Vous nous trouverez sur la colline jusqu'à la fin Août: terme du départ pour la Prusse républicaine. La sainteté puritaine * arrive de Londres; elle ne va pas à Jérusalem, mais retourne dans le pais de Léopard, agité par le dualisme de la philanthropie, de 10 heures de travail et de l'avarice mercantile. Daignez, je Vous supplie, offrir mes respectueux et affectueux hommages chez m-de la comtesse de Swetschine et au plus noble des convertis.

A. Humboldt.

Benli rce 17 Avril 1844.

ПЕРЕВОДЪ

Любезный и почтенный друг!

Я виноватъ безмѣрно; кажется, все противъ меня, однако надѣюсь получить отъ васъ прощенье. Я торопиль, очень торопиль племянника моего Булова, который совершенно повиль всю деликатность нашихъ поступковъ. Каждую недѣлю обѣщали мнѣ окончить копию, которая составляетъ огромную книгу. Мнѣ хотѣлось увѣдомить васъ объ окончаніи этой нескончаемой работы. Наконецъ, дѣй видѣли тому назадъ, я представилъ копию королю, который при этомъ случаѣ снова выразилъ мнѣ свое о васъ съ горячностью, свойственной его характеру, съ тѣмъ отличимъ уваженіемъ, которое оу давно ощущаетъ къ вашимъ дарованіямъ, вашимъ трудамъ историческимъ и прекрасной независимости души вашей. Король думаетъ, что, не смотря на вашу философію, вы не откажитесь принять знакъ его личной благосклонности. Баронъ фонъ Буловъ получилъ третьяго дни извѣщеніе официальное, что король назначилъ вамъ, какъ слабый знакъ своей признательности, Краснаго Орла втораго клас-

* Буизень, Прусскій историкъ и дипломатъ. И. Б.

са. Король пришлетъ вамъ прямо знаки ордена. На этой недѣлѣ баронъ Бюловъ ожидаетъ курьера; если курьеръ не прійдетъ, то онъ пошлетъ для этого нарочно назначеннаго курьера, съ оригиналами драгоцѣнной дипломатической переписки, адресу на имя графа Арнима. Всѣ старанія будутъ употреблены для избѣжанія всякой опасности. Я далъ понять, что вы должны спѣшить, намѣреваясь опять вернуться на воды. Вы обязаны посѣтить насъ, на историческомъ холму, гдѣ носится великая тѣнь. Императрица прибудетъ сюда 2 - 4 Юни, неизвестно черезъ Силезію ли; въ такомъ случаѣ король поѣдетъ за нею. Она пробудетъ въ С. Суси до конца Юля, до возвращенія своего на Сѣверъ. Вы найдете всѣхъ насъ на холмѣ до самаго конца Августа, до отъѣзда нашего въ республиканскую Пруссію. Пуританское святѣйшество пріѣзжаетъ изъ Лондона; оно не ѣдетъ въ Иерусалимъ, но возвращается въ землю леопарда, волнуясь двойственною филантропію, десятичасовой работы и мелочною скупостью. Прошу васъ передать мое преданное, почтительное уваженіе госпожѣ Свѣчидой и благодарнѣйшему изъ обращенныхъ.

А. Гумбольдтъ.

Берлинъ 17 Апрѣля 1844.

III. Отвѣтъ А. И. Тургенева А. Гумбольдту.

24 Avril. 1844. aris.P

Monsieur et respectable ami!

Je viens de recevoir Votre chere lettre de 17 de ce mois. Je suis profondement touché de tout ce qu'elle contient d'aimable pour moi, et je suis on ne peut plus sensible à la marque de bonté dont S. M. le Roi se propose de m'honorer; mais avec cette confiance, qui est due à un homme que je chéris autant que je

respecte, et à un Souverain qui m'impose la plus vive et la plus sincère reconnaissance, je dois Vous avouer, cher et respectable ami, qu'une pareille preuve de la bonté du Roi, considérant la position où je me trouve, me mettrait dans le plus grand embarras et pourrait à St. Pétersbourg m'attirer des désagrémens d'une nature tout à fait particulière. Je Vous supplie donc, mr. le baron, de vouloir bien employer tous vos efforts pour que la décoration ne me soit pas conférée. Il me serait pénible et presque impossible pour le moment de vous expliquer les raisons qui me forcent de décliner cette haute faveur. Vous pouvez penser, mr le baron, combien il m'est douloureux de pouvoir paraître ainsi ne pas assez apprécier cette bonté qui porte le Roi à reconnaître d'une manière si éclatante la plus faible demonstration d'un dévouement sans bornes. Je conserverai néanmoins pour le reste de ma vie le souvenir de cette auguste bienveillance. Je sens bien tout ce qu'il y a de difficile dans de pareilles explications, et cependant je voudrais pouvoir indiquer un moyen quelconque d'accorder la délicatesse du Roi à mon égard avec ce que vous voulez bien appeler ma philosophie. Un souvenir, de quelque nature qu'il soit, me serait précieux; par exemple: un livre, l'ouvrage d'un savant qui honore l'humanité, son siècle et son pays, le recueil des oeuvres d'un grand roi d'une autre époque etc. Vous voyez que je pense tout haut avec Vous, cher et respectable ami. Il Vous sera facile d'interpréter favorablement auprès de Votre Auguste Souverain mes vœux et mes cruels embarras. Pardon mille fois pardon, de tant d'importunité. Vous êtes si plein de gloire et Vous avez tant de droits à l'im-

mortalité qui a commencée pour Vous, et pourtant Vous ne dédaignerez pas celle qui Vous a été promise par un grand poëte, l'ami de Humboldt:

Der wer auch den geringsten seiner Zeit* genug gethan, der hat gelebt für alle Zeiten.

Veillez, mr. le baron, de ne pas Vous presser de m'envoyer le manuscrit et attendre une occasion ou un courier; car malheureusement ma maladie me retiendra tout le mois de Mai à Paris. Je ne sais pas encore où l'on m'enverra et si je serais en état de faire un voyage en Allemagne. Je le désire de tout mon coeur et principalement pour pouvoir Vous exprimer de vive voix toute ma gratitude, tout mon affection et tout mon respect.

A. T.

Je ne manquerai pas de faire part de votre souvenir à ni-me de Swetschine et peut-être par elle au plus noble des convertis. Si je ne me trompe pas, c'est celui qui est maintenant à St. Archeuil, remplissent les fonctions de marmiton (quasi-cadaver) après avoir dédaigné de donner la liberté à 3000 esclaves, abandonnées aux soins d'un étranger et d'un père décrépit. St. Paul aurait inspiré autrement que St. Ignace.

П Е Р Е В О Д Ъ

24 Апрѣля 1844 г. Парижъ.

Любезный и почтенный другъ!

Сю минуту получилъ ваше письмо отъ 17-го сего мѣсяца. Всѣ любезности, которыми оно для меня наполнено, глубоко меня трогаютъ, и я вполне чувствую милость, которою его величеству угодно почтить меня. Но я обязанъ искрен-

* Говорится, вѣроятно, о Иезуитѣ—отцѣ Гагаринѣ.

П. Б.

нею довѣренностью человѣку, котораго столько-же люблю, сколько и почитаю, государю, который внушаетъ мнѣ живѣйшую благодарность, и я долженъ вамъ, дорогой, почтенный другъ мой, признаться, что подобное доказательство благосклонности короля, при томъ положеніи, въ какомъ нахожусь, поставить меня въ величайшее затрудненіе и въ Петербургѣ можетъ навлечь мнѣ неприятностей совсѣмъ особеннаго рода. И такъ умоляю васъ, любезный баронъ, употребите всѣ старанія, чтобы орденъ этотъ не давали мнѣ. Трудно и почти невозможно изъяснить вамъ причины, побуждающія меня отклонить такую отличную милость. Вы, баронъ, можете постигнуть, какъ мнѣ горестно брать видъ, что не умѣю довольно цѣнить благодать, которая заставляетъ короля такъ щедро награждать слабое изъясненіе безграничной преданности. Во все продолженіе жизни моей сохраняю память этой августѣйшей благосклонности. Чувствую, какъ много затруднительнаго въ подобныхъ объясненіяхъ, а между тѣмъ хотѣлось бы умѣть указать какой-нибудь спосоебъ согласить спусходительную деликатность короля ко мнѣ съ тѣмъ, что вы называете моею философійей. Даръ на память, какого бы рода ни былъ, будетъ мнѣ драгоценнѣе книга напр., твореніе ученаго, приносящее честь вѣку, человечеству и отечеству своему, или собраніе сочиненій великаго короля иной эпохи. Видите, что съ вами и думаю громко, дорогой и почтенный другъ! Вамъ будетъ легко представить благовидно августѣйшему вашему государю желанія мои и жестокое затрудненіе. Простите, тысячу разъ прошу простить мнѣ такую докучливость.— Вы такъ исполнены славой, столько имѣете права на безсмертіе, для васъ уже начавшееся, и однако не пренебрегаете тѣмъ, что обѣщано вамъ великимъ поэтомъ, другомъ Гумбольдта:

«Кто и для малѣйшаго изъ своихъ современниковъ довольно сдѣлалъ, тотъ жилъ для всѣхъ вѣковъ».

Не заботьтесь баронъ скорою выскою рукописи; подождитеоказіи или курьера: болѣзнь мол, по несчастію, удержитъ меня весь мѣсяцъ Май въ Парижѣ. Не знаю еще, куда мени поплотъ и въ состояніи ли буду доѣхать до Германіи. Сердечно этого желаю, больше для того, чтобы выразить вамъ лично всю признательность мою, всю любовь и все мое почтеніе.

А. Т.

Не премину сообщить г-жѣ Свѣчиной ваше объ ней воспоминаніе, и можетъ статья черезъ все благороднѣйшему изъ обращенныхъ. Если не ошибаюсь, то это относится къ тому, кто теперь въ Сентъ-Аршелѣ занимается должностію поваренка (аки трупъ), послѣ того какъ пренебрегъ возможностью дать свободу 3000-мъ рабовъ, оставивъ ихъ на попеченіе иностранца и дряхлаго отца. Святой Павелъ вдохновилъ бы его не такъ, какъ святой Игнатій.

IV. Письмо короля Пруссаго Фридриха Вильгельма IV-го къ А. И. Тургеневу.

J'ai reçu avec une bien vive satisfaction dans le courant de la même année le second volume de Votre grand ouvrage sur les monuments historiques de la Russie et l'importante communication que Vous avez eu l'attention de me faire des dépêches diplomatiques de la légation française à Berlin du tems de la République. L'un et l'autre de ces envois ont eu beaucoup de prix à mes yeux, puisqu'ils répandent un nouveau jour sur les événements si différents par leur nature et si difficiles à saisir dans leurs sources primitives. Le noble désintéressement de Vos procédés, monsieur, m'impose le devoir de Vous témoigner ma reconnaissance d'une manière qui puisse répondre à la délicatesse de Vos sentiments et à l'hono-

rable austérité de Vos principes. Connaisant l'admiration qui Vous anime pour la gloire immortelle du grand Frédéric et Votre goût pour une branche d'histoire moderne, éclairée par Vos savantes investigations, je Vous destine dès que la publication en aura commencé, la grande édition complète des oeuvres de Frederic II, in 4-o, ornée de gravures, édition qui dans ce format n'entrera jamais dans le commerce de la librairie. J'ajoute pour le moment un autre echantillon de la typographie et de la gravure chromatique de ce pays: les monumens et ornemens antiques de Stabia et de Pompei dont les vénérables debris ont fixé Votre attention pendant un long séjour en Italie. Mon envoyé extraordinaire à la cour de France, le comte Arnime sera chargé de Vous remettre en mon nom ces objects, qui dans Votre retraite toute philosophique et vouée à des études sévères vous rappeleront, j'espère, l'estime parfaite de Votre affectionné

Frédéric Guillaume.

11 Juin 1844.

П Е Р Е В О Д Ъ

Господинъ Тургеневъ! Съ великимъ удовольствіемъ получилъ я въ теченіе того же года второй томъ нашего огромнаго труда объ историческихъ памятникахъ Россіи и важное сообщеніе дипломатическихъ депешъ Французскаго посольства въ Берлинѣ, во время Республики. Обѣ эти присылки весьма цѣнны въ глазахъ моихъ, потому что разливаютъ новый свѣтъ на происшествія, различествующія между собою и съ трудомъ уловимыя въ первоначальныхъ источникахъ. Благородное безкорыстіе вашихъ поступковъ обязываетъ меня изъяснить вамъ признательность мою такимъ способомъ, который отвѣчалъ

бы деликатности вашихъ чувствъ и честной строгости правилъ. Зная, какимъ вы проникнуты восторженнымъ удивленіемъ къ безсмертной славѣ великаго Фридриха и вашу любовь къ отдѣлу новѣйшей исторіи, разъясненной вашими учеными разысканіями, я назначилъ для васъ, какъ скоро начнется печатаніемъ, большое изданіе полныхъ сочиненій Фридриха II-го in quarto, украшенное гравюрами; изданіе въ этомъ форматѣ никогда не поступитъ въ продажу. Еще на эту минуту прибавляю обращикъ типографіи и хроматической гравюры нашей страны: памятники древняго украшенія Стабін и Помпен, почтенныя развалины которыхъ привлекли ваше вниманіе во время долгаго пребыванія въ Италіи. Чрезвычайный мой посланникъ при Французскомъ дворѣ, графъ Арнимъ передастъ вамъ отъ моего имени эти предметы; они въ вашемъ философическомъ уединеніи, посвященномъ строгому ученію; надѣюсь, напомнятъ вамъ о совершенномъ уваженіи вамъ благосклоннаго

Фридриха Вильгельма.

11 Юня 1844.

V. Приписка Тургенева, при послыѣ предъидущихъ писемъ.

Не забудь, мой милый другъ, прислать мнѣ письмо къ тебѣ короля. Я не покажу никому; да нельзя ли и отвѣтъ твой, или первое письмо? Можетъ быть, оно послужило бы вдохновеніемъ для моего. Если-бы понѣмецки, то я не ударилъ бы лицомъ въ грязь, а по-французски чувство не такъ сильно выражается. А понѣмецки отвѣчать на Французское письмо значило бы навлекать себѣ такой же отвѣтъ, какой цесаревичъ Константинъ Павловичъ сдѣлалъ тирану-дураку Базилевскому въ Варшавѣ.

— Откуда Вы? — J'arrive de Paris, Monseigneur. — Откуда Вы? — J'arrive de France, Monseigneur. — Экая скотина!

Отвернулся и пошелъ прочь. Et c'est ce qu'il a dit de plus juste dans sa triste vie *.

VI. Еще письмо Тургенева къ Жуковскому.

Champrosay, 21 Мая 1844.

Третьягодня я писалъ къ тебѣ отсюда и послалъ копию съ письма Гумбольдта и съ моего къ нему. Сегодня я получилъ отъ ихъ посланника письмо Гумбольдта, въ коемъ отъ 5-го Мая Гумбольдтъ увѣдомляетъ меня, что король согласился безъ сердца возвратить орденъ, но что онъ уже здѣсь въ Парижѣ у барона Арнима и что о семъ сообщено было и въ орденскую думу; что вмѣсто сего король назначилъ мнѣ въ подарокъ сочиненія Фридриха II, кон даются только принцамъ и немногимъ и древности Цана, при рескриптѣ, когда выдутъ сочиненія Фридриха, что все это отъ меня зависить. Я отвѣчалъ сегодня Гумбольдту, что я писалъ не давать мнѣ орденъ, полагая, что это еще не было сдѣлано и что какъ это уже сдѣлано, то принимаю оный съ глубокою благодарностью. И въ самомъ дѣлѣ, неловко и для нихъ, и для меня; неприятные будутъ толки, когда орденъ, присланный сюда мнѣ, не отдастся. И такъ не говори ни слова о томъ, что я писалъ тебѣ, никому. Если же самъ король будетъ говорить тебѣ, то скажи, что я уже со стороны Петербурга ничего не опасуюсь и сильно чувствую его благорасположеніе; и что мнѣ трудно рѣшиться между орденомъ, съ такимъ чувствомъ даваемымъ и между

* Откуда вы? — Я пріѣхалъ изъ Парижа. ваше высочество? — Откуда вы? — Я пріѣхалъ изъ Франціи, ваше высочество. (Это самое справедливое изъ всего что онъ сказалъ въ теченіи печальной жизни своей).

даромъ сочиненій Фридриха,—и между тѣмъ чувствую, что этого не стою, т. е. и того и другаго. Постараюсь отыскать въ моемъ архивѣ достойное его вниманія, какъ-то: письма Фридриха же или Генриха (принца, брата его) къ Еккатеринѣ II-й.

Но, пожалуста, скажи Гумбольдту, сколько я ему благодаренъ, когда онъ заговоритъ обо мнѣ. Не говори, что получить копию съ писемъ.

И все болѣе также и не могъ ѣхать въ Парижъ. Богъ знаетъ, когда выѣду въ Германію. Хотѣлось бы хоть въ Маѣ. 1 Юня кончина Сережи *!

До тебя дотощусь ли и когда? Не знаю. Сначала я могу остановиться и въ трактирѣ; лишь бы долго жить не одному. Хандра сильная. Напиши короче все что узнаешь.

МЫТИЦЕНСКАЯ ВСТРѢ- ЧА

И Л И

30-го Ноября 1825 года.

30-го Ноября 1825 года будетъ для меня и для всей Москвы день горести, день для всякаго незабвенный. Всѣ жители были приглашены, печатными отъ Московскаго военнаго генераль-губернатора князя Д. В. Голицына объявленіями, явиться въ большой Успенскій соборъ для принесенія присяги новому императору Константину Павловичу. Не смотря на богатыя ризы духовенства, на шитые кафтаны статскихъ чиновниковъ, на золотыя мундиры генералитета, на колокольный звонъ, на безчисленное стеченіе народа покрывавшаго всю площадь и колокольню около собора, не смотря

* См. XIX Вѣкъ, книга 1-я, гдѣ находятся письма Жуковскаго о кончинѣ С. И. Тургенева. П. Б

наконецъ на торжественное празднованіе восшествія новаго государя на престолъ Всероссійскій, вся эта церемонія имѣла нѣчто унылое. Множество особъ изъ всѣхъ сословій плакали, будучи поражены какъ бы громовымъ ударомъ горестною, неожиданною новостію, имѣющею вліяніе не только на всякаго изъ насъ, но даже на всю Европу.

Отслушавъ въ соборѣ съ другомъ ребячества моего Макиеровскимъ обѣдню, молебствіе, молитву съ колѣнопреклоненіемъ, читанную преосвященнымъ Филаретомъ, и вѣтвенное обѣщаніе новому царю, мы заѣхали на минуту къ графу О. В. Растропчину, а потомъ отправились домой.

Какъ ни былъ я смущенъ духомъ и какъ ни слѣшилъ ѣхать къ семейству своему въ подмосковную ¹, не могъ я не сдержать даннаго С. П. Жихареву слова обѣдать у него: тутъ были только онъ съ женою, Ф. А. Юній и я. Мало мы ѣли, много говорили; о чемъ, легко можно догадаться. Мы скорбѣли о потерѣ нашей, предполагали что будетъ впередъ и хотя надежды наши были болѣе утѣшительны, нежели мрачны, мы грустили, ободрялись взаимно, но вмѣстѣ плакали.

Тотчасъ послѣ обѣда поѣхалъ я домой, велѣлъ закладывать кибитку, игралъ съ моимъ Павлушею, коему привили оспу, благословилъ его, поцѣловалъ — шелъ садиться въ повозку, какъ является почталіонъ съ пакетомъ отъ брата ². Я возвращаюсь въ кабинетъ, ра-

¹ Село Смирдино близъ Троицкой Лавры; тамъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, проводилъ лѣтнее время авторъ этой статьи, Московскій почтѣ директоръ, А. Я. Булгаковъ. П. Б.

² Петербургскаго почт. директора Константина Яковлевича Булгакова. П. Б.

спечатаванъ письмо; брату несчастье еще было неизвѣстно, и слова его еще болѣе меня встревожили. Вотъ что онъ писалъ отъ 27 Ноября: «Слава Богу! Фельдъегерь отъ 17-го сей часъ пріѣхалъ. Государю было гораздо лучше, хотя это былъ 13-й день болѣзни. Князь Волконскій пишетъ: *J n' у а ras de comptaision de son état actuel à celui d' hier* ? Богъ услышалъ наши молитвы. Я всю ночь глазъ не сомкнулъ, и отъ слезъ они такъ распухли, что докторъ мой не зналъ, къ чему приписать такую перемѣну. Теперь получилъ я настоящее лекарство. Прощай! Будемъ Бога благодарить!»

Несчастный братъ, думалъ я про себя, ты льстишься еще надеждою, а того, за облегченіе котораго ты Бога благодарилъ, не стало уже! Богъ призвалъ его къ Себѣ. Боже мой! Какъ перенесетъ братъ этотъ ударъ, онъ, который любилъ Государя и по долгу присяги, и по чувству сердца благодарнаго за милости къ своему благодѣтелю. Я написалъ брату нѣсколько строкъ, сѣлъ въ кибитку и поспекалъ къ заставѣ.

До Ростокіна ѣхали мы очень хорошо и скоро. Между тѣмъ стало темнѣе. У этой деревни Егоръ мой, наскуча ѣхать шагомъ за обозомъ, взялъ влѣво, попалъ въ маленькій рукавъ Лузы — ледъ трещалъ; наконецъ лошадь коренная провалилась въ воду, но къ счастью моему въ разстояніи только сажени отъ берега. Тѣхавшіе къ намъ на встрѣчу экипажи, видя это несчастье, остановились; подбѣжало множество людей, лошади и кибитка моя были вытащены на берегъ.

³ Сегодня онъ совсѣмъ не то что вчера.

Незнакомый, вышедшій изъ большихъ покрытыхъ дрожекъ, подошедъ ко мнѣ, спросилъ, откуда я ѣду?— Изъ Москвы.— Позвольте спросить что слышно о Государѣ.— Его не стало!— Боже мой, да вѣрно ли это?— Смѣлъ ли бы я произнести такую вѣсть, ежели бы не была она достоверна. Сегодня въ Успенскомъ соборѣ учинена была уже присяга императору Константину Павловичу.— Гдѣ скончался Государь?— Въ Таганрогѣ.— Какою болѣзнію? Нервическою горячкою.— Котораго числа?— 19-го Ноября въ 10 часовъ утра.— Ахъ! Боже мой, повторилъ нѣсколько разъ незнакомый и побѣждалъ къ четверомѣстной каретѣ, къ свитѣ коей и его дрожки принадлежали. Вдругъ въ каретѣ раздался вопль, рыданія нѣсколькихъ женщинъ. Передъ каретою на дрогахъ везли шесть лошадей гробъ съ тѣломъ умершаго въ деревнѣ своей г. Завылова. Видно, везли въ Москву предать землѣ.

Незнакомый опять ко мнѣ подойдетъ. Позвольте, сказалъ онъ, спросить, родни ли вамъ А. Я. Булгаковъ?— Я самъ тотъ, о коемъ вы спрашиваете.— Извините, я васъ въ колпакѣ и потемкахъ не узналъ; но вы и перемѣнились. А я съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить?— Я Тонъ. Разговоръ опять было завязался, но кибитка была исправлена, лошади заложены, и я распростился съ г. Тономъ (не помню кто это), сказавъ ему: «Радуясь, что моя бѣда была вамъ полезна; ежели бы карета сбилась съ дороги какъ я, то послѣдствія для такого экипажа съ дамами, въ немъ сидящими, были бы гораздо хуже». Чѣмъ похоронить тѣло (привавилъ Тонъ) мы бы его утопили.— Такъ то хоронятъ, думалъ я самъ себѣ, право-

славныхъ христіанъ, умирающихъ въ морѣ на корабляхъ!

Ночь становилась темнѣе, вѣтеръ дулъ со свистомъ, снѣгъ леталъ мимо нашей кибитки густыми облаками и заметалъ дорогу, которую и безъ того дурно было видно. Далеко ли до Мытищъ? — Версты три будетъ, отвѣчалъ Егоръ. Надобно какъ нибудь добраться, а тамъ увидимъ что намъ дѣлать. Спасибо кибиткѣ Ив. Ник. Корсакова: широка, покойна, обита внутри прекрасно, легка, не валка. Наконецъ достигаемъ мы села Большія Мытищи. Я всегда останавливаюсь тутъ въ домѣ здѣшней крестьянки *Гавриловны* ⁴, кормилицы Великаго Книзя Александра Николаевича, у коей половину дома снимаетъ подъ постоянный дворъ сосѣдъ нашъ, Новлянскій деревни крестьянинъ Кузьма, человѣкъ добрый, торговавшій прежде лѣсомъ.

Было близко къ одиннадцати часамъ. Всѣ уже спать ложились. Лпка шевелила дугу, чтобы колокольчикъ звонилъ, но никто не выходилъ. Мы постучались въ нижнее окно. — Кто тутъ? — Мы пріѣхали, отвори ворота, сказалъ я. — Ахъ! Это вы, батюшка Александръ Яковлевичъ, отвѣчалъ Кузьма, узнавъ мой голосъ и отворяя ворота: Экая погода! Ну слава Богу, что вы на мѣстѣ, Я чаю не забыли, не прикажете-ли самоваръ поставить? —

— Дѣло Кузьма, не худо чаемъ согрѣться, пойдемъ, — ка въ избу. — Да куда тебя, батюшка, впустить-то? спросила Марина, жена его: здѣсь внизу твоей милости не хорошо, тутъ и твои люди, и мы всѣ,

да ночуютъ еще человѣкъ пять проходныхъ изъ-за Троицы. — А въ monkъ-то комнатахъ вверху развѣ нельзя? — Ну вѣдь ты знаешь, батюшка, есть двѣ комнаты тепленькія; одна-то порожняя, да на нашу бѣду въ другой-то ночуетъ какой-то, знать, военной! — Ну такъ что же за бѣда? Онъ меня не съѣстъ. — Нѣтъ, батюшка, онъ тебѣ не товарищъ, такой богатырь (на ухо мнѣ): все пьетъ, да пьетъ, рассказываетъ по комнатамъ, да покрикиваетъ, сердится; не можемъ его спать уложить. Знать его что-то мучаетъ. Все твердитъ: вы, дурачье, не знаете, кто я; ложитесь сами спать, а я спать не буду, покуда не засну вѣчнымъ сномъ. А вотъ все эдакъ. — Да онъ пьянъ? Нѣтъ не пьянъ, развѣ будетъ; а говоритъ, что мы не пойдемъ. Онъ твоей милости спать не дастъ.

Слова Марины возбудили мое любопытство. Я велѣлъ готовить самоваръ, а самъ пошелъ на верхъ къ страшному витязю.

Идучи по лѣстницѣ, услышалъ я голосъ громкій, твердившій за стѣною: «Матвѣй, гдѣ мой табакъ?» Я вошелъ въ свою комнату; дверь, отдѣлявшая ее отъ другой ближней комнаты, была растворена. Ишка носилъ вверху мои пожитки; а Кузьма, спѣтившій намъ огаркомъ, сказалъ мнѣ потихоньку: вотъ онъ! Изъ ближней комнаты выходитъ ко мнѣ подлинно богатырь, мужчина вершковъ въ 13, лѣтъ въ 45, съ широкими плечами. Лице его не имѣло ничего благороднаго, напротивъ того изображало что-то солдатское, весьма обыкновенное. Густые волосы были спутаны на головѣ, сѣрые глаза сверкали иной разъ яростію, а иной разъ имѣли нѣчто доброе и даже пріятное; весьма толстыя губы и кой-гдѣ рябины

⁴ Воспѣтая Языковымъ въ неизданныхъ стихахъ:

Жена, которой бѣлы руки
Играли будущимъ Царемъ.

на лицѣ обезображивали его; одежда представляла человѣка совершенно развращеннаго. Онъ не былъ однакоже пьянъ, сохранялъ всю память свою и бодро стоялъ на ногахъ; мундирные панталоны держались кое-какъ пряжкой назадъ стянутою; не было ни помочей, ни жилета, ни галстука; рубашка изъ довольно толстаго холста оставила открытыми широкую грудь и толстую шею; лѣвый рукавъ былъ засученъ до локти.

Кто это еще? вскричалъ сердито богатырь, обращаясь къ Кузьмѣ.—Я скидалъ между тѣмъ съ себя шинель и платокъ около шеи. Увидя звѣзду мою, прежде нежели Кузьма успѣлъ ему отвѣчать, незнакомый сказалъ мнѣ весьма учтиво: Ваше превосходительство, прошу меня извинить: вы меня застали въ распλοхъ; простите, что я представляюсь вамъ въ такомъ видѣ.

— И ничего, сказала я, дѣло дорожное; и я, видите, въ колпакѣ: извините и меня.

— Помилуйте, отвѣчалъ незнакомый, однакоже не гнушайтесь мною (онъ взылъ и надѣлъ поспѣшно шинель, лежавшую на печи): знайте, что я дворянинъ, гвардіи офицеръ; я имѣю деревни, я служилъ Отечеству (ударяя себя кулакомъ по груди) вѣрою и правдою. Меня, прибавилъ онъ, возвыся голосъ, знаетъ Кузьмъ, знаетъ Остерманъ, знаетъ и злодѣй Вандамъ; я былъ подъ Парижемъ. Общество мое для вашего превосходительства не низко, я рожденъ хорошо; но обстоятельства меня погубили, я развратился, поведеніе мое самое мерзкое, но душа чиста!— Мнѣ казалось видѣть предъ собою Шериданова повѣсу въ комедіи Школа Злословія.

— Выпейте со мною, прибавилъ незнакомый; докажите, что вы ко мнѣ мило-

стивы. Я въ васъ имѣю нужду; я всѣ эти дни видѣлъ только мужиковъ. Мнѣ душу надобно отвести. Васъ самъ Богъ мнѣ послалъ. Я васъ видѣлъ уже во снѣ Выпейте со мною рюмку водки!

— Послушайте, отвѣчалъ я очень хладнокровно; я съ роду не пиваль, я отъ двухъ рюмокъ шампанскаго бываю пьянъ; мнѣ пить вредно. Я радъ съ вами бесѣдовать, я люблю рассказы, особливо о военныхъ происшествіяхъ; я буду слушать васъ съ удовольствіемъ, радъ нечаянному съ вами знакомству, готовъ въ чемъ могу вамъ быть полезнымъ; но я вамъ объявляю напередъ, что ежели вы будете меня принуждать пить, я въ ту же минуту или уѣду вовсе отсюда, или перейду ночевать въ другой домъ.

— Ваше превосходительство! Ангель мой! Меня влечетъ къ вамъ не знаю какая сила! Только рюмочку одну!

— Ежели такъ, сказалъ я, взявъ фуражку свою, чтобы идти вонъ.... Но незнакомый не далъ мнѣ договорить. Останьтесь! прибавилъ онъ, останьтесь, простите мою дерзость. Вотъ вамъ мое слово — слово честнаго офицера, что я не буду васъ болѣе беспокоить. (Я бросилъ фуражку на столъ) А мнѣ, спросилъ незнакомый, пить позволяете?

— Я вамъ запрещать не въ правѣ, но ежели вы допьетесь до пьяна, то и бесѣда не будетъ уже такъ пріятна для меня: вы будете все мѣшать: Вандама съ Остерманомъ, а Русскихъ съ Австрійцами.

— Ха! ха! ха! Ну нѣтъ: в. пр-во, какъ бы я пьянъ ни могъ быть, а никогда не перемѣшаю Русскихъ съ Австрійцами; это какъ небо и земля. Знаете ли вы, какъ они напакостили подъ Дрезденомъ?

— Ихъ много было взято въ плѣнъ; да погода была прескверная; нельзя было даже стрѣлять отъ дождя.

— Полноте, ваше превосходительство! Какое солдату дѣло до погоды? Сраженіе не прогулка за городъ. Австрійцы хуже барановъ: и тѣ въ ненастье найдутъ съ поля дорогу домой, а они... да сколько! 30,000 живьемъ отдались Французамъ.

Видя, что онъ подливаетъ себѣ рюмку за рюмкою и желая сдѣлать диверсію, я предложилъ разскацику своему пить со мною чай (самоваръ вносился въ ту минуту). Онъ охотно принялъ предложеніе, спросивъ, есть ли у меня ромъ? Я отвѣчалъ, что есть; велѣлъ убрать его штофъ съ водкою, а маленькую бутылку, гдѣ былъ у меня ромъ, до половины добавилъ я водою, чтобы отнять крѣпость, предвидя напередъ, что богатырь щедро будетъ себѣ наливать, а то черевъсъ всегда будетъ на сторонѣ рома, а не чая.

— Нуженъ ли вашему превосходительству человекъ вашъ?

— Нѣтъ, а что?

— отошлите его спать. Матвѣй, закричалъ онъ, клича своего слугу, который спалъ, проснулся и явился, спрашивая: чего изволите? Ты спалъ, такъ ступай же опять спать. Мы здѣсь станемъ бесѣдовать съ его превосходительствомъ: намъ не надобно никого, а понадобится, позовемъ.

Хотя сей tête à tête и не очень меня веселилъ по могущимъ быть послѣдствіямъ, однакоже я тоже отпустилъ Яшку, не велѣвъ ему однакоже уходить внизъ, потому что постель моя не была еще сдѣлана. — Я надѣлъ халатъ, закурилъ трубку и сѣлъ за чай съ случайнымъ моимъ товарищемъ. Около насъ

все было тихо, только слышенъ былъ свистъ вѣтра.

Незнакомый, выпивъ чашку чаю, долго молчалъ, потомъ вздохнулъ тяжело и сказалъ: У меня тяжело на сердцѣ, не могу себя окуражить. Намѣреніе мое твердо, я оно исполню, исполню непременно. Русское дворянство почтитъ мою память. Что мнѣ смерть? Вотъ что! (плюетъ въ сторону): я ее видѣлъ тысячу разъ передъ собою, никогда ея не боялся. Нечего думать, нечего робѣть!

Примѣтя, что я глядѣлъ на него какъ бы на человека лишеннаго разсудка отъ вина, онъ сказалъ: Мои слова васъ удивляютъ; вы думаете, что я пьянъ; нѣтъ, вы ошибаетесь, я въ полномъ умѣ. Ахъ! Ежели бы вы знали... Вы видите передъ собою человека съ великимъ духомъ. Нельзя, нельзя мнѣ говорить, прибавилъ онъ, ударяя себя по рту двумя пальцами, какъ бы показывая, что должно молчать. Но оставимъ это, я найду и о другомъ чемъ говорить. Вы ѣдете изъ Москвы?

— Точно такъ!

Что слышно о Государѣ нашемъ?—Я не хотѣлъ сказать ему объ общемъ горѣ всѣхъ Русскихъ: разговоръ о такомъ предметѣ могъ бы доставить нѣкоторое утѣшеніе только друзьямъ или людямъ способнымъ раздѣлить между собою горестъ, а потому и отвѣчалъ я просто: Государь изволилъ 4-го числа возвратиться въ Таганрогъ.

— Въ Таганрогъ! повторилъ незнакомый съ досадою. Экъ, куда завели его злодѣи!

— Почему же? Государь пріѣхалъ туда навѣстить Императрицу, вотъ и все!

— А Императрицу за чѣмъ туда повезли? Чтобы привить Крымскую лихорадку? Развѣ Таганрогъ Баденъ, Эмсъ или

Карлсбадъ? Развѣ это Италия? Развѣ вы думаете, что султанъ пожалѣетъ миллионѡвъ, чтобы велѣть Государя тайно увезти отсюда?

— Какой вздоръ!

— Вздоръ? вскричалъ онъ, вставъ съ мѣста и начавъ ходить по комнатѣ. Ваше превосходительство, Россія сильна, у насъ миллионъ войска, этого не было у Наполеона, это колетъ всѣмъ глаза; насъ боятся и ненавидятъ. Англичанинъ, Нѣмецъ, Французъ, всѣ на насъ смотрятъ, какъ на волка. Кто съ Государемъ? Англичанинъ Вилліе, Нѣмецъ Дибичъ! Я не поручусь и за Воронцова: онъ долго былъ во Франціи съ нашими войсками; не набрался ли и онъ Французскаго бунтовщицкаго духа?

— Типунъ вамъ на языкъ! Я Воронцова знаю, какъ себя. Такихъ подданныхъ какъ Воронцовъ у Государя мало.

— Типунъ на языкъ, повторилъ онъ нѣсколько разъ, захохотавши во все горло; ну, виноватъ, виноватъ, ваше превосходительство, простите меня, простите! Я совралъ, но я боюсь, охъ боюсь! Помните мое слово, *быть быдамъ въ Таганрогъ!* Слова сіи столь меня поразили, что я примѣтно смѣшался.

— Ваше превосходительство, вы не хотите быть со мною откровенны, вы гнушаетесь пьяницею, негодяемъ; но мои слова проникли въ вашу душу. Вы себѣ говорите: онъ правъ, не такъ ли?

— Нѣтъ! Ваши слова доказываютъ печеніе о благѣ Государя, но они не имѣютъ никакого основанія, въ нихъ нѣтъ даже толку. Вы бы все это не говорили, ежели бы не выпили лишнее.

— Да выбейте себѣ изъ головы, что я пьянъ: знаете ли, какъ я крѣпокъ? Меня пятью штофами вапить нельзя, а я

и одного не выпилъ. Вся моя вина только въ томъ, что я съ вами, коего вижу въ первый разъ въ мою жизнь, слишкомъ откровененъ. Повѣрьте, что я умѣю молчать. Много знаю я тайнъ... Но я не постигаю, что меня влечетъ къ вамъ! О, я въ полномъ умѣ. Я могу вамъ сказать то, что вы ни отъ одного трезваго въ свѣтѣ не узнаете. Я членъ многихъ обществъ, коихъ и названія вамъ, можетъ быть, неизвѣстны. Я учился, знаю четыре языка, я перевелъ Шатобрианово путешествіе въ Іерусалимъ, Шиллера знаю я наизусть. И я, можетъ быть, игралъ бы роль! Я служилъ съ отличіемъ въ Павловскомъ гренадерскомъ полку; въ артиллеріи меня знаетъ Ермоловъ (охъ, голова это!); онъ раненъ въ ногу разъ, а я въ обѣ ноги картечью.... Хотите видѣть мои рапы? Я вамъ ихъ покажу, когда ляжемъ спать. Я сдѣлалъ всю Французскую кампанію; на высотахъ Монмартра опять былъ раненъ, а тамъ попалъ въ Семеновскій полкъ (тутъ, вздохнувъ крѣпко, вылилъ послѣдній ромъ въ чашку). Ахъ, красавцы! Храбрые Семеновцы! Государева игруппка, Александровы дѣти! За что вы погибли? Насъ смѣли назвать бунтовщиками! Насъ? Такъ мы были страшны врагу; мы львы были на видъ, а въ душѣ овцы. Сдѣлать крѣпость нашими казармами?... Васильчиковъ, генералъ для сраженія, а не для мирнаго времени, не хотѣлъ, а погубилъ насъ. Горе мною овладѣло; я началъ пить, таскаться по дѣвкамъ, я сдѣлался блуднымъ сыномъ; но это еще не конецъ. Увидать конецъ! Ваше превосходительство, простите меня: лицо ваше мнѣ по душѣ. А желаю знать, кто вы?

— Я Александръ Яковлевичъ Булгаковъ.

— Булгаковъ? Позвольте, родня ли вы храброму Сергѣю Алексѣевичу Булгакову, коего сынъ (ахъ, былъ молодчина!) убить подъ (не помню названнаго имъ мѣста) кажется Слонимомъ?

— Нѣтъ, я сынъ Я. И. Булгакова.

— Якъ Ив., который былъ въ Царегородѣ посломъ при Екатеринѣ? Какъ не знать! Да не вы ли были у Каменскаго и Кутузова въ Молдавіи?

— Нѣтъ, это братъ мой родной Константинъ.

— Булгаковъ! дай же мнѣ руку. Не сердись на меня; тыкаютъ и Бога и Государя (въ эту минуту хотѣлъ я снять со свѣчки). Я подаль ему руку, которую онъ съ такою силою началъ жать вмѣстѣ съ щипцами, кои я держалъ, что я едва не закричалъ. Я такой же дворянинъ, какъ и ты, — ты дослужился до генеральства; почему знать, до чего я доживу? И я буду славенъ, можетъ быть.

Признаюсь, что любопытство влекло меня слушать незнакомаго: въ немъ было что-то таинственное; я желалъ болѣе возбудить откровенность его. Спать мнѣ не хотѣлось, читать нечего мнѣ было. Собесѣдникъ мой не былъ пьянъ, но только весель, и я слушалъ его съ нѣкоторымъ удовольствіемъ.

— Я себя прославлю, продолжалъ онъ; теперь не скажешь ты: типунъ тебѣ на языкъ. Эхъ! Ты, Булгаковъ, стоишь за своего Воронцова крѣпко. Ваше превосходительство, вы меня простите, что я тыкаю: ловчѣе какъ-то говорить. Безъ чиновъ слова откровеннѣе какъ-то вылетаютъ изъ души.

— Не только прощаю, но и самъ не буду иначе съ тобою говорить. Какъ зовутъ тебя, любезный товарищъ?

— Имя мое узнаете вы послѣ. Я гвардіи отставной капитанъ и три года живу въ деревнѣ. (Тутъ позвалъ я Яшку убрать чай). Разскащикъ попросилъ табакъ понюхать; Яшка принесъ ему нѣсколько попоекъ * съ низу. Мы остались опять одни. Незнакомый опять очень задумался, посмотрѣлъ на меня пристально и прибавилъ: Скажи Булгаковъ, ты меня погубишь, выдашь?

— За что же погубить тебя? Ты мнѣ не сдѣлалъ никакого зла; да ежели бы и такъ было, не въ моей душѣ мстить никому.

— Былъ ли ты, Булгаковъ, когда нибудь масономъ?

— Никогда.

— Такъ нечего тебѣ и говорить. Да вѣдь иной бываетъ масономъ, не зная того самъ. Иной служитъ орудіемъ высшему, повидимому, начальству; но это люди простые, а ты уменъ; да что въ умѣ? Ты добръ, это лучше ума. Будешь ли ты молчать? Я ввѣрю тебѣ великую тайну.

— Я ее знать не хочу.

— Ну быть такъ; но меня это мучаетъ. 19 числа въ четвергъ я видѣлъ сонъ (слова сіи заставили меня содрогнуться); я видѣлъ, что великое дѣло свершиться должно, что мнѣ откладывать болѣе не должно, что ежели я умру, не надобно, чтобы тайна со мною сокрылась на вѣки, что узнать ее должно черезъ человѣка, которому бы можно повѣрить. Этого человѣка долженъ я встрѣтить нечаянно на дорогѣ. Этотъ человѣкъ—ты, Булгаковъ!

* Въ старину говорилось: *табакъ пить*, что вѣроятно относилось и къ куренью, и къ нюханью; отсюда *попойка* тоже что *поюшка*.
И. Б.

И принужденно засмѣлся.

— Конечно сны пустяки, но со мною сбывается вотъ второй мѣсяць все что я ни вижу во снѣ. Ты, Булгаковъ, долженъ принять мою исповѣдь.

— Что я за попь? Я не попь, а я тотъ человекъ, который объявить послѣ смерти вашей, что вы были жертвою не-воздержанія и вина.

— Не шути, Булгаковъ! Въ другое время я бы разсердился, теперь не до того. Упрекай меня въ порокахъ моихъ, я это заслуживаю; но ежели тайны моей не хочешь знать, то не обращай довѣренности моей въ шутку, въ вздоръ. Станемъ же говорить о другомъ. Онъ становился все задумчивѣе, ходилъ по комнатѣ моей и часто уходилъ въ свою, гдѣ всякій разъ выпивалъ рюмку водки и заѣдалъ яблокомъ.

Меня эта встрѣча начинала уже беспокоить. Всѣ спали, дѣваться не было куда. Мой незнакомый долго очень говорилъ о разныхъ предметахъ, о лицахъ играющихъ роли въ Петербургѣ, въ Москвѣ и въ арміи, о 1812 годѣ (о графѣ Ростопчинѣ сказалъ онъ: «Въ немъ два ума: Русскій и Французскій; одинъ другому вредитъ»), о милиціи 1807 года, о кампаніяхъ 12, 13 и 14-хъ годовъ, о различныхъ обществахъ въ Россіи, особенно о библейскомъ, о дорогахъ, пода-тяхъ и проч. Я все слушалъ, не дѣлая возраженій, или очень рѣдко. Вообще разговоры его представляли страшную смѣсь ума и нелѣпостей, познаній и невѣжества, доброты и разврата, простой набожности и гибельнаго вольнодумства; то видѣлъ я въ немъ полуцѣпнаго гренадера, то ревностнаго патріота. Недостало бы десяти листовъ, чтобы написать все что онъ говорилъ: ибо

говорилъ, почти не переставая, отъ 11 часовъ до трехъ утра.

Вдругъ встаетъ онъ со стула, идетъ къ двери, подставляетъ къ замку ухо и говоритъ: всѣ сняты! Онъ возвращается къ столу и садится возлѣ меня, послѣ чего прибавляетъ:

— Нѣтъ, я не упущу этого случая! Мы теперь одни, никто насъ не слышитъ (я видѣлъ, что нечего было дѣлать, что приходило дѣло къ развязкѣ; я молчалъ и слушалъ, скрѣпясь съ духомъ). Моя тайна меня мучаетъ, продолжалъ онъ; знайте, мой почтенный В., что я посвятилъ себя на великое дѣло; оно требуетъ отваги и осторожности, особенно тайны...

— Какъ же вывѣрите ее незнакомому?

— О ежели бы я не былъ въ тебѣ увѣренъ, я бы тебя убилъ. Я опасности презираю, но долго не могъ я рѣшиться. 19 Ноября меня рѣшило. Этотъ день былъ роковой для злодѣя!

— Что ты хочешь сказать? (Сердце билось у меня сильно).

— Слушайте меня до конца. Я ѣду въ Грузино, чтобы убить графа А. А. Аракчеева.

— Что вы говорите, одумайтесь ради Бога!

— Не время думать, а выиолнять.

— Да графа Аракчеева нѣтъ въ Грузинѣ.

— Развѣ онъ булавка? Я его отыщу, гдѣ бы онъ ни былъ, и убью его. Онъ долженъ быть отъ моей руки. Меня дворянство не подкупило, заговора нѣтъ: я это одинъ захотѣлъ, одинъ исполню и не ядомъ, не ножомъ, а пистолетомъ. У меня есть два Турецкіе пистолета: одинъ для него, а ежели по несчастію не попаду въ него, то другой будетъ для

меня самаго. Я обдумалъ всѣ случаи; но быть можетъ, что оба мы умремъ; невпный можетъ поднасть въ подозрѣніе: тогда твое дѣло его спасти. Замѣтя во мнѣ волненіе, онъ прибавилъ:—Но этому не бывать, я не дамъ промаха; я надѣну мужицкое платье и подойду такъ близко къ нему, какъ я теперь отъ васъ. Я самъ скажу всѣмъ, Государю самому, что злодѣй умеръ отъ руки капитана А... М... Это имя мое, я хочу собою жертвовать для отечества.

Я старался выйти изъ замѣшательства, въ которое приведенъ былъ сею неприятною и неожиданною довѣренностію. Ежели бы графъ Аракчеевъ, прибавилъ и, былъ подлинно злодѣй, онъ давно бы погибъ. Какъ можетъ христіанинъ покушаться на смертоубійство?

— Онъ давно бы и умеръ, но ключница его была ворожея: она не разъ избавляла его отъ смерти. Вы, я чаю, слышали, что её убили? Теперь и ему смерти не миновать. Я для этого избранъ; я это положилъ; а сонъ требуетъ, чтобы я исполнилъ прежде новаго года. На войнѣ умираютъ тысячи, не рѣша ничего, а тутъ я одинъ собою спасу отечество. Аракчеевъ отъ любовницы получилъ даръ приворожить къ себѣ Государя. Надобно избавить и царя отъ этихъ оковъ.

— Полноте вздоръ городить.

— Какъ вздоръ? Ну скажите же мнѣ теперь сами: ангелъ ли Государь нашъ?

— Какое же въ томъ сомнѣніе?

— А Аракчеевъ не извергъ ли, коего всѣ ненавидятъ? Ну какъ бы пользоваться ему милостию и довѣренностію Государя безъ особеннаго дара, дьяволомъ ему сообщаемого? Нечего тутъ говорить. Довольно и думалъ прежде, нежели рѣшиться; я выѣхалъ изъ деревни своей въ субботу, она

25 верстъ только за Троицею, и вотъ четвертые сутки что я ѣду въ Москву. У Троицы, въ Воздвиженскомъ, въ Талицахъ, Братовщинѣ, Пушкинѣ вездѣ я останавливаюсь, пью, укрѣпляю себя, прощаюсь съ жизнію. Всякій страхъ исчезъ отъ меня, я твердъ въ своемъ намѣреніи; будутъ и Н. вспоминать не какъ Римскаго Брута, но какъ Французскую Шарлотту (Корде). Не Россіи только оважу я услугу, но самому Государю. Аракчеевъ хочетъ его погубить военными поселеніями. Знате ли, что предположено изъ всякаго гвардейскаго полка поселить батальонъ? Все дворянство, вся гвардейская молодежь возстанетъ отъ этого. Это уже не Семеновская будетъ исторія. Повѣрьте, что дѣло мое геройское. Стыдно, что никто меня еще не предупредилъ.

— Добро, сказалъ я, видя, что толкованіе всякое было бы не у мѣста. Утро вечера мудренѣе. Одинъ сонъ наставилъ васъ на бѣду, а другой васъ, можетъ быть просвѣтитъ. Давайте-ка спать: меня сонъ клонить.

— Какой сонъ пойдетъ въ голову! Вотъ пять ночей, что я не сплю, развѣ урывками. Теперь стану я пить сколько душѣ угодно. Мнѣ что-то тяжело очень, духъ забираетъ: меня давитъ что-то!

— Мудрено ли, имѣя на совѣсти такой грѣхъ?

— Вы думаете, что меня смерть этого сукина сына Аракчеева беспокоитъ? Ни мало! Мысль эта меня радуетъ. Нѣтъ, меня мучаетъ что-то другое, и самъ не знаю что, но быть несчастію большому. Мнѣ это и сонъ предвѣстилъ.

Мы наконецъ распростились. Я выпроводилъ сосѣда въ его комнату. Дверь была безъ замка и безъ задвижки, отворилась ко мнѣ; я ее притворилъ и за-

городилъ пятью стульями, дабы шумъ ихъ меня разбудилъ, ежели бы сосѣдъ захогѣлъ ночью ко мнѣ придти. Онъ могъ бы легко меня соннаго испугать.

И легъ спать, но не могъ заснуть. Безпокойный мой сосѣдъ то ходилъ, то ворчалъ, говоря одинъ, стучалъ кулакомъ по тонкой перегородкѣ, раздѣлявшей мою постель отъ него. Раза три спрашивалъ: Б., спишь ли ты? Но я не отвѣчалъ, чтобы заставить его думать, что я сплю. Долго тревожилось мое воображеніе разными мыслями. Намѣреніе капитана было принято не съ сегодняшняго дня, это достовѣрно. Говорилъ онъ мнѣ конечно много вздора, но онъ не былъ пьянъ до безмятства, рассуждалъ хладнокровно, а часто и хорошо. Ну, думалъ я себѣ, ежели этотъ фанатикъ исполнитъ свое намѣреніе, не будетъ ли меня мучить совѣсть, что я не открылъ во-время преднамѣреваемое злодѣйство и не помѣшалъ тѣмъ исполненію его? Какъ же за это взятыся, не обвиня человѣка, ко-сго одно лишь, можетъ быть, вино заставляло покушаться на жизнь своего ближняго? И буду виновникомъ несчастія человѣка, погублю его, можетъ быть, преждевременно. Разсужденія сіи не выходили у меня изъ головы. Не питая ни привязанности, ни ненависти къ графу А., я все таки предпочиталъ сохранить ему, ежели могу, жизнь, нежели допустить равнодушно убійцу посягнуть на оную.

Думалъ я тотчасъ сѣсть и, написавъ князю Д. В. Голицыну письмо, отправить въ Москву Яшку для врученія онаго князю въ собственныя руки. Я сочинялъ въ умѣ моемъ письмо, рассказывалъ князю вкратцѣ встрѣчу мою, тайну мнѣ ввѣренную; я боялся только со стороны его огласки. Человѣку свой-

ственно желать рассказывать другимъ все то что необыкновенно, таинственно и что можетъ удивлять или приводить въ ужасъ. Я князя просилъ никому не говорить о томъ что пишу и внушалъ, что всего благоразумнѣе было бы наблюдать издалека за капитаномъ, не давать ему ни малѣйшаго подозрѣнія. Я извѣщалъ князя, что жителство капитана въ Москвѣ на Поварской, въ переулкѣ возлѣ Демидова, въ собственномъ домѣ, что между знакомыми своими называлъ онъ сенатора Муханова и И. Р. Комслева. Ежели онъ подлинно покушается на жизнь гр. А., то тогда долженъ будетъ отправиться въ Петербургъ; въ такомъ случаѣ можно будетъ предупредить секретно графа Милорадовича, дабы и онъ не терялъ изъ виду всякій шагъ капитана, коего надобно будетъ только тогда арестовать, когда онъ вооружась и переодѣвшись, отправится въ Грузино. Тогда нельзя ему будетъ не признаться въ преступномъ своемъ намѣреніи и пр.

Тогда-то, говорилъ я самъ себѣ, вспомнить онъ можетъ быть меня и скажетъ: Ахъ! Б., ты мнѣ измѣнилъ, ты меня предалъ! Сколь мысль сія ни жестока была для меня, но я представлялъ себѣ съ другой стороны смерть человѣка, ко-сго отъ меня зависѣло спасти; не обнаруживъ злодѣйскій умыселъ, я дѣлался нѣкоторымъ образомъ участникомъ онаго. Нѣсколько разъ хотѣлъ вставать, писать, боялся все нескромности князя Д. В. — Думалъ я также написать Жихареву (онъ губернской прокуроръ), но онъ не могъ дѣйствовать одинъ или безъ вѣдома князя: на что же было ввѣрить двумъ лицамъ тайну мою? Хотѣлъ я также, дабы не быть замѣшану въ столь непріят-

номъ дѣлѣ, доставить князю или даже графу А. А. самому безымянное письмо, но тогда не обратили бы они на оное никакого вниманія.

Я колебался между нерѣшимостію, страхомъ, состраданіемъ и обязанностями совѣсти; къ грусти, давившей грудь мою отъ Таганрогской ужасной вѣсти, къ безызвѣстности что происходитъ съ бѣднымъ моимъ братомъ, присовокупилась еще сія несчастная встрѣча на большой дорогѣ.... съ кѣмъ? Съ человѣкомъ, умышлявшимъ преступленіе и дѣлавшимъ меня, при первой въ жизнь свою встрѣчѣ, хранителемъ злодѣйскаго своего намѣренія.

Не знаю, какъ это было, только я заснулъ (можетъ быть отъ усталости) и проснулся въ девять часовъ. Едва я одѣлся, какъ входитъ ко мнѣ сосѣдъ въ мундирномъ сюртукѣ, съ фуражкой въ рукѣ; на немъ былъ чистый галстукъ, волосы прибранны, и не видно было никакихъ слѣдовъ выпитыхъ наканунѣ штофовъ водки. Онъ поклонился мнѣ учтиво (въ комнатѣ не было никого). Я пришелъ, сказалъ онъ, къ в. пр-ву просить извиненія, ежели вчера вышелъ, можетъ быть, изъ благопристойности и не соблюлъ должнаго къ вамъ почтенія.

— Я не имѣю повода быть вамъ недобрымъ. Ваше общество было мнѣ пріятно; и я только одинъ разъ долженъ былъ васъ остановить, когда вы позволили себѣ говорить неправду на счетъ гр. Воронцова.

— Для графа Воронцова и для публики мое мнѣніе весьма ничтожно, отвѣчалъ онъ; но я все-таки жалѣю, что сказалъ вещь для васъ непріятную. Прошу меня простить: я признаю графа добрымъ воиномъ, вѣрнымъ слугою нашего Государя

(тутъ примѣтно было великое смущеніе на лицѣ и даже слеза), и онъ прибавилъ: Вѣрить ли ужасной новости? Мнѣ кормилица сейчасъ сказала, что Государя нашего не стало.

— Это правда! Я несчастіе это знаю съ субботы..

— Гдѣ скончался Государь?

— Въ Таганрогѣ!

— А что говорилъ я в. пр-ву о Таганрогѣ? Вотъ что давило грудь мою! Боже мой! Кто же нашъ Государь?

— Императоръ Константинъ Павловичъ.

Капитанъ задумался и кусалъ ногти.... Потомъ, помолчавъ нѣсколько, прибавилъ: В. пр-во, я вчера очень много вралъ, помню, какъ сонъ, только что я говорилъ, а о чемъ именно, не помню. Все у меня смѣшалось въ головѣ. Я былъ не въ умѣ. Скажите мнѣ, какъ честный человѣкъ, не говорилъ ли я вамъ о какомъ-нибудь вздорномъ намѣреніи, о поѣздѣ куданибудь? Вино что не заставитъ врать!

— Вы мнѣ говорили о службѣ вашей, о походахъ за границу, о многихъ другихъ предметахъ, но о намѣреніяхъ вашихъ не было рѣчи; вы говорили все о прошедшемъ, о будущемъ ни слова.

— Тѣмъ лучше! Все на свѣтѣ отиняется и переищается; сильный дѣлается часто червякомъ въ одну минуту. Цари мрутъ! Не даромъ было мнѣ тяжело на сердцѣ. Я предчувствовалъ великое несчастіе. Дай Богъ Государю царство небесное. Можетъ быть, онъ смертію своею искупляетъ другихъ! Христосъ искупилъ разбойника на крестѣ. Прощайте, в. пр-во. Будьте счастливы и здоровы; я къ вамъ чувствую истинное уваженіе.

Я распростился съ сосѣдомъ и пошелъ садиться въ кибитку. Его Матвѣй меня провожалъ. А вы когда ѣдете? спросилъ я его. Да Богъ знаетъ: я боюсь, чтобы баринъ не запллъ и не остался здѣсь почевать. Ахъ батюшка, дожить ему до чего-нибудь дурнаго!—Я поѣхалъ гораздо покойнѣе. Надобно полагать, что все пережънится. Однакоже сегодняшнія слова богатыря показывали недоумѣніе, равно какъ бы раскаяніе или страхъ, что выѣрилъ тайну свою.

Возлѣ Петровскаго встрѣтилъ и возвращавшагося въ Мосьву Шафонскаго, князева правителя канцеляріи. Я его остановилъ и сообщилъ ему несчастную новость. Онъ очень ею былъ пораженъ. Долго мы говорили на большой дорогѣ, и наконецъ поѣхали всякій въ свою сторону. Когда были мы уже версты двѣ другъ отъ друга, я вспомнилъ о Мытищинскомъ сосѣдѣ и пожалѣлъ, что не рассказалъ Ш. все между имъ и мною случившееся. Онъ могъ бы подъ рукою покарать за нимъ, не говоря ничего князю Д. В. Такъ и быть!

Дома, послѣ перваго горестнаго свиданія съ женою, которая душевно любила Государя и всегда пользовалась ласкою его, и рассказалъ ей свое приключеніе. Ея мнѣніе было оставить все такъ. Теперь, говорила она, Аракчеевъ сдѣлается вѣроятно ничтоженъ, и вся злоба странствующаго этого рыцаря пройдетъ. Странно однакоже все это, странно, что жизнь государя была преисполнена милостей къ гр. А., а теперь и смертію своею оказываетъ ему Государь послѣднее и самое важное благодѣяніе. Но все это такъ удивительно, что и совѣую тебѣ это записать, покуда оно въ свѣжей памяти, но только для одного

твоего брата... А между тѣмъ забудь и имя этого несчастнаго. Я такъ и сдѣлаю.

*

Печатается съ собственноручной тетради А. Я. Булгакова, за сообщеніе которой въ Русскій Архивъ читатели благодарны графу Б. А. Перовскому. Тиранства Аракчеева, въ послѣдніе два мѣсяца царствованія Александра Павловича, превосходили всякую мѣру. По всей дорогѣ отъ Москвы до Петербурга только и было разговору, что о несчастныхъ людяхъ, засѣкаемыхъ по дѣлу объ убіеніи Настасіи, такъ что Николай Павловичъ, еще до вступленія своего на престолъ, счелъ долгомъ распорядиться о прекращеніи неистовствъ Грузинскаго деспота. *И. К.*

М. О. Каменскій у Фридриха II-го въ 1765 году.

Въ 1765 году Михаилъ Федотовичъ Каменскій (будущій фельдмаршалъ, а въ то время полковникъ и командиръ Московскаго пѣхотнаго полка) былъ посланъ въ лагерь подъ Бреславлемъ, въ которомъ король Фридрихъ II, первый тогдашній авторитетъ въ военномъ искусствѣ, собиралъ и обучалъ ежегодно свои войска. Самый этотъ лагерь признавался образцовымъ въ своемъ родѣ, и отчасти въ подражаніе ему въ томъ же 1765 году былъ устроенъ для Русскихъ войскъ лагерь подъ Краснымъ (Сломя¹).

¹ Нѣсколько любопытныхъ свиденій о Красносельскомъ лагерѣ подъ Дудоровымъ и о происходившихъ тамъ маневрахъ, при чемъ одною изъ дѣйствующихъ арій командовала сама императрица, а другою — Петръ Ивановичъ Панинъ, встрѣчается въ Запискахъ Порошина (отдѣльное изданіе, стр. 25, 56, 280—281, 431 и Русскій Архивъ 1869 г., стр. 44—54). Официальное описаніе Красносельскихъ маневровъ было составлено Д. В. Волковымъ и напечатано немедленно по окончаніи ихъ (Зан. Порошина, стр. 322—323). Маленькій великій князь Павелъ Петровичъ присутствовалъ при маневрахъ, и лагерная жизнь произвела на него чрезвычайное впечатлѣніе (Зан. Порошина, 451 и Русскій Архивъ, 1869 г., стр. 56).

Каменскій былъ избранъ для поѣздки къ Фридриху. вѣроятно, потому именно, что считался весьма образованнымъ офицеромъ. Кстати замѣтимъ, что уже тогда онъ пользовался вниманіемъ Великаго князя Павла Петровича (Записки Порошина, стр. 56). Въ Октябрѣ 1765 года Каменскій вернулся изъ своей поѣздки. Подъ 9-мъ Октября этого года въ Запискахъ Порошина читаемъ: «Его превосходительство Никита Ивановичъ (Панинъ) представилъ его высочеству полковника Каменскаго, который вчера съ изъ Бреслава пріѣхалъ. Государь цесаревичъ изволилъ принять его весьма милостиво и спрашивать о ѣздѣ его. Сѣли за столъ. Обѣдали у насъ только Сальдернъ и Каменскій. Его превосходительство Никита Ивановичъ спрашивалъ Каменскаго по большей части о Прусскомъ лагерѣ. Сказывалъ онъ между прочимъ, что движеній было немного; какъ король самъ прискакалъ къ Зейдлицу, который во время маневра упалъ съ лошади, велѣлъ его отвезти въ ближнюю деревню, и послѣ самъ туда ѣздилъ, какъ король перваго своего фаворита. адъютанта Ангальта арестовать велѣлъ за то только, что онъ занялъ деревню, которую занять ему велѣно не было, хотя военное искусство и неотмѣнно представляло занять ее; что его величество о здѣшнемъ лагерѣ всѣ подробности вѣдастъ, и кто какимъ корпусомъ командовалъ, знаетъ; что Петра Ивановича Панина пути бунтовщикомъ называетъ, для того, что онъ на супротивной сторонѣ былъ и проч. О Каменскомъ послѣ заочно сказалъ король Прусскій генералу своему Тауенцину: *C'est un jeune Canadien, qui est pourtant assez policé*». Ангальтъ между прочимъ спрашивалъ у Каменскаго о письмѣ (которое напечатано въ концѣ Богословія отца Платона), писанномъ отъ его высочества къ отцу Платону, самъ ли онъ писалъ сіе письмо. Каменскій сказалъ, что самъ писалъ, и

« Это молодой Канадецъ, однакоже довольно выхощенный ».

Ангальтъ этому удивлялся (стр. 454—455). Недѣлю спустя послѣ этого разговора, 16 Октября, Каменскій поднесъ государю-цесаревичу описаніе Прусскаго лагеря, имъ сочиненное (тамъ же, стр. 464). Это-то описаніе, найденное нами въ одномъ сборникѣ конца XVIII столѣтія, принадлежащемъ академику А. Ф. Бячкову, мы и печатаемъ здѣсь. Въ особенности замѣчательно оно тѣмъ, что вызвало въ современной непечатанной литературѣ возраженіе (хотя и не прямое) противъ того безусловнаго поклоненія Прусской военной системѣ, которое обнаружилъ при этомъ случаѣ М. Ф. Каменскій. Въ 1765 году еще снѣжки были воспоминанія о Прусскихъ военныхъ порядкахъ, которые такъ заботливо вводилъ Петръ III и которые были послѣднимъ отмѣнены его преемницей, и вотъ—анонимный возражатель Каменскому успѣшилъ отразить сдѣланный послѣднимъ намекъ на то «счастливое» время, когда «Россійское войско удостоено было видѣть лице своего Государя послѣ сорока лѣтъ терпѣнія», то есть, на недавнее кратковременное царствованіе Петра III.

Кто былъ анонимъ, возражавшій Каменскому, — мы не знаемъ. Можно однако допустить, что то былъ самъ воспитатель великаго князя, С. А. Порошинъ, по самому своему положенію знавшій о поднесеніи описанія Каменскаго цесаревичу и врагъ военного педантизма, какъ то видно изъ разсужденій его о томъ на стр. 25—27 его Записокъ².

Л. Майковъ.

² Въ концѣ этого возраженія упоминается между прочимъ о предисловіяхъ Лукина. Это намекъ на дѣйствительно пространныя предисловія, которыми тогдашній извѣстный драматическій писатель В. И. Лукинъ имѣлъ обычай снабжать свои произведенія. Этотъ обычай его вызывалъ неоднократно насмѣшки въ тогдашней литературѣ (см. о томъ въ статьѣ о Лукинѣ — А. Н. Пынина при изданіи сочиненій Лукина г. Глазунова, С.-Петербургъ 1868). По свидѣтельству По-

I.

Письмо М. Ф. Каменскаго къ Великому Князю Павлу Петровичу съ описаніемъ Бреславскаго лагеря въ 1765 году.

Государь Великій Князь!

Я себя немало счастливымъ почту, если займу приобщеннымъ при семъ описаніемъ Бреславскаго лагеря нѣсколько времени, остающагося отъ ученія Вашему Императорскому Высочеству. Хотя правнуку Петра Великаго меньше всѣхъ нужны примѣры иностранныхъ государей, однако оно напомнить по крайней мѣрѣ Вашему Императорскому Высочеству недавно прошедшее счастливое время для Россійскаго войска, когда оно удостоено было видѣть лицо своего Государя послѣ сорока лѣтъ терпѣнія. Европа въ невѣдѣніи хотя и гремитъ частыми смотрами Берлинскими, но я зову ее подъ Дудорово, — пусть придетъ, усугубивъ удивленіе, увѣрится собою, видя Монархиню нашу, подверженную той же суровости воздуха, какъ и послѣдній солдатъ ея войска и презирающую всѣ безпокойства въ примѣръ своимъ подданнымъ.

Какъ плоды такимъ смотрамъ всему свѣту извѣстны, то, оставя то, скажу только, что оныя болѣе всего видны нынѣ при Прусской арміи, приведенною почти въ небытіе послѣднею войною; и какъ и во весь лагерь не отлученъ былъ отъ Его Величества короля Прусскаго, то могу представить

рошина, Лукинъ былъ въ литературной враждѣ съ Сумароковымъ, и великій князь, зная о томъ и зная Лукина (который подносилъ ему свои сочиненія) любилъ иногда посердить Сумарокова, заводя рѣчь о его прогнанихъ.

тѣмъ обстоятельнѣе всѣ происходящія движенія при семъ кампаментѣ; а притомъ не могу оставить, чтобъ не упомянуть, что мнѣ казалось при ономъ примѣчанія достойнѣйшимъ: какъ Его Величество, на другой день по вступленіи въ лагерь, при смотрѣ кавалеріи отъѣхалъ напередъ, то отъ кавалеріи генераль-поручикъ Зейдлицъ, на котораго онъ совѣмъ полагался въ сей части войска своего, приготовляя полкъ свой къ атакѣ, упалъ съ лошади; тутъ-то доказалъ Его Величество, сколь горячъ онъ къ тѣмъ подданнымъ, которыхъ знаетъ ревность къ отечеству, потому что, забывъ страхъ и что подвергался такому же несчастію (потому что мѣсто наполнено было ямами и частыми камнями), скакавъ весьма поспѣшно къ нему и видя его почти издыхающаго, приказалъ посадить при себѣ въ коляску. Однако и тутъ, предпочитая пользы службы собственной склонности, велѣлъ отвезти въ деревню, а потомъ продолжалъ смотрѣть, посылая однако осведомляться о здоровіи его почти каждая четверть часа, а послѣ и самъ къ нему ѣздилъ. На противу того, давъ на другой день нѣкоторое число пѣшихъ гусаръ, драгунъ, кирасиръ и всѣхъ сверхкомплектной пѣхоты полковнику Ангальту, велѣлъ ему стать отъ деревни Крамплицъ до деревни Фрогельвицъ; но какъ оный, не выслушавъ, занялъ, сверхъ прежнихъ двухъ деревень, и деревню Кукервицъ. то король, не смотря на всю свою любовь къ нему, того же часа арестовалъ, а прежде сказалъ: „Учитесь лучше исполнять даваемые повелѣнія, чтобъ тѣмъ самымъ потомъ лучше повелѣвать другимъ.“

Таковыми-то разными образами, казалось мнѣ, что возбуждаетъ въ своихъ вопнахъ охоту къ службѣ, а болѣе

еще и того ободряетъ ихъ вольный доступъ всѣмъ офицерамъ не только ко двору, но и къ его особѣ.

Любите и вы, Государь Великій Князь, свое войско, и позвольте представить, что имъ цари и дальнѣйшимъ народомъ повелѣваютъ, а при миролюбивомъ правленіи отечество отъ наслія враговъ освобождаютъ. Какую-бъ помощь, на примѣръ, получила Греція при Маратонѣ отъ всей премудрости философовъ своихъ, вольныхъ и другихъ наукъ и художествъ, еслибъ не было въ ней Милтіада и десяти тысячъ, напоенныхъ его духомъ? И не долженъ ли всякій признаться, что все ихъ знаніе служило только къ сочиненію либо подлукъ пѣсенъ для мягченія своихъ побѣдителей, или къ возстановленію позорныхъ для себя же трофеевъ. Но чтобы сократить, то оставлю тѣмъ такихъ примѣровъ и приобщу обще то, что и славный прадѣдъ вашъ, давая подданнымъ своимъ почти во всемъ примѣръ собою, не погнушался быть солдатомъ, ни матросомъ, а не былъ никогда подъячимъ, ни протоколнстомъ ни одной Коллегіи, ниже Сената.

А представляя все то съ дерзко-подданнѣйшимъ усердіемъ, возьму вольность назваться....

Его Императорскому Высочеству Государю Цесаревичу и Великому Князю Павлу Петровичу. Описаніе лагеря при Бреславлѣ 1765 года.

Какъ всѣмъ полкамъ, въ нижней Шлезіи находящимся, велѣно было собираться къ Лиссѣ, то отъ того произошло, что однимъ надлежало переходить рѣчку Швейдницъ, а другіе шли прямо въ лагерь. Сіе подало случай королю приказать генералу Кро-

кау представить непріятельскій корпусъ изъ его полку и изъ Зиденвадрагунскаго и стать между Лиссою и Гольдшмидтенемъ, стараясь не пропускать его на ту сторону. Самъ же, по собраніи Бреславскаго гарнизона, состоящаго изъ батальона гренадеръ, изъ кирасирскаго Шлабендорфскаго и изъ пѣхотныхъ полковъ Тауенцинова, Штекау и фузелернаго, съ острова взявъ въ авангардъ всего гарнизона пришедшій наканунѣ Тибиновъ полкъ, также и кирасирскій Шлабендорфскій и гусарскій Клейстовъ, выступилъ изъ Бреславля въ четыре часа по утру, а пѣхотѣ велѣлъ идти за собою подъ предводительствомъ генераль-поручика Тауенцина. Какъ для занятія мѣстъ, больныхъ солдатъ и разныхъ ротныхъ и полковыхъ расходовъ положено при всей Прусской арміи по 8-ми человѣкъ сверхкомплектныхъ при всякой ротѣ, то оныя оставлены были при обозѣ своихъ ротъ; а сверхъ того командировано изъ каждаго батальона по пятидесяти человѣкъ для прикрытія же оныхъ. И такъ оныя шли половину дороги за колонною, а потомъ, взявъ влѣво, пошли на Гольдшмидтентъ. Король пришелъ къ Лиссѣ съ авангардомъ, тотчасъ оную занявъ, обѣжавъ почти черезъ всю деревню; но какъ надлежало потомъ дебушировать, то намѣреніе генерала Крокау было препятствовать королю въ выходѣ изъ деревни, атаковать по переходѣ нѣкоторыя части авангарда. Опасаясь онаго, (король) старался какъ можно упредить, передъ деревней поставя почти цѣлый батальонъ, посадилъ за плетнями и за кустами у выходовъ изъ деревни, а другимъ батальонамъ (велѣлъ) протянуться вправо отъ Лиссы, въ ту сторону, гдѣ хотѣлъ занять лагерь. А между тѣмъ кавалерія, построясь въ ущелинахъ между садами,

авансировала на непріятеля и неоднократно повторяла свою атаку подъ защищеніемъ поставленной пѣхоты въ садахъ до самаго того времени, какъ генераль Крокау, увѣдомясь, что и Гольдпимидтенскій мостъ былъ уже занятъ королевскими (потому что поставленные отъ него пятьдесятъ человекъ по приближеніи и по атакѣ ихъ, отъ прикрытія онаго, считая то еще за колонну, ретировались) приказалъ ретироваться всему своему корпусу, опасаясь быть взяту во флангъ или и совсѣмъ отрѣзану. И такъ, весь Бреславскій гарнизонъ и пришедшіе къ нему другіе полки, прошедъ Лиссу, расположились такъ, какъ показано во второмъ планѣ: пѣхота въ передней, а кавалерія во второй линіи. Симъ первый день кончился; сіе представлено въ первомъ планѣ¹.

Сіи движенія привели меня къ размышленіямъ, сколь трудно защищать переходъ рѣки противу отважнаго непріятеля, и сколь опасно дать ему шагъ на своей сторонѣ, также сколь много надлежитъ стараться разбирать качества командира отдѣльнаго корпуса: потому что, еслибъ генераль Крокау не далъ занять деревню Лиссу, тобъ королю почти перейти было не можно, а если и намѣренъ былъ атаковать его при дебуше, то не надлежало оставлять по крайней мѣрѣ столь много мѣста; а въ послѣднихъ, еслибъ и все то проронено было, то и тогдабъ могъ еще онъ обороняться, еслибъ послалъ лучшаго офицера при пятидесяти своихъ человекъхъ. И изъ сего заключилъ, что если удастся во время переправы нападающему переправить въ пѣкоторомъ разстояніи хотя самый

малый корпусъ войска, а особливо на которомъ-нибудь изъ фланговъ, то переходъ почти всегда очищенъ, потому что незапность увеличиваетъ число онаго.

На другой день король былъ намѣренъ видѣть генеральную атаку кавалеріи, вывелъ оную въ 4 часа по утру. въ двухъ колоннахъ повзводно, а потомъ приказалъ взводамъ захватъ. Каждая колонна составила линію, кирасиры и драгуны—первую, а гусары—вторую. Потомъ приказалъ имъ производить атаку по полкамъ, безъ интерваловъ; что они и исполнивъ, построили опять фронтъ въ двѣ линіи, до шестисотъ сажень впереди. Потомъ приказалъ всей кавалеріи маршировать парадомъ передъ собой повзводно. Вся кавалерія и гусары нечувствительно составили одну колонну, которую онъ поворота деплоировалъ въ двѣ линіи.

По окончаніи сего движенія, велѣно было обѣимъ линіямъ вдругъ атаковать: первая линія вся, безъ интерваловъ, а вторая, между тѣмъ построилась въ двѣ колонны, примкнулась—одна часть къ правому, а другая къ лѣвому флангу первой линіи. однако не въ линіи съ ней, но такъ, чтобы прикрывать фланги оной, или, въ случаѣ нужды, взять правый и лѣвый флангъ у непріятеля. Послѣ чего она отпущена въ лагерь.

Въ самое то время, какъ кавалерія деплоировалась, то пѣхота, вышедъ изъ лагера, на двѣ колонны маршировала такъ на самое почти тоже мѣсто, гдѣ стояла прежде кавалерія; а потомъ, по отпускѣ сей послѣдней, обѣ колонны пѣхоты деплоировались, построили со особливою постепенностію одну линію изъ осемнадцати баталіоновъ; а какъ пушекъ при томъ не было, то ихъ мѣста занимали... (не разобрано). Сіи осемнадцать баталіоновъ стрѣляли на

¹ Плановъ при нашей коннѣ ить.

мѣстѣ, потомъ фронтъ дѣлали къ третьей шеренгѣ, стрѣляли на мѣстѣжъ, а потомъ подворотясь, наступали всѣмъ фронтомъ, до тысячи шаговъ, не терявъ линіи, а потомъ такимъ же образомъ отступили; по окончаніи же сего маршировали повзводно передъ королемъ и такъ пошли въ лагерь. Того же дня, послѣ обѣда, велѣно было генераль-маіору Клейсту съ гусарскимъ своимъ полкомъ атаковать кавалерійскіе форпосты, что онъ и учинилъ, раздѣля свою атаку на двѣ части, подъ прикрытіемъ кустарниковъ, однако былъ примѣченъ и пришедшею изъ лагера на помощь кавалеріею отбитъ. И такъ другой день кончился.

Сіе привело меня къ размышленіямъ, сколь нужно приучать офицеровъ къ дистанціямъ по величинѣ ихъ взводовъ и чтобъ оныя ни въ какомъ случаѣ оныя не теряли, потому что скачущей второй линіи кавалеріи никогда въ скакать повзводно было не можно въ разсужденіи отмѣнной скорости атаки, еслибъ особливо къ тому приучены не были; во вторыхъ, атака безъ интерваловъ можетъ употреблена быть только противу пѣхоты, а противу кавалеріи совсѣмъ не годится, потому что если вышедшіе اسکвadroны съ интервалами хоть и прорваны будутъ, но другіе прейдуть сами въ такое неустройство, что всеконечно отъ остальныхъ اسکвadroновъ разбиты будутъ. Атака съ интервалами имѣетъ еще и то преимущество, что линіи скорѣе и порядочнѣе перемѣняются; при деплоядѣ жъ инфантеріи надлежитъ всеконечно ведущимъ ихъ также, сколько можно, наблюдать дистанцію, и какъ оную для осемнадцати баталіоновъ почти въ точности взять не можно, то надлежитъ по крайней мѣрѣ стараться, чтобъ лучше осталось нѣсколько баталіоновъ въ резервѣ, какъ нежели

чтобъ былъ интервалъ между колоннами; оныя жъ резервы дѣлать не изъ баталіоновъ по полутонгамъ или по нѣсколькимъ рядамъ, но лучше дѣльными баталіонами. Что же касается до атаки кавалерійскихъ форпостовъ, то офицеру, командуя оными, невозможно довольно имѣть предосторожности и точно знать, нѣтъ ли кругъ его какихъ низкихъ мѣстъ или кустарниковъ, чрезъ которые бѣ онъ отрѣзанъ быть могъ.

На третій день велѣно стать было полковнику Ангальту по утру въ полчетверти часа со всѣми пѣшими драгунами, кирасирами, гусарами и нѣсколькими взводами пѣхоты отъ Крампница по высотамъ до Фрогельвица, — чтобъ онъ сдѣлалъ, занялъ сверхъ того и деревню Кукервицъ. Король, не осведомясь о его позиціи, прошедъ съ кавалеріею сквозъ лѣсъ, принужденъ былъ черезъ то тянуться съ оною подъ мушкетнымъ выстрѣломъ отъ деревни Крампница до Кукервицъ, а по приближеніи пѣхоты, приказалъ ей атаковать обѣ оныя деревни спереди, а кавалеріи стараться не допускать къ нимъ помощи, скакавъ сзади; принудилъ черезъ то непріятели оставить, во первыхъ, деревню Кукервицъ, а потомъ и Крампницъ, и ретироваться къ Фрогельвицу, расположась отъ онаго по высотамъ. Чтобъ атаковать сію послѣднюю позицію, то король, поставя между Крампницъ и Кукервицомъ четыре баталіона гренадеръ въ двѣ линіи, велѣлъ имъ идти къ Фрогельвицу, принимая все вправо; а самъ со всею остальною пѣхотою тронулся туда же, но такъ, что лѣвый флангъ хотя и сдѣлался больше въ правой сторонѣ, потому что весь фронтъ принималъ все вправо жъ приближаясь къ Фрогельвицу, но не былъ однако ангажированъ; а гренадерскіе два баталіона, на-

ходящіеся на правомъ флангѣ, тотчасъ пусировали атаку, но были отбиты. Кавалерія между тѣмъ стояла позади оныхъ, на правомъ флангѣ, чтобъ прикрыть фланги оныхъ баталіоновъ. По сбитіи первыхъ баталіоновъ, другіе два ихъ пережѣнили, но и тѣ были отбиты. Король, видя, принужденъ былъ наконецъ приказать кавалеріи своей, не смотря ни на какую пальбу, стараться объѣхать Фрогельвицъ и атаковать оной отъ мельницы, что она и сдѣлала, проѣхавъ подъ Фрогельвицемъ на пистолетный выстрѣлъ, а со всей пѣхотой, пропустя остальные два баталіона гранодеръ, подвинулся къ деревнѣ и во оную вошелъ. И такъ непріятель совсѣмъ разбитъ сталъ, послѣ чего весь тотъ корпусъ опущенъ въ лагерь. Сіе показываетъ планъ четвертый. Изъ остальной же пѣхоты составленъ былъ баталіонъ-каре, но такъ, что подъ серединой каждаго баталіона поставлены были по дивизиону, а кавалеріи оной велѣно было атаковать, что она учиня, и была ото всѣхъ сторонъ неоднократно отбита, и вся пѣхота и кавалерія разошлись въ лагерь. И такъ тотъ день кончился.

Я утвердился еще больше симъ днемъ. сколько можно точно знать непріятельскую позицію, потому что при малѣйшей пережѣнѣ иногда почти всю атаку пережѣнить должно, такъ что еслибъ въ атакующемъ корпусѣ извѣстна была позиція Ангальтова, то бѣ онъ оной близко деревни Кукервицъ обходить не долженъ, потому что могъ атаковать оную свободнѣе съ фланга оной, да и не подъ огнемъ обѣихъ деревень; какая атака есть то, что практика намъ наихитрѣйшаго представляетъ, потому что, не рискуя въ случаѣ неудачи почти ничего принуждаешь непріятеля потерять свое мѣсто, такъ что если къ концу атаки можешь приказать

обойти непріятеля хотя самому малому корпусу съ другаго фланга, то онъ ретироваться долженъ. Оная однако тѣмъ еще дѣйствительнѣе не на ровномъ или не закрытомъ положеніи, потому что въ противномъ случаѣ скоро примѣчена и отвращена быть можетъ; какъ и баталіонъ-каре ни въ какомъ иномъ случаѣ не употребляется какъ противу кавалеріи, то я почитаю приобщенный при семъ (планъ) за лучший, потому что выставленные дивизионы фланкируютъ нападающіе اسکвдроны и, тѣмъ приведа въ разстройку, никогда до настоящаго фронта не допустить.

На четвертый день (король), отдѣля генераль-маіора Розена съ пѣшими гусарами, кирасирами и драгунами и сверхкомплектными отъ пѣхоты, также съ однимъ драгунскимъ и гусарскимъ полкомъ, велѣлъ себя атаковать въ занятомъ имъ селѣ. Генераль Розенъ, занявъ большую часть фронта отдѣленными корпусами, авансировалъ такъ лѣвымъ своимъ флангомъ къ Крамплицу, а правымъ подъ закрытіемъ кустовъ хотѣлъ пройти въ лѣсъ сзади. И ему и самымъ дѣломъ удалось было уже перейти находящійся передъ лѣсомъ ровъ, такъ что весь корпусъ королевскій въ флангѣ и сзади взять былъ, но потянувшимися туда баталіонами удержанъ, а между тѣмъ прискакавшею кавалеріею и самъ взять во флангъ, и такъ обратно за тотъ ровъ уйдти принужденъ былъ. Видя сію неудачу, генераль Розенъ хотѣлъ покуситься атаковать съ праваго фланга; и такъ, отступя почти со всѣмъ корпусомъ, приказалъ упражнить непріятеля разными малыми атаками, чтобъ отвратить его атенцію отъ праваго фланга, а между тѣмъ, обошедъ, сколь скоро ему можно было, весь фронтъ, расположилъ атаку свою на

Кукервицъ и Крамплицъ и на одну высоту, находящуюся въ отдаленіи отъ села и занятую двумя баталіонами гранодеръ. По занятіи имъ Крамплица и Кукервица, шелъ онъ прямо къ оной высотѣ, и по долгой перестрѣлкѣ приближась, оную обогнулъ; но король выслалъ тотчасъ другіе два баталіона пѣхоты изъ села, которыми онъ взять во флангъ, и такъ и нѣсколько удержалъ атаку, а между тѣмъ приказалъ кавалеріи своей объѣхать лѣвый флангъ непріятельскій съзади, что она исполнила и, прогнавъ Розену кавалерію, напала наконецъ съзади на его пѣхоту; а король оставя лѣсъ и построясь въ одну линію, авансировалъ непріятеля, черезъ что оный пришелъ въ совершенное замѣшательство и совсѣмъ окруженнымъ сдѣлался. И тѣмъ окончилась движенія не только сего дня, но и всего лагеря.

Я при семъ за нужное считаю объяснить, что всѣ приобщенные здѣсь планы не сняты съ точныхъ ситуациевъ, потому что, за краткостью времени и примѣчанія движеній, оныхъ снять было не можно.

II.

Письмо къ М. Ѳ. Каменскому

отъ неизвѣстнаго.

Милостивый государь, господинъ полковникъ Московскаго пѣхотнаго полку!

Нѣкоторое ваше сочиненіе прочетчи, стократно больше о васъ соболѣзную, нежели вами выхваляемый государь сожалѣлъ о упавшемъ съ лошади своемъ генералѣ; и если бы я одною ногою не хромалъ, я бы конечно васъ навѣстити не преминулъ, чтобъ вамъ пособить нѣсколько въ паденіи ва-

шемъ, котораго хотя вы и не чувствуете однако всѣмъ разумнымъ людямъ оно видно, и честь ваша весьма больно ушиблась; но недостатокъ ногъ исправить перо мое и отдамъ вамъ свое почтеніе. Я не знаю, какъ можно упасть на гладкой дорогѣ, — развѣ только тотъ, кто не имѣетъ осторожности, либо идетъ не при доброй памяти. Статься можетъ, вы писали такое письмо, въ которомъ никакихъ мыслей, никакихъ трудныхъ доказательствъ, ниже замысловъ нѣтъ. Матерія онаго самая ребяческая, и тутъ вы, по оной вашими мыслями странствуя, такъ упали и ушиблись, что не только васъ вылѣчить, но и поднять не легко можно. Чтобъ вы беремились оныхъ, вамъ опасныхъ, гдѣ вы падали, мѣсть, я нѣкоторыя вамъ здѣсь означу. Я бы вамъ описалъ все, но право мнѣ время не дозволяетъ; ибо сколько въ нашемъ приношеніи строкъ, столько мѣсть, по которымъ падая, вашъ разумъ расшибался.

Все ваше письмо таково, что больше всѣхъ имѣетъ ямъ и частыхъ камней, нежели та земля, на которой упалъ съ лошади генералъ Зейдлицъ, потому что мнѣнія ваши часто валялись съ ногъ. Изволите писать, что правнуку великаго государя не нужны примѣры другихъ владѣтелей. Это не правда; всякому государю какъ злые, такъ и добрые примѣры и случаи разныхъ государевъ знать весьма полезно. Знаніе злыхъ примѣровъ сохранить его отъ послѣдованія оныхъ, а добрые поощряютъ онаго къ подобнымъ дѣйствіямъ. Утверждаете, что Европа въ невѣдѣніи гремитъ частыми смотрами Берлинскими: и то похоже на ложь, ибо не во всѣхъ частяхъ Европы смотры Берлинскіе наблюдаются. Но я виновать предъ вами, милостивый государь; я вижу, что вы очень много учи-

лись реторикѣ и употребили *partem pro toto*, то есть часть за цѣлое; сія-то реторическая мысль побудила васъ Европу звать и подъ Дудорово, въ свою палатку. Я думаю, что вы то мѣсто, гдѣ вы стояли, представили себѣ Европою. Пишете, что преполезные Берлинскіе смотры нынѣ больше видны, когда Прусская армія пришла въ небытіе. Чтожъ за пользу вы въ оныхъ примѣтили, когда армія приведена въ небытіе? Изясните мнѣ, что вы разумѣете чрезъ слово „небытіе“? Когда ея нѣтъ, то гдѣжъ бываетъ смотръ? Извольте хвастаться, что вы были безотлучны отъ Его Величества, какъ король лагеремъ стоялъ при Бреславлѣ; ежели ваше достоинство, что вы во оное время были въ лагерѣ, то я васъ за то хвалить великую имѣю причину. Но дозвольте мнѣ приписать похвалу и верховой вашей лошади, которая тамъ же была и вамъ сдѣлала больше пользы, нежели вы другимъ. Ежели вы за то на меня вознегодовать изволите, извольте приписать вину учителю моему, который заразилъ мысли мои циническою философіею, и я противу моей воли и понынѣ помню сіе его мнѣніе, что и звѣри, яко живущая тварь, презрѣнія недостойны, и они часто полезнѣе бываютъ тѣхъ, которыхъ на себя возять. Изволишь насъ обнадеживать своею милостию, что увѣдомишь насъ о томъ, что вы видѣли при ономъ кампантѣ примѣчанія достойнѣйшаго. Большаго вашего удивленія удостоенъ тотъ случай, какъ вы сами пишете, что генераль Зейдлицъ упалъ съ лошади. Мнѣ и самому то чудно, какъ онъ, имѣя тогда шесть ногъ, считая съ лошадиными, могъ упасть. Также утверждаешь, что большая его ревность къ отечеству состояла въ томъ, что онъ упалъ съ лошади. Вотъ ваши слова: „Какъ генераль

Зейдлицъ, приготовляя полкъ свой къ атакѣ, упалъ съ лошади, тутъ-то доказалъ Его Величество, сколь горячъ онъ къ тѣмъ подданнымъ, въ которыхъ узналъ большую ревность къ отечеству; посадя его въ коляску, отослалъ въ деревню“. Теперъ я вамъ скажу вашиимъ штилемъ: тутъ-то ваши разумъ, подскользнувшись, въ прахъ разбился; вы на этой страницѣ столь много намолоть изволили, что и сами тожъ со временемъ будете смѣяться. Пишете, что всякую четверть часа король посылалъ къ нему и самъ ѣздилъ въ деревню и осматривалъ всѣ свои войска; можноть это дѣлать въ одну четверть часа? Признайтесь искренно: я думаю, вы своего письма такъ скоро не сочинили. Дерзаете поучать своего государя, чтобъ любилъ свои войска! Его Высочества милосердія и любви къ намъ мы явные уже давно имѣемъ опыты, и такой учитель Его Высочеству не очень нужень. Чрезмѣрно много пишете, что еслибы не было военныхъ людей, то должно всѣмъ признаться, что пустыя пѣсни философовъ только бы привели въ ослабленіе. Теперъ-то не знаю, что мнѣ о васъ заключить: или что вы отрокъ, не имѣющій ни о чемъ подлиннаго понятія, или что вы трусь. Что философы пустыхъ пѣсень не дѣлали, я думаю о томъ знаютъ всѣ, которые что-нибудь знаютъ. Такое упражненіе весьма противно философіи. Ежели бъ вы, зная, что пѣсни приличествуютъ стихотворчеству, сложили стихотворцевъ дѣло на философовъ, то конечно вы струсили нѣкоторыхъ нашихъ пѣнцовъ, чтобъ портретъ вашего разума своими стихами не описали, изъ чего видно, какое у васъ хорошее сердце и какая надежда на самаго себя.

Что великій нашъ государь Петръ Первый былъ и солдатомъ, и матро-

зомъ—о томъ мы давно знаемъ; искреннѣе вашего коро давно весь свѣтъ о томъ увѣдомило. Что государь не былъ ни подъячимъ, ниже протоколистомъ ни при какой Коллегіи, ниже при Сепатѣ,—я бы былъ радъ, чтобъ вы намъ сіе выраженіе изъяснили, къ чему оно годится; а намъ иного заключить не можно, какъ что вы получаете государя, чтобъ онъ только любилъ военныхъ людей, а не штатскихъ, когда пишете слѣдующее: „Любите и вы, государь, свои войска и помните изволите, что философы не годятся, и что государь былъ солдатомъ, а не протоколистомъ.“ Слѣдовательно, у васъ подъячій, философъ и стихотворецъ — одно и то же. Поищите же мнѣ, государь мой, что ваше правоученіе при васъ осталось, и оно никому, кромѣ васъ, не годится. Великій государь Петръ Первый и его дщерь равно любилъ вѣрныхъ своихъ подданныхъ, и днесъ намъ царствующая монархиня равно всѣмъ вѣрнымъ рабамъ своимъ тѣ же милости оказываетъ, а государь великій князь примѣру своихъ предковъ уже слѣдуетъ. Я бы вамъ сказалъ, что хотя государь Петръ самъ не былъ подъячимъ, ибо ему дѣлать выписки было не кстати, когда онъ повелѣвалъ всѣми, однако послѣдному подъячему больше изволилъ опредѣлить жалованья въ треть, нежели унтеръ-офицерамъ военнымъ, изъ чего видно, чьи труды чьимъ предпочтены были такимъ разумнымъ государемъ. Сказалъ бы я вамъ и то,

что выписки безъ министеріи (то есть, штатской службы), которой политика и воинскими управляетъ, не весьма полезны; по вы разумѣть не будете, а пространно мнѣ изъясняться и вамъ толковать нѣтъ причины и времени, что не только штатскіе чины и служители, но и портные, и башмашники, столько же государству нужны, сколько и войско: ибо пагой и босой солдатъ ничего не годится. То только вамъ скажу, что не знаю, какой вы воинъ, но въ штатскіе не только протоколисты, но и въ подъячіе не годитесь. Всѣ тѣ съ моимъ мнѣніемъ согласятся, кои, прочетши ваше письмо, увидятъ оного слогъ и пресмѣшныя мысли. Не скоро вы у насъ сыщете такого подъячаго, который бы въ трехъ страницахъ столь много пустоши намололъ.

Заключеніе вашего письма смѣшнѣе всего. Пишете, что примете вольность назваться государя своего рабомъ. Можно ли не быть тѣмъ, что вы есть? Вольность принимаютъ чѣмъ-нибудь быть тѣ, кои прежде тѣмъ не были, къ чему, надѣясь на себя, подвигаютъ свои мысли; но что жъ вы, ежели не рабъ своего государя? Нѣтъ, государь мой, вы не вольны, но должны быть по природѣ подданства государю своему рабомъ.

Я бы вамъ совѣтывалъ перестать писать предисловія и такія письма. У насъ уже есть господинъ Лукинъ, который насъ оными смѣшитъ; но вамъ вздумалось и его перещеголять.

Ермоловъ и Паскевичъ.

Съ прибытіемъ на Кавказъ, Паскевичъ, уполномоченный особыми инструкціями, видѣлъ уже въ Ермоловѣ падающаго соперника. Однако на первый разъ они встрѣтились любезно. Но Паскевичъ, конфиденціально снабженный силою, началъ предъявлять претензію начальствующаго, а Ермоловъ, несмотря на гнетущія его обстоятельства, не хотѣлъ смиренно уступить ввѣренную ему власть: явились пререканія между главными начальниками въ самый важный моментъ военнаго времени и мѣстныхъ смуть. Раздражительный, увлекающійся подозрительными впечатлѣніями Паскевичъ видѣлъ около себя во всемъ интригу Ермолова и его близкихъ подчиненныхъ, не желавшихъ съ должною готовностію быть исполнителями его распоряженій. Ермоловъ, находясь еще подъ обаяніемъ своего прежняго достоинства и признанной высокой репутаціи, видѣлъ въ Паскевичѣ случайнаго временщика, желавшаго возвыситься на его счетъ. Это соперничество властвующихъ тяжело отозвалось на подчиненныхъ и въ особенности на войско, и безъ того отягощенное трудами и лишеніями начавшейся кампаніи. Но когда Ермоловъ палъ, восторжествовавшій, благородный по душѣ Паскевичъ созналъ свою несправедливость и, подъ вліяніемъ чрезвычайныхъ военныхъ успѣховъ, къ концу Персидской кампаніи, сдѣлался добръ и милостивъ, обращаясь съ похвалою къ тѣмъ самымъ войскамъ, о которыхъ такъ дурно прежде относился, къ тѣмъ начальникамъ частей, на которыхъ такъ мало сначала полагался.

Въ виду этого, не желая опровергать односторонніе взгляды Паскевича на войско и состояніе дѣлъ, пмъ самимъ послѣ опроверженные, на положеніе края, совершенно не подходящаго по своему свойству и характеру подъ мѣрку тогдашняго строя въ Россіи, я, какъ свидѣтель и частію участникъ тогдашнихъ событій, рѣшаюсь сдѣлать нѣкоторые поясненія на донесенія Паскевича покойному Императору Николаю Павловичу и другимъ правительственнымъ лицамъ (Русская Старина, 1872).

Начнемъ съ вещаго довольствія войска, найденнаго въ такомъ дурномъ видѣ Паскевичемъ. Оно получалось изъ Ставропольской Коммиссіи, куда полковые приѣмщики изъ Закавказья съ пѣшими командами отправлялись въ Сентябрь мѣсяцѣ для полученія аммуниціи на слѣдующій годъ, и часто для пополненія вещей, ис добранныхъ еще, по милости Коммиссіи, за прошлое время; въ полки же возвращались приѣмщики, по причинѣ бездорожья зимою и весною въ горахъ, на арбахъ и больше въюкахъ въ Іюнѣ и Іюль мѣсяцахъ слѣдующаго года, т.-е. полгода спустя послѣ назначеннаго срока для довольствія, когда рубахи и сапоги износились въ прахъ, а мундиры были въ заплатяхъ, да еще нужно было время для ихъ постройки. Ермоловскіе протесты по этому предмету были безсильны въ Петербургѣ: тузы-подрядчики и сытые тогдашніе коммиссіонеры не обращали на нихъ вниманія. Когда Николай Павловичъ во время коронаціи подарилъ, при перемѣнѣ формы, всѣмъ офицерамъ арміи сукна на обмундировку натурою, то пинжурій сіи строки получилъ суено на шуртукъ буквально бу-

раго цвѣта, добротою въ родѣ байки, хотя образчики изъ комиссаріата были высланы порядочные. Съ казенныхъ лосинныхъ фабрикъ лосинныя и юфтяныя вещи отпускались гадкія, и только при Линденѣ и С. П. Шиповѣ въ тридцатыхъ годахъ началось довольствіе войскъ лучше.

Въ самый разгаръ разразившейся Персидской тревоги, аммуничныя вещи только подвозились въ штабъ-квартиры. А между тѣмъ войска, разбросанныя въ мелкихъ командахъ, съ работъ и разныхъ постовъ и укрѣпленій, на-легкѣ, въ чемъ понало, стремглавъ спѣшили къ извѣстнымъ пунктамъ; въ виду грозящей опасности, не только вещами, но и деньгами, некогда было ихъ удовлетворить по милости запоздалыхъ отпусковъ изъ комиссіи. Вотъ и причина найденнаго Паскевичемъ жалкаго состоянія войскъ при ихъ осмотрѣ во время похода, и Ермоловъ тутъ былъ не виноватъ. Точно также и при Паскевичѣ мы возвратились изъ Персіи въ дырахъ и въ заплахахъ, не только солдаты, но и офицеры, измѣрившіе въ теченіе года своими шагами каменистыя, безпріютныя пустыни Персіи. Кавказскому войску въ то время на роду было написано ходить въ лохмотьяхъ, — кунитъ негдѣ, а одежда на работахъ и въ походѣ по каменнымъ дебрямъ и лѣснымъ густымъ чащамъ рѣшительно горѣла на людяхъ и не выслуживала срока.

Теперь обратимся къ фронтовой части. Кавказскіе солдаты, какъ при Ермоловѣ (чего, тогда не знали въ Петербургѣ), такъ и при Паскевичѣ и послѣ (что уже знали хорошо) были только мастера на

марши, но не маршировку, и фронтовая эзерциція при Паскевичѣ нисколько не подвинулась, да и некогда было подвигаться въ постоянныхъ походахъ. На парадахъ при занятіи Тавриса и послѣ штурма Ахалцыха, солдаты въ шинеляхъ, офицеры въ сюртукахъ (хотя самъ Паскевичъ и генералы были въ мундирахъ) проходили мимо его колоннами, шагомъ и стромъ Ермоловскихъ временъ и получали искреннюю благодарностъ. Со взятія Еривани и перехода за Араксъ, Паскевичъ изъ брюзгливаго молочно-выскаельскаго начальника превратился въ добраго, заботливаго; онъ уже не говорилъ солдатамъ: «что они такъ дуры, что ему стыдно показать ихъ непріятелю.» И послѣ Ахалцыхскаго штурма тѣмъ же самымъ солдатамъ, щедро имъ награжденнымъ, онъ сказалъ въ приказѣ, «что въ продолженіи 22 лѣтней своей боевой службы онъ не видалъ храбрѣе, усерднѣе и терпѣливѣе въ трудахъ Кавказскаго солдата». Дибичъ, при осмотрѣ войска, показалъ болѣе безпристрастія и справедливости; онъ даже съ похвалою отзывался объ офицерахъ и отдавалъ должную цѣну соблюденію строгой дисциплины войска, которое, хотя не отличалось безплодными тонкостями тогдашней шагистики и парадныхъ построеній, но было на столько обучено, что знало свое солдатское дѣло хорошо, какъ показали результаты Персидской и Турецкой кампаній. Если нѣкоторые батальоны не умѣли построиться въ каре, какъ доносилъ Паскевичъ, то такихъ было два-три разбитые по постами и укрѣпленіямъ поротно и даже менѣе, постоянно конвоировавшіе *оказіи* и не сходявшіеся въ баталіонный составъ по нѣсколькимъ лѣтамъ; тогда линейныхъ батальоновъ еще не

было. Въмѣстѣ съ боевыми подвигами, солдаты этотъ былъ чернорабочій человѣкъ при созиданіи громаднѣхъ построекъ, очень дешево обходившихся казнѣ, такъ какъ солдаты получали только по 5 коп. въ день и то не вездѣ: ибо штабъ-квартиры и казармы строились безденежно, а офицеры жили на собственный счетъ. А когда Грузинскій гренадерскій полкъ, при новомъ составѣ гренадерской бригады, переведенъ былъ на квартиры въ г. Гори въ 1834 году, то онъ свою штабъ-квартиру, выстроенную имъ безо всякихъ пособій на урочищѣ Мухровани, т. е. на пустомъ мѣстѣ, долженъ былъ передать въ артиллерійскую бригаду безденежно.

Но предъ началомъ Персидской войны было въ модѣ и какимъ-то расчетомъ бросать грязью въ этого отчужденнаго отъ родины, пзнававшаго въ скуеѣ и лишеніяхъ первоначальнаго подвижника Русской военной славы на Кавказѣ. Для характеристики того времени позволимъ себѣ сдѣлать выдержки изъ *Кавказской Старины*, гдѣ говоритъ старикъ про бывшее слишкомъ за сорокъ лѣтъ*.

«Хорошій начальникъ съ подчиненными, Ермоловъ былъ неуступчивъ и шероховатъ въ сношеніяхъ съ вышними сановниками, рѣзко писалъ и говорилъ имъ свои убѣжденія, шедшія нерѣдко въ разрѣзъ съ Петербургскими взглядами; сарказмы его, на которые онъ

былъ большой мастеръ, говоренные всегда во всеуслышаніе, задѣвали за-живое сильныхъ міра сего. За Семеновскую исторію онъ бранилъ Васильчикова, давшаго ей такой печальный исходъ; про одно важное лице, Метгерниковскую крестатуру, онъ разъ по одному случаю написалъ въ Петербургъ: Только врагъ отечества могъ присовѣтывать такую мѣру (будто не зналъ виновника этой мѣры).»

«Но обстоятельства вдругъ неожиданно перемѣнились, и надъ неуязвимымъ до того Ермоловымъ начала собираться грозная туча. Стало укореняться мнѣніе, что Ермоловская слава, въ которую тогда вѣровали, только славны бубны за горами, что въ управленіи его много прозвона, министерскихъ предписаній или предложеній рѣдко слушается, па составляемые въ Петербургѣ проекты по Кавказу пишетъ рѣзкія возраженія; а военные его подвиги — сущій вздоръ: съ нестройною толпою полудикихъ горцевъ всегда можно справиться! Въ доказательство приводили, что онъ окружилъ себя слѣпо преданными людьми, какъ въ гражданскомъ, такъ и военномъ управленіи, которые трубятъ про его славу и дѣлаютъ между тѣмъ большія злоупотребленія».

«Въ это время, въ началѣ 1826 года, пріѣхалъ изъ Петербурга офицерикъ для выбора людей изъ полковъ въ гвардію. Вскормленный на магистикѣ и тонкой выправкѣ вахтнарадовъ, офицерикъ этотъ приходилъ въ ужасъ и негодованіе отъ Тифлисскихъ разводовъ и вслѣдствіе того сочинилъ каррикатуру на Кавказскаго солдата; она имѣла такой ходъ, что была получена Ермоловымъ

* Разсказъ старика *Изъ Кавказской Старины*, обнимающій разные эпизоды съ Персидской войны до барона Розепа включительно, ждетъ очереди или случая къ изданію.
В. А.

изъ Петербурга въ кувертѣ за казенною печатью отъ неизвѣстнаго лица. Карриатура изображала солдата въ изодранномъ мундирѣ на распашку, въ синихъ холщевыхъ шароварахъ, запрятаннхъ въ сапоги, въ Черкесскомъ папахѣ на головѣ; на боку висѣлъ маленький котелокъ, и вмѣсто манеры болталась травянка (въ жары хорошо сохраняющая воду, изъ породы тыквъ).

«Позвольте, при этомъ съ жаромъ воскликнуть старикъ, перенестись на 25 лѣтъ впередъ отъ того времени. Въ 1850 году зашелъ я въ Академію Художествъ посмотрѣть на выставку картинъ; вдругъ, на шпигрѣ въ видномъ мѣстѣ вижу писанную акварелью картину, почти снимокъ съ пресловутой карриатуры, но уже въ типичномъ хорошемъ смыслѣ: изображался солдатъ въ мундирѣ на распашку, въ знакомыхъ синихъ шароварахъ, запрятаннхъ въ сапоги, безъ галстука; съ боку на тесакѣ маленький котелокъ, возлѣ травянка и огниво съ трубкою висѣли на ремнѣ. Фонъ картины представлялъ знойный южный день; солдатъ, видимо, усталый отъ труднаго перехода, облокотился на ружье, желая отдохнуть; остановясь на минуту, повѣсилъ свой Черкесскій папахъ на штыкъ и съ открытою головою *прохлаждается* подъ палящими лучами солнца. Можете представить мое удивленіе!»...

Перейдемъ къ оцѣнкѣ, которую Паскевичъ дѣлаетъ политикѣ и администраціи Ермолова. Какъ солдатъ, служившій подъ побѣдоносными знаменами своего полководца, я принадлежу къ числу почитателей военной репутаціи Паскевича, но далеко не поклонникъ его админи-

стративной дѣятельности, и еще менѣе политической. Изучая прилежно военныхъ писателей и покланяясь военному генію Наполеона I-го, онъ никогда не занимался гражданскимъ и политическимъ строемъ общества. И тамъ, гдѣ Ермолова трудно было поддѣть на удочку, тамъ легко было пустить туману въ глаза Паскевичу. Военный Ермоловъ былъ добръ и снисходителенъ, при требованіи *однакожъ* строгой дисциплины; гнѣва его всѣ боялись, который ограничивался только, за исключеніемъ рѣдкихъ случаевъ, ѣдкою бранью. Гражданскій Ермоловъ былъ требователенъ и разборчивъ въ чиновникахъ и, по примѣру Циціанова и Торماسова, строгъ къ туземцамъ; онъ зналъ, сколько подѣлало вреда краю и государству безтолковое управление Гудовича и слабое Ртищева. Побудь Ермоловъ долѣе на Кавказѣ, много бы пало оригинальныхъ, но не имѣющихъ смысла декорацій, украшающихъ парадныя представленія. Паскевичу же недоставало многого, какъ равно усидчиваго труда, проникательности и той бережливой траты казенныхъ денегъ, кою отличался Ермоловъ, дохдившій нерѣдко до скуности.

Если при зоркомъ управленіи Ермолова и могли быть упущенія и злоупотребленія довольно значительныя по гражданской части, какъ доносили Паскевичъ, и которыхъ *однакоже* онъ и Дибичъ не нашли, то при немъ они пошли въ болъшей степени. Всѣ факты того времени показываютъ, съ какимъ подозрительнымъ недоброжелательствомъ смотрѣли высшіе сановники на всю дѣятельность Ермолова и какъ желали оправдать все, что онъ осуждалъ или преслѣдовалъ.

Такъ подполковн. Высоцкій и оберъ-провіантмейстеръ корпуса Семиковъ, судившіеся давно (одинъ за лихоимство и грабежи при управленіи Ширванскимъ ханствомъ, другой за казнокрадство до сотни тысячъ при заготовленіи провіанта въ Саратовѣ для Кавказа) были немедленно освобождены Паскевичемъ изъ подъ ареста, и дѣла ихъ брошены безъ послѣдствій, а Высоцкій пользовался еще нѣкоторымъ вниманіемъ за доносы на Ермолова и получилъ въ командованіе батальонъ. Полковникъ Реутъ не пошелъ бы въ ходъ и не дослужился бы до генеральскихъ чиновъ за плохія распоряженія въ крѣпости Шушѣ, будучи частію виновенъ въ гибели 3-хъ ретъ на отступленіи изъ Герюсъ.

А между тѣмъ *замѣнитый* Ванька Каинъ, о коемъ даже Дибичъ отзывался неблагопріятно, сдѣлался самымъ приближеннымъ человѣкомъ Паскевича и главнымъ переводчикомъ именно потому, что Ермоловъ хотѣлъ его нѣсколько разъ выслать за разными плутни на житье въ Россію и удерживался только изъ снисхожденія къ близкому родству его съ княземъ В. О. Бебутовымъ; тогда какъ честный знатокъ мѣстныхъ языковъ, переводчикъ Аббасъ-Кули, удаленъ на второй планъ. Также плохой репутаціи изъ Поляковъ, провіантскій коммисіонеръ Коробчевскій (носившій въ подражаніе выраженія Азіатцевъ прозвище Карапчилы, т. е. вора), бывшій при Ермоловѣ въ черномъ тѣлѣ, сдѣланъ былъ походнымъ оберъ-провіантмейстеромъ и въ сообществѣ съ Ванькою Каиномъ, при посредствѣ дежурнаго штабъ-офицера, блажнаго и смѣшнаго В....аго, нажилъ значительное

богатство въ продолженіе Персидской и Турецкой кампаній подъ *недремлющимъ* надзоромъ интенданта Жуковского, отъ котораго такъ много ожидали Паскевичъ и Дибичъ, тогда какъ этотъ Жуковский, бывшій интендантомъ во 2 арміи, былъ удаленъ отъ должности и попалъ подъ начетъ по изслѣдованію адъютанта начальника штаба 2 арміи Бурцова. Бурцовъ * бывало съ усмѣшкой намъ говорилъ: «Каково мнѣ встрѣчаться съ Жуковскимъ? Бывало онъ униженно заискивалъ у меня, а теперь онъ гордо на меня смотритъ, когда я его прошу отпустить безъ проволочекъ деньги пли вещи въ полкъ.»

Вся исторія бѣгства Мехти-Кули-Хана Карабагскаго и ссора его съ племянникомъ согласна съ истиною въ донесеніи Паскевича, за исключеніемъ попытки отравленія. Хана застращали Сибирью за покушеніе на жизнь Русской службы полковника и, чтобы дешево его сбыть съ рукъ, дали возможность (какъ прежде Ширванскому хану) бѣжать въ Персію; а Джафаръ-Кули-Агу, собственно потерпѣвшаго въ этомъ дѣлѣ, сослали на житье въ Симбирскъ вопреки всякой справедливости.

Надобно припомнить, что Карабагъ въ 1812 году еще былъ спорною областію между воюющими, и только въ 1813 г. Гюлистанскимъ миромъ присоединенъ къ Россіи, слѣдовательно Джафаръ-Кули-Ага не могъ быть обвиняемъ

* Въ разсказѣ *Изъ Кавказской Старины* объ немъ много говорится.

въ *измѣнѣ*, удалившись тогда въ Персію и дѣйствуя противъ насъ враждебно по праву еще продолжавшейся войны.

Не оправдываю Ермолова съ юридической точки зрѣнія въ его крутыхъ репрессивныхъ мѣрахъ, въ дѣлѣ уничтоженія ханскаго грубаго, невѣжественнаго управления (что онъ однако поставилъ себѣ задачею съ самаго прибытія на Кавказъ), но онъ можетъ найти по сему болѣе снисходительный взглядъ и одобреніе въ глазахъ политика. Прежде всего пускай укажутъ намъ историки, какое государство, сдѣлавшись могущественнымъ, разрасталось, сплывалось и поглощало въ себѣ другія народности и политическія особи на основаніи легальной правды и нравственной справедливости; — конечно, тѣмъ Кавура и здравствующій Бисмаркъ одобрительно улыбнутся, когда узнаютъ, что далеко ранѣе ихъ два Русскихъ генерала, одинъ измѣннически-безвременно сведенный въ могилу, другой безвременно-политически скороченный, преслѣдовали тѣже принципы *объединенія*, уничтожая варварскихъ властителей, случайно водворившихся набѣгами и хищническою войною, какъ они уничтожили послѣ властителей уже несравненно высшаго порядка, признанныхъ легально и по договорамъ. И, конечно, улыбка ихъ будетъ двусмысленна, когда при томъ они узнаютъ, что Мехти-Кули-Ханъ, послѣ окончанія Персидской войны въ 1828 году, ни за что, ни про что, былъ вызванъ изъ Персіи обратно въ Карабагъ.

А между тѣмъ вскорѣ пожалованный фельдмаршалъ наивно рассуждалъ въ 1826 году со словъ Ваньки Каина и дру-

гихъ недовольныхъ Ермоловымъ туземцевъ: «Честолюбіе здѣшнихъ начальниковъ края дорого стоитъ Россіи: честолюбіе Циціанова, который съ большими способностями, побѣдами и ухищреніями приобрѣлъ подъ покровительство Россіи четыре провинціи—стоитъ Россіи десятилѣтней войны; честолюбіе нынѣшняго начальника произвело новую войну — въ этомъ всѣ согласны: Персіане сіе утверждаютъ; Аббасъ-Мирза, въ коему я посылалъ съ согласіемъ на его предложеніе о размѣнѣ плѣнныхъ, это утверждаетъ!»

Да, прочное обладаніе Грузіей было немислимо и не стоило тѣхъ жертвъ безъ полнаго покоренія ханствъ, съ цѣлью обуздать горцевъ и смирить Персію, постоянно поддерживавшую враговъ нашихъ; и планъ Екатерины II былъ самый разумный въ завоеваніи сначала западнаго побережья Каспія и уже завладѣнія потомъ Грузією.

Оканчивая замѣтки наши, позволяемъ себѣ въ дополненіе сдѣлать еще выдержку изъ *Кавказской Старины*.

«Многіе приписывали причину этой (Персидской) войны интригамъ самаго Ермолова изъ желанія прославить себя. Не зная темныхъ путей политики, можно сказать только одно, что война эта застала его врасплохъ; онъ не ожидалъ такого смѣлаго, внезапнаго набѣга отъ вялыхъ и трусливыхъ Персіанъ, которыхъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, настроили Англичане, внушивъ имъ воспользоваться успѣхомъ внезапнаго нападенія на неготоваго къ тому Ермолова. Что онъ безцеремонно обращался съ Персидскимъ дворомъ, часто задиралъ его и всячески

старался мѣшать вліянію Англичанъ въ Персіи — это правда; что онъ завистливымъ окомъ смотрѣлъ на богатую Эриванскую провинцію, нужную намъ сверхъ того для обузданія различныхъ кочевыхъ Татаръ или Карапаховъ, жившихъ на тогдашней пограничной чертѣ и имѣвшихъ поддержку отъ Эриванскаго хана,—это несомнѣнно. Но въ сравненіи съ лордомъ Клейвомъ или Гастингсомъ Ермоловъ былъ ангелъ чистоты, и если интрига Ермолова вывела Персіанъ изъ терпѣнія и побудила начать войну, самую счастливую для Россіи по легкости завоеванія и полученной огромной контрибуціи, втрое покрывшей расходы, сверхъ пріобрѣтенія долины Аракса,—то Ермолову за эту важную для нашихъ пользъ интригу слѣдуетъ поставить памятникъ, съ означеніемъ впрочемъ на пьедесталѣ и услуги Англичанъ тогдашней Остиндской компаніи, какъ подстрекателей къ вторженію Персіанъ.»

В. Андреевъ.

Симбирскъ.
1872 г.

Отвѣтъ на библиографическій вопросъ г. Геннади.

Въ «Русской Старинѣ» сего 1873 г. т. I. стр. 743, г. Геннади обращается къ библиографамъ съ вопросомъ: *У кого въ Россіи значительнѣйшія собранія Русскихъ журналовъ?* Черезъ посредство «Русскаго Архива» имѣю честь сообщить г. Геннади, что весьма значительное собраніе Русскихъ періодическихъ изданій и сборниковъ (131 названіе), по преимуществу конца прошлаго столѣтія, находится въ Казанской Общественной Библіотекѣ, пожертвованной городу А. И. Второвымъ, страстнымъ библиографомъ. Между журналами имѣются почти всѣ изданія Новикова, и есть мною библиографическихъ рѣдкостей. Въ недавнее время, библіотека пріобрѣла покупкою отъ одного лица до ста названій періодическихъ изданій за послѣднее двадцатипятилѣтіе.

Большой выборъ періодическихъ изданій стараго времени имѣется тоже въ частной библіотекѣ З. П. Розонова, находящейся при его книжномъ магазинѣ. Это самая старая библіотека въ Казани. Въ ней почти имѣются всѣ тѣ библиографическія рѣдкости, которыя г. Геннади наименовалъ въ своей книгѣ: «Русскія книжныя рѣдкости» (Спб. 1872 г.).

П. Библиографъ.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ

1873

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.)

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ ВООБЩЕ. — КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛИОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

(годовое изданіе составляетъ двѣ книги)

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1873 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1873 году доставляютъ или высылаютъ эти семь рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, въ *Москву, на Берсеневку, въ домъ Московскаго Археологическаго Общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*, или въ Контору Русскаго Архива на Берсеневкѣ въ церковномъ домѣ (подъѣздъ съ набережной), куда въ теченіи лѣтнихъ мѣся-

цевъ исключительно обращаются лица, имѣющія дѣло до Р. Архива.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѡ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Для перемѣны адреса необходимо высылать адресъ прежній и 10 копѣчную марку.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются; но каждую книгу, заключающую въ себѣ шесть соединенныхъ тетрадей, можно покупать отдѣльно, по 4 рубли (съ пересылкою).

Заграничные подписчики къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи — 2 р., для Франціи и Англіи — 2 р. 50 к., для Швейцаріи и Італіи — 3 р. За полгода цѣны на пересылку за границу — половинныя.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартеневъ.**

ГОДЪ

ОДИНАДЦАТЫЙ

РУССКОЙ АРХИВЪ

9.

1873.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартеповымъ

(БЫВШИМЪ БИБЛИОТЕКАРЕМЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ).

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Переписка свѣтѣйшаго патріарха Никола съ митрополитомъ Аѳанасіемъ и граматносоцемъ Саввою. Открылъ и объяснилъ А—ъ Л—ъ. Стр. 1601.
2. Новыя подлинныя черты изъ частной жизни императрицы Анны: а) Современный разсказъ Н. Ф. Шестаковой, б) частная переписка императрицы Анны съ гр. С. А. Салтыковымъ. Стр. 1641.
3. В. А. Чупатовъ. Чудаки XVIII вѣка, статья Л. Н. Майкова. Стр. 1672.
4. Изъ бумагъ Диканьскаго Архива князя С. В. Кочубея: письма князя Потемкина и графа С. Р. Воронцова. Стр. 1685.
5. Изъ бумагъ В. А. Жуковскаго: Повесть о Юсифѣ Прекрасномъ и мелкіе отрывки въ стихахъ и прозѣ. Сообщены К. С. Сербиновичемъ. Стр. 1693.
6. А. П. Розбергъ. Некрологъ. Стр. 1705.
7. О бывшихъ военныхъ поселеніяхъ. Статья Г. Н. Александрова. Стр. 1716.
8. Воспоминаніе объ А. Я. Стороженкѣ, Н. И. Ушакова. Стр. 1722.
9. Выдержки изъ памятныхъ записокъ А. Я. Стороженка о фельдмаршалѣ князѣ Паскевичѣ. Стр. 1735.
10. О дѣлѣ флигель-адъютанта Копьева. Статьи В. С. Толстаго и Д. А. Чаплина. Стр. 1754.
11. Черты монастырскаго быта въ XVII вѣкѣ. Два документа, съ предисловіемъ Л. П. Стр. 1770.
12. Изъ старой записной книжки, начатой въ 1813 году. Замѣтки біографическія, характеристическія, литературныя, житейскія. Стр. 1783.
13. Къ біографіи комика Княжнина. Стр. 1796.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЯЧИСТ. ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1873.

ИЗДАНИЕ РУССКАГО АРХИВА ПРОДОЛЖАЕТСЯ ВЪ 1874 ГОДУ.

Въ непродолжительномъ времени выдетъ въ свѣтъ первый томъ

сочиненія Н. В. Берга:

З А П И С К И

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ

1831 — 1862.

Сочиненіе это печаталось отдѣльными главами въ Русскомъ Архивѣ.

Здѣсь оно издано съ значительными пополненіями.

**ПЕРЕПИСКА СВЯТѢЙШАГО ПАТРИАРХА
НИКОНА СЪ МИТРОПОЛИТОМЪ ИКО-
НІЙСКИМЪ АѦНАСИЕМЪ И ГРАМОТО-
НОСЦЕМЪ ІЕРУСАЛИМСКАГО ПАТРИАР-
ХА НЕКТАРІЯ СЕВАСТЯНОМЪ ИЛИ
САВВОЮ ДМИТРІЕВЫМЪ.**

(1665 и 1666)

Въ „Московскихъ Замѣткахъ“ журнала Гражданинъ (1872 г. № 34, стр. 562) встрѣтили мы любопытное извѣстіе о томъ, что издатель Русскаго Архива, собравшій въ 1856 году „Письма цари Алексѣя Михайловича,“ нашелъ весьма и весьма рѣдкія письма того же государя о патриархѣ Никонѣ и готовить ихъ къ изданію ¹⁾. По сему поводу, сообщившій это извѣстіе Москвичъ замѣчаетъ: „До сихъ поръ еще не разъяснено вполне дѣло патриарха Никона, и всякое новое историческое свидѣтельство, хотя и несколько освѣщающее важное и интересное Никоново время, поистиннѣ драгоцѣнно.“ Признавая справедливость этой замѣтки и имѣя въ рукахъ одно изъ такихъ историческихъ свидѣтельствъ, доселѣ еще нигдѣ не напечатанное, мы съ своей стороны находимъ благовременнымъ подѣлиться имъ съ любителями Русской старины. Это переписка святѣйшаго патриарха Никона въ 1665 г. съ двумя заключенными въ Москвѣ по его же дѣлу Греками, пришельцами изъ Константинополя: митрополитомъ Иконійскимъ и Кападокійскимъ АѦнасіемъ и грамотоносцемъ Іерусалимскаго патриарха Нектарія Севастьяномъ или Саввою ²⁾ Дмитріевымъ.

¹⁾ Извѣстіе не точное: намъ случилось только прочесть нѣсколько неизданныхъ, дѣйствительно очень важныхъ, писемъ цари Алексѣя Михайловича о Никонѣ; но честь этого открытія принадлежитъ не намъ. Эти письма общаны намъ для помѣщенія въ Русскомъ Архивѣ. П. Б.

²⁾ Первымъ именемъ (Севастьянъ, Севастосъ) онъ назывался въ грамотѣ патриарха Некта-

Оба они явились въ Москву въ концѣ 1664 или въ началѣ 1665 года, когда царь уже отправилъ оттуда на Востокъ съ извѣстными „вопросами“ ³⁾ Грека іеродіакона Мелетія, который, по отзыву Константинопольскаго патриарха Діонисія, прѣзжалъ въ Царьградъ „не смирно“ (то есть хвастливо и самонадѣянно), въ слѣдствіе чего наша церковная распря успѣла достаточно огласиться на Востокѣ и стала, какъ говорится, притчею во языцѣхъ. Самая же переписка упомянутыхъ лицъ съ патриархомъ Никонѣмъ, по своему началу (съ половины 1665 года) относится къ тому времени, когда уже были привезены Мелетіемъ и отвѣты патриарховъ (Константинопольскаго и Іерусалимскаго) на предложенные имъ вопросы, и оставалось лишь сомнѣніе въ подлинности патриаршихъ подписей, сомнѣніе, наведенное впервые митр. АѦнасіемъ и усиленное пребываніемъ другихъ Грековъ, привезшихъ явно-ложныя грамоты (Грекъ Стефанъ), а равно и отзывомъ Іерусалимскаго патриарха въ его грамотѣ къ царю, чтобъ не слишкомъ довѣрять Московскимъ Грекамъ, не исключая и своего посланца іеродіакона Мелетія, который-де позволилъ себѣ говорить ему о патриархѣ Никонѣ „такія рѣчи, которыя кажутся ему недостоверными“, и вообще-де полагаться на слова его онъ почитаетъ опаснымъ, ради чего и отправилъ въ Москву собственнаго грамотоносца, вышеупомянутаго Севастьяна Дмитріева съ грамотами къ нему царю и къ патриарху.

рѣя, слѣдовательно оно было настоящимъ его именемъ, даннымъ ему при св. крещенія и означающимъ въ переводѣ съ Греческаго: чести достойный; второе же имя (Савва), означающее въ переводѣ съ Арабскаго: неволя, онъ (какъ надобно полагать) принялъ во время переписки съ патриархомъ для означенія своего тогдашняго положенія.

³⁾ Алексѣй Михайловичъ посылалъ къ восточнымъ патриархамъ спрашивать ихъ мнѣнія о томъ, какъ быть съ Никонѣмъ, отказавшимся отъ патриаршаго престола и въ то же время не слагавшимъ съ себя патриаршаго званія. Отвѣты, какъ извѣстно, были не въ пользу Никона. П. Б.

Объ участіи Аванасія, митрополита Иконійскаго, въ дѣлѣ патриарха Никона болѣе или менѣе извѣстно. Московскіе Греки сначала благопріятствовали опальному патриарху; даже самый пристрастный изъ противниковъ Никона, Паисій Лигаридъ, не отказывается именовать его „философомъ“ за любовь его къ эллинскому просвѣщенію и за то, что онъ, какъ извѣстно, относился весьма благосклонно къ Грекамъ и былъ милостивъ къ пришельцамъ ихъ рода ⁴⁾. Желая противодействовать чѣмъ либо познанимъ лукаваго Лигарида и его „друга и земляка“ Мелетія, Московскіе Греки воспользовались прибытіемъ изъ Царьграда въ Москву (ради искупленія себя отъ Турецкаго долга) Иконійскаго митрополита Аванасія и, для приданія ему большаго значенія и вѣса въ глазахъ царя и бояръ, пронесли молву, будто онъ родственникъ Константинопольскому патриарху и посланъ нарочно отъ него и всего освященнаго собора для примиренія царя и бояръ съ патриархомъ Никономъ. О представленіи его царю г. Соловьевъ въ своей Исторіи Россіи рассказываетъ (впрочемъ безъ опредѣленнаго указанія на источники) такъ. „Аванасій, дѣйствуя конечно согласно съ распущенными о немъ отъ земляковъ слухами, началъ говорить съ необыкновенною торжественностію: „Прислалъ меня Константинопольскій патриархъ и весь соборъ, велѣли сказать: какъ Господь Богъ пришелъ къ ученикамъ Своимъ дверемъ затвореннымъ и сказалъ: миръ намъ! такъ я отъ имени Константинопольскаго патриарха и всего собора говорю тебѣ, государь: помирись съ Никономъ патриархомъ и призови его на престолъ по прежнему“. Алексію Михайловичу показались страннымъ, что этотъ проповѣдникъ мира присланъ безъ грамоты и велитъ на словахъ звать Никона опять на престолъ. „Знаешь ли ты о по-

⁴⁾ Паисій Лигаридъ при Московскомъ дворѣ Алексія Михайловича удивительно напоминаетъ патера Грубера при Петербургскомъ дворѣ Павла Петровича. *И. Б.*

сольствѣ Мелетія?“ спросилъ государь у Аванасія. „Знаю, отвѣчалъ тотъ: „патриархи Мелетія не приняты, твоихъ грамотъ и милостыни ⁵⁾ не взяли“.— „Какъ же это такъ?“, замѣтилъ царь. „Мелетій писалъ мнѣ совершенно иное! Аванасій, стоя предъ Спасовымъ образомъ, объявилъ, что Мелетій писалъ ложно. Но вотъ пріѣхалъ Мелетій и привезъ отъ вѣты, подписанные патриархами. Царь созвалъ соборъ изъ Русскаго и Греческаго духовенства для освидѣтельствованія подписей. Соборъ объявилъ, что подписи настоящія; одинъ Аванасій сначала отвергалъ подлинность ихъ, но потомъ и онъ согласился, что подписи подлинныя ⁶⁾. Послѣ открылось, почему онъ рѣшился такъ смѣло обличать Мелетія во лжи: при свиданіи съ Иерусалимскимъ патриархомъ Нектаріемъ (въ Царьградѣ, гдѣ тотъ проживалъ по дѣламъ своего престола), онъ спрашивалъ Нектарія, какъ порѣшили съ Никоновымъ дѣломъ, и тотъ, изъ осторожности, сказалъ ему, что они Мелетію никакого отвѣта не дали и рукъ своихъ ни къ какой грамотѣ не прикладывали“ ⁷⁾.

⁵⁾ Милостыня эта, по слухамъ изъ Константинополя, дошедшимъ по болтливости Мелетія въ Москву, простиралась до 800 червонныхъ.

⁶⁾ Врядъ-ли это извѣстіе справедливо, такъ какъ митрополитъ Аванасій и послѣ, въ письмахъ своихъ къ патриарху Никону изъ заточенія, стоялъ на томъ, что грамоты, привезенныя Мелетіемъ, по ложны и, а стоялъ такъ увѣренно по причинѣ, приведенной ниже (въ слѣдствіе разговора съ патриархомъ Нектаріемъ).

⁷⁾ Исторія Россіи, XI, 331. И такъ, главная вина Аванасія состояла въ томъ, что онъ, будучи введенъ въ заблужденіе осторожнымъ отвѣтомъ патриарха Нектарія, слишкомъ смѣло утверждалъ по ложности отвѣтовъ, привезенныхъ Мелетіемъ. По выдавалъ ли онъ самъ себя за родственника патриарха Діонисія, это должно остаться подъ сомнѣніемъ; а что ему было порученіе отъ патриарха стараться о примиреніи царя и бояръ съ патриархомъ Никономъ, онъ стоитъ на томъ и въ письмахъ своихъ къ патриарху Никону изъ заточенія. Нѣтъ ничего невероятнаго, что онъ говорилъ о дѣлѣ патри-

Какъ бы то ни было, царь не былъ успокоенъ. Патріархи могли подписать отвѣты и въ тоже время просить, чтобы соблазнительное дѣло было оставлено, чтобы послѣдовало примиреніе съ Никономъ (какъ и поступилъ Иерусалимскій патріархъ Нектарій, посланъ царю особою грамотою въ приирительномъ духѣ, о чемъ смотри ниже). Дѣйствовать противъ Никона на основаніи отвѣтовъ, присланныхъ патріархами, царь не рѣшился. Чтобы окончательно уничтожить смуту и успокоить свою совѣсть, ему нужно было присутствіе самихъ патріарховъ, и онъ послалъ звать ихъ на соборъ въ Москву. Къ Константинопольскому патріарху Діонисію, на сей разъ, былъ отправленъ монахъ Савва (изъ Грековъ), а къ остальнымъ тремъ вышепомянутымъ іеродіаконъ Мелетій въ сопровожденіи Грека Стефана. Въ числѣ вопросовъ, которые монахъ Савва долженъ былъ предложить отъ цари Константинопольскому патріарху, были и слѣдующіе: а) Иконійскій митрополитъ Аванасій отъ тебя ли присланъ и родственникъ ли тебѣ? Приказывалъ ли ты ему словесно, чтобы умолилъ о возвращеніи Никона? в) Стефанъ Грекъ былъ ли у тебя, и послалъ ли ты съ нимъ грамоту, чтобы митрополиту Газскому (Пансію Лигариду) быть экзархомъ? На первый изъ этихъ вопросовъ патріархъ Діонисій отвѣчалъ⁸⁾: Иконій-

арха Никона съ Константинопольскимъ патріархомъ и получилъ отъ него какой либо тоже осторожнѣй (или по своимъ послѣдствіямъ неосторожнѣй) отвѣтъ, который и подалъ ему поводъ убѣдиться въ миролюбивомъ настроеніи патріарха Діонисія въ пользу опаснаго Московскаго патріарха; а это внушило Аванасію смѣлость явиться въ качествѣ непрощеннаго ходатая за Никона предъ царемъ. Да и самъ патр. Никонъ вѣрно бы не обратился къ патріарху Діонисію съ известнымъ своимъ письмомъ (въ 1666 г.), если бы не имѣлъ какой либо увѣренности въ его сочувствіи къ нему, а увѣренность эта конечно основывалась не на однихъ словахъ Аванасія.

⁸⁾ Письменно или словесно, изъ разсказа г. Соловьева не видно, но надобно полагать письмо и оно; ибо, какъ дѣло шло объ опро-

скій митрополитъ Аванасій мнѣ не родня; на немъ былъ Турецкій долгъ, онъ просилъ срока на недѣлю, да и ушелъ; а и съ нимъ ни одного слова не приказывалъ; пусть держатъ его крѣпко и отнюдь не отпускаютъ; если царь его отпуститъ, то большую бѣду церкви сдѣлаетъ. На второй вопросъ (о Стефанѣ Грекѣ): Стефанъ Грекъ у меня не бывалъ, только хартофилаксъ (секретарь патріарха) докучалъ мнѣ, чтобы я написалъ въ грамотѣ быть Газскому экзархомъ; но я ему этаго не позволилъ, и если такая грамота объявилась у цари, то это плевелы, всѣянные хартофилаксомъ (прибавимъ, по просьбѣ друга и земляка Пансіева Мелетія.) А Пансій Лигаридъ лова не Константинопольскаго престола; я его православнымъ не считаю, ибо слышу отъ многихъ, что онъ папешникъ и лукавый человекъ. Стефана Грека не отпускайте жъ, потому что и онъ великое раззореніе церкви православной сдѣлалъ, какъ и Аванасій Иконійскій⁹⁾.

Вслѣдствіе такого отвѣта, митрополитъ Аванасій, былъ немедленно заключенъ въ Симоновъ монастырь. Письма его оттуда къ патріарху Никону помѣчены Юнемъ мѣсяцемъ 1665 года, слѣдовательно заключеніе его послѣдовало около этаго времени. Стефанъ же Грекъ не только оставленъ на волѣ, но и сопутствовалъ іеродіакону Мелетію во вторичномъ его посольствѣ на Востокъ.

Въ послѣдствіи (а именно въ концѣ того же 1665 года) царь Алексій Михайловичъ, зная объ отказѣ Константинопольскаго патріарха Діонисія прибыть на соборъ въ Москву, писалъ къ нему письмо по дѣлу же патріарха Никона, какъ для окончательнаго разрѣшенія своихъ сомнѣній касательно подлинности „отвѣтовъ“, такъ и относительно нѣкоторыхъ лицъ, прикосновенныхъ къ дѣлу. Въ отвѣтной грамотѣ

верженіи ложныхъ показаній и разрѣшеніи сомнѣній, то самая сущность дѣла требовала письменнаго, а не одного устнаго отвѣта.

⁹⁾ Исторія Россіи XI, 333.

патріарха Діонисія царю, помѣченной 12 Ноября 1665 года, находимъ повтореніе прежняго отзыва объ Аѳанасіи Иконійскомъ, въ слѣдующихъ усиленныхъ выраженіяхъ: „Проклятый той Аѳанасій, движимый отцемъ жи діаволомъ, яко орудіе его, безъ всякой нужды, пришелъ туда (то есть въ Москву), лжесвидѣтельствуя на святыхъ и правильныхъ главы; лжино бо глаголетъ, яко посланъ есть отъ насъ и яко есть единокровный намъ. Вѣждь, яко есть сосудъ злосмрадный, злаго изволенія, и отъ церкви изверженъ много уже лѣтъ. Сего ради да посланъ будетъ на нѣкое мѣсто, да плачется за душу свою, и да не возвратится въ наши страны до скончанія живота своего.“ Этотъ отзывъ, какъ видимъ, вполне согласенъ съ предшествовавшимъ; но вѣра въ непогрѣшимость сего отзыва значительно ослабляется тѣмъ, что пишетъ патріархъ царю въ заключеніе онаго. „И тотъ нашъ извѣтъ буди тайнѣйшій, паче же въ малѣйшихъ части да издеретъ пресвѣтлость твоя, — чтобы невидимъ былъ, многихъ ради винъ (т. е. причинъ), чтобы инымъ не слышно было.“ Если бы преступленія митрополита Аѳанасія относительно своей церкви были также явны, какъ въ отношеніи долга Турецкому правительству (отъ котораго онъ ушелъ), то, кажется, не зачѣмъ было бы патріарху опасаться, чтобы обвиненія его сдѣлались болѣе или менѣе общезвѣстны въ Москвѣ. Еще болѣе усиливается сомнѣніе въ совершенномъ безпристрастіи извѣта на Аѳанасія, если сравнимъ отзывъ той же патріаршей грамоты о Паисіи Газскомъ. Мы уже видѣли, что въ прежнемъ своемъ посланіи къ царю (въ первой половинѣ 1665 года) Діонисій называлъ его папешникомъ и лукавымъ человѣкомъ, а во второй грамотѣ (писанной во второй половинѣ того же 1665 года), наряду съ упомянутымъ извѣтомъ объ Аѳанасіи, читаемъ о Паисіи Газскомъ слѣдующее: „Постановили есмы куръ Паисія, святаго и благоразумнаго

митрополита Газскаго, послахомъ ему вольность, яко разсудному и свѣдущему о сицевыхъ церковныхъ дѣлахъ, поставляючи его намѣстника (эвзарха?) въ обороненіе правильныхъ тѣхъ главъ, и рѣшати всякое неудобство и сомнѣніе, предлагаемое отъ сопротивныхъ страны; и правити судъ купно со освященнымъ соборомъ помѣстнымъ архіерейскимъ, предсѣдающему на немъ, яко образъ творящему нашу парсуну въ томъ единомъ дѣлѣ, даже до совершенія его.“ (Смотри грамоту эту въ исторіи г. Соловьева, въ 71 примѣч. къ XI тому).

При такомъ измѣнчивомъ отзывѣ объ одномъ и томъ же лицѣ (по причинамъ, о которыхъ не трудно догадаться, зная, какой вѣсъ и значеніе имѣла въ тогдашнихъ сношеніяхъ съ Востокомъ такъ называемая „милостыня“), можно-ли считать безпристрастнымъ извѣтъ о другомъ лицѣ, котораго притомъ мѣстные обстоятельства требовали еще „сбыть съ рукъ“. Признавая Аѳанасія неосторожнымъ и ревностъ его о защитѣ патріарха Никона ревностію не по разуму, мы въ тоже время не можемъ не признать извѣтъ на него патріарха, равно какъ и измѣнчивое мнѣніе его о Лигаридѣ, дѣйствіями, основанными на столь извѣстной въ Византіи теоріи приспособленія къ обстоятельствамъ (*οὐκ ὀρθόδοξος*), вліяніе которой такъ сильно отражается доселѣ на всемъ направленіи церковныхъ дѣлъ на Востокѣ.

Самъ же Аѳанасій достаточно испыталъ свои вольныя и невольныя вины пожизненнымъ заключеніемъ сперва въ Симоновомъ, а потомъ въ иномъ отдаленномъ монастырѣ, не зная главнаго виновника своего несчастія и напрасно вѣпя въ томъ однихъ бояръ (смотри о семъ въ письмахъ его къ патріарху): ибо царь свято сохранилъ просьбу патріарха Діонисія держать извѣтъ его на Аѳанасія въ тайнѣ ото всѣхъ.

Не болѣе Аѳанасія посчастливилось и другому Греку-пришельцу, уже дѣйствительно по неволѣ вѣшавшемуся въ

дѣло патріарха Никона, Севастьяну или Саввѣ Димитріеву, который послѣ перваго посольства іеродіакона Мелетія на Востокъ прибылъ въ Москву съ грамотами отъ патріарха Іерусалимскаго Нектарія къ царю и къ патріарху Никону. Онъ, на представленіи царю, не произвѣсилъ никакихъ торжественныхъ рѣчей въ защиту патріарха Никона, не вымыслилъ ничего отъ себя и о себѣ, а тѣмъ не менѣе оказался виноватымъ на равнѣ съ Аванасіемъ за то только, что привезенная имъ отъ патріарха грамота не вполнѣ согласовалась съ видами враждебной патріарху дворской партіи. Грамота блаженнѣйшаго Нектарія къ патріарху Никону у Севастьяна тогда же отобрадена, и самъ онъ взятъ подѣ стражу и содержался въ заключеніи „во дворцѣ“. Грамота же патріарха къ царю была слѣдующаго содержанія.

Грамота государю царю Алексію Михайловичу Іерусалимскаго патріарха Нектарія, просительная: о возвращеніи Никона на Московскій патріаршій престолъ.

Писана 1664, Марта 20.

.....(Послѣ витѣватыхъ привѣтствій п полнаго царскаго титула).

Достопочтеннѣйшую грамоту священной десницы вашей мы приняли отъ іеродіакона Мелетія съ благоговѣніемъ п достодолжною почетомъ, а вмѣстѣ и милостыню, которою вы почтили святой п живопріемный гробъ Господень. Въ сей грамотѣ мы не нашли ни причины удаленія святѣйшаго патріарха вашего куръ Никона, сослужителя и брата о Христѣ нашего смиренія, ни другой какой вины противъ него, кромѣ пятилѣтняго его отсутствія; отъ іеродіакона же Мелетія мы многое слышали, который, какъ говоритъ, слышалъ сіе изъ устъ вашего величества, показывая намъ нѣкоторое письмецо, данное ему вмѣсто

памятника, заклинающее его Богомъ, дабы онъ сказалъ все, что знаетъ о куръ Никонѣ и его противникахъ. Что касается до тѣхъ противниковъ, то, по сказанію его, немногія п недостойныя вниманія приводятъ они причины противъ Никона. О Никонѣ же сказалъ нѣкоторыя важныя дѣла, почти неизвинительныя, кои всѣ суть нововведенія, которыя намъ кажутся не очень достовѣрными. Хотя для сего дѣла призвала насъ къ вашему величеству ваша царская грамота; для надлежащихъ изслѣдованій и распоряженій по сему случаю; но какъ мы не имѣемъ возможности сами прибыть къ вашему величеству, или прислать людей нашихъ по явнымъ опасностямъ и причинамъ, о которыхъ изустно объявятъ вамъ приносители сей грамоты, соотвѣтственно повелѣнію нашему, то заблагоразсудили мы нѣкоторымъ инымъ образомъ поправить сіе дѣло. Объявить рѣшительное мнѣніе по тѣмъ словамъ, кои говорилъ Мелетій, было бы несправедно, тѣмъ паче, что и по церковнымъ правиламъ п гражданскимъ законамъ не дозволяется произнести приговора надъ патріархомъ по свидѣтельству одного и при томъ чловѣка низшей степени. А потому мы написали соборное положеніе, состоящее изъ избранныхъ церковныхъ п соборныхъ правилъ п царскихъ уставовъ, и посылаемъ оно, какъ главный отвѣтъ на объявленное намъ Мелетіемъ. Что же онъ говорилъ, того мы явно не пишемъ, но вы узнаете изъ соборнаго положенія; ибо все тамъ написанное есть отвѣтъ на слышанное отъ Мелетія о куръ Никонѣ. Впрочемъ все сіе сказано не о догматахъ вѣры, но о церковномъ постановленіи, то есть, что куръ

Никонъ выдумалъ нѣкоторыя новости касательно церковнаго порядка и желаетъ, чтобъ сіе противъ обыкновенія принято было; самое же важнѣйшее пзъ всего того есть его отбытіе, а не то, что онъ предъ церковію произнесъ отречение отъ патриаршескаго престола по причинѣ непокорнаго народа. Намъ кажется, что вы мирнымъ образомъ можете успокоить сіе дѣло и снова однажды или дважды пригласить кѣрѣ Никона, чтобы онъ возвратился на свой престолъ, показавъ ему статьи положенія для точнаго соблюденія. И ежели онъ окажется сперва преступившимъ оныя, а потомъ раскается и дастъ обещаніе соблюдать, то достоинъ прощенія; ибо часто случалось весьма много такоговаго и еще важнѣйшаго въ церкви, и все поправлено для мира и тишины. И такъ, просимъ мы священное ваше величество, чтобы вы не преклонили слуха своего къ совѣтамъ мужей завистливыхъ, любящихъ митежи и возмущенія, а напротивъ, если таковыя будутъ изъ духовнаго сана. Свидѣтельствуюсь Богомъ, что насъ весьма огорчили случившіеся въ Россійской церкви соблазны. Почему гораздо справедливѣе мнѣ, нежели Іереміи, сказать слова его: утробою моею болѣзную, страдаетъ сердце мое, и душа моя раздираетъ сердце мое. Онъ оплакивалъ плотскую брань, а я стенаю и плачу о духовной и, подобно ему, скажу: кто дастъ главѣ моей воду и очамъ моимъ источники слезъ, да оплачу происшедшее несогласіе и раздѣленіе въ церкви Господней? Несогласіе и возмущеніе въ церкви страшнѣе всякой войны, ибо раздираетъ нешвенную одежду Христову, которую не раздѣляли и жестокосердые воины во вре-

мя страданія Христова; раздрать же одежду Христову есть явный знакъ гибели душъ, за которыя Христосъ умеръ. Вы не вѣдаете, что въ теперешнемъ положеніи, когда наша церковь находится подъ игомъ рабства, мы уподобляемся кораблямъ, потопляемымъ безпрестанными бурями отъ разныхъ притѣсненій изыческихъ, и одну вашу Россійскую церковь мы видѣли, подобно второму Ноеву ковчегу, служащему спасеніемъ отъ всякаго изыческаго потопа и сохраняющею въ себѣ неистлѣнными сѣмена благочестія. Нынѣ же кто внушилъ вамъ отвращеніе отъ сего блага мира? Для чего такъ жестоко отметае отъ себя первое достоиніе? Первое достоиніе есть миръ: миръ бо, глаголаше Снизшедшій на вольную страсть, оставлю вамъ, миръ Мой даю вамъ. Или не знаете, что самопроизвольно отметающій первое наслѣдіе лишается и усыновленія и уже не обрѣтаетъ отца во Христѣ; ибо не имѣющій мира какъ возмощетъ быть чадомъ Христовымъ? И такъ, помысливъ о семъ, миролюбивѣйшій Государь, послѣдуй кротости Давида, восприми ревность по вѣрѣ православнои и постарайся со тщаніемъ паки возвести законнаго патриарха вашего на престолъ его, дабы во время священнаго твоего царствованія не было положено злаго и гибельнаго начала смѣнить православныхъ и правомыслящихъ о догматахъ вѣры патриарховъ нашихъ. Сіе есть началомъ разрушенія церкви нашей въ Константинополѣ; оно послужило и до нынѣ служитъ источникомъ многихъ золъ и содѣлало насъ посрамленными предъ западною церковію. Опасайтесь и вы, чтобы необычайное у васъ не обратилось въ гибельную при-

вычку. Ежели Никонъ говоритъ, что онъ не отрекался отъ престола, но отъ непокорныхъ, то ясно, что онъ обличаетъ непокорность народа. И такъ покажите къ нему достоюжное повиновение, какъ къ строителю благодати: повиновение, говорю, не необыкновенное въ церквахъ Божіихъ, но каковое предписываютъ божественные законы. Отречение же его, которое онъ, какъ говорятъ, сдѣлалъ отъ церкви, можетъ быть принято снисходительнѣе, для соблюденія тишины, тѣмъ болѣе, что онъ куръ Никонъ (какъ мы сказали) отрекся отъ непокорнаго народа, а не отъ престола. Но если бы онъ и письменно отрекся отъ престола, то и сіе извинительно, ибо часто и отречение бываетъ недѣйствительно. Бывшій, по взятіи Константинополя, тамошній блаженный памяти патріархъ Геннадій говоритъ въ одномъ своемъ письмѣ къ монахамъ Синайской горы, котораго мы и подлинникъ тамъ видѣли и копію съ онаго имѣемъ, что отречение архіерея не дѣйствительно, если не будетъ принято и утверждено патріархомъ. Подобно сему и отречение митрополита и патріарха. Во время нашего патріаршества во святомъ градѣ Іерусалимѣ, подвѣдомственный намъ митрополитъ Дороевъ многократно просилъ отставленія отъ своей епархіи, которая находится за Іорданомъ и имѣетъ три или четыре Христіанскія Арабскія селенія, кромѣ его митрополіи; но какъ онъ мужъ добродѣтельный, сильный дѣломъ и словомъ къ утвержденію тамошнихъ Христіанъ, то мы не согласились на его отреченіе; когда же наконецъ онъ послѣ многихъ прошеній поднесъ намъ письменное отреченіе, то мы, отвергнувъ и оное, оставили его на его

епархіи. Когда и патріархъ Кириллъ, преемникъ куръ Тимоѳей, будучи обремененъ лѣтами и заботами, отрекся отъ своего престола, чрезъ поданное имъ собору письменное отреченіе, и на мѣсто его возведенъ уже былъ Ираклійскій митрополитъ Неофитъ; послѣ же сего нѣкоторые изъ первостепенныхъ митрополитовъ, узнавши о томъ, сѣхались изъ своихъ епархіи въ Константинополь и, недовольны будучи отреченіемъ Кирилла, уничтожили оное и, успокоивъ Неофита по согласію его церковнымъ содержаніемъ, снова возвели на престолъ Кирилла и сіе сдѣлали не по особенной какой дружбѣ къ нему и не по враждѣ къ Неофиту, но потому, что Кириллъ опытенъ въ управленіи церкви. И такъ, священныи въиценосецъ, послѣдуй правилу премудраго Геннадія, который говоритъ, что неутвержденное отреченіе недѣйствительно; ибо ежели мы подробно будемъ изслѣдовать, то найдемъ много и другихъ древнихъ примѣровъ, согласныхъ правилу сего патріарха, который, по требованію султана Магомета, взявшаго Константинополь, представивъ ему письменно премудрыи богословскія положенія вѣры Христіанской, пріобрѣлъ у него великое уваженіе. Вашего же патріарха дѣло совсѣмъ въ другомъ положеніи; ибо онъ не подалъ ни письменнаго отреченія своему собору, и ваше священное величество, равно какъ и весь народъ, не принимали отреченія. Неоспоримымъ сему доказательствомъ служить то, что ваше священное величество до нынѣ приглашаете его возвратиться. И такъ изъ всѣхъ обстоятельствъ явствуетъ, что его отреченіе не дѣйствительно и состоитъ только въ его словахъ, и дол-

жно вамъ, какъ я прежде сказалъ, снова призвать его. Съ симъ вмѣстѣ пишу я и къ нему, братски увѣщевая его, что ему не прилично было оставить столицу и жить внѣ оной. Ежели соизволите ваше священное величество, то перешлите къ нему помянутое писаніе; ибо оно съ переводомъ, такъ какъ и сіе, которое пишемъ, находись въ невозможности пріѣхать сами, ни прислать нынѣ людей своихъ къ священному вашему величеству для испрошенія помощи въ тягостныхъ долгахъ святому и живопріемному гробу. Если соизволитъ Богъ, то послѣ сего пришлемъ; а самимъ намъ совершенно невозможно прибыть къ вамъ по причинамъ, о которыхъ изустно донесутъ имѣющіе прибыть съ симъ Христіане, рабы твои и вѣрные служители Гроба Господня: Севастъ сынъ Дмитріевъ, Дмитрій сынъ Георгіевъ и Псій, которыхъ ваше величество просимъ благосклонно и милостиво принять. Между прочимъ предлагаемъ вашему величеству и то, что если вуръ Никонъ, по вторичному приглашенію, не согласится возвратиться на свой престолъ, то извольте поступить по правиламъ положенія, что будетъ совершенно правосудно: ибо неприлично столичному городу быть безъ духовнаго пастыря. И такъ непремѣнно должно или его возвратить, или другаго возвести на его мѣсто; однакожь гораздо лучше вашему величеству возвратить его по вышеприведеннымъ причинамъ. Господь же Вседержитель, Податель мира и тишины, да сохранитъ державу богодарованнаго твоего царствія въ долговременное наслѣдіе священнѣйшаго и державнѣйшаго рода твоего. Лѣта 1664, Марта 20 дня.

Нектарій, Божією милостію патриархъ святаго града Іерусалима.

Содержаніе этой грамоты, равно какъ и твердость грамотоносца въ защитѣ ея подлинности, есть, можно сказать, единственная свѣтлая страница изъ мрачной лѣтописи участія Грековъ въ дѣлѣ патриарха Никона, участія, основаннаго большею частью на дѣлахъ корыстолюбивыхъ, или на политической уклончивости, подъ явнымъ вліяніемъ вышеупомянутой теоріи, „приспособленія къ обстоятельствамъ“, губящей Византію не со временемъ только владычества Турокъ (какъ несправедливо предполагаютъ мало знакомые съ церковной исторією Востока), а со временемъ гораздо отдаленнѣйшихъ: для сего стоить внимательно изучить ту борьбу, которая глухо велась въ теченіе всего Византійскаго періода и въ частности исторію патриарховъ св. Іоанна Златоустаго, Тарасія, Игнатія, Фотія, Николая Мистика и Арсенія.

Но возвратимся къ Саввѣ Дмитріеву. Объ его заключеніи, кромѣ собственныхъ его писемъ, находимъ свидѣтельство и въ извѣстномъ посланіи святѣйшаго патриарха Никона къ Константинопольскому патриарху Діонисію (въ 1666 году), гдѣ, говоря о многихъ пострадавшихъ его ради, онъ упоминаетъ въ числѣ ихъ и Савву Дмитріева: „принесый грамоты отъ Іерусалимскаго блаженнѣйшаго патриарха (Нектарія) Царскаго Величества въ палатѣхъ вверху заточенъ“. Савва Дмитріевъ справедливо жаловался патриарху Никону, что за него не кому попечаловаться у многолѣтнаго царя, а самъ патриархъ въ то время не могъ ничѣмъ помочь ему, „развѣ своихъ смиренныхъ о немъ молитвъ ко Господу“, какъ самъ выразился.

Севастьянъ Дмитріевъ пробылъ въ заключеніи до самаго пріѣзда въ Москву двухъ восточныхъ патриарховъ (въ половинѣ 1666 года), что видно по ихъ писму къ Іерусалимскому патриарху

Нектарію изъ Москвы. „Еще же (пишутъ они) и пришествіе наше быше освобожденіе нѣкое грамотоносца твоего Севастьяна, его же едва могохомъ многими прошеньми и моленьми отъ царскаго гнѣва и заключенія свобода сотворити (см. въ примѣчаніи къ сочиненію Субботина „Дѣло патріарха Никона“, стр. 245).

Вѣроятно обнаруженіе тайной переписки Саввы Дмитріева съ святѣйшимъ патріархомъ Никономъ усилило на него гнѣвъ царя и бояръ; другой же основательной причины къ сему въ дошедшихъ до насъ актахъ не видно.

Сообщаемая нынѣ въ печать переписка заимствована нами изъ одного рукописнаго сборника Московскаго Публичнаго Музея, изъ отдѣла рукописей, принадлежащихъ къ собранію покойнаго любителя и знатока Русской старины В. М. Ундольскаго (№ 415, л. 319—369); въ $\frac{1}{4}$ долю листа, писано полууставомъ XVII вѣка, къ сожалѣнію писцомъ весьма малограмотнымъ, а потому съ нерѣдкими ошибками въ сочетаніи словъ и ихъ окончаніяхъ и безъ всякихъ знаковъ препинанія, кромѣ точекъ. Впрочемъ, возстановить смыслъ испорченныхъ мѣстъ облегчаетъ то обстоятельство, что въ отвѣтныхъ письмахъ патріарха сперва повторяются буквально важнѣйшія мѣста изъ писемъ къ нему того или другаго лица, и за тѣмъ уже слѣдуетъ отвѣтъ на нихъ. Это повтореніе важнѣйшихъ мѣстъ переписки, кромѣ опыта въ разборѣ темныхъ и испорченныхъ мѣстъ, пріобрѣтеннаго нами долговременнымъ и внимательнымъ изученіемъ старинныхъ актовъ вообще, дало намъ возможность возстановить испорченный мѣстами смыслъ рѣчи въ подлинной рукописи; другаго же списка этой переписки доселѣ еще неизвѣстно.

А. Л—з.

Новый Іерусалимъ
12 Генваря 1873 года.

ПЕРВЫЙ ПИСЬКА.

Святѣйшаго Никона патріарха съ Аванасіемъ митрополитомъ Иконійскимъ въ 1655 году.

I.

Первое письмо Аванасія митрополита Иконійскаго и Кападокійскаго къ патріарху Никону.

Пресвятѣйшій и блаженный и премудрый мой отче и патріархъ великаго града Москвы и всея Россіи, третійнадесять апостолъ и судья великія и малыя и бѣлыя Россіи, мой отче и владыко, господине, господине Никоне. Блаженную твою душу цѣлую и кланяюся, преклоншеся на землю, рупѣ и носѣ со смысломъ цѣлую моимъ писаніемъ; молюся всесильному Богу, да мя сподобитъ видѣти тѣлеснѣ тебе. Того ради нынѣ, слыша святое твое имя, веселюся. Единно, владыко мой святый, къ міру пришло, еже правды не любятъ, единой токмо лжи желаютъ. Мене послалъ братъ твой Константина града патріархъ ради миру съ боярами; указалъ имъ, что (онъ) мнѣ приказалъ. И тако послаша мене здѣ въ монастырь, а людей моихъ послаша въ Сибирь, а иныхъ не знаю куды сослаша ¹⁾. Токмо благодарю Бога! Богъ станетъ судити міру и воздастъ имъ воздаяніе, како сотворяютъ: грамоты приносятъ Гречане ложныя, только добыти деньги. Тако тѣмъ вѣрять боя-

¹⁾ Такъ какъ извѣтъ патріарха Діонисія на Аванасія, по просьбѣ Діонисія, долженъ былъ оставаться тайвою между нимъ и царемъ, то Аванасій и не могъ знать, кто истинный виновникъ его заточенія, а потому приписывалъ его несправедливо однимъ боярамъ.

ре и того любятъ, паче правды, а блаженству твоему, учащу слово Евангельское, не внимають. Лишше труждаются лукаво: ни единъ патріархъ грамоты не дастъ имъ. Опять блаженство твое будетъ патріархъ Московскій; не будетъ иначе, и святыя твои молитвы да будутъ со мною. Послѣдній рабъ святительству твоему, митрополитъ Иконійскій и Кападокійскій Аѳанасій.

Примѣч. (въ подлинной рукописи): Сей Аѳанасій присланъ отъ Цареградскаго патріарха (Діонисія) съ грамоты къ Царскому Величеству и къ патріарху Никону моляй (ихъ) о смиреніи; грамоту что къ патріарху Никону отобрали, а его Аѳанасія послали въ Симоновъ монастырь, отгуду онъ патріарху Никону сія писа.

II.

Отвѣтъ святѣйшаго патріарха Никона на первое письмо къ нему Аѳанасія митрополита Иконійскаго.

Никонъ, милостію Божіею патріархъ, преблженнѣйшему новому исповѣднику правды, пресвященному Аѳанасію Иконійскому и Кападокійскому митрополиту радоватися!

Пріялъ твою грамоту и цѣлова дѣло рукъ твоихъ, яко самыя писавшія и часто зрю, и прочитаю, и тѣмъ многую печаль свою погублю; обаче прежде иныхъ нижда ми писати, да проститъ мя твое блаженство, яко не ускоришь отвѣтъ послати тебѣ за мною моею скорбію тѣлесною. А яже пишетъ твое преблженство: „молишия всесильному Богу, да ты сподобитъ видѣти мя тѣлеснѣ“, грѣшница лица непросвѣщенна, ниже могутъ иныхъ просвѣщати, но паче подобало намъ взысквати и посѣщати

твое преблженство, во узахъ суша и въ заточеніи горькомъ, правды ради, Господу заповѣдающе: въ темницѣ бѣхъ, и приидосте ко мнѣ. Обаче настоящія злобы ради ни къ заповѣди время оставляетъ насъ приходити, якоже вѣси и слышаши. Ино же что ти (рещи), по благому, не вѣмъ, свѣмъ бо самаго Бога глаголюща о любви сице: „Больше сея любви никтоже имать, да кто душу свою положитъ за други своя. Вы друзи Мои есте, аще творите елико заповѣдаю вамъ“. И кто можетъ мѣру злостраданія твоего поставити, елика слышимъ и разумѣемъ, аще самъ Господь свидѣтельствуеетъ, яко больше сея любви нѣсть еже положить душа своя за други своя, и дѣянія ради заповѣди, другъ Божій еси, аще совершишь. Сего ради присно заповѣдаетъ Спасъ, глаголя: „нѣсть рабъ болій Господа своего; аще Мене изгнаша, и васъ ижденуть; аще слово Мое соблюдоша, и ваше соблюдутъ“. И верховный Апостоль Петръ пишетъ: „Зане и Христосъ пострада по насъ, намъ оставль образъ, да послѣдуемъ стопамъ Его“ и прочая, и паки рече: „Христу, убо пострадавшу за ны плотію, и вы въ туже мысль вооружитесь“. И божественный Апостоль учитъ, глаголя: „Терпѣніемъ да течемъ на предлежащій намъ подвигъ, взирающе на Начальника вѣры и на Совершителя Исуса, Иже вмѣсто предлежащія радости претерпѣ крестъ, о срамотѣ не радивъ, одесную престола Божія сѣде“. И Коринѳяномъ пишетъ: „Тѣмъже благоволю въ немощѣхъ, въ досажденіихъ, въ бѣдахъ, въ изгнаніихъ, въ тѣснотахъ, по Христу“. Но что изгнаннымъ и злостраждающимъ, заповѣди ради Христовы, готовится, каковое воздаяніе, послушай самаго Господа: „блажени бо, рече, изгнани прав-

ды ради, яко тѣхъ есть царство небесное“; и ни едино царство небесное, просто обѣща, но и мзду многу, послѣдуя глаголетъ: „блажени есте, егда поносятъ вамъ и ижденуть вы и рекутъ всякъ золь глаголѣ на вы лжуще, имени Моего ради. Радуйтеся и веселитесь, яко мзда ваша многа на небесѣхъ“. Мы же, апостольски послѣдуя, молимъ твое преблаженство, не отложити убо дерзновенія твоего, еже имать мздовоздаяніе велико: терпѣнія бо имаши потребу, да волю Божию соверша, приимеши обѣщаніе, его же обѣща Богъ любящимъ его; а яже глаголеши: „яко правды не любятъ“: не токмо сами не любятъ, но и любящихъ ненавидятъ и гонятъ. Обаче имъ Христосъ сказалъ: „Тако бо и прежде васъ изгнаша пророки“. А о людѣхъ печалуешься: „овыхъ въ Сибирь сослаша, овыхъ не вѣси куды сослаша“: не скорби, брате, благодаря Бога, ибо ни единѣхъ твоихъ, насъ ради, умучиша много зѣло, ихъ же число намъ не вѣдомо, елико по отшествіи нашемъ разослано и мучено на смерть. И по нынѣ иные мучатся въ дальнихъ странахъ, іереи и діаконы, монаси и миретіи съ женами и дѣтьми, всякими нуждами. Обаче ни единъ отъ нихъ забудеть отъ суда Божія: стануть, по писанному, предъ лицемъ оскорбившихъ въ день судный, въ дерзновеніи мнозѣ, и прочее. Не печалуй, брате, благое твоя, но постражди, яко добръ воинъ Христовъ; послушай пророка Божія, блажаща тя: блажени бо, рече, ходящія въ заповѣдѣхъ Его, и паки: блаженъ мужъ бояйся Господа, въ заповѣдѣхъ Его восхоцетъ зѣло; сильно на земли будетъ сѣмя его.

III.

Второе письмо Аванасія митрополита Иконійскаго къ святѣйшему Никону патріарху.

Пресвятѣйшему и премудрѣйшему и блаженному отцу и патріарху Московскому и всея Россіи, господину, господину Никону, радоватися и во Христѣ цѣлую святую твою десницу и священно облобызаю.

Объ томъ желаю и вѣдаю божественное пресвятительство твое, владыко святѣй, слышащи святое твое имя и неизреченную милость пришельцамъ, яко ихъ любишь и одѣваешь, яко отецъ и чадолюбивый, и будетъ тебѣ заплата отъ Господа во царствіи небесномъ, егда услышатъ блаженный гласъ Господа глаголющій: приидите благословенніи Отца Моего, наслѣдуйте уготованное царство небесное отъ сложенія міра. Также пророкъ Давидъ глаголетъ: весь день даеть праведный и милуетъ, и сѣмя его во благословеніи будетъ. Премудрый мой Отче! Нечестиваго Дихарида ложь совершилася, по словесѣхъ преблаженнаго брата твоего: прислалъ писаніе и отлучилъ его и проклялъ яко папешника и злаго челоуѣка, глаголетъ— лживаго ²⁾; другое: бывъ въ Цареградѣ Сихурской ³⁾ и гнавъ его Кон-

²⁾ Здѣсь разумѣется, какъ замѣчено выше нами, отзвѣвъ о Паисіи Газскомъ Константинопольскаго п. Діонісія въ отвѣтномъ посланіи къ царю, на его грамоту, посланную въ Царьградъ съ монахомъ Саввою.

³⁾ Мы полагаемъ, что здѣсь Аванасій разумѣетъ извѣстнаго іеродіакона Мелетія, друга и земляка Лигаридова, который могъ называться Сихурскимъ (или Сефурскимъ) отъ роднаго своего города Сефоріи (на пути отъ Кайфы въ Назаретъ), посланнаго вторично на Востокъ для приглашенія на соборъ патріарховъ: Іерусалимскаго, Антиохійскаго и Александрійскаго (а къ Константинополь-

стантинопольскій, да посадить его въ каторги, и не знаю куды ушелъ. Нынѣ стали слѣпы вси; едина ми (отрада) слышавъ, (яко) воспріемникъ мой ѣдетъ (сюда); тогда воспишу о всемъ святительству твоему, и той несеть грамоты ко мнѣ. Токмо молюся, не забуди мене въ тайныхъ твоихъ молитвахъ; молися Богу за насъ, занеже печаль моя есть великая и расторженна, и желаю правду, о чемъ есть мнѣ приказано, и стражду здѣ во чужей земли, и о разореніи моемъ не печалую, но едино токмо о людѣхъ моихъ стражду, яко страдальникъ Евстафій ⁴⁾: единъ взялъ супружницу его, и волкъ взялъ едино чадо его, и медвѣдь другое, и о томъ не сѣтова, токмо въ Бозѣ веселился въ нуждахъ своихъ; такожде и азъ убогій и рабъ святительству твоему имѣю святое писаніе твое, еже еси прислалъ и читаючи веселюся и пресвятительства твоего благословеніе да будетъ со мною. 1665 году, мѣсяца Іунія въ 29 день. Послѣдній рабъ святѣйшеству твоему митрополитъ Иконійскій и Кападокійскій АѦанасій.

IV.

Отвѣтъ святѣйшаго патріарха Никона на второе письмо АѦанасія митрополита Иконійскаго.

Никонъ, милостію Божіею патріархъ, всеблаженнѣйшему АѦанасію, митрополиту благодать и милость и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Иисуса Христа!

Грамоты твои второе писанныя къ намъ прочтохъ, вырази мѣхъ добръ и

скому, по вышесказанному, посланъ былъ съ такимъ же првглашениемъ и съ вопросомъ о подлинности «отвѣтовъ» монахъ Савва-Грегъ).

⁴⁾ Св. Евстафій Плакида.

благословя благословлю твое преблаженство, якоже не туне имя на себѣ носиши безсмертія, но дѣло и произволеніе достойно званію дѣеши, да приложить ти Господь древняго Финееса ревность на беззаконно блудившаго Лихарида, и примеша мечъ духовный, прободеша лукавое сердце и смысленіе, и сбудетъ реченное во псалмѣхъ: „и ста Финеесъ и угоди, и преста сѣчь, и вмѣнися ему въ правду въ родъ и родъ до вѣка“. Пишетъ твое преблаженство, „яко нечестиваго Лихарида ложь совершилася, по словесѣхъ преблаженнѣйшаго брата нашего, и прислалъ писаніе и отлучилъ его и проклялъ, яко папешника и злаго человѣка.“ По правдѣ братъ нашъ сотвори тому; обаче святая Церковь вопіетъ и глаголетъ непрестанно: „прокляти укловяющіеся отъ заповѣдей Твоихъ.“ Той же злой человѣкъ Лихаридъ ничтоже мысли когда что либо отъ заповѣдей добро сотворити, во присно мыслить, како человѣкомъ, а не Богу угодити, ему же, по писанному во псалмѣхъ, „разсыплетъ Господь Богъ кости, яко человѣкоугодику.“ И паки пишешь другое: бывъ въ Цареградѣ Сихурскій и гнавъ его Константинопольскій, да посадить его въ каторги, и онъ ушелъ; и нынѣ стали всѣ слѣпы, Господу глаголющу: „ничтоже покровено еже не открыетъ и тайно еже не разумѣетъ; зане слико рѣсте во тмѣ, во свѣтѣ услышитъ и еже ко уху глаголасте, проповѣдитъ на кровѣхъ“. Колико въ семь лѣтъ борють мя ти лукавіи человѣцы и глаголють всѣ ложное и не возмогають, яко Господь побораеть по насъ. И еще возвѣщаетъ намъ преблаженство твое, яко воспріемникъ твой ѣдетъ и тогда воспишешь намъ; добръ сотвориши, аще возвѣстиши. Еще пишемъ твоему преблаженству:

книгу, ея же хотѣлъ еси послати намъ о судѣ архіерейскомъ, да пришлеша; имѣхомъ ю прежде, иже подарили на Москвѣ святой человѣкъ Діонисій Ахридскаго архіепископа, по отшествіи уже моемъ съ Москвы; оставихъ ю на Москвѣ съ прочими книги и богатствы, и по царскому указу бояре, замки разбивъ, всё еже годно поимали, и тую книгу взяли же, и не вѣмъ, гдѣ есть нынѣ. А еже бы намъ не забыти въ тайныхъ своихъ молитвахъ, ей, со всею братіею молимся Богу о твоємъ преблаженствѣ. И еще же пишетъ твое преблаженство, яко печаль твоя есть великая расторженная *), и желаешь правду, о чемъ тебѣ приказано. Аще ли есть приказано ти, и не измѣняй; ей, Божія заповѣдь повелѣваетъ ти, глаголя: слушай васъ, и Мене слушаетъ и прочее. Но постражди, яко добръ воинъ Христовъ. Жалишися же, яко страждеши въ чужей земли: Господня есть земля и исполненіе ея; божественный Апостоль глаголетъ: не имамы здѣ пребывающаго града, но грядущаго взыскуемъ, и Самъ Господь глаголетъ: лиси язвыны имуть, и птицы небесныя гнѣзда, Сынъ же человѣческій не имать гдѣ главы подклонити. Приточникъ глаголетъ: чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу свою во искушеніе. И ты, брате, благое творя не служай: упованіе уповающаго на Бога не посрамить, Господу свидѣтельствующу: во вѣрѣ твоей буди тебѣ. И паки индѣ пишетъ: вѣрова Авраамъ Богу, и вѣриши ему въ правду, другъ Божій наречеся, и аще вѣруеши, яко силенъ есть Спаситель Господь, по писанному во псалмѣхъ: многи скорби праведнымъ, и отъ всѣхъ ихъ избавитъ ѿ Господь;

*) То-есть раздирающая душу.

хранить Господь вся кости ихъ, и ни една отъ нихъ сокрушится. Здравъ буди, о брате, и не пренемай о наказаніи Господни, ниже ослабѣй отъ него, его же бо любитъ Господь, наказуетъ; поучайся присно Іовлево вѣщати: Господь даде, Господь и взя, и молися и о насъ, во еже спастися намъ. Писановъ Воскресенскомъ монастырѣ.

ПЕРЕПИСКА

святѣйшаго Никона патріарха Московскаго и всея Россіи съ грамотоносцемъ Іерусалимскаго патріарха Нектарія Севастьяновомъ или Саввою Дмитріевымъ 1655 г. и 1666 годовъ.

1.

Первое письмо Саввы Дмитріева къ патріарху Никону.

Владыко мой! Аще позовутъ тя, приди на соборъ; приди, не сотвори иначе и обезчестивъ нашъ святой соборъ, того ради не ино добро. Тако мнѣ есть приказано отвѣтъ дати; того ради повѣмъ: надѣюся на Бога, яко не имуть найти никакого порока, во всемъ свидѣтельство твое премудро и благочестиво; и что какой порокъ хотятъ найти? Рекутъ, что оставилъ еси престоль твой и отшелъ еси, и то нѣсть рѣчь: занеже когда архіерей оставитъ престоль свой и отыдетъ въ чужое мѣсто, то есть зло, добръ знаетъ (сїе) и святительство твое. Ты же и сошелъ еси съ Москвы, не пошелъ еси въ чужой міръ, но такоже въ престолѣ своемъ еси, и не имуть учинити о семъ ни единого же слова въ соборѣ. И о томъ молюся пресвятительству твоему: едино о семъ часѣ не объяви, да не речеши, како ти послалъ блаженный грамоту, и задержали еѣ вверху бояре, и объявится дѣло, что услы-

шалъ еси отъ мене, и мнѣ лихо сотворять. Едино прїимеши, да прїидеши велимъ смиреніемъ, и буди, яко не знаешь ничего и небоязненъ, занеже не имуть тебѣ учинити ничтоже. Молюся и премолюся святительству твоему, пишу въ Господѣ, честный отче, здравствуй! Не забуди насъ писаніемъ твоимъ божественнымъ отписать. Смиранный рабъ твоему святительству Савва нѣкогда Димитріевъ, къ тебѣ припадаючи, сотворяю метаніе, на колѣнѣхъ кланяюся, да мя простишь, владыко, за мое малое писаніе, что есть вскорѣ, отъ моего многія смуты; умъ мой нѣсть со мною, и да имѣю прощеніе. Владыко мой пресвятѣйшій, отъ мене сына прїими малѣйшее номинаніе, что посылаю съ симъ другомъ: убрисцовъ пятнадцать малыхъ и гребень и единъ платокъ съ золотомъ и немного седмоногихъ (раковъ?). И прости мене Бога ради, зане подобало и лучше того почтити блаженство твое о всемъ, да не вѣмъ что дѣлать, яко же самъ здѣ въ заточеніи, не имамъ промысленника. Едино какъ дастъ Господь Богъ, и будетъ по воли твоей. И яко прїидеши здѣ, будемъ творити подобную честь, и да имамъ прощеніе, за что свидѣтель есть мнѣ Господь Богъ. Умъ мой нѣсть со мною отъ множества печали моей, о которой не могу и писати. Господь знаетъ сердце мое, памятуячи, какъ тыя слогни, и другое, что и здѣ пришедъ и сижу толикое время запертъ, имѣю толикъ убытокъ и ни о какомъ дѣлѣ разсмотрати невозможно: толико скорбь моя, и не имамъ что глаголати, и святыя твоя молитвы да будутъ со мною. Пишу во Господѣ, пресвятѣйшій мой отче.

II.

Второе письмо Саввы Дмитріева святѣйшему патріарху Никону.

Пречестѣйшій и Богомъ почтенный и словесѣйшій и премудрѣйшій и Богомъ избранный, равноапостоле и всемъ разумнымъ цвѣте, звѣзда видимая, свѣтящая надъ нами, мой государю и отче, господине, господине Никоне!

Святительству твоему колѣна преклонь, кланяюся и святую твою десницу цѣлую, моляся въ Троицѣ пѣваемому Богу, да здравствуеши въ Возѣ, высочайшее твое пресвятительство сугубо предъ Богомъ положивъ, пресвятѣйшій чинъ во утвержденіе блага соборной и великой апостольстѣй церкви Христовы и всѣхъ православныхъ Христіанъ; мнѣ же послѣднему рабу твоему въ похвалу и вселіе. Едино *), владыко мой святѣйшій, вѣдомо буди твоему пресвятительству: книгу твою прїялъ и писанное въ ней Божиимъ изволеніемъ добрѣ разумѣхъ и услышахъ доброе здравіе вашего пресвятительства, всею душею прославихъ въ Троицѣ пѣваемаго Бога и Госпожу нашу Пречистую Богородицу, всегдашній покровъ, сохраняющій твое святительство, ради прибытку и похвалы нашему роду. Едино, святѣйшій мой владыко, изволь знати и про меня неразумнаго и послѣдняго раба твоего: во здравіи бо добрѣ есмь до нынѣ, а завтра Богъ вѣсть; едино молюся и премолюся твоему пресвятительству, да не забудеши послѣднее имя мое въ молитвахъ и въ моленіяхъ, за что скорбь есть злыи органъ

*) *Едино* употреблялось въ смыслѣ теперешняго *однако*. П. Б.

душевныхъ грѣховъ, и пемного смышляю о томъ, знаючи божественную проповѣдь намъ глаголющую: Аще ли хотите послѣдовать Мнѣ, продадите имѣнія ваша, и дадите въ милостыню. Возвратися и иди въ слѣдъ Мене. Тако же и азъ грѣшный стражду, ради грѣховъ моихъ, есмь въ такомъ безуміи; едино, ни тѣмъ что гонюся, но иже отъ Бога постигающимъ, колико имать человѣкъ отъ Вышняго Промысла разумѣнія. Едино Вседержитель Богъ всѣхъ, взявъ персть, создавъ челоуѣка и сотворилъ отъ четырехъ стихій: земли, воды, воздуха и огня; и аще не будетъ едины отъ четырехъ, живъ быти не имать. Тако и про сіе дѣло видится; не мысли себѣ святительство твое о семъ дѣлѣ: аще ли придетъ утверждение небесное низко, никто же не будетъ *), и не положи на своемъ умѣ. Дай премудрому вину, и премудрѣе будетъ. Радискорого писанія поспѣшаю рѣчь мою, за что меня призывали единова и дважды на судъ, и нынѣ во третій, и надобно не отречися, но пойти съ великою радостію, занеже тако отъ патріарха имѣю заповѣдь. И тако видимъ, яко заповѣди ихъ подобаеи творити, и мню, яко отечески праведникъ поучаетъ насъ, и другое: за тайности други и сказываетъ намъ, что всегда будетъ неразуміе въ людѣхъ и безсовѣтіе, и тако во многихъ оболгающихся (обольцающихся?) словомъ припадаютъ недруги во многомъ трудѣ, и есть лукавство и не добро. Хотѣлъ еще писати тебѣ за Никона патріарха Московскаго во сколько главахъ есть вина его, да отлучатъ Никона, которыхъ главъ есть тридцать, отъ нихъ же двадцать двѣ

*) Перевраиъ святоотческаго слова: «аще и небо солннется съ землею, смиренный не убится сего».

имѣю написаны въ семь часу и другія, аще Богъ мнѣ сподобитъ перепису и пошлю во множество (вкупѣ); который любя ти, едино прислалъ былъ. Есть не великій подарокъ пресвятительству твоему во время и не имѣлъ извѣщенія, аще пріялъ еси или ни; имѣю желаніе смиренно, аще еси пріялъ, да ми извѣстиши о всѣхъ со Димитріемъ и многолѣтствую. 1665 году мѣсяца Іунія 1-го числа. Не остави мене писаніемъ твоимъ, божественный и милостивый мужъ. Смиренный и послѣдній рабъ святительству твоему Савва Димитріевъ, ученикъ и Апостоламъ верховнымъ и Евангелистамъ всегда въ послушаніи сый, поклонъ сотворяю.

III.

Отвѣтъ святѣйшаго патріарха Никона на второе письмо къ нему Саввы Дмитріева.

Никонъ, Божіею милостію патріархъ, чаду нашему Саввѣ благодать и милость и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа. Вторую грамоту твою пріялъ и выразумѣлъ добрѣ, и почудихся сладости словесъ твоихъ; словеса твои суть, яко Сираха сладкоглаголиваго, и славлю Господа Бога, яко еси добрѣ здравствуеши всегда и на многа времена. А о нихъ же скорбиши, Господине, уповай на Бога и не премогай о наказаніи Господни; вѣси Іова богатшій былъ, иже внезапно лишенъ всѣхъ своихъ благъ, и не до сего, но множае, и по сихъ безпокровіе, отъ жены и отъ друзей поношеніе и укореніе и во всѣхъ сихъ не согрѣши Іовъ ни во устну своею, якоже пишетъ, но присно глагола: „Господь даде, Господь и взя, нагъ изыдохъ отъ чрева

матере своей, нагъ и отъиду⁴, и индѣ: „ничтоже внесохомъ въ мѣръ сей; явѣ, яко ни изнести что можемъ“. Помысли же и во Евангельскихъ притчахъ о богатомъ и убозѣмъ Лазарѣ, кто вѣнчанъ бысть, и кто осудися, и о желавшемъ разорити житницы своя меньшія и большія создати, да собереть ту милостыня своя и благая своя, и что бысть ему божественный отвѣтъ: Безумне, въ сію ночь душу твою отъимуть отъ тебѣ; а яже уготова, кому будетъ? Благо же творя, не стужай: что бо пользуетъ челоуѣка, приобрѣте мѣръ весь, себѣ же погубихъ или отщегивъ и прочее. Писано есть: чадо, аще приступаеши работати Господеви, уготови душу свою во искушеніе, и Господь глаголетъ: аще кто хочеть по Мнѣ иди, да отвержеть себѣ и возметъ крестъ свой и по Мнѣ грядетъ. Пишеша, праведниче, яко призывали тебѣ единова и дважды на судъ и нынѣ въ третіе, и надобно не отрещися, но пойти съ великою радостію, зане тако отъ патріарха имѣю заповѣдь; и тако видишь, яко заповѣди ихъ подобають творити. Ей, подобають, яко самаго Бога заповѣдь повелѣваетъ: слушай бо васъ, рече, Мене слушаетъ и отменяйся васъ Мене отменяется. И паки пишетъ: яко еще поучаютъ тя, и другое: за тайности други и сказываютъ тебѣ, что всегда будетъ неразуміе въ людѣхъ и безсовѣтіе, и тако во многихъ оболгающихъ (обольщающихъ?) словомъ припадаютъ недруги во многомъ трудѣ и есть лукавство. Благодарное чувство, разумъ имѣеши, елико добро и елико зло да разсуждаеши; зане не имать всяко дѣло и слово подвигнутися отъ челоуѣка, прежде даже не выразишь, ибо и безсловесніи скотове смертоносныхъ былій не вку-

шаютъ, злая же оставляють, аще и гладніи суть. А яже на насъ писанныя вины ложныя, аще имаши, пришли. Слышахъ отъ посла своего, яко зѣло оскорбился еси о дарѣхъ; елико прислалъ ми, и елико писано въ грамотѣ твоей пріялъ есмь любя тя, аще и не хотя; не писалъ же есмь, яко въ грамотахъ нашихъ не удобно есть писати, но наказалъ съ посломъ своимъ. И слышахъ, яко вельми печалуеши, почудихся твоему малодушію, яко чрезъ заповѣдь твоя больша смертно (согрѣшаемъ), заповѣди повелѣвающей: просящему у тебѣ дай, и паки: егда сотвориши милостыню, да не увѣсть шуйца твоя что творить десница твоя; и паки: алченъ бѣхъ и накормите мя, жаждень и напоите мя, странень и введосте мя, нагъ и одѣясте мя, и паки: егда сотвориши обѣдъ или вечерю, не зови сродникъ своихъ и богатыхъ, егда и тѣи такожде воззовуть тя, и не будетъ ти воздаяніе; но зови нищихъ и маломощныхъ, и блаженъ будеши, воздавно же ти будетъ во царствіи небесномъ. И паки: аще и въ заемъ даете отъ нихъ же чаєте воспріяти, кака вамъ благодать есть; ибо и грѣшницы грѣшникомъ взаимъ давають, да дарованная воспріимуть. Ты же, рабе Божій, на что ко мнѣ дарове посылаеши, грубому и нечестивому и любочестія взыскуя себѣ сокрушаеши. Божія заповѣдь повелѣваетъ: благодарите и взаимъ дайте, ничесоже чающе, и будетъ мзда наша многа, и будете сынове (Вышняго). Или воздаяніе отъ мене смиреннаго ищещи, а не отъ Бога? То никако восхотѣлъ пріяти, и тебѣ оскорбити, ибо Павловъ есмь ученикъ и подражатель: руцѣ мои послужиста мнѣ и сущимъ со мною. Индѣ есть писано: своими уроки доволитися, ибо благодать Бо-

жія питаеть во святѣй обители нашей не мнѣе тысячи чловѣкъ, развѣ странныхъ и нищихъ братій; питаемъ есмь во всякомъ довольствѣ безъ нужды и ни отъ кого просимъ или принимаемъ, развѣ дающаго пищу алчущимъ, отъ единого Бога.

IV.

Третье письмо Саввы Дмитріева къ святѣйшему патриарху Никону.

Пречестнѣйшему и словеснѣйшему и премудрѣйшему нашему государю и владыцѣ господину, господину Никону, колѣна преклонъ, поклоненіе низко творю и святыя руки и ноги цѣлую. По подобію сущую книгу пріавъ, разумѣхъ все и, слышащи про твое здравіе доброе, славлю въ Троицѣ поклоняемаго Бога, да сохранить вышши всѣхъ отъ нужды и скорби, въ пользу многихъ и во хвалу нашему роду. И якоже услышавъ добродѣтели, которыя сподобилъ тебѣ Господь Богъ, и славилъ Вседержителя Бога; такожде да дастъ всеблагій Богъ снитися и купно глаголати, якоже изволитъ Богъ святой, а о семь часѣ Богъ видитъ всякое сердце. И пишешъ намъ о Іовѣ, яко скорби того быша многія. По истиннѣ рабу твоему и сихъ немало; аще же добродѣтельства того и благодати не имѣли есмь, но яко нищій люди и полоненики съ невеликимъ имѣніемъ жили есмь, якоже и той со многимъ. Токмо что имамъ глаголати? Слава Богу! Оный погубихъ богатство свое, и имѣнія вся и дѣтей своихъ, и битъ и оскорбленъ бысть: такожде и мы разлучихомся отъ дома своего, и отъ жены, и отъ дѣтей своихъ, паче же и биты и озлоблены быхомъ, еще же и окованы, понеже сталъ третьяго дня

предъ великимъ Государемъ, и то пострадахомъ, но слава Богу! Токмо молюся Богу. А что писалъ еси къ намъ небольшого (ради) поминка, что было послали, противу дара, не благоговолить Богъ, еже бы такой рѣчи изыти изъ устъ моихъ; лгалъ (лаялъ)? ли чего посланникомъ твоимъ, и да проститъ меня Богъ, понеже глаголетъ и Апостоль Павелъ во главѣ 15-ой къ Коринѣянамъ: „бесѣды злы тлятъ обычай благи, и не подобно есть, да вѣрятъ словесѣмъ младыхъ всегда мудрїи мужи“. А о статїяхъ оныхъ: не готово, и яко способлю пришлю, и молюся Богу, да сохранить святительство твое въ мирѣ на многа лѣта, аминь. Не остави насъ грамотами своими ради Бога, милостивый отецъ. Савва Дмитріевъ кланяюся и низко въ покаяніи колѣнопоклоненіе творю низко до земли и святую твою десницу цѣлую. 1665 года Іунія 14-го дня.

V.

Отвѣтъ на третье письмо Саввы Дмитріева святѣйшаго патриарха Никона.

Никонъ, милостію Божіею патриархъ, рабу Божію и нашему во святѣмъ Дусѣ чаду Саввѣ благодать и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Іисуса Христа; и молюся Господу Богу, да сохранить тя Господь Богъ вышши всѣхъ отъ всякія нужды и скорби, во славу и похвалу святыя Троицы, и во упованіе въ пользу многимъ злостраждущимъ правды ради. Пишетъ твое преблаженство: „да дастъ Богъ снитися и купно глаголати“. Желая и пржеделаю и молю Бога, дабы честнїи нози твои злострадавшія цѣловалъ; прости ми,

вселибездный нашъ чадо, яко много ты опечалихъ, первѣе всего писаниемъ; ей, много и сего мученія твоего, но не вѣмъ, что сотворити, дабы пользовалъ ты, развѣ смиренныхъ своихъ молитвъ. Дары же твоя посланные къ намъ да приметъ Господь Богъ, якоже пріять Авелевы дары, Ноево всеплодіе, Моисеова мирная, и да воздастъ ти богатыми своими небесными дары: вмѣсто временныхъ вѣчная, вмѣсто тлѣнныхъ нетлѣнная. Здравъ буди и о наказаніи Господни не изнемогай; писано есть, не попуститъ Господь паче еже подобаетъ искушиться, даетъ бо, рече, Господь со искушеніемъ изводство немощи нашей. Писана въ Воскресенскомъ монастырѣ 1665 году Августа въ 11 день.

VI.

Письмо святѣйшаго патріарха Никона къ Саввѣ Дмитріеву.

Никонъ, милостію Божіею патріархъ, во святѣмъ Дусѣ чаду нашему Саввѣ, благодать, милость и миръ отъ Бога Отца и Господа нашего Ісуса Христа! Аще восхощеши вѣдати о насъ, и се живы есмь; едино болѣзнуемъ, яко много время прешло еже не слышали есми о твоёмъ здравіи, и се нынѣ послали есми нарочно съ малою сею грамотою нашею, да вѣмы, како пребываеши, что дѣется надъ тобою, и о прочіихъ мѣстѣхъ.

VII.

Четвертое письмо Саввы Дмитріева къ святѣйшему патріарху Никону въ отвѣтъ на его вышеприведенное письмо.

Всесвятѣйшій, богословнѣйшій, и Богомъ почтенный и Богомъ научен-

ный, равноапостоле, всякаго разума цвѣтъ, звѣзда свѣтлая сіяющи отъ Востока, и мнѣ государь и владыко, господине, господине, господине Никоне! Всесвятительству твоему колѣна преклоняю, кланяюся и цѣлую святыя руки и ноги, моля Христа истиннаго Бога нашего, да здравствуеши присно и твердо пресвятительство твое, по Божественному твоему и святому начертанію въ проходящія многія, благія лѣта, ко утверженію соборныя великія церкви Христа Бога нашего Христіаномъ, мнѣ же послѣднему и смиренному рабу въ похвалу и радость. Токмо, владыко мой, изволишь вѣдати и о насъ: во здравіи пребываемъ, благодатію Христовою; едино еще въ первыхъ напастѣхъ обрѣтаемся, больше не могу обрѣсти ни отъ кого милости, да сотворитъ моленіе ко многолѣтнему царю о освобожденіи моемъ. Да обрящутъ отъ Бога (воздаяніе) злые люди и смутники, кто суть; ради того, что лихихъ людей и смутниковъ вси боятся, якоже и пророкъ Давидъ великимъ глаголомъ воспѣваетъ и глаголетъ псаломъ: Господи, избави мя отъ клеветы чловѣческой, и сохрани заповѣди твоя и прочая. Когда онъ пророкъ и святѣй царь моляшеся въ Троицѣ пѣвавшему Богу, да его избавитъ отъ злыхъ чловѣкъ и отъ клеветы ихъ, какоже азъ смиренный и послѣдній (имаю) еже не бояться сопротивниковъ своихъ? Едино глаголю: изми мя, Господи, отъ чловѣка лукава, и отъ мужа неправедна избави мя, и прочая, и предаю ихъ страшному Судіи, да судитъ ихъ въ день судный, яко изгубихъ имѣніе свое, и животъ мой, ради правды, и они да изгубятъ душу свою. Вкупѣ со слюдою пріяхъ честную твою (грамоту) и разумѣхъ все и благодарихъ всецѣдраго Бога

на всѣхъ; едино благодарю Божіе конечное благоутробіе, благодарю и пре- благодарю и небесному Богу молюся, яко грѣшникъ, да ты сотворишь много- лѣтна и да воздасть ти всегда по жела- нію егоже желаеши, вышняго Іеру- салима. Молюся, да сохраняетъ все- святительство твое въ мирѣ на лѣта преходящія. Аминь. Не остави мене грамотою своею, Богомъ почтенный от- че. 1666 году Іаннуарія въ 1 день. Всегда по заповѣдѣхъ твоихъ Сева- стосъ Димитріевъ, колѣна преклоняя, кланяюся низко до земли и святую твою десницу облобызаю.

VIII.

Пятое письмо Саввы Димитріева къ святѣйшему патріарху Никону.

Всесвятѣйшій, Богомъ почтеннѣй- шій и Богомъ проповѣданный, словес- вѣйшій и премудрѣйшій и равноапосто- ле, мой государю и владыко, гос- подине, господине, господине Нико- не, звѣзда явная, яже свѣтитъ отъ Во- стока. Святительству твоему, колѣна преклоняя, поклоняюся низко, съ симъ писаніемъ, и святія твоя руки и ноги цѣлую, моляся въ Троицѣ по- емому Богу, здравствовать въ Бозѣ, и высотъ твоего святительства быти выше всѣхъ напастей и скорбей, въ пользу многимъ и въ похвалу, и мнѣ послѣднему и смиренному рабу тво- ему въ похвалу и радость!

Владыко мой всесвятый, изволишь знати и о мнѣ недостойномъ рабѣ тво- емъ: единъ Богъ вѣдаетъ, аще въ пер- выхъ нуждахъ и скорбѣхъ обрѣтаемъ- ся, и не имѣю гдѣ припасти ради освобожденія моего, кромѣ благоутробія Божія и въ милость многолѣтнаго ца- ря, и что имамъ рещи? Слава Богу, понеже наказуяся ради нѣкоего мое- го преступленія, имѣлъ бы есмь ве-

ликую болѣзнь, повѣдаючи что (стра- жду) по правдѣ; наказуяся же безъ вины, благодарю Бога, понеже мно- гихъ искушалъ Богъ и святыхъ про- роковъ, не единого меня смиренного. Токмо нынѣ стахъ, яко нѣкій корабль посредѣ моря, егоже займутъ вели- кія волны отъ всѣхъ четырехъ странъ, и не имать куды ворохнутися, и ча- су отъ часа ждетъ сокрушенія своего. Тѣмъ же образомъ останахъ и азъ бѣд- ный и не имамъ ни отъ кого же ка- кое посѣщеніе, понеже нынѣ други и недруги вси мене ненавидятъ, и хо- тя и извѣщу которому другу какую мою тайну, и онъ смышляетъ недоб- рое извѣщеніе мое, и ненавидитъ мя болѣ, такъ чтобы и не слышалъ о мнѣ; токмо что имѣю рещи: славно да будетъ имя Божіе, всё то отъ вра- га, еже имать кто друзей вѣрныхъ, и ненавидятъ его; и то едина благо- дать есть (имѣть друзей вѣрныхъ), токмо нынѣ никого не имѣю, да утѣ- шуся, кромѣ знаменія, егоже показа Господь нашъ Іисусъ Христосъ пер- вому царю православнымъ Христіа- номъ, святому реку и равноапостоль- ному великому Константину, егда иде побѣдѣти Римъ, и побѣдися первѣе и потомъ впаде въ скорбь, и Богъ свя- тый, еже не оболѣзнити его, показа ему честный и животворящій крестъ и рече ему: „симъ побѣждай“. Также и азъ убогій нынѣ, не имѣя куды припасти, нощь и день сотворяю крестъ на себѣ, глаголя: Господи, свободи мя отъ сея скорби, и Богъ святой да сотворитъ милость свою надо мною, понеже всегда правда царствуетъ, а лжи Богъ не приемиетъ; аще же на время и умножится, паки погасаетъ, а не сіяетъ, понеже и пророкъ Ісаія пишетъ въ 5-ой главѣ и глаголетъ: Увы глаголющимъ лукавая благо и благое лукаво, прилагающимъ свѣтъ

во тьму, и тьму во свѣтъ, прилагающимъ горькое сладко, и сладкое горько; горе ихъ въ нихъ и предъ ними и прочее. Ради того азъ послѣдній и смиренный рабъ твой ученикъ есмь въ докладъ многолѣтнему царю и всему освященному духовному собору о желанномъ повѣмъ: что грамоты, кои принеслъ есмь, тамо есть вся правда написана, и какъ изволяютъ, такъ-де и творять; азъ есмь чистъ отъ всѣхъ и на правдѣ своей стоя, сію объявляю: Да не воздамъ доuku святительству твоему; молюся въ Троицѣ пѣваемому Богу, да сохранить все-святительство твое въ мирѣ къ текущимъ лѣтамъ многимъ. Аминь.

Не оставляй насъ грамотою своею, богомудрый отче. 1666 году мѣсяца Января 2-го дня, писахъ во Господѣ смиренный рабъ пресвятительству твоему Севастось Димитріевъ, всегда подъ произволеніемъ твоимъ.

IX.

Отвѣтъ святѣйшаго патріарха Никона на пятое письмо къ нему Саввы Димитріева.

Никонъ милостію Божіею патріархъ, рабу Божію Севастось благодать, милость, миръ отъ Бога Отца и Господа Спаса нашего Иисуса Христа. А о насъ изволить преблаженство твое вѣдати: и мы есмь живы, грамоту твою пріяхъ и добръ выразумѣхъ, и знатно ми есть о твоёмъ злостраданіи; обрѣтохъ же и се написано въ твоей грамотѣ, яко не имѣеши гдѣ припасти ради освобожденія своего, кромѣ благоутробія Божія и милости многолѣтнаго царя. Вѣсть Господь благочестивыя отъ напасти избавляти и прочая, Апостолу божественному свидѣтельствующу: ибо вси хотящіе благовѣрно жити о Христвѣ

Иисусѣ гоними будутъ, лукавыя же челоуѣцы и чародѣи преуспѣють на горшая и прочая; по написанному, Господу глаголющу: прежде же сихъ всѣхъ возложить на вы руки своя и изженуть, предаючи на сонмища и въ темницы, ведомы ко царемъ и владыкамъ, имени Моего ради; прилучится же ся вамъ во свидѣтельство, и все еже о насъ сбывается, и нѣсть лѣпо гнѣватися намъ на царя и владыки и бояръ, яко тако писано есть, и тако подобаетъ всѣмъ писаннымъ скончаться. Ихъ время пришло, что мучити, а намъ Христа ради и святыхъ Его ради заповѣдей мучитися; злопостражди, яко добръ войнъ Христовъ. И еже по сихъ: (пишешь) что други и недруги вси тебѣ ненавидятъ, и хотя извѣстишь которому другу какую тайну, и онъ смышляетъ недоброе извѣщеніе твое, и ненавидятъ тя болѣ такъ, чтобъ и не слышали о тебѣ. Поминай, чадо, Іовлево рѣченіе и еже глагола: и возопихъ и нигдѣже судъ, вкупѣ пріидоша искушенія на мя, знаеми мои отступиша отъ мене, познаша чужа паче мене; друзи мои не милостивии быша, не пріяша мя ближнии мои, и вѣдущіи имя мое забыша мя; сосѣды дому и рабы моя, яко иноплеменникъ быхъ предъ ними; раба своего возвахъ и не послушная, егда востануть на мя и глаголють: мерзокъ быхъ вѣдущимъ мя; ихже любихъ, восташа на мя. Азъ, аще бы могъ, всяко бы помогъ; но инако не имѣю, развѣ смиренными своими молитвами ко Господу Богу. Но ты, доброе твоя, не стужай, Богу свидѣтельствующу: аще жена забудетъ исчадіе рожденія своего, но азъ не забуду, глаголетъ Господь. Здравъ буди. Да послалъ я къ тебѣ рыбы: семгу свѣжую, да семгу просольную, да двѣ щуки, да два леща свѣжихъ.

НОВЫЯ ПОДЛИННЫЯ ЧЕРТЫ ИЗЪ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ ИМПЕ- РАТРИЦЫ АННЫ ІОАННОВНЫ.

Послѣ страшныхъ судорогъ Петровскаго переворота, послѣ неудавшихся усилій перестроиться на новый иноземный ладъ по кончинѣ Петра Втораго, Русская жизнь какъ бы одѣпенѣла и замерла на цѣлое десятилѣтіе. Жестокость правленія, не оправдываемая даже личною энергіею правителей и высшими цѣлями, какъ было при Петрѣ Великомъ, не улаждаемая славою побѣдъ и внѣшнихъ завоеваній, наложила мрачную тѣнь на все царствованіе Анны Іоанновны. Ближайшее потомство забывало охотно страшную бирюзовщину, и при Елисаветѣ и Екатеринѣ Русскіе люди уже могли стыдиться того что дѣлалось при ихъ отцахъ. Тоже самое можетъ быть отчасти отнесено и ко всему XVIII столѣтію. Люди временъ Александра Павловича старались скорѣе покрыть забвеніемъ этотъ вѣкъ дворскихъ смутъ и политическихъ преступленій, и отъ того народъ, всегда отличавшійся особенною любовью къ историческому чтенію, оставался въ невѣдѣніи объ исторіи ближайшихъ предковъ своихъ. „Я писалъ для Русскихъ, для купцевъ Ростовскихъ, для владѣльцевъ Калмыцкихъ, для крестьянъ Шереметева“, говоритъ Карамзинъ о великомъ трудѣ своемъ и ссылается на печатный списокъ лицъ, пріобрѣтшихъ его Исторію (Письма къ Дмитріеву, стр. 281). И эти самые Ростовскіе купцы и Шереметевскіе крестьяне, охотники до лѣтописей, знавшіе наперечетъ имена старинныхъ великихъ князей и царей, конечно не имѣли понятія объ исторіи XVIII столѣтія. О ней говорить было страшно. Ее преподавали утайкою.

Въ свѣтѣ нынѣшняго царствованія, проливающаго лучи благодати и сознанія не только во всѣ закоулки современной дѣйствительности, но и озарив-

шаго для насъ глухіе потемки нашей новой исторіи, начинаютъ выступать передъ грамотнымъ Русскимъ людомъ чудные образы прошлаго вѣка, эти желскія царствованія надъ людьми душесильными, эти тайные браки, пестрая смѣсь геройскихъ доблестей съ необыкновенными преступленіями, утонченная роскошь гражданственности и полцарства въ крови отъ пугачевщины, высокое рыцарство на престолѣ и полки, прямо марширующіе съ ученія въ Сибирь...., этотъ вѣкъ, при мысли о которомъ такъ и всплываются слова поэта:

Женообразный, сладострастный,
Сомнительный и лживый идеаль....
Лживый, но прекрасный.

Изъ всѣхъ царствованій этого столѣтія самое страшное и наименѣ извѣстное есть конечно царствованіе Анны. Объ ея вступленіи на престолъ едва позволялось упоминать въ печати. Дѣло Волынскаго до самыхъ нашихъ дней лежало запечатаннымъ, какъ государственная тайна. Тогда какъ уже можно съ полною подробностью возстановить всѣ черты домашняго быта Павла, Екатерины и Елисаветы, Анна Іоанновна еще смутно рисуется въ историческихъ показаніяхъ. Но лицо ея крайне любопытно, ибо она стоитъ на переходѣ между древнею и новою Россіею. Она окружена уже западною роскошью, забавляется стрѣльбою изъ оконъ въ пролетающихъ птицъ, верховою ѣздою въ манежѣ и карточной игрою, но еще вѣрится въ масло отъ лампадокъ, и во внутреннихъ покояхъ своихъ ходитъ повязанная платкомъ на головѣ, какъ современныя намъ простолюдинки.

Біографическія черты этой государыни содержатся въ нижеслѣдующихъ бумагахъ, изъ коихъ первая сохранилась въ одномъ изъ принадлежащихъ намъ рукописныхъ сборниковъ прошлаго вѣка, а всѣ остальные отысканы въ подлинникахъ и сообщены намъ для изданія неутомимымъ археологомъ Г. В. Есиповымъ, которому Русская историческая

наука обязана многими важными документальными открытиями. Правописание введено нынѣшнее, для удобства чтенія. П. Б.

АННА ЮАННОВНА ВО ВНУТРЕННИХЪ СВОИХЪ ПОКОЯХЪ.

Разказъ Настасы Филатьевны Шестяковой.

1738 года, Юня 16 дня. Мануила, Савелія и Измаила.

Божією милостію и заступленіемъ пресвятыя Богородицы и повелѣніемъ ея императорскаго величества приведена я была во дворець лѣтній ¹⁾. И привели меня въ дежурную къ Андрею Ивановичу Ушакову; а его превосходительство велѣлъ меня проводить черезъ садъ въ покои, гдѣ живетъ княгиня Аграеева Александровна Щербатая ²⁾. И какъ я шла садомъ, стоялъ лакей на дорогѣ и спросилъ: не вы ли Филатовна? И я о себѣ сказала: я. И взялъ меня лакей и довелъ меня до крыльца передъ почивальню и привелъ къ княгинѣ. Княгиня пошла и доложила обо мнѣ, и изволила ея императорское величество прислать Анну Федоровну Юшкову: „не скучно ль тебѣ, Филатовна, посиди“, и посадила со мною отъ скуки говорить Анну Федоровну Волкову, полковницу. А какъ пришло время обѣдать, посадили меня за столъ съ княгинею Голицыною, съ полковницею Анною

Васильевною, съ Парасковьею Дмитриевною Калышкиною, съ Акулиною Васильевною, съ Марьею Михайловною Возницыною, съ каморъ-юнофорою Матреною Евтифьевною, съ Маргаритою Федоровною, съ матерью Александрю Григорьевною — а иныхъ и не упомяну.

А какъ пришелъ часъ вечерни, изволила ея величество прислать Анну Федоровну, Юшкову: „ночуй-де у меня, Филатовна!“ И я сказала: „воля ея императорскаго величества“. А какъ изволила откушать ввечеру и изволила раздѣться, то меня княгиня привела въ почивальную предъ ея величество, и изволила меня къ ручкѣ пожаловать и тѣшила: взяла меня за плечо такъ крѣпко, что съ тѣломъ захватила, ажъ больно мнѣ было. И изволила привести меня ко окну и изволила мнѣ глядѣть въ глаза, сказала: „стара очень, некакъ какъ была, Филатовна — столько пожелтѣла!“ И я сказала: „уже, матушка, запустила себя: прежде пачкавалась бѣлилами; брови марала, румянилась.“ И ея величество изволила говорить: „румяниться не надобно, а брови марай.“ И много тѣшила и изволила про свое величество спросить: „стара я стала, Филатовна?“ ³⁾ И я сказала: „никакъ, матушка, ни маленькой старинки въ вашемъ величествѣ!“ — Какова же я толщиною, съ Авдотью Ивановну? ⁴⁾ И я сказала: „нельзя, матушка смѣнить ваше величество съ нею, она вдвое толще;“ только изволила сказать: „вотъ, вотъ, видишь ли?“ А какъ замолчу, то изволила сказать: „ну, говори Филатовна!“ И я скажу: „не знаю, чтѣ,

¹⁾ Этотъ дворець находился на берегу Невы, гдѣ нынѣ лѣтній садъ, по линіи чугунной рѣшетки его. См. Р. Архивъ сего года, стр. XLVI.

²⁾ Урожд. княжна Прозоровская, супруга тайн. сов. князя Федора Андреевича Щербатова и мать того князя Федора Федоровича, который дѣйствовалъ противъ Пугачова послѣ Бибиковѣ. Она была въ числѣ шутихъ Анны Юанновны.

³⁾ Анна Юанновна въ то время шель 45-й годъ.

⁴⁾ Графиню Чернышеву, ур. Ржелскую.

матушка, говорить; душа во мнѣ трепещется, дай отдохнуть“. И ея величеству это смѣшно стало, изволила тѣшиться: „поди ко мнѣ поближе“. И мнѣ стала ея величества милость и страшна и мила: упала передъ ножками въ землю и цѣлую юпочку. А ея величество тѣшится: „подымите ее“. А княгиня меня тащить за рукавъ кверху, я и пуще не умѣю встать. И такъ моя матушка свѣтла была, что отъ радости ночью плакала и спать не могла. „Ну Филатовна, говори!“ — „Не знаю матушка, чтò говорить“. — „Разказывай про разбойниковъ!“ Меня уже горе взяло: „я молъ съ разбойниками не живала“. И изволила приказывать, что я дѣлаю, скажи Авдотѣ Ивановнѣ. И долго вечеромъ изволила сидѣть и пошла почивать, а меня княгиня опять взяла къ себѣ, а княгиня живетъ передъ почивальнею.

А поутру опять меня привели въ почивальную передъ ея величество въ десятомъ часу, и первое слово изволила сказать: „чаю тебѣ не мягко спать было?“ И я опять упала въ землю передъ ея величество, и изволила тѣшиться: „подымите ее; ну, Филатовна, разказывай!“ И я стала говорить: „вчера, матушка, день я сидѣла, какъ къ исповѣди готовилась: сердце во мнѣ трепетало“. И ея величество тѣшилась: „а нынѣ что?“ „А сегодня, матушка, къ причастью готовилась“. И такъ изволила моя матушка свѣтла быть, что сказать не умѣю. „Ну, Филатовна, говори!“ И я скажу: „не знаю уже чтò говорить, всемилостивая.“ — „Гдѣ твой мужъ и у какихъ дѣлъ?“ И я сказала: „въ селѣ Дѣдиновѣ въ Коломенскомъ уѣздѣ управителемъ.“ Матушка изволила вспоминать: „выде были изъ Новгородскихъ?“ — „Тѣ

молъ волости, государыня, отданы въ Невской монастырь.“ — „Гдѣ-жъ-де вамъ лучше, въ Новгородскихъ или въ Коломенскихъ.“ И я сказала: „въ Новгородскихъ лучше было, государыня.“ И ея величество изволила сказать: „да для тебя не отнимать ихъ стать. А гдѣ вы живете, богаты-ли мужики?“ — „Богаты, матушка.“ — „Для чего жъ вы отъ нихъ не богаты?“ — „У меня молъ мужъ говоритъ, всемилостивѣйшая государыня: какъ я лягу спать, ничего не боюсь, и подушка въ головахъ не вертится.“ И ея величество изволила сказать: „эдакъ лучше, Филатовна: не пользуется имѣніе въ день гнѣва, а правда избавляетъ отъ смерти.“ И я въ землю поклонилась. А какъ замолчу, изволила сказать: „ну, Филатовна, говори.“ И я скажу: „матушка, уже все высказала.“ — „Еще не все: скажитко, стрѣляютъ ли дамы въ Москвѣ?“ — „Видѣла я, государыня, князь Алексѣй Михайловичъ ⁵⁾ учить княжну стрѣлять изъ окна, а поставлена мишень на заборѣ.“ — „Попадаетъ ли она?“ — „Иное, матушка, попадаетъ, а иное кривенько.“ — „А птицъ стрѣляетъ ли?“ „Видѣла, государыня, посадили голубя близко мишени, и застрѣлила въ крыло, и голубъ ходилъ на кривобокъ, а въ другой разъ уже пристрѣлила.“ — „А другія дамы стрѣляютъ ли?“ — „Не могу матушка, донести, не видывала.“ Изволила мать моя милостиво спрашивать, пока мѣсть кушать изволила. А какъ убраться изволила, то пожаловала меня къ ручкѣ: „прости, Филатовна, а я опять по тебя приплю: поклонись Григорью Петровичу ⁶⁾, Авдотѣ Ивановнѣ.“ И изволила приказать Аннѣ

⁵⁾ Черкасскій.

⁶⁾ Граю Григорію Петровичу Чернышеву и его супругѣ.

Федоровнѣ Юшковой: „вели отвезть Филатовну на верейкѣ лакеямъ, да и проводить.“ И пожаловала мнѣ сто рублевъ; изволила сказать: „я-де помню село Дѣдиново: съ матушкою ѣдила молиться къ Миколѣ.“⁷⁾ А я молвила: „нутко молю, матушка, нынѣ пожалуй къ Миколѣ-та чудотворцу помолиться.“ И ея величество изволила сказать: „молись Богу, Филатовна, какъ миръ будетъ.“ Изволила меня послать, чтобы я ходила по саду: „и погляди, Филатовна, моихъ птицъ.“ И какъ привели меня въ садъ, и ходять двѣ птицы великою и отъ копытъ вышиною съ большую лошадь, копыты коровьи, колѣнки лошадиныя, бедра лошадиныя; а какъ подынешь крыло, бедра голы, какъ тѣло птичье, а шея какъ у лебедя длинна, мѣръ въ семь или восемь, длиннѣе лебязьей; головка гусяная, и носокъ меньше гусянаго; а перье на ней такое, что на илпакъ носить. И какъ я стала дивиться такой великой вещи и промолвила: какъ-та ихъ зовуть, то остановилъ меня лакей: „постой“. И побѣждалъ отъ меня во дворецъ и побѣждалъ ко мнѣ возвратно: „изволила государыня сказать: эту птицу зовуть строкофамиль; она-де яицы тѣ несетъ, что въ церквахъ по панакатиламъ привѣшиваютъ.“

ПЕРЕПИСКА ИМПЕРАТРИЦЫ АННЫ ИОАННОВНЫ СЪ МОСКОВСКИМЪ ГУБЕРНАТОРОМЪ ГРАФОМЪ С. А. САЛТЫКОВЫМЪ.

I.

Семенъ Андрѣевичъ.

Опредѣли Дарь-Безручкѣ^{*)}, которая жила при комнатѣ сестрицы ца-

⁷⁾ Въ монастырь Николо-Радовицкій, близъ Рязани.

^{*)} См. ниже письмо VI-е.

ревны Екатерины Иоанновны, для ея пропитанія хлѣба ржи по десяти, да овса по пяти четвертей на годъ и вели ей по тому выдавать по смерть ея повсягодно. И пребываю вамъ неотмѣнна въ моей милости.

Анна.

Въ Санкт-Петербурхѣ, Феврали 19 дня 1734.

Получено въ Москвѣ черезъ означенную Безручку Марта 12 дня 1734 года.

II.

Семенъ Андрѣевичъ.

Освѣдомься подъ рукою въ Нѣмецкой Слободѣ: гдѣ живетъ князь Михайла Голицына жена, которую онъ съ собою изъ Италиі привезъ; а больше надобно спрашивать у Католицкихъ поповъ; и какое она пропитаніе имѣетъ и отъ кого, о томъ обо всемъ отпиши къ намъ немедленно. Буде же ея въ Москвѣ нѣтъ, то куда съѣхала и съ кѣмъ и на чьемъ коштѣ^{*)}. И пребываю вамъ неотмѣнна въ нашей милости.

Анна.

Въ С. Петербурга, Генваря 16 дня 1735 г.

Салтыковъ посылалъ въ Нѣмецкую Слободу подъ рукою освѣдомиться Преображенскаго полку капитанармуса Лакостова, донесеніе котораго и представилъ Императрицѣ.

Донесеніе Лакостова.

„Генваря 21 дня пришлоу я къ Католицкой церкви къ патеру Фабьянусу и объявилъ ему, что я прѣхалъ изъ Воронежа офицеръ, и при отъѣздѣ оттуда просилъ меня Италианской патеръ, который при ви-

^{*)} Это, кажется, еще одна изъ женъ того князя Михайла Алексѣевича Голицына, который потомъ былъ обвинчанъ въ ледяномъ домѣ съ Калимычюю, охотницею до царскій буженины.

це-адмиралѣ Змаевичѣ службу от-
правляетъ, чтобъ я увѣдомился о же-
нѣ князя Михаила Алексѣевича Го-
лицына, на которой женился онъ князь
Голицынъ въ Италиі, гдѣ отечество
ея, нынѣ отъ кого она пропитаніе
имѣетъ и на чьемъ коштѣ живетъ.
На что оной Ѳабьянусъ объявилъ мнѣ:
она нанимаетъ квартиру бѣдную, и
въ той квартирѣ хозяинъ выставилъ
двери и окошки за то, что она кня-
гиня денегъ за квартиру не платитъ,
а ей-де не токмо платитъ деньги, и
дневной пици не имѣетъ; и для ея
бѣдности далъ ей два рубли денегъ,
и ни откуда никакой помощи къ про-
питанію не имѣетъ, и валяется-де на
полу, постлатъ и одѣться нечѣмъ; въ
праздникъ Рождества Христова при-
шла сюды и говоритъ-де мнѣ, что я
умираю съ голоду, не имѣю куска
хлѣба, и въ то время далъ ей денегъ
семь алтынъ; она-де хуже всякой ни-
щей, одѣжи и пици никакой не имѣ-
етъ. И приказалъ оной Ѳабьянусъ слу-
жителю своему указать квартиру, гдѣ
она живетъ, въ Старой Басманной въ
домѣ лейбъ-гвардіи Преображенскаго
полку у сержантской жены Андреев-
ской Полозова у вдовы Марьи Ѳедоро-
вой *), въ маленькой комнаткѣ, най-
му даетъ по три рубли въ годъ. Она
княгиня объявила мнѣ, что она отъ
князя Михаила Алексѣевича Голицы-
на ничего послѣ разлученія съ нимъ
отъ него не получала, и пици ни отъ
куда не имѣетъ, развѣ кто милосты-
ню подастъ, и со рвеніемъ говорила:
хотя бы -де мнѣ дьяволъ денегъ далъ,
я бы-ему душу свою отдала; видишь-
де ты, какое на мнѣ платьѣ и какая
у меня постеля. Одежда на ней пони-
тенная черная ветха; постель наво-

*) Т. е. у Марьи Ѳедоровой, вдовы Андрея
Полозова.

лока холстинная толстая, набита съ-
номъ; одѣвается нагольною шубою
ветхою. При томъ же она говорила и
тужила: гдѣ-де нынѣ мой сынъ князь
Иванъ, котораго я родила съ нимъ
князь Михаиломъ Алексѣевичемъ?⁴

III.

Всемиловѣйшая государыня.

Вашему Императорскому Величе-
ству всемиловѣйшей государынѣ
всенижайше рабски доношу: будучи
въ Москвѣ, совѣтникъ Лангъ при-
слалъ ко мнѣ дву обезьянъ: самчика
да самку, и самка здѣсь у меня ро-
дила. А понеже какъ слышно, что
здѣсь никогда обезьяны не родились,
чего ради Ваше Императорское Ве-
личество не соизволитъ ли всемило-
вѣйше повелѣтъ прислать къ Ва-
шему Императорскому Величеству?

Вашего Императорскаго Величества
всемиловѣйшей государыни ни-
жайшій рабъ

Семень Салтыковъ.

Апрѣля 21 дня 1735 г.

На это письмо Салтыковъ полу-
чилъ изъ Кабинета предписаніе за под-
писью кабинетъ-министровъ Андрея
Остермана и князя Алексѣя Черкас-
скаго: „Оныхъ мартышекъ всѣхъ и съ
маленькою отправить съ кѣмъ при-
стойно и велѣтъ оныхъ мартышекъ
въ пути несть всегда на рукахъ и
беречь, чтобы имъ, а паче маленькой,
никакого вреда не учинилось“.

(28 Апрѣля 1735 г.)

5-го Мая семейство мартышекъ бы-
ло отправлено изъ Москвы съ Прео-
браженскимъ солдатомъ Бакѣвымъ и
19 Мая прибыло благополучно въ
С.-Петербургъ.

IV.

Высокоблагородный и превосходительный господинъ, господинъ генералъ, ордена Святаго Андрея кавалеръ, лейбъ гвардіи Преображенскаго полку подполковникъ, Ея Императорскаго Величества генералъ-адъютантъ, оберъ-гофмейстеръ, сіятельнѣйшій графъ, Семенъ Андрѣвичъ. Премилосердый государь мой.

Сего Іюня 26-го дня 1735 года всепресвѣтлѣйшая и великодержавнѣйшая Государыня Императрица Анна Іоанновна всея Россіи, въ присутствіи въ лѣтнемъ своего Императорскаго Величества домѣ, изустнымъ своего Величества мнѣ приказаніемъ, повелѣла вашему высокографскому сіятельству объявить, дабы ваше высокографское сіятельство послали отъ себя кого пристойно Новоалександровой Слободы въ Успенской дѣвичь монастырь къ игуменѣ, приказали взять у оной игуменѣ изъ лампы, что есть надъ гробомъ блаженныя памяти государыни царевны и инокини Маргариты Алексѣевны, деревяннаго масла, которое повседневно горитъ, наливъ бутылку, за печатью ея игуменѣ, прислать къ Ея Императорскому Величеству всемилостивѣйшей Государынѣ немедленно. Чего ради для исполненія по вышеписанному изустному Ея Императорскаго Величества именному приказанію чрезъ сіе вашему высокографскому сіятельству симъ и предлагаю.

Вашего высокографскаго сіятельства премилосердаго государя моего всегдашній слуга, Свято-Троицкой Сергіевой Лавры архимандритъ Варлаамъ.

Въ Санкт-Петербургѣ, Іюня 26 дня 1735 году.

Салтыковъ послалъ въ монастырь сержанта Преображенскаго полка Петра Лакостова.

Лакостовъ, привезя бутылку съ масломъ, донесъ:

„Сего Іюля 4 дня, пріѣхавъ я въ тотъ Успенской дѣвичь монастырь и того же времени со игуменьею Митрополиєю пошли подъ церковь Стрѣтенія Господня, гдѣ гробъ блаженныя памяти государыни царевны инокини Маргариты Алексѣевны и сколько засталъ надъ гробомъ, вмѣсто лампы въ хрустальномъ стаканѣ, наложеннаго деревяннаго масла, оное вылилъ въ бутылку за печатью ея игуменѣ и при семъ вашему высокографскому сіятельству всепокорнѣйше объявляю. А оное масло, какъ я пришелъ подъ рѣченную церковь, не горѣло, а обрѣтающаяся въ томъ монастырѣ игуменья Митрополія объявила, что то масло не всегда горитъ, а зажигаютъ въ каждыя будніе дни въ обѣдню, въ праздники и въ воскресные дни во всенощную и въ обѣдню, въ памяти государскія во всѣ сутки, въ родительскія субботы во всѣ жъ сутки.“

6-го Іюля Салтыковъ отправилъ бутылку при письмѣ къ Императрицѣ съ кабинетъ-курьеромъ Мазолевскимъ.

V.

Семенъ Андрѣвичъ.

Поѣхала къ Москвѣ Арина Федоровна *), и вы ее не оставьте въ нуждѣ и въ дѣлѣ вспоможеніе чинить и въ обиду никому не давать, и пребываю неотмѣнна въ милости

Анна.

Февраля 16 дня 1736. Санктпетербургъ.

*) Шереметева.

Всемиловѣйшая Государыня

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшей Государыни милостивое письмо отъ 16 прошедшаго Февраля 28 числа чрезъ Арину Ѳедоровну я всенижайше рабски принялъ, въ которомъ всемиловѣйше соизволили писать о неоставленіи ее Арину Ѳедоровну въ нуждѣ и о вспоможеніи въ дѣлѣ и о не дачѣ ее никому въ обиду. И потому вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшему письму о вышеписанномъ о всемъ всенижайшее мое рабское исполненіе чинить буду непремѣнно.

При томъ же она Арина Ѳедоровна объявила мнѣ, что Ваше Императорское Величество всемиловѣйшая Государыня соизволите имѣть на меня низжайшаго раба Вашего Величества гнѣвъ, за то, якобы я Вашего Величества содержу команду слабо, и дѣла не скоро дѣлаются и будто бы бабы въ дѣла впадаютъся.

И на оное Вашему Императорскому Величеству всемиловѣйшей Государыни, припадаю къ стопамъ Вашего Величества, всенижайше рабски доношу.

Какіе мои въ положенныхъ на меня низжайшаго раба дѣлахъ по указамъ Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшей Государыни здѣсь имѣлись бѣдные труды, о томъ Вашему И-му В-у чрезъ мои всенижайшія рабскія донесенія извѣстно, и уже болѣе, всемиловѣйшая Государыня, къ бѣдному моему оправданію нынѣ приносить что не знаю, и къ трудамъ себя какъ употребить, всемиловѣйшая Государыня, больше никакъ не могу.

Истинно, всемиловѣйшая Государыня, положенныя на меня Вашего Величества дѣла исправляю со всякою моею ревностью и болѣе какъ тру-

дятся уже силы и возможности моей не достааетъ. И не токмо бы, всемиловѣйшая Государыня, въ дѣла Вашего Величества вступались бабы, но и никто къ правленію положенныхъ на меня Вашего Величества дѣлъ вступаться не можетъ. И сколько мнѣ Богъ подаетъ къ тому правленію силы и возможности, дѣлаю собою, а не людьми. И ни по чьему приношенію или бы по какимъ страстямъ, но только смотрю по указомъ Вашего И-го В-а во всѣхъ дѣлахъ одной истинной *) и скорого отправленія.

И то все Вашему Императорскому В-у, всемиловѣйшей Государыни, на меня низжайшаго и послѣдняго раба наносить напрасно: отъ чего, видя Вашего Величества на меня низжайшаго раба гнѣвъ, страдаю душевно и могу умереть безвременно и въ невинности моей предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ подписуюсь подъ смертью. И ежели бы я могъ видѣть Ваше Императорское Величество, то бы во всемъ въ вѣрности моей Вашего Величества послѣдняго раба могъ показать себя ввинна; кто же Вашему Величеству на меня наносить напрасно, тѣ бы, по истинѣ, всемиловѣйшая Государыня, могли остаться.

Вашего Императорскаго Величества, всемиловѣйшей Государыни, низжайшій рабъ

Семень Салтыковъ.

Въ Москвѣ, Марта 1 дня 1736 г.

VI.

Семень Андрѣевичъ.

Вели сыскать Дарьюшку-Безручку и спроси у нея портрета нашей тет:

*) Т. е. истины.

ки царевны Екатерины Алексѣевны и ежели у нея такой портретъ есть, то ты его взявъ у нея пришли сюда съ случившимся ѣздокомъ; ей въ Измайловѣ матушка пожаловала. И преbываю неотмѣнна въ милости

Анна.

Іюня 24 дня 1736 г.

1736 года Іюня 30 дня, Дарья Степанова дочь Протопопова сказала: что портретъ царевны Екатерины Алексѣевны, которой пожаловала ей блаженныя и вѣчнодостойныя памяти царица Прасковья Ѳеодоровна, имѣлся, и въ прошлыхъ годѣхъ назадъ тому лѣтъ съ двадцать, а въ которомъ именно году сказать не упомнить, оной портретъ въ домѣ матери ея въ Нижнемъ Новгородѣ волею Божіею сгорѣлъ, а оной портретъ ей пожалованъ былъ въ Измайловскомъ дворцѣ. Къ сей сказкѣ церкви Бориса и Глѣба что въ Поварской дьячекъ Алексей Яковлевъ, вмѣсто Дарьи Степановны Протопоповой, по ея прошенію, руку приложилъ.

Салтыковъ донесъ Императрицѣ объ этомъ отвѣтъ Дарьи-Безручки 1-го Іюля 1736 года.

VII.

Семень Андрѣевичъ.

Отдали мы въ Москвѣ Калмычку въ домъ Строгоновыхъ для обученія и надѣмся, что нынѣ уже обучена, которую вамъ взявъ оттуды прислать къ намъ, когда способная оказія къ отсылкѣ случится, и преbываю въ неотмѣнной милости.

Анна.

Петергофъ, 2 Августа 1736 г.

1736 г. Августа въ 12 д. По силѣ присланнаго Ея Императорскаго

Величества указу посланъ былъ въ домъ Строгоновыхъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку солдатъ князь Петръ Гундоровъ, которому велѣно въ томъ домѣ объявить барону Александру Григорьевичу Строгонову: данная въ тотъ домъ отъ Ея Императорскаго Величества Калмычка для обученія нынѣ обучена ли? На что онъ господинъ баронъ Строгоновъ ему объявилъ, что отъ Ея Императорскаго Величества для обученія въ ихъ домѣ дано двѣ дѣвочки Калмычки, которыя въ ихъ домѣ и понынѣ обучаются, и оныя только выучились шить золотомъ, а нынѣ еще учатся шить шолкомъ, и надѣется, что выучатся вскорѣ. Гвардіи солдатъ князь Петръ Гундоровъ.

VIII.

Семень Андрѣевичъ.

Вели въ Слободѣ Нѣмецкой сыскать Голицына жену Италианку, и какъ скорѣе пришли ее къ намъ на почтѣ въ Петербургъ, давъ провожатаго, чтобъ ее бережно довѣзъ; только бы никто про это не вѣдалъ въ Москвѣ, пока она къ намъ пріѣдетъ, и дорогою не вели сказывать, что она ѣдетъ. А какъ привезутъ ее въ Петербургъ, вели явиться у генерала Ушакова тайнымъ же образомъ. И преbываю въ неотмѣнной милости.

Анна

С. Петербургъ, 2 Сентября 1736 г.

Салтыковъ отвѣчалъ 9 Сентября:

Оная Голицына жена Италианка тайно здѣсь сыскана, и въ Москвѣ никто о ней не вѣдаетъ, которую къ Вашему Императорскому Величеству, всемилостивѣйшей Государынѣ, все-нижайше рабски отправилъ при семъ съ нарочнымъ лейбъ-гвардіи Измай-

ловскаго полку съ солдатомъ Иваномъ Раевскимъ на почтѣ, которому отъ меня наикрѣпчайше приказано, чтобы онъ ее везъ бережно и никому дорогою про нее не объявлялъ и по приѣздѣ въ Санктпетербургъ велѣлъ явиться у генерала Ушакова тайнымъ образомъ.

IX.

Семень Андрѣевичъ.

По полученіи сего довѣдайтесь у жены Алексѣя Петровича Апраксина, желаетъ ли она продать дворъ свой, который здѣсь имѣеть на рѣкѣ Фонтанкѣ; и ежели продаетъ, то спросить вамъ о подлинной цѣнѣ и намъ репортовать немедленно. Однако приговори ей, чтобъ она оной домъ продала, понеже отецъ ея здѣсь съ княземъ Куракинымъ почти договорился, чтобъ ему продать. И пребываю неотмѣнна въ милости

Анна.

С. Петербургъ. 6 Сентября 1736 г.

P. S. Также освѣдомиться: отецъ Голицына былъ ли боленъ, какъ сынъ его намъ здѣсь объявлялъ, или въ совершенномъ здоровьѣ; а ежели боленъ, то отпишите, какую болѣзнь и сколь долго боленъ былъ.

—
Всемиловивѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловивѣйшей Государыни милостивое письмо отъ 6-го сего Сентября 11-го дня я всенижайше рабски принялъ. И оная Апраксина жена мнѣ сказала, что тотъ дворъ она продать съ охотою желаетъ, и сказала мнѣ, что слышала она отъ мужа своего, что на ономъ дворѣ хоромы стали цѣною въ 3000 р., къ тому же съ онаго двора приходу ей имѣеть быть въ каждой годъ по 400 и по

300 рублевъ, а настоящей цѣны тому двору она положить не знаетъ, а въ продажѣ того двора и за какую цѣну, передаетъ въ волю Вашего Императорскаго Величества всемиловивѣйшей Государыни. А отецъ князя Голицына не боленъ, и вчерашняго числа онъ у меня былъ и прежде сего боленъ не бывалъ.

Вашего Императорскаго Величества всемиловивѣйшей Государыни низжайшій рабъ

Семень Салтыковъ.

Въ Москвѣ, Сентября 13 дня 1736 года.

X.

Всемиловивѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловивѣйшую Государыню всенижайше рабски просятъ графъ Петръ Шереметевъ и Ѳедоръ Аврамовъ сынъ Лопухинъ, что имѣють они намѣреніе и согласіе: онъ Шереметевъ выдать за него Лопухина сестру свою, а Ѳедоръ Лопухинъ на той его сестрѣ жениться; токмо безъ указу Вашего Императорскаго Величества всемиловивѣйшей Государыни того они учинить не смѣють.

Вашего Императорскаго Величества всемиловивѣйшей Государыни низжайшій рабъ

Семень Салтыковъ.

Въ Москвѣ, Сентября 7 дня 1736 года.

Семень Андрѣевичъ.

Пишите вы къ намъ, что докладывается Шереметевъ, выдавать ли сестру свою за Ѳедора Лопухина. Ежели между ими согласіе имѣется и она за нимъ быть желаетъ, то дать имъ позволеніе. И прсбываю неотмѣнна въ милости.

Анна.

С. Петербургъ, 12 Сентября 1736 года.

XI.

Семень Андрѣвичь.

По полученіи сего пошли въ домъ къ Аринѣ Шереметевой и вели взять портретъ поясной сестры царевны Прасковьи Ивановны и немедленно сюды пришли, и пребываю въ милости.

Анна.

Санктпетербургъ. 16 Ноября 1736 г.

Салтыковъ отвѣчалъ Императрицѣ:

Въ домъ оной Шереметевой я того же часа посылалъ и объ ономъ портретѣ спрашивалъ, и она Шереметева сказала, что такого портрета государыни царевны Прасковьи Ивановны въ домъ ея нѣтъ, а объявила портретъ поясной сестрицы вашего Имп. В-а государыни царевны Екатерины Ивановны, и оной портретъ у нея я взялъ и отправилъ при семъ къ Вашему Императорскому Величеству.

XII.

Семень Андрѣвичь.

Поговори Вознесенской игуменьѣ Евстолиі, ежели мочь ея есть, чтобъ она пріѣхала на время къ намъ въ Петербургъ; также поговори Акулинѣ Васильевнѣ *), которая жила при матушкѣ, я чаю вы ее знаете, а спросить про нея у Федосьи Грековой, она знаетъ, гдѣ она живетъ: ежели ея мочь есть, чтобъ и она пріѣхала къ намъ въ Петербургъ на время, и отправить ихъ вмѣстѣ, и чтобъ въ довольствѣ доѣхали и проводить дайте двухъ человекъ, чтобъ ихъ бережно довели. И пребываю неотмѣнна въ милости

Анна.

Изъ Петербурга, 28 Декабря 1736 года.

*) См. выше, стр. 1644.

При письмѣ цыдулка:

Купите на Москвѣ въ лавкѣ деревянныхъ игрушекъ, а имянно: три гареты съ цуками и чтобъ онѣ и двери отворялись, и саней и возковъ, также большихъ лошадей деревянныхъ, и хорошенько все укласть, чтобъ не обломались и пришли съ игуменьей и съ Акулиною вмѣстѣ.

Графъ Салтыковъ отвѣчалъ 3 Января 1737 г.: „Игуменью Евстолию и Акулину Васильевну я призывалъ и чтобы онѣ ѣхали говорилъ, почему онѣ ѣхать и готовятся, и отправлю ихъ немедленно“.

6-е Января 1737-го г. игуменья и Акулина Васильевна отправлены были въ С. Петербургъ съ игрушками на 18 подводкахъ, съ солдатомъ Семеновскаго полка Кирковымъ.

XIII.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшую Государыню всеижайше рабски просятъ Марья Ивановна дочь Салтыкова и князь Иванъ Алексѣевъ сынъ Урусовъ, что имѣютъ они намѣреніе и согласіе: она Марья Салтыкова выдать дочь свою Анну за него Урусова, а онъ князь Иванъ Урусовъ на той ея дочери Аннѣ жениться, токмо безъ указу вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшей Государыни того учинить не смѣютъ и на оное Ваше Императорское Величество всемиловѣйшая Государыня что повелѣтъ соизволите, а она Марья Салтыкова больна и слаба.

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшей Государыни нижайшій рабъ

Семень Салтыковъ.

Въ Москвѣ, 6 Января 1737 года.

XIV.

Семень Андрѣвичъ.

Письмо ваше съ поздравленіемъ новаго года получила, съ чѣмъ и васъ поздравляю, и съ наступающими нашими праздниками поздравляю же; Марья Ивановнѣ Салтыковой позволяю дочь отдать за Урусова, дай Боже добрый часъ и поздравствуй ей зятемъ, также Аннѣ Ивановнѣ женихомъ. Еще вы пишете о Милютинѣ, и вы спросите у жены его, хочетъ ли она къ нему, и ежели съ обѣихъ сторонъ хотять, Богъ въ помощь; а ему сказать надобно, чтобъ хорошо жилъ съ женою, а не такъ какъ прежде, и ежели по прежнему будетъ жить, чтобъ опять обѣихъ не отсылать въ монастырь. И пребываю неотмѣнна въ милости

Анна.

С. Петербургъ, 11 Января 1737 г.

XV.

Семень Андрѣвичъ.

Приказали мы вамъ Милютину объявить, чтобъ онъ ѣхалъ немедленно и съ женою въ Санктпетербургъ; но понеже онъ имѣетъ собственныя въ Москвѣ нужды, то дайте ему время, чтобъ могъ исправиться, а прежде исправленія нуждъ его не высылайте. И пребываю неотмѣнна въ милости

Анна.

С. Петербургъ, 14 Марта 1737 г.

XVI.

Указъ нашему генералу и оберъ-гофмейстеру графу Салтыкову.

Намъ, къ великому нашему удивленію, извѣстно учинилось, какимъ образомъ отъ нѣкотораго уже времени

не малое число Башкирцевъ, которые для отправленія сюда въ Москву присланы были, до нынѣ тамъ напрасно и безъ всякой причины держатся и не отправляются; а понеже мы, для чего то чинится, понять не можемъ и на васъ всегда надѣмся, что вы, будучи въ Москвѣ, во всякихъ случаяхъ нашу службу и что къ тому же касаться можетъ съ прилѣжнымъ радѣніемъ престоерегать не оставите: того ради намъ извѣстіе о такомъ съ помянутыми Башкирцами учиненномъ запусценіи не иначе какъ весьма неприятно быть могло. А мы вамъ чрезъ сіе иманно и всемилостивѣйше повелѣваемъ: о наискорѣйшемъ безъ дальнаго отлагательства тѣхъ людей сюда, куда они назначены, отправленіи немедленное опредѣленіе учинить и для лучшей въ томъ способности при нынѣшнемъ трудномъ пути водою на судахъ ихъ отправить, и повелѣваемъ вамъ учинить о томъ по сему нашему указу.

Анна.

Апрѣля 12 дня 1737 году.

Графъ Салтыковъ представилъ Императрицѣ при донесеніи отъ 19 Апрѣля 1737 г. слѣдующія свѣдѣнія.

„Вѣдомость о присланныхъ изъ Казанской губерніи въ двѣ присылки, для опредѣленія въ службу въ Остзейскіе полки въ солдаты и для ссылки въ Рогервикъ въ работу, Башкирцахъ и Татарлахъ.

О 1-й присылкѣ.

Отправлено изъ Казани Января отъ 8-го съ прапорщикомъ Невѣжинымъ Башкирцевъ и Татаръ 148 человекъ.

Оной прапорщикъ явился въ Москвѣ въ Военной Конторѣ Февраля 5-го числа и объявилъ, что отдано

ему по реестру 136 человекъ, а достальные-де померли въ Казани и о томъ на данномъ ему реестрѣ отмѣчено, да въ пути до Москвы померло 79, за тѣмъ привелъ 57 человекъ.

Съ прибытіемъ его въ Москву Февраля съ 5-го по 28-е померло же 19 человекъ.

За тѣмъ осталось 38 человекъ.

А 28-го числа Февраля Военная Контора требовала отъ Штатсъ-Конторы кормовыхъ и прогонныхъ денегъ, а отъ Ямской Конторы ямскихъ подводъ.

И за отпускомъ онаго прапорщика Невѣжина въ Казань, по прежнему отданы тѣ Башкирцы для отводу Рижскаго гарнизона поручику Бѣляеву, который кормовыя и прогонныя деньги и подводы принялъ Марта 4-го числа и того же числа въ путь отправился.

О 2-й присылкѣ.

Отправлено изъ Казани Февраля отъ 22-го съ капитаномъ Шураковымъ Башкирцовъ же и Татаръ 418 человекъ.

Капитанъ Шураковъ явился съ нами въ Военной Конторѣ Марта 31 числа и объявилъ, что изъ того числа померло въ Казани 33 чел.; будучи въ пути 238, да въ Москвѣ 61, за тѣмъ осталось 86 человекъ.

Тѣ наличные всѣ отданы для отводу въ С. Петербургъ подпоручику Никитѣ Русинову и отправлены въ путь сего Апрѣля 6 дня.

И о вышеписанныхъ умершихъ всѣхъ, по посланнымъ изъ Военной Конторы въ Казанскую Губернскую Канцелярію указамъ, велѣно подлинно ли померли и отъ чего разсмотрѣть по росписнямъ Губернской Канцеляріи.

XVII.

Семенъ Андрѣевичъ.

Поздравляю васъ съ именинами вашими, и посылаю вамъ готоваленку, и пребываю неотмѣнна въ милости

Анна.

Апрѣля 25 дня 1737 г. Санктпетербургъ.

XVIII.

Семенъ Андрѣевичъ.

При семъ прилагается записка, по которой вы имѣете сыскать помянутую въ той запискѣ воеводскую жену Кологривую *) и, призвавъ ее къ себѣ объявить, чтобы она отдала дочь свою за Дмитрія Симонова **), которой при дворѣ нашемъ служить, понеже онъ человекъ доброй, и мы его нашею милостію не оставимъ; однакожь объявите ей о томъ не съ принужденіемъ, но какъ возможно резонами склонять.

Анна.

Санктъ-Петербургъ, Марта 7 1738 г.

Салтыковъ 14 Марта отвѣчалъ Императрицѣ:

Онаго Кологриваго жену я къ себѣ призывалъ, и чтобы она отдала дочь свою за Симонова Вашего Императорскаго Величества высочайшее въ томъ соизволеніе безъ принужденія объявлялъ, на что она мнѣ сказала: что въ томъ высочайшая воля Вашего Императорскаго Величества да будетъ, и съ радостію своею по высокому Вашего Императорскаго Величества соизволенію и безъ всякаго отрицанія отдать готова и при томъ

*) Жена Кадымскаго воеводы Алексѣя Миронова Кологривова.

***) Симоновъ состоялъ при дворѣ гоф-фурьеромъ.

же она мнѣ объявила, что той ея дочери 12 лѣтъ.

XIX.

Семень Андрѣевичъ.

Письмо ваше съ поздравленіемъ прошедшаго праздника Воскресенія Христова мы получили, и при семъ поздравляю васъ съ наступающимъ праздникомъ моей коронаціи, такожь поздравляю васъ съ вашими именинами и посылаю къ вамъ готоваленку и пребываю въ милости

Анна.

Санктпетербургъ, 17 Апрѣля 1738 года.

XX.

Семень Андрѣевичъ.

Поговори князь Василью Гагарину, чтобъ онъ дочь свою отдалъ за нашего камеръ-юнкера Алексія Татищева; однакожь мы его къ тому не приневолимъ, а пріятно намъ будетъ, ежели онъ то по изволенію нашему учинитъ безъ принужденія, и пребываю въ милости

Анна.

Санктъ-Петербургъ, 5 Октября 1738 года.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшее письмо отъ 5-го числа сего Октября я всенижайше рабски получилъ, по которому Ваше Императорское Величество всемиловѣйшая Государыня соизволили мнѣ указать, чтобъ поговорить князь Василью Гагарину, дабы онъ дочь свою отдалъ за камеръ-юнкера Татищева и чтобъ онъ то учинилъ по соизволенію Вашего Импер. В-ва безъ принужденія. На что Вашему Импер-му В-ву всемиловѣйшей Государынѣ всенижайше рабски доношу. Оной князь Гагаринъ обрѣтается въ

Москвѣ боленъ, чего ради ѣздилъ я къ нему самъ; но онъ князь Гагаринъ весьма параличемъ боленъ, такъ что ничего не говоритъ и весь трясется; а объявили мнѣ, что онъ тою болѣзнію одержимъ уже шесть лѣтъ, а не говоритъ три года, и въ настоящей ли онъ памяти никакъ познать не можно, и за тѣмъ я того Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшей Государыни соизволенія ему не объявлялъ, для того, что онъ никакого слова выговорить не можетъ.

Въ Москвѣ, Октября 12 дня 1738 г.

XXI.

Семень Андрѣевичъ.

Письмо ваше получено, въ которомъ вы доносите, что съ княземъ Гагаринымъ о дочери его, чтобъ выдать за нашего камеръ-юнкера Татищева, говорить нельзя, понеже онъ отъ великой своей болѣзни не въ совершенномъ разумѣ и прямаго отвѣта дать не въ состояніи. Чего ради имѣете вы о томъ поговорить съ другою его Гагарина дочерью, которая за княземъ Алексѣемъ Голицынымъ, а ей объявить, что имъ за Татищева сестру свою выдать весьма можно и намъ оное пріятно будетъ, однакожь мы ихъ тому не принудимъ, ежели склонности не будетъ.

Анна.

И, ежели можно, съ невѣстою поговори.

Санктъ П-бургъ, 17 Октября 1738 года.

Всемиловѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго Величества всемиловѣйшее письмо отъ 17-го сего Октября я 23 числа всенижайше рабски получилъ, по которому Ваше Императорское Величество все-

милостивѣйшая Государыня соизволили мнѣ указать поговорить князь Василѣя Гагарина съ другою дочерью, которая за княземъ Алексѣемъ Голицынымъ и ей объявить, что имъ за Татищева сестру выдать весьма можно и Вашему Императорскому Величеству оное пріятно будетъ, также ежели можно съ невѣстою поговорить, однакожь Ваше Императорское Величество, ежели склонности не будетъ, принуждать не изволите. И потому Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшей Государыни письму оную Голицыну жену, а его князь Василѣеву дочь я къ себѣ призывалъ и высочайше Вашего Императорскаго Величества соизволеніе ей объявлялъ, и на то мнѣ объявила, что она бы съ своей стороны по Высочайшей волѣ Вашего Императорскаго Величества то исполнить готова, только-де сестра ея на то весьма не склоняется и идти за него не хочетъ, почему ѣздилъ къ самой къ ней самъ и потому Вашего Императорскаго Величества соизволеніе объявилъ, и на то объявленіе мое она мнѣ сказала, что за него Татищева идти весьма намѣренія не имѣетъ и плакавъ просила меня, чтобъ я Вашему Императорскому Величеству всемилостивѣйшей Государынѣ донесъ, дабы Ваше Императорское Величество показали съ нею въ томъ величайшую свою милость.

Вашего Императорскаго Величества всемилостивѣйшей Государыни нижайшій рабъ Семенъ Салтыковъ.

Въ Москвѣ, Октября 24 дня 1738 года.

XXII.

Семенъ Андрѣевичъ.

Вложенное письмо сошлите тайнымъ образомъ въ домъ къ женѣ Апраксина, такъ чтобъ она не вѣдала, что оно отъ васъ прислано, но будто пришло какъ

ординарно и другія письма чрезъ почту, а при отдачѣ онаго прикажите присмотрѣть, какъ оно принято будетъ и чтó она станетъ говорить. И преbываю въ милости

Анна.

Санктпетербургъ, 4 Января 1739 г.

Капралъ Турчаниновъ, который посланъ былъ въ домъ графини Апраксиной съ письмомъ, пришедъ къ его сіятельству, объявилъ. Когда онъ Турчаниновъ пришелъ въ домъ и взошелъ на крыльцо, и тогда вышелъ къ нему служитель ея Иванъ Антиповъ, которому онъ сказалъ, что имѣетъ графинѣ подать письмо, полученное на почтовой дворъ, и тогда онъ Антиповъ того письма у него просилъ, и какъ онъ Турчаниновъ ему сказалъ, что безъ самой еѣ никому не отдать, то онъ его бранилъ и называлъ сукинымъ сыномъ, объявляя, что-де я всегда съ почты письма принимаю и въ томъ даю росписки, на что онъ Турчаниновъ ему сказалъ, что его не знаетъ и можетъ быть, что письмо нужное и ежели самой не подать, то бы не могло пропасть. И оной Антиповъ, выбравъ такимъ же образомъ, сослалъ его съ крыльца. И какъ онъ пошелъ, тогда обратно кликнулъ его на крыльцо и ввелъ его въ переднюю палату, въ которой сынъ оной графини былъ, и оной Антиповъ сталъ ему Турчанинову говорить, чтобъ то письмо отдалъ сыну ея, на что Турчаниновъ тоже сказалъ, что его не знаетъ. И потомъ оной Антиповъ послалъ сына ея къ ней о томъ доложить, которой къ ней и пошелъ, и послѣ того изъ спальни вышла дѣвка и ввела его Турчанинова въ спальню, куда онъ пришедъ то письмо ей отдалъ, а она лежала на постелѣ; а больна ль или нѣтъ, того не вѣдаетъ. Только при взятыя письма говорила ему Турча-

винову: для чего ты невѣжничаетъ и письмо не отдалъ, на что онъ ей сказалъ, что отдать былъ яромѣ ей самой опасенъ, и потомъ лежавъ на постелѣ, подпись на томъ письмѣ стала читать и сама усмѣхнулась и говорила: что это? И еще ту подпись стала читать и стала то письмо распечатывать и ему Турчанинову сказала, чтобъ шелъ вонъ. И какъ онъ сталъ двери отворять и вонъ выходить, тогда, будто бы не зная какъ дверь отворить, мѣшкалъ и смотрѣлъ что она съ тѣмъ письмомъ чинить будетъ, и отворя дверь, оборотясь къ ней поклонился, то она тогда то письмо читать стала, а онъ Турчаниновъ пошелъ изъ палаты вонъ и видѣлъ, что она, начавъ читать, усмѣхнулась.

Капраль Ѳедоръ Турчаниновъ руку приложилъ.

Копію съ этого показанія Салтыковъ отправилъ къ Императрицѣ 9 Февраля 1739 г.

XXIII.

Семенъ Андрѣевичъ.

Увѣдомились мы, что въ Москвѣ на Петровскомъ кружалѣ стоитъ на окнѣ скворецъ, которой такъ хорошо говорить, что всѣ люди, которые мимо ѣдутъ, останавливаются и его слушаютъ. Того ради имѣете вы онаго скворца купить и немедленно сюды прислать, и пребываю въ милости

Анна.

Февраля 10 дня 1739 г.

Получено Февраля 22 дня 1739 г. черезъ Прасковью Даниловну Дашкову въ четвертокъ.

1739 г. Марта 6 дня, въ Канцеляріи его сіятельства генерала и кавалера графа Семена Андрѣевича дому его превосходительства Артемія Петровича Волынскаго служителю его На-

заръ Резановъ сказалъ, что взятой изъ дому его превосходительства отъ служителя его Петра Барабана скворецъ поставленъ былъ для продажи на Петровскомъ кружалѣ.

Скворецъ былъ купленъ за 30 р. и отправленъ къ Императрицѣ.

XXIV.

Семенъ Андрѣевичъ.

По полученіи сего сыщите въ Москвѣ вдову Арину Александровну Леонтьеву, жену Василья Ѳедоровича Леонтьева, и отправьте ее немедленно ко двору нашему, давъ ей подводъ и для провожанія одного солдата; токмо при томъ обнадѣжите ее нашею милостию, чтобъ она никакого опасенія не имѣла, и что оное чинится безъ всякаго нашего гнѣву; а потомъ, хотя и по отправленіи ея, освѣдомитесь тайнымъ образомъ, сколько за нею деревенъ и пожитковъ или денегъ имѣется и о томъ о всемъ отпиши къ намъ обстоятельно, и чтобъ она не испужалась. И пребываю въ милости

Анна.

Санктъ Петербургъ, 8 Февраля 1739 г.

Салтыковъ отвѣчалъ 13-го Февраля 1739 г.

По оной Аринѣ Александровнѣ въ домъ я посылалъ, чтобъ она была ко мнѣ, на что она тому посланному объявила, что ко мнѣ за болѣзнію ей быть никакъ не можно; а потомъ пакки для объявленія Вашего Императорскаго величества всемилостивѣйшей Государыни милости и чтобъ она ѣхала въ С. Петербургъ ко двору вашего И. В. всемилостивѣйшей Государыни посланъ къ ней былъ отъ меня флигель-адъютантъ Игнатьевъ, которой оную В. И. В. милость и чтобъ она ѣхала ко двору Вашего И. В., такожъ

какъ подводы, такъ и для охраненія ея солдатъ даны будутъ и чтобъ она опасенія не имѣла и что оное чинится безъ всякаго В. И. В. гнѣва ей объявлялъ. А по прїѣздѣ ко мнѣ онъ Игнатъевъ объявилъ, что она лежитъ на постелѣ и сказала ему, что она больна и ѣхать бы со всею охотою желала, токмо за болѣзнию никакъ ѣхать не можетъ, а по свободѣ отъ той болѣзни въ С. Петербургъ ко двору В. И. В. поѣдетъ немедленно. А какъ она скоро оправится, тогда, освѣдомясь тайнымъ образомъ, что за нею имѣется деревень, пожитковъ или денегъ, вѣдомость къ В. И. В. обстоятельную отправлю неукоснительно.

XXV.

Всемиловитѣйшая Государыня.

Вашего Императорскаго величества всемиловитѣйшей Государыни всенижайше рабски проситъ Петръ Михайловъ сынъ Салтыковъ, что имѣетъ онъ намѣреніе жениться на княжнѣ Натальѣ покойнаго князя Алексѣя Борисова сына Голицына дочери меньшей, токмо безъ указа В. И. В. оного учинить не смѣетъ и чтобъ ему нынѣ сговорить, а на предбудущій годъ жениться.

Февраля 13 дня 1739 г.

Семень Андрѣевичъ.

Докладываете вы, что Петръ Михайловъ Салтыковъ проситъ о позволеніи жениться на княжнѣ Натальѣ покойнаго князя Алексѣя Борисова сына Голицына дочери, на оное мы позволяемъ. А что касается до вдовы Леонтьевой, ежели она сама сюды ѣхать не желаетъ, то ее къ тому болѣе не принуждайте.

Анна.

С. Петербургъ, 19 Февраля 1739 года.

XXVI.

Санктпетербургъ 1 Марта 1739 г.

Получено Марта 6 дня 1739 г.

Семень Андрѣевичъ.

Буде случится какое дѣло въ Москвѣ Ульяны Андреевны Татищевой и Прасковьи Даниловны Дашковой, я ты ихъ не оставь, и пребываю въ милости

Анна.

В. А. ЧУПЯТОВЪ.

Когда не свергъ въ бояхъ, въ судахъ,
Въ совѣтахъ царскихъ сущестатовъ,—
Всякъ думаетъ, что я Чупятовъ
Въ Маровскихъ лентахъ и крестахъ.
Державинъ: «Вельможа».

„Я увѣренъ,“ писалъ графъ Д. И. Хвостовъ въ 1813 г., „что стихъ на Чупятова во всѣхъ городахъ Россійской имперіи приписанъ былъ особливому лицу. Авторъ-же или ни на кого не мѣтилъ, или мѣтилъ на одного“. (Сочиненія Державина, 2-го академ. изд., т. I, стр. 440). Эти слова одного изъ современниковъ и пріятелей Державина доказываютъ, что намекъ, сдѣланный въ вышеприведенныхъ стихахъ знаменитаго поэта, относящихся къ 1794 году, еще при жизни его утратилъ свою ясность. И дѣйствительно, еще самъ Державинъ, въ составленныхъ имъ въ 1808 г. объясненіяхъ на свои сочиненія, счелъ нужнымъ сообщить нѣсколько извѣстій о томъ лицѣ, о которомъ упомянулъ въ стихахъ „Вельможа“. Въ недавнее время, академикъ Я. К. Гротъ, въ примѣчаніяхъ къ „Вельможѣ“, собралъ всѣ извѣстія о Чупятовѣ, сохраненныя въ нашей литературѣ, и изъ сопоставленія ихъ видно, что Чупятовъ былъ въ свое время героемъ какого-то анекдотическаго происшествія, надѣлавшаго тогда много шуму въ Петербургѣ. Можно было бы удовольствоваться этими извѣстіями, такъ какъ съ помощью ихъ достаточно разъясняется смыслъ Дер-

завписныхъ стиховъ; но случайно встрѣтившіяся намъ копіи съ подлинныхъ документовъ о Чупятовѣ *) обнаруживаютъ, во первыхъ, нѣкоторыя неточности въ разсказахъ объ этомъ лицѣ, а во вторыхъ, — и это главное — раскрываютъ передъ нами нѣкоторыя характеристическія черты нравовъ Екатерининской эпохи. Вслѣдствіе того, мы и рѣшаемся познакомить читателей съ содержаніемъ найденныхъ нами документовъ, дополнивъ эти данныя и другими извѣстіями о Чупятовѣ, въ томъ числѣ и такими, которыхъ не было въ рукахъ уважаемаго Я. К. Грота.

Василій Анисимовъ сынъ Чупятовъ былъ родомъ изъ Ржевы Володиміровской, нынѣшняго города Ржева. Онъ принадлежалъ къ самому пменитому купечеству своего времени. „Отецъ мой, именовавшаго“, разсказываетъ онъ въ своемъ прошеніи, поданномъ въ Коммерцъ-коллегію въ 1765 году, — „такъ и вся наша фамилія Чупятовыхъ, изъ многихъ лѣтъ пѣшли промыслы къ Санктпетербургскому порту съ великимъ радѣніемъ безнорочно, о чемъ свидѣтельство явствуетъ въ портовой таможенѣ — записныя книги, по тому жъ докажетъ какъ Россійское, такъ и иностранное купечество, чѣмъ присовокупили немалый капиталъ, съ котораго въ казну Ея Императорскаго Величества и пошлннѣ нѣсколько сотъ тысячъ плачено было, съ немалою государственною славою и обогащеніемъ“. По словамъ Державина, предметомъ торга, который велъ Чупятовъ, была пенька; кромѣ того, какъ видно изъ собственныхъ показаній нашего героя, онъ торговалъ масломъ и другими товарами, отправляя ихъ въ Кенигсбергъ, Любекъ, Гамбургъ, Англію и Голландію. Товары Чупятова хранились въ биржевыхъ амбарахъ. „Прошлаго 1761 году“, разсказываетъ онъ въ

упомянутомъ прошеніи — „по власти Божіей, по случаю пожару, всѣмъ семействомъ нашимъ Чупятовымъ лишились отъ сгорѣнія товаровъ до ста-пятидесяти тысячъ рублей; по всемилости-вѣйшему повелѣнію нынѣ получаемъ въ награжденіе противъ сгорѣнія, зачетомъ въ пошлину въ пять лѣтъ, половинный капиталъ, которымъ чинимъ уплату кредиторамъ нашимъ; оныя взысканія чинить сполна почти безъ всякой убавки, а не такъ, какъ обыкновенно чинится въ чужихъ державахъ: въ случаѣ такихъ несчастій бываетъ взысканій уменьшеніе, — каковымъ безъизъятнымъ взысканіемъ многіе лишаются тортовыхъ промысловъ; а отъ такого несчастія послѣдовалъ нынѣ чувствительный ударъ“.

Чупятовъ былъ уже тогда человекъ за тридцать лѣтъ и женатый; но въ 1764 году онъ овдовѣлъ и вслѣдъ за тѣмъ задумалъ вторично жениться. „А въ случаѣ моей бытности въ Москвѣ бытъ случился въ домѣ заводчика, а моего давниго благодѣтеля, Прокофія Акинѣевича господина Демидова, который, бывъ обо мнѣ въ сожалѣніи, сказалъ, что-де „ты невѣсты нигдѣ не пщи, я-де тебѣ совѣтую взять племянницу мою, а дочь покойнаго Федора Петровича Володимірова“. А какъ для своихъ надобностей, такъ и прочаго (Демидовъ) надѣялся бытъ въ Санктпетербургъ, въ каковомъ случаѣ обѣщалъ и высватать; а какъ то не безъизвѣстно, что въ прошлую зиму выдавалъ дочь свою замужъ, такъ и другія приключенія его удержали, а прїѣздъ имѣла сестра его, Демидова, а жена покойнаго господина Сердюкова, которая вѣзда изнарочно за ту дѣвцу сватать“. Не много времени спустя, Василій Анисимовичъ нашелъ себѣ и другихъ сватовъ: „А потомъ бытъ лучилъ у меня въ гостяхъ Серпуховскій купецъ Федоръ Васильевичъ сынъ Кишкинъ, (да) Иванъ Степановъ сынъ Сѣрпковъ. А изъ нихъ сказанный Кишкинъ по многомъ разсужденіи сказывалъ, что-де речевный

*) Въ одномъ рукописномъ сборникѣ конца XVIII в. принадлежащемъ академику А. Ф. Бычкову. При печатаніи выписокъ отсюда мы должны были иногда исправлять описки малограмотнаго составителя сборника.

Володимеровъ (сынъ Федора Петровича и братъ той дѣвушки, руки которой искалъ Чупятовъ) скупости ради, сестры своей не отдаетъ; а совѣтоваль (Кишкинъ) обождавъ шурина своего, Тульского купца Илью Иванова сына Ливенцова, а зятя его Володимерова, который тогда дожидаетъ былъ. А какъ же прѣхалъ, то онъ, Ливенцовъ, и съ женою своею, а сестрою Володимеровою, обнадѣжили дать и безъ вѣдома онаго Володимерова (согласіе), видя сего о ней (незамужней сестрѣ) братнее нерадѣніе; а потомъ въ скоромъ времени по волѣ Божіей занемогла и была въ слезной болѣзни немалое время“. Безусышность этого посредничества не остановила Чупятова; да кстатіи нашлись и еще новыя лица, которые взялись устроить его бракъ съ Владимірою. „А прѣхъ же случаяхъ“, рассказываетъ онъ, „чинена мнѣ просьба господиномъ гофмаклеромъ Петромъ Барсовымъ, да Ивановымъ Евдокимовымъ сыномъ Демидовымъ въ квартирѣ Казанскаго купца Ивана Петрова сына Осокина, гдѣ будучи, онъ, Демидовъ, сказывалъ, что онъ къ тому господина Володимерова находитя ближній свойственникъ, и яко бы по слову той невѣсты онъ имѣетъ дозволеніе учинить сговоръ, — при которомъ случаѣ порядочнымъ образомъ и былъ окончанъ“. Такимъ образомъ желанія Чупятова, казалось, скоро должно были увѣнчаться успѣхомъ: онъ становился, по видимому, женихомъ Владимірою, хотя и не видалъ ея ни разу. Безъ сомнѣнія, къ этому времени относится письмо, написанное Чупятовымъ въ своей будущей невѣстѣ и которое мы приводимъ почти цѣликомъ, такъ какъ въ немъ много любопытныхъ чертъ времени, и въ особенности, характеристичныя понятія, высказываемыя Чупятовымъ объ отношеніяхъ между купеческимъ и дворянскимъ сословіями.

„Почтенная госпожа дѣвица! Въ милости Божіей вамъ всякаго благополучія всегда охотно желаю. Хотя съ вами случаетъ быть не имѣлось, а въ раз-

сужденіи покойнаго родителя нашего, а моего милостивца, и вашихъ любимыхъ свойственниковъ и родственниковъ приизней и совѣтовъ ихъ, беру смѣлость вашу милость спросить: не согласитесь ли со мною законнымъ бракомъ сочетаться? А о себѣ вашей милости донести болѣе не имѣю, что дѣтей, отца и матери, по власти Божіей, не имѣю, а жить гдѣ тобою рассуждено будетъ — соглашусь. Впрочемъ, желаю вамъ своимъ усердіемъ всякаго благополучія; и на сіе пребуду во ожиданіи благосклонной отвѣди. И тако вы не мало пожаловать изволите, когда моей сей просьбы не презрите; и пребиваю вамъ, моею возлюбленной и почтенной госпожѣ, доброжелательный слуга Василій Анисимовъ сынъ Чупятовъ, купецъ Ржевы Володимеровъ“.

„Еще о своемъ состояніи имѣю къ вашему свѣдѣнію нѣсколько сообщить, что отецъ мой завелъ сюда торговать тому нынѣ пятьдесятъ лѣтъ, а я при немъ сталъ въѣзжать съ небольшимъ отъ 10 лѣтъ, чему и прошло болѣе 20 лѣтъ; и какъ же здѣсь, такъ и въ другихъ мѣстахъ имѣемъ небольшой промыслъ и пріятелей съ Божіею помощію довольное число; меньше время — такъ лучше и есть работы, такъ больше и заботы. По кончинѣ родители, имѣлъ я немалыя поставки провіанту въ Ригу и въ Кенигсбергъ, такоужъ съ прошлаго 1757 года чинятся мною небольшіе отпуски пеньки, масла и другихъ товаровъ моимъ пріятелямъ въ Любекъ, въ Гамбургъ, въ Англію и въ Голландію, и нынѣ небольшую партію отпустилъ; а прошлаго 1761 года, хотя по власти Божіей и понесли отъ сгорѣнія товаровъ убытокъ, тоцію помощію Божіею и монаршею и кредиторскою снабжены, въ томъ числѣ и братцомъ вашимъ уступлено нынѣ съ процентовъ до 6.000 рублей, и отъ разныхъ случаевъ получилъ себѣ поправленія (свѣтуетъ и намъ Писаніе: при радости не быть радостну, а при печали быть мудры; радость невѣчна, и печаль не

безконечна; не бывъ—будеть, а бывъ—минется, а претерпѣвый до конца, той спасется). Домъ же родительскій имѣю у себя гораздо не худъ, а домовъ много, и тутъ намѣреніе мое состояло и съ братомъ учинить раздѣлъ, чего ли построень мною новый домъ, только съ женою Богъ не допустилъ жить въ немъ, а нынѣ товарища не имѣю; а сказать въ пословицѣ: не надобно и владѣ, какъ съ женою ладѣ. Притомъ и за смѣхъ приношу свой любовно-желательскій поклонъ. Василій Чупятовъ“.

„А прошу хотя краткостію словъ меня письменно къ извѣстію одолжить, за что всегда долженъ благодарить“.

Въ Санктъ-Петербургѣ, числа 26-го Октября 1764 года“.

„За наказаннымъ хочу вамъ объявить: какъ слышу, что ваше намѣреніе состоитъ за дворянина подтичь, а на сіе вамъ скажу: что въ прошломъ Юльѣ мѣсяцѣ, какъ случай мнѣ придалъ въ доми бытъ дядюшки вашего, Прокофія Акинѣевича, то тѣмъ временемъ до пріѣзда моего пріѣхалъ подполковникъ, а дядюшка вашъ былъ въ городѣ, и тому офицеру велѣно отказать; а какъ же про меня донесено, то въ скорости пришелъ и меня благодарилъ, — гдѣ приказалъ кофей и чай подать, а потомъ и обѣдалъ, а во время обѣда (Демидовъ) и дворянъ бранилъ, а какъ откушали, то ихъ и проводилъ, о которомъ и спросить мнѣ прилучилось, какой онъ человекъ, а объ немъ объявить изволилъ, сказалъ, что братъ Григорій Акинѣевичъ отдалъ дочь за придворнаго, да онъ за лейбъ-компанца: „Какъ-де дворяне стараются, чтобъ больше приданого взять, а въ карты проиграть, а женъ отсылаютъ въ деревню свиней кормить, и во всемъ-де какъ купцовъ, такъ и дочерей презираютъ; я-де лучше за послѣдняго купца отдамъ, нежели за лучшаго дворянина“. Да и по правиламъ святыхъ отцевъ велѣно: духовнымъ у духовныхъ брать, а военнымъ у военныхъ, а купцамъ у купцовъ; да въ нынѣшній вѣкъ какъ военные, такъ и статскіе не въ

большой зависти, какъ и видѣть можно и въ Европѣ изъ вѣдомостей, что въ Англіи какъ за услугу король хотѣлъ пожаловать кавалеріи, то они отказались. Ни одного графа не осталось, кто бы не имѣлъ на себѣ долгу отъ разныхъ заключеній, а которые бывъ во всемъ постоянны, то въ разсужденіи министеровъ долженъ во всемъ чредить, чтобъ имѣть знатный домъ, репжереи, мебели, уборы, гардеробъ, то есть платье, вещи, посуда всякая, кареты, цуги, ливреи надобно имѣть, столъ и во всемъ смотрѣніе, а егда жъ не усмотрѣно, ко двору пріѣздъ заставить по манеру все дѣлать. Какого чрезъ то неописаннаго будетъ требовать безпокойства; а въ томъ хотя мало упущено, то бѣдствіе съ убыткомъ понести должно и оставить резиденцію и свои дома. (Если мужъ — военный человекъ, то въ случаѣ войны долженъ) вѣхать противъ непріятеля, а жена—останься дома, съ дѣтьми, имѣй печали. А штатскій человекъ, гдѣ бы онъ въ коллегіи ни присутствовалъ, то строгость законовъ — быть съ утра до третьяго часу, а часто платить штрафы, а жена все въ окно гляди; а придворный человекъ всякій день подверженъ опасности, и какъ неописанныя бываютъ бѣды и скорби и печали. !! отъ такихъ знатностей Боже помилуй всякаго помыслить, а наиболее которые петиметры въ карты играютъ, зайцевъ гоняютъ и во всемъ мотаютъ: надобно думать, что несчастливъ тотъ человекъ, кто такъ себя безъ нужды хочетъ обидѣть. Батюшку вашего Государыни жаловала и шпагою, а онъ никогда не нашивалъ. Надобно отъ природы подумать: какъ дерево—гдѣ большое стоитъ, то вѣтръ часто ломитъ, а который пониже, то навсегда безъ бѣды пребываютъ; въ малой же рѣкѣ хотя вѣтры и бываютъ, только большихъ волнъ не бываетъ, а въ большой или въ озерѣ малый вѣтеръ необычайныя волны умножаетъ, которыми и корабли часто разбиваетъ. Въ покойствѣ и честности купеческой кого еще можно искать! Весь

свѣтъ (долженъ) онымъ завидовать. До-нести вамъ первое, что воля: куда изволишь во всей Россіи для дѣлъ и безъ дѣлъ гулять, и ко двору пріѣздъ имѣть, на куртажъ, на мускарать, и милость монаршую получить. А золото и въ грязи знать; у министровъ всякаго пріймутъ со отъѣнною честью, въ сады, въ Царское Село, въ Петергофъ, и что бъ вообразить можно было, то при всѣхъ случаяхъ воля компанію имѣть и въ компаніи быть; время жъ есть въ церковь, и книгъ и исторій честь, и покой имѣть безъ дальняго труда; а нынѣ изъ монаршей милости обѣщаны и шпаги; а каретъ въ привозъ здѣсь Нѣмецкихъ и Французскихъ довольно: какую хочешь, такую съ помощію Божіею имѣть можете, а и домовъ довольно. А дѣвницею тебѣ, право, жить полно. Тетушка ваша Анна Акиноіевна сказывала, что вамъ уже 25 годъ: сожалѣть достойно, что вы свою жизнь столько изнуряете, еще до сего времени — какия въ жизни радости замыкается, не знаете. А какъ Богъ сочетаетъ, то о прошлыхъ дняхъ много и тужить станете, а по закону велѣно жениться 15, а братъ 12 лѣтъ; такъ уже то время минуло. Надѣрно сожалѣю о твоемъ одиночествѣ; первое: отца, матери не имѣете, а братцу дѣла коммерціи о вашей помощи и думать не дозволяютъ. А тебя нища, твоего покоя за купцомъ быть желаю; а богатства и чести будете разбирать, то и вѣкъ замужемъ не бывать. Батюшка вашъ кто былъ и гдѣ взялъ? Господь всемогущъ: возводитъ и низводитъ. Мнѣ доходило быть до шести лѣтъ бургомистромъ, гдѣ и нынѣ не отрѣшенъ, только честь такъ наскучила, что объ ней и думать не хочется. Честный человѣкъ всегда съ помощію Божіею честь имѣетъ; въ деньгахъ же я зависти не имѣю, а желаю имѣть хорошаго человѣка, а лѣта ваши мнѣ сходственны; много думать не о чемъ: не мы первые, не мы послѣдніе, — отдай себя волѣ Божіей; и я первую жену бралъ во Твери съ немалымъ достаткомъ, — изорву пла-

токъ, — и отецъ ея былъ богатъ. Если жъ вы вздумаете за такого, гдѣ есть свекоръ, свекровь, деверь, золовки, невѣстки, то въ такомъ случаѣ всегда бываютъ свары, раздоры, и желаемое получить не можно; а когда жъ подумать совѣмъ за молодаго выйдти, то същите помоложе, вамъ наведетъ скорбь, и въ неровности лѣтъ рѣдко и согласно бываетъ, первое, отъ глупости и разныхъ приключеній мало любви бываетъ; а о себѣ вамъ увѣряю, что бъ вы лучшее желали, то бъ себѣ за помощію Божіею получили“.

(Слѣдуетъ нѣсколько выписокъ изъ Священнаго Писанія въ подтвержденіе доводовъ письма).

Не извѣстно, дошло ли это письмо по назначенію; но несомнѣнно то, что дѣло Чупятова нимало не подвинулось ни вслѣдствіе этого оригинальнаго писанія, ни отъ посредничества И. Е. Демидова. Вскорѣ Чупятову пришлось даже разочароваться въ искренности его содѣйствія. По словамъ Чупятова, Демидовъ „точно“, то есть, на самомъ дѣлѣ, „жъ совершенію такого дѣла какъ тогда, такъ и до нынѣ, старанія не имѣетъ“. Онъ только понапрасну обнадежилъ Чупятова и тѣмъ самымъ много повредилъ ходу его торговыхъ дѣлъ. „А тѣмъ сговоромъ онъ, Демидовъ, удержалъ меня, чѣмъ я къ заготовленію товаровъ лучшее время упустилъ, но какъ на свои деньги товаровъ не покупалъ, такъ въ контракты и на вексели, по обыкновенію купеческому, не бралъ и отлучки для таковой законной нужды не имѣлъ, и закупки товаровъ большаго числа не чинилъ, и въ взысканія по векселямъ и письмамъ до окончанія той оказіи не вступалъ; а которыя въ наличествѣ деньги были, то инныя отдалъ какъ на покупку товаровъ, такъ и ссудою на время разнымъ лицамъ. А какъ за непривозомъ довольнонаго числа товару, того мянуваго лѣта и отпуску пеньки за море не имѣлось (какъ мною изъ давнихъ годовъ чинено было). А все иное опущеніе въ

дѣйствию коммерціи единственно послѣдовало по увѣренію реченаго Ивана Евдокимова сына Демидова“.

Въ виду такихъ неудачъ и, можетъ быть, опасаясь банкротства, Чупятовъ не нашелъ ничего лучше, какъ обратиться къ содѣйствию властей. Сперва онъ, вѣроятно, частнымъ образомъ объяснился съ вице-президентомъ Коммерцъ-коллегіи Николаемъ Ивановичемъ Неплюевымъ и оправдывалъ свои торговые затрудненія замедленіями въ дѣлѣ женитьбы; но между тѣмъ какъ Неплюевъ, а также и другія лица, указывали ему другихъ невѣстъ, Чупятовъ „ставилъ тотъ сговоръ въ рѣшеніи“. Вскорѣ дѣло дошло и до всесильныхъ въ ту пору Орловыхъ и даже до самой императрицы. Графы Иванъ, Алексѣй и Ѳеодоръ Орловъ, а также гр. И. Г. Чернышевъ поочередно брались быть сватами Чупятова у Володимірова. Затѣмъ, „Ея Императорское Величество указать изволила высватать его превосходительству Дмитрію Васильевичу Волкову“, но когда послѣдній предложилъ Чупятову другихъ невѣстъ „благородныхъ“, тотъ отказался, и Волковъ также поспѣшилъ отстраниться отъ упрямаго претендента. „Потомъ его сиятельство графъ Григорій Григорьевичъ (Орловъ) то дѣло поручилъ его превосходительству Алексію Петровичу Мельгунову, которымъ потому жъ (Володиміровъ) черезъ посланныхъ въ домъ не найденъ; а между тѣмъ послѣдовалъ его превосходительству отъѣздъ въ Москву. А потомъ его высокографское сиятельство то дѣло препоручить изволилъ его высокопревосходительству Льву Александровичу Нарышкину: только и его (высоко) превосходительство объявить мнѣ изволилъ, что-де онъ послать изволилъ напередъ господина маіора Языкова, вторично господина полковника Зайцевскаго, а потомъ и самъ..... (не разобрано), только-де въ домъ его, Володимірова, не найдено. Изъ чего заключаю себя надмѣрное содержаніе, что по своему несчастію того начатаго дѣла совершеніе порядоч-

нымъ образомъ, невѣдомо для чего, не послѣдовало. А и лишаюсь какъ торговаго промыслу, а всего нужнее—и къ заготовленію товаровъ удобное (время) приближается, а отъ такого напраснаго промедленія и впредь получается упущеніе.“

Такимъ образомъ всѣ усилія благодѣтелей и милостивцевъ Чупятова не могли побѣдить упорства и уклончивости Володимірова. Но и при всемъ томъ, Василій Анисимовичъ не хотѣлъ еще считать свое дѣло проиграннымъ и рѣшился войти съ формальнымъ прошеніемъ „въ Коммерцъ-коллегію къ прокурорскимъ дѣламъ“. Въ этомъ прошеніи онъ подробно рассказываетъ вышеизложенный ходъ сватовства и затѣмъ заключаетъ свое ходатайство слѣдующими доводами:

„А какъ же то мнѣ довольно вѣстимо, что объявленная невѣста къ сочетанію со мною законнымъ бракомъ большее склоненіе имѣетъ, да и семейство его господина Володимірова состоитъ въ крайнемъ одиночествѣ, потому что—ни отца, ни брата, а имѣетъ сына, который минувшаго мѣсяца рожденъ, а дочь отъ семилѣтняго возраста; а отецъ его, господинъ Володиміровъ, съ помощію Божьею и счастіемъ Ея Императорскаго Величества къ прославленію Россійскаго купечества присокупилъ капиталъ знатной и въ торгахъ имѣетъ дѣло во всѣхъ Европейскихъ государствахъ, отъ котораго какъ ему, такъ и государству составляетъ со обогащеніемъ слава, а въ таковыхъ капиталахъ во всей Европѣ обычайно бываетъ на конторахъ изъ купцовъ, для теченія непрерывной коммуникаціи, человѣка по два и по три,—чѣмъ больше, тѣмъ надежнѣе продолжаютъ торги и промыслы, а дочерей своихъ обычаиво и отдають не за богатыхъ людей, такожъ за касейровъ и булгактеровъ какъ на своей и посторонней конторахъ, по усмотрѣнію надежности, имѣють себѣ за товарищей, чѣмъ тѣ конторы силу и дѣй-

ствіе имѣють нѣсколько сотъ лѣтъ непоколебимо и непрерывно. А если жъ, по власти Божіей, его, господина Володимерова, не станетъ, то всеконечно сказать можно, и всѣ его дѣйствія нарушатся, да и въ коммерціи можетъ быть конечная остановка, потому какъ то онъ, Володимеровъ, обыкновенно во время ярмонки при закупкѣ товаровъ иностраннымъ людямъ даетъ по курсу полученіемъ отъ корисподентовъ въ Амстердамы и другихъ государствахъ часто временно тысячь по пятисотъ и болѣе, а если жъ такое дѣйствіе пресѣчется, то всеконечно сказать можно, приходящіе корабли учинятъ во исправности дѣйствія всекрайнюю остановку, и ожидаемые тому жъ послѣдуютъ. А въ случаѣ и кончины можетъ, къ поправленію его теченія, не ласкаясь какой корысти, заступитъ и зять его. А если отдать за богатаго, то, ища покою, обычно стараются доставить чины и покупать вотчины и тѣмъ торги свои пресѣкаютъ, какъ то и нынѣ зять его, Тульской купецъ Ливенцовъ по богатству своему въ большой промыслъ не входитъ, да и совсѣмъ, какъ есть безъизвѣстно, пресѣчь желаетъ. А когда отдать за благороднаго, то безъ сумнѣнія сказать можно, что всякой поищетъ указной части и доведетъ его до приказнаго порядка, чѣмъ можетъ лишитъ его торговаго промыслу. А въ разсудкѣ сказать и то, что изъ купца можетъ быть статской и военной, а изъ тѣхъ чиновъ уже купеческой должности понести не можетъ. И во избѣжаніе онаго и въ сохраненіе коммерціи, дабы она отъ силы въ силу приходила могла, а не дозволено ль разсмотрѣть и приступить, разобравъ полезныя качества, какъ то и выше значить, за бывшимъ сговоромъ почитать въ рѣшеніи; только безъ сильной на то руки окончить способа не предвидится. Къ тому жъ и сего молчанію предать не можно, что мысль царева — мысль Божія, повелѣніе царево — повелѣніе Божіе, и царское слово временно не бываетъ“.

Коллегія, разуиѣется, не вошла въ разсмотрѣніе такой странной просьбы, и Чупитову оставалось только склониться предъ волею судьбы. Тутъ-то, вѣроятно, онъ, не имѣя возможности выполнить свои торговые обязательства, тѣсный кредиторамъ, и объявилъ себя „банкротомъ“ — какъ увѣряли нѣкоторые — притворно. Затѣмъ „избѣгая неприятностей на своихъ вѣрителей“, рассказываетъ Державинъ, „онъ представлялся помѣшаннымъ и повѣсплъ на себя разноцвѣтныхъ лентъ и медалей, присланныхъ къ нему будто бы влюбленною въ него Мароккою принцессою“ (Соч. Державина, стр. 440). „Однако“, рассказываетъ другой свидѣтель, — „Чупитовъ продолжалъ выдаться со своими знакомыми, и при стороннихъ людяхъ велъ разговоръ, пока не покажутъ ему курицу, розукрашенную разноцвѣтными лентами, что часто дѣлали для потѣхи. Лишь Чупитовъ увидитъ въ такомъ нарядѣ курицу, тотчасъ принимаетъ на себя роль разстроеннаго умома и начинаетъ молоть вздоръ, воображая, что курица есть воплощенный духъ, присланный къ нему отъ Мароккской королевы (Сѣверная Пчела 1800 г., № 51, статья Старожила: „Кто былъ Чупитовъ?“).

Молва о матримоніальныхъ планахъ Чупитова скоро распространилась по Петербургу. Въ Запискахъ Порошина, подъ 19-мъ и 20-мъ Апрѣля 1765 года отмѣчено, что онъ читалъ письмо Чупитова великому князю, З. Г. Чернышеву, Н. И. Панину и отцу Платону. „Много смѣялись, прибавляетъ авторъ дневника (Русскій Архивъ 1869 г., ст. 22 и 23). Когда же Чупитовъ сталъ сумасбродствовать, то сдѣлался предметомъ постоянныхъ насмѣшекъ въ Петербургскомъ обществѣ: къ нему присылали по почтѣ ленты и грамоты будто бы на пожалованіе ему ордена; иные писали къ нему и просили, чтобъ онъ оказалъ имъ свое покровительство, когда взойдетъ на Мароккскій престолъ, котораго состоитъ наслѣдникомъ. Чупитовъ не за-

мѣчалъ однако глумленія и даже „утѣшался“ присылками ¹⁾.

Въ такомъ состояніи Чупятовъ прожилъ долго. С. Н. Глинка, учившійся въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, видалъ его въ корпусномъ саду, въ 1794—1795 годахъ. „Онъ былъ“, рассказываетъ Глинка,—„высокаго роста, во Французскомъ кастанѣ и съ мишурными знаками. Болѣе всего удивляла меня его скромность: онъ шелъ тихо и очень вѣжливо намъ кланялся, такъ что мы безъ улыбки платили ему взаимнымъ поклономъ“. (Соч. Державина, стр. 440).

Говорятъ, что Чупятовъ былъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ, но теперь уже нельзя найти его могилы.

Л. Майковъ.

ИЗЪ БУМАГЪ ДИКАНЬСКАГО АРХИВА, КН. С. В. КОЧУБЕЯ ²⁾.

I.

Два письма князя Григорія Александровича Потемкина-Таврическаго къ графу А. А. Безбородкѣ.

1.

Милостивый государь мой, графъ Александръ Андрѣевичъ. Дай Боже,

¹⁾ Старожилъ, слова котораго приведены выше, рассказываетъ еще слѣдующій случай: Императрица какъ-то осматривала, въ осмидесятыхъ годахъ, Вышневолоцкій каналъ и оттуда проѣхала въ Москву, гдѣ ея не ожидали. Государыня была въ соборѣ, какъ Чупятовъ, разукрашенный лентами и звездами, протѣснился впередъ въ церковь. Императрица замѣтила его и спросила Московскаго главно-командующаго: «Кто это?» Тотъ доложилъ: «Такой-то помѣшанный. Государыня сказала: «Почему у васъ онъ на свободѣ? Для подобныхъ людей мѣсто въ заведеніи». (Съв. Пчела 1860 г., № 51.)

²⁾ Подлинники печатаемыхъ писемъ, князя Потемкина и графа Воронцова, хранятся у князя С. В. Кочубея, въ селѣ Диканькѣ, Полтавской губерніи; онъ печатаются съ разрѣшенія владѣльца ихъ, который, въ настоя-

чтобъ слѣдствія были лутчія, а безъ того жаль будетъ людей. Вы знаете мою любовь къ своимъ, и потому можете судить о моемъ безпокойствѣ. Я увѣренъ, что худоба флотилии много сдѣлала вреда, да и галеры взорвало не отъ своихъ-ли выстрѣловъ? Что сдѣлалъ Крузъ, ежели онъ не трусъ?

Желаю я, чтобы Кегая-бей привезъ вѣсти подробныя, а паче вѣрныя; скажите мнѣ, какъ были мои Турки?

Хорошо, естли-бы Чичагову удалось; но при удачахъ, чѣмъ они будутъ бѣльшия, тѣмъ должна быть наша политика умѣреннѣе. Тутъ вѣще ласкать нужно Б... дворъ ³⁾, дабы онъ каверзами не остановилъ успѣховъ. Вся нужда развязаться, а потомъ, я васъ увѣряю, что оба и Шв. и Польск. легко истребятся. Яо семъ готовлю. Пожалуйте къ статѣ скажите ⁴⁾. Вѣрите, что наклонность въ дружбѣ съ Прус. развяжетъ дѣло, а въ политикѣ чистосердечіе не нужно. Вѣрный и покорный слуга Потемкинъ Таврическій.

На оборотѣ письма адресъ: „Милостивому государю моему, графу Александру Андрѣевичу Безбородку.“ Года не означено, но относится къ 1789 году, когда кромѣ Шведской и Турецкой намъ грозили еще двумя войнами, съ Пруссією и Швецією. П. Б.

2.

10 Сентября.

Извини, милостивый государь, что не могу писать много. Ей Богу, геморойды прицели въ крайнюю слабость,

щее время, занять систематическимъ описаніемъ всѣхъ бумагъ, хранящихся въ его богатомъ семейномъ архивѣ.

Н. Григоровичъ.

³⁾ Такъ въ подлинникѣ. Очевидно—Берлинскій дворъ. П. Б.

⁴⁾ Т. е. императрица. Потемкинъ готовилъ записку объ этихъ дѣлахъ. П. Б.

и заботы на пространствах и въ разныхъ мѣстахъ сломили съ ногъ. О славномъ витязѣ, ежели онъ не Бова, то, по крайней мѣрѣ, Горе-Богатырь, увидите изъ реляціи. По дальнемъ преслѣдованіи пришлю донесеніе обстоятельное; самъ же ѣду завтра. Сей славимый Алжирской рыцарь ушелъ, будучи проученъ лядно полковникомъ Орловымъ. Прилагаю вамъ письмо Михаила Ник. Кречетникова; тутъ увидите, какъ мой Донецъ ударилъ. Я прилагаю объ немъ просьбу.

Хлопочу я объ Кобургѣ, хотя, кажется, онъ и силенъ.

Побѣги столь часты въ Польшу, — истинно нельзя проходить въ близости. Я на время кампаніи прибавилъ въ жаловань для корпуса Малор. въ уравненіе съ легкоконнымъ, потому что они несутъ ту же службу и дратья хорошо начинаютъ. Объявилъ и волю Ея Имп. Вел. объ отпускѣ третьей части въ мирное время. А пѣхотѣ съ кирасирами порцію отпустить приказалъ, чѣмъ и прекратилось, сказавъ, что Государынина воля сдѣлать послѣ войны срочную службу. Сіе больше всего подѣйствовало. Поляки подманяваютъ. Ей, нужно срокъ положить, хотя бы начавъ съ государственныхъ; но сіе послѣ войны, а теперь бы предварить. А что сказалъ, то доказательно произвело дѣйствіе: даже изъ Польши уже бѣглецы отзываются придти, лишь бы простили. На вѣкъ вамъ вѣрный слуга кн. Потемкинъ Таврическій.

Письмо графа С. Р. Воронцова къ графу А. А. Безбородкѣ (1795).

Richmond, ce 13 Septembre 1795.

Monsieur le comte! Ne soyez pas surpris de la liberté que je prends de vous recommander m-r Guttenbrunn

qui aura l'honneur de vous présenter cette lettre.

C'est un très grand peintre, et je ne puis faire autrement, que de l'adresser à un connaisseur et amateur éclairé. Ayant été à Rome du vivant de Mengs que j'ai beaucoup vu, ce grand homme avoit la plus haute opinion des talents du porteur de cette lettre que j'ose recommander à vos bontés, monsieur le comte. Il m'a souvent répété que la correction du dessein et la beauté, ainsi que la vérité du colori de m-r Guttenbrunn sont telles qu'il ne connoissoit aucun peintre à Rome qui puisse lui être comparé, et comme il avoit promis au prince des Asturies (actuellement Roi d'Espagne) de lui envoyer en petit des copies de tous les grands ouvrages qu'il feroit à Rome, il n'a pu trouver que m-r Guttenbrunn seul capable de faire ces copies parfaites: une des quelles, n'ayant pas été encore envoyée à Madrid au moment que Mengs est mort, ses héritiers l'on vendu, et c'est le prince Youssouloff qui a eut le bonheur de l'acheter. Vous devez l'avoir vue et admirer sans doute, monsieur le comte, dans la collection des tableaux de ce prince.

J'ai eu aussi le bonheur d'acheter de m-r Guttenbrunn une précieuse copie qu'il a fait du fameux tableau du Corege qui est à Parme. Je ne l'ai payé que 100 guinées et quoique je ne suis rien moins que riche, je ne la céderai pas pour 2000. J'ai vue plusieurs fois à Bologne dans le palais Zampieri une copie de ce même tableau faite par un des Caraches, et je puis vous assurer sans exagération que celle de m-r Guttenbrunn a beaucoup mi ux rendu l'inimitable et gracieux pinceau du Corege. Celle que j'ai de lui est telle que mylord S. Hélenes qui aime la peinture et s'y connoit parfaitement, en re-

venant d' Espagne où il a vu les plus beaux ouvrages de Mengs qu'il a étudié particulièrement, ne pouvoit croire que ce fut m-r Guttenbrunn qui a fait cette copie que j'ai, mais la croyoit faite par Mengs.

L' Impératrice a une des plus belles et des plus nombreuses collections qui existe en Europe. Il ne lui manque que ce qui manque à toutes ces collections fameuses: c'est à dire des copies parfaites des chef-d'oeuvres de Raphael, de Corege, du Titien, du Dominiquain et du Guide qui se trouvent à Dresde, à Venise, à Parme, à Bologne et à Rome et qu'il n'est plus possible à aucun Souverain de les acheter. Si Sa Majesté Imperiale voudroit faire l'essay de la grande habileté de mr Guttenbrunn à copier avec l'imitation la plus parfaite la manière des grands peintres, en lui ordonnant de copier un des plus beaux tableaux de sa précieuse collection et si après cela elle le trouve tel que l'a jugé le fameux Mengs: Sa Majesté Imperiale, en l'envoyant en Italie avec une pension de 300 ducats pour qu'il puisse voyager d'une ville à l'autre et en faisant le prix avec lui pour les copies qu'il fera des chef-d'oeuvres qui s'y trouvent, sa collection deviendra à peu de frais la plus précieuse, la plus complète et la plus intéressante de l'univers.

Il porte avec lui quelques tableaux de sa propre composition parmi lesquels celui où il a représenté le Parnasse, méritera sans doute l'attention de tout connaisseur en peinture.

Je m'adresse à vous, monsieur le comte, comme à un amateur et connaisseur éclairé et sachant que vous jouissez du bonheur qui vous est due d'approcher de l'Impératrice dans sa société privée, cette société unique dans le monde où la plus sage et la plus

grande Souveraine ne paraît que la plus aimable femme de l'univers, et comme cette grande Souveraine est aussi la plus éclairée protectrice des beaux arts qu'elle a été la première à introduire et les a, pour ainsi dire, naturalisé dans son vaste Empire, je ne doute nullement que l'idée que j'ai pris la liberté de vous présenter au sujet des copies des fameux tableaux qu'il est impossible d'avoir en Russie ne lui déplaira pas, surtout quand elle lui sera proposée par un connaisseur tel que vous, monsieur le comte.

L'estime particulière que j'ai de vos connaissances étendues, de votre amour pour les beaux arts et de votre inclination à protéger les artistes m'a induit à vous incommoder et cela me doit servir d'excuse auprès de vous. Je suis avec la plus parfaite estime et la plus haute considération, monsieur le comte, votre très humble et très obeissant serviteur

S. C. Woronzow.

Переводъ.

17
28 Сентября 1795 года. Ричмондъ. Графъ! Не удивляйтесь, что я беру на себя смѣлость рекомендовать вамъ г. Гуттенбрунна, который будетъ имѣть честь представить вамъ это письмо: онъ великій живописецъ, и я не могъ поступить иначе, какъ только рекомендовать его знатоку и просвѣщенному любителю.

Будучи въ Римѣ, я часто встрѣчался съ покойнымъ Менгсомъ⁴⁾. Этотъ великій человекъ былъ очень высокаго мнѣнія о талантѣ Гуттенбрунна, котораго я осмѣливаюсь рекомендовать вашей благосклонности, графъ.

⁴⁾ Т. е. Антоніемъ Рафаэлемъ Менгсомъ (род. 1728, ум. 1790 г.)

Покойный Менгсъ повторялъ мнѣ часто, что правильность рисунка, красота, а также и естественность колорита въ произведеніяхъ подателя этого письма таковы, что онъ не знаетъ въ Римѣ ни одного художника, котораго можно было бы сравнить съ Гуттенбрунномъ. Менгсъ обѣщаль принцу Астурійскому (нынѣшнему королю Испанскому) присылать въ миниатюрѣ копии со всѣхъ своихъ великихъ произведеній, которыя онъ предприметь въ Римѣ, и только одинъ Гуттенбруннъ оказался способнымъ списывать мастерскія копии. Одна изъ этихъ копій, не отправленная въ Мадридъ, по случаю смерти Менгса, была продана наследниками его, и князю Юсупову посчастливилось купить ее. Выграфъ,—надо полагать,—замѣтили ее въ коллекціи картинъ князя и, безъ сомнѣнія, любовались ею.

Мнѣ также удалось купить драгоценную копию Гуттенбрунна съ знаменитой картины Корреджіо, что была въ Пармѣ ⁵⁾. Я заплатилъ за нее 100 гиней и хотя я отнюдь не богать, но не уступлю ее и за 2000.

Мнѣ не разъ случалось видѣть въ Болоньѣ, во дворцѣ Цампіери, копию съ этой же самой картины, сдѣланную однимъ изъ Каррачей, и я могу увѣрить васъ, копія Гуттенбрунна, безъ всякихъ преувеличеній, гораздо лучше передаетъ неподражаемую и прелестную кисть Корреджіо; она такъ хороша, что милордъ С. Эленсъ (S. Helens), который любитъ живопись и знакомъ съ нею въ совершенствѣ, возвратившись изъ Испаніи, гдѣ онъ видѣлъ самыя лучшія произведенія Менгса и изученіемъ которыхъ онъ преимущественно занимался, не могъ по-

вѣрить, что это копія, списанная Гуттенбрунномъ, а не оригинальное произведеніе Менгса.

У Императрицы одна изъ лучшихъ и полнѣйшихъ коллекцій въ Европѣ, но и въ ней недостаетъ того, чего нѣтъ нивъ одной замѣчательной коллекціи—это хорошихъ копій съ образцовыхъ произведеній Рафаэля, Корреджіо, Тиціана, Доминикина и Гвидо; оригиналы же находятся въ Дрезденѣ, Венеціи, Парижѣ, Болоньи и Римѣ, и ни одинъ монархъ не можетъ купить ихъ. Если бы Ея Императорское Величество пожелала испытать Гуттенбрунна въ необыкновенной способности его мастерски подражать манерѣ великихъ художниковъ, повелѣвъ ему сдѣлать копию съ одной изъ прекрасныхъ картинъ ея коллекціи; если бы она, удивившись въ справедливости замѣчаній Менгса, отправила Гуттенбрунна въ Италію съ пансіономъ въ 300 дукатовъ, чтобы онъ могъ переѣзжать изъ одного города въ другой, и условилась бы съ нимъ относительно платы за копии, которыя онъ спишетъ съ образцовыхъ произведеній: то сдѣлала бы свою коллекцію самою драгоценною, самою полною и самою интересною въ мірѣ, а главное, пріобрѣтеніе этихъ копій не было бы сопряжено съ большими издержками.

Гуттенбруннъ везетъ съ собою нѣсколько своихъ картинъ; между ними та, которая изображаетъ Парнасъ, заслужить, безъ сомнѣнія, вниманіе всякаго знатока въ живописи. Я обращаюсь къ вамъ, графъ, какъ къ знатоку и просвѣщенному любителю (изящныхъ искусствъ). Я притомъ знаю, что вы наслаждаетесь счастіемъ, котораго вы вполне достойны, счастіемъ бесѣдовать съ Императрицей въ дружескомъ обществѣ, единственномъ въ свѣтѣ, гдѣ самая мудрая, самая

⁵⁾ Т. е. съ Рождества Христова; картина эта теперь находится въ Дрезденской галлерей.

великая Государыня является только самую любезнѣйшею женщиною въ мѣрѣ. А такъ какъ эта великая Государыня вмѣстѣ съ тѣмъ и самая просвѣщенная покровительница искусствъ, которыя она первая ввела и, такъ сказать, натурализовала въ своей обширной Имперіи, то я ни мало не сомнѣваюсь, что мысль, которую я имѣлъ смѣлость предложить вамъ, относительно пріобрѣтенія копій съ знаменитыхъ картинъ, которыхъ невозможно имѣть въ Россіи,—не будетъ отклонена Ею, особенно если это будетъ предложено такимъ знатокомъ, какъ вы, графъ.

Глубокое уваженіе, которое питаю я къ вашимъ обширнымъ познаніямъ, къ вашей любви къ искусствамъ, къ вашему влеченію покровительствовать артистамъ, внушило мнѣ мысль обезпокоить васъ, и это должно послужить мнѣ извиненіемъ и пр.

ИЗЪ БУМАГЪ В. А. ЖУКОВСКАГО.

Нижеслѣдующія произведенія В. А. Жуковскаго были найдены въ бумагахъ его уже по выходѣ въ свѣтъ послѣдняго собранія его сочиненій. Честь открытія ихъ принадлежитъ К. С. Сербяновичу, сообщившему ихъ въ Русскій Архивъ. П. Б.

ПОВѢСТЬ О ЮСИФѢ ПРЕКРАСНОМЪ.

I.

Іаковъ жилъ въ землѣ, гдѣ Исаакъ
Его отецъ жилъ прежде, въ Хананейской
Землѣ; богаты сыновья его,
Пасли въ горахъ обильныя стада.
Межъ ними самый младшій былъ Юсифъ.
Онъ родился Іакову подъ старость,
И болѣ всѣхъ любилъ его отецъ;
Онъ пеструю одежду далъ ему
И веселился, видя красоту
Его лица, а братьямъ было то
Завидно: въ сердцахъ ихъ кипѣла
Вражда къ Юсифу, и никогда

Они привѣтливаго слова брату
Не говорили. Разъ приснился сонъ
Ему, и братьямъ разсказалъ Юсифъ
Тотъ сонъ. Послушайте, онъ говорилъ,
Привидѣлося мнѣ, что будто всѣ
Мы въ полѣ, будто всѣ мы вяжемъ
Снопъ; вдругъ снопъ мой поднялся, а ваши
Передъ моимъ, какъ будто поклоняясь
Ему, легли. На это братья всѣ
Сказали: Видно, хочешь надъ родными
Господствовать и нашимъ быть царемъ?
И болѣ съ тѣхъ поръ его они
Возненавидѣли.—Потомъ ему
Опять приснился сонъ. Его отцу
И братьямъ разсказалъ Юсифъ: мнѣ
Привидѣлося, что солнце и луна
Съ одиннадцатью свѣтлыми звѣздами
Мнѣ поклонились. Но отецъ ему
Велѣлъ умолкнуть, говоря: Чтѣ можеть
Твой сонъ знаменовать? Иль мыслишь ты,
Чтѣ и отецъ, и мать, и братья, въ землю
Тебѣ поклоняются? И братья пуше
Противъ него за этотъ чудный сонъ
Озлобились; отецъ же про себя
Его слова на памяти сберегъ.
И скоро братья на поля Сихема
Отцовскія стада перевели.
Тогда, призвавъ Юсифа, Іаковъ
Ему сказалъ: твои всѣ братья нынѣ
Въ Сихемѣ на лугахъ стада моихъ
Овецъ пасутъ; поди, мой сынъ Юсифъ,
Туда, провѣдай, здравствуютъ ли братья
И овцы, и объ нихъ мнѣ принеси
Извѣстіе.—Покинувши долину
Хевронскую, пошелъ въ Сихемъ Юсифъ.
Онъ не нашелъ тамъ братьевъ, но ему
Искавшему ихъ, человекъ
Прохожій встрѣтился и у него
Спросилъ: кого ты ищешь? Онъ ему
Сказалъ въ отвѣтъ: ищу своихъ я братьевъ.
И тотъ ему отвѣтилъ: я слышалъ
Ихъ говорящихъ здѣсь: мы въ Доффаимъ
Пойдемъ отсюда.—И за ними вслѣдъ
Пошелъ Юсифъ въ Доффаимъ, и ихъ
Нашелъ онъ въ Доффаимѣ. Издали
Увидѣвши идущаго его,
Они сказали: вотъ идетъ сповидѣць!
И замыслъ погубить его въ ихъ сердце
Проникъ. Другъ другу такъ они сказали:
Когда придетъ онъ, мы убьемъ его
И бросимъ тѣло въ этотъ водостокъ,

И скажемъ, что его съѣлъ дикій звѣрь.
Тогда увидимъ, сбудется ли сонъ,
Которымъ хвасталъ онъ. Услышалъ ихъ
Слова Рувимъ. Чтобы изъ рукъ ихъ брата
Спасти, онъ такъ сказалъ: не убивайте
Его на вашу душу; рукъ своихъ
Не обагряйте кровью, а живымъ
Его спустите въ этотъ водоемъ
И тамъ оставьте. Такъ онъ говорилъ,
А въ тайнѣ былъ намбрѣпъ отвести
Его къ отцу. Когдажъ къ нимъ подошелъ
Ихъ братъ Іосифъ, пеструю съ него
Одежду снявши, въ водоемъ они
Его спустили; былъ тотъ водоемъ
Глубокъ, но безъ воды. Потомъ всѣ вмѣстѣ
Обѣдать начали; но въ это время,
Поднявъ глаза, увидѣли они
Толпу людей. Измаильтяне шли
Изъ Гааада на своихъ верблюдахъ;
Коренья пряные, балзамъ и мирру
Они везли въ Египетскую землю.
Увидѣвъ ихъ, сказалъ Іуда братьямъ:
Какая будетъ польза намъ, когда
Его мы умертвимъ; онъ наша кровь,
Онъ братъ нашъ! Лучше продадимъ его
Купцамъ Измаильтянскимъ.—Братьямъ этотъ
Совѣтъ понравился; когда жъ купцы
Приблизились, они, изъ водоема
Іосифа немедленно извлекши,
Его за двадцать золотыхъ монетъ
Купцамъ тѣмъ продали; и ими онъ
Былъ уведенъ въ Египетскую землю.
Когда жъ Рувимъ, который не случился
При этомъ торгѣ, въ вечеру пришелъ
Къ пустому водоему, чтобъ оттуда
Взять брата, въ водоемъ брата онъ
Ужъ не нашелъ; свою отъ скорби ризу
Съ себя сорвавъ, онъ началъ горько плакать,
И говорилъ: я брата не нашелъ!
Куда теперь пойду я? Тѣ же, взявъ
Іосифову ризу и козленка
Зарѣзавъ, кровью облили ее
И повелѣли отнести ту ризу
Къ Іакову и такъ ему сказать:
Вотъ что нашли въ лѣсу мы, посмотри!
Не риза ли, которую ты далъ
Іосифу?—Іаковъ посмотрѣлъ
И во мгновение въ лоскутъ кровавомъ
Онъ пеструю Іосифову ризу
Узналъ. И онъ воскликнулъ: это платье

Іосифа, звѣрь лютый съѣлъ его!
Іосифа похитилъ лютый звѣрь!
И пепломъ голову свою Іаковъ
Осыпалъ, и сорвалъ съ себя одежды,
И вретischemъ облекся, и о миломъ
Іосифѣ дни многіе онъ плакалъ.
И сыновья, и дочери отца
Сошлись утѣшать, но утѣшенья
Не принималъ онъ и твердилъ: Хочу
Я въ землю! Къ милому хочу я сыну!
И объ Іосифѣ безъ утѣшенья
Іаковъ плакалъ.—А Іосифъ былъ
Въ Египтѣ далеко. Въ Египтѣ былъ онъ
Пентефрію, снѣуху Фараона,
Измаильтянскими купцами проданъ.

II.

Но былъ съ Іосифомъ Господь. И въ домъ
Пентефрія онъ жилъ благополучно,
Понеже зналъ Пентефрій, что Господь
Іосифу успѣхъ во всякомъ дѣлѣ
Ниспосылалъ, и въ милости великой
Іосифъ былъ у господина: ввѣрилъ
Ему весь домъ свой, всѣ свои поля,
И все свое имущество Пентефрій,
И водворилъ свою щедроту, ради
Іосифа, въ Пентефріевомъ домѣ
Господь. Но восхотѣлъ Онъ напоследокъ
Іосифа подвергнуть испытанью
И допустить благоволилъ, чтобъ въ сердцѣ
Пентефріевомъ, злою клеветой,
Противъ Іосифа великій гнѣвъ
Былъ возбужденъ. И гнѣвомъ ослѣпленный
Іосифа Пентефрій повелѣлъ
Въ темницу заключить, гдѣ содержался
Царевы узники. Но и въ бѣдѣ
Великой былъ Іосифъ сердцемъ веселъ
Предъ Господомъ. И преклонилъ Господь
Темничнаго старѣйшину на милость
Къ Іосифу; и возлюбилъ его
Старѣйшина темничный: скоро
Ему надзоръ за узниками всѣми
Онъ ввѣрилъ, и главой поставилъ
Іосифа, надъ стражами другими,
И отдалъ всю во власть его темницу,
Понеже былъ съ Іосифомъ Господь.

III.

Случилось тогда, что Фараона
Прогнѣвали и царскій виночерпій,

И царскій хлѣбодаръ. Ихъ царь велѣлъ
 Окованныхъ въ темницу заключить;
 Темница же та самая была,
 Въ которой столько времени томился
 Юсифъ. И старѣйшина темничный
 Ему въ надзоръ обоихъ ввѣрилъ знатныхъ
 Царевыхъ узниковъ. Въ одну имъ ночь
 Тревожные привидѣлися сны.
 Когда пришелъ по утру къ нимъ Юсифъ,
 Увидѣвъ онъ, что были оба мрачны,
 И онъ спросилъ ихъ: отъ чего такое
 Уныніе на вашихъ блѣдныхъ лицахъ?
 Они сказали: видѣли мы сны,
 Ихъ знаменье тревожитъ насъ. Юсифъ
 Отвѣтствовалъ: Намъ сны отъ Бога. Чтожъ
 Вамъ приснилось?—Мнѣ привидѣлось, сказала
 Великій виночерпій, будто я
 Стою передъ лозою виноградною,
 Что та лоза три отрасли пустила,
 Что зрѣлые на ней висѣли грозды,
 Что въ правой я рукъ цареву чашу
 Держалъ, а лѣвою рукою давилъ
 Въ нее царю душистый сокъ изъ гроздьевъ.
 И виночерпій сказалъ Юсифъ:
 Три на лозѣ отростка значать три дня,
 Но истеченіи трехъ дней вспомнить царь
 Тебя, и ты по прежнему возвышешъ
 Въ свой знатный будешь санъ и будешь въ пирѣ,
 Но прежнему, какъ царскій виночерпій,
 Намѣтокъ подносишь царю. Когда же
 Те сбудется съ тобою, помини
 При счастиіи меня и сотвори
 Со мною милость: извлеки изъ мрака
 Темничнаго, гдѣ заключенъ давно
 Я, никакого зла не сотворившій.
 То слыша, въ свой чередъ и хлѣбодаръ
 Юсифу сказалъ: А мнѣ приснилось,
 Что будто я на головѣ несъ три
 Корзины съ царскимъ хлѣбомъ, что отовсюду
 Слетѣлись птицы, что онѣ обѣли
 Корзины, и что весь расклеванъ
 Былъ царскій хлѣбъ.—На то сказалъ Юсифъ:
 Пройдетъ три дня, и Фаронъ велитъ
 Твою взять голову, и ты на древѣ
 Повѣшешъ будешь, и слетятся птицы
 И расклюютъ твой трупъ. Три дня проиши,
 И пригласитъ свое рожденіе царь
 И пригласитъ въ свои палаты всѣхъ
 Велиможъ на пиръ великій; вспомнилъ онъ
 О виночерпійи и повелѣлъ

Ему вступить въ высокій санъ свой,
 И сталъ опять въ цареву руку чаши
 Съ виномъ онъ подавать. А хлѣбодаръ,
 Какъ предсказалъ ему Юсифъ, былъ
 На третій день казненъ. Но виночерпій
 Объ узникѣ Юсифѣ забылъ,
 И на долго въ темницѣ онъ остался.

IV.

Два года протекли. Вдругъ царь встревоженъ
 Былъ чуднымъ сномъ. Приснилось ему,
 Что при рѣкѣ стоялъ ояъ, и что семь
 Коровъ большихъ, красивыхъ, тучныхъ вышли
 Изъ той рѣки, и стали на прибрежномъ
 Лугу пастись, и злаками питались;
 Что изъ рѣки другія семь коровъ
 Ужасныхъ видомъ, злыхъ и тощихъ, вышли,
 И бросились на первыхъ, и сожрали
 Ихъ всѣхъ, и что ихъ чрево стало
 Пустѣй, чѣмъ было прежде. И въ испугѣ
 Проснулся царь; но скоро онъ опять
 Заснулъ, и сонъ другой ему приснился.
 Онъ видѣлъ семь колосьевъ, на одномъ
 Растущихъ стеблѣ, и колосья были
 Полны прекрасныхъ, крупныхъ зеренъ; вдругъ
 Другіе семь сухихъ, пустыхъ колосьевъ,
 Межъ первыми, на томъ же стеблѣ вышли,
 И жирные колосья были разомъ
 Бесплодными поглощены. Въ испугѣ
 Опять проснулся царь, и онъ ужъ болѣ
 Заснуть не могъ. Его душа смутилась;
 Когда жъ настало утро, онъ велѣлъ
 Созвать гадателей и мудрецовъ,
 Дабы они ему истолковали
 Значеніе сна. Но не одинъ не могъ
 Его истолковать. Тутъ виночерпій
 О юношѣ, съ которымъ онъ былъ запертъ
 Въ темницѣ, вспоминалъ и сказалъ царю;
 Я тяжко согрѣшилъ, великій царь!
 Я за добро оказанное мнѣ
 Неблагодарностью воздалъ жестокой;
 Мы были, я и хлѣбодаръ, твоя
 Рабы, заключены по волѣ царской
 Твоей въ темницѣ. Тамъ мы были спомъ,
 Какъ нынѣ ты, утрачены. Въ темницѣ жъ
 Былъ съ нами юноша, Еврей, невольникъ
 Пентефрія, вельможъ твоего.
 Онъ наши сны истолковалъ, и все
 Намъ сказанное имъ сбылось: я
 Тобою былъ помилованъ, а царскій

Твой хлѣбодаръ тобою преданъ казни.
 И повелѣлъ представить Фараонъ
 Къ себѣ Юсифа. Былъ изведенъ
 Изъ мрачной онъ темницы, былъ омытъ,
 Благоухающимъ натертъ елеемъ,
 Очищенъ, въ ризу новую одѣтъ,
 И такъ его представили царю.
 И царь сказалъ: я видѣлъ сонъ, но мнѣ
 Его никто истолковать не можетъ;
 Ты, говорить, пророчественнымъ духомъ
 Исполнишь.—И, отвѣтствовалъ Юсифъ,
 Ничто; одинъ лишь Богъ Всевышній можетъ
 Царю открыть въ грядущемъ зло и благо.
 И царь ему сказалъ: Приснилось мнѣ,
 Что близъ рѣки стоялъ я, и что вдругъ
 Изъ той рѣки семь добрыхъ, чистыхъ вышло
 Коровъ, и что за ними слѣдомъ вышли
 Другія семь коровъ, но злыхъ и тощихъ,
 И что послѣднія сожрали первыхъ
 И отъ того страшнѣй лишь отошлн.
 Потому я семь колосевъ, на одномъ
 Цвѣтушихъ стеблѣ, тучныхъ и зернистыхъ
 Во снѣ увидѣлъ, и межъ ними вдругъ
 Иа томъ же стеблѣ семь другихъ колосевъ
 Бесплодныхъ выросли, и во мгновенье
 Бесплодные пожрали плодоносныхъ.
 Вотъ что приснилось мнѣ. Я спросилъ
 Гадателей и мудрецовъ, но сна
 Изъ нихъ никто не могъ мнѣ объяснить.
 Тогда сказалъ Юсифъ Фараону:
 Въ обоихъ снахъ одно знаменоваше.
 Тебѣ Господь имъ хочетъ отворить
 Дверь помощи, время грядущихъ тайну.
 И нынѣ знай, великій царь: семь тучныхъ
 Коровъ и семь колосевъ полныхъ значать
 Семь лѣтъ обилія; а тощихъ
 Семь коровъ и семь пустыхъ колосевъ—семь
 Голодныхъ означаютъ лѣтъ. Сперва
 Семь лѣтъ во всей Египетской землѣ
 Великое плодородье будетъ;
 Потомъ семь лѣтъ бесплодная настануть,
 И голодъ всю Египетскую землю
 Обыметъ, и въ дни великихъ бѣдствій
 О временахъ благихъ забудутъ люди.
 И надлежитъ тому свершиться скоро,
 Понеже ты двукратно видѣлъ сонъ.
 Но посланъ онъ отъ Бога во спасенье
 Тебѣ и всей Египетской землѣ.
 Монни Онъ теперь тебѣ устами
 Смирненными, царь мудрый, говорить:

Немедленно тобою долженъ быть
 Мужъ многоопытный и мудрый избранъ
 Надъ всей землей Египетской; его
 Поставь и кушно съ нимъ назначь повсюду
 Мѣстоначальниковъ; пускай отъ всѣхъ
 Земныхъ плодовъ, въ теченіе семи
 Обильныхъ лѣтъ, часть пятую они
 Сбираютъ и хранятъ по городамъ;
 Пускай пшеницею и всякимъ житомъ
 Запасные наполнятся амбары,
 Дабы въ дни обилія на дни
 Бесплодія въ Египетской землѣ
 Соблюдено богатство пищи было,
 Чтобъ голодомъ народъ твой не погибъ.
 Такъ говорилъ передъ царемъ Юсифъ.
 Царю и всѣмъ вельможамъ царскимъ былъ
 Его благой совѣтъ угоденъ. Царь
 Помыслилъ: гдѣ и скоро ли найдется
 Мужъ опытный и боговдохновенный?
 И, обратясь къ Юсифу, сказалъ онъ:
 Могу ли я кого избрать премудрѣй
 И опытнѣй тебя? Ты открывень
 Пріялъ отъ Бога. Будь же ты отнынѣ
 Въ моемъ дому. Велѣнямъ устъ твоихъ
 Да покорятся всѣ! Однимъ престоломъ
 Тебя я выше буду. Поставляю
 Тебя надъ всей Египетской землей.
 И снявъ свой царскій перстень, Фараонъ
 Украсилъ имъ Юсифову руку,
 Облекъ его пурпуровой одеждою,
 Златую цѣпь надѣлъ ему на шею,
 И повелѣлъ, чтобъ въ царской колесницѣ
 По городу всему его возили
 И чтобъ предъ нимъ шель царскій провоз-
 вѣстникъ
 Народу власть его провозглашать.
 И властвовать въ Египетской землѣ
 Юсифъ началъ, юноша цвѣтушій.
 Изъ узника, забытаго въ темницѣ,
 Въ единый мигъ онъ сдѣлался могучимъ
 Правителемъ Египетской земли:
 Понеже былъ съ Юсифомъ Господь.

V.

Семь первыхъ лѣтъ роскошнѣйшую жатву
 Въ Египетской землѣ давали ншвы;
 Былъ собранъ тамъ запасъ непечислимый
 Пшеницы, ржи и всѣхъ земныхъ плодовъ.
 По городамъ, въ селеніяхъ, на полѣ,
 Амбары полные сокровищъ нивныхъ

Безчисленны стояли. И когда
 Прошло семь лѣтъ обильныхъ, и за ними
 Семь лѣтъ бесплодныхъ наступили, голодъ
 По всей землѣ потоками разлился,
 И возопилъ Египетскій народъ
 Къ царю въ своей бѣдѣ. Но царь народу
 Отвѣтствовалъ: къ Юсифу идите,
 Онъ дастъ вамъ пищу. И открылъ Юсифъ
 Всѣ житницы, и не одинъ народъ
 Египетскій тогда нашелъ въ нихъ
 Спасеніе: изъ ближнихъ и далекихъ
 Земель во множествѣ стекаться стали
 Въ Египетъ люди, и цѣною малой
 Изъ царскаго великаго запаса
 Юсифъ хлѣбъ имъ продавалъ, и всѣ
 Премудраго Египетской земли
 Правителя народы прославляли.

*

ПОЯВЛЕНІЕ ВЕСНЫ.

Зелень нивы, роши лепеть,
 Въ небѣ жаворонка трепеть,
 Теплый дождь, сверканье водъ,
 Васъ назвавши, чтѣ прибавить?
 Чѣмъ инымъ тебя прославить?
 Жизнь души, весны приходъ?

*

ДѢТСКІЙ ОСТРОВЪ *)).

Какъ весело, весело!
 Опять собрался мы
 Подъ свѣтлыми сѣнями
 Завѣтнаго острова!...
 Вкругъ свѣта оплавайте,
 Нигдѣ не найдете вы
 Подобнаго острова.
 Не море широкое,
 Шумя, разливается
 Вкругъ нашего острова;
 Не бездной глубокою
 Отрѣзанъ отъ твердыхъ онъ
 Бреговъ матерой земли.

*) Стихотвореніе это написано отъ лица
 Дѣтей Августѣйшаго Семейства, игравшихъ
 съ другими дѣтьми на островку, подаренномъ
 Императоромъ Николаемъ Павловичемъ для
 Государя Наслѣдника на озеркѣ, въ Цар-
 скомъ Селѣ. К. С.

Къ ней крѣпко привязанный
 Канатомъ хранительнымъ,
 Всегда намъ доступенъ онъ;
 И плотикъ съ перилами,
 Безъ вѣтра попутнаго,
 Безъ паруса-кормщика,
 На островъ привозитъ насъ,
 Увозитъ насъ съ острова.
 У нашего острова
 О бурѣ не слыхано,
 И воды окружныя
 При вѣтрѣ порывистомъ
 Едва покрываются
 Чушуйкой блестящею,
 Какъ будто ласкаяся
 Къ зеленому берегу.

*

ПРИЗНАНІЕ.

Я на тебя съ тоской гляжу.
 Въ груди огонь, въ душѣ молчанье.
 Хочу сказать.... Но что скажу?
 О другъ, пойми мое признанье.
 Тиха любовь къ тебѣ моя;
 Она всѣхъ чувствъ успокоенье,
 Хранитель-гепій бытія,
 Души надежда и спасенье.

*

ЯВЛЕНІЕ.

(Отрывокъ).

Въ долину къ пастырямъ смиреннымъ
 Являлась каждую весной,
 При первомъ жаворонковѣ пѣньи,
 Младая дѣва-красота.
 Откуда гостя прилетала
 И кто была? Не знали тамъ.
 Она какъ милый сонъ являлась,
 Какъ милый пропадала сонъ!
 Одушевательная благость
 Ея счастливила сердца,
 Но видъ небесно-величавый
 Благоговѣнье пробуждалъ.
 И всѣмъ она цвѣты дарила,
 Не обдѣляя никого;
 Съдой старикъ и отрокъ юный
 Всѣ милый получали даръ,...

*

КЪ РАВНОДУШНОЙ КРАСАВИЦѢ.

Тривься, тривься, пробудись!
 Милый мраморъ, оживись!
 Образъ сладостный, спѣши
 Пламенѣть огнемъ души.

*

ЧАША СЛЕЗЪ.

Рязь матушка свою любила дочку
 Такъ горячо, такъ глубоко, такъ нѣжно,
 Что жизнь и свѣтъ, и все, что есть на свѣтѣ
 Лишь милой дочкою ей было мило.
 Но вдругъ Господь Всевышній испытанье
 Великое послать благоволилъ
 На сердце матери. Ея малютка
 Заемогла смертельно. День и ночь
 Надъ нею мать сидѣла, не своди
 Съ страданья очей, слѣдя за каждымъ
 Ея движеніемъ, ея дыханіемъ,
 Съ волненіемъ слушая и непрестанно
 Молясь, чтобъ Богъ помиловалъ ее.
 Но милосердый Богъ о ней рѣшилъ
 Иначе: Онъ ее призвалъ къ себѣ
 На небо, и она (какъ говорятъ иные
 Безсмысленно на свѣтѣ) умерла.
 Безъ всякаго осталась утѣшенья
 Лишившаяся дочки мать, и съ горя
 Такъ силы ослабѣли, что она
 Недѣли не прошло

*

УТРО НА ГОРѢ.

Взошла заря. Дыханьемъ пріятнымъ
 Сманила сонъ она съ моихъ очей.
 Изъ хижины, за гостемъ благодатнымъ,
 Я восходилъ на верхъ горы моеи;
 Жемчугъ росы по травкамъ ароматнымъ
 Уже блисталъ младымъ огнемъ лучей,
 И день взлетѣлъ, какъ гений свѣтлокрылой,
 И жизнью все—живому сердцу было!

*

Я восходилъ... Вдругъ тихо закурился
 Туманный дымъ съ долины надъ рѣкой,
 Густѣлъ, рѣдѣлъ, тинулся и клубился,
 И вдругъ взлетѣлъ крылатый надо мной,
 И яркий день съ шумъ въ блѣдный сумракъ
 слился.

Задержулась окрестность пеленой,
 И влажною пустыней окруженный
 Я въ облакахъ исчезъ уединенный.

*

Азъ есмь Богъ твой. Благо-
 угождай предо мною и буди не-
 пороченъ (Быт. 17. 1). Вотъ что
 было сказано Господомъ вѣрному Ав-
 рааму. И дѣйствительно: кто предъ
 Богомъ, тотъ на пути къ совершен-
 ству. Мы не иначе можемъ откло-
 ниться отъ святаго пути, какъ поте-
 рявъ Бога изъ виду, какъ переставъ
 видѣть Его одного во всемъ. О куда
 иду я, когда не вижу Тебя, Свѣтъ
 единственный, предметъ единый, къ
 которому должны быть направлены
 всѣ шаги мои!... О взоръ, полный
 любви и довѣренности, путеводящій
 ко благу верховному человѣка! О Бо-
 же, Тебя одного желаю видѣть во
 всемъ, на что устремляются мои очи,
 что въ домѣ твоемъ Провидѣніа пред-
 ставляется моему вниманію. Сердце
 мое бодрствуетъ для Тебя посреди за-
 ботъ и должностей и мыслей, меня за-
 нимающихъ, но занимающихъ по-
 велику въ нихъ я вижу Твою волю.
 Такъ, все вниманіе мое должно со-
 средоточиваться въ Тебѣ. Что иное
 могло бы привлекать меня во всемъ
 этомъ множествѣ, меня окружающемъ,
 когда бы не Ты возбуждалъ меня къ
 дѣламъ, когда бы не Тебя повсюду
 я находилъ и видѣлъ?

И такъ да останутся очи мои
 возведенными въ горы, откуда
 придетъ помощь моя и сила. На-
 прасно буду смотрѣть себѣ подъ но-
 ги, дабы не споткнуться и избѣжать
 угрожающихъ мнѣ со всѣхъ сторонъ
 напастей. Опасность подъ ногами мо-
 ими, но спасеніе мое свыше. Туда
 обращаю взоръ мой, чтобы видѣть
 Тебя, моего Спасителя. Все безъ Тебя

опасная сѣтъ. Къ одному Тебѣ да устремляются очи мои и сердце. Хочу видѣть одного Тебя, на Тебя одного полагаю надежду. Враги осаждаютъ меня непрестанно. Собственная слабость меня устрашаетъ. Но Твое всемогущество поддержитъ мое безсиліе.

Генв. 16го 28го 1846 г.

АЛЕКСАНДРЪ ПЕТРОВИЧЪ РОЗБЕРГЪ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ БЫВШИМЪ СОСЛУЖИВЦАМЪ ПОКОЙНАГО.

Non, ne nescius esset hospes....

Inscript. lapid.

Слишкомъ за полтора года тому назадъ скончался въ Дерптѣ, вслѣдствіе продолжительной и тижкой болѣзни, одинъ изъ особенно замѣчательныхъ, на скромномъ поприщѣ своемъ, дѣятелей по части усвоенія Русскаго языка учебными заведеніями Остзейскаго края, А. Петр. Розбергъ, въ послѣднее время Инспекторъ Дерптскаго Ветеринарнаго Института. Онъ родился въ Москвѣ, весною 1815-го года и получилъ основательное, во многихъ отношеніяхъ, домашнее образование. Проводя постоянно, отъ самой колыбели, вмѣстѣ съ семействомъ, лучшее время года въ сельскихъ окрестностяхъ столицы, преимущественно въ Измайловѣ и въ усадьбахъ у разныхъ знакомыхъ помѣщиковъ, Ал. Петр. имѣлъ очень часто возможность сблизаться съ простыми людьми, заходилъ въ жилища ихъ, говорилъ съ ними, вслушивался въ ихъ рассказы, прибаутки, игралъ съ крестьянскими мальчиками и рано, почти безсознательно, приобрѣлъ настроеніе истинно народно-русское. Потѣмъ, съ любовью, внимательно выкая въ нравы, повѣрья, привычки, странности, непохвальные и добрыя качества нашихъ низшихъ и среднихъ сословій, онъ воспроизводилъ все это лицедейственно съ

такою точностію, съ такимъ совершенствомъ, что, конечно, сдѣлался бы виднымъ актеромъ, если бы захотѣлъ посвятить себя сценическому искусству. Онъ умѣлъ до изумительной степени подробно и пристально вдумываться въ своеобразность самыхъ различныхъ особъ: — молодыхъ, старыхъ, мужчинъ, женщинъ, все равно; подмѣчалъ едва уловимые оттѣнки въ чертахъ ихъ лицъ, тѣлодвиженіяхъ, голосѣ; усваивалъ постороннюю точку зрѣнія на предметы, посторонній способъ выражаться, поддѣлываясь обаятельно подъ свойства наиболѣе противоположныя, такъ что по нѣскольку часовъ сряду могъ, безъ принужденія, совершенно естественно, отрѣшиться вполне отъ себя самаго, размышлять и говорить какъ другой человѣкъ; даже собственное его лицо принимало иногда выраженіемъ разительное сходство съ представляемымъ. Часто зрители и слушатели падали со смѣху, а неподражаемый подражатель оставался невозмутимо-спокойнымъ. Никогда не примѣшивалъ онъ притомъ къ шуткѣ чего-либо горькаго или оскорбительнаго: лишь выдающаяся странность, въ какомъ-бы видѣ она ни являлась, не ускользала отъ его глубоко-провицательнаго взгляда. Люди, служившіе ему образцами, нерѣдко сами очень забавлялись, смотря на свое отраженіе въ живомъ зеркалѣ. Одаренный тонкимъ музыкальнымъ чутьемъ, вѣрнымъ слухомъ и хорошимъ голосомъ, онъ охотно пѣвалъ старинныя и новыя Русскія пѣсни, вторя ихъ звукамъ звуками гитары, или фортепіано; на сказки же, пословицы, поговорки былъ въ прямомъ смыслѣ истощимъ. Не разъ, по какимъ-либо случаямъ, удачно составляя онъ, въ юристическомъ родѣ, небольшія драматическія пьесы, которые разыгрывались въ пріятельскомъ кругу и мѣткими, остроумными намеками на слабости, на неловкія выходы данныхъ личностей, тѣшили зрителей, а между тѣмъ самому сочинителю, сохранявшему при подобныхъ представленіяхъ невозмутимую

серьезность, тогда едва минуло четырнадцать лѣтъ!.. Ал-ра Петровича приглашали наперерывъ въ дома, находившіеся въ связи съ его обстановкой, какъ занимательнаго, чисто на Русскій ладъ веселаго собесѣдника.

Съ такими-то задатками и при такихъ-то условіяхъ, судьба занесла его осенью 1836-го г. въ Дерптъ, куда онъ отправился провожать старшаго брата, назначеннаго тогда профессоромъ въ Дерптскій университетъ, желая между тѣмъ взглянуть кстаті на главные города Ливоніи, Эстляндіи и Курляндіи:—Ригу, Юрьевъ, Ревель, Митаву, а послѣ возвратиться во-своякъ. Но вышло иначе. Когда, мѣсяца черезъ три послѣ того, именно въ Декабрѣ, появились Высочайшія повелѣнія объ усиленіи обученія Русскому языку въ заведеніяхъ Дерптскаго округа, Ал. Петр. рѣшился подвергнуться соотвѣтственному испытанію, выдержалъ весьма хорошо экзаменъ на званіе преподавателя упомянутой части для начальныхъ гимназическихъ классовъ и опредѣлился въ Дерптское уѣздное училище, довольно значительное заведеніе, едва ли въ ту пору не лучшее подобнаго рода въ Россіи, мало чѣмъ уступавшее любому изъ нашихъ среднихъ заведеній. Онъ поступилъ такъ не по вещественной надобности, ибо былъ достаточно обезпеченъ, но единственно по стремленію принести посильную пользу; кромѣ того, легко могъ-бы получить, если-бъ только хотѣлъ похлопотать, высшую, гораздо болѣе выгодную должность. — Тамъ, равно какъ въ Гимназіи, довольно долго находился помощникомъ и товарищемъ его нынѣ сенаторъ, попечитель Варшавскаго учебнаго округа, Ф. Ф. Витте, назначенный сюда изъ Главнаго Педагогическаго Института. Еще прежде явился сюда преподавателемъ П. И. Прейсъ, извѣстный Славо-филологъ, изъ С. Петербурскаго университета, гдѣ послѣ сталъ профессоромъ; П. Д. Аменицкій, А. С. Жириевъ (въ послѣдствіи профессоръ Русскаго права) и И. М. Николичъ (теперь по-

мощникъ Дерптскаго попечителя), — оба послѣдніе въ качествѣ старшихъ учителей прибыли въ Дерптъ также изъ означеннаго Института. Эти лица, движимыя рвеніемъ, скажу болѣе, даже страстію: — во-что-бы-то-ни-стало возбудить сочувствіе къ предмету, прежде находившемуся въ совершенномъ пренебреженіи, заброшенному, превозмогая неуспынными стараніями всѣ препятствія, воодушевили собственнымъ примѣромъ своихъ питомцевъ, передавали взаимно другъ другу замѣчанія и наблюденія, выводили изъ нихъ общія соображенія, придумывали удобнѣйшіе способы изложенія, приравливали упражненія къ мѣрѣ познаній и, зрѣло обдуманними, постоянными усиліями быстро достигли столь отличной степени свѣдѣній по Русскому языку въ здѣшнихъ училищахъ, что тогдашній министръ нар. просв. графъ Уваровъ, посѣтившій Остзейскій край полтора года спустя послѣ начала помянутаго преобразованія, изумился неожиданнымъ успѣхамъ, далеко превзошедшимъ (какъ самъ онъ выразился) самыя смѣлыя его ожиданія и надежды. Честь и громкое спасибо ревностнымъ труженикамъ, которые, не раздѣляя мнѣнія (не стоящаго, впрочемъ, опроверженія, но здѣсь теперь иными, словно насмѣхъ, повторяемаго), что Русскій языкъ Русскому подданному вовсе не нуженъ, даже, пожалуй, вреденъ, между тѣмъ какъ тѣ-же люди убѣждены, что Англійскій необходимъ для Англійскаго подданнаго, Французскій для Французскаго, Нѣмецкій для Нѣмецкаго; — спасибо тѣмъ, говоримъ, которые внезапнымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ связнымъ, стройнымъ порывомъ, не щадя себя, не взирая на невзгоды, вознесли въ короткій срокъ свою часть на такую высоту, на какой она викогда еще не стояла. Память ихъ сохранится въ признательныхъ сердцахъ ихъ многочисленныхъ учениковъ и долго не забудется въ преданіяхъ загадочныхъ судьбахъ Русскаго языка въ областяхъ Прибалтійскихъ...

Словно согласившись между собою,

Русскіе учителя, въ главныхъ и даже нѣсколькихъ небольшихъ Остзейскихъ городахъ: — сперва, Н. О. Чашниковъ, К. А. Александровъ, И. В. Давиденковъ, Ѡ. В. Гологузовъ въ Митавѣ; Я. М. Невѣровъ *) нынѣ попечитель Кавказскаго учебнаго округа, будучи инспекторомъ гимназій, и С. Н. Шафрановъ въ Ригѣ; К. И. Миллеръ, А. К. Серно-Соловьевичъ (впослѣдствіи помощникъ попечителей Виленскаго и Санктпетербурскаго учебныхъ округовъ), затѣмъ А. П. Гомбурцовъ (теперь директоръ Александровской Рижской гимназій), И. П. Пилеманъ, К. Г. Игнаціусъ и В. Т. Благовѣщенскій, изъ Московскаго Университета (прежде инспекторъ Рижской Гимназій, затѣмъ отдѣльный цензоръ)— въ Ревелѣ; Г. И. Скоробогатовъ въ Черновѣ; Н. В. Варадиновъ (нынѣ членъ Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ) и Г. Д. Клеменсъ въ Арнсбургѣ, на островѣ Эзелѣ (второй сначала въ Везенбергѣ, послѣ въ Дерптской учительской семинаріи) позже, наконецъ, гораздо спустя, Ѡ. П. Невдачинъ, въ Дерптской Гимназій:— всѣ вмѣстѣ взаимно соревновали другъ другу, не отставая отъ товарищей и внушая воспитанникамъ своимъ прилежаніе къ занятіямъ, возбуждавшимъ дотошъ лишь одно сопротивление. Сердце сердцу, разумѣется, вѣсть даетъ; привязанность вызывается привязанностью, охота поражаетъ охоту! Справедливость требуетъ, однако, сказать, что министръ графъ Уваровъ, самъ питая живѣйшее сочувствіе къ важному государственному дѣлу, о коемъ идетъ рѣчь, сильно содѣйствовалъ достиженію общей цѣли и неудержимо увлекалъ поборниковъ онаго своимъ неуклоннымъ направленіемъ. Посѣщая Остзейскій край, что случалось нерѣдко, графъ каждый разъ оставался въ Дерптѣ по недѣлѣ и болѣе, съ утра до вечера присутствовалъ при различныхъ Русскихъ урокахъ, самъ экзаменовалъ по цѣлымъ часамъ,

*) Онъ преподавалъ Русскую словесность безъ всякаго обязательства, добровольно.

предлагалъ задачи, заставлялъ переводить въ мужскихъ и женскихъ заведеніяхъ, въ первыхъ съ Русскаго на Нѣмецкій, Греческій, Латинскій языки, во вторыхъ съ Французскаго на Русскій и обратно; поощрялъ, хвалилъ, а гдѣ оказывалось нужнымъ, порой кстати и прищипывалъ, приправляя настойчивость свойственною ему изыщною, истинно-аттическою любезностью, подавшей поводъ одной высокой по положенію своему особѣ называть его иногда въ письмахъ и запискахъ къ нему „aimable lumière“..... Тогдашнимъ превосходнымъ составомъ Русскихъ учителей Дерптскій округъ обязанъ былъ (прибавимъ мимоходомъ) преимущественно существованію Главнаго Педагогическаго Института, откуда правительство могло разищать лучшихъ студентовъ, окончившихъ курсъ, по усмотрѣнію,—куда признавало нужнымъ; потому что они принимались въ заведеніе съ условіемъ обязательной службы на нѣсколько лѣтъ. Въ настоящую же пору этотъ обильный источникъ способныхъ и уже достаточно опытныхъ наставниковъ (ибо они должны были упражняться въ преподаваніи по два, по три года въ низшихъ классахъ Института), источникъ, доставившій столько хорошихъ учителей и сдѣлавшійся сколько-нибудь прочнымъ основаніемъ у насъ педагогической системы съ ея примѣненіями, въ крайнему сожалѣнію, окончательно изсякъ, и приходится вызывать сюда желающихъ изъ-внутри Россіи, а такихъ чрезвычайно затруднительно находить, и не удивительно! — причина очень простая: именно та, что людямъ оттуда, гдѣ все имъ близко и родственно, гдѣ они пользуются, кромѣ побочныхъ доходовъ, еще содержаніемъ высшимъ сравнительно со здѣшнимъ, не было-бы ни съ чѣмъ сообразно мѣнять явно-лучшее на явно-худшее, когда къ тому-же рубль серебромъ имѣеть здѣсь нынѣ почти ту-же цѣнность, какую имѣлъ во время оно рубль ассигнаціями, а дороговизна, соотвѣтственно, поднялась противъ прежняго слишкомъ вдвое!..,

Конечно, рѣдко кто рѣшается, очертя голову, себя въ-накладъ, переселяться въ страну совершенно незнакомую, притомъ иноплеменную, о которой ходитъ разнорѣчивая, вообще неблагоприятная молва. Можно бы желать, пожалуй, подобнаго геройскаго самоотверженія и пренебреженія собственныхъ самыхъ существенныхъ выгодъ хоть отъ каждаго, но требовать чего-либо геройскаго нельзя рѣшительно ни отъ кого.

Что касается Розберга, — то онъ не зналъ себя покоя, увеличивъ въ уѣздномъ училищѣ количество своихъ уроковъ, сверхъ опредѣленныхъ уставомъ; въ свободные же отъ служебныхъ занятій часы собиралъ воспитанниковъ у себя на дому *), руководствовалъ ихъ лично въ переводахъ и сочиненіяхъ, давалъ затверживать стихотворенія, обороты и выраженія рѣдко употребляемые, или сложные; повторялъ какъ можно чаще уже пройденное, и всё безвозмездно. Трогательной наградой такихъ беззавѣтныхъ стараній былъ подарокъ, при благодарственномъ письмѣ, поднесенный учениками любимому наставнику по случаю перемѣненія его въ Гимназію и состоявшій изъ цѣльнаго золотого перстня съ довольно цѣннымъ агатомъ, заказаннаго бѣдными мальчиками на грошевыя средства. Эту сердечную награду онъ ставилъ выше другихъ, носилъ перстень почти съ гордостью и завѣщалъ не снимать съ руки.... Немогузнаекъ изъ пользовавшихся у него преподаваніемъ не встрѣчалось: — масса доводилась до строго-отчетливаго уровня, и болѣе половины ея переходило далеко за предназначенную постановленіями черту. Если, при испытаніяхъ въ высшихъ здѣшнихъ заведеніяхъ и даже на ученые степени, въ Дерптскомъ университетѣ по-

*) Дѣтъ пятнадцать сряду обучалъ онъ по восьми и даже десяти часовъ въ день, изъ коихъ четыре обыкновенно посвящалъ немущимъ, бесплатно. Такія усиленные занятія имѣли самое вредное вліяніе на здоровье, которое Ал. Петр. впоследствии едва могъ возстановить.

падались замѣчательно свѣдущіе въ Русскомъ языкѣ молодые люди, — экзаменаторы обыкновенно спрашивали: не обучались-ли они когда-либо у Ал. Петр. Розберга? и отвѣтъ, по болѣе части, оказывался утвердительнымъ. Графъ С. С. Уваровъ отличалъ этого учителя за ясность, точность и быстрые успѣхи его преподаванія; въ каждый свой пріѣздъ сюда посѣщалъ часто его уроки и, разъ, при выходѣ изъ класса, сказалъ, пожавъ ему руку: „жаль, что ученье ваше продолжается только одинъ часъ, а то я съ удовольствіемъ остался бы хоть на цѣлые три“. Такое же почетное вниманіе оказывали даровитому педагогу: князь Г. П. Волконскій, князь П. А. Вяземскій и бывший министръ Народнаго Просвѣщенія А. С. Норовъ. Безъ преувеличенія, сряду въ теченіи болѣе нежели двадцати-пяти лѣтъ, Алек. Петр. является во всемъ Остзейскомъ краѣ едва-ли не лучшимъ наставникомъ по части Русскаго языка для низшихъ и среднихъ классовъ гимназій. Ссылаемся на всѣхъ учившихся у него, на всѣхъ кто видалъ, какъ онъ училъ.

Съ цѣлю распространить объемъ его дѣятельности въ подобномъ смыслѣ, начальство предоставило ему мѣсто инспектора гимназій въ Ригѣ, гдѣ онъ провѣлъ слишкомъ два года и гдѣ его пребываніе не осталось безъ слѣдовъ полезнаго вліянія. Семейныя отношенія заставили его, однакожъ, противъ воли и не смотря на настойчивое желаніе почитателя, перейти снова въ Дерптъ, чтобы занять соотвѣтственную оставленной должности въ здѣшнемъ Ветеринарномъ Институтѣ. Тутъ онъ еще довольно долго казался бодрымъ; иногда обнаруживалось еще въ немъ обыкновенное незлобиво-ироническое настроеніе; но года тому назадъ за четыре или болѣе сталъ онъ по временамъ скучать: нѣтъ мало-помалу начала овладѣвать тоска по родинѣ. Запутанный въ неразрѣшимыя прогнворѣчія со всѣмъ окружающимъ и съ самимъ собою, онъ хотѣлъ, какъ-бы то ни было, вырваться изъ это-

го заколдованнаго круга. Его задушевные чаянія обращались къ Бѣлокаменной, гдѣ протекло безмятежно его дѣтство, гдѣ, подъ ея небомъ, свѣтились для него лѣта ранней юности. Онъ мечталъ туда переселиться и слить пасмурный закатъ своихъ дней съ ихъ яснымъ разсвѣтомъ; но препятствія, зависѣвшія отъ непреодолимо-сложившихся обстоятельствъ, воздвигались безвыходно-глухой стѣной, и мечты смѣнялись только обольстительными мечтами.... Еще за нѣсколько мѣсяцевъ до развитія недуга, въ посланіи къ И. Д. Б-ву, онъ повторялъ:

«Увидишь ты Москву святую, —
 «Ивану низко поклонись;
 «Повѣдай, какъ я здѣсь тоскую,
 «И за меня тамъ помолись!»...

Когда же онъ убѣдился, что надежда на перемѣну положенія несомѣнно и невозвратно исчезла, — его болѣзненное уныніе усилилось. Для отчетливаго объясненія такого печальнаго оборота мыслей, слѣдуетъ указать на отношенія, послужившія ему вѣроятнымъ условіемъ и коснуться одной изъ этихъ подробностей. Питая глубокое уваженіе къ добросовѣстности, прилежанію, основательной учености Нѣмцевъ (своимъ свойствамъ, представлявшимъ ему здѣсь, хотя съ провинціальными оттѣнками), цѣня высоко всесторонность и зрѣлость многолѣтней Германской образованности, признавая безмѣрную разницу всего этого въ сравненіи съ нашимъ, сбиваемъ съ толку, начиная отъ Петра I-го до Елизаветы, — Голландско-нѣмецкимъ, а потомъ, отъ Елизаветы до сихъ поръ, — Французско-мишурнымъ маскерадомъ, — Алек. Петр., проникнутый насковозъ, до предубѣжденія, Русскимъ духомъ, выпадалъ неволью въ уныніе. Розбергъ выросъ и развился умственно въ Москвѣ, тогда еще, такъ сказать, полупатріархальной, гдѣ на всѣхъ иностранцевъ (кромѣ, конечно, выходцевъ великой націи) смотрѣли косо; гдѣ большинство Нѣмцевъ составляли ремесленники, или записные поклонники пива,

за-частую хмельные педагоги; гдѣ, — да-дѣ, даже Нѣмецкій клубъ, очень хорошее учрежденіе, назывался Шустеръ-клубомъ; гдѣ, на театральныхъ представленіяхъ, Нѣмецъ, съ легкой руки Фомвизинскаго Вральмана, сдѣлался какимъ-то типомъ забавнаго шута, такъ, что если на сценѣ влялась фигура въ нанковомъ нижнемъ платьѣ, въ бѣлыхъ чулкахъ и башмакахъ, зимой, въ травяно-зеленомъ фракѣ, въ жилетѣ съ красными разводами по желто-лимонному фону, въ рыжемъ, шершаво взъерошенномъ, мѣстами напудренномъ парикѣ, особенно, если подъ этой фигурой скрывался гениальный, въ своемъ родѣ. Живокини. — тотчасъ въ партерѣ слышался веселый смѣхъ и жужжалъ шепотъ: — вотъ Нѣмецъ!... Каковъ!?... Понятно, что подобныя и другія, въ томъ же видѣ, неизгладимыя впечатлѣнія отрочества и первой молодости, при полномъ незнаніи Нѣмецкаго языка (А. П. выучился ему уже въ Дерптѣ), при долгомъ незнакомствѣ съ богатствами Германской литературы, — хотя и не превратились въ закоснѣлую точку зрѣнія, не утвердились опредѣленнымъ взглядомъ или настроеніемъ мыслей и разсѣялись вслѣдствіе личныхъ наблюденій отъ пребыванія въ Остзейскомъ краѣ, при кипучей дѣятельности по должностямъ преподавателя; но когда такая дѣятельность убавилась на двѣ трети, — эти затертыя ею, чисто отрицательныя ощущенія, непрестанно повторявшіяся отъ колыбели до двадцати одного года, опять выступили наружу довольно рѣзко и начали отзываться въ родѣ какого-то нравственнаго гнѣта все громче и вытѣтѣе. Съ Нѣмецкой-же стихіей, съ Нѣмецкимъ бытомъ и формализмомъ, столь, подчасъ, нужнымъ (безъ малѣйшаго, впрочемъ, оттѣнка неприязни, либо вражды) единственно по совершенной къ тому непривычкѣ, онъ, какъ масло съ водой, не только не могъ сродниться, но и сойтись ближе, а потому чувствовалъ себя въ подобной средѣ одинокимъ пришельцемъ, мало-по-малу пересталъ прини-

мать участіе въ отношеніяхъ общественныхъ, тщательно избѣгая развлеченій, погружаясь болѣе и болѣе въ глубокую задумчивость; даже рѣдко прохаживался онъ, и то лишь во время поздней вечерней темноты. Все около него, казалось, гасло и померкло.... словно сгущалась какая-то зловѣщая нѣмая ночь, дѣйствовавшая гибельно на расположеніе духа, расположеніе, вѣроятно въ значительной мѣрѣ вызвавшее и полное расстройство здоровья, положительную болѣзнь, противъ коей сложеніе больного побѣдоносно боролось уже два раза; въ третій свой приступъ, однако, не смотря на старанія искуснаго врача, недугъ одолѣлъ крѣпкую природу, упорѣбляющую на оборону уже скудный остатокъ своихъ силъ. Иногда просвѣчивалъ блѣдный лучъ упованія, и въ такія мгновенія облегченія, Розбергъ, когда отправлялось богослуженіе въ здѣшней православной церкви, приказывалъ отворять форточку окна своей комнаты, чтобы отчетливѣе слышать благовѣстъ, хотя нѣсколько напоминавшій ему торжественный звонъ Москвы; но это были только рѣдкіе промежутки отдыха. Припадки стали возобновляться чаще, усложнялись, длились упорнѣе прежняго... и 24-го Мая 1871-го года страдалецъ успокоился на-вѣки. Онъ угасъ, сердечно оплаканный слезами тѣхъ, кто коротко зналъ прямоту его души и неизмѣнное благородство наклонностей.

Да будетъ-же она легка надъ его прахомъ, эта чуждая ему Ливонская земля, по которой Александръ Петровичъ Розбергъ, усталый отъ бремени слишкомъ тридцатилѣтнихъ, часто-изнурительныхъ трудовъ, отшельникомъ прошелъ грустный конецъ своего жизненнаго пути!...

М. Р.

ЗАМѢТКА О БЫВШИХЪ ВОЕННЫХЪ ПОСЕЛЕНІЯХЪ.

Въ первой книжкѣ Девятнадцатаго Вѣка помѣщена статья Н. В. Путяты: „Обозрѣніе жизни и царствованія Императора Александра I-го“. Не касаясь внутренняго достоинства этой статьи, я позволяю себѣ пояснить, на сколько возможно по имѣющимся у меня подъ рукою даннымъ, только одинъ эпизодъ славнаго въ нашей исторіи царствованія Александра Благословеннаго, именно: объ учрежденіи въ Россіи Военныхъ Поселеній, съ названіемъ которыхъ тѣсно соединено имя графа Аракчеева. Относительно инициативы, основной мысли учрежденія сихъ заведеній, документальныхъ свѣдѣній пока еще не открыто. Между тѣмъ основная мысль о семъ приписывается болѣе Императору Александру I-му, а графу Аракчееву только осуществленіе оной. Кажется, мысль о Военномъ Поселеніи родилась первоначально послѣ неудачной нашей войны съ Наполеономъ I-мъ, въ 1806—1807 г., въ одно время съ образованіемъ Временнаго Земскаго Ополченія или Миліціи. Потери наши въ ту войну и критическое положеніе Россіи, вызвавшее ополченіе, родили мысль и о Военномъ Поселеніи, при осуществленіи которой мы заручались постояннымъ запасомъ регулярныхъ войскъ. Примѣромъ тому служили прежнія учрежденія нашихъ казачьихъ поселеній на окраинахъ Россіи: на Кавказской, Оренбургской, Сибирской, Украинской, Черноморской и другихъ линіяхъ. Учрежденія эти, съ переселеніемъ на линіи Донскихъ, Малороссійскихъ и Уральскихъ казаковъ, также не всегда приходились по нутру переселенцамъ и отзывались часто протестами и суровостію мѣръ къ пресѣченію ихъ. Но не вдаваясь въ эти изысканія, я хочу здѣсь сперва сказать, главное, о времени основанія Аракчеевскихъ Военныхъ Поселеній.

На стр. 485 и 486 XIX Вѣка именно указано, что сіи поселенія возникли сперва въ Новгородской губерніи, въ 1816 году. Первымъ, сказано въ статьѣ, былъ поселенъ баталіонъ Гренадерскаго графа Аракчеева полка въ экономической Высотской волости, которая по сему, указомъ 3 Августа того года, даннымъ Новгородскому губернатору, изъята была изъ гражданскаго вѣдомства и проч. Это несомнѣнъ вѣрно.

Изъ дѣлъ Военной Коллегіи и бывшаго Инспекторскаго Департамента Военнаго Министерства (оп. 226, кн. 480), видно по отчетамъ, что въ отечественную войну, въ 1812 году, въ числѣ войскъ разнаго оружія, поступившихъ на укомплектованіе дѣйствующей арміи, показанъ „Елецкаго пѣхотнаго полка поселенный баталіонъ, подъ командою маіора Насѣкина, поступившій въ составъ 6-го корпуса.“ Слѣдовательно Военныя Поселенія были учреждены не въ 1816 году, а гораздо прежде, именно до 1812 года. Поэтому есть и основаніе думать, что и самая мысль о нихъ возникла изъ государственной нужды послѣ Тильзитскаго мира. Далѣе, изъ тѣхъ же дѣлъ видно, что по Высочайшему повелѣнію, объявленному управляющимъ Военнымъ Министерствомъ княземъ Горчаковымъ 1-мъ, 23 Іюля 1813 г. за № 556-мъ, опредѣленъ численный составъ запасному баталіону Елецкаго пѣхотнаго полка, назначенному къ поселенію. Поселеніе этого баталіона было учреждено Могилевской губерніи Климовичскаго уѣзда, въ Бобылецкомъ староствѣ. Такимъ образомъ узнаемъ, что первыя Аракчеевскія поселенія возникли сперва въ Могилевской, а потомъ уже въ Новгородской и другихъ губерніяхъ. Кромѣ Елецкаго, въ составъ Могилевскаго поселенія вошелъ баталіонъ Полоцкаго пѣхотнаго полка. Изъ описей дѣламъ поселенныхъ въ Могилевской губерніи баталіоновъ Полоцкаго и Елецкаго пѣхотныхъ полковъ явствуетъ, что дѣла этого перваго Аракчеевскаго во-

еннаго поселенія существовали съ 1808 г. и съ начала ихъ по 1828 годъ, по несчастному стеченію обстоятельствъ, погибли въ огнѣ. И такимъ образомъ всѣ основы, на коихъ были созданы и существовали въ тѣ года первыя въ Россіи, учрежденныя въ царствованіе Императора Александра I-го военныя поселенія, чуть ли не совсѣмъ погибли для исторіи ихъ.

Замѣчательно, что оба баталіона Полоцкаго и Елецкаго полковъ, по отчетности 1816 и 1817 годовъ, показывались поселенными, и на мѣсячномъ рапортѣ послѣдняго за Іюнь мѣсяцъ 1816 года сдѣлана слѣдующая оригинальная отмѣтка: „Находится въ единственномъ вѣдѣніи господина генераль-инспектора всей пѣхоты и артиллеріи и кавалера графа Аракчеева.“ Изъ дальнѣйшихъ отчетовъ можно видѣть, что сіи поселенные баталіоны, слившись въ одно военное поселеніе Могилевской губерніи, впоследствии приняли названіе Втораго Поселеннаго Сапернаго Баталіона и наконецъ Округа Пахатныхъ Солдатъ той губерніи, который, вмѣстѣ со всѣми округами, упраздненъ въ 1857 г.

Военныя поселенія существовали въ Россіи еще въ XVIII-мъ столѣтіи, въ Казанской, Оренбургской, Смоленской и другихъ губерніяхъ. Цѣль тогдашнихъ военныхъ поселеній состояла въ томъ, чтобы прирѣть отставныхъ, увѣчныхъ и слабыхъ отъ старости и болѣзней воиновъ, послужившихъ своему отечеству. Военныя же поселенія, учрежденныя въ царствованіе Императора Александра I-го, имѣли совершенно иную цѣль. Это былъ резервъ или запасъ войскъ, который, по первоначальной цѣли учрежденія, обязанъ былъ для содержанія себя заниматься сельскимъ хозяйствомъ и промышленностію и вмѣстѣ нести военную службу и быть готовымъ, по требованію нужды, къ бою со врагами отечества. Мысль, по основъ своей, обшавшая много полезнаго для государства. Наши казацкія учрежденія по окраинамъ Россіи для Военныхъ Поселе-

ній могли служить примѣромъ. Но тутъ-то и ошибка. Казаки постоянно, на мѣстѣ жительства, имѣли практику въ боевой жизни и составлялись изъ элементовъ къ тому привыкшихъ и готовыхъ. Новгородскіе жъ военные поселяне, обращенные въ это сословіе насильственно, изъ предпріимчиваго, частію торговаго и промышленнаго и частію изъ земледѣльческаго населенія, подъ управленіемъ гр. Аракчеева, никогда не могли успокоиться и быть довольными. Отцы, матери и дѣти хорошо помнили, какъ всѣхъ взрослыхъ мужчинъ обратили въ солдатъ и поставили во фронтъ подъ ружье и палку, а малолѣтकों, отторгнувъ отъ материнскаго сердца, сажали на барки и везли въ Новгородъ, въ баталіонъ военныхъ кантонистовъ. Матери, сестры и родня послѣднихъ, провожали ихъ, идя по берегу рѣки и оглашая воздухъ своими воплями *). Бунтъ 1831 года, бывший въ Новгородскихъ и Старорусскихъ округахъ Военнаго Поселенія, доказалъ, какъ поселяне ненавидѣли поселеніе и какъ страшно преслѣдовали всѣхъ начальниковъ его.

Но вникая глубже въ существо самаго дѣла, невольно рождается вопросъ: Аракчеевскія Военныя Поселенія точно ли были совершенно бесполезны и даже вредны, въ особенности для государственнаго казначейства, выдавашаго милліоны рублей на регулированіе и вообще на устройство ихъ? Мы, потомки близкіе къ минувшимъ Аракчеевскимъ временамъ, думаю, не можемъ еще безпристрастно оцѣнивать сіи учрежденія и главнаго дѣятеля оныхъ Аракчеева. Вся эпоха, въ которую царилъ Сяла Андреевичъ, какъ его современники называли, носитъ въ себѣ характеръ жестокости. Это доказываютъ всѣ криминальныя дѣла и порядки того времени. Не лзя же, чтобы они не отразились и на дѣлахъ временщика, который

*) Эта грустная сцена передана мнѣ бывшимъ моимъ сослуживцемъ А. И. Брокгаузенемъ, который, по обязанности службы, сопровождалъ малютокъ въ Новгородъ водою.

изъ Гатчинскаго двора такъ высоко былъ поставленъ въ правленіи дѣлами государства. Сей жестокой уставщикъ, по убѣжденію, вездѣ круто, строго, немолимо дѣйствовалъ, думая, что тѣмъ исполняетъ свой нѣрноподанической долгъ. Этого никто не отрицаетъ. Это оборотная сторона медали. Но въ ней есть и другая, лицевая сторона. О ней-то я хочу здѣсь прибавить нѣсколько словъ. Не говоря о томъ, что изъ всѣхъ министровъ минувшей эпохи графъ Аракчеевъ былъ однимъ изъ самыхъ трудолюбивыхъ, дѣльныхъ, честныхъ и полезныхъ, надобно еще имѣть въ виду, что въ поселенныхъ войскахъ было лучше умственное образованіе, нежели въ другихъ. По упраздненіи военныхъ поселеній, изъ туземцевъ оныхъ было весьма много настолько грамотныхъ поселинъ, что они могли быть съ большею пользою употребляемы по письменнымъ занятіямъ. (Съ упраздненіемъ же поселеній, упразднились Учительскій Институтъ, существовавшій въ Новгородской губерніи и бывшія въ поселеніи школы. Изъ баталіоновъ военныхъ кантонистовъ, способнѣйшіе ученики отдавались въ гражданскія гимназіи и, по окончаніи въ оныхъ курса, назначались въ учителя и на службу къ письменнымъ дѣламъ. Карьеры они не могли себѣ составлять, но во всякомъ случаѣ вносили въ жизнь полезные элементы и были въ обществѣ почвою плодотворною. Во всѣхъ поселенныхъ округахъ существовали запасные магазины, заемные капиталы (по нынѣшнему земскіе банки) и вспомогательные капиталы для бѣдныхъ. Нищества, бродяжничества подъ предлогомъ богомолья и по другимъ разнымъ случаямъ, туземства, пьянства, разврата, заражающаго нынѣ цѣлыя селенія сифилисомъ, не было и быть не могло. Воровство и вообще посягательство на чужую собственность, хотя по характеру простаго народа и существовали, но гораздо въ меньшей степени, нежели нынѣ округомъ. Хозяйственными постройки, пашни, поля, огороды, пути

сообщенія особенное обращали на себя вниманіе начальства поселенныхъ округовъ. Это въ особенности выказывалось въ полезномъ и даже щеголеватомъ видѣ, когда изъ военныхъ поселеній были образованы округи пахатныхъ солдатъ и состояли подъ управленіемъ генералъ-лейтенанта Э. К. Фонъ-Фрикена. На основаніи Аракчеевскихъ постановленій въ округахъ, въ случаяхъ крайней нужды отъ неурожая, наводненія, пожара, появленія болѣзней на людяхъ и животныхъ домашнихъ, помощь скорая и дѣйствительная являлась вездѣ. Въ неурожайные годы на прокормленіе людей и обссмененіе полей открывались полные запасовъ магазины. Потерѣвшіе отъ пожара получили пособія изъ заемнаго или вспомогательнаго капитала, смотря по состоянію ихъ и сверхъ того лѣсъ изъ казенныхъ дачъ и рабочую помощь. Для торговыхъ оборотовъ, за малые проценты, служилъ заемный капиталъ. Оспопрививаніе для всѣхъ дѣтей въ поселеніи было обязательнымъ. Подобные результаты Аракчеевскихъ учрежденій, безъ сомнѣнія, сдѣлали бы не малую честь и нынѣшнимъ земскимъ учрежденіямъ многихъ мѣстностей Россіи. Остановливаясь на семъ поверхностномъ очеркѣ, не будемъ безпощадно бранить графа Аракчеева за его военные поселенія. Усвоимъ хоть долю хорошихъ о немъ воспоминаній. Не вводи онъ своихъ порядковъ слишкомъ строго и круто и будь въ его распоряженіяхъ болѣе гуманности и разсудка, въ настоящее время, когда мы готовимся къ всеобщей военной повинности, Аракчеевскія поселенія имѣли бы совершенно иной смыслъ и дѣялись бы съ болѣею снисходительностію.

Обращаясь со вниманіемъ къ прошедшему, мы увидимъ, что многія полезныя изъ нихъ, быстро возникшая, сперва не въ мѣру прославились, а потомъ не въ мѣру были порицаемы и наконецъ совсемъ уничтожались. Между тѣмъ слѣдовало бы только искоренить зло, оставивъ хорошее по прежнему. Личность

Аракчеева, положимъ, не заслужила симпатій ни современниковъ его, ни нашихъ, но тѣмъ не менѣе Исторія и потомство справедливо оцѣнятъ добрыя и худыя его дѣла. Постараемся жъ и мы быть болѣе справедливыми къ нашимъ государственнымъ дѣятелямъ, выдающимся впередъ въ своихъ стремленіяхъ къ государственнымъ пользамъ.

Григорій Александровъ.

23 Марта 1873 г.

Москва.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБЪ АНДРЕѢ ЯКОВЛЕВИЧѢ СТОРОЖЕНКѢ *).

Болѣе половины нынѣшняго столѣтія уткло въ вѣчность, и мы чаще и чаще прощаемся съ людьми, начавшими жить и дѣйствовать во времена достопамятныхъ историческихъ событій, — въ эпоху славныхъ войнъ Екатерины и Александра Благословеннаго. Менѣе и менѣе встрѣчаемъ мы теперь участниковъ и очевидцевъ этихъ войнъ. Изустныя преданія ихъ, столь любопытныя, столь способныя питать въ новомъ поколѣніи геройскій духъ и высокое самоотверженіе, — почти исчезаютъ; а между тѣмъ еще многое изъ этихъ преданій не вошло въ Исторію, съ тою истиною, которой вправѣ ожидать потомство отъ своихъ предшественниковъ. Припомнимъ, что отживающее поколѣніе отстаивало наше Отечество отъ грознаго нашествія на насъ западныхъ народовъ и торжествовало славу нашу на берегахъ Рейна и въ Парижѣ. Много времени прошло съ тѣхъ поръ; явились новые дѣятели, но для нихъ готовится другая, безпристрастная Исторія.

*) Это воспоминаніе было написано вскорѣ по кончинѣ А. Я. Стороженка (1857) Николаемъ Ивановичемъ Ушаковымъ, авторомъ Записокъ очевидца о войнѣ Россіи противъ Турціи и западныхъ державъ, напечатанныхъ во 2-й книгѣ Девятнадцатаго Вѣка. Д. Б.

Въ числѣ замѣчательныхъ людей, недавно окончившихъ громкое поприще, должно, по всей справедливости, вспомнить о тайномъ совѣтникѣ, бывшемъ сенаторѣ, Андрей Яковлевичъ Стороженкѣ, занимавшемъ лѣтъ шесть тому назадъ мѣсто главнаго директора Коммиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ Царства Польскаго. Онъ скончался въ Кіевѣ 4 Іюля сего (1857) года, прослуживъ Престолу и Отечеству 46 лѣтъ, въ разнообразныхъ должностяхъ, на военномъ и гражданскомъ поприщахъ. Служеніе его началось съ 16 лѣтняго возраста: 6-го Октября 1806 года онъ былъ выпущенъ изъ 2-го Кадетскаго Корпуса подпоручикомъ въ артиллерию, въ такое время, когда лучшая молодежь наша не довольствовалась обыкновеннымъ повышеніемъ въ чины по вакансіи и заслугами, приобретаемыми вдали отъ всякой опасности, но смѣло стремилась отличиться тамъ, гдѣ смерть была поближе. Менѣе, нежели черезъ три мѣсяца по выпускѣ изъ корпуса, молодой Стороженко находился уже на Дунаѣ, противу Турокъ и вскорѣ потомъ въ войскахъ, осаждавшихъ Измаилъ. Тогда войны были непрерывныя: съ исхода 1806 до 1812 года Россія воевала противу Турокъ, съ 1812 по 1814 годъ противу Наполеона. Поприще для отличій было обширное. Къ сожалѣнію, не все сохранилось въ формулярѣ покойнаго Стороженка: по тогдашнему способу составленія послужныхъ списковъ вносились въ нихъ одни важнѣйшія дѣла, а о походахъ и малыхъ стычкахъ никто не думалъ. Такъ, въ служебныхъ свѣдѣніяхъ объ Андрей Яковлевичѣ Стороженкѣ, помѣщено участіе его въ славномъ Базарджинскомъ сраженіи, за которое онъ носилъ золотой крестъ, равно и кровопролитный, несчастный штурмъ Рущука въ 1810 году; но пропущена напр. экспедиція въ Сербію, въ отрядѣ генералъ-маіора Исаева, гдѣ малочисленный отрядъ нашъ, состоявшій въ началѣ изъ 1500 человекъ, при 4-хъ орудіяхъ, заслужилъ своимъ мужествомъ удивленіе и признательность всего Сербскаго народа.

При открытіи войны съ Наполеономъ, Стороженко былъ назначенъ адъютантомъ начальника артиллеріи 2-й западной арміи. Въ этой должности, а потомъ въ должности старшаго адъютанта начальника артиллеріи 1-й арміи, онъ участвовалъ въ сраженіяхъ подъ Смоленскомъ, Бородинымъ, Тарутинымъ, Малымъ-Ярославцомъ, Краснымъ, Люцеюномъ, Бауценномъ, Дрезденомъ и Лейпцигомъ. Подъ Бородинымъ раненъ онъ былъ въ поясницу, а подъ Дрезденомъ въ правую ногу и награжденъ за всю войну тремя повышеніями въ чинахъ, золотомъ шпагою и орденами Св. Владиміра 4-й степени съ бантомъ и Св. Анны 2-й степени, заслуживъ при томъ у начальниковъ и товарищей репутацію храбраго, расторопнаго и способнаго офицера.

Возвратясь въ Россію, по заключеніи Парижскаго мира, Андрей Яковлевичъ Стороженко вышелъ въ отставку подполковникомъ и съ мундиромъ; но живою его характеръ, охота къ постояннымъ занятіямъ и продолжительная привычка къ походной жизни не могли сродниться съ тихою, деревенскою жизнію въ благословенномъ климатѣ Малороссіи. Въ исходѣ 1817 года онъ вступилъ въ гражданскую службу и былъ опредѣленъ чиновникомъ особыхъ порученій въ особую канцелярію тогдашняго Министерства Полиціи. Въ то время учреждались въ разныхъ мѣстахъ Россіи военныя поселенія, подъ главнымъ управленіемъ графа Аракчеева, который имѣлъ неограниченное уполномочіе отъ государя принимать всѣ мѣры, какія потребуются, для успѣшнаго достиженія предназначенной цѣли. Графу Аракчееву болѣе всего нужны были способные и энергическіе исполнители его распоряженій. Въ числѣ немногихъ другихъ, ему рекомендованъ былъ чиновникъ Министерства Полиціи Стороженко, вовсе не знавшій о томъ. Извѣстно, что сильный Аракчеевъ не затруднялся желаніями и свободою избранныхъ имъ людей: онъ опредѣлялъ и назначалъ въ вѣдомство Военныхъ Поселеній кого хотѣлъ и какъ хотѣлъ. Менѣе нежели черезъ годъ по

вступленіи въ гражданскую службу, Стороженко былъ зачисленъ въ 1-й Бугскій уланскій полкъ майоромъ. Протестация съ его стороны не послужила ни къ чему; но, въ видъ вознагражденія за потери выгодъ въ гражданской службѣ, онъ чрезъ два года произведенъ въ подполковники и вскорѣ назначенъ старшимъ военнымъ депутатомъ въ Екатеринославскую Межевую Контору, для ограниченія округовъ военного поселенія Бугской уланской дивизіи отъ помѣщичьихъ дачъ. Дѣло это было весьма трудное и требовало со стороны Межевой Конторы энергическихъ дѣйствій, большаго вниманія и строгой справедливости. Тогдашнія съемки Малороссійскаго края были чрезвычайно сбивчивы, не полны и не точны. Земли въ Новороссійскомъ краѣ были большею частію жалованныя, при первомъ водвореніи тамъ жителей; многіе документы оказывались не совсѣмъ достаточными, и вообще встрѣчались при размежеваніи тысячи вопросовъ и недоразумѣній весьма запутанныхъ, клонившихся наиболѣе къ нарушенію частной собственности. Подполковникъ Стороженко былъ, такъ сказать, душою и руководителемъ Межевой Конторы, и его усердными и разумными стараніями удалены всѣ главнѣйшія затрудненія по отмежеванію казенныхъ земель для поселенной дивизіи. Въ два года дѣло это приведено къ концу. Графъ Аракчеевъ, не щедрыій на похвалы своимъ подчиненнымъ, былъ очень доволенъ дѣйствіями Стороженка, исходатайствовалъ ему алмазный знакъ ордена Св. Анны 2-й степени и выбралъ его въ званіе дежурнаго штабъ-офицера въ штабъ графа Витта, начальника военного поселенія въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ, въ которыхъ устраивалось тогда поселеніе двухъ уланскихъ и одной кирасирской дивизій, и находилось сверхъ того нѣсколько пѣхотныхъ баталіоновъ для строительныхъ работъ. Выборъ подполковника Стороженка доказывалъ особенное къ нему благоволеніе Аракчеева

и вмѣстѣ съ тѣмъ предусмотрительность сего послѣдняго. Онъ зналъ, что Виттъ, при всемъ своемъ умѣ и многихъ неоспоримыхъ достоинствахъ, не только не любилъ письменныхъ дѣлъ и отчетностей, но даже не терпѣлъ ихъ. Придворный и свѣтскій человекъ по преимуществу, онъ не могъ существовать безъ женскаго общества и въ особенноти былъ Корифеемъ въ знатнѣйшихъ Польскихъ фамиліяхъ Киевской и Подольской губерній. Пребываніе въ степномъ Елизаветградѣ и служебныя обязанности надѣлали ему до крайности; и потому онъ очень часто, по мѣсяцу и болѣе, отлучался изъ предѣловъ вѣрренныхъ ему округовъ военного поселенія и спѣшилъ предаваться удовольствіямъ въ богатѣйшихъ домахъ Польскихъ магнатовъ, гдѣ жизнь тогда текла чрезвычайно весело и пріятно. До графа Аракчеева доходили всѣ эти отлучки, и ему также было извѣстно, что Государь благоволилъ къ графу Витту и давалъ ему отъ себя важныя порученія, не касавшіяся обязанностей по военному поселенію, что вполнѣ могло служить всегдашнимъ оправданіемъ графу Витту въ его отдаленныхъ поѣздкахъ. Поэтому графъ Аракчеевъ возложилъ непосредственно всю отвѣтственность на дежурнаго штабъ-офицера Стороженка и строго требовалъ отъ него полной отчетности въ значительныхъ суммахъ, отпущавшихся тогда отъ казны для устройства штабовъ дивизионныхъ и полковыхъ, въ округахъ военныхъ поселеній, и для заведенія въ нихъ хозяйственной части, какъ то: — конскихъ заводовъ, хлѣбопашества, запасныхъ расходныхъ магазиновъ и т. п., на что вообще издержанъ въ свое время не одинъ миліонъ.

Понятно, что на такомъ скользкомъ, а вмѣстѣ и важномъ мѣстѣ и при столь всемогущемъ и неутомимомъ начальникѣ, каковъ былъ Аракчеевъ, требовались отъ подчиненнаго, не защищеннаго никакимъ высокимъ покровительствомъ, неуспыная дѣятельность, всег-

дашняя точность и примѣрная расторопность. Часто случалось, что въ такіе дни, когда всякій изъ подчиненныхъ, не стоящихъ только въ караулѣ, въ правѣ рассчитывать на нѣкоторое отдохновеніе отъ своихъ трудныхъ обязанностей, именно въ высокочортственные годовые праздники, прискакивалъ въ Елизаветградъ фельдъегеръ съ строгимъ повелѣніемъ немедленно представить графу Аракчееву, изъ штаба военнаго поселенія Херсонской и Екатеринославской губерній, самыя подробныя свѣдѣнія о какомъ либо предметѣ, иногда даже несовсѣмъ спѣшномъ, но собственно для того, чтобы утруждать штабъ, на случай отсутствія начальника. Стороженко, имѣя у себя запасъ разнородныхъ бланковъ, за подписомъ гр. Витта, постоянно отклонялъ всякія сомнѣнія Аракчеева. Такихъ бланковъ, послѣ кончины Стороженка, осталась цѣлая кипа, какъ доказательство самаго неограниченнаго къ нему довѣрія начальства; а надобно сказать, что на этотъ счетъ графъ Виттъ былъ одинъ изъ самыхъ проницательныхъ и тонкихъ людей. Съ своей стороны Аракчеевъ удовлетворялся такимъ ходомъ дѣлъ и былъ доволенъ, что не встрѣчалось постоянной нужды затруднить Витта въ исполненіи особыхъ Высочайшихъ повелѣній, часто весьма секретныхъ, хотя и не официальныхъ. Излишне было бы распространяться объ этомъ; скажемъ только, что расторопность, усердіе и способность Стороженка приобрѣли ему еще болѣе вниманія отъ графа Аракчеева.

Черезъ пять лѣтъ онъ былъ произведенъ за отличіе въ полковники и удостоился получить нѣсколько другихъ Высочайшихъ милостей, выходившихъ изъ ряду обыкновенныхъ. Графъ Аракчеевъ дѣлалъ ему неоднократно и отъ себя многія важныя порученія, а въ послѣдствіи часто приглашалъ къ себѣ въ Грузино, для самыхъ благосклонныхъ бесѣдъ. Стороженко пользовался всѣми этими случаями для собиранія матеріаловъ къ составленію весьма любопытныхъ за-

писокъ о человѣкѣ, игравшемъ столь значительную роль въ царствованіе императора Александра I-го. Къ сожалѣнію матеріаловъ этихъ не отыскалось по смерти собирателя; но многіе, лично знакомые съ покойнымъ, вѣроятно припомнятъ, что никто лучше его не умѣлъ рассказывать о тогдашнемъ времени съ увлекательнымъ интересомъ и замѣчательными подробностями, можетъ быть навсегда утраченными для новѣйшей Исторіи.

По кончинѣ Аракчеева, около 6 лѣтъ, служба Стороженка протекла хотя и съ пользою для тѣхъ должностей, которыя онъ занималъ, но не выходила, какъ прежде, за предѣлы прямыхъ его обязанностей. Между тѣмъ судьба готовила ему новое поприще, исполненное заботъ, подъ начальствомъ другаго, болѣе замѣчательнаго человѣка, въ краю, едва начинавшемъ успокоиваться послѣ кровавой революціи.

Въ Февралѣ мѣсяцѣ 1832 г., по рекомендаціи графа Витта, тогдашняго военнаго губернатора г. Варшавы, Стороженко былъ назначенъ состоять при главнокомандовавшемъ бывшемъ дѣйствующею арміею и намѣстникѣ Царства Польскаго, покойномъ генералъ-фельдмаршалѣ, графѣ И. Ѳ. Паскевичѣ Эриванскомъ, а въ слѣдъ за тѣмъ исправляющимъ должность генералъ-полицеймейстера и генералъ-гевальдигера той же арміи, съ переводомъ въ корпусъ жандармовъ.

Штурмъ Варшавы, совершенное вытѣсненіе мятежниковъ изъ края, положившихъ оружіе въ предѣлахъ Пруссіи и Австріи, и строгій уголовный судъ надъ виновными, хотя прекратили бунтъ въ Польшѣ, но для окончательнаго возстановленія порядка и спокойствія еще требовались со стороны правительства бдительныя мѣры и неусыпный надзоръ внутренней полиціи: между жителями высшаго и средняго сословія оставалось нѣсколько злоумышленниковъ, въ тайнѣ жалѣвшихъ о неудавшемся мятежѣ. Эти лица постоянно находили возможность

сносятся съ своими родственниками, сослуживцами и знакомыми, удалившимися во множествѣ за границу, особенно во Францію. Ихъ переписка продолжала питать надежды эмигрантовъ на возможность возобновить мятежи въ Польшѣ, при помощи Французовъ. Образовавшіеся въ Парижѣ революціонные комитеты изъ Поляковъ всячески старались тайными путями высылать въ Царство Польское отчаянныхъ эмисаровъ, для поддержанія мятежнаго духа въ народѣ и для образованія вооруженныхъ шаекъ въ лѣсахъ. Эмисары эти почти вездѣ находили скрытное пристанище въ домахъ помѣщиковъ, арендаторовъ и шляхты, отчасти по чувству патриотизма и прежнимъ связямъ, а отчасти по легкомыслию и врожденной Полякамъ вѣтренности. Туземные чиновники неохотно и только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ доносили о томъ; но военная полиція не дремала. Отъ прозорливости генералъ-полицеймейстера Стороженка не могло укрыться никакое подобное обстоятельство: самые важнѣйшіе эмисары и ихъ ближайшіе сообщники были пойманы съ оружіемъ въ рукахъ и предаваемы въ руки правосудію, прежде нежели успѣвали обмануть легковѣріе народное. Показанія ихъ обнаружили, сколь много еще оставалось въ краю мятежныхъ элементовъ и какъ легко было возбудить новыя, самыя гибельныя безпокойства въ Польшѣ, при повсемѣстномъ единомысліи и худо понимаемомъ патриотизмѣ туземныхъ мелкихъ властей.

Для подробнѣйшаго открытія всѣхъ этихъ злоумышленныхъ дѣйствій и для строгаго отдѣленія виновныхъ отъ легковѣрныхъ и увлеченныхъ ложными понятіями о долгѣ патріота, — фельдмаршалъ учредилъ въ 1832 г. въ Варшавѣ слѣдственную Комиссію, предсѣдателемъ которой назначилъ полковника Стороженка, какъ человѣка не только хорошо знавшаго Польскій языкъ, но знакомаго вполнѣ съ исторіей края, съ нравами, обычаями и семейными отношеніями Поляковъ. Эту трудную обя-

занность исполнялъ Андрей Яковлевичъ слишкомъ 17 лѣтъ, къ совершенному удовольствію начальства и къ пользѣ края. Дѣйствуя безъ всякаго пристрастія и лицепріятія, онъ строго взвѣщивалъ поступки каждаго изъ обвиненныхъ и не останавливался ходатайствовать за тѣхъ, которые, по слабости, заблужденію или молодости лѣтъ, вовлечены были въ политическую вину. Не одного изъ этихъ несчастныхъ спасалъ Андрей Яковлевичъ отъ казни, или тяжкаго изгнанія въ Сибирь, смѣлымъ заступленіемъ своимъ не только предъ военнымъ судомъ, но и предъ самимъ фельдмаршаломъ. Конечно, по порядку и формѣ нашего уголовнаго судопроизводства, все это не могло дѣлаться гласнымъ; но благородный человѣкъ находитъ за свои дѣла награду въ собственной совѣсти и чуждается публичной похвалы. Истинное возданіе готовится намъ за гробомъ, куда долетятъ сердечныя молитвы нѣкогда благодѣтельствованныхъ нами.

(Съ такими же замѣчательными правилами, съ такимъ же знаніемъ дѣла, усердіемъ и дѣятельностію, Андрей Яковлевичъ Стороженко, первый изъ Русскихъ послѣ усмиренія мятежа въ Польшѣ, исправлялъ въ теченіи почти 10 лѣтъ (1833—1843) должность оберъ-полицеймейстера г. Варшавы съ сохраненіемъ всѣхъ прежнихъ обязанностей, сначала въ полковничьемъ, а потомъ и въ генеральскомъ чинѣ. Съ этимъ новымъ назначеніемъ, значительно умножились его труды и заботы служебныя. Тогдашній штатъ Варшавской полиціи былъ весь составленъ изъ мѣстныхъ уроженцевъ. Городъ, большею частію тѣсно отстроенный и заключавшій въ себѣ до 150 т. жителей (при которыхъ $\frac{1}{3}$ ч. Евреевъ) имѣлъ самую плохую пожарную службу, устроенную по старинному образцу Нѣмецкихъ городовъ; не было каланчей и даже ночной стражи. Уличный и вообще наружный порядокъ въ томъ видѣ, какъ понимаютъ его въ С. Петербургѣ и Москвѣ, почти

не существовалъ. Базарная и другая торговля въ городѣ производилась по смѣшаннымъ мѣрамъ и вѣсамъ, т. е. Польскимъ и Русскимъ; но между тѣмъ съ первыми изъ нихъ еще не ознакомились ни наши управленія, ни гарнизонъ, а вторыя не были введены обязательно для края, что давало непрерывные поводы въ спорамъ и столкновениямъ между продавцами и покупателями. Наконецъ, по дѣламъ письменнымъ употреблялся исключительно Польскій языкъ. Многими улучшениями по полицейской части Варшава обязана представленіямъ Андрея Яковлевича Стороженка. Онъ умѣлъ ясно и убѣдительно излагать на бумагѣ нужды города и хорошо понималъ, что вообще на Русское управленіе въ Царствѣ Польскомъ и на вводимый послѣ мятежа порядокъ Европейскіе наши сосѣди смотрѣли тогда строгимъ и внимательнымъ окомъ.

Такая отчетливая и усердная служба Андрея Яковлевича, въ нѣсколькихъ должностяхъ въ одно и тоже время, не оставалась безъ монаршихъ милостей. Въ 1833 году онъ награжденъ орденомъ Св. Станислава 2-й степени со звѣздой, произведенъ въ генералъ-маіоры и получилъ одновременно 10 т. руб. ассиг.; въ 1835 г. пожаловано ему имѣніе въ Царствѣ Польскомъ, на правахъ маіората, съ годовымъ доходомъ въ 1500 руб. серебр.; въ 1838 г. орденъ Св. Станислава 1-й степени и въ 1841 году орденъ Св. Анны 1-й степени. Но между тѣмъ умножавшіеся труды по полицейской части начинали до того разстроить его здоровье, что въ исходѣ 1841 года онъ вынужденъ былъ просить увольненія отъ должности генералъ-полицеймейстера арміи и оберъ-полицеймейстера Варшавы.

Согласіе на эту просьбу воспослѣдовало; но фельдмаршалъ князь Варшавскій, не желая терять подчиненнаго столь полезнаго для края своею опытностію и способностями, исходатайствовалъ тогда же назначеніе Андрея Яковлевича сенаторомъ въ Варшавскіе департаменты

Правительствующаго Сената, съ производствомъ въ тайные совѣтники и оставленіемъ по прежнему предсѣдателемъ Слѣдственной Коммиссіи по политическимъ проступкамъ.

Не уменьшалась и въ этомъ званіи полезная дѣятельность Андрея Яковлевича. Независимо отъ обязанностей сенатора и предсѣдателя Слѣдственной Коммиссіи, фельдмаршалъ постоянно возлагалъ на него разные важныя порученія, требовавшія совершеннаго знанія мѣстныхъ обстоятельствъ и ближайшаго знакомства съ характеромъ и духомъ народнымъ въ Царствѣ Польскомъ, Галиціи и Познани. Хорошее исполненіе всѣхъ этихъ порученій и вообще тогдашнее полезное служеніе Андрея Яковлевича доказывается тѣмъ, что съ небольшимъ чрезъ годъ по поступленіи въ сенаторы, онъ былъ всемилостивѣйше награжденъ единовременно 6-ю т. руб. серебр.; а чрезъ три года (28 Февраля 1843) назначенъ исправлять должность главнаго директора, предсѣдательствующаго въ Правительственной Коммиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ Царства Польскаго и члена совѣта таможеннаго управленія, съ оставленіемъ и при этомъ предсѣдателемъ Слѣдственной Коммиссіи.

На столь почетномъ мѣстѣ Андрей Яковлевичъ не утратилъ выгоднаго о себѣ общаго мнѣнія, не смотря на особенно-трудныя обстоятельства для края, какъ то: бунтъ въ Краковѣ въ 1846 году и открытый въ тоже время внутри Царства Польскаго обширный заговоръ, имѣвшій цѣлю вновь испровергнуть законный порядокъ вооруженными шайками, появившимися сначала и внезапно на разныхъ пунктахъ губерній Радомской и Люблинской; сильные неурожаи, продолжавшіеся нѣсколько лѣтъ сряду и въ тоже самое время ревизиціонный сборъ хлѣба отъ жителей, для облегченія издержекъ казны на продовольствіе войскъ, квартировавшихъ въ Царствѣ Польскомъ и на составленіе значительныхъ магазиновъ для арміи,

двинутой въ Венгрію на спасеніе погибавшей Австрійской монархіи; наконецъ улучшеніе быта Польскихъ поселянъ, уничтоженіемъ многихъ сборовъ, которыми пользовались ихъ помѣщики почти произвольно, безъ всякаго указанія въ законахъ. Во всѣхъ этихъ важныхъ обстоятельствахъ Андрей Яковлевичъ дѣйствовалъ съ благоразумною энергіею, но безъ торопливости, и тѣмъ заслужилъ полное одобреніе фельдмаршала и новыя милости къ нему въ Божѣ почивающаго императора Николая 1-го. Наградой ему были: орденъ Св. Владимира 2 степени, утвержденіе въ званіи главнаго директора предсѣдательствующаго въ Комиссіи Внутреннихъ и Духовныхъ Дѣлъ, орденъ Св. Анны 1-й степени съ короною и орденъ Бѣлаго Орла.

Но вмѣстѣ съ расширеніемъ круга дѣйствій Андрея Яковлевича, вмѣстѣ съ приобрѣтеніемъ новыхъ отличій по службѣ, физическія силы его начали замѣтно ослабѣвать и требовали, по совѣту медиковъ, не только продолжительнаго отдыха, но даже совершеннаго удаленія отъ дѣлъ. Высочайшимъ приказомъ 17 Іюня 1850 года онъ былъ уволенъ отъ службы по прошенію съ мундпрошъ, присвоеннымъ должности и признаннымъ ему по Царству Польскому эмеритальнымъ пенсіономъ по 6750 руб. серебр. ежегодно, вообще за слѣшкомъ 40 лѣтнюю службу.

Съ этимъ значительнымъ обезпеченіемъ отъ казны, Андрей Яковлевичъ поселился въ собственномъ имѣніи Полтавской губерніи, въ с. Чивильчѣ, мечтая быть еще полезнымъ на другомъ поприщѣ гражданской дѣятельности. Можно сказать, почти никто изъ его земляковъ не зналъ такъ хорошо исторіи, языка, обычаевъ и фамильныхъ отношеній Малороссіи; немногіе столь чистосердечно и горячо любили этотъ прекрасный край и желали ему благихъ усовершенствованій на томъ новомъ пути, по которому двинулась теперь вся Россія. Къ несчастію, Андрей

Яковлевичъ мало нашелъ сочувствія въ Малороссіянахъ. Сосѣди и знакомые восхищались его бесѣдами, исполненными ума, веселости, истиннаго народнаго юмора; но одни стояли ниже и по образованію и по понятіямъ, другимъ не нравились мѣткія сужденія его о лицахъ, посреди которыхъ они сами жили и дѣйствовали. Въ короткое время образовалось довольно сильное недоброжелательство къ Андрею Яковлевичу, воспрепятствовавшее избранію его въ такія дворянскія должности, при исполненіи коихъ онъ могъ бы принести много пользы для края. Естественнымъ слѣдствіемъ этого было постоянное охлажденіе его къ родинѣ и желаніе какъ можно рѣже жить среди земляковъ. Зимой съ 1856 на 1857 годъ Андрей Яковлевичъ провелъ съ семействомъ своимъ въ Одессѣ, гдѣ особенно сблизился съ покойнымъ архіепископомъ Инокентіемъ, умнымъ, образованнымъ и красноорѣчивымъ пастыремъ. Съ Сентября 1857 до Апрѣля текущаго года онъ проживалъ въ Кіевѣ, гдѣ уже оказались и начала той тяжкой болѣзни, послѣдствіемъ которой была самая смерть. Тѣло покойнаго перевезено въ село Чивильчу, гдѣ, въ присутствіи самыхъ близкихъ родныхъ и сосѣдей, предано землѣ при св. храмѣ, имъ самимъ сооруженномъ.

Миръ праху его! Въ жизни, какъ и всѣ мы, онъ имѣлъ своихъ друзей и своихъ враговъ; но что значитъ судъ нашъ передъ судомъ загробнымъ? Счастливъ, кто, переходя въ вѣчность, уноситъ съ собою теплую вѣру и чистую совѣсть.

Въ молодости Андрей Яковлевичъ съ успѣхомъ занимался отечественною литературою и поэзіей, а потому былъ въ дружескихъ сношеніяхъ съ замѣчательными писателями того времени. Впослѣдствіи, служа въ Царствѣ Польскомъ съ 1832 года, онъ много способствовалъ своимъ покровительствомъ Польской литературѣ, особенно по историческимъ изысканіямъ, имѣвшимъ связь съ цер-

ковными, гражданскими и военными событиями Россіи и преимущественно Малороссіи 16, 17 и 18 столѣтій. Послѣ него осталось множество любопытныхъ бумагъ, которыя наследниками приводятся теперь въ порядокъ, и вѣроятно часть ихъ будетъ когда выбудъ напечатана.

Сынъ покойнаго А. Я. Стороженка, Владимиръ Андреевичъ, въ посвященной любви къ отечественной исторіи, сообщилъ намъ нижеслѣдующія выдержки изъ Записокъ своего родителя. *И. Б.*

ИЗЪ ЗАПИСОКЪ А. Я. СТОРОЖЕНКА *).

²⁰/₁₀₀ Марта 1845 г.

Блестящіе подвиги фельдмаршала графа Паскевича Эриванскаго, нынѣ князя Варшавскаго, противъ огромныхъ ополченій, съ горстью, можно сказать, храбрыхъ, въ Персіи и въ Малой Азіи противу Турокъ, славный миръ съ Персіянами, возбудили общее любопытство объ немъ. Я видѣлъ его въ 1809 году въ Яссахъ капитаномъ и флигель-адъютантомъ; потомъ видѣлъ, какъ храбраго молодого генерала, въ Бородинской битвѣ; еще разъ въ сраженіи подъ Дрезденомъ, 1813 года, гдѣ былъ личнымъ свидѣтелемъ, какъ онъ подъ градомъ пуль отвѣчалъ артиллерійскому офицеру, спросившему его: „прикажете ли здѣсь стоять до послѣдняго человѣка, или принять нѣсколько въ сторону?“—„Увидимъ, отвѣчалъ Паскевичъ; что вы, сударь, такъ беспокоитесь?“ (Этотъ случай я описалъ въ 27-й книжечкѣ о кампаніяхъ 1812 и 1813 годовъ, изъ коихъ нѣкоторыя только остались у меня, какъ памятники событій, описанные молодымъ офицеромъ, записывавшимъ

*) Писано въ бытность его сенаторомъ Варшавскихъ департаментовъ.

каждый день, что ему случилось видѣть и слышать; прочія пропали съ шкатулкою, украденною у меня 1821 года въ Елисаветградѣ.) И наконецъ видѣлъ его въ послѣдній разъ въ Гамбургѣ, когда онъ переведенъ былъ оттуда въ главную армію. Въ Яссахъ танцевалъ съ нимъ въ одномъ кадрилѣ. Припоминаю еще, что имѣлъ случай разговаривать съ нимъ, обѣдая у него въ Закрочимѣ, гдѣ онъ квартировалъ, осаждая кр. Модлявъ. Онъ мнѣ показался человѣкомъ добрымъ, благороднымъ и, какъ землякъ, всегда съ тѣхъ поръ воспоминался мною съ удовольствіемъ и похвалами. Покойный отецъ его былъ моимъ пріятелемъ, не взирая на великую разность въ лѣтахъ (ибо и сынъ его старѣе меня лѣтъ 10, по словамъ самаго старика Паскевича).

Будучи не только нечуждымъ общаго любопытства о фельдмаршалѣ, но желавшимъ слышать похвалы ему, я искалъ людей, отъ которыхъ могъ бы получить полнѣйшія свѣдѣнія объ немъ.

Другъ мой, А. Д. Засядько, бывшій начальникомъ штаба генералъ-фельдцейхмейстера, говорилъ мнѣ съ восхищеніемъ въ 1822 году въ С. П. бургѣ, когда я пріѣзжалъ туда съ отчетами къ графу Аракчееву, что въ путешествіе съ великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ былъ назначенъ землякъ нашъ, генералъ Паскевичъ, по его мнѣнію, человѣкъ скромный, добрый и сметливый.

Принявшій отъ меня штабъ *) въ 1827 году генералъ-лейтенантъ Екельнъ, бывшій начальникомъ штаба 1-го корпуса, коимъ командовалъ нѣкогда свѣтлѣйшій, показывалъ мнѣ нѣкоторыя записки его, не въ похвалу,

*) Военныхъ поселеній въ Херсонской и Екатеринославской губерніяхъ.

я какъ образчики неумѣнія писать. Жена Екельна говорила, что онъ несвоясно самолюбивъ. Генераль баронъ С. однажды рассказывалъ мнѣ, что разъ онъ представлялъ (по должности начальника штаба) фельдмаршалу о храбрости войскъ и объ отличіи офицеровъ Кавказскаго корпуса; что фельдмаршалу это не понравилось, и что сей послѣдній сказалъ ему при этомъ: „Что вы хвастаете съ вашими войсками? Мнѣ, сударь, дай Жидовъ въ команду, и я побью съ ними Турокъ!“

Въ концѣ 1827 г. генераль-адъютантъ графъ Константинъ Бенкендорфъ, возвратившійся изъ Кавказскаго корпуса, рассказывалъ намъ однажды у М. Я. Фонъ-Фока, что фельдмаршалъ имѣетъ весьма много военныхъ достоинствъ, а особенно въ моменты битвъ, но что онъ характера недовѣрчиваго, подозрительнаго; а потому скорѣе вѣритъ глупымъ лжецамъ и мошенникамъ, нежели людямъ умнымъ, и отъ того дѣла по управленію его могутъ идти только удачно.

Все это нисколько не удовлетворяло моего любопытства о свѣтлѣйшемъ и не давало понятія объ немъ; а какъ я желалъ видѣть въ немъ человека отличнаго, то рассказъ барона С. показался мнѣ даже похвалою фельдмаршалу.

Въ послѣдствіи я разговаривалъ объ этомъ съ свѣтлѣйшимъ, который сказалъ мнѣ, что С. . . . говорилъ правду; но что онъ, зная человека, не могъ бы иначе уничтожить тонъ сужденій его, весьма часто неумѣстныхъ и всегда ненужныхъ для фельдмаршала, не выразившись такимъ образомъ, какъ С. . . нъ пересказалъ мнѣ—конечно не въ похвалу ему.

Въ 1830 году военныя дѣйствія графа Дибича противу Польскихъ мятежниковъ, наконецъ, такъ были огорчительны для каждаго Русскаго, что и въ Петербургѣ начали говорить уже весьма громко объ этомъ. Всѣ желали и ожидали необходимой перемѣны главнокомандующаго, изъ довесеній коего видны были неудачи, несчастія въ предпріятіяхъ его, отступленія, потери въ войскахъ и бунтъ въ западныхъ губерніяхъ, производимый шляхтою, оставленною въ тылу арміи безъ достаточнаго наблюденія за ея дѣйствіями, отъ чего подвозы провіанта и другихъ потребностей для войскъ содѣлались весьма затруднительными.

Въ это время призванъ былъ въ Петербургъ фельдмаршалъ Паскевичъ. Тотчасъ разнесся слухъ, что онъ назначается на мѣсто Дибича; едва ли не каждый радовался тому, а въ тѣхъ кругахъ, гдѣ я бывалъ, говорили о семъ съ восторгомъ. Графъ Орловъ посланъ былъ въ армію узнать ближе о причинѣ неудачъ нашихъ; ожидали съ нетерпѣніемъ возвращенія его и результата такому порученію.

Однажды я сидѣлъ у себя въ кабинетѣ, читая газеты Польскія, кои доставалъ я иногда отъ пріятелей. Вдругъ входитъ ко мнѣ, запыхавшись, хромой Воейковъ, редакторъ газеты „Русскаго Инвалида“ и издатель журнала „Славянина“, въ которомъ я участвовалъ, и восклицаетъ: „Великъ Россійскій Богъ! Дибичъ умеръ, Паскевичъ ѣдетъ на его мѣсто“. Вѣсть о семъ послѣднемъ меня обрадовала; и дѣйствительно, послѣ начали получаться извѣстія изъ арміи, радовавшія всю столицу.

Недолго спустя, торжествовали взятіе Варшавы; реляція объ этомъ пере-

ходила изъ рукъ въ руки, и я, восторженный побѣдою и прекращеніемъ кровопролитія въ междоусобіи, написалъ стихи къ вождю, взявшему штурмомъ гнѣздо мятежа, кои напечатаны въ „Русскомъ Ивалидѣ“ 1831 года. И тогда уже давно я не писалъ стиховъ; эти излились у меня отъ избытка чувствъ, среди многочисленнаго общества; но редакция такъ ихъ измѣнила, что мы почти не узнали въ печати стиховъ моихъ, хотя подъ ними стояла моя подпись. Съ тѣхъ поръ я зарекся печатать не только поэтическія выходки, но и всякія мои мысли, оставляя въ спискахъ многое, что, можетъ быть, будетъ нѣкогда весьма любопытнымъ.

*
11/23 Марта 1845 г.

Въ 1813 году, въ Варшавѣ, одна Француженка-ворожея, писавшая ороскопы, написала и для меня подобный, въ которомъ между прочимъ было сказано: „что здѣсь я буду нѣкогда значительнымъ человѣкомъ“. Прочитавши ороскопъ мой, я сказалъ Француженкѣ со смѣхомъ, что предсказаніе ея не совсѣмъ удачно: ибо родина моя за Днѣпромъ, служу въ Россійской арміи, и нѣтъ никакого правдоподобія значить что нибудь въ герцогствѣ Варшавскомъ. На это она отвѣчала утвердительно, „что я буду дѣйствующимъ лицомъ, именно въ Варшавѣ.“ Хотя по нынѣ и нисколько еще не сбывается предсказаніе Француженки; но непредвидѣнное мною назначеніе сюда, какъ ниже опишу, въ самомъ дѣлѣ странно.

Дыша свободнѣе послѣ ужасной холеры въ Петербургѣ и не занимаясь болѣе розысканіями бунта въ военныхъ поселеніяхъ, по званію члена-аудитора; окончивши при томъ

и порученное мнѣ составленіе (изъ записокъ Бабинскаго и другихъ) правилъ для образованія кавалериста, кои напечатаны въ послѣдствіи въ двухъ томахъ, въ пользу Бабинскаго, — я предался совершенно розысканіямъ историческимъ о полуденной Россіи, писалъ между прочимъ разныя журнальныя статьи, о Мазепѣ, о Хмѣльницкомъ, печатаемыя въ „Славянинѣ“; сдѣлалъ критическій разборъ первой части повѣстей Пасичника Рудого Панька, напечатанный Гречемъ въ особенной книжечкѣ, подъ заглавіемъ: „Мысли Малороссіянина“, и много другихъ отрывковъ въ прозѣ.

Цензура всегда мнѣ какъ-то не благопріятствовала; но извѣстные литераторы, читавшіе пишущуюся мною Исторію Полуденной Россіи, оказывали мнѣ пріязнь и вниманіе къ трудамъ моимъ.

Время въ литературныхъ упражненіяхъ проходило быстро и пріятно; субботы Воейкова, въ которыя собиралось къ нему много пишущей братіи, дружескія бесѣды у стариннаго пріятели моего Булгарина и сношенія со многими людьми мыслящими почти ставили уже меня на дорогѣ умственныхъ занятій, которая стала къ уединенію, къ пріюту и къ жизни частнаго гражданина.

Я думалъ писать. Исторія Полуденной Россіи наполняла воображеніе; широкій Днѣпръ манилъ на роскошные берега свои. Любезная сердцу родина, ея добрые жители, въ числѣ коихъ я имѣю такъ много пріятелей искреннихъ, вѣщій духъ старины нашей, описанный Несторомъ и самое Украинское небо, казалось, звали на покой труженика, располагающаго окружиться давнопрошед-

шимъ и забыть обо всемъ минувшемъ въ тревоженной дотолѣ жизни его.

Сообразно съ этими мыслями я велъ и знакомство въ самомъ Петербургѣ; иногда однакоже обѣдывали у меня Булгаринъ, Гречъ и еще нѣкоторые изъ писателей. Разъ, за такимъ обѣдомъ, когда мы разговаривали о безумномъ происшествіи въ Польшѣ, входитъ ко мнѣ офицеръ гвардейскихъ жандармовъ. Появленіе его, признаюсь, немного меня встревожило. Я не имѣлъ никого знакомаго изъ жандармовъ; но, будучи увѣреннымъ въ моему образъ мыслей, чисто-монархическомъ и что я ни съ какою полиціею не могу имѣть дѣла, я тотчасъ успокоился и полагалъ, что онъ зашелъ ко мнѣ ошибкою; но офицеръ, спросивши, кто изъ насъ Стороженко, объявилъ мнѣ, что графъ Бенкендорфъ поручилъ ему отдать мнѣ записку и сказать, чтобы послѣ завтра, по утру въ 7 часовъ, я ожидалъ въ зимнемъ дворцѣ прибытія туда его сіятельства и что графъ представитъ меня Государю Императору. Въ запискѣ было сказано тоже.

Пріѣхавши во дворецъ въ назначенное время, я тотчасъ позванъ былъ камердинеромъ Государя въ кабинетъ его величества. Еще было темно. Довольно узкая, высокая лѣстница, освѣщаемая не совсѣмъ ясно, привела меня къ дверямъ кабинета, въ который я вступилъ съ свѣтлымъ челомъ и съ пріятною мыслию говорить лично съ Монархомъ. — При входѣ моемъ, Государь изволилъ встать съ дивана и, подошедши ко мнѣ, объявилъ въ весьма лестныхъ и милостивыхъ выраженіяхъ, что я назначаюсь генералъ-полицеймейстеромъ въ дѣйствующую армию, коснулся

положенія Польши, говорилъ по этому предмету съ истинно-царскимъ великодушіемъ, въ заключеніе поцаловалъ меня въ голову, и я откланялся.

Сѣвши въ карету, я перебиралъ всевозможные случаи, которые бы могли привести меня къ этому назначенію, и одно только мнѣ казалось вѣроятнѣйшимъ, что графъ Виттъ рекомендовалъ меня князю Варшавскому, а можетъ быть и самому Государю, и что графъ Бенкендорфъ, приглашавшій меня за два года передъ тѣмъ въ дежурные штабъ-офицеры къ себѣ, также замолвилъ обо мнѣ слово. Какъ бы то ни было, но тутъ я видѣлъ два никогда неожиданныя мною событія въ жизни моей: во первыхъ, мнѣ никогда и въ голову не входило быть полицейскимъ; во вторыхъ, вовсе никогда не воображалъ я служить въ Варшавѣ и даже давно забылъ затерявшійся гдѣ-то у меня ороскопъ, о которомъ въ ту минуту вспомнилъ..

Возвратившись домой, встрѣчаю на лѣстницѣ писаря Инспекторскаго Департамента, сына нашей прачки, который рассказываетъ, что недѣли двѣ идетъ обо мнѣ въ департаментѣ переписка, и что во вчерашнемъ приказѣ я назначенъ состоять по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ дѣйствующею армию.

Поелику князь Варшавскій былъ тогда въ Петербургѣ, то, прочитавши приказъ, я тотчасъ поѣхалъ къ нему явиться; и черезъ нѣсколько дней опять явился ему, уже какъ генералъ-полицеймейстеръ въ жандармскомъ мундирѣ.

Мундиръ этотъ надѣлъ я также случайно. Когда надобно было благодарить Государя Императора за

мое назначеніе, я спросилъ докладною запискою у генераль-адъютанта гр. Бенкендорфа, въ какомъ мундирѣ я долженъ представиться; ибо до того носилъ я общій кавалерійскій, потомъ, нѣсколько дней, присвоенный состоящимъ по особымъ порученіямъ. На запискѣ было отмѣчено: „въ жандармскомъ“.

Немало хлопотъ мнѣ стоило облечь себя въ форму, которой я не зналъ нисколько; а еще больше навлекъ ихъ на меня голубой мундиръ, когда я представлялся свѣтлѣйшему, какъ выше описано *).

*

^{13/25} Марта 1845 г.

Герой нашей арміи, любимецъ солдатъ и офицеровъ, беззаботный весельчакъ, состарѣвшійся на бивакахъ, Милорадовичъ, назначеніемъ своимъ военнымъ генераль-губернаторомъ въ С. Петербургъ ослабилъ армейскій энтузіазмъ къ себѣ. Военская слава должна оставаться всегда свѣтлою звѣздою-путеводительницею пріобрѣтшихъ первую на поляхъ битвъ, и они должны или вести войска къ побѣдамъ, или приготавливать ихъ къ тому, сохраняя любовь къ себѣ подвижниковъ и поселяя надежды къ отличіямъ въ образующихся подъ ихъ вліяніемъ офицерахъ; но никогда не раздвоятъ о себѣ публичнаго мнѣнія занятіями невоенными. Минуты боя, объемлемость движеній побѣдоносныхъ колоній,—есть высокая поэзія; администрація же, для самаго умна-

*) Въ другомъ мѣстѣ, подъ числомъ ^{10/22} Января 1845 г. записано: «Предъ отъѣздомъ являлся прибывшему въ Петербургъ князю Варшавскому, который принялъ меня крайне немилостиво; говорилъ съ негодованіемъ о жандармскихъ мундирахъ и сказалъ наконецъ, когда я откланивался ему: прошу у меня заднихъ мыслей не имѣть!»

го человѣка, съ даромъ воинственнымъ — есть скучная, утомительная проза жизни, напрасное усиліе къ недоступному для него порядку въ теченіи дѣлъ, требующихъ точности, терпѣнія, трудовъ методическихъ и обдуманности хода общаго и частныхъ отраслей въ правленіи.

Мнѣ кажется, что и фельдмаршалу князю Варшавскому, погромившему Польскій мятежъ, лучше бы было, управляя арміей, ждать эпохи новыхъ для себя подвиговъ на поляхъ славы: его храбрость и рѣшительность, описанныя въ кампаніяхъ Персидской, которая еще не издана, Турецкой и Польской, — равняютъ его съ знаменитѣйшими вождями, а воинскія свѣдѣнія доказываютъ, что онъ много занимался ими.

Въ бесѣдахъ со мною онъ рассказывалъ мнѣ многое, что останется навсегда въ моей памяти; но нѣкоторые случаи я хочу здѣсь передать и на бумагу.

„Когда прибылъ я въ Кавказскій корпусъ (говорилъ мнѣ однажды свѣтлѣйшій) командовавшей онымъ А. П. Ермоловъ принялъ меня весьма двусмысленно. Я желалъ отличій, просился тотчасъ употребить меня въ дѣло, надѣясь въ первомъ сраженіи показать, что самоотверженіемъ только и храбростью оправдаю выборъ монаршіи и не буду принужденъ искать чьего бы то ни было къ себѣ расположенія. Ввѣренное мнѣ войско шло противу Персіянъ, вторгшихся въ предѣлы наши въ Грузіи. Нѣкоторые ханы и изъ подвластныхъ намъ оказались невѣрными. Персіяне имѣли на своей сторонѣ большія противъ насъ выгоды въ духѣ жителей, были въ нѣсколько кратъ сильнѣе насъ, и притомъ я нуждался въ самомъ про-

довольствіи, чрезъ недоброжелательство ко мнѣ главнаго начальника, которое отъивалось не только въ управленіи его, но и въ частныхъ начальствахъ, преданныхъ ему. Я былъ совершенно одинъ, не могъ никому вѣрить: все было противу меня. Въ такомъ положеніи встрѣтился я съ Абасъ-Мирзою подъ Елисаветополемъ и разбилъ его на голову“.

Елисаветпольское сраженіе описано; храбрость и распоряженіе въ дѣлѣ фельдмаршала признаны самыми недоброжелательствовавшими ему; слѣдовательно, рассказывать объ этомъ сраженіи слышанное даже и отъ самаго фельдмаршала было бы съ моей стороны повтореніемъ реляціи; но я долженъ замѣтить для себя, что если бы свѣтлѣйшій выражался въ подобныхъ случаяхъ съ принятою обыкновенно умѣренностію, что счастье благоприятствовало ему разбить Абасъ-Мирзу, это было бы прекрасно; а какъ онъ, напротивъ того, приписываетъ все гениальнымъ своимъ соображеніемъ, то блескъ подвига теряетъ свою яркость, подобно тому какъ подвергаются сомнѣнію видѣныя имъ во всемъ противъ него интриги. Вспомнивши же рассказанное объ немъ гр. Константиномъ Бенкендорфомъ, человѣкомъ извѣстнымъ правотою характера, подумаешь невольно, что большая часть интригъ мнимыхъ происходили отъ окружающихъ фельдмаршала людей его, изъ коихъ остались и теперь при немъ представители невообразимой невѣжественности, коихъ онъ хвалитъ умъ, способности и преданность къ себѣ.

Чтобъ судить о дѣлѣ, надобно слышать двѣ противныя въ немъ стороны. Я слушалъ и свѣтлѣйшаго, и А. П. Ермолова о столкновеніи ихъ

въ Грузіи, и мнѣ кажется, что послѣдній имѣетъ болѣе причинъ къ нареканіямъ; но въ паденіи его одинаково виновенъ не одинъ свѣтлѣйшій, хотя онъ его болѣе обвиняетъ въ томъ.

Самъ фельдмаршалъ сказывалъ мнѣ, что, не взирая на побѣды свои надъ Персіянами, онъ былъ разъ доведенъ начальникомъ главнаго штаба гр. Дибичемъ до того, что рѣшительно просился объ отозваніи его въ Россію.

Когда Персіяне принуждены были имъ просить о мирѣ, говорилъ мнѣ фельдмаршалъ, и главнѣйшіе пункты, на какихъ желали заключить оный, получены были свѣтлѣйшимъ изъ С. Петербурга, онъ видѣлъ, что Абасъ-Мирза и самъ шахъ, по внушенію Англичанъ, хотятъ длить дѣло. Фельдмаршалъ требовалъ отъ Персіянъ вознагражденія за всѣ издержки войны; въ рескриптѣ къ нему изъ Петербурга требуемая имъ сумма отъ шаха ограничивалась въ половину. Рескриптъ этотъ онъ хранилъ въ совершенной тайнѣ и не переставалъ между тѣмъ настаивать о скорѣйшей высылкѣ къ нему изъ Тегерана денегъ. Англійскій посланникъ въ Персіи, со свитою, жилъ у него въ главной квартирѣ; интриги его въ самомъ Тавризѣ были не безопасны, ибо Англичане возбуждали духъ жителей всѣми образами.

Въ такомъ положеніи дѣлъ фельдмаршалъ поступилъ рѣшительно. Онъ объявилъ Персіянамъ и Англичанамъ, что долѣе ожидать денегъ не будетъ, а пойдетъ тотчасъ въ Тегеранъ, и Каджары не удержатся на престолѣ. Англичанъ просилъ рѣшительно выѣхать изъ его главной квартиры. При этомъ достойно замѣчанія то, что Абасъ-Мирза объявилъ ему, что если

фельдмаршалъ устремится на Тегеранъ, то и онъ большой поѣдетъ туда съ нимъ.

Такая рѣшимость фельдмаршала до того однакоже перепугала и шаха и Англійскаго посланника, что деньги тотчасъ были высланы, заключень миръ, и взято съ Персіянъ вдвое болѣе, нежели желалъ кабинетъ нашъ.

Въ Турецкую войну, дѣйствуя среди неприступныхъ горъ, фельдмаршала всего болѣе затрудняло продовольствіе войскъ. Если бы онъ надѣялся только на свои магазины, то и воевать было бы невозможно; но онъ платилъ жителямъ за привозимые ими припасы вдвое, билъ между тѣмъ Турокъ, проникнулъ до Эрзерума, и если бы не миръ, говоритъ онъ, то вскорѣ завладѣлъ бы всею Малою Азіей.

Прибывши въ Іюль 1831 года въ армію, дѣйствовавшую весьма нерѣшительно противу Поляковъ, фельдмаршалъ встрѣтилъ, по словамъ его, всѣхъ главныхъ начальниковъ въ оной противу себя. Осмотрѣвшись нѣсколько и видя, что начальникъ главнаго штаба, графъ Толь, готовъ парализовать его направленія и дѣйствія, призываетъ Толя къ себѣ и диктуетъ въ его присутствіи повелѣніе ему выѣхать тотчасъ изъ арміи. Этотъ рѣшительный поступокъ укротилъ заносчиваго, и распоряженія фельдмаршала не встрѣчали уже оппозицій.

Переправясь на лѣвый берегъ Вислы съ главнѣйшими силами арміи, фельдмаршалъ прежде всего старался обезпечить продовольствіе ея. Сверхъ того, что закупаемый хлѣбъ въ Пруссіи подвозился на судахъ Вислою, оглашено было, что всякій изъ жителей, привезшій въ расположеніе войскъ

нашихъ съѣстные припасы, тотчасъ получить за нихъ требуемую имъ цѣну наличными деньгами. Мѣра эта подѣйствовала такъ, что везшіе продукты и для Польскихъ войскъ, стоявшихъ подъ Болимовымъ, убѣдившись, что Русскіе платятъ за все весьма щедро, сворачивали къ намъ.

Нѣкоторые утверждаютъ, что планъ переправы черезъ Вислу (къ чему дѣлались приготовленія до прибытія въ армію фельдмаршала) и атака Варшавы со стороны западной предположены были еще гр. Дибичемъ и гр. Толемъ, и что послѣ Остроленскаго пораженія Поляки не были уже тѣми, какими начали войну: духъ войскъ ихъ упалъ, старые солдаты были перебиты, главные вожди смѣнялись по крику изступленниковъ мятежа, и контръ-революція, или просто бойня въ Варшавѣ—располагали обывателей къ покорности.

Какъ бы то ни было, но прибытіе фельдмаршала воздвигло духъ войскъ нашихъ; они перестали пуждаться въ продовольствіи, шли съ увѣренностію побѣдить, и штурмъ Варшавскій доказалъ и храбрость ихъ и рѣшительность свѣтлѣйшаго, который однакоже говоритъ иногда, что Поляки дрались, защищая Варшаву, мерзко.

У меня есть собственная его записка и объ интригахъ противъ него, когда онъ прибылъ въ армію и о дѣйствіяхъ послѣдней, коими Польское войско, простиравшееся до ста тысячъ, въ 72-хъ тысячахъ положило оружіе въ границахъ Австріи и Пруссіи.

Отъ многихъ слышалъ я, что большую часть успѣховъ и побѣдъ фельдмаршала можно приписать необыкновенному его счастью во всемъ. Такъ говорили нѣкогда и о Суворовѣ; но когда онъ услышалъ объ этомъ, ска-

залъ съ своею особенною ироніей: „все счастье, да счастье;—надобно оставить чтонибудь и разуму.“

Военныя дѣла князя Варшавскаго всегда будутъ имѣть прекрасную и любопытную страницу въ Исторіи и еслибъ онъ не ставилъ себя въ минуты энтузіазма выше всѣхъ бывшихъ полководцевъ въ Россіи, то каждый, отдавая ему полную справедливость, не имѣлъ бы повода разбирать сравненіе между имъ, Румянцовымъ, Суворовымъ и Кутузовымъ; но слышавшій изъ собственныхъ устъ его часто неумѣренное самохвальство, проистекающее отъ излишняго ли убѣжденія въ своихъ достоинствахъ, или отъ желанія убѣдить въ нихъ другаго, по свойству общему людямъ, упреждая судъ Исторіи, размышляетъ о слышанномъ, — и событія представляются въ слѣдующихъ образахъ.

Румянцовъ, предводительствуя арміею въ 40 т. противу огромныхъ Турецкихъ силъ, билъ Турокъ вездѣ въ продолженіи 4-хъ лѣтъ; побѣды его съ 16 т. войскъ при Ларгѣ и Кагулѣ надъ стотысячными полчищами Турецкими, преслѣдованіе великаго визира, бѣжавшаго съ недобитками за Дунай, и достопамятный Кучукъ-Кайнарджицкій миръ, въ смутную годину Пугачевщины, знаменуютъ въ немъ вождя славнаго и разумаго, а послѣднее свойство подтверждается притомъ управленіемъ его Малороссіею и въ послѣдствіи самою частною жизнію человека. Онъ былъ мужъ войны; ему Россія обязана многимъ, и память его чтится потомствомъ благоговѣнно.

Суворовъ, дѣлая чудеса противу Барскихъ кондефератовъ, пораженіями ихъ на разныхъ, весьма отдален-

ныхъ между собою, пунктахъ, — поселилъ, при любви къ себѣ, увѣренность въ Русскихъ солдатахъ, что съ нимъ они непобѣдимы. Баталія при Римникѣ и взятіе штурмомъ неприступныхъ стѣнъ Измаила утвердили это мнѣніе. Имя Батюшки-Суворова окрыляло духъ богатырей его. Штурмъ Праги имѣлъ послѣдствіемъ покореніе Польши и присоединеніе къ Россіи провинцій, бывшихъ нѣкогда Русскими. — Освобожденіе (хотя впрочемъ временное) Италіи отъ Французовъ, переходъ черезъ Альпы и вообще Итальянская его кампанія, — ставятъ его на высшую степень героевъ. Имя его останется всегда любезнымъ не только въ войскѣ, но и во всей Россіи. Онъ былъ дѣйствительно великій воинъ, великій человекъ своего времени.

Кутузовъ былъ назначенъ судьбою для дѣяній высшихъ и Румянцова и Суворова. Его битвы противу Наполеона на 400 верстной ретирадѣ отъ границъ Баваріи до Аустерлица; его пораженіе переманеннаго имъ на нашу сторону Дуная великаго визира и чудесный миръ съ Портою, когда Наполеонъ, съ полумилліонною арміею, вторгался уже въ предѣлы Россіи, — были бы достаточными уже заслугами Отечества и неотъемлемымъ правомъ имѣть почетное мѣсто между необыкновенными умами въ Исторіи; но общенародное призваніе его защитить Россію, въ сердце коей устремился непобѣдимый Наполеонъ, приемлемая предъ народомъ Русскимъ отвѣтственность доблестнаго старца на главу свою за отданіе врагамъ Москвы; высокія стратегическія соображенія его принудить Наполеона брести снѣгами во свояси, съ голодными полчищами своими, по пути, пролегающемъ разграбленными ими про-

винціями; защищеніе тѣмъ южной Россіи; уничтоженіе силъ, составленныхъ изъ 20-ти народовъ и славныхъ вообще дѣла 1812 года,—все это начертано на вѣчныхъ скрижаляхъ вмѣстѣ съ именемъ Кутузова. Онъ по истинѣ заслуживаетъ имя спасителя Отечества. — Современники, видѣвшіе стройную рать Наполеона и потомъ блудящіе остатки ея по снѣгамъ, въ коихъ погрузились триста ты и колесницы мнящаго быть непобѣдимымъ, и теперь еще какъ бы не вѣрятъ случившемуся въ глазахъ ихъ изумительному, великому событію. Недосязема высокая судьба Кутузова. Какъ велики подвиги Русскихъ, торжествовавшихъ въ Парижѣ миръ Европы, которымъ понынѣ она пресыщается, давно забывъ и монарха, и народъ, изведшихъ ее изъ подъ ига Египетскаго!

Князь Варшавскій, графъ Паскевичъ положилъ также много заслугъ, пожиная лавры въ 1812, 1827, 1828 и наконецъ 1831 годахъ; но онъ былъ главнымъ вождемъ только во вторую половину Польской войны и подъ Варшавою. Начальствовалъ отдѣльнымъ корпусомъ противъ Персіянъ и дѣйствовалъ съ нимъ отдѣльно же противу Турокъ въ Малой Азіи, тогда какъ Россійская армія въ Европейской Турціи, перешедши Балканы, грозно двигалась къ Стамбулу и принудила султана подписать Адрианопольскій миръ. Какъ ни блестящи военныя дѣйствія Паскевича противу Персіянъ, Турокъ и подъ Варшавою, какъ ни славны миръ его съ первыми и покореніе мятежниковъ Польскихъ; — но сравнивать себя съ Румянцовымъ, Суворовымъ и Кутузовымъ, а тѣмъ менѣе считать подвиги ихъ, даже въ военномъ отношеніи, ниже своихъ, ему бы не слѣ-

довало. Этимъ онъ не возвышаетъ себя, а непрерывными повтореніями о гениальныхъ соображеніяхъ своихъ (тогда какъ администраціей въ управляемомъ имъ краю никто кромѣ его не восхищается) ослабляетъ мнѣніе объ истинномъ достоинствѣ человека, достигшаго столь высокой степени.

Все наконецъ пріѣтся, прислушается, присмотрится, и люди, слыша одно и тоже, и не видя между тѣмъ ничего необыкновеннаго, перестанутъ удивляться тому, чему прежде дивились. Лавровый вѣнецъ во время жизни вождя требуетъ случаевъ къ обновленію увядающихъ листовъ его. По смерти, Исторія сбережетъ ихъ для каждаго изъ увѣчаныхъ по столыку, по скольку судъ потомства опредѣлитъ кому изъ счастливыхъ побѣдителей. Но вѣнецъ миртовый, на главѣ законодателя или правителя, не увядаетъ и на живущемъ и на оставившемъ земное поприще. Его лелѣютъ признательные современники; а въ грядущемъ онъ сохраняется въ общемъ вѣчномъ архивѣ немногихъ дѣлъ, полезныхъ для человечества.

Гораздо легче быть воинномъ, нежели мудрымъ, добрымъ правителемъ.

Описавши нѣкоторыя части и случаи настоящаго управленія въ Царствѣ Польскомъ, предоставляю дѣлать выводы изъ одного тому, кто будетъ имѣть терпѣніе нѣкогда прочесть тетрадки моихъ впечатлѣній. Въ заключеніе же доселѣ написаннаго, пока не буду имѣть времени написать болѣе по этому предмету, скажу еще нѣсколько словъ о свѣтлѣишемъ.

Человѣкъ онъ добраго сердца, смѣлаго духа, съ прекрасною памятью, съ умомъ; часто весьма провицате-

лень, если углубится въ предметъ. Но безпорядокъ въ образѣ жизни, въ дѣлахъ, и вѣроятно въ самыхъ мысляхъ — препятствуетъ ему быть администраторомъ. Ни въ чемъ нѣтъ постоянства, необходимой точности, методы и положительности. Всѣ поступки его зависятъ отъ впечатлѣній; досада, причиненная чѣмъ нибудь однимъ, отражается въ минуты ея на всемъ. Непривычка къ дѣламъ гражданскимъ, въ коихъ надобно искуситься терпѣніемъ и временемъ, откладываніе поѣтому день за днемъ и самаго нужнаго, или рѣшеніе его съ одного поверхностнаго взгляда на предметъ, — суть причины нестроенія во всемъ. Избѣгая всемѣрно трудовъ, онъ говоритъ, а можетъ быть такъ и думаетъ, что все имъ однимъ дѣлается; отъ этого дѣловые люди при немъ теряютъ охоту къ трудамъ усерднымъ. При томъ же его неровность въ обхожденіи, заграждаемая тѣмъ откровенностью къ нему мыслящихъ, покровительство безталантнымъ, слушаніе донощиковъ и собственный свой, особый взглядъ на вещи, — ставятъ въ недоумѣніе и истинно-преданныхъ ему людей разумныхъ.

Иногда видны въ немъ проблески благородныхъ чертъ характера: восхищеніе добрымъ поступкомъ, участіе въ горѣ другаго, великодушіе (женерозность); но тутъ же слѣдуютъ эгоизмъ и готовность пожертвовать каждымъ, по своимъ видамъ, или для своего оправданія. Первые качества, кажется, были господствующими въ немъ до его бѣднѣйшей извѣстности; а послѣднія приобрѣтены имъ въ жизни Петербургской, гдѣ онъ видѣлъ необходимость искательства, лести и скрытности. Безъ этого едва ли бы онъ могъ возвыситься, при всей храбрости своей.

Суворовъ сказалъ: „тотъ не хитръ, кого называютъ хитрымъ“. Это можно примѣнить и къ Паскевичу; додавши же къ тому всемогущее счастье, загадка возвышенія его почти разгадывается. Но что такое счастье само по себѣ, того никто не опредѣлялъ еще. Впрочемъ, въ одѣ Державина къ нему оно поэтизируется забавно, хотя стихи въ одѣ этой и крѣпко уже устарѣли.

О ДЪЛЪ ФЛИГЕЛЬ-АДЪЮТАНТА ПОЛКОВНИКА КОПЬЕВА.

I.

Въ Апрѣльской книжкѣ „Русской Старины“ текущаго года помѣщена статья г. Фелькнера подъ заглавіемъ „Дѣло флигель-адъютанта Копьева, рассказъ изъ времени управленія Кавказомъ князя Воронцова“. Авторъ набрасываетъ тѣнь на личныя свойства покойнаго князя и на гнѣмы его правительственной дѣятельности. Намѣстникъ Кавказскій изображенъ человекомъ мелочно-мстительнымъ, себялюбивымъ и чуждымъ всякой законности.

Но прочтеніи этого повѣствованія, я рѣшился сказать нѣсколько словъ, разумеется не въ защиту князя Михаила Семеновича Воронцова, въ отечественной Исторіи стоящаго слишкомъ высоко, чтобы предстояла возможность умалить его свѣтлую личность, человека, никогда не бывшаго придворною особою и дошедшаго до фельдмаршальскаго званія истинно-трудою служебною дѣятельностью, высокими дарованіями и самоотверженіемъ, коимъ удивлялись еще сослуживцы его молодости (такъ напримѣръ, въ Турецкую войну, подъ начальствомъ Кутузова, не смотря на изнеможеніе отъ тяжелой болѣзни, Михаилъ Семеновичъ постоянно находился во главѣ подчиненныхъ ему войскъ, собою позывая примѣръ мужества, неутомимости и высокаго военачальческаго искусства), — я взялся за перо единственно для разъясненія недоумѣнія, которое упо-

мянутая статья г-на Фелькнера можетъ произвести въ умѣ читателя и подѣ влияніемъ котораго, повидимому, находится самъ авторъ ея.

Г. Фелькнеръ первоначально служилъ въ Преображенскомъ полку, одновременно съ Копьевымъ; но меня удивило, почему, добровольно переходя на службу въ Кавказскій корпусъ, онъ не избралъ Грузинскаго гренадерскаго полка, который въ то время командовалъ имъ столь превозносимый полковникъ Копьевъ. Г. Фелькнеръ опредѣлился на Кавказъ въ Эриванскій карабинерный полкъ и на послѣдней страницѣ своего разсказа поясняетъ, что князь Воронцовъ обходилъ его наградами, такъ что онъ получилъ только орденъ св. Анны 2-й степени, и то по настоянію П. Е. Коцебу. Жаль, что авторъ не пояснилъ, какія, по его мнѣнію, слѣдовали бы ему награды?... Относительно же настоянія П. Е. Коцебу, авторъ, должно быть, очень ошибается: разумѣется, генералъ Коцебу, бывшій въ то время начальникомъ Главнаго Штаба Кавказскаго корпуса, не помнить такую мелочь; но я убѣжденъ, что Павелъ Евстафьевичъ подтвердитъ, что князь М. С. Воронцовъ никого не допускалъ настаивать въ противность его собственному убѣжденію.

Авторъ приписываетъ преданіе суду полковника Копьева мести князя Воронцова, не забывшаго будто какой-то обиды, нанесенной ему еще въ царствованіе Павла Петровича отцемъ Копьева.

Не касаясь неестественности сильному мстить слабому, и притомъ во второмъ колѣнѣ, припомнимъ, что въ то время, когда могло случиться столкновеніе Воронцова съ отцемъ Копьева, слои общественные были проникнуты взаимнымъ почитаніемъ; тогда не было и признаковъ всепоглощающаго уравненія, стремящагося сгладить всѣ политическія положенія, и въ тоже время ставить на одну доску не только заслугу съ ничтожностью, но и честь съ подлостью, добродѣтель съ порокомъ.

Причина предубѣжденія князя Воронцова противъ полковника Копьева была совершенно иная, и легко еѣ доказать изъ официальныхъ бумагъ. Вотъ она.

Во время похода въ Дарго, въ числѣ особыхъ происшествій, случившихся въ Тифлисѣ, было доложено главнокомандующему о самоубійствѣ солдата Грузинскаго гренадерскаго полка; причина же этаго происшествія дознаніемъ не была открыта.

Это поразило князя Воронцова, хорошо знавшаго, что самоубійство въ то время было совершенно чуждо Русскимъ нравамъ и обычаямъ.

По окончаніи Даргинскаго похода, князь Воронцовъ на короткое время отправился на Кавказскія воды, въ Кисловодскъ, гдѣ стоялъ линейный баталіонъ. На водахъ, къ удивленію своему, онъ безпрестанно встрѣчалъ солдатъ, въ мундирахъ полковъ расположенныхъ въ Закавказскомъ краю, и приказалъ мѣстному коменданту подать себѣ перечневую вѣдомость нижнимъ чинамъ, проживавшимъ въ Кисловодскѣ частнымъ образомъ, съ обозначеніемъ, при чемъ они находятся.

Въ этой вѣдомости, между прочимъ, значилось 70 человекъ нижнихъ чиновъ изъ Закавказья, находившихся въ прислугѣ и въ обозѣ при семействѣ одного дивизионнаго командира, пріѣхавшаго изъ Грузіи лѣчиться на воды.

На другой же день по возвращеніи въ Тифлисъ, князь Воронцовъ, еще мало извѣстный обывателямъ, въ своемъ егерскомъ сертукѣ, пошелъ прогуливаться по городу; заходилъ въ разные магазинны, и между прочимъ на Армянскомъ базарѣ зашелъ въ заведеніе какого-то Француза, дамскаго парихмахера. Хозяина не было дома, а вмѣсто его находился рослый красавецъ въ шинели Грузинскаго гренадерскаго полка; отъ него князь узналъ, что онъ тутъ отданъ въ ученіе искусству причесывать дамъ; что онъ поступилъ прошлое лѣто вмѣсто своего однополчанина, утопившагося съ отчаянія отъ худой

жизни; что хозяинъ кормить скверно (казенный паёкъ оставялся въ полку), всё бранится, дерется и принуждаетъ къ самымъ подлымъ работамъ. Кромѣ всего этаго князь Воронцовъ узналъ о многихъ негласныхъ порядкахъ, введенныхъ въ этомъ полку.

Возвратясь домой, князь Михаилъ Семеновичъ приказалъ Тифлисскому полицеймейстеру на утро собрать предъ домомъ главнокомандующаго всѣхъ нижнихъ чиновъ, частнымъ образомъ проживавшихъ въ Тифлисѣ. Это было исполнено, и привели болѣе семи сотъ нижнихъ чиновъ, здоровыхъ, бодрыхъ. Они тутъ же сданы въ пересыльную команду для отправленія по частямъ, въ которыхъ они числились.

Такое обстоятельство однако осталось безъ послѣдствій, потому что въ Штабѣ нашлось распоряженіе предѣстника князя Воронцова, генераль-адъютанта Нейгардта, дабы Кавказскіе полки и отдѣльныя части выслали въ Тифлисъ нижнихъ чиновъ въ большомъ числѣ, въ ученіе къ мастерамъ и ремесленникамъ (преимущественно къ Нѣмцамъ, вызваннымъ въ Тифлисъ генераломъ Нейгардтомъ).

Справедливо говоритъ г. Фелькнеръ, что полковникъ Копьевъ взялъ на себя поставку провіанта на командуемый имъ полкъ, и это возмущало князя Воронцова, считавшаго недостойнымъ, неприличнымъ и крайне неблаговѣднымъ, чтобы полковой командиръ, флигель-адъютантъ, обратился въ провіантскаго подрядчика, и вѣроятно всякій, должно цѣнившій эти высокія военныя положенія, для убѣжденія въ точности показаній г. Фелькнера, пожелаетъ полнотѣсныхъ, несомнѣнныхъ доказательствъ того, что генералъ Нейгардтъ смотрѣлъ на это съ иной точки зрѣнія, и самъ будто бы упросилъ Копьева снискать на степень провіантскаго поставщика. Но если это и было такъ, то нельзя не изумиться, какъ полковникъ Копьевъ допустилъ уговорить себя.

Дѣйствительно, князь Воронцовъ посылалъ полковника Грекулова въ городъ Гори освидѣтельствовать пищу нижнихъ чиновъ въ штабъ-квартирѣ Грузинскаго гренадерскаго полка, и полковникъ Грекуловъ привезъ образцы отвратительнаго хлѣба, при голословномъ заявленіи, что онъ ихъ взялъ въ пекарнѣ этого полка; и точно, не было представлено никакихъ юридическихъ удостовѣреній въ томъ, что эти образцы взяты въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку.

Этимъ промахомъ Грекулова воспользовались тѣ, которые всѣми средствами агитировали въ пользу Копьева, и во главѣ ихъ былъ начальникъ Закавказскаго гражданскаго управленія генераль-лейтенантъ Ладинской, находившійся въ короткихъ связяхъ съ семействомъ Могилянскихъ (изъ котораго происходила супруга полковника Копьева) и особенно враждебный къ князю Воронцову за своего наперсника и могучаго покровителя Позена, подарившаго ему Ладинскому имѣніе въ Симферопольской губерніи.

Авторъ разбираемой статьи очень ошибается, полагая, будто Копьевъ былъ преданъ суду вслѣдствіе осмотра Грекулова. Хотя по дѣйствовавшимъ тогда законамъ главнокомандующему предоставлялось предавать всякаго суду безъ предварительнаго слѣдствія; но кн. Воронцовъ предалъ суду Копьева уже по произведеніи формальнаго слѣдствія. Слѣдствіе это, о коемъ г. Фелькнеръ ни словомъ не упоминаетъ, произведено было лицами, состоявшими по особымъ порученіямъ при главнокомандующемъ на Кавказѣ, именно полковникомъ Вагнеромъ и мною. Въ данномъ намъ предписаніи о производствѣ слѣдствія значилось: 1-ое) то самое дѣло, о которомъ поминается въ разбираемой статьѣ, что солдату-пьяницѣ дали 60—70 розогъ, и онъ повѣсился; 2-ое) объ умершемъ въ слѣдствіе тѣлеснаго наказанія Грузинскаго гренадерскаго полка слесарѣ Гурескомъ.

По первому дѣлу оказалось изъ многочисленныхъ присяжныхъ показаній, что рядовой былъ наказанъ розгами столь жестоко, что подъ конецъ онъ потерялъ чувства и пересталъ кричать; фельдшеръ и его ученикъ, вскрывшіе тѣло, подъ присягою показали, что они вынимали щепки отъ розогъ изъ тѣла покойнаго; въ медицинскомъ свидѣтельствѣ не поминалось о знакахъ наказанія, а значилось, что птицы выклевали глаза и вѣки умершаго; признаковъ же повѣшанія никакихъ не было вписано, такъ что полковникъ Вагнеръ мнѣ намекинулъ: не повѣсили ли этого солдата уже мертваго? Между тѣмъ, за отсутствіемъ бригаднаго командира, посланнаго инспектировать другія войска, полковникъ Копьевъ, въ качествѣ командующаго бригадою, донесъ, что этотъ рядовой найденъ повѣсившимся; но напряженное слѣдствіе не открыло причинъ, побудившихъ его къ самоубійству.

Естественно, что новое самоубійство солдата въ этомъ полку, уже весьма озаботило главнокомандующаго.

Второе дѣло о слесарѣ Гурскомъ, о которомъ также не поминается въ разбираемой статьѣ, оказалось гораздо сложнее.

Въ нѣкоторой степени разъясняетъ увлеченіе полковника Копьева то обстоятельство, что въ городѣ Гори, кромѣ штабъ-квартиры командуемаго имъ полка, находилась квартира бригаднаго командира генералъ-маіора Самборскаго, вѣшавшагося во всѣхъ полковыхъ мѣлочи; и это естественно стѣсняло и было очень непріятно полковому командиру.

Понятно, что по замѣтѣ Самборскаго достойнѣйшимъ Байзетскимъ героемъ барономъ Карломъ Карловичемъ Фонъ-Врангелемъ, Копьевъ желалъ устранить мелочное вѣшателство бригаднаго командира въ управленіе командуемаго имъ полка.

Баронъ Врангель прибылъ въ Гори въ какой-то праздникъ. Разбирая вещи,

жена его замѣтила, что затеряла ключъ отъ какой-то нужной, изящной шкатулки. Въ городѣ не было вольныхъ слесарей, и послали ординарца въ полкъ за слесаремъ; привели Гурскаго, Поляка, военноплѣннаго, еще въ Варшавѣ слышшаго искуснымъ слесаремъ.

Гурскій, посмотрѣвъ шкатулку, замѣтилъ, что жалъ ломать замокъ и взялся сдѣлать ключъ. Проработавъ ночь, утромъ онъ принесъ ключъ, коимъ отперлась шкатулка, за что баронесса Врангель ему заплатила пять рублей, и Гурскій, возвращаясь въ мастерскую, порядочно хватилъ хмѣльнаго.

Тоже утро, полковникъ Копьевъ, обходя полковыя мастерскія, замѣтилъ, что Гурскій пьянъ и напустился на унтеръ-офицера, завѣдывавшаго мастерскими. Между прочимъ онъ спросилъ Гурскаго, гдѣ онъ беретъ деньги напиваться? Получивъ отвѣтъ, что бригадная командирша ему пожаловала пять рублей, Копьевъ гнѣвно спросилъ, какъ Гурскій къ ней попалъ, а узнавъ какъ это случилось, Копьевъ, за посылку чловѣка безъ его позволенія, закричалъ: „палокъ!“ Но присяжнымъ показаніямъ, унтеръ-офицеръ былъ жестоко наказанъ. Послѣ того пришла очередь Гурскаго; когда отъ изнеможенія онъ упалъ, полковой командиръ велѣлъ двумъ чловѣкамъ взвалить Гурскаго на свои плечи (что по солдатски называлось взять на козелъ), и палочная экзекуція продолжалась, пока эти два чловѣка съ Гурскимъ упали. Тогда Копьевъ приказалъ его растянуть и съѣть розгами; Гурскіаго долго сѣкли даже послѣ того, что онъ потерялъ чувства: прямо изъ подъ розогъ его понесли въ лазаретъ, гдѣ у него пошла кровь горломъ, и онъ вскорѣ умеръ.

Все здѣсь описанное легко повѣрить бумагамъ въ архивѣ Суднаго Отдѣленія Штаба Кавказской арміи.

По этому-то слѣдствію Копьевъ былъ преданъ военному суду, которому и передано въ дополненіе доведеніе полко-

вника Грекулова о найденномъ имъ хлѣбѣ въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку.

Могъ ли послѣ этого князь Воронцовъ имѣть хорошее мнѣніе о полковникѣ Копьевѣ?

Относительно разговора въ кабинетѣ князя Воронцова съ членомъ этой военно-судной комисіи, послѣ котораго ему послѣднему дежурный адъютантъ князя сказалъ: *Vous avez eu votre Dardo!* (слова, въ понятіяхъ автора многозначительныя, тогда какъ они скорѣе кажутся очень безцеремонною насмѣшкою), то объ этомъ разговорѣ замѣчу, что, не касаясь щекотливости передавать слова, которыми нельзя выставить доказательствъ, этотъ разговоръ, во всякомъ случаѣ, неоспоримо доказываетъ добродушіе князя Михаила Семеновича Воронцова, постоянно, во время предупреждавшаго молодыхъ людей, по своей неопытности легко увлекающихся.

Еслибы свойства князя Воронцова не были именно таковы, то ему, какъ главнокомандующему, ровно ничего не стоило бы удалить всякаго члена военно-судной комисіи надъ полковникомъ Копьевымъ, и удаленнаго члена, будто навлекшаго на себя его преслѣдованіе, услатъ по служебной обязанности въ одно изъ такихъ мѣстечекъ Кавказа, гдѣ, проклиная свою жизнь, онъ не долго бы упоевался оппозиціонными химерами.

Относительно самаго военно-суднаго дѣла надъ полковникомъ Копьевымъ г. Фелькнеръ, повидимому, запомнилъ, что военно-судныя дѣла представлялись главнокомандующему, который по своему усмотрѣнію возвращалъ ихъ для пополненія или же посылалъ въ Аудиторіатскій Департаментъ. Слѣдовательно, коль скоро военно-судное дѣло о полковникѣ Копьевѣ было отправлено изъ Тифлиса на конфирмацію въ Петербургъ, то очевидно, что князь Воронцовъ былъ согласенъ съ заключеніемъ этой комисіи.

Совершенно изгладилась изъ моей памяти восполнѣвавшая конфирмація по дѣлу полковника Копьева; но излагая эту конфирмацію, авторъ пропустилъ обстоятельства, въ нашемъ военномъ кодексѣ считающіяся тяжкою карою: именно 1) лишеніе званія флигель-адъютанта; 2) отрѣшеніе отъ командованія гренадерскимъ полкомъ, 3) бытность подъ судомъ и 4) долговременный арестъ.

Владиміръ Толстой.

18-го Іюня 1873 года
Москва.

П. *)

Всѣ что рассказываетъ А. И. Фелькнеръ про дѣло флигель-адъютанта полковника Копьева происходило именно въ то время, когда я служилъ въ Тифлисѣ въ канцеляріи намѣстника Кавказскаго: поэтому мнѣ хорошо знакомы нѣкоторыя подробности этого дѣла. Постараюсь изложить по крайней мѣрѣ то, что мнѣ было извѣстно и что тогда же отмѣчено въ моей памятной книжкѣ.

Г-нъ Фелькнеръ; между прочимъ, говорить: „На Кавказѣ и Грузіи всѣ были преисполнены надеждою при встрѣчѣ графа М. С. Воронцова. Но на первыхъ порахъ, кромѣ чрезмѣрнаго напыла чиновнаго люда, военнаго и статскаго, послѣдовавшаго за графомъ изъ Одессы и вновь нанербованнаго въ Петербургъ, ничего особеннаго не произошло“.

Мнѣ кажется, самое великое достоинство въ главномъ начальникѣ есть умѣніе дѣлать выборъ ближайшихъ своихъ помощниковъ и такихъ дѣятелей, на которыхъ онъ могъ бы положиться. Графъ М. С. Воронцовъ дѣйствительно окружилъ себя именно такими лично ему из-

*) Статья эта была написана не для печати; случайно узнавъ о ней, мы убѣдили автора, Дмитрія Андреевича Чаплина, какъ самовидца и близкаго свидѣтеля тому что происходило въ Тифлисѣ въ 1845 году, сообщить ее читателямъ Русскаго Архива. П. Б.

вѣстными и надежными людьми. Съ нимъ пріѣхали: С. В. Сафоновъ, М. П. Щербининъ, баронъ А. П. Николаи, князь А. М. Дондуковъ-Корсаковъ, князь А. П. Гагаринъ, Н. В. Гулькевичъ, Н. В. Ханьковъ и много другихъ. Всѣ они безусловно были преданы князю и показали себя достойными его довѣрія. Не только во время его управленія Кавказскимъ и Закавказскимъ краемъ эти люди стремились помогать князю Воронцову; но и въ послѣдствіи большая часть изъ нихъ стояла во главѣ значительныхъ управленій.

Затѣмъ А. И. Фелькнеръ говоритъ: „У подъязда князя привѣшенъ былъ знаменитый желтый ящикъ, куда каждый могъ безнаказанно опускать безыменные доносы, ябедныя письма, пасквили (въ которыхъ иногда не щадили и самого князя)“.

Спрашивается, возможно ли осуждать государственнаго дѣятеля за такое облегченіе доступа къ нему, за эту заботливость о томъ, чтобы скорѣе и безпрепятственнѣе доходила до него правда? Графъ М. С. Воронцовъ, тотчасъ по пріѣздѣ въ Тифлисъ, назначилъ у себя два дня въ недѣлю собственно для приема просителей и всѣхъ лицъ нуждавшихся въ немъ, пріѣзжавшихъ въ Тифлисъ, изъ разныхъ мѣстъ обширнаго края, ввѣреннаго его попеченію царскою волею. Въ эти два дня являлась къ нему масса различнаго народа. Каждого по одиночкѣ онъ выслушивалъ съ большимъ терпѣніемъ, входилъ во всѣ мелочныя нужды просителя и нерѣдко тутъ же дѣлалъ свои распоряженія по просьбамъ. Не смотря на чрезмѣрное утомленіе, онъ всё таки оставался въ приемной залѣ до тѣхъ поръ, пока не выслушаетъ послѣдняго просителя. Остальные за тѣмъ дни, при обширныхъ и многостороннихъ занятіяхъ, распределены были между отдѣльными начальниками управленія для выслушанія ихъ докладовъ. Князь Михаилъ Семеновичъ, желая облегчить бѣдныхъ людей, не принуждать ихъ являться съ своими

просьбами только въ пріемные дни, а дать имъ возможность во всякое время подавать на его имя прошенія, — приказалъ выставить у подъязда своего дома ящикъ, въ который каждый имѣлъ право днемъ и ночью опускать письмо или прошеніе. Прошенія изъ ящика вынимались ежедневно доверѣннымъ лицомъ, именно директоромъ его канцеляріи и лично имъ подавались князю. Въ послѣдствіи, по прошествіи нѣсколькихъ лѣтъ, директоръ канцеляріи нѣсколько разъ поручалъ мнѣ ключъ отъ этого ящика и каждое утро вмѣстѣ съ корреспонденціею и официальными конвертами, на которыхъ была надпись: „въ собственные руки“ и которые получались ежедневно съ экстрас-почтою изъ Петербурга, я подавалъ лично князю въ его кабинетъ и всѣ прошенія и письма, вынутыя изъ ящика. Съ 1845 г. и по день моего выѣзда изъ Тифлиса въ 1852 году, желтый ящикъ этотъ не переставалъ приносить пользу Тифлисскому населенію и цѣлому краю, потому что *содержаніе его прочитывалось и было принимаемо къ соображенію*. Обвинять князя Михаила Семеновича въ желаніи распространенія ябедъ и доносовъ никто не думалъ и не могъ. Напротивъ, каждый благонамѣренный человекъ одобрялъ эту мѣру къ облегченію бѣдныхъ жителей. А ежели оказывались, какъ говоритъ А. И. Фелькнеръ, безыменные письма и доносы, то мнѣ кажется и это было не безъ пользы: по крайней мѣрѣ узнавалось о появленіи злоупотребленій въ разныхъ частяхъ обширнаго управленія; а мудрость главнаго правителя и его неослабная бдительность умѣли тотчасъ отличить клевету отъ прямого указанія на дѣйствительное зло.

Неужели же за введеніе въ столичныхъ городахъ городской почты, для которой устроены особенные ящики и въ которые, можетъ быть, опускаются безымянные письма, слѣдуетъ укорять правительство?! Когда въ средѣ общества есть неблагонамѣренные и безнравственные люди, тогда ни одно

полезное учреждение не обойдется безъ того, чтобы тѣже люди не исказили его.

Не знаю, отъ кого и какъ узналъ А. И. Фелькнеръ, что въ этотъ желтый ящикъ опускались пасквили, въ которыхъ иногда не щадили и самого князя. Чтобы такъ утвердительно говорить объ этомъ, нужно: или самому положить въ ящикъ пасквили, или быть очень близкимъ къ князю Воронцову и знать отъ него объ этомъ. Но я положительно могу сказать, что А. И. Фелькнеръ никогда не имѣлъ чести пользоваться особенною довѣренностью намѣстника Кавказскаго.

Усиливаясь придать какое-то чудовищное значение желтому ящику, авторъ продолжаетъ: „Переполохъ и сумбуръ вышли страшные, доходившіе иногда до полиѣйшаго комизма; такъ мнѣ привелось быть свидѣтелемъ одной весьма забавной сцены. Собрались мы однажды вечеромъ у всѣми уважаемаго, любимаго доктора И. А. Попейка играть въ вистъ, до котораго онъ былъ страстный охотникъ; вдругъ за однимъ столомъ возникла между играющими ссора за какой-то неправильный ходъ, и одинъ изъ ссорившихся пресерьезно сказалъ другому: я на васъ завтра же напишу безъимянный доносъ и опущу его въ желтый ящикъ,“ и проч.

Я лично зналъ И. А. Попейка. Разсказомъ своимъ о забавной будто бы сценѣ А. И. Фелькнеръ наводитъ сомнѣніе, чтобы И. А. Попейка былъ всѣми уважаемъ, — по крайней мѣрѣ никакъ уже не тѣми господами, которые посѣщали его вечера и играли съ нимъ въ карты: люди благоспитанные, знающіе правила общежитія, будучи приглашены въ гости къ лицу всѣми уважаемому, мнѣ кажется, никогда не дойдутъ до такого неприличія, чтобы за любезность хозяина оскорблять его, кричать, ссориться изъ за картъ и даже во всеуслышаніе стращать другъ друга безъимянными доносами. Только люди той среды, которые вращались у А. И. Попейка, могли враждебно относиться къ

благимъ намѣреніямъ князя Михаила Семеновича и осуждать его дѣйствія.

За тѣмъ А: И. Фелькнеръ, желая набросить тѣнь на несправедливыя дѣйствія князя М. С. Воронцова въ отношеніи полковника Копьева, продолжаетъ: „Но негласные слухи объ этомъ событіи (т. е. о преданіи суду Копьева) ходили совершенно другіе по Тифлису: говорили напримѣръ, что вся суть заключается въ старинной враждѣ князя Воронцова съ отцемъ Копьева, извѣстнымъ проказникомъ и любимцемъ императора Павла Петровича“.

Сколько ни доводилось мнѣ говорить съ людьми лично знавшими отца Копьева, съ людьми, пользующимися общимъ довѣріемъ, я другаго ничего не слышалъ какъ то, что отецъ Копьева отличался веселымъ характеромъ и своими проказами; но никогда не былъ онъ любимцемъ императора Павла Петровича.

А. И. Фелькнеръ очень хорошо зналъ, что графъ М. С. Воронцовъ пріѣхалъ въ Тифлисъ съ такими правами и уполномочіями, какія до того не были дарованы ни одному, начальствовавшему на Кавказѣ лицу *).

Кто зналъ хорошо князя Михаила Семеновича Воронцова и его высокія душевныя качества, тотъ никогда не дастъ вѣры тому, чтобы онъ способенъ былъ, по своей старинной будто бы враждѣ къ отцу Копьева, такъ жестоко мстить ничѣмъ неповинному предъ нимъ сыну. Допустить даже и то, что князь былъ предубѣжденъ противъ Копьева, то и тутъ вовсе ненужно было князю М. С. Воронцову, главнокомандующему отдѣльнымъ Кавказскимъ корпусомъ, прибѣгать къ какимъ либо уловкамъ для того, чтобы отстранить отъ себя полков-

*) Можно прибавить: да и нигдѣ въ Россіи. До того времени развѣ одинъ Потемкинъ при Екатеринѣ имѣлъ такія полномочія. Самодержавная власть въ Россіи всегда отличалась спасительною для отечества ревнивостью; что сія послѣдняя не имѣла тутъ ивѣста, служить уже отличнымъ мѣриломъ достоинства князя М. С. Воронцова. П. Б.

ника Копьева: для этого достаточно было, чтобы князь не только высказалъ, но далъ малѣйшій намекъ; чтобы Копьева не было въ рядахъ Кавказской арміи, и его никогда не было бы тамъ.

Но не такъ поступалъ князь.

А. И. Фелькнеръ какъ бы умышленно умалчиваетъ о томъ, что всѣмъ было извѣстно, а именно, что графъ М. С. Воронцовъ, по прїѣздѣ въ Тифлисъ, приблизилъ къ себѣ флигель-адъютанта полковника Копьева, оказывалъ ему всевозможное вниманіе и ласкалъ его такъ, какъ мало кого, — чему я былъ не разъ свидѣтелемъ. Штабъ Грузинскаго гренадерскаго полка (перваго по значенію въ томъ краѣ), которымъ командовалъ Копьевъ, квартировалъ въ г. Гори, а между тѣмъ Копьевъ почти безъвыѣздно находился въ Тифлисъ, вращаясь непрестанно около князя и княгини Воронцовыхъ, и не проходило ни одной прогулки, ни одного обѣда, ни одного домашняго вечера у князя, чтобы Копьевъ не участвовалъ въ нихъ. Всѣ военные съ завистью смотрѣли на блестящее положеніе Копьева.

Вотъ тутъ-то и рождается вопросъ: какая же причина, что Копьевъ такъ жестоко пострадалъ? Увлечшись блестящимъ своимъ положеніемъ и черезчуръ понадѣясь на милости князя Воронцова, онъ забылъ прямыя свои обязанности и допустилъ безпорядки въ полку. Вотъ причина его паденія, а никакъ не личная вражда къ нему князя Воронцова, который не такой былъ человекъ, чтобы, изъ за личной близости, кому-бы то ни было простить прямое упущеніе подолгу государственной службы. Онъ конечно не пощадилъ бы въ такомъ случаѣ и роднаго сына. Я не отвергаю, что Копьевъ былъ благонамѣренный человекъ и самъ, можетъ быть, не желалъ злоупотреблять своею властію; но онъ далъ возможность своимъ подчиненнымъ дѣлать злоупотребленія и вмѣсто того, чтобы преслѣдовать, обнаруживать истину, не только потворствовалъ, но старался прикрывать зло,

нисколько не думая о тѣхъ послѣдствіяхъ, которые всею тяжестію могутъ обрушиться на него.

Относительно провіанта, поставляшагося полковникомъ Копьевымъ, А. И. Фелькнеръ говоритъ между прочимъ слѣдующее: „Въ точности исполняя принятое на себя обязательство, полковникъ Копьевъ не щадилъ ничего, чтобы пріобрѣтать провіантъ самаго лучшаго качества, и въ дѣлѣ имѣлись даже точныя доказательства того, что онъ не рѣдко покупалъ хлѣбъ дороже той цѣны, которая утверждена была правительствомъ, безъ всякаго за то отъ послѣдняго вознагражденія“ и проч.

Не берусь судить, на сколько неприлично въ званіи флигель-адъютанта принимать на себя обязанность подрядчика или провіантскаго чиновника; но могу сказать то, что было извѣстно всему Тифлису, именно, что полковникъ Копьевъ не имѣлъ достаточнаго состоянія; а чтобы пріобрѣсти провіантъ для солдатъ цѣлаго (въ огромномъ тогдашнемъ составѣ) полка и дороже цѣны утвержденныхъ правительствомъ, нужно имѣть въ наличности большія суммы. Можетъ быть, полковникъ Копьевъ и пріобрѣталъ провіантъ дороже цѣны утвержденныхъ правительствомъ; но онъ не могъ расходовать на это своихъ денегъ по неимѣнію ихъ, а долженъ былъ извлекать доходы изъ другихъ источниковъ полка и покрывать тѣмъ расходъ на провіантъ. Подобную операцію или оборотъ нельзя ставить въ заслугу полковнику Копьеву, а напротивъ это есть своего рода злоупотребленіе.

Когда дошло до свѣдѣнія князя М. С. Воронцова, что въ Грузинскомъ гренадерскомъ полку кормятъ солдатъ нигде негоднымъ хлѣбомъ и что въ томъ же полку были случаи жестокаго наказанія нижнихъ чиновъ, отъ котораго одинъ солдатъ умеръ, а другой повѣсилъ, намѣстникъ долго колебался давать вѣру такому прискорбному слуху и долго не рѣшался посылать дѣлать дознаніе. Даже въ тотъ самый день,

когда посланъ былъ для этого полковникъ Грекуловъ въ Гори, князь М. С. Воронцовъ, не желая давать почувствовать полковнику Копьеву о томъ, что ему известно и опасаясь преждевременно оскорбить и встревожить его, нарочно пригласилъ Копьева къ себѣ обѣдать и все время былъ до крайности съ нимъ любезенъ. Это отнюдь не было хитростью. Но когда дознаніемъ, а потомъ формальнымъ слѣдствіемъ цѣлой комиссіи обнаружены были въ полку тѣ злоупотребленія, о которыхъ имѣлись свѣдѣнія, то князь М. С. Воронцовъ счелъ нравственнымъ долгомъ своимъ не щадить полковника Копьева. Прибавимъ къ тому, что князь М. С. Воронцовъ никогда и никому не могъ простить жестокое обращеніе съ солдатами. Это было его всегдашнее, неуклонное правило. Провинись Копьевъ только въ безпорядкѣ хозяйственномъ, намѣстникъ можетъ быть заплатилъ бы за него свои деньги и сохранилъ бы талантливаго подчиненнаго; но личность солдата онъ почиталъ священной. Отъ этого такъ и любили его на Кавказѣ.

По этому же дѣлу пострадалъ и полковой лекаръ Грузинскаго полка З. И. Пилецкій; но въ послѣдствіи тотъ же З. И. Пилецкій, какъ честный и благонамѣренный человѣкъ (съ которымъ я былъ въ лучшихъ отношеніяхъ) пользовался особеннымъ расположеніемъ князя М. С. Воронцова.

Вотъ печальная правда по дѣлу Копьева.

Англичане не даромъ говорятъ, что жизнь есть долгъ. Служба, и служба государственная, есть долгъ еще вѣщній. Въ постоянномъ сознаніи этого долга и неуклонномъ слѣдованіи ему заключается тайна нравственнаго вліянія князя Воронцова надъ людьми. Оттого-то Отечество наше обязано ему вѣчною благодарною памятью, и личная вражда не въ силахъ помрачить свѣтлаго историческаго его образа.

Дмитрій Чаплинъ.

Гомбургъ, 18 (30) Іюля 1873.

ДВА ПАМЯТНИКА ДРЕВНЕРУССКАГО МОНАСТЫРСКАГО БЫТА

(XVII вѢКА).

Первый изъ предлагаемыхъ памятниковъ — грамота (точнѣе письмо) Нектарія, архіепископа Сибирскаго и Тобольскаго къ какому-то вельможѣ при дворѣ царя Михаила Феодоровича, Ивану Михайловичу. По показанію „Исторіи Россійской Герархіи“, Нектарій, бывший прежде игуменомъ Ниловой пустыни (въ 7-ми верстахъ отъ города Осташкова Тверской губ.), возведенъ въ санъ Сибирскаго архіепископа 4 Февр. 1636 г. и, послѣ 4-хъ лѣтъняго управленія этою епархією, уволенъ на покой въ ту же пустынь (7 Генв. 1640 г.), гдѣ и скончался въ 1665 г. Изъ настоящаго письма, которое очевидно было писано Нектаріемъ еще въ бытность его въ Сибири и слѣдовательно до 1640 г., мы узнаемъ, что онъ былъ переведенъ въ Нилову пустынь по собственной его просьбѣ, бывшей слѣдствіемъ горячаго его желанія возобновить свои иноческіе подвиги и умереть въ любимой имъ обители. Но это письмо гораздо болѣе представляетъ интересъ по тѣмъ воспоминаніямъ, которыя передаетъ въ немъ Нектарій о своей прежней жизни въ названной пустыни и по тѣмъ чертамъ крайне-суроваго аскетизма, другой примѣръ котораго едва ли можно указать въ цѣлой исторіи православнаго монашества не только въ Россіи, но и на Востоцѣ. Изъ жизни Русскихъ святыхъ мы знаемъ много примѣровъ, что наши подвижники, ради спасенія души, подвергали разнымъ истязаніямъ сами себя, по собственному произволу. Здѣсь же истязателемъ молодого инока является настоятель пустыни, который, для той же цѣли, изъ собственныхъ „честныхъ рукъ“, бьетъ испытуемаго чѣмъ ни попало по нѣскольку разъ въ день, въ теченіи двухъ лѣтъ; выбиваетъ у него икры изъ ногъ, пальцы изъ суставовъ,

переламываетъ ребра, кости и т. д. И замѣчательно, перенесшій эти истязанія воспоминаетъ о нихъ съ благодарностію, даже съ поэтическимъ одушевленіемъ. Замѣчательна также деликатность, съ какою Нектарій настойчиво проситъ своего корреспондента: о содержаніи письма никому не сказывать.

По актамъ извѣстно, что Нектарій, сдѣлавшись потомъ самъ настоятелемъ Ниловой пустыни, учредилъ въ ней строгій общественный уставъ, который обязывалъ иноковъ монастыря не имѣть никакой собственности, не держать въ келіяхъ и не пить хмѣльнаго питья и проч. Но въ послѣдствіи многіе старцы, ве перенесши такой строгости и „похоти пить хмѣльное питье... изъ монастыря сбѣжали“. (Акты Археогр. Экспед. IV, № 165). Это было въ 1665 году. Вѣроятно тогда уже настали другія времена!

Второй изъ предлагаемыхъ памятниковъ, — Колязинская Челобитная, представляетъ монастырскій бытъ XVII в. съ другой, противоположной стороны. Колязинскій монастырь, находящійся въ городѣ Колязинѣ (Тверской же губ.) основанъ въ половинѣ XV в. Въ 1609—1610 г. этотъ монастырь былъ сборнымъ пунктомъ Русскихъ войскъ подъ начальствомъ знаменитаго кн. Михаила Скопина-Шуйскаго и мѣстомъ его воинскихъ подвиговъ. Въ 1654 году здѣсь спасалось семейство царя Алексѣя отъ свирѣпствовавшей въ то время въ Москвѣ моровой язвы, и отсюда же, отъ имени царевича Алексѣя Алексѣевича, были разсылаемы грамоты о предохранительныхъ противъ язвы мѣрахъ. Въ послѣдствіи Колязинскій монастырь получилъ невыгодную репутацію по разпущенности жизни своихъ обитателей, такъ что въ этомъ отношеніи далъ даже матеріалъ для народныхъ пѣсней. Съ этой послѣдней стороны изображаетъ бытъ монастыря и предлагаемая Челобитная.

Къ тому, что мы знаемъ объ упадкѣ нравовъ въ нашихъ монастыряхъ XVI и XVII в. изъ тогдашнихъ актовъ, Колязинская Челобитная, безъ сомнѣнія, прибавляетъ немного. Но она во 1-хъ любопытна по нѣкоторымъ въ этомъ отношеніи подробностямъ; во 2-хъ, что гораздо важнѣе, замѣчательна своею литературною формою. Это ни больше, ни меньше, какъ сатира на тѣ отступленія обитателей монастыря отъ монашеской нормы, которыя авторъ, можетъ быть и самъ инокъ того же монастыря, видѣлъ въ современной ему дѣйствительности, и нельзя сказать, чтобъ сатира неудачная. Многія мѣста Челобитной дышатъ живымъ, неподдѣльнымъ юморомъ, и въ этомъ отношеніи ея нельзя не причислить къ числу тѣхъ немногихъ памятниковъ, какіе въ томъ же родѣ были извѣстны въ нашей древней письменности до настоящаго времени.

Мнимая Челобитная адресована на имя Симеона, архіепископа Тверскаго и Кашинскаго, а предметомъ, который служить содержаніемъ этой жалобы, былъ архимандритъ Колязинскаго монастыря Гавриилъ. Извѣстно, что Симеонъ (II) былъ въ санѣ Тверскаго архіепископа съ 1676 по 1682 г.; около того же времени управлялъ Колязинскимъ монастыремъ и архимандритъ Гавриилъ (II). И такъ, если эти имена въ Челобитной не подставныя, то она писана въ 70-хъ годахъ XVII столѣтія. Челобитная приносится отъ имени крылошанъ, очевидно потому, что крылошане (пѣвчіи) изстари пользовались въ нашихъ монастыряхъ разнаго рода льготами, а потому дозволяли себѣ и отступленія отъ монастырскаго устава больше, чѣмъ другіе иноки, какъ это продолжается и до настоящаго времени.

Оба памятника издаются по рукописямъ Московскаго Публичнаго Музея, — первый по рукописи, писанной въ 20-хъ годахъ XVIII столѣтія, № 620; второй по рукописи конца XVII в., изъ собранія Ундольскаго, № 1073. Къ сожалѣ-

нію, текстъ обоихъ памятниковъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ искаженъ ошибками и описками; но для большей точности, помимо измѣненій въ правописаніи, онъ печатается въ подлинномъ видѣ.

Л. П.

I.

СПИСОКЪ СЪ ГРАМОТЫ АРХІЕПИСКОПА НЕКТАРІА СИБИРСКАГО И ТОБОЛЬСКАГО.

Великому господину моему Ивану Михайловичу архіепископъ Нектарій Сибирскій и Тобольскій Бога молю и челомъ бью. Какъ тебя Богъ милуетъ? А моему окаянству терпитъ Богъ: Мая по 24-е день еще въ живыхъ. Да пишу тебѣ, Иванъ Михайловичъ, въ сей грамотѣ, не повѣдай никому, что въ ней писано моею грѣшною рукою. Того ради пишу, чтобъ тебѣ вѣдомо было про мои скорби, како мнѣ забыти труды, и раны, и гладъ, и жажду, наготу и босоту, и обѣщаніе мое при смертѣхъ (sic) моихъ. Многажды собою обѣщался до смерти жить, и связаніе отца моего духовнаго священноинока Германа съ началу, какъ постригъ мене и паки второе отходя сего свѣта, проклятое слово при смерти мнѣ запретилъ: до смерти моей жить мнѣ въ Ниловъ пустыни и нигдѣ не отходить, а гдѣ отшедъ умру, и мнѣ во ономъ вѣцѣ лица Божія не видать. Того ради плачуся безвременно. Да и до смерти мнѣ надобно помнить, какова милость Божія надо мною грѣшнымъ была въ пустыни и что мы кушали, вмѣсто хлѣба, сіе брашно: траву папорть и кислицу, ухлевникъ, и дягиль, и дубовые желуди, и дятлевину, и съ древесъ сосновыхъ кору отымали и сушили и съ рыбою смѣшавъ, вмѣстѣ истолкши. То намъ

и брашно было, а гладомъ неуморилъ насъ Богъ. И како терпѣлъ отъ начальника моего съ первыхъ дней два года: по дважды на всякой день въ два времени битъ былъ, а не во единое время на день бои были. Но и въ свѣтлое Воскресеніе Христова дважды битъ былъ. И того сочтено у меня въ два года, но два времени на всякой день, боевъ тысяча четыреста и тридесать. А колько ранъ и ударовъ на всякой день было отъ рукъ его честныхъ, и тѣхъ не считаю, Богъ вѣсть, и не помню: отъ ранъ великихъ едва дыханіе бысть во мнѣ. Пастырь мой плоть мою сокрушалъ, а душу мою спасалъ. Что ему въ рукахъ прилучилось, тѣмъ и жаловалъ мене, своего сиротку и малаго птенца. Училъ клюкою и остномъ, прободалъ и мелномъ, коимъ въ жерновы мелютъ муку, и пестомъ, что въ ступѣ толкутъ, и кочергою, что въ печи угліе гребутъ, и поварнями, что ѣству варятъ, и рогатками, что растворъ на хлѣбы, или на просторы и на пироги въ сосудѣхъ бьютъ, чтобъ хлѣбы или просторы и пироги бѣлы были. Того ради и тѣло мое начальникъ билъ, чтобъ душа моя темная свѣтла была и бѣла, а не черна. И въ ушатахъ, что двоя воду носятъ, моторъ, и тѣмъ древомъ изъ ногу моею игра выбита, чтобы ноги мои на послушаніе Христа ради готовы были. И не токмо древомъ всякимъ, но и желѣзомъ, и каменіемъ, и за власы рваніемъ, но и кирпичемъ, и что прилучилось въ рукахъ его, чѣмъ раны дать, и что тогда очи его узрять, тѣмъ душу мою спасалъ, а тѣло мое смиралъ. И въ то время персты моихъ рукъ изъ суставовъ выбиты, и ребра мои и кости переломаны, и нынѣ немощенъ и скорбенъ, чаю себѣ вскорѣ смерти.

Смилуйся, Иванъ Михайловичъ, не забуди Бога ради мою душу убогую, отлученную отъ небснаго царства. Прошу у тебя со слезами, побей челомъ великому государю благовѣрному царю и великому князю Михаилу Феодоровичу всея Россіи, чтобъ мене государь пожаловалъ въ келію на мое обѣщаніе, на мое душевное спасеніе, гдѣ у мене гладъ и жажда терплена, гдѣ у меня кровь пролита Христа ради. Не отлучайте мене до смерти отъ прекрасной пустыни, отъ тихаго пристанища, отъ безмолвнаго житія. О Иванъ Михайловичъ, попецйся Господа ради, не забуди, не презри мене сиротки къ дальней странѣ, а тебя Господь не забудеть. Надобно тебѣ помнить: ты мою душу погубилъ, ты мене лишилъ мзды отъ небснаго царя за мои труды пустынные. Помни Бога ради, побей челомъ государю царю! А челобитная послана съ Софійскимъ приказнымъ съ Максимомъ Трубочениновымъ: велѣлъ подать и бить челомъ, чтобъ государь пожаловалъ изъ Сибири мене въ пустыню на мое обѣщаніе, доколѣ душа моя грѣшная не вышла изъ тѣла. Аще ли выдетъ, и ты Бога ради попецйся о костѣхъ моихъ, чтобы кости мои положены были въ Ниловъ пустыни подлѣ отца моего духовнаго, да развяжетъ душу мою во оноу вѣцѣ и проститъ мене, и азъ бы возрадовался во оноу вѣцѣ. Нынѣ тебѣ время, нынѣ ты не загордися, попомни себѣ, кто отпалъ отъ небснаго царства за гордость свою, како фарисей и мытарь сотворили и кто прощенъ отъ Бога. И ты, Бога ради, въ конецъ мене грѣшнаго не повѣдай моею сей грамотки никому, но прочеть изъ двери, а людемъ не называй. А писалъ тебѣ того ради, чтобы тебѣ вѣдомы были мои скор-

би, чтобъ тебѣ съ вѣрою побить челомъ о мнѣ вскорѣ, доколѣ мы живы на семъ свѣтѣ. Смилуйся Господа ради, взыщи погибшаго, не дай во вѣки погибнуть, буди мнѣ ходатай государю! Не устыдися, ни разлѣнися о погубшей душѣ моей! Ты погубилъ, ты умертвилъ, ты взыщи, ты и оживи душу мою окаянную въ конецъ погибшую; а милость Божія и пречистыя Богородицы и всѣхъ святыхъ молитвы и нашего смиренія благословеніе да есть и будетъ съ твоимъ благочестіемъ нынѣ и во вѣки вѣковъ. Аминь. А у подлинныя грамоты печать архіерейская красная съ благословенною рукою.

II.

Списокъ съ челобитной Колязина монастыря.

Великому господину, преосвященному Симеону, архіепископу Тверскому и Кашинскому, бьютъ челомъ богомольцы твои: Колязина монастыря крылошаня, діаконъ Дамаскъ-чернецъ съ товарищи. Жалоба, государь; намъ, богомольцемъ твоимъ тогожъ Колязина монастыря на архимандрита на Гавриила: живеть онъ не гораздо, забывъ страхъ Божій и монашеское обѣщаніе, досаждаеть намъ богомольцемъ твоимъ вельми. Научилъ онъ архимандритъ понамарей плутовъ не вовремя въ колокола звонить, въ доски колотить, и они понамари плуты изъ колоколовъ много мѣди вызвонили, желѣзные языки перебили, три доски исколотили, ни въ день, въ ни ночь намъ богомольцемъ твоимъ покою не даютъ. Да онъ же архимандритъ приказалъ старцу со...ру въ полночь подлѣ келей съ дубиною ходить, въ келейныя двери колотить, нашу братью

будить; велить намъ скоро въ церковь ходить и насъ богомольцовъ твоихъ томить; а мы богомольцы твои кругъ ведра безъ портокъ, въ однихъ свиткахъ, въ кельяхъ сидимъ, не поспѣть намъ ночью въ девять ковшей келейнаго правила исправить и взваръ съ пивомъ въ ведра испорознить, чтобы сверху до дна сдутъ пѣнку,—и мы все то покидаемъ, да вонъ изъ келей выбѣгаемъ. Да онъ же архимандритъ казны не бережетъ, ладану и свѣчь много жжетъ, и тѣмъ онъ архимандритъ церковь запылилъ, кадилы закоптилъ, а намъ богомольцемъ твоимъ вышло очи, засадило горлы. Да по его жъ архимандритову приказу у монастырскихъ воротъ поставленъ съ шелепомъ кривой фалалей, насъ богомольцовъ твоихъ за ворота не пускаетъ, въ слободы ходить не велитъ,—скотья двора посмотришь, чтобы телятъ въ станъ загнать, куръ въ подполь посадить, коровницамъ благословенья подать.

Да онъ же архимандритъ пріѣхалъ въ Колязинъ монастырь, почалъ монастырской чинъ разорять, старыхъ пьяныхъ всѣхъ разогналъ. Дошло до того, чуть и монастырь не запуслъ: некому стало впредъ заводу заводить, чтобы пива наварить, да медомъ подсытитъ, а наденги вина прикупить,—помянуть умершихъ старыхъ пьяныхъ. А про то его архимандритово разореніе явно стало на Москвѣ начальнымъ людямъ. Пьянымъ скоро по всѣмъ монастырямъ и по кружаломъ смотръ учинили, а послѣ смотру остальныхъ старыхъ бражниковъ сыскали: пѣвчаго Лукьяна, да стараго лутчаго подъячаго Селуяна, да съ Покровки безграмотнаго попа Колотила, и для образца наскоро въ Колязинъ послали, чтобы они дѣломъ не плошали, кафтаны бы лутчіе съ плечъ

сложили и монастырскаго чина не теряли, а своего бѣ ремесла не теривали и иныхъ бы пить научали. И въ Колязинѣ наша братья крылошани съ любовію ихъ приняли, такихъ мастеровъ, старыхъ питуховъ, стали бы купно за одно смышлять, какъ бы монастырской казнѣ прибыль учинить, а себѣ въ мошнѣ не копить. А еслибы намъ богомольцамъ твоимъ власти не мѣшали, и мы бы не пожалѣли, и колокола бы отвязали, да въ Кашинѣ сослали и на вино бѣ промѣняли: и такъ они намъ много зла учинили, всѣхъ насъ переглушили.

А въ Колязинѣ онъ архимандритъ просторно живетъ, нашей братьѣ въ праздники и въ будни на шею большія чепи кладетъ, да объ насъ же батоги приломалъ и шелепы прирвалъ, и тѣмъ въ казнѣ поруху учинилъ, а себѣ добытку мало получилъ.

Да въ прошломъ, государь, году весна была красна, пенька росла толста. И мы богомольцы твои, радѣвъ мѣсту святому, межъ себя присовѣтовали, чтобы изъ той пеньки веревки долги да толсты повить, чѣмъбы изъ погреба бочки съ пивомъ волочить, да по крылосскимъ кельямъ возить, чтобы у келей двери завалить, будильниковъ бы въ кельи не пустить,—не мѣшали бы намъ пива испить. И онъ архимандритъ догадался, а отъ насъ челобитья убоился: приказалъ онъ архимандритъ тоѣ пеньку въ веревки свивать да въ четверо сгибать, да на короткія палки вязать, да вздумалъ ихъ шелепами называть, а слугамъ приказалъ высоко подымать, а на насъ богомольцовъ твоихъ тяжело опускать, а самъ стоя училъ канонъ орать. И намъ богомольцемъ твоимъ лежа и успѣвать не поспѣтъ, потому что за

плечами тѣло нужно, а подъ шелепами лежать душно. И мы, богомольцы твои, отъ его архимандритовой налоги и поневодѣ въ церковь ходимъ, и по книгамъ чтемъ да поемъ, и за то намъ долго ѣсть не даетъ, а заутрени и обѣдни всегда не ѣдчи (sic) поемъ.

Да онъ же архимандритъ въ великій постъ завелъ въ новъ чинъ земные поклоны; а въ нашемъ крылоскомъ уставѣ того не написано, а по нашему уставу съ утра бы рано до дни часа за три въ чеснаковникъ звонить, а за блюдомъ надъ старыми остатками часы говорить; а „блаженны“ въ ведрахъ надъ вчерашнимъ пивомъ поемъ на шесть ковшей, „слава и нынѣ“ говоримъ, а къ свѣту на печь и спать ляжемъ. Да онъ же архимандритъ намъ богомольцемъ твоимъ изгонию чинить: когда намъ ясти прикажетъ, и намъ на столъ ставятъ рѣпу пареную да рѣдку вяленую, кисель съ брагомъ (sic), кашу посконную, шти Мартовскія, а вобратины квасъ наливаютъ. А намъ богомольцемъ твоимъ и такъ не сытно: рѣпа да хрѣнъ, да черный чашникъ Ефремъ; а по нашему смыслу лутче бы было для посныхъ дней вязига бы да икра, бѣлая рыбаца, тѣльное, да двѣ паровыя тешки во штяхъ, да ушка стерляжья, трой пироги, да двой блины, одни съ масломъ, а другіе съ молокомъ, каша пшонная, кисель съ сытою, а во братины бѣ наливали пиво Мартовское подѣльное. И у него архимандрита на то смыслу не стало, а насъ знающихъ людей не спроситъ, самъ во нравѣ своемъ одинъ живеть, да съ горя сухой хлѣбъ жуеть, медъ весь перекись, и онъ воду пьетъ. И мы богомольцы твои тому дивимся, что у нашего архимандрита вдругъ ума не стало: мыши съ хлѣба опухли, а мы съ голоду жремъ.

И мы, богомольцы твои, его архимандрита добра доводили и часто ему говорили: буде ты архимандритъ хочешь въ Колязинѣ побольше побыть, а съ нами крылошаны въ совѣтѣ пожить, а себѣ большую честь и славу получить, и ты бѣ почаще пиво варилъ, да нашу братью до пьяна поилъ, а въ церковь бы порѣже ходилъ, и насъ бы не томилъ. И онъ архимандритъ родиною Поморецъ, а нравомъ Ростовецъ, а умомъ Капинецъ, насъ богомольцевъ твоихъ ни въ чемъ не слушаетъ, мало съ нами пьетъ, да долго насъ бьетъ, а съ похмѣлья насъ оправливаетъ метельными комлями да реманными плетями. Честь намъ у него была добра, во всю спину ровна, что и кожа съ плечъ сползла. А когда мы богомольцы за правилами съ вечера утрудимся, до полуночи у пивнаго ведра засидимся, а поутру встать не сможемъ, а гдѣ клубукъ съ мантиєю, того мы и не помнимъ; и тогда мы немного умедливаемъ, къ девятой пѣсни поспѣваемъ, а иные къ началу расходному. Какъ онъ архимандритъ монашескому житію не навыченъ, крылосское правило и всенощное справи.... сидѣніе и ни во что вмѣняеть.

А въ Колязинѣ обитель не малая, казна большая, послѣ мору старыхъ лѣтъ въ запасѣ осталось, въ хлѣбнѣ по подлавичью стулья да чепа валяются, въ мукосѣйнѣ по спицамъ шелены да плети висятъ, въ карульнѣ по подлавичью снопы бато говъ лежатъ, и у насъ богомольцевъ твоихъ отъ того страху очи не видятъ, а у малодушныхъ за плечами кожа вертитса, отъ того и ночью не спитса. И о семъ дивимся, что онъ архимандритъ въ Колязинѣ живеть, а по нашему пить не научитса, а нашу братью смирать гораздъ. Не лутче ли ему

прочь отъ насъ? А на его мѣсто охочихъ будетъ много изъ нашей брати великаго смысла; а на пустѣ жить не станемъ, а въ анбарахъ простору прибавимъ: рожь да ячмень въ голодъ изростимъ, да пива наваримъ, овсяныя бражки поставимъ, а на деньги вина прикупимъ, начнемъ крестьянами наяржать, прикажемъ колокола отвязать, велимъ въ Капшинъ сослать и на вино промѣнять: и такъ намъ много они зла учинили, всѣхъ насъ оглушили и нищими въ вѣкъ насъ нарядили.

А какъ мы того лихаго архимандрита избудемъ, а добраго добудемъ, который бы съ нами гораздъ лежа вино да пиво пить, а въ церковь не ходить, а насъ бы не томить, и мы начнемъ прибыль чинить, вино въ чарки наливать, да старое пиво допивать, а молодое затирать, а иное станемъ на дрожди наливать, а въ доски и въ колотовки не станемъ бить, а на погребъ готовы и безъ звону ходить, ладану да свѣчь не станемъ жечь, пиво да вино съ лучиною станемъ пить, а ризы да книги въ сушило вынесемъ, церковь замкнемъ, а печать и въ лубокъ загнемъ, понамарей вышлемъ въ слободу жить, прикажемъ имъ почаще въ монастырь ходить, изъ недѣли въ недѣлю въ годъ по одиножды.

Милостивый государь, преосвященный Семеонъ, архіепископъ Тверскій и Капшинскій, пожалуй насъ богомольцевъ своихъ, вели государь его архимандрита счесть, колокола да чеви вѣсомъ, а уголья мѣрою, доски и колотовки числомъ, а въ утерной убыточной казнь отчетъ бы намъ даль: крылосскіе люди живутъ не богато, нажитку не имѣютъ, только у насъ плошки да лошки. А будетъ ему архимандриту и перемѣны не будетъ, и мы богомольцы твои ударимъ объ уголь плошки да лошки, а въ руки возьмемъ по сошкѣ, да ступимъ по дорожкѣ въ иной монастырь, а гдѣ пиво да вино найдемъ, тутъ и проживемъ; а когда тутъ допьемъ, въ иной монастырь пойдемъ. А съ похмѣлья да съ тоски, да съ третьей бродни, да съ великія кручины назадъ въ Колязинъ пойдемъ и въ житницахъ и въ анбарахъ все пересмотримъ. Господишь, смилуйся! А подлинную челобитную писали и складывали Лука Мазаевъ, да Антонъ Дроздовъ, Кирилла Мельникъ, да Романъ Бердникъ, да Ѳома Веретенникъ.

Зри очима, слушай ушима, внимай сердцемъ, ниши рукою, сиди крѣпко; у Бога милости проси, да и молися, не плоши.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ.

ЗАМѢТКИ БИОГРАФИЧЕСКІЯ, ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЯ, ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЖИТЕЙСКІЯ. *)

Великій Князь Константинъ Павловичъ, до переселенія своего въ Варшаву, жила въ обыкновенно по лѣтамъ въ Стрѣльнѣ своей. Тамъ квартировали и нѣкоторые гвардейскіе полки. Однимъ изъ нихъ, кажется, конногвардейскимъ, начальствовалъ Раевскій (не изъ фамиліи извѣстной по 1812 году). Онъ былъ краснбай и балагуръ; былъ въ нѣкоторомъ отношеніи лингвистъ, по крайней мѣрѣ обогатилъ гвардейскій языкъ многими новыми словами и выраженіями, которыя долго были въ ходу и въ общемъ употребленіи, напр. пропустить за галстукъ, немного подшефе (*chauffé*), фрамбуазъ (*framboise* — малиновый) и пр.: все это по словотолкованію его значило, что человекъ лишнее выпилъ, подгулялъ. Ему же, кажется, принадлежитъ выраженіе: въ тонкомъ, т. е. въ плохихъ обстоятельствахъ. Слово хрипъ также его производства; оно означало какое-то хватовство, соединенное съ высокомѣріемъ и выражаемое насильственною хрипlostью голоса. Великій Князь забавлялъ шутками его. Часто, во время пребыванія въ Стрѣльнѣ, заходилъ онъ къ нему въ прогулкахъ своихъ. Однажды засталъ онъ его въ халатѣ. Разумѣется, Раевскій бросился бѣжать, чтобы одѣться. Великій Князь остановилъ его, усадилъ и

разговаривалъ съ нимъ съ полчаса. Въ продолженіи лѣта нѣсколько разъ заставлялъ онъ его въ халатѣ, и мало по малу попытки облечь себя въ мундирную форму и извиненія, что онъ застигнутъ въ расплохъ, выражались все слабѣе и слабѣе. Наконецъ сталъ онъ въ халатѣ принимать Великаго Князя, уже за просто, безъ всякихъ оговорокъ и околичностей. Однажды, когда онъ сидѣлъ съ Великимъ Княземъ въ своемъ утреннемъ нарядѣ, Константинъ Павловичъ сказалъ: „Давно не видалъ я лошадей. Отправимся въ конюшни!“ — „Сей часъ“, отвѣчалъ Раевскій, „позвольте мнѣ одѣться!“ — „Какой вздоръ! Лошади не выщутъ, можешь и такъ явиться къ нимъ. Поѣдемъ! Коляска моя у подъѣзда.“ Раевскій просилъ еще позволенія одѣться, но Великій Князь такъ твердо стоялъ на своемъ, что дѣлать было нечего. Только что усьлились они въ коляскѣ, какъ Великій Князь закричалъ кучеру: „Въ Петербургъ!“ Коляска помчалась. Добѣхавъ до Невскаго Проспекта, Константинъ Павловичъ приказалъ кучеру остановиться, а Раевскому сказалъ: „теперь милости просимъ, изволь выходить!“ Можно представить себѣ картину: Раевскій въ халатѣ, пробирающійся пѣшкомъ сквозь толпу многолюднаго Невскаго Проспекта.

Какую мораль вывести изъ этого разсказа? А вотъ какую: не должно никогда забываться предъ высшими и слѣдуетъ строго держаться этого правила вовсе не изъ поработченія и низкопоклонства, а напротивъ изъ уваженія къ себѣ и изъ личнаго достоинства. Маіоръ стараго времени дивился въ началѣ нынѣшняго столѣтія развязности молодыхъ офицеровъ въ отношеніи къ начальству. „Въ наше время (говорилъ онъ) было не такъ.

*) См. выше, стр. 1017.

Однажды представлялся я фельдмаршалу графу Румянцеву-Задунайскому. Что скажешь новенькаго? спросилъ онъ меня; а я поклонился и молчу. Графъ, чѣмъ-то повидимому озабоченный, изволилъ задумчиво ходить по комнатѣ. Проходя мимо меня, онъ нѣсколько разъ повторялъ тотъ же вопросъ, а я все по прежнему: поклонюсь да и молчу. Наконецъ онъ сказалъ: если будешь все молчать, то можешь и убраться прочь. Я поклонился и вышелъ“.

Примѣръ этого маіора и примѣръ Раевского вдаются въ крайности; но если непременно выбирать одинъ изъ двухъ, то лучше слѣдовать первому, чѣмъ второму: въ поклонахъ и молчаніи маіора болѣе благоразумія, даже личнаго достоинства, нежели въ халатной безцеремонности Раевского.

•

Великій Князь Константинъ Павловичъ очень любилъ театръ. Охотно и часто присутствовалъ онъ въ Варшавѣ на спектакляхъ Польскихъ и Французскихъ. Какъ на одной, такъ и на другой сценѣ были превосходные актеры. Великій Князь особенно благоволилъ къ нимъ и вообще милостиво съ ними обращался. Французскій комикъ Мерè (Mairet) былъ увлекателенъ: нельзя было быть умнѣе и глупѣе его въ роляхъ простачковъ. Онъ часто смѣшилъ своею важностью и серьезностью. Шутка его никогда не доходила до шутовства и скоморошества. Онъ схватывалъ натуру живемъ и передавалъ ее зрителямъ въ истинномъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и высокохудожественномъ выраженіи. Вотъ настоящее искусство актера: быть истиннымъ до обмана, или обманчивымъ до истины. Великій Князь очень цѣнилъ дарованіе Мерè и любилъ его

личность. Однажды бѣдный Мерè, по недогадкѣ, очутился между рядами солдатъ на Саксонской площади, во время парада, въ присутствіи Великаго Князя. На парадномъ плацу и во время развода Его Высочеству было недошутки. Всеобъемлющимъ взглядомъ своимъ усмотрѣлъ онъ Мерè и, какъ нарушителя военного благочинія, приказалъ свести его на гауптвахту. Разумѣется, задержаніе продолжалось не долго: послѣ развода Великій Князь велѣлъ выпустить его. На другой день Мерè разыгрывалъ въ какомъ-то водевилѣ роль солдата національной гвардіи, которому капитанъ грозитъ арестомъ за упущеніе по службѣ. „Нѣтъ, это уже черезъ чуръ скучно (говоритъ Мерè, разумѣется отъ себя): вчера на гауптвахтѣ, сегодня на гауптвахтѣ; это ни на что не похоже!“ Константинъ Павловичъ смѣялся этой шуткѣ, но встрѣтился съ актеромъ сказалъ ему: „ты, кажется, спрашиваешься на третій арестъ“.

•

Жулкѣвскій былъ отличный актеръ. Особенно удавались ему роли старопольскія. Онъ съ особеннымъ, национальнымъ выраженіемъ носилъ кунтушъ и шапку, на примѣръ въ комедіи Schkoda wacow (Жаль усовъ). Игра его въ этихъ роляхъ доходила почти до политическаго заявленія. На Польской сценѣ не только въ разговорахъ, но и въ одеждѣ, въ ухваткахъ, въ танцахъ, на примѣръ Польскомъ, мазуркѣ, прорываются иногда сами собою преданія, отголоски Рѣчи Посполиты; между представленіями на сценѣ и зрителями пробѣгаютъ таинственные, неуловимые токи національнаго электричества. Все это одушевляетъ сцену и даетъ сценическому представленію самобытный, народный ха-

раκτήрь. Жулькѣвскій, актеръ сочувственный Варшавской публикѣ, былъ вмѣстѣ съ тѣмъ сочувственнымъ ей издателемъ маленькой газетки, шутовой и сатирической. Тутъ, разумѣется, труднѣе было ему пропускать свою народную струю; но изрѣдка освѣждалъ онъ ею свою жаждущую газетку. Однажды напечаталъ онъ, что „Польша погибнетъ безъ Познанья“ т. е. безъ Прусской Познани (игра словъ). Великій Князь призвалъ его къ себѣ и цензурно помылъ ему голову, хотя цензуры тогда въ Царствѣ Польскомъ, по буквальному значенію конституціи, не было. Отпуская его, внушилъ онъ ему впередъ не заирать сосѣдей. Когда послѣ спросили Жулькѣвскаго, за чѣмъ призывалъ его Великій Князь, тотъ отвѣчалъ: „Мы имѣли переговоры о Познани; Великій Князь предлагалъ мнѣ въ замѣнъ Кіевъ (опять игра словъ: т. е. kiów, палокъ), но сдѣлка не состоялась, и все кончилось миролюбиво“ (Polska zginie bez Poznania. Wielki Xiążę ofiarował mi Kiów za Poznanie. Nie mogliśmy się porozumieć i na tem dobrowolnie zrzec się skoncya).

Однажды донесли Великому Князю, что какой-то Французскій актеръ произнесъ гдѣ-то въ кафѣ (кофейномъ домѣ) или огрудкѣ (публичномъ саду) предосудительныя политическія слова. Его Высочество посылаетъ за нимъ, дѣлаетъ ему порядочную и на будущее время предостерегетельную нотацию и съ тѣмъ и отпускаетъ его. Тотъ, вышедши, возвращается чрезъ нѣсколько секундъ и высовываетъ голову въ дверь. „Чего тебѣ еще надобно?“ спрашиваетъ Великій Князь. „А не можете ли Ваше Высочество сказать мнѣ имя негодяя, который до-

несъ на меня?“ — „А за чѣмъ тебѣ знать?“ — „Чтобы могъ я дать ему хорошую потасовку“ (pour que je puisse lui donner une bonne gâclée).

Умъ Великаго Князя склоненъ былъ къ шутовству. Онъ самъ бойко и остро говорилъ на Русскомъ языкѣ и на Французскомъ. Онъ понималъ шутку и охотно принималъ ее, даже и тогда, когда была обращена она къ нему самому. Въ прежнее время дежурные адъютанты всегда бывали приглашаемы къ обѣду его. Послѣ эти приглашенія прекратились. Въ числѣ Польскихъ адъютантовъ его былъ Мицѣльскій, образованный и умный молодой человекъ, неистощимый на меткія и забавныя слова. Великій Князь очень цѣнилъ умъ его и любезность. „Нѣтъ ли у тебя, Мицѣльскій, чегонибудь новенькаго? Расскажи!“ — „Есть, Ваше Высочество; но долго рассказывать: уже за обѣдомъ сообщу“. Великій Князь расхохотался и позвалъ его обѣдать.

Когда графъ Бенкендорфъ явился въ первый разъ къ Великому Князю въ жандармскомъ мундирѣ, онъ встрѣтилъ его вопросомъ: Savary ou Fouché? — Savary, honnête homme, отвѣчалъ Бенкендорфъ. Ah, ça ne varie pas! сказалъ Константинъ Павловичъ. (Непереводимая игра словъ. Савари и Фуше были оба министрами полиціи при Наполеонѣ I. Савари пользовался общимъ уваженіемъ, Фуше напротивъ).

Польскій генералъ Гельгудъ носилъ стеклянный глазъ. Передъ какимъ-то праздникомъ, Василька Апраксинъ говорить, что ему пожалуютъ глазъ съ

вензелемъ. При этомъ же случаѣ говорилъ онъ, что Курутъ будетъ пожаловано прекрасное изданіе въ великолѣпномъ переплетѣ Жизней знаменитыхъ мужей Плутарха.

*

Женское сердце — темная книга: какъ ни читай, ни перечитывай ее въ разныхъ и многочисленныхъ изданіяхъ, а до всего не дочитаешься. Все, кажется, идетъ и читается просто; вдругъ встрѣтятся такія неожиданности, такія неправдоподобія, что разомъ срѣжетъ: становишься въ тупикъ, и перевертываются верхъ дномъ всѣ прежнія испытанія и нажитыя свѣдѣнія. Была въ Петербургѣ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ, красивая, богатая, высоко рожденная невѣста, яркая звѣзда на свѣтскомъ небосклонѣ. Влюбился въ нее молодой человѣкъ, принадлежавшій также высшему обществу. Онъ сталъ ухаживать за нею и, казалось, не совсѣмъ безуспѣшно: молодая дѣвица отличала его между другими. На балахъ долгіе танцы, какъ безконечный котильонъ, о которомъ графъ Фикельмонъ сказалъ:

Cette image mobile
De l'immobile éternité *)

почти всегда ихъ соединяли. Частые котильоны двухъ молодыхъ людей были въ своемъ родѣ предварительныя помолвки. Однажды весною, теплою ночью, окна въ одной большой залѣ были открыты на улицу. Счастливая чета сидѣла у одного изъ этихъ оконъ. Можетъ быть, этотъ балъ былъ рѣшительный, и близокъ уже былъ обмѣнъ признаній и сердечныхъ завѣреній. Вдругъ проѣзжаетъ по улицѣ ночная колесница, которой при-

ближеніе еще скорѣе угадывается обоняніемъ, нежели слухомъ. На лицѣ дѣвушки скоростижно выразились смущеніе и непріятное чувство. Съ этой минуты разговоръ съ ея стороны постепенно падалъ и впалъ въ совершенное молчаніе. Въ изумленіи своемъ молодой человѣкъ не могъ истолковать себѣ причину подобной перемены. Спрашивать объясненія у нея онъ не смѣлъ. Въ слѣдующіе дни онъ грустно убѣдился, что эта перемена совершилась безвозвратно. Она все болѣе и болѣе чуждалась его, и наконецъ всѣ отношенія между ними какъ на отрѣзъ прекратились. Пріятельница ея, которая слѣдила за первыми главами романа, спросила ее съ удивленіемъ, чему должно приписать такой неожиданный и крутой перерывъ. — Брежливости и впечатлительности обонянія моего, отвѣчала она смѣясь. Тутъ рассказала она ночной проѣздъ злосчастной колесницы. „Что же мнѣ дѣлать, прибавила она, если съ той самой минуты образъ его и воспоминаніе о немъ неразлучно связались съ запахомъ, который такъ непріятно поразилъ меня въ тотъ вечеръ?“ Года два спустя, вышла она за мужъ, разумѣется, за другаго; но вскорѣ послѣ того скончалась во цвѣтѣ лѣтъ и въ полномъ блескѣ высокой свѣтской обстановки. Онъ умеръ гораздо позднѣе холостякомъ, не зная до самой кончины своей, что именно разстроило счастье, которое ему такъ привѣтливо улыбалось. Будетъ ли ему загробная загадка? Не уповательно. Если и вѣрять, что нѣкоторымъ земнымъ тайнамъ будетъ разъясненіе за рубежомъ земнымъ, какъ-то трудно предполагать, что двумъ дѣйствующимъ лицамъ недоконченнаго романа придется войти въ объясненіе по такому

*) Стихи Ж. Б. Руссо о времени: это подвижное изображеніе недвижной вѣчности.

неблаговидному и неблагодушному вопросу.

*

А вотъ и причуда мужскаго сердца. Молодой Полякъ, принадлежавшій образованной общественной средѣ, проѣзжалъ чрезъ Валдай. Въ то блаженное время не было еще ни желѣзной дороги, ни даже шоссе, не было ни дилижансовъ, ни почтовыхъ каретъ. Коляску проѣзжаго обступила толпа женщинъ и дѣвицъ и назойливо навязывала свои баранки. Полякъ влюбился въ одну изъ продавицъ. Не думавъ долго, рѣшился онъ остановиться въ Валдаѣ. Медовой мѣсяцъ любви его продолжался около двухъ лѣтъ. Родные, не получая писемъ его, начали беспокоиться и думали, что онъ безъ вѣсти пропалъ. Узнавъ, въ чемъ дѣло, писали они ему съ увѣщаніями возвратиться домой. Писма не дѣйствовали. Наконецъ пріѣхали за нимъ родственники и силою вырвали его изъ объятий этой Валдайской Калипсо. Вотъ любовь такъ любовь: романъ на большой дорогѣ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ приключеній. При встрѣчахъ моихъ съ нимъ въ Варшавѣ, я всегда смотрѣлъ на него съ особеннымъ уваженіемъ и сочувствіемъ.

*

Есть лгуны, которыхъ совѣстно называть лгунами: они своего рода поэты, и часто въ нихъ болѣе воображенія, нежели въ присяжныхъ поэтахъ. Возьмите напр. князя Ц. Во время проливнаго дождя является онъ къ пріятелю. „Ты въ каретѣ?“ спрашиваютъ его. „Нѣтъ, я пришелъ пѣшкомъ.—„Да какъ же ты вовсе не промокъ?“—„О (отвѣчаетъ онъ) я умѣю очень ловко пробираться между каплями дождя“.

Императрица Екатерина отправляетъ его курьеромъ въ Молдавію къ кн. Потемкину съ собольей шубою. Нечего уже и говорить о быстротѣ, съ которою проѣхалъ онъ это пространство: подобныя курьерскіе рассказы падаютъ въ обыкновенную и пошлую прозу. Онъ пріѣхалъ, подалъ Потемкину письмо Императрицы. Прочитавъ его, князь спрашиваетъ: „А гдѣ же шуба?“ — „Здѣсь, ваша свѣтлость!“ И тутъ вынимаетъ онъ изъ своей курьерской сумки шубу, которая такъ легка была, что уложилась въ видѣ носоваго платка. Онъ встряхнулъ ее раза два и подалъ князю.

Въ трескучій морозъ идетъ онъ по улицѣ. На встрѣчу ему нищій, весь въ лохмотьяхъ, проситъ у него милостины. Онъ въ карманъ, анъ денегъ нѣтъ. Онъ снимаетъ съ себя бекешъ на мѣху и отдаетъ ее нищему, самъ же идетъ далѣе. На перекресткѣ чувствуетъ онъ, что кто-то ударилъ его по плечу. Онъ оглядывается: Господь Саваоѣ предъ нимъ и говоритъ ему: „Послушай, князь, ты много согрѣшилъ; но этотъ поступокъ твой одинъ искупитъ многіе грѣхи твои: повѣрь мнѣ, я никогда не забуду его!“

Польскій графъ Красинскій былъ также вдохновеннымъ и замысловатымъ поэтомъ въ разсказахъ своихъ. Рѣчь его была жива и увлекательна. Видимо, онъ самъ наслаждался своими импровизаціями. Бываютъ лгуны какъ-то добросовѣстные, боязливые; они запинаются, краснѣютъ, когда лгутъ. Эти никуда не годятся. Какъ говорится, что надобно имѣть смѣлость мнѣнія своего (*le courage de son opinion*), такъ нужно имѣть и смѣлость своей лжи; въ такомъ только случаѣ она удастся и оболыщастъ. Двѣ пріятельницы (разсказывалъ Красинскій) встрѣтились послѣ долгой

разлуки гдѣ-то неожиданно на улицѣ. Та и другая ѣхали въ каретахъ. Одна изъ нихъ, не замѣтивъ, что стекло поднято, опрометью кинулась къ нему, пробила стекло головою, но такъ, что оно насквозь перерѣзало ей горло, и голова скатилась на мостовую передъ самою каретою ея искренней пріятельницы.

Одного умершаго положили въ гробъ, который заколотили и вынесли въ склепъ въ ожиданіи отправленія куда-то на семейное кладбище. Черезъ нѣсколько времени гробъ открывается. Чтоже тому причину?—„Волоса—отвѣчаетъ гр. Красинскій—и борода такъ разрослись у мертвеца, что вышибли крышку гроба“.

Графъ былъ блестящей храбрости, но вдохновеніе было еще храбрѣе самаго дѣйствія. Послѣ удачнаго и смѣлаго нападенія на непріятеля, совершеннаго коннымъ полкомъ, подъ его командою, прискакиваетъ къ нему на мѣсть сраженія Наполеонъ и говоритъ: *Vincent, je te dois la couronne*, и тутъ же снимаетъ съ себя звѣзду Почетнаго Легіона и на него надѣваетъ.—„Какъ же вы никогда не носите этой звѣзды?“, спросилъ его одинъ простодушный слушатель. Опомнившись Красинскій сказалъ: „Я возвратилъ ее Императору, потому что не признавалъ дѣйствія моего достойнымъ подобной награды“.

Однажды занесся онъ въ рассказъ своемъ такъ далеко и такъ высоко, что, не умѣя какъ выпутаться, сослался для дальнѣйшихъ подробностей на Выжигинскаго, адъютанта своего, тутъ же находившагося.—„Ничего сказать не могу (замѣтилъ тотъ): вы, графъ, вѣроятно забыли, что я былъ убитъ при самомъ началѣ сраженія“.

Въ старину Луинъ (Петръ Михайловичъ) былъ извѣстенъ въ Москвѣ и Петербургѣ своимъ красноречіемъ, тоже никому не обиднымъ, а только каждому забавнымъ. Но этотъ къ слову прилагалъ иногда и дѣло. Послѣ многолѣтняго пребыванія за границею возвращается онъ въ Москву. Генераль-губернаторъ, давнишній пріятель его, князь Д. В. Голицынъ приглашаетъ его на большой и нѣсколько офиціальныи обѣдъ. Передъ обѣдомъ кто-то замѣчаетъ хозяину дома, что у Луина какая-то странная орденская пряжка на платьѣ. Князь Голицынъ, очень близорукой, подходитъ къ нему и, приставя лорнетку къ глазу, видитъ, что на этой пряжкѣ звѣзды всѣхъ Россійскихъ орденовъ, не исключая и Георгіевской. „Чѣмъ это ты себя, любезнѣйшій, украсилъ?“, спросилъ его князь съ своимъ извѣстнымъ отрывистымъ смѣхомъ.—„Ахъ, это дуракъ Николашка, камердинеръ мой, все это мнѣ пришили“.—„Хорошо (сказалъ князь), но все же лучше снять“.

Разумѣется, такъ и было сдѣлано.

*

Левъ Пушкинъ (братъ Александра) рассказывалъ, что однажды зашла у него рѣчь съ Катенинымъ о Крыловѣ. Катенинъ сильно нападалъ на баснописца и почти отрицалъ дарованіе его. Пушкинъ, разумѣется, опровергалъ нападки. Катенинъ, извѣстный самолюбіемъ своимъ и заносчивостію рѣчи, все болѣе и болѣе горячился. „Да у тебя, вѣрно, какая нибудь личность противъ Крылова“.—„Нисколько! Сужу о немъ и критикую его съ одной литературной точки зрѣнія“.

Споръ продолжался. „Да онъ и не хорошій человекъ (сорвалось у Катенина съ языка): при избраніи моемъ въ Ака-

демію, этотъ подлець, одинъ изъ всѣхъ, положилъ мнѣ черный шаръ“.

Александръ Пушкинъ былъ во многихъ отношеніяхъ внимательный и почтительный сынъ. Онъ готовъ былъ даже на нѣкоторыя самопожертвованія для родителей своихъ; но не въ его натурѣ было быть хорошимъ семьяниномъ: домашній очагъ не привлекалъ и не удерживалъ его. Онъ, во время разлуки, рѣдко писалъ къ родителямъ; рѣдко и бывалъ у нихъ, когда жила съ ними въ одномъ городѣ. „Давно ли видѣлъ ты отца?“ спросилъ его однажды NN. — „Недавно“. — „Да какъ ты понимаешь это? Можетъ быть, ты недавно видѣлъ его во снѣ?“ Пушкинъ былъ очень доволенъ этою уверткою и смѣясь сказалъ, что для успокоенія совѣсти усвоить ее себѣ.

Отецъ его, Сергѣй Львовичъ, былъ также въ своемъ родѣ нѣжный отецъ, но нѣжность его черствѣла въ виду выдачи денегъ. Вообще былъ онъ очень скупъ и на себя, и на всѣхъ домашнихъ. Сынъ его Левъ, за обѣдомъ у него, разбилъ рюмку. Отецъ испугалъ и цѣлый обѣдъ проворчалъ. „Можно ли (сказалъ Левъ) такъ долго сѣтовать о рюмкѣ, которая стоитъ 20 копѣекъ?“ — „Извините, сударь (съ чувствомъ возразилъ отецъ), не двадцать, а тридцать пять копѣекъ!“

Я не даромъ презираю людей (говорилъ кто-то): это стоитъ мнѣ нѣсколько сотъ тысячъ рублей, которыя роздалъ я неблагодарнымъ.

(Продолженіе будетъ).

КЪ БЮГРАФИИ КОМИКА КНЯЖИНИНА.

Копія собственноручной записки Императрицы Екатерины II-й.

„Судьбу Княжнина Военная Коллегія рѣшить имѣеть, а впрочемъ имѣніе его отдать въ управление его матери“.

„Шиловскаго отъ поручительства освободить.“

„Денегъ же истраченныхъ болѣе не взыскивать.“

15 Марта 1777

С. Истербургъ.

Въ Военной Коллегіи получено 18 числа Марта.

Капитанъ Яковъ Борисовъ сынъ Княжнинъ, состоя съ 1764 года за секретари при дежурныхъ генералъ-адъютантахъ, растратилъ казенныхъ денегъ 5773 руб. 54 коп. За это онъ, 18 Января 1773 года, былъ присланъ въ Военную Коллегію, для произведенія надъ нимъ суда, и Коллегією написанъ въ солдаты. Но въ томъ же году, вѣроятно по просьбѣ матери Княжнина, послѣдовала приведенная выше собственноручная записка Императрицы. Блѣдствие сего имѣніе Княжнина, состоявшее Исковской губерціи, въ Пусторжевскомъ уездѣ, въ 296 душахъ мужеска пола, поступило въ управление его матери. 30 Марта 1777 года князь Потемкинъ объявилъ Военной Коллегіи, что „Ея Императорское Величество, всемилостивѣйше прощая бывшаго капитана Якова Княжнина въ содѣянномъ имъ преступленіи, высочайше указать соизволила: возвратитъ ему прежній капитанскій чинъ“. — Во исполненіе сего Княжнинъ и снабженъ былъ, по чину капитанскому, указомъ на отставку въ томъ же 1777 году за № 5382. Арх. Гл. Шт. оп. 95, св. 566, № 36).

Григорій Александровъ.

Въ Конторѣ «Русскаго Архива», въ Москвѣ на Берсеневской Набережной у Каменнаго Моста, въ церковномъ домѣ (подъѣздъ съ набережной), можно получать слѣдующія книги:

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА:

Книга 1-ая,	цѣна	2	р.	50	к.
» 2	»	2	р.	—	
» 3	»	2	»	—	
» 4	»	2	»	—	
» 5	»	2	»	—	

(Печатаются книги 6 и 7)

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ. Историческій сборникъ, издаваемый П. И. Бартевымъ.

Книга 1-ая	цѣна	2	р.	50	к.
» 2	»	3	»	—	
» 3	»	3	»	—	
» 4	»	3	»	—	

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ. Историческій сборникъ издаваемый П. И. Бартевымъ. Книги первая и вторая, цѣна каждой книгѣ три рубля.

ІЕЗУИТЫ И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССИИ. Письма Ю. Ѳ. Самарина къ отцу Мартынову. Изд. третье. М. 1870 г. цѣна 75 к.

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА о временахъ Екатерины, Павла и Александра 1-го. Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867 г. цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО: Въ дорогѣ и дома. М. 1862 г. цѣна 1 р. 50 к.

ЗАПИСКИ О ЖИЗНИ И СЛУЖБѢ АЛЕКСАНДРА ИЛЬИЧА БИБИКОВА. М. 1865 г. цѣна 1 р. 50 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ, М. А. ДМИТРИЕВА. М. 1869 г. ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

ПИСЬМА О КІЕВѢ И ВОСПОМИНАНІЕ О ТАВРИДѢ, Михаила Максимовича. Спб. 1871 г. ц. 50 к.

СЕМЕЙСТВО РАЗУМОВСКИХЪ. Историческій очеркъ А. А. Васильчикова. М. 1869 г. ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ. Нравописательный Латинскій романъ 2-го вѣка по Р. Х. Сочиненіе Апулея. Переводъ Е. И. Кострова. М. 1870 г. ц. 1 р.

Книги, при которыхъ не означена цѣна пересылки, пересылаются на счетъ Конторы Русскаго Архива. Выписывающіе на сумму не менѣе 25 рублей пользуются 10 процентами уступки съ показанныхъ цѣнъ.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1873

(ОДИНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ ВООБЩЕ.—КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛЮГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕВДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ ВЪ ЖЕ МѢСЯЧНО.

(ГODOBOE ИЗДАНИЕ СОСТАВЛЯЕТЪ ДВѢ КНИГИ)

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1873 года, въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкой на домъ, равно и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

СЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получить Русскій Архивъ 1873 года доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, въ Москву, у Каменнаго моста, на Берсеневской набережной Москвы-Рѣки, въ домъ Московскаго Археологическаго Общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеву, или въ Контору Русскаго Архива, на Берсеневской набережной, въ домъ церкви Св. Николая Чулотворца; подписка при-

мается также въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Для перемѣны адреса необходимо высылать адресъ прежній и 10 копѣчную марку.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются; но каждую книгу годового изданія, заключающую въ себѣ шесть соединенныхъ тетрадей, можно покупать отдѣльно по 4 рубли (съ пересылкою).

Заграничные подписчики къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи—**3** р. За полгода цѣны на пересылку за границу—половинныя.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕВЪ.**

ГОДЪ

ОДИНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

10.

1873.

ИЗДАВАЕМЫЙ

ПЕТРОМЪ БАРТЕНЕВЫМЪ

(БЫВШИМЪ БИБЛИОТЕКАРЕМЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ).

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Письма изъ Россіи въ Ирландію (1805—1807). Переводъ съ Англійскаго. Стр. 1825.
2. Письмо княгини *Е. Р. Дашковой* къ графу *П. П. Шереметеву*. Стр. 1908.
3. Сонъ, видѣнный въ 1765 году. Сатира на Сухонутный Кадетскій Корпусъ и на Академію Наукъ и Художествъ. Съ предисловіемъ *Л. П. Майкова*. Стр. 1910.
4. Мои воспоминанія о 1812 годѣ. Автобиографическая записка *Павла Алексѣевича Тучкова*. Стр. 1928.
5. Выдержки изъ старой записной книжки. (Записки графини Хотеевъ. — Разказы объ императорѣ Павлѣ. — Нежловъ. — Позняковъ и пр.). Стр. 1968.
6. Россія и Германія (1844). Письмо *Ө. П. Тютчева* къ издателю Всеобщей Аугсбургской Газеты. Французскій подлинникъ съ Русскимъ переводомъ. Стр. 1993.
7. Записка къ первоначальной исторіи Русскаго театра. *М. Н. Лонгинова*. Стр. 2042.
8. Изъ воспоминаній *С. П. Соловьева*, г-на режиссера Московскаго театра. (Васильевъ - Ленскій. — Театральныя женщины. — Пожаръ Большаго Театра). Стр. 2046.
9. Печаль Антихриста. (Письмо *Истры Великаго* къ князю *Я. Ө. Долгорукому*). Съ предисловіемъ *Г. Н. Александрова* и съ рисункомъ. Стр. 2068.
10. Историческія лица въ головѣ простолюдина. Письмо *А. П. Барсукова* къ издателю Русскаго Архива. Стр. 2073.

МОСКВА.

Въ Университетской типографіи (Катковъ и К^о),
на Страстномъ бульварѣ.

1873.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива въ 1874 году съ доставкою и пересылкою восемь рублей.

(Подробныя условія подписки см. на оборотѣ тетради).

Въ Конторѣ „Русскаго Архива“, въ Москвѣ, на Берсеневской Набережной у Каменнаго Моста, въ церковномъ домѣ (подъѣздъ съ набережной), можно получать слѣдующія книги:

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА:

Книга 1-ая,	цѣна	2 р.	50 к.
” 2 ”	”	2 ”	—
” 3 ”	”	2 ”	—
” 4 ”	”	2 ”	—
” 5 ”	”	2 ”	—

(Печатаются книги 6 и 7)

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ. Историческій сборникъ, издаваемый П. И. Бартевнымъ.

Книга 1-я	цѣна	2 р.	50 к.
” 2	”	3 ”	—
” 3	”	3 ”	—
” 4	”	3 ”	—

ИЕЗУИТЫ И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССИИ. Письма Ю. Ѳ. Самарина къ отцу Мартынову. Изд. третье. М. 1870 г. цѣна 75 к.

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА о временахъ Екатерины, Павла и Александра 1-го. Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867 г. цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

СТИХОТВОРЕНІЯ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО: Въ дорогѣ и дома. М. 1862 г. цѣна 1 р. 50 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ, М. А. ДМИТРИЕВА. М. 1869 г. цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

ПИСЬМА О КІЕВѢ И ВОСПОМИНАНІЕ О ТАВРИДѢ, Михаила Максимовича. Спб. 1871 г. цѣна 50 к.

СЕМЕЙСТВО РАЗУМОВСКИХЪ. Историческій очеркъ А. А. Васильчикова. М. 1869 г. цѣна 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЪ. Нравоописательный Латинскій романъ 2-го вѣка по Р. Х. Сочиненіе Апулея. Переводъ Е. И. Кострова. М. 1870 г. цѣна 1 р.

Книги, при которыхъ не означена цѣна пересылки, пересылаются на счетъ Конторы Русскаго Архива. Выписывающіе на сумму не менѣе 25 рублей пользуются 10 процентами уступки съ показанныхъ цѣнъ.

ПИСЬМА ИЗЪ РОССІИ ВЪ ИРЛАНДІЮ

1805, 1806 и 1807 годовъ.

Въ 1840-мъ году въ Лондонѣ появилась въ печати переписка дѣвицы Вильмотъ съ ея сестрою и друзьями во время ея полугодового пребыванія въ Россіи у княгини Дашковой, въ Москвѣ и въ подмосковномъ помѣстьи княгини, селѣ Троицкомъ. Эти письма изда ны сестрою миссъ Вильмотъ, г-жею В. Бранфордъ, въ видѣ особаго приложенія къ собственноручнымъ Запискамъ княгини Дашковой, явившимся подъ слѣдующимъ общимъ заглавіемъ: «Мемуары княгини Дашковой, штатсъ-дамы Екатерины II, Императрицы Всероссийской, писанныя собственноручно и заключающія въ себѣ письма Императрицы и еще многія другія переписки. Изданы по оригиналу г-жею В. Бранфордъ. Въ двухъ томахъ. — Лондонъ, Генри Кольбурнъ издатель (Malborough Street) 1840 года».

Къ этой книгѣ приложены «письма миссъ Вильмотъ» о ея пребываніи въ Россіи; они составляютъ весьма интересное дополненіе къ самымъ Запискамъ княгини Дашковой и могутъ служить драгоценнымъ источникомъ при составленіи полной біографіи этой замѣчательной Русской женщины, столь любимой и столь высоко-цѣнимой ея Англійски-

ми друзьями и поклонниками. Но эти письма, взятые даже въ отдѣльности, представляютъ несомнѣнный интересъ въ наше время, какъ простой, искренній, правдивый и (что особенно драгоценно и рѣдко со стороны иностранца) «непредубѣжденный» рассказъ о Русскихъ нравахъ и бытѣ въ знаменательную для Россіи эпоху первыхъ лѣтъ царствованія юнаго и любимаго внука Великой Екатерины. Эти письма очень мало извѣстны въ нашей печати, и потому мы намѣрены помѣстить отрывки изъ нихъ въ переводѣ, выбирая изъ Англійскаго подлинника мѣста, которыя, по нашему мнѣнію, наиболѣе характеризуютъ то время. Но прежде чѣмъ приступить къ переводу самихъ писемъ, мы считаемъ не лишнимъ предпослать имъ нѣсколько словъ изъ того, что говорить о нихъ издательница.

«Они (т. е. эти письма) несомнѣнно «представятъ въ краткихъ словахъ «весьма оживленную картину тѣхъ разнообразныхъ и столь оригинальныхъ «случаевъ, которыхъ авторъ былъ свидѣтелемъ, во время своего полугодового пребыванія въ Москвѣ и въ «с. Троицкомъ и въ которыхъ княгиня «Дашкова принимала такое замѣтное

участіе. Различные образы и картины возникаютъ такимъ образомъ, вызываемые замѣчательно - живымъ воображеніемъ и обрисовываются съ такою пылкостью и оригинальностью мысли и изложенимъ, что не могутъ не завлечь и не удовлетворить любаго читателя; и въ то же время, для тѣхъ немногихъ, которые еще помнятъ миссъ Вильмотъ и пользовались ея дружбою, эти страницы воскресятъ пріятное воспоминаніе о блестящихъ вспышкахъ фантазіи и силѣ выраженія, придававшихъ особенную прелесть и своеобразный отбѣнокъ ея разговору. Остается только присосвоить, что миссъ Вильмотъ, которая никогда не пользовалась особеннокрѣпкимъ сложеніемъ, вскорѣ послѣ своего возвращенія изъ Россіи, почувствовала весьма опасное ухудшеніе той болѣзни (астмы), о первомъ появленіи которой она сокрушается въ одномъ изъ своихъ писемъ, говоря, *«что она была постояннымъ тормазомъ для колесъ ея существованія»* Постепенно усиливавшееся болѣзненное ея состояніе вынудило ее поселиться въ Парижѣ и тамъ, послѣ нѣсколькихъ недѣль тяжкаго страданія, привело ее въ могилу, 28-го Марта 1824 года.

Читателей, желающихъ ближе ознакомиться съ обстановкою, въ которой очутилась въ Русской глухой деревнѣ отважная и талантливая путешественница, мы отсылаемъ къ пятой книгѣ Архива Князя Воронцова, именно къ обширной перепискѣ знаменитой княгини Евтєрины Романовны съ ея братомъ, государственнымъ канцлеромъ.

I.

Съ корабля „Благонамѣренный“, (Good-Intent), стоящаго на якорѣ въ виду Кроунтадтскихъ укрѣпленій въ гавани, 4-го Августа 1805-го года.

Три недѣли тому назадъ мы выѣхали изъ Лондона и сегодня утромъ въ 6 часовъ утра мы пристали къ берегу въ Россіи. Въ настоящую минуту, любезная А..., мнѣ почти приходится сложить мое письмо: я состою государственною плѣнницею на этомъ кораблѣ, и потому я могла только позволить собѣ нѣсколько наблюдений съ палубы въ зрительную трубу. Я могу только сообщить, что сооруженія фортовъ и баттарей великолѣпны и укрѣпленія непреодолимы, что войско красиво и многочисленно, что пристань наполнена торговцами, и что они вѣрою и страхомъ въ силахъ намъ противостоятъ. Заливъ также усѣянъ небольшими судами, возвращающимися изъ Петербурга, гдѣ вчера вечеромъ, по случаю дня рожденія вдовствующей Императрицы, происходили, въ честь ея, маскарады и другія празднества.

На противоположной сторонѣ вдоль берега и окруженный лѣсами, находится загородный дворецъ, называемый Ораніенбаумомъ. Вотъ все, что я знаю покуда о Россіи; о ея населеніи могу судить только по двумъ таможеннымъ чиновникамъ, которые появились, какъ только мы пристали къ берегу и опечатали наши вещи; а теперь по часовому, который находится на палубѣ и наблюдаетъ, чтобы никакая контрабанда не могла попасть съ корабля на берегъ. Нашъ капитанъ—человѣкъ хорошій, сошелъ съ корабля, чтобы посмотреть, что можно будетъ сдѣлать; но такъ какъ сегодня Воскресеніе, то я опасаясь, что едва-ли

удастся совершить что - нибудь существенное. Странно сказать, и уже конечно я этого не ожидала, что первая вещь, на которую приходится мнѣ жаловаться въ Россіи—это на жаръ; но оно такъ, и это несносно.

II.

Воскресеніе, вечеромъ.

Нашъ капитанъ превралъ меня самымъ пріятнымъ образомъ, вручивъ мнѣ письмо, писанное два мѣсяца тому назадъ изъ Троицкаго и которое было ему передано г. Букеромъ, Англійскимъ агентомъ въ Кронштадтѣ. Книгиня сама запечатала его печатью, на которой съ намѣреніемъ крупными буквами было вырѣзано слово «милости просимъ» (welcome), и приписала въ письмѣ: «мои чувства объяснить вамъ это слово на печати». Г. Букеръ прислалъ мнѣ премилую записку съ своимъ двоюроднымъ братомъ, который явился на корабль, чтобы вручить мнѣ ее; въ этой запискѣ онъ приглашалъ меня обѣдать и вообще предлагалъ свои услуги. Я отвѣчала ему и отклонила его предложеніе относительно обѣда, но просила доставить нѣсколько писемъ въ Москву. Хорошая княгиня писала генералу Коровѣ и адмиралу Ханькову, жителямъ Кронштадта, чтобы поручить меня ихъ вниманію; но я думаю, что мнѣ не придется обращаться ни къ тому, ни къ другому. Я намѣрена, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, притаиться на кораблѣ, какъ морская крыса, покуда мы доберемся до Петербурга. М... пишетъ мнѣ, что княгиней написано также весьма лестное для меня письмо къ ея племянницѣ, г-жѣ Полянскій, въ коей домѣ я должна буду остановиться; ею также посланы рекомендательныя письма къ

г-жѣ Чичаговой, женѣ главнаго адмирала и морскаго министра и къ дѣв. Кочетовой, племянницѣ княгини и фрейлинѣ Императрицы.

Но я все это отложу покуда въ сторону, предполагая, что мнѣ слѣдуетъ упомянуть здѣсь о памятникѣ Петра Великаго; а иначе вы, пожалуй, не захотите и получить моего письма съ почты. И такъ я отправляюсь на палубу, чтобы взглянуть на укрѣпленія.

III.

Среда. С.-Петербургъ, у г. Рексъ.

Вчера поздно вечеромъ я пріѣхала въ этотъ великолѣпный по наружному виду городъ. Въ понедѣльникъ утромъ г. Букеръ прислалъ свою карету на пристань, и г. Витлокъ проводилъ меня и Елену до его дома въ Кронштадтѣ, гдѣ онъ очень радушно принялъ насъ и отправилъ насъ въ своемъ экипажѣ въ адмиралтейство, чтобы подвергнуться обычному осмотру нашей влады. Потомъ мы вернулись обѣдать къ нему, и онъ настоялъ, чтобы мы остались у него во все время нашего пребыванія въ Кронштадтѣ. Даже въ Италіи я никогда не находила жару столь нестерпимаго, какъ здѣсь, и комары положительно невыносимы.

Вчера утромъ г. Рексъ усадилъ насъ въ лодку и, поручивъ насъ надежному проводнику, отправилъ насъ верстѣ на восемь черезъ заливъ въ Ораніенбаумъ, гдѣ экипажъ и другой посланный г. Рекса ожидали насъ съ письмомъ отъ его жены, предлагавшей мнѣ остановиться въ ихъ домѣ въ Петербургѣ. Ораніенбаумъ—лѣтняя Императорская резиденція, и я немедленно принялась обозрѣвать его. Сады его нѣсколько походятъ на воксалъ въ обширныхъ размѣрахъ, и дворецъ на-

полненъ множествомъ рѣдкостей, о которыхъ не имѣю досуга распространяться. потому что было-бы намъ извѣстно, что почта уже закрыта, и это письмо будетъ принято въ видѣ контрабанды и ради особаго уваженія къ старику г. Рексу. Тогда мы отправились въ Петербургъ, отстоящій всего верстъ на тридцать отсюда, и подобной прелестной поѣздки мнѣ еще не случалось совершать. Она напоминаетъ переѣздъ отъ Парижа до Версаля, но несравненно замѣчательнѣе. Васъ поражаютъ удивленіемъ великолѣпныя дворцы, возвышающіеся по обѣимъ сторонамъ дороги, окруженные рощами и украшенные цвѣтниками и лужайками. Въ числѣ ихъ двѣ или три царскія резиденціи; и дорога, широкая и отличная, постоянно кишитъ всякаго рода экипажами, запряженными то четвернею въ рядъ, съ двумя лошадьми на вылетъ, то конями молочнаго цвѣта, на подобіе нашихъ королевскихъ Ганноверскихъ лошадей съ падающими до земли гривами и хвостами.

Мѣсяць, какъ чистое золото, блестѣлъ въ зеленой чащѣ и освѣщаль нашъ путь до Петербурга, куда мы прибыли въ 11 часовъ ночи. Я находилась въ какомъ-то упоеніи послѣ всего того, что я видѣла. Семейство Рекса стояло на балконѣ и вышло на крыльцо, чтобы насъ встрѣтить. Насъ привели на этотъ же самый балконъ, гдѣ мы обмѣнялись обычными привѣтствіями и гдѣ я увидѣла, такъ сказать, крайній предѣлъ прекрасной улицы и рѣку, самую величественную изъ всѣхъ мною когда-либо видѣнныхъ, протекающую среди двухъ рядовъ зданій.

Покуда я пишу, мой взоръ приковывается общимъ видомъ академій и дворцовъ, кораблей, плывущихъ по этой ве-

ликолѣпной рѣкѣ мимо моихъ оконъ и звуками музыки, раздающейся вблизи. Но внѣшній видъ мужской прислуги очень меня забавляетъ. Такъ и кажется, что отецъ ихъ былъ Турокъ, а мать квакерша; я не умѣю объяснить этого иначе. Звуки ихъ нарѣчія мягки и пріятны. А теперь прочтите.

IV.

С.-Петербургъ, 26 Августа, у г-жи Полянскоя.

Прошу васъ не предполагать, что я въ состояніи рассказать вамъ мой образъ жизни и мои похождения, и даже не дерзайте просить о томъ; потому что, имѣя подъ рукою книгу М***, я положительно сочла-бы самохвальствомъ описаніе лицъ и мѣстностей. Я нахожусь въ томъ-же домѣ, даже въ той же комнатѣ, въ то же время года, какъ переплыла океанъ на томъ-же кораблѣ и даже имѣю при себѣ ту же прислугу, которая привезла меня въ Москву. Княгиня кромѣ того прислала мнѣ Жеркова, своего любимого дворецкаго, который состоитъ при мнѣ съ самаго моего пріѣзда. У меня почти происходятъ торжественныя выходы по утрамъ, такъ что, благодаря письмамъ, привезеннымъ изъ Лондона, друзьямъ М** и г-жи Полянскоя, наши утра очень пріятно проводятся съ посетителями.

Княгиня желала, чтобы, по пріѣздѣ моемъ сюда, я была представлена ко двору, и потому ея племянницею были приняты къ тому всѣ надлежащія мѣры: но такъ какъ дворъ находился въ Петергофѣ и представился случай поспѣшить моимъ отъѣздомъ въ Москву, то я и отклонила это лестное для меня предложеніе. Однако такъ случилось, что

Ихъ Величества вернулись въ Петербургъ, а случай уѣхать въ Москву не осуществился, благодаря сплетенію разныхъ обстоятельствъ, слишкомъ скучныхъ для письма, такъ что я осталась безъ отговорки и мое имя было записано гофмейстериною графинею Протасовою въ списокъ представляющихся. Эта отсрочка стоила мнѣ цѣлыхъ восемь дней, и до вчерашняго эта наша придворная операція не могла состояться. За два дня до того я отправилась въ полномъ парадѣ явиться къ граф. Протасовой, которая должна была меня представить; а вчера вы можете вообразить меня мчащуюся въ каретѣ шестернею въ Таврической дворецъ и введенную въ огромный, мраморный залъ, весь въ колоннахъ и картинахъ. Изъ этого зала меня провели въ роскошную гостинную, наполненную военными въ блестящихъ мундирахъ и орденахъ, оттуда въ другую — пустую, ведущую въ покои, гдѣ предстояло мое представленіе. Вамъ покажется страннымъ, что я была одна; но таковы требованія этикета. Когда я вступила въ эту комнату, то двое дежурныхъ кавалеровъ поднялись съ своихъ мѣстъ и весьма учтиво заговорили со мною по-французски. Еще другая дама пріѣхала до меня; вскорѣ появился генералъ Кутузовъ, дядя г-жи Полинской, который назначенъ главнокомандующимъ войскъ, выступающихъ противъ Французовъ и съ которымъ я до того времени еще не была знакома. Онъ весьма почтенный старичекъ и, благодаря его поддержке, я почувствовала себя гораздо свободнѣе. Тотчасъ послѣ того взошла одна дама, кланяясь какъ мущина по древнему Русскому обычаю, съ брилліантовымъ шифромъ на плечѣ, и слѣдомъ

за нею хорошенькая, маленькая дѣвочка съ виду весьма скромная и скорѣе похожая на жертву. Мы всѣ начали между собою разговаривать, прохаживаться по комнатѣ и любоваться прекраснымъ садомъ, окружающимъ дворецъ.

Послѣ трехъ четвертей часа ожиданія, отворилась дверь на противоположномъ концѣ комнаты, и Императрица Елизавета приблизилась къ намъ, сопровождаемая толстою графинею Протасовою. Императрица — одно изъ прелестнѣйшихъ созданій, которыхъ мнѣ случалось видѣть. Въ ея наружности и въ чертахъ лица мнѣ что-то сильно напомнило виденную мною гдѣ-то картину (кажется кисти Апжелики Кауфманъ), изображающую Корделию, дочь короля Лира. При ея появленіи дамы встали, а кавалеры удалились. Она была одѣта въ бѣлое, шитое платье, съ жемчугами огромной величины, въ ея свѣтло-русыхъ волосахъ. Было что-то въ высшей степени увлекательное во всѣхъ движеніяхъ этой прелестной особы, исполненной смиренія, скромности и благодушія, и когда насъ ей представили и мы намѣревались поцѣловать ея руку, то произошло нѣчто въ родѣ противодѣйствія съ ея стороны, когда она сама наклонилась, чтобы поцѣловать насъ въ щеку. Она со всѣми говорила по-французски, кромѣ одной Русской дамы, къ которой обратилась по-русски. Голосъ ея очень пріятенъ и мягокъ, и она говоритъ чрезвычайно скоро. Разумѣется, рѣчь шла только о приличныхъ къ подобному случаю пустякахъ. Она спросила меня, какъ понравился мнѣ Петербургъ и выразила надежду, что онъ произведетъ на меня благопріятное впечатлѣніе. Я отвѣчала, что дѣйствительно такъ, не правда-ли, что

умно отвѣчено? Она сказала, что слышала о моей сестрѣ въ Москвѣ и что ей извѣстно о моемъ намѣреніи провести тамъ долгое время, чтобы видѣться съ нею. Я отвѣчала: «да» и что я только отложила отъѣздъ изъ Петербурга, чтобы имѣть счастье быть представленною Ея Императорскому Величеству. Тогда она поклонилась и послѣ того, что мы пробыли съ четверть часа стоящими вокругъ ся, она удалилась съ толпою приближенныхъ, ее сопровождавшихъ.

V.

Воскресенье, 27 Августа.

Мнѣ чрезвычайно досадно, что я вынуждена еще отложить свой отъѣздъ. Послѣ моего представленія молодой Императрицѣ, я нахожу неизбѣжнымъ подвергнуться тѣмъ же требованіямъ этикета относительно вдовствующей Императрицы, и потому г-жа Полянская съ этою цѣлью представила меня вчера княгинѣ Прозоровской, которой объявила, что доложить обо мнѣ Ея Императорскому Величеству и дать мнѣ знать о днѣ, назначенномъ для моего приѣма. Одна изъ моихъ Русскихъ знакомыхъ—графиня Воронцова, у которой я провела очень пріятный день въ деревнѣ. Вамъ не трудно угадать по ея имени, что она близкая родственница этого дома. Ей извѣстны всѣ тѣ лица, съ которыми я была знакома въ Италіи, гдѣ она совершила ту же поѣзду, какъ и я, только нѣсколькими днями позднее. Говорятъ, что ея сестра, княжна Голицына, выходитъ за мужъ за нашего посланника, который между прочимъ былъ очень ко мнѣ внимателенъ, вслѣдствіе письма лорда Гарроуби (Harrowby). Онъ прислалъ

мнѣ весьма учтивую записку, предлагая свои услуги и потомъ навѣстилъ меня съ своимъ секретаремъ г-мъ Стюартомъ. Такъ какъ меня не было дома, когда онъ пріѣзжалъ, то я написала ему и просила его содѣйствіи въ дѣлѣ моего представленія, вслѣдствіе чего онъ вновь посѣтилъ меня, но съ такимъ-же усиліемъ. Наконецъ третье посѣщеніе восторжествовало надъ всѣми препятствіями, и онъ обѣщалъ повидаться съ графиней Протасовою; а вечеромъ того же дня объявилъ мнѣ на вечерѣ у княгини Волконской, гдѣ я встрѣтилась съ нимъ и со всѣмъ посольствомъ, что оно уже исполнено.

Низшій разрядъ народа удивляетъ меня своимъ страннымъ видомъ и патриархальною длинною бородою у мущинъ: трудно себѣ представить, что они не родились еще до потопа. При восхожденіи и захожденіи солнца и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ они начинаютъ очень усердно креститься, и эта церемонная операція продолжается не менѣе четверти часа. Они наклоняютъ при этомъ голову почти до низу и потомъ не только выпрямляются, но на столько-же перекидываются назадъ, совершая крестное знаменіе во всю руку. Старыя женщины нераспокойно становятся на колѣни и прикладываются къ землѣ, но при этомъ подкладываютъ руку между землею и своими губами. Я часто вижу плывущими по рѣкѣ мимо нашихъ оконъ на досчатомъ челнѣ человекъ двѣнадцать, совершающихъ свои поклоны тѣмъ путемъ, какъ я указывала, съ ихъ длинными бородами, развѣваемыми вѣтромъ, и въ эту минуту они представлялись мнѣ какими-то чудодѣями, усмиряющими гнѣвные порывы морской пучины.

VI.

31-го Августа.

Какое-то особенное злополучіе связано съ этимъ несчастнымъ письмомъ; вотъ уже Воскресеніе вечеромъ, а оно еще не отправлено. За то эта отсрочка могла-бы доставить мнѣ случай помѣстить здѣсь другую большую церемонію, совершившуюся сегодня, а именно: мое представленіе вдовствующей Императрицѣ; но оно не прибавило-бы новыхъ особенностей и разнообразія къ моему разсказу о первомъ представленіи. Она красивая женщина, высокая и стройная и хотя ей уже отъ 40 до 50 лѣтъ, но она имѣетъ видъ совершенно молодой особы. Теперь я вполне свободно могу уѣхать изъ Петербурга. Имѣющаяся у меня дорожная карета—отличная, и съ моими двумя покровителями, Фредерикомъ и Жерковымъ, мнѣ нечего бояться. И такъ, прощайте; погода становится суровою, но чудная луна будетъ освѣщать мой путь.

*

Петербургъ, 20-го Августа 1805 г. ¹.

Я никогда не забуду, какъ хорошъ и великолѣпенъ мнѣ показался Петербургъ въ день нашего приѣзда. Коркъ ² просто ничто передъ нимъ; а рѣка въ пять разъ шире, чѣмъ Ли ³; но мнѣ

¹ Это письмо писалъ горничною г. Вильмотъ къ своимъ роднымъ въ Англію; издательница нашла нужнымъ помѣстить его въ числѣ писемъ о Россіи, и мы намѣрены послѣдовать ея примѣру, представивъ здѣсь нѣсколько выписокъ изъ этого безграмотнаго, но живаго разсказа.

² Приморскій городъ въ Ирландіи.

³ Рѣка, протекающая черезъ г. Коркъ.

кажется, ее какъ-то иначе называютъ... Мы почевали въ этотъ день у г. Рексъ, въ домѣ, подобномъ какому-то большому храму: очень милые люди и совершенно въ родѣ г. Рида или г. Андерсона у насъ въ Фермойѣ. Могу васъ увѣрить, что мнѣ подали настоящій чай со сливками къ завтраку и къ тому-же сколько душѣ угодно; а горничная г-жи Рексъ подарила мнѣ прекрасную обшивку съ кружевнаго чейца; и съ помощью бѣлой мантильи миссъ Вильмотъ я оказалась стольприличною, что отправилась съ *прислугою* осматривать дворецъ. Я думала, что умру отъ страха, когда на пути, повернувъ голову, я увидала скачущимъ по крутой скалѣ великана на громадномъ конѣ. «Остановите его!» вскрикнула я, пораженная тѣмъ, что живая христіанская душа можетъ разыгрывать изъ себя такого шута, когда я узнала, какъ вы полагаете? что это былъ мраморный Императоръ—какое-то старое чудовище, называемое *Петеръ* или Петръ Великій, или что-то въ этомъ родѣ.

На слѣдующій день, г-жа Полянская, —красивая, черноглазая, пріятная молодая дама—прислала за нами карету. Мы приѣхали къ ней въ домъ поздно вечеромъ, и мнѣ было страшно проходить этимъ рядомъ бальныхъ залъ, черезъ которые проводилъ насъ негръ, въ желтой курткѣ, въ тюрбанѣ на головѣ и съ нѣсколькими свѣчами въ рукахъ.

Просто пріятно смотрѣть на это множество комнатъ, прилегающихъ къ нашимъ спальнымъ. Тѣ три, которыя со всѣмъ возлѣ папихъ, наполнены зеркалами, золотомъ и мраморными столами, съ арфою и съ печами до потолка, съ раззолоченными углами, съ часами играющими восемь арій и съ полами, выло-

женными мозаикою изъ красного дерева или чего-то подобнаго. Всякій день я просто помираю отъ смѣха во время обѣда, когда Негръ приноситъ мнѣ ѣсть. «Дайте мнѣ кусокъ <bread>, говорю я. «Хлѣба?» спрашиваетъ онъ, не умѣя назвать его какъ слѣдуетъ. «Ну, пожалуй, дайте мнѣ <хлѣбъ>, если это васъ забавляетъ,» отвѣчаю я; и хотя онъ выражается такъ нескладно, но въ сущности это такой-же настоящій хлѣбъ, какъ и въ Ирландіи.

У насъ довольно музыки во всемъ домѣ; восемь человѣкъ мужской прислуги обыкновенно принимаются за флейты и скрипки. И хотя ихъ называютъ здѣсь невольниками¹, но никогда не случилось мнѣ примѣтить на нихъ ни малѣйшихъ слѣдовъ какихъ либо цѣпей или оковъ...

И навѣстила здѣсь три изъ ихъ церквей, и они почти такія-же, какъ наши кирки; но есть и наша церковь. Миссъ Вильмотъ знакома съ однимъ католикомъ, и она просила его прислать мнѣ духовника для исповѣди и пр.

VII²

С. Троицкое, 24-го Сентября³.

Мнѣ приходится ворчать теперь на другую вещь, съ которою ничто не въ

¹ Т. е. крѣпостными.

² Отсюда идутъ снова письма дѣвицы Вильмотъ.

³ Нѣкогда знаменитое Троицкое, старинная вотчина князей Дашковыхъ, находится въ 17 верстахъ отъ Серпухова, по дорогѣ въ Тарусу. Самое село доселѣ имѣетъ видъ запустѣлаго; но усадьба, любимое мѣстопробываніе княгини Екатерины Романовны, громко говоритъ о своемъ запустѣніи. Однако великолѣпные покои дѣла; изъ втораго этажа ведетъ громадное каменное крыльцо въ паркъ; оно поросло травою и мелкими

деревьями. Домъ стоитъ на самомъ берегу Протвы. Паркъ ненаглядной красоты, и въ отдаленномъ углу его еще возвышается на холму памятникъ Екатеринѣ II. Троицкое принадлежитъ нынѣ графу И. И. Воронцову-Дашкову.

состояніи примприть меня, а именно на распредѣленіе нашего времени. Мы собираемся въ 9 часовъ пить кофе, подаваемый горничными, и въ это время, благодаря болтовнѣ или скитанію съ мѣста на мѣсто, музыкѣ или прогулкѣ, часа два проходятъ болѣею частію Богъ знаетъ какъ; затѣмъ вмѣсто того, чтобы наверстать утраченное время до пяти часовъ, громъ обѣденнаго колокола—этого врага всякаго занятія—раздастся въ половинѣ втораго или самое позднее въ два часа, и мы собираемся вновь провѣять за столомъ, гдѣ каждое отдѣльное блюдо, изъ двухъ различныхъ переѣвъ и десерта, не только разрѣзается на особомъ столѣ и подается вамъ, но еще вы обязаны поглощать ихъ всѣ безъ милосердія. Это одна изъ особенностей княгини, которая какъ будто нѣсколько гордится своимъ столомъ и произведеніями своей фермы, скотнаго двора, теплицъ и пр. Такимъ образомъ обѣдъ какъ будто врывается въ распредѣленіе вашего дня, и послѣ того уже трудно вернуться къ утреннимъ занятіямъ. Чай опять собирается семью въ 6 часовъ; а въ половинѣ десятаго или въ десять наступаютъ полнолунный, горячій ужинъ.

Но что-же дѣлать; этой бѣдѣ уже пособить нельзя! И такъ вернемся къ Москвѣ. Желаете вы знать мое первое впечатлѣніе, когда я въ нее вступила? Вамъ уже знакомы Жерковъ и Фредерикъ. Такимъ образомъ, сударыня, находя, что лучи заходящаго солнца еще слишкомъ ярко

деревьями. Домъ стоитъ на самомъ берегу Протвы. Паркъ ненаглядной красоты, и въ отдаленномъ углу его еще возвышается на холму памятникъ Екатеринѣ II. Троицкое принадлежитъ нынѣ графу И. И. Воронцову-Дашкову.

П. Б.

отражались на ихъ торчащихъ ухахъ, я не пожелала явиться къ княгинѣ Дашковой въ моеѣ дорожномъ платьѣ. Къ тому же я рѣшилась не подъѣзжать къ ея дворцу прежде наступленія ночи, когда возстаютъ ночныя привидѣнія. И потому за нѣсколько верстъ до города, чувствуя, что я ослабѣла отъ голода и усталости, я просила Фредерика достать мнѣ немного молока, которымъ я принялась лакомиться у крыльца избы, гдѣ мы остановились, когда неожиданно предсталъ предо мною щегольскій лакей, съ золотымъ подносомъ, стаканомъ и графиномъ искривагося вина и, указывая на несъма красивый замокъ, расположенный среди окрестныхъ полей, просилъ Фредерика объяснить мнѣ, что княгиня Сибирская, предполагая, что я именно та дама, для которой княг. Дашкова прибыла изъ деревни, очень счастлива, что можетъ имѣть случай первая привѣтствовать меня при вступленіи моемъ въ Москву. Этотъ посланный пересылался намивзадъ и впередъ съ различными любезными порученіями и несмѣтными учтивостями; между прочимъ мнѣ предложенъ былъ ночлегъ, въ случаѣ, еслибы я не могла продолжать путешествіе; но я, разумѣется, отклонила это съ благодарностью. Передъ тѣмъ, чтобы слѣдовать далѣе, мое вниманіе было привлечено балкономъ замка, гдѣ я высмотрѣла милую обладательницу золотого подноса, махавшую платкомъ въ знакъ привѣтствія и прощанія. Уже-ли это не пріятный образецъ Московскаго гостепрѣимства и того прѣима, который ожидалъ меня послѣ такого странствованія? Но я теперь не буду угощать васъ разговоромъ о моеѣ первомъ свиданіи съ княгинею и о радужномъ прѣемѣ, мнѣ сдѣланномъ. Обо

всемъ этомъ уже было писано, и я не намѣрена повторяться.

Россія, пришлось мнѣ замѣтить, еще на столько не развита, что отличается этою добродѣтелью гостепрѣимства. Безъ всякаго сомнѣнія у ней еще много другихъ особенностей, но моя кратковременная опытность не позволила мнѣ ознакомиться съ ними, развѣ только между низшими слоями народа. потому что высшія сословія, къ сожалѣнію, стараются повидимому во всемъ подражать Французамъ; и хотя Французскіе манеры сами по себѣ весьма приличны и порядочны, но и терпѣть не могу обезьянства Брюна (*singerie de Bruin*), когда онъ ломается съ обезьяной на плечахъ. Напримѣръ вмѣсто прежняго привѣтствія, исполненнаго достоинства съ обоюднымъ наклоненіемъ головы, васъ цѣлуютъ въ обѣ щеки съ выраженіемъ восторга и механически высказывая свое восхищеніе при знакомствѣ съ вами. Костюмы также составляютъ неудачное подражаніе Французскимъ; нарѣчіе также усвоено ихъ же. Все это гораздо болѣе удвѣляетъ въ Москвѣ, чѣмъ въ Петербургѣ, который дѣйствительно служитъ центромъ для всякаго рода иностранцевъ. Но мода совершаетъ въ одномъ мѣстѣ, что коммерческія нужды поражаютъ въ другомъ; и среди этого поклоненія Французскимъ манерамъ и обычаямъ, есть что-то дѣтски-забавное въ ихъ нападкахъ на Бонапарта и Французовъ, когда они не могутъ сѣсть своего обѣда, чтобы онъ не былъ приготовленъ Французскимъ поваромъ; когда они не могутъ воспитать своихъ дѣтей безъ разныхъ искателей приключеній изъ Нарьяжа въ видѣ наставниковъ и гувернантокъ; словомъ, когда малѣйшее требованіе моды, роскоши и

нарядовъ заимствуется ими у Франціи. Такое поразительное заблужденіе! Впрочемъ, какъ лице постороннее, сознаюсь, что я предпочла бы Французскую гостиную всякой другой — предпочтеніе, невольно навязываемое вамъ неудачнымъ подражаніемъ. Русскіе переносятъ васъ во Францію, не сознавая нисколько, на сколько это унижительно для ихъ страны и для ихъ самыхъ. Національная музыка, національные танцы и поклоны, національные костюмы и отечественный языкъ — все это упало и въ употребленіи только между крѣпостными.

Какъ я ненавижу эти общія замѣчанія, вытекающія изъ такихъ поверхностныхъ и ограниченныхъ наблюденій, какъ мои! Сама даже не могу понять, что меня побуждаетъ выступать такимъ образомъ изъ предѣловъ простой болтовни. Странно сказать, но эта же болтовня приводитъ меня главнымъ образомъ къ разсказамъ о характерѣ княгини Дашковой, какъ наиболѣе мнѣ знакомомъ и въ сущности совершенно противоположномъ великому «обезьянству» (singerie). Если когда-либо существовало нѣчто самобытное въ мірѣ, то уже конечно это она сама. А при всемъ томъ, какой-то духъ противорѣчія увлекаетъ меня отъ нея и отъ Троицкихъ садовъ, въ Москву съ ея золотыми куполами, гдѣ я провела еще только три дня, но должна сознаться, что стремлюсь опять туда вернуться. И такъ, впредь до нашего туда возвращенія, которое состоится не ранѣе, какъ черезъ два мѣсяца, я введу васъ, «*volens volens*» въ круглую гостинную прелестной вдовы Небольсиной*, такъ часто уио-

минаемой въ письмахъ М., куда княгиня привезла М. и меня послѣ театра.

Г-жа Небольсина выразила мнѣ свое отчаяніе, что я не могу присутствовать (по случаю нашего отъѣзда) на другой день, па ся праздникѣ, устроенномъ въ честь моего приѣзда. «Мавра Романовна» (т.-е. М.), присовокупила она, «*est un ange!*», и я не могу довольно любить и почитать ее. И потому вы, какъ сестра ея, приобрѣли тѣмъ самымъ лучшее право на мою дружбу и расположеніе.» При этомъ она обвила шею М. своими розовыми, пухленькими ручками и поздравила ее (разъ что дѣло уже шло о поздравленіяхъ) съ моимъ приѣздомъ, обѣщая мнѣ безпредѣльную дружбу и цѣлуя меня такъ настойчиво, что я не могла не пожелать при этомъ, чтобы подобная дружба не завладѣвала такимъ насильственнымъ способомъ своими жертвами. Впрочемъ, не опасайтесь: я вела себя при этомъ весьма лично.

А княгиня, милѣйшая чудачка! Принялась создавать неимоверный панегирикъ по-русски, понятный для М. и ею въ послѣдствіи мнѣ переданный, выставляя всѣ мои достоинства въ такой степени, что всѣ ее окружающіе нѣмѣли отъ удивленія; а я между тѣмъ, не сознавая и не понимая ничего, преснокойно прохаживалась по комнатамъ съ Анною Петровною*, любуясь фресками, разрисованными по стѣнамъ.

За ужиномъ, княгиня Дашкова неоднократно разговаривала со мною поанглійски и потомъ все это переводила по-русски въ назиданіе вдовы-хозяйки, съ

* Пріятельница графа Ростопчина, см. XIX Вѣкъ, книга вторая. П. Б.

* Исленьскою, впоследствии супругою археолога А. О. Малиновскаго. П. Б.

чрезвычайными прикрасами и добавленіями ко всему мною сказанному; такъ что, къ крайнему моему удивленію, самыя обыкновенныя мои замѣчанія, съ помощію моего переводчика, принимались моими слушателями съ явными признаками удивленія и восторга. Я упоминаю объ этомъ лишь для того, чтобы дать вамъ нѣкоторое понятіе о милой княгинѣ; и хотя она постоянно обходится съ нами такимъ образомъ, но всѣмъ остальнымъ ея окружающимъ она внушаетъ такое благоговѣніе, которое меня даже удивляло. Напримѣръ, никто, какого-бы онъ званія ни былъ и какими-бы знаками отличія почтенъ ни былъ, не осмѣливается сѣсть въ ея присутствіи безъ особаго съ ея стороны дозволенія, которое не всегда даже дается, потому что мнѣ случалось видѣть нѣсколькихъ лицъ, простоявшихъ передъ нею въ теченіи всего ихъ посѣщенія. Однажды я видѣла, какъ она поклономъ отпустила нѣкоторыхъ лицъ, которыя слишкомъ ее утомили; и, приложившись къ ея рукѣ, они удалились.

По видимому, ей никогда не приходится въ голову скрывать отъ кого-бы то ни было свои чувства и ощущенія, и вы можете судить, какую привилегированную смертную она съумѣла создать изъ себя. Она говоритъ правду вслухъ и всегда, пріятна она или нѣтъ, и хорошо еще, что она по природѣ — существо нѣжное и чувствительное, а иначе она могла бы обратиться въ общественное пугало.

Кстати! Что хотѣла я сказать? Мнѣ кажется, я еще никогда не упоминала о Троицкомъ, которое княгиня обожаетъ и гдѣ мы теперь находимся. Это чудное мѣсто, вполне ею созданное, расположено посреди шестнадцати деревень, ей

принадлежащихъ. Три тысячи крестьянъ, «мои подданные» какъ она ихъ называетъ, — преблагополучно проживаютъ подъ ея безусловнымъ управленіемъ; и никогда человѣческое существо, облеченное подобною властью, не могло быть добродушнѣе при употребленіи этой власти. Число ея домочадцевъ, со включеніемъ различныхъ разрядовъ слугъ, состоящихъ въ ея личномъ услуженіи, доходитъ до 200 человѣкъ; сотня лошадей, двѣсти коровъ, и все остальное въ подобныхъ размѣрахъ, содержащееся исключительно для нея и ея семейства — все это можетъ дать вамъ нѣкоторое понятіе объ ея средствахъ. Церковь также принадлежитъ ей и выстроена позади дома. Лѣсъ, принадлежащій имѣнію, на протяженіи девяти верстъ въ длину и четырехъ въ ширину, раскинулся вдоль одной стороны дома и почти соприкасается съ нимъ, а на его окраинахъ иногда появляются даже волки. Въ этомъ-то лѣсу мы блуждали вчера вечеромъ съ княгинею часа полтора. Множество земли занято фруктовыми садами и цвѣтниками въ Англійскомъ вкусѣ, и среди ихъ протекаетъ прелестная рѣчка, извивающаяся вдоль всего имѣнія. Впрочемъ, Троицкое — положительная равнина и своею прелестію обязано исключительно тщательной обработкѣ и искусственнымъ украшеніямъ. Домъ огромный, съ флигелями съ обѣихъ сторонъ, соединенными съ верхнимъ этажемъ балконами на желѣзныхъ столбахъ.

Среди этого огромнаго хозяйства и среди этого богатства и почета, я желала бы, чтобы вы видѣли княгиню выходящую на прогулку или наблюдающую за своими подданными. Костюмъ ея — старое, темное, широкое платье и изно-

шенный, въ лохмотьяхъ, шелковый платокъ на шеѣ; и не мудрено, что онъ въ лохмотьяхъ, потому что она носитъ его уже восемнадцать лѣтъ и будетъ носить его до конца своей жизни, потому что онъ принадлежалъ ея другу — г-жѣ Гамильтонъ. Въ ея наружномъ видѣ, въ ея манерѣ говорить, въ ея малѣйшихъ дѣйствіяхъ и поступкахъ проявляется такая оригинальность, которая отличаетъ ее отъ всѣхъ, кого я когда либо знавала. Она помогаетъ плотникамъ возводить стѣны, она собственными руками участвуетъ въ прокладываніи новыхъ дорогъ, она кормитъ коровъ, сочиняетъ музыкальныя пьесы, пишетъ для печати; она говоритъ громко въ церкви ¹ и поправляетъ священника, если онъ невнимателенъ; она громко толкуетъ въ своемъ маленькомъ театрѣ и подсказываетъ актерамъ, когда они забываютъ свои роли; она сама и докторъ, и аптекаръ, и фельдшеръ, и кузнецъ, и обойщикъ, и судья, и маклеръ; однимъ словомъ, она ежедневно творитъ всевозможныя несообразности: въ перепискѣ съ своимъ братомъ, занимающимъ высшую должность въ Имперіи; съ писателями, философами, съ Жидами ², съ поэтами, съ своимъ сыномъ, со всею роднею, и при всемъ томъ сохраняетъ видъ личности, которой время какъ будто въ тягость. Она мнѣ постоянно внушаетъ мысль.

¹ Въ этой церкви (довольно обширной и богатой), въ лѣвомъ зимнемъ предѣлѣ у боковой стѣны, вѣдлана самая скромная доска, на которой означено, что тутъ погребена княгиня Дашкова. Дощечку эту вѣдла вставить въ стѣну А. П. Исленьева.

И. В.

² По имѣнію, селу Круглому Могилевской губерніи (нынѣ князей Кралоткинскихъ).

И. В.

что она волшебница; и увѣряю васъ, что я говорю это не шутя, потому что это впечатлѣніе меня никогда не покидаетъ. Кромѣ того существуетъ какое-то удивительное противорѣчіе въ ея почти дѣтской манерѣ говорить ломаннымъ Англійскимъ языкомъ, съ ея необъяснимыми выраженіями; при чемъ она, повидимому, совершенно не сознаетъ, говоритъ ли она поанглійски, по-французски или по-русски, перемеживая ихъ безпрестанно. Она также хорошо говоритъ понѣмецки и поитальянски; но ея произношеніе не чисто, и это нѣсколько портитъ удовольствіе моихъ разговоровъ съ нею.

Она обѣщала показать мнѣ письма Императрицы Екатерины, и я уже прочла бѣольшую часть жизнеописанія этой Государыни, писаннаго ею самою. * Положительно необходимо запастись познаніями относительно общественнаго быта и характеровъ временъ Екатерины Второй, потому что княгиня постоянно обнихъ упоминаетъ; душа ея такъ невольно и такъ упорно переносится вновь ко двору, занятіямъ, туалету и внутреннимъ покоямъ этой Государыни, что я начинаю порою сама воображать себя участницею въ революціи. Кстати, въ главной здѣшной гостинной красуется огромный портретъ Екатерины, верхомъ въ мундирѣ; кромѣ того имѣются ея портреты во всѣхъ комнатахъ.

Вчера утромъ, когда я сошла внизъ къ завтраку, то застала княгиню въ большихъ хлопотахъ надъ селедкой, которую предстояло мнѣ проглотить, потому что мнѣ случилось какъ-то высказать

* Гдѣ оно, и гдѣ вообще бумаги княгини Дашковой? Наши попытки отыскать ихъ доселѣ были безуспѣшны.

И. В.

про себя въ моей комнатѣ, что у меня желудокъ не совсѣмъ въ порядкѣ. Нана волшебница какъ-то чутьемъ объ этомъ догадалась и тотчасъ распорядилась, чтобы эта благодѣтельная рыбка, вызванная изъ своего рѣчного убѣжища, привела мое желудочное разстройство въ порядокъ.

VIII.

Село Троицкое. Декабря 2-го 1805.

Природа здѣсь похожа на слабый очеркъ, сдѣланный перомъ и чернилами на листѣ бѣлой бумаги,—до того всѣ предметы туманны и безжизненны, отражаясь на однообразной, бѣлой равнинѣ. При всемъ томъ, всякій день послѣ обѣда, въ 3 часа. кибитка или сани появляются у крыльца. Кибитка—эта машина на подобіе дѣтской люльки, обитая медвѣжьимъ мѣхомъ, съ кожанымъ фартукомъ на передкѣ. Въ ней-то прошу васъ вообразить меня погруженную съ М* и Анною Петровною; или, лучше сказать, представьте себѣ наваленными три огромныя кучи одна на другую, потому что съ помощью шалей, шубъ и ватныхъ салоновъ трудно принять насъ за что нибудь иное. Слѣдуетъ также обратить вниманіе на одѣяніе нашихъ спутниковъ,—Гаврилы, Петруши, Федора и Ивана: ихъ шубы повязаны цвѣтными шарфами, а на головахъ, высокія, гренадерскія шапки. Эти шапки, въ видѣ шапокъ, сооружены для защиты противъ всеобщаго врага, мороза, ежеминутно сдвигаются съ мѣста подъ влияніемъ вѣрноподданническихъ чувствъ; такъ какъ на самомъ сильномъ снѣгу эти бѣдные люди обязаны выслушивать малѣйшее слово къ нимъ обращенное съ непокрытою головою, и какое-нибудь

сложное приказаніе плотно закрѣпляется въ ихъ сознаниіи густымъ слоемъ снѣга который они за тѣмъ преспокойно стряхиваютъ съ головы и вновь надѣваютъ свои шапки.

Мнѣ кажется, я уже говорила вамъ, что Троицкое представляется мнѣ въ видѣ долины въ долинѣ, т. е. его бѣлое, опуткатуренное зданіе окаймлено темнымъ лѣсомъ. Въ него-то мы и проникаемъ ежедневно въ нашихъ саняхъ, запряженныхъ тройкою въ рядъ и мчимся на полныхъ рыскахъ по снѣгу, какъ лодка на волнахъ, и раскидывая вокругъ себя снѣжный вихорь, какъ будто подвигаясь среди алмазнаго пространства. Проникая въ лѣсъ, мы какъ будто вступаемъ въ анатомическій театръ природы; каждое дерево качается какъ поблѣвшій скелеть, мрачный, высокій, прозрачный и грозный, покуда это впечатлѣніе не сглаживается по мѣрѣ того, что мы углубляемся въ чащу стройныхъ елей, которыхъ вѣтви превращаются въ снѣжныя массы и искрятся мраморными хлопьями передъ нашими утомленными взорами. придающими дѣйствительности еще болѣе обманчивые образы. Кустарникъ, съ вѣтвями, заваленный лебяжьимъ пухомъ, приникъ подъ тяжестью снѣжной оболочки, на подобіе кустовъ бѣлыхъ розъ Гельдры (Gueldres), такъ что въ этомъ смыслѣ зима не уступаетъ въ прелести гирляндамъ самаго блестящаго лѣта.

Не менѣе волшебное впечатлѣніе производитъ и заходящее солнце, когда горизонтальный лучъ его, отражаясь на снѣгу, какъ будто вызываетъ тѣмъ всѣ сокровища Голконды, и вся равнина блестятъ сафирами, изумрудами, аметистами, опалами и брилліантами. Тишина рѣдко

нарушается въ лѣсу во время нашихъ поѣздокъ, развѣ дровосѣками, болѣе подходящими на сатировъ, нежели на челоувѣческихъ существъ, съ ихъ безконечными бородами, опушенными свѣгомъ, скованными инеемъ и хрустящими въ гармоніи съ ударами ихъ топора. Но появленіе обитательницъ зѣмка прерываетъ всякую работу; и покуда сани не исчезнутъ изъ виду, эти мрачныя сатиры одѣты въ звѣринныя шкуры съ своими мѣховыми лапчатыми шапками, собираются въ кружокъ, чтобы изъяснить свое почтеніе и свою преданность, непрерывнымъ наклопеніемъ своихъ медвѣжьихъ (bear) головъ до земли.

Ну, кажется, что лѣсъ вамъ уже порядочно надоѣлъ и что вы достаточно наказаны за вашу любознательность? Вотъ что значитъ вымогать истину отъ путешественниковъ. Если-же ненасытное любопытство на столько превозмогаетъ ваше утомленіе, что вамъ еще желательно узнать, что бы могла означать эта струя дыма, выходящая изъ этой кучи снѣга, то знайте, что то, что вы принимаете за испаренія земныя, есть не что иное, какъ баня, которая затопляется каждую субботу, въ пользу жителей близъ лежащихъ избъ. Видите вы, по мѣрѣ того, что мы приближаемся къ дому съ задняго крыльца, длинный рядъ зданій, окружающій этотъ дугъ со всѣхъ сторонъ и съ возвышающеюся посреди ихъ церковью? Всѣ они составляютъ надворныя строенія, принадлежащія къ зѣмку; иначе вы легко могли-бы принять ихъ за маленькій городокъ. Одно изъ нихъ—театръ; другое—манежъ; третье—больница; четвертое—конюшни; пятое—квартира управляющаго; шестое—

помѣщеніе для гостей; седьмое, осьмое, девятое для прислуги и т. д.

Боже мой! Что за пустыня эта пріемная; и не мудрено, когда она служить проходною комнатою для цѣлой толпы слугъ. Угловатый Степушка, моргающій изъ-подъ своего галстука, примется снимать съ васъ всѣ верхнія одежды, въ которыя вы укутаны, покуда Аванасій стаскиваетъ съ васъ мѣховыя сапоги: а тѣмъ временемъ Венцеславъ, Максимъ, Кузьма, Веселкинъ, Василій, Кашанъ, Прошка, Антонъ, Тимофей и еще съ десятокъ другихъ разнаго цвѣта и разбора кидаются, чтобы провести васъ въ столовую и оттудаhalbъ въ обычную гостиную.

Вотъ этотъ портретъ, посреди комнаты надъ диваномъ—мужъ княгини Дашковой, слышій красавцемъ въ свое время и скончавшійся на 26-мъ году отъ роду. Вотъ эта дама, съ повелительнымъ видомъ, съ орлами вышитыми на ея горностаевомъ шлейфѣ—Екатерина II; а напротивъ ея внукъ—Императоръ Александръ. Но довольно о картинахъ. Въ концѣ этой комнаты, погруженная въ кресло, передъ небольшимъ столомъ, выложенномъ мозаикою въ видѣ шашечницы, въ лиловомъ шелковомъ халатѣ и въ бѣломъ, мужскомъ, ночномъ колпакѣ, съ своею черною собакою-фиделькою, спящею у ея ногъ—сидитъ княгиня. Она ожидаетъ нашего возвращенія домой, такъ какъ этотъ вечеръ предназначенъ для прочтенія дюжины писемъ, лежащихъ въ этомъ большомъ, бумажномъ конвертѣ и составляющихъ частицу той переписки, которая происходила между Императрицею Екатериною и ею, съ того времени, когда ей минуло 18 лѣтъ и до выхода ея изъ Академіи. Подобныя пред-

меты, какъ воскрешающіе уже почти законченное жизненное поприще, придаютъ какое-то тягостно-взволнованное оживленіе ея наружности—и мнѣ желательно, чтобы это поскорѣе кончилось. Анна Петровна уже заняла свое мѣсто и приготовила свое крупное, шерстяное визаніе

IX.

Воскресеніе, 7-го Декабря.

Вы могли замѣтить, что прошли уже пять дней съ той минуты, когда я была вынуждена прервать свой разсказъ; тѣмъ временемъ приблизился день св. Екатерины—небесной покровительницы княгини Дашковой, со всѣми его духовными и свѣтскими требованіями и обязанностями. Такъ какъ мы носимъ одно имя съ княгинею, то она и рѣшила, что этотъ день долженъ быть вдвойнѣ отпразднованъ. Вслѣдствіе сего, наканунѣ этого дня, было совершенно торжественное богослуженіе въ большой столовой, причемъ собрались какъ слѣдуетъ священники и пѣвчіе съ ладономъ и святыми иконами. «Богъ» (Vog) былъ блестящимъ образомъ освещенъ въ переднемъ углу; а серебряное изображеніе св. Екатерины отражалось въ большомъ зеркалѣ, во всѣмъ блескѣ окружавшихъ его горящихъ лампадъ. По окончаніи церемоній, всѣ на лицо находившіяся разнородныя личности приблизились съ своими поздравленіями и приношеніями. Вдоль стѣны стояли крестьяне, каждый съ большимъ хлѣбомъ, на которомъ возвышалась горка соли и подносили ихъ въ видѣ привѣтствія, при чемъ нѣкоторые присоединяли къ этому небольшую тарелку съ яблоками, чтобы украсить свой даръ. Затѣмъ мы съ княгинею обмѣня-

лись подарками, и обѣ получили такювые-же отъ М*... и Анны Петровны; почта въ тотъ-же вечеръ принесла поздравительныя письма отъ всѣхъ родственниковъ княгини изъ Москвы. Такимъ образомъ прошелъ канунъ дня св. Екатерины.

На другой день мы отправились въ церковь, гдѣ происходило приличествующее этому случаю богослуженіе. Наше общество теперь увеличилось по случаю пріѣзда князя Дашкова, г. Постникова, графа Санти (племянника княгини), генерала Елагина съ семействомъ и еще многихъ другихъ лицъ изъ ея сосѣдства. Затѣмъ вы можете себѣ вообразить насъ возсѣдающими за большимъ обѣденнымъ столомъ, съ княгинею во главѣ его, а я по правую ея руку. Мы должны были обѣ вмѣстѣ принимать поздравленія отъ всего общества на Русскомъ, Французскомъ и Англійскомъ языкахъ; всякій изъ присутствующихъ вставалъ и, съ бокаломъ шампанскаго въ рукѣ, привѣтствовалъ насъ съ днемъ нашего Ангела и пилъ за благополучное возобновленіе этого дня. Вечеръ прошелъ съ помощью музыки и картъ, и теперь мы вернулись къ тому, на чемъ остановились, т. е. на предстоящей поѣздѣ въ лѣсъ. Въ пятницу мы уѣзжаемъ въ Москву; до тѣхъ поръ вы должны довольствоваться тѣмъ, что вамъ уже извѣстно о Троицкомъ.

X.

Понедѣльникъ, 8-го Декабря.

Если мысль о праздничномъ обѣдѣ, который я вамъ описывала, возбудила въ васъ голодъ, то вамъ стоитъ только спуститься внизъ и занять мѣсто за большимъ четверугольнымъ обѣден-

нымъ столомъ. Прежде всего, прошу васъ скушать нѣсколько яичныхъ пирожковъ съ вашимъ супомъ и затѣмъ запейте ихъ медомъ или квасомъ (quass). За тѣмъ потрудитесь взять нѣсколько икры —внутренности осетра. Можетъ-быть, вы предпочитаете уху? Котлеты, домашняя птица, дичь, овощи— все въ нашемъ распоряженіи; и не забудьте скушать соленый огурецъ съ жаркимъ. Какъ вамъ нравится свинина и взбитыя сливки, а потому яблочный пирогъ, или сырые яблоки изъ Крыма, изъ Сибири или прозрачно-пальмныя, или Кіевскія варенья, или сотовый медъ, или варенье изъ розовыхъ листьевъ, или начиненныя сливы?

Ради Бога, не кушайте больше, потому что черезъ шесть или семь часовъ вамъ придется сѣсть за такой-же точно обѣдъ, называемый ужиномъ; и такъ если вы еще не совсѣмъ уѣзжаете, то вамъ слѣдуетъ, покада освѣжаютъ столовую, пройти черезъ этотъ длинный корридоръ въ кабинетъ княгини, моей милой, доброй старушки! И я въ правѣ такъ выразиться, потому что добродушное вниманіе и сердечное дружелюбіе, которое выражалось въ каждомъ ея словѣ и движеніи относительно меня съ первой минуты нашего знакомства, никогда не прерывались ни на минуту. Она меня называетъ избранною сестрою своего сердца и, независимо отъ добродушной привѣтливости въ ея обращеніи со мною, она постоянно изыскиваетъ всевозможные удобные случаи, чтобы во всемъ до меня касающемся выставлять и восхвалять мою семью и мое отечество.

Мнѣ часто впадало на мысль, съ тѣхъ поръ, что я здѣсь, какая трудная задача была-бы въ точности изобразить характеръ княгини Данковой. Мнѣ кажется

это положительно невозможнымъ. Особенности и своеобразныя проявленія ея природы таковы, что всякая попытка въ этомъ родѣ показалась-бы сплетеніемъ человѣческихъ противорѣчій. Конечно они составляютъ нашу общую принадлежность; но этотъ сырой матеріалъ нисколько еще не выражаетъ собою того, что изъ него развивается, и горе той отдѣльной личности, которую пожелають подвести подъ одно общее начало. Вы всегда будете считать ее въ нѣкоторомъ родѣ совершенствомъ, если бы безусловно будете вѣрить моему глубокому знанію ея природы; точно также, какъ вы сочли-бы всю Европу за земной рай, если-бы вы никогда не покидали Италіи и по ней судили-бы объ остальномъ. Вѣдунгъ ея вы можете найти столько-же разнообразныхъ климатическихъ отгѣнковъ, столько-же случайныхъ островковъ, столько-же разрушительныхъ вулкановъ, столько же непочатыхъ пространствъ бесплоднаго развитія, какъ и въ любой странѣ свѣта. Мнѣ кажется, что она была бы всего болѣе на мѣстѣ у кормила правленія, или главнокомандующимъ арміею, или главнымъ администраторомъ Имперіи. Она положительно рождена для дѣла въ крупныхъ размѣрахъ, — что нисколько не противорѣчитъ жизненному иприщу женщины, которая восемнадцати лѣтъ отъ роду стояла во главѣ революціи и затѣмъ двѣнадцать лѣтъ къ ряду управляла Академіею наукъ и искусствъ.

Понедѣльникъ, вечеромъ.

Вы мнѣ, пожалуй, не повѣрите, если я вамъ скажу, что княгиня не въ состояніи понять ничего смѣшнаго. Я не думаю, чтобы она поняла чтонибудь кар-

рикатурное даже на словахъ. Вчера за обѣдомъ случился тому небольшой при-мѣръ. Она сказала М., что ей стыдно было не нюхать табаку, имѣя семь или восемь царскихъ табакерокъ и шутя спросила меня, какому наказанію слѣдуетъ ее за это подвергнуть. На это Анна Петровна и я мы глубокомысленно возра-зили, что книгинѣ слѣдовало бы посту-пить съ носомъ М., какъ она поступаетъ съ растеніями въ своемъ саду—привить его, и тогда на немъ возникнетъ столь-ко же новыхъ отпрысковъ, сколько у нея имѣется блестящихъ табакерокъ. Кни-гиня готова была заплакать и сочла насъ какими-то злодѣями. Она тотчасъ пере-мѣнила разговоръ.

ХІ.

Суббота вечеромъ. Москва, Декабря 15-го.

Мы только что приѣхали, послѣ самой бѣдственной поѣздки, какую мнѣ когда либо приходилось совершать; но наша радость о томъ, что мы добралась до Москвы, была грустнымъ образомъ ом-рачена извѣстіемъ, полученнымъ книги-нею, что ея любимый братъ, государ-ственный канцлеръ, едва ли останется въ живыхъ. Сынъ ея при немъ; и если обстоятельства не измѣнятся къ лучшему, то мы вѣроятно отправимся въ Андреев-ское, имѣніе князи Воронцова, гдѣ онъ теперь находится, около двухъ сотъ верстъ отъ Москвы*. Это страшный ударъ! Я должна идти спать, потому что мои кости разбиты въ дребезги изрытыми до-рогами и ледяными горами и ухабами.

* Нынѣ, по Нижегородской желѣзной до-рогѣ, въ 140 верстахъ.

П. Б.

ХІІ.

Москва, 18 Февраля 1806 г.

Я была погружена въ чтеніе вашего письма, когда появился князь Юсуповъ. чтобы вести меня къ обѣду; и покуда я шествовала съ нимъ, украшеннымъ всѣми возможными знаками отличія, черезъ цѣлый рядъ покоевъ, зимнихъ садовъ и картинныхъ галлерей, подъ звуки музы-ки,—и могла мысленно остановиться на тѣхъ блаженныхъ образцахъ, которые вы вызвали въ моей душѣ. Но будемте гово-рить теперь объ обѣдѣ, а не о письмѣ вашемъ, которое мнѣ его испортило; и, въ видѣ христіанскаго возмездія, примите отъ меня въ даръ двадцать семь празд-нествъ—на которыхъ мы пировали на-чиная съ 6-го Января, нашихъ святокъ (Christmas-day).

Вамъ конечно понятно, что это мени нѣсколько утомило. Окружающія насъ роскошь и великолѣпіе теряютъ свою прелесть, когда приманка новизны на-чинаетъ ослабѣвать; и тѣ неестествен-ные часы, въ которые все это творится, къ несчастію способствуютъ къ умень-шенію ожидаемаго удовольствія. Я не буду входить здѣсь въ особенныя по-дробности, потому что я прошла черезъ все тѣ, что уже описано въ письмахъ М. Общее впечатлѣніе, сохранившееся въ моемъ воображеніи, состоитъ въ томъ, что я какъ будто бы витала среди при-видѣній временъ Екатерины. Москва—это государственныя, политическія Ели-сейскія поля Россіи! Всѣ тѣ, кто былъ въ силѣ при Екатеринѣ и Павлѣ и всѣ тѣ, кто нынѣ не въ милости или счита-ются обойденными Александромъ, поль-зуются здѣсь, въ этомъ лѣнивомъ, изнѣ-женномъ, великолѣпномъ Азіатскомъ го-

родѣ, какимъ-то призрачнымъ значеніемъ, основаннымъ на одномъ лишь учетивомъ вниманіи: потому что все дѣйствительное вліяніе уже давно перешло въ видѣ наслѣдства къ ихъ преемникамъ, которые согрѣваются лучами нынѣ царствующаго двора и управляютъ Имперією изъ Петербурга. Однакоже встревоженный и разукрашенный призракъ князя Голицына (оберъ-камергера въ царствованіе Екатерины) сохраняетъ свои знаки отличія, свои звѣзды и ленты, которые, въ прибавокъ девятистолѣтнему бремени, вдвойнѣ клонятъ старческой ставъ его къ землѣ. Этотъ призракъ носить на костливыхъ раменахъ своихъ брилліантовый ключъ, ленты и всѣ свои блестящіе доспѣхи и пользуется подобающимъ почетомъ среди своихъ товарищей - призраковъ, которые въ прежнія времена раздѣляли съ нимъ государственныя почести.

Другой подобный, блестящій призракъ это графъ Остерманъ, государственный канцлеръ Имперіи того-же времени. Орденскіе знаки Св. Георгія, Александра Невского, св. Владиміра и пр. развѣшаны на немъ на красныхъ, голубыхъ и разноцвѣтныхъ лентахъ. Восемьдесятъ три года мертвящею пирамидою воздвиглись надъ его головою; и этотъ трепещущій остовъ колышется въ своей каретѣ, запряженной восемью лошадьми, объѣдетъ не иначе, какъ съ стоящими за его креслами гайдуками и требуетъ, чтобы ему оказывали изъ вѣжливости всѣ тѣ же почести, которыя принадлежали ему по праву во дни дѣйствительнаго его значенія при дворѣ.

Графъ Алексѣй Орловъ, бывшій генералъ-адмиралъ временъ Екатерины, своимъ богатствомъ превосходитъ всѣхъ

владыкъ образованнаго міра и утопаетъ среди чисто-Азіатской роскоши.... Онъ тоже въ числѣ нашихъ Московскихъ призраковъ; такой же и генералъ Корсаковъ, —этотъ осиротѣвшій фаворитъ, котораго можно почти назвать алмазнымъ видѣніемъ и который, не взирая на свои морщины, еще лелѣетъ въ самомъ себѣ воспоминаніе о минувшемъ отличіи, возбуждавшемъ столько зависти въ средѣ его сверстниковъ.

Однимъ словомъ всѣ высшіе сановники (а мы увь! только и вертимся въ этомъ кругу) принадлежатъ, какъ я уже сказала прежде, другому міру; а между тѣмъ ими руководятъ тѣ же сплетни о придворныхъ увеселеніяхъ, тоже тщеславіе, таже наныщенная гордость, таже чванство и также составляютъ все ихъ горе и радость, какъ будто и нѣтъ имъ дѣла до могилы, готовой разверзнуться передъ ихъ колеблющимися ногами и предать вѣчному забвенію ихъ позлащенные существованія!

Эти вышеназванные представители Москвы, разумѣется, дополняются женами, дочерьми и внучками, прекрасно одѣтыми, сидящими въ позлащенныхъ будуарахъ, окруженными прислуживающими имъ рабами, воскуряющими оміамы и подносящими всякія сласти ихъ гостямъ; и хотя онѣ отличаются почти общою наружностью на Французскій ладъ, хотя Французскій языкъ признается господствующимъ въ ихъ обществѣ, ихъ туалеты тоже и юное поколѣніе воспитывается Француженками и Французскими аббатами; но при всемъ томъ, онѣ бѣльшею частью не могутъ назваться ни благовоспитанными, ни пріятными дамами, а только исключительно подражательницами и потому часто пересали-

вають во внѣшнихъ приемахъ и хваткахъ, нисколько не заботясь о той гармонической прелести въ обращеніи, которая преобладаетъ и такъ плѣняетъ во Франціи. Когда Московскія барыни оглядѣли васъ съ головы до ногъ, перецѣловали васъ раза четыре или разъ шесть вмѣсто двухъ, поручили себя нашей вѣчной дружбѣ, въ шутовскомъ тонѣ и прямо вамъ въ лицо провозгласили, что вы прелестны, разспросили о цѣнѣ каждого предмета въ вашемъ нарядѣ, и выразили свои предположенія на счетъ болѣе или меньшей удачи предстоящаго бала въ благородномъ собраніи — болѣе отъ нихъ уже ожидать нечего. Едва ли мысли ихъ могутъ простираться далѣе, развѣ только, чтобы бранить Русскихъ ювелировъ и восхищаться искусству Французскихъ.

И сдѣлала одно общее замѣчаніе, что, при сравненіи Англичанъ съ Французами, всѣ предубѣжденія Москвичей (и мнѣ кажется даже всѣхъ Русскихъ вообще) направлены противъ первыхъ, несмотря на то, что они насмѣхаются надъ Буонапарте и оплакиваютъ Нельсона. Въ общемъ смыслѣ они относятся съ уваженіемъ къ Англійской націи; но ея обычаи не извѣстны, языкъ не въ употребленіи, ея нравы неприятны, и ея жители подвергаются порицанію совершенно особаго свойства по сравненію съ другими націями. Тѣ молодые Англійскіе путешественники, которые понравились, пользуются этимъ отличіемъ именно во имя того, что имъ вовсе несвойственно на родинѣ: что они хорошо вальсируютъ, говорятъ по-нѣмецки и по-русски, называя при этомъ всѣхъ «ваша свѣтлость и ваше превосходительство» и что они безъ мпосердія восхваляютъ все

Русское, несмотря на то, что они сами постоянно отдають предпочтеніе всему Французскому.....

Домъ здѣсь поистинѣ великолѣпны: пиры блещутъ всѣми дарами четырехъ временъ года; при этомъ цѣлыя хоры музыки раздаются и, такъ сказать, гармонизируютъ со всѣми яствами, вамъ предлагаемыми. Если я вамъ сдѣлаю бѣглый очеркъ образа жизни генерала Кнорринга, то онъ послужитъ вамъ образцемъ для остальныхъ. Онъ служилъ лѣтъ двадцать гдѣ-то на окраинахъ Имперіи, въ Грузіи или Персіи.

Когда мы пріѣхали, то насъ ввели въ переднюю, гдѣ тридцать или сорокъ слугъ въ богатыхъ ливреяхъ кинулись снимать съ насъ шубы, теплые сапоги и пр. Затѣмъ мы увидѣли, въ концѣ цѣлаго блестящаго ряда изукрашенныхъ и ярко-освѣщенныхъ комнатъ, самаго генерала, съ старомодною почтительностью ползущаго къ намъ на встрѣчу, отражаясь въ зеркалахъ со всѣхъ сторонъ и даже вверхъ ногами въ зеркальныхъ потолкахъ, осыпаннаго орденами и поспѣшавшаго встрѣтить насъ въ дверяхъ передней съ постоянными поклонами. Когда онъ поцѣловалъ наши руки, а мы его въ лобъ, то онъ провелъ насъ черезъ разные великолѣпные покои (но, странно сказать, безъ ковровъ). куда мы дошли до закуски, т. е. стола, установленнаго водками, икрой, хрѣномъ, сыромъ и марнованными сельдями, кругомъ котораго стоитъ обыкновенно все общество и лакомится въ ожиданіи картъ, за которыми сидитъ до двухъ или трехъ часовъ. Тогда каждый мужчина подставляетъ свой локоть дамѣ, и вся эта процессія изъ тридцати или сорока паръ, торжественно выступаетъ подъ звуки музыки»

и садится за трехчасовое обѣденное прпшество. Всѣ горничныя, образуя цѣлый женскій хоръ, стоятъ толпою въ дверяхъ и поютъ національныя пѣсни съ аккомпаниментомъ скрипокъ и другихъ инструментовъ. Маленькій Китаецъ и маленький Арапченокъ, въ присвоенныхъ имъ костюмахъ, Черкешенка въ прелестномъ одѣяніи своей отчизны и Калмычка въ княжескомъ костюмѣ (все дополнительныя принадлежности домашняго быта) съ присоединеніемъ къ нимъ еще нѣсколькихъ рабовъ, полоненныхъ въ военное время или полученныхъ въ подарокъ, бѣгаютъ кругомъ стола для потѣхи общества, иногда поютъ, иногда прыгаютъ, при чемъ ихъ цѣлуютъ и одѣляютъ сладостями.

Когда мы съ тою же процессіею, съ которою мы вступили въ столовую или вѣрнѣе въ обѣденную галерею, вернулись въ гостинную, наше развлеченіе заключалось въ томъ, что тѣже и еще другія дѣвицы забавляли насъ различными пляскамн, покуда мы распинали нашъ кофе и заказывали имъ различныя національныя представленія по внушенію нашего любопытства. Все это, какъ вы видите въ Азіатскомъ вкусѣ. Приносятъ свѣчи, зажигаются люстры, представляются къ окнамъ транспараны, вмѣсто ставней, и когда только что настаетъ вечеръ, — всѣ разѣзжаются и оставляютъ хозяевъ однихъ. Насъ тогда всѣхъ укутываютъ и везутъ домой часовъ въ шесть или въ половинѣ седьмого, какъ разъ въ томъ настроеніи, когда особенно не по вкусу холодныя, пустыя и уединенныя комнаты.

Увы! Срокъ нашего пребыванія въ Москвѣ уже почти истекъ; — и я сердечно о томъ сожалею: здѣсь какъ-то

теплѣе, чѣмъ въ Троицкомъ. и почти всякій день мы съ М** бродили съ часъ по снѣгу кругомъ дома, къ удивленію всѣхъ Русскихъ, которые никогда зимою не ходятъ пѣшкомъ въ видѣ упражненія для здоровья.

Я должна описать вамъ любопытное собраніе, на которомъ мы присутствовали недѣли три тому назадъ. Я выражала княгинѣ мое сожалѣніе, что по случаю нашихъ постоянныхъ сношеній съ высшими слоями общества, мы лишены зрѣлища многихъ національных особенностей: напимѣръ домашняго быта купечества, лавочниковъ и пр. Она обѣщала мнѣ отчасти удовлетворить мое любопытство, и тутъ-же былъ назначенъ день, когда наше общество, въ числѣ шестнадцати или семнадцати лицъ, должно было обѣдать въ самомъ знаменитомъ изъ Московскихъ трактировъ. За столомъ всѣ блюда (а ихъ было не менѣе ста) подавались въ Русскомъ вкусѣ, и всѣ носили особый, національный отпечатокъ. Для полноты картины, хозяйка трактира, украшенная золотыми тканями и брилліантами, помѣщалась во главѣ стола, съ намалеванными, какъ у куклы, лицомъ, шеєю и руками; этотъ способъ раскрашиванія тѣла — въ числѣ національныхъ обыкновеній и существуетъ съ первыхъ временъ въ Россіи. Наша прислуга состояла изъ сорока человекъ, съ бородами, въ желтыхъ, красныхъ и пестрыхъ рубашкахъ, съ приподнятыми рукавами, такъ что половина рукъ оставалась обнаженною, и безъ сюртуковъ и жилетовъ. Тутъ-же находился мальчикъ, который игралъ на органѣ и который за это право платилъ хозяину трактира нѣсколько сотъ рублей въ годъ, что мо-

жетъ служить доказательствомъ, въ какой степени это заведеніе посѣщалось публикою и какъ музыка здѣсь почитается насущною жизненною потребностью. Послѣ кофе былъ вызванъ для нашей потѣхи хоръ Цыганъ, одѣтыхъ въ расшитыя золотомъ пали, пристегнутыя къ одному плечу и въ серьгахъ пзъ разной мелкой монеты. Какъ прекрасно они плясали Цыганскіе и Египетскіе танцы, напоминая пляшущія фигуры Геркуланума! Въ тѣ минуты, когда пмъ слѣдовало выражать страхъ, живость пляски доходила до нзступленія: и ихъ тѣлодвиженія, сопровождаемыя прерывающимися возгласами, производили такое дикое и «верхъестественное дѣйствіе, что мудро было бы вообразить ихъ обитателями нашей сонной планеты.

Я только что вернулась навѣрхъ, послѣ ухода нѣкоторыхъ обычныхъ посѣтителей; и я такъ привыкла къ ихъ обращенію, что моя наблюдательность отуманена; иначе на сколько ихъ манеры во многихъ случаяхъ должны-бы поразить меня своимъ различіемъ со всѣмъ что мнѣ приходилось видѣть въ другихъ мѣстахъ! Никто не смѣетъ сѣсть при своихъ начальникахъ безъ особаго позволенія. Въ эту минуту княгиня сидитъ на своемъ диванѣ, разговаривая *одна*; а съ полдюжины разныхъ князей, съ шапками въ рукахъ, стоятъ передъ нею. Самые скромные изъ нихъ никогда не переступаютъ далѣе порога, какъ будто они пригвождены къ своей треугольной шляпѣ, и выстаиваютъ то на одной, то на другой ногѣ, въ видѣ отдыха.

Подчиненность всесильно господствуетъ въ Москвѣ, и положеніе *дворянина* (gentleman) не пользуется своимъ величующимъ значеніемъ на столько,

чтобы сдѣлать кого-бы то ни было равнодушнымъ къ оттѣнкамъ царскаго расположенія. И потому старыя остова мушннъ и дряхлыя старушки здѣсь всемогущи, такъ какъ они могутъ выставлять болѣе знаковъ отличій и хвалиться бѣльшими почестями, чѣмъ молодые. Что-же касается до молодыхъ людей пріятныхъ и свѣтскихъ, то ихъ очень мало, потому что они по большей части достигаютъ отличій при дворѣ въ Петербургѣ или въ арміи. Ихъ замѣняетъ толпа еще несложившихся мальчиковъ, которые тѣснятъ въ дверяхъ, разряженные какъ куклы въ новыя платья, съ пудрою и помадою, съ ихъ Французскими наставниками, слѣдящими издали за ихъ первымъ удачнымъ поклономъ и вступленіемъ въ кругъ выспихъ сановниковъ. Господи! Буди милостивъ ко всему безумію міра сего и ко мнѣ, посреди его вертящейся, какъ стержень вертится въ любови камнѣ!

ХІІІ.

....Въ отвѣтъ на ваше сообщеніе, я намѣрена поговорить съ вами о подобныхъ же предметахъ, примѣченныхъ мною въ Россіи — о бракахъ и о похоронахъ.

И такъ вы должны теперь вызвать въ своемъ воображеніи образъ храма, окруженнаго бородами поселянами, одѣтыми въ овечьи шкуры, съ ногами обвязанными соломой и съ рукавицами на рукахъ. Въ ожиданіи прибытія жениха и невесты, они обмѣниваются обычными выраженіями своего взаимнаго расположенія, заключая другъ друга въ обътія и борода съ бородою, сливаясь въ

поцѣлуютъ, исполненныхъ величаишаго почтенія. Такъ какъ основаніемъ къ этой картинѣ служить свѣтъ, то вы можете видѣть, какъ они прерываютъ эти обниманія, чтобы размахивать руками или согрѣвать ими свои носы; или они своими лбами касаются земли, самымъ усерднымъ образомъ осѣняя себя въ тоже время крестнымъ знаменемъ, какъ только они вспоминаютъ, что находятся передъ церковью. Около дюжины кибитокъ, на подобіе большихъ дѣтскихъ люлекъ, скользятъ на своихъ полозьяхъ и подѣзжаютъ къ церкви, гдѣ священникъ, облаченный въ эпитрахиль, ожидаетъ ихъ прибытія; тогда вылѣзаютъ женихъ съ невѣстою, изнемогая подъ бременемъ своего одѣянія, въ сопровожденіи всѣхъ родныхъ, которые только существуютъ у нихъ на свѣтѣ, но за исключеніемъ отца и матери невѣсты, остающихся дома и оплакивающихъ ея потерю. Теперь вы должны представить себѣ нѣчто подобное большому лѣсу во время грозы: столько разноцвѣтныхъ бородъ, включенныхъ и сѣдѣющихъ, мелькаютъ и движутся; столько рукъ размахиваются во всѣ стороны, кланяясь, крестясь и устремляясь къ дверямъ церкви. Священникъ принимаетъ счастливую чету въ самомъ храмѣ и, благословивъ ихъ и осѣнивъ ихъ крестнымъ знаменіемъ, даетъ имъ въ руки освященные свѣчи и подводитъ ихъ къ какому-то треножнику въ нѣкоторомъ разстояніи отъ главнаго алтаря, гдѣ онъ опять изрекаетъ надъ ними благословеніе, производя каждое изъ массивной курильницы и скрывая ихъ отъ взоровъ облаками ѳиміама.

Тогда раздаются пѣніе причетниковъ. Затѣмъ приносятъ два кольца, которыми

ихъ благословляютъ надъ ихъ головами и, принявъ ихъ отъ священника, они обмѣниваются ими, но предварительно передаютъ ихъ своимъ шаферамъ и дружкамъ, которые возвращаютъ ихъ жениху и невѣстѣ, а тѣ уже сохраняютъ ихъ на пальцѣ на всю жизнь. Наклонивъ свои головы и свѣчи къ землѣ, они выслушиваютъ слѣдующую молитву священника: — «Ты, Владыко, явилъ намъ, что подобные обѣты должны быть произносимы, принимаемы и закрѣпляемы! Силою *кольца* дана была Иосифу власть въ Египтѣ. Силою *кольца* Даніиль прославился въ Вавилонѣ. Въ судьбѣ Фамари истина обнаружена силою *кольца*, и посредствомъ *кольца*-же напѣ Отецъ Небесный явилъ Свое милосердіе кающемуся сыну! «Возложите это кольцо на его правую руку», изрекъ онъ, «и заколите упитаннаго тельца, и будемъ ѣсть, пить и веселиться.» Благослови, Владыко, совершаемое нами нынѣ таинство Твоею небесною благодатью и да предшествуютъ имъ Ангелы Твои во вся дни живота ихъ».

По совершеніи этой части обряда, при которой невѣста была въ началѣ съ непокрытою головою, на нихъ торжественно налагаются вѣнцы, и они медленною поступью двигаются вокругъ алтаря съ руками, сложенными въ руцѣ священника, въ сопровожденіи своихъ шаферовъ и дружекъ, при чемъ вся эта брачная группа вооружена горящими свѣчами и участвуетъ въ пѣніи гимновъ и псалмовъ, раздающихся по всей церкви. Въ видѣ символическаго подобія всеобщей горькой юдоли земнаго существованія, брачной четѣ подносится чаша съ виномъ, къ которой они прикасаются по пяти разъ по очереди губами, покуда не

допьютъ ее до дна; и наконецъ они осматриваютъ себя въ зеркало, которое подносятъ имъ священникъ. Тогда снимаютъ съ нихъ вѣнцы, на новобрачную накидываютъ густое, бѣлое покрывало и окончательное благословеніе произносится надъ ними.

Затѣмъ намъ пришлось прокладывать себѣ дорогу сквозь толпу родни, которая увлекла молодую супругу съ опущенными взорами въ дальній уголъ храма, гдѣ покрывало было снято съ нея цѣлымъ полчищемъ старыхъ женщинъ, которыя расчесывали и заплетали ея волосы при всемъ собраніи,—при чемъ новобрачный сидѣлъ подлѣ со свѣчею въ рукѣ, повидимому, въ глубочайшей задумчивости, послѣ чего головной уборъ, скрывающій косы и служащій признакомъ замужняго состоянія, надѣвается, и ее увозятъ въ торжество въ домъ ея супруга. Тамъ ее немедленно помѣщаютъ во главѣ свадебнаго пиршества, которыми она руководитъ, не участвуя въ немъ сама, и старается поддержать искреннее веселіе, господствующее между всѣми участниками, за исключеніемъ ея подругъ, которыя горькими слезами оплакиваютъ потерю своей подруги, восклицаютъ ей хвалы и скорбятъ о ея замужествѣ, предвѣщаящемъ неизбежное расторженіе ихъ дѣвичьей дружбы.

Я описывала вамъ, какъ вы видите, крестьянскую свадьбу, единственную, которую я желала видѣть, убѣдившись, что, для полнѣйшаго уразумѣнія національных особенностей, всегда слѣдуетъ нѣсколько спуститься до нижнихъ словъ общественныхъ. Но не вздумаетъ ли вамъ перемѣнить картину и перейти къ могиламъ? Хотя смерть и ложится подъ мое перо, но я не намѣрена на-

водить на васъ грусть, такъ какъ саванникъ, на погребеніи котораго я присутствовала, способенъ былъ своею кончиною вызвать на размысленіе, но не возбуждать скорби. Это былъ отжившій царедворецъ, лишенный достоинствъ, уваженія и друзей, знакомый съ природою только по цвѣтамъ, вышитымъ на его кафтанѣ, безъ всякихъ душевныхъ свойствъ, кромѣ упornaго стремленія къ возвышенію и не оставившій послѣ себя никакихъ другихъ слѣдовъ, кромѣ минутнаго облака.

Я не стану останавливаться на той сценѣ, которая происходила въ его дворцѣ, потому что это было-бы отчасти повтореніемъ того, что впослѣдствіи совершилось въ церкви. Здѣсь онъ лежалъ, выставленный среди всего собранія прихожанъ, окруженный толпою священниковъ съ горящими свѣчами въ такомъ количествѣ, что они составляли какъ-бы замкнутый кругъ надъ его гробомъ. Тропари, литіи (getenia), молитвы, благословенія, крестныя знаменія и кажденіе занимали собою все время между выносомъ тѣла въ церковь и началомъ поздней обѣдни. Послѣ ея окончанія, священники, возвратившись вновь изъ алтаря, опять окружили гробъ, и голоса ихъ слились въ общемъ возгласѣ. . . .

(Мы считаемъ излишнимъ приводить здѣсь подстрочный переводъ тѣхъ молитвъ, которыя миссъ Вильмотъ вкладываетъ въ уста священнодѣйствующихъ: она очевидно записывала ихъ по словесному, неудовлетворительному и часто непонятому ею переводу окружавшихъ ее лицъ. Изъ представленнаго нами образца такихъ переложеній, по поводу описанія брачнаго обряда, ясно видно, что эта часть наблюденій и очерковъ любознательнаго и проникательнаго ума не могла быть послѣдствіемъ непосред-

ственнаго и личнаго вниманія и смутно передавалась со словъ другихъ и потому не представляетъ никакого особеннаго интереса)

Вотъ вамъ образецъ того, что беретъ около часу времени; но самая торжественная минута настааетъ, когда ближайшіе родственники подходятъ для послѣдняго прощальнаго поцѣлуя.

Во время этого торжественнаго приглашенія, всѣ въ глубокомъ траурѣ окружаютъ гробъ и прощаются съ усопшимъ въ послѣдній разъ. Тогда священникъ читаетъ отпустительную молитву и кладетъ въ руки покойнаго бумагу, называемую паспортомъ, заключающую въ себѣ исповѣданіе вѣры умершаго и молитву объ отпущеніи ему его грѣховъ. За тѣмъ гробъ закрывается и уносится въ могилу.

XIV.

Троицкое, 21-го Марта 1806 г.

Велико должно быть краснорѣчіе, которое въ состояніи дать понятіе о страданіяхъ Русскаго путешествія. По случаю постояннаго движенія обозовъ съ товарами по большимъ дорогамъ, онѣ до того изрыты, что образуютъ скалы замерзшаго, обледенѣлаго снѣга, по которому вы должны перебираться, постоянно подпрыгивая изъ бугровъ въ ухабы. Въ этихъ ужасныхъ ямахъ приходится иногда оставаться минутъ по двадцати, сдавленными одинъ на другомъ, покуда несчастныя лошади, падающія подъ напрасными усиліями васъ вытащить, не поднимутся опять на ноги съ помощью ударовъ, расточаемыхъ десятками слугъ, которые съ обѣихъ сторонъ поддерживаютъ вашъ экипажъ. Кромѣ нашей ка-

реты, въ которую мы съ Анною Петровою имѣли несчастіе быть уложены вмѣстѣ съ подушками, портфелями и одною изъ собакъ, съ нами были еще восемь повозокъ: такъ что, когда онѣ всѣ были поданы къ крыльцу въ Москвѣ, при лунномъ свѣтѣ, доставало только нѣсколькихъ слоновъ, чтобы дать понятіе объ Индійскихъ арміяхъ. Если присоединить къ этому физическія страданія, толчки и ушибы, дурноты и невыносимую усталость, которыя насъ ожидали, то сдѣлается понятнымъ, что мы не были расположены оставлять Москву, но крайней мѣрѣ, ранѣе шести недѣль.

И разумѣю въ этомъ случаѣ Анну Петровну, М** и себя; потому что княгиня, наша милѣйшая старушка, съ трудомъ скрывала свой восторгъ при мысли, что она возвращается въ Троицкое, которое она никогда-бы не оставляла, и ея ежегодная поѣздка въ Москву была жертвою, приносимую ею другимъ!

Не только мы не были расположены погружаться въ эту ледяную Аркадію, но хуже того: разныя побочныя обстоятельства еще ухудшали наше мрачное настроеніе и, откинувшись угрюмо назадъ въ нашей каретѣ, съ поднятыми стеклами, хмурились при видѣ всякаго мелькающаго передъ нами предмета, могущаго только усилить въ насъ сознаніе нашего бѣдственнаго положенія, — мы находили несовмѣстнымъ съ нашимъ достоинствомъ даже выражать наши чувства: тѣсно связанныя однимъ общимъ ощущеніемъ, мы пребывали безъ словъ въ безмолвномъ отчаяніи. Даже церкви утратили свою обаятельную силу въ глазахъ моей спутницы, и широкой крестъ, которымъ она такъ охотно себя осѣняетъ, среди самой оживленной бесѣды.

теперь, при проѣздѣ мимо этихъ величественныхъ зданій, какъ-то угрюмо остывалъ на лбу ея; и даже ея любимый образокъ, висящій у нея на шеѣ съ минуты ея крестинъ и не покидавшій ее съ той поры ни разу, не былъ приложенъ къ ея губамъ съ мольбою отвратить отъ насъ могущія намъ встрѣтиться испытанія. Когда какое-то невольное чувство хвастовства побудило нашихъ ямщиковъ торжественно промчаться черезъ Москву, то мы неожиданно влетѣли въ ухабъ съ такою силою, что вопли и слезы, молитвы и спирты, стоны и дорожные мѣшки, образа и подушки, жалобы, копченые языки, пироги и собаченки—все слилось въ одномъ разрушеніи!

Наконецъ общес молчаніе было прервано стараніями каждаго изъ насъ спасти свои кости отъ окончательной гибели. — «Ради Бога, мой другъ, скажите, живы-ли вы?» было первымъ восклицаніемъ, вырвавшимся у моей снуггини, когда она очнулась отъ этого смугненія; на что последовалъ отвѣтный стонъ: «Нѣтъ, я сейчасъ умираю, и мои настоящія ощущенія имѣютъ весьма малое сходство съ тѣми благами земными, которыя мы покинули въ Москвѣ!»

Повтореніе подобныхъ происшествій составляло единственное разнообразіе нашего путешествія въ продолженіи двадцати часовъ, потому что для Русскихъ все равно странствовать днемъ или ночью, по случаю совершенной невозможности найти какой-нибудь пріютъ на пути. Однако теплая погода доставила намъ, по крайней мѣрѣ, возможность не страдать отъ холода; а сѣверное сіяніе, благодаря яркой бѣлизнѣ снѣга, благополучно сопутствовало намъ

во время ночнаго мрака и доставило насъ въ Серпуховъ, гдѣ мы нашли наше обычное убѣжище въ деревянномъ домѣ, отстроенномъ княгинею для себя и для друзей. Мы выѣхали оттуда не ранѣе среды, при полнѣйшей оттепели.

Поля, пустынные, ровныя и погребенныя въ снѣгу, исчезали въ сумрачныхъ облакахъ туманной дали. Какъ мрачна зима, не оживленная человѣческимъ движеніемъ! Намъ казалось, что природа, облеченная въ свой удушливый саванъ, не воскресеть никогда. Мрачное появленіе угрюмыхъ и холодныхъ лѣсовъ возвѣстило намъ приближеніе къ пустынному Троицкому, которое наконецъ показалось изъ-за церкви и заявило о себѣ запахомъ ладана и пѣніемъ священниковъ при благодарственномъ молебствіи, по случаю нашего благополучнаго возвращенія.

Мы застали М**, лежащую торжественно на диванѣ (она пріѣхала съ княгинею прежде насъ), въ полнѣйшемъ изнеможеніи. У нея сильно болѣло горло, и во всемъ домѣ розыскивали разныя лѣкарства. Съ тѣхъ поръ она не вставала съ постели, хотя она теперь уже совсѣмъ поправилась; наша милѣйшая княгиня почти ни на минуту не отходила отъ нея.

Но будемте говорить о чемъ-нибудь другомъ. Я предпочитаю увлечь васъ назадъ въ Москву и возвести васъ на вершину самой высокой башни, откуда видъ великолѣпный, необыкновенно пространный и поразительный, съ тѣмъ, чтобы подѣлиться съ вами чуднымъ впечатлѣніемъ, которое мы тамъ испытали недѣли двѣ тому назадъ. Эта башня, именуемая Иванъ Великій, составляетъ одно изъ замѣчательнѣйшихъ зда-

ній Кремля, возвышаясь посреди его укрѣпленій въ самомъ центрѣ Москвы. Гербы подвластныхъ Имперіи областей украшаютъ окружающія се стѣны, и Императорскій орелъ развѣваетъ свои золотыя крылья среди блестящихъ крестовъ, возвышающихся надъ сотнями церквей. Рѣка, извивавшаяся серебрянымъ серпомъ вдоль всего города, ярко оживаетъ всю мѣстность. Здѣсь, на ея оледѣвшей глади, вдоль большого круга, окаменнаго зелеными вѣтвями, пламенные скакуны Ливоніи, Татаріи и Аравіи, руководимые наѣздниками въ маленькихъ саняхъ въ видѣ раковинъ, мчатся съ изумительною быстротою; и тамъ-же пусть нашъ взоръ постарается уловить, если можетъ, движенія тѣхъ безчисленныхъ группъ, которыя, съ вершины высокихъ ледяныхъ горъ, устремляются внизъ съ такою силою и быстротою, что только птичій полетъ можетъ дать вамъ о томъ понятіе. Въ болѣе отдаленныхъ частяхъ рѣки прорублены отверстія, надъ которыми стоятъ цѣлыя ряды прачекъ полоскающихъ бѣлье, не взирая на морозъ. Здѣсь-же виднѣются на рѣчной поверхности корзины, величиною съ избушку, содержащія въ себѣ зимнюю рыбу и опущенныя на значительную глубину; и каждый владѣлецъ еженедѣльно навѣщаетъ свою водяную тюрьму, запасаясь рыбкою къ наступающему посту.

Стеченіе многихъ обстоятельствъ придастъ Москвѣ Азіатскій характеръ, несравненно болѣе другихъ городовъ Европы. На всѣхъ башняхъ полумѣсяцъ блеститъ подъ каждымъ крестомъ, знаменуя торжество христіанства, и сливается въ одно съ яркимъ блескомъ золотыхъ куполовъ, сіяющихъ на солнцѣ. Нарядныя прозрачныя колокольни, метал-

лическія вершины зданій, громадныя дворцы, охраняемые мраморными чудовищами и окруженныя частоколами; театры, арки, госпитали, монастыри, нерсѣкаемые большими садами, — все это вмѣстѣ образуетъ самое разнообразное и великолѣпное зрѣлище, составляющее особенность этой древней столицы.

Едва-ли что нибудь можетъ сравниться съ необыкновенною наружностью церквей, въ которыхъ наружныя стѣны покрыты исполинскими изображеніями святыхъ, на ярко-золотомъ фонѣ. Передъ этими грубыми символами святости вы видите тысячи людей осѣняющихся и падающихъ ницъ съ увлеченіемъ, болѣе достойнымъ идолопоклонства, чѣмъ религіи; затѣмъ они приподнимаются, возвращаются къ своимъ лошадямъ, покинутымъ на время и слѣдуютъ далѣе съ своими возами, нагруженными огромными льдинами, предназначенными для дворянскихъ погребовъ въ видѣ запаса на лѣто.

Послѣ нашего странствованія на вершину Ивана Великаго, позвольте вернуть насъ вновь въ Троицкое, чтобы отдохнуть съ нами въ нашей феодальной обстановкѣ: потому что по моему мнѣнію Россія еще теперь находится въ 14-мъ или 15-мъ столѣтіи. Да! Мнѣ хорошо извѣстна роскошь Москвы и просвѣщеніе Петербурга; но развѣ вамъ не случилось видѣть неуклюжую, бойкую, невѣжественную двѣнадцатилѣтнюю дѣвочку, съ Парижскою шляпою на головѣ? Такою представляется мнѣ и эта Имперія. Нѣсколько столѣтій окажутъ здѣсь тоже вліяніе, которое они имѣли и въ другихъ государствахъ Европы; но время должно сокрушить сперва тѣ сѣти, которыя связываютъ растеніе, чтобы оно могло окрѣпнуть и развиваться въ самостоятельное

явленіе: — слишкомъ сильныя средства могли-бы пригнуть его къ землѣ. Тоже самое можно сказать о Русской политической свободѣ и образованіи. Но съ какого права я вздумала совать мой носъ въ дѣла вселенной, какъ будто я держу ее въ своихъ рукахъ, какъ простое яблоко, чтобы старательно доказывать, что его розовая сторона сладка, а зеленая кисла?

Теперь я намѣрена свести васъ внизъ, въ залъ, гдѣ десятки крѣпостныхъ слугъ собрались съ обычнымъ хлѣбомъ и солью, чтобы привѣтствовать княгиню. При ея появленіи они падаютъ передъ нею на колѣна и губами касаются до пола съ тою бессознательною покорностью, съ которою преклоняются передъ какимъ-то высшимъ существомъ. Благодаря ея добродушію, ихъ судьба счастливѣе другихъ; но это еще мало говоритъ въ пользу самой системы. Всей дворянинъ всемогущъ, — будь онъ ангелъ или извергъ. Чаше случается послѣднее; и дѣйствительно, надобно быть почти ангеломъ, чтобы не испортиться при сознаніи своей неограниченной власти, и я смотрю на всякаго дворянина, какъ на желѣзное звѣно той массивной цѣпи, которая сковываетъ государство. А что касается до тѣхъ личностей изъ этого сословія, съ которыми мнѣ случалось встрѣчаться въ Москвѣ, то невозможно находиться въ ихъ обществѣ, чтобы не вспомнить, что они сами подвластны деспотическому давленію. Въ понятіяхъ большинства, можно безъ преувеличенія сказать, *добро* и *зло* почитаются синонимами *опалы* и *милости*. Оцѣнка, основанная на душевныхъ свойствахъ, всегда уступаетъ значенію занимаемой должности; и степень

оказываемаго почтенія можетъ гораздо точнѣе быть опредѣлена по придворной табели о рангахъ, чѣмъ положительными достоинствами. Если я желаю имѣть понятіе о добродѣтеляхъ какой нибудь Русской придворной особы, то мнѣ стоить только, не ожидая неизбѣжныхъ отвѣтовъ, которые мнѣ будутъ сдѣланы, взглянуть на его одежду и удостовѣриться въ присутствіи на ней этихъ четырехъ крупнѣйшихъ и непогрѣшаемыхъ добродѣтелей: красной — Александровской ленты, голубой — Андреевской, звѣзды св. Георгія и таковой-же св. Владиміра. Престолъ, на подобіе лучезарнаго свѣтила, согрѣваетъ своимъ благоволеніемъ счастливыхъ избранниковъ этихъ высокихъ отличій и налагаетъ на нихъ какой-то общій царственный отпечатокъ, который одинаково отражается какъ на змѣѣ, такъ и на ослѣ.

Увы! Будемте лучше говорить о чемъ нибудь пріятномъ; а не то я тотчасъ услышу ваше восклицаніе: «почему-же вы такъ не охотно покидаете Москву?» Не смотря на все мною сказанное, существуетъ множество *удовольствій* (agrement), вознаграждающихъ за недостатокъ прелести и господствующую неискренность въ обществѣ; такъ напримѣръ: необычайное развлеченіе ледяныхъ горъ и катаній въ саняхъ, оживленіе, возникающее среди омертвѣлой зимы, странность и живописная прелесть костюмовъ, сухость климата и прозрачность воздуха, печи, бани — вотъ что составляетъ мое наслажденіе. Правда, что я не часто пользуюсь ледяными горами; но я прогуливаюсь ежедневно передъ завтракомъ и по возможности послѣ обѣда.

XV.

Троицкое, 14-го Октября 1806 г.

Сегодня мы предпримемъ съ вами странствованіе къ знаменитой могилѣ святаго Дмитрія, особаго покровителя семейства Воронцовыхъ, куда мы отправились съ княгинею изъ Москвы на второй недѣлѣ Августа мѣсяца, признойной атмосферѣ въ 33% тепла. Однако въ Москвѣ мы должны остановиться съ вами на минуту (а въ дѣйствительности мы пробыли тамъ восемь дней), чтобы ознакомить васъ нѣсколько съ перемѣною, происшедшею въ ней въ лѣтнее время. Изъ всѣхъ городовъ въ мірѣ она, быть можетъ, менѣе всѣхъ походитъ на самоѣ себя по сравненію съ ея зимнею наружностью, когда яркія звѣзды безоблачнаго сѣвернаго неба блистали на ослѣпительномъ снѣгѣ и, сливаясь съ блѣднымъ свѣтомъ луны, освѣщали всѣ предметы при нашемъ возвращеніи домой послѣ нашихъ зимнихъ празднествъ. Тенерь-же золотые лучи постоянно свѣтлаго солнца, отражаясь на ея позлащенныхъ куполахъ, крышахъ и башняхъ, производятъ какой-то вѣчный, утомительный блескъ въ теченіи всего безконечнаго дня.

Мало назвать мученіемъ то, что моя голова претерпѣвала при нескончаемомъ звопѣ колоковъ. Что-же касается до мухъ, роящихся мошекъ и ядовитыхъ комарей, то ни одна изъ южныхъ странъ мнѣ извѣстныхъ не могла-бы превзойти Москву въ этомъ смыслѣ. Но за то слѣдуетъ, отдать ей справедливость въ нѣкоторыхъ другихъ отношеніяхъ. Ея бульвары и публичныя гульбища лѣтними вечерами просто прелестны, и вы составите себѣ нѣкоторое понятіе о томъ, въ какой мѣрѣ она заслуживаетъ на-

званіе «*gus in urbe*» (деревня въ городѣ), когда я вамъ скажу, что въ числѣ другихъ огромныхъ садовъ, прилегающихъ къ домамъ многихъ вельможъ, есть садъ, заключающій въ себѣ неменѣе четырнадцати Англійскихъ акровъ и принадлежащій ко дворцу графа Остермана *, въ самомъ центрѣ города.

Цвѣточный рынокъ, по великолѣпію выставки, можетъ также съ успѣхомъ соперничать съ подобными же рынками въ Лондонѣ и Парижѣ. Фрукты появляются въ полнѣйшемъ изобиліи, чему не слѣдуетъ удивляться, когда вспомнишь, что здѣсь теплицы составляютъ почти жизненную потребность и воздвигаются въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ. Ихъ арбузы извѣстны своею необыкновенною величиною и своими освѣжающими свойствами тѣмъ болѣе, что они появляются въ самую пору, чтобы утолять жажду во время лѣтняго зноя.

Прежде, чѣмъ прервать рѣчь о фруктахъ, я должна воздать хвалу достоинству Сибирскихъ яблокъ, которыя совершенно прозрачны и несравненно крупнѣе и душистѣе всѣхъ доселѣ мнѣ извѣстныхъ.

И такъ мы оставили Москву, какъ я уже сказала, 11-го Августа, вечеромъ, въ сопровожденіи двухъ кавалеровъ, родственниковъ княгини. Мы проѣхали 43 версты къ сѣверу по прелестной мѣстности, украшенной кое-гдѣ какою нибудь императорскою резиденціею, или прекрасными помѣстьями негоціантовъ, или величественными помѣщичьими замками, между которыми особенно отличалось имѣніе графа Разумовскаго, окруженное лѣсомъ и окаймленное рѣкою.

* Нынѣ зданіе Духовной Семинаріи. П. Б.

Потомъ мы проѣхали мимо владѣній г. Муромцева и князи Голицына, отражающихся въ лазурныхъ прудахъ, съ ихъ нарядными лодками, лебедями и плывучими мостиками. Наконецъ мы приѣхали къ г-жѣ Небольсиной, гдѣ насъ пригласили пробыть нѣкоторое время на пути къ Троицкому монастырю, этому Лоретто здѣшной страны, куда мы прежде всего направлялись. Здѣсь мы застали цѣлое общество мѣстныхъ вельможъ, съ музыкою, торжественнымъ пиршествомъ и другими удовольствіями въ честь нашего появленія. Хозяйка наша, живая, даже очень живая вдова, живетъ какъ царица въ своемъ славномъ помѣстьи, среди садовъ, кустовъ и цвѣтниковъ, устроенныхъ и содержимыхъ въ Англійскомъ вкусѣ.

На слѣдующее утро купанія, ораженіе, скотный дворъ, Англійская ферма, конный заводъ, карлики и разныя заморскія затѣи поочередно занимали наше время.

Послѣ обѣда мы всѣ отправились въ открытомъ экипажѣ въ сосѣднюю деревню (Кунавна), чтобы осмотрѣть фабрику князя Юсупова, гдѣ производство шалей и шелковыхъ тканей прекрасной выдѣлки доведено до великаго совершенства, такіе-же образцы матерій для мебели, какіе мы уже видѣли на станкахъ и нисколько не уступающіе тѣмъ, которые мнѣ случилось видѣть въ Ліонѣ. Князь арендуетъ эту фабрику у казны на извѣстныхъ условіяхъ. У него работаютъ семьсотъ человекъ, и онъ отвѣчаетъ за всѣ поврежденія какъ въ строеніяхъ, такъ и въ машинахъ. Но это не единственная его забота; подъ его управленіемъ находится еще бумажная фабрика, заводъ часовыхъ издѣлій

и, мнѣ кажется, еще другія ручныя производства.

На слѣдующій день должно было происходить освященіе воды, и ничто не можетъ сравниться съ тѣмъ театральнымъ зрѣлищемъ, которое представилось нашимъ взорамъ, когда мы отѣхали отъ дома для продолженія нашего путешествія. То было шествіе духовенства съ блестящими золотыми крестами, развѣвающимися хоругвями, въ предшествіи святыхъ иконъ и въ сопровожденіи всего сельскаго населенія, въ ихъ праздничныхъ костюмахъ, шествующихъ по берегу воды, которую они освящали съ соблюденіемъ различныхъ обрядовъ и церемоній, при полномъ хорѣ церковныхъ пѣвчихъ.

До Троицкаго монастыря намъ оставалось еще 58 верстъ; но къ счастью, большая часть этого пути пролегла въ тѣни лѣсовъ и оживлялась рядомъ великолѣпныхъ помѣстій, на подобіе мною уже прежде описанныхъ — каждое съ имѣющеюся при немъ церковью (обычная принадлежность каждаго Русскаго имѣнія) съ ея отдѣльно-стоящею колокольнею, возвышающеюся надъ зелеными вершинами деревьевъ и отражающею на своемъ позлащенномъ куполѣ, шарѣ и крестѣ, солнечные лучи.

Лѣсныя пространства были изрѣдка прерываемы золотистыми хлѣбными полями, во всей роскоши наступающей жатвы; и по сторонамъ дороги пестрѣло немовѣрное разнообразіе полевыхъ цвѣтовъ, придававшее необыкновенное оживленіе всей мѣстности.

Мы оставались въ пути весь день и всю слѣдующую ночь и приѣхали къ Троицѣ только въ четыре часа на другое утро. Здѣсь, вмѣсто того, чтобы по-

мѣститься въ маленькомъ деревянномъ домикѣ намъ предназначенномъ, мы обра- тили наши кареты въ постели и дремали какъ могли, подъ прикрытіемъ огром- наго навѣса, гдѣ экипажи всѣхъ воз- можныхъ посѣтителей были составлены вмѣстѣ безъ всякой церемоніи; и всѣ лошади къ нимъ принадлежавшія ржали, лягались, сопѣли и брыкали, сколько имъ было угодно.

Увы! Это уже значить забраться за кулисы; потому что для Британскаго щедушнаго тѣла испытанія Русскаго путешествія зимою или во время лѣт- няго зноя таковы, что они могутъ исто- чить самое упорное терпѣніе.

Особая повозка, набитая поварями, кухонными принадлежностями, всегда предшествовала намъ, и въ этомъ отно- шеніи намъ не приходилось жаловаться. Въ нашей свитѣ находился даже дворецкій съ запасомъ посуды. Таковы несообразности нашей дорожной обста- новки.

Когда мы наконецъ открыли наши гла- са, озираясь на нашихъ четвероногихъ друзей и ночлежныхъ товарищей, то взоры наши вскорѣ были поглощены ви- домъ древняго монастыря, возвышавша- гося передъ нами во всемъ своемъ го- тическомъ величїи, среди тѣхъ укрѣпле- ній, которыя однажды послужили охра- ною отступленія Петра 1-го, когда онъ нашель тамъ убѣжище отъ возмущенія стрѣльцовъ.

Не смотря на то, что Екатерина II урѣзала доходы частныхъ иноковъ этого монастыря, отнявъ у нихъ семьдесятъ тысячъ крестьянъ съ весьма незначи- тельнымъ за то вознагражденіемъ отъ казны, но при всемъ томъ сборы полу- чаются съ того сопма паломниковъ, ко-

торые притекають къ чудотворной оби- тели, чтобы приложиться къ священнымъ останкамъ Св. Сергія. Когда княгиня Дашкова приблизилась для совершенія этого обряда, то гробница была открыта двумя священниками, которые, при ея появленіи, начали совершать богослуже- ніе и раку, предлагая ей приложиться къ кресту и къ почернѣвшему, брэнному, изможденному персту святаго. На мѣстѣ туловища было только видно красное расшитое покрывало, а на изголовьи по- покоился блестящій вѣнецъ изъ драго- цѣнныхъ камней. Подлѣ его балдахина, обитаго золотою парчею съ жемчужною бахрамою, висятъ различныя украшенія изъ орденовъ и портретовъ, осыпанныя брилліантами, императорскіе вензеля и вообще разные символы земнаго величїя. Таковы предметы, украшающіе святили- ще того, кому стали поклоняться за его совершенное отъ нихъ отчужде- ніе!

Нынѣшній архіепископъ Платонъ, одинъ изъ знаменитѣйшихъ мужей цѣ- лой Россіи, почитается настоятелемъ этой обители. Въ немъ соединены всѣ свойства, наименѣе соглашующіяся съ религіознымъ характеромъ и политиче- скимъ строемъ его отчизны; но изъ ува- женія къ нимъ, онъ такъ строго соблю- даетъ всѣ внѣшніе обряды, что возбуж- даетъ обаяніе къ себѣ со стороны на- рода и внушаетъ какое-то благоговѣніе къ своей особѣ. И въ этомъ отношеніи онъ пользуется такимъ значеніемъ, бла- годаря своему уму и вліянію, что сни- скалъ себѣ великое уваженіе при дворѣ и вообще почитается одною изъ главныхъ пружинъ государственнаго организма.

Послѣ того, что насъ окружили обла- комъ омиама у гробницы св. Сергія,

гдѣ совершаются, говорятъ, ежедневныя чудеса, цѣлая толпа черныхъ инокѡвъ повела насъ осматривать сокровища монастыря. Они выставлены на подобіе выставляемыхъ въ музеяхъ рѣдкостей, въ нѣсколькихъ комнатахъ, съ вдѣланными въ стѣнахъ стеклянными ящиками, гдѣ помѣщаются всѣ одѣянія, числомъ до пяти сотъ, одежды на алтари (съ утвержденными въ нихъ по большей части частицами святыхъ мощей), священные сосуды и всѣ усердныя приношенія толпы кающихся грѣшниковъ, и все это устроено на показъ, образу блестящую выставку восточнаго великолѣпія и роскоши. Между прочимъ тамъ нѣсколько чашъ, поднесенныхъ въ даръ Екатериною II, прелестныхъ по ихъ цѣнности и отдѣлкѣ; такъ напримѣръ, одна изъ нихъ вырѣзана изъ оникса и осыпана алмазами; другая цѣльная, изъ одного краснаго камня, съ подножкою и ручкою изъ опала; а нѣсколько изъ чистаго золота, выложенныхъ жемчугомъ. На священническихъ ризахъ я замѣтила маленькіе билетки, и по спросѣ оказалось, что на нихъ отмѣчено количество фунтовъ вѣса тѣхъ жемчужинъ, которыми расшита каждая изъ этихъ ризъ: иногда восемь, иногда десять и даже двѣнадцать фунтовъ.

Чтобы дать нашимъ глазамъ отдохнуть отъ этого блестящаго, ослѣпительнаго проявленія идолопоклонства, мы поднялись на самую высокую колокольню, желая полюбоваться на обширный и прелестный видъ окружающей мѣстности, и въ числѣ живописныхъ предметовъ, плѣнившихъ нашъ взоръ, ни одно не могло сравниться съ пустынною обителью архіепископа Платона. Впослѣдствіи мы посѣтителн его. Но буду про-

должать лѣтопись нашего странствованія. На слѣдующее утро, поднявшись съ ивѣтухами и отѣхавши версть тридцать, мы расположились во время полуденнаго зноя въ лѣсной деревнѣ (Kiribiriva), во Владимірской губерніи, гдѣ наши высокія особы отдыхали въ теченіи четырехъ часовъ въ сараѣ; а между тѣмъ на опушкѣ прилегающаго лѣса былъ разведенъ огонь подъ открытымъ небомъ и тщательно изготовленъ нашъ обѣдъ. Покуда мы дремали на сѣнѣ, наши горничныя, вооруженныя зелеными вѣтвями противъ роя мухъ, помахивали ими надъ нашими утомленными головами. Какъ только жара нѣсколько спала, мы проѣхали еще тридцать версть и почевали въ знаменитомъ городѣ Переяславлѣ, расположенномъ при еще болѣе извѣстномъ озерѣ того же имени. Здѣсь-то, на этой прелестной водяной полосѣ, въ которой при нашемъ вѣздѣ въ городъ отражалась во всемъ блескѣ лазурь небесная, окаймляя ея берега серебристымъ отливомъ, Петръ Первый совершалъ юношескіе опыты тѣхъ подвиговъ, которые послужили къ водворенію въ его отчизнѣ нѣкотораго, быть можетъ даже преждевременнаго, просвѣщенія.

На другой день мы проѣхали еще версть шестьдесятъ и къ ночи достигли священнаго города Ростова, гдѣ, согласно съ тѣмъ-же обычаемъ, который соблюдался всюду, мы были встрѣчены у вѣзда главнѣйшими городскими чиновниками въ ихъ парадныхъ костюмахъ, и такимъ образомъ княгиня, въ сопровожденіи этихъ лицъ, окружавшихъ ея карету, была подвезена къ воротамъ собора, гдѣ мы вышли и, пробираясь черезъ тѣсную толпу, очутились у серебряной раки св. Дмитрія. Послѣ нѣсколькихъ ко-

лѣнопреклоненій со стороны княгини передъ этою конечною цѣлью нашего странствованія, священникамъ была заказана обѣдня на другое утро, когда княгиня прибудетъ въ 10 часовъ поклониться мощамъ и довершить свои религиозныя обязанности.

Если вы хоть на половину столько-же пресыщены, какъ я, этими подробностями объ этихъ старцахъ, причисленныхъ къ лику святыхъ, и вы вправѣ находить, что не моя вина, если вы не удовлетворены въ этомъ отношеніи — то вы охотно обойдетесь безъ повторенія разсказа о церемоніи, совершенной въ присутствіи княгини и весьма сходной съ описаною уже мною однажды. Я увѣрена, что вы предпочтете присутствовать при закрытіи массивныхъ дверей собора и присоединитесь къ разнообразной группѣ, черезъ которую протѣснился архимандритъ, чтобы принять княгиню и провести ее въ свои покои. Этотъ почтенный настоятель, съ распушенными по плечамъ кудрями, съ сѣдою бородою и въ своемъ широкомъ монашескомъ одѣяніи, привелъ насъ къ тому, что мы почитали его келію; но каково было наше удивленіе, когда мы увидѣли раскрашенные потолки, Итальянскія фрески, цѣлый рядъ свѣтлыхъ и весьма нарядно отдѣланныхъ комнатъ, съ царскими портретами по стѣнамъ; а передъ пунцовымъ диваномъ, на которомъ помѣстилась княгиня — столъ, покрытый всякаго рода яствами, къ которымъ почтенный хозяинъ убѣждалъ насъ приступить; въ тоже время чай и кофе, бисквиты и шоколадъ подавались намъ прислуживающими монахами, суетившимся кругомъ насъ въ своихъ монашескихъ рясахъ, развѣвавшихся на ходу.

А теперь, угостивши васъ въ монастырѣ нашего архимандрита, если вы согласны опять вернуться со мною въ Москву, то вы уже съ большимъ вниманіемъ навѣстите всѣ пройденныя вами мѣстности; и послѣ девяти-дневнаго отсутствія, употребленнаго на наше странствованіе, вы вернетесь со мною въ замокъ *, куда мы вѣхали въ пыли, усталые, разбитые и голодные.

Черезъ нѣсколько дней мы опять очутимся на Московской сценѣ, а теперь прощайте.

XVI.

Троицкое, 21 Октября 1806 г.

Я намѣрена говорить сегодня о первомъ предметѣ, который впадаетъ въ мою голову, именно о нѣкомъ Грузинскомъ князѣ, видѣнномъ мною въ Москвѣ въ прошломъ Августѣ мѣсяцѣ, послѣ нашего возвращенія изъ монастырей, на большомъ празднествѣ, данномъ на царскій счетъ въ Кремлѣ.

Цѣлью этого торжества была закладка новой академіи, совершенная генералъ-губернаторомъ Беклеповымъ, только что оставившимъ свою должность; почестъ эту предназначилъ ему его преемникъ-генералъ Тутолминъ. Г-нъ Валуевъ, завѣдывающій публичными постройками, выстроилъ по этому случаю палатки, въ которыхъ собрались всѣ сильные міра сего, архіепископъ и духовенство, исполнившіе духовную часть церемоніи посвященія, молитвы и другіе церковныя обряды, объ окончаніи которыхъ возвѣщено было съ крѣпости залпомъ пушекъ и громомъ военной музыки.

Среди всей этой тревоги, я была поражена внезапнымъ появленіемъ группы

* Такъ называется дѣвица Вильмотъ домъ княгини Дашковой, на большой Никитской, нынѣ князя Воронцова.

Грузинновъ, въ ихъ живописномъ одѣяніи, подносанныхъ Турецкими шалями, въ желтыхъ сапогахъ и съ руками, покрытыми брилліантовыми перстнями. Ихъ подвели къ княгинѣ и представили ей; при этомъ они выказали большую неловкость: видно было, что они вовсе незнакомы съ общепринятыми обычаями и правилами вѣжливости. Нѣкоторые изъ нихъ были князья, находящіеся въ подданствѣ Россіи и только что отпущенные въ Москву на порукахъ. Страна ихъ уже многіе годы находилась подъ Русскимъ владычествомъ, но ихъ начальникъ, гордый, смѣлый, необузданный дикарь, сталъ во главѣ позстанія и, присоединясь къ Персіанцамъ, съ оружіемъ въ рукахъ былъ взятъ въ плѣнъ Русскими противъ которыхъ онъ сражался. Сынъ его, красивый 17-ти лѣтній юноша, находящійся при немъ, отличался необыкновенно грустнымъ выраженіемъ лица, тогда какъ отецъ его, напротивъ, казалось, наслаждался новизною всего его окружающаго и съ любопытствомъ разспрашивалъ своего переводчика о значеніи всего того, что происходило вокругъ; въ тоже время видъ его показывалъ, что онъ съ гордостію сознавалъ свое мнимое превосходство. Меня интересовало и забавляло слѣдить за этимъ плѣннымъ вождемъ и его Азіатскою свитою въ то время, какъ они сидѣли напротивъ меня за блестящею трапезою, довершившею торжество этого дня. И смотрѣла на нихъ сквозь вѣтви огромныхъ фруктовыхъ деревьевъ, подъ роскошною тѣнью которыхъ были раскинуты столы для обѣда. Вотъ вамъ одинъ маленькій рассказъ. Теперь приступлю къ новому и опишу вамъ другой праздникъ, данный два дни спустя послѣ перваго, однимъ г-мъ Дурасовымъ въ честь

княгини, въ его прелестнѣйшемъ помѣстьѣ, лежащемъ въ 17-ти верстахъ отъ Москвы. Этотъ маленькій человекъ наследовалъ несмѣтные богатства отъ отца, владѣвшаго большими рудниками въ Сибирѣ, и имѣнье, въ которомъ онъ живетъ, по истинѣ можно назвать земнымъ раемъ*. Когда мы подѣзжали къ дому, онъ представился намъ въ видѣ какаго-то мраморнаго храма, потому что весь первый этажъ его покоится на мраморныхъ колоннахъ за исключеніемъ одной только средней части всего зданія, которая имѣла видъ величественнаго купола; потолокъ этой залы со сводами и украшенъ разными аллегорическими рисунками, и въ дни торжественныхъ пріемовъ она служитъ столовою.

Все общество было собрано подъ колоннами, фундаментъ которыхъ состоялъ изъ мраморныхъ ступень, покрытыхъ благоухающими и роскошнѣйшими тепличными произведеніями и окаймленными зеленымъ лужкомъ, обсаженнымъ деревьями и спускающимся къ берегамъ рѣки.

Со всѣхъ сторонъ этого очаровательнаго мѣста представляются новые виды, плѣняющіе взоръ своимъ разнообразіемъ и счастливымъ сочетаніемъ красокъ и тѣней: тутъ видны и кусты, и рощи, луга и озера, горы и долины, а тамъ вдали блестящіе, златоглавые куполы Московскихъ церквей какъ бы заканчиваютъ всю картину. Я не стану останавливаться на описаніи роскошнаго обѣда, хотя все было великолѣпно, какъ въ волшебномъ замкѣ. Выходя изъ-за стола, мы раздѣлились на группы и разбрелись по разнымъ частямъ парка; вечеръ сно-

* Люблино, нынѣ принадлежащее г. Голофѣеву. П. Б.

ва соединилъ насъ всѣхъ въ театрѣ, этой неизбѣжной принадлежности всякаго сколько нибудь замѣчательнаго помѣстья. На сценѣ и въ оркестрѣ появились около сотни его собственныхъ крѣпостныхъ людей, и хотя между большою и малою пѣсами проплясали балетъ и все сошло какъ нельзя лучше, но хозяинъ разсыпался въ извиненіяхъ насчетъ бѣдности всей обстановки, которую онъ приписывалъ рабочей порѣ и жатвѣ, отвлекшей почти весь его народъ, за исключеніемъ той горсти людей, которую успѣли собрать для представленія. Однако самый театръ и декорация были очень нарядны, а исполненіе актеровъ весьма порядочное. Въ промежуткахъ, между слушателями разносили подносы съ фруктами, пирожками, лимонадомъ, чаемъ, ликерами и мороженымъ, а ароматическія куренья сожигались въ продолженіи всего вечера.

Однако, если вы еще не устали и не расположены заснуть, то я устала, и мнѣ спать хочется, а потому, милая Х., до свиданья.

Сегодня я опишу вамъ свадьбу Софьи, горничной М., которую на дняхъ здѣсь отпировали съ необыкновенною торжественностію.

Хотя мнѣ и случалось присутствовать въ церквахъ уже при нѣсколькихъ вѣнчаньяхъ, но до сихъ поръ я не имѣла силъ участвовать во всѣхъ приготовительныхъ церемоніяхъ, въ числѣ которыхъ паровая баня играетъ весьма значительную роль. Я однако твердо рѣшилась ознакомиться съ ними передъ окончательнымъ моимъ отъѣздомъ изъ Россіи, а потому вотъ вамъ описаніе всей операціи сначала до конца.

Пареченная невѣста, вся въ слезахъ, сидитъ на почетномъ мѣстѣ за столомъ,

покрытомъ фруктами и пр. Женихъ подходитъ, подноситъ ей свадебный подарокъ и тотчасъ исчезаетъ съ своими товарищами, которые ведутъ его въ баню. Подарокъ состоитъ изъ необходимыхъ принадлежностей женскаго туалета, въ болѣе или менѣе полномъ составѣ, судя по средствамъ жениха, и включая въ то число бѣлила и румяна. Послѣ этого хоръ дѣвушекъ начинаетъ пѣть такъ называемыя «свадебныя пѣсни», концы пѣснѣвъ похожи на похоронныя. Подобныя сочиненія, исполненныя аллегорическаго смысла, сохранились на Славянскомъ нарѣчій до сихъ поръ и употребляются съ незапамятныхъ временъ; одно только имя невѣсты измѣняется, чѣмъ и приспособляютъ къ каждому данному случаю. По окончаніи этого пѣнія, около 30-ти или 40 дѣвушекъ послѣдовало за невѣстою въ баню; онѣ раздѣли ее въ сосѣдней комнатѣ, а потомъ повели ее въ баню совершенно наголую и всю еще въ слезахъ. Подруги невѣсты, раздѣвшись также и совершивъ обрядъ омовенья, принимаются мыть и тереть ее изо всѣхъ силъ; затѣмъ начинаютъ плясать вокругъ нее, хлопая руками и выпивая вино, разливаемое другою Евою, сидящею съ бутылкою въ одной рукѣ и стаканомъ въ другой, съ длинными распущенными косами, падающими по плечамъ, что, равно какъ и у остальныхъ, служить ей единственнымъ покрываломъ. Послѣ этого снова начинается пѣніе, въ которомъ принимаютъ громкое участіе всѣ, кромѣ самой невѣсты.

Сцена, происходившая въ банѣ, продолжалась около часа и наконецъ приняла самый необузданно-веселый характеръ. Подруги невѣсты, шутя, нарумянились и набѣлились самымъ неопозво-

тельнымъ образомъ и стали пѣть и плясать подобно Вакханкамъ; тогда какъ сама она продолжала сидѣть молча и не переставала плакать. Когда ее привели домой, она опять заняла свое прежнее мѣсто за столомъ, а подруги ея снова принялись за пѣсни.

Послѣ нѣсколькихъ не столь значительныхъ церемоній, весь обрядъ окончился пышнымъ ужиномъ, а на другой день женихъ и невѣста были обвѣнчаны. Этимъ и кончаются мой листъ бумаги и письмо.

XVII.

Москва, 14-го Февраля 1807.

Для разнообразія, мы собираемся сопутствовать княгинѣ въ ея путешествіи къ знаменитому монастырю, называемому Новымъ Іерусалимомъ и находящемуся въ 50-ти или 60-ти верстахъ отъ Москвы. Въ то же время я уложила свой тяжелый багажъ, который отправляю водой изъ Петербурга, съ тѣмъ, чтобы, во время моего путешествія черезъ Польшу, имѣть при себѣ какъ можно менѣе поклажи. О, какъ меня пугаютъ холодъ и сырость, ожидающіе меня въ Ирландіи послѣ искусственной атмосферы здѣшнихъ удобныхъ печей! Въ Русскихъ домахъ едва имѣешь понятіе о холодѣ, а когда, выходя на дворъ, идешь на встрѣчу морозу, подъ защитою здѣшнихъ теплыхъ шубъ и другихъ мѣховыхъ вещей, то онъ производитъ на васъ только возбуждающее дѣйствіе, какъ отъ стакана шампанскаго. Трудно вамъ будетъ повѣрить, что я гораздо болѣе страдала отъ Итальянской, чѣмъ отъ Русской зимы; но на дѣлѣ дѣйствительно оказалось такъ.

Станете-ли вы оспаривать, что я никогда не опровергала слуха, что въ Рос-

сіи растутъ деревья и что въ ней находится и трава, и вода, и земля?—Никогда! Шутки въ сторону, мнѣ кажется, что растительное царство въ этой землѣ благоприятствуетъ развитію певольничества; потому что береза составляетъ такую-же принадлежность грунта въ Россіи, какъ виноградныя лозы во Франціи, и этотъ фактъ до такой степени признанъ всѣми, что этому дереву присвоили названіе Русскаго винограда. Довольны-ли вы этими отвѣтами на ваши разспросы? Лѣса въ Россіи замѣчательны по красотѣ вѣчной зелени величественныхъ сосенъ и другихъ породъ строеваго лѣса, встрѣчающихся и у насъ; и никогда, въ самыхъ искусно взлелѣянныхъ питомникахъ, я не видала такого роскошнаго разнообразія по части кустарниковъ, какое я замѣтила въ дикихъ лѣсахъ Россіи. Но возвратимся къ березѣ. Какъ бы я желала, чтобы тотъ добрый геній, котораго духъ витаетъ надъ Русскою землею, опредѣлилъ, чтобы береза употреблялась только въ тѣхъ случаяхъ, когда надобно карать порокъ, а не съ цѣлію угнетать невпущныхъ обитателей страны; какъ многіе стали бы тогда трепетать при видѣ березы! Не считайте меня, благодаря этому благочестивому желанію, клеветницею и не думайте, что моя собственная природная склонность къ пороку располагаетъ меня чернить самыя добродѣтели окружающихъ меня людей. О нѣтъ; потому что, хотя до моего слуха иногда и доходили рассказы о случаяхъ, не дѣлающихъ много чести нѣкоторымъ изъ благороднѣйшихъ сыновъ Однана, мнѣ не подобаетъ слишкомъ строго и критически относиться къ тому народу, среди котораго я нахожусь. Еще менѣе способна я выводить заключеніе, что

эти единичные факты могутъ служить вѣрнымъ образцомъ характера цѣлой націи; я знаю, что Русскій мужикъ есть самое добродушное, наивное и невинное существо на свѣтѣ. Говоря о національности и о крестьянахъ, не разсказали вамъ кое-что о святочныхъ играхъ и гаданьяхъ, которыми молодежь въ этомъ сословіи забавляется наканунѣ Рождества?

Представьте себѣ нѣкоторое число людей, держащихъ другъ друга за руку вокругъ чаши, поставленной на столѣ, или чего-то въ родѣ котла, подобно колдуньямъ въ Макбетѣ, съ тою только разницею, что здѣсь не зажигаютъ огня подъ котломъ. Въ эту машину бросаютъ кусокъ хлѣба, нѣсколько соли, немного воды и кусокъ угля для того, «чтобы эта каша сдѣлалась густою и черною» (въ этомъ-то приготовительномъ дѣйствіи и заключаются таинственныя чары); затѣмъ на эту чашу ставятъ другую посуду, долженствующую служить хранительницею залоговъ всѣхъ тѣхъ, кто желаетъ попытать свое счастье. Эта посуда покрыта настолько, что въ нее можно незамѣтнымъ образомъ просунуть всѣ залоговъ, т.-е. кольца, ключи и табакерки. Въ продолженіе первой части всей этой операціи, дѣйствующія лица пляшутъ вокругъ чаши и поютъ хоромъ нѣчто въ родѣ хвалебнаго пѣнія, въ которомъ воспѣваютъ Бога, Императрицу и хлѣбъ. Затѣмъ приступаютъ къ выниманію залоговъ, что происходитъ въ слѣдующемъ порядкѣ: одинъ изъ присутствующихъ поетъ пѣсню, которой грубый аллегорическій смыслъ долженъ заключать въ себѣ описаніе судьбы, ожидающей владѣтеля того залога, который другое дѣйствующее лицо, съ завязанными глазами, подобно слѣпому

Купидону, вынимаетъ изъ верхней части чаши въ ту самую минуту, когда пѣсня умолкаетъ. Вслѣдъ за этимъ снова раздается хоръ, въ которомъ принимаютъ участіе всѣ безъ исключенія.

Предлагаю вамъ здѣсь, въ видѣ дальнѣйшаго назиданія, нѣсколько этихъ мистическихъ пѣсней, съ истолкованіемъ тѣхъ предсказаній, которыя каждая изъ нихъ въ себѣ заключаетъ. Постараюсь передать только вкратцѣ смыслъ этихъ словъ.

Въ первой пѣснѣ говорится о кузнецѣ, выходящемъ изъ своей кузницы. На немъ шуба изорвана: одна часть ея стоитъ 1000 рублей, другая только 100
Хоръ. . . .

(Эта пѣсня общаетъ богатство).

Вторая говоритъ о попскахъ бѣлаго гриба, пиущаго себѣ въ подруги не грибъ подобный ему, а важную барыню высокаго происхожденія.

Хоръ. . . .

(Это означаетъ выгодную партію).

Въ третьей описываютъ, какъ двѣ голубки, пріютившись въ вѣтвяхъ высокаго дуба, бросились въ объятія другъ друга.

Хоръ. . . .

(Вѣрный знакъ, что владѣтельница этого залога выдетъ за-мужъ по любви).

Въ четвертой пѣснѣ говорится о щукѣ, вышедшей изъ Бѣлаго Озера; хвостъ ея тянется до Новгорода, кожа у нея серебряная, а голова и хвостъ вызолочены.

Хоръ. . . .

(Означаетъ, что дѣвица выдетъ за иностранца).

Сиротка сидитъ пригорюнившись и смотритъ на горячую золу въ печкѣ; она ищетъ крошекъ, оставшихся въ золѣ.

Хоръ. . . .

(Означаетъ большое несчастье).

Медвѣдь плыветъ чрезъ быструю рѣчку; переплывъ ее, онъ встряхнулся и отряхнулъ съ себя цѣлую кучу блохъ.

Хоръ. . . .

(Это обѣщаетъ много счастья и большое богатство).

Это послѣднее предсказаніе заключаетъ въ себѣ самый большой выигрышъ изъ числа всѣхъ, такъ что его обыкновенно берегаютъ для послѣдняго залага. Я помѣстила его въ числѣ этого изящнаго собранія, чтобы доказать, что одно и тоже повѣріе касательно вышеупомянутаго насѣкомаго, въ отношеніи къ снамъ и гаданью, существуетъ въ этой странѣ также, какъ и въ Ирландіи. Я дѣйствительно знаю тамъ одну прелестную молодую и высокопоставленную особу, которая приходитъ въ неописанный восторгъ всякій разъ, что въ своемъ чистомъ бѣльѣ, только что принесенномъ отъ ирочки, она находитъ блоху.

Что же касается этихъ народныхъ игръ, которыя мода теперь изгнала изъ гостинныхъ вельможъ въ избу крестьянина, то княгиня рассказывала намъ, что она помнила, какъ въ былыя времена она, вмѣстѣ съ сажой Императрицей, участвовала въ гаданьяхъ, подобныхъ тому, которое я только что вамъ описала. Надобно полагать, что это происходило еще до вступленія Екатерины II на престолъ, въ то время, когда, будучи великой княгиней и иностранкой, изъ желанія угодить народу, она старалась доказать, что не только усвоила себѣ нравы и обычаи своего новаго отечества, но что она даже была готова покровительствовать народному суевѣрію.

ХVIII.

Москва, Мая 15-го 1807.

Я не стану исчислять здѣсь тѣ разнообразныя и многочисленныя обстоятельства, которыя въ продолженіи всего этого времени пренятовали мнѣ снова взятые за перо. Въ самомъ дѣлѣ, если бы я въ теченіи этихъ послѣднихъ мѣсяцевъ могла написать вамъ хотя одну строчку, то непременно была бы вынуждена заставить васъ раздѣлить съ нами то облако грусти, которое омрачило всю нашу внутреннюю жизнь, по поводу кончины князя Дашкова. Вы можете себѣ представить, какъ сильно эта потеря повлияла на его семью; но я бы не желала, передавая вамъ подробности этой эпохи, пережитой нами, сдѣлать васъ даже издали участниками тѣхъ горестныхъ сценъ, которыя смерть эта причинила. Мечта о томъ, чтобы увѣковѣчить имя Дашковыхъ и передать его самому отдаленному потомству, всегда была слабой струной (если можно такъ выразиться) его несчастной матери. Одно только свѣтлое обстоятельство выдѣляется изъ всѣхъ мрачныхъ сторонъ этой картины, и такъ какъ оно обѣщаетъ нѣкоторую долю утѣшенія и отрады всей семьѣ, то я и рѣшаюсь еще на нѣсколько времени занять васъ судьбою княгини Дашковой. Вы вѣрно удивитесь, узнавъ, что на сценѣ появилось новое дѣйствующее лицо, въ качествѣ молодой княгини Дашковой. Оказывается, что двадцать лѣтъ тому назадъ она, будучи 15-ти лѣтней дѣвочкой, выступила на почетное, но измѣнническое поприще, посредствомъ блестящаго брака съ главою этого дома; весьма скоро судьба ея превратилась въ горестное

прозябаніе, которое длилось столько лѣтъ. Я не стану пытаться разъяснять здѣсь тѣ обстоятельства, которыя сперва повлекли за собою отчужденіе между ними, а потомъ окончательную разлуку; но повидимому ничто не ослабило ея привязанности къ мужу, и одно изъ его предсмертныхъ распоряженій имѣло цѣлью обезпечить ее въ матеріальномъ отношеніи на столько, чтобы сдѣлать ее вполнѣ независимою въ томъ случаѣ, еслибы она пережила его. Оказывается, что въ порывѣ отчаянной горести, при первомъ извѣстіи о кончинѣ мужа, она уничтожила бумагу, въ силу которой должна была владѣть тою частію его имущества, которую онъ ей назначилъ: такимъ образомъ она оставалась въ полной зависимости отъ чувства справедливости или великодушія законной наследницы князя, его сестры.

Теперь только въ первый разъ княгиня написала ей письмо, порученное ею г-жѣ Норовой и графинѣ Воронцовой; эти дамы охотно взялись передать ей его лично, и точно, отправившись въ путь среди снѣговъ и метели, доѣхали онѣ до ея уединеннаго убѣжища и привезли ее полумертвою въ Москву, нѣсколько недѣль послѣ кончины ея супруга.

Представьте себѣ это первое свиданіе обѣихъ княгинь, связанныхъ одною общою потерей! Молодая княгиня отличается необыкновенной природной кротостью, правдивостью характера и безконечнымъ желаніемъ угодить старой княгинѣ, которая съ своей стороны встрѣчаетъ ее съ самымъ теплымъ чувствомъ и нѣжными усиліями облегчить ея участь; такъ что ихъ отношенія обѣщаютъ служить источникомъ взаимнаго утѣшенія и, быть можетъ, счастья. Княгиня Анна

занимаетъ комнаты въ этомъ домѣ и пробудетъ до Октября, когда она переѣдетъ въ прелестный новый домъ, находящійся вблизи отсюда и который княгиня купила для нея.

А теперь слушайте меня, такъ какъ я намѣрена говорить вамъ не о своихъ немощахъ, но о жестоко обманутой надеждѣ, о которой, изъ уваженія къ обитателямъ этого дома, я должна была умалчивать, чтобы не жаловаться на обстоятельства, причинившія мнѣ это огорченіе, въ которомъ я не сомнѣваюсь, что вы всѣ мнѣ будете сочувствовать. Я подразумѣваю подъ этими словами нашъ общій планъ, чтобы М. вернулась домой вмѣстѣ со мною и провела нѣсколько времени дома. Но смерть князя Дашкова разрушила всѣ эти мечты вмѣстѣ съ надеждами всего его семейства: въ такую тяжелую эпоху, М. не можетъ и помыслить о томъ, чтобы покинуть своего добраго друга; княгиня же сама, со слезами, откровенно завѣряла меня и всѣхъ ее окружающихъ, что она не переживетъ разлуки съ тою, которую она считаетъ своею дочерью и сильнѣйшимъ звѣномъ, связующимъ ее съ землею жизнію.

И такъ надобно считать этотъ вопросъ рѣшеннымъ, и такъ какъ это рѣшеніе заключаетъ въ себѣ выстную жертву, которую М. въ состояніи принести, то она какъ бы наслаждается этимъ страданьемъ, какъ средствомъ доказать княгинѣ всю свою преданность и любовь.

Несмотря на печальную обстановку нашей жизни, добрѣйшая княгиня заставила Анну Петровну, М. и меня участвовать въ веселыхъ процессіяхъ и парадныхъ церемоніяхъ, знаменующихъ весеннее время, приближеніе котораго становится предметомъ какого-то благоче-

стиваго поклоненія. Остатки языческихъ церемоній (если можно дерзнуть такъ выразиться) такъ переи́шаны съ обрядами Греческаго богослуженія, что я начинаю опасаться, что мы сами, того не зная, отпраздновали одну изъ тѣхъ самыхъ Майскихъ церемоній, которыя, двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, такъ сильно соблазнили старика Катона среди отступниковъ Рима, какъ всѣмъ извѣстно, предпочитавшихъ свои отвратительныя торжества его мудрымъ совѣтамъ.

Но не пугайтесь: каково бы ни было происхожденіе этихъ процессій, мы, а также и всѣ присутствующіе, ни разу не тронулись изъ своей кареты, окруженной цѣлыми рядами блестящихъ экипажей и нѣсколькими десятками полпцейскихъ которые ѣхали верхами, по бокамъ и зорко слѣдили за нами. Но какъ безсмысленны всѣ эти обряды! Право, еслибы въ продолженіи святой педѣли вы вдругъ съ какой-нибудь другой планеты свалились сюда и увидѣли весь городъ, полный каретами, запряженными шестернею, а въ нихъ огромное количество дамъ и мужчинъ одѣтыхъ почти въ придворный нарядъ, вамъ бы показалось, что вся Москва сошла съ ума. Но еслибы вы пожелали добиться объясненія всѣхъ этихъ церемоній, не думаю, чтобы самая умная голова въ Москвѣ могла вамъ дать на это вполнѣ удовлетворительный отвѣтъ.

Я только-что отобѣдала съ господаремъ Молдавіи *, жепатомъ на одной изъ племянницъ княгини; его длинная борода, поясъ изъ Турецкой шали, желтые сапоги и вообще весь Турецкій костюмъ осуществили для меня сегодня вечеромъ

одну изъ тѣхъ картинъ Востока, къ которымъ уносилось мое воображеніе, благодаря г-жѣ Коттепъ и ея прелестному роману «Матильда».

ХІХ.

Москва, 16-го Іюня 1807-го года.

Приближеніе моего отъѣзда служить намъ предлогомъ къ разнымъ поѣздкамъ и прогулкамъ. Всякій вечеръ мы посѣщаемъ одну изъ прелестныхъ окрестностей Москвы и прогуливаемся въ садахъ и рощахъ Пескунаго, Останкина, Царицына и во многихъ другихъ очаровательныхъ мѣстностяхъ, которыя я не берусь описывать. Монастыри и обители, стѣнами и башнями подобные древнимъ вкрѣпостимъ, также составляютъ предметъ нашихъ изслѣдованій. Знаменитый Донской монастырь, гордо возвышающійся надъ Москвою, былъ послѣдній, которому мы поклонились. Здѣсь мы пили лимонадъ подъ тѣнью плакучихъ березъ; съвозъ ихъ вѣтви виднѣлись желтые куполы и вызолоченные кресты Кремлевскихъ соборовъ, которые блистали вдали у нашихъ ногъ во всемъ своемъ богатствѣ и величіи.

Садъ Орлова прелестно расположенъ на полугорѣ, разбитъ на множество дорожекъ, холмовъ, долинъ и обрывовъ и испещренъ обычными украшеніями въ видѣ купаленъ и храмовъ. Березовая кора часто употребляется для этихъ садовыхъ построекъ, что придаетъ имъ весьма привлекательный видъ, какъ будто сама природа воздвигла ихъ своей рукой. Благодаря Англійскимъ садовникамъ, посѣщающимъ Россію, Голландскій вкусъ повсемѣстно падаетъ и уничтожается; можно даже сказать, что все то, что производитъ хорошее впечатлѣніе и слѣла-

* Княземъ Маврокордато, отцемъ Гульянова.

но со вкусомъ, привезено иностранцами: Англичанами, Нѣмцами, Французами и Шведами. Княгиня вполне сочувствуетъ нашей прихоти обшарить всѣ окрестности древней столицы Русской, и такъ какъ купцы, подобно крестьянамъ, сохраняютъ старинные обряды, то она *приказала* (это выраженіе тутъ приходится очень кстати), чтобы былъ данъ Русскій праздникъ въ домѣ Ильи Алексѣевича, извѣстнаго, почтеннаго купца, играющаго роль патриарха раскольниковъ секты. Онъ можетъ служить красивымъ образцомъ 80-ти лѣтняго старца; онъ обходителенъ, простъ, веселъ, дѣятеленъ и благосклоненъ; лобъ у него открытый, плѣшивый и широкій, черты лица красивыя, борода длинная и серебристая, а его высокій и величественный ростъ кажется еще поразительнѣе, благодаря его старинному Русскому платью. Этотъ человекъ родился крѣпостнымъ княземъ Долгорукихъ; но ему удалось откупиться на волю, послѣ чего онъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ велъ успѣшную торговлю и сдѣлался богатѣйшимъ купцомъ своего разряда въ Москвѣ.

Несмотря на всю роскошь его трапезы, великолѣпное угощеніе и на роль хозяйина, въ которой онъ являлся передъ нами, я гораздо болѣе цѣнила въ немъ патриарха, основателя и правителя богослужебнаго учрежденія, находящагося при его домѣ. Онъ показывалъ намъ свои часовни, монастыри и больницы; всѣ эти зданія образуютъ пространный квадратъ близъ его собственнаго обширнаго дома. Онъ также изъяснилъ намъ нѣкоторыя особенности своей секты. Повидному, главное различіе, существующее между раскольниками и господствующей православной церковью, заключается не столь-

ко въ прямомъ несогласіи касательно какихъ-нибудь важныхъ догматовъ вѣры, сколько въ убѣжденіи, сложившемся въ членахъ этой секты что церковныя книги и обряды, нынѣ употребляемые, въ извѣстную эпоху подверглись измѣненію и что вслѣдствіе этого вкравлись многіе иновѣрческіе мнѣнія и обычаи. Самое названіе «раскольникъ», мнѣ кажется, включаетъ въ себя понятіе объ еретикахъ всѣхъ возможныхъ разрядовъ и оттѣнковъ, которыхъ въ Россіи существуетъ огромное количество.

XX.

Петербургъ. Іюля 15-го 1807.

Четвертаго числа этого мѣсяца мы покинули Москву. Княгиня сидѣла въ своей каретѣ съ М. и со мною; княгиня Анна съ Анной Петровной — въ своей; дѣвушки въ разныхъ кибиткахъ, а Леонора въ моей каретѣ, вмѣстѣ съ Иваномъ Александровичемъ (вѣрнымъ полицейскимъ служителемъ княгини); всѣ люди и казаки, сопровождавшіе насъ, были размѣщены по разнымъ экипажамъ. Въ такомъ порядкѣ мы медленнымъ образомъ добрались до прелестнаго Воскресенскаго монастыря, этого новаго Іерусалима, гдѣ Мельхиседекъ, нашъ любезный архимандритъ, принялъ насъ съ обычнымъ гостеприимствомъ и повелъ насъ во дворецъ, находящійся въ монастырскихъ стѣнахъ и когда-то сооруженный для Екатерины Второй. Здѣсь надобно замѣтить, что каждая статсъ-дама, украшенная портретомъ императора или императрицы, имѣетъ право во время путешествія пользоваться почлегомъ въ царскихъ покояхъ, находящихся на пути ея, которые, кромѣ такихъ лицъ, никому недоступны. И такъ насъ помѣстили въ этомъ дворцѣ;

почтенный архимандритъ напоилъ насъ чаемъ, велѣлъ настлатъ сѣна подъ наши перины, благословилъ насъ и удалился, чтобы не мѣшать нашему отдыху.

На слѣдующій день мы осмотрѣли прелестныя окрестности монастыря, сидя въ дрожкахъ вмѣстѣ съ архимандритомъ, который одѣтъ былъ въ лѣтнюю шубку изъ свѣтлой камчатной матеріи съ пестрымъ узоромъ. Послѣ обѣда мы поѣхали далѣе къ Клину, находящемуся на 92-й верстѣ отъ Москвы, гдѣ и ночевали.

Здѣсь, простившись съ книжницей и съ сестрою, я сѣла въ свою карету съ Леонорой. Двое изъ служителей книжницы, Кузьма и Антонъ, сѣли на козла, и мы поехали вдоль лѣсовъ такъ скоро, какъ только четверня лошадей, запряженныхъ въ рядъ, могла насъ умчать, сонутствующие вѣрнымъ нашимъ полицейскимъ, Иваномъ Александровичемъ, который въ своей кибиткѣ везъ всѣ наши съѣстные припасы.

11-го Юля, въ воскресенье утромъ, мы остановились въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Петербурга, въ Царскомъ Селѣ, котораго великолѣпный дворецъ, выстроенный Екатериною Второй, и тутъ же воспользовалась случаемъ осмотрѣть. Сюда мы прибыли послѣ обѣда, прямо въ домъ барона Догера (d'Hogger), бывшаго во времена императрицы Голландскимъ посланникомъ при здѣшнемъ дворѣ. Жена этого барона, моя старая знакомая и племянница княгини Дашковой.

Вчера мы провели вечеръ за городомъ, четырнадцать верстъ отсюда, у Неаполитанскаго посланника, герцога Серра Капріода. Тамъ мы встрѣтили всѣхъ Петербургскихъ вельможъ; вечеромъ забавлялись танцами, концертомъ и воздушнымъ шаромъ. Наканунѣ мы провели

вечеръ у графини Воронцовой, а все утро посвятили на разные зрѣлища. Мы также пробыли нѣсколько часовъ въ знаменитомъ и столь любимомъ Екатериною дворцѣ Эрмитажѣ, гдѣ картинная галлерея великолѣпна. Тамъ находится чудная копія съ картины «Les loges de Raphael,» которая, по мнѣнію большинства, выставлена здѣсь въ гораздо болѣе выгодномъ свѣтѣ, чѣмъ самыя оригинальныя фрески Ватикана.

Безъ сомнѣнія этотъ городъ великолѣпенъ. Со времени моего послѣдняго пребыванія въ немъ, на Невѣ выстроили славный чугунный мостъ съ одною только аркою и новый манежъ. Теперь строить новую биржу и обкладываютъ всѣ набережныя гранитомъ.

XXI.

Петербургъ, домъ барона Догера, Юля 28-го 1807 года.

Вотъ уже семнадцатый день, что я здѣсь, милый батюшка, и всѣ мои первоначальныя планы выѣхать съ первымъ попутнымъ вѣтромъ до того разстроились, что я даже не имѣла духа писать къ вамъ домой, будучи увѣрена, что все то, что я сообщу вамъ о своихъ намѣреніяхъ въ первомъ письмѣ, мнѣ придется снова опровергать во второмъ. Причина всѣхъ этихъ хлопотъ и этой потери времени заключается въ томъ, что я выѣхала изъ Москвы безъ паспорта, благодаря увѣреніямъ княгини, что совершенно достаточно того, что моя подорожная (разрѣшеніе нанимать почтовыхъ лошадей) была подписана мѣстными властями и, по обыкновенію, опубликована въ Московской газетѣ.

Правительство въ настоящее время какъ-то неумолимо взыскательно въ

отношеніи къ паспортамъ, вслѣдствіе чего я и лишилась своего мѣста на прежнемъ кораблѣ «Благонамѣренный», добрый капитанъ котораго всячески старался ради меня, на сколько это отъ него зависѣло, замедлить днемъ своего отплытія изъ Кронштадта. И такъ я была принуждена оставаться здѣсь и ждать сначала, чтобы, по примѣру Москвы, и здѣсь также мой отъѣздъ былъ три раза формально объявленъ въ газетѣ, а потомъ, чтобы моя подорожная и всѣ прежніе паспорта перешли черезъ разныя инстанціи и наконецъ три дни пробыли въ конторкѣ графа Румянцева въ Коммерческой Коллегіи, откуда мнѣ обѣщаютъ наконецъ ихъ завтра высвободить.

Я постоянно пишу въ Москву обѣимъ княгинямъ, М. и Аниѣ Петровнѣ и каждую почту получаю ихъ письма, такъ что до сихъ поръ мы какъ будто и не разставались. По желанію княгини, я написала княгинѣ Прозоровской и графинѣ Протасовой, двумъ статсъ-дамамъ, прося ихъ повергнуть мои прощальныя привѣтствія къ ногамъ царствующей и вдовствующей Императрицѣ, такъ какъ неизвѣстность, въ которой я провела послѣднее время, лишила меня возможности совершить это лично.

Вчера объявленъ былъ миръ между Императоромъ и Наполеономъ. Домъ, въ которомъ я нахожусь, очень не въ дальнемъ разстояніи отъ самой крѣпости, въ которой цѣлый день гремѣли пушки; всю ночь тускло горѣли плошки, что возвыщало иллюминацію въ городѣ.

Если мое возвратное путешествіе совершится также благополучно, какъ и первое, то около 20-го Августа я могу быть уже въ Лондонѣ; но капитанъ

Кларкъ въ письмѣ своемъ говоритъ мнѣ, что ему часто случалось быть задержаннымъ въ Зундѣ въ теченіи шести недѣль. Въ такомъ случаѣ я непременно побываю въ Копенгагенѣ и, будучи уже опытною путешественницею, я заранѣе запаслась письмами въ этотъ городъ, предвидя возможность подобнаго приключенія.

Оказывается, что, по общимъ замѣчаніямъ, иллюминацію прошлой ночи въ честь заключенія мира можно принять за демонстрацію со стороны общественнаго мнѣнія; если такъ, то она выражаетъ весьма мало сочувствія и одобренія, потому что едва-ли можно встрѣтить болѣе скудное освѣщеніе.

ПИСЬМО

княгини Е. Р. Дашковой къ графу Николаю Петровичу Шереметеву. *

C'est avec peine, monsieur le Comte, que je conduirai ma plume et je ne pourrai aussi exprimer combien je suis sensible à l'amitié que vous me témoignez; mais souvenez vous que je vous ai aimé depuis votre enfance. Aussi vous vous direz à vous-même combien j'ai eu de plaisir en recevant votre lettre, le tabac et les bougies. Je vous prie de recevoir les assurances d'amitié et de considération la plus parfaite de votre très

humble servante
Princesse de Daschkaw.

(Получ. 22 Марта 1807).

(Сообщено графомъ Сергѣемъ Дмитриевичемъ Шереметевымъ)

* Съ правописаніемъ подлинника.

ПЕРЕВОДЪ.

Мнѣ будетъ трудно водить перомъ, милостивый государь графъ, и я не въ состояніи буду выразить, какъ мнѣ чувствительна дружба, которую вы мнѣ оказываете; но вспомните, что я васъ любила съ вашего дѣтства, и вы сами себѣ скажете, какое имѣла я удовольствіе, получивъ ваше письмо, табакъ и свѣчи.— Прошу васъ принять увѣренія въ дружбѣ и совершеннѣйшемъ почтеніи покорнѣйшей вашей слуги княгини Дашковой.

*

Къ числу особенностей знаменитой по своимъ гражданскимъ доблестямъ и по необыкновенному уму и знаніямъ княгини Екатерины Романовны Дашковой (1744—1810) принадлежала страсть заставлять дарить себѣ. Старые люди, выдавшіе княгине въ дѣтствѣ своемъ, рассказываютъ, что она почти требовала отъ многочисленныхъ своихъ родственниковъ, знакомыхъ и почитателей, чтобы они доставляли ей разные предметы и вещи, чего у нихъ было въ изобиліи. Вообще нельзя не сказать, чтобы княгиня чужда была страсти къ приобрѣтенію. Жизнь въ Англии и сближеніе съ Англичанами приучили княгиню Дашкову во всемъ искать пользы; а тогдашняя еще болѣе чѣмъ теперь широкая распушенность Русскаго быта усиливала (по закону противорѣчія) эти привычки. Къ ней на дачу подъ Петербургомъ въ Кирианово ѣзжали знакомые въ каретахъ шестернею; по приѣздѣ гостей, княгиня приказывала дать лошадямъ отдохнуть, накормить, напоить ихъ и за тѣмъ, чтобы онѣ не оставались праздны, работать на нихъ въ ея саду и огородахъ. Когда строилась церковь въ селѣ Троицкомъ, то приѣзжіе изъ Москвы гости, въ томъ числѣ и молодыя дѣвицы, обязывались отнести къ воздвигаемому храму по нѣскольку кирпичей. Княгиня имѣла власть въ обществѣ и любила ея пользоваться. П. Б.

Сонъ, видѣнный въ 1765 году

Изслѣдователи нашей сатирической литературы Екатерининскаго времени не разъ указывали на то, что одною изъ любимыхъ формъ, которыя избирала себѣ наша тогдашняя прозаическая сатира, были *разказы о видѣнномъ во снѣ*. Подобные разказы встрѣчаются нерѣдко въ нашихъ сатирическихъ журналахъ, начиная съ Сумароковской «Трудолюбивой Пчелы» 1759 года. Въ этой формѣ описанія сна изложенъ и тотъ разказъ, который мы предлагаемъ вниманію читателей.

Разказъ этотъ мы нашли въ одномъ рукописномъ сборникѣ конца прошлаго вѣка (принадлежащемъ академику А. Θ. Бычкову). Подъ статьею подписано Ф. Эми, что даетъ намъ поводъ думать, что она написана Θ. А. Эминымъ, авторомъ нѣсколькихъ романовъ и издателемъ сатирическаго журнала «Адская Почта», умершемъ въ 1770 году¹.

По содержанію сатиры и въ особенности по рѣзкости ея намековъ видно, что она не могла найтись себѣ мѣсто въ тогдашней печати. Но тѣмъ большую цѣну приобрѣтаетъ она для читателей нашего времени. Въ сатирѣ идетъ рѣчь о нѣкоторыхъ ученыхъ и учебныхъ учрежденіяхъ, существовавшихъ въ Петербургѣ въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка. Авторъ нападаетъ главнымъ образомъ на то, что въ этихъ учрежденіяхъ большинство дѣятелей — ипостраннаго происхожденія, и что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ принимаются мѣры, нарушающія замкнутость и обособленность высшаго

¹ См. о немъ статью М. Н. Лонгинова въ Русской Старинѣ 1873 г., № 5, стр. 616—617.

сословія и приближающія къ нему другіе классы общества. Такимъ образомъ, положительными мотивами нашей сатиры являются требованіе самостоятельной дѣятельности для Русскихъ и желаніе охранять самостоятельные интересы дворянства — идеи, которыя постоянно заявлялись въ вѣкъ Екатерины.

Прежде всего сатирикъ останавливается на Академіи Наукъ. Какъ извѣстно, въ этомъ учрежденіи, благодаря энергической и гениальной личности Ломоносова, борьба между Русскимъ и иностранными элементами получила особенно видное значеніе. Такое положеніе дѣлъ хорошо сознавалось и внѣ стѣнъ Академіи, въ тогдашнемъ Русскомъ обществѣ. Такъ напримѣръ въ Запискахъ Порошина, подъ 6-мъ Октября 1764 года, записаны слѣдующія замѣчательныя разсужденія гр. И. И. Панина: «Говорилъ, что она оставлена безо всякаго попеченія, что нижнихъ школъ для воспитанія юншества и приготовленія его къ академическимъ ученіямъ у насъ нѣтъ, что такія школы для распространенія наукъ необходимо нужны. И въ самомъ дѣлѣ, какаа изъ того польза и у разумныхъ людей слава Отечеству приобрѣтена быть можетъ, что десять или двадцать человекъ иностранцевъ, созванные за великія деньги, будутъ писать на языкѣ, весьма немногимъ извѣстномъ? Еслибъ Крымскій ханъ двойную далъ цѣну и къ себѣ такихъ людей призвалъ, они бѣ и туда поѣхали и тамъ писать бы стали, а со всѣмъ тѣмъ Татары все бы Татарами, прежними невѣжами, остались. Когда-бъ принято было настоящее намѣреніе, чтобъ распространить у насъ науки и искусства и просвѣтить гражданъ, то бѣ подлинно, съ прилежаніемъ надобно о семъ подумать,

да такой головѣ подумать, которая сама думать умѣетъ, а не такой, которая всюду бредеть, куда волокутъ ее». Тоже, въ свою очередь, чувствовали и жившіе въ Россіи иностранцы, даже непричастные Академіи, — только истолковывали они этотъ порядокъ вещей въ смыслѣ противоположномъ вышеприведеннымъ разсужденіямъ. «Не подлежитъ сомнѣнію», пишетъ, разсуждая о дѣлахъ Академіи, одинъ Нѣмецкій офицеръ, находившійся въ Петербургѣ въ первой половинѣ 1762 года, «что невѣжество Русскаго народа возрасло бы до тѣхъ же размѣровъ, какихъ оно достигало до Петра Великаго, если бы у него отняли его наставниковъ, то съ иностранцевъ.... Но не смотря на все свое невѣжество, Русскіе не хотятъ, чтобъ иностранцы отличались въ ихъ средѣ: они выгнали бы ихъ изъ Имперіи, если бы только могли»².

Нашъ сатирикъ становится, въ отношеніи къ Академіи, на точку зрѣнія національной партіи и съ этого исходнаго пункта судить объ Академическихъ дѣятеляхъ. Изъ личнаго состава Академіи авторъ намекаетъ прежде всего на самого ея президента, графа К. Г. Разумовскаго. Почему онъ изображенъ какъ медвѣдь, способный только вытаскивать медъ изъ чужихъ ульевъ, мы не знаемъ; но извѣстно, что онъ былъ очень лѣнивъ и весьма равнодушенъ къ дѣламъ того учрежденія, которымъ управлялъ. По отзыву того Нѣмецкаго офицера, котораго слова мы уже приводили выше, гр. К. Г. Разумовскій въ теченіе всей

² Anecdotes russes ou lettres d'un officier allemand à un gentilhomme livonien, écrites de Pétersbourg en 1762. Recueillies par C. Z. S. de la Marche. A Londres. MDCCLXV, стр. 81 и 85.

своей жизни больше наплодилъ дѣтей, чѣмъ прочелъ книгъ, и лучше зналъ разныхъ Петербургскихъ красавицъ, чѣмъ членовъ Академіи Наукъ³. Въ особенноти мало занимался ею Разумовскій въ послѣдніе годы своего президентства, то есть по воцареніи Екатерины (1762 — 1766 гг.)⁴. По свидѣтельству А. Л. Шлецера, въ это время «регентомъ Академіи», въ качествѣ совѣтника ея канцеляріи, былъ извѣстный І. К. Таубертъ, тонкій и ловкій придворный, вовсе неученый по обязанности, но однако человекъ съ свѣтлымъ взглядомъ и со многими свѣдѣніями, въ особенности въ языкахъ, при этомъ полный честолюбія и ревнивый къ тому, чтобы выказать себя блистательными предпріятіями и, конечно, съ великою склонностью къ деспотизму⁵. Это лицо и разумѣть наша сатира подъ именемъ совѣтника. Нечего прибавлять, что третій членъ собранія, о которомъ сатира отзывастся восторженно, противопологая его, какъ туземнаго звѣря, чужелѣснымъ или иностраннымъ, есть М. В. Ломоносовъ. Далѣе идетъ рѣчь о трехъ членахъ того же собранія, которые хотя и учились «въ чужихъ лѣсахъ», но по происхожденію туземцы. Подъ именемъ двухъ искусныхъ математиковъ сатира разумѣетъ, безъ сомнѣнія, учениковъ знаменитаго Эйлера — С. К. Котельникова, назначеннаго въ 1757 году экстраординарнымъ профессоромъ математики, и С. Я. Румовскаго, поступившаго въ 1763 году экстраординарнымъ профессоромъ астрономіи; наконецъ, въ лицѣ астронома, и притомъ плохаго, сатира изображаетъ

едва ли не Нивенту Ивановича Попова, который съ 1751 года былъ профессоромъ астрономіи. Онъ впрочемъ не бывалъ за границей и только по ошибкамъ могъ быть причисленъ къ заграничнымъ питомцамъ Академіи; что же касается его научной репутаціи, то она дѣйствительно была заподозрѣна и въ свое время: будучи отправленъ въ 1761 году въ Иркутскъ для наблюденія за прохожденіемъ Венеры чрезъ дискъ солнца, онъ, по свидѣтельству вышеупомянутаго Нѣмецкаго офицера, сообщилъ совершенно превратныя свѣдѣнія объ этомъ явленіи⁶; точно также въ полемикѣ, возникшей по поводу этихъ наблюденій между Поповымъ и Румовскимъ, былъ между прочимъ приведенъ отзывъ Шведскаго астронома Варгентина о негодности свѣдѣній, сообщенныхъ первымъ⁷.

Отъ Академіи Наукъ сатирикъ нашъ переходитъ къ Академіи Художествъ. Возникшая еще въ 1758 году изъ художественнаго отдѣленія Академіи Наукъ. Императорская Академія Художествъ получила въ 1763—1764 годахъ новое, самостоятельное образованіе: при ней учреждено было воспитательное училище, и высшее управленіе всѣмъ заведеніемъ было поручено генераль-интенданту по строительной части И. И. Бецкому. Идея, положенная въ основаніе новаго учебнаго заведенія, развита въ слѣдующихъ словахъ доклада, представленнаго Бецкимъ Екатеринѣ 22 Марта 1763 года: «Искусство доказало, что одинъ только украшенный или просвѣщенный науками разумъ не дѣлаетъ еще добраго и

³ Anecdotes russes, стр. 90.

⁴ Осьмнадц. вѣкъ, II 474. — Исторія Акад. Наукъ, Пекарскаго, II, LV — LVI.

⁵ Исторія Акад. Наукъ Пекарскаго, I, 656.

⁶ Anecdotes russes, 83—84.

⁷ Матеріалы для біографіи Ломоносова, собр. Биларскимъ, стр. 683—684.

прямаго гражданина; но во многихъ случаяхъ паче во вредъ бываетъ, если кто отъ самыхъ нѣжныхъ юности своей лѣтъ воспитанъ не въ добродѣтеляхъ, и твердо оныя въ сердцѣ его не вкоренены; а небреженіемъ того и ежедневными дурными примѣрами привыкаетъ онъ къ мотовству, своевольству, безчестному лакомству и непослушанію. При такомъ недостаткѣ смѣло утвердить можно, что прямаго въ наукахъ и художествахъ успѣха и *третьяго чина людей*⁹ въ государствѣ ожидать — всеу себя и ласкать. Посему ясно, что корень всему злу и добру воспитаніе; достигнуть же послѣдняго съ успѣхомъ и съ твердымъ исполненіемъ не иначе можно, какъ избрать средства къ тому прямыя и основательныя. Держась сего неоспоримаго правила, *единое* токмо *средство* остается, то есть: произвести сперва, способомъ *воспитанія*, такъ сказать, *новую породу*, или *новыхъ отцевъ и матерей*, которые бы дѣтямъ своимъ также прямыя и основательныя воспитанія правила въ сердцѣ вселить могли, какія получили они сами, и отъ нихъ дѣти предали какъ бы своимъ дѣтямъ; и такъ слѣдуя изъ родовъ въ роды въ будущіе вѣки. Великое сіе намѣреніе исполнить нѣтъ совсѣмъ иного способа, какъ завести *воспитательныя училища* для обоюго пола дѣтей, которыхъ принимать отнюдь не старѣе, какъ по пятому и по шестому году.»

Не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что училище, основанное по этому плану, далеко не соответствовало ему въ дѣй-

ствительности; результатъ же этотъ былъ, повидному, въ зависимости отъ характера главнаго начальника. Бецкій былъ человекъ очень добрый и желавшій принести пользу, но тщеславный и, безъ сомнѣнія, стоявшій ниже своей задачи. «У него нѣтъ ни мнѣній, ни ума, ни поппманія вещей,» говоритъ о немъ одинъ современникъ, — «и его ограниченностью пользуются льстецы и плуты, управляющіе подвѣдомственными ему учрежденіями»¹⁰. При томъ, Бецкій, жившій долгое время въ Парижѣ, былъ страстный Галломанъ, и въ подчиненныхъ ему училищахъ Французскій духъ царилъ безраздѣльно. По воспитательному училищу при Академіи Художествъ главнымъ дѣятелемъ былъ Французъ Ж. М. Кювилли, занимавшій тамъ должность инспектора, а прежде того бывшій красильщикомъ шелка на шпалерной мануфактурѣ. Онъ, очевидно, сумѣлъ придать красивый внѣшній строй вновь введенной школѣ — и это не могло не подкупить Бецаго, который самъ былъ «располагать церемоніи и глазамъ увеселеніе дѣлать весьма искусенъ»¹¹. Въ городѣ и при дворѣ много говорили о новомъ учрежденіи, но притомъ вмѣстѣ съ похвалами высказывались и разныя порицанія. Вотъ, на примѣръ, что записано у Порошина подъ 27 Сентябремъ 1765 года:... «Александръ Петровичъ (Сумароковъ), разговорясь съ его превосходительствомъ Никитою Ивановичемъ о г. Кювилли, говорилъ, что онъ такая бестія и такая невѣжа, какой другой нѣтъ въ Россіи. Какъ его превосхо-

⁹ *Tiers-état*, по Наказу Екатерины II.

¹⁰ Отечеств. Зап., 1855 г., т. СII, отд. II, стр. 66, статья Д. Ровинскаго: «Академія Художествъ до временъ императрицы Екатерины II.»

¹⁰ *Catherine II et sa cour*, par Sabathier de Cabres, 38.

¹¹ Записки Порошина, 422.

дительство Никита Ивановичъ сказалъ ему, что Иванъ Ивановичъ Бецкій господиномъ Кювилли очень доволенъ и увѣряетъ, что онъ въ новыхъ его учрежденіяхъ весьма много ему споспѣшествуетъ, то Александръ Петровичъ говорилъ на то: «Таковы-то вить и учрежденія, ваше превосходительство. Вы конечно о нихъ, какъ разумный человекъ» по одной наружности судить не будете. Кювилли надобно метлами отсюда вонъ выгнать, а Бецкаго, подъ присмотромъ прямо разумнаго и основательнаго человека, опредѣлить на мѣсто Кювилли, смотрѣть, чтобъ мальчики хорошо были одѣты, и комнаты у нихъ вычищены». Еще примолвилъ Александръ Петровичъ: «Есть-де нѣкто г. Таубертъ; онъ смѣется Бецкому, что робять воспитываетъ на Французскомъ языкѣ. Бецкій смѣется Тауберту, что онъ робать въ училищѣ, которое недавно заведено при Академіи, воспитываетъ на языкѣ Нѣмецкомъ. А мнѣ кажется (продолжалъ Александръ Петровичъ, и Бецкій и Таубертъ оба дураки): должно дѣтей въ Россіи воспитывать на языкѣ Россійскомъ». ¹² Этотъ строгій приговоръ учрежденію И. И. Бецкаго нашелъ себѣ оправданіе въ тѣхъ безпорядкахъ, которые вскорѣ проявились въ академической школѣ и въ томъ обстоятельстве, что между питомцами этого училища оказалось въ послѣдствіи много юношей съ тѣми именно порочными наклонностями, противъ которыхъ должно было дѣйствовать систематическое ихъ воспитаніе ¹³. Подобно Сумарокову, п

наша сатира очень неблагоклонна къ Бецкому и его начинаніямъ. Но взгляды на противоположность между актерами и художниками можетъ обращать на себя вниманіе только по своей исключительности. Болѣе значенія имѣютъ намеки сатирика о пристрастіи Бецкаго ко всему Французскому. Оужденіе стариннй Бецкаго (который самъ былъ незаконнымъ сыномъ князя И. Ю. Трубецкаго) объ устройствѣ воспитательнаго дома для приносныхъ дѣтей (основанъ въ Москвѣ въ 1763 году) и его попеченій о судьбѣ питомцевъ этого заведенія также принадлежитъ къ характеристическимъ чертамъ времени. Мнѣнія, высказанныя по этому поводу въ нашей сатирѣ, служатъ отголоскомъ сужденій, которыя выражались тогда въ Русскомъ обществѣ. Существованіе такихъ мнѣній подтверждаетъ и Генеральный Планъ Московскаго Воспитательнаго дома, гдѣ (въ ч. III, главѣ XIII: «Разсужденіе о званіи, къ которому питомцовъ приуготовлять должно») именно сказано: «Трудно одолѣть застарѣвшую ненависть, упрямство, упреканія и зависть, кои причиною ихъ воспитанія и противъ питомцовъ нашихъ неминуемо возстанутъ». Извѣстно, что по основной идеѣ Генеральнаго Плана, питомцы также должны были доставлять контингентъ для третьяго чина людей и пользоваться всѣми правами этого сословія.

Наконецъ, послѣднее учрежденіе, о которомъ идетъ рѣчь въ нашей сатирѣ, есть Шляхетный Кадетскій Корпусъ. Извѣстно, что еще въ царствованіе Елизаветы Петровны, это учебное заведеніе было главнымъ разсадникомъ просвѣщенія въ Петербургѣ, и что около него группировалась тогда почти вся просвѣ-

¹² Записки Порошина, 435—436.

¹³ См. примѣры тому въ статьѣ П. Н. Петрова: „Екатерина, образовательница своихъ подданныхъ,“ стр. 32 (отдѣльный оттискъ изъ N 4 Сѣвернаго Сіанія на 1864 годъ).

ценная гвардейская молодежь, изъ среды которой вышло столько замѣчательныхъ дѣятелей Екатерининскаго царствованія. Многие изъ нихъ были питомцами Шляхетнаго Корпуса. При такомъ значеніи этого училища, въ царствованіе Петра III и въ первые годы управленія Екатерины II, было обращено большее вниманіе на внутреннее устройство корпуса. Но сперва успѣху этихъ мѣръ препятствовала частая смѣна главноначальствующихъ лицъ, что также не осталось незамѣченнымъ современниками¹⁴. Въ 1764 году исправляющимъ должность главнаго директора корпуса былъ генераль-маіоръ М. М. Философовъ. Онъ попалъ на эту должность случайно, временно замѣстивъ собою князя Н. В. Репнина, назначеннаго на должность главнаго директора 4-го Марта 1763 года, а въ Октябрѣ того же года отправленнаго посломъ въ Польшу. Въ періодъ управленія Философова было обращено вниманіе на усиленіе корпусной дисциплины. Въ то время по штату корпуса полагалось имѣть въ каждой ротѣ по 8-ми унтеръ-офицеровъ, изъ лучшихъ воспитанниковъ, для дежурства, «исправленія внутренней ротной экономіи», порядка въ квартирахъ и прочее; этимъ унтеръ-офицерамъ назначалось особое жалованье. Но опытъ показалъ, что кадеты, произведенные въ унтеръ-офицеры, бывъ отвлекаемы отъ классовъ новыми обязанностями, не только не дѣлали дальнѣйшихъ успѣховъ въ наукахъ, но многое изъ того, что знали, забывали до такой степени, что необходимо было смѣщать ихъ изъ высшихъ

классовъ въ самые низшіе¹⁵. Безъ сомнѣнія, эти безпорядки имѣли въ виду Н. И. Панинъ, когда однажды за столомъ у великаго князя говорилъ М. М. Философову, «что надобно въ корпусѣ завести постарѣе офицеровъ, дабы соблюсти тѣмъ порядокъ и удобнѣе достигъ тѣхъ намѣреній, съ которыми основано военное сіе училище¹⁶». И дѣйствительно въ томъ

¹⁵ Сборникъ свѣдѣній о военно-учебныхъ въ Россіи, 1857 г., т. I, гл. 1. стр. 57.

¹⁶ Записки Порошина, стр. 11—12, подъ 26-мъ Сентябремъ 1764 года. Въ тѣхъ же Запискахъ, подъ 8-мъ Октябремъ 1765 года, находимъ слѣдующую любопытную замѣтку о нѣкоторыхъ изъ корпусныхъ воспитателей (стр. 452—453)... «Зашелъ разговоръ о кадетскихъ офицерахъ, князь Шаховскомъ и Валуевъ, которые во время Польскаго избранія при князѣ Николаѣ Васильевичѣ Рѣпинѣ были. Его превосходительство Никита Ивановичъ много издѣвался надъ ихъ жеманствомъ и пѣжными приемами. Сказалъ при томъ: „конечно оба они поэты, или по крайней мѣрѣ который-нибудь изъ нихъ.“ Отвѣчалъ я, что ни который ни стишка сдѣлать не умѣетъ и что слабости такія болѣе отъ натурального какого дефекту происходятъ, нежели отъ поэзіи или отъ другаго какого ученія. Его Высочество сказалъ тутъ Никитѣ Ивановичу: *это сударь для того онъ говоритъ, что самъ умѣетъ стихи дѣлать*. Его превосходительство изволилъ отвѣчать на то Государю Цесаревичу: „умѣть стихи дѣлать и знать правила поэзіи похвально. Семенъ Андреечъ упражнялся въ томъ, когда ему время было, а какъ прошли тѣ обстоятельства, то онъ конечно изъ поэзіи никогда профессіи себѣ не дѣлалъ.“ Говорилъ я на то, что и прежде въ поэзіи совсѣмъ почти не упражнялся, а что Его Высочество изволилъ почитать меня въ ней знающимъ, такъ то можетъ быть для того, что я въ Москвѣ, для его увеселенія, къ рифмамъ, которыя самъ Государь Цесаревичъ тогда сваривалъ, прибиралъ строчки. Зашла рѣчь о кадетскомъ же капитанѣ Арсенѣ Андреевичѣ Беклешовѣ, и я ему достойную похвалу и справедливость отдалъ.“ С. А. Порошинъ, самъ питомецъ Шляхетнаго Корпуса, также можетъ служить представителемъ тамошняго воспитанія.

¹⁴ Записки Порошина, 202.

же 1764 году, послѣдовало распоряженіе замѣнить унтеръ-офицеровъ изъ лучшихъ кадетъ корпуса особенными унтеръ-офицерами, «которыхъ дозволено было требовать изъ арміи, артиллеріи, инженернаго корпуса и другихъ командъ понменно, выбирая ихъ изъ дворянъ, не бывшихъ въ штрафахъ и извѣстныхъ начальству по хорошему поведенію и нравственности. Этимъ унтеръ-офицерамъ было предоставлено право пользоваться штатнымъ жалованьемъ и посѣщать классы, если пожелаютъ, но безъ упущенія настоящей ихъ обязанности. По прослуженіи трехъ лѣтъ въ корпусѣ, выпускались они въ армію, съ награжденіемъ при томъ такими чинами, какіе они заслуживали своимъ поведеніемъ и исправленіемъ должности ¹⁷. Это-то распоряженіе, повидимому, и вызвало сатирическую выходку Эмина. Чтò касается до начальствующихъ лицъ по корпусу, на коихъ намекаетъ сатирикъ, то кромѣ Философова мы можемъ назвать еще непосредственно слѣдовавшихъ за нимъ въ корпусной іерархіи: директора полковника Фреймана (бывшаго корпуснаго воспитанника) и главнаго инспектора, академика Эппинуса. Къ сожалѣнію, мы не можемъ сообщить объ этихъ двухъ лицахъ никакихъ біографическихъ свѣдѣній въ разъясненіе тѣхъ характеристикъ, которыя даетъ сатира. Еще одно лицо изъ числа педагоговъ Шляхетнаго Корпуса, упоминаемое Эминимъ, остается для насъ совершенно неразгаданнымъ. Во всякомъ случаѣ, отзывы Эмина о наставникахъ этого военного училища тѣмъ въ особенности любопытны, что

Э. А. Эминъ самъ былъ нѣкоторое время преподавателемъ въ корпусѣ ¹⁸.

Л. Майковъ.

Сонъ, видѣнный въ 1765 году Генваря 1-го.

Во снѣ видѣлъ я сухощавую старуху, сидящую на снопѣ соломы. Колесница ея была во многихъ мѣстахъ разломана, которую везли тощіе кони. Правая ея рука была привязана къ большому камню, а лѣвая поднята къ верху; крыльями своими хотѣла она вознестись на верхъ; но совы, нотопыри, мышеловы и прочія днѣмъ чувства зрѣнія лишеныя птицы препятствовали ей въ томъ намѣреніи. Тогда она направила своихъ бѣгуновъ ко мнѣ, сидящему на зеленой дубровѣ, и велѣла садиться на свою колесницу. Голосъ ея сколь былъ тихъ, однако столь суровъ и пронизателенъ, что я не осмѣлился сдѣлаться ей послушнымъ и исполнилъ ея повелѣніе. Она завезла меня на нѣкоторый островъ, котораго состоянію я теперь, проснувшись, довольно почудиться не могу. Тамъ разнаго рода животныя и скоты разумомъ одаренными тварями назывались. Тамъ разныя собранія и общества находятся,—и старуха моя повела меня въ ученое собраніе, котораго главный членъ былъ ужасный медвѣдь, ничего незнающій и только въ томъ упражняющійся, чтобы вытаскивать медъ изъ чужихъ ульевъ и присвоивать чужія насѣвки * къ своей норѣ; онъ же слово „науки“ разумѣлъ разнò: то почиталъ оное за званіе города, то за званіе села. Совѣтникъ сего собранія былъ прозорливый волкъ

¹⁸ Русская Старина 1873 г., № 5, стр. 671.

* Намекъ на управленіе Малороссією, о которомъ тогда шли толки по поводу упраздненнаго осенью 1764 года гетманства. *П. В. русскій архивъ 1873.*

¹⁷ Полн. Собр. Зак. Росс. Имп., т. XVI, № 12.136.

и ненавидѣлъ тамошнихъ звѣрей, ибо онъ былъ не того лѣсу звѣрь, и потому называли его чужелѣснымъ. Онъ, почитая себя за животное весьма разумное, представлялъ себя вездѣ великимъ скотомъ; да и въ самомъ дѣлѣ онъ могъ назваться разумною скотиною, потому что всѣ вещи умѣлъ только понимать, а никогда не разумѣлъ основательно. Въ ономъ собраніи былъ третій членъ, который совсѣмъ не походилъ на тамошнихъ звѣрей и имѣлъ видъ и душу человѣческую; онъ былъ весьма разуменъ и всякаго почтенія достоинъ, но всѣмъ собраніемъ ненавидимъ за то, что родился въ тамошнемъ лѣсу, а прочіе онаго собранія ученые скоты, ищущи своей паствы, зашли на оный островъ по случаю. Тогда старуха моя, устремивъ на меня свой умный взоръ, такъ говорила: „Посмотри, дитя мое, что дѣлается на островѣ, находящемся подъ царствомъ первой богини. Она изобильно истощаетъ свои сокровища для распространения наукъ, такъ какъ дѣлали славнѣйшіе ея предки, которые изъ чужихъ лѣсовъ разныхъ звѣрей призывали, чтобъ просвѣтить общество; но тѣ проклятые звѣри стараются только о своей, а не общественной пользѣ: еще они ни одного животнаго ничему не обучили, и всѣ здѣшняго лѣсу животныя выучили то, что знаютъ, въ другихъ лѣсахъ, а не въ здѣшнихъ. Этотъ славный ученаго собранія членъ, котораго нѣтъ ученіе во всемъ нашемъ лѣсу и который одинъ только человѣкъ между множествомъ ученыхъ животныхъ, учился въ чужихъ лѣсахъ. Въ математикѣ два искусныя животныя тоже въ чужихъ лѣсахъ получили великую пользу, а въ астрономіи упражняющійся здѣсь звѣрь учился въ чужихъ же лѣсахъ и выучился считать — два и два сколько

сдѣлаетъ; и, поднявъ свое жирное горло, смотритъ на небо, а больше сего знаетъ ли онъ что-нибудь и теперь? И такъ, не думай,“ окончила старуха свою рѣчь, — „чтобы изъ чужихъ лѣсовъ прибывшіе звѣри могли нашему обществу принести пользу: они нарочно не хотятъ обучать нашихъ животныхъ, потому что сами знаютъ, опасаясь, что ежели они нѣсколькихъ нашихъ животныхъ знанію своему обучать, то и наши животныя могутъ быть учителями, и въ нихъ мы со временемъ никакой нужды имѣть не будемъ.“

Оное собраніе старуха моя оставивъ, съ неудовольствіемъ завезла меня въ новозаведенное собраніе, гдѣ разнымъ художествамъ разныхъ животныхъ обучали. Онаго собранія животнымъ я весьма удивлялся; изъ нихъ многія были уже весьма искусны и умѣли ставить и зажигать плошки въ праздничные дни; многія изъ нихъ учились бытъ комедіантами, чему я, весьма удивившись, спросилъ у своей старухи: „Что это за новый обычай я здѣсь, матушка, вижу? У насъ художникъ съ комедіантомъ весьма различныя твари: первые любятъ праздность и роскошь, другіе трудъ и безпрестанную работу; одни уронъ обществу причиняютъ, а другіе пользу.“ На что мнѣ такъ отвѣчала старуха: „Этого собранія главный членъ чуднаго сложенія и дѣлаетъ учрежденія по своему вкусу; правда, что онъ родился въ здѣшнихъ лѣсахъ, однако своихъ животныхъ не любитъ и весьма пристрастенъ къ чужелѣснымъ, потому что не знаетъ числа своихъ отцевъ и думаетъ, что въ рожденіи его могли имѣть большое участіе чужелѣсныя животныя, кои здѣсь очень въ модѣ. Больше его намѣреніе въ томъ состоитъ, чтобъ въ обществѣ когда-нибудь возстановить

вольность, коею другихъ родовъ звѣри пользуются, и потому онъ звѣрямъ, не знающимъ своихъ отцевъ, великую исхода тайствовалъ вольность, въ томъ разсужденіи, что когда оныя звѣри размножатся, то мало-по-малу и подчиненность искоренится: ибо законорожденные звѣри не захотятъ уступить преимущества общероднымъ и, завидуя даннымъ имъ привилегіямъ, сами объ оныхъ постараются. Но того онъ не разсуждаетъ, что вольность обществу принесетъ разореніе, и ежели всѣмъ звѣрямъ, какъ соболямъ, такъ и барсукамъ, вольно будетъ выходить за границу, то они, нашедъ въ чужихъ лѣсахъ больше корысти и награды за труды свои, которою нашъ лѣсъ удовольствоваться не въ состояніи, всѣ тамъ останутся, а здѣсь будутъ тѣ скоты, которые ни къ чему не годятся.“

Оттуда мы поѣхали въ собраніе соболей, ибо тамъ было такое узаконеніе, чтобъ барсуковъ въ оное общество не принимать; однако, будучи въ ономъ собраніи въ приказномъ чинѣ, разные хомяки наконецъ включили въ оное и своихъ щенятъ и сдѣлали ихъ соболями. Тамоншняго собранія главный управитель не знаю какого рода былъ звѣрь: одинъ глазъ имѣлъ козій, а другой похожъ на волчій; лицомъ онъ походилъ на моиса, ногами на Сильвана, а головою и разумомъ на обезьяну, которая все хочетъ дѣлать, хотя ничего не смыслить. Такимъ позорищемъ будучи приведенъ въ ужасъ, спросилъ я у своей старушки: „Ахъ, матушка, какъ можетъ быть толь гадкій звѣрь управителемъ толь прекраснаго общества?“ На что такъ отвѣчала старуха: „До прибытія сего звѣря, оное общество весьма хорошими звѣрями было управляемо; но сей уродъ совсѣмъ оное испортилъ. Сотниковъ и

своихъ намѣстниковъ онъ ненавидитъ. Правда, что первый по немъ онаго общества членъ походить на такую траву, которая ни пахнетъ, ни колетъ, ниже худо воняетъ, и онъ раболѣпствуетъ своему главному управителю, сколько ни долженъ раболѣпствовать изъ соблѣй крови рожденный, простой и безчиновный звѣрокъ. Другой его намѣстникъ очень звѣрь разумный и ни мало бѣшеному своему повелителю не пристрастенъ, за что сей уродъ вездѣ его называетъ звѣремъ злымъ. Подъ симъ разумнымъ управителемъ есть еще одинъ, который весьма старался угождать главному своему повелителю, но наконецъ у него такъ изъ роту воняло, что онъ сдѣлался больнымъ. Сей уродъ наконецъ намѣрился въ конецъ разорить всѣ прежніе уставы: управителей, кои прежде во ономъ же обществѣ были учениками и по достоинству ихъ пожалованы того жъ общества членами и управителями, хотѣлъ отставить, а на мѣсто ихъ набрать изъ дикихъ звѣрей, которыхъ онъ называлъ наполяники, представляя, что прежніе, во время младолѣтства своего имѣя вольное обхожденіе съ молодыми соболями, будучи произведены въ чинъ, такимъ образомъ будутъ обходиться со своими подчиненными, и молодые соболи, по привычкѣ вольнаго съ ними обхожденія, не будутъ ихъ почитать такъ какъ надлежитъ; онъ же утверждаетъ, что всѣ онаго общества управители невѣжи.“ Тогда я, перебивъ старухину рѣчь, вскричалъ: „Развѣ онъ самъ дуракъ, что такъ и о прочихъ думаетъ? Ему весь свѣтъ кажется невѣжею, потому что онъ самъ ничего не разумѣетъ; откуда жъ произошли въ нашей землѣ славныя животныя, ежели не отъ того общества,— въ приказныхъ чинахъ, въ полковод-

ствѣ, въ министерствѣ и въ разныхъ наукахъ обращающіяся животныя не оттуда ли начала своего знанія почерпнули? Чему же молодыхъ соболей могутъ обучать тѣ дикіе напоольные звѣри, изъ которыхъ многіе въ чины произведены изъ глухихъ барсуковъ? Вы знаете, матушка, что и между нами людьми подобныя звѣрскимъ бываютъ безпорядки, и у насъ часто изъ мужиковъ производятъ солдата, а изъ солдатова мужика въ офицеры; такіе, взявшися за руки съ своимъ братомъ солдатомъ, ходятъ въ кабакъ, а оттуда вышедъ, недокушенный кусокъ копѣчнаго пирога несутъ въ рукѣ и ѣдятъ, идучи по улицѣ: сколь многихъ изъ нихъ я видѣлъ пьяныхъ, лежащихъ посреди улицы. Еслибы такихъ нашего молодого дворянства сдѣлать управителями, чему бъ они ихъ научили? Конечно, не иному чему, какъ пьянству и скверной брани, къ которой они сами привыкли. Ахъ, сохрани Боже наше юношество отъ такого безумнаго управителя, какого имѣютъ молодые соболы, и я всѣмъ сердцемъ желаю, чтобъ онъ попался въ петлю.“

Послѣ сего отвезла меня оная старуха въ свое жилище, въ которомъ я нашелъ множество разнаго великолѣпія. Учтивство мое столько ей понравилось, что она сдѣлала меня наслѣдникомъ всего своего имѣнія. Тогда мнѣ представилось, какъ съ бѣднымъ челоуѣкомъ обыкновенно случается, будто я былъ очень богатъ; множество служителей меня окружали; многія прекрасныя дѣвицы сидѣли возлѣ моей постели; шны изъ нихъ играли на разныхъ инструментахъ и пріятнымъ своимъ пѣніемъ мои услаждали чувства. На одну изъ нихъ я бросилъ платокъ и сдѣлалъ ее предметомъ моего удовольствія; сундукъ, имперіалами на-

полненный, будто стоялъ у моихъ ногъ: наконецъ велѣлъ себѣ подать Хинской работы златомъ тканый шлафоръ и надѣлъ на себя. Тутъ проснулся. Горница у меня была не истоплена; я, согнувшись вдвое, обкутался, вмѣсто Китайскаго шлафорка, набойчатымъ одѣяломъ и, дрожа весь, приткнулъ рыло свое къ грудямъ моей кухарки, которая въ моемъ недостаткѣ и служанки, и жены должность отправляла. Тогда пришелъ мнѣ на умъ сундукъ, имперіалами наполненный; я бросился съ постели. Вмѣсто онаго увидѣлъ сосудъ, который стоялъ въ ногахъ моихъ для того, что я принималъ слабительное лѣкарство.

Ф. Эми.

МОИ ВОСПОМИНАНІЯ О 1812 ГОДѢ.

Автобіографическая записка П. А. Тучкова.

Записка, подъ этимъ заглавіемъ, принадлежитъ перу бывшаго предсѣдателя комисіи прошеній, члена Государственнаго Совѣта, д. т. сов. Павла Алексѣевича Тучкова, извѣстнаго въ исторіи отечественной войны подъ именемъ генераль-маіора Тучкова 3-го и скончавшагося 24 Января 1858 г. въ Спбургѣ. Воспоминанія эти были извѣстны гг. Данилевскому и Богдановичу; но они ими мало воспользовались. Подлинная тетрадь принадлежитъ сыну П. А. Тучкова, предводителю Новоладожскаго дворянства, Александру Павловичу Тучкову и печатается здѣсь съ его дозволенія, при просвѣщенномъ посредствѣ Сергія Владиміровича Шеншина, снявшаго точный списокъ съ собственноручнаго текста.

П. Б.

Предъ началомъ кампаніи 1812 года я былъ бригаднымъ генераломъ 2-й бригады 17-й пѣхотной дивизіи. Бри-

гаду мою составляли: Бѣлозерскій и Вильманstrandскій пѣхотные полки; бригада находилась, какъ и вся дивизія наша, во 2-мъ пѣхотномъ корпусѣ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Багговута. Корпусъ расположенъ былъ близъ мѣстечка Янова, по правому берегу рѣки Вилии; бригадная моя квартира была въ селеніи Забѣлинѣ, принадлежащемъ графу Воловичу.

Хотя всѣ увѣрены были, что война съ Французами неизбежна, ибо знали, что Наполеонъ самъ прибылъ уже къ войскамъ своимъ, приближавшимся къ границамъ нашимъ; но прїѣздъ въ Вильну адъютанта его генерала Нарбонна и отбѣздъ генераль-адъютанта Балашова къ Наполеону подавали какою-то надежду, что начавшіеся переговоры могутъ отклонить, по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время, военныя дѣйствія, какъ вдругъ 13-го числа Іюня, въ три или четыре часа пополудни, получаю я повелѣніе отъ генерала Багговута, чтобы безъ малѣйшей медленности съ бригадою моею идти къ мѣстечку Оржанишки и, принявъ подъ начальство мое находившіяся тамъ войска, защищать устроенный на рѣкѣ Вилии, близъ онаго мѣстечка, мостъ, (въ концѣ повелѣнія генераль Багговутъ приписалъ своей рукой: „скажу вамъ, что вчерашній день непріятель перешелъ чрезъ Нѣманъ и занялъ городъ Ковно“); въ случаѣ же невозможности защитить оный, сжечь, не допуская никакъ непріятеля овладѣть переправою. Собравъ расположенные по разнымъ селеніямъ полки мои и артиллерію, выступилъ я съ оными къ назначенному пункту и на разсвѣтъ 14-го числа прибылъ въ мѣстечко Оржанишки, гдѣ нашелъ три роты артиллеріи, Курляндскій драгунскій полкъ и команду гвардейскаго морскаго экипажа, состоявшую изъ одного унтеръ-

офицера и 12 человекъ рядовыхъ, подъ командою мичмана Валуева, кои находились тутъ при построеніи вышеописаннаго моста чрезъ Вилию. По прибытіи моемъ на мѣсто, тотчасъ занялся я расположеніемъ артиллеріи, дабы, въ случаѣ непріятельскаго нападенія, могла оная съ выгодною дѣйствовать. Нашъ берегъ рѣки былъ выше и командовалъ противулежащимъ, а потому вся артиллерія и поставлена была по оному; по другую же сторону рѣки оставлены были только одни извѣщательные посты. Между тѣмъ приказалъ я мичману Валуеву собрать сколько можно болѣе соломы, сухаго хвороста и смоляныхъ бочекъ и все оное разложить на мосту, дабы, въ случаѣ надобности, можно было въ самой скорости исполнить предписаніе корпуснаго командира; тѣмъ болѣе сіе нужно было, что плавучій мостъ былъ построенъ изъ толстыхъ сплоченныхъ сосновыхъ бревенъ, кои, бывъ напитаны водою, скоро горѣть не могли.

Въ два часа пополудни, получилъ я повелѣніе зажечь мостъ и, по совершенномъ истребленіи онаго, отступить со всѣмъ отрядомъ и присоединиться къ корпусу, оставя для надзора и извѣщенія о движеніяхъ непріятеля по берегу рѣки Вилии Курляндскій драгунскій полкъ, что мною и было исполнено въ точности: мостъ зажженъ и, когда былъ совершенно истребленъ, то я, отступя отъ мѣстечка Оржанишки верстъ восемь, нашелъ весь второй корпусъ уже собравшимся, къ которому и присоединился. Въ тотъ же день, въ слѣдствіе повелѣнія главнокомандующаго арміями генерала отъ инфантеріи Барклая-де-Толли, начали мы отступление наше чрезъ селеніе Лабонари и другія къ мѣстечку Колтынямъ, куда и прибыли 17-го числа; 18-е число оставались на мѣстѣ, но въ ночь вы-

ступили по дорогѣ къ городу Дриссѣ. При вступленіи нашемъ приказано было мнѣ съехать вновь выстроенные въ Колтыняхъ провіантскіе магазины, наполненные провіантомъ, что мною и было сдѣлано: болѣе чѣмъ на миллионъ руб. хлѣба истреблено огнемъ въ нѣсколько часовъ.

Вся 1-я армія, кромѣ 1-го корпуса, бывшаго подъ начальствомъ генер. отъ кавалеріи графа Витгенштейна, 29 Іюня соединилась въ укрѣпленномъ лагерѣ подъ городомъ Дриссою, на обѣихъ сторонахъ рѣки Двины расположенномъ. Тутъ я получилъ повелѣніе, не доходя главной позиціи версты за двѣ, оставаться съ ввѣренною мнѣ бригадою на большой дорогѣ и состоять подъ начальствомъ генераль-лейтенанта графа Палена 2-го, коему ввѣрено было начальство надъ арріергардами арміи, расположенной въ укрѣпленномъ лагерѣ при городѣ Дриссѣ.

Укрѣпленія лагеря сего на лѣвомъ берегу рѣки Двины состояли изъ шести редутовъ, прикрывавшихъ фронтъ арміи; оба фланга примыкали къ Двинѣ, ибо рѣка обтекала мѣсто сіе дугою. Для соединенія съ правымъ берегомъ, позади позиціи были устроены черезъ рѣку четыре моста и для защищенія оныхъ мостовыя укрѣпленія. Все сіе было построено задолго еще предъ начатіемъ военныхъ дѣйствій, съ большимъ тщаніемъ и издержками и, хотя главнокомандующій объявилъ приказомъ своимъ по арміи, что надѣется на мѣстѣ семъ ископать непріятелю могилу, но за всеѣмъ тѣмъ всякій видѣлъ неудобство сего столь тщательно укрѣпленнаго лагеря: ибо, оставляя уже то, что въ тылу арміи протекала столь значительная рѣка, какова Двина, и черезъ которую переправа, въ случаѣ потери сраженія, могла бы быть весьма затруднительна и что весь фронтъ

позиціи нашей закрывалъ густой лѣсъ, могущій во время сраженія совершенно скрывать все движенія непріятеля, но онъ могъ переправиться черезъ Двину и выше и ниже сего мѣста и симъ однимъ движеніемъ заставить насъ оставить укрѣпленія наши, воздвигнутыя съ столь многими трудами и издержками.

Въ это время былъ назначенъ начальникомъ штаба арміи генераль-лейтенантъ Паулуччи, который, я помню, отдавая по службѣ мнѣ нѣкоторыя приказанія и говоря объ лагерѣ, безпрестанно ошибался будто бы, называя оный вмѣсто лагеря подъ Дриссою лагеремъ подъ Пирною, давая тѣмъ понимать худое его объ ономъ мнѣніе и что съ нами можетъ тоже случиться, что съ Саксонцами подъ Пирною*.

Не знаю, кому, ему ли Паулуччи, или другому кому, обязаны мы тѣмъ, что оставили сію позицію, не ожидая на оной непріятеля и что, несмотря на отданный приказъ главнокомандующаго, которымъ онъ торжественно объявилъ, что болѣе не уступитъ уже ни на шагъ земли непріятелю, 2-го числа Іюля армія отступила черезъ Двину, по дорогѣ къ Полоцку. Мнѣ приказано было принять начальство надъ всеѣми войсками, остававшимися еще по отступленіи арміи въ мостовыхъ укрѣпленіяхъ и, въ случаѣ нападенія, удерживать оныя до прибытія войскъ перваго корпуса, подъ командою генерала графа Витгенштейна, но какъ непріятель еще не показывался, а 1-й корпусъ прибылъ, то я въ тотъ же день, оставя укрѣпленія, присоединился къ арміи, съ коею и слѣдовалъ уже черезъ Полоцкъ, до города Витебска, куда и прибыли мы 11-го числа Іюля мѣсяца.

* Въ началѣ Семилѣтней войны. П. Б.

Армія, пришедъ въ Витебскъ, расположилась на бивакахъ по обѣ стороны рѣки Двины. Второй нашъ корпусъ и второй кавалерійскій оставались на правомъ берегу при самомъ городѣ; прочія же войска, перейдя рѣку, расположились по дорогѣ, идущей на мѣстечко Бѣшенковичи.

Хотя Витебскіе провіантскіе магазины и наполнены были мукою, но для перепеченія оной и изготовленія для арміи сухарей никакихъ предварительныхъ мѣръ взято не было; а потому приказано было отрядить изъ полковъ значительное число людей для печенія хлѣбовъ и сушенія сухарей; вся же армія 12-го и 13-го чиселъ оставалась подъ Витебскомъ безъ движенія. 13-го числа главнокомандующій Барклай-де-Толли отрядилъ корпусъ генерала Остермана-Толстаго по дорогѣ къ Островнѣ, съ тѣмъ, чтобы, открывъ непріятеля, удерживать приближеніе сего къ Витебску. Составлявшіе авангардъ сего корпуса два эскадрона лейбъ-гвардіи гусарскаго полка съ одною конно-артиллерійскою ротою неосторожно нашли близъ Островны на непріятеля и, бывъ опрокинуты имъ, потеряли шесть артиллерійскихъ орудій, доставшихся въ руки непріятеля. Корпусъ генерала графа Остермана-Толстаго вступилъ въ дѣло съ авангардомъ непріятельской арміи, бывшимъ подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля Мюрата, которое продолжалось во весь тотъ день съ большею потерею людей съ обѣихъ сторонъ, но безъ всякаго успѣха. Здѣсь потеряли мы, къ сожалѣнію всей арміи, между прочими убитыми, генераль-маіора Окулова, офицера весьма храбраго и достойнаго.

14-го числа отряженъ былъ генераль-лейтенантъ Коновницынъ съ командуемою имъ дивизією и частію ка-

валеріи для смѣны графа Остермана-Толстаго, который и вступилъ въ дѣло съ непріятелемъ; но, бывъ гораздо малочисленнѣе его, принужденъ былъ отступить до деревни Комарки, гдѣ былъ подкрѣпленъ генераль-лейтенантомъ Тучковымъ 1-мъ, пришедшимъ туда, по приказанію главнокомандующаго, съ гренадерскою дивизією.

Съ 14-го па 15-е число Іюля, въ ночь, приказано было всей арміи занять позицію по правую сторону рѣчки Лучицы; а генераль-лейтенанту графу Палену 2-му принять начальство надъ авангардомъ оной. Но главнокомандующій, получа извѣстіе отъ князя Багратиона, что Могилевъ уже непріятелемъ занятъ и что опъ съ вѣрною ему армією не можетъ соединиться съ нами иначе, какъ только подъ Смоленскомъ, приказалъ 1-й арміи, оставя занятую уже позицію, слѣдовать по дорогѣ къ городу Порѣчью. Непріятель, видя все движеніе арміи, атаковалъ сильно арріергардъ нашъ, подъ начальствомъ генераль-лейтенанта графа Палена 2-го состоявшій; но благоразумными мѣрами сего генерала и храбростію войскъ нашихъ, несмотря на превосходство силъ непріятельскихъ, былъ удержанъ, и арріергардъ нашъ отступилъ въ большомъ порядкѣ, прикрывая движеніе арміи.

Я, выстуя съ бригадою моею и съ прочими войсками втораго корпуса и отойдя отъ Витебска верстъ 15, получилъ повелѣніе корпуснаго моего командира(вслѣдствіе предписанія главнокомандующаго арміями) возвратиться къ арріергарду и заступить въ командованіи войскъ мѣсто генераль-адъютанта барона Корфа, по случаю приключившейся ему болѣзни; почему одинъ, съ адъютантомъ моимъ, принужденъ былъ ѣхать обратно по дорогѣ къ Витебску.

Дорога сія на всемъ протяженіи ея была покрыта обозами и бѣгущими изъ города жителями, спасавшимися отъ непріятеля. Къ вечеру подѣхалъ я подъ самый городъ и хотя встрѣчающіеся со мною жители и увѣрили, что непріятель уже занялъ городъ, но я, не давая въ томъ имъ полной вѣры и желая скорѣе прибыть къ мѣсту моего назначенія, вѣхалъ уже въ предмѣстье онаго, какъ раздавшіеся выстрѣлы въ самомъ городѣ подтвердили мнѣ справедливость показаній ихъ. Посему, сворота съ большой дороги вправо, поѣхалъ я полями отыскивать арріергардъ нашъ. Адъютантъ мой, не помню какимъ образомъ, отсталъ отъ меня, такъ что я, оставшись совершенно одинъ, былъ въ безпрестанной опасности вмѣсто своихъ наѣхать на какой-нибудь непріятельскій отрядъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ совсѣмъ неизвѣстно было не только положеніе нашего арріергарда, но даже куда онъ при отступленіи своемъ взялъ направленіе. Смотря во всѣ стороны и разглядывая пристально всѣ предметы, представляющіеся глазамъ моимъ въ пространныхъ равнинахъ, окружающихъ городъ Витебскъ, увидѣлъ я наконецъ въ довольно далекомъ разстояніи идущую кавалерію, и хотя по соображенію движеній войскъ и могъ предполагать, что кавалерія сія принадлежала къ нашему арріергарду, но легко однакоже могло случиться, что и непріятель, занявъ уже окрестности города, отрядилъ оную для прикрытія своего фланга, или для преслѣдованія нашего арріергарда; подѣхавъ же ближе, я могъ рассмотреть, что въ головѣ колонны шли уланы; но чьи они были, наши ли, или непріятельскіе, сіе оставалось для меня нерѣшеннымъ: ибо и Польскіе уланы были въ такихъ же почти мундирахъ, какъ

и наши, и я могъ оныхъ принять за своихъ. Къ счастью усмотрѣлъ я, что за уланами слѣдовали гусары, въ сѣрыхъ мундирахъ и какъ я зналъ, что въ арріергардѣ нашемъ былъ Елисаветградскій гусарскій полкъ въ такихъ мундирахъ, то, увѣренный, что отрядъ сей принадлежалъ къ числу войскъ нашихъ, смѣло поѣхалъ къ онимъ, гдѣ и нашелъ генераль-адъютанта барона Корфа, съ отрядомъ коего и слѣдовалъ уже до города Порѣчья.

Главная квартира 1-й арміи расположена была въ самомъ городѣ Порѣчьѣ; мнѣ же съ отрядомъ, состоявшимъ изъ двухъ пѣхотныхъ и одного егерскаго полка, приказано было, не доходя до города версты за три, занять позицію, каковая мною и была избрана близъ корчмы, стоящей на большой дорогѣ, подлѣ которой отрядъ мой и расположился на бивакахъ.

Ночью слышали мы непомѣрный крикъ въ городѣ, гдѣ расположена была главная квартира, и даже громкое ура! раздавалось въ ночной тишинѣ. Я не зналъ, къ чему сіе можно было отнести, а потому, приказавъ отряду моему стать къ ружью, послалъ адъютанта моего узнать о причинѣ сего крика. Черезъ полчаса возвратился онъ ко мнѣ и донесъ, что это ничто иное было, какъ то, что разныхъ полковъ люди, найдя оставленные откупщиками винные подвалы и выката изъ оныхъ бочки съ виномъ, праздновали счастливую свою находку; но шумъ скоро былъ прекращенъ, и все вошло въ прежнюю тишину и порядокъ.

На другой день армія выступила по дорогѣ къ Смоленску, куда прибывъ 20-го числа Іюля и найдя уже тутъ вторую нашу армію, подъ началь-

ствомъ генерала отъ инфантеріи князя Багратіона, расположилась биваками на правомъ берегу рѣки Днѣпра.

Съ 20-го по 26-е число Іюля, армія оставалась безъ всякаго дѣйствія, и непріятель насъ не беспокоилъ. Провіантскіе магазины въ Смоленскѣ, также какъ и въ Витебскѣ, были наполнены провіантомъ; но и здѣсь, какъ и тамъ, не было принято никакихъ заблаговременно мѣръ къ изготовленію сухарей, — а потому, отданнымъ по арміи приказомъ, велѣно было съ каждаго полка откомандировать сначала по 60-ти человекъ, а потомъ и еще по 100, для печенія хлѣбовъ и сушки сухарей. Сія откомандировка изъ фронта людей была для полковъ весьма чувствительна, тѣмъ болѣе, что и безъ того полки потеряли уже много оныхъ; ибо при началѣ отступленія арміи отъ границъ нашихъ, сперва всѣ Поляки, потомъ Литовцы, а наконецъ и Бѣлорусцы, въ ночные переходы полковъ, отставая отъ оныхъ, возвращались въ дома свои; и можно навѣрное положить, что, съ начала отступленія отъ границъ нашихъ до Смоленска, армія потеряла такимъ образомъ изъ фронта болѣе 10.000 человекъ. Наконецъ, заготовя провіантъ на трое сутокъ, обѣ арміи, подъ командою военнаго министра Баркляе-де-Толли, 26-го Іюля выступили тремя колоннами къ селенію Руднѣ, съ намѣреніемъ напасть на непріятеля, который, безъ магазиновъ и по весьма скудному отъ земли продовольствію, долженъ былъ растянуть войска свои по частямъ на большее пространство. Мнѣ приказано было принять команду надъ отрядомъ генераль-маіора князя Шаховскаго, состоявшимъ изъ двухъ полковъ егерей, одного гусарскаго, одного казачьяго и шести орудій конной артиллеріи, и съ отрядомъ онымъ за-

нять селеніе Касплю. Флигель-адъютантъ Е. И. В. Михайло Орловъ былъ прикомандированъ къ отряду сему, въ должность оберъ-квартирмейстера. Сіе движеніе армій нашихъ конечно должно бы было увѣнчаться блистательнымъ успѣхомъ, еслибъ предпріятіе это было выполнено; ибо въ то самое время (какъ узналъ я послѣ) вся непріятельская армія тянулась боковымъ маршемъ отъ Двины къ Днѣпру, по чрезвычайно дурнымъ, лѣснымъ и почти непроходимымъ дорогамъ, такъ что артиллерія ея и обозы съ великимъ трудомъ и съ помощію только людей могли по онымъ слѣдовать.

27-го числа арміи достигли: 1-я до Инкова, вторая до Надьбы; но вдругъ главнокомандующій арміями, получа какое-то извѣстіе, будто бы непріятель, сосредоточивъ всѣ силы свои на дорогѣ къ Порѣчью, идетъ по оной на Смоленскъ, приказалъ 1-й арміи поспѣшать обратно на защиту онаго. Мы, возвратясь къ Смоленску, не нашли тамъ никакого непріятеля и, простоявъ по напрасну еще трое сутокъ и не видавъ никого, 1-го числа Августа опять пошли тою же дорогою къ Инкову и Касплѣ и, пришедъ на мѣста прежней позиціи, за три дни предъ тѣмъ нами оставленной, расположились на бивакахъ. Во время сихъ неудачныхъ нашихъ переходовъ съ мѣста на мѣсто, непріятель, пользуясь бездѣйствіемъ нашимъ, собралъ всѣ войска свои и, переправясь черезъ Днѣпръ при Розойнѣ, напалъ на генерала Невѣровскаго, занимавшаго съ отрядомъ своимъ городъ Красный и, опрокинувъ его, преслѣдовалъ по большой Смоленской дорогѣ до самыхъ почти стѣнъ города. Главнокомандующій арміями, получа о томъ извѣстіе, приказалъ войскамъ поспѣшить обратно на защиту Смоленска; обѣ арміи,

прибывъ туда въ третій уже разъ, заняли прежнюю позицію и расположились подъ городомъ на бивакахъ по правую сторону рѣки Днѣпра.

Возвращаясь съ отрядомъ моимъ и не доходя еще до Смоленска верстъ за десять, на разсвѣтѣ дня, услышали мы пушечные выстрѣлы; скоро потомъ и ружейный огонь ознаменовалъ намъ, что мы приближаемся къ мѣсту сраженія; когда же взошли на высоты берега Днѣпра, то увидѣли, можно сказать, подъ ногами нашими всѣ движенія непріятеля и усилія его завладѣть городомъ, а равно и оборону войскъ нашихъ. Какъ люди ни утомлены были ночнымъ переходомъ, болѣе тридцати верстъ нами сдѣланнымъ, но никто не думалъ объ отдыхѣ; глаза всѣхъ въ теченіи цѣлаго дня обращаемы были на мѣсто сраженія, представлявшагося намъ въ видѣ панорамы. Непріятельская армія облежала укрѣпленія города, по лѣвую сторону Днѣпра лежащія, и образовала большое полукружіе, коего оба фланга примыкали къ Днѣпру.

5-го числа Августа во весь день были мы свидѣтелями весьма жаркаго сраженія подъ стѣнами Смоленска. Непріятель отчаянно нападалъ и старался овладѣть укрѣпленіями, то съ одной, то съ другой стороны города; самое же большое его стремленіе было на такъ называемые Малаховскіе городскіе ворота; во весь день артиллерія его не переставала стрѣлять по городу и кидать въ оной гранаты. Къ вечеру весь городъ пылалъ (строеніе большею частию было деревянное); даже окружавшія городъ старинныя каменные башни, все было въ огнѣ, все пылало. Вечеръ былъ прекраснѣйшій, не было ни малѣйшаго вѣтра; огонь и дымъ, восходя столбомъ, разстилали ся подъ самыми облаками. Не смотря

однако на громъ пушекъ, ружейную пальбу, шумъ и крикъ сражающихся, благочестіе Русскаго народа нашло для себя утѣшеніе въ храмѣ Предвѣчнаго. Въ восемь часовъ вечера въ соборной церкви и во всѣхъ приходскихъ раздавался колокольный звонъ. Это было на канунъ праздника Преображенія Господня. Уже колокольни и даже самыя церкви пылали, но все-нощное молебствіе продолжалось. Никогда столь усердныхъ молитвъ предъ престоломъ Всевышняго не совершалось, какъ въ сей роковой часъ города. Всѣ только молились, не помышляя о спасеніи своихъ имуществъ и жизни, какъ бы въ упрекъ непріятелю, что наградою для него будетъ одинъ пепелъ. Наконецъ все утихло; кромѣ пожирающаго пламени и треску разрушавшихся стросній ничто не нарушало тишины. Непріятель прекратилъ нападеніе и занялъ прежнюю позицію вокругъ городскихъ укрѣпленій. Въ городѣ уже никого не оставалось, кромѣ защищавшихъ оный войскъ: всѣ жители, оставя дома свои и имущества на жертву непріятелю, удалились изъ города. Въ продолженіи всего того дня, дороги, ведущія въ Россію, покрыты были несчастными жителями, убѣгавшими отъ непріятеля: старики съ малолѣтними, женщины съ грудными дѣтьми, все бѣжало, не зная сами куда и что будетъ съ ними. Намъ оставалось одно только утѣшеніе, что непріятель былъ совершенно отбитъ на всѣхъ пунктахъ съ большею для него потерею. Да и съ нашей стороны она была значительна; мы потеряли (какъ говорили) убитыми болѣе шести тысячъ человекъ, въ томъ числѣ достойныхъ генераловъ: Скалона и Баллу; непріятель же потерялъ болѣе 20 т. чел. Отъ плѣнныхъ узнали мы, что у нихъ между прочими въ

тотъ день убитъ былъ генераль Грабовскій, и ранены генераль Заіончикъ и многіе другіе.

На другой день всѣ полагали, что битва подъ стѣнами Смоленска будетъ возобновлена; но вдругъ неожиданно, въ 12-ть часовъ ночи, армія получила приказаніе, оставя городъ и большую Московскую дорогу, перейти на правую сторону Днѣпра и занять высоты, находящіяся въ двухъ или трехъ верстахъ отъ города.

Бывшія войска въ городѣ и на лѣвомъ берегу рѣки, перейдя въ самомъ городѣ чрезъ мостъ, шли на назначенныя имъ мѣста; полки же дивизіи нашей, составлявшіе наканунѣ резервъ войскъ бывшихъ въ дѣлѣ, бывъ приближены къ самому городу, въ взводныхъ сокнутыхъ колоннахъ, оставались еще на мѣстахъ своихъ; ружья были составлены, и люди лежали при нихъ на землѣ; вдругъ пули непріятельскія на насъ посыпались: ибо непріятель, видя отступление наше, кинулся въ городъ и, перейдя чрезъ рѣку въ С.-Петербургское предмѣстье, выслалъ противъ насъ стрѣлковъ своихъ. Прежде чѣмъ мы успѣли стать въ ружье, нѣсколько человекъ было ранено, а подо мною верховая лошадь. Главнокомандующій отрядилъ генераль - адъютанта барона Корфа удерживать непріятеля, который, прогнавъ его за рѣку, занялъ опять С.-Петербургское предмѣстье; мы же отступили на назначенныя намъ мѣста по диспозиціи.

6-е число Августа армія весь день провела на позиціи въ колоннахъ, въ боевомъ порядкѣ; всѣ ожидали, что главнокомандующій рѣшится наконецъ на семь мѣстѣ дать непріятелю генеральное сраженіе. Но въ шесть часовъ вечера я получилъ приказаніе явиться въ главную квартиру. По при-

бытіи туда, встрѣтилъ меня генераль-майоръ Ермоловъ, исправлявшій тогда должность начальника штаба арміи и, отдавъ мнѣ диспозицію главнокомандующаго объ отступленіи арміи по дорогѣ къ Москвѣ *, объявилъ повелѣніе его принять начальство надъ авангардомъ первой колонны, составленнымъ изъ Елисаветградскаго Изюмскаго гусарскихъ полковъ, пѣхотнаго Ревельскаго, егерскихъ: 20-го и 21-го, и роты конной артиллеріи, съ коимъ я долженъ былъ слѣдовать проселочною дорогою на селенія: Крыхоткино, Гедеоново, Карелье, Писарцы, Ступино и Бредихино, на большую Дорогобужскую дорогу. Первая армія должна была идти двумя колоннами, изъ коихъ первую составляли: 2-й, 3-й и 4-й пѣхотные и 1-й резервный кавалерійскій корпуса, подъ начальствомъ брата моего г.-лейтенанта Тучкова 1-го; эта колонна должна была по диспозиціи слѣдовать за отрядомъ моимъ въ четырехъ верстахъ; вторая же колонна, составленная изъ 5-го и 6-го пѣхотныхъ, 2-го и 3-го кавалерійскихъ и 1-го кирасирскаго корпусовъ, подъ командою генерала Дохтурова, за отрядомъ генераль-майора Невѣровскаго, должна была идти на селенія: Соколино, Найсалово, Маршулки, Суцovo до Прудича. Вторая армія, подъ начальствомъ князя Багратіона, должна была продолжать отступление по дорогѣ къ Дорогобужу.

Въ 8 часовъ вечера выступилъ я съ отрядомъ моимъ, коего авангардъ составлялъ Елисаветградскій гусарскій полкъ и 2 орудія конной артиллеріи, подъ начальствомъ генераль - майора Всеволожскаго; прочіе полки егер-

* Подлинникъ оной, за подписаніемъ начальника штаба г. м. Ермолова, сохранился у меня и по сію пору.

ские, подъ начальствомъ генераль-маіора князя Шаховскаго, и Ревельскій пѣхотный подъ начальствомъ шефа онаго, роднаго брата моего, генераль-маіора Тучкова 4-го, шли со мною.

Проселочная дорога, по которой отрядъ мой и 1-я колонна арміи должны были слѣдовать, пролегла во многихъ мѣстахъ чрезъ лѣса и болотные ручьи, чрезъ которые хотя и были мосты, но весьма ветхіе и сдѣланные только для проѣзда крестьянскихъ тѣлегъ, такъ что при первомъ переходѣ артиллерійскихъ орудій и кавалеріи, оныя должно было поправлять и даже вновь перемачивать, разбирая для сего близъ лежащія крестьянскія строенія, что весьма затрудняло и останавливало ходъ отряда и 1-й колонны арміи.

7-го числа Августа, около 8 часовъ утра, вышелъ я на большую Московскую дорогу, и хотя по предписанію полученному мною отъ начальника штаба, слѣдовало мнѣ идти прямо на селеніе Бредихино, но къ удивленію моему видѣлъ я, что Бредихино отстояло отъ мѣста соединенія дорогъ, гдѣ мы вышли на большую Московскую, нѣсколько верстъ далѣе отъ Смоленска, такъ что, если бы я выполнилъ въ точности данное мнѣ предписаніе, то открылъ бы непріятелю сей столь важный пунктъ, и непріятель, придя на оный, отрѣзалъ бы всю ту часть войскъ нашихъ и тяжестей, кои, слѣдуя по проселкамъ, не успѣли бы еще выйти на большую Московскую дорогу. Потому я и рѣшился, вмѣсто того, чтобъ идти въ лѣво къ Бредихину, поверотить въ право по дорогѣ къ Смоленску, съ тѣмъ чтобъ, найдя впереди удобное мѣсто къ оборонѣ, занять позицію и, тѣмъ прикрывъ соединеніе дорогъ, дать время колоннѣ, за мною слѣдующей, выдти на большую доро-

гу. А какъ генераль-маіоръ Всеволожскій съ авангардомъ отряда моего, слѣдуя въ точности предписанію начальства, вышелъ на большую дорогу, ушелъ въ Бредихино, то я послалъ адъютанта моего поручика Новикова съ повелѣніемъ, чтобы онъ какъ можно скорѣе шелъ назадъ и присоединился ко мнѣ.

Пройдя двѣ или три версты по большой дорогѣ, близъ деревни Латышино, нашелъ я возвышенное мѣстоположеніе, именуемое Валутина гора, которое показалось мнѣ удобнымъ къ занятію позиціи: ибо большая дорога отъ оной шла внизъ по отлогости ея, у подошвы коей протекала небольшая, но довольно грязная и топкая рѣчка Строгань. Берега оной покрыты были частымъ кустарникомъ; далѣе влѣво къ Днѣпру оное мѣсто отдѣлялось отъ берега болотистой ложиной, доходящей почти до самой рѣки Днѣпра.

Подойдя къ мѣсту сему и не видя еще непріятеля, я приказалъ всему отряду остановиться, дабы дать время отдохнуть людямъ, утомленнымъ весьма труднымъ ночнымъ переходомъ, болѣе десяти часовъ продолжавшимся безъ отдыха; самъ же, объѣхавъ и осмотря мѣстоположеніе, возвратился было къ отряду моему; но тутъ нашелъ исправляющаго должность генераль-квартирмейстера арміи полковника Толя, по приглашенію коего, давъ ему изъ подъ адъютанта моего верхнюю лошадь, поѣхали мы вмѣстѣ впередъ, дабы осмотрѣть предполагаемую къ занятію позицію, и къ отряду генераль-маіора Карпова, бывшему впереди насъ съ казаками. По совѣту полковника Толя, я приказалъ занять еще небольшую высоту, лежащую по дорогѣ къ Смоленску, саженьяхъ въ двухъ-стахъ отъ Валутинной горы и отдѣленную отъ оной протекающею

рѣчкою Строганью, двумя орудіями конной артиллеріи и эскадрономъ Елисаветградскихъ гусарь, предъ которыми по кустамъ разсыпанная рота егерей составляла цѣпь, прикрывавшую высоту сію; 20 и 21 егерскимъ полкамъ, подъ командою генераль-маіора князя Шаховскаго, приказалъ я занять кусты по обѣимъ сторонамъ дороги по берегу рѣчки Строгани; Ревельскій же пѣхотный полкъ съ конно-артиллерією, подъ командою генераль-маіора Тучкова 4-го, оставался на возвышеніи Валутиной горы. Въ семь положеніи ожидалъ я непріятеля.

Въ 11-ть часовъ утра непріятель показался. Стрѣлки его вступили въ перестрѣлку съ нашими егерями; занявъ лежація противъ насъ высоты, онъ открылъ сильную пушечную стрѣльбу по двумъ нашимъ орудіямъ, поставленнымъ на высотѣ съ эскадрономъ гусарь, подъ прикрытіемъ коей увидѣлъ я идущую на насъ непріятельскую кавалерію. Опасаясь потерять орудія, послѣ нѣсколькихъ сдѣланныхъ изъ оныхъ выстрѣловъ, приказалъ я взять оныя на передки и вмѣстѣ съ гусарами и егерями отступить на главную позицію за рѣчку Строгань, при отступленіи же разобрать мостъ на ней находящійся, что все было исполнено въ точности, безъ всякой съ нашей стороны потери.

Видя превосходство силъ непріятеля, я послалъ тотчасъ донести о томъ начальствовавшему 1-ю колонною арміи, брату моему генераль-лейтенанту Тучкову 1-му, который зналъ всю важность защищаемаго мною пункта, тѣмъ болѣе, что весь второй нашъ корпусъ, бывъ задержанъ непріятелемъ около Смоленска, тянулся еще по проселочной дорогѣ и не прежде вечера могъ выдти на большую. Онъ прислалъ на подкрѣпленіе мнѣ гренадерскіе полки:

лейбъ-гренадерскій и графа Аракчсева, изъ коихъ первый остался на высотахъ при большой дорогѣ, а второй занялъ опушку лѣса влѣво отъ дороги, лежащую позади лощины, отдѣлявшей позицію нашу отъ рѣчки Днѣпра.

Непріятель, войдя на высоту, оставленную нами и устроивъ на оной сильную артиллерійскую батарею, открылъ огонь; но какъ высоты Валутиной горы командовали оною, то огонь его и не могъ дѣлать намъ большого вреда, между тѣмъ какъ наши выстрѣлы гораздо болѣе причиняли ему онаго. Высланные непріятелемъ стрѣлки, сколь ни усиливались выгнать егерей нашихъ изъ занятаго по обѣимъ сторонамъ дороги кустарника, дабы очистить дорогу колоннамъ своимъ, но всѣ усилія ихъ остались безъ успѣха, и егеря наши, пользуясь мѣстоположеніемъ, не уступали ни на шагъ непріятелю. Вскорѣ потомъ непріятель, построивъ сильную кавалерійскую колонну, повелъ оную прямо по большой дорогѣ, съ намѣреніемъ или овладѣть батареею нашею, или, заставя насъ свезти оную, оставить позицію. Кавалерія его пошла на рысяхъ, не смотря на жестокой пушечной и ружейной огонь, нами по ней открытый; но, подѣхавъ къ разобранному нами мосту и видя невозможность перейти чрезъ рѣчку въ бродъ, подъ сильными картечными выстрѣлами, принуждена была, поворота назадъ, съ послѣдностію удалиться, потеря значительный уронъ.

Непріятель, наблюдая всѣ движенія арміи нашей и зная, какой онъ вредъ могъ бы нанести оной, еслибъ удалось ему заставить отступить отрядъ нашъ за пунктъ соединенія дорогъ (ибо симъ однимъ движеніемъ онъ могъ бы овладѣть всѣми тяжестями арміи, не вышедшими еще на большую дорогу),

безпрестанно умножалъ силы свои подходящими къ нему войсками; а посему и главнокомандующій генераль отъ инфантеріи Барклай-де-Толли, прибывъ самъ на мѣсто сраженія и видя, сколь необходимо было удерживать оное, приказалъ генераль-адъютанту графу Орлову Денисову, съ казачьимъ отрядомъ генераль-маіора Карпова и гусарскими полками Сумскимъ, Маріупольскимъ и Елисаветградскимъ, занять все пространство, влѣво отъ позиціи нашей до рѣки Днѣпра находящеяся: ибо вся непріятельская кавалерія, подъ начальствомъ Неаполитанскаго короля Мюрата, туда потянулась (какъ видно было), съ тою цѣлю, чтобъ, обойдя лѣвый нашъ флангъ, принудить насъ къ отступленію; но храбрость кавалеріи нашей отряда генерала Орлова-Денисова не позволила ему сіе выполнить. Наконецъ, часовъ въ пять пополудни, маршалъ Ней, устроивъ сильныя пѣхотныя колонны и открывъ съ батареей своихъ жесточайшій пушечный огонь, повелъ атаку прямо на центръ нашъ; но подоспѣвшіе, по повелѣнію главнокомандующаго арміями, полки подъ начальствомъ генераль-лейтенанта Коновницына, остановивъ стремленіе непріятеля, заставили его отступить на прежнюю позицію. Послѣ сего, въ продолженіи болѣе двухъ часовъ, непріятель не предпринималъ никакого движенія и казалось, что на сей разъ все было кончено, какъ вдругъ въ 7 часовъ вечера, когда уже солнце было совсѣмъ на закатѣ, онъ, открывъ жесточайшій пушечный огонь со всѣхъ устроенныхъ имъ батарей, въ центръ нашей линіи сильными колоннами повелъ атаку. Мнѣ дали знать, что непріятель завладѣлъ небольшою деревнею, лежащею подъ правымъ флангомъ нашимъ; почему я, поскакавъ туда и

найдя близъ того мѣста пришедшій ко мнѣ на подкрѣпленіе Полоцкій пѣхотный полкъ подъ начальствомъ генераль - маіора Филисова, приказалъ оному, выгнавъ непріятеля, занять оную деревню по прежнему, что и было исполнено съ успѣхомъ. Между тѣмъ услышалъ я, что батарея наша, находящаяся въ центрѣ позиціи, на большой дорогѣ, совсѣмъ замолкла, почему вся линія стрѣлковъ, занимавшая (какъ выше было сказано) кусты, лежащіе предъ фронтомъ позиціи, не слыша болѣе дѣйствія артиллеріи нашей, начала подаваться назадъ. Прискакавъ на оную батарею, нашелъ я, что всѣ уже орудія были взяты на передки и свезены съ мѣстъ своихъ. На спросъ мой, кто осмѣлился сіе сдѣлать безъ приказанія моего, начальникъ батареи отвѣчалъ мнѣ, что онъ сіе сдѣлалъ по неимѣнію болѣе зарядовъ, ибо зарядные ящики, по приказанію начальства, еще на канунѣ были отправлены впередъ съ обозомъ къ Дорогобожу, дабы чрезъ то сократить длину отступающей арміи; при орудіяхъ же оставлено было только по одному зарядному ящику, изъ которыхъ всѣ заряды выстрѣлены. Я, не полагаясь на слова его, велѣлъ при себѣ открыть всѣ ящики и найдя, что у двухъ или трехъ орудій оставалось еще по нѣскольку зарядовъ, приказалъ оныя снять съ передковъ и, поверотивъ противъ непріятеля, начать изъ оныхъ дѣйствовать, дабы симъ показать войскамъ нашимъ, находящимся въ цѣпи, что позиція нами не оставлена и что оную слѣдовало еще удерживать; самъ же, поскакавъ на то мѣсто, гдѣ находился главнокомандующій, со всѣмъ его штабомъ, дабы объяснить ему все происходившее, нашелъ его оставляющаго уже позицію вмѣстѣ съ начальникомъ артиллеріи генераль-маі-

о томъ, что артиллерія оставила мѣста свои безъ приказанія, по недостатку снарядовъ, увѣрялъ меня, что онъ приказалъ уже другой батареейной ротѣ идти на смѣну тѣхъ орудій и занять тѣже самыя мѣста, гдѣ первыя находились, на что я ему отвѣчалъ, что это выполнить уже будетъ очень трудно: ибо непріятель, пользуясь отступленіемъ войскъ нашихъ, конечно взойдетъ и займетъ оставленныя нами высоты, что точно и случилось; ибо онъ, видя подающуюся назадъ цѣпь нашу и что батарея прекратила огонь свой, смѣло пошелъ впередъ и, перейдя рѣчку Строгань, приближался къ позиціи нашей.

Такъ какъ генералъ-лейтенантъ Коновницынъ, пришедшій по распоряженію главнокомандующаго съ гренадерскими полками на подкрѣпленіе комнѣ, былъ по службѣ меня старѣе, то я спросилъ позволенія у него взять одинъ изъ пришедшихъ его полковъ и съ онымъ, спустясь съ высоты позиціи, идти на встрѣчу непріятеля, на что онъ и изъявилъ свое согласіе. А потому, подѣхавъ къ одному изъ оныхъ, объявилъ я полковому командиру приказаніе его, чтобъ полкъ слѣдовалъ за мною на встрѣчу идущаго непріятеля, но къ удивленію моему услышалъ отъ командира того полка разныя отговорки, какъ-то: что люди его очень устали и что ужъ и безъ того много полковъ разстроенныхъ, а его полкъ въ порядкѣ, то потому ему казалось бы лучше сберечь оный, нежели подвергать новой опасности. Я сдѣлалъ ему за сіе выговоръ и, не слушая ничего, приказалъ полку построеному уже въ колонну идти за мною, что было и исполнено. Но какъ уже между тѣмъ начало смеркаться и даже было до-

вольно темно (ибо хотя день былъ и ясный, но къ вечеру небо покрылось тонкими облаками, отъ чего и темнота начала усиливаться), видя же нехорошее расположеніе полковаго командира и судя по тому и о прочемъ, не могъ я надѣяться, что полкъ выполнитъ съ успѣхомъ предпріятіе мое; но не могъ и опасаться никакихъ для себя дурныхъ послѣдствій, тѣмъ болѣе, что, бывъ верхомъ, въ случаѣ какой либо неудачи, я менѣе подвергался опасности, нежели всѣ прочіе. Едва я сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ головѣ колонны, какъ пуля ударила въ шею моей лошади, отъ чего она, придподнявшись на заднія ноги, упала на землю. Видя сіе, полкъ остановился; но я соскочилъ съ лошади и, дабы ободрить людей, закричалъ имъ, чтобъ шли впередъ за мною, ибо не я былъ раненъ, но лошадь моя, и съ симъ словомъ, ставъ на правый флангъ перваго взвода колонны, повелъ оную на непріятеля, который, видя приближеніе наше, остановясь, ожидалъ насъ на себя. Не знаю, отъ чего, по я имѣлъ предчувствіе, что люди заднихъ взводовъ колонны, пользуясь темнотою вечера, могутъ оттянуть и потому шелъ съ первымъ взводомъ, сколько можно укорачивая шагъ, дабы прочіе взводы не могли оттягивать. Такимъ образомъ приближась къ непріятелю, уже въ нѣсколькихъ шагахъ, колонна, закричавъ ура! кинулась въ штыки на непріятеля. Я не знаю, послѣдовалъ ли весь полкъ за первымъ взводомъ; но, непріятель, встрѣтя насъ штыками, опрокинулъ колонну нашу, и я, получивъ рану штыкомъ въ правый бокъ, упалъ на землю. Въ это время нѣсколько непріятельскихъ солдатъ подскочили ко мнѣ, чтобъ приколоть меня; но въ самую ту минуту Французскій офицеръ, по имени Этиенъ, же-

лая имѣть самъ сіе удовольствіе, закричалъ на нихъ, чтобъ они предоставили ему это сдѣлать. *Laissez moi faire, je m'en vais l'achever*, были его слова *, и съ тѣмъ вмѣстѣ ударилъ меня по головѣ имѣвшуюся въ рукахъ его саблею. Кровь хлынула и наполнила мнѣ вдругъ и ротъ и горло, такъ что я ни одного слова не могъ произнести, хотя былъ въ совершенной памяти. Четыре раза наносилъ онъ гибельные удары по головѣ моей, повторяя при каждомъ: *Ah, je m'en vais l'achever ***, но въ темнотѣ и запальчивости своей не видалъ того, что чѣмъ болѣе силится нанести ударъ мнѣ, тѣмъ менѣе успѣвалъ въ томъ: ибо я, упавъ на землю, лежалъ головою плотно къ оной, почему конецъ сабли его, при всякомъ ударѣ, упирался въ землю, уничтожалъ почти оный такъ, что при всемъ усиліи его онъ не могъ мнѣ болѣе сдѣлать вреда, какъ только нанести легкихъ ранъ въ голову, не повредя черепъ. Въ этомъ положеніи казалось, что уже ничто не могло спасти меня отъ очевидной смерти: ибо, имѣя нѣсколько штыковъ упертыми въ грудь мою и видя стараніе господина Этіена лишить меня жизни, ничего не оставалось мнѣ, какъ ожидать съ каждымъ ударомъ послѣдней моей минуты. Но судьбѣ угодно было опредѣлить мнѣ другое. Изъ за протекавшихъ надъ нами облаковъ вдругъ просіявшая луна освѣтила насъ своимъ свѣтомъ, и Этіенъ, увидя на груди моей Анненскую звѣзду, остановивъ взнесенный уже можетъ быть послѣдній роковой ударъ, сказалъ окружающимъ его солдатамъ: „Не трогайте его, это генераль, лучше взять его въ плѣнъ“; и съ симъ словомъ велѣлъ поднять

меня на ноги. Такимъ образомъ, избѣжавъ почти неминуемой смерти, попался я въ плѣнъ непріятелю.

Не болѣе какъ чрезъ полчаса довели меня до мѣста, гдѣ находился Неаполитанскій король Мюратъ, какъ извѣстно, командовавшій авангардомъ и кавалеріею непріятельской арміи. Мюратъ тотчасъ приказалъ своему доктору осмотрѣть и перевязать раны мои; потомъ спросилъ меня, „какъ силенъ былъ отрядъ нашихъ войскъ, бывшихъ въ дѣлѣ со мною,“ и когда я ему отвѣчалъ, что насъ было въ семь дѣлъ не болѣе 15.000, то онъ съ усмѣшкою сказалъ мнѣ: „*A d'autres, à d'autres; vous étiez beaucoup plus forts que cela**“; на чтѣ я ему не отвѣчалъ ни слова. Но когда онъ мнѣ сталъ откланиваться, то я вспомнилъ, что покуда меня вели до него, то храбрый мой Этіенъ, услыша отъ меня нѣсколько словъ пофранцузски, началъ меня убѣдительно просить, чтобы, когда я буду представленъ къ Неаполитанскому королю, замолвилъ бы объ немъ хотя одно слово, которое конечно сдѣлаетъ его счастливымъ. Я, не хотя ему платить зломъ, откланиваясь королю, сказалъ, что имѣю къ нему просьбу. „Какую? спросилъ король, я охотно исполню все, чтѣ только можно будетъ.“ — „Не забыть въ награжденіяхъ офицера сего, который меня къ вамъ представилъ“. Король усмѣхнулся и поклонясь сказалъ мнѣ: „Я все сдѣлаю, чтѣ только можно будетъ,“ и на другой день г. Этіенъ былъ украшенъ орденомъ Почетнаго Легіона.

Король приказалъ отправить меня, въ сопровожденіи адъютанта своего, въ главную квартиру императора На-

* Пустите меня, я съ нимъ покончу.

** Ахъ, я съ нимъ покончу.

* Говорите другимъ, другимъ! Вы были гораздо сильнѣе этого.

полеона, находившуюся уже въ г. Смоленскѣ. Съ большимъ трудомъ переправились мы чрезъ сожженный нами городской на Днѣпрѣ мостъ, который кое-какъ Французами былъ уже исправленъ. Въ глубокую полночь привезли меня въ Смоленскъ и ввели меня въ комнату довольно большого каменнаго дома, гдѣ оставили меня на диванѣ. Чрезъ нѣсколько минутъ вошелъ неизвѣстный мнѣ Французскій генералъ и, сѣвъ подлѣ меня, спросилъ меня, не хочу ли я чего-нибудь, и когда я ему сказалъ, что мнѣ чрезвычайно хочется пить, то онъ вышелъ въ другую комнату, принесъ графинъ воды и бутылку краснаго вина; наливъ изъ оныхъ въ стаканъ, подаль мнѣ пить. Посидѣвъ еще нѣсколько и угорчивая меня, чтобы я не огорчился положеніемъ моимъ, онъ вышелъ изъ комнаты и оставилъ меня одного вѣ одной. На другой день я узналъ, что это былъ начальникъ штаба Французской арміи маршалъ Бертъ, принцъ Невшательскій, у коего въ домѣ я находился.

На другой день по утру явился ко мнѣ извѣстный всѣмъ главный докторъ Французской арміи г—ъ Ларрей. Онъ осмотрѣлъ и перевязалъ раны мои, и такъ какъ лично я его не зналъ, то объявилъ мнѣ между прочими своими разказами, что онъ главный докторъ арміи, что онъ былъ съ Наполеономъ въ Египтѣ и что онъ также имѣетъ генеральскій чинъ. Расспрашивая меня, или лучше сказать, самъ все мнѣ рассказывая, онъ спросилъ меня, не знавалъ ли я когда въ Москвѣ доктора Митивье? Когда я ему отвѣчалъ, что я его очень хорошо зналъ и что даже лечился у него въ Москвѣ, то онъ предложилъ мнѣ: не хочу ли я его видѣть, ибо онъ находится въ Смоленскѣ при главной

квартирѣ арміи, и потому онъ можетъ его тотчасъ прислать ко мнѣ. И въ самомъ дѣлѣ чрезъ часъ явился ко мнѣ г. Митивье, коему я весьма былъ радъ, ибо одинъ онъ былъ изъ всѣхъ тогда окружавшихъ меня, коего я знавалъ когда-нибудь. Если бы безпрестанные посѣщенія и разказы могли разсѣять мрачныя тогда мысли мои и заставить забыть то несчастное положеніе, въ которомъ я находился, конечно бы я не могъ чувствовать ни скуки, ни недостатка въ чемъ-либо: ибо съ самаго почти утра до вечера безпрестанно посѣщали меня разные чиновники, бывшіе при главномъ штабѣ арміи, предлагая всевозможныя услуги свои и коихъ учтливое и хорошее обращеніе со мною заставляло меня имѣть къ нимъ всякое уваженіе. Въ тотъ же день вошелъ ко мнѣ камердинеръ принца Невшательскаго и принесъ двѣ батистовыя рубашки и двѣ пары бумажныхъ чулокъ изъ бѣлья принца, прося меня принять оныя и говоря, что принцъ приказалъ мнѣ сказать, что я ни за какія деньги, по причинѣ совершеннаго опустошенія города, ничего достать въ ономъ не могу; а такъ какъ рубашка на мнѣ и все мое платье были облиты занекшеюся моею кровью, то я и былъ радъ переменить бѣлье, а потому и принялъ все оное съ благодарностію. Въ Смоленскѣ нашли мнѣ одну оставшуюся бѣдную женщину, которая взялась верхнее мое платье кое-какъ вымыть и вычистить и на другой день принесла его ко мнѣ, хотя и не въ лучшемъ видѣ, но по крайней мѣрѣ не было уже видно на немъ пятенъ крови грязи.

На третій день по утру вошелъ ко мнѣ Французскій генералъ Дензель, комендантъ главной квартиры Наполеона и между прочимъ сказалъ мнѣ.

что онъ имѣеть приказаніе узнать отъ меня, куда я хочу быть отосланъ; ибо по причинѣ совершеннаго раззоренія Смоленска оставаться въ ономъ мнѣ никакъ невозможно. Я отвѣчалъ ему, что для меня все равно, гдѣ-бъ мнѣ ни приказано было жить и что я, въ положеніи моемъ, располагать собою не могу; но если сіе сколько-нибудь зависить будетъ отъ моего желанія, то я хотѣлъ бы только того, чтобъ мнѣ не было назначено мѣстопробыванія въ Польшѣ; во всякомъ же другомъ мѣстѣ для меня все будетъ равно, только чѣмъ ближе будетъ къ Россіи, тѣмъ лучше; а потому еслибы можно было, я хотѣлъ бы, чтобъ меня отослали въ Кенигсбергъ, или въ какой-либо другой городъ Пруссіи, находящійся ближе къ границамъ нашимъ. Онъ одобрилъ мое желаніе и предложилъ мнѣ выбрать одно изъ двухъ мѣсть, или Кенигсбергъ, или Эльбингъ, увѣряя, что я въ обоихъ сихъ городахъ могу жить очень покойно и пріятно, что я и предоставилъ совершенно на волю его.

Черезъ нѣсколько времени послѣ того вошелъ ко мнѣ чиновникъ, бывшій при принцѣ Невшательскомъ, г. Ледюкъ, и объявилъ мнѣ, что онъ, по приказанію принца, пришелъ мнѣ сказать, что такъ какъ, по желанію моему, я буду отправленъ въ Кенигсбергъ, то принцъ полагаетъ, что я, не имѣя тамъ никого знакомыхъ и бывъ удаленъ отъ отечества моего, могу нуждаться въ деньгахъ, а потому и предлагаетъ мнѣ занять у него столько, сколько я считаю нужно мнѣ будетъ и которыя я ему могу возвратить при первой моей на то возможности. Поблагодаря за столь милое его ко мнѣ расположеніе, просилъ я г. Ледюка, чтобъ онъ доложилъ принцу, что я, принимая съ

большою благодарностію предложеніе его, прошу одолжить меня стами Голландскими червонными, кои непременно возвращу ему, коль скоро буду имѣть случай получить оныя изъ Россіи. Черезъ полчаса г. Ледюкъ принесъ мнѣ Французскимъ золотомъ 1.200 франковъ, въ коихъ я ему и далъ росписку.

Подъ вечеръ того дня, когда я сидѣлъ въ моей комнатѣ одинъ, размышляя о горестномъ положеніи моемъ, на дворѣ уже было довольно темно, дверь моя отворилась, и кто-то, вошедъ ко мнѣ въ военномъ офицерскомъ мундирѣ, спросилъ меня по-французски о здоровьѣ моемъ. Я, не обращая большаго вниманія, полагая, что то былъ какой-нибудь Французскій офицеръ, отвѣчалъ ему на вопросъ сей кое-какъ обыкновенною учтивостію; но вдругъ услышалъ отъ него по-русски: „Вы меня не узнали, я Орловъ, адъютантъ генерала Уварова, присланъ парламентаромъ отъ главнокомандующаго съ тѣмъ, чтобъ узнать, живы ли вы и что съ вами сдѣлалось?“ Сердце во мнѣ затрепетало отъ радости, услышавъ неожиданно звукъ роднаго языка; я бросился обнимать его какъ роднаго брата. Орловъ рассказалъ мнѣ безпокойство на мой счетъ моихъ братьевъ и главнокомандующаго: ибо никто въ арміи нашей не зналъ, живъ ли я еще и что со мною случилось. Предавшись полной радости и считая, что никто не будетъ понимать насъ, если будемъ говорить по-русски, я сталъ было ему рассказывать разныя обстоятельства, касавшіяся до военныхъ нашихъ дѣйствій; но вдругъ отворилась дверь, и изъ-за оной показалась голова. Это былъ Польскій офицеръ, проведеншій ко мнѣ Орлова, который напомнилъ ему, что на сей разъ болѣе онъ оставать-

ся у меня не можетъ, и я долженъ былъ съ нимъ разстаться. При прочаніи нашемъ Орловъ обѣщалъ мнѣ, получа депеши, придти еще разъ проститься со мною; но, какъ я послѣ узналъ, сдѣлать ему сего не позволили, и я уже болѣе не видалъ его.

На пятый или шестой день послѣ несчастнаго со мною происшествія, вошелъ ко мнѣ молодой человекъ во Французскомъ полковничьемъ мундирѣ и объявилъ мнѣ, что онъ присланъ ко мнѣ отъ императора Наполеона узнать, позволить ли мнѣ здоровье мое быть у него, и если я сдѣлать сіе уже въ силахъ, то онъ назначить мнѣ на то время. Я отвѣчалъ, что хотя я еще и очень слабъ, но однакоже силы мои позволяютъ мнѣ быть къ нему представленнымъ, когда ему угодно будетъ. На другой день по утру, часу въ 10-мъ, тотъ же адъютантъ императора Французовъ, какъ сказали мнѣ, г. Флаго, вошедъ ко мнѣ, просилъ меня, чтобъ я съ нимъ шелъ къ императору.

Наполеонъ занималъ домъ бывшій Смоленскаго военнаго губернатора, находившійся въ недалекомъ разстояніи отъ дома, въ коемъ жилъ маршалъ Бертье, начальникъ главнаго его штаба, и который прежде занимался нашимъ начальникомъ артиллеріи. Предъ домомъ императора толпилось множество солдатъ и офицеровъ; а при входѣ, по обѣимъ сторонамъ онаго, стояли кавалерійскіе часовые верхами. Лѣстница и переднія комнаты наполнены были генералами и разными военными чиновниками. Мы, пройдя мимо ихъ, вошли въ комнату, гдѣ уже не было никого; у дверей, ведущихъ далѣе изъ оной, стоялъ лакей въ придворной ливреѣ, который, при появленіи нашемъ, отворилъ дверь и впустилъ меня одного въ ту комнату, гдѣ былъ самъ императоръ Наполеонъ съ

начальникомъ своего штаба. У окна комнаты, на столѣ, лежала развернутая карта Россіи. Я, взглянувъ на оную, увидѣлъ, что всѣ движенія нашихъ войскъ означены были на оной воткнутыми булабочками съ зелеными головками, Французскихъ же съ синими и другихъ цвѣтовъ, какъ видно означавшихъ движеніе разныхъ корпусовъ Французской арміи. Въ углу близъ окна стоялъ маршалъ Бертье, а посреди комнаты императоръ Наполеонъ. Я войдя поклонился ему, на что и онъ отвѣчалъ мнѣ также очень вѣжливымъ поклономъ. Первое слово его было: „Котораго вы были корпуса?“—Втораго, отвѣчалъ я.—„А, это корпусъ генерала Баговута!“—Точно такъ.—„Родня ли вамъ генералъ Тучковъ, командующій первымъ корпусомъ?“—Родной братъ мой.—„Я не стану спрашивать, сказалъ онъ мнѣ, о числѣ ващей арміи, а скажу вамъ, что она состоитъ изъ восьми корпусовъ, каждый корпусъ изъ двухъ дивизій, каждая дивизія изъ шести пѣхотныхъ полковъ, каждый полкъ изъ двухъ баталіоновъ; если угодно, то могу сказать даже число людей въ каждой ротѣ.“—Я, поклонясь ему и усмѣхнувшись нѣсколько, сказалъ: Вижу, что ваше величество очень хорошо обо всемъ увѣдомлены.—„Это не мудрено,“ отвѣчалъ онъ мнѣ съ нѣкоторою скоростію: „всякій почти день, съ самага отступленія вашего отъ границъ, мы беремъ плѣнныхъ, и нѣтъ почти ни одного изъ вашихъ полковъ, изъ котораго бы ихъ у насъ не было; ихъ спрашиваютъ о числѣ полковъ и ротъ, въ которыхъ они находились; отвѣты ихъ кладутъ на бумагу, и такимъ образомъ составляется свѣдѣніе, о коемъ я вамъ теперь сказалъ.“ Помолчавъ нѣсколько, оборотаясь ко мнѣ, онъ началъ:

„Это вы, господа, хотѣли этой войны, „ а не я. Знаю, что у васъ говорятъ, „ что я зачинщикъ оной, но это не „ правда; я вамъ докажу, что я не хо- „ тѣлъ имѣть войны; но вы меня къ „ оной принудили.“ Тутъ онъ началъ мнѣ рассказывать все поведеніе свое съ нами съ самага Тильзитскаго мира, чтѣ на ономъ ему было обѣщано, какъ мы нашихъ обѣщаній не выполнили, какія министръ его подавалъ правительству нашему ноты, и что не только на оныя никакого отвѣта ему не давали, но даже наконецъ (чего нигдѣ и никогда не слыхано) посланника его не допустили къ Государю для личнаго объясненія; потомъ стали сосредоточивать войска въ Польшѣ, дивизію привели туда изъ новой Финляндіи и двѣ изъ Молдавіи, подвергаясь даже опасности ослабить тѣмъ военныя дѣйствія наши противъ Турокъ. „ Противъ кого же всѣ эти при- „ готовленія были, какъ не противъ „ меня? сказалъ онъ. Чтѣ-жъ, неужели „ мнѣ было дожидиться того, что вы, „ перейдя Вислу, дойдете до Одера? „ Мнѣ должно было васъ предупре- „ дить; но, и по пріѣздѣ моемъ къ ар- „ міи, я хотѣлъ еще объясниться безъ „ войны; на предложенія мои вдругъ „ мнѣ отвѣчаютъ, что со мною и пе- „ реговоровъ никакихъ имѣть не хо- „ тятъ до тѣхъ поръ, покуда войска „ мои не перейдутъ обратно чрезъ „ Рейнъ. Чтѣ-жъ, развѣ вы меня уже „ побѣдили? Съ чего взяли дѣлать отъ „ меня такія требованія?“

И на весь сей весьма длинный его разговоръ не отвѣчалъ ни слова, а равно и принцъ Невшательскій, къ ко- ему онъ нѣсколько разъ обращался въ продолженіи онаго. Потомъ, обратясь опять ко мнѣ, онъ спросилъ меня: „ какъ я полагаю, дадимъ ли мы скоро „ генеральное сраженіе, или будемъ все

„ ретироваться?“ И ему отвѣчалъ, что мнѣ не извѣстно намѣреніе главно- командующаго. Тутъ онъ началъ от- зываться объ немъ очень невыгодно, говоря, что Нѣмецкая его тактика ни къ чему хорошему насъ не доведетъ. что Россіяне нація храбрая, благород- ная, усердная къ Государю, которая создана драться благороднымъ обра- зомъ, на чистоту, а не Нѣмецкій глу- пой тактикѣ слѣдовать. „ Да и къ чему „ хорошему она можетъ довести? Вы „ видѣли примѣръ Пруссіи (сказалъ онъ мнѣ): она съ тактикою своею „ кончилась въ три дни. Что за отсту- „ пленіе? Почему-жъ вы, вмѣсто того, „ если уже расположены были имѣть „ войну, не заняли Польши и далѣе, „ чтѣ вы легко могли сдѣлать, и тогда, „ вмѣсто войны въ границахъ вашихъ, „ вы бы перенесли ее въ непріятель- „ скую землю. * Да и Пруссаки, кото- „ рые теперь противъ васъ, тогда были „ бы съ вами. Почему же главнокоманду- „ ющій вашъ ничего этого не умѣлъ „ сдѣлать; а теперь, отступая безпре- „ станно, опустошаетъ только свою „ собственную землю! Зачѣмъ оставилъ „ онъ Смоленскъ? Зачѣмъ довелъ этотъ „ прекрасный городъ до такого несча- „ стнаго положенія? Если онъ хотѣлъ „ его защищать, то для чего же не за- „ щищалъ его далѣе? Онъ бы могъ его „ удерживать еще очень долго. Если „ же онъ намѣренія этого не имѣлъ, „ то зачѣмъ же останавливался и дра- „ лся въ немъ: развѣ только для того, „ чтобъ раззорить городъ до основа-

* Такова и была первоначальная мысль Императора Александра Павловича, и въ исходѣ 1811 года заключенъ былъ для того союзный тайный оборонительный трактатъ съ Пруссією; но Прусскій король не отвѣ- жился ратификовать этотъ трактатъ и вмѣ- сто того приступилъ къ союзу противъ насъ съ Наполеономъ. П. Б.

„нія? За это бы его во всякомъ дру-
„гомъ государствѣ разстрѣляли. Да и
„за чѣмъ было раззорять Смоленскъ,
„такой прекрасный городъ? Онъ для
„меня лучше всей Польши; онъ былъ
„всегда Русскимъ и останется Рус-
„скимъ. Императора вашего я люблю,
„онъ мнѣ другъ, не смотря на войну.
„Война ничего не значить. Государст-
„венныя выгоды часто могутъ раздѣ-
„лять и родныхъ братьевъ. Александръ
„былъ мнѣ другомъ и будетъ.“ Потомъ,
„помолчавъ нѣсколько, какъ будто думая
„о чемъ-то, оборотясь ко мнѣ, сказа-
„лъ: « Со всѣмъ тѣмъ, что я его очень
„люблю, понять однако же никакъ не
„могу, какое у него странное пристра-
„стіе къ иностранцамъ; чтѣ за страсть
„окружать себя подобными людьми,
„каковы напримѣръ: Фуль, Армфельдъ
„и т. п.; людьми безъ всякой нрав-
„ственности, признанными во всей Ев-
„ропѣ за самыхъ послѣднихъ людей
„всѣхъ націй? Какъ, неужели бы онъ
„не могъ изъ столь храброй, привер-
„женной къ государю своему націи,
„какова ваша, выбрать людей достой-
„ныхъ, кои, окруживъ его, доставили
„бы честь и уваженіе престолу?«

Мнѣ весьма странно показалось сіе
разсужденіе Наполеона, а потому, по-
клонясь, сказалъ я ему: „Ваше Величе-
ство, я подданный моего Государя, и
судить о поступкахъ его, а еще ме-
нѣе осуждать поведеніе его, никогда
не осмѣливаюсь; я солдатъ и кромѣ
слѣпаго повиновенія власти ничего
другаго не знаю.“ — Слова сіи, какъ
я могъ замѣтить, не только его не
разсердили, но даже, какъ бы съ нѣ-
которою ласкою, онъ, дотронувшись
слегка рукою до плеча моего, сказалъ:
„О, вы совершенно правы! Я очень
„далекъ отъ того, чтобъ порицать вашъ
„образъ мыслей; но я сказалъ только
„мое мнѣніе, и то потому, что мы те-

„перь съ глазу на глазъ, и это далѣе
„не пойдетъ. Императоръ вашъ зна-
„етъ ли васъ лично?“ — Надѣюсь, от-
„вѣчалъ я, ибо нѣкогда имѣлъ счастье
„служить въ гвардіи его. — „Можете
„ли вы писать къ нему?“ — Никакъ
„нѣтъ, ибо я никогда не осмѣлюсь утру-
„ждать его моими письмами, а особли-
„во въ теперешнемъ моемъ положеніи. —
„Но если вы не смѣете писать къ Им-
„ператору, то можете написать къ
„брату вашему, чтѣ я вамъ теперь
„скажу.“ — Къ брату, дѣло другое: я
„къ нему все могу писать. — „И такъ
„вы мнѣ сдѣлаете удовольствіе, если
„вы напишете брату вашему, что вотъ
„вы теперь видѣли меня и что я пре-
„поручилъ вамъ написать къ нему,
„что онъ мнѣ сдѣлаетъ большое удо-
„вольствіе, если самъ, или чрезъ Ве-
„ликаго Князя, или главнокомандую-
„щаго, какъ ему лучше покажется,
„доведетъ до свѣдѣнія Государя, что я
„ничего болѣе не желаю, какъ пре-
„кратить миромъ военныя наши дѣй-
„ствія. Мы уже довольно сожгли по-
„роху, и довольно пролито крови, и
„что когда же нибудь надобно кон-
„чить. За что мы деремса? Я противъ
„Россіи ничего не имѣю. О, еслибъ
„это были Англичане (*parlez-moi de*
„*cela!*) * Это было бы другое дѣло.“
При сихъ словахъ, сжавши кулакъ,
онъ поднялъ его вверхъ. „Но Рус-
„скіе мнѣ ничего не сдѣлали. Вы
„хотите имѣть кофе и сахаръ; ну, очень
„хорошо, и это все можно будетъ
„устроить, такъ что вы и это имѣть
„будете. Но если у васъ думаютъ, что
„меня легко разбить, то я предлагаю:
„пустъ изъ генераловъ вашихъ, кото-
„рые болѣе другихъ имѣютъ у васъ
„уваженіе, какъ-то: Багратіонъ, Докту-
„ровъ, Остерманъ, братъ вашъ и про-

* Говорите мнѣ объ этомъ!

„чіе (я не говорю о Барклаѣ: онъ и не стоитъ того, чтобъ объ немъ говорили); пусть изъ нихъ составятъ военный совѣтъ и разсмотрятъ положеніе и силы мои и ваши, и если найдутъ, что на сторонѣ вашей болѣе шансовъ * къ выигрышу и что можно легко меня разбить, то пускай назначать, гдѣ и когда имъ угодно будетъ драться. Я на все готовъ. Если же они найдутъ, напротивъ того, что всѣ шансы въ выгоду мою, такъ какъ сіе и дѣйствительно есть, то за чѣмъ же намъ по пустому еще болѣе проливать кровь? Нелучше ли трактовать о мирѣ, прежде потери баталіи, чѣмъ послѣ? Да и какія послѣдствія будутъ, если сраженіе вами проиграно будетъ? Послѣдствія тѣ, что я займу Москву, и какія бъ я мѣры ни принималъ къ сбереженію ея отъ раззоренія, никакихъ достаточно не будетъ: завоеванная провинція, или занятая непріателемъ столица похожа на дѣвку, потерявшую честь свою. Что хочешь послѣ дѣлай, но чести возвратить уже не возможно. — Я знаю, у васъ говорятъ, что Россія еще не въ Москвѣ; но это же самое говорили и Австрійцы, когда я шелъ въ Вѣну; но когда я занялъ столицу, то совсѣмъ другое заговорили; и съ вами тоже случится. Столица ваша Москва, а не Петербургъ; Петербургъ не что иное, какъ резиденція, настоящая же столица Россіи — Москва“. — Я все сіе слушалъ въ молчаніи; онъ же, говоря безпрестанно, ходилъ по комна-

тѣ взадъ и впередъ. Наконецъ подошелъ ко мнѣ и, смотря на меня пристально; сказалъ мнѣ: „Вы Лифляндецъ?“ — Нѣтъ я настоящій Россіанинъ.“ — Изъ какой же вы провинціи Россіи?“ — Изъ окрестностей Москвы, отвѣчалъ я. — „А, вы изъ Москвы“, сказалъ онъ мнѣ какимъ-то особеннымъ тономъ, „вы изъ Москвы! Это вы-то, господа Московскіе жители, хотите вести войну со мною?“ Не думаю, сказалъ я, чтобъ Московскіе жители особенно хотѣли имѣть войну съ вами, а особливо у себя въ землѣ; но если они дѣлаютъ большія жертванія, то это для защиты отечества и угождая тѣмъ волѣ Государя своего. — „Меня право увѣряли, что этой войны хотятъ Московскіе господа; но какъ вы думаете, еслибъ Государь вашъ захотѣлъ сдѣлать миръ со мною, можетъ ли онъ сіе сдѣлать? — Кто-жъ оное можетъ ему воспрепятствовать?“ отвѣчалъ я. — „А Сенатъ напримѣръ?“ — Сенатъ у насъ никакой другой власти не имѣетъ, какъ только ту, которую угодно Государю ему предоставить.

Потомъ началъ онъ спрашивать меня, сколько я служилъ кампаній противъ непріятеля и гдѣ? Про позицію, на которой мы дрались: видѣлъ ли я, и въ которомъ часу войска корпуса генерала Жюндъ въ лѣвой сторонѣ отъ насъ, и наконецъ, который пунктъ, я полагаю, былъ слабѣйшій позиціи нашей? Я, отвѣчая на всѣ его вопросы, на послѣдній сказалъ, что я болѣе всего боялся за правый флангъ нашъ: ибо лѣвый былъ прикрытъ почти непреходимымъ болотомъ; но правый ни чѣмъ прикрытъ не былъ, кромѣ небольшой рѣчки, которую можно было вездѣ перейти. — „Что жъ вы дѣлали, спросилъ онъ меня, въ обезпеченіе ваше?“ — Посылалъ въ ту сторону безпрестанные разъѣзды, и такъ какъ

* Въ продолженіи разговора Наполеонъ нѣсколько разъ повторялъ слово шансъ (chance), какъ-то: les chances de la guerre, и проч. по произношенію коего, и не бывъ Французомъ, легко можно было видѣть Итальянское его происхожденіе: ибо вмѣсто слова chance онъ выговаривалъ chance, какъ-то обыкновенно дѣлаютъ Итальянцы.

онѣ возвращаясь доносили мнѣ, что непріятеля въ той сторонѣ видно не было, то я и оставался покоенъ. — „Куда вы ходили изъ подъ Смоленска „со всею вашею арміею, спросилъ онъ, „и зачѣмъ?“ — Къ Руднѣ и Касплѣ, сказалъ я: намѣреніе главнокомандующаго было атаковать васъ при этихъ пунктахъ. На сіе онъ мнѣ ничего не отвѣчалъ. Возобновя потомъ опять мнѣ желанія свои, чтобъ я написалъ брату все, чтó онъ мнѣ говорилъ, онъ прибавилъ, чтобъ я также написалъ въ письмѣ моемъ и то, что главнокомандующій нашъ весьма дурно дѣлаетъ, что при отступленіи своемъ забираетъ съ собою всѣ земскія власти и начальствующихъ въ губерніяхъ и уѣздахъ, ибо этимъ дѣлаетъ болѣе вреда землѣ, нежели ему; онъ же отъ этого ничего не терпитъ и никакой нужды въ нихъ не имѣетъ, и хотя его увѣряли, что онъ въ Россіи пропадетъ съ голоду, но онъ теперь видитъ, какое это вздорное было опасеніе; видитъ, что въ Россіи поля также хорошо обработаны, какъ въ Германіи и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, и что мудрено бы было ему пропасть съ голоду въ такой землѣ, гдѣ всѣ поля покрыты хлѣбомъ; сверхъ этого онъ имѣетъ еще съ собою подвижной хлѣбный магазинъ, изъ 10 тысячъ повозокъ состоящій, который за нимъ слѣдуетъ и котораго будетъ всегда достаточно для обезпеченія продовольствія его арміи*.

Продержавъ меня у себя около часу и откланиваясь, онъ совѣтовалъ мнѣ не огорчаться моимъ положеніемъ, ибо

* Между прочимъ разговоромъ императоръ Наполеонъ нѣсколько разъ выхвалялъ порядокъ отступленія арміи нашей, говоря, что, слѣдуя за нами отъ самыхъ границъ нашихъ, онъ не находилъ ни одного даже оставленнаго нами колеса, и даже слѣдовъ примѣтно не было отступающей арміи.

плѣнъ мой мнѣ безчестья дѣлать не можетъ. „Такимъ образомъ“, какъ я былъ взятъ, сказалъ онъ, „берутъ только тѣхъ, которые бѣгутъ впереди, „но не тѣхъ, которые остаются назадъ“. Потомъ спросилъ меня, былъ ли я во Франціи?“ — Нѣтъ отвѣчалъ я. Вопросъ сей онъ мнѣ сдѣлалъ такимъ тономъ, что я тотчасъ подумалъ, что намѣреніе его было туда меня отправить. И въ самомъ дѣлѣ, только что я вышелъ отъ него, принцъ Невшательскій, выйдя почти вслѣдъ за мною, сказалъ во первыхъ, что императоръ приказалъ мнѣ возвратитъ шпагу, а во вторыхъ, что какъ я изъявилъ желаніе мое ѣхать въ Кенигсбергъ, то онъ не только позволяетъ мнѣ туда ѣхать, но и въ Берлинъ, и далѣе и далѣе, до самой Франціи, прибавя къ сему: если вы сего захотите.

По возвращеніи моемъ къ себѣ въ комнату, чрезъ два часа пришелъ ко мнѣ г. Ледюкъ съ объявленіемъ, что онъ присланъ отъ принца Невшательскаго, съ тѣмъ, что какъ императору угодно, чтобъ я ѣхалъ во Францію, то онъ полагаетъ, что взятыхъ мною у него 1.200 франковъ будетъ недостаточно для столь дальняго пути; да и, бывъ уже гораздо далѣе отъ Россіи, я не такъ скоро могу надѣяться получить что либо оттуда, а потому и предлагаетъ мнѣ взять у него еще 4800 франковъ и дать такую же росписку, какъ и въ первыхъ полученныхъ мною отъ него деньгахъ, чтó я и исполнилъ съ большою признательностію. Написавъ потомъ письмо къ брату и переведя оное на Французскій языкъ, я пошелъ къ принцу Невшательскому поблагодарить его за всѣ дѣлаемые мнѣ одолженія и, подавъ ему письмо къ брату моему съ переводомъ, сказалъ, что хотя императоръ Наполеонъ и приказывалъ мнѣ въ письмѣ моемъ

написать его неудовольствие на счетъ главнокомандующаго нашею арміею, но я считаю себя не въ правѣ дѣлать ему подобныя объявленія, а потому и въ письмѣ моемъ къ брату о семъ ничего не упоминаю, въ чемъ и принцъ совершенно согласился со мною.

Я не знаю, получилъ ли братъ письмо мое, ибо вскорѣ потомъ оба брата мои, бывшіе со мною въ одной арміи, кончили жизнь на поляхъ Бородинскихъ. Одинъ палъ на самомъ мѣстѣ сраженія, а другой скончался черезъ нѣсколько дней отъ полученныхъ имъ ранъ, въ городѣ Ярославѣ. Я самъ, израненный и едва уцѣлѣвшій отъ смерти, долженъ былъ оставить Россію, ѣхать плѣннымъ въ непріятельскую землю. Четвертый братъ нашъ, бывший въ тоже время дежурнымъ генераломъ арміи, находившейся подъ командою адмирала Чичагова, хотя и оставался невредимъ отъ непріятели, но не избѣжалъ клеветы и злобы собственныхъ враговъ своихъ, бывъ удаленъ отъ командованія войскъ, болѣе десяти лѣтъ страдалъ безвинно подъ слѣдствіемъ, и когда уже всевозможное ухищреніе не могло ничего изыскать къ обвиненію его, то хотя и былъ опять опредѣленъ на службу и продолжалъ оную до глубокой старости, но не могъ уже возвратить ни потеряннаго времени, ни разстроенаго здоровья претерпѣнными огорченіями.

Да позволено мнѣ будетъ здѣсь сказать въ удовольствіе семейнаго честолюбія и въ единственное воздаяніе за всѣ претерпѣнныя имъ горести и несчастія, что едва ли гдѣ отыщется въ военныхъ лѣтописяхъ подобный примѣръ, чтобъ четыре родныхъ брата, достигшіе уже до генеральскихъ чиновъ, пройдя безвредно всѣ почти долѣ бывшія въ Россіи войны, въ теченіи слишкомъ 25 лѣтъ, въ одно по-

чти время кончили столь несчастливо военное ихъ поприще, оставя въ утѣшеніе роднымъ своимъ и ближнимъ только то, что они пали, защищая мужественно Отечество, Вѣру и Престола своего законнаго Государя.

И. Тучковъ.

(Сообщено Александромъ Павловичемъ Тучковымъ).

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ

(начатой въ 1813 году).

Замѣтки біографическія, характеристическія, литературныя, житейскія. ¹

Графиня Хотекъ, бабушка нынѣшняго принца Клари, который владѣетъ Теплицемъ и женатъ на нашей полу-соотечественницѣ графинѣ Фикельмонъ ², оставила по себѣ записки. Главнѣйшее содержаніе ихъ относится до поѣздки изъ Вѣны въ Венецію въ 1782 г. Ихъ Императорскихъ Высочествъ В. К. Павла Петровича и В. К. Маріи Феодоровны, или графа и графини Сѣверныхъ. Графъ Хотекъ былъ назначенъ Австрійскимъ императоромъ къ Ихъ Высочествамъ, а жена его послѣдовала за нимъ. Извлекаемъ изъ этихъ доселѣ остающихся въ рукописи записокъ (сообщенныхъ намъ принцемъ Клари) нѣкоторыя подробности, не лишеныя занимательности. Къ сожалѣнію, въ этихъ запискахъ мало нескромностей, которыми прилакомили насъ новѣйшія лѣтописи, въ этомъ родѣ изданныя. Вообще въ старое время было

¹ См. выше, стр. 1783.

² Правнучкѣ князя М. Д. Кутузова-Смоленскаго.
П. В.

болѣе совѣстливости, застѣнчивости и опасенія проговориться; чѣмъ выше было поставлено лице, тѣмъ осторожнѣе и сдержаннѣе отзывались о немъ даже и въ дневникахъ, не писанныхъ для публики, а единственно для себя. Вотъ тому примѣръ. „Не помню названія того мѣстечка, гдѣ мы обѣдали (говоритъ между прочимъ графиня Хотекъ), но очень помню замѣчательный разговоръ нашъ съ великою княгинею. Я была удивлена довѣренностію, съ которою она обращалась ко мнѣ послѣ осьмидневнаго знакомства. Довѣренность эта не будетъ обманута: слышанное мною въ этотъ день никогда не выйдетъ изъ памяти моей и никому другому извѣстно не будетъ (*jamais ce que j'entendis ce jour-là ne sortira de ma mémoire, ni ne sera su que de moi*). Это очень почтено, но и очень досадно. Открывается обширное поле догадкамъ, но нигдѣ нельзя съ достовѣрностію остановиться.

Графиня Хотекъ съ большимъ уваженіемъ у сочувствіемъ говорить о Великомъ Князѣ и особенно о Великой Княгинѣ, съ которою она и чаще была и ближе имѣла случай ознакомиться.

„В. Князь благоволилъ прочесть намъ нѣсколько отрывковъ изъ дневника своего, замѣчательно хорошо написанныхъ.“³

«Однажды В. Княгиня прервала, по счастью, чтеніе газетъ и рассказала намъ много въ высшей степени зани-

³ Гдѣ этотъ дневникъ, и неужели невозможно познакомиться съ нимъ любителей Русской Исторіи? Въ Р. Архивѣ 1872 г., въ выдержкахъ изъ переписки Иосифа II-го съ герцогомъ Леопольдомъ, упоминается кромѣ того и о дневникѣ, который вела Великая Княгиня. При этомъ оказывается, что оба супруга писали свои записки не только во время путешествія, но и живучи на мѣстѣ въ Россіи (Стр. 771 и 772). П. Б.

мательныхъ подробностей о своей молодости, воспитаніи, о своемъ образѣ мыслей, о легкости и понятливости своей, такъ что девяти лѣтъ она знала геометрію.»

„Передъ ужиномъ В. Княгиня читала намъ вслухъ нѣкоторыя мѣста Похвальнаго Слова Плинія Траяну. Выборъ отрывковъ и выразительность, съ которою она читала, равно говорили въ пользу ума ея и сердца.“

Въ Россіи Императрица оставила по себѣ память о своей благотворительности и строгой точности, съ которою исполняла она добровольно принятія ею на себя обязанности по управленію воспитательными и богоугодными заведеніями; она была администраторъ въ высшемъ и полномъ значеніи этого слова, примѣръ и образецъ всѣмъ администраторамъ⁴. Но мы мало знаемъ частныя свойства ума ея, образованность его и богатая начала, на которыхъ этотъ умъ опирался. Приведенныя замѣтки нѣсколько пополняютъ этотъ пробѣлъ. Лестя здѣсь быть не можетъ.

„За обѣдомъ сидѣла я возлѣ В. Князя: рѣчь зашла о жизни и разныхъ возрастахъ ея. «Затвердите въ памяти своей слова мои (сказалъ онъ мнѣ): я не достигну до сорока пяти лѣтъ». Въ словахъ его, думаю, не было никакого намека и задней мысли, а просто имѣлъ онъ въ виду слабость сложенія своего.

«Послѣ обѣда заговорили о музыкѣ. Императоръ Австрійскій и В. Князь пропѣли дилетантами (*dilettants de qualité*) арію изъ оперы Орфей и Альцеста».

⁴ Покойный П. А. Плетневъ говорилъ про Императрицу Марію Теодоровну, что она болѣе четверти вѣка была *министромъ благотворительности*. П. Б.

⁵ Павелъ Петровичъ скончался на 47 году возраста. П. Б.

Не знаемъ, что за голосъ былъ у Юсифа II-го, но по преданіямъ голосъ В. Князя былъ вѣроятно не очень музыкаленъ.

Въ свитѣ Ихъ Высочествъ находились маіоръ Плещеевъ, Бенкендорфъ съ женою, докторъ Крузе, дѣвица Теодосси Basilio (вѣроятно, какая нибудь Ѳедосья Васильевна), Брюнетта (Brunette), камеръ-юнкера Бертоме, парикмахеръ, фрейлины Нелидова и Борщова. Къ свитѣ принадлежали, но отправлялись всегда днемъ позже: Салтыковъ съ женою, князя Куракинъ и Юсуповъ и Вадковскій.

Изъ словъ графини Хотекъ можно предполагать, что В. Княгиня не очень жаловала эту дополнительную свиту, со включеніемъ Нелидовой и Борщовой. Вотъ что говоритъ графиня Хотекъ: «Пріѣздъ ихъ (т.-е. выше-поименованныхъ лицъ) видимо былъ непріятенъ В. Княгинѣ. Она всегда хотѣла быть съ одною г-жею Бенкендофъ. Не желая ужинать съ ними, она велѣла подать себѣ что нибудь закусить, сказавъ, что за ужинъ не сядетъ. Но ѣсть не было никакой возможности: мы обѣдали въ три часа, а было не позднѣе шести часовъ, такъ что я въ этотъ день легла въ постель голодная».

Вотъ нѣсколько подробностей о пребываніи въ Венеціи.

«Рано отправилась я къ графинѣ Сѣверной, чтобы имѣть честь сопроводить ее въ Арсеналь. Мы пробыли въ немъ шесть часовъ, осматривая въ подробности все достойное замѣчанія. Болѣе всего поразила насъ кузница. Она очень обширна и при насъ была озарена сіяніемъ раскаленного якоря въ 5000 фунтовъ, на который вѣзвали крестъ. Работами въ Арсеналѣ занимаются ежедневно 2000 человекъ. Они рѣдко выходятъ изъ арсенальной ограды, задѣльную плату получаютъ

умѣренную, но за то вдоволь вина, смѣшаннаго съ двумя третями воды. Раздача эта дѣлается въ большомъ порядкѣ: что нечаянно перейдетъ черезъ край, спускается въ большой чанъ и тоже выпивается. Большія залы были украшены трофеями, орудіями, прекрасными и рѣдкими свѣжими цвѣтами въ честь В. Княгини, которая очень ихъ любить. Кавалеру Эмо было поручено объяснять Ихъ Высочествамъ всѣ предметы, возбуждавшіе любознательность ихъ. Онъ—во главѣ морскаго управления и очень уважаемъ въ Венеціи за познанія свои по этой части. Послѣ спустили въ воду бученторе, на которомъ мы находились. Движеніе было чуть замѣтное, такъ что одни крики и восклицанія народа дали намъ почувствовать, что мы сдвинулись съ мѣста. Бученторе покрытъ позолотою и ваяніями. На краю корабля изображенъ св. Марко, покровитель и угодникъ Венеціи. Противъ него, на другой сторонѣ, кресло, на которомъ возсѣдаетъ дожъ въ праздникъ Вознесенія Господня; спинка спускается, и оттуда дожъ бросаетъ кольцо въ море. При насъ кидали однѣ устричныя раковины, потому что угощали насъ арсенальскими устрицами, пользующимися общею извѣстностью. Особенно удивило меня въ тотъ день уваженіе, которое внушаетъ толпѣ каждый служитель полиціи. Въ ту минуту, когда мы взошли на бученторе, пробѣжалъ по толпѣ шумъ, который Итальянцы называютъ *sussuro* (шущуканье). Одинъ изъ *fanti dell'inquisizione* надѣлъ на голову красный колпакъ, украшенный червонцемъ и вынутый изъ кармана, и мгновенно воцарилась такая тишина, что можно бы услышать полетъ мухи.»

Праздники, данные для высочайшихъ гостей, отличались роскошью и пышностью, а по мѣстнымъ условіямъ

Венеція и поразительно своеобразностью. Венеція городъ декорационный, словно нарочно выстроенный для празднествъ, особенно ночныхъ. Синее небо, вода, палаццы, храмы, подвижное, пестрое народонаселеніе такъ и просятъ въ эту роскошную раму волшебной картины. Былъ великолѣпный балъ въ театрѣ святаго Венедикта. Въ Италіи и театры сооружаются подъ покровомъ святыхъ. (Что сказалъ бы высокопреосвященный Филаретъ, если бы въ Москвѣ обозначили новое зданіе театра именемъ, взятымъ изъ святцевъ? Онъ, который не хотѣлъ освятить триумфальные ворота, потому что на нихъ изображены какія-то аллегорическія баснословныя фигуры, и ходатайствовалъ о запрещеніи оперы *Моисей* и о снятіи съ магазина надписи на вывѣскѣ: *au раувге diable* (извѣстной Французской поговорки), такъ что на вывѣскѣ долго оставалось *au раувге* и точки). Была регата, гонка гондолъ и легкихъ судовъ. Венеціанская аристократическая молодежь снаряжаетъ шегольскія, красивыя осмивесельныя лодки. Матросы одѣты съ большимъ разнообразіемъ и вкусомъ; хозяинъ барки—на колѣняхъ на подушкахъ или лежитъ на нихъ. Въ рукахъ имѣютъ они маленькіе луки, изъ которыхъ стрѣляютъ катышками теста, чтобы удалять барки, не принадлежащія къ регатѣ. Для Ихъ Императ. Высочествъ (разсказываетъ графиня Хотекъ) устроена была особенная крытая лодка, которую называютъ *peotte*, очень красиво убранная. Вдоль большаго канала всѣ окна домовъ были обвѣшаны богатыми коврами; изъ всѣхъ оконъ выглядывали лица. Народа вездѣ было множество; на крышахъ стояли люди въ красныхъ плащахъ. Гондолы и барки, наполненныя дамами въ маскахъ, скользили и шмыгали вдоль и

поперекъ. Веселость народа, восклицанія, крики мальчишекъ-шалуновъ, гулъ, гамъ, все это вмѣстѣ пораждаетъ впечатлѣніе, которое выразить нельзя: нужно самому быть зрителемъ такой живой и одушевленной картины, чтобы понять всю ея самобытную и странную прелесть.

Оригинальнѣйшій изъ всѣхъ былъ праздникъ, устроенный на площади св. Марка, мѣстѣ единственномъ въ своемъ родѣ. Ни величавый Римъ, ни живописный Царьградъ не имѣютъ ничего подобнаго. Зала, обведенная стѣнами стройныхъ и высокихъ зданій подъ открытымъ небомъ, а въ глубинѣ ея вслѣдственная громада храма св. Марка. Впрочемъ эта площадь, начиная съ вчераша и далеко за полночь, имѣетъ ежедневно праздничный видъ. Это сборное мѣсто всѣхъ Венеціанскихъ полуночниковъ и полуночицъ. Тутъ и высшая аристократія, и полуодѣтая чернь, аббаты и красавицы со всѣхъ ступеней общественной лѣстницы, и строгая мать съ цѣломудренною дочерью, и всѣ возможныя дочери безъ матерей и безъ цѣломудрія. Эта площадь можетъ сказать съ Державинимъ:

А я, прославши до полудня,
Курю табакъ и кофе пью;
Преображая въ праздники будни,
Кружу въ химерахъ мысль мою.

Но возвратимся къ графинѣ Хотекъ. Вотъ что говоритъ она объ этомъ вечернемъ и ночномъ праздникѣ. „Предъ зданіемъ прокураторовъ построили прекрасное деревянное помѣщеніе съ тремя комнатами богато убранными, съ позолотою и зеркалами, какъ будто все это построено на продолжительное время, а не на нѣсколько часовъ. Остальная часть площади была обставлена амфитеатромъ и приготовлена для иллюминаціи и фейерверка Празд-

никъ начался проѣздомъ пяти аллегорическихъ колесницъ. Послѣ былъ бѣгъ быковъ, преслѣдуемыхъ собаками. Это продолжалось довольно долго и было довольно посредственно и скучно; но нужно было чѣмъ нибудь занять зрителей до темноты, т.-е. до освѣщенія и сожженія потѣшныхъ огней. Видъ площади былъ очаровательный и восхитительный. Въ извѣстную часть народъ былъ впушенъ на арену; въ теченіи нѣсколькихъ минутъ нахлынуло до пятнадцати тысячъ человѣкъ. Всѣ они гуляли, не толпясь, не тѣсняясь, безъ малѣйшаго шума, ни мало не беспокоя сидящихъ на скамейкахъ. Не понятно было при подобномъ наплывѣ и движеніи, какъ могли обойтись безъ солдатъ, чтобы сдерживать такую толпу. Венеціанцы очень гордятся этимъ добровольнымъ порядкомъ, свидѣтельствующимъ о кротости правительства; но подобная тишина и спокойствіе въ пародѣ, который отъ природы такъ подвиженъ и живъ, могутъ быть и слѣдствиемъ страха, и въ такомъ случаѣ служить свидѣтельствомъ совершенно противоположнымъ. Великая Княгиня уѣзжала домой ужинать. Въ отсутствіе ея былъ данъ великолѣпный ужинъ всему дворянству. Когда В. Княгиня возвратилась, начались танцы. Вообще съ трудомъ можно привыкнуть къ манерамъ и кокетству (чтобы не сказать болѣе) Венеціанскихъ дамъ. Особенно же въ танцахъ разныя ихъ ужимки и ухватки таковы, что и на театрѣ показались бы очень неумѣстными. Но со стороны смотрѣть на это очень любопытно и забавно. Въ особенности есть у нихъ національная пляска *furlana*, которая не очень благопр. стойна. На этомъ балѣ имѣла я честь откланяться Ея Высочеству. Она и В. Князь удостоили меня самыми лестными и ласковыми выраженіями.

В. Княгинѣ очень хотѣлось, чтобы я оставалась при ней во время дальнѣйшаго путешествія, и она намѣревалась писать о томъ императору; но обстоятельства не позволяли мнѣ согласиться на это предложеніе. Графъ и Графиня Сѣверные отправились въ Падую. "

*

Дуэтъ, пропѣтый Великимъ Княземъ Павломъ Петровичемъ и Австрійскимъ императоромъ (о которомъ говорено выше) напоминаетъ мнѣ другой дуэтъ, еще болѣе оригинальный и который отклонилъ отъ Россіи войну противъ Англии. Слѣдующій рассказалъ передается со словъ графа Раstopчина, лично слышанныхъ. Императоръ Павелъ очень прогнѣвался однажды на Англійское министерство. Въ первую минуту гнѣва посылаетъ онъ за гр. Раstopчинимъ, который завѣдывалъ въ то время внѣшними дѣлами. Онъ приказываетъ ему изготовить немедленно манифестъ о войнѣ съ Англіею. Раstopчинъ, пораженный какъ громомъ такую неожиданностію, начинаетъ, со свойственною ему откровенностію и смѣлостію въ отношеніяхъ къ Государю, излагать передъ нимъ всю несвоевременность подобной войны, всѣ невыгоды и бѣдствія, которымъ можетъ она подвергнуть Россію. Государь выслушиваетъ возраженія, но на нихъ не соглашается и имъ не уступаетъ. Раstopчинъ умоляетъ Императора по крайней мѣрѣ нѣсколько отсрочить, дать обстоятельствамъ возможность и время принять другой, болѣе благоприятный оборотъ. Всѣ попытки, всѣ усилія министра напрасны: Павелъ, отпуская его, приказываетъ ему поднести на другой день утромъ манифестъ къ подписанію. Съ сокрушеніемъ и скрѣпя сердце, Раstopчинъ вмѣстѣ съ секретарями своими принимается

за работу. На другой день отправляется онъ во дворецъ съ докладомъ. Приѣхавъ, спрашиваетъ онъ у приближенныхъ, въ какомъ духѣ Государь. Не въ хорошемъ, отвѣчаютъ ему. Входитъ онъ въ кабинетъ Государя. При дворѣ хотя тайны по видимому и хранятся герметически закупоренными, но все же частичками онѣ выдыхаются, разносятся по воздуху и слѣды свой въ немъ оставляютъ. Всѣ приближенные къ Государю лица, находившіяся въ приемной предъ кабинетомъ комнатъ, ожидали съ взволнованнымъ любопытствомъ и трепетомъ исхода этого доклада. Онъ начался. По прочтеніи нѣкоторыхъ бумагъ, Государь спрашиваетъ: А гдѣ же манифестъ? — Здѣсь, отвѣчаетъ Растопчинъ (онъ уложилъ его на дно портфеля, чтобы дать себѣ время осмотрѣться и, какъ говорятъ, ощупать почву). Дошла очередь и до манифеста. Государь очень доволенъ редакціей. Растопчинъ пытается опять отклонить царскую волю отъ мѣры, которую признаетъ пагубною; но краснорѣчіе его также безуспѣшно, какъ и наканунѣ. Императоръ беретъ перо и готовится подписать манифестъ. Тутъ блеснулъ лучъ надежды зоркому и хорошо изучившему Государя глазу Растопчина. Обыкновенно Павелъ скоро и какъ-то порывисто подписывалъ имя свое. Тутъ онъ подписываетъ медленно, какъ бы рисуетъ каждую букву. За тѣмъ говоритъ онъ Растопчину: А тебѣ очень не нравится эта бумага? — Не умѣю и выразить, какъ не нравится. — Чтò головъ ты сдѣлать, чтобы я ее уничтожилъ? — А все чтò будетъ угодно Вашему Величеству, на примѣръ пропѣть арію изъ Итальянской оперы. (Тутъ онъ называетъ арію особенно любимую Государемъ, изъ оперы, имя которой не упомяну). — Ну такъ пой! говоритъ Павелъ Петровичъ.

И Растопчинъ затягиваетъ арію съ разными фіоритурами и колѣбцами. Императоръ подтягиваетъ ему. Послѣ пѣнія онъ раздираетъ манифестъ и отдаетъ лоскутки Растопчину. Можно представить себѣ изумленіе тѣхъ, которые въ сосѣдней комнатѣ ожидали съ тоскливымъ нетерпѣніемъ, чѣмъ разразится этотъ докладъ.

*

Въ одномъ маленькомъ Французскомъ журналѣ рассказываются два слѣдующіе анекдота изъ царствованія Павла.

Пажъ Копьевъ бился объ закладъ съ товарищами, что онъ тряхнетъ косу Императора за объдомъ. Однажды, будучи при немъ дежурнымъ за столомъ, схватилъ онъ государеву косу и дернулъ ее такъ сильно, что Государь почувствовалъ боль и гнѣвно спросилъ, кто это сдѣлалъ. Всѣ въ испугѣ. Одинъ пажъ не смутился и спокойно отвѣчалъ: „Коса Вашего Величества криво лежала, я позволилъ себѣ выпрямить ее.“ — „Хорошо сдѣлалъ, сказалъ Государь, но все же могъ бы ты сдѣлать это осторожноѣе“. Тѣмъ все и кончилось.

Въ другой разъ Копьевъ бился объ закладъ, что онъ понюхаетъ табакъ изъ табакерки, которая была украшена бриллиантами и всегда находилась при Государѣ. Однажды утромъ подходитъ онъ къ столувозлѣ кровати Императора, почивающаго на ней, беретъ табакерку, съ шумомъ открываетъ ее и, взявъ щепотку табаку, съ усиленнымъ фырканьемъ суетъ въ носъ. „Чтò ты дѣлаешь, пострѣлъ?“ съ гнѣвомъ говоритъ проснувшійся Государь. — „Нюхаю табакъ“ отвѣчаетъ (Копьевъ). Вотъ восемь часовъ чтò дежурю; сонъ начиналъ меня одолевать. Я надѣялся, что это меня освѣжитъ и подумалъ лучше провиниться передъ этикетомъ, чѣмъ передъ служеб-

ною обязанностью. — „Ты совершенно правъ (говорить Павелъ), но какъ эта табакерка мала для двухъ, то возьми ее себѣ.“

Анекдотъ о косѣ извѣстенъ въ Россіи; по, кажется, смѣлую шалость эту приписывали князю Александру Николаевичу Голицыну. Другой анекдотъ не очень правдоподобенъ, но вѣроятно и онъ перешелъ къ Французамъ изъ Россіи. Не ими же выдуманъ онъ. Откуда имъ знать Копьева? Копьевъ былъ большой проказникъ, это извѣстно. Что онъ не сробѣлъ бы выкинуть такую штуку, и это не подлежитъ сомнѣнію; но былъ ли онъ въ томъ положеніи, чтобы подобная проказа была доступна ему? Вотъ вопросъ. И отвѣтъ, кажется, долженъ быть отрицательный. Сколько намъ извѣстно, Копьевъ никогда не былъ камерпажемъ и по службѣ своей не находился вблизи ко Двору

Копьевъ былъ столько же извѣстенъ въ Петербургѣ своими остротами и проказами, сколько и художю своей крѣпостной и малокормленной четверни. Однажды ѣхалъ онъ по Невскому Проспекту, а Сергѣй Львовичъ Пушкинъ (отецъ поэта) шелъ пѣшкомъ по тому же направленію. Копьевъ предлагаетъ довести его. „Благодарю (отвѣчаетъ тотъ), но не могу: я спѣшу“.

*

Уваровъ (Федоръ Петровичъ) иногда удачно поражалъ Французовъ на полѣ сраженія, но еще удачнѣе и убійственнѣе поражалъ Французскій языкъ въ разговорѣ. Охота была смертная, а участь горькая. Извѣстенъ отвѣтъ его, Наполеону, когда тотъ спросилъ его кто командовалъ Русской конницей въ блестящей атакѣ въ какомъ-то сраженіи: — *Je, sire.*

Графъ Головкинъ, родившійся и воспитавшійся за границею, плохо го-

ворилъ порусски, но любилъ иногда щеголять своимъ отечественнымъ языковѣдѣніемъ. Когда собирался онъ ѣхать посломъ въ Китай, кто-то подслушалъ разговоръ двухъ этихъ личностей. *Уваровъ: Je vous en prie, mon pveu à la Kitau. Графъ Головкинъ: Непремѣнно, не премѣнно приму его на Хину.*

*

Нелединскій не былъ исключителемъ въ оцѣнкѣ человѣческихъ побужденій и въ разрѣшеніи психическихъ задачъ. Однажды говорили о лихоимствѣ и взяткахъ. Разумѣется, никто ихъ не защищалъ; но вотъ что сказалъ Нелединскій: „Мнѣ часто бываетъ совѣстно, когда, допрашивая себя, приговариваю къ законному наказанію подсудимаго взяточника. Я имѣю твердое и сознательное убѣжденіе, что милліонами рублей не подкупить ни въ какомъ дѣлѣ голоса моего въ Сенатѣ; но приди ко мнѣ красавица и умолай она меня со слезами подать голосъ въ пользу ея, по дѣлу, подлежащему разсмотрѣнію Сената: я неувѣренъ, что могу всегда устоять противъ сердечнаго обольщенія. А такое обольщеніе не таже ли уступка совѣсти и посягательство на правосудіе?“

*

Въ царствованіе Императора Павла, вслѣдствіе какого-то безпорядка при разѣздѣ каретъ, графъ Кутайсовъ требовалъ, чтобы кучеръ Неѣлова былъ немедленно отправленъ въ полицію. „Помилуйте, ваше сіятельство, возразилъ Неѣловъ, дайте мнѣ хотя домой доѣхать; а послѣ отдамъ кучера въ полное ваше распоряженіе: можете, пожалуй, ему и лобъ забрить.“ *

* Про Кутайсова говорили, что первоначально онъ былъ срадобрѣемъ Павла Петровича.
П. Б.

*

Говорили въ Москвѣ (въ началѣ 1820 годовъ) о полицмейстерѣ, и кто-то замѣтилъ, что онъ не знаетъ Французскаго языка.—Какъ не знаетъ, знаетъ очень хорошо, сказалъ Неѣловъ. Каждое утро, когда соберутся у него полицейскіе чиновники, и даетъ онъ имъ приказанія свои, онъ всегда оканчиваетъ Французскимъ романсомъ и поетъ имъ:

Vous me quittez pour aller à la gloire.
Mon tendre coeur suivra partout vos pas.
Allez, volez au temple de mémoire;
Allez, volez, mais ne m'oubliez pas.

Неѣловъ — основатель стихотворческой школы, послѣдователями коей были Мятлевъ и Соболевскій; только вообще онъ былъ скромнѣе того и другаго. Въ теченіи едва ли не полувѣка, малѣйшее житейское событіе въ Москвѣ имѣло въ немъ присяжнаго пѣснопѣвца. Шуточные и сатирическіе стихи его были почти всегда неправильны, но за то всегда забавны, остры и метки. Въ обществѣ, въ Английскомъ клубѣ, на балахъ, онъ по горячимъ слѣдамъ импровизировалъ свои четверостишія. Жаль, что многія, лучшія изъ нихъ не укладываются въ печатный станокъ. Попробуемъ выручить у своевольной Музы его хоть что нибудь, чтобы дать незнавшимъ ея понятіе о томъ, чѣмъ забавляла она современниковъ. Вотъ чтó писалъ онъ родственницѣ, у которой намѣревался остановиться по пріѣздѣ своемъ въ Москву:

* „Вы покидаете меня, чтобы идти за славой. Нѣжное мое сердце всюду за вами послѣдуетъ. Ступайте, летите ко храму безсмертія. Ступайте, летите, но меня не забывайте“. Непереводимая игра въ значеніи слова *voler*: летать и красть.—Стихи эти и музыку на нихъ приписываютъ королевѣ Гортензіи, обращавшейся такъ будто бы къ Наполеону I-му, своему обожателю. *И. Б.*

Племянница моя, княгиня Горчакова,
Которая была всегда страхъ безтолкова,
Пожалуста пойми меня ты въ первый разъ
И на стихи мои ты вытаращи глазъ.
Пріѣду я одинъ, безъ моего семейства,
Квартира мнѣ нужна не какъ адмиралтейство;
Но комната одна, аршина въ три длины,
Гдѣбъ могъ я ночью спать, не корчивши спины

А вотъ и любовные его стихи:

Если Лѣля взглянетъ,
Изъ жилета тянетъ
Мое сердце вонъ.

Солнцевъ былъ представленъ Юсуповымъ въ камергеры. Въ Петербургѣ нашли, что по чину его достаточно ему и званія камеръ-юнкера. Но Солнцевъ, кромѣ того, что уже былъ въ степенныхъ лѣтахъ, пользовался еще вдоль и поперекъ такимъ объемистымъ туловищемъ, что юношеское званіе камеръ-юнкерства никакъ не подходило ни къ лицу его, ни къ росту. NN говорилъ, что онъ не только сановитъ, но и *слоновитъ*. Князь Юсуповъ сдѣлалъ новое представленіе на основаніи физическихъ уваженій, которое и было утверждено: Солнцевъ наконецъ пожалованъ ключемъ. Вся эта продѣлка не могла ускользнуть отъ лѣтописца, подобнаго Неѣлову. Онъ записалъ въ свой Московскій временникъ слѣдующее четверостишіе:

Черезъ дядю, брата или друга
Иной по службѣ дастъ скачекъ;
Другаго вывезетъ сестра или супруга.
Но онъ сталъ камергеръ черезъ собственный пупокъ.

*

Отъ чего, послѣ несчастнаго приключенія своего, X. сталъ еще слѣсивѣе и болѣе думаетъ о себѣ, чѣмъ прежде? — На основаніи Русской словицы, сказала NN: за битаго двухъ небитыхъ даютъ.

*

Въ старыхъ комедіяхъ Французскихъ встрѣчаются благотворительные дяди изъ Америки, которые неожиданно падаютъ золотымъ дождемъ на бѣдныхъ родственниковъ и тѣмъ даютъ имъ возможность соединяться браками съ предметами ихъ любви. Въ старой Москвѣ являлись подобныя благодѣтельные дяди, неизвѣстные дотолѣ богатые помѣщики, которые какъ снѣгъ на голову падали изъ какой нибудь дальней губерніи. Они поселялись въ Москвѣ и угощали ее своимъ хлѣбосольствомъ, увеселеніями и праздниками. Одинъ изъ послѣднихъ таковыхъ дядей былъ Позняковъ. Онъ пріѣхалъ въ первопрестольную столицу потѣшать ее своими рублями и крѣпостнымъ театромъ. Онъ купилъ домъ на Никитской (нынѣ принадлежащій кн. Юсупову) устроилъ въ немъ зимній садъ, театральную залу съ ложами и зажилъ что называется домоуъ и бариномъ: пошли обѣды, балы, спектакли, маскарады. Спектакли были очень недурны, потому что въ доморощенной труппѣ находились актеры и пѣвцы небездарованій. Часто смѣялись и смѣются и нынѣ надъ этими полубарскими затѣями. Они имѣли свою и хорошую сторону. Ужъ если есть законное крѣпостное состояніе, то устройство изъ двора свои пѣвческихъ хоровъ, инструментальныхъ оркестровъ и актеровъ не есть еще худшее самовластительное злоупотребленіе помѣщичьяго права. Эти затѣи прививали дворнѣ нѣкоторое просвѣщеніе, по крайней мѣрѣ грамотность; если не любовь къ искусствамъ, то по крайней мѣрѣ ознакомленіе съ ними. Это все-таки развивало въ простолюдинахъ человѣческія понятія и чувства, смягчало нравы и выводило дворовыхъ людей на Божій свѣтъ; они, затверживали наизустъ слова и мысли Фонъ-Визина или Ко-

цебу, сливались хотя на минуту съ лицами изъ другой среды, на минуту воплощали въ себя лица, такъ сказать, другаго міра. Отъ этого скоморшества должны были неминуемо западать въ нихъ нѣкоторыя благія сѣмена, которыя въ иныхъ оставались не произрастительными, а въ другихъ хотя и рѣдко, отзывались въ послѣдствіи плодотворною жатвою. Эти полубарскія затѣи могли имѣть и на помѣщиковъ благодѣтельное вліяніе: музыка, театральныя представленія отвлекали ихъ отчасти отъ псовой охоты, картъ и попокъ. Но пора возвратиться къ Познякову. Нечего и говорить, что на балахъ его, спектакляхъ и маскарадахъ не было недостатка въ посѣтителяхъ: вся Москва такъ и рвалась и называлась на приглашенія его.

Да и кому въ Москвѣ не зажимали рты Обѣды, ужины и танцы?

говорить Чацкій. Только напрасно сваливаетъ онъ это исключительно на голову Москвы.

Таковъ, Фелица, я развратенъ,
Но на меня весь свѣтъ похожъ,

сказалъ Державинъ, котораго взглядъ на свѣтъ и на людей былъ безпристрастнѣе и разсудительнѣе взгляда Чацкаго. Какъ бы то ни было, Позняковъ самодовольно угощалъ Москву въ своихъ покояхъ и важно на маскарадахъ своихъ расхаживалъ наряженный не то Персіаниномъ, не то Китайцемъ. Нѣтъ сомнѣнія, что о немъ говорится въ Горе отъ Ума:

На лбу написано: театръ и маскарадъ.

Не забылъ Грибоѣдовъ и бородача, который во время бала, въ тѣни померанцевыхъ деревьевъ, *шелкалъ соловьемъ*:

Пѣвецъ зимой погоды лѣтней.

Все это очень забавно, но что же тут худаго?

Если кому Богъ даровалъ способность свистать и щелкать соловьемъ, почему же ему не пользоваться этимъ даромъ, какъ пѣвцу голосомъ своимъ, скрипачу смычкомъ? Но вотъ что ускользнуло отъ эпиграммъ и злорѣчія Чацкаго, а въ этомъ есть высококомическая черта. Къ Московскому хлѣбосолу и увеселителю добровольно прикомандировалъ себя нѣкто г-нъ Лунинъ (не изъ фамилиі извѣстныхъ Луниныхъ). Онъ былъ при немъ въ родѣ гофмаршала или камергера: хозяйничалъ при дворѣ его, приглашалъ на празднества и пр. Въ Москву ожидали Турецкаго или Персидскаго посла. Разумѣется, Позняковъ не могъ пропустить эту *вѣрную* *оказію* и занялся приготовленіями къ великолѣпному празднику, въ честь именитаго восточнаго гостя. Къ сожалѣнію, смерть застала его въ приготовленіяхъ къ этой тысячѣ и одной ночи. Посоль пріѣзжаетъ въ Москву, и Лунинъ къ нему является. Онъ докладываетъ о предполагаемомъ праздникѣ и о томъ, что Позняковъ извиняется передъ посломъ: за приключившеюся смертью его праздникъ состояться не можетъ.

*

Когда передъ 1812-мъ годомъ былъ выстроенъ въ Москвѣ большой театръ, графъ Растропчинъ говорилъ, что это хорошо, но недостаточно: нужно купить еще 2000 душъ, приписать ихъ къ театру и завести между ними родъ подушной повинности, такъ чтобы по очереди высылать по вечерамъ народъ въ театральную залу: на одну публику надѣяться нельзя. — Страсть къ театру развилась въ публикѣ позднѣе; но и тогда уже были театралы и страстные сторонники то Русскихъ ак-

теровъ, то Французскихъ. Въ числѣ первыхъ былъ нѣкто Гусятниковъ, человекъ зрѣлыхъ лѣтъ и вообще очень скромный. Онъ вышелъ изъ купеческаго званія, но мало по малу приписался къ лучшему Московскому обществу и получилъ въ немъ осядлость. Онъ былъ большой поклонникъ пѣвицы Сандуновой. Она тогда допѣвала въ Москвѣ аріи, пѣтя ея еще при Екатеринѣ II, и увлекала сердца, какъ во время оно она заколдовала сердце старика графа Безбородки, такъ что даже вынуждена была во время придворнаго спектакля жаловаться императрицѣ на любовныя преслѣдованія сѣдаго волокиты. Гусятниковъ былъ обожатель болѣе скромный и менѣе взыскательный. Въ то время, о которомъ говоримъ, пріѣхала изъ Петербурга въ Москву на нѣсколько представлений извѣстная Филисъ-Андріѣ. Русская театральная партія взволновалась отъ этого иноплеменнаго нашествія и вооружилась для защиты роднаго очага. Поклонникъ Сандуновой, Гусятниковъ, сталъ, разумѣется, во главѣ оборонительнаго отряда. Однажды пріѣзжаетъ онъ во Французскій спектакль, садится въ первый рядъ кресель, и только что начинаетъ Филисъ рулады свои, онъ всенародно затыкаетъ себѣ уши, встаетъ съ кресель и съ заткнутыми ушами торжественно проходитъ всю залу, кидая на право и на лѣво взгляды презрѣнія и негодованія на недостойныхъ Французолобцевъ (какъ насъ тогда называли съ легкой руки Сергѣя Глинки, добраго и пламеннаго издателя Русскаго Вѣстника).

*

Мужъ Сандуновой былъ тоже актеръ, публикою любимый. Одновременно братъ его былъ извѣстный оберъ-

секретарь. Братья были дружны между собою, что не мѣшало имъ подтрунивать другъ надъ другомъ. «Что это давно не видать тебя?» говоритъ актеръ брату своему. — „Да меня видѣть трудно“, отвѣчалъ тотъ: „утромъ сижу въ Сенатѣ, вечеромъ дома за бумагами; вотъ тебя, дѣло другое, каждый, когда захочетъ, можетъ увидѣть тебя за полтинникъ“. — „Разумѣется“, говоритъ актеръ, „къ вашему высокородію съ полтинникомъ не сунешься.“

*

Кто-то говорилъ, что онъ желаетъ умереть не въ надеждѣ, что будетъ лучше, а что по крайней мѣрѣ будетъ иначе. Молодой стихотворецъ приноситъ къ опытному критику два стихотворенія свои съ просьбою сказать ему, которое изъ нихъ можно напечатать. По выслушаніи перваго стихотворенія, критикъ не обаяуясь говорить стихотворцу: печатайте второе!

*

Австрійскій посоль при Оттоманской Портѣ (бывшій товарищъ нашего графа Бальмена на о. Святой Елены) графъ Стюрмеръ рассказывалъ, что однажды явился къ нему въ Константинополь Австрійскій подданный, очень хорошей фамиліи и зажиточный помѣщикъ. Въ разговорѣ объяснилъ онъ, что намѣренъ поселиться въ Турціи, принять Турецкое подданство и обратиться въ Магометанскую вѣру. На это графъ Стюрмеръ сказалъ ему, что не считаетъ себя въ правѣ противодействовать намѣренію его; но, какъ соотечественникъ, признаетъ обязанностью предостеречь его, что если онъ покушается на подобную мѣру изъ видовъ честолюбія, то можетъ крѣпко ошибиться въ расчетѣ своемъ: рѣдко удается ренегатамъ достигнуть желанной цѣли; правительство

мало имъ довѣряетъ, а Турки ревнуютъ къ нимъ и смотрятъ на нихъ неприязненно. — Да я и не ищу честолюбивой цѣли, отвѣчаетъ пріѣзжій: я даже и въ службу вступать не думаю. — Изъ чего же затѣваете вы все это дѣло? — Изъ религіознаго убѣжденія. — Противъ этого возражать мнѣ нечего, сказалъ посоль.

*

Можно родиться поэтомъ, ораторомъ; но родиться критикомъ нельзя. Поэзія, краснорѣчіе — дары природы, критика — наука; ее слѣдуетъ изучать. И у дикихъ народовъ есть своя цѣсня и свое краснорѣчіе, но критическаго изслѣдованія у нихъ не найдешь. У насъ есть критики, или критиканы, но критики нѣтъ. Рѣдкія попытки, рѣдкія исключенія въ счетъ не входятъ. У насъ завелись и развелись критиканы, потому что, по примѣру Европейской журналистики, понадобилось и въ нашихъ журналахъ имѣть отдѣленіе критики. Вотъ издатели и вербуютъ на эту работу горячихъ борзописцевъ, которымъ и море и наука по колѣно. А на дѣлѣ выходитъ, что они почти ничего не знаютъ, мало читали не только изъ иностранной литературы, но равно и изъ своей, кромѣ текущей, и то съ исключеніями смотря по погодѣ и приходу, къ которому они принадлежатъ. Лучшіе писатели наши еще не изслѣдованы, не оцѣнены. О нихъ идетъ говоръ, но рѣшающаго, окончательнаго голоса нѣтъ.

Кромѣ науки и многоязычнаго чтенія, для критика нуженъ еще вкусъ. Это свойство и врожденное, родовое и благопріобрѣтенное. Вкусъ, изящное чувство, какое-то тайное чутье, своего рода литературная совѣсть. Въ иномъ она болѣе чутка и впечатлительна; въ

другомъ черства и огрубѣла. Впрочемъ и вкусъ изощряется, совершенствуется ученіемъ, сравненіемъ и опытностію. Теперь ставятъ ни во что критики Мерзлякова; въ полномъ самодовольствѣ невѣжества пренебрегаютъ ими, смѣются надъ ними. Можно и должно не поработаться суевѣрно критическимъ взглядамъ и законамъ Мерзлякова; но все же нельзя не признать въ немъ критика образованнаго, который говорить не на обумъ. Въ голосѣ и мнѣніяхъ его отзывается изученіе образцовъ, съ которыми знакомился онъ въ самомъ источникѣ. Есть чему научиться отъ него, потому что и самъ онъ учился. Во Франціи Лагарпъ, какъ критикъ, устарѣлъ, но *Курсъ Литтературы* его, какъ лѣтопись, какъ справочная классическая книга, несовершенно утратилъ свое значеніе и достоинство. У насъ теперь знаютъ о немъ по отзывамъ литературныхъ выскочекъ, которыя на лабазномъ языкѣ своемъ, какъ говоритъ Дмитріевъ, или вѣриѣ на холопскомъ. толкуютъ съ презрѣніемъ о *лагарповщинѣ*. Во Франціи, въ нѣкоторомъ отношеніи, критика ушла впередъ отъ Лагарпа; у насъ она до Лагарпа еще не дошла.

*

Луи Филиппъ часто сѣтовалъ съ огорченіемъ о нерасположеніи къ нему одного изъ могущественнѣйшихъ Европейскихъ владыкъ. Тьеръ старался успокоивать его и наконецъ сказалъ ему: Да дѣлайте то, что академикъ Сюаръ дѣлалъ съ женою своею. — А что же онъ дѣлалъ? — Она была очень брюзглива и часто изыскивала средства тормозить и мучить его. Бывало ночью, когда онъ спитъ, она разбудитъ его и скажетъ: Сюаръ, я не люблю тебя. — Ничего, отвѣчалъ онъ, полюбишь послѣ; перевернется

на бокъ и тутъ же заснетъ. Часа два спустя, она снова будитъ его и говорить: Сюаръ, я другаго люблю. — Ничего, отвѣчаетъ онъ, послѣ разлюбишь; перевернется на бокъ и опять засыпаетъ.

*

Кто-то спрашивалъ у сельскаго священника, отъ чего воспрещается отду быть при крещеніи ребенка своего. Священникъ немного призадумался и наконецъ сказалъ: Полагаю отъ того, что совѣсть убиваетъ.

*

Дмитріевъ много читаетъ и большой скопидомъ на книги свои. Когда которой изъ нихъ не окажется, и онъ не помнитъ, кто зачиталъ ее, онъ посылаетъ слугу по списку всѣхъ своихъ знакомыхъ, къ каждому изъ нихъ, съ настойчивымъ требованіемъ возвратить взятую у него книгу. При поголовномъ обыскѣ виноватый отыщется.

Другой библіофилъ и библіоманъ, графъ Бутурлинъ, котораго библіотека въ Москвѣ до 1812 года пользовалась Европейскою извѣстностію, держался другаго правила: онъ никогда не выпускалъ изъ дома ни единой книги. Когда, по какимъ-либо уваженіямъ, онъ не признавалъ возможнымъ отказать лицу, просившему его одолжить книгою для прочтенія, онъ покупалъ другой экземпляръ этой книги и отдавалъ на жертву просителю, свято соблюдая неприкосновенность своего книгохранилища. Въ страсти его къ книгамъ была и другая отличительная черта: онъ самъ читалъ ихъ и на разныхъ языкахъ. Книжная память его была изумительна: онъ помнилъ, на какой страницѣ находились мало-мальски любопытныя и замѣчательныя слова. До 1812 года онъ не выѣзжалъ изъ Россіи и зналъ твердо разнообразныя

мѣстныхъ нарѣчій Итальянскаго и Французскаго народонаселенія, зналъ наизусть, до малѣйшей подробности, топографію Рима, Неаполя, Парижа. Онъ удивлялъ иностранцевъ своимъ энциклопедическимъ всевѣдѣніемъ: слушая его, они думали, что онъ много времени прожилъ въ той или другой мѣстности, и едва вѣрили, когда графъ признавался имъ, что онъ не выѣзжалъ еще изъ Россіи.

*

Изъ дорожнаго дневника одного путешественника выписываемъ слѣдующее:

1). На цѣлебныхъ водахъ, на берегу извѣстныхъ озеръ въ Швейцаріи, на всѣхъ лѣтнихъ пребываніяхъ, посѣщаемыхъ праздношатающимися Европейцами, мѣстная полиція, обязанная унимать шумъ и безчинства на улицѣ, должна бы обращать вниманіе и на домашніе шумы и безчинства, коимъ предаются Англичанки и Американки, употребляя во зло данныя имъ неуклюжія руки и фальшивые голоса. Нигдѣ нѣтъ спасенія отъ этихъ *злосчастныхъ Лазуръ за клавесиномъ* (Смотри злосчастное стихотвореніе Державина). Съ утра до вечера, цѣлый день, гдѣ ни живи, по какой улицѣ ни ходи, вездѣ слышишь, какъ пищать, мяучать, скрипятъ, дребезжать эти голоса и нестройно прыгаютъ и перестукиваются зазубренные клавиши. Воля ваша, а это прямое и нестерпимое посягательство на общественное спокойствіе и личную безопасность: это неминуемо вредитъ здоровью, за которымъ обыкновенно съѣзжаются изъ разныхъ и дальнихъ странъ въ эти благодатныя убѣжища, осчастливленныя солнцемъ и ласкою природы.

2). Нѣмецкіе кучера удивительные мастера отыскивать горы тамъ, гдѣ на взглядъ простаго смертнаго никакой

горы въ виду не имѣется. Если почва подымается на дюймъ, то они уже заблаговременно везутъ шагомъ; а если придется спуститься на одинъ дюймъ, тормазъ начинаетъ уже дѣйствовать. Какъ все это далеко отъ Русскаго крика: Съ горки на горку! Катай-валяй!

*

Il nous faut la guerre, il nous faut la guerre, mon cher Denis, говоритъ Давыдову генералъ Еммануель: voyez un peu, en temps de paix, Vitti même, devient colossal (намъ нужна война, намъ нужна война, мой любезный Денисъ: въ мирное время, посмотри, и Виттъ становится колоссальнымъ).

*

Глубокая характеристическая черта выражается отъ крутомъ перемѣнѣ одного мѣстоименія на другое. Въ разгаръ холеры въ Петербургѣ Л. говорилъ пріятелю своему: „А скверная вещь эта холера! Неожиданно нагрянетъ и все покончитъ. Того и смотри, что завтра зайдешь ты ко мнѣ, и скажутъ тебѣ, что я... то есть, я зайду къ тебѣ завтра и скажутъ мнѣ, что ночью умеръ ты отъ холеры.“ Но этотъ предохранительный, грамматическій поворотъ не спасъ бѣднаго Л... Нѣскольکو дней спустя послѣ сказанныхъ словъ, былъ онъ холерою похищенъ.

*

При А. М. Пушкинѣ говорили о деревенскомъ повѣртіи, что тараканы залѣзаютъ въ ухо спящаго человѣка, пробираются до мозга и выѣдаютъ его. Какъ я этому радъ, прервалъ Пушкинъ: теперь не буду говорить про человѣка, что онъ глупъ, а скажу: обидѣлъ его тараканъ

*

Необразованный человѣкъ особенно выдается въ высокомѣрїи и самохваль-

ствѣ своемъ. Бываютъ самолюбивы и люди съ умомъ и дарованіемъ; но они изъ благоприличія стараются сдерживать себя. Воспитаніе, обхожденіе съ людьми, принадлежащими высшей средѣ, въ умственномъ и общественномъ отношеніи, умѣряютъ и обуздываютъ эти дикіе порывы собственнаго идолопоклонства. Восточные народы самохвалны, потому что они невѣжественны. Литература, которая съ презрѣніемъ и свысока отзывается о литературахъ иностранныхъ, принадлежитъ, по этнографическимъ условіямъ, къ восточной полосѣ земнаго шара.

(Продолженіе будетъ.)

РОССІЯ И ГЕРМАНІЯ.

1844.

Письмо къ издателю Всеобщей Аугсбургской Газеты, Г. Кольбу.

Печатая эту политическую записку Ѳ. И. Тютчева, мы исполняемъ желаніе автора, незадолго до кончины передавшаго ее въ Русскій Архивъ вмѣстѣ съ двумя другими («Россія и Революція» и «О цензурѣ въ Россіи»), уже появившимся въ нашемъ изданіи сего года. Да приметъ дорогая тѣнь нашу глубокую признательность!

Намъ неизвѣстно, была ли настоящая записка обнародована въ ея Французскомъ подлинникѣ, который потому и слѣдуетъ ниже.

Вполнѣ историческое по своему содержанию, озаренное высшимъ и самобытнымъ пониманіемъ политики, это искреннее слово Русскаго человѣка къ западнымъ собратіямъ заслужить покойному Ѳ. И. Тютчеву благодарность соотечественниковъ въ самомъ дальнемъ потомъ

ствѣ. Тютчевъ есть непререкаемая слава наша: этимъ человѣкомъ Россія вправе гордиться передъ иноземцами. Русскому Архиву обѣщана его біографія, а въ ожиданіи ея позволимъ себѣ привести слѣдующую выписку изъ частнаго письма князя П. А. Вяземскаго, писаннаго въ Августѣ сего года:

«Бѣдный Тютчевъ! Кажется, ему ли умирать? Онъ пользовался въ высшей степени даннымъ отъ Провидѣнія челоуѣку даромъ слова. Онъ незамѣнимъ въ нашемъ обществѣ. Когда бы не бояться изысканности, то можно сказать о немъ, что если онъ не Златоустъ, то былъ жемчужно-устъ. Какую драгоценную нить можно нанизать изъ словъ, какъ будто безъ его вѣдома спавшихъ съ языка его. Надобно, чтобы друзья его составили по немъ Тютчевіану, прелестную, свѣжую, живую, современную антологию. Каждое событіе, при немъ совершившееся, каждое лицо, мелькнувшее передъ нимъ, иллюстрированы и отмечены его яркимъ и меткимъ словомъ.»

Мы имѣемъ уже собраніе этихъ историческихъ афоризмовъ. П. Б.

*

...Книга г. Кюстина служитъ новымъ доказательствомъ того умственного безстыдства и духовнаго растлѣнія (отличительной черты нашего времени, особенно во Франціи) благодаря которымъ позволяютъ себѣ относиться къ самымъ важнымъ и возвышеннымъ вопросамъ болѣе нервами, чѣмъ разсудкомъ; держатъ судить весь міръ менѣе серьезно, чѣмъ бывало относились къ критическому разбору водевиля. Чтò же касается до противниковъ г. Кюстина, до такъ называемыхъ защитниковъ Россіи,

то они конечно искреннѣе его; но они уже слишкомъ просты.... Они представляются мнѣ людьми, которые, въ избытокъ усердія, въ состояніи послѣшно поднять свой зонтикъ, чтобы предохранить отъ дневнаго зноя вершину Монблана!... Нѣтъ, милостивый государь, мое письмо не будетъ заключать въ себѣ апологіи Россіи. Апологія Россіи.... Боже мой! Эту задачу принялъ на себя мастеръ, который выше насъ всѣхъ и который, мнѣ кажется, выполнялъ ее до сихъ поръ довольно успѣшно. Истинный защитникъ Россіи—это *исторія*; ея въ теченіи трехъ столѣтій неуставно разрѣшаются въ пользу Россіи всѣ испытанія, которымъ подвергаетъ она свою таинственную судьбу...

Обращаясь къ вамъ, я намѣренъ вести рѣчь о васъ самихъ, милостивый государь, о вашей собственной странѣ, о ея существенныхъ, самыхъ очевидныхъ интересахъ и если дѣло коснется до Россіи, то лишь по непосредственнымъ ея отношеніямъ къ судьбамъ Германіи.

Я знаю, что никогда еще умы въ Германіи не были озабочены въ такой мѣрѣ какъ теперь великою задачею Германскаго единства. И такъ, милостивый государь, очень-ли поразилъ-бы я васъ (бдительнаго и передоваго стража) если-бы сказалъ вамъ, что, среди этой всеобщей озабоченности, нѣсколько-внимательный взоръ могъ-бы услѣдить множество стремленій, которыя, въ своемъ дальнѣйшемъ развитіи, могли-бы сильно повредить дѣлу этого *единства*, составляющему повидимому всеобщую заботу? Въ особенности одно изъ этихъ стремленій, самое гибельное изъ всѣхъ.... Я не скажу ничего такого, чего бы не было въ устахъ у каждаго; а въ тоже

время мнѣ нельзя прибавить ни одного слова безъ того, чтобы не коснуться жгучихъ вопросовъ; но я сохраняю убѣжденіе, что въ наше время, какъ и въ средніе вѣка, когда руки чисты и намѣренія правдивы, то можно безнаказанно касаться до всего.....

Вамъ извѣстенъ, милостивый государь, характеръ отношеній, связывающихъ великія и малыя правительства Германіи въ теченіи 30 лѣтъ съ Россією. Я не считаю нужнымъ спрашивать васъ здѣсь, что думаютъ объ этихъ отношеніяхъ такая-то партія или такое-то направленіе. Тутъ дѣло идетъ о фактѣ, а фактъ заключается въ томъ, что никогда эти отношенія не были болѣе доброжелательны, болѣе тѣсны, что никогда не существовало болѣе искренно-душевнаго единомыслія между этими государствами и Россією.

Для всякаго, кто стоитъ на почвѣ дѣйствительности, а не витаешь въ области фразъ, очевидно, что подобная политика истинная, законная, естественная политика Германіи и что ея правителя, сохраняя въ неприкосновенности это великое преданіе эпохи вашего возрожденія, слѣдовали въ этомъ случаѣ внушеніямъ самаго просвѣщеннаго патриотизма; но, повторяю еще разъ, я не имѣю притязаній ни на какія чудотворныя силы; я не считаю возможнымъ внушить это мнѣніе всему міру, въ особенноти тѣмъ, кто считаетъ его для себя смертельно-враждебнымъ. Къ тому-же здѣсь идетъ рѣчь въ настоящую минуту не о какомъ нибудь мнѣніи, а о фактѣ, и этотъ фактъ, мнѣ кажется, на столько очевиденъ и осязателенъ, что едва-ли можетъ многими быть отрицаемъ....

Рядомъ и одновременно съ этимъ политическимъ направлениемъ вашихъ правительствъ, нужно-ли мнѣ указывать на тѣ внушенія, на тѣ стремленія, которыя безустанно стараются вселить Германскому общественному мнѣнію по отношенію къ Россіи? Въ настоящую минуту я также воздержусь отъ оцѣнки по достоинству тѣхъ жалобъ и обвиненій всякаго рода, которыя не перестаютъ возводить на нее съ истинно-замѣчательнымъ постоянствомъ. Здѣсь вопросъ заключается собственно въ достигнутыхъ результатахъ. Слѣдуетъ сознаться, что эти результаты, если и не утѣшительны, за то полны, такъ что ихъ виновники могутъ похвалиться своими трудами. То государство, которое великое поколѣніе 1813 г. привѣтствовало съ благодарнымъ восторгомъ, ту державу, вѣрный союзъ и дѣятельная, безкорыстная дружба которой въ теченіи 30-ти лѣтъ неизмѣнно принадлежали какъ народамъ, такъ и государямъ Германіи, удалось съ помощью прищѣва, постоянно повторяемаго настоящему поколѣнію, при его рожденіи, почти удалось, говорю я, эту-же самую державу преобразовать въ чудовище для большинства людей нашего времени, и многіе, уже возмужалые умы не усомнились вернуться къ простодушному ребячеству перваго возраста, чтобы доставить себѣ наслажденіе взирать на Россію, какъ на какого-то людоѣда 19-го вѣка. Все это положительно вѣрно. Враги Россіи, быть можетъ, возликують въ виду этихъ признаній; но прошу позволенія продолжать.

И такъ, вотъ два направленія вполне противоположныхъ (разъединеніе очевидно и возрастаетъ ежедневно): съ

одной стороны у васъ государи, правительство Германіи, съ ихъ строгою, обдуманною политикою, съ ихъ опредѣленнымъ направлениемъ; съ другой этотъ второй владыка нашего времени— общественное мнѣніе, которое склоняется туда, куда влекутъ его вѣтры и волны. Позвольте мнѣ, милостивый государь, обратиться къ вашему патриотизму и къ вашимъ познаніямъ и спросить васъ, что вы думаете о подобномъ порядкѣ вещей? Какіхъ послѣдствій ожидаете вы отъ него для благоденствія, для будущности вашего отечества? При этомъ поймите меня, что дѣло идетъ въ настоящую минуту объ одной лишь Германіи. Боже мой! Если-бы у васъ могли догадаться, въ какой степени всѣ эти нападенія мало чувствительны для Россіи; быть можетъ, даже самые ярые противники ея призадумались-бы.

Очевидно, что, покуда миръ не будетъ нарушенъ, это разномысліе не можетъ привести къ какому нибудь важному и явному разстройству: зло будетъ распространяться подъ землею. Ваши правительства, разумѣется, не измѣнятъ своего направленія, не пожелаютъ возмутить весь строй внѣшней политики Германіи, чтобы достигнуть соглашенія съ нѣсколькими фанатичными, беспорядочными умами; а послѣдніе, съ своей стороны, подъ влияніемъ противорѣчія, будутъ увлекаться настроеніемъ противоположнымъ тому, которое они осуждаютъ, и такимъ образомъ, продолжая повторять о Германскомъ единствѣ, со взорами постоянно обращенными къ Германіи, они приблизятся, такъ сказать, въ обратномъ направленіи къ роковой стезѣ, къ краямъ пропасти, въ которую ваше отече-

чество уже неоднократно низвергалось... Я знаю, что, покуда мы сохраняемъ миръ, указываемая мною опасность будетъ казаться воображаемою; но если настанетъ кризисъ, предчувствуемый Европою, если наступятъ тѣ бурные дни, которые создаютъ все въ нѣсколько часовъ, которые вырываютъ послѣднее слово у всѣхъ мнѣній, у всѣхъ партій — что будетъ тогда, милостивый государь?... Ужели правда, что для цѣлыхъ народовъ, еще болѣе чѣмъ для отдѣльныхъ личностей, существуетъ злополучная судьба, неумолимая, незагадываемая? Слѣдуетъ ли вѣрить, что она преисполнена такихъ стремлений, которыя сильнѣе всякой воли и всякаго благоразумія, преисполнена органическихъ недуговъ, которые никакое искусство и система управленія не могутъ отразить? Ужели таковъ долженъ быть удѣлъ этого стремленія къ разрушенію, которое, подобно роковому фениксу, постоянно возстаетъ во всѣ великія историческія эпохи вашего благороднаго отечества? Это стремленіе, которое возникло въ средніе вѣка путемъ нечестивой и антихристіанской борьбы духовенства съ имперією, которое вызвало эту смертоносную распрю между императоромъ и государями, которое, ослабѣвъ на время при всеобщемъ изнуреніи Германіи, вновь окрѣпло и разцвѣло благодаря реформации и, воспринявъ отъ нея окончательную форму (такъ сказать, законное посвященіе) принялось за дѣло съ болѣшимъ чѣмъ когда либо рвеніемъ, укрываясь подъ всякимъ знаменемъ, хватаясь за всякій предлогъ, оставаясь тѣмъ же подъ разными названіями, до той поры, когда, по достиженіи конечнаго удара въ тридцатилѣтнюю войну, оно призываетъ къ себѣ на помощь чуже-

земца — Швецію, потомъ приобщаетъ къ себѣ противника — Францію и, благодаря этому сочетанію силъ, довершаетъ со славою менѣе чѣмъ въ два столѣтія смертоносное призваніе, на него возложенное!...

По истинѣ роковыя воспоминанія! Какимъ образомъ не ощущаете вы, въ виду подобныхъ воспоминаній, ужаса при малѣйшемъ признакѣ, возвѣщающемъ возрожденіе этой ненависти въ общемъ настроеніи вашей страны? Ужели не спросите вы себя со страхомъ, не пробужденіе ли это вашего прежняго, страшнаго недуга?

Истекшія нынѣ тридцать лѣтъ могутъ по справедливости быть причтены къ лучшимъ годамъ вашей исторіи; со временъ славнаго царствованія Салическихъ императоровъ, никогда еще лучшіе дни не озаряли Германіи, никогда еще она въ такой степени не принадлежала самой себѣ, не сознавала себя столь единою, столь самостоятельною; въ теченіи многихъ столѣтій она не имѣла столь твердаго, столь значительнаго положенія относительно своей старинной соперницы. Она всюду ее сдерживала. Взгляните даже по ту сторону Альповъ, и тамъ ваши славнѣйшіе императоры никогда не проявляли болѣе дѣйствительной силы, чѣмъ та, которою располагаютъ нынѣ одно изъ Германскихъ государствъ. Жители прирейнскіе вновь Германцы и сердцемъ и душою; Бельгія, которая послѣднимъ Европейскимъ потрясеніемъ казалась кинутою въ объятія Франціи, остановилась на пути, и теперь очевидно, что она къ вамъ возвращается; Бургонскій союзъ возобновляется; Голландія рано или поздно не можетъ не примкнуть къ вамъ. Таковъ конеч-

ный исходъ великаго поединка, длившагося въ продолженіи двухъ вѣковъ между вами и Франціею; вы вполне восторжествовали, за вами осталось послѣднее слово.—Но сознайтесь однако: для всякаго, кто слѣдилъ за этою борьбою съ самаго начала, кто наблюдалъ за всѣми ея видоизмѣненіями, за всѣми ея превратностями до послѣдняго роковаго, рѣшительнаго дня, подобный исходъ трудно было предвидѣть. Внѣшнія примѣты говорили не въ вашу пользу, успѣхъ склонялся не въ вашу сторону; со временъ среднихъ вѣковъ могущество Франціи, не взирая на временный застой, не переставало расти, сосредоточиваясь и совершенствуясь, и съ той же самой поры имперія, благодаря своимъ религиознымъ распрямъ, вступила въ свой послѣдній періодъ законнаго разложенія; даже побѣды, вами одерживаемыя, оставались бесплодными для васъ, потому что онѣ не могли остановить внутренняго распадена и часто даже способствовали къ его ускоренію. При Лудовикѣ XIV, не смотря на всѣ неудачи великаго короля, Франція восторжествовала, ея вліяніе вполне поработило Германію; наконецъ настала революція, которая, истребивъ во Французской національности до корня послѣдніе слѣды ея Германскихъ началъ и сродства и возвративъ Франціи ея исключительно Романскій характеръ, начала противъ Германіи, противъ самаго принципа ея существованія послѣднюю борьбу, борьбу на жизнь и смерть.... И именно съ той минуты, когда вѣнчанный воинъ этой революціи на обломкахъ имперіи, основанной Карломъ Великимъ, разыгрывалъ пародію на имперію великаго Карла, вынуждая для большаго униженія наро-

ды Германіи принимать участіе въ этой пародіи—съ этой именно минуты перевероть совершился, и все измѣнилось!

Какимъ-же образомъ совершился этотъ знаменательный перевероть? Кѣмъ былъ онъ подготовленъ?... Онъ былъ подготовленъ появленіемъ третьей силы на полѣ битвы Европейскаго Запада; но эта третья сила была цѣлый особый міръ....

Здѣсь, милостивый государь, для того, чтобы мы поняли другъ друга, вы должны мнѣ дозволить краткое отступленіе. О Россіи много говорятъ; въ наше время она служитъ предметомъ пламеннаго, тревожнаго любопытства; очевидно, что она сдѣлалась одною изъ главнѣйшихъ заботъ нашего вѣка; но эта загадка, ни въ чемъ не схожая съ остальнымъ что его волнуетъ (нельзя не сознаться) скорѣе гнететъ его, чѣмъ возбуждаетъ.... И оно не могло быть иначе. Современное настроеніе, дѣтище Запада, чувствуетъ себя въ этомъ случаѣ передъ стихіей, если и не враждебной, то вполне ему чуждой, стихіей, ему неподвластной, и оно какъ будто боится измѣнить самому себѣ, подвергнуть сомнѣнію свою собственную законность, если оно признаетъ вполне справедливымъ вопросъ ему предложенный и если оно серьезно, добросовѣстно пожелало-бы понять и разъяснить его.... Что такое Россія? Каковъ смыслъ ея существованія, ея историческій законъ? Откуда явилась она? Куда стремится? Что выражаетъ собою?... Правда, что вселенная указала ей видное мѣсто; но философія исторіи еще не соблаговолила признать его за нею. Нѣкоторые рѣдкіе умы, два или три въ Германіи, одинъ или два во Франціи, болѣе дальновидные, чѣмъ остальная масса умственныхъ силъ,

провидѣли разгадку задачи, приподняли было уголокъ этой завѣсы; но ихъ слова до настоящей минуты мало понимались или имъ не внимали!...

Въ теченіи весьма долгаго времени понятія Запада о Россіи напоминали въ нѣкоторомъ смыслѣ отношенія современниковъ къ Колумбу. Это было тоже заблужденіе, тотъ же оптический обманъ. Вамъ извѣстно, что очень долго люди стараго свѣта, при всемъ ихъ восхваленіи безсмертнаго открытія, упорно отказывались вѣрить въ существованіе новаго материка; они находили болѣе естественнымъ и основательнымъ предполагать, что вновь открытыя страны составляютъ лишь дополненіе, продолженіе того полушарія, которое имъ уже было извѣстно. Такова-же была судьба и тѣхъ понятій, которыя составили себѣ о томъ другомъ новомъ свѣтѣ—восточной Европѣ, гдѣ Россія во всѣ времена служила душою и двигательною силою и была призвана придать ему свое имя, въ награду историческаго бытія, этимъ свѣтомъ отъ нея уже полученнаго или ожидаемаго. Въ теченіи цѣлыхъ столѣтій Европейскій Западъ съ полнѣйшимъ простодушіемъ вѣрилъ, что не было и не могло быть другой Европы кромѣ его. Правда ему было извѣстно, что за его предѣлами существовали еще народы и государи, называвшіе себя христіанами; во времена своего могущества, онъ касался границъ этого невѣдомаго міра, отторгъ даже отъ него нѣсколько клочковъ и присвоилъ ихъ себѣ, стараясь исказить и подавить ихъ національный характеръ; но чтобы внѣ этихъ крайнихъ предѣловъ существовала другая Европа, восточная Европа, законная сестра христіанскаго Запада,

христіанская какъ и онъ, правда не феодальная и не іерархическая, но потому самому еще болѣе искренно-христіанская; чтобы существовалъ тамъ цѣлый *міръ, единый* по своему началу, солидарный въ своихъ частяхъ, живущій своею собственною органическою, самобытною жизнью—этого допустить было невозможно, и многіе по нынѣ готовы въ томъ сомнѣваться.... Долгое время это заблужденіе было извинительно; въ продолженіи цѣлыхъ вѣковъ созидаящая сила оставалась какъ-бы схоронена среди хаоса; ея дѣйствіе было медленно, почти незамѣтно; густая завѣса скрывала тихое созиданіе этого міра..... Но наконецъ, когда судьбы свершились, рука исполина сдернула эту завѣсу, и Европа Карла Великаго очутилась лицомъ къ лицу съ Европою Петра Великаго!

Тогда, какъ скоро открытіе совершилось и все сдѣлалось яснымъ, понятнымъ, не могла не уясниться дѣйствительная причина этихъ быстрыхъ успѣховъ, этого необычайнаго расширенія Россіи, поразившихъ вселенную изумленіемъ; сдѣлалось очевиднымъ, что эти мнимыя завоеванія, эти мнимыя насилія были дѣломъ самымъ органическимъ, самымъ законнымъ, какое когда либо совершалось въ исторіи; что состоялось просто громадное воссоединеніе (*restauration*). Сдѣлалось равно понятнымъ, почему погибли и исчезли отъ ея руки всѣ встрѣченныя Россіею на своемъ пути противоестественныя стремленія, правительства и учрежденія, измѣнившія великому началу, котораго она была представительницею, почему Польша должна была погибнуть; не самобытность ея Польской народности, чего Боже сохрани! но

ея ложное образованіе, та ложная національность, которая была ей привита.

Съ этой-же точки зрѣнія всего лучше будетъ оцѣнить истинное значеніе того, что называютъ восточнымъ вопросомъ, который желаютъ считать неразрѣшимымъ именно потому, что всѣ уже давно провидѣли его неизбѣжное разрѣшеніе. И подлинно, остается только узнать, что восточная Европа, уже на три четверти установившаяся, эта дѣйствительная имперія Востока, для которой первая имперія Византійскихъ кесарей, древнихъ православныхъ императоровъ служила лишь слабымъ, неполнымъ начертаніемъ, что восточная Европа получить свое послѣднее, самое существенное дополненіе и получить-ли она его путемъ естественнаго хода событій, или будетъ вынуждена достигнуть его силою оружія, подвергая міръ величайшимъ бѣдствіямъ. Но вернемся къ нашему предмету.

Вотъ, милостивый государь, какова была та третья сила, появленіе которой на сценѣ дѣйствія внезапно разрѣшило вѣковую распрю Европейскаго Запада. Одно лишь появленіе Россіи среди васъ возстановило единство, а единство доставило вамъ побѣду.

И такъ, чтобы дать себѣ ясный отчетъ въ современномъ ходѣ вещей, нельзя достаточно проникнуться тою истинною, что со времени этого установившагося вмѣшательства Востока въ дѣла Запада все измѣнилось въ Европѣ; до тѣхъ поръ васъ было двое, а теперь насъ трое, и долгія борьбы сдѣлались невозможными.

Изъ этого порядка вещей могутъ вытекать только слѣдующіе три единственно-возможные отнынѣ исхода. Германія, вѣрная союзница Россіи, сохранить свое

преобладаніе въ центрѣ Европы, или это преобладаніе перейдетъ на сторону Франціи. И знаете-ли вы, милостивый государь, чѣмъ-бы выразилось для васъ это превосходство Франціи? То была-бы если не внезапная гибель, то положительное изнуреніе Германіи. Остается третій исходъ, быть можетъ и заманчивый въ глазахъ нѣкоторыхъ людей, — Германія въ союзѣ съ Франціею противъ Россіи... Увы! Эта комбинація уже была испытана въ 1812-мъ году и, какъ вамъ извѣстно, имѣла мало успѣха; притомъ не думаю, чтобы, по истеченіи нынѣ пройденныхъ тридцати лѣтъ, Германія была расположена признать возможность существованія новаго Рейнскаго союза, такъ какъ всякое тѣсное сближеніе съ Франціею не можетъ выразиться чѣмъ либо инымъ для Германіи. А знаете ли вы, что именно Россія имѣла въ виду, когда она вмѣшалась въ эту борьбу, предпринятуя этими двумя началами, этими двумя великими народностями, оспаривающими другъ у друга Европейскій Западъ, и рѣшила эту распрю въ пользу Германіи и Германскаго начала? Она хотѣла разъ навсегда утвердить торжество права, исторической законности надъ революціоннымъ движеніемъ. И почему она этого хотѣла? Потому что право, историческая законность, это ея собственное призваніе, назначеніе ея будущности, это то право, котораго она требуетъ для себя и для своихъ. Только одно слѣпое невѣжество, умышленно отводящее свои взоры отъ свѣта, можетъ нынѣ отвергать эту великую истину; потому что не во имя-ли этого права, этой исторической законности, Россія возстановила цѣлую народность, цѣлый міръ, готовый пасть? Не она ли призвала его къ

жизни самобытной, не она ли вернула ему его самостоятельность и организовала его? И во имя того-же права, она всегда сумѣетъ воспрепятствовать тому, чтобы виновники политическихъ опытовъ не успѣвали отторгнуть или совратить дѣля народности отъ центра ихъ установившагося единства и затѣмъ перекроить ихъ по волѣ ихъ безчисленныхъ фантазій какъ предметы неодушевленные; словомъ, чтобы они не могли отдѣлить живые члены отъ туловища, которому они принадлежатъ, подъ предлогомъ сообщить имъ болѣе свободы въ движеніяхъ!...

Безсмертною заслугою Монарха, находящагося нынѣ на престолѣ Россіи, служить то, что онъ полнѣе, энергичнѣе всѣхъ своихъ предшественниковъ, проявилъ себя просвѣщеннымъ и неумолимымъ представителемъ этого права, этой исторической законности. Разъ, что выборъ былъ имъ сдѣланъ, Европѣ извѣстно, оставалась ли Россія ему вѣрна въ теченіи тридцати лѣтъ? Позволительно утверждать съ исторіею въ рукахъ, что въ политическихъ лѣтописяхъ вселенной трудно было бы указать на другой примѣръ союза столь глубоко-правственнаго какъ тотъ, который связуетъ въ продолженіи тридцати лѣтъ государей Германіи съ Россіею и, благодаря именно этому великому началу правственности, онъ былъ въ силахъ продолжаться, разрѣшилъ многія затрудненія, преодолѣлъ немало препятствій. И нынѣ, испытавъ и радостныя и горькія случайности, этотъ союзъ восторжествовалъ надъ послѣднимъ, самымъ значительнымъ испытаніемъ, и призваніе, служившее ему основой, перешло всецѣло и неизмѣнно отъ

первыхъ его основателей къ ихъ преемникамъ.

Прошу васъ, милостивый государь, спросите ваши правительства, ослабѣвала ли на одно мгновеніе въ эти тридцать лѣтъ заботливость Россіи о великихъ политическихъ интересахъ Германіи? Спросите людей, стоявшихъ у кормила правленія, не превосходила ли эта заботливость неоднократно и по многимъ вопросамъ ваши собственныя патриотическія стремленія? Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, что вы сильно озабочены въ Германіи великимъ вопросомъ Германскаго единства; но вы очень хорошо знаете, что это не всегда такъ было; и мнѣ, давно уже проживающему среди васъ, возможно было бы въ крайнемъ случаѣ опредѣлить тотъ именно моментъ, когда этотъ вопросъ началъ волновать умы. Очевидно, что мало было рѣчи объ этомъ единствѣ по крайней мѣрѣ въ печати въ ту эпоху, когда всякое либеральное изданіе считало себя по совѣсти обязаннымъ пользоваться всякимъ удобнымъ случаемъ, чтобы обратиться къ Австріи и ея правительству тѣже оскорбленія, которыя расточаютъ нынѣ Россіи. Это безспорно весьма похвальная и законная забота, но возникшая съ недавняго времени. Правда, что Россія никогда не проповѣдывала единства Германіи; но въ продолженіи тридцати лѣтъ она не переставала при всякомъ случаѣ и на всѣ лады внушать Германіи согласіе, единодушіе, взаимное довѣріе, добровольное подчиненіе частныхъ интересовъ великому вопросу всеобщаго блага, и эти совѣты, эти убѣжденія, она неустанно повторяла и умножала энергическою откровенностью того усердія, которое сознаетъ свое полнѣйшее беззорыстіе.

Книга, которая нѣсколько лѣтъ тому назадъ пользовалась большою извѣстностью въ Германіи и которой ошибочно приписывали официальное происхождение, но видимому утвердила между вами убѣжденіе, что Россія одно время приняла за правило привлекать къ себѣ исключительно второстепенныя Германскія правительства въ ущербъ законному вліянію двухъ великихъ государствъ союза; но подобное предположеніе было исполнѣ напрасное и даже совершенно несогласное съ дѣйствительностью. Переговорите объ этомъ съ людьми свѣдущими, и они скажутъ вамъ, въ чемъ дѣло; быть можетъ даже они сообщатъ вамъ, что Русская политика, въ ея постоянной заботливости объ упроченіи главнымъ образомъ политической самостоятельности Германіи, рисковала подчасъ раздраженіемъ нѣкоторой извинительной щекотливости, совѣтуя съ излишнею настойчивостью мелкимъ дворамъ Германіи безусловно подчиняться системѣ двухъ великихъ державъ. Едва ли не будетъ умѣстно оцѣнить здѣсь по достоинству другое обвиненіе, тысячу разъ возводимое на Россію и не болѣе справедливое: чего не было только говорено, чтобы распространить убѣжденіе, будто ея вліяніе главнѣйше воспрепятствовало развитію въ Германіи конституціоннаго начала? Въ общемъ смыслѣ болѣе чѣмъ безразсудно стараться превращать Россію въ систематическаго противника той или другой правительственной системы. И какимъ образомъ, великій Боже, стала бы она тѣмъ, что она есть, и могла бы проявлять то вліяніе надъ вселенной, которое ей принадлежитъ; при подобной узкости понятій? Наконецъ, переходя въ частности къ данному слу-

чаю, слѣдуетъ по справедливости замѣтить, что Россія постоянно энергически отстаивала искреннее сохраненіе существовавшихъ учреждений, религіозное уваженіе къ принятымъ на себя обязательствамъ; затѣмъ легко возможно, что, по мнѣнію ея, было бы неосторожно, по отношенію къ самому существенному интересу Германіи, ея единству, позволять парламентскимъ преимуществамъ въ конституціонныхъ государствахъ союза расширяться до той степени, какой они достигли напримѣръ въ Англии или во Франціи; что если даже и теперь не всегда оказывалось удобнымъ установить между правительствами то согласіе, то полнѣйшее взаимное пониманіе, которое требуется при совмѣстной дѣятельности, то задача эта сдѣлалась бы исполнѣ неразрѣшимой въ Германіи поработченной т. е. раздробленной полдюжиною господствующихъ парламентскихъ трибунъ. Подобная истина уже сознана нынѣ всѣми лучшими умами Германіи, и вина Россіи могла состоять лишь въ томъ, что она уразумѣла ее десятью годами прежде.

Если мы теперь перейдемъ отъ внутреннихъ вопросовъ къ внѣшнему положенію, говорить ли мнѣ вамъ, милостивый государь, объ Іюльской революціи, о тѣхъ возможныхъ послѣдствіяхъ, которыя она могла бы имѣть, но не члѣла для вашего отечества? Слѣдуетъ ли вамъ указывать, что основаніемъ къ этому взрыву, душою этого движенія служило главнымъ образомъ стремленіе овладѣть снова тѣмъ преобладаніемъ на Западѣ, которымъ такъ долго пользовалась Франція и которое она къ великой досадѣ сознавала перешедшимъ въ продолженіи 30-ти лѣтъ въ ваши руки? Конечно я отдаю полную справед-

ливость королю Французовъ, удивляюсь его ловкости, желаю долгихъ дней и ему и его системѣ... Но что случилось-бы, если-бы всякій разъ, когда Французское правительство, начиная съ 1835 года, пыталось переносить свои взоры за предѣлы Германіи, оно не встрѣчало-бы на престолѣ Россіи тотъ же твердый и рѣшительный образъ, ту же осторожность, ту же холодность и главное тоже постоянство относительно утвердившихся союзовъ и принятыхъ на себя обязательствъ. Если-бы оно могло уловить одно мгновение сомнѣнія, колебанія, не думаете-ли вы, что и самъ Наполеонъ мира не могъ-бы постоянно сдерживать эту содрогавшуюся подъ его рукою Францію и что онъ не далъ-бы ей воли?... А что-бы еще было, если-бы онъ могъ рассчитывать на сочувствіе?....

Я находился въ Германіи, милостивый государь, въ ту минуту, когда г. Тьеръ слѣдуя, такъ сказать, инстинктивному влеченію, готовъ былъ совершить то, что ему казалось такъ просто и такъ естественно, а именно: возместить на Германіи свою неудачу на Востока. Я былъ свидѣтелемъ этого взрыва, этого истинно - національнаго негодованія, возбужденнаго среди васъ этою наивною дерзостью, и я радуюсь, что присутствовалъ при этомъ: съ тѣхъ поръ я всегда съ большимъ удовольствіемъ слышалъ пѣніе *Rheinslied*. Но можетъ-ли быть, чтобы ваша политическая журналистика, которая знаетъ все, которой напримѣръ извѣстно, сколько именно кулачныхъ ударовъ нанесли взаимно другъ другу на границѣ Пруссіи Русская таможенная стража и Пруссіе контрабандисты; какимъ образомъ, говорю я, она могла не знать того что

произошло въ то время между Германскими правительствами и Россіею? Какъ могла она не знать или не сообщить вамъ, что при первомъ враждебномъ проявленіи со стороны Франціи, 80 т. Русскаго войска должны были выступить на помощь вашей самостоятельности, подвергавшейся опасности, и что 200 т. человекъ должны были слѣдовать за ними черезъ шесть недѣль? И это обстоятельство не осталось неизвѣстнымъ для Парижа, милостивый государь, и быть можетъ вы согласитесь со мною, какъ-бы я высоко ни цѣнилъ *Rheinslied*, что оно немало способствовало къ тому, чтобы убѣдить старинную *Марсельезу* въ необходимости быстрого отступленія передъ своею юною соперницею.

Я коснулся вашей печати; но прошу васъ, милостивый государь, не думать, что я систематически предубѣжденъ противъ Нѣмецкой печати или что я сохраняю къ ней дурное чувство за ея невыразимое нерасположеніе по отношенію къ намъ. Нисколько, могу васъ увѣрить. Я очень расположенъ воздать ей должную хвалу за ея добрыя свойства и желалъ-бы приписать отчасти ея заблужденія и увлеченія той исключительной системѣ, при которой она дѣйствуетъ. Конечно въ вашей періодической печати нѣтъ недостатка ни въ талантѣ, ни въ идеяхъ, ни даже въ патриотизмѣ; во многихъ отношеніяхъ она—законное дѣтище вашей возвышенной великой литературы, той литературы, которая возстановила среди васъ сознание вашего національнаго тождества. Въ чемъ ваша печать нуждается въ высшей степени—это въ политическомъ тактѣ, въ живомъ и вѣрномъ пониманіи

дѣйствительнаго положенія своего въ той средѣ, въ которой ей приходится дѣйствовать въ данную минуту; а потому въ ея выраженіи и въ ея направленіи проглядываетъ нѣчто непрозорливое, необдуманное, однимъ словомъ нѣчто нравственно - безответственное, быть можетъ какъ послѣдствіе той опеки, которой ее подвергаютъ.

И точно, чѣмъ другимъ, если не подобнымъ сознаниемъ своей нравственной безответственности, можно объяснить себѣ это пламенное, слѣпое, неистовое враждебное настроеніе, которое она въ продолженіи столькихъ лѣтъ выражаетъ противъ Россіи? Зачѣмъ? Съ какою цѣлью, въ пользу чего? Останавливалась-ли она когданибудь съ должнымъ вниманіемъ съ точки зрѣнія политическихъ интересовъ Германіи на возможныхъ, даже вѣроятныхъ послѣдствіяхъ того, что она дѣлаетъ? Приходило-ли ей когданибудь на мысль спросить себя серьезно, когда она напрягаетъ всѣ свои силы въ теченіи многихъ лѣтъ съ такимъ невѣроятнымъ упорствомъ къ тому, чтобы раздражить, отравить и безвозвратно разстроить взаимныя отношенія двухъ государствъ, — не содѣйствуетъ-ли она къ разрушенію въ самомъ его основаніи того начала союза, на которомъ зиждется и покоится относительное значеніе Германіи въ глазахъ Европы? Не стремится ли она замѣнить всѣми отъ нея зависящими силами счастливѣйшую политическую комбинацію, которую исторія когда либо могла создать для вашего отечества, наиболѣе пагубною для васъ системою? Эта неудержимая неосмотрительность не напоминаетъ-ли вамъ, милостивый государь (конечно въ менѣе привлекательномъ видѣ) одну шадость изъ

дѣтства вашего великаго Гете, столь мило рассказанную въ его Запискахъ; вспоминаете-ли вы тотъ день, когда маленькой Вольфгангъ, оставшись одинъ въ отцовскомъ домѣ, не нашелъ лучшаго способа воспользоваться досугомъ, предоставленнымъ ему родителями, какъ бросать въ окно одну за другою всѣ хозяйственныя принадлежности своей матери, попадавшіяся ему подъ руку, очень забавляясь и потѣшаясь тѣмъ трескомъ, который онѣ производили, падая и разбиваясь на мостовой? Правда, что черезъ улицу находился въ домѣ коварный сосѣдъ, который ободрялъ ребенка продолжать это остроумное занятіе; но вы, милостивый государь, не имѣете даже въ извиненіе ваше и подобнаго вызывающаго вліянія.

Если-бы еще можно было среди этого взрыва враждебныхъ воплей указать на какойнибудь благоразумный, сознательный поводъ къ подобному разглагольствованію! Я знаю, что въ крайнемъ случаѣ я найду безумцевъ, которые готовы мнѣ возразить: «мы обязаны васъ ненавидѣть, ваше основное начало, самое начало вашей цивилизаціи внушаютъ намъ Нѣмцамъ, западникамъ отвращеніе; у васъ не было ни *феодализма*, ни *папской иерархіи*; вы не испытывали ни борьбы *религиозной*, ни войны *имперіи*, ни даже *инквизиціи*; вы не принимали участія въ крестовыхъ походахъ, вы не знали рыцарства; вы четыре столѣтія тому назадъ достигли того единства, къ которому мы еще теперь стремимся; ваше основное начало не удѣляетъ достаточнаго простора личной свободѣ, оно не допускаетъ возможности разьединенія и раздробленія». Все это такъ, но по справедливости, воспрепятствовало-ли все это намъ

искренно и мужественно пособлять вамъ при случаѣ, когда требовалось отстоять, возстановить вашу политическую самостоятельность, вашу національность? И теперь вамъ не остается ничего другого, какъ признать нашу собственную. Будемте говорить серьезно, потому что предметъ этого заслуживаетъ. Россія вполне готова уважать историческую законность вашихъ правъ, историческую законность народовъ Запада; тридцать лѣтъ тому назадъ, она съ вами виѣстѣ заботилась о ея возстановленіи, о ея водвореніи на прежнихъ основахъ; слѣдовательно она дѣйствительно расположена уважать ее не только въ принципѣ, но даже со всѣми ея крайними послѣдствіями, даже съ ея увлеченіями и слабостями; но и вы съ своей стороны должны учиться уважать насъ въ нашемъ единеніи и нашей силѣ!

Но мнѣ скажутъ, что несовершенства нашего общественнаго строя, недостатки нашей администраціи, положеніе нисшихъ слоевъ нашей народности и пр., что все это въ совокупности раздражаетъ общее мнѣніе противъ Россіи? Неужели? Возможно ли, чтобы мнѣ, готовому жаловаться на избытокъ недоброжелательства, пришлось бы тогда протестовать противъ излишняго сочувствія? Потому что въ концѣ концовъ мы не одни на бѣломъ свѣтѣ, и если уже вы обладаете такимъ чрезмѣрнымъ запасомъ сочувствія къ человѣчеству, если вы не находите ему помѣщенія у себя и въ свою пользу, то не сочли ли бы вы болѣе справедливымъ раздѣлить его между всѣми народами земли? Всѣ они заслуживаютъ сожалѣнія. Взгляните, напримеръ на Англію! Что вы объ ней скажете? Взгляните на ея фабричное на-

селеніе, на Ирландію; и если бы вамъ удалось вполне сознательно подвести итоги въ этихъ двухъ странахъ, если бы вы могли взвѣсить на правдивыхъ вѣскахъ злополучныя послѣдствія Русскаго варварства и Англійскаго просвѣщенія — быть можетъ, вы признали бы болѣе своеобразности, чѣмъ преувеличенія въ заявленіи того человѣка, который, будучи одинаково чуждъ обѣимъ странамъ и равно ихъ изучившій, утверждалъ съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ, что въ соединенномъ королевствѣ существуетъ по крайней мѣрѣ миллионъ людей, которые много бы выиграли, если бы ихъ сослали въ Сибирь!...

Увы, милостивый государь, почему вы Нѣмцы, которые пользуетесь во многихъ отношеніяхъ такимъ безспорнымъ превосходствомъ надъ вашими сосѣдями по ту сторону Рейна, почему не можете вы позаимствовать у нихъ нѣкоторой доли практическаго благоразумія, того живаго, вѣрнаго сознанія своихъ интересовъ, которое ихъ отличаетъ? У насъ также существуютъ печать, журналы, которые насъ оскорбляютъ, раздираютъ на клочки въ запуски, безъ усталы, безъ мѣры и стыда. Взгляните на это стоглавое чудовище Парижской прессы, извергающей пламя и вопли противъ насъ. Какое ожесточеніе! Какіе громы! Какой трескъ!... И что же! Приди сегодня же Парижъ къ убѣжденію, что столь пламенно желаемое сближеніе можетъ состояться, что столь часто дѣлаемыя въ этомъ смыслѣ намъ предложенія принять, и съ завтрашняго дня вы увидите, что этотъ вопль ненависти умолкнетъ, весь этотъ блестящій фейерверкъ оскорбленій угаснетъ, и изъ этихъ угасшихъ кратеровъ, изъ этихъ умиротворенныхъ

устъ, съ послѣднимъ клубомъ дыма, начнутъ исходить звуки, настроенные на разные лады, но всѣ одинаково благозвучные, восхваляющіе другъ передъ другомъ наше счастливое примиреніе!

Но это письмо слишкомъ длинно, пора кончить. Позвольте мнѣ, милостивый государь, въ заключеніе, выразить мою мысль въ нѣсколькихъ словахъ.

Я обратился къ вамъ, не имѣя въ виду другой цѣли, кромѣ того, что внушаетъ мнѣ мое свободное и личное убѣжденіе. Я не состою ни въ чьемъ распоряженіи; я не служу ничьимъ органамъ; моя мысль зависитъ лишь отъ себя самой; но я конечно вполне убѣжденъ, что общественное мнѣніе не затруднилось бы признать содержаніе этого письма, если бы оно было извѣстно въ Россіи. До сихъ поръ Русское мнѣніе слабо возмущалось этими возгласами Германской печати, не потому чтобы оно относилось равнодушно къ мнѣніямъ и чувствамъ Германіи, конечно нѣтъ; но ему не хотѣлось придавать серьезное значеніе всему этому треску, всѣмъ этимъ словозверженіямъ, всей этой палубѣ на воздухъ противъ Россіи; оно принимало все это развѣ только за какую-то не вполне приличную потѣху. Русское общественное мнѣніе положительно отказывается допустить, чтобы степенная, серьезная, честная, вполне правдивая нація, какою наконецъ извѣстна міру Германія во всѣ эпохи своей исторіи, чтобы эта нація, говорю я, могла отрѣшиться отъ своей природы и усвоить себѣ другую, созданную по образцу нѣсколькихъ мечтательныхъ или нестройныхъ умовъ, нѣсколькихъ странныхъ или недобросовѣстныхъ крикуновъ; чтобы Германія, отказываясь отъ своего прошлаго, не

сознавая настоящаго и искажая будущее, согласилась признать и питать дурное чувство, недостойное ея, единственно изъ удовольствія совершить великій политическій промахъ. Нѣтъ, это невозможно!

Я обратился къ вамъ, милостивый государь, потому что, по мнѣнію моему, Всеобщая Газета болѣе, чѣмъ періодическое изданіе для Германіи; это сила и сила, которая (я весьма охотно это сознаю) соединяетъ въ высокой степени національное чувство и политическое пониманіе. И потому я старался отнестись къ вамъ во имя этого двойнаго значенія.

Расположеніе умовъ, которое создано и которое стараются распространить въ Германіи по отношенію къ Россіи, еще не составляетъ прямой опасности, но оно весьма легко можетъ сдѣлаться таковою. Это расположеніе умовъ не изменить ни въ чемъ (я въ этомъ убѣжденъ) отношеній, нынѣ существующихъ между Германскими государствами и Россіею; но оно ведетъ къ тому, чтобы все болѣе и болѣе искажать политическое сознаніе по одному изъ важнѣйшихъ для cadaго народа вопросовъ, по вопросу о его союзахъ. Представляя въ самомъ живомъ свѣтѣ самую національную политику, которую Германія когда либо соблюдала, оно ведетъ къ тому, чтобы произвести разъединеніе умовъ, чтобы направить всѣхъ пламенныхъ и безразсудныхъ на стезю, исполненную опасностей, стезю, гдѣ судьбы Германіи уже не разъ подвергались крушенію. А что если возникнетъ новое потрясеніе въ Европѣ или вѣковая распря, рѣшенная 30 лѣтъ тому назадъ въ вашу пользу, вновь возгорится? Россія конечно не отступится отъ вашихъ государей, точно также, какъ они не отстанутъ отъ

Россіи; но тогда-то придется вѣроятно пожинать плоды того, что нынѣ посѣяно: разьединеніе умовъ принесетъ плоды и они могли бы показаться весьма горькими для Германіи; наступили бы новыя отпаденія и новыя смуты. И тогда вамъ пришлось бы слишкомъ тяжелымъ путемъ искупать вашу минутную несправедливость по отношенію къ намъ.

Вотъ, милостивый государь, что мнѣ было желательно вамъ высказать. Вы можете сдѣлать изъ моей рѣчи то употребленіе, которое сочтете наиболѣе приличнымъ.

ПОДЛИННИКЪ ПИСЬМА

О. И. Тютчева къ Густаву Кольбу.

...Le livre de mr de Custine est un témoignage de plus de ce dévergondage de l'esprit, de cette démoralisation intellectuelle, trait caractéristique de notre époque, en France surtout, qui fait qu'on se laisse aller à traiter les questions les plus graves et les plus hautes bien moins avec la raison qu'avec les nerfs, qu'on se permet de juger un monde avec moins de sérieux qu'on n'en mettoit autrefois à faire l'analyse d'un vaudeville. Quant aux adversaires de mr de Custine, aux soit-disant défenseurs de la Russie, ils sont certainement plus sincères, mais ils sont bien niais. Ils me font l'effet de gens, qui, par un excès de zèle, ouvriraient précipitamment leur parasol pour protéger contre l'ardeur du jour la cime du Mont-Blanc... Non, mr, ce n'est pas de l'apologie de la Russie qu'il sera question dans cette lettre. L'apologie de la Russie!... Eh, mon Dieu, c'est un plus grand maître que nous tous qui s'est chargé de cette tâche et qui, ce me semble, s'en est jusqu'à présent assez glorieusement

acquitté. Le véritable apologiste de la Russie c'est l'Histoire, qui depuis trois siècles ne se lasse pas de lui faire gagner tous les procès, dans les quels elle a successivement engagé ses mystérieuses destinées... En m'adressant à vous, mr, c'est de vous même, de votre propre pays, que je prétends vous entretenir, de ses intérêts les plus essentiels, les plus évidents, et s'il est question de la Russie ce ne sera que dans ses rapports immédiats avec les destinées de l'Allemagne.

A aucune époque, je le sais, les esprits en Allemagne n'ont été aussi préoccupés qu'ils le sont de nos jours du grand problème de l'unité germanique. Eh bien, mr, vous surprendrai-je beaucoup, vous, sentinelle vigilante et avancée, si je vous disais qu'au beau milieu de cette préoccupation générale, un oeil un peu attentif pourrait signaler bien des tendances, qui, si elles venoient à grandir, compromettroient terriblement cette oeuvre de l'unité à la quelle tout le monde a l'air de travailler. Il y en a une surtout fatale entre toutes... Je ne dirai rien qui ne soit dans la pensée de tout le monde, et cependant je ne pourrai pas dire un mot de plus, sans toucher à des questions brulantes; mais j'ai la croyance, que de nos jours, comme au moyen âge, quand on a les mains pures et les intentions droites, on peut impunément toucher à tout...

Vous savez, mr, quelle est la nature des rapports qui unissent depuis trente ans les gouvernemens de l'Allemagne, grands et petits, à la Russie. Ici je ne vous demande pas ce que pensent de ces rapports telle ou telle opinion, tel ou tel parti; il s'agit d'un fait. Or le fait est que jamais ces rapports n'ont été plus bienveillans, plus intimes, que jamais entente plus sincèrement cor-

diale n'a existé entre ces différens gouvernemens et la Russie. Monsieur, pour qui vit sur le terrain de la réalité et non dans le monde des phrases, il est clair que cette politique est la vraie, la légitime politique de l'Allemagne, sa politique normale, et que ses souverains, en maintenant intacte cette grande tradition de votre époque de régénération, n'ont fait qu'obéir aux inspirations du patriotisme le plus éclairé. Mais encore une fois, mr, je ne prétends pas au don des miracles, je ne prétends pas faire partager cette opinion à tout le monde, surtout pas à ceux qui la considèrent comme leur ennemie personnelle; aussi bien ce n'est pas d'une opinion qu'il s'agit pour le moment, c'est d'un fait, et le fait, ce me semble, est assez visible et assez palpable, pour rencontrer peu d'incrédules.

A coté et en regard de cette direction politique de vos gouvernemens, ai-je besoin de vous dire, mr, quelle est l'impulsion, quelles sont les tendances que depuis une dizaine d'années on travaille sans relâche à imprimer à l'opinion allemande à l'égard de la Russie? Ici encore je m'abstiendrai pour le moment d'apprécier à leur juste valeur les griefs, les accusations de tout genre qu'on ne cesse d'accumuler contre elle avec une persévérance vraiment étonnante. Il ne s'agit ici que du résultat obtenu. Ce résultat, il faut l'avouer, s'il n'est pas consolant, est à peu près complet. Les travailleurs sont en droit d'être contents de leur journée. — Cette même puissance que les grandes générations de 1813 saluaient de leur enthousiaste reconnaissance, cette puissance dont l'alliance fidèle, dont l'amitié active et désintéressée n'a pas failli une seule fois depuis trente ans ni aux peuples, ni aux sou-

verains de l'Allemagne, on a réussi, grâce aux refrains dont on a bercé l'enfance de la génération actuelle, on a presque réussi, dis-je, à la transformer cette même puissance en épouvantail pour un grand nombre d'hommes appartenant à notre génération, et bien des intelligences viriles de notre époque n'ont pas hésité à rétrograder jusqu' à la candide imbécillité du premier âge, pour se donner la satisfaction de voir dans la Russie l'ogre du 19-me siècle.

Tout cela est vrai. Les ennemis de la Russie triompheront peut-être de ces aveux; mais qu'ils me permettent de continuer.

Voilà donc deux tendances bien décidément opposées; le désaccord est flagrant et il s'aggrave tous les jours. D'un côté vous avez les souverains, les cabinets de l'Allemagne avec leur politique sérieuse et réfléchie, avec leur direction déterminée, et d'autre part autre souverain de l'époque—l'opinion, qui s'en va, où les vents et les flots la poussent.

Monsieur, permettez-moi de m'adresser à votre patriotisme et à vos lumières: que pensez vous d'un pareil état de choses? Quelles conséquences en attendez vous pour les intérêts, pour l'avenir de votre patrie? Car, comprenez-moi bien, ce n'est que de l'Allemagne qu'il s'agit en ce moment. Mon Dieu, si l'on pouvoit se douter parmi vous, combien peu la Russie est atteinte par toutes ces violences dirigées contre elle, peut-être cela ferait réfléchir jusqu'à ses ennemis les plus acharnés.

Il est évident qu'aussi longtemps que la paix durera, ce désaccord n'amenera aucune perturbation grave et manifeste; le mal continuera à couler sous terre; vos gouvernemens, comme de

raison, ne changeront pas leur direction, ne bouleverseront pas de fond en comble toute la politique extérieure de l'Allemagne pour se mettre à l'unisson de quelques esprits fanatiques ou brouillons; ceux-ci, sollicités, poussés par la contradiction, ne croiront pas pouvoir s'engager assez avant dans la direction la plus opposée à celle qu'ils réprouvent, et c'est ainsi, que tout en continuant à parler de l'unité de l'Allemagne, ils s'approcheront, les yeux toujours tournés vers l'Allemagne, ils s'approcheront pour ainsi dire à reculons vers la pente fatale, vers la pente de l'abîme, où votre patrie a déjà glissé plus d'une fois. Je sais bien, mr, que tant que nous conserverons la paix, le péril que je signale, ne sera qu'imaginaire; mais vienne la crise, cette crise dont le pressentiment pèse sur l'Europe, viennent ces jours d'orage, qui mûrissent tout en quelques heures, qui poussent toutes les tendances à leurs conséquences les plus extrêmes, qui arrachent leur dernier mot à toutes les opinions, à tous les partis.. monsieur, qu'arrivera-t-il alors? Serait-il donc vrai, qu'il y ait pour les nations plus encore que pour les individus une fatalité inexorable, inexpiable? Faut-il croire qu'il y ait en elles des tendances plus fortes, que toute leur volonté, que toute leur raison, des maladies organiques, que nul art, nul régime ne peuvent conjurer?.. En serait-il ainsi de cette terrible tendance au déchirement que l'on voit, comme un phénix de malheur, renaître à toutes les grandes époques de l'histoire de votre noble patrie. Cette tendance, qui a éclaté au moyen âge par le duel impie et anti-chrétien du sacerdoce et de l'Empire, qui a déterminé cette lutte parricide entre l'empereur et les princes, puis un moment affaiblie par l'épuisement

de l'Allemagne est venue se retremper et se rajeunir dans la Réformation, et après avoir accepté d'elle une forme définitive et comme une conjuration légale, s'est remise à l'oeuvre avec plus de zèle que jamais, adoptant tous les drapeaux, épousant toutes les causes, toujours la même sous des noms différents jusqu'au moment où, parvenue à la crise décisive de la guerre de trente ans, elle appelle à son secours l'étranger d'abord, la Suède, puis s'associe définitivement l'ennemi, la France, et grâce à cette association de forces, achève glorieusement en moins de deux siècles la mission de mort dont elle étoit chargée.

Ce sont-là de funestes souvenirs! Comment se fait-il qu'en présence de souvenirs pareils vous ne vous sentiez pas plus alarmé par tout symptôme qui annonce un antagonisme naissant dans les dispositions de votre pays? Comment ne vous demandez-vous pas avec effroi si ce n'est pas-là le réveil de votre ancienne, de votre terrible maladie?

Les trente années qui viennent de s'écouler peuvent assurément être comptées parmi les plus belles de votre histoire; depuis les grands règnes de ses empereurs saliques jamais de plus beaux jours n'avoient lui sur l'Allemagne; depuis bien des siècles l'Allemagne ne s'étoit aussi complètement appartenu, ne s'étoit senti aussi *une*, aussi elle-même; depuis bien des siècles elle n'avoit eu vis-à-vis de son éternelle rivale une attitude plus forte, plus imposante. Elle l'a tenu en échec sur tous les points. Voyez vous même: au delà des Alpes vos plus glorieux empereurs n'ont jamais exercé une autorité plus réelle que celle qu'y exerce maintenant une puissance allemande. Le Rhin est redevenu allemand

de coeur et d'âme, la Belgique que la dernière secousse européenne sembloit devoir précipiter dans les bras de la France, s'est arrêtée sur la pente, et maintenant il est évident qu'elle remonte vers vous; le cercle de Bourgogne se réforme, la Hollande tôt ou tard ne sauroit manquer de vous revenir. Telle a donc été l'issue définitive du grand duel engagé il y a plus de deux siècles entre la France et vous; vous avez pleinement triomphé, vous avez eu le dernier mot. Et cependant convenez-en: pour qui avoit assisté à cette lutte depuis son origine, pour qui l'avoit suivie à travers toutes ses phases, à travers toutes ses vicissitudes, jusqu'à la vielle du jour suprême et décisif, il eût été difficile de prévoir une pareille issue; les apparences n'étoient pas pour vous, les chances n'étoient pas en votre faveur. Depuis la fin du moyen âge, malgré quelque temps d'arrêt, la puissance de la France n'avoit cessé de grandir, en se concentrant et en se disciplinant, et c'est à partir de cette époque, que l'Empire, grace à sa scission religieuse, est entré dans son dernier période, dans le période de sa désorganisation légale; les victoires même que vous remportiez étoient stériles pour vous, car ces victoires n'arrêtoient pas la désorganisation intérieure, où souvent même elles ne fesoient que la précipiter. Sous Louis XIV, bien que le grand roi eût échoué, la France triompha, son influence domina souverainement l'Allemagne; enfin vint la Révolution, qui, après avoir extirpé de la nationalité françoise jusqu'aux derniers vestiges de ses origines, de ces affinités germaniques, après avoir rendu à la France son caractère exclusivement romain, engagea contre l'Allemagne, contre le principe même de son existence une dernière lutte, une

lutte à mort; et c'est au moment où le soldat, couronné de cette Révolution, fesoit représenter sa parodie de l'empire de Charlemagne sur les débris même de l'empire fondé par Charlemagne, obligeant pour dernière humiliation les peuples de l'Allemagne d'y jouer aussi leur rôle, c'est dès ce moment suprême, que la péripétie eût lieu, et que tout fut changé.

Comment s'étoit-elle faite, cette prodigieuse péripétie? Par qui? Par quoi avoit elle été amenée?.. Elle a été amenée par l'arrivée d'un tiers sur le champ de bataille de l'Occident européen; mais ce tiers, c'étoit tout un monde...

Ici, monsieur, pour nous entendre, il faut que vous me permettiez une courte digression. On parle beaucoup de la Russie; de nos jours elle est l'objet d'une ardente, d'une inquiète curiosité. Il est clair qu'elle est devenue une des grandes préoccupations du siècle; mais bien différent des autres problèmes qui le passionnent, celui-ci, il faut l'avouer, pèse sur la pensée contemporaine, plus encore qu'il ne l'excite... Et il ne pouvoit en être autrement: la pensée contemporaine, fille de l'Occident, se sent là, en présence d'un élément sinon hostile, du moins décidément étranger, d'un élément qui ne relève pas d'elle, et l'on diroit qu'elle a peur de se manquer à elle-même, de mettre en cause sa propre légitimité, si elle acceptoit comme pleinement légitime la question qui lui est posée, si elle s'appliquoit sérieusement, consciencieusement à la comprendre et à la résoudre... Qu'est ce que la Russie? Qu'elle est sa raison d'être, sa loi historique? D'ou vient-elle? Où va-t-elle? Que représente-t-elle? Le monde, il est vrai, lui a fait une place au soleil; mais la philosophie de l'histoire

n'a pas encore daigné lui en assigner une. Quelques rares intelligences, deux ou trois en Allemagne, une ou deux en France, plus libres, plus avancées, que le gros de l'armée, ont bien entrevu le problème, ont bien soulevé un coin du voile, mais leurs paroles jusqu'à présent ont été peu comprises, ou peu écoutées.

Pendant longtemps la manière dont on a compris la Russie dans l'Occident a ressemblé, à quelques égards, aux premières impressions des contemporains de Colomb. C'étoit la même erreur, la même illusion d'optique. Vous savez que pendant longtemps les hommes de l'ancien continent, tout en applaudissant à l'immortelle découverte, s'étoient obstinément refusés à admettre l'existence d'un continent nouveau; ils trouvaient plus simple et plus rationnel de supposer que les terres qui venoient de leur être révélées, n'étoient que l'appendice, le prolongement du continent qu'ils connoissoient déjà. Ainsi en a-t-il été des idées qu'on s'est longtemps faites de cet autre nouveau monde, l'Europe orientale, dont la Russie a de tout temps été l'âme, le principe-moteur et au quel elle étoit appelée à imposer son glorieux nom, pour prix de l'existence historique que ce monde a déjà reçu d'elle, ou qu'il en attend. Pendant des siècles, l'Occident européen avoit cru avec une bonne foi parfaite qu'il n'y avoit point, qu'il ne pouvoit pas y avoir d'autre Europe que lui. Il savoit à la vérité, qu'au delà de ses frontières il y avoit encore des peuples, des souverainetés, qui se disoient chrétiens; aux temps de sa puissance il avoit même entamé les bords de ce monde sans nom, il en avoit arraché quelques lambeaux qu'il s'étoit incorporés tant bien que mal, en les dénaturant, en les dénationali-

sant; mais que, par delà cette limite extrême, il y eut une autre Europe, une Europe orientale, soeur bien légitime de l'Occident chrétien, chrétienne comme lui, point féodale, point hiérarchique, il est vrai, mais par la-même plus intimement chrétienne; qu'il y eût là tout un monde, un dans son principe, solidaire de ses parties, vivant de sa vie propre, organique, originale: voilà ce qu'il étoit impossible d'admettre, voilà ce que bien des gens aimeroient à révoquer en doute, même de nos jours... Longtemps l'erreur avoit été excusable; pendant des siècles le principe-moteur étoit resté comme enseveli sous le chaos; son action avoit été lente et presque imperceptible; un épais nuage enveloppoit cette lente élaboration d'un monde. Mais enfin, quand les temps furent accomplis, la main d'un géant abattit le nuage, et l'Europe de Charlemagne se trouva face à face avec l'Europe de Pierre le Grand.

Ceci une fois reconnu, tout devient clair, tout s'explique; on comprend maintenant la véritable raison de ces rapides progrès, de ces prodigieux accroissements de la Russie, qui ont étonné le monde. On comprend que ces prétendues conquêtes, ces prétendues violences ont été l'œuvre la plus organique et la plus légitime, que jamais l'histoire ait réalisée, c'étoit tout bonnement une immense restauration qui s'accomplissoit. On comprendra aussi, pourquoi on a vu successivement périr et s'effacer sous sa main tout ce que la Russie a rencontré sur sa route, de tendances anormales, de pouvoirs et d'institutions infidèles au grand principe qu'elle représentoit, pourquoi la Pologne a dû périr, non pas l'originalité de sa race polonoise, à Dieu ne plaise, mais sa fausse

civilisation, la fausse nationalité, qui lui avoient été imputées. C'est aussi de ce point de vue que l'on appréciera le mieux la véritable signification de ce qu'on appelle la question de l'Orient, de cette question que l'on affecte de proclamer insoluble, précisément parce que tout le monde en a depuis longtemps prévu l'inévitable solution. Il s'agit en effet de savoir si l'Europe orientale, déjà aux trois quarts constituée, si ce véritable empire de l'Orient, dont le premier, celui des césars de Byzance, des anciens empereurs orthodoxes n'avoit été qu'une foible et imparfaite ébauche, si l'Europe orientale recevra ou non son dernier, son plus indispensable complément, si elle l'obtiendra par le progrès naturel des choses, ou si elle se verra forcée de le demander à la fortune par les armes, au risque des plus grandes calamités pour le monde. Mais revenons à notre sujet.

Voilà, m-r, quel étoit le tiers dont l'arrivée sur le théâtre des événemens a brusquement décidé le duel séculaire de l'Occident européen; la seule apparition de la Russie dans vos rangs y a ramené l'unité, et l'unité vous a donné la victoire.

Et maintenant, pour se rendre un compte vrai de la situation actuelle des choses, on ne sauroit assez se pénétrer d'une vérité, c'est que depuis cette intervention de l'Orient constituée dans les affaires de l'Occident, tout est changé en Europe: jusque-là vous y étiez à deux, maintenant nous y sommes à trois. Les longues lattes y sont devenues impossibles.

De l'état actuel des choses peuvent sortir les trois combinaisons suivantes, les seules possibles désormais. L'Allemagne, alliée fidèle de la Russie, gardera sa prépondérance au centre de l'Europe;

ou bien cette prépondérance passeroit aux mains de la France. Or, savez vous, m-r, ce que seroit pour vous la prépondérance aux mains de la France? Ce seroit si non la mort subite, au moins le dépérissement certain de l'Allemagne. Reste la troisième combinaison, celle qui souriroit peut-être le plus à certaines gens: l'Allemagne alliée à la France contre la Russie... Hélas, m-r, cette combinaison a déjà été essayé en 1812 et, comme vous savez, elle a eu peu de succès. D'ailleurs je ne pense pas qu'après l'issue des trentes années qui viennent de s'écouler, l'Allemagne fut d'humeur à accepter les conditions d'existence d'une nouvelle confédération du Rhin: car toute alliance intime avec la France ne peut jamais être que cela pour l'Allemagne, et savez vous, m-r, ce que la Russie a entendu faire, lorsqu'intervenant dans cette lutte engagée entre les deux principes, les deux grandes nationalités, qui depuis des siècles se disputoient l'Occident européen, elle l'a décidée au profit de l'Allemagne, du principe germanique? Elle a voulu donner gain de cause une fois pour toute au droit, à la légitimité historique sur le procédé révolutionnaire. Et pour quoi a-t-elle voulu cela? Parce que le droit, la légitimité historique, c'est sa cause à elle, sa cause propre, la cause de son avenir, c'est là le droit qu'elle réclame pour elle-même et pour les siens. Il n'y a que la plus aveugle ignorance, celle qui ferme volontairement ses yeux à la lumière qui puisse encore méconnoître cette grande vérité, car enfin n'est-ce pas au nom de ce droit, de cette légitimité historique, que la Russie a relevé toute une race, tout un monde de sa déchéance, qu'elle l'a appelé à vivre de sa vie propre, qu'elle lui a rendu son autonomie, qu'elle

l'a constituée? Et c'est aussi au nom de ce même droit, qu'elle saura bien empêcher que les faiseurs d'expériences politiques ne viennent arracher, ou escamoter des populations entières à leur centre d'unité vivante, pour pouvoir ensuite plus aisément les tailler et les façonner comme des choses mortes, au gré de leur mille fantaisies, qu'ils ne viennent en un mot détacher des membres vivants du corps au quel ils appartiennent, sous prétexte de leur assurer par là une plus grande liberté de mouvement...

L'immortel honneur du Souverain qui est maintenant sur le trône de Russie, c'est de s'être fait plus pleinement, plus énergiquement qu'aucun de ses devanciers le représentant intelligent et inflexible de ce droit, de cette légitimité historique. Une fois que son choix a été fait, l'Europe sait si depuis trente ans la Russie y est restée fidèle. On peut affirmer, l'histoire à la main, qu'il seroit bien difficile de trouver dans les annales politiques du monde un second exemple d'une alliance aussi profondément morale, que celle qui unit depuis trente ans les souverains de l'Allemagne à la Russie, et c'est ce grand caractère de moralité qui l'a fait durer, qui l'a aidée à résoudre bien des difficultés, à surmonter bien des obstacles, et maintenant après l'épreuve des bons et des mauvais jours, cette alliance a triomphé d'une dernière épreuve, la plus significative de toutes: l'inspiration qui l'avoit fondée s'est transmise, sans d'échec et sans altération, des premiers fondateurs à leurs héritiers.

Eh bien, m-r, demandez à vos gouvernements si depuis ces trente années la sollicitude de la Russie pour les grands intérêts politiques de l'Allemagne s'est démentie un seul instant?

Demandez aux hommes qui ont été dans les affaires si mainte fois et sur bien des questions cette sollicitude n'a pas devancé vos propres inspirations patriotiques? Vous voilà depuis quelques années vivement préoccupés en Allemagne de la grande question de l'unité germanique. Il n'en a pas toujours été ainsi, vous le savez. Moi qui depuis longtems demeure parmi vous, je pourrai au besoin me rappeler l'époque précise où cette question a commencé à passionner les esprits; assurément il étoit peu question de cette unité, au moins dans la presse, à l'époque, où il n'y avoit pas de feuille libérale qui ne se crût obligée en conscience de saisir chaque occasion d'adresser à l'Autriche et à son gouvernement les mêmes injures que l'on prodigue maintenant à la Russie... C'est donc là une préoccupation très louable, très légitime à coup sûr, mais d'une date assez récente. La Russie, il est vrai, n'a jamais prêché l'unité de l'Allemagne; mais depuis trente ans elle n'a cessé dans toutes les occasions et sur tous les tons de recommander à l'Allemagne l'union, la concorde, la confiance réciproque, la subordination volontaire des intérêts particuliers à la grande cause de l'intérêt général, et ces conseils, ces exhortations, elle ne s'est pas lassée de les reproduire, de les multiplier, avec toute cette énergique franchise d'un zèle qui se sait parfaitement désintéressée.

Un livre qui a eu, il y a quelques années, un grand retentissement en Allemagne et au quel on a bien faussement attribué une origine officielle, a semblé accréditer parmi vous l'opinion que la Russie, à une certaine époque, auroit eu pour système de s'attacher plus particulièrement les états allemands du second ordre au préjudice de

l'influence légitime des deux grands états de la confédération. Jamais supposition n'a été plus gratuite, et même, il faut le dire, plus contraire de tout point à la réalité. Consultez là-dessus les hommes compétents, ils vous diront ce qui en est; peut-être vous diront-ils que dans sa constante préoccupation d'assurer avant tout l'indépendance politique de l'Allemagne, la diplomatie russe s'est exposée quelquefois à froisser d'excusables susceptibilités, en recommandant avec trop d'insistance aux petites cours d'Allemagne une adhésion à toute épreuve au système des deux grandes puissances. Ce seroit peut-être ici le lieu d'apprécier à sa juste valeur une autre accusation mille fois reproduite contre la Russie et qui n'en est pas plus vraie. Que n'a-t-on pas dit pour faire croire que c'est son influence avant tout qui a contrarié en Allemagne le développement du régime constitutionnel. En thèse générale il est souverainement déraisonnable de chercher à transformer la Russie en adversaire systématique de telle ou telle forme de gouvernement; et comment, grand Dieu, seroit-elle devenue ce qu'elle est, comment exerceroit-elle sur le monde l'influence qui lui appartient, avec une pareille étroitesse de ses idées? Ensuite dans le cas spécial dont il s'agit, il est rigoureusement vrai de dire, que la Russie s'est toujours énergiquement prononcée pour le maintien loyal des institutions établies, pour le respect religieux des engagements contractés; après cela il est très possible qu'elle ait pensé qu'il ne seroit pas prudent, dans l'intérêt le plus vital de l'Allemagne (celui de son unité) de donner dans les états constitutionnels de la confédération à la prérogative parlementaire la même extension qu'elle a, par exemple, en Angleterre, en France; que

si, même à présent, il n'étoit pas toujours facile d'établir entre les états cet accord, cette intelligence parfaite, que nécessite une action collective, le problème deviendroit tout bonnement insoluble dans une Allemagne dominée, c'est à dire divisée par une demi-douzaine de tribunes parlementaires-souveraines. C'est là, une de ces vérités acceptées à l'heure qu'il est par tous les bons esprits en Allemagne. Le tort de la Russie seroit de l'avoir comprise une dizaine d'années plutôt.

Maintenant, si de ces questions de l'intérieur nous passons à la situation du dehors, vous parlerai-je, mr, de la révolution de Juillet et des conséquences probables qu'elle devoit avoir pour votre patrie et qu'elle n'a pas eues? Ai-je besoin de vous dire que le principe de cette explosion, que l'âme même de ce mouvement c'étoit avant tout le besoin d'une revanche éclatante contre l'Europe, et principalement contre vous, c'étoit l'irrésistible besoin de ressaisir cette prépondérance de l'Occident, dont la France avoit si longtems joui et qu'elle voyoit avec dépit fixée depuis trente ans dans vos mains. Je rends assurément toute justice au roi des François, j'admire son habileté, je souhaite une longue vie à lui et à son système... Mais que seroit-il arrivé, m-r, si chaque fois que le gouvernement françois a essayé depuis 1835 de porter ses regards par dessus l'horizon de l'Allemagne, il n'avoit pas constamment rencontré sur le trône de Russie la même attitude ferme et décidée, la même réserve, la même froideur, et surtout la même fidélité à toute épreuve aux alliances établies, aux engagements contractés. S'il avoit pu surprendre un seul instant de doute, d'hésitation, ne pensez-vous pas que le Napoléon de la paix lui-même se se-

roit finalement lassé de retenir toujours cette France, frémissante sous sa main, et qu'il'auroit laissée aller?.. Et que seroit-ce, s'il avoit pu compter sur de la connivence?..

Monsieur, je me trouvois en Allemagne à l'époque où m-r Thiers, cédant à une impulsion pour ainsi dire instinctive, se disposoit à faire ce qui lui paroissoit la chose du monde la plus simple et la plus naturelle, c'est à dire à se venger sur l'Allemagne des échecs de sa diplomatie en Orient; j'ai été témoin de cette explosion, de la colère vraiment nationale, que cette naïve insolence avoit provoquée parmi vous, et je me félicite de l'avoir vue; depuis j'ai toujours entendu avec beaucoup de plaisir chanter le *Rheinlied*. Mais, m-r, comment se fait-il que votre presse politique qui sait tout, qui sait par exemple le chiffre exact de tous les coups de poing, qui s'échangent sur la frontière de Prusse entre les douaniers russes et les contrebandiers prussiens, comment dis-je, n'a-t-elle pas su ce qui s'est passé à cette époque entre les cours d'Allemagne et la Russie? Comment n'a-t-elle pas su, ou ne vous a-t-elle pas informé, qu'à la première démonstration d'hostilité de la part de la France, 80-mille hommes de troupes russes devant marcher au secours de votre indépendance menacée, et que 200 mille hommes les auroient suivis dans les six semaines? Et bien, m-r, cette circonstance n'est pas restée ignorée à Paris, et peut-être penserez-vous comme moi, quelque soit d'ailleurs le cas que je fasse du *Rheinlied*, qu'elle n'a pas peu contribué à décider la vieille *Marseillaise* à battre si promptement en retraite devant sa jeune rivale.

J'ai nommé la presse. Ne croyez pas, m-r, que j'aie des préventions sy-

stématiques contre la presse allemande, ou que je lui garde rancune de son inexprimable malveillance à notre égard. Il n'en est rien, je vous assure; je suis très disposé à lui faire honneur des bonnes qualités qu'elle a, et j'aimerois bien pouvoir attribuer en partie au moins ses torts et ses aberrations au régime exceptionnel sous le quel elle vit. Ce n'est certes ni le talent, ni les idées, ni même le patriotisme qui manquent à votre presse périodique; à beaucoup d'égards elle est la fille légitime de votre noble et grande littérature, de cette littérature qui a restauré parmi vous le sentiment de votre identité nationale. Ce qui manque à votre presse, et cela dans un degré compromettant, c'est le tact politique, l'intelligence vive et sûre de la situation donnée du milieu réel dans le quel elle vit. Aussi remarque-t-on dans ses manifestations comme dans ses tendances, je ne sais quoi d'imprévoyant, d'inconsidéré, en un mot de moralement irresponsable qui provient peut-être de cet état de minorité prolongée où on la retient.

Comment s'expliquer en effet, si ce n'est par cette conscience de son irresponsabilité morale, cette hostilité ardente, aveugle, forcenée, à la quelle elle se livre depuis des années à l'égard de la Russie. Pourquoi? Dans quel but? Au profit de quoi? A-t-elle l'air d'avoir une seule fois sérieusement examiné du point de vue de l'intérêt politique de l'Allemagne, les conséquences possibles, probables de ce qu'elle fesoit? S'est-elle une seule fois sérieusement demandé, si, en s'appliquant comme elle le fait depuis des années, avec cet incroyable acharnement à aigrir, à envenimer, à compromettre sans retour les dispositions réciproques des deux pays, elle ne

travailloit pas à ruiner par sa base le système d'alliance sur le quel repose la puissance relative de l'Allemagne vis-à-vis de l'Europe? Si à la combinaison politique la plus favorable, que l'histoire eut réalisée jusqu'à présent pour votre patrie, elle ne cherchoit par tous les moyens en son pouvoir de substituer la combinaison la plus décidément funeste? Cette pétulante imprévoyance ne vous rappelle-t-elle pas, m-r, à la gentillesse près toutefois, une espièglerie de l'enfance de votre grand Goethe, si gracieusement racontée dans ses mémoires; Vous vous souvenez de ce jour où le petit Wolfgang, resté seul dans la maison paternelle, n'a pas cru pouvoir mieux utiliser le loisir que l'absence de ses parents lui avoit fait, qu'en faisant passer successivement par la fenêtre tous les ustensils du ménage de sa mère qui lui toiboient sous la main, s'amusant et se réjouissant beaucoup du bruit qu'ils fesoient en tombant et en se brisant sur le pavé? Il est vrai qu'il y avoit dans la maison vis-à-vis un méchant voisin qui par ses encouragemens provoquoit l'enfant à continuer l'ingénieux passe-tems; mais vous, m-r, vous n'avez pas même l'excuse d'une provocation semblable....

Encore si dans tout ce débordement de déclamation haineuse contre la Russie on pouvoit découvrir un motif sensé, un motif avouable pour justifier tant de haine! Je sais que je trouverai au besoin des fous qui viendront me dire le plus sérieusement possible: „Nous devons vous „hair; votre principe, le principe même „de votre civilisation nous est antipathique à nous autres Allemands, à nous „autres occidentaux; vous n'avez eu ni „*Feodalité*, ni *Hierarchie Pontificale*; „vous n'avez passé ni par les guerres

„*du Sacerdoce et de l'Empire*, ni pas „les guerres de *Religion*, ni même par „*l'Inquisition*; vous n'avez pas pris part „aux Croisades, vous n'avez pas connu la Chevalerie, vous êtes arrivé il y a „quatre siècles à l'unité que nous cherchons encore, votre principe ne fait „pas une part assez large à la liberté „de l'individu, il n'autorise pas assez „la division, le morcellement“. Tout cela est vrai; mais tout cela, soyez juste, nous a-t-il empêché de vous aider bravement et loyalement dans l'occasion, lorsqu'il s'est agi de revendiquer, de reconquérir votre indépendance politique, votre nationalité, et maintenant n'est-ce pas le moins que vous puissiez faire, que de nous pardonner la nôtre? Parlons sérieusement, car la chose en vaut la peine. La Russie ne demande pas mieux que de respecter votre légitimité historique, la légitimité historique des peuples de l'Occident; elle s'est dévouée avec vous il y a trente ans à peine, à la relever de sa chute, à la replacer sur sa base; elle est donc très disposée à la respecter non seulement dans son principe, mais même dans ses conséquences les plus extrêmes, même dans ses écarts, même dans ses défaillances; mais vous aussi, apprenez à votre tour à nous respecter dans notre unité et dans notre force.

Viendroit-on me dire, que ce sont les imperfections de notre régime social, les vices de notre administration, la condition de nos classes inférieures etc. etc. que c'est tout cela qui irrite l'opinion contre la Russie? Et quoi, seroit-ce vrai? Et moi qui croyois tout à l'heure avoir à me plaindre d'un excès de malveillance, me verrai-je obligé maintenant de protester contre une exagération de sympathie? Car enfin, nous ne sommes pas seuls au monde, et si vous avez en effet un fond

aussi surabondant de sympathie humaine et que vous ne trouviez pas à le placer chez vous et au profit des vôtres, ne seroit-il pas juste au moins, que vous le répartissiez d'une manière plus équitable entre les différens peuples de la terre. Tous, hélas, ont besoin qu'on les plaigne; voyez l'Angleterre par exemple, qu'en dites-vous? Voyez sa population manufacturière; voyez l'Irlande, et si vous étiez à même d'établir en parfaite connoissance le bilan respectif des deux pays, si vous pouviez peser des balances équitables dans misères qu'entraînent à leur suite la barbarie russe et la civilisation anglaise, peut-être trouveriez vous plus de singularité que d'exagération dans l'assertion de cet homme, qui, également étranger aux deux pays, mais les connoissant tous deux à fond, affirmoit avec une conviction entière „qu'il y avoit dans le Royaume-Uni un million d'hommes au moins, qui gagneroient beaucoup à être envoyés en Sibérie“...

Ah, m-r, pourquoi faut-il que vous autres Allemands, qui avez sur vos voisins d'outre-Rhin une supériorité morale incontestable à tant d'égards, pourquoi faut-il que vous ne puissiez pas leur emprunter un peu de ce bonsens pratique, de cette intelligence vive et sûre de leurs intérêts, qui les distinguent? Eux aussi ils ont une presse, des journaux, qui nous invectivent, qui nous déchirent à qui mieux, mieux, sans relâche, sans mesure, sans pudeur. Voyez par exemple cette hydre aux cents têtes de la presse parisienne, toutes lançant feu et flamme contre nous. Quelles fureurs! Quels éclats! Quel tapage!... Eh bien qu'on acquiert aujourd'hui même la certitude à Paris, que ce rapprochement si ardemment convoité est en train de se faire, que des avances si souvent reproduites ont enfin

été accueillies, et dès demain vous verrez tout ce bruit de haine tomber, toute cette brillante pyrothechnie d'injures s'évanouir, et de ces cratères éteints, de ces bouches pacifiées vont sortir, avec le dernier flocon de fumée, des voix diversement modulées, mais toutes également mélodieuses, célébrant, à l'envie l'une de l'autre, notre heureuse réconciliation.

Mais cette lettre est trop longue, il est tems de finir. Permettez moi, m-r, en finissant de résumer en peu de mots ma pensée.

Je me suis adressé à vous, sans autre mission, que ce que je tiens de ma conviction libre et personnelle. Je ne suis aux ordres de personne, je ne suis l'organe de personne; ma pensée ne relève que d'elle même. Mais j'ai certainement tout lieu de croire, que si le contenu de cette lettre étoit connu en Russie, l'opinion publique n'hésiteroit pas à l'avouer. — L'opinion russe jusqu'à présent ne s'est que médiocrement émue de toutes ces clameurs de la presse allemande, non pas que l'opinion, non pas que les sentimens de l'Allemagne lui parussent une chose indifférente, bien certainement non... mais toutes ces violences de la parole, tous ces coups de fusil tirés en l'air, à l'intention de la Russie, il lui répugnoit de prendre tout ce bruit au sérieux; elle n'y a vu tout au plus qu'un divertissement de mauvais goût... L'opinion russe se refuse décidément à admettre, qu'une nation grave, sérieuse, loyale, profondément équitable, telle enfin que le monde a connu l'Allemagne à toutes les époques de son histoire, que cette nation, dis-je, ira dépouiller sa nature, pour en révéler une autre faite à l'image de quelques esprits fantasques ou brouillons, de quelques déclamateurs

passionnés ou de mauvaise foi, que, reniant le passé, méconnoissant le présent et compromettant l'avenir, l'Allemagne consentira à accueillir, à nourrir un mauvais sentiment, un sentiment indigne d'elle, simplement pour avoir le plaisir de faire une grande bévue politique. Non, c'est impossible!

Je me suis adressé à vous, m-r, parceque ainsi que je l'ai reconnu, la Gazette Universelle est plus qu'un journal pour l'Allemagne; c'est un pouvoir, et un pouvoir qui, je le déclare bien volontiers, réunit à un haut degré le sentiment national et l'intelligence politique: c'est au nom de cette double autorité que j'ai essayé de vous parler.

La disposition d'esprit que l'on a créée, que l'on cherche à propager en Allemagne à l'égard de la Russie, n'est pas encore un danger; mais elle est bien près de le devenir.... Cette disposition d'esprit ne changera en rien, j'en ai la conviction, aux rapports actuellement existants entre les gouvernemens allemands et la Russie; mais elle tend à fausser de plus en plus la conscience publique sur une des questions les plus graves qu'il y ait pour une nation, sur la question de ses alliances... Elle tend, en présentant sous les couleurs les plus mensongères la politique la plus nationale que l'Allemagne ait jamais suivie, à jeter la division dans les esprits, à pousser les plus ardens, les plus inconsidérés dans des voies pleines de péril, dans des voies, où la fortune de l'Allemagne s'est déjà fourvoyée plus d'une fois... Qu' une crise éclate en Europe, que la querelle séculaire, décidée il y a trente ans en votre faveur, vienne à se rallumer, la Russie certainement ne manquera pas à vos souverains, pas plus que ceux-ci

ne manqueront à la Russie; mais c'est alors aussi qu'on aura probablement à récolter ce que l'on sème aujourd'hui: la division des esprits aura porté ses fruits, et ces fruits pourroient être amères pour l'Allemagne; ce seroient, je le crains bien, de nouvelles défections et des déchiremens nouveaux. Et alors m-r, vous auriez trop cruellement expié le tort d'avoir été un moment injuste envers nous.

Voilà, m-r, ce que j'avois à vous dire. Vous ferez de ma parole l'usage qui vous paroitra le plus convenable. Agréez etc.

ЗАМѢТКА КЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

РУССКАГО ТЕАТРА.

Не однажды случалось уже мнѣ опровергать, на основаніи точныхъ данныхъ, разныя лживыя преданія, бывшія долгое время необходимыми принадлежностями почти cadaго историческаго очерка первыхъ временъ Русскаго театра, гдѣ преданія эти приводились какъ несомнѣнные факты. Также удалось мнѣ положить начало хронологическому изложенію нѣкоторыхъ другихъ фактовъ по этой части, которые являлись доселѣ перемѣшанными, непослѣдовательными и исполненными анахронизмовъ, а равно исправить нѣкоторыя ошибки и противорѣчія въ показаніяхъ, всѣми принявшимися на вѣру безъ всякой критики. Результатами моихъ розысканій оказались слѣдующія положенія:

1) Плодовитый писатель Михаилъ Дмитриевичъ Чулковъ не былъ тотъ Чулковъ, который былъ актеромъ въ первоначальной Русской труппѣ, сформиро-

ванной изъ Волкова и его товарищей. (Русск. Арх., 1870, стр. 1349).

2) Другой писатель Михаилъ Поповъ и актеръ той же Волковской труппы, Михаилъ (даже по нѣкоторымъ извѣстіямъ называвшійся не Михаиломъ, а Алексѣемъ) Поповъ; едва-ли не тоже два разныхъ лица, хотя послѣдній также былъ кажется, авторомъ, какъ и первый, и можно предполагать даже, что произведенія обоихъ Поповыхъ были по ошибкѣ приписаны одному лицу. (Ibid., стр. 1350).

3) Екатерина II никогда не жаловала актеру Федору Волкову дворянства и 700 душъ за его талантъ, и Волковъ не выпросилъ у нея позволенія передать эти милости женатому брату своему Гаврилу. Дворянство и 700 душъ пожалованы были Федору и брату его Григорію (бывшему потомъ чиновникомъ) за дѣятельное участіе въ событіи 28 Іюня 1762 года; третій же братъ ихъ Гаврило никакихъ наградъ не получилъ и остался по прежнему актеромъ, на окладѣ (въ 1767 году) 400 рублей жалованья въ годъ. (Ibid., стр. 1352).

4) Сценическое поприще Троепольской, Шушерина и Плавильщикова и нѣкоторыхъ обстоятельства, касающіяся этого предмета, приведены сколько нибудь въ ясность, между тѣмъ, какъ до тѣхъ поръ все это было перепутано и исполнено анахронизмовъ и всякихъ несообразностей. (Ibid., стр. 1353—1365).

Въ изслѣдованіи моемъ о послѣднихъ годахъ жизни Сумарокова (1766—1777) мною добыты слѣдующіе результаты (Русск. Арх., 1871, стр. 1637—1717):

5) Первое представленіе первой Русской трагедіи «Хоревъ» соч. Сумарокова, происходило въ Петербургѣ, въ Кадетскомъ корпусѣ, не въ 1750 году, какъ

это повсемѣстно было признаваемо, а въ 1749 году.

6) Всѣ драматическія произведенія Сумарокова, этого перваго Русскаго драматурга, обставлены у меня свѣдѣніями о времени ихъ сочиненія, печатанія и представленія, чего доселѣ сдѣлано не было, особенно относительно двѣнадцати его комедій, о которыхъ подобныя извѣстія никѣмъ не были разслѣдованы и о коихъ существовали въ этихъ же отношеніяхъ совершенно темныя понятія, а потому вовсе не было и никакихъ указаній сего рода, и поприще Сумарокова, какъ драматурга, оставалось вовсе не описаннымъ.

7) Сумароковъ не получилъ Анненской ленты по наслѣдству отъ отца, выманнвши на то обманомъ разрѣшеніе Екатерины. Лента эта пожалована нашему трагiku въ Январѣ 1767 года, вмѣстѣ съ другими лицами, при общемъ пожалованіи этимъ орденомъ.

8) Семейство умершаго академика Крашенинникова, находившееся въ бѣдственномъ положеніи, получило пособіе отъ Екатерины вовсе не въ слѣдствіе намека на это несчастное положеніе въ представленной комедіи Сумарокова «Опекунъ», которая даже и не была никогда играна на сценѣ, а въ печати появилась въ такую эпоху, когда по всѣмъ обстоятельствамъ не было и рѣчи о такомъ пособіи, назначенію котораго Сумароковъ могъ въ свое время содѣйствовать развѣ только косвеннымъ образомъ.

9) Въ настоящее время считаю полезнымъ опровергнуть еще одну басню, сложившуюся по поводу основанія Русскаго театра. Конечно всякому случалось читать гдѣ нибудь, что вскорѣ послѣ учреж-

денія придворнаго театра (30 Августа 1756 года), Сумароковъ, заботясь о томъ, чтобы какъ можно болѣе поднять званіе и достоинство Русскихъ актеровъ, выпросилъ для нихъ позволеніе носить шпаги, что было тогда исключительнымъ правомъ дворянъ и вообще имѣющихъ чины.

Разумѣется, никакихъ документовъ, подтверждающихъ это обстоятельство, не представлялось при повтореніи этого разсказа. Но за то сохранилось свидѣтельство о другомъ фактѣ, который конечно и есть тотъ же самый, о которомъ сейчасъ говорено, но представленъ въ искаженномъ видѣ, въ какомъ онъ никогда не существовалъ. Изъ статьи Сумарокова «О копистахъ», появившейся въ его журналѣ «Трудолюбивая Пчела» на Декабрь 1759 года (См. Соч. Сум., Ч. VI, стр. 390 и Письма Ломон. и Сум. къ И. И. Шув., изд. Гротомъ, 1862 г., стр. 10), видно, что при Сумароковѣ съ 1756 года состояли два писца для переписки пьесъ и т. п. и что Сумароковъ, желая приманить какимъ либо отличіемъ на эту должность людей способныхъ, которымъ выгоднѣе было служить въ разныхъ мѣстахъ подъячими или приказными и которые, не будучи чиновниками, и шпагъ не могли имѣть—устроилъ какъ-то, что эти два кописта стали носить шпаги; но съ 6 Января 1759 какой-то крючкотворецъ-подъячій сдѣлался при театрѣ чѣмъ-то въ родѣ прокурора и, замѣтивши, что кописты ходятъ при шпагахъ, что нигдѣ не было предоставлено не только писцамъ, но даже канцеляристамъ, сдѣлалъ (вѣроятно черезъ главнаго начальника надъ театромъ гофмаршала Карла Ефимовича Сиверса, не благоволившаго къ Сумарокову) то, что

копистамъ Сумарокова, къ крайнему его огорченію, шпаги носить запретили.

Это-то событіе вѣроятно подало поводъ къ разсказамъ о томъ, что Сумароковъ выпросилъ право ношенія шпагъ уже не своимъ копистамъ, которые были все таки люди служащіе, а актерамъ, чего никогда и не бывало.

Для изслѣдованія какого либо предмета нужно прежде всего собрать какъ можно больше матеріаловъ, хотя бы и безъ провѣрки ихъ. За тѣмъ, расположивши хронологически эти матеріалы, слѣдуетъ идти «путемъ элиминаціи», то есть отбрасываніемъ, по тщательномъ ихъ разсмотрѣніи, тѣхъ свѣдѣній, которыя оказываются невѣрными, а также отнесеніемъ затѣмъ другихъ (тамъ гдѣ нужно) къ разряду, къ которому они должны принадлежать. Этимъ расчищается и подготавливается почва изслѣдованія, приемы производства котораго зависятъ уже отъ метода разыскателя. Исторіи театра у насъ еще нѣтъ. Я произвелъ нѣсколько «элиминацій». Желаю, чтобы и другіе тоже стали дѣлать.

Михаилъ Лотниковъ.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ СТАРАГО РЕЖИССЕРА МОСКОВСКАГО ТЕАТРА.

Когда я былъ сдѣланъ учителемъ драматическаго искусства Московской театральной школы, то въ ней уже не было казенныхъ воспитанниковъ: остались однѣ казенныя воспитанницы и воспитанницы-пансіонерки, которыя за ученіе и постоянное житье въ школѣ вносили дирекціи ежегодную плату; всѣ же лица обоего пола, приходившія въ школу учиться, получили наименованіе воспитанни-

ковъ и воспитанницъ-экстерновъ. Такое нововведеніе принесло мнѣ, на первый случай, не мало затрудненія: при новомъ положеніи я долженъ былъ набирать мужской персоналъ для школьныхъ спектаклей не изъ казенныхъ воспитанниковъ, какъ это дѣлалось прежде, а изъ воспитанниковъ - экстерновъ, которыхъ я почти совсѣмъ не зналъ; а между тѣмъ мнѣ необходимо было стараться, чтобы мой выборъ падалъ на людей, болѣе или менѣе способныхъ, приличныхъ и надежныхъ въ нравственномъ отношеніи; ибо я, подѣ своею личною отвѣтственностію, вводилъ ихъ на школьную сцену, въ среду воспитанницъ школы. Понятно, что исполнить это въ точности было весьма нелегко; къ тому же, всѣ эти затрудненія еще болѣе усложнялись оттого, что мое появленіе въ школѣ, какъ учителя, было (о чемъ я узналъ въ послѣдствіи) почему-то неприятно тогдашней начальницѣ школы, г-жѣ де-Шарьеръ, и она во все время не переставала строить мнѣ разныя козни и вела противъ меня постоянную интригу. О проклятая театральная интрига! Она есть особенная вторая атмосфера театральнаго міра, проявляется вездѣ, всегда и во всемъ и часто бываетъ невидима и неуловима, какъ самый воздухъ. Конечно, все это, въ данномъ случаѣ, было неболѣе какъ буря въ стаканѣ воды, но эти *petites misères* часто бываютъ несноснѣе самыхъ серьезныхъ неприятностей, и я, чтобы наконецъ сколько нибудь удалиться отъ моей антагонистки, обратился съ просьбою въ театральную дирекцію о перемѣщеніи моихъ спектаклей изъ школы на сцену Малаго Театра, что, къ счастью, и было исполнено; а для того, чтобы облегчить выборъ акте-

ровъ и усилить ихъ численность въ моей учебной труппѣ, я объявилъ всѣмъ экстернамъ-воспитанникамъ, что если кто изъ нихъ желаетъ учиться драматическому искусству, тотъ можетъ приходить ко мнѣ ежедневно въ назначенныя часы въ тотъ театръ, гдѣ будутъ у меня казенныя репетиціи. Однажды я, послѣ репетиціи въ Маломъ Театрѣ, отправился въ фойе этого театра заниматься съ однимъ изъ моихъ учениковъ, П. Степановымъ, который теперь находится на службѣ въ Петербургскомъ театрѣ артистомъ драматической труппы. Поговоривъ съ нимъ я уже хотѣлъ уйти, но въ это время увидѣлъ молодаго человѣка, скромно стоявшаго въ углу фойе. Онъ былъ средняго роста, съ миловиднымъ симпатичнымъ лицомъ и съ черными глазами, которые смотрѣли умно и пытливо. На мой вопросъ — кто онъ и зачѣмъ здѣсь, онъ отвѣчалъ: — «я экстерный воспитанникъ: вы позволили къ вамъ приходить всѣмъ экстернымъ воспитанникамъ, которые желаютъ учиться драматическому искусству, поэтому я и пришелъ. — Въ школѣ вы учитесь какому нибудь искусству, танцамъ, музыкѣ? спросилъ я его. — Какже-съ, я учусь играть на флейтѣ. — Прекрасно; что же васъ заставило теперь обратиться ко мнѣ? Вѣдь и музыкантомъ быть дѣло не дурное. — Но я знаю, что никогда не сдѣлаюсь хорошимъ музыкантомъ. — А сдѣлаться хорошимъ актеромъ надѣетесь? Онъ сконфузился, опустил глаза и вполголоса произнесъ: по крайней мѣрѣ я очень люблю это искусство. — Есть у васъ что нибудь готовое, роль какая нибудь? — Есть; я слышалъ, что вы хотите ставить Кетли, такъ я и выучилъ роль Рутли; сдѣлайте милость, потруди-

тесъ меня прослушать. Сказавъ это, онъ подалъ мнѣ свою роль и началъ читать, но нѣтъ! не читать, а играть въ полномъ смыслѣ этого слова и, не смотря на все неудобство и неловкость играть одному, безъ всякой сценической обстановки, онъ игралъ съ истиннымъ увлеченіемъ; конечно, были видны неопытность и незнаніе сцены, но за то въ каждомъ словѣ была слышна и правда и истинное чувство, все было просто и естественно, и во всемъ кипѣла жизнь. Роль Рутли чисто комическая, въ ней на каждомъ шагу встрѣчаются положенія соблазняющія на фарсъ; но у него, въ продолженіе всей роли, не было и малѣйшаго намека на что либо подобное, что свидѣтельствовало о его природномъ изящномъ вкусѣ: онъ истинно понималъ, что фарсъ всегда обличаетъ въ актерѣ или влияніе дурной школы, или отсутствіе истиннаго дарованія. Однимъ словомъ, это былъ драгоценный самородокъ, свѣтлое утро, обѣщавшее прекрасный день. И обѣщаніе сбылось, потому что этотъ молодой человекъ былъ Сергѣй Васильевичъ Васильевъ.

Благодаря своему таланту, онъ въ скоромъ времени занялъ очень видное мѣсто на Московской сценѣ. Хотя его репертуаръ въ первое время почти весь состоялъ изъ водевилей, но и въ этомъ легкомъ родѣ онъ умѣлъ заслужить любовь публики; полное же всестороннее развитіе его прекраснаго таланта было еще впереди. А. Н. Островскій подарилъ Московскую сцену комедіей *He өз свои сани не садись*; съ этой-то комедіи начался переходъ сценической дѣятельности Васильева отъ водевила къ драмѣ и къ высокой комедіи. Въ назван-

ной піесѣ Васильевъ выполнилъ роль молодаго Русскаго купца Бородкина съ такою поразительною правдою и съ такимъ теплымъ чувствомъ, что съ разу заявилъ себя драматическимъ актеромъ; въ сценѣ, гдѣ Дуня признается Бородкину, что она его уже больше не любить, а полюбила другаго, благороднаго, на что Бородкинъ говоритъ ей нѣскольکو укорныхъ словъ, эти слова Васильевъ проговорилъ такимъ голосомъ, въ которомъ ясно слышались и вся его тяжелая печаль, и вся горячая любовь; сойдя послѣ этой сцены за кулисы, онъ дотогу разрыдался, что сдѣлалась необходима помощь медика. Вотъ до какой степени была сильна впечатлительность этого артиста....

Былъ Великій постъ. Васильевъ захворалъ простудною лихорадкой, а и актеръ О. поѣхали его навѣстить. Васильевъ не умѣлъ встрѣчать своихъ гостей многословными, льстивыми привѣтствіями, но въ его нѣсколькихъ короткихъ словахъ всегда были слышны и привѣтъ, и ласка. Наступилъ вечеръ, подали огня и чаю, мы стали курить. Васильевъ, наложивъ трубку, пошелъ ее закурить къ свѣчкѣ; на дорогѣ ему попало что-то въ глазъ; протирая рукою глазъ, онъ продолжалъ идти, но вдругъ остановился и, не отнимая руки отъ засореннаго глаза, онъ стоялъ, какъ бы окаменѣлый: лицо покрылось блѣдностью, открытый глазъ смотрѣлъ какъ-то безсознательно.—Сережа, что съ тобой? спросили мы оба.—Господи, что жъ это такое! вскричалъ онъ въ страшномъ отчаяніи; вѣдь я ничего не вижу однимъ глазомъ! И, закрывъ руками лицо, онъ бросился въ кресла и громко зарыдалъ. Удивительно, что онъ до сихъ

поръ не замѣчалъ помраченія своего глаза; вѣроятно, оно сдѣлалось невдругъ, а совершалось постепенно. Роковая невнимательности! Можетъ быть въ началѣ эта бѣда была еще поправима; но, зная, того хотѣла судьба. Мы утѣшали его, сколько могли; но что значать всѣ утѣшенія другихъ противъ голоса собственнаго сердца, а его сердце предвѣщало великое несчастіе въ недалекомъ будущемъ. Для одного изъ своихъ бенефисовъ (у меня ихъ было только два въ продолженіе всей службы) я, между прочимъ, возобновилъ водевилъ: *Что имъ не хранимъ*, и въ немъ роль старика Морковкина игралъ Васильевъ. Этою же ролью онъ и окончилъ свое сценическое поприще: онъ игралъ ее въ свой послѣдній, прощальный бенефисъ; одѣваясь для этого спектакля въ своей уборной, Васильевъ горько плакалъ. Этимъ слезами онъ простался со всѣмъ его окружающимъ, со всѣмъ къ чему онъ такъ привыкъ, что такъ искренно любилъ и съ чѣмъ столько было соединено сладкихъ для него воспоминаній. Въ сценѣ, гдѣ жена Морковкина упрекаетъ мужа, что онъ ничего не дѣлаетъ, на что Морковкинъ возражаетъ: — «Ахъ, матушка, какія вы, право! Вѣдь я свою работу работать не могу: глаза плохи, и радъ бы, да не могу». Васильевъ нѣсколько измѣнилъ эту фразу и сказалъ такъ: «Ахъ, матушка, какія вы, право! Вѣдь я свою работу работать не могу, потому что совсѣмъ ослѣпъ!» Проговоривъ это, онъ зарыдалъ. Публика сейчасъ же громко выразила своему любимцу самое искреннее, теплое участіе. Всѣ вынесли изъ этого спектакля тяжелое, грустное впечатлѣніе.

Простясь съ театромъ, С. В. Васильевъ не долго маялся и скоро про-

стился съ своей страдальческой жизнью: пятый актъ окончился, и занавѣсъ опустилась! Теперь онъ отдыхаетъ отъ своихъ земныхъ трудовъ и отъ жизненной борьбы на Ваганьковскомъ кладбищѣ. Миръ праху твоему, даровитый художникъ и добрый человѣкъ! До свиданія! На могилѣ молодого поэта Веневитинова въ Симоновомъ монастырѣ, лежитъ чугунная плита съ выбитыми на ней слѣдующими двумя стихами, взятыми изъ его же сочиненій:

Такъ много чувствовалъ,
Такъ мало жилъ!

Эта надпись очень бы годилась и на надгробный памятникъ Сергѣя Васильевича Васильева.

Въ сороковыхъ годахъ, для приѣзжей танцовщицы г-жи Грековской былъ возобновленъ на Московской сценѣ одинъ изъ старинныхъ, такъ называемыхъ, историческихъ балетовъ въ нѣсколькихъ картинахъ. Не припомню его названія. Дѣйствіе первой картины происходитъ въ деревнѣ близъ хижины, для второй картины, черезъ чистую переимѣну, открывается сельская мѣстность, въ глубинѣ гора, идущая во всю сцену. Въ началѣ второй картины, по этой горѣ проходитъ стадо коровъ, а за нимъ слѣдуетъ толпа молодыхъ крестьянъ и крестьянокъ, — кордебалетъ; входомъ на гору служила лѣстница, длиною сажени въ полторы, стоявшая въ боковой кулисѣ. Первая картина уже оканчивалась, и кордебалетные танцовщицы и танцовщики, чтобы быть готовыми къ выходу, взошли на лѣстницу, которая, не выдержавъ этой тяжести, переломилась, и стоявшіе наверху упали вмѣстѣ съ кусками дерева на стоявшихъ внизу. Многіе полу-

чили очень опасныя раны; разумѣется, раздался страшный крикъ и стонъ; на сцену быстро вбѣжалъ изъ директорской ложи исправлявшій тогда должность помощника инспектора репертуара, чиновникъ К. и спросилъ у балетнаго режиссера: Чтò такое? Чтò за шумъ? Режиссеръ объяснилъ причину.— Помпидуйте! возразилъ К. съ страшно озабоченнымъ видомъ,— да развѣ можно кричать въ пантомимномъ балетѣ! А между тѣмъ этотъ человѣкъ былъ очень добрый и весьма неглупый, и единственная причина такой его странной выходки заключалась въ излишнемъ служебномъ усердіи и въ исключительномъ пониманіи одной только буквы всякаго закона. Во время репетиціи за задней занавѣсью собрался кружокъ артистовъ, въ числѣ которыхъ были Ленскій, Самаринъ и М. Соколовъ, игравшій роли комическихъ стариковъ. Рѣчь шла объ новыхъ роляхъ.— Чтò до меня, сказалъ Самаринъ, то каждая новая роль дѣлаетъ меня рѣшительно человѣкомъ большимъ; а въ день спектакля, отъ всѣхъ тревогъ и волненій, у меня всегда подымается желчь.— Я въ Нижегородскомъ театрѣ былъ на первомъ амбула, вмѣшался въ разговоръ М. Соколовъ, и мнѣ частенько приходилось играть новыя роли, то и у меня также какъ у васъ, Иванъ Васильевичъ, всегда передъ спектаклемъ подымалась желчь.— А у вашихъ зрителей, вѣроятно, послѣ спектакля? проговорилъ Ленскій и отошелъ въ сторону. Всѣ засмѣялись, а вмѣстѣ со всѣми и М. Соколовъ.

Товарищи никогда не сердились на Ленскаго за его остроты, и онъ нерѣдко употреблялъ во зло эту снисходительность. Лѣтъ двадцать назадъ, театраль-

ныя кареты были цѣлью всеобщихъ насмѣшекъ; ихъ называли то допотопными чудовищами, то придворными холерными каретами, потому что во время перваго появленія этой эпидеміи въ Москвѣ, въ 1830 году, точно въ такихъ же каретахъ возили больныхъ, только вмѣсто кучеровъ сидѣли тогда полицейскіе солдаты. То говорили, что въ этихъ экипажахъ возятъ за непослушаніе родителямъ, и такъ далѣе; и всѣ эти названія онѣ вполнѣ заслуживали своею скорбною наружностью, — ободранныя, изломанныя, кое-какъ сбитыя гвоздями и связанныя веревками; лошади—клячи наканунѣ смерти; сбруя, большею частію, веревочная, и кучера, одѣтые хуже нищихъ. Эти замѣчательные экипажи составлялись въ дирекцію подрядчикомъ по контракту. При директорѣ А. М. Гедеоновѣ были заведены казенныя кареты: конечно, и онѣ поражали своими смѣлыми размѣрами и, такъ сказать, излишне семейнымъ характеромъ, но онѣ, въ сравненіи съ прежними, были совершенною роскошью; на ихъ дверцахъ были, вмѣсто гербовъ, врѣзаны металлическія буквы Д. Т., чтò означало дирекціи театровъ. Послѣ репетиціи на театральнѣй подѣздъ вышло нѣсколько артистовъ, въ числѣ ихъ былъ Ленскій. По случаю ненастной погоды почти всѣ дожидались отправки домой въ казенныхъ экипажахъ; у подѣзда стояла пустая карета, и капельдинеръ осматривалъ артистовъ, соображая—кого съ кѣмъ надо отправить, чтобы было по пути, въ одну сторону. Ленскій, противившись со всѣми, хотѣлъ идти домой, но кто-то изъ артистовъ его остановилъ.— Куда, Дмитрій Тимофеевичъ? Развѣ не хотите прокатиться въ новыхъ-

то экипажахъ?—Нѣтъ-съ, не имѣю желанія. — А вѣдь нынѣшнія кареты гораздо лучше прежнихъ.—По-моему, прежнія были лучше.—Будто? Да чѣмъ же лучше!—Прежнія кареты были откровеннѣе нынѣшнихъ.—Какъ откровеннѣе?—Да ни одна изъ нихъ не притворялась; а въ теперешнія кареты и съестъ то нельзя безъ оскорбленія своей личности.—Это почему?—Да развѣ вы не видите, какія на дверцахъ буквы: Д. Т., а вѣдь это значитъ — дураковъ таскать. — Пожалуйте, Дмитрій Тимофеевичъ! сказалъ капельдинеръ, окончивъ свои соображенія и отворяя дверцу кареты.—Куда? спросилъ Ленскій.—Въ карету пожалуйста. Всѣ громко засмѣялись. Ленскій ужасно разсердился, разбилъ капельдинера и быстро ушелъ домой.—За что онъ на меня накинулся? спросилъ у своего товарища озадаченный и ничего не понявшій капельдинеръ.—Ну вотъ за что! отвѣчалъ тотъ,— да такъ; развѣ его не знаешь, ужъ онъ всегда такой.

Безхарактерность Ленскаго вошла даже въ пословицу между артистами, и онъ, бывши прекраснымъ переводчикомъ и посредственнымъ актеромъ, очень холодно относился къ первому и чрезвычайно дорожилъ вторымъ: странно, но не менѣе того справедливо,—самый блестящій успѣхъ его пьесы никогда не могъ доставить ему столько удовольствія, сколько доставлялъ вызовъ его самого послѣ сыгранной имъ роли. Издѣсь Ленскій большею частію находился въ пріятномъ заблужденіи: онъ всегда игралъ въ пьесахъ своего перевода, и публика вызывала его какъ переводчика, а онъ думалъ, онъ хотѣлъ думать, что его вызывали какъ актера и

былъ совершенно счастливъ. На сценѣ Малаго Театра шелъ водевилъ: *Въ людяхъ амаль не жена*. При всѣхъ достоинствахъ по идеѣ и по переводу, водевилъ этотъ прекрасно выполнялся на нашей сценѣ. Н. Р. Рѣпина была неподражаема въ роли г-жи Славской; и вообще всѣ участвующіе въ немъ артисты, съ перваго и до послѣдняго, были положительно хороши и всегда относились къ своимъ ролямъ съ примѣрною добросовѣстностью. Въ спектакль, о которомъ я говорю, первый актъ этой пьесы прошелъ особенно согласно и живо, за что публика по окончаніи его вызвала всѣхъ артистовъ, въ числѣ всѣхъ и Ленскаго, постоянно игравшаго роль г. Славскаго. Разумѣется, онъ былъ въ полномъ восторгѣ, сдѣлался со всѣми чрезвычайно ласковъ и былъ совершенно доволенъ всѣмъ и всѣми. Послѣ перваго дѣйствія всѣ дѣйствующіе переодѣваются. Ленскій одѣвался на сцену всегда безукоризненно хорошо, но зато и туалетъ его продолжался всегда чрезвычайно долго; я зналъ, что въ настоящемъ случаѣ дамы переодѣнутся скорѣе, чѣмъ онъ, а потому и вошелъ къ нему въ уборную, чтобы мое присутствіе, какъ режиссера, заставило его поспѣшить переодѣваньемъ.—Вы обо мнѣ не беспокойтесь, сказалъ мнѣ Ленскій,—лишь бы дамы не задержали и не растянули антракта, а я почти совсѣмъ готовъ (онъ былъ почти совсѣмъ раздѣтъ).—Да я пришелъ не торопить васъ, а выкурить папироску, отвѣчалъ я.—Я сейчасъ же буду готовъ, за мной дѣло не станетъ; а знаете ли, отчего я всегда такъ скоро переодѣваюсь? Вотъ кому я за это обязанъ, и онъ кивнулъ головою на своего слугу, старика лѣтъ

шестидесяти пяти, который съ какимъ-то тупымъ равнодушіемъ стоялъ у открытаго чемодана съ платьемъ.—Вы не смотрите, что онъ такой старикъ, продолжалъ Ленскій вполголоса,—съ нимъ и двухъ молодыхъ не надо, дѣятельность удивительная! Напримѣръ, къ спектаклю собрать мнѣ чемоданъ, а тутъ ничего и знать не знаю, онъ одинъ обо всемъ позаботится, все осмотритъ, выпститъ и уложитъ; мнѣ останется только надѣвать. Золотой человѣкъ! Онъ теперь получаетъ восемь цѣлковыхъ въ мѣсяць, а съ будущаго мѣсяца я ему прибавлю еще два: стоитъ, ей Богу, стоитъ! Въ это время онъ повизывалъ галстухъ.—Ну, мой другъ, оборотился онъ къ слугѣ, теперь давай мнѣ жилетъ. Жилетъ? Какой жилетъ?—Да жилетъ къ этому платью.—Другаго жилета нѣтъ.—Нѣтъ? а почему нѣтъ, чортъ тебя возми? почему нѣтъ? закричалъ онъ. Вотъ, извольте видѣть, оборотился онъ ко мнѣ почти со слезами, это всегда такъ! Каждый спектакль я съ нимъ мучаюсь! Рѣшительно объ каждой бездѣлицѣ я все самъ долженъ подумать и позаботиться, а этотъ старый подлець окончательно ничего не хочетъ дѣлать! Послушай, разбойникъ ты этакой, за что же я тебѣ жалованье-то даю? Нѣтъ, ты мнѣ скажи, за что я тебѣ жалованье-то даю? Я видѣлъ, что мое присутствіе его еще болѣе раздражаетъ и поспѣшилъ уйти изъ уборной.

Да, безхарактерность есть тоже характеръ, только неувимый и къ которому невозможно примѣниться; точно такъ, какъ тѣнь отъ предмета есть тоже предметъ, только неосязаемый.

*

Во всѣхъ театрахъ стараго и новаго свѣта театральная женщина, къ сожалѣнію, всегда была и будетъ жертвою прихоти богатыхъ людей. Причина этого грустнаго факта, кажется, заключается главнымъ образомъ въ исключительномъ родѣ службы театальной женщины. Эта служба ставитъ ее на сценическія подмостки,—какъ бы на показъ тысячъ зрителей, между которыми, конечно, всегда найдутся личности, ни въ чемъ не привыкшія, себѣ отказывать, для которыхъ исполненіе желаній есть конечная цѣль всѣхъ ихъ стремленій и конечная цѣль цѣлой ихъ жизни; эти люди не останавливаются ни передъ какой жертвой, не отвернутся ни отъ какого средства. Мудреноли, что театральная женщина бываетъ не въ силахъ противостоять столькимъ обольщеніямъ и падаетъ;—вѣдь и чистая душа Маргариты поколебалась отъ блеска бриліантовъ Фауста. Къ тому же, театральная женщина такъ обусловлена, что въ ней *артистка* поглощаетъ всю жизнь, почти не оставляя ей времени подумать о себѣ—какъ о *женщинѣ*. Конечно, что есть вездѣ, то есть и у насъ; и въ прежнее время нѣкоторые изъ артистокъ Московскаго театра, особенно балетной труппы, имѣли своихъ тайныхъ опекуновъ и покровителей, но, падая, онѣ не терили женской скромности, этого самоцвѣтнаго камня въ вѣнцѣ женской красоты: онѣ строго наблюдали за собой и тщательно скрывали свой поступокъ отъ всѣхъ и даже отъ близкихъ товарищей по службѣ. Что же мы видимъ въ настоящее время? Теперь артистка, получающая самое ничтожное жалованье, пріѣзжаетъ на репетицію въ театръ—роскошно одѣтая; на ея рукахъ блестятъ золото и бриліанты. и пріѣзжаетъ она

въ собственномъ щегольскомъ экипажѣ. Она гордо держитъ голову, громко разговариваетъ и бросаетъ на всѣхъ смѣлые вызывающіе взгляды; нѣтъ, въ прежнее время такая циничская откровенность порока была немислима въ Московскомъ театрѣ! И грустиѣ всего то, что такая возмутительная беззащитность не возбуждаетъ ни въ комъ изъ окружающихъ никакого негодованія, ни малѣйшаго неудовольствія: всѣ смотрятъ на это, какъ на что-то самое обыкновенное и даже какъ на неизбѣжно-должное; молодыя же воспитанницы, смотря на эту, такъ богато одѣтую, мамзель, говорятъ про себя со вздохомъ: — «Господи, когда-то и насъ выпустятъ!» Отрадная будущность. Вообще, наша женщина находится въ крѣпостной зависимости моды, а театральная женщина въ особенности: она, изъ любви къ роскоши въ разныхъ ея видахъ, нерѣдко приноситъ великія, безцѣнные жертвы. Такой крутой поворотъ къ худшему въ нравственномъ настроеніи нашей театральной женщины начался, по моему наблюденію, со времени сліянія Московскаго театра съ Петербургскимъ, подъ начальствомъ одного директора. Вскорѣ послѣ того въ Москву было привезено нѣсколько воспитанницъ Петербургской школы, готовящихся на выпускъ въ балетныя корифеи; вотъ онѣ-то и были первыми сѣятелями на нашей почвѣ тѣхъ вредныхъ сѣмянъ, изъ которыхъ теперь выросли и созрѣли такіе горькіе плоды. Если благоразумные родители не даютъ въ руки своимъ дѣтямъ, особенно дѣвцамъ, романовъ легкаго содержанія изъ опасенія, чтобы они не пробудили въ нихъ дурныхъ инстинктовъ, присущихъ каждому человѣку, и не поколебали бы лѣтъ ихъ нравственныхъ

убѣжденій: то во сколько же разъ вреднѣе и губительнѣе должны дѣйствовать на юныя сердца уже не романы, а живые рассказы самихъ героинь романовъ — à la Paul de Coq! А такихъ рассказовъ было очень много, и еще больше было ихъ слушательницъ.

Вотъ одинъ изъ такихъ разговоровъ, случайно мною слышанный. На сценѣ Большаго Театра была назначена репетиція балету; всѣ нужные для репетиціи артисты и воспитанницы были свезены, но не было еще балетмейстера, въ ожиданіи котораго все временное народонаселеніе сцены раздѣлилось на нѣсколько кружковъ и вело болѣе или менѣе одушевленные разговоры. Въ одномъ укромномъ уголкѣ сидѣла одна изъ Петербургскихъ воспитанницъ, окруженная воспитанниками нашей школы и вела такую рѣчь: Ахъ, mesdames, какая у васъ скука въ Москвѣ, просто ужасъ, то-лидѣло нашъ милый Петербургъ!—А въ Петербургѣ веселѣе?—Еще бы! Мы тамъ почти каждый спектакль бываемъ въ театрѣ: то заняты, то ѣдемъ смотрѣть.—И насъ иногда возятъ смотрѣть; но что за удовольствіе смотрѣть старое? И когда идетъ что-нибудь новое, то насъ не берутъ, — говорятъ, что мѣстовъ нѣтъ.— А развѣ вы, mesdames, ѣздите въ театръ смотрѣть на сцену?—А то куда же?—Ай страсти, пощадите, mesdames; да вы преуморительныя! Ну можно-ли спрашивать, куда—разумѣется, въ кресла: у насъ тамъ у каждой есть свой обожатель, и мы несъ спектакль съ ними переглядываемся и разговариваемъ.— Разговариваете?— Да, но конечно знаками; я съ своимъ обыкновенно такъ разговариваю: стану поправлять передній волосъ, это значить — будь послѣ спектакля на нашемъ подѣз-

дѣ; приложу палець къ губамъ—мнѣ надо говорить съ тобой; возьмусь за ухо, будто поправляю сережку, это значить — ты противный, не смѣй на меня смотрѣть; оботру платкомъ лицо, значить — ты душка, я тебя очень люблю, и такъ далѣе; тутъ еще много знаковъ. — Ахъ да это превесело!—Еще-бы!—И онъ васъ понимаетъ?—Конечно, вѣдь я ему объ этомъ написала. — А кто вашъ обожатель? — Одинъ молоденькій гусарскій офицерикъ. Да какой онъ хорошенькій! Ахъ постойте, а вамъ сейчасъ покажу, у меня есть его портретъ... При этомъ она вынула спрятанный за корсажемъ небольшой толстый медальонъ, изящной работы, висѣвшій у нея на шеѣ на тонкой золотой цѣпочкѣ, открыла его и показала окружающимъ. Вотъ, посмотрите сами, неправда ли — красавчикъ?—Ахъ, да, да! прехорошенькій! И какіе пріятные глаза!—Нѣтъ, mesdames, вы на усики-то обратите вниманіе, вѣдь это просто прелесть!—Да, въ самомъ дѣлѣ очень красивы.—А какой онъ богатый! Лучше его лошадей и экипажа въ цѣломъ Петербургѣ нѣтъ.—Какъ же вы достали этотъ портретъ?—Онъ самъ мнѣ далъ.—Самъ? Но гдѣ же? Какъ гдѣ! На театральномъ подьѣздѣ, послѣ спектакля. О, намъ тамъ все передаютъ: и подарки, и записочки, и даже ручки пожимаютъ!—А у насъ не позволяютъ быть постороннимъ на театральномъ подьѣздѣ.—Да и у насъ такъ же не позволяютъ, и капельдинеръ безпрестанно кричить: господа, извольте отойти, здѣсь не приказано стоять; но его никто не слушаетъ.—А этотъ офицеръ васъ очень любитъ?—Еще бы! Просто съ ума сходить! Да вотъ судите сами, какъ любить: меня выпускаютъ изъ школы мѣсяца черезъ два или три, а ужъ онъ

для меня нанялъ квартиру и отдѣлываетъ и какъ отдѣлываетъ,—чудо! У меня, mesdames, будетъ богатѣйшій гардеробъ, отличныя лошади и самый модный экипажъ! А сверхъ того онъ будетъ мнѣ давать по сту рублей въ мѣсяцъ на шпилечки и булавочки, какъ онъ самъ выражается; такой душка!—А у васъ никого нѣтъ родныхъ? — Есть, отецъ и мать и двѣ маленькія сестры; а что?—Да такъ... вѣдь вы своихъ родныхъ вѣроятнo перевезете къ себѣ на квартиру?—Ай, страсти! Какая вы уморительная, ma chère! Какъ же это можно? Нѣтъ я буду жить одна.—Онъ на васъ хочетъ жениться? — Онъ-то готовъ хоть сейчасъ, но его родные этого не позволяютъ. — А отъ чего же вы не хотите жить у своихъ родныхъ? — Слышите! Да какъ же это можно? Вѣдь тамъ и безъ меня четверо живутъ въ двухъ маленькихъ комнаткахъ, куда жъ я пятаю помѣшусь? Да и большая радость жить въ тѣсной, грязной квартирѣ и ѣсть вѣчно одни щи съ кашей! Нѣтъ ужъ на что же! Покорно благодарю! Я въ школѣ отвыкла отъ такой грубой пицци и теперь снова привыкать не намѣрена! И изъ нашего выпуска почти никто не будетъ жить съ родными. Приѣздъ балетмейстера положила конецъ этой назидательной бесѣдѣ, но подобныя разговоры не прошли безслѣдно:—черезъ годъ или два и наши воспитанницы начали точно также разсуждать и точно также поступать. Дурныя сорныя травы очень скоро вырастаютъ на всякой почвѣ и очень быстро заглушаютъ всѣ хорошія.

*

День 11-го Марта 1853-го года записанъ въ лѣтописи Московскаго театра тяжелымъ чернымъ днемъ; артисты со-

временники никогда не забудутъ этого дня; для нѣкоторыхъ изъ нихъ началась съ него новая жизнь полная горя и многихъ лишеній; а для нѣкоторыхъ этотъ день былъ началомъ пути къ скорой преждевременной могилѣ.

Утро 11-го Марта было сѣренькое, безсолнечное. Былъ девятый часъ. Я готовился отправиться въ театръ. Въ это время вошелъ ко мнѣ театральнй медикъ Л., съ которымъ я вмѣстѣ жилъ, и спросилъ у меня: Ты ничего не слыхалъ?—Ничего, а что?—Да говорятъ, не знаю, на сколько это справедливо, что будто Большой Театръ горитъ. У меня болѣзненно сжалось сердце, и я едва имѣлъ силы дойти до окна, изъ котораго была видна крыша Большаго Театра; но теперь тамъ виднѣлась какая-то темная движущаяся масса. Я сейчасъ же отправился. Чѣмъ ближе подѣзжалъ, тѣмъ несчастіе становилось очевиднѣе и сомнѣніе невозможнѣе: но я по какому-то странному, ребяческому упрямству все еще продолжалъ не вѣрить и говорилъ самъ себѣ: это точно горитъ, но не театръ, а что нибудь другое. Но вотъ и театръ! Какое странное, потрясающее зрѣлище: изъ каждаго окна верхняго этажа высывались длинные огненные языки, свивались между собою и исчезали въ большихъ клубахъ чернаго дыма; огонь съ особенной силой свирѣпствовалъ на сценѣ и въ зрительной залѣ: тамъ былъ настоящій адъ! Въ покойномъ театрѣ ложи въ бель-этажѣ поддерживались чугунными колоннами, которыя опирались на барьеръ бенуаровъ; послѣ пожара нашли одну изъ этихъ колоннъ: одинъ ея конецъ былъ расплавленъ и превращенъ въ безобразный комъ, а другой сохранилъ прежнюю форму. Какое

же былъ огонь, отъ котораго плавился чугунъ! Со сцены огонь проникъ на верхъ и быстро распространился по всему верхнему этажу; онъ, какъ разбойникъ, грабилъ наше прекрасное зданіе, разрушалъ и уничтожалъ все его богатія укрѣпленія. Въ нижнемъ этажѣ театра помѣщалась контора. А. Н. Верстовскій, управлявшій тогда ею, явился однимъ изъ первыхъ на мѣсто пожара; благодаря его благоразумнымъ, энергическимъ распоряженіямъ, были спасены — все конторскія дѣла и денежная касса, и все это въ сохранности было перенесено въ Малый Театръ. Пожарныя команды пріѣхали довольно скоро, но онѣ не могли оказать особенной помощи, потому что достигнуть сцены, какъ центра пожара, было невозможно отъ сильнаго огня; а чтобы дѣйствовать снаружи, то для этого во всехъ пожарныхъ обозахъ не нашлось лѣстницы, которая бы доставала и до половины зданія театра. Генералъ Лужинъ, бывший тогда оберъ-полицеймейстеромъ, подошелъ къ Верстовскому, стоявшему у Малаго Театра, и сказалъ ему:—Кажется, пожарные пріѣхали довольно скоро, а ужъ на сцену пройти невозможно; удивительно, какъ быстро распространился огонь. — Это очень понятно, отвѣчалъ Верстовскій: на сценѣ было много удобосгораемыхъ предметовъ, къ тому же и самое устройство сцены очень помогло быстрому развитію огня. — сцена со всехъ сторонъ окружена толстыми стѣнами, а на верху ея самая легкая крыша: судите же, какъ должно быть сильно теченіе воздуха вверхъ; въ этомъ случаѣ сцена представляетъ нѣчто въ родѣ гигантскаго самовара. Невдалекѣ отъ нихъ собралась толпа любопытныхъ слушателей: они,

не разслыша всего разговора, подхватили только послѣднее слово—*самоваръ*, и черезъ нѣсколько минутъ между ними шель слѣдующій разговоръ.—Ты слышалъ отъ чего загорѣлся театръ?—Нѣтъ, отъ чего же?—Да отъ самовара. — Какъ такъ? — «Да вотъ видишь ли, въ театрѣ кто-то поставилъ самоваръ, да какъ-то и заронилъ огонь.—Верстовскій съ Лужинимъ пошли на другую сторону театра, по направленію къ гостинницѣ Барсова. Я послѣдовалъ за ними; тамъ со стоявшаго близъ театра деревяннаго декорационнаго сарая пожарные сняли желѣзную крышу; увидя это, Верстовскій сказалъ Лужину: — Миѣ кажется, напрасно раскрыли этотъ сарай; въ немъ лежатъ декорации, и теперь очень легко попасть въ него искрѣ и зажечь ихъ; онѣ писаны на холстѣ и клеевыми красками, а вѣдь это порохъ! Опять собравшаяся около нихъ толпа подслушала одно только слово—*порохъ*, которое, переходя изъ устъ въ уста, превратилось на другой сторонѣ театра въ бочку пороха, которая будто бы стоитъ гдѣ-то въ театрѣ, и что какъ только дойдетъ до нея огонь, то весь театръ взорветъ на воздухъ. Эта вторая нелѣпость произвела довольно сильное волненіе въ массѣ зрителей: болѣе легковѣрные, испугавшись обѣщаннаго взрыва, торопились убраться куда-нибудь подальше. Многіе артисты, совершенно потерянные и со слезами на глазахъ, ходили безъ всякой цѣли около своего горѣвшаго роднаго гнѣзда; въ числѣ ихъ былъ Ленскій. Я встрѣтилъ его близъ Голицинской галереи; онъ былъ очень разстроенъ, слезы текли по его щекамъ. Съ нимъ стояло нѣсколько человѣкъ его знакомыхъ и очень много постороннихъ любознательныхъ лицъ, жаждающихъ услы-

шать отъ театральнаго человѣка какую-нибудь новую подробность о пожарѣ.—Что же это значитъ, Димитрій Тимофеевичъ, сказалъ одинъ изъ окружающихъ Ленскаго: миѣ говорили, что въ самый верхній этажъ проведено столько воды, что можно затопить весь театръ?—На это Ленскій почти прокричалъ, и въ голосъ его слышались слезы:—«Ахъ, Боже мой! Да развѣ вы не видите, какъ его затопили, что даже и погасить не могутъ.» Онъ и въ горѣ и въ радости всегда былъ одинаковъ. А между тѣмъ огонь съ возрастающею силой продолжалъ дѣлать свои страшныя опустошенія; онъ съ неумолимою жестокостью сожигалъ цѣлыя милліоны. Въмѣстѣ съ прекраснымъ зданіемъ сгорѣлъ и драгоценный гардеробъ, скопленный въ продолженіи многихъ десятковъ лѣтъ; въ немъ между прочимъ, была богатая коллекція Французскихъ кафтановъ изъ дорогихъ матерій, изящно вышитыхъ шелками, серебромъ и золотомъ; ихъ, какъ миѣ говорили, дирекція приобрѣла послѣ одного вельможи Екатерининскаго вѣка. Сгорѣло также много музыкальныхъ инструментовъ и небольшая часть театральнаго библиотечки. Къ счастью, вся библиотека находилась въ Маломъ Театрѣ. Сильный огонь продолжался около двухъ сутокъ, а весь пожаръ окончился не ближе, какъ недѣли черезъ полторы. Въ первое время жаръ былъ такъ силенъ, что на театральнаго площади и на всѣхъ близкихъ къ театру улицахъ, — растаялъ снѣгъ. Послѣ пожара я входилъ во внутренность театра посмотреть на зрительную залу. Какая печальная и вмѣстѣ величественная картина. Это былъ скелетъ, но скелетъ великана, внушавшій невольное уваженіе; эти остатки громко гово-

рили о минувшей славі, о быломъ величіи. Говорятъ, что зрительная зала послѣ пожара очень была похожа на развалины Римскаго Колизея. Цифра убытка, причиненнаго пожаромъ, была огромная, и дирекція находилась въ большемъ финансовомъ затрудненіи. Теперь она принуждена была на долгое время ограничиться спектаклями на одномъ только Маломъ Театрѣ и почти для каждой старой пьесы дѣлать костюмы, и сверхъ того она должна была выдавать ежемѣсячно жалованье многочисленной труппѣ. Все это вмѣстѣ заставило ее прибѣгнуть къ увольненію нѣкоторыхъ артистовъ: мѣра крутая, но она была вызвана крайнею необходимостью; только къ сожалѣнію, это увольненіе было сдѣлано не совсѣмъ справедливо. Можетъ быть, дирекція въ этомъ случаѣ руководилась какими нибудь особенными соображеніями, вполнѣ оправдывающими ея образъ дѣйствія; но я здѣсь высказываю мнѣніе большинства, непосвященнаго въ тайны театральной администраціи. Въ числѣ нѣсколькихъ десятковъ мало полезныхъ артистовъ были уволены и очень полезные дѣятели, для которыхъ это увольненіе было тѣмъ ужаснѣе, что они его вовсе не ожидали. Это было для нихъ какъ бы ударомъ изъ-за угла и для нѣкоторыхъ — ударомъ смертельнымъ. Вскорѣ послѣ этого умерли: драматическій режиссеръ Акимовъ, оперный режиссеръ Щепинъ и актеръ Соколовъ, такъ хорошо игравшій роли Русскихъ купцовъ. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ театромъ сгорѣли у многихъ артистовъ счастье ихъ жизни, а у нѣкоторыхъ и самая жизнь.

Послѣ пожара театра, на фронтонѣ главнаго его подъѣзда долгое время кра-

совалась уцѣлѣвшая отъ огня надпись: *Возобновленъ въ 1843 году*. Такая надпись на полуразрушенномъ, обгорѣвшемъ зданіи, была какой-то злой насмѣшкой.

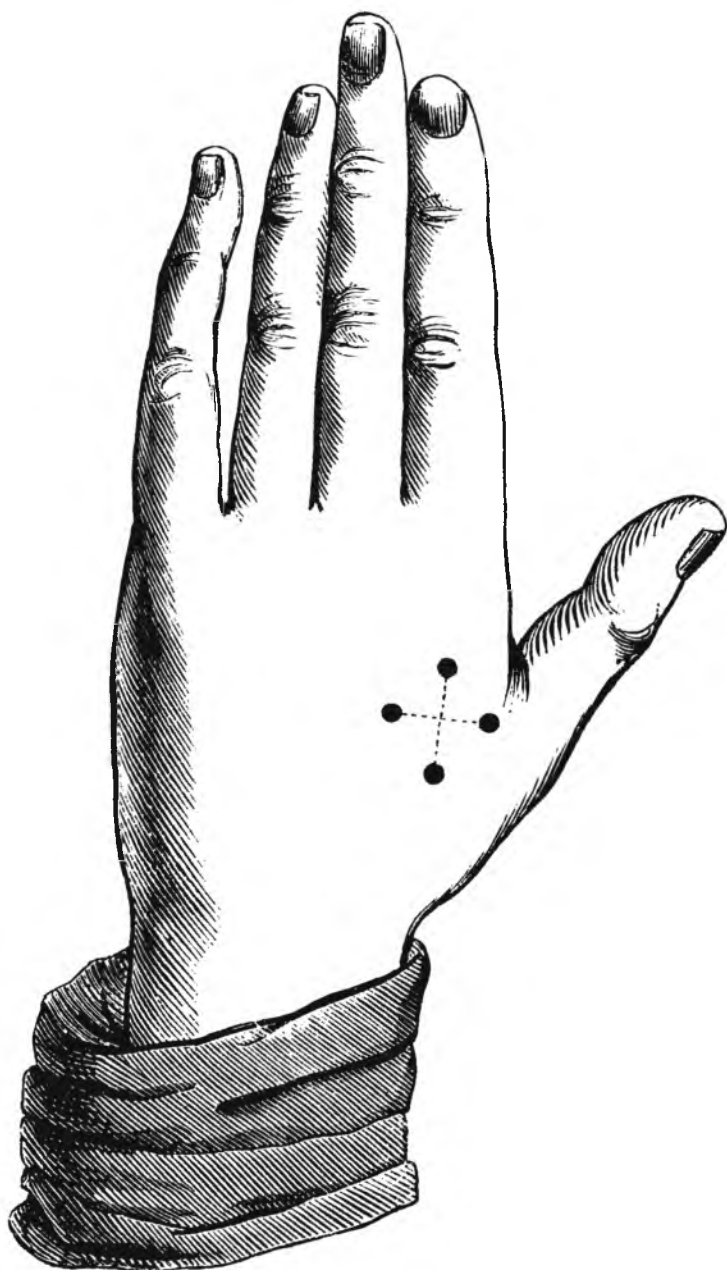
С. Соловьевъ.

ПЕЧАТЬ АНТИХРИСТА.

Изъ раскольническихъ розыскныхъ и вообще криминальныхъ дѣлъ времени Петра Великаго извѣстно, что въ царствованіе его простой народъ, особенно раскольники, сильно роптали на «печатъ Антихристову», которую, будто бы по повелѣнію царя, накладывали на всѣхъ обращенныхъ въ вѣру Антихриста. Недоброжелатели Петра, не любившіе новыхъ порядковъ, поддерживали въ невѣжественномъ народѣ такія нелѣпости. Не только въ Петровскія, но даже въ наши времена, простой народъ, въ большинствѣ своемъ остающійся безъ всякаго образованія, всегда готовъ вѣрить всякому вздору, и имѣть нелѣпости, которой бы онъ не повѣрилъ отъ коности своей въ умственномъ развитіи.

Поводомъ къ безумнымъ толкамъ о печати Антихриста было по всему вѣроятію письмо Петра Великаго, писанное въ 1712 году къ тайному совѣтнику, сенатору, генераль-пленипотенціару князю Якову Ѳедоровичу Долгорукову * и сохранившееся въ спискѣ при дѣлахъ

* Князь Яковъ Ѳедоровичъ родился въ 1639 г.; любимецъ Петра I, бывшій въ Швеціи долго въ плѣну, изъ коего мужествомъ своимъ и благоразуміемъ освободился въ 1711 году, и въ томъ же году назначенъ въ Сенатъ «для управленія всего войска», извѣстенъ по своей любви къ Отечеству и прямому характеру. Умеръ въ 1720 году.

бывшей Военной Канцелярии, находящихся въ Московскомъ Отдѣленіи Общаго Архива Главнаго Штаба (оп. 3, кн. 23, стр. 681). Въ письмѣ этомъ Петръ, между прочимъ, писалъ, чтобъ всѣмъ

рекрутамъ, при отправленіи ихъ въ войска, въ устраненіе ихъ побѣговъ, накалывался на лѣвой рукѣ крестъ, и натирался порохомъ (какъ клейма у кагоржныхъ), для чего и рисунокъ руки,

съ наколомъ креста, приложенъ при письмѣхъ.

Изъ записной книги письмамъ князя Я. О. Долгорукаго 1712 года (той же описи св. 3, № 1), видно, что 20 Марта того года, изъ Москвы, онъ писалъ къ оберъ-штеръ-крюгъ-комиссару Чирикову*, что состоялся указъ Великаго Государя въ Петербургѣ о рекрутахъ, каковой имъ и прописывается слово въ слово, какъ писано Петромъ I-мъ къ нему, князю Долгорукову.

Суровость этого указа и, вѣроятно, произведенное сильное смущеніе народа были причиною, что хотя указъ Сената о препровожденіи рекрутъ съ мѣстъ набора въ войска и состоялся, но уже позже, именно въ 1713 году (Полн. Собр. Зак. № 2678) и въ измѣненномъ видѣ, съ исключеніемъ тѣхъ словъ, которыя обязывали клеймить рекрутъ: ибо Монархъ, желая добра своимъ подданнымъ, а не безвиннаго ихъ наказанія, конечно согласился на отмѣну строгой мѣры.

Такимъ образомъ Петра 1712 года о рекрутахъ, по обсужденіи его въ Сенатѣ, былъ смягченъ и явился значительно дополненнымъ. Но тѣмъ не менѣе по поводу указа Петра I о клейменіи рекрутъ я слышалъ серьезный разговоръ образованныхъ лицъ, расхваливавшихъ во мнѣніяхъ относительно самаго существованія указа. Одинъ, профессоръ на лекціяхъ Военной Исторіи, публично утверждалъ, что при Петрѣ I,

* Указомъ Петра Великаго, даннымъ 18 Августа 1711 года князю Я. О. Долгорукову, о назначеніи его въ Сенатъ, „для управленія всего войска“, Чириковъ для того же былъ назначенъ въ армію, съ наименованіемъ оберъ-штеръ-крюгъ-комиссаромъ (он. 3 кн. 23, стр. 1).

во время набора рекрутъ, ихъ клеймили особымъ знакомъ; другіе рѣшительно отрицали это, основываясь на томъ, что такого указа не помѣщено въ Полномъ Собраніи Законовъ. Нижеслѣдующимъ письмомъ, мнѣ кажется, достаточно выясняется сущность дѣла: указъ о клейменіи рекрутъ, хотя отъ Сената и не былъ опубликованъ въ народъ, но тѣмъ не менѣе народъ, чуткій къ своимъ невгодамъ и смотрѣвшій недоброжелательно на преобразованія Петра Великаго, зналъ о выраженной имъ въ письмѣхъ къ князю Долгорукову волѣ касательно печати Антихриста, и рисунки лѣвой руки съ наколотымъ на ней крестомъ, на вѣрное, появились въ народѣ, къ большому его соблазну.

Григорій Александровъ.

26 Августа 1873 г.
Москва.

П И С Ъ М О

Петра Великаго къ генералъ-пленипотенціару князю Якову Федоровичу Долгорукову.

Писать въ Сенатъ, чтобъ послали указы тотчасъ во все губерніи: какъ будутъ рекрутъ отпускать въ полки, въ дорогѣ ковать и въ колодежахъ вестъ и вязать отнюдь не велѣли, и въ дорогу ихъ отпускать въ мундирѣ сермяжномъ, добромъ, да рубашки и портеи и обуви простыя, добрыя. Также бы и провіантомъ въ пути они были довольны, и денегъ имъ дать на проходъ по обыкновенію, и посылать съ провожатыми конными, и велѣть въ дорогѣ вестъ съ ве-

ликою опасностью и безо всякой тѣсноты. И кто за ними посланы будутъ въ провожатыхъ, тѣмъ приказывать подъ жестокою казнію, чтобъ они ихъ конечно довольствовали провіантомъ, которой на дачу имъ будетъ данъ, и всемѣрно ихъ не тѣснили въ пути и на станіяхъ *. И рекрутовъ собравъ объявить именно, по чему имъ велѣно въ пути давать провіанту и по скольку на проходъ денегъ, чтобъ они то вѣдали. А если тѣ провожатые покорыстаются деньгами или провіантомъ, хотя малымъ нѣчимъ, за то имъ учинена будетъ смертная казнь, безъ всякаго милосердія; и о томъ указано комиссарамъ, къ кому тѣ рекруты приведены будутъ, розыскивать на крѣпко, у приводе, тѣми рекрутами.

А для знака рекрутамъ значить, на лѣвой рукѣ накалывать иглою кресты и натирать порохомъ. И сказать всѣхъ губерній въ уѣздахъ явственно, въ городахъ и по церквамъ и на торгахъ, кто гдѣ увидитъ такого человѣка, которой имѣеть на лѣвой рукѣ назначено крестъ, чтобъ ихъ ловили и приводили въ города. А кто такого человѣка увидитъ и не приведетъ, и за такое противленіе оной непослушникъ высокаго монаршескаго указу будетъ истязанъ, яко измѣнникъ и бѣглець, и можетъ потерять все свое имѣніе, и написанъ будетъ самъ въ рекруты. А для образца послать въ губерніи начертанныя руки съ назначенными крестами, каковъ образецъ вложенъ въ семь писемъ.

* Читатель обратитъ вниманіе на эту заботливость, столь поразительную въ сопоставленіи съ крѣпостію мѣры. П. Б.

ИСТОРИЧЕСКІЯ ЛИЦА ВЪ ГОЛОВѢ ПРОСТОЛЮДИНА.

Письмо къ издателю Русскаго Архива.

Бывали ли вы въ великолѣпныхъ Гатчинскихъ садахъ? Это моя любимая прогулка въ окрестностяхъ Петербурга. Время стерло тамъ почти всѣ слѣды Орловской старины, но живы еще лебеди, лично знавшіе знаменитаго баловня судьбы и его великой подруги!.. Однажды, послѣ продолжительной прогулки по озерамъ и островамъ, я вздумалъ пройти въ паркъ-звѣринецъ, но ошибся дорожкой и попалъ въ незнакомую и весьма глухую мѣстность. Наступившіе сумерки и опасность встрѣтиться съ злыми зубрами, свободно гуляющими по парку, не на шутку тревожили меня. Я шель, очертя голову, все впередъ и впередъ, пока не дошелъ до высокой изгороди. Предо мною какъ изъ земли выросла, вся облитая луннымъ свѣтомъ, старая сосновая роща. Въ другое время и при другихъ обстоятельствахъ можно было бы залюбоваться, глядя на эту чудную картину спящихъ великановъ; но мнѣ было, право, не до того. Преслѣдуемый отчаянными воплями совъ, я почти бѣжалъ вдоль изгороди и наконецъ увидѣлъ предъ собою сторожевую будку, изъ которой тихо выступилъ ко мнѣ на встрѣчу старый отставной солдатъ, съ явною готовностью наставить заблудшаго на путь истинный. Я съ нимъ разговорился.

— Скажи пожалуйста, дѣдушка, гдѣ я и чтѣ это за роща?— „Роща-то?.. Да такъ и прозывается Орловскою. Извольте-ли видѣть, она была подарена Орлову самою Императрицею; внутрѣ-то, значить, въ самой рощи, она выстроила и домикъ ему. Туда еще покойная Государыня, царство ей не-

„бесное, Александра Федоровна лю-
 „била ъздить чай кушать, а теперь,
 „почитай годовъ съ двадцать будетъ,
 „какъ его снесли, а на томъ мѣстѣ
 „выстроили вотъ такую самую будку
 „для лѣснаго объѣзчика. Орловъ жилъ
 „тамъ по-просту; у него и стульевъ
 „даже не было, а такъ — лавки кру-
 „гомъ, какъ въ деревняхъ.“ — Кто это
 „былъ Орловъ и за что Императрица
 „подарила ему домикъ? — „А кто ѣ зна-
 „етъ! Правду сказать, давно живу я
 „на свѣтѣ: вотъ уже осьмой десятокъ
 „кончился, на этомъ самомъ мѣстѣ
 „сичу 36-й годъ, а допрежь того, съ
 „самой рекрутчины, служилъ въ Из-
 „майловскомъ полку... Покойнаго Ни-
 „колая Александровича обучалъ ру-
 „жейнымъ пріемамъ, во дворецъ бра-
 „ли... Ну за то и не забывалъ меня,
 „дай Богъ ему здоровья, всякій разъ
 „какъ проѣзжалъ мимо останавливался:
 „Здравствуй, Никита Михайловъ!“ А
 „потомъ къ генераламъ: „Берегите мо-
 „его дѣдка“... Такъ вотъ отъ Измай-
 „ловскихъ-то стариковъ я и слышалъ,
 „что этотъ Орловъ былъ простой ун-
 „теръ-офицеръ, какъ есть простой —
 „изъ мужиковъ, полагаю такимъ и ос-
 „тался бы, да вотъ какой случай вы-
 „шелъ...“ Старый Измайловецъ заря-
 „дилъ свой носъ давно приготовленной
 „щепотью табаку и за тѣмъ, уткнувъ
 „красивую сѣдую голову въ высокій
 „воротникъ, началъ полушопотомъ и
 „съ какою-то важною таинственностью
 „слѣдующій разсказъ:

„Былъ у насъ въ управленіи ко-
 „роль изъ иноземельныхъ; не импера-
 „торъ, а простой королекъ, ледащій
 „такой. Его никто и не слушалъ и
 „не почиталъ. Всѣмъ какъ есть за-
 „правляла Императрица Екатерина, и
 „всѣ почитали ее. Ей кланяются, а ко-
 „ролю нѣтъ. Осерчалъ на это король
 „и посадилъ Екатерину въ Петропав-

ловскую крѣпость. Посадимши въ
 крѣпость, поставилъ къ ней на часы
 человекъ съ десять унтеръ-офице-
 ровъ, а самъ пошелъ въ Кронштадтъ
 и выступилъ оттуда съ цѣлымъ фло-
 томъ: я, молъ, покажу тебѣ свою
 власть! Тѣмъ часомъ Екатерина вы-
 шла изъ казамата къ часовымъ и,
 увидавъ Орлова, говоритъ ему: „Лю-
 безнѣйшій, хочешь быть счастливымъ
 или несчастливимъ — выпусти меня!“
 У того сердце такъ и упало: и хо-
 чется и боязно. Эхъ, подумалъ онъ,
 была не была, пропадать такъ пропа-
 дать — выпустилъ! Какъ вышла Ека-
 терина изъ крѣпости, сейчасъ всю
 гвардію, да на встрѣчу королю. У
 него одинъ флотъ, а у ней цѣлая
 гвардія! Ну, извѣстное дѣло, король
 спулся, бросилъ флотъ и побѣгъ
 въ Стрѣльну; тамъ-то его взяли дѣт-
 ки.“ — Какія дѣтки? — „А право не
 знаю, такъ разсказывали старики. Его
 ли дѣти или отъ прежнихъ импера-
 торовъ — доподлинно не знаю. Вотъ
 послѣ того-то Орлову и пошли чины,
 чтó ни день, то новый чинъ, ну все
 равно какъ Комисарову. Императри-
 ца выстроила ему домикъ въ этой
 вотъ роцѣ, пожаловала землю, и за-
 жилъ онъ себѣ въ спокойствіи. Кру-
 гомъ всего помѣстья Орлова былъ
 высокій частоколъ. Еще помню, какъ
 Чухны показывали большущіе колья —
 это, говорили они, изъ Орловскаго
 частокола.“ — А дворецъ здѣшній тоже
 принадлежалъ Орлову? — „Куды тамъ!
 Я уже сказывалъ, что онъ былъ про-
 стой мужикъ; хоша и въ чести, а все
 же мужикъ, такъ стало быть, чтó ему
 съ дворцомъ-то было дѣлать!“

*Александръ Барсуковъ *.*

* Авторъ жизнеописанія князя Г. Г. Ор-
 лова, помѣщеннаго въ Русскомъ Архивѣ се-
 го года. П. В.

Продаются оставшіеся экземпляры изданія

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

(533 стр.)

1. Биографія Е. А. Головина, соч. Ю. В. Толстаго.
2. Записки Н. В. Басаргина.
3. Записка о духовномъ союзѣ Татаринь-вой (по неизданнымъ бумагамъ).
4. Дневникъ художника Боровиковскаго.
5. Записка князя Грабе-Горскаго.
6. Новыя автобіографическія показанія Магницкаго.
7. Воспоминанія о Венгерской кампаніи, Д. П. Сонцова.
8. Крестьяне Царства Польскаго въ 1863 г.
9. Неизданныя бумаги и письма Рылѣва, статьи и воспоминанія о немъ.
10. Письма Рылѣва къ Пушкину и Пушкина къ Нащокину.
11. Письма Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной.
12. Обзорніе жизни и царствованія императора Александра Павловича, Н. В. Путяты.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

КНИГА ВТОРАЯ

(296 и 0271 стр.)

- I. Письма графа Ѳ. В. Раstopчина къ князю П. Д. Циціанову (1803—1806). Съ подлинниковъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя.
- II. Изъ Записокъ графа Ѳ. В. Раstopчина:
 - 1) Двѣнадцатый годъ
 - 2) Путевыя записки 1815 года.
 - 3) Послѣднія страницы графа Раstopчина.
- III. Историческая записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ (Проекты Аракчеева, Мордвинова, Сперанскаго, кн. Меншикова, гр. Перовскаго, С. П. Шипова. кн. Друцкаго-Соколинскаго и др., дѣйствія комитетовъ 1826, 1839, 1840, 1844, 1846 и 1848 годовъ). Сообщено Н. А. Милютинымъ.
- VI. Записка о народномъ образованіи, представленная А. С. Пушкинымъ Императору Николаю Павловичу въ 1826 году, съ послѣсловіемъ издателя.
- V. Старая Записная Книжка, начатая въ 1813 году, неизвѣстнаго сочинителя.
- VI. Записки очевидца о войнѣ Россіи противъ Турціи и западныхъ державъ. Сочиненіе Н. И. Ушакова.
- VII. Азбучный указатель.

Цѣна каждой книги «XIX Вѣка» — по три рубля, пересылка за 3 фунта по разстояніямъ (за каждую книгу).

Получать можно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и Одессы.

Иногородные обращаются преимущественно въ Москву, въ Контору Русскаго Архива, на Берсеневской Набережной, близъ Каменнаго моста, въ домъ Археологическаго Общества.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

НА

РУССКІЙ АРХИВЪ 1874

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.)

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ. — СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ ВООБЩЕ. — КРИТИЧЕСКІЯ И ВИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ, ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

(годовое изданіе составляетъ двѣ книги)

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1874 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, галѣ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получить Русскій Архивъ въ 1874 году доставляютъ или высылаютъ эти восемь рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, *въ Москву, на Берсеневкой Набережной Москвитинки, въ домъ Московскаго Археологическаго Общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу*, или въ Контору Русскаго Архива тамъ же на Берсеневкѣ въ церковномъ домѣ (подъѣздъ съ набережной). Кромѣ того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева*, и въ

Московскомъ Отдѣленіи Конторы Голоса на Берсеневской Набережной, въ домѣ Смирнова.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ *А. Ѳ. Базунова*, на Невскомъ проспектѣ.

Для перемѣны адреса необходимо высылать адресъ прежній и 10 копѣчную марку.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются; но каждую книгу, заключающую въ себѣ шесть соединенныхъ тетрадей, можно покупать отдѣльно, по 4 рубля (съ пересылкою).

Заграничные подписчики къ вышенаказанной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи — 2 р., для Франціи и Англіи — 2 р. 50 к., для Швейцаріи и Италіи — 3 р. За полгода цѣны на пересылку за границу — половинныя.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартенева**.

ГОДЪ

ОДИНАДЦАТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

11.

1873.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Бартечевымъ

(БЫВШИМЪ БИБЛИОТЕКАРЕМЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ).

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. Воспоминанія графини Антонины Дмитриевны Блудовой. 1831 годъ. (Жизнь въ Берлинѣ. Польскій мятежъ. Берлинскій королевскій дворъ. Нынешній императоръ. Королева Луиза. Баронъ Штейнъ и пр.) Стр. 2049.
- II. Выдержки изъ старой записной книжки, начатой въ 1813 году. (Еромоловъ. Багратионъ и Милорадовичъ. Новиковъ. А. М. Пушкинъ. Князь А. Ѳ. Орловъ. Пощо-ди-Борго и пр.) Стр. 2139.
- III. Екатерина Ивановна Нелидова. Биографическій очеркъ. Стр. 2160.
- IV. Въ писемъ Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго къ Е. И. Нелидовой (1797—1809). Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ. Стр. 2172.
- V. Зубриловскій пансіонъ. Г-на Арнольдова. Стр. 2202.
- VI. Встрѣча Нѣмца съ Пушкинымъ. Стр. 2204.
- VII. Родословная Демидовыхъ. Стр. 2212.
- VIII. Прокофій Акинѣевичъ Демидовъ.
1) Письма къ сыновьямъ. Стр. 2230.
2) Письмо къ Михельсону. Стр. 2234.
3) Статья о пчеловодствѣ. Стр. 2236.
4) Письма къ М. И. Хозикову, Н. И. Рибасъ и И. И. Бецкому. Стр. 2242.
5) Наставленіе дочери. Стр. 02285.
6) Письмо къ прикащикамъ. Стр. 02287.
- IX. Петръ Великій, первый овцеводъ на Югѣ Россіи. Статья Г. П. Данилевскаго. Стр. 02288.
- X. Еще о печати Антихриста, Г. Н. Александрова. Стр. 02296.
- XI. Поправка о Княжинѣ. Стр. 02297.
- XII. Распоряженіе относительно театральной дисциплины (1800). Стр. 02298.
- XIII. Письмо графа А. Х. Бенкендорфа къ С. Т. Аксакову. Стр. 02301.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТ. ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1873.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива въ 1874 году съ доставкою и пересылкою восемь рублей.

(Подробнѣе условія подписки см. на оборотѣ тетради).

Въ Конторѣ «Русскаго Архива», въ Москвѣ на Берсеневской Набережной, у Каменнаго Моста, въ домѣ Археологическаго Общества (подъездъ съ набережной), можно получать слѣдующія книги:

АРХИВЪ КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА:

Книга 1-ая,	цѣна	2 р.	50 к.
» 2 »	»	2 р.	—
» 3 »	»	2 »	—
» 4 »	»	2 »	—
» 5 »	»	2 »	—

(Печатаются книги 6 и 7)

ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ. Историческій сборникъ, издаваемый П. И. Бартевымъ.

Книга 1-ая	цѣна	2 р.	50 к.
» 2 »	»	3 »	—
» 3 »	»	3 »	—
» 4 »	»	3 »	—

ИЕЗУИТЫ И ИХЪ ОТНОШЕНІЕ КЪ РОССІИ. Письма Ю. О. Самарина къ отцу Мартынову. Изд. третье. М. 1870 г. цѣна 75 к.

ЗАПИСКИ ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ЭНГЕЛЬГАРДТА о временахъ Екатерины, Павла и Александра 1-го. Съ примѣчаніями и указателемъ. М. 1867 г. цѣна 1 р. 50 к. съ пер. 1 р. 75 к.

СТИХОТВОРЕНІЕ КНЯЗЯ П. А. ВЯЗЕМСКАГО: Въ дорогѣ и дома. М. 1862 г. цѣна 1 р. 50 к.

МЕЛОЧИ ИЗЪ ЗАПАСА МОЕЙ ПАМЯТИ, М. А. ДМИТРИЕВА. М. 1869 г. ц. 1 р. 50 к. съ пер. 2 р.

ПИСЬМА О КІЕВѢ И ВОСПОМИНАНІЕ О ТАВРИДѢ. Михаила Максимовича. Спб. 1871 г. ц. 50 к.

СЕМЕЙСТВО РАЗУМОВСКИХЪ. Историческій очеркъ А. А. Васильчикова. М. 1869 г. ц. 1 р. съ пер. 1 р. 25 к.

ЗОЛОТОЙ ОСЕЛЬ. Нравоописательный Латинскій романъ 2-го вѣка по Р. Х. Сочиненіе Апулея. Переводъ Е. И. Кострова. М. 1870 г. ц. 1 р.

Книги, при которыхъ не означена цѣна пересылки, пересылаются на счетъ Конторы Русскаго Архива. Выписывающіе на сумму не менѣе 25 рублей пользуются 10 процентами уступки съ показанныхъ цѣнъ.

ВОСПОМИНАНІЯ ГРАФИНИ А. Д. БЛУДОВОЙ.

ГЛАВА IV.

1831 годъ *).

Тяжело начинался для насъ новый 1831 годъ; всѣ письма отзываются этимъ грустнымъ настроеніемъ. Къ тому же посольскій священникъ занемогъ, и мы были безъ обѣдни: Потсдамскому священнику нельзя было пріѣхать. Одно утѣшеніе находили мы въ перепискѣ съ Россіею. Мое здоровье стало измѣнять мнѣ; я страдала настоящей Швейцарской ностальгіей: тоской по отчизнѣ, по дому. Русской пѣсни я не могла слышать безъ рыданія и такого расстройства нервовъ, что нужно было нѣсколько дней, чтобы немного успокоиться. Между тѣмъ именно къ музыкѣ я пристрастилась болѣе чѣмъ когда либо и находила какое-то горькое утѣшеніе въ этихъ звукахъ, которые разстраивали сердечную боль. Пріѣзду батюшки препятствовали обстоятельства, а леченіе сестры затягивалось, и уже нельзя было опредѣлить времени нашего возвращенія. Заѣдающая, безотчетная тоска овладѣла мною; началась изнурительная лихорадка, стали повторяться галлюцина-

ціи. Далекіе, но близкіе сердцу, люди стали являться мнѣ на яву, особенно мой старикъ Гаврило *), такъ ясно, почти осязательно, что я не могла различить живаго существа отъ этихъ представленій и только тѣмъ удостовѣрялась въ ихъ призрачности, что ихъ движеніямъ не мѣшало никакое матеріальное препятствіе, и они проходили сквозь стѣны, затворенныя двери, столы, клавикорды, прямою линіею ко мнѣ, безъ всякой остановки. Первый случай было меня испугалъ. Это было вечеромъ; я играла на арфѣ урокъ, заданный учителемъ наканунѣ; сестра и братья сидѣли въ той же комнатѣ за столомъ и тоже готовили уроки; дверь въ сосѣднюю, неосвѣщенную комнату стояла полуоткрытая прямо передъ моими глазами. Вдругъ увидѣла я Гаврилу входящаго въ дверь, съ его кроткимъ, добрымъ, любящимъ лицомъ, съ его морщинами и сѣдинами, въ его длинномъ сертукѣ. Онъ задумчиво улыбался мнѣ и сталъ подходить все ближе и ближе, пока не взошелъ въ струны арфы, подлѣ самой моей руки и тутъ исчезъ. Зная его безграничную преданность и любовь къ намъ, дѣтямъ от-

*) Глава эта служитъ продолженіемъ Воспоминаній графини Антонины Дмитриевны Блудовой, напечатанныхъ въ Русскомъ Архивѣ 1872 года. Читатели припомнятъ, что семейство Блудовыхъ находилось въ началѣ 1831 года въ Берлинѣ. П. Б.

*) Дворецкій. П. Б.

ца моего, я была увѣрена, что онъ въ это время скончался и сильнымъ желаніемъ проститься со мной, такъ сказать, вымолилъ возможность такого явленія. Я ужасно испугалась и огорчилась, но не смѣла объ этомъ говорить, чтобъ не испугать сестру и братьевъ и уже послѣ сказала m-lle du Tourg и матушкѣ и должна сознаться, что до получения извѣстій изъ Петербурга отъ этого числа, мы всѣ тревожились на счетъ Гаврилы; но съ нимъ не было ничего особеннаго. Съ тѣхъ поръ такого рода видѣнія повторялись и тоже безъ всякаго повода, почти безпрестанно, когда я слышала музыку, или сама играла, или пѣла. Въ концертѣ, въ театрѣ, на балѣ, далекіе пріятели, а иногда и простые знакомые входили и выходили непринужденно, безъ церемоній среди присутствующихъ въ самомъ дѣлѣ лицъ, но такъ ясно, что я рѣшительно не могла различить ихъ другъ отъ друга. Это продолжалось нѣсколько лѣтъ, и я такъ свылась съ этими призраками, что не обращала на нихъ никакого вниманія. Я объ этомъ упоминаю только какъ объ любопытномъ, нервномъ явленіи и потому, что положеніе это испугало очень мать мою. Стали меня лечить. Я вполне сознавала несущественность этихъ призраковъ, и это сознаніе вѣроятно спасло меня отъ умопомѣшательства. Гораздо серьезнѣе болѣзнь была ностальгія, съ ея изнурительной лихорадкой, которую ничѣмъ не могли прекратить. Доктора стали по обыкновенію совѣтовать развлеченіе. Матушка писала обо всемъ не ясно разумѣется, настаивала на мое представленіе ко двору и просила батюшку поговорить съ княземъ Кочубеемъ о пожалованіи меня во фрей-

лины, вмѣсто другой какой награды ему по службѣ. Все это я впрочемъ узнала только недавно, прочитавъ письма того времени. Въ моемъ душевномъ настроеніи тогдашнемъ, одна мысль о балахъ и выѣздахъ, тогда какъ началась междуусобная война у насъ, эта мысль меня мучила, пугала и, не зная объ опасеніяхъ матушки и совѣтахъ доктора, я не могла понять, на что, для кого и по какой причинѣ должно начинать свѣтскую жизнь въ чужихъ краяхъ, въ такихъ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Какъ часто господа-медики присуждаютъ къ такимъ бесполезнымъ страданіямъ своихъ больныхъ, воображая, что они поняли моральную болѣзнь, воздѣйствующую на физическое разстройство, и что нашли истинное лекарство противъ сердечнаго недуга. Къ этимъ обстоятельствамъ относится многое въ слѣдующихъ письмахъ.

С.-Петербургъ, $\frac{2}{4}$ Января 1831 г. Вчера начался новый годъ по старому стилю. Поздравлять ли васъ, себя, кого бы то ни было, съ этимъ началомъ? Богъ знаетъ. Кто-то сказалъ: *qu'elle soit la bienvenue cette nouvelle année, mais surtout qu'elle soit un jour la bienpassée* *). Въ самомъ дѣлѣ, кажется, можно безъ нескромности пожелать, чтобы 1831 годъ, по крайней мѣрѣ, былъ легче предшедшаго, котораго первые мѣсяцы ознаменованы шумнымъ веселіемъ, а послѣдніе всякими бѣдствіями, физической холерой и нравственной горячкой. Нынѣшней зимою у насъ въ нѣкоторомъ смыслѣ очень тихо. Императрица была нездорова, кашляла и хотя ей гораздо лучше, хотя теперь она и совсѣмъ хорошо себя чувствуетъ, какъ мнѣ самъ Государь сказывалъ сего дня ввечеру; однакожь осторожность и док-

*) Привѣтствуемъ этотъ новый годъ; но въ особенности желаемъ, чтобы онъ прошелъ благополучно.

тора не дозволяютъ ей выходить изъ своей комнаты: оттого въ новый годъ не было собранія или, какъ здѣсь говорятъ, выхода. Я слушалъ обѣдню въ миниатюрной университетской церкви, почти одинъ, на хорахъ. Бороздины пришли поздно.

Бороздинъ былъ тогда попечителемъ Петербургскаго учебнаго округа; онъ былъ близокъ съ батюшкой по служебнымъ отношеніямъ, а матушка была на пріятельской ногѣ со всѣмъ его семействомъ; онъ былъ женатъ на Львовой, милой, доброй, даровитой, какъ всѣ Львовы, въ родствѣ съ Державинымъ, который былъ дядей моего отца, такъ что выходило родъ свойства между нами. Университетъ тогда помѣщался въ весьма некрасивомъ и неудобномъ зданіи за Владимірской, около Загороднаго Проспекта, гдѣ теперь такъ называемое Синодальное Подворье; церковь была гораздо меньше чѣмъ теперь и плохо отдѣланная, во вкусъ, или лучше сказать съ безвкусіемъ *style de l'Empire*, то есть Наполеоновскаго, которое въ царствованіе Александра Павловича вкралось даже въ наши православныя храмы. Посѣщая нынѣшнюю церковь, устроенную въ той же комнатѣ, нельзя не порадоваться успѣхамъ зодчества у насъ. Самый университетъ, какъ извѣстно, переведенъ на Васильевскій островъ, въ великолѣпное помѣщеніе, при Николаѣ Павловичѣ. Кто посмотритъ на него и на столь же великолѣпное зданіе университета Св. Владиміра и вспомнить, что въ Кіевѣ совсѣмъ не было высшаго образовательнаго заведенія до Николая Павловича, невольно задумается надъ клеветою и несправедливостію, съ которыми преслѣдуютъ память покойнаго Государя въ поколѣніи среднихъ лѣтъ, раздраженномъ

нелѣпостями нѣкоторыхъ цензоровъ *) въ послѣдніе годы царствованія его, когда съ одной стороны неурядица въ Европѣ, бѣшенныя выходки иностранной прессы, а съ другой стороны дома усердіе не по разуму, съ его медвѣжьими услугами, тормозили все свѣтлое въ нашей литературѣ вмѣстѣ съ вреднымъ. Императоръ Николай Павловичъ не былъ ненавистникомъ просвѣщенія своей страны; напротивъ, съ самаго начала царствованія своего, онъ сталъ распространять училища, поддерживать университеты, готовить расадники будущихъ хорошихъ профессоровъ изъ Русскихъ, посылая лучшихъ студентовъ за границу для слушанія знаменитѣйшихъ ученыхъ, для изученія всѣхъ новыхъ методовъ, системъ и открытій, дабы образоватъ истинно-ученыхъ преподавателей въ своемъ собственномъ народѣ, вмѣсто того чтобы вызывать только иностранцевъ, не знающихъ нашего языка и по этому самому не приносящихъ всей желаемой пользы для Россіи. Николай Павловичъ первый обратился съ уваженіемъ къ остаткамъ нашей старины; онъ основалъ собранія достопамятностей старыхъ временъ; сохранилъ отъ вандализма прежней эпохи прекрасныя историческія зданія, спасъ отъ разрушенія оставленные на съѣденіе червей и гнили драгоценныя историческія документы **); посылалъ уче-

*) Между прочимъ напр. въ серьезномъ и вполне приличномъ сочленіи Куторги «Исторія Авинской Республики», все прошло кромѣ заглавія, въ которомъ зачеркнуто слово «республика» и оставлено заглавіе такое: «Исторія Авинской». Въ одной повѣсти гр. Алексія Кош. Толстаго вездѣ гдѣ находилось слово: «убійца» цензоръ замѣнялъ его словомъ «Итальянецъ». Ужъ конечно Государь объ этомъ не имѣлъ никакихъ свѣдѣній!

**) Между прочимъ драгоценная, можетъ быть единственная въ мірѣ, избирательная

ныя экспедиціи въ глубь Россіи, назначалъ специалистовъ для раскопки древностей на нашихъ южныхъ берегахъ; словомъ, знакомилъ Русскихъ съ Россіей. Все это дѣлалось широко и щедро, награждалось деньгами и почестями. Болѣе четверти столѣтія такого направленія, такого поощренія, такихъ дѣйствій, лучше всякихъ фразъ доказываетъ стремленіе Государя просвѣщать свой народъ. И съ какимъ интересомъ, съ какимъ живымъ сочувствіемъ относился онъ къ открытіямъ исторической науки. Объ этомъ часто говорилъ отецъ мой, которому онъ передавалъ всѣ свѣдѣнія и документы по отечественной исторіи, радуясь, вмѣстѣ съ нимъ, всему что могло подвинуть впередъ эту отрасль человѣческихъ знаній у насъ. Кажется, пора было бы нѣсколько серьезнѣй относиться къ этой недавней эпохѣ и не стараться потопить въ потокъ брани, за мелочи, драгоценный умственный грузъ, тагъ тщательно собранный. Одинъ изъ ученыхъ членовъ Академіи Наукъ говорилъ мнѣ, по поводу цензурныхъ притѣсненій тогдашнихъ: „Конечно это было неловко и неполитично, но все же мыслить и учиться намъ не мѣшало. Правда, мы меньше болтали всякаго вздору, и легкая литература страдала; но за то спросите, сколько Русскихъ именъ записано на страницахъ общей Европейской науки, истинной, серьезной, въ теченіи этого времени, и вы увидите, что оно не пропало для умственного запаса поколѣній, слѣдующихъ за нами, не пропало для науки“, той науки, die nie ermattet,

грамота на царство Михаила Феодоровича Романова.

Die langsam schafft, doch nie zerstört,
Die zu dem Bau der Ewigkeiten
Zwar Sandkorn, nur zu Sandkorn reicht,
Doch ans der grossen Schuld der Zeiten
Minuten, Stunde, Jahre streicht *).

Намъ, старымъ людямъ, хорошо помнящимъ добро, и добрыя намѣренія, и неутомимую дѣятельность прошлаго царствованія, грустно и дико слышать, какъ оуждаютъ все и вся, изъ за ошибокъ послѣднихъ тяжелыхъ годовъ, тяжелыхъ по обстоятельствамъ, не зависившимъ отъ Россіи и ея Государя. Всѣ письма, нами собираемыя, доказываютъ, что совершенно иначе смотрѣли тогда на лица и дѣятельность того времени. Впрочемъ письма эти гораздо болѣе семейнаго свойства и имѣютъ развѣ тотъ интересъ, что живо рисуютъ характеръ покойнаго отца моего, который имѣлъ немало-важное вліяніе на государственныя дѣла, рисуютъ характеръ домашняго воспитанія въ Петербургѣ, которое тогда было почти общее, въ кругу людей достаточныхъ: ибо мало посылали даже мальчиковъ въ гимназіи (объ женскихъ гимназіяхъ не было и помину), и только съ университета начиналось для нихъ публичное преподаваніе. Отецъ мой продолжалъ такъ свое письмо новаго года: „Прибавлять ли, что и душою былъ съ Вами и выннмая часы думалъ: вотъ теперь можетъ быть и у нихъ начинается обѣдня, если стужа не помѣшала имъ выѣхать и если преподающей Чудовскій не болѣвъ“. (Кстати о Чудовскомъ, Нессельроде обѣщалъ мнѣ завтра непременно снова доложить о немъ). Я также спрашивалъ себя, какимъ образомъ вы проводили этотъ день. Первое наше Генваря не праздникъ въ

*) Кому святая власть дана
Всегда творить, не разрушая,
Мирять печальнаго съ судьбой
И, силу въ сердце водворяя,
Веречь въ немъ ясность и покой.

Берлинъ; слѣдственно весь праздникъ вы были дома; но что же дѣлали? Не была ли у Васъ маленькая лотерея? Или что нибудь похожее на старое? *) Я не суевѣренъ: знаю, что всѣ дни у Бога равны и что нѣтъ настоящаго начала года; не смотря на то, однакожъ, я вчера чувствовалъ необыкновенную грусть и въ церкви, п дома, и въ каретѣ между визитами, у меня почти безпрестанно наворачивались на глазахъ, а иногда катились слезы. Признаться ли, къ этому грустному расположенію прибавилъ меланхолическій тонъ послѣдняго письма Антуанеты. не ко мнѣ, а къ Телешову, которому она рассказываетъ, для чего она не хочетъ представляться ко Двору и выѣзжать въ свѣтъ. Милая Антуанета! Не давай своему воображенію увлекать тебя слишкомъ далеко. Будущее въ рукахъ Бога; плѣнись мечтами о немъ есть дѣтство, но не надобно и бояться его. Ты не хочешь выѣзжать, между прочимъ, для того чтобы не разорять гасъ: повѣрь, если мы разоримся, такъ не отъ того, что купимъ тебѣ флеровое платье, шаль или даже бриллиантовый головной уборъ. Ты спрашиваешь, думаю ли я, что, при нынѣшнихъ обстоятельствахъ, тебѣ въ свѣтѣ будетъ весело? Я отвѣчаю: можетъ быть невесело, но полезно, потому что умъ и характеръ совершенно образуются только въ свѣтѣ; и этотъ свѣтъ, пустой, вѣтранный, часто жесткій и несносный, также нуженъ для души нашей, какъ и занятіе въ уединеніи. Сохрани Богъ влюбиться въ него, но не должно его чуждаться. И такъ еще разъ послушай меня; я не безъ причины, а размысливъ, желаю, чтобы ты познакомилась со свѣтомъ и дворомъ, нынѣ же въ Берлинѣ, и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше; пусть не для своего, а для моего удовольствія. Я этого прошу у тебя, какъ подарка на новый годъ. Отъ Антуанеты перехожу къ другимъ нашимъ милымъ. Что Лидинька? Что ея груда?

*) Матушка обыкновенно въ новый годъ дѣлала лотерею (безденежную разумѣется) для насъ.

Наконецъ и что ея танцы, съ новымъ танцмейстеромъ? *) Андриуша не сочинилъ ли стиховъ на конецъ 1830 года или начало 31-го года? И Вадамъ не положилъ ли ихъ на музыку? Началъ ли ходить къ вамъ Неволинъ?

Въ этихъ письмахъ, сквозь мелкія извѣстія частной жизни и семейныя заботы, ясно видятся непреодолимая грусть и беспокойство о дѣлахъ политическихъ. Бунтъ въ Польшѣ не прекращался. Онъ уже переходилъ на окраины имперіи, въ лѣса Жмудскіе и на Волынь, куда ретировался Великій Князь Константинъ Павловичъ. Онъ еще прежде стоялъ на Волыни, командуя войсками, расположенными тамъ въ мирное время. Въ нынѣшнемъ году случилось мнѣ проѣзжать черезъ Тучинъ, мѣстечко Ровейскаго уѣзда. Стоитъ тамъ, тихо и уединенно, довольно большой господской домъ съ флигелями и службами, съ красивымъ запущеннымъ садомъ. Преданіе еще не совсѣмъ исчезло о веселой гостепріимной жизни у Великаго Князя и миловидной, пріятливой княгини Ловичъ. Вообще замѣчательно, что, не смотря на неровности характера и непослѣдовательность дѣйствій Константина Павловича, Поляки вообще относятся, и даже въ то время относились, къ нему скорѣе дружелюбно. Женатый на Полькѣ, расположенный къ Полякамъ, даже до несправедливости къ Русскимъ, онъ какъ бы сроднился съ ними; а войско ихъ любилъ какъ свое твореніе, какъ балованныхъ дѣтей. Достоверно, что разъ во время войны онъ воскликнулъ: „Видите, какъ хорошо дерутся мои Поляки“. Когда само Польское войско желало участвовать въ Турецкой войнѣ, увѣряютъ, что онъ воспротивился, жалѣя

*) Гимнастическія упражненія, которыя тогда были новостію.

ихъ и даже сказалъ, что ничто не портитъ такъ армію какъ война. Правдивъ ли этотъ разсказъ, не ручаюсь. Въ обществѣ онъ былъ блистательный, оригинальный, очаровательный по своему остроумію и любезности съ женщинами, какъ отецъ его Императоръ Павелъ, а въ Польшѣ женщины извѣстны своимъ вліяніемъ на общее мнѣніе и на политику. Волянь тогда считалась Польшею не только Поляками, которые и теперь не оставляютъ притязаній на нее, но и самими Русскими. Всѣ высшіе классы принадлежали Римской церкви, воспитывались ксендзами или монахами, а пагубное управленіе Чарторыжскаго министерствомъ просвѣщенія, еще болѣе вредная дѣятельность Чацкаго съ его Кременецкимъ Лицеємъ, совратили въ половизмъ и средній и даже отчасти нижній классъ, т. е. дворовыхъ людей. Между прочими доказательствами этого вліянія, которыя нынѣ встрѣчаемъ на каждомъ шагу, припоминаю одинъ случай. Въ 1865 году я останавливалась на квартирѣ въ домѣ князя Яблоновскаго; у него жилъ управляющій домомъ, старый служитель, Полякъ и католикъ, вѣрный, привязанный къ своему барину. Онъ чисто и правильно говорилъ порусски, какъ человѣкъ, съ издавна привыкшій къ языку. Тутъ же былъ молодой камердинеръ лѣтъ 25, туземецъ изъ Малороссіянъ: онъ былъ грамотный, по только на Латинскія буквы, говорилъ и читалъ попольски какъ на родномъ языкѣ и конечно не забылъ Малороссійскаго нарѣчія, но на общерусскомъ языкѣ съ большимъ трудомъ объяснялся, коверкая его. Такъ наглядно было для меня, какимъ образомъ успѣли ополячить Русскія губерніи, именно съ тѣхъ поръ, какъ онѣ были возвращены Рос-

сіи. На наше счастье, феодальное и аристократическое чувство Польское относилось съ презрѣніемъ къ массѣ народа и къ нашему сельскому духовенству; закрѣпощенное крестьянство и заброшенное духовенство спасли западную Русь. „Камень его же небрегоша зиждущіе, сей бысть во главу угла“.

И опять Государь Николай Павловичъ, неподготовленный, непосвященный въ тайны бюрократическихъ интригъ предшествовавшаго времени, можно сказать инстинктивно, силою своего Русскаго чувства и любовію къ церкви, понялъ истинное положеніе дѣлъ и подаль руку помощи изнемогающему въ борьбѣ духовенству, къ возвращенію униатовъ; а нынѣшнее царствованіе, освободивъ крестьянъ, поставило крѣпкій оплотъ противъ козней враговъ внутреннихъ и вѣнскихъ. Но во время пребыванія Константина Павловича въ Тучинѣ, о забитомъ Русскомъ народѣ никто и не думалъ; за то и память о томъ времени и о тѣхъ лицахъ въ народѣ не сохранилась. И какъ-то уныло смотритъ вся эта мѣстность (comme si l'on avait passé une éponge sur tout ce passé), столь оживленная и веселая во время оно. Однако въ Январѣ 1831 года еще тяжелѣ и болѣе мрачно было тамъ. Русская армія ретировалась черезъ границу Царства Польскаго, оставляя его такимъ образомъ въ полномъ распоряженіи заговорщиковъ и иностранныхъ агентовъ. Изъ Русскихъ многіе попались въ плѣнъ, другіе оставались безъ службы. Батюшка писалъ: Скажи Бюцову, что я говорилъ графу Нессельроду и показалъ ему письмо его. Вице-канцлеръ очень хорошо къ нему расположенъ, но еще не знаетъ какъ ему удастся устроить будущую судьбу всѣхъ тѣхъ,

которые принадлежали къ канцеляріи Цесаревича.

21 Января 1831 г. С.-Петербургъ.

..... Разсказывать почти пли вовсе нечего. Новости политическія мы получаемъ отъ васъ въ вашихъ Берлинскихъ газетахъ, даже о дѣлахъ Польскихъ столь близкихъ намъ, объ Французскихъ, объ Англійскихъ и недавно. Здѣсь новаго нѣтъ ничего, кромѣ выстушенія полковъ гвардіи одного за другимъ. Говорятъ о свадьбахъ; сказываютъ, что княжна Александрѣ или Алина Волконская выходитъ за Дурново, брата того, который убитъ подъ Варной; сказываютъ также, то есть мнѣ сказывалъ только одинъ человекъ, что гр. Шереметевъ женится на Новосильской, новой фрейлинѣ. Правда ли, не знаю. Послѣ завтра спектакль въ Эрмитажѣ, 1-ый нынѣшней зимою. Вчера былъ рауть у князя Сергѣя Михайловича Голицына. Завтра рауть у Потоцкаго *). Вотъ все и, какъ видишь, не весьма любопытное. Особѣ мнѣ сказывать также почти нечего; я все болѣе и продолжаю тянуть свой гузъ если не съ удовольствіемъ, то по крайней мѣрѣ съ терпѣніемъ, съ покорностію волѣ

*) Графъ Станиславъ Потоцкій жилъ тогда въ собственномъ домѣ на Англійской набережной, много и любезно принималъ, давалъ блистательные праздники и, владея большими имѣніями въ Имперіи, считалъ себя если не Русскимъ, то безспорно подданнымъ Русскаго царя и единоплеменникомъ съ нами. На возстаніе въ Польшѣ онъ смотрѣлъ какъ мы, какъ многіе другіе. Это былъ бунтъ, вспышка злоумышленниковъ, противъ которыхъ негодовали и должны были бороться все честные люди, вѣрные данной присягѣ: это было прискорбное происшествіе. Но не ожидали національной войны. Неоспоримо, что рьяный патріотизмъ послѣдующихъ поколѣній тогда не существовалъ между поклонниками времени Потоцкаго, изъ тѣхъ, которые не были исключительно владѣльцами и подданными Царства Польскаго. Ненависть къ Россіи и къ Русскимъ было чувство напускное, навязанное изъ-за границы, но увѣ! сѣмя принесло плодъ сторицею. и дочь Потоцкаго и ея сверстники, а ихъ потомство и недавно, уже непримиримо относятся къ намъ.

Провидѣнія. Дашковъ будетъ завтра, но Богъ знаетъ, отдохну ли я и послѣ его пріѣзда. Дѣло Чудовскаго не успѣли рѣшить до отправленія курьера. Святѣйшій Синодъ немножко задержалъ его, однако же наконецъ сегодня я получилъ отвѣтъ князя Мещерскаго и сегодня же исредалъ его графу Нессельроде. Надѣюсь видѣть его завтра пли послѣ завтра и еще поговорить о Чудовскомъ и о Бюцовѣ. Послѣднему буду отвѣчать, какъ только вице-канцлеръ скажетъ мнѣ что нибудь утѣшительное.“

До Берлина тоже не доходили никакія важныя извѣстія. Была какаятотышь передъ грозой. Я нахожу въ письмахъ только упоминанія о разныхъ проѣзжихъ или новыхъ знакомыхъ, объ знаменитостяхъ театральныхъ и объ учителяхъ нашихъ. Матушка пишетъ о проѣздѣ хорошаго знакомаго нашего графа Сергѣя Григорьевича Строгонова, о пріятельскихъ послыкахъ изъ Дрездена, отъ семейства Бека, перваго мужа княгини Марьи Аркадьевны Вяземской (рожденной Столыпиной). Матушка писала:

Сегодня балъ у принца Вильгельма, но видно король тамъ не будетъ, потому что мы сей часъ видѣли его во Французскомъ театрѣ, который онъ очень любить и не пропускаетъ почти ни одного представленія. Скажи Полетикъ, что я часто вижу его пріятеля Мальтица, съ его женой Американкой, съ которой я короче всѣхъ здѣсь знакома; она очень правится мнѣ: добрая и милая дама; жаль только, что слабаго здоровья. Посылаю тебѣ письма дѣтей; мальчики отъменно довольны, что учатся ружью и маршировать.

Я писала о представленіи въ Орепгаузе: „Мы только что воротились изъ театра, гдѣ видѣли знаменитую M-me Schröder Dervient въ Весталкѣ. Съ тѣхъ поръ какъ мы ее видѣли въ Дрезденѣ; она очень потолстѣла; ей не къ лицу Римское платье, отъ котораго она ка-

жется еще толщѣ. Голосъ у нея такой же какъ и прежде, очень большой, очень сильный, но не очень пріятный: она хорошо играетъ и прекрасно драпируется, но за то ужъ драпируется безпрестанно. Вообще она для меня не увлекательна“.

Впрочемъ такое сужденіе объ одной изъ тогдашнихъ знаменитостей сцены могло зависить просто отъ печальнаго настроенія духа моего. Я жила или въ прошедшемъ, или въ отдаленномъ настоящемъ, т. е. въ Россіи и въ Польшѣ.

Но, объѣднн, какъ я вамъ уже писала, у насъ не было, потому что Чудовскій серьезно болѣвъ, а Потсдамской священникъ не пріѣхалъ по весьма уважительной причинѣ: тамошняя колонія имѣла конечно болѣе права на объѣдню въ ихъ церкви. Мы это слышали отъ Русскихъ солдатъ-колонистовъ, пріѣзжающихъ въ Берлинъ представляться королю всякій годъ 1-го Января стараго стиля. Вечеромъ они пришли къ намъ поздравить съ праздникомъ и принесли очень вкусный Вѣвскій пирогъ, на которомъ былъ огромный двуглавый орелъ изъ сахару съ вензелемъ Н. I. въ серединѣ. Это было хлѣбъ-соль. Матушка стала ихъ спрашивать объ ихъ житьѣ-бытьѣ; они говорятъ, что король очень милостивъ къ нимъ, что имъ очень хорошо и удобно жить, „но все таки (прибавили они грустно) мы вамъ завидуемъ, что можете когда нибудь воротиться домой, а у насъ нѣтъ надежды увидѣть опять Россію“. Правду говоритъ пословица: „какъ волка ни корми, онъ все въ лѣсъ глядитъ“. Одинъ изъ нихъ, унтеръ-офицеръ рассказалъ по своему весь разговоръ (по поводу ихъ колоніи) между Александромъ Павловичемъ и королемъ; они говорили пофранцузски, но онъ кажется понимаетъ этотъ языкъ, потому что жена его Француженка, объ которой онъ говоритъ: „я завоевалъ ее въ Парижѣ“, гдѣ онъ былъ въ плѣну. Посѣщеніе этихъ солдатъ бы-

ло большимъ удовольствіемъ для насъ: такъ утѣшительно видѣть соотечественниковъ въ чужихъ краяхъ *). Пишу съ курьеромъ сегодня и могу рассказать анекдотъ, который неловко было бы писать по почтѣ. Есть дама въ Прусской Польшѣ, кажется Мильчевская ея фамилія, которая позвала всѣхъ своихъ крестьянъ къ себѣ въ усадьбу, когда узнали объ Варшавскихъ событіяхъ, вышла къ нимъ на балконъ и начала говорить имъ объ вольности, объ освобожденіи ихъ Польскихъ братьевъ, объ общемъ возстаніи. Но крестьяне преспокойно отвѣчали: „Ужъ вы простите насъ, но на этотъ разъ мы васъ слушаться не можемъ; мы не пойдемъ противъ королевской арміи“; и разошлись по своимъ домамъ, къ великому негодованію своей воинственной барыни, не ожидавшей, что теперешніе Поляки до такой степени выродились. Много рассказывали случаевъ такого же рода и увѣряютъ, что они совершенно достоверны. Одинъ Полякъ, служащій въ здѣшнемъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, получилъ вскорѣ послѣ возстанія въ Варшавѣ какое-то письмо, и нѣсколько минутъ послѣ того какъ оно было ему передано, камердинеръ его услышалъ пистолетный выстрѣлъ, вбѣжалъ въ комнату и нашелъ своего господина уже мертвымъ; только конвертъ лежалъ на столѣ, а на полу слѣды сгорѣвшей бумаги указывали на сожженіе самаго письма. Рассказываютъ еще, что молодой офицеръ Прусской службы ухалъ лѣтомъ въ отпускъ къ отцу и недавно писалъ сюда къ своему командиру, что, не смотря на его сопротивленіе и просьбы (потому что онъ не хотѣлъ измѣнить присягѣ), отецъ его непременно требо-

*) Разговоръ, переданный солдатомъ, я теперь не помню, да и вѣроятно онъ не очень точно его передавалъ. Помнится, что это было что-то въ родѣ подарка на память искренняго союза во время войны; но у этихъ бѣдныхъ людей согласія не спросили, и они трудно мирились съ этимъ изгнаніемъ. Такъ странно и дико казалось мнѣ все это тогда и непонятно кажется теперь.

валъ, чтобъ онъ подалъ въ отставку, даже схватилъ кинжалъ, объявляя, что онъ слишкомъ любитъ отчизну, чтобъ колебаться принести въ жертву сына, недостойнаго Польши. Зная, что отецъ его способенъ привести въ исполненіе такую угрозу, онъ написалъ прошеніе объ отставкѣ, увѣряя командира, что, получивъ ее, надѣется ускользнуть отъ надзора отца и воротиться въ Берлинъ, хоть переодѣтый нищимъ, если нужно; отставку выслали, но я не знаю, воротился ли онъ, или все это только выдумка, чтобъ избавиться отъ службы.

Уже тогда я начинала подозрѣвать обманъ такого рода; теперь я такъ наглядѣлась на врожденную фальшь и театральность Польскихъ патріотовъ, что вѣрю въ исторію кинжала, но только какъ въ эффектную замашку этого современнаго Брута.

Берлинъ ¹⁶/₂₈ Января 1831 г.

Дѣти наши всѣ, благодарн Бога, здоровы (писала матушка). Дѣвочекъ воила сегодня въ оперу Ифигенія Глюка; а мальчикамъ лучше захотѣлось въ Французскій театръ, куда они вѣзли съ своимъ новымъ учителемъ Калмыковымъ, который съ нами и обѣдалъ. Наконецъ онъ пріѣхалъ, явился ко мнѣ въ Субботу и сегодня началъ 1-ый урокъ съ дѣвочками нашими, а въ Пятницу будетъ къ мальчикамъ. — Графъ находитъ, что Лидіи гораздо лучше, хотя у насъ все это время были морозы отъ 10—12—15 градусовъ. Антуанета начала веселѣе смотрѣть на свое явленіе ко двору и въ свѣтъ.

Надѣюсь, что ее ласково примутъ, какъ и меня принимаютъ до сихъ поръ. У насъ въ семьѣ по Воскресеньямъ всегда праздникъ: какъ принесутъ твое письмо, я велю позвать всѣхъ нашихъ дѣтей, и мы вмѣстѣ читаемъ; но нынѣшнее Воскресенье не весело было, потому что не было писемъ..... Вчера я обѣдала у принца Вильгельма (нынѣшній Императоръ) который спрашивалъ,

кто писалъ манифестъ и говорилъ, какъ онъ хорошъ; я ему сказала, что ты. Онъ отвѣчалъ: je l'ai pensé, mais je n'en étais pas sûr, parceque je sais que m. Spéranski écrit aussi les manifestes quelquefois. N'est-ce pas que c'est aussi votre mari qui a fait le rapport de l'enquête, qui est si bien écrit *)? Въ Субботу я звана на завтракъ, déjeuner dansant, къ принцессѣ Луизѣ Радзивиль. Мнѣ очень жаль, что Антуанета не успѣла еще представиться. Обѣ дочери принцессы очень милы. Здѣсь всѣ утвердительно говорятъ объ отъѣздѣ Государя къ арміи и всѣ у меня спрашиваютъ, правда ли это, и не пишешь ли ты ко мнѣ.

(28 Января) 9 Февраля, Берлинъ 1831 г.

Въ Воскресенье я была на балѣ у графини Люксбургъ**), гдѣ были принцы и принцессы, и я первая сказала о благополучномъ разрѣшеніи Великой Княгини (Елены Павловны) дочерью***). Никто даже изъ нашихъ Русскихъ не зналъ. Принцъ Карлъ очень много говорилъ со мной о Великой Княгинѣ и спрашивалъ про нее. Да еще не знаю, кто ему сказалъ, вѣроятно Мейендорфова, что я хочу представить Антуанету; говорилъ, что она очень молода, на видѣ 14 и много 15-ти лѣтъ; я сказала, что уже 19-й. Онъ мнѣ сказалъ: „что же вы ее не представляете, скоро и зима пройдетъ“. Это правда; но ей что-то все не здоровится: сегодня очень болѣла голова, и у мальчиковъ тоже; говорятъ, что это въ воздухѣ. Вчера мнѣ сказывали тоже, что пріѣхалъ курьеръ съ извѣстіемъ, что Бельгійцы выбрали королемъ герцога Немурскаго; но неизвѣст-

*) Выписываю эти строки, чтобы показать, что принцъ читалъ и слѣдилъ если не за нашей литературой, то по крайней мѣрѣ за правительственными распоряженіями и сочувственно относился къ нимъ. Онъ вообще любилъ Русскихъ и былъ особенно друженъ съ своей сестрой императрицей Александрой Феодоровной.

**) Жена Баварскаго посланника.

***) Великая Княжна Александра Михайловна, умершая въ дѣтствѣ.

но еще, король согласится ли, чтобы его сынъ принялъ. Чѣмъ все это кончится? Въ здѣшнихъ газетахъ пишутъ что баронъ Дельвигъ, стихотворецъ, умеръ. Не ужели это нашъ знакомый? Если онъ, жалко очень его бѣдной жены.

Не было важныхъ извѣстій и въ письмахъ батюшки. Онъ писалъ 14-го Января: Я не имѣлъ времени отвѣчать на одну статью твоего письма, отвѣчаю теперь. J'ai fait auprès du C-te Kotshoubeu la démarche, que tu as désirée (опять относится къ фрейлинскому вензелю) но тебѣ извѣстны мои правила, или если угодно, моя стыдливая неловкость въ дѣлахъ такого рода. Я побѣдилъ ее: на чтѣ не рѣшился бы для себя одного, то долженъ былъ сдѣлать для тебя, и сдѣлалъ, хотя признаюсь и не безъ труда, не безъ сильной борьбы съ самимъ собою. И не даромъ ли? Точно ли будетъ нужно и полезно? Дашковъ наконецъ возвратился; отдыхъ и деревенская почти беззаботная жизнь, а можетъ быть и воздухъ, который даже въ Ризани лучше, чѣмъ въ Петербургѣ, кажется совершенно поправили его здоровье. Онъ завтра вступаетъ въ исправленіе своей должности, и при семъ случаѣ я получилъ отъ Государя милостивый рескриптъ, съ котораго посылаю тебѣ копію.

16го Января 1831. С. Петербургъ.

Наконецъ нашъ преподобный добрый Чудовской пожалованъ кавалеромъ Св. Анны 2-й степени. Посылаю тебѣ копію съ указа о немъ. Другихъ новостей покуда нѣтъ. Военныя дѣйствія на западныхъ границахъ еще не начались, и какъ слышно начнутъ не прежде конца Января стараго стили; впрочемъ вѣроятно, что вы объ нихъ узнаете прежде насъ. Мы здѣсь живемъ по прежнему довольно тихо, однако же есть и веселья: театры, рауты, какъ я кажется сказывалъ тебѣ въ одномъ изъ своихъ послѣднихъ писемъ. Я сдалъ Министерство Юстиціи Дашкову, но еще не отдыхаю; у меня и теперь и впере-

ди много другихъ дѣлъ обыкновенныхъ и экстраординарныхъ.

21 Января 1831 года. С.-Петербургъ.

.....Спѣшу сказать тебѣ, мой милый другъ, что графъ Кочубей сдержалъ свое слово, вчера докладывалъ Государю о дѣлѣ, которое лежитъ у тебя на сердцѣ. Государь принялъ просьбу благосклонно, прибавивъ, что желаемое нами будетъ сдѣлано au premier jour de fête, по заведенному для сего порядку. О семъ милостивомъ обѣщаніи дозволено объявить мнѣ, и я вчерась же благодарилъ Государя, сначала письменно, не зная, что въ тотъ же вечеръ буду имѣть счастье видѣть Его Величество, а потомъ на словахъ при докладѣ *).

Новыхъ извѣстій въ такъ называемомъ свѣтѣ нѣтъ никакихъ, какъ мнѣ кажется, кромѣ смерти двухъ стариковъ изъ первыхъ чиновъ двора: оберъ-шенка графа Чернышева и оберъ-камергера князя Якова Лобанова; третій старикъ, Мятлевъ, также умираетъ, но успѣлъ выдать послѣднюю дочь свою, которую хотѣли сосватать съ Дашковымъ, за Бибикова. И Чернышева дочь, четвертая или пятая, не задолго до смерти отца вышла замужъ за графа Θεодора Палена, того, который управлялъ Княжествами (Молдавией и Валахией) и подписалъ вмѣстѣ съ Орловымъ славный Адрианопольскій трактатъ. Дашковъ, со вчерашняго дня, въ большемъ горѣ. Онъ получилъ извѣстіе о смерти матери своей, къ которой ѣздилъ, съ которой такъ долго жилъ нынѣшнею осенью, какъ будто предчувствуя ея близкую

*) Особого дня для доклада у батюшки не было, а Государь часто за нимъ посылалъ то по утрамъ, то по вечерамъ, какъ случалось, давая ему разныя порученія и работы, сверхъ обыкновенныхъ, по главному управленію иностранныхъ исповѣданій, какъ статсъ-секретарю.—Помнится, что при первомъ назначеніи батюшки статсъ-секретаремъ, въ началѣ царствованія, Государь сказалъ ему: «Вы статсъ-секретарь, мои гражданскіе генералъ-адъютанты: готовь себя къ различнымъ порученіямъ».

кончину и не успѣвъ сказать ей послѣднее прощаніе. Умерли тоже на этихъ дняхъ двое изъ нашихъ литераторовъ: басенникъ Измайловъ и баронъ Дельвигъ, издатель Сѣверныхъ Цвѣтовъ, зять Михаила Александровича Салтыкова. Вдова его ждетъ отца и вѣроятно поѣдетъ съ нимъ въ Москву.

(28 Января) 9 Февраля 1831 г. С.-Петербургъ

Посылаю тебѣ, мой милый другъ, или къ вамъ всѣмъ, новый манифестъ о дѣлахъ Польскихъ. Онъ одобренъ и подписанъ Государемъ въ прошедшее Воскресенье, послѣ спектакля въ Эрмитажѣ, а вчера прочтенъ въ Сенатѣ и обнародованъ. Вы въ немъ увидите тѣже чувства великодушнаго и благороднаго милосердія, но и туже сообразную съ достоинствомъ Монарха твердость, коими ознаменованы всѣ дѣйствія нашего Государя въ отношеніи къ несчастному краю, приведенному на край гибели толпою злодѣевъ и безумцевъ. Надѣюсь, что мнѣ удалось не совсѣмъ слабо выразить всѣ эти прекрасныя чувства. Государь былъ очень доволенъ моимъ прозкомъ и сказалъ: „Въ изъясненіе благодарности, обнимаю тебя.“

Послѣ долгаго политическаго затишья въ Польшѣ, вдругъ стали распространять вслѣдъ за манифестомъ, различныя болѣе или менѣе невѣрныя или преждевременныя извѣстія. До тѣхъ поръ все, кажется, надѣялись, что не дойдетъ до открытой войны. Такъ легко совершилась революція во Франціи, въ Бельгіи, такъ по видимому равнодушно всюду смотрѣли на самые коренные перевороты, что привыкли ожидать крайней уступчивости со стороны правительства. Россію мало знали вообще; она и по сихъ поръ осталась закрытой книгой для иностранцевъ; да не есть ли она загадка и для насъ самихъ? На каждомъ шагу нашей исторіи мы встрѣчаемся съ неожиданно-

стию, становимся лицомъ къ лицу съ незнакомою или забытою чертою народнаго характера. Мы люди, называемые образованными, ходимъ, такъ сказать, въ потемкахъ по своей землѣ даже и теперь, послѣ 40 лѣтъ изслѣдованій, изысканій и добросовѣстныхъ стараній понять самихъ себя и отчужденную отъ насъ народную массу. Только нѣкоторые изъ насъ, въ минуту великихъ событій, очнутся и, свѣтлымъ инстинктомъ сердечнаго чувства, понимаютъ свое родное и идутъ дружно съ народомъ къ дѣлу. Мнѣ кажется иногда, что мы живемъ въ какомъ-то сомнамбулизмѣ съ способностію ясновидѣнія у иныхъ изъ насъ.

Такимъ ясновидѣніемъ національнымъ, въ роковыя минуты, былъ въ высшей степени одаренъ Николай Павловичъ; даже когда можетъ быть такое увлеченіе было важною ошибкою (какъ напримѣръ Иерусалимскій вопросъ въ началѣ послѣдней войны), все же эти порывы были согласны съ порывами народнаго чувства. Такъ случилось и въ 1831-мъ году. Многіе (въ Берлинѣ напримѣръ), понимали требованія государственнаго достоинства и самосохраненія верховной власти въ Русскомъ правительствѣ; но казалось невѣроятно, чтобъ ему отвѣчало такое единодушіе во всемъ народѣ. Воображали въ Россіи борьбу между монархизмомъ и революціею, — а у насъ не было и вопроса о монархіи. Само собой разумѣлось, что безъ Царя ничего и немислимо, что Царь и Россія это одно и тоже и что Онъ олицетворяетъ въ себѣ Отечество и народъ. Не за свою личную обиду, не за абстрактную теорію монархіи приходилось ему выступать на бой. Это была обida общая всѣхъ и каждаго, и долгія столѣтія кровавой борь-

бы смутно, но неотразимо овладѣвали душой всякаго Русскаго, и безсознательные Минины и Хмѣльницкіе шли въ рядахъ рекрутовъ, вызванныхъ на войну съ Ляхами. Мы тогда не были въ Россіи, но знали это отъ отца и отъ многихъ другихъ. Тоже самое повторилось въ 1863 году, не смотря на всё происки, на всю подпольную работу, продолжавшіяся цѣлую четверть вѣка.

На этотъ разъ (1863) мы были во внутреннихъ губерніяхъ Россіи, а дѣто провели въ деревнѣ въ Смоленской губерніи. Передъ тѣмъ казалось, что всякое (въ Смоленскѣ) воспоминаніе о Польскомъ насиліи давно исчезло. Въ простонародіи, Шеина проломъ неизвѣстенъ, и взрывъ собора забытъ. Въ этой губерніи нашествіе Французовъ и разоренный годъ (1812) изгладили всё прежніе ужасы, всё прежнія страданія. Но вдругъ, при первой попыткѣ бросить шайку повстанцевъ чрезъ Смоленскую границу—встрепепулся народъ какъ одинъ человекъ, и откуда взялась энергія, и инициатива, и ненависть противъ забытаго врага Поляка, и ревностное стремленіе отдать себя всецѣло Царю, вождю рожденному, вѣрному, единственно надежному. Въ каждомъ селѣ, въ каждой деревушкѣ собирались сходки „писать письмо“, какъ они выражались, Государю, чтобъ сказать Ему непремѣнно: „Обожаемый Монархъ, мы на все готовы за тебя, мы всё до послѣдняго пойдемъ съ тобой; не отдадимъ ни пяди земли Русской?“— Во всѣхъ возможныхъ вариантахъ, предложенныхъ писарями, крестьяне вставляли непремѣнно: „Обожаемый Монархъ, всё до послѣдняго пойдемъ съ Тобой; ни пяди земли не отдадимъ“. Дворяне по своему (покрайней мѣрѣ въ Смоленской

и Нижегородской губерніяхъ) тоже самое высказали и искренно готовы были подтвердить на дѣлѣ. А между тѣмъ, прислушиваясь къ обычному ворчанію и фрондѣрству, читая между строками печатныхъ и рукописныхъ сочиненій, можно ли было ожидать такого единодушія и преданности? Этого и не ожидали Поляки, ни въ 1863, ни въ 1831 году, и манифестъ о военныхъ дѣйствіяхъ засталъ ихъ въ расплохъ. Все вниманіе было опять обращено на насъ; опять слухами стала земля полниться.

Берлинъ 10го Февраля 1831 г.

Здѣсь говорятъ, что нѣкоторыя части нашихъ войскъ въ 6 или 4-хъ миляхъ отъ Варшавы: что были сраженія, что мы побили часть неприятеля. Ты это увидишь въ Берлинскихъ газетахъ и зрѣше нашего все узнаешь по доносамъ изъ арміи. А въ Варшавскихъ газетахъ пишутъ, что они насъ побили и ретировались потомъ съ честью; но мнѣ кажется, что ничего вѣрнаго мы не знаемъ, хотя говорятъ, что скоро должно ожидать чего нибудь важнаго. Мнѣ принцесса Радзивиль сказывала, что Императрица беременна двумя младенцами: ты объ этомъ ничего не пишешь. Священникъ Чудовской черезъ силу привязалъ ко мнѣ, чтобы и къ тебѣ написала его величайшую благодаростъ; онъ безъ памяти доволенъ. Благодарю тебя за копию манифеста, который я нашла прекраснымъ: онъ меня до слезъ тронулъ: но можетъ быть я судья нецѣлѣпріятный.

Берлинъ 11го Февраля 1831 г.

.....Вчера вечеромъ на балѣ, Мейендорфъ мнѣ просилъ написать тебѣ, что онъ показывалъ манифестъ и говорилъ съ знатоками такихъ документовъ, которые сказали, что онъ чрезвычайно хорошъ; нельзя лучше написать, и всё его очень хвалить, между прочимъ графиня Алопеусъ, которая проситъ тебѣ

напомнить, что ты ея старый знакомый, что она тебя знала еще молодымъ. Еще мнѣ было отменно пріятно, что Мейендорфъ, бывший секретарь Императрицы, пишетъ къ брату уведомить меня, что всѣ вообще служащіе въ Министерствѣ Юстиціи не нахвалятся твоимъ правленіемъ и пріѣзжали къ тебѣ прощаться и благодарить. Ремеръ также говорилъ и Телешевъ писалъ, что все было въ такомъ порядкѣ, что такое огромное министерство ты передалъ въ 24 часа. Надѣюсь, что теперь ты хоть нѣсколько имѣешь отдыху. Мы здѣсь ожидаемъ извѣстій изъ нашей арміи; всѣ тѣ, которые въ здѣшнихъ газетахъ, кажется, невѣрны, тѣмъ болѣе, что большая часть взята изъ Варшавскихъ журналовъ. Нѣмецкій учитель сегодня сказывалъ, что слухи прошли, будто Варшава взята, но это кажется неправда. Я видѣла Мальтина, спрашивала, нѣтъ ли какихъ новостей, ожидаютъ завтра; слѣдственно это вздоръ. Я даже не хотѣла писать, но дай Богъ, чтобы пословица сбылась: гласъ народа, гласъ Божій. Одинъ здѣшній офицеръ мнѣ сказалъ: говорятъ, что вы победили Поляковъ, я очень радъ, *je suis royaliste dans l'âme*. Мальчики пишутъ къ тебѣ сегодня полатини, по предложенію ихъ учителя. Они ѣздили со мной въ Воскресенье на дѣтскій балъ у графини Оріоли (нашей Стокгольмской знакомой), гдѣ ихъ очень обласкали и нарочно для нихъ танцовали мазурку; старшій сынъ Оріоли сказалъ имъ: „*Faites la cour aux demoiselles; on aime beaucoup les Russes, et vous serez très bien reçus*“. — Они говорятъ, что подъ конецъ имъ было весело. Сегодня Калмыковъ давалъ урокъ и обѣдалъ у меня; сказывалъ, что ему предложили давать уроки Русскаго языка принцу Альберту, который уже началъ учиться въ Петербургѣ. Завтра у нихъ первый урокъ. Я очень удивилась на одномъ балѣ, когда адъютантъ принца началъ говорить со мной по-русски очень изрядно и видно съ удовольствіемъ, потому что когда я съ

нимъ говорила по-французски, онъ все отвѣчалъ по-русски; сказывалъ, что онъ жилъ нѣсколько лѣтъ въ Россіи, служилъ въ нашей арміи во всю Турецкую кампанію и былъ въ Одессѣ, когда тамъ была Императрица. *

Мнѣ хотѣлось бы отвѣчать дѣтямъ порознь на ихъ милыя письма, но теперь право я не въ состояніи; за то я къ мальчикамъ посылаю другой пріятнѣйшій отвѣтъ: Великаго Князя Наслѣдника въ томъ самомъ пакетѣ, въ которомъ получилъ его. За болѣзнію я не могъ еще благодарить Его Высочество.

*

Берлинъ (18 Февраля) 2 Марта 1831 г.

Завтра пошлю письмо съ Сергѣемъ Григорьевичемъ Строгоновымъ, который у насъ былъ сегодня и хотя жалуется на здоровье, *il est plus bel homme que jamais*. Фракъ ему такъ присталъ. Видѣть его мнѣ было такъ радостно и очевидно: онъ какъ будто частичку роднаго дома (*home*) привезъ съ собой, и онъ, счастливецъ, ѣдетъ домой. Боже мой, когда мы васъ увидимъ!

Такъ писала я коротко и печально, въ непреодолимо-грустномъ настроеніи, забывая даже рассказать про свои впечатлѣнія при самомъ началѣ этаго важнаго перехода изъ дѣтской комнаты въ большой свѣтъ, изъ жизни семейной и школьной въ жизнь общественную, даже для женщины болѣе дѣятельную и самостоятельную. Но для меня на чужбинѣ, въ тяжелыхъ обстоятельствахъ Отечества, въ отдаленіи отъ отца и отъ всего нашего милаго, дружескаго круга, этотъ большой свѣтъ въ Берлинѣ былъ только, по выраженію Бакона „*the gallery of printed pictures* (галерея живописныхъ картинъ), между которыми для меня были интересны развѣ Вандиковы портреты, т. е. живыя историческія лица. За то всякій пріѣзжій изъ Россіи, даже малознако-

мый или незнакомый человекъ, былъ для насъ неопѣненно дорогимъ гостемъ, графъ Сергѣй Григорьевичъ Строгоновъ подавно; онъ бывалъ часто у бабушки, и его пріятный разговоръ, любовь къ просвѣщенію и къ художествамъ, мягкое, пріятливое обращеніе, въ которомъ изысканность стараго Французскаго тона смѣшивалась съ военной простотой, все это составляло весьма привлекательную личность, и у насъ всѣ, и бабушка, и матушка, и дѣти его любили *). Не помню, гдѣ онъ служилъ въ это время, но онъ когда-то былъ губернаторомъ въ Минскѣ и оставилъ по себѣ самую добрую память, особенно между Польками, очарованными его вѣжливостью и любезностію **). Между прочими восхищались имъ, хотя только по наслышкѣ, три очень молоденькія Польки, которыя жили въ одномъ домѣ съ нами. Нѣсколько мѣсяцевъ передъ тѣмъ, одинъ разъ утромъ, увидѣли мы передъ окошками старый семейный рыдванъ, несомѣнно отечественнаго издѣлья, заложенный шестеркой долгогривыхъ, мохнатыхъ коней, тоже Русской породы, между тѣмъ какъ кучеръ, форейторъ и лакей были типы Польскихъ дворовыхъ людей, полузабитыхъ, полузадорныхъ. Это была г-жа Н., пріѣхавшая на своихъ, изъ нашихъ съверозападныхъ губерній, для леченія своихъ трехъ дочерей, Стефаніи Валеріи и Басси, т. е. Варвары. Она сама, какъ свой рыдванъ, была обра-

*) Надѣюсь, что графъ Сергѣй Григорьевичъ не взыщетъ съ меня за мою тогдашнюю оцѣнку. Все это такое далекое прошлое, что кажется будто и онъ и я, тогдашняго времени, совсѣмъ другіе люди,—отжившіе.

**) Говорили даже съ восхищеніемъ о томъ, что въ противоположность Евгенію Онѣгину: «Онъ дамамъ къ ручкѣ подходилъ». Вообще въ то время старыя дамы очень обижались *à la main*-ами.

зецъ деревенской барыни тѣхъ мѣстностей, пожилая и болѣзненная. У нея однако же были слѣды не красоты, а миловидности, и эта пріятная вкрадчивость въ манерахъ, которая такъ привлекательна въ молодыхъ Полькахъ и напоминаетъ грацію котенка. Ея дорожный костюмъ былъ изношенный, засаленный, воротничекъ давно не мытый и измятый, и на немъ какъ-то странно отдѣлялись своей бѣлизною дорогія нитки крупнаго жемчуга. Она была родственница графа Н. хорошаго знакомаго нашего, по вѣроисповѣданію кальвинистка. Узнавъ, что мы живемъ въ домѣ доктора Блюмера, она рѣшилась нанять у него квартиру, ссылаясь на наше короткое знакомство съ ея родственникомъ, просила матушку взять подъ свое покровительство дочерей ея, ибо сама принуждена была по домашнимъ дѣламъ воротиться въ деревню. Какъ я говорила прежде, мы привыкли смотрѣть на Поляковъ какъ на соотечественниковъ и скоро подружались съ нашими сосѣдками. Старшая, лѣтъ 16-ти, была очень болѣзненная, съ мистическимъ направленіемъ протестантскимъ, искренно вѣрующая, чистая душа; вторая хорошенькая дѣвочка 14-ти лѣтъ; третья Басся, умный живой и страстный ребенокъ; всѣ три экзальтированныя Польки, такъ что Басся приходила въ отчаянье, что она протестантка: потому, говорила она, что настоящій Полякъ непременно долженъ быть католикъ. Такъ тѣсно связано у нихъ, какъ у насъ, вѣроисповѣданіе съ національністю; и что ни говори, никакіе переводы молитвъ не могутъ измѣнить это вѣковое, историческое значеніе. У этихъ барышень было много Польскихъ книгъ, особенно стихотворныхъ; мнѣ пришла мысль учиться у нихъ по-

польски, и скоро мы стали читать съ наслажденіемъ стихи Мицкевича, для нихъ особенно дорогаго, какъ земляка-Литовца. Все это было, разумѣется, до начала войны; я впрочемъ продолжала чтеніе и послѣ, но мы безпрестанно ссорились съ ними и слышали отъ нихъ самыя сумазбродныя сужденія и неимовѣрныя извѣстія. У нихъ встрѣчали мы еще одну Польшку лѣтъ 28 или 30, которая страдала падучей болѣзнію, и ея изнуренный видъ, страшная блѣдность, впалые черные глаза, совершенное одиночество (кромѣ трехъ сестеръ N*** у нея не было знакомыхъ) и стѣсненные обстоятельства сблизили насъ. Ея патриотизмъ нѣсколько охладѣлъ, въ теченіе войны, отъ тяжелыхъ извѣстій въ письмахъ тѣхъ лицъ, которые высылали ей деньги. Одно за другимъ писали они, что все имущество отбирается въ пользу отчины. Разъ она пришла даже въ раздраженіе: 20 коровъ и 10 лошадей были пожертвованы на провіантъ и экипировку патриотической шайки. Наши три сестрицы напали на нее за ея скупость; но это былъ послѣдній скотъ у нея въ деревнѣ, и она съ тяжелымъ вздохомъ отвѣчала: *c'est très beau la patrie, mais elle ne rend jamais ce qu'elle prend*. Бѣдная В! Она была обречена на страданіе, и я не забуду ея томнаго убитаго взгляда, когда мы съ ней прощались! Теперь, когда я ближе ознакомилась съ Поляками, я вижу въ ней образецъ цѣлаго разряда людей между ними, которые отчасти по религиознымъ предразсудкамъ (если можно такъ выразиться), отчасти по безнадёжной любви къ родинѣ, отчасти по свойственной имъ податливости крикунамъ, уныло и безотвѣтно покоряются роли патриотовъ, безъ увлеченія, безъ восторга, безъ убѣжде-

нія даже. Много такихъ слабыхъ жертвъ находится между средними классами, но, какъ говорилъ графъ Северинъ Потоцкій: *nous ne vivons que pour la gallerie; voilà pourquoi en tête à tête avec un Polonais, vous pouvez le convaincre, et il vous donnera raison; mais dès que nous sommes trois ou quatre ensemble, nous perdons la tête, parcequ'il faut poser.* И вправду, это сдѣлалось у нихъ вторая натура; многіе даже рисуются безсознательно, и очень, очень мало между ними такихъ, у которыхъ хватаетъ на столько мужества, чтобъ быть всегда правдивыми; оттого, можетъ быть, и столько вралей — весьма забавныхъ впрочемъ — у нихъ. Театральность, *mise en scène* для нихъ наслажденіе, между тѣмъ какъ Русскій человѣкъ, даже оевропеизованный, всегда неловко и какъ-то несерьезно принимаетъ всякую театральную обстановку.

Не знаю чтоъ случилось съ нашей больною В.*** Изъ трехъ же сестеръ N старшая умерла въ ранней молодости; Валерія воротилась въ деревню и вышла замужъ; про Бассю мы, послѣ ихъ отъѣзда домой, ничего не слышали; да и попольски я забыла. Осталось памятью объ этихъ довольно короткихъ отношеніяхъ только два тома Мицкевича (купленныхъ мною, уѣзжая изъ Берлина), которые я бы плохо поняла теперь, еслибъ вздумалось перечитать ихъ.

Видѣли мы очень часто барона Александра Казимировича Мейендорфа и его жену. Такъ живо вспоминаются они мнѣ! Оба были довольно молоды, довольно привлекательной наружности; онъ, со всегда поднятой головой, *comme s'il humait l'air*, съ особенной походкой какъ-то немножко

раскачиваясь, съ добродушною улыбкою, съ готовностію всякому протянуть руку помощи, если не дружбы. Любознательный, дѣятельный и веселый, онъ всюду собиралъ новости и щедро расточалъ ихъ потомъ, несправляясь о ихъ истинѣ, такъ что никто, кажется, больше его не рассказывалъ небывальщины, хотя онъ не лгалъ и не выдумывалъ. Онъ былъ добрый и пріятливый до безконечности, и я никогда не забуду, какъ онъ и жена его меня призрѣли и пригрѣли въ первые скучные, грустные дни выѣзда моего въ большой свѣтъ, гдѣ все было такъ чуждо и холодно для меня. Баронесса Мейендорфъ была гораздо умнѣе мужа и одарена замѣчательнымъ талантомъ живописи. Она была скорѣе дурна, нежели хороша; но черные оживленные, смѣющіеся глаза, роскошные волосы, умнѣе одѣваться къ лицу, составляли все вмѣстѣ наружность болѣе привлекательную, нежели иной холодной и чопорной красавицы. Она была весьма любима въ Берлинѣ и имѣла большой успѣхъ въ модномъ свѣтѣ. Хотя отецъ ея былъ Голландецъ (Огерь), однако она была совершенно Русская и по душѣ и по воспитанію. Странно, какъ со временемъ теряешь другъ друга изъ виду. Я не знаю даже, жива ли она и гдѣ она, если жива? Другая полуголандка, хотя Русскаго имени, часто ѣзжала къ матушкѣ; это графиня de Bruges; она была рожденная графиня Головкина, но изъ Головкиныхъ переродившихся въ Голландіи, такъ что съ Русскимъ именемъ она порусски даже не знала, а мужъ ея съ Бельгійскимъ именемъ Bruges былъ Французъ. Она была вдова съ двумя дѣтьми: дочерью замужнею m-me De La Roche Lambert, и сыномъ Joseph de Bruges, о ко-

торомъ часто упоминается въ нашихъ письмахъ, потому что онъ часто бывалъ у насъ. Красивый собою, весьма неглупый, съ Французской ловкостью и веселостію, онъ былъ весьма пріятный собесѣдникъ, но, поступивъ въ Прусскую службу, онъ былъ еще рядовымъ и потому не могъ ѣздить ко Двору, ни на большіе вечера; а такъ какъ мать его все же была Русскаго происхожденія, то онъ очень много бывалъ между Русскими. Къ тому же ему очень нравилась одна молодая дѣвушка Емилиа Цейнеръ, съ которой я коротко познакомилась, и это конечно тоже привлекало его. Онъ впоследствии на ней женился, а черезъ нѣсколько лѣтъ умеръ. Это семейство были совершенные *légitimistes*, и сестра его тоже переѣхала на жительство въ Берлинъ. Она была очень остроумная, разговорчивая, съ достаточнымъ кокетствомъ, чтобы придать привлекательность весьма незамѣчательной наружности, и скоро у нея составился центръ для всѣхъ пріѣзжихъ и проѣзжихъ Французовъ оппозиціи. Она имѣла большой успѣхъ при дворѣ, и бывало на частныхъ балахъ или вечерахъ, знакомила принцевъ съ ея соотечественниками, не признававшими Луи-Филиппа и потому не представляемыми официально черезъ посольство. Это дало поводъ Французскому посланнику Bresson отѣчать однажды кому-то, кто спрашивалъ объ одномъ Французѣ, бывшемъ на балѣ у кровнъ-прищца: *Je ne le connais pas, monsieur; il est de l'ambassade de m-me De La Roche Lambert.* Она не была вдова и не была разведена съ мужемъ, но о немъ никто никогда не говаривалъ, и не знаю, пріѣзжалъ ли онъ въ Берлинъ и что онъ былъ за человекъ. Она и ея мать принадлежали къ маленькому круж-

ку старыхъ дамъ и дѣвицъ, родственныхъ между собою, жившихъ очень дружно, такъ что они безпрестанно бывали вмѣстѣ; съ ними матушка очень скоро сошлась: это были m-me de Berg съ дочерью и сестра ея m-me Parrenheim, умная, веселая, забавная старушка съ дочерью уже почтенныхъ лѣтъ, очень дурной собою и нѣсколько сентиментальной, но тоже доброй и привѣтливой, m-lle Zeuner. Ея сестра, старая дѣвица, добрѣйшая, неглупая и всегда готовая сочувствовать молодымъ дѣвушкамъ, веселиться съ ними, приголубить ихъ и поощрить. У нея жила ея молоденькая племянница Емилія Цейнеръ, хорошенькая, полненькая блондинка, свѣжая, умная, добродушная, вся жизнь и радость, какъ олицетвореніе весны. Съ нею я очень сошлась, и мы бывали неразлучны въ танцахъ и на вечеринкахъ. У нихъ была очень близкая родственница, чуть ли не двоюродная сестра, m-lle Pauline Néal, старая дѣвица, умная, образованная, хорошо разговаривающая, но далеко не такая добродушная, съ притязаніями на политическую ролю при псевдо-дворѣ Радзивиловъ, которыхъ она была другъ, наперсница и сеидъ, отдавшия душой и тѣломъ Польшѣ и ея освобожденію. Странное положеніе было Радзивила! Князь Антонъ, старикъ съ остатками красоты, d'un grand air, любезный и добродушный, былъ женатъ, не знаю какими судьбами, на принцессѣ Прусскаго королевскаго дома, Луизѣ. Она, въ то время, была толстая, некрасивая дама, похожая на жену бюргера Берлинскаго, скорѣе чѣмъ на принцессу крови, впрочемъ очень учтивая и совершенно опояченная (въ политическомъ отношеніи), смотрящая на Радзивиловъ какъ на изгнанную вѣтвь цар-

ственнаго дома въ силу того, вѣроятно, что каждый Польскій шляхтичъ могъ, во время оно, претендовать на избраніе въ короли. У нихъ было нѣсколько сыновей вѣроятно малолѣтнихъ (ибо не помню, чтобъ случилось видѣть ихъ) и двѣ дочери Елиза и Ванда; послѣдняя пошла въ мать и въ 16 лѣтъ уже казалась не молодою; именемъ и направленіемъ она представляла Польскій элементъ семейства. Старшая Елиза была уже тогда въ чухоткѣ, но еще очень хороша; исхудалыя благородныя черты лица, впалыя щеки, покрытыя лихорадочной краской, томные, усталые голубые глаза, узкія плечи и нѣсколько нагнутый впередъ станъ, все носило отпечатокъ какого-то грустнаго утомленія, утомленія ли отъ борьбы молодости съ смертельнымъ недугомъ, или борьбы сердца съ измѣнившими ей надеждами любви. Хотя она скорѣе была похожа на отца, чѣмъ на мать, однако ея красота была положительно Нѣмецкая, полная мечтательности и простоты, будто изъ какой нибудь Рейнской легенды. Помнится она мнѣ особенно на одномъ балѣ: вся въ бѣломъ, съ букетомъ зелени и какихъ-то бѣлыхъ цвѣтовъ въ кудряхъ свѣтлыхъ волосъ. Вижу я ее передъ собою грустно облокотившуюся на спинку стула, подлѣ своего кавалера, съ видомъ такого безсильнаго унынія, такой безнадежной тоски, что казалось:

Стояла Пери молодая
У вратъ потеряннаго рая;
И тихо плакала она
О томъ, что рая лишена *).

Не я одна, кажется, была поражена ея выраженіемъ. Принцъ Вильгельмъ

*) Мнѣ вспомнилось тогда, что я видѣла ея портретъ въ этой роли, въ живыхъ картинахъ, представленныхъ гораздо прежде.

не танцеваль *); онъ стоялъ поодаль въ дверяхъ и долго грустно смотрѣлъ на Елизу. Было ли то простое родственное чувство состраданія?... Или была тутъ-богѣ глубокая грусть?—трудно сказать; посреди шума музыки и говора, среди кружащихся въ вальсѣ веселыхъ лицъ, нельзя было не вздохнуть, глядя на этихъ двухъ молодыхъ людей, разлученныхъ политическимъ положеніемъ принца. Въ Берлинѣ тогда увѣряли, что княжна Радзивиль, дочь Прусской принцессы, воображала себя *ebenbürtig*.... (ровная по происхожденію) и крѣпко полюбила принца, въ увѣренности, что онъ на ней женится. Говорятъ, что принцъ самъ считалъ бракъ съ своей кузиной не только возможнымъ, но и весьма приличнымъ. Можетъ быть, оно бы такъ и вышло, еслибы у кронъ-принца были сыновья; но онъ былъ бездѣтный, и принцъ Вильгельмъ долженъ былъ (послѣ него) наследовать престоломъ. Возвести дочь Польскаго магната въ королеву Прусскую не было въ видахъ осторожнаго и благоразумнаго короля Фридриха Вильгельма III. Онъ зналъ, какъ бы оно показалось неумѣстнымъ, опаснымъ и можетъ быть обиднымъ его народу, и сколько интригъ и безразсудныхъ надеждъ оно бы возбудило между Поляками при Берлинскомъ дворѣ. Онъ рѣшительно отказалъ въ своемъ согласіи и вскорѣ просваталъ сына на принцессу Августу Веймарскую, дочеръ Великой Княгини Маріи Павловны. Принцъ тогда былъ женатъ болѣе года. Все это впрочемъ рассказывалъ мнѣ Мейендорфъ и можетъ

*) Онъ не былъ никогда красавцемъ; но статный ростъ, благородная осанка, открытое выраженіе лица и что-то искреннее, сердечное въ его глазахъ и обращеніи, привлекали къ нему больше, нежели ко многимъ другимъ, слышущимъ красавцами.

быть мое воображеніе мнѣ представило то чего и не было.—Княжна Елиза не долго прожила, умерла въ чухоткѣ. А принцъ Вильгельмъ, нынѣ король Прусскій, императоръ Германскій. Равно въ испытаніяхъ и успѣхахъ жизни онъ сохранилъ благородство и прямоту своей молодости, ту искренность и сердечность, которыя были такъ симпатичны въ немъ; кто зналъ его прежде, тотъ не усумнится ни минуты въ полной правдивости и истинномъ убѣжденіи, съ которыми онъ выражалъ свои вѣрованія и чувства въ телеграммахъ, такъ рѣзко окритикованныхъ журналами, воображающими въ нихъ коварство и лицемеріе, пороки, совершенно ему чуждые.—Сначала Радзивилы и г-жа Полина Неаль были не только сносны, но и любезны съ Русскими, хоть Полина всегда была нѣсколько кислая и раздражительная по всѣмъ правиламъ прежняго типа старыхъ дѣвицъ, которыхъ всегда представляли сентиментальными, чопорными, огорченными и желчными, завистливыми и свято хранящими въ глубинѣ сердца память о какомъ нибудь неудачномъ романѣ своей молодости. Онѣ теперь совсѣмъ перевелись; и мы, нынѣшнія старыя дѣвушки, почти не отличаемся отъ всякой устарѣлой женщины: ворчимъ на свѣтъ и критикуемъ молодежь, конечно, ни болѣе не менѣе какъ всѣ люди старые, но миримся ранѣе съ потерей молодости, съ достохвальной рѣшимостью надѣнаемъ если не „па ватъ шлафрокъ...., то чепецъ“ по крайней мѣрѣ, и находимъ убѣжище отъ скуки въ безчисленныхъ благотворительныхъ обществахъ, употребляя всю дѣятельность ума и всю страстность характера на обирание ближняго посредствомъ разныхъ сборовъ, лотерей, кон-

цетровъ. Правда, и замужня женщины и даже молодья также занимаются благотворительностью; но для нихъ это второстепенная обязанность, а для насъ это увлекательно, или это по крайней мѣрѣ главное лекарство отъ скуки и бездѣлія въ одиночествѣ. Точно ли благотворительность выигрываетъ отъ этого? Или бѣдныя обошлись бы лучше безъ нашихъ хлопотъ? Не беру на себя рѣшенія столь щекотливаго вопроса. Полина Неаль мало занималась благотворительностію, и хотя въ то время были уже дамскія общества въ Берлиѣ, не помнится, чтобъ она налагала какіе нибудь оброки такого рода на насъ; но скоро, т. е. вслѣдъ за непонятными дѣйствіями Дибича послѣ Грохова, она и весь Радзивиловскій дворикъ стали нестерпимы, не скрывая своего торжества, ни своего презрѣнія къ Русской арміи, и я подъ конецъ не могла выносить ея, не ручаясь за собственную сдержанность и учтивость. Мнѣ даже теперь, черезъ 40 лѣтъ, неприятно вспоминать г-жу Неаль!

Въ письмахъ матушки упоминается о гофъ-мейстеринѣ короля; странно звучитъ такое названіе, но по настоящему его и не было. Не припомню имени этой дамы, она была гофъ-мейстерина у покойной королевы, и такъ какъ дамы представлялись королю, то и гофъ-мейстерина сохранила свою должность и содержаніе, и къ ней обращались дамы. Король, какъ извѣстно, былъ женатъ вторымъ бракомъ на молодой графинѣ Гаррахъ, пожалованной имъ княгиней Лигницъ. Увѣряли, что выборъ короля палъ на графиню Гаррахъ стараніями Жордана, Пруссакаго посланника при Саксонскомъ дворѣ, который испугался расположенія короля къ одной Русской дѣвушкѣ высшаго общества и

вліянія ея семейства, если король на ней женится. За то не только ея семейство, но и сама княгиня Лигницъ не имѣли никакого вліянія на ея царственного мужа, кромѣ добраго вліянія скромной преданной жены на его домашнюю обстановку. Сказывали, что сначала королевскому семейству и вообще всѣмъ въ Пруссіи было неприятно, что онъ замѣнилъ новой подругой королеву Луизу, эту героиню, этотъ идеалъ всей Германіи, которую боготворили еще и въ наше время, лѣтъ 20 послѣ ея кончины. Фальшивое и безъ того положеніе женщины въ мorganатическомъ бракѣ было для княгини Лигницъ еще тяжелѣе среди многочисленнаго блестящаго королевскаго семейства, дружнаго и согласнаго между собой, смотрящаго на нее какъ на лишнюю, какъ на лицо не существующее для нихъ. Всѣ, которые говорили намъ о всемъ этомъ, заодно признавали кротость, терпѣніе и незлобіе молодой хорошенькой женщины, не попытавшейся ничѣмъ отомстить за холодность и презрѣніе къ ней. Она понимала, какъ они должны думать о честолюбіи и корыстолюбіи, подвигнувшихъ ее на бракъ неравный столько же по лѣтамъ, сколько по положенію. Однако короля она искренно полюбила и все сносила кротко и безотвѣтно ради его. Не знаю, сколько времени послѣ ихъ сватъбы онъ занемогъ внезапно, опасно. Все семейство съѣхалось, его окружило и въ страхъ и молитвѣ ожидало поворота болѣзни. Про бѣдную княгиню Лигницъ забыли и крайне удивились, когда она вошла въ комнату, принесла свою подушку и расположилась занять на долго мѣсто сидѣлки при больномъ. Хотѣли ей дать чувствовать, что уже есть уходъ за нимъ всѣхъ его дѣтей, что она лишняя

туть опять. Но она на этотъ разъ твердо пастояла на своемъ. „Я жена больного, сказала она просто, мое мѣсто при немъ, и никто не можетъ оспаривать мое право: я остаюсь“. Принцы и принцессы были слишкомъ добры, слишкомъ понимали святость семейныхъ узъ, чтобъ спорить съ ней въ эту минуту. Она осталась и съ такой преданной любовью и самоотверженіемъ ходила за нимъ, что, когда онъ выздоровѣлъ, не было уже и тѣни недоброжелательства къ ней. Опасенія, безпокойство за короля, любовь къ нему ихъ сблизили окончательно, и мы уже нашли ее въ самыхъ хорошихъ отношеніяхъ ко всей королевской фамиліи. Она принадлежала къ одному изъ знатныхъ домовъ въ Богеміи. Когда мы ее видѣли, она была хорошенькая, свѣженькая брюнетка, средняго роста, довольно полная, но стройная; въ разговорѣ она была проста и любезна, какъ благовоспитанная женщина, но блистательнаго въ ней не было ничего; ревновать не кстати было, какъ и сравнивать съ королевой Луизой. Эта послѣдняя оставила во всѣхъ, кто ее хоть разъ видѣлъ, неизгладимую память. И придворные, и военные, и учителя наши, и прислуга дома, всѣ съ одинаковой любовью и увлеченіемъ говорили о ней въ Берлинѣ, а на улицахъ еще пѣвали, подъ музыку шарманки, пѣсни безыскусно сложенные о прощаніи ея съ королемъ, о завѣщаніи ему отъ нея хранить, освободить отечество, Германію. Еще живы были люди къ ней приближенные, и вотъ опять придется мнѣ записать чудесный случай (бывшій съ нею), который матушка слышала отъ ея фрейлины Бишофсвердеръ (или Фоссъ, если не ошибаюсь въ имени), бывшей очевидицей. Это было въ послѣдніе мѣсяцы жизни ко-

ролевы, въ тѣ тяжелые дни, когда все, казалось, рушилось, и отечество погибало. Какъ тяжки были эти дни и какъ мужественно, можно сказать, съ мужествомъ мученицы, древней христіанки, она ихъ переносила, ясно видится въ ея перепискѣ съ отцемъ ея. Королева уже собиралась переѣхать на лѣто въ Потсдамъ, и время шло какъ-то разсѣянно-заботливо; по наружности въ приготовленіяхъ къ отъѣзду, а въ сущности въ отчаянной внутренней борьбѣ со „злойбой днєви того“. По простонародному выраженію, онѣ ходили какъ во снѣ. Королева была съ m-lle Bichofswerden въ большой комнатѣ дворца, занятая обѣ какимъ-то дѣломъ, но мысль была далеко. Вдругъ королева вздрогнула и сказала, показывая на противоположную сторону комнаты. „Видите ли“? Фрейлина повернула голову. Вдоль стѣны шла, или лучше сказать, двигалась, медленно и плавно, незнакомая женщина, вся въ бѣломъ, съ бѣлыми волосами и блѣднымъ какъ смерть лицомъ. Дрожь пробѣжала по кожѣ фрейлины. „Еще грозитъ бѣда!“ сказала королева. Обѣ поняли, что это привидѣніе, именно Бѣлая Дама (марграфиня Бранденбургская - Барейтская). Это случилось среди бѣла дня, безъ всякой игры тѣней и свѣта, безъ обманчивыхъ лучей лампы или свѣчи. Душевное состояніе обѣихъ дамъ было такое, что это видѣніе только прибавило нѣсколько болѣе грусти къ ихъ грусти постоянной, нѣсколько болѣе увѣренности въ ожиданіи ежеминутно новыхъ напастей. Черезъ два-три дня королева собралась въ Потсдамъ и Шарлотенбургъ, откуда въ послѣдствіи поѣхала къ отцу въ Мекленбургъ. Она сошла съ лѣстницы садиться въ карету. Фрейлина шла за ней; уже отворены бы-

ли дверцы экипажа, кто-то изъ придворныхъ чиновъ подалъ руку, чтобы посадить королеву, она уже подняла ногу, чтобы стать на подножку и вдругъ понялась и остановилась въ дверяхъ. Фрейлина думала, что она оступилась, поспѣшила подойти и остолбенѣла. Между дверями сѣней и дверцами кареты, у самой подножки, медленно и плавно, глядя прямо въ глаза королевѣ, проходила та же бѣлая, безжизненная фигура. Фрейлина видѣла ее своими глазами. Черезъ минуту королева поспѣшно сѣла въ карету, и Фрейлина съ ней. „Слава Богу“, сказала Луиза, „это до меня касается: я не ворочусь живой“.

Въ самомъ дѣлѣ, это было ея послѣднее путешествіе. Въ то время, когда намъ это рассказывали, въ Берлинѣ почти всѣ вѣрили въ явленія Бѣлой Дамы, и даже литографированный посмертный портретъ ея продавался въ книжныхъ лавкахъ, съ описаніемъ ея явленій. Какъ ни отрицая связь міра видимаго съ невидимымъ, душа человѣческая, воображеніе и сердце чувятъ возможность или, лучше сказать, нормальности сношеній между этими двумя мірами, того что принято называть чудеснымъ. Протестанты не признаютъ явленій Божіей Матери, а вѣрують въ явленіе Бѣлой Дамы; отрицаютъ заступленіе молитвы святыхъ угодниковъ, а признаютъ безцѣльные разговоры со стучащими духами. Много ошибочнаго, много произвольнаго въ нашихъ понятіяхъ о загробной жизни; но это упрямое, невольное, отъ самихъ себя иногда скрываемое, убѣжденіе въ чемъ-то послѣ смерти, кажется лучшее, несокрушимое доказательство безсмертія нашей души. Никакая сила на свѣтѣ не можетъ примирить человека съ вѣчнымъ исчезновеніемъ, съ

превращеніемъ въ ничто. Это непобѣдимое, бессознательное чувство, залогъ жизни вѣчной, само по себѣ; оно выше и крѣпче всѣхъ мудрованій, и церковь наша только освящаетъ и успокоиваетъ тревожныя опасенія передъ безвѣстностію этого состоянія; но врожденное чувство безконечности и безсмертія самимъ Богомъ вложено въ насъ, при рожденіи человека на свѣтѣ.

Къ Бѣлой Дамѣ я впрочемъ относилась довольно скептически, но все касающееся королевы Луизы меня плѣняло до высшей степени. Многіе помнили ея посѣщеніе въ Петербургъ; я объ немъ слышала отъ тетушки моей Марьи Андреевны Поликарповой, которая была въ свитѣ Императрицы Маріи Ѳеодоровны въ то время.

Это было Декабря 26-го 1808 года. Пріѣхали въ Петербургъ король и королева Прусскіе; весь дворъ собрался въ сѣняхъ у посольскаго подъѣзда. Государь выѣхалъ на встрѣчу, императрица Марія Ѳеодоровна и Елисавета Алексѣевна ожидали на верху великолѣпной лѣстницы. Тетушка была тутъ и рассказывала весь этотъ пріемъ. Изъ кареты вышла королева Луиза. Государь подалъ ей руку, и они съ королемъ вошли на лѣстницу. Королева была во всемъ блескѣ своей молодой, несобыкновенной красоты; ослѣпительная бѣлизна и свѣжесть ея лица выступали еще ярче на темномъ фонѣ синей бархатной шубы на собольемъ мѣху (подарокъ Императора). Ласковымъ взглядомъ и привѣтливымъ склоненіемъ головы отвѣчала она на поклонныя ожидавшихъ ее придворныхъ, на которыхъ оставила впечатлѣніе самое симпатичное. Для королевской четы бы-

ли приготовлены комнаты, носившія потомъ названіе „Короля Прусскаго“^{*)}). Нечего говорить о роскоши, съ которою онѣ были отдѣланы; я еще хорошо помню ихъ; особенно каріатиды въ спальнѣ, отдѣланной атласными шпалерами, въ позолоченныхъ рамахъ съ тяжелыми атласными занавѣсками. Шкапы и комоды были наполнены дорогими подарками; въ однихъ висѣли разныя бархатныя и шелковыя одежды, подбитыя мѣхомъ; въ другихъ лежали Турецкія шали, Сибирскіе камни въ бриліантовой отдѣлкѣ, которою такъ славились Петербургскіе бриліанщики. Гостепріимство истинно-царское, со всею утонченностію приемовъ Европейскихъ и почти сказочной роскошью Азіатской. На другой день или на третій, было большое представленіе королевѣ, всѣхъ „ко двору имѣющихъ пріѣздъ“. Королева Луиза, съ ногъ до головы облитая золотомъ и бриліантами, была еще болѣе ослѣпительна своею юною царственною красотою, чѣмъ нарядомъ; прекрасный станъ, нѣжный отънокъ бѣлокурыхъ волосъ, свѣтлый взглядъ голубыхъ глазъ и особенная грація и достоинство, ей свойственныя, обращали на нее всѣ глаза; не могли на нее налюбоваться: „Красавица изъ красавицъ! Ей нѣтъ соперницы кажется во всемъ мірѣ“, поговаривали въ парадной, раззолоченной толпѣ. Всѣ дамы постарались въ этотъ день быть особенно богато одѣтыми; бархаты, парчи, золотое шитье, жемчуги, бриліанты, драгоценныя каменья

*) Однако не тутъ останавливалась королева: тетушка сказала мнѣ, что кто-то изъ приближенныхъ императрицѣ, осматривая комнаты замѣтилъ, что эти бѣлыя каріатиды у постели королевы моглибъ ей напомнить Бѣлую Даму и сдѣлать непріятное впечатлѣніе. Тогда приготовили комнаты для нея и короля въ Эрмитажѣ.

пестрѣли всюду кругомъ. Вдругъ пошла поклониться королевѣ другая знаменитая красавица того времени Марья Антоновна Нарышкина. Такая же ослѣпительная свѣжесть, такая же безукоризненность формъ, такія же тонкія черты, только темные волосы и совершенная простота наряда: вся въ бѣломъ, ни золота, ни бриліантовъ, никакихъ дорогихъ украшеній; на головѣ простой вѣнокъ изъ васильковъ. Королева невольно выпрямилась, и одну секунду онѣ молча поглядѣли другъ на друга. Рѣшительно нельзя было сказать, кто лучше. Умная удовка Нарышкиной была верхъ искусства кокетки. Это презрѣніе всякаго украшенія было высшее торжество красоты. Ихъ въ то время считали соперницами, не только какъ знаменитыхъ красавицъ, но и въ отношеніи къ Государю. Хотя конечно никто и не думалъ упрекнуть королеву въ легкомысліи и кокетствѣ, но знали, какъ восторженно Государь поклонялся ея великимъ качествамъ, ея возвышенному настроенію духа, ея геройской инициативѣ и терпѣнію; и многіе были увѣрены, что Государь былъ въ нее влюбленъ. Можетъ быть и Марья Антоновна опасалась вліянія этой идеальной привязанности и думала, что, унося его далеко, въ высшую сферу политическую, она отвлечетъ его отъ земной любви. Все это весьма интересовало тогдашнее высшее общество въ Петербургѣ.

И до сихъ поръ тетушка съ увлеченіемъ рассказываетъ про красоту королевы. Переписка королевы Луизы такъ мало извѣстна у насъ и вообще нынѣшнее поколѣніе такъ мало знакомо съ этой прелестной исторической личностію, что кажется интересно будетъ прочесть нѣкоторыя отрывки писемъ Луизы, характеризующихъ ее

и ея время. Теперь идеальныя стремленія рѣдкость; пускай наше положительное поколѣніе хоть изъ любопытства посмотритъ на прежній строй жизни; да, кстати, призадумается передъ кровавымъ воздаяніемъ Франціи за ея насилія и передъ неумолимымъ ходомъ Исторіи, которая чрезъ полѣвка послѣ безжалостныхъ оскорбленій Прусской королевы Наполеономъ въ Тильзитѣ, приводитъ Францію, въ лицѣ Жюль-Фавра и Тьера, въ ставку безжалостнаго Бисмарка подъ Парижемъ.

Вотъ отрывки писемъ королевы къ своему отцу и къ другимъ близкимъ ей людямъ и ихъ рассказы объ этомъ времени.

Въ 1806 году, когда одна за другой крѣпости Прусскія переходили въ руки врага, и малодушіе нѣкоторыхъ начальниковъ разстроило почти всю армію, королевская фамилія переѣхала въ Кёнигсбергъ, куда множество людей изъ разныхъ мѣстностей начали спасаться бѣгствомъ, и въ переполненномъ всякимъ сбродомъ городѣ воздухъ сталъ заражаться тифомъ. Маленькій сынъ короля, принцъ Карлъ занемогъ нервной горячкой такъ опасно, что вызвали съ курьеромъ доктора Гуфланда.

„Въ два часа ночи пріѣхалъ я (писалъ докторъ) и нашелъ ребенка больнымъ при смерти. Я рѣшился посадить его въ ароматическую ванну, хотя при его ужасной слабости онъ могъ и не вынести ея. Но Богъ благословилъ, и съ этой минуты началось выздоровленіе. Почти всѣ переселенцы подверглись заразительному тифу; почти цѣлые дни и ночи просиживалъ я у больныхъ и только по какому-то чуду я уцѣлѣлъ. Наконецъ наша неподобная королева заразилась злока-

чественнымъ тифомъ; она слегла опасно больная, и я не забуду никогда ночь на 22-е Декабря 1806 г., когда жизнь ея висѣла на ниточкѣ; я сидѣлъ у изголовья, а на дворѣ ревѣла и рвалась страшная буря и снесла шпиль стараго замка, въ которомъ лежала королева; и корабль, нагруженный цѣнными вещами, послѣдними драгоценностями, которыя спасли отъ непріятели, находился въ морѣ. Однако и тутъ Господь благословилъ леченіе, и ей стало лучше. Въ самое это время пришло извѣстіе, что Французы наступаютъ. Королева объявила рѣшительно: „Лучше отдамъ душу Богу, нежели отдамъ себя въ руки этихъ людей“. И такъ пришлось снести королеву на рукахъ изъ ея комнаты и положить въ карету, укутанную одеялами и подушками, 3-го Января 1807 г. въ сильный морозъ, въ страшную бурю и снѣжную мятель, и везти ее по берегу Куришгафа за 20 миль (140 верстъ) до Мемеля. Ъхали мы три дня и три ночи на самыхъ плохихъ ночлегахъ. Первую ночь королева провела въ комнатѣ, гдѣ стекла окошекъ были выбиты и заносило снѣгомъ кровать, на которой больная лежала, и лежала даже безъ подкрѣпляющей пищи. Я тутъ сидѣлъ около нея въ безпрестанномъ тревожномъ опасеніи, чтобъ у нея не сдѣлалось паралича. Но и въ этомъ положеніи она сохраняла всю бодрость духа, всю свою свѣтлую вѣру въ милость Божію и упованіе на Него. И Онъ насъ всѣхъ сохранилъ. Даже этотъ слишкомъ свѣжій воздухъ благотѣльно подѣйствовалъ; вмѣсто того чтобъ ухудшиться, здоровье стало исправляться въ это бѣдственное путешествіе. Наконецъ увидѣли мы издали Мемель на другомъ берегу залива; въ первый разъ проглянуло солнце сквозь ту-

манъ и тучи, освящая тихимъ свѣтомъ городъ, который долженъ былъ сдѣлаться нашимъ убѣжищемъ и главной квартирой. Съ какой радостію мы привѣтствовали этотъ добрый признакъ“.

Въ теченіи весны королева оправилась, и дворъ воротился въ Кенигсбергъ, но не на долго: 2-го Іюня пришлось ей опять уѣхать съ дѣтьми въ Мемель. Послѣ Фриланскаго сраженія, когда Пруссія была на половину уже завоевана Наполеономъ, она писала изъ Мемеля къ отцу 17-го Іюня:

„Со слезами благодарности за вашу любовь и отеческую доброту читала и Ваше письмо отъ Апрѣля мѣсяца, мой добрый, любезный отецъ! Какое оно принесло мнѣ утѣшеніе въ моей горькой скорби и печали; какъ оно меня укрѣпило! Та, которая такую любовію любима, не можетъ быть совершенно несчастлива. Еще новыя бѣды обрушились на насъ, и мы наканунѣ выѣзда изъ королевства, за границу. Подумайте, какъ я страдаю! Но ради Бога, не считайте меня недостойной называться вашей дочерью. Не думайте, что меня сломило малодушное чувство. Меня поддерживаютъ выше всякаго несчастья два убѣжденія, первое: что мы не игралище слѣпаго случая, но всѣ ходимъ подъ Богомъ, и Его Провидѣніе ведетъ насъ за руку. Второе: что мы погибаетъ честно. Король доказалъ всему свѣту, что онъ не соглашается на постыдныя сдѣлки. Пруссія не хотѣла добровольно принять рабства. Король не могъ ни на одинъ шагъ пойти другой дорогой, не сдѣлавшись измѣнникомъ своему народу. Какую силу и терпѣніе это даетъ, могутъ понять тѣ, которые больше всего дорожатъ своей честію.

Послѣ несчастнаго Фриланскаго сраженія Кенигсбергъ достался въ руки Французовъ. Непріятель преслѣдуетъ насъ и если еще приблизится, я буду принуждена, съ дѣтьми, Мемель тоже

оставить. Король опять соединитъ свои силы съ императоромъ (Александромъ I). Мнѣ придется, можетъ быть, бѣжать въ Ригу; конечно мнѣ Богъ поможетъ пережить ужасную минуту, когда надобно будетъ переѣхать границу. Тутъ нужна будетъ сила духа! Но обращаю взглядъ и мысль къ Небу, откуда намъ посылается и счастье и горе, въ твердой вѣрѣ, что Господь не пошлетъ намъ испытаній сверхъ нашихъ силъ. Еще разъ, дорогой отецъ мой, мы погибаетъ съ честію и сохраняемъ нашихъ друзей, потому что сохранили ихъ уваженіе. Я все это переношу съ такимъ спокойствіемъ, какое дать могутъ только чистая совѣсть и полная вѣра. И потому, милый мой отецъ, будьте увѣрены, что мы ни въ какихъ обстоятельствахъ не можемъ быть совершенно несчастными и что иной, увѣнчанный властію и успѣхами, не такъ спокоенъ духомъ какъ мы. Пошли Господь всякому доброму человѣку лишь миръ душевный, и всегда найдется ему источникъ чистыхъ радостей. Не принимайте къ сердцу мелочныя лишены для насъ; но утѣшайте себя мыслию, что, съ нашей стороны, ничего не случится что бы не было строго согласно съ честію.

24-го Іюня.

Иногда проясняется небо, въ то самое время, когда ожидаемъ грозы! Оно и съ нами можетъ быть; но желанія, только желанія, а не залогъ будущаго. Только въ Тебѣ надежда, Боже. Отче нашъ! Въ послѣднемъ письмѣ и все высказала. Прочитавъ его, вы вполне узнаете все о моемъ душевномъ состояніи. Не покидая ни на шагъ пути истины и чести умереть, — а, если нужно, жить на хлѣбъ и на водѣ; въ такомъ положеніи я не могу никогда быть совершенно несчастлива; но надѣяться на будущее я уже не могу. Еслибъ воротилось къ намъ счастье — о! конечно вѣтъ человѣка на свѣтѣ, который бы принялъ удачу съ такимъ восторгомъ бла-

годарности, но ожидать счастья уже я не въ силахъ! Новая ли, худшая бѣда нагрянетъ—она можетъ удивить меня на мгновение, но унижить меня или сломить уже не можетъ, пока она не заслуженая. Только безчестный поступокъ съ нашей стороны свелъ бы меня въ могилу. Но этого не бываетъ, и вы видите, милый отецъ мой, что вражья сила не имѣетъ надо мною власти. Король съ 19-го соединился съ Императоромъ въ Таурогенъ, небольшое двухъ милей отъ Тильзита, гдѣ находится Французскій императоръ.

2-го Юля.

Рѣшено, что я должна ѣхать въ Тильзитъ. Тяжелѣе этой жертвы нѣтъ для меня, и одна лишь надежда этимъ какую нибудь пользу доставить моему народу дастъ мнѣ силу это перенести.

11 Юля (послѣ Тильзитскаго свиданія).

Чтобъ смягчить участь Пруссіи, черезъ какую пытку я прошла, знаетъ цѣлый свѣтъ; и какъ мало пользы изъ всего этого! Я должна была исполнить мою обязанность, какъ вѣрная жена къ мужу, какъ любящая мать къ своимъ дѣтямъ, какъ королева къ моему народу. Но чувство исполненія долга одно служить мнѣ наградой!...

Миръ подписанъ, но дорого стоитъ онъ намъ. Наша граница теперь идетъ только до Эльбы; а все таки король стоитъ выше противника. Послѣ Ейлау онъ бы могъ болѣе выгодный миръ заключить; но тогда онъ бы добровольно шелъ на сдѣлку со зломъ и долженъ былъ бы со злыми началами войти въ союзъ и съ ними дѣйствовать за одно; теперь же нужда заставила согласиться на договоръ, ис союза съ нимъ, содѣйствія ему, король не заключалъ и не общалъ. Это призоветъ на Пруссію благословеніе и счастье.....

Владычество такой темной силы на землѣ, какъ ни кажется оно прочно основано, не можетъ длиться безконечно. Вглядимся въ общій ходъ исторіи, за

всѣ прошлые вѣка, дадимъ времени и время дать плоду созрѣть, а до тѣхъ поръ будемъ молчать, терпѣть! Пускай всѣ крѣпкіе твердою вѣрою въ Бога составятъ собою невидимую церковь, другъ друга утѣшающую, другъ друга возвышающую духомъ, другъ друга укрѣпляющую, чтобы великія грядущія событія застали ихъ готовыми на все.

Въ Сентябрѣ 1807 года.

Что съ нами дѣлается, даже невѣроятно. Вчера получили мы извѣстіе отъ генерала Кнабельсдорфа изъ Парижа, гдѣ съ нимъ обращаются какъ съ лакеемъ. Шапрагну ему сказалъ, что, хотя трактатъ и подписанъ, но съ Пруссіей будутъ обращаться, смотря по ея поведенію, т. е. податливости. И такъ еще часть Шлезіи у насъ отнимается, хотя она подъ названіемъ „Новая Шлезія“, закрѣплена за нами статьей трактата. (Шапрагну отвѣчалъ, что „это была ошибка писца“). Скажите сами, можно ли не придти въ отчаяніе? Ахъ, Боже мой, вскую оставилъ насъ еси!“

Октябрь 1807.

Послѣднія предложенія, или лучше сказать, приказанія, которыя намъ присланы уже въ видѣ формальной конвенціи, такого свойства, что я въ первый разъ видѣла, какъ баронъ Штейнъ остолбенѣлъ *). Контрибуція требуется до 154 милліоновъ, въ три срока платежа. Въ обезпеченіе, Французы требуютъ, въ видѣ залога, занятія ими пяти крѣпостей: Грауденца, Кольберга (этихъ двухъ, которыя такъ отважно защищались противъ непріятеля и не были взяты имъ), Штетина, Кюстрина и Гюгау. Они должны быть заняты 40 тысячами Французовъ, въ числѣ коихъ 10 тысячъ кавалеріи, должны быть обмундированы, вооружены и содержимы на счетъ короля, и для этого онъ долженъ представить въ ихъ распоряженіе особую сумму въ 12 милліоновъ талеровъ.

*) Dass Stein zum ersten Mal wie zu Stein wurde.

Королевскія имущества Магдебургскія между Ельбою и Одеромъ, также въ Помераніи, должны быть представлены въ распоряженіе Наполеона, съ правомъ управлять ими и дарить часть изъ нихъ, въ зачетъ послѣднихъ 50 милліоновъ. Такія предложенія невозможно принять, и потому принцъ Вильгельмъ (братъ короля) ѣдетъ особеннымъ уполномоченнымъ съ другими предложеніями отъ насъ, редижированными Штейномъ. Слава Богу, что Штейнъ съ нами. Я считаю это залогомъ, что Богъ еще не совсѣмъ оставилъ насъ! *)

Вотъ страшное положеніе, въ которомъ мы находимся. Все сокрушено. И меня послѣднія силы покидаютъ. Тяжело, страшно тяжело; тѣмъ болѣе, что не заслужено нами.

Савари увѣрнетъ, что посредничество Россіи не поможетъ, а совѣтуетъ намъ лучше свои драгоценности и бриліанты вытащить изъ кладовыхъ и продать. Оскорбительная насмѣшка!

Король и королева уже отказали себѣ во всякой роскоши и до того ограничили свои издержки, что очевидцы говорили послѣ посѣщенія ихъ величествомъ въ Мемель: „обѣдъ у нихъ тамъ такой простой и несытный, что у любого мѣщанина тогда лучше ѣли“. Часто случалось, что, за неимѣніемъ наличныхъ денегъ, даже самаго нужнаго не доставало имъ, а драгоценный золотой столовый сервизъ, родовое наследствѣ отъ болѣе счастливыхъ предковъ, былъ давно расплавленъ на монетномъ дворѣ не для собственныхъ нуждъ, но на расходы для подданныхъ, обремененныхъ тяжестью военныхъ издержекъ. Но эти лишенія они оба сносили покойно и почти весело!

„Я читаю много и много размышляю, писала королева (все изъ Мемеля) и, сре-

*) По требованію Наполеона (назвавшаго его при этомъ: се помнѣ Stein) король долженъ былъ удалить его отъ себя.

ди нашихъ душевныхъ страданій, бываютъ дни, которые вполне удовлетворяютъ жажду души. Правда, люди къ этому состоянію не причастны: это совершенно внутренней міръ мой. Изъ внѣшняго, только любовь короля, его довѣріе и дружба даруютъ мнѣ счастье. Король всякій день болѣе и болѣе сердечно добръ ко мнѣ. Великое для меня счастье и награда черезъ 14 лѣтъ замужства! Она много читала историческихъ книгъ и лекцій профессоръ и передавала эти послѣднія Штейну читать въ Кёнигсбергѣ, куда они переѣхали: „Съ искренней вѣрою, на колѣняхъ у алтара, въ старой капеллѣ замка, молилась я Вседержителю о лучшихъ временахъ. Если мнѣ не дожить, то чтобъ дѣти мои увидѣли ихъ, и черезъ дѣтей моихъ посчастливилось бы когда нибудь моему народу! Я знаю, времена и годы не проходятъ сами собою; люди должны привести времена хорошія за собой; потому да будутъ дѣти мои хорошіе люди, чтобы благодѣтельно дѣйствовать на ихъ время (эпоху). Мы заснули на лаврахъ Фридриха Великаго, и какое пробужденіе!... Я читаю усердно исторію и живу въ прошедшемъ: ибо чувствую, что будущаго на земли для меня нѣтъ. Одинъ лишь Богъ можетъ возродить человечество. Вѣтъ новый духъ все живѣе и живѣе въ народахъ. Духъ Божій дышетъ въ томъ вдохновеніи, съ которымъ крестьянныя въ тюрьмѣ и крестьянныя въ Испаніи *) возстаютъ противъ иноземнаго ига.“

На дачѣ лѣтомъ 1808 года.

„У меня здѣсь хорошія кипки, чистая совѣсть, хорошее фортепіано, и съ этимъ, среди бурей міра сего, можно жить отъ радости, нежели живутъ тѣ, которые эти бури вызываютъ.“

Возвратясь изъ Петербурга въ Февралѣ 1809-го года: „Я воротилась съ тѣмъ же предчувствіемъ бѣды. Ни что

*) А потомъ и крестьянныя въ Россіи.

теперь не может ослѣпить меня, и еще разъ скажу: мое царство уже не отъ міра сего“.

Послѣ неудачной попытки Шилля, королева писала: „Боже! сколько я перетерпѣла! Въ Тебѣ одномъ помощь! Я не вижу для себя будущаго на землѣ. Гдѣ мени положить? Врядъ ли въ Прусской землѣ будетъ моя могила. Вотъ и Австрія лебединая пѣснь, и тогда прощай Германія“!.....

Нѣсколько позже писала она къ отцу: „Для насъ все кончено, если не на всегда, то по крайней мѣрѣ теперь. На мою жизнь достанетъ. Я предала себя всецѣло Богу и, отдавъ себя божественной Его волѣ, чувствую полное спокойствіе. Въ такомъ спокойствіи если не вкушаю земнаго счастья, за то въ душѣ блаженство.

Для меня все становится болѣе и болѣе ясно, что все должно было случиться, именно какъ оно случилось. Нельзя сомнѣваться, что Провидѣніе Божіе ведетъ къ новому строю всемірной исторіи, и неминуемо долженъ возсоздаться новый порядокъ вещей, ибо старый міръ себя пережилъ и, какъ отжившій, распадается. Мы заснули на лаврахъ Фридриха Великаго, который былъ властелиномъ своего столѣтія и сотворилъ новую эпоху. Мы съ этой новой эпохой не пошли въ уровень, и потому она насъ опередила. Никто это не видитъ яснѣе короля. У насъ сейчасъ былъ длинный разговоръ съ нимъ объ этомъ, и онъ задумавшись нѣсколько разъ повторилъ: „Да, намъ тоже слѣдуетъ много у насъ перемѣнить“. Самое лучшее, наиболѣе искусно веденное не удастся, и Французскій императоръ если не умнѣе, то по крайней мѣрѣ лукавѣе и ловчѣе. Даже тогда, когда Русскіе и Пруссаки дрались какъ львы и не были разбиты, приходилось намъ оставить поле сраженія, и всѣ выгоды выходили на сторону непріятеля. У непріятеля этого намъ нужно многому поучиться, и не должно пройти даромъ для насъ все чтѣ

онъ сдѣлалъ и устроилъ. Было бѣ кощунствомъ сказать, что съ нимъ Богъ; но ясно вижу, что онъ орудіе въ рукахъ Всемогущаго, орудіе, черезъ которое все прежнее, отжившее свой вѣкъ, но еще такъ крѣпко сплетенное съ ежедневною жизнію, должно быть схоронено въ могилѣ.

Вѣрую, что это будетъ къ лучшему. Но истинное добро можно дѣлать только чистыми руками. Оттого я не вѣрую, чтобъ императоръ Наполеонъ Бонапарте остался для сего на престолѣ, какъ ни блистателенъ онъ теперь. Крѣпки и колебимы только правда и справедливость, а онъ знаетъ только политику и дѣйствуетъ не по законамъ вѣчной правды, а по обстоятельствамъ, какъ случится, и запитанъ свое правленіе преступленіями.... Я вѣрую твердо въ Бога, слѣдовательно въ нравственный порядокъ управленія вселенной. Такого порядка не могу признать, гдѣ царствуетъ насиліе. Вотъ почему надѣюсь, что за этимъ злымъ временемъ настанетъ время лучшее. Всѣ лучшіе люди надѣются, желаютъ и съ вѣрою ожидаютъ этого, и не должно увлекаться лестію, прославляющею днеšníй день и героя онаго. Очевидно, все чтѣ случается нынѣ и случилось недавно, не есть послѣднее выраженіе добра и благоустройства, но только очищаетъ путь къ лучшей цѣли. Однако цѣль эта кажется мнѣ неизмѣримо далека, и мы вѣроятно не достигнемъ ея, а умремъ въ дорогѣ. Да будетъ воля Божія, во всемъ да будетъ воля Его. Я же нахожу утѣшеніе, силу, твердость и радость въ этой несомнѣнной надеждѣ, которая глубоко запала мнѣ въ душу. Вѣдь все на свѣтѣ только переходъ. Мы и теперь должны пройти, пробиться. Да будетъ наша печаль только о томъ, чтобъ душа зрѣла и очищалась болѣе и болѣе съ каждымъ днемъ. Вотъ, дорогой отецъ мой, полптическое мое исповѣданіе, во сколько женщинъ можно составить его себѣ и выразить. Можетъ быть, многого не достаетъ въ немъ, но мнѣ отъ

него хорошо. Вы видите по крайней мѣрѣ, что и въ несчастіи дочь ваша усердно вѣрующая, и что правила христіанской богобоязненности, которымъ вы учили меня вашимъ словомъ и добрымъ примѣромъ, принесли свой плодъ и будутъ приносить до послѣдняго моего издыханія.

Вы будете рады слышать, милый отецъ, что несчастія, которыя обрушились на насъ, не проникли въ нашу домашнюю жизнь; напротивъ, они связали насъ крѣпче другъ съ другомъ, и мы стали другъ другу еще дороже. Король, добрѣйшій изъ людей, еще добрѣе ко мнѣ и нѣжнѣе со мной. Часто мнѣ кажется, онъ опять влюбленный, какъ въ нашей первой молодости, женихъ мой. Вы знаете, что онъ не словоохотливъ, но еще вчера сказалъ онъ съ своей простотой и правдивостью, глядя мнѣ въ глаза своимъ честнымъ, нельстивымъ взглядомъ: „Ты, милая Луиза, стала мнѣ еще дороже и милѣй въ несчастіи. Теперь знаю я по опыту, что за сокровище я имѣю въ тебѣ. Пускай шумитъ гроза надъ нами — лишь бы въ нашей супружеской жизни было ясно и тихо и ничего не измѣнилось“.....

„Дѣти наши истинное богатство наше, и мы можемъ на нихъ смотрѣть съ полной надеждой будущаго. Наша дочь Шарлота *) все больше и больше меня радуетъ; она очень сдержанна, но такъ какъ отецъ ея, скрываетъ подъ кажущейся холодностію самое теплое, сочувствующее сердце. Ходитъ она будто равнодушная ко всему, а между тѣмъ полна любви и участія; это придаетъ ей что-то особенно привлекательное. Если Богъ сохранитъ ее, я предвижу, что ее ожидаетъ блестящая будущность..... Вы подумаете: вотъ мать влюбленная въ своихъ дѣтей, которая видитъ въ нихъ совершенство. Они конечно, какъ всѣ дѣти рода человѣческаго, имѣютъ и свои недостатки и дурныя стороны; но

это можно исправить со временемъ, когда онѣ будутъ, съ лѣтами, благоразумнѣе. Обстоятельства и жизненная среда всего больше вліяютъ на воспитаніе чловѣка; и такъ для нашихъ дѣтей можетъ быть полезно, что они въ дѣтствѣ уже ознакомились съ трудной стороной жизни. Еслибъ они выросли среди роскоши и удобствъ, они бы вообразали, что такъ и должно быть. Что жизнь, напротивъ, можетъ со всѣмъ иначе быть, видятъ они теперь на скорбномъ лицѣ отца ихъ и въ грустныхъ слезахъ матери. Особенно благодѣтельно для кровн-принца, что онъ рано узналъ скорбь, еще какъ наслѣдникъ трона; онъ потомъ дороже будетъ цѣнить счастье и зорко беречь его. Сохрани ихъ всѣхъ Господь! Въ нихъ сохраню я наши лучшія сокровища, которыхъ люди отнять у меня не могутъ. Пусть случится что Богу угодно; пока наши дѣти съ нами, мы все таки будемъ счастливы.

Теперь я вдумалась и прониклась 126 псалмомъ *). Чѣмъ я больше перечитываю и углубляюсь въ него, тѣмъ болѣе увлекаюсь высокими и утѣшительными словами, и нѣтъ ничего, что бы такъ глубоко тронуло меня и отвѣчало моему душевному настроенію“.

Ея послѣднія старанія и разговоры со Штейномъ были направлены къ той программѣ, которую онъ такими словами обозначилъ: „Воспитать въ народѣ духъ нравственности, вѣры и любви къ отечеству, возвратитъ ему самосознаніе, готовность на всякую жертву для независимости отъ иностранца и развитъ въ немъ чувство разумнаго національнаго достоинства“.

Въ Декабрѣ 1809 года воротились они въ Берлинъ.

„Наконецъ буду я опять въ Берлинѣ и ворочусь къ столькимъ вѣрнымъ серд-

*) Въ послѣдствіи Императрица Александрѣ Теодоровна.

*) По селенію протестантскаго псалтыря: «свѣтъ во слезахъ, пожнетъ въ радости.»

цамъ, любящимъ и уважающимъ меня. Сколько слезъ и уже выплакала при мысли, что все опять найду по прежнему, и даже каждую вещь на мѣстѣ, и однако все такъ перемѣнилось, что не могу вообразить что со мною будетъ. Печальныя предчувствія тревожатъ меня“.

Это повторила она въ Мартѣ, въ день, когда праздновали ея рожденіе. „Мнѣ кажется (сказала она) что я въ послѣдній разъ праздную день рожденія.“ Передъ отъѣздомъ въ Потсдамъ на лѣто (въ тотъ 1810 годъ пасха была поздняя) она приобщилась святыхъ таинъ въ Николаевской церкви. Въ этотъ день и въ предшествующіе (писала ея другъ г-жа Бергъ) въ ея душѣ все земное какъ будто уже исчезло,—она какъ будто преобразилась и вся отдалась святой любви и общенію духовному съ причащающимися съ нею изъ той же чаши; и истинно, это причащеніе было такое, какъ Божественный Учредитель совершилъ въ первый разъ: „вечеря прощанія и любви“. Королева еще успѣла видѣть основанія, такъ сказать, положить первый камень къ возстановленію зданія разрушеннаго королевства, назначеніемъ отъ короля 10 Юля барона Гарденберга канцлеромъ, управляющимъ общими дѣлами правительства; а 19 Юля, послѣ мучительной агоніи, она скончалась со словами: „Господи Исусе! Исусе! Поспиши!“

Но до такого смиренія, покорности и отданія своей воли и себя въ руки Божиі, королева достигла только послѣ отчаянной борьбы съ самой собою. Здѣсь христіанка покорилась и побѣдила всякое земное чувство; но нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ, послѣ сраженія подъ Йеною, королева, супруга и мать, иначе выражалась; негодованіе брало верхъ надъ всѣмъ. „Ахъ!

дѣти мои, сказала она своимъ старшимъ сыновьямъ, кронъ-принцу и принцу Вильгельму. Вы оба въ такомъ возрастѣ, что уже можете понять великость событій, которыя насъ сокрушаютъ! Когда уже не будетъ въ живыхъ вашей несчастной матери-королевы, припомните этотъ несчастный день! Плачьте по мнѣ горючими слезами, какъ тѣ слезы, которыя не выплакать мнѣ никогда, которыми теперь, въ вашихъ глазахъ, въ этотъ роковой часъ, я оплакиваю паденіе моего отечества и народа! Но не довольствуйтесь слезами. Трудитесь, работайте, развивайте ваши молодыя силы. Богъ дастъ, ангелъ-хранитель Пруссіи освѣтитъ васъ! Тогда освободите народъ вашъ отъ позора, упрековъ и униженія, въ которые онъ впалъ нынѣ! Умѣйте завоевать и вернуть отъ Франціи славу предковъ вашихъ, какъ прадѣдъ вашъ, великій курфирстъ умѣлъ при Ферберлинѣ отмстить Шведамъ за пораженіе и срамъ своего отца. Принцы мои! Не забывайте достоинства вашего званія, не увлекайтесь развратомъ нашего вѣка. Будьте мужественны (пускай человекъ въ васъ будетъ выше принца), стремитесь къ славѣ военачальниковъ, героевъ. Еслибъ не было у васъ такого честолюбія, вы былибъ недостойны званія царскаго и названія внуковъ великаго Фридриха. Но, если не возможно будетъ никакими жертвами, никакими усиліями, возстановить разрушенное, униженное царство, тогда, дѣти мои, ищите смерти, какъ принцъ Лудвигъ Фердинандъ искалъ ее и нашелъ“.

И сыновья Луизы не забыли ея завѣщанія. Пять лѣтъ спустя послѣ ея смерти, кронъ-принцъ и принцъ Вильгельмъ почти отроками вступали побѣдителями въ Парижъ съ много-

испытаннымъ отцемъ своимъ и съ императоромъ Александромъ, этимъ восторженнымъ другомъ ея послѣднихъ печальныхъ дней. Я помню, какъ меня удивилъ принцъ Вильгельмъ, когда въ разговорѣ объ войнѣ съ Наполеономъ, онъ мнѣ какъ-то сказалъ, что и онъ былъ въ арміи и при взятіи Парижа. Онъ мнѣ казался слишкомъ молодъ для этого, но ему было тогда уже 17 или 18 лѣтъ.

Не удивительно, что въ спасенной и воскресшей Пруссіи въ 30-хъ годахъ такъ любовно относились къ памяти еще недалекихъ событій и лицъ. Къ тому же времени принадлежала еще одна личность, сильно заинтересовавшая меня: княгиня Гацфельдъ (Hatzfeld) Когда Пруссія была завоевана Наполеономъ, ея мужъ князь Гацфельдъ былъ арестованъ, обвиненъ въ измѣнѣ и приговоренъ къ смерти. Жена его въ отчаяніи прибѣгла къ великодушію императора, который при ней бросилъ въ пылающій каминъ уже подписанный имъ смертный приговоръ и помиловалъ его. Такъ описывался этотъ случай въ мемуарахъ и брошюрахъ. Точно ли такъ это происходило, мнѣ было неловко спросить у княгини; но я замѣтила, что она—можетъ быть одна въ Берлинѣ—никогда ни словомъ, ни намекомъ не относилась враждебно къ Наполеону и Франціи. Она была женщина пожилая, но еще миловидная; худощавая, бѣлокурая, съ благородными чертами, съ осанкой граціозной, съ достоинствомъ и вмѣстѣ съ сердечною въ обращеніи, которыя уже тогда вырождались, такъ сказать, даже въ лучшемъ обществѣ и совсѣмъ перевелись теперь. Ея разговоръ былъ умный и любезный; она относилась съ участіемъ ко всѣмъ происшествіямъ, ко всѣмъ литературнымъ про-

изведеніямъ современнымъ, съ живостию, но безъ запальчивости и суеты. Не было въ ней ничего угловатого, все было въ гармоніи, все привлекало въ ней. Мнѣ до сихъ поръ отраднo вспомнить объ ней, наряду съ другими, милыми, изящными образами прошедшаго. Она, какъ многіе старые люди, была особенно ласкова со мною. Можетъ быть, старые люди чуяли, какъ я ихъ любила. Исключая, конечно, порочныхъ людей (которые отвратительны во всякомъ возрастѣ) есть что-то трогательно-почтенное въ человѣкѣ преклонныхъ лѣтъ. Сколько опыта, сколько искушений, сколько борьбы, сколько страданій пережиты и, не взирая на грѣхопаденія, неизбѣжныя даже для лучшихъ изъ насъ, душа чистая, перенесшая жизнь, кладетъ отпечатокъ свой на наружность, и трогательно, и грустно-свѣтло озаряетъ лице старческое, привлекая уваженіе и любовь.

Жизнь пережить—не поле перейти, говоритъ пословица. Жизнь есть подвигъ, даже самая счастливая жизнь и вотъ передъ этимъ подвигомъ и преклоняется юность, еще готовящаяся къ борьбѣ *). Княгиня Гацфельдъ

*) Я съ молодости, съ дѣтства даже, смотрѣла съ нѣжностію на стараго человѣка какъ на стараго солдата, покрытаго ранами и медалями; и они меня любили, т. е. старые люди, и старые солдаты.

Не давно одинъ почтенный и уже старѣющійся человѣкъ, князь ***, сказалъ съ грустнымъ убѣжденіемъ: «какъ печально положеніе старыхъ людей, когда они довольно умны, чтобы понять его. Они чувствуютъ, что они лишніе, что они всѣмъ въ тягость, всѣмъ «надоѣдаютъ».

Какъ это было бы страшно, если бы это было вѣрно! Если бы старые люди потеряли сознание своей пользы и необходимости, а общество, осталось бы безъ авторитета старости и опытности, это было бы великое зло; это дерево безъ корней, это «хра-

была вдовою въ наше время; при ней былъ сынъ, Максъ, очень молодой, — красивый, пріятливый, образованный и умный. Онъ былъ утѣшеніемъ и гордостію ея. Княгиня давно умерла. Кажется, и Макса уже нѣтъ на свѣтѣ, какъ многихъ и многихъ другихъ, которые какъ будто выступаютъ изъ гроба и другъ за другомъ проходятъ мимо моей памяти по мѣрѣ чтенія нашихъ писемъ, навѣвая на меня тогдашнюю атмосферу молодой восприимчивости, тревоги, досады, опасеній и любви!

Книги, милыя книги, все занимали насъ. Матушка писала:

Берлинъ 21 Февраля (5 Марта) 1831.

„Я дала комиссію выписать мнѣ изъ Парижа Шатобрианову книгу о четырехъ Стюартахъ; когда получу, съ первой оказіей пришлю къ тебѣ. Сегодня сказывалъ мнѣ молодой графъ Брюжъ, который недавно поступилъ въ здѣшнюю военную службу, будто бы одинъ корпусъ Польской арміи пошелъ въ Калишъ съ тѣмъ, чтобы пройти черезъ Пруссію въ Дрезденъ на помощь мятежникамъ, а оттуда въ Италію помогать тамошнимъ возмутителямъ, и что посланы въ Прусскую Польшу два полка съ артиллеріею, и еще собираются послать; онъ надѣется, что и онъ пойдетъ и очень радуется. Однако сегодня послѣ обѣда была у меня м-ше Видленбенъ, жена генераль-адъютанта короля, и объ этомъ ничего не говорила, а ска-

мина юже мужъ юрѣдивый созда на песцѣ:— чи храмина падѣся: и бѣ разрушеніе ей велие. Нѣтъ! Не дай Богъ поддаваться такому покорному чувству передъ кичливостію вѣтренниковъ; такое воззніе грѣшно. Это: лѣтъ и умніе. Люди старые не должны способствовать этому великому разрушенію общества человеческого въ Россіи, не потому что они стары, а потому что правда и истина не старѣютъ и только опытомъ и размышленіемъ достигается понятіе ясное о нихъ, да потому еще, что людей неспособныхъ и въ молодости тѣмъ.

зывала, что въ Дрезденѣ было еще очень сильное возмущеніе, но что она не знаетъ подробностей. Тотъ же Брюжъ сказывалъ, что бѣднаго короля прогнали и назначили принца Фридриха регентомъ; но еще разъ не знаю, справедливо ли все это и пишу къ тебѣ какъ о здѣшнихъ слухахъ, которые часто бываютъ ложные.

Р. С. Еще новость: Пала и Гагаринъ выѣхали изъ Рима, все идетъ хуже и хуже; что-то будетъ! Одна надежда на милость Божию“.

Всѣ эти волненія и перевороты, въ которыхъ, разумѣется, молодость, вспыльчивая и неосторожная, заносчивая и неосмотрительная, какъ всегда, принимала участіе, если не серьезное, то по крайней мѣрѣ шумное, заставили наше правительство задуматься надъ воспитаніемъ вообще и мальчиковъ въ особенности, и дало поводъ къ новому и довольно важному узаконенію. Вотъ письмо батюшки.

20 Февраля (4 Марта) 1831 г. С.-Петербургъ.

.....Мы сегодня получили интересное, важное извѣстіе о новой побѣдѣ, одержанной надъ мятежниками ^{13/25} Февраля, *) и о взятіи Праги **); но мы не знаемъ никакихъ обстоятельствъ дѣла, и слухъ о немъ конечно дошелъ до васъ прежде чѣмъ сюда. Да вотъ еще новость, объ которой можно уже объявить, потому что сегодня вышелъ указъ: запрещеніе воспитывать дѣтей мужскаго пола отъ 10 до 18 лѣтъ въ чужихъ краяхъ, и всѣ тѣ, которые въ сихъ лѣтахъ за границей, должны возвратиться черезъ 6-ть мѣсяцевъ. Съ первымъ курьеромъ я пришлю тебѣ составленную по волѣ Государя записку о причинахъ сего запрещенія. Вотъ и для меня новая причина ѣхать къ вамъ и, дай Боже, чтобы

*) Грохово подѣ Варшавой.

***) Слухъ оказался ложнымъ. Могли бы взять Прагу, да не взяли.

я могъ не однихъ мальчиковъ, а всѣхъ васъ привезти съ собой⁴.

22 Февраля (12 Марта 1831). С.-Петербургъ.

Графа Сергѣя Строгонова еще я не видалъ. Несмотря на масляницу, наши обыкновенныя и чрезвычайныя занятія по службѣ не прекращаются. Вчера я провелъ почти все утро въ особенномъ комитетѣ у князя Голицына, а третьяго дня у другаго князя, Ливена, въ главномъ правленіи училищъ, и въ этомъ засѣданіи ко мнѣ приступило такое страшное колотье, по обыкновенію въ правомъ боку, что я не знаю, какъ доѣхалъ домой. Арендъ полагаетъ, что причина этаго въ воздухѣ, въ ужасной стужѣ, которая возвратилась къ намъ послѣ нѣсколькихъ дней оттепели и нѣсколькихъ недѣль мягкой погоды. Вообрази, что вчера и сегодня поутру было до 20 градусовъ морозу, да еще съ довольно сильнымъ вѣтромъ. Графъ Кочубей въ самомъ Совѣтѣ занемогъ и уже десять дней лежитъ въ постелѣ; впрочемъ со вчерашняго утра ему лучше. Дочь его также оправляется, хотя довольно медленно. Зять Александръ Строгоновъ назначенъ членомъ временнаго правленія Царства Польскаго, въ которомъ Енгель будетъ предсѣдателемъ *); вѣроятно они скоро отправятся къ мѣсту своего назначенія. Графиня также собирается ѣхать сначала вслѣдъ за мужемъ, а весною въ Карлсбадъ **). Надобно ли при семъ случаѣ повторить, что и я собираюсь, т. е. думаю ѣхать къ вамъ, между прочимъ и для того, чтобъ исполнить обязанность, возложенную на родителей новымъ указомъ. Я, кажется, уже сказывалъ тебѣ, что онъ писанъ мною. Государь былъ очень доволенъ имъ и чтеніе онаго произвело замѣчательное

дѣйствіе въ Совѣтѣ. Прости, ма bonne, еще разъ благодарю тебя и всѣхъ васъ за ваши милыя письма. Андрюшу и Вадима еще особенно за ихъ Латинскія грамотки, и за выставленный въ одной современно Римской датумъ; но только нѣтъ ли въ немъ ошибки? Кажется нынѣшній годъ не 2580, а уже 2582-й отъ построенія Рима⁴.

Записка для указа о воспитаніи дѣтей Русскихъ въ Россіи.

Государь Императоръ, обращая непрестанное вниманіе на все что можетъ способствовать или препятствовать утвержденію благоденствія и нравственному улучшенію вѣранныхъ ему отъ Бога подданныхъ и принимая въ соображеніе важность воспитанія вообще и въ особенности людей высшихъ состояній, съ прискорбіемъ замѣтилъ часто оказывающіяся невыгодныя послѣдствія образованія, полученнаго внѣ отечества. Многіе молодые люди, иногда одаренные отъ природы хорошими свойствами и отличными способностями ума, будучи воспитаны за границей, привыкнувъ въ такомъ возрастѣ, когда разумъ еще слабо дѣйствуетъ, къ образу жизни и правиламъ иностранцевъ, принимаютъ безъ разбора все ихъ мнѣнія, и возвращаются въ Россію съ самыми ложными о ней понятіями. Не зная ея истинныхъ потребностей, законовъ, нравовъ, нравоученія, не умѣя постигать все выгоды существующаго у насъ общественнаго порядка, ни указанныхъ правительствомъ и временемъ средствъ для устраненія или исправленія замѣчаемыхъ въ семъ порядкѣ неудобствъ, они являясь чуждыми посреди всего отечественнаго. Нѣкоторые благоразумнѣйшіе, почувствовавъ свои недостатки, стараются хотя съ трудомъ и сожалѣніемъ о потерянныхъ лучшихъ годахъ жизни, исправлять ихъ и успѣваютъ приобрести необходимыя для Русскаго свѣдѣнія; но другіе и могутъ быть большая часть остаются въ заблужденіи, или съ гордостію мечтаютъ о преобразованіи государства по своимъ неосновательнымъ теоріямъ; или по крайней мѣрѣ страдаютъ, какъ отъ несогласія своихъ привычекъ и образа мыслей съ нашими установленіями и нравами, такъ и отъ чувства своей неспособности къ полезной гражданской дѣятельности. Для предупрежденія столь печальныхъ слѣдствій одной почти всегда невинной ошибки, впрочемъ благомыслящихъ родителей, нужны скорыя и сильныя мѣры: онѣ нужны особенно въ наше время, когда во многихъ Европейскихъ государствахъ господствуютъ мнѣнія чуждыя отъ часу болѣе удаляющіяся

*) Фамилія Енгеля и имя Чарторыжскаго, главнаго дѣльца революціи, подали поводъ къ слѣдующей игрѣ словъ: Государь посылаетъ ангела, чтобы выгнать Адама изъ рай.

**) Такъ были увѣрены въ сдачу Варшавы и окончанія войны, что сдѣлали все назначенія и распоряженія объ управленіи Царствомъ.

отъ тѣхъ началъ политическаго порядка, кои всегда были твердымъ основаніемъ могущества и славы Россіи. Его Императорскому Величеству угодно, чтобы Государственный Совѣтъ немедленно занялся изысканіемъ удобнѣйшихъ къ сему способовъ, впрочемъ безъ стѣсненія по возможности свободы дѣйствія родителей въ воспитаніи дѣтей своихъ и безъ вреда для успѣховъ просвѣщенія.

Правительство наше не щадитъ поощреній и издержекъ на учрежденіе и улучшеніе учебныхъ заведеній. Средства для приобрѣтенія не только необходимыхъ въ общезнѣтѣ и на службѣ, но и самыхъ высшихъ свѣдѣній, находятся въ Россіи. Для посвящающихъ себя какому либо особенному роду учености, можетъ иногда быть еще нужно посѣщеніе славнѣйшихъ университетовъ и другихъ источниковъ знаній; но сіе, такъ сказать, дополнительное ученіе, будучи только усовершенствованіемъ, начинается уже по окончаніи того истиннаго воспитанія, въ коемъ съ самаго младенчества, и не одними наставленіями, но черезъ всѣ явнѣйшія впечатлѣнія развиваются понятія, образуется характеръ, и часто рѣшается на будущее судьба человека. Сіе воспитаніе должно быть непременно отечественное, и на семъ основаніи, разсмотрѣнію и разрѣшенію Государственнаго Совѣта предложена въ вопросѣ, не нужно ли будетъ для пользы обучающагося юношества и общихъ пользъ государства, постановить слѣдующія правила:

1-е) Что дѣти и юноши мужескаго пола высшихъ въ Россіи состояній и въ особенности дворянскаго, имѣющаго высокое назначеніе быть во всѣхъ случаяхъ первою подпорою Престола, должны быть воспитаны предпочтительно въ нашихъ публичныхъ учебныхъ заведеніяхъ или хотя въ домахъ своихъ подъ надзоромъ родителей или опекуновъ, но всегда въ Россіи.

2-е) Что временемъ необходимымъ для воспитанія должны быть почитаемы всѣ дѣта отрочества и первой молодости, именно отъ 10-ти до 18-ти.

3-е) Что вслѣдствіе сего всѣ Русскіе подданные высшихъ состояній, дворянства, духовенства и знатнаго купечества, коихъ сыновья или питомцы, имѣющие болѣе 11 и менѣе 18-ти лѣтъ отъ роду, находятся за границею, обязаны возвратитъ ихъ въ Россію для воспитанія, въ положенный для того срокъ, не поздне какъ черезъ шесть мѣсяцевъ послѣ полученія ими надлежащаго о семъ предписанія.

4-е) Что всѣ тѣ, кто не исполнитъ сего предписанія пли послѣдствіи не будутъ образованы съ постановленными въ 1 и 2-мъ пунктахъ правилами, подвергнутся сами невыгодному замѣчанію правительства, а дѣти

ихъ или питомцы, воспитанные за границею, лишатся права вступать въ какую либо военную или государственную службу; наконецъ

5-е) Что изъ сихъ правилъ могутъ быть дѣлаемы нѣкоторыя исключенія въ чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, какъ наприимѣръ: по болѣзни самаго молодаго человека, коего воспитаніе еще не кончено, или же родителемъ или опекуновъ его, и по другимъ сего же рода причинамъ; но что сіи исключенія будутъ допускаемы не иначе какъ вслѣдствіе особенныхъ разрѣшеній, испрашиваемыхъ установленнымъ для сего порядкомъ.

Его Величество повелѣваетъ Государственному Совѣту разсмотрѣть сверхъ того, не нужно ли постановитъ также, что чрезъ семь лѣтъ послѣ введенія новаго устава учебныхъ заведеній во всѣхъ губерніяхъ никто уже не будетъ принимаемъ ни въ какую гражданскую службу, не совершивъ съ успѣхомъ полнаго курса ученія въ одномъ изъ нашихъ университетовъ, или въ одной изъ нашихъ гимназій; или же доказавъ вмѣсто того на строгомъ испытаніи, что имѣетъ достаточное познаніе по крайней мѣрѣ въ тѣхъ наукахъ, кои преподаются въ гимназіяхъ.

„Извѣстіе о новомъ указѣ не порадовало меня, хотя многіе, и я также, находимъ, что это весьма хорошо для тѣхъ, которые, пренебрегая нашимъ отечествомъ, находятъ, что Русскіе не въ состояніи воспитать дѣтей и везутъ или посылаютъ ихъ въ чужіе края. Но тѣ, которые по обстоятельствамъ, весьма противъ своего желанія, принуждены жить не въ своемъ отечествѣ, должны теперь отправлять своихъ дѣтей и оставлять въ отдаленности, на чужихъ рукахъ, беспрестанно безпокоясь о ихъ здоровьи и о правилахъ, которыя будутъ имъ внушены; это будетъ очень тяжело. Не говоря ужъ о разлукѣ, кто можетъ заботиться о дѣтяхъ, какъ родители? Они не имѣютъ никакихъ побужденій кромѣ счастья своихъ дѣтей. Я ожидаю съ нетерпѣніемъ обѣщанную тобою записку, чтобы узнать подробностей“. Такъ писала матушка.

Матушка не позволяла намъ писать по почтѣ все что рассказывали въ городѣ, потому что большею частію слухи были не въ нашу пользу, а у нея было болѣзненное отвраще-

ценіе отъ мысли, что вскрываютъ письма. За то при всякой возможности писать помимо почты, мы сообщали всякія извѣстія и сплетни политическія, которыя передаю здѣсь въ цѣломъ рядѣ писемъ, какъ отголосокъ того времени о состояніи умовъ.

«Берлинъ $\frac{3}{10}$ Марта.

.....Графъ Галленъ, attaché Прусскаго посольства, ѣдетъ завтра или послѣ завтра въ Петербургъ, и я спѣшу передать вамъ новѣйшія извѣстія наши. Правда, что они противурѣчатъ другъ другу. Первое, что Австрійскій посолъ выѣхалъ изъ Парижа, а бѣдный Поццоди Борго чуть не умеръ со страха отъ камней (pavés), которые разбила у него стекла и влетѣли въ комнату. Вслѣдствіе сего общая война неизбежна. Большая радость между принцами и молодыми офицерами, большое неудовольствіе въ ландверѣ, который со всѣмъ не желаетъ быть im activen Dienste, и большой переполохъ между старыми бюргерами національной гвардіи, которые не могутъ забыть зимовку Французскихъ войскъ въ Берлинѣ во время оно. Вотъ послѣдствія этого слуха. Другое извѣстіе нелѣпо даже до смѣшнаго; увѣряютъ, что вслѣдствіе вышательства Франціи и Англіи, Государь призналъ независимость Польши!!! Была ли когданибудь другая такая нелѣпая выдумка? Нашъ Государь, признающій независимость этого края въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ, и тогда какъ Пруссія и Австрія оставляютъ за собою свои части бывшихъ Польскихъ владѣній: какъ это правдоподобно! Еще сказывали вчера, что перемѣна министровъ во Франціи. Это вышло вздоръ: они только помянулись министерствами. Лидія говорить: qu'ils ont seulement joué à la toilette de madame. Еще разсказываютъ, что недавно появилась, не знаю въ какой Англійской газетѣ, статья о Петербургскомъ обществѣ, похожая на ту изъ *Messenger des Chambres* о Берлинѣ, кото-

рую мы вамъ послали. Эта послѣдняя статья не писана Борнстетеномъ, какъ и сперва вамъ сообщала: ее писалъ одинъ Еврей (Прусскій) по порученію Французскаго *secrétaire d'ambassade Mural* (безобразный господинъ, котораго терпѣть не могутъ и очень холодно принимаютъ въ здѣшнемъ обществѣ; говорить, онъ очень дерзокъ и такой лгунъ, что въ его устахъ некажется самое достовѣрное извѣстіе). Хотѣли было подарить его Россіи, въ качествѣ attaché, однако его назначили къ какому-то другому двору. и одинъ г-нъ Андре, который тоже былъ здѣсь нынѣшнюю зиму, но котораго и не видала, назначенъ въ Петербургъ. Скажите, когда герцогъ Мортемаръ „l'homme nécessaire pour toutes les négociations contre la Russie qu'il connaît à fond“, покинетъ эту Россію „qui lui doit tant“, по увѣренію газетъ? Скажите тоже, видѣли ли вы или слышали объ *La Roche Jaquelin*? Каковъ опъ вамъ показался? Вы знаете, какъ меня интересуеетъ всякій Шуанъ, Вандеецъ, а имени *La Roche Jaquelin* недавно. $\frac{16}{28}$ Марта. Вѣсто вашего, матушка получила письмо графини Вьельгорской. Она, кажется, очень испугалась народными волненіями въ ихъ сосѣдствѣ; она пишетъ „Les étudiants et la canaille, les infernaux, gouvernent Wurzburg, comme ils gouvernent Paris, et Louis de Bavière n'a guère plus de pouvoir sur eux que Louis Philippe.“ Quant à l'histoire de nos défaites en Pologne, ce sont des contes bleus, mais ces benêts d'Allemands sont d'une crédulité étonnante, il n'y a rien d'assez absurde pour leur paraître incroyable. Jusque là il n'y a rien de bien effrayant, car ils sont les maîtres de croire à de faux bruits; mais ce qui passe la plaisanterie, c'est que la populace et les étudiants (всѣ это несчастные студенты) sont venus crier sous mes fenêtres: „Vive les Polonais, mort aux Russes“, et ils sont capables de tenir parole et de nous assassiner. Aussi j'ai trouvé plus prudent de quitter ces heureux pays constitutionels, où personne n'est sûr pendant une heure de son existence

„et de me réfugier à Berlin, où l'on est assez sage pour n'avoir pas de constitution et où, par conséquent, on dort tranquillement“. Бѣдный король Лудвигъ! Не смотря на свои стихи и на либеральный образъ мыслей, противъ него тоже возмущенія, и сколько онъ ни выгоняетъ слушателей изъ своихъ университетовъ, революціи все возраждается опять; какъ гидра Лернская, по мѣрѣ того какъ падаетъ одна глава, другая вырастаетъ на ея мѣсто. Кто будетъ тотъ Геркулесъ, который побѣдитъ духъ безпорядка и анархіи?..... Можетъ быть, это будетъ пресловутая комета, которая должна явиться въ будущемъ году (а не въ 36-мъ, какъ говорили) и положить конецъ всему этому броженію, покончивъ съ существованіемъ земнаго шара. Кажется, право, что это единственное средство возстановить миръ и добрыя отношенія людей другъ къ другу; — человѣчество такъ строитиво“.

19/31 Марта.

„Ахъ! милый папенька, я сей часъ узнала новость, но какую новость!!! Одно изъ тѣхъ происшествій, которыя были очень обыкновенны въ среднихъ вѣкахъ, особенно въ Германіи, но которыя въ наше время неслыханная рѣдкость. Я считаю, что мнѣ особенно посчастливилось быть въ Берлинѣ въ эту минуту. Это не было pendant l'honneur d'une profonde nuit, но въ прекрасную лунную ночь, такую свѣтлую, что все видно было какъ днемъ: двое солдатъ стояли по обыкновенію на часахъ у большого дворца, который вы помните, можетъ быть, и который очень похожъ на нашъ Зимній Дворецъ. Не знаю именно, въ какомъ часу это было, но вдругъ почти невольнымъ движеніемъ часовые сомкнули штыки, чтобъ остановить женщину, которая хотѣла пройти въ дверь; однако она, не обращая на нихъ вниманія, прошла сквозь ихъ ружья и дверь. Вообразите смущеніе бѣдныхъ солдатъ! Живое существо не могло бы пройти, не раздвинувъ штыковъ; но что особенно ужаснуло ихъ, это что женщина бы-

ла вся въ бѣломъ, съ бѣлымъ вуалемъ на головѣ, съ лицомъ бѣдые смерти, съ волосама бѣлыми какъ снѣгъ. Теперь весь городъ объ этомъ говорить съ трепетомъ и страхомъ, но скрываютъ отъ короля, въ опасеніи слишкомъ большого на него впечатлѣнія. Мнѣ обѣщали литографированный портретъ Бѣлой Дамы, Бранденбургской“.

О тревожныхъ слухахъ про наши военныя дѣйствія, которыя собственно были только стычки съ шайками мятежниковъ, но которыя Поляки преувеличивали до размѣровъ ужасныхъ поражений, въ Петербургѣ еще не слышали, и батюшка писалъ въ грустномъ, но спокойномъ тонѣ о семейныхъ дѣлахъ и чувствахъ. Привожу эти письма, какъ образецъ его воззрѣній на жизнь и его религиозныхъ правилъ.

«Санктпетербургъ 1/13 Марта 1831 года.

Милая Антуанета, какъ бы мнѣ хотѣлось въ эту минуту посредствомъ волшебнаго прутика, или хотъ животнаго магнетизма, перенести себя въ Берлинъ, обнять въ самомъ дѣлѣ тебя, твою маленьку, сестру, братьевъ, и не на холодной бумагѣ, а лицомъ къ лицу сказать тебѣ, какъ я желаю, какъ молю Бога, чтобъ ты была счастлива; счастлива тѣмъ немечтательнымъ, необманчивымъ счастьемъ, которое ты однажды сама описала въ двухъ словахъ. Мы всѣ больше или меньше можемъ находить его, ибо оно не въ внѣшнемъ мѣрѣ, а въ душѣ нашей, въ исполненіи долга, во внутреннихъ независимыхъ отъ рока наслажденіяхъ добродѣтели, постепенномъ, но непрестанномъ совершенствованіи нашего нравственнаго существа и въ данныхъ намъ для того средствахъ: драгоценной способности постигать истину и высокія мысли отличныхъ умовъ, ею вдохновенныхъ; и въ другой еще драгоценнѣйшей, — чувствовать въ сердцѣ своемъ чистые, чужды всякаго самокорыстія порывы къ добру и въчному его источнику, которые хотя мгновенно,

но заставляють насъ забывать, что мы на землѣ и слабы. Прибавимъ къ сему и непритворную, но умѣренную и благо-разумную любовь ко всему прекрасному въ природѣ и въ произведеніяхъ искусства, ее повторяющихъ; вотъ элементы блаженства, сколько оно возможно для насъ, пока мы на землѣ. Даруй Боже, чтобы всѣ они и всегда украшали жизнь твою, милая Антуанета..... Мнѣ вдругъ приходитъ въ голову странная мысль. Говорятъ, что слова умирающихъ бываютъ пророчествами, а я, ты знаешь, давно уже считаю себя умирающимъ; сверхъ того нынѣ, и во всѣ эти для меня немасляничные дни, что-то очень не хорошо себя чувствую“.

Для меня лично, было тогда произшествіе довольно важное, мое представленіе королю и принцессамъ, словомъ то что называется первый выѣздъ въ свѣтъ. Это было на маленькомъ балѣ у короля, въ его собственномъ дворцѣ Unter den Linden. Къ грусти, которая уже давно мною владѣла, прибавилось еще стеченіе мелкихъ обстоятельствъ неприятныхъ для меня. Мое имя было уже давно внесено въ списокъ представленій, и нельзя было отказаться отъ приглашенія короля; но это случилось какъ нарочно въ нашъ великій постъ, а мы съ дѣтства привыкли считать обязанностію отказываться отъ театровъ и баловъ въ это время. Я очень хорошо знала, что въ сущности тутъ не было смертельнаго грѣха, что обязанность повиноваться родителямъ стояла гораздо выше. Все таки какъ-то было тревожно на совѣсти и неловко, особенно потому, что въ чужихъ краяхъ и при дворѣ дѣлалось то что не дѣлалось дома; сверхъ того, мнѣ въ бальной залѣ приходилось быть какъ въ лѣсу: я еще никого не знала кромѣ семействъ Папенгеймъ и Мейендорфъ. Ужъ конечно не съ та-

кимъ ожиданіемъ блаженства и страхомъ умереть наканунѣ какъ княжна Софья^{*)} о которой я вспомнула тогда^{*)}, встрѣтила я этотъ день, и съ тяжелымъ тревожнымъ чувствомъ вошла я въ комнату не ярко освѣщенную, весьма не затѣливаго убранства, съ довольно простою мебелью, по тогдашнему обычаю чинно разставленною около стѣнъ. Тутъ ожидали выхода короля. Поклонившись придворнымъ дамамъ, которымъ мы уже сдѣлали визиты, магушка вошла въ разговоръ съ ними, а я оглянулась: все чужія, незнакомыя лица. Мысль перенеслась въ Петербургъ: если бъ это было тамъ! Сколько моихъ сверстницъ, сколько привѣтливыхъ старшихъ лицъ матерей и отцовъ ихъ я бы встрѣтила. И Кочубеевы, и Строгоновы, Наталья Ѳедотовна Плещеева, Гагарина, Мердеровы, Жуковский, Перовскій, Адлербергъ, Уваровъ, Бутеневъ; и сколько лицеистовъ, которые должны были около этого времени уже быть кавалерами на балахъ, и столько, столько другихъ знакомыхъ съ дѣтства лицъ! Такая взяла меня тоска, хоть вонъ бѣги, хоть зарыдай. На мое счастье въ эту минуту вошелъ король, за нимъ принцы и принцессы и княгиня Лигницъ. Это былъ очень маленький балъ. Король былъ во фракѣ; я его видала часто издали въ театрѣ; меня поражали неподвижность и какое-то равнодушіе въ выраженіи его лица. Когда онъ вошелъ въ комнату, у него былъ тотъ же видъ безучастія къ окружающему; но вблизи, когда меня представили ему, я увидѣла такое доброе, искреннее, отечески-привѣтливое выраженіе въ его глазахъ. Онъ милостиво сталъ спрашивать меня, сказавъ, что надѣется, что мнѣ бу-

*) См. Р. Архивъ 1872, стр. 1236.

детъ хорошо въ Берлинѣ, что Русскимъ должно быть, почти дома у него. Было такъ много добродушія въ тонѣ его голоса, что нельзя было принять его слова за пустую вѣжливость; въ нихъ слышалась нѣжная любовь къ своей царственной дочери и истинная дружба къ Государю, чувства которыя въ правду сближали его съ Россіей. Мнѣ стало легче на душѣ: такъ дорого было мнѣ сочувствіе далекому отечеству въ то время, когда слишкомъ часто встрѣчали мы вражду.

Когда король отошелъ, принцъ Вильгельмъ обратился къ матушкѣ и сказавъ: представьте меня вашей дочери пригласилъ меня на вторую кадрили. Адъютанты короля, нѣкоторые изъ другихъ принцевъ позвали на другіе кадрили и прочее, и когда мы вошли въ свѣтлую веселую танцевальную залу, я уже была обезпечена на весь вечеръ въ отношеніи къ танцамъ. Это не была случайность: на этихъ малочисленныхъ вечеринкахъ, и дамы и мужчины, начиная съ королевской фамиліи, самымъ любезнымъ образомъ заботились о томъ, чтобъ было привольно и весело гостямъ, особенно новыѣзжающимъ дѣвушкамъ, понимая, какъ дороги въ эти лѣта ласковый пріемъ и внимательность. Увы! Не всегда встрѣчается это теперь. Я еще обрадовалась тому, что можно было часть вечера и за ужиномъ говорить порусски съ однимъ изъ Прусскихъ офицеровъ, Рейтеништейномъ, который очень свободно и бѣгло изъяснялся. Онъ былъ въ нашей арміи въ Турецкую кампанію. Принцъ Альбертъ тоже нѣсколько словъ сказалъ мнѣ порусски, и мы съ перваго разу очень хорошо съ нимъ познакомились. Добродушный, веселый, онъ былъ особенно привѣтливъ къ Русскимъ, любилъ танцевать и очень хорошо тан-

цевалъ. Мы были оба очень молоды и подружались, танцуя постоянно мазурку вмѣстѣ, потому что ее не очень хорошо танцевали тамошнія дамы, такъ что принцы выбирали все Польскъ или Русскихъ. Принцъ Карлъ, остроумный и веселый, однако внушалъ мнѣ что-то въ родѣ страха, потому что онъ былъ насмѣшливъ и любилъ дразнить (taquiner). Кронъ-принцъ, впоследствии король Фридрихъ Вильгельмъ IV, былъ одинъ изъ самыхъ блистательныхъ умовъ, которыхъ я когда либо встрѣчала. Вотъ что королева Луиза объ немъ писала, когда онъ былъ еще ребенкомъ: „Нашъ кронъ-принцъ живой и умный мальчикъ, у него замѣчательныя способности, онъ искрененъ во всѣхъ своихъ впечатлѣніяхъ и словахъ, онъ учится съ особеннымъ успѣхомъ исторіи, и съ идеальнымъ настроеніемъ его ума все великое и доброе привлекаетъ его; онъ любитъ остроуміе и часто самъ насъ занимаетъ своими насмѣшками и неожиданными выходками.“

Замѣчательно, какъ вѣрна была и осталась эта оцѣнка; но, кажется, воображеніе и поэзія въ немъ брали перевѣсъ надъ болѣе положительными сторонами ума; отъ того, можетъ быть, и привѣтливость его переходила границы, и часто любезность казалась даже лестью. Больше всѣхъ принцевъ мнѣ приходилъ по сердцу принцъ Вильгельмъ. Онъ былъ далеко не такъ даровитъ какъ старшій братъ, не такъ остроуменъ и забавенъ какъ принцъ Карлъ, но во сто разъ симпатичнѣе обоихъ. Объ немъ также вѣрно судила королева Луиза. „Нашъ сынъ Вильгельмъ, писала она къ отцу, если я не ошибаюсь, будетъ, какъ отецъ его мужественный, благородный и разумный, съ душевной простотой. По

„наружности тоже онъ всёхъ больше „похожъ на отца, только, кажется, не „будетъ такъ хорошъ, какъ онъ“.

Кронъ-принцесса, рожденная при- цесса Елисавета Баварская, была тог- да очень привлекательной наружно- сти; у нея были темные волосы и тем- ные большіе, добрые глаза, правиль- ныя черты, и выраженіе лица нѣ- сколько грустное. Она обожала мужа и, вполсѣдствіи мнѣ казалось, что въ выраженіи ея лица было бессознатель- ное предчувствіе невыносимо-горька- го испытанія, черезъ которое ей было суждено пройти, во время его пред- смертной болѣзни. Принцесса Авгус- та, выѣшняя императрица, была тог- да очень молода, очень худощава и миловидна, но не хороша. Лѣтъ де- сять спустя, видѣла я ее въ Веймарѣ и съ трудомъ узнала. Она развилась въ замѣчательно-красивую женщину. Сестра ея принцесса Карлъ (Марія Веймарская) была тогда совершенная красавица, но довольно безжизненная. Принцесса Маріанна, молодая супру- га принца Альбрехта, была всёхъ моложе и дурна собой, за то остро- умная, забавная, занимательная до высшей степени. Она была тоже очень богата, и при ихъ дворѣ давались въ то время блистательные праздники. Помню между прочимъ спектакль лю- бителей: давали маленькую веселую пьесу, сочиненіе тоже любителя, на ухо говорили, что принца Карла Мекленбургскаго, хотя отвѣтственный авторъ былъ его адъютантъ. Самъ принцъ игралъ нѣсколько сценъ изъ трагедіи „Императоръ Фридрихъ и его сынъ“, и игралъ замѣчательно хоро- шо. Вообще онъ былъ даровитый и пріятный старикъ, съ военными та- лантами, какъ говорили, и очень храб- рый. Онъ былъ братъ королевы Луи- зы и отличился не разъ во время вой-

ны съ Французами. У него лице бы- ло очень круглое, усы очень прямые, и потому его прозвали *die alte Katze*, находя сходство съ кошкою, но его вообще, даже между бюргерами, люби- ли и почитали. О княгинѣ Лигницъ я уже говорила прежде, также какъ и о Радзивиловыхъ. Вотъ лица болѣе замѣчательныя, которыя помнятся мнѣ съ этаго вечера. За нимъ слѣдовали вечера и балы похожіе на всё балы и на всё вечера.

Дѣти всегда обезьяничаютъ, и ма- ленькіе братья мои, слыша, какъ мы читали Фигаро и *La Mode*, стали пи- сать политическія статьи, а меньшей Вадимъ даже завелъ себѣ домашній сатирической журналъ *Калейдоскопъ*, въ три или четыре экземпляра. Наша гувернантка *M-lie du Tour* и учителя воспользовались этимъ, чтобы всёхъ насъ вызвать быть сотрудниками и такимъ образомъ упражняться въ сло- гѣ; мы же были и подписчиками, а батюшка получалъ даровой экземп- ляръ безъ платы за пересылку. Ско- ро братъ былъ обрадованъ честию имѣть взрослога подписчика, который вмѣстѣ былъ и сотрудникомъ. Въ томъ же домѣ какъ мы, въ бель-эта- жѣ, жилъ Неаполитанскій посланникъ, *il avaliere don Carlo Ruffo dei prin- cipe Castalcicalla* онъ былъ сынъ князя *Castalcicalla*, посла въ Парижѣ, кото- раго либеральныя газеты очень много бранили; заслуженная ли была эта брань, я не знаю; сынъ его во вся- комъ случаѣ не былъ ни фальшивый, ни жестокой человекъ, а добродуші- емъ, веселостію и простотою обраще- нія, также какъ огромными чертами смуглаго лица, былъ настоящій Неа- политанецъ, истый соотечественникъ полишинеля. Онъ очень часто у насъ бывалъ и подружился даже съ братья- ми; хотя шутки его были не очень

остроумныя, рассказы не затѣйливыя, но его веселость и наша молодость до-вольствовались всякимъ предлогомъ, что-бы посмѣяться; и старыя анекдоты, даже извѣстныя стишки, которые онъ присылалъ въ Калейдоскопъ, казались братьямъ, да и мнѣ съ сестрою, такимъ украшеніемъ журнала, что нѣкоторыя помнятся мнѣ до сихъ поръ, какъ напризмѣръ:

„Le monde est plein de fous, et qui n'en veut pas voir

Doit s'enfermer chez lui et casser son miroir“.

Правда, какъ ни стара эта истина, она на каждомъ шагу намъ глаза колетъ и вновь напоминаетъ о себѣ. У Руффо было еще чисто-Итальянское качество, весьма симпатичное: его развязность и *laisser aller* никогда не переходили границу приличія съ женщинами. Руффо въ послѣдствіи былъ посланникомъ въ Петербургѣ, но не долго.

Между тѣмъ политическій горизонтъ все больше и больше покрывался тучами, и всѣ тревожно ожидали какого нибудь взрыва, который привелъ бы за собою общую Европейскую войну. Какъ сказано выше въ одномъ изъ моихъ писемъ, въ Берлинѣ военная молодежь, въ томъ числѣ и принцы, желали ея; ландверы ея опасались, а національная гвардія (Берлинскіе бюргеры) страшилась ея и стали ненавидѣть Россію, воображая, что мы будемъ причиной такого несчастія. Нѣмецко-Польскій дворикъ, Радзивилловъ и вся Польская партія разжигали эту ненависть, всякаго рода преувеличенными и даже выдуманскими извѣстіями о пораженіи и бѣгствѣ нашихъ войскъ, о положеніи оружія, будто бы, цѣлыми полками и тому подобное. Изъ Гіелгута и Дверницка-

го дѣлали геніальныхъ полководцевъ во главѣ цѣлыхъ армій *); во Франціи говорили, что сформировался цѣлый легіонъ бѣглыхъ солдатъ изъ нашей арміи (*la corps des déserteurs*), и маленькій братъ мой, подъ влияніемъ Цицерона, говорилъ съ ужасомъ: *c'est l'armée de Catilina, des vagabonds, des déserteurs et des parricides*. Это смутное время за границей, вмѣсто того чтобы совратить нашихъ мальчиковъ съ правилъ монархическихъ, во сколько дѣти могутъ ихъ понять, напротивъ внушило имъ отвращеніе отъ революцій и во всѣхъ насъ возбудило восторженный патриотизмъ. Въ сущности эти пресловутыя пораженія нашихъ войскъ были ничто иное какъ первыя неудачи регулярныхъ войскъ въ непривычной партизанской войнѣ, въ незнакомыхъ мѣстностяхъ, въ дремучихъ лѣсахъ и болотахъ. Но правда не доходила до насъ, и мы всѣ были полны смущенія и негодованія, начиная съ матушки и кончая нашей Русской прислугой, въ томъ числѣ буфетчика, бывшаго деньщика Суорова. Этимъ настроеніемъ отзываются всѣ послѣднія письма Марта мѣсяца. Я писала.

Берлинъ 25 Марта (6 Апрѣля) 1831 года.

По нашему расчету это письмо придетъ въ Петербургъ наканунѣ вашего рожденія. Поздравляю васъ и не могу найти словъ, чтобъ выразить вамъ, сколько я вамъ желаю счастья. Еслибъ

*) Вся кампанія Дверницкаго состояла въ одной стычкѣ кавалерійской подъ Боромлею, гдѣ гр. Чацкій со своими гостями гарцовалъ нѣсколько часовъ передъ Ридигеромъ и гдѣ удалось маленькому отряду схватить врасплохъ нѣсколько нашихъ пушекъ, съ которыми на другой же день Дверницкій ускакалъ отъ нашего войска, пошелъ поспѣшно на Берестечко и Кременецъ и, настигнутый нашимъ войскомъ за мѣстечкомъ Вышегородомъ, былъ разбитъ и перешелъ обратно черезъ Австрійскую границу. Вотъ побѣда!

вы знали, какъ мнѣ грустно думать, что вы будете еще заняты (5-го Апрѣля) неприятнымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ безъ сомнѣнія и въ Петербургѣ, извѣстіемъ о постыдномъ нашемъ поражении; но какъ получите это письмо, подумайте, что когда оно до васъ дойдетъ; мы уже будемъ радоваться побѣдѣ, которая должна быть наиблестательнѣйшая, чтобы загладить такой позоръ. Вы не можете вообразить, какъ я и всѣ здѣшніе Русскіе раздражены, car on ne prend pas la peine de nous cacher qu'on est enchanté de nous voir battus; cela siérait bien à tous autres qu'aux Prussiens; за то добрый король за насъ горой стоитъ. Между прочимъ Берлинцы дѣлають каламбуры (Berlinerwitz) изъ названія Забалканскаго: So bald kann er nicht сладить съ Поляками. Но довольно о семъ. Какъ вамъ нравится Вадима поэтическое поздравленіе? Не нужно говорить, что мы всѣ съ нимъ вмѣстѣ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ожидаемъ счастливаго часа свиданія съ вами. Всякій день приближаетъ насъ къ этому прекрасному дню, а покуда надобно довольствоваться надеждою и ожиданіемъ Мая мѣсяца.“

„Князь Суворовъ былъ у насъ два раза и очень, очень огорченъ; но говорить, что надѣется на Русскаго Бога, какъ помните бѣдный Северинъ Потоцкій говаривалъ ¹⁾). Богъ будетъ намъ прибѣжище и сила. Онъ намъ поможетъ. Иванъ Сергѣевъ ²⁾ страхъ какъ сердится тоже и, глядя на Суворова, говоритъ: „Еслибъ живъ былъ дѣдъ его, не бытъ бы всему этому! Такъ всѣ и смѣются надъ нами.“

Скоро получили мы такія же унылыя письма отъ батюшки.

¹⁾ Mon cher, je compte sur le Roussky Bog. И въ прежнія времена, одинъ Русскій (кажется, князь Волконскій) говорилъ, что когда шумъ на землѣ разбудитъ Русскаго Бога, и Ему докладывають, что это Русскіе воюють съ кѣмъ нибудь, онъ говоритъ: Ну, пора вставать! Эти безъ меня ничего не сдѣлають.

²⁾ Нашъ буетчикъ.

«С. Петербургъ (28 Марта) 9 Апрѣля 1831 года.

Сего дня, мой милый другъ, я могу отвѣчать тебѣ только на твое письмо отъ ^{11/23} Марта. И оно дошло до меня довольно поздно за распутицей, а то, котораго я могъ бы ожидать вчера вечеромъ или нынѣ по утру, вѣроятно остановлено въ Мемелѣ, по другимъ, неприятнѣйшимъ причинамъ. Вы конечно уже знаете, что въ 3-хъ уѣздахъ Виленской губерніи, Шавельскомъ, Россіенскомъ и Тельшевскомъ, въ томъ краѣ, который мы называемъ Жмудью, а иностранцы Самогиціей, вспыхнуло возмущеніе. Нѣсколько тамошнихъ шляхтичей, а можетъ быть и прокравшихся тайно Варшавскихъ агентовъ успѣли возбудить глушій черный народъ, который въ сихъ мѣстахъ живетъ до нынѣ почти также, какъ въ четырнадцатомъ вѣкѣ, въ лѣсахъ, въ болотахъ, въ невѣжествѣ удивительномъ даже и для простолюдиновъ. Ихъ увѣрили, что наша армія въ Царствѣ Польскомъ истреблена, что Россія не имѣетъ уже никакихъ силъ и что они могутъ дать волю своимъ страстямъ. Безумцы вооружились, бѣснуются, грабятъ, жгутъ и на сихъ дняхъ заняли Полацгенъ. Такимъ образомъ мы, на время, отрѣзаны отъ прямыхъ сообщеній съ Пруссіей; но уже посланы войска для усмиренія мятежниковъ и скоро положатъ конецъ симъ новымъ, неожиданнымъ безпорядкамъ. Между тѣмъ почта будетъ ходить моремъ изъ Лябау въ Мемель и на оборотъ. Но все это очень огорчаетъ Государя и всѣхъ благомыслящихъ. Утѣшь Его Богъ: Его и Россію, какъ только Онъ одинъ, одно Его Провидѣніе, умѣетъ утѣшать“.

„Послѣ этихъ вѣстей, мнѣ что-то не хочется и совѣстно говорить, даже и думать о себѣ. Что касается до нашихъ общихъ знакомыхъ, до тѣхъ по крайней мѣрѣ, которые больше интересуютъ тебя, я объ нихъ недавно тебѣ рассказывалъ что зналъ, и теперь ничего не могу прибавить“.

„Здоровье Великой Книгини худо по-

правляется. Кажется рѣшено, что въ началѣ весны она отправится моремъ въ Брайтонъ или Рамзгетъ брать морскія ванны; говорятъ, что это необходимо. При ней будутъ графиня Нессельроде и князь Николай Гагаринъ, тотъ, который женатъ на толстой графинѣ Бобринской. Нашему Полегикъ очень хотѣлось быть также въ свитѣ Ея Высочества и опять не удалось. Прости, ма бонне. Скажи Антуанетъ, что я вчера видѣлъ графа Галлена и что онъ исправно доставилъ мнѣ ея письмо. Скажи ей также, въ отвѣтъ на ея вопросъ, что всѣмъ принамамъ, и невладѣтельнымъ и не королевскимъ высочествамъ *), надобно говорить „Monseigneur“: этого требуютъ обычай и слѣдственно учтивость. Радуюсь, что ея первое появленіе въ свѣтъ было совѣмъ не такъ тяжело, какъ она воображала и что ее приняли благосклонно. Еще разъ: Богъ любитъ покорныхъ дѣтей, и потому я смѣю надѣяться, что, не смотря на мои грѣхи положительныя и отрицательныя, Онъ помилуетъ и будетъ покровительствовать мою милую Антуанету и всѣхъ нашихъ мплыхъ, что Онъ доставитъ имъ) счастье и въ такъ называемомъ свѣтѣ, и особливо во внутреннемъ мирѣ ихъ сердецъ“.

С. Петербургъ. (31 Марта) 12 Апрѣля 1831.

Новыхъ извѣстій изъ арміи мы доселѣ не пмѣемъ и ждемъ ихъ съ величайшимъ нетерпѣніемъ ежедневно, ежедневно. Дай Боже, чтобы удачный, рѣшительный ударъ скорѣе положилъ конецъ этимъ Польскимъ дѣламъ, безпокойству Государя, страданію цѣлаго обширнаго и столь недавно еще цвѣтущаго края и происходящему отъ того волненію умовъ“.

О будь же Русскій Богъ намъ щить!
Прострешь Твою десницу,

—

Въ то время Нѣмецкіе герцоги и гротссъгерцоги не носили титула королевскаго высочества.

И мститель громъ Твой раздробитъ
Кони и колесницу.
Какъ воскъ передъ лицомъ огня,
Растаетъ врагъ предъ нами.

Въ дополненіе къ разсказу о томъ времени и людяхъ въ Пруссіи, считаю не излишнимъ привести здѣсь разсказъ А. С. Стурдзы, свидѣтеля, отчасти сотрудника барона Штейна, во сколько можно быть сотрудникомъ такого человѣка, молодому секретарю дипломатической канцеляріи.

„Штейнъ (какъ и Гарденбергъ) еще тѣмъ для насъ интересенъ, что онъ былъ сѣятелемъ того семени народнаго сознанія и тѣснаго братства между Нѣмцами (сѣверными по крайней мѣрѣ) и Прусской династіей, которое на нашихъ глазахъ приноситъ такой обильный плодъ. — Надобно замѣтить еще и то, что глубокая, нѣсколько мистическая вѣра, относящая все къ Провидѣнію Божію и отдающая имени Его славу и благодареніе въ успѣхъ и въ испытаніяхъ, есть характеристика времени и воспитанія людей такихъ, какъ Штейнъ, какъ Мольтке, какъ король Вильгельмъ, и отнюдь не похожа на комедію или фразы, какъ воображаютъ нѣкоторые корреспонденты нашихъ журналовъ“.

„Въ эпохи переходныя,“ пишетъ Стурдза, „Господь призываетъ человѣковъ особаго, необыкновеннаго закала, на служеніе страждущему человечеству и озаряетъ умъ ихъ пониманіемъ прошедшаго и настоящаго, даетъ имъ силу вліять на будущее народовъ земныхъ. Такіе люди умѣютъ сохранять все дорогое въ сокровищницѣ преданій и вмѣстѣ сознаютъ нужды наступающаго вѣка. Ихъ убѣжденія не измѣняются, но преобразовываются черезъ строгіе уроки Исторіи, тогда какъ люди дюжинные жертвуютъ своими, ради удобствъ и мелочей жизни. Эти избранники видѣются намъ какъ маякъ надъ опасною скалою, у входа моря, нами еще неизвѣданнаго; они освѣща-

ють путь среди мраковъ непогоды и бурь и угасаютъ, когда новыя поколѣнія достигли далекой пристани новаго склада жизни. Предать забвенію такпхъ лицъ значило бы утратить часть лучшаго достоянія человѣчества. Между такими свѣтлыми лицами никто болѣе барона Штейна не заслуживаетъ памяти и славы въ потомствѣ. Штейнъ съ ранней молодости настрадался и провелъ лучшіе годы своей жизни въ борьбѣ; за то рано окрѣпъ и возмужалъ: въ немъ такъ и виденъ былъ моральный загаръ тѣхъ дѣятелей, которые вынесли тяготу и варъ лѣтнихъ страдъ историческаго дня.“

Первая встрѣча Стурдзы съ барономъ Штейномъ была въ Петербургѣ въ 1811 году. Онъ былъ тогда изгнанникомъ изъ всей Французской имперіи, объявленный Наполеономъ внѣ закона. Имѣнія его на Рейнѣ и въ Вестфаліи были конфискованы. Пруссія, какъ и уже говорила, принуждена была тогда удалить его и Гарденберга по приказанію Наполеона. Хотя уже готовилась война съ Россією, однако посланники Французской и Рейнской конфедерации еще оставались въ Петербургѣ. „Штейнъ“, пишетъ Стурдза, „явился между ними, какъ живой упрекъ, какъ предвѣстникъ народныхъ воздаяній, предъявляя, вмѣсто довѣрительной грамоты, раковину Аристида съ ея остракизмомъ, которымъ онъ былъ въ полномъ правѣ гордиться“.

Императоръ Александръ Павловичъ принялъ его съ отличіемъ и довѣріемъ, пожаловалъ ему Андреевскую ленту и неразъ совѣтовался съ нимъ о планахъ защиты. „Штейнъ не былъ ни основателемъ, ни главою тугендбунда или какого нибудь другаго тайнаго общества, но онъ былъ носителемъ той общей національной ненависти, которая безъ всякой тайны жила и развивалась въ народѣ противъ насилія иноземнаго ига. Его искреннія, вдохновенныя рѣчи звучали какой-то воинской трубою, призывающей народъ свой къ сраженію“.

„Штейнъ былъ похожъ на его портреты. Круглая голова съ лысиной, живость и любовь во взглядѣ, Римскій носъ, ростъ средней, плечи Атлета; особенная живость и впечатлительность выражались въ его лицѣ и въ скорой увлекающей рѣчи, а во всей его наружности проглядывала душа человѣка честнаго, чувствительнаго и умнаго“.

Съ 1807 по 1809 годъ онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ въ Пруссіи; его управленіе въ такое бѣдственное время положило основаніе си возстановленію и самосознанію всего Нѣмецкаго народа; онъ поднималъ духъ общества, припріпль общее мнѣніе съ королемъ и умѣлъ посягнуть начатки новыхъ лучшихъ учреждений. Конечно другіе благородные бойцы добраго дѣла помогали барону Штейну и заслужили благодарность и славу. Но это именно отличительная черта истинно великихъ людей: они не остаются однопки въ своемъ вѣкѣ; у нихъ двойная способность привлечь другихъ даровитыхъ дѣлателей, а обыкновеннымъ или посредственнымъ людямъ, составляющимъ большинство человѣчества, указывать путь къ спасенію среди бѣдствій народныхъ.

Говоря о своемъ управленіи, Штейнъ разсказалъ Стурдзѣ слѣдующее. Разговоръ былъ въ 1826 году съ Каподистриєю. Штейнъ сильно напалъ на бюрократію. „Когда я принялъ министерство въ Пруссіи, сказалъ онъ, моимъ первымъ дѣйствіемъ было пересмотрѣть всю массу дѣлъ, т. е. бумагъ, которыми оно было завалено. 30 тысячъ № въ годъ, вотъ какаа была обыкновенная порма приказовъ, отношеній и писемъ, подписанныхъ моими предшественниками. Я содрогнулся и, судя о положеніи больнаго по числу рецептовъ, посѣвшилъ тутъ-же сократить лишнюю переписку: я велѣлъ передать прямымъ начальствамъ множество дѣлъ, которыя были по ихъ вѣдомству и которыя у нихъ отнимали только ради централизаціи“.

„Что-же вышло изъ моего распоряженія? Дѣла упростились и ускорились, а у меня оставался досугъ обдумывать и добросовѣстно судить о важныхъ дѣлахъ, вмѣсто того, чтобы тратить цѣлые дни на подписаніе имени своего подъ пустыми бумагами по текущимъ дѣламъ. За то когда въ концѣ года мнѣ удалось бывшія 30 тысячъ бумагъ сократить на 14 тысячъ №, великая была мнѣ радость, и въ этомъ явленіи, неважномъ въ глазахъ многихъ людей, я увидѣлъ вѣрный залогъ успѣха и улучшеній по министерству моему.“

„Когда общій Европейскій союзъ сталъ наступать на Наполеоново войско, барону Штейну передали управленіе возвращенныхъ отъ Франціи Нѣмецкихъ земель. Онъ самъ выбралъ себѣ помощниковъ, взялся энергически за дѣло, направилъ общее мнѣніе, подготовилъ успѣхъ и не поколебался неудачами кампаніи 1813 года, всюду поддерживая великодушныя усилія Императора Александра въ этой послѣдней гигантской борьбѣ, когда не легко было отвлечь Австрію отъ Наполеона и соединить всѣ силы коалиціи подъ Лейпцигомъ. Его дѣятельность, его находчивость и бдительность были изумительны, и никто не умѣлъ такъ вѣрно отгадать козни фальшивыхъ друзей и сдѣлать ихъ безвредными.“

„На Вѣнскомъ конгрессѣ баронъ Штейнъ явился представителемъ моральныхъ интересовъ Германіи и хотя не имѣлъ официального званія, но былъ признанъ таковымъ съ общаго согласія. Нельзя было не благоговѣть передъ его настойчивостію, откровенностію и нравственнымъ авторитетомъ.“

„Онъ и Каподистріа оба чуяли недоброе отъ коварныхъ интригъ Талейрана въ это время, и Штейнъ первый предупредилъ Александра Павловича о существованіи секретнаго трактата Парижскаго 15 Января 1815 года. Этотъ тайный союзъ былъ заключенъ между Франціей (Бурбовами), Австріей и Англійей подъ предлогомъ охраненія Евро-

пы противъ будущихъ притязаній Россіи и когда король Пруссій отказался отъ всякихъ интригъ, то и противъ будущихъ притязаній Пруссіи. Голландія и Баварія присоединились къ трактату. Александръ Павловичъ не повѣрилъ возможности такого совершенства неблагодарности, предательства и неосторожности, когда Штейнъ ему сказалъ о немъ. Но вскорѣ Наполеонъ, возвратившись въ Парижъ съ острова Эльбы, нашелъ подлинный трактатъ въ Тюльерійскомъ дворцѣ: въ поспѣшности своего бѣгства въ Гентъ Людовикъ XVIII и его дворъ забыли захватить его съ собою“.

Графъ Каподистріа рассказывалъ отцу моему, что въ это время, однажды рано утромъ, Государь послалъ за нимъ, приказывая явиться немедленно какъ есть, не перемѣняя платья *), по экстренной надобности. Каподистріа побѣжалъ къ Государю въ сюртукъ, безъ всякихъ приготовленій. Онъ нашелъ его въ своемъ кабинетѣ. Государь ходилъ скорыми шагами по комнатѣ, и уши у него горѣли. **) Онъ остановился и, подходя къ письменному столу, сказалъ Каподистріа: „Вы были правы (онъ и Штейнъ); вотъ что получилъ я отъ Наполеона“. Это былъ подлинный трактатъ и при немъ письмо Наполеона, который указывалъ на ненадежность союзниковъ императора Александра. Каподистріа прочелъ съ омерзениемъ, но безъ удивленія этотъ возмутительный документъ.

„Какія же намѣренія Вашего Величества?“ спросилъ Каподистріа. Помолчавъ немного, Государь отвѣчалъ: „Пока Наполеонъ будетъ живъ и въ силѣ, никогда не будетъ мира въ Европѣ, а миръ нуженъ истощенному человечеству, я все таки пойду противъ него со всеми этими малодушными правительствами. Дѣло должно быть общее,

*) Тогда являлись всегда въ мундирѣ.

**) Александръ Павловичъ очень сдерживался въ выраженіи гнѣва, но по мнѣнью того какъ онъ сердился, уши у него все болѣе и болѣе краснѣли.

или мы всё пропадемъ. — Пускай никто не знаетъ, что этотъ трактатъ дошелъ до моего свидѣнія.“

Каподистрія долженъ былъ согласиться, что это воззрѣніе справедливо; однако когда Александръ Павловичъ послѣ окончательнаго пораженія Наполеона польстилъ себя надеждою, что съ такими политическими лицами возможенъ христіанскій священный союзъ, Каподистрія, повинуваясь Государю, исполнилъ всё формальности, но никогда не ошибался въ несостоятельности дѣла. Одна только Россія и ея Государи вѣрили и держались его. Личныя отношенія съ королями Пруссіи сохранили союзъ съ ними, а не трактатъ; между тѣмъ какъ Австрія только въ свою пользу и въ ущербъ Россіи съумѣла разработать его, продолжая подъ другими формами и съ большей осторожностію свои предательскія интриги 1815 года и увѣчала ихъ гнусной неблагодарностію въ Крымскую кампанію.

Но возвращаюсь къ разсказу Стурдзы. „Когда Штейнъ увидѣлъ, что правительства Германіи не искренно исполняли свои обѣщанія и что горячія головы учащейся молодежи готовили безпорядки, которые-бы привели опять къ Французскимъ притязаніямъ на его родину, Рейнскія провинціи, — Штейнъ удалился отъ дѣлъ, откровенно высказывая порицаніе и правительствамъ и дѣйствіямъ недовольныхъ. Вотъ почему обѣ партіи на него сердились: одни, упрекая его какъ народнаго трибуна, другіе, какъ аристократа.“

„Въ его уединеніи въ Нассаускомъ герцогствѣ, (говоритъ Стурдза) я посѣщалъ его часто въ 1826 году. Онъ любилъ предаваться размысленію или работѣ въ башнѣ своего дома, среди бюстовъ и портретовъ великихъ мужей Германіи“.

„Его двѣ дочери г-жи Гихъ (Giech) и Килмансегъ жили тогда у отца, успокоивая и утѣшая его старость, и своею любезностію и умомъ еще украшали прекрасный его пріютъ. Къ нему съѣз-

жались и старые пріятели и всё замѣчательные люди, прѣзжающіе или живущіе по близости, и поспѣшнѣ поучительны и сладки были эти бесѣды съ великодушнымъ защитникомъ Германской свободы. Умъ барона Штейна, свѣжей и юный, не смотря на преклонныя лѣта его, блисталъ и искрился, неисключая однако добродушной важности, которая часто замѣчается у Нѣмцевъ и придавала какую-то особую прелесть его остроумію. Жертвовавъ всегда собою для пользы отечества въ настоящемъ и будущемъ, онъ на старости преданъ всецѣло историческимъ изысканіямъ о древней Германской Имперіи и ея памятникахъ. Выбранный предводителемъ Вестфальскихъ штатовъ, Штейнъ не пренебрегалъ этой чисто совѣщательной должностію, изучалъ глубоко и добросовѣстно хронику и обычаи этой провинціи и подавалъ всегда голосъ по своему неизмѣнному убѣжденію въ пользу развитія тѣхъ общественныхъ формъ и учреждений, которые коренятся въ самой почвѣ народа.“

„Не говорите мнѣ о централизаціи и однообразіи!“ воскликнулъ онъ однажды; „вотъ напримѣръ въ Вестфаліи, поселеніе платятъ своимъ землевладѣльцамъ повинность свѣчьми; эта повинность для нихъ не тяжела, потому-что здѣсь множество дубовыхъ лѣсовъ, и слѣдовательно легко достаются жолуди. Забудьте эту мѣстную повинность другою натурою-же или деньгами, и вы заслужите справедливое неудовольствіе плательщиковъ, которыхъ воображали облагодѣтельствовать. Вотъ вамъ образчикъ тѣхъ законодательныхъ промаховъ, которые вытекаютъ изъ пристрастія къ однообразію. Законодатели позднѣйшаго времени не хотятъ понять, что разнообразіе формъ и мѣстныхъ потребностей какъ нельзя лучше слагается въ единство общаго управленія и закона для всѣхъ“.

„Юльская революція во Франціи и отчаянная борьба Греціи огорчили и взволновали его душу; но онъ уже уда-

лялъ отъ себя всѣ житейскія заботы и предавался одной заботѣ о вѣчности. Книги душеспасительныя и богословскія были его постояннымъ чтеніемъ въ уединеніи его любимой башни. Онъ всегда жаждалъ правды на землѣ и зналъ, что ея источникъ на небеси. Кончина барона Штейна была достойна его прекрасной жизни. Онъ былъ окруженъ родными и присными; душа его, уже просвѣтленная, вся высказалась въ словахъ утѣшенія и назиданія; онъ не забылъ даже послѣдняго изъ слугъ своихъ. Характеристично между прочимъ его обращеніе къ одному молодому полѣсовщику: „Не переставай быть вѣрнымъ и добросовѣстнымъ; да помни, что ты умѣешь обращаться съ ружьемъ и обѣщай мнѣ, что ты возьмешь оружіе противъ неприятеля, если когда нибудь иноземцы пойдутъ на Германію“.

„Похороны его дали поводъ къ трогательному явленію. Тѣло его пришлось перевезти, по его желанію, въ замокъ Копенбергъ, въ склепъ его предковъ, на берегу Рейна. Но когда доѣхали до первой деревни по дорогѣ, всѣ крестьяне вышли на встрѣчу, взяли гробъ на руки и понесли до слѣдующей волости, передавая такимъ образомъ дорогаго имъ покойника съ рукъ на руки въ теченіи нѣсколькихъ дней до самаго мѣста погребенія всемъ міромъ, при звонѣ всѣхъ колоколовъ сельскихъ церквей. Такое невиданное погребальное шествіе было достойное его памяти, торжественное признаніе Нѣмецкими крестьянами великихъ его услугъ и глубокая признательность народа.“

Нѣчто похожее происходило на моихъ глазахъ не очень давно у насъ.

Отецъ мой, въ качествѣ предсѣдателя Государственнаго Совѣта, подписалъ всѣ

бумаги, относящіяся до положенія объ освобожденіи крестьянъ, и такимъ образомъ для крестьянъ въ его имени олицетворилось исполненіе воли Государя. Они прозвали его „нашъ попечитель“ и приходили толпами къ нашему швейцару спрашивать объ его состояніи, когда онъ былъ при смерти, говоря: „Правда-ли, нашъ попечитель умираетъ? Помоги ему Господь.“ Полиція такъ распорядилась, что на похороны его не допустили никого изъ простолюдиновъ, къ великому моему сожалѣнію; но въ томъ же году, ѣхавши по Владимірской губерніи, я должна была ждать кареты на станціи Новки. Тутъ-же дождался одинъ крестьянинъ - промышленникъ и спросилъ у моей горничной, кто ее барыня? Услыхавъ мою фамилію, онъ сказалъ ей: „Громкое имя и доброе; не родственница-ли нашему покойному попечителю?“

На Воляни, два года спустя послѣ кончины отца моего, крестьяне тоже справлялись о моемъ родствѣ и сказали, что они не знали, что батюшка скончался, а у нихъ онъ записанъ былъ въ ихъ памятникахъ, чтобы молиться объ его здравіи.

О другихъ труженникахъ по великому дѣлу Государя они не знаютъ, но подпись отца моего ознакомила ихъ съ его именемъ, и потому благодарность относили къ нему, послѣ Государя.

Такого рода изъявленія чувства, какъ похороны Штейна и какъ вышеописанные случаи у насъ, бывають-ли они рѣдки или нѣтъ, все таки дѣлають честь натурѣ человѣческой, и ихъ съ радостію записываешь, какъ утѣшительныя черты среди всепожирающаго эгоизма и неблагодарности окружающихъ насъ.

ВЫДЕРЖКИ ИЗЪ СТАРОЙ ЗАПИСНОЙ КНИЖКИ, НАЧАТОЙ ВЪ 1813 ГОДУ. *)

ЗАМѢТКИ БИОГРАФИЧЕСКІЯ, ХАРАКТЕРИСТИЧЕСКІЯ, ЛИТЕРАТУРНЫЯ, ЖИТЕЙСКІЯ.

Одинъ отецъ, весьма остроумный и практическій, говорилъ съ умиленіемъ и родительскимъ самодовольствомъ: „Мой сынъ именно на столько глупъ, на сколько это нужно, чтобы успѣть и на службѣ, и въ жизни: менѣе глупости было-бы недостаткомъ, болѣе было-бы излишествомъ. Во всемъ нужны мѣра и середка, а сынъ мой на нихъ и попалъ.“

*

Однажды Пушкинъ между пріятелями сильно руссофильствовалъ и громилъ Западъ. Это смущало Александра Тургенева, космополита по обстоятельствамъ, а частью и по склонности. Онъ горячо оспаривалъ мнѣнія Пушкина; наконецъ не выдержалъ и сказалъ ему: „А знаешь-ли что, голубчикъ, съѣзди ты хоть въ Любекъ.“ Пушкинъ расхохотался, и хохотъ обезоружилъ его.

Нужно при этомъ напомнить, что Пушкинъ не бывалъ никогда за границую, что въ то время Русскіе путешественники отправлялись обыкновенно съ Любскими пароходами и что Любекъ былъ первый иностранный городъ, ими посѣщаемый.

*

Одинъ Французскій писатель, помнится Жофре (Jauffret), въ книгѣ: Екатерина II и царствованіе ея, ра-

*) См. выше, стр. 1968.

сказываетъ слѣдующее. Екатерина часто повторяла: „Глазъ хозяина откармливаетъ лошадей (l'oeil du maître engraisse les chevaux). Она умѣла спрашивать и выслушивать. Разговоръ съ невѣждами, говорила она, иногда болѣе научить, нежели разговоръ съ учеными. Этимъ господамъ стыдно было-бы не дать отвѣта и по такимъ вопросамъ, о которыхъ они понятія не имѣютъ. Они никогда не рѣшатся выговорить эти два слова, столь удобныя намъ невѣждамъ: не знаю.“

Однажды, путешествуя по берегамъ Волги, она спросила жителей: довольны-ли они своимъ положеніемъ? Большая часть изъ нихъ были рыбаки. „Мы очень были-бы довольны заработками своими, отвѣчали они, если бы не обязаны были отсылать въ конюшни Вашего Величества, значительное количество стерлядей, а стерляди очень дороги.“ — Хорошо сдѣлали вы, отвѣчала Императрица улыбаясь, что уведомили меня объ этомъ; а я до сей поры и не знала, что лошади мои ѣдятъ стерлядей. Постараемся это дѣло поправить.“

Вотъ и другой случай подъ стать стерлядямъ. У кого-то изъ царской фамиліи, кажется у В. К. Павла Петровича, былъ сильный насморкъ. Ему присовѣтовали помазать себѣ носъ на ночь саломъ, и была приготовлена сальная свѣча. Съ того дня было въ продолженіи года, если не долѣе, отпускаемо ежедневно изъ дворцовой конторы по пуду сальныхъ свѣчей — на собственное употребленіе Его Высочества.“

Кажется, А. А. Нарышкинъ рассказывалъ, что кто-то преслѣдовалъ его просьбами о зачисленіи въ двор-

цовую прислугу. Нѣтъ вакансіи, отвѣчали ему. — Да пока откроется вакансія, говоритъ проситель, опредѣлите меня къ смотрѣнію хотя за какою нибудь канарейкою. — Что-же изъ этого будетъ? спросилъ Нарышкинъ. — Какъ что? Все таки будетъ при этомъ чѣмъ прокормить себя, жену и дѣтей.

Онъ же рассказывалъ, что одинъ камеръ-лакей, при выходѣ въ отставку, просилъ, за долговременную и честную службу, отставить его „не въ примѣръ другимъ“ Арапомъ.

Въ противоположность Американскимъ республикамъ, во дворцѣ годище быть чернымъ, чѣмъ бѣлымъ. Ради Бога, не ищите здѣсь ни игры словъ, ни косвенной эпиграммы: здѣсь просто сказано, что жалованіе, получаемое Арапами, превышаетъ жалованіе прочей прислуги.

*

Ермоловъ рассказывалъ, что въ Турецкую войну, старикъ кн. Прозоровскій, уже и послѣ Аустерлицкаго похода, все еще считалъ Кутузова мальчикомъ, а этотъ мальчикъ (прибавилъ Алексѣй Петровичъ) и самъ уже ходилъ какъ на лыжахъ.

По мнѣнію Ермолова, наши двѣ арміи, отдѣльно дѣйствующія въ началѣ войны 1812 года, не иначе какъ чудомъ успѣли соединиться подъ Смоленскомъ. При всемъ уваженіи къ храбрости и блистательнымъ воинскимъ дарованіямъ Багратіона, Ермоловъ полагаетъ, что нельзя было поручить ему предводительство всѣми войсками. Онъ того мнѣнія, что и послѣ соединенія двухъ армій, мы не въ силахъ были предпринять наступательныя дѣйствія. При малочисленности нашей въ виду большихъ силъ непріятели, была на нашей сто-

ронѣ еще одна невыгода: несогласіе и даже непріязнь (по крайней мѣрѣ въ Багратіонѣ) двухъ начальниковъ. Ермоловъ писалъ о томъ къ Государю откровенное и смѣлое письмо.

На одномъ изъ военныхъ совѣтовъ Ермоловъ предлагалъ какую-то рѣшительную мѣру. На это, кажется, Тучковъ, замѣтилъ, что не лучше ли обождать до вечера. Хорошо возразилъ Ермоловъ, если ваше превосходительство заключите съ Наполеономъ условіе, что онъ васъ оставитъ въ живыхъ до вечера.

Каждый разговоръ съ Ермоловымъ есть историческая, анекдотическая, военная лекція. Не говоримъ уже о вставочныхъ, острыхъ и рѣзкихъ словахъ, которыми онъ обстрѣливаетъ, ни о характеристикѣ многихъ государственныхъ лицъ, о вѣрномъ взглядѣ его на вещи и событія. Въ домѣ своемъ на Пречистенкѣ, принималъ онъ посѣтителей обыкновенно вечеромъ. Въ кабинетѣ своемъ сидѣлъ онъ передъ столомъ. Въ разсказахъ своихъ выдвигалъ онъ ящикъ стола и вынималъ изъ него, смотря по предмету рѣчи, доказательные и объяснительные акты: письма В. К. Константина Павловича, Багратіона и проч. Самою внѣшностью своею, нѣсколько суровою и величавою, головою львообразною, складомъ ума, рѣчью сильно отчеканенною, онъ былъ рожденъ дѣйствовать надъ народными массами, увлекать ихъ за собою и господствовать ими. Ему было бы мѣсто въ древней Римской исторіи. Въ исторіи новѣйшей, многосложной, подчиняющейся строю административнаго порядка, онъ иногда сбивался съ надлежащей почвы. Въ послѣдніе годы служенія своего онъ сдѣлалъ нѣсколько промаховъ. Главнѣйшій со-

стоялъ въ томъ, что онъ, въ выраженіяхъ уничтоженія паче гордости, просилъ о увольненіи своемъ отъ званія члена Государственнаго Совѣта. Это званіе ни въ чемъ его не обязывало, онъ могъ даже оставаться на жительствѣ въ Москвѣ; но въ минуты рѣшенія важныхъ государственныхъ вопросовъ, имѣлъ бы онъ возможность подавать свой голосъ. Но совсѣмъ тѣмъ, если, подъ раздраженіемъ неблагоприятныхъ и щекотливыхъ обстоятельствъ, могъ онъ быть въ рядахъ оппозиціи и даже казаться стоящимъ въ главѣ ея, то это было одно внѣшнее явленіе, которое многихъ обманывало; въ сущности онъ былъ человѣкомъ власти и порядка. Въ немъ была замѣчательная тонкость и даже хитрость ума; но подъ конецъ онъ слишкомъ перетонилъ и перехитрилъ. Этимъ самымъ далъ онъ противъ себя оружіе противникамъ своимъ. Но какъ бы то ни было, онъ отдѣляется высокимъ историческимъ лицомъ въ числѣ сверстниковъ своихъ. Будущему историку, художнику такая личность будетъ драгоценною находкою въ изображеніи Русской картины дѣйствій и дѣятелей и закулисныхъ продѣлокъ на театрѣ текущаго столѣтія.

*

Милорадовичъ и Багратіонъ были не только сослуживцы, но и совмѣстники еще со временъ Суворовскихъ. Милорадовичъ не любилъ Багратіона и не скрывался въ томъ. Во время отечественной войны, графиня Орлова-Чесменская вышила хоругвь и отправила ее въ подарокъ къ Милорадовичу. Онъ, какъ извѣстно, былъ рыцарь и сердечкинъ. Когда въ 1815 г. пріѣхалъ онъ въ Москву, NN. шутя сказалъ ему: Конецъ дѣло вѣнчаетъ;

вы геройски дрались, теперь воспользуйтесь миромъ и предложите сердце и руку графинѣ Орловой, которая помнила васъ, когда вы были на поляхъ сраженія.—Никогда, отвѣчалъ онъ съ нѣкоторою досадою: я не Багратіонъ.

Гр. Скавронская была невѣста знатнаго происхожденія и очень богатая. Багратіонъ женился на ней. Бракъ этотъ не былъ счастливъ. Вскорѣ супруги разъѣхались. Княгиня жила постоянно за границею: славилась въ Европейскихъ столицахъ красотою, алебастровою бѣлизною своею, причудами, всегда не только простительными, но особенно обольстительными въ прекрасной женщинѣ, романтическими приключеніями и умѣньемъ держать салонъ, какъ говорятъ Французы. Умѣнье это преимущественно принадлежитъ Французскому, то есть Парижскому обществу; а потому нужно оставить за нимъ и Французскую терминологію.

Это умѣнье или искусство переходить въ преданія. Замѣчательно, что послѣдними представительницами этого искусства въ Европѣ, едва ли по преимуществу не были Русскія дамы: княгиня Ливенъ, княгиня Багратіонъ, Свѣчина. Салонъ первой былъ политическій: многія Европейскіе вопросы, сдѣлки, преобразованія, сближенія дипломатическихъ личностей тутъ намечывались на живую нитку разговора съ тѣмъ, чтобы позднѣе обратиться въ плотную ткань событія. Салонъ второй нашей соотечественницы былъ салонъ болѣе чистосвѣтскій, такъ сказать эклектическій, безъ исключительнаго характера, а такъ, всего хорошаго по немножку. Свѣчина предсѣдательствовала въ салонѣ духовномъ съ оттѣнкомъ догматическимъ, но и литературнымъ.

При всей безкорыстности своей, Милорадовичъ былъ ужасный губитель денегъ: расточительность и щедрость его доходили до крайности; отъ того и былъ онъ всегда въ долгахъ. Во время генераль - губернаторства его въ Петербургѣ, въ одинъ изъ приемныхъ дней, подходитъ къ нему, между прочими Французенка. — *Monsieur le comte*, говоритъ она, *je viens vous supplier*. — *Madame*, перебиваетъ онъ ее, *c'est à vous d'ordonner et à moi d'obéir* (я пришла къ вашему сиятельству умоляя васъ... Вамъ, милостивая государыня, повелѣвать, а мнѣ повиноваться). Дѣло такъ объяснилось, что эта барыня приходила къ Милорадовичу съ просьбою заплатить давно взятые имъ у нея деньги въ займы. Обращиваясь тогда къ адъютанту своему, говоритъ онъ при просительницѣ: *Arrangez moi, je vous prie, cette affaire* (Устройте мнѣ прошу васъ это дѣло)—и вѣжливо откланивается дамѣ.

*

Князь Иванъ Голицынъ (*Jean de Paris*) рассказывалъ слѣдующее слышанное имъ отъ князя Платона Зубова. Императрица Екатерина была недовольна Англійскимъ министерствомъ за нѣкоторыя непріязненныя изъясненія противъ Россіи въ парламентѣ. Въ это время Англійскій посоль пріисилъ у нея аудіенціи и былъ призванъ во дворецъ. Когда вошелъ онъ въ кабинетъ, собачка Императрицы съ сильнымъ лаемъ бросилась на него, и посоль немного смутился. — Не бойтесь, милордъ, сказала Императрица: собака, которая лаетъ, не кусается и неопасна.

Вотъ и другой рассказъ изъ того же источника. Въ день восшествія на престолъ Екатерины II прискака-

ла она въ Измайловскую церковь для принятія присяги. Въ торопяхъ забыли объ одномъ: о изготовленіи манифеста для прочтенія предъ присягою. *) Не знали что и дѣлать. При такомъ замѣшательствѣ кто-то въ числѣ присутствующихъ, одѣтый въ синій сюртукъ, выходитъ изъ толпы и предлагаетъ окружающимъ Царицу помочь этому дѣлу и произнести манифестъ. Соглашаются. Онъ вынимаетъ изъ кармана бѣлый листъ бумаги и, словно по писанному, читаетъ экспромптомъ манифестъ, точно заранѣе изготовленный. Императрица и всѣ официальные слушатели въ восхищеніи отъ этого чтенія.

Подъ синимъ сюртукомъ былъ Волковъ, въ послѣдствіи знаменитый актеръ. Екатерина, въ признательность пожаловала импровизатору значительную пенсію съ обращеніемъ ея и на все потомство Волкова. Императоръ Павелъ прекратилъ эту пенсію.

Нужно удостовѣриться въ истинѣ этого рассказа. Я большой Ома невѣрный въ отношеніи къ анекдотамъ. Люблю слушать и читать ихъ, когда они хорошо пересказаны; но не довѣряю имъ до законной пробы. Анекдоты, даже и настоящіе, часто оказываются не безъ лигатуры и лживаго чекана. Анекдотисты, когда и не лгутъ, рѣдко придерживаются буквальной и математической вѣрности. Анекдоты ихъ, въ продолженіи времени, являются въ новыхъ изданіяхъ исправленныхъ или измѣненныхъ и значительно умножен-

*) Вѣроятно манифестъ еще не былъ готовъ, за раннимъ утреннимъ часомъ. Известно, что шефъ Измайловскаго полка гетманъ и графъ Разумовскій, по счастью Екатерины, президентствовалъ въ Академіи Наукъ. Онъ распорядился отпечатаніемъ манифеста: выборщики, которымъ пригрозили смертью въ случаѣ нескромности, занимались роковымъ дѣломъ въ ночь на 28 Іюня 1762. *И. Б.*

ныхъ. Въ исторіи люблю одни анекдоты, говоритъ Просперъ-Мериме. — Наша Русская исторія, къ сожалѣнію, мало анекдотична, особенно съ тѣхъ поръ, что хотятъ демократизировать исторію. Полевой думалъ, что онъ создаетъ новую Русскую исторію, потому что назвалъ худо сваренное твореніе свое: Исторіей Русскаго народа; на дѣлѣ все же являются отдѣльные лица. Народъ въ исторіи тоже, что хоры въ древней Греческой трагедіи; дѣйствіе и содержаніе сосредоточиваются въ дѣйствующихъ лицахъ, которыя возвышаются надъ народомъ и господствуютъ надъ нимъ, хотя-бы изъ него и истекали.

NN говоритъ, что писатель X. дарованіемъ своимъ напоминаетъ Русскую пѣсню:

Бѣлый, кудреватый,
Холость, не женатый.

Умъ его бѣлый, слогъ кудреватый, стрѣляетъ онъ холостыми зарядами, а о потомствѣ и помину быть не можетъ.

Нѣкто говорилъ о комъ-то: онъ моя правая рука. — Хороша же, въ такомъ случаѣ, должна быть его лѣвая, сказалъ на это ѣдкій графъ Аркадій Морковъ.

Дмитріевъ безпощадный подглядываетъ (почему не вывести этого слова изъ соглядатай?) и ловець всего смѣшнаго. Своими замѣтками дѣлится онъ охотно съ пріятелями. Строгая физиономія его придаетъ особое выраженіе и, такъ сказать, пряность малѣйшимъ чертамъ мастерскаго разказа его. Однажды заѣхалъ онъ къ больному и любезному нашему Василию Львовичу Пушкину. У него засталъ онъ провинціала. Раз-

говоръ со мною, говоритъ онъ, обратился, разумѣется, на литературу. Провинціалъ молчалъ. Пушкинъ, совѣстясь, что гость его остается какъ-бы забытый, вдругъ выпучилъ глаза на него и спрашиваетъ: а почему теперь овесъ? — Тутъ-же обернулся онъ ко мнѣ и, глядя на меня, хотѣлъ какъ будто сказать: не правда-ли что я находчивъ и, какъ хозяинъ, умѣю приноровить къ каждому рѣчь свою?

Кто не слышалъ Дмитріева, тотъ не знаетъ, до какого искусства можетъ быть доведенъ Русскій разговорный языкъ. Впрочемъ и онъ при случаѣ употреблялъ Французскія слова. Можно полагать, что говорилъ онъ исключительно порусски не изъ принципа, а изъ опасенія не имѣть довольно правильнаго и чистаго Французскія выговоръ.

Д. П. Бутурлинъ рассказывалъ, что въ отроческихъ лѣтахъ ѣзжалъ онъ съ отцемъ своимъ по сосѣдству въ деревню къ извѣстному Новикову. У него былъ въ родѣ секретаря молодой человѣкъ изъ крѣпостныхъ, которому далъ онъ нѣкоторое образованіе. Онъ и при гостяхъ всегда обѣдалъ за однимъ столомъ съ барининомъ своимъ. Въ одно лѣто старикъ Бутурлинъ, пріѣхавъ къ Новикову, замѣтилъ отсутствіе молодаго человѣка и спросилъ, гдѣ-же онъ? Онъ совсѣмъ избаловался, отвѣчаетъ Новиковъ, и я отдалъ его въ солдаты.

Вотъ вамъ и либераль, мартинистъ, передовой человѣкъ! А нѣтъ сомнѣнія, что Новиковъ въ свое время, во многихъ отношеніяхъ, былъ передовымъ либераломъ въ значеніи нынѣшняго выраженія. Что же слѣдуетъ изъ того вывести? Ничего особеннаго и необыкновеннаго. Поступокъ Новикова покажется чудовищ-

нымъ, а потому и невѣроятнымъ пынѣшнимъ поколѣніямъ либераловъ. Онъ и въ самомъ дѣлѣ неблаговиденъ и бросаетъ нѣкоторую тѣнь „на личность Новикова“. Но въ свое время, подобная расправа была и законна, и очень просто вкладывалась въ раму тогдашнихъ порядковъ и обычаевъ. Дѣло въ томъ, что можно быть передовымъ человѣкомъ по тому или другому вопросу, каковымъ былъ Новиковъ, напримѣръ по вопросу печати и журналистики, а вмѣстѣ съ тѣмъ быть, по инымъ вопросамъ, строгимъ охранителемъ и старонникомъ порядковъ и учрежденій не только нынѣшнихъ, но и вчерашнихъ. Подобные примѣры почасту встрѣчаются въ Англіи, въ сей странѣ законной и общедоступной свободы. Тори, напримѣръ, стоятъ за такое-то либеральное преобразование; а Вигъ отстаиваетъ законную мѣру старую, именно потому, что она старая. Многіе этого не понимаютъ, и имъ кажется, что уже если быть передовымъ, то надобно захватывать на лету каждую новизну и пускаться съ нею или за нею въ скачку съ препятствіями, безъ оглядки и безъ отдышки. Ужъ если быть либераломъ, говорятъ они, то быть круглымъ либераломъ. Мы думали до сей поры, что только можно быть круглымъ дуракомъ, а что круглыхъ умниковъ не видать. Человѣчскій умъ не бываетъ со всѣхъ сторонъ правильно обточенъ: все же гдѣ нибудь отыщется угловатость или зазубрина.

Вотъ еще примѣръ того, что каждая медаль имѣетъ свою обратную сторону, каждая лицевая свою изнанку.

Лопухинъ (Иванъ Владиміровичъ) мартинистъ, пріятель и сподвижникъ

Новикова, былъ также въ свое время передовымъ человѣкомъ. Чувство благочестія и человѣколюбія было ему сродно. Онъ былъ милостивъ и щедролюбивъ до крайности, именно до крайности. Одною рукою раздавалъ онъ милостыню, другою занималъ онъ деньги на право и на лѣво и не платилъ долговъ своихъ; облегчая участь иныхъ семействъ, онъ разорялъ другія. Онъ не щадилъ и пріятелей своихъ и товарищей по мартинизму. Вдова Тургенева, мать извѣстныхъ Тургеневыхъ, долго не могла выручить довольно значительную сумму, которую Лопухинъ занялъ у мужа ея Нелединскій, товарищъ его по Сенату и ѣздившій съ нимъ на ревизію въ одну изъ южныхъ губерній, такъ объяснялъ нравственное противорѣчіе, которое оказывалось въ характерѣ его. По мистическому настроенію своему, Лопухинъ вообразилъ себя, что онъ свыше посланъ на землю для уравниванія общественныхъ положеній: онъ бралъ у одного и давалъ другому.

*

А. М. Пушкинъ, острый, образованный человѣкъ, былъ плохой стихотворецъ, но при томъ на столько уменъ, что не былъ смѣшонъ при этой слабости. Вообще былъ онъ очень парадоксаленъ и думалъ, что можно всякому писать стихи и безъ особеннаго призванія. Онъ говорилъ, что Расинъ скотина (любимое его выраженіе, которое, въ устахъ и голосахъ его и при выразительной мимикѣ, имѣло особенное смѣхотворное дѣйствіе на слушателей), а между тѣмъ перевелъ Аевлію и принимался за переводъ Федры. Однофамилицъ и пріятель его, Василій Львовичъ (тоже особнякъ въ своемъ родѣ), отличав-

шійся правильнымъ и плавнымъ стихомъ, не лишеннымъ иногда изящности и художественности, смотрѣлъ съ гордою жалостью на риэмокропаніе родственника своего и только пожималъ плечами въ классическомъ пренебреженіи; но тотъ сокрушалъ его своимъ меткимъ и безпощаднымъ словомъ. А если искать въ памяти это сокрушительное и вызывающее общій хохотъ слово, то едва ли найдешь что припомнить и передать любопытному вниманію. Послѣ Пушкина нельзя собрать бы пушкиніа ны; надобно было собственными ушами и глазами слѣдить за нимъ, какъ за игрою актера на сценѣ, чтобы вполне понять и оцѣнить дѣйствіе его. Игры, художества великаго комическаго актера, даже и въ незначительныхъ роляхъ, не расскажешь. Такъ и шутокъ Пушкина не повторишь съ вѣрностью и свойственною имъ живостью. Еще одна замѣтка. Это слово скотина, которое не сходило у него съ языка, или правильнѣе поминутно сходило, можетъ дать подумать незнавшимъ его, что онъ былъ нѣсколько грубой и цинической натуры. Вовсе нѣтъ: онъ во всемъ прочемъ отличался изящною вѣжливостью, могъ быть-бы образцовымъ маркизомъ при старомъ Версальскомъ дворѣ. Эти противоположности придавали заманчивое своеобразіе всей постановкѣ его. Въ то время, то есть до 1812 года, политическія событія не поглощали еще общественнаго вниманія: люди были болѣе на виду, болѣе было общежительности и обмѣна понятій, характеровъ и личныхъ свойствъ; малѣйшія отбѣнки личности выдавались на показъ и были оцѣнены. А. М. Пушкинъ перевелъ Тартюфа, подъ именемъ Ханжеева. Этотъ переводъ комедіи Мольера едва-ли не былъ

первый, по крайней мѣрѣ въ стихахъ. Переводъ, конечно, былъ плоховатъ; но знаменитость подлипника, извѣстность переводчика, за недостаткомъ дарованія, придавали готовящемуся представленію на сценѣ прелесть любопытной новизны. Зала Петровскаго театра была полна. Комедія кое-какъ сошла. Пріятели и знакомые Пушкина рукоплескали и по окончаніи представленія дружно и громко стали вызывать его. Благодарно кланяясь, явился онъ передъ публикою въ директорской ложѣ. Въ слѣдъ за тѣмъ и неизбѣжный Нефловъ *) подаль свой голосъ въ слѣдующихъ стихахъ:

Не тотъ герой, кто вѣкъ сражался,
Разилъ Отечества враговъ,
Побѣды лавромъ увѣнчался
И къ славѣ велъ ряды полковъ.
Но тотъ, кто исказилъ Мольера
И смѣло предъ судомъ партера,
Призналъ сей слабый трудъ за свой:
Вотъ мой герой, вотъ мой герой!

Другой пріятель Пушкина привѣтствовалъ переводъ его такимъ образомъ:

«Тартюфа видѣлъ я. — Что-жъ много-ли смѣялся? —
Ахъ нѣтъ, мнѣ Пушкинъ другъ: слезами заливался».

Наша публика довольно шумна въ театрѣ, но не отличается, подобно Парижской, остроумными и забавными выходками. Вотъ исключеніе. Роль Тартюфа или Ханжеева разыгрывалъ Зловъ, актеръ съ большимъ дарованіемъ. При вызовахъ раздались изъ партера голоса: Злова Пушкина! и дружный хохотъ заявилъ, что каламбуръ былъ понятъ.

*

На пріятельскихъ и военныхъ попойкахъ Денисъ Давыдовъ, встрѣча-

*) См. о Нефловѣ выше, стр. 1981. П. Б.

ясь съ гр. Шуваловымъ, предлагалъ ему всегда тостъ въ память Ломоносова и съ бокаломъ въ рукѣ говорилъ:

Не право о всѣхъ тѣ думаютъ, Шуваловъ, Которые стекло чтутъ ниже минераловъ.

Онъ же рассказывалъ, что у него былъ пріятель и сослуживецъ, большой охотникъ до чтенія, но книгъ особеннаго рода. Бывало, зайдетъ онъ къ нему и проситъ, нѣтъ-ли чего почитать. Давыдовъ дастъ ему первую книжку, которая попадется подъ руку. — „А что это запрещенная книга? спроситъ онъ. — „Нѣтъ, я купилъ ее здѣсь въ книжной лавкѣ.“ — Ну, такъ лучше я обожду, когда получишь запрещенную.—Однажды приходитъ онъ съ взволнованнымъ и торжественнымъ лицомъ. Что за книгу прочелъ я теперь, говоритъ онъ: просто чудо!—А какое названіе?—Мудреное, не упомяну.—Имя автора?—Также забылъ.—Да о чемъ она толкуетъ?—Обо всемъ, такъ на повалъ все и всѣхъ ругаетъ. Превосходная книга! — Изъ-за этого потребителя безцензурнаго товара такъ и выглядываетъ толпа читателей. Кто не встрѣчалъ ихъ? Хороша-ли, дурна ли контрабанда, имъ до того дѣла нѣтъ. Главное оболъщеніе ихъ контрабанда сама по себѣ. Одна зрѣлая дѣва изъ Русскихъ Нѣмокъ также принадлежала къ разряду исключительныхъ читателей. Она все требовала книгъ, гдѣ есть про любовь. Приходить она однажды къ знакомой и застаётъ ее за чтеніемъ.—Что вы читаете?—Древнюю исторію. А тутъ есть про любовь?—Есть, но только въ послѣднемъ томѣ, а ихъ всего двадцать. — Все равно, дайте мнѣ, я на досугѣ ихъ прочту.

Одинъ пасторъ вѣнчалъ двухъ молодыхъ весьма невзрачной и непривлекательной наружности. По совершеніи обряда сказалъ онъ имъ напутственную рѣчь и, между прочимъ, слѣдующее: „Любите другъ друга, мои дѣти, любите крѣпко и постоянно, потому что если не будетъ въ васъ взаимной любви, то кой-чортъ можетъ васъ полюбить. Это привѣтствіе мнѣ всегда приходитъ на мысль, когда Z выхваляетъ X., а X выхваляетъ Z.

Карамзинъ говорить о В. В. Измайловѣ, что онъ и письменно также шепеляетъ, какъ устно.

У меня изъ ума не выходитъ... (кто-то началъ такъ свой рассказъ).—Ты хочешь сказать изъ головы, перебилъ его NN.

Князь А. Ѳ. Орловъ (тогда еще графъ) былъ посланъ въ Константинополь съ дипломатическимъ порученіемъ. На канунѣ аудіенціи у великаго визиря доводятъ до свѣдѣнія его, что сей Турецкій сановникъ намѣревается принять его сидя. Состоящіе чиновники при князѣ предполагаютъ войти по этому предмету въ объясненіе съ Портою, чтобы отвратить это неприличіе. Нѣтъ, отвѣчаетъ Орловъ, никакихъ предварительныхъ сношеній не нужно: дѣло само собою какъ нибудъ обдѣлается.—На другой день онъ отправляется къ визирю, который въ самомъ дѣлѣ не трогается съ мѣста при входѣ нашего уполномоченнаго посла. Алексѣй Ѳеодоровичъ знакомъ былъ съ нимъ и прежде. Будто не замѣчалъ сидѣнія его, онъ подходитъ къ нему, дружески здоровается съ нимъ и, какъ будто шутя, мощною своею Орловскою рукою приподнима-

еть старика съ кресель и тутъ же опять опускаетъ его на кресла. Вотъ что называется практическая и положительная дипломатія. Другой пустился-бы въ переговоры, въ письменныя сношенія по пустому вопросу церемоніала. Всѣ эти переговоры, переписки, могли бы не достигнуть до желанной цѣли, а тутъ просто и прямо все рѣшила рука-владыка. Орловъ никогда не готовился къ дипломатической дѣятельности. Поприще его была военная и придворная служба. Позднѣе обстоятельства и царская воля облекли его дипломатическимъ званіемъ. Конечно, не явилъ онъ въ себѣ ни Талейрана, ни Меттерниха, ни Несельрода; но свѣтлый и смѣтливый умъ его, тонкость и уловчивость, сродныя Русской натурѣ и какъ-то дружно сливающіяся съ какимъ-то просто-сердечіемъ, впрочемъ не поддающимся обману, замѣняли ему преданія и опыты дипломатической подготовки. Прибавьте къ тому глубокое чувство народнаго достоинства, унаследованное имъ отъ орла изъ стаи той высокой, котораго воспѣлъ Державинъ, и отменно красивую и богатую наружность, которая, что ни говори, всегда обольстительно дѣйствуетъ на другихъ, и можно будетъ придти къ заключенію, что все это вмѣстѣ возмѣщало пробѣлы, которые остались отъ воспитанія и ученія недостаточно развитыхъ. Графъ Фикельмонъ съ особымъ уваженіемъ отзывался о способностяхъ, изворотливости и мудрой осторожности дипломата-самоучки. По мнѣнію его, онъ при случаѣ могъ заткнуть за поясъ присяжныхъ и заматерѣлыхъ дипломатовъ, какъ онъ впрочемъ въ свое время и заткнулъ великаго визиря. Дипломатія все-же еще придерживается какого-то педанства въ при-

емахъ своихъ. Сырая сила простаго здравомыслія можетъ иногда съ успѣхомъ озадачить ее.

Орловъ зналъ, такъ сказать, наизусть царствованія императоровъ Александра I и Николая I; зналъ онъ коротко и в. к. Константина Павловича, при которомъ былъ нѣкогда адъютантомъ. Свѣдѣнія его были историческія и преимущественно анекдотическія, общія, гласныя, частныя и подвотныя. Жаль, если кто изъ приближенныхъ къ нему не записывалъ разказовъ его. Онъ разказывалъ мастерски и охотно, даже иногда на распашку. Ни записокъ, ни дневника по себѣ онъ, вѣроятно, не оставилъ: онъ для того былъ слишкомъ лѣнивъ и не довольно литературенъ.

Поццо ди Борго, въ тридцатыхъ годахъ, спрашивалъ пріѣзжаго изъ Петербурга, что дѣлается новаго въ Русской правительственной средѣ. Въ то время были на очереди учрежденія Министерства Государственныхъ Имуществъ и всѣ преобразованія, которыя ожидались отъ него.—„Это все очень хорошо, сказалъ нашъ посоль, но боюсь торопливости, съ которою покушаются у насъ на государственныя нововведенія. На все нужно (говорилъ онъ) законное и плодотворное содѣйствіе времени; иначе будешь походить на чловѣка, которому желателно быть отцемъ и который говорилъ-бы беременной женѣ своей: воля твоя, у меня не станетъ терпѣнія выжидать девяти мѣсячнаго срока; сдѣлай милость, постарайся родить по ранѣе.“—Поццо очень скучалъ пребываніемъ въ Лондонѣ. Онъ на старости никакъ не могъ свыкнуться и ужиться съ Англійскими обычаями и обществомъ. Въ Англій все высшее общество живетъ много въ

помѣстяхъ своихъ, или кочуетъ по Европейскому материку. Англичане и большіе домосѣды, и большіе туристы и космополиты. Въ Лондонѣ, что называется high-life съѣзжается только на сезонъ, который продолжается нѣсколько лѣтнихъ недѣль. Осенью всѣ лорды, весь fashion отправляется опять путешествовать, или въ помѣстья на охоту. Лондонъ пустѣетъ. (Особенно эта пора тяжела для Поццо: ему нуженъ Парижъ съ его гостеприимными салонами подъ предсѣдательствомъ умной и образованной хозяйки. Поццо былъ, что называется, un aimable et brillant causeur, любезный и блестящій разговорщикъ. Ему нужна Парижская аудиторія, онъ по ней тосковалъ и напрасно искалъ ее въ Лондонѣ. Утромъ занимался онъ Европейскими дѣлами (а можетъ быть и своими, но не въ ущербъ Россіи). Вечеромъ же не находилъ онъ салона, въ которомъ могъ-бы дать волю своей живой и остроумной рѣчи; не находилъ слушателей, которые понимали бы его и своими отзывами умѣли подстрекать его и выкликать воспоминанія изъ его богатой и словоохотливой памяти. Лишенный всего этого, говорилъ онъ съ меланхолическою забавностью: хотъ козу одѣли-бы въ женское платье и засадили въ салонъ; я зналъ бы по крайней мѣрѣ, куда дѣваться съ вечерами своими. Съ горя игралъ онъ по вечерамъ въ вистъ по самой ничтожной цѣнѣ и забавно сердился, когда проигрывалъ. — Однажды сданныя карты показали ему такъ плохи, что онъ бросилъ ихъ на столъ, говоря, что проигралъ партію. Николай Киселевъ (совѣтникъ при посольствѣ) сказалъ, что карты вовсе не такъ худы, и что даже легко леве останется за нимъ. Надобно было видѣть, съ какою дѣтскою радостью и

торопливостью кинулся онъ подбирать разбросанныя по столу карты и продолжалъ игру.

Онъ очень былъ любимъ своими подчиненными: обращался съ ними просто и дружелюбно, никакихъ начальническихъ приемовъ и повадокъ у него не было. Въ жизни своей онъ болѣе дѣлалъ дѣло, чѣмъ исправлялъ службу, а потому мало и зналъ онъ канцелярскіе порядки и вообще офиціальную обстановку съ ея обрядами и буквальными принадлежностями. Однажды приглашенъ онъ былъ къ обѣду водворецъ съ Киселевымъ, только что поступившимъ въ посольство. Не зная Лондонскихъ обычаевъ, Киселевъ спросилъ графа, какъ слѣдуетъ ему одѣться? Черный фракъ, бѣлый галстухъ, отвѣчаетъ онъ, и съ орденской лентой по жилету. — Да у меня никакой ленты нѣтъ, возразилъ Киселевъ. — Ну, такъ что-же, сказалъ Поццо, все таки надѣньте какойнибудь орденъ (une décoration quelconque).

Это напоминаетъ одного богатаго Американца, который въ 1830-хъ годахъ пріѣзжалъ въ Петербургъ съ дочерью-красавицею. Красота ея открыла имъ доступъ въ высшее общество. Это было лѣтомъ: въ это время года законы этикета ослабѣваютъ. Отецъ и дочь приглашаемы были и на Петергофскіе балы. Въ особенныхъ офиціальныхъ случаяхъ являлся онъ въ морскомъ Американскомъ мундирѣ; поэтому когда изъ вѣжливости обращались къ нему, то говорили о морѣ, о флотахъ Соединенныхъ Штатовъ и такъ далѣе. Отвѣты его были всегда уклончивы, и отвѣчалъ онъ какъ будто неохотно. Наконецъ наскучили ему морскіе разговоры, и онъ кому-то сказалъ: Почему вы меня все спрашиваете о морскихъ дѣлахъ? Все это до

меня не касается, я вовсе не морякъ.— Да какъ-же носите вы морской мундиръ?—Очень просто; мнѣ сказали, что въ Петербургѣ нельзя обойтись безъ мундира. Собираясь въ Россію, я на всякій случай заказалъ себѣ морской мундиръ; вотъ въ немъ и щеголяю, когда требуется.

Послѣ перваго представленія оперы „Жизнь за Царя“, спрашивали Д. П. Татищева (бывшаго посла нашего въ Вѣнѣ), что скажетъ онъ о новой оперѣ?—Ничего сказать не могу, отвѣчалъ онъ; знатоки увѣряютъ, что нужно прослушать ее нѣсколько разъ, чтобы понять и оцѣнить достоинство ея; а мною такая скука овладѣла при первомъ представленіи, что слуга покорный, на второе меня не заманятъ. Профаны, не посвященные въ таинства музыкальной науки, чувствуютъ, любятъ ее, но не даютъ себѣ отчета въ своемъ наслажденіи. Магистры, доктора музыки разбираютъ ее какъ алгебраическую задачу. Грамотѣи музыкальной рѣчи разлагаютъ, разсѣкаютъ ее съ грамматической точки слуха. Въ нихъ душа не поетъ съ Моцартомъ и Россини, а вычисляетъ звуки созвучія, головоломно провѣряетъ правила и законное развитіе контрапункта и, если нѣтъ грамматической ошибки, нѣтъ пропуска въ музыкальномъ изчисленіи, профессора контрапункта и разставщики кавыкъ и звучныхъ препинаній остаются очень довольны, потому что все обстоитъ благополучно.

Д. В. Дашковъ говорилъ въ 1830-хъ годахъ объ одномъ государственномъ человѣкѣ: *c'est un ministre sans souci et un philosophe sans le savoir.* (Онъ министръ безъ заботы и философъ самъ того не вѣдая).—Фридерикъ Великій

печаталъ произведенія свои подъ именемъ: *le philosophe sans souci.* Французскій комикъ Седенъ написалъ комедію: *le philosophe sans le savoir.*

Графъ Канкринъ говорилъ: порицаютъ такого-то, что встрѣчаешь его на всѣхъ обѣдахъ, балахъ, спектакляхъ, такъ что мало времени ему занимать дѣлами. А я скажу: слава Богу! Другаго хвалятъ: вотъ настоящій государственный человѣкъ, нигдѣ не встрѣтите его, цѣлый день сидитъ онъ въ кабинетѣ, занимается бумагами. А я скажу: избави Боже!

N. N. говоритъ, что ему жалки люди, которые книгу жизни прочитываютъ отъ доски до доски съ напряженнымъ вниманіемъ и добросовѣстнымъ благоговѣніемъ: они обыкновенно остаются въ дуракахъ. Жизнь надобно слегка перелистывать, ловко и во время выхватывать изъ нея, что найдешь въ ней хорошаго и по вкусу; а прочее пропускать, не задумываясь на немъ.

Е. И. НЕЛИДОВА ¹⁾.

Е. И. Нелидова родилась 12 Декабри 1756 года ²⁾. Она воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ, вышла изъ него 20 лѣтъ отъ роду, и 14 Юля 1777 года назначена фрейлиною къ великой княгинѣ Маріи Теодоровнѣ.

¹⁾ Помѣщая въ Русскомъ Архивѣ этотъ біографическій очеркъ, считаемъ не лишнимъ напомнить, что въ 3-ей книгѣ «Осинадцатаго Вѣка», мы напечатали переписку Е. И. Нелидовой съ Павломъ Петровичемъ и Марією Теодоровною, и тамъ же высказанъ взглядъ нашъ на значеніе этой женщины. *И. Б.*

²⁾ Слѣд. была безъ малаго на два года моложе императора Павла (род. 20 Сент. 1754) и на три года старше императрицы Маріи Теодоровны (род. 14 Окт. 1759) *И. Б.*

Въ Петергофскомъ дворцѣ сохранились портреты нѣкоторыхъ Смольнянокъ и въ числѣ ихъ портретъ Нелидовой. Нельзя не остановиться передъ этимъ прелестнымъ произведеніемъ Левицкаго. Нелидова представлена во весь ростъ. Это маленькая фигурка, вовсе не красивая, но съ выраженіемъ живымъ и насмѣшливымъ, съ умными, блестящими глазами и чрезвычайно-лукавою улыбкою. Въ ней есть какая-то изысканность, но общее впечатлѣніе привлекательно.

Портретъ писанъ въ 1773 г., слѣд. еще до выхода Нелидовой изъ Смольнаго монастыря. Нельзя думать, чтобы физиономія ея значительно измѣнилась черезъ четыре года послѣ того, т. е. когда поступила она къ двору великаго князя Павла Петровича. Дворъ этотъ представлялъ собою совершенную противоположность двору Екатерины. Это былъ своего рода отдѣльный міръ, въ которомъ своеобразно господствовалъ великій князь. Нравы большого двора были распушены и отличались изысканностью. Павелъ Петровичъ нарочно противопоставалъ имъ невинныя удовольствія семейнаго быта и суровый порядокъ солдатской жизни.

Съ самаго начала Нелидова успѣла создать себѣ самостоятельное положеніе и сдѣлалась безъ сомнѣнія замѣтнѣйшимъ лицомъ при великокняжескомъ дворѣ. Можно подумать, что она предварительно изучила предстojвшую ей роль. Веселая и живая хохотунья, она отлично играла на сценѣ и превосходно плясала. Стоило ей появиться въ Гатчинѣ, и уже ни одно собраніе не обходилось безъ нея. Она тотчасъ стала другомъ и довѣреннымъ лицомъ при великомъ князѣ и великой княгинѣ. Въ особенности удалось ей пріобрѣсти большое влияніе на великаго князя. Возникло особое рода соотвѣтствіе между ихъ характерами. Нелидова отлично умѣла отзываться на задушевную восторженность великаго князя. Она искусно вторила ему, припимая на себя видъ полнѣйшей откровенности и искренности и

выставляя на показъ слою беззавѣтную приверженность. Она возвеличивала его въ его собственномъ о себѣ мнѣніи и въ минуты увлеченій увѣряла его, что онъ будетъ образцовымъ государемъ, лишь бы только не мѣнялся и дѣйствовалъ согласно своимъ чувствамъ, по самой природѣ высокымъ и рыцарскимъ³⁾. Въ иныхъ случаяхъ она умѣла обезоруживать его гнѣвъ какоюнибудь неожиданною выходкою или отвѣчая на его брань своею бранью. Павелъ Петровичъ былъ ею обойденъ, околдованъ ею, и въ ожиданіи той минуты, когда ему придется быть великимъ государемъ, вообразилъ себя романтическимъ героемъ.

Великая княгиня довѣрчиво внимала завѣреніямъ преданности и даже любви, въ которыхъ Нелидова разсыпалась передъ нею. Ежедневно умножавшееся влияніе этой особы не внушало ей ни страха, ни ревности. Но въ свѣтѣ глядѣли иначе на отношенія между Павломъ Петровичемъ и его пріятельницею. Уединенная Гатчинская жизнь не была застрахована отъ пересудовъ. Все происходившее въ Гатчинѣ подмѣчалось и передавалось въ Петербургъ. Великій князь зналъ объ этомъ. Вотъ почему, лѣтомъ 1788 года, передъ отъѣздомъ своимъ въ Финляндію, на войну съ Шведами, онъ счелъ своею обязанностію написать письмо къ императрицѣ, съ цѣлью опровергнуть то что онъ называетъ клеветою и заявить о чистотѣ побужденій, соединившихъ его съ Нелидовою. Онъ поручаетъ ее великодушію императрицы въ случаѣ, если ему придется погибнуть на войнѣ⁴⁾.

Эта заботливость оказалась излишнею. Павлу Петровичу хотя и довелось услышать какъ свистать Шведскія пули, но въ Сентябрь мѣсяцъ тогоже года онъ возвратился въ Россію, совершенно невредимый и возобновилъ прежній образъ своей

³⁾ Оснадацатый Вѣкъ III, 445.

⁴⁾ Онъ дѣйствительно былъ таковъ, и не одна восторженная Смольнянка Нелидова долгое время могла создавать себѣ изъ великаго князя Павла идеалъ государя. *И. Б.*

жизни, являясь къ большому двору лишь по обязанности: ему было не по себѣ въ Петербургѣ, и онъ спѣшилъ назадъ въ свою любимую Гатчину. Шведскій посланникъ Стедингъ, по заключеніи мира явившійся въ Петербургъ, писалъ о великомъ князѣ 1 (12) Ноября 1790 года королю своему, Густаву III-му: „Великій князь бываетъ на всѣхъ этихъ праздникахъ (собранія въ Эрмитажѣ), но по видимому безъ большаго удовольствія. Онъ обходится со мною очень внимательно, какъ съ своимъ старымъ знакомцемъ (онъ узналъ меня еще во Франціи). Его бесѣды со мною такъ продолжительны, что иногда мнѣ становится неловко. Часто въ его рѣчахъ и отзывахъ мнѣ слышится жалоба на судьбу. Онъ съ живостью припоминаетъ свой походъ 1788 года и восторженно говоритъ о томъ, какъ онъ попалъ подъ ружейные выстрѣлы (кажется подъ Гекфорсомъ). Впрочемъ онъ съ величайшею похвалою отзывается о нашемъ величествѣ, о доблестяхъ вашей арміи, о господствующей въ ней дисциплинѣ; но мнѣ кажется, онъ нѣсколько слабъ характеромъ. Его упрекаютъ въ неискренности, что и вѣроятно, благодаря положенію, въ которомъ онъ находится. Сверхъ того, съ нимъ почти невозможно говорить безъ того, чтобы ктонибудь не подслушивалъ, и разговоръ никогда не можетъ обратиться на предметы особенно важные... Великая княгиня, сколько видно, занимается исключительно воспитаніемъ дѣтей своихъ, и ей пріятно, когда заведешь рѣчь объ этомъ. Она всегда очень ухаживаетъ за великимъ княземъ, а онъ по видимому обращается съ нею довольно холодно“. — Нѣсколько раньше (22 Сент. 1790), въ депешѣ, отправленной вскорѣ по пріѣздѣ въ Петербургъ, и послѣ представленія къ великому князю, Стедингъ отзывался о немъ: „Онъ вспомнилъ о нашемъ Парижскомъ знакомствѣ⁵⁾. Онъ теперь на такъ безобразенъ, какъ былъ

⁵⁾ Нелидова сопровождала графа и графиню Стверныхъ въ ихъ путешествіи, см. выше, стр. 1971. П. Б.

прежде. Великая княгиня очень постарѣла“⁶⁾.

Гатчинская жизнь пошла обычнымъ чередомъ, какъ и прежде. Нелидова пользовалась особливою внимательностью Павла Петровича. Но ей было уже за тридцать лѣтъ, и съ годами нравъ ея становился болѣе рѣзкимъ. Впрочемъ она сознавала это и чтобы не лишиться благорасположенія великой княгини, чтобы не досадить ей, принуждена была поступать осмотрительнѣе и сдержаннѣе. Съ цѣлью положить предѣлъ не прекращавшимся толкамъ объ ея странномъ положеніи при маломъ Гатчинскомъ дворѣ, толкамъ, которые огласились даже во Французскомъ Мониторѣ 1792 года⁷⁾, или можетъ быть вслѣдствіе какой либо размолвки съ великимъ княземъ, только въ Іюнь мѣсяцѣ 1792 года Еватерина Ивановна по видимому рѣшилась прервать 16 лѣтнюю вошедшую въ привычку связь и удалиться въ Смольный монастырь. Безъ вѣдома великаго князя она обратилась къ императрицѣ, чрезъ графа Безбородку, съ письмомъ, въ которомъ испрашивала дозволенія возвратиться въ „Общество благородныхъ дѣвицъ“ и замѣчала, что она вновь поступитъ въ Смольный монастырь съ сердцемъ столь же чистымъ, съ какимъ она его оставила⁸⁾. Прошеніе на этотъ разъ не повело ни къ чему, но оно поразило великаго князя, о чемъ свидѣтельствуетъ переписка его съ жившимъ тогда въ Саратовской деревнѣ княземъ Александромъ Куракинымъ. Къ сожалѣнію самаго письма Павла Петровича мы не имѣемъ; но вотъ что отвѣчалъ ему князь Куракинъ изъ своего Надежина, 28 Іюля 1792 года:

„Новость, которую Вы позволите сообщать мнѣ, мой дорогой повелитель, озадачила меня. Возможно ли, чтобы наша

⁶⁾ Stedingk, Mémoires posthumes, I, 303. III, 305.

⁷⁾ Gazette Nationale ou le Moniteur Universel, № 115, mardi 24 Avril 1792, письмо изъ Петербурга, отъ 30 Марта.

⁸⁾ Записки Храповицкаго, изд. Гевнада, стр. 269.

пріятельница, послѣ столькихъ опытовъ Вашей дружбы и Вашей довѣренности, дозволила себѣ и возымѣла намѣреніе Васъ покинуть? И какъ могла она при этомъ рѣшиться на представленіе письма Императрицѣ безъ Вашего вѣдома? Мнѣ знакомы ея умъ и чувствительность, и чѣмъ болѣе я о томъ думаю, тѣмъ непонятнѣе для меня причины, столь внезапно побудившія ее къ тому. Во всякомъ случаѣ я радъ, что дѣло не состоялось и что Вы не испытали неудовольствія лишиться общества, къ коему Вы привыкли. Чувствую, что Вамъ тяжело было бы устроить образъ жизни на новый ладъ и вполне представляю себѣ, какъ въ первые минуты этотъ неожиданный поступокъ долженъ былъ огорчительно подѣйствовать на Васъ“.

Черезъ нѣсколько времени, именно 7 Октября 1792 года, въ одномъ изъ писемъ князя Куракина къ великому князю снова читаемъ: „Я всегда разумѣлъ Васъ какъ слѣдуетъ, мой дорогой повелитель (*mon cher maître*), всегда цѣнилъ значеніе и свойство того чувства, которое привлекаетъ Васъ къ нашей пріятельницѣ: знаю, какъ много своимъ характеромъ и прелестью ума своего содѣйствуетъ она настоящему Вашему благополучію, и поэтому желаю искренно, чтобы Ваша дружба и довѣренность къ ней продолжались. Пчела, собирая медъ для улья своего, не садится на одинъ только цвѣтокъ, но всегда ищетъ цвѣтка, въ которомъ меду болѣе. Такъ поступаютъ пчелы. Не также ли должны дѣйствовать и существа, одаренныя разумѣніемъ, чувствительностью, съ истиннымъ достоинствомъ способныя направлять свои желанія и поступки къ лучшему и къ тому, что ихъ удовлетворяетъ и наиболѣе имъ приличествуетъ?“

Мы привели буквально эти два отрывка изъ писемъ князя Куракина, потому что они, по нашему мнѣнію, служатъ довольно вѣрнымъ образчикомъ фразеологіи, господствовавшей въ то время. Говорятъ, что приговорство есть дасть

уваженія къ добродѣтели, и развѣ въ этомъ только смыслъ нравственность послѣднихъ лѣтъ XVIII вѣка можетъ найти себѣ оправданіе въ глазахъ нынѣшняго: ибо во всякомъ случаѣ никогда не бывало такого полного несоответствія между словами, безпрестанно повторявшимися, и самымъ дѣломъ, которое они должны были выражать. Но возвратимся къ Екатеринѣ Ивановнѣ Нелидовой.

Послѣ письма своего къ императрицѣ она уступила настояніямъ Павла Петровича и согласилась остаться при его дворѣ. Но миръ заключенъ былъ не на долго, и съ Сентября мѣсяца слѣдующаго (1793) года она снова хлопочетъ о позволеніи удалиться въ Смоленскій монастырь. На этотъ разъ ей рѣшимость, по видимому, была твердая. Позволеніе ей дали, и она поселилась въ монастырѣ. Мы не имѣемъ подробностей о тамошнемъ образѣ ея жизни. Сохраняла ли она сношенія съ Гатчинскимъ дворомъ? Сожалѣла ли о томъ, что отошла отъ него? Надо полагать, что такъ, судя по той послѣдности, съ которою она покинула свое убжище немедленно по вступленіи Павла на престолъ. Въ Ноябрь 1796 года она снова появилась при дворѣ, и ей отведено помѣщеніе въ зимнемъ дворцѣ. Въ день коронованія Павла она получила званіе камерфрейлцы, и при этомъ великолѣпный, осыпанный брилліантами, портретъ императрицы.

Въ первые осмнадцать мѣсяцевъ своего царствованія императоръ Павелъ, при всей измѣчивости своего нрава, оставался подъ вліяніемъ Нелидовой. Лица, занимавшія въ это время главные мѣста, принадлежали по большей части къ прежнимъ Гатчинскимъ собесѣдникамъ государя: это были друзья или родственники Екатерины Ивановны. Двое братьевъ Куракиныхъ, графъ Буксгевденъ, Нелидовъ, Плещеевъ находились въ тѣсной связи между собою и составили при дворѣ особый тѣсный кружокъ, средоточіемъ котораго была Нелидова. Ея

влияніе простиралось далеко, и справедливость требуетъ замѣтить, что она пользовалась имъ во благо императора и не разъ спасала невинныхъ людей отъ его гнѣва. Иногда случалось ей оказывать покровительство самой императрицѣ, и никогда при этомъ ее не удерживало опасеніе прогнѣвить императора. Она не могла остановить государя во всѣхъ его рѣзкихъ распоряженіяхъ; но ей удавалось отклонить нѣкоторыя изъ нихъ, какъ напр. уничтоженіе военного ордена Св. Георгія Побѣдоносца. Павелъ хотѣлъ совсѣмъ уничтожить этотъ орденъ по чувству нерасположенія къ установительницѣ его, своей матери. Словомъ, Нелидова, въ первую половину царствованія Павла, была предметомъ его почитанія и первымъ лицомъ при дворѣ. Такъ какъ не представлялось никакой возможности восхвалять красоту ея, то, въ угоду государю, восхищались ея умѣніемъ танцовать, прелестью и миловидностью всѣхъ ея движеній и, не смотря на то, что ей было уже за 40 лѣтъ, она не заставляла себя долго упрашивать и важно выступала въ какомъ нибудь гавотѣ или менуетѣ. Она любила зеленый цвѣтъ, и въ угоду ей дворцовые пѣвчіе получили новую зеленую одежду⁹⁾. Она одна говорила государю что ей вздумается, иногда отказывалась говорить съ нимъ; однажды кинула черезъ него свой башмакъ, и Павелъ не разсердился за это: объ этомъ рассказываетъ самовидецъ Сабдуковъ¹⁰⁾. Она всецѣло принадлежала двору и находилась въ самой тѣсной близости ко всему императорскому семейству. Отъ нея конечно зависѣло воспользоваться такимъ положеніемъ и извлечь для себя и для своихъ всякаго рода прибыли, какъ и дѣлали многіе до нея и послѣ нея; но она отличалась образцовымъ безкорыстіемъ, и ей случалось много разъ отвергать

или умалять щедрія милости, коими хотѣлъ наградить ее императоръ Павелъ.

Въ Маѣ мѣсяцѣ 1798 года Павелъ Петровичъ отправился въ Москву и оттуда въ Казань. Путешествіе это ознаменовалось поворотомъ въ ходѣ дѣлъ его царствованія. Въ Москвѣ онъ увидалъ Анну Петровну Допухину и почувствовалъ къ ней страсть. Съ того дня звѣзда Нелидовой стала гаснуть. Съ возвращеніемъ государя въ Павловскъ, въ Іюнь 1798 года, и въ особенности съ Августа мѣсяца того же года, когда Допухины, по высочайшему приглашенію, переѣхали на житье въ Петербургъ, Екатерина Ивановна поняла, что ей невозможно бороться съ молодою соперницею. Она не захотѣла сохранить при дворѣ положеніе второстепенное и умалившееся и предпочла снова удалиться въ мѣсто своего воспитанія, Смольный монастырь. Ея отъѣздъ отъ двора былъ столь же важнымъ событіемъ и произвелъ такое же волненіе, какъ бываетъ съ перемѣною министерства. Въ своемъ паденіи повлекла она за собою всѣхъ близкихъ и дальнихъ, державшихся ею: обоихъ Куракиныхъ, Нелидова, Плещева, Нелединскаго, военнаго Петербургскаго губернатора Буксгевдена, частнаго секретаря императрицы Подетки; даже сама Марія Феодоровна принуждена была на нѣкоторое время отказаться отъ управленія Воспитательными Домами и другими благотворительными учрежденіями. Покои зимняго дворца, въ которыхъ жила Екатерина Ивановна, продолжали называться по ея имени; такъ въ слѣдующемъ (1799) году для прибывшихъ въ Петербургъ иностранныхъ принцевъ отведены были Нелидовскія комнаты. Но мало по малу память ея исчезла при дворѣ, и подавно въ сердцѣ государя.

Изъ монастырскаго уединенія своего Нелидова съ горестью слѣдила за событіями, которыя подготовлялись. Императрица продолжала сноситься съ нею и всякій разъ, обозрѣвъ учебное заведеніе, помѣщавшееся въ Смольномъ,

⁹⁾ Позднѣе, ради княгини Гагаряной, принять былъ блаженный цвѣтъ.

¹⁰⁾ Р. Архивъ 1869, стр. 1916.

заходила къ старинной своей пріятельницѣ, чтобы передать ей свою скорбь и непрестанныя опасенія. Съ другой стороны Нелидова должна была знать многое изъ того что происходило и о чемъ шли толки отъ Петербургскаго полицмейстера Антона Михайловича Рачинскаго, сестра коего была въ замужествѣ за ея братомъ Александромъ Ивановичемъ Нелидовымъ. Рачинскій былъ друженъ съ Екатериной Ивановной, и когда ему нельзя бывало навѣстить ее, онъ сообщалъ ей письменно о доходившихъ до него все болѣе и болѣе тревожныхъ слухахъ. Каждое утро онъ обязанъ былъ подавать рапортъ государю и полагалъ, что измѣнить своему долгу, скрывая отъ него истину. Увѣряютъ, будто за два или за три дня до 11 Марта 1801 года, Рачинскій, съ настойчивостью заявлялъ государю о необходимости принять сильныя и рѣшительныя мѣры; будто государь, ложно успокоенный главными заговорщиками и вождемъ ихъ С. Петербургскимъ военнымъ губернаторомъ графомъ Паленомъ, страшно прогнѣвался, сказалъ Рачинскому, что не нуждается въ его совѣтахъ, самъ лучше его знаетъ, какъ ему дѣйствовать и приказалъ ему немедленно выѣхать изъ Петербурга ¹¹⁾.

Таже участь постигла и Екатерину Ивановну. Услышавши, будто подъ вліяніемъ злоумышленныхъ нашетываній онъ вознамѣрился отослать императрицу въ Холмогоры и заточить двухъ старшихъ сыновей своихъ, одного въ Петербургской, другого въ Шлессбургской крѣпости, — Нелидова написала къ нему трогательное письмо, въ которомъ умоляла отложить это роковое

¹¹⁾ Рачинскій удалился въ Смоленскую свою деревню. Въ Петербургъ ему довелось пріѣхать уже въ царствованіе Александра: онъ хлопоталъ о помилованіи сына, зачисланнаго въ исторію Семеновскаго полка. Онъ представлялся Государю въ генеральскомъ мундирѣ Павловскихъ временъ. Сынъ его былъ пощаженъ, и онъ снова уѣхалъ въ деревню. Въ наше время дносъ изъ его внуковъ были профессорами Московскаго университета.

намѣреніе и изобразила ему, истинное положеніе дѣлъ. Въмѣсто отвѣта она получила приказаніе оставить Петербургъ. Она выѣхала въ замокъ Лодѣ близъ Ревеля, и тамъ узнала о кончинѣ императора.

Если Павелъ дѣйствительно имѣлъ намѣреніе, которое ему приписывали, то отложилъ его конечно не вслѣдствіе письма Нелидовой. Тѣмъ не менѣе императрица сохранила навсегда благодарную память о поступкѣ своей пріятельницы, который являлся въ ея глазахъ новымъ доказательствомъ дружеской ея преданности. Въ горести своей по кончинѣ Павла, она, повидимому, еще сильнѣе привязалась къ тѣмъ лицамъ, которыя напоминали ей покойнаго супруга. Это отразилось и на Нелидовой. Когда она пріѣхала назадъ въ Смольный монастырь, вдовствующая императрица приказала, чтобы ей оказывали всевозможное вниманіе. Съ тѣхъ поръ жизнь ея была посвящена воспитанію племянницы Александры Александровны Нелидовой (вышедшей впоследствии замужъ за князя Никиту Петровича Трубецкаго) и исполненію обязанностей, кои возлагала на нее близость ея къ императрицѣ. Онѣ видались почти ежедневно. Императрица не могла болѣе обойтись безъ нея и брала ее съ собою въ Москву въ 1817 году, гдѣ прожила довольно долго.

По отзывамъ людей, знавшихъ Нелидову въ этотъ послѣдній періодъ ея жизни, нельзя было не уважать ея за образованный, своеобразный и колкій умъ ея; нельзя было не пльнаться ея бесѣдою, когда она находилась въ добромъ расположеніи духа. Но тѣже лица помнятъ объ ея несносномъ характерѣ и о томъ, сколько терпѣли отъ ея ворчливости и требовательности близкіе къ ней люди. До самой старости она сохраняла свои притязанія и важничала, какъ во время оной. Въ Смольномъ монастырѣ вообще ея больше боялись, нежели любили.

По кончинѣ императрицы Маріи Федоровны (1828) вздумали было отпла-

тить ей за ее воркотню и докучливость, въ той увѣренности, что она уже не имѣетъ при дворѣ прежняго значенія. Къ числу разныхъ льготъ, которыя она сохранила за собою, поселившись въ монастырѣ, имѣла она въ своемъ распоряженіи придворную карету и камерлакея. Однажды ей надо было выѣхать, и она приказала подать карету. Ей отвѣчали, что нѣтъ ни кареты, ни камерлакея, и что они взяты у нея по высшему распоряженію. Тотчасъ написала она письмо къ императору Николаю, съ выраженіемъ своей признательности за милости, которыя онъ постоянно ей оказывалъ и съ просьбою въ послѣдній разъ одолжить ей по крайней мѣрѣ на нѣсколько дней ту карету, которою она до сихъ поръ пользовалась, пока имѣетъ она не распорядится покупкою собственнаго экипажа. Черезъ нѣсколько дней послѣ того государь пріѣхалъ въ Смольный и, обошедши женскій институтъ, пошелъ тѣмъ коридоромъ, который велъ къ помѣщенію Нелидовой. Сопровождавшіе суетятся, перешептываются и наконецъ кто-то осмѣливается доложить, что подъѣздъ совсѣмъ на другомъ концѣ и что его величество идетъ не туда. Государь отвѣчалъ, что онъ знаетъ дорогу и направился прямо къ Нелидовой. Онъ объявилъ ей, что ему никогда не приходило въ голову отнимать то что ей давно, былъ очень любезенъ и предупредителенъ. Съ того дня Нелидова не знала куда дѣваться отъ посѣтителей; къ ней бросались лица, почти никогда у нея не бывавшія. Нечего добавлять, что происшествіе съ каретою было истолковано, какъ простое недоразумѣніе, и что съ тѣхъ поръ Нелидовой не надо было опасаться какой либо непріятности въ этомъ родѣ. Она любила рассказывать эротъ анекдотъ въ доказательство своего умѣнья справляться съ каждамы и отстаивать свои права.

Екатерина Ивановна скончалась 2 Января 1839 года, 82 лѣтъ отъ роду. Въ теченіи всей своей жизни она была такъ воздержна и благоразумна въ от-

звѣвахъ о своемъ положеніи при дворѣ императора Павла, что для многихъ роль ея и доселѣ остается неразрѣшимою загадкою. Оставимъ ей эту таинственность, которая можетъ быть, даетъ нѣкотораго рода прелесть ея памяти. Скажемъ только, что, какъ бы ни было, но нельзя указать на другое лицо въ придворной жизни, вліяніе котораго было бы такъ благотворно и въ особенности такъ безкорыстно, какъ то вліяніе, которое имѣла Нелидова во всю первую половину царствованія императора Павла.

ИЗЪ ПИСЕМЪ Ю. А. НЕЛЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО КЪ Е. И. НЕЛИДОВОЙ *).

1.

J'ai remis sur le tapis la requête de m-r Ladigensky; j'ai parlé de sa pauvreté et de vos intentions bienfaites à son sujet. Ce trait de votre

*) Письма эти, характеризующія двухъ лучшихъ лицъ Павловскаго царствованія, сообщены въ Русскій Архивъ внукомъ Юрія Александровича Нелединскаго - Мелецкаго, княземъ Дмитріемъ Александровичемъ Оболенскимъ. Мы все еще не имѣемъ біографіи Нелединскаго, и только начатки ея помѣщены въ Русскомъ Архивѣ (1867, стр. 101) Между тѣмъ это благородное, отменно-привлекательное лицо, извѣстное большинству Русскихъ людей лишь по устарѣвшимъ нынѣ, но все еще швучимымъ и задумчивымъ стихамъ, занимаетъ видное мѣсто въ исторіи Русскаго обществѣ и гражданственности. Честный слуга царей, правдивый сенаторъ, душа умныхъ и оживленныхъ бесѣдъ, онъ долженъ быть предметомъ особой исторической картины. Подобно другу своему, Е. И. Нелидовой, Нелединскій, будучи докладчикомъ по дѣламъ и однимъ изъ самыхъ близкихъ къ Павлу Петровичу лицъ, подвергся внезапной опалѣ 22 Юля 1798 года и долженъ былъ немедленно изъ Петергофа ѣхать на житье въ Москву. Не было дна времени хоть сколько нибудь устроить дѣла, и приходилось бросать въ Петербургѣ цѣлое хозяйство. Слуга спрашиваетъ, какъ же быть съ шестеркою лошадей, и Нелединскій приказываетъ просто выпустить ихъ на улицу, что и было исполнено. Вотъ черта времени и личнаго характера. Въ нижеслѣдующихъ письмахъ, болѣею частію

part nous a mis du baume dans le sang. C'est qu'à l'idée de désintéressement et de générosité l'on vous a, sans doute, cru présente. — „Mais il avait du bien et il l'a dissipé! D'ailleurs on ne peut pas lui donner à perpétuité une appartenante de l'ordre“. Tout cela s'est dit avec tant de douceur et de bonté que je me suis hasardé à avancer que le procureur-général trouverait peut-être quelque part une autre petite terre à lui donner. — Vous savez, m'a-t-on dit, qu'il ne s'en donne plus.—Tel a été le dernier mot; mais je suis intimement persuadé qu'à la première apparition de mademoiselle Nélidow à Gatchina, m-r Ladigensky, si elle en parle, verra son sort amélioré. — Je compte si fort sur le plaisir que fera votre arrivée, que je suis fâché de n'avoir rien à demander pour moi.

Venez, матушка Катерина Ивановна, et après les personnes qu'il vous importe de rendre bien aises, permettez le désir de vous voir à un quelqu'un qui n'a de mérite que les bontés que vous lui témoignez, mais qui vous a voué un attachement sans bornes et un respect d'autant plus profond qu'il est fondé sur la connaissance des sentimens qui vous animent.

J'ai l'honneur d'être, mademoiselle, de votre excellence le très humble et très obéissant serviteur G. Néledinsky-Melitzky *).

Gatchina, ce 21 Août 1797.

писанныхъ изъ ссылки, читатель обратитъ вниманіе между прочимъ на то, что въ нихъ не слышно ни одного звука раздраженія или жалобы на судьбу свою. Вспомнимъ отзывъ Карамзина о внутреннемъ благородствѣ, съ которымъ Русскіе люди относились къ бвдствію тогдашняго правленія (см. Записку о древней и новой Россіи, Р. Арх. 1870, стр. 2268). П. Б.

*) Въ дальнѣйшихъ письмахъ эти окончанія опускаются. П. Б.

2.

Moscou, ce 3 Mars 1800.

Vous attendiez cette lettre, матушка Катерина Ивановна. Oui, j'en suis sûr; vous me connaissez trop pour ne pas savoir de quel prix est pour moi votre souvenir, et pour penser que je puisse résister au désir de m'y rappeler toutes les fois que je le pourrai. L'occasion, dont je profite actuellement, est pour moi aussi sûre, que si je voyais moi-même ma lettre rendue entre vos mains. Ce n'est pas que ce que j'ai à vous dire ne puisse être confié à la poste, même sous un cachet volant. On n'y verrait que mon admiration pour vous, mon attachement et ma reconnaissance: tous sentimens que je me ferai toujours gloire d'avouer, dont tout ce qui vous viendra de ma part portera toujours l'empreinte et aux quels j'ai l'orgueil de penser que vous croyez et croirez toujours.

Avant votre retour à Pétersbourg je ne pouvais faire fond sur rien de ce que j'apprenais de vous; depuis j'ai eu des nouvelles plus certaines; et enfin aujourd'hui j'ai été voir mademoiselle Raslovlew qui m'a dit que vous daignez vous souvenir de moi, et que vous l'aviez même chargée de me le témoigner. J'aurais été au comble de mes vœux, si elle ne m'eût parlé en même tems de vos cruels maux de tête, dont elle m'a fait une description effrayante. Je voudrais pouvoir me persuader que son récit était au moins outré, et je lui veux du mal d'avoir détruit en partie le contentement que j'éprouvais à l'entendre parler de vous.—Notre entrevue a duré une heure et demie, et je crois savoir à peu près tout ce dont je pouvais être instruit par elle.—Rien de ce qui est à vous n'a été oublié? Jugez en. Map-

еа ни Алeксаша не sont plus auprès de vous; la dernière est mariée, et au lieu d'elle c'est une femme de chambre de mademoiselle Lwow qui est votre coiffeur.—En homme vous avez toujours Василий. Jacot se porte bien, il continue à venir manger de la poudre quand vous êtes à votre toilette. Vous n'avez plus le petit rouge-gorge, surnommé Юрка en mon honneur. Raton prospère; mais on ne m'a rien pu dire de Rosette.—Vos appartemens et vos meubles sont encore les mêmes: vous vous plaisez comme autrefois à rester dans vos entresols; la volière, le bosquet existent

Vous voyez que je suis au fait de tout. Je me plais à m'entourer en idée de tout ce qui vous appartient: ce sont autant de points de repos pour mon imagination, autant de moyens de me rapprocher de vous, de me persuader en quelque sorte de la possibilité de votre présence. Hélas! Dieu seul sait quand et même si jamais j'aurais le bonheur de vous revoir; Dieu sait même, quand je pourrai encore vous écrire; ce que je sais, c'est que je n'en laisserai pas échapper les occasions toutes les fois qu'elles se présenteront aussi sûres qu'à présent. Quelques lignes de vous. Oh! comme je serais heureux!

Mademoiselle Raslovlew m'a dit que vous ne sortiez point: mais je le savais avant que personne me l'eût appris. Vous, à qui, *pour être bien, il suffit de n'être pas mal*, vous n'irez pas chercher le contentement loin de vous. Vous voilà heureuse de vous retrouver dans un lieu où vous êtes connue et chérie depuis votre enfance, et où tous ceux qui vous entourent ne vous donneront pas, comme ailleurs (dit-on) lieu de douter, qu'il y ait de la reconnaissance et de l'amitié sur cette terre. Cette dernière réflexion n'est

point une suite de ma conversation avec mademoiselle Raslovlew; je l'avais faite bien avant sur différents bruits qui ont couru ici.

J'aime à penser, матушка, que vous ne seriez pas tout à fait contente de moi, si je ne vous disais pas un mot de ce qui me regarde.

3.

Moscou, ce Avril 1800.

Конечно виновата! И очень виновата, матушка, d'avoir pu penser que j'aye volontairement renoncé au plaisir de vous écrire. Au nom de Dieu! Comment aurais-je donc fait pour vous faire parvenir mes lettres? Devais-je les confier à la messagère ordinaire? — Mais, je la tiens pour une si fiellée coquine de son naturel, que même la probité généralement reconnue de ses nouveaux directeurs (de conscience) ne suffit pas pour me rassurer sur ses infidélités. Voyant ainsi les choses, j'ai supporté avec moins d'impatience le chagrin d'être privé de vos nouvelles; mais jamais il ne m'est venu dans l'esprit que le scrupule *d'avoir à vous rappeler* à mon souvenir y entrât pour quelque chose. Non, madame, depuis que je vous ai quitté, tous les jours vous m'étiez présente. Me croyez-vous donc capable d'oublier et vos bienfaits, et le bonheur que j'ai eu, au milieu de la mascarade générale, de trouver en vous l'être favorable, devant qui je pouvais sans crainte paraître tel que je suis; me montrer avec ma propre physionomie et oser ne point borner ma conversation aux конечно, aux такъ, aux sourires, aux équivoques, aux nécessités d'approbation. et enfin aux éternels — слышу et вижу, pour les quels il ne faut ni yeux, ni oreilles et qui sont pour la foule dont

je faisais partie la seule monnoye courrante du pays où je vivais alors.—Perdu dans ce pays, pour le quel je me sentais si peu né, je n'ai jamais eü recours qu'à vous: vous étiez mon refuge, ma seule protection.

Vous le savez, et néanmoins, c'est vous, qui croyez avoir à vous rappeler à mon souvenir. Vous!!!—Vite, que je vous le pardonne et que je l'oublie.

Je ne sais plus que penser de vos maux de tête; vous en parlez si lestement! Vous avez l'air de me persiffler sur l'épithète d'effrayante, dont j'ai qualifié la description que Марья Николаевна m'en a faite. Mais pouvais-je sentir et dire autrement, en apprenant que les douleurs étaient fortes au point, que, pendant l'accès, vous en perdiez la vûe? L'hyperbole est peut-être du côté de Марья Николаевна, et Dieu le veuille! Mais si son récit est juste, vous conviendrez que l'expression dont je me suis servi n'est pas exagérée. Au reste je vous supplie de me dire au vrai ce qui en est. Vos maux de tête sont à vous, vous êtes la maîtresse de vous en moquer, et si vous le pouvez, vous faites bien; mais ne foulez pas aux pieds l'intérêt que je prends à votre santé; de grâce, parlez m'en sans plaisanterie, et cela la première fois que vous m'honorerez d'un mot de votre part.

Je ne puis, hélas! d'aucune manière me faire illusion jusqu'à me flatter que je puisse avant de mourir vous voir dans votre gloire. Je ne parle point de celle dont j'ai été témoin: elle n'était point avouée de votre coeur pour telle; mais c'est ainsi que je nomme votre position présente. Je sens, матушка, combien vous êtes faite pour apprécier le bonheur de vivre tranquille et libre dans une retraite qui

vous est chère à tant de titres, et où vous êtes entourée, comme vous le dites, d'amies sûres et bien éprouvées. Quelle intimité en effet, quelle confiance ne doit pas régner entre vous et ces amies, ces compagnes de votre enfance, qui dans tous les tems vous ont toujours trouvée la même à leur égard, vous ont vû conserver constamment pour elles les mêmes sentimens, le même ton Mais cela n'est-il pas tout simple, me direz-vous? Oh! sans doute, rien n'est plus simple, répéteront les échos, non des bois, mais de la Cour. Oui, messieurs, j'en conviens; mais accordez moi aussi que *simple* n'est pas synonyme de *commun* et que les choses qui sont toutes simples dans ce genre-là ne se voyent pourtant pas tous les jours.

Vous croyez donc que je ne connais pas votre grenier?—Demandez à mademoiselle Tchelistchew! Grâce à la renaissance de sa passion pour moi, elle se rappellera sans doute qu'elle m'y a conduit un jour, parceque je ne sais pourquoi, on ne pouvait pas monter à vos entresols par l'escalier ordinaire. J'y ai été, j'en suis certain: car je me rappelle très bien que, pour me trouver aux entresols, il m'a fallu descendre. Or, d'où peut on descendre à des entresols, si ce n'est d'un grenier?—Ah! comme je voudrais y être! Dussiez-vous encore une fois former le complot de m'emmailotter, dussai-je l'être en effet! Je sens que ma verve poétique s'y réveillerait par la seule vertu du local; les greniers étant assez communément le séjour des poètes: mais soit en vers ou en prose, il me semble que je *n'aurai* de l'esprit qu'en vous revoyant,—tandis qu'ici depuis quelque tems on ne cesse de me reprocher ma maussaderie.

Que mademoiselle de Tchclistchew se tranquillise sur mon entrevue avec Марья Николаевна. Les rayons assassins de ses beaux yeux n'ont point fait d'impression sur mon cocur, parceque je savais que ces beaux yeux ne devaient pas rester ici. Il n'y a que ma passion pour ceux de mademoiselle de Tchclistchew qui soit à l'épreuve du tems, et ce qui est encore plus méritoire, de l'éloignement même. Je lui demande bien instamment une petite place dans son souvenir, ainsi qu'à mesdemoiselles Lwow, Rostock et Zilberaisen.

Mille et mille remerciemens, матушка, pour les détails que vous me faites sur tous les êtres humains qui composent votre domestique. De tout ce monde-là, le nouveau venu Mourza est le seul qui ne me serve de rien auprès de vous. Tout le reste vous parlera de moi à sa manière: le rouge-gorge en portant mon nom; le cher Jacot, en venant becqueter votre poudrier, vous fera souvenir qu'il le quittait quelquefois pour une station sur le sommet de ma tête Il n'y a pas jusqu'aux magnifiques boucles de Tululu qui ne vous invitent, pour vous délasser de l'admiration qu'elles vous causent, à songer à la modeste simplicité des miennes. — Le seul Mourza! J'entrevois pourtant quelque possibilité d'établir un rapport d'analogie entre lui et moi. Eh bien, oui! Qu'il soit mon substitut à la portion des biscuits, et surtout du gros craquelin qui figure par dessus à votre déjeuner et des restes duquel je faisais si fidèlement ma besogne, malgré mon tendre pour Алексаша qui en était privée par ma gourmandise. — A propos d'Alexascha, je crois connaître le laquais de la cour qu'elle a épousé. J'en ai remarqué un en présence

duquel la perfide me rendait mon salut toujours moins gracieusement qu'à l'ordinaire. C'était là sûrement l'heureux coquin!

4.

Des bords de la Worona, ce 30 Juillet 1800.

On a bien raison de dire que la vie est un voyage! Cette reflexion qui semble tomber des nues, vous paraîtra de ma part toute naturelle, quand vous saurez, матушка Катерина Ивановна, que depuis plus de deux semaines j'ai abandonné mes Pénates, pour aller à 700 verstes de chez moi, courir par monts et par vaux.

Je cours donc, матушка, depuis quinze jours, très ennuyé de ne voir que des visages inconnus et très humilié de ma crasse ignorance en fait d'économie qui est pourtant l'unique motif de mon voyage. — En passant par Tambov, j'ai eû le plaisir d'y rencontrer monsieur Баратынскій. Nous avons parlé de vous un peu. Le résultat de notre entretien a été de convenir que vous étiez pour le moment plus heureuse que vous ne l'avez jamais été; et la-dessus je me suis félicité, *in petto*, de ce que *nel giorni tuoi felici* vous vous souveniez encore de moi.

5.

31 Juillet.

Avant de quitter Moscou, c'était vers la fin de May, je m'empressai d'aller voir la toute bonne Анна Степановна *) qui venait d'arriver avec sa nièce, récemment veuve. Il y vint devant moi du monde rendre visite à la dame à portrait nouvellement arrivée de la Cour et devant y retourner incessamment. Quant à moi, j'y allais

*) Протасова.

voir la personne qui m'a toujours fait bon accueil, qui m'a toujours témoigné de la bienveillance: choses, dont j'aime à me rappeler, parceque la reconnaissance est pour moi un plaisir. Je ne dis pas cela pour me vanter; mais c'est qu'il m'importe que vous le sachiez plus que personne, матушка. Assis vis-à-vis d'elle, ma mémoire m'a retracé bien des momens où je vous ai vues ensemble; et surtout une matinée à Gatchino, où je faisais le tiers et où vous m'avez lutinées toutes les deux de la bonne manière. N'étant pas accoutumé à voir Анна Степановна là où la Cour ne se trouve pas, je me faisais illusion au point que je croyais à tout moment vous voir paraître. *Illusion! Reine de l'univers!* Qui sur un char trainé par des chimères etc. Le mal est, que ce char vole trop rapidement; mais je cherche à m'en dédommager, en me plaçant autant qu'il m'est possible sur sa route.

Les occupations rurales ne m'attachent guères, vû que, grâce à mon guignon, ce pays-ci, l'un de plus fertiles de l'Empire, ne produit presque rien, depuis deux ans que j'ai commencé à me mêler d'agriculture. Juste depuis ce tems il ne pleut plus dans ces contrées. Ceci me lache un peu, sans m'affliger pourtant. Mais la vue de cette campagne-ci m'affecte péniblement par une toute autre cause. Quand on me la donna, à peine y avait-il cinq mois que je servais. Il était clair que ce bienfait n'était dû ni à mes services, ni à ceux qu'on pouvait attendre de moi à l'avenir; encore moins à mes beaux yeux. Je savais bien que je le devais à la circonstance du moment, à la place que j'occupais et parceque, y étant, il n'y avait pas de raison de ne pas me traiter comme un autre; cependant j'en éprouvais pour moi et les

miens, qui devaient en profiter, un sentiment de gratitude particulière, indépendante des rapports de devoir et de droits, établis entre le maître et le serviteur. Armé de mon *Crédo*, que je vous avais déjà fait connaître, j'espérais de pouvoir par ma persévérance à ne jamais rechercher ma liberté, me distinguer de la foule avide et intéressée qui peuple le pays où je vivais alors. Les choses depuis ont changé de face, et cependant je jouis du bienfait sans que rien empêche qu'on ne puisse me compter parmi les ingrats.—Ces réflexions m'attristent, матушка. N'en inférez pourtant pas que j'aye la moindre envie de rentrer dans la carrière: non, je vous jure! Et même si j'y étais ramené malgré moi, tous mes instans seraient consacrés à chercher les moyens d'en sortir sans désagrément.—Ces idées ne me sont venues que pendant mon séjour ici, et je vous les écris comme elles me viennent.

6.

De Moscou.

Je respire enfin! Quelle différence d'être en ville! Ce n'est point la nature brûte qu'on y voit comme à la campagne. L'homme y paraît dans toute sa dignité originale: il semble y être dégagé de la loi générale, qui depuis sa chute le condamne au travail. *L'homme en ville*—faites bien attention, je vous prie, l'homme en ville ne fait rien! N'y a-t-il pas quelque chose de divin dans cette manière d'exister? L'oisiveté, mère de toutes les vertus! Mais je crois que je m'embrouille; et puis mon éloquence sur ce chapitre serait perdue avec vous, je le sais: ainsi abrégeons.—Permettez moi, матушка, de préférer la ville à la campagne. La principale raison que j'en ai

pour le moment, c'est que je ne puis qu'ici trouver une occasion pour vous faire parvenir ma lettre.

7.

Moscou, ce 15 Novembre 1800.

Quoique je suis très pressé, je vous ferai cependant part de la perplexité où m'a mise *la permission* gracieusement accordée aux exclus et aux *renvoyés* de se présenter pour obtenir du service.—J'aurais voulu, par mon empressement à profiter de cette grâce, marquer ma reconnaissance des bienfaits jadis répandus sur moi et que je suis bien éloigné de croire avoir mérités; mais ma femme, plus malade que jamais, et qui l'est continuellement d'une maladie chronique, aussi bien que le dérangement de mes affaires et mes entreprises pour les remettre en meilleur état, exigent ma présence à Moscou. De plus je vous l'avouerai: la malveillance des alentours m'a effrayé. J'ai craint que mon arrivée à Pétersbourg ne leur déplaise et que mon zèle ne soit mal interprété. Toutes ces raisons m'ont déterminé à rester où je suis et à ne faire aucune démarche. Fais-je bien? Fais-je mal? Je n'en sais rien; mais je voudrais qu'il me fut possible de faire autrement.

8.

Moscou, ce 7 d'avril 801.

Ce n'est pas dans les premiers moments de la consternation où vous a dû jeter un événement aussi subit qu'imprévu, qu'il m'était possible d'oser vous importuner, матушка Катерина Ивановна. Plus que personne, sans doute, vous en avez été frappée, et votre attachement pour Sa Majesté l'Impératrice-douairière, en vous faisant vivement partager sa douleur, a dû aggraver la votre. Sans parler de

moi, qui ai toujours été comblé des marques de la bienveillance de Sa Majesté, il n'est personne ici, qui au milieu de la joie de voir sur le trône un Prince à qui tous les coeurs sont acquis depuis longtemps, n'ait versé des larmes d'attendrissement en songeant à la double douleur que doit éprouver cette auguste et tendre épouse et mère, privée à la fois de deux êtres également chers à son coeur *). La Providence lui réserve, il est vrai, des motifs de consolation bien puissants dans l'amour des peuples pour Son Auguste Fils et dans la félicité de ces peuples dont ce bon Prince ne cessera jamais d'être l'artisan. Sa bonté, généralement connue, nous garantit la constance de notre bonheur, et les vœux réunis de tout l'Empire attireront sur son règne les bénédictions du Ciel et en prolongeront la durée pour le bonheur de l'humanité.

J'ai porté mes vœux aux pieds du trône. Sa Majesté Impériale a daigné me donner un témoignage de sa suprême bienveillance en m'honorant d'une réponse par écrit. Cette marque de bonté ajoute pour moi au devoir du sujet le motif de la reconnaissance: sentiment si cher à mon coeur!! Ce même sentiment me fera toujours bénir la mémoire du Souverain que j'ai approché pendant près de deux ans et dont j'ai reçu personnellement tant de bienfaits. Veuille l'Être Suprême lui accorder dans une autre vie la paix, dont (oserais-je le dire) il n'était pas en lui de jouir dans celle-ci!

9.

Moscou, ce 20 May 801.

Rien de plus doux, de plus consolant, de plus balsamique pour le coeur

*) Кончины великихъ князей Александры и Елены Павловны? И. Б.

de tout sujet fidèle, que cette union, dont vous me parlez, de la famille impériale. Véritablement, la félicité générale ne peut porter sur une base plus solide, et c'est en même tems le moyen le plus certain de dérouter les intrigues et de déjouer les intrigans. Les nuages ennemis qui s'amassent autour du soleil, pour en intercepter ou dénaturer la lumière bienfaisante, seraient bientôt dispersés, anéantis dans les flots de cette lumière, si plusieurs astres réunis concouraient à l'envi à la propager. Puisse notre horizon être constamment serein et pur, et que les météores malfaisans ne s'y fixent pas! Sous la vaste voute du Ciel, il est tant d'autres lieux où ils peuvent briller!

Vous êtes sans doute déjà instruite de la mort du p-cc de Reppin. Il s'est endormi d'un sommeil tranquille, et si une mort douce est le sceau de la béatitude, son salut n'est pas douteux. On en a un gage plus certain dans sa bienfaisance, qui était sa vertu favorite et qu'il exerçait aussi souvent qu'il pouvait. Le regret de l'avoir perdu, la fatigue d'aller tous les jours à la campagne ¹⁾ où sont mes cousines, ses filles, le triste appareil de la cérémonie funèbre, tout cela a entièrement gâté mes nerfs. Je suis comme un automate qui ne sentirait être que pour en sentir en même tems l'inutilité.

10.

Moscou, ce 13 Décembre 808.

Je n'ai pas connu de mère ²⁾. Une de ses soeurs qui n'est plus, m'avait adop-

¹⁾ Воронцово, по Калужской дорогѣ. Упомянутыя дочери: княгиня Волконская и баронесса Дарья Николаевна Каленбергъ. Мать ихъ, ур. княжна Куракина, была родною теткою Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго. II. Б.

²⁾ Ю. А. Нелединскій-Мелецкій лишился матери своей, урожденной княжны Татьяны Александровны Куракиной, на третьемъ году своего возраста. II. Б.

té dans son coeur et sù faire naître dans le mien des sentimens, que depuis aucune personne étrangère ne m'a inspiré au même degré que vous. Je me fais ce rapprochement au milieu de la plus vive émotion que mon âme ait jamais ressentie: c'est au moment où nous venons de fiancer notre fille ainée, notre chère et bonne Agrippine. Ma femme s'unit à moi dans ce moment pour vous l'annoncer, parce qu'elle sait et prise, comme il le faut, le bien que vous nous voulez à tous. Oui, vous nous en voulez! Vous ferez des voeux pour le bonheur de notre fille, et vos bénédictions l'accompagneront dans son nouvel état! Les bénédictions d'un être bon et juste sont toujours entendues du Ciel, et il ne manque jamais de les ratifier!

Notre Agrippine est fiancée au prince Александръ Петровичъ Оболенскій, officier de dragons, frère de la princesse Щербатовъ, que vous connaissez, dont le mari a été adjudant-général de feu l'Empereur. C'est un jeune et bel homme, fort doux et fort honnête. Point riche, mais tenant à une famille chez la quelle une union constante, quoiqu'entre de nombreux individus, est le résultat d'un heureux caractère commun à tous et d'une sévère observation de leurs devoirs respectifs, dont la base est le respect pour leur père et mère, qui de leur côté les aiment tous également. Permettez-moi de vous recommander mon futur gendre, en attendant l'heureux jour où je pourrai vous le présenter en personne.

11.

Moscou, ce 30 Septembre 1809.

A Twer je vous ai obéi, j'ai beaucoup parlé; j'ai même cherché à être plaisant. Le Grand Duc pourra vous en donner des nouvelles. — Madame la

Grande Duchesse se fait adorer dans ce pays-là. Si vous l'aviez vu à un bal que donnaient les marchands! Comme elle était belle! Affable! Prévenante! Entre-autres, elle s'est fait amener pour une Polonoise le chef du corps des marchands (голова). C'est un homme à barbe, habillé à la Russe. Cet homme était aux anges de l'honneur qu'il recevait et n'a jamais pu se résoudre à tenir la main de m-me la Grande Duchesse, de manière que la danse a consisté pour eux à faire quelques tours de salle l'un à côté de l'autre. Et tout ce que fait cette charmante princesse, elle le fait de manière qu'il semble que tout le plaisir est de son côté! J'ai eû l'honneur de dîner tous les jours à sa table, et le soir, excepté le dernier, que nous avons été au bal, les autres jours j'ai fait la partie de boston des trois altesses impériales.

12.

Twer, ce 29 Décembre 1809.

Hier, j'ai fait la connaissance de m-elle Bounine *) avec la quelle je suis depuis quelque tems en correspondance, sans l'avoir jamais vue. Ayant appris que j'étais ici, elle m'a fait avertir de son passage par Twer, et j'ai été la voir. Elle est extrêmement reconnaissante des bontés de Sa Majesté l'Impératrice et se loue beaucoup de l'accueil gracieux que vous lui avez fait. Munie des lettres de Sa Majesté et de madame la comtesse Lieven pour madame la grande duchesse, elle s'est présenté chez cette dernière, dit n'avoir eu le bonheur de la voir que quelques secondes et est surtout mortifiée d'avoir reçu deux cent roubles pour un livre qu'elle a présenté à monseigneur le prince de Holstein. Je

*) Анна Петровна Бунина, известная въ то время стихотворица. И. Б.

ne lui ai parlé qu'environ une demie heure. Elle parle purement et met de la suite dans son discours; mais il me semble qu'elle a une tête exaltée. Elle est fâchée, dit-elle, qu'on croye qu'elle a présenté ce livre dans la vue d'avoir un cadeau en argent. Il paraît, qu'elle met une grande différence entre l'accueil que lui a fait Sa Majesté et celui au quel elle s'attendait ici, étant chargée de lettres de recommandation.

ПЕРЕВОДЪ ПИСЕМЪ Ю. А. НЕЛЕДИНСКАГО-МЕЛЕЦКАГО КЪ Е. И. НЕЛИДОВОЙ.

1.

Я возбудилъ вновь вопросъ объ просьбѣ г. Ладыженскаго; я говорилъ о его бѣдности и о вашихъ благотворительныхъ намѣреніяхъ по отношеніи къ нему. Эта черта съ вашей стороны подѣйствовала на насъ, какъ живительный бальзамъ. При мысли о самоотверженіи и великодушій, ваше присутствіе казалось несомнѣннымъ. „Но онъ имѣлъ состояніе и промоталъ его! При этомъ нельзя-же ему предоставить на вѣчныя времена орденскихъ доходовъ“. Все это было высказано съ такою кротостью и добротою, что я дерзнулъ выразить предположеніе, что генералъ-прокуроръ, быть можетъ, нашель-бы гдѣ нибудь другое небольшое имѣніе для отдачи ему. Вамъ извѣстно, возразили мнѣ, что такія болѣе не раздаются. То было послѣднее слово; но я искренно убѣжденъ, что, при первомъ появленіи дѣвицы Нелидовой въ Гатчинѣ, положеніе г. Ладыженскаго, если только она заговоритъ о немъ, будетъ улучшено. Я такъ сильно рассчитываю на удовольствіе, которое доставитъ вашъ пріѣздъ, что мнѣ остается только сожалѣть, что мнѣ нѣчего просить для себя.

Пріѣзжайте, матушка Катерина Ивановна, и кромѣ тѣхъ лицъ, которыхъ вамъ надлежитъ осчастливить, дозвольте ощущать желаніе васъ видѣть тому, кто

не имѣтъ другихъ заслугъ, кромѣ вашихъ къ нему милостей, но кто питаетъ къ вамъ безпредѣльную преданность и уваженіе, тѣмъ болѣе глубокое, что оно основано на сознаніи тѣхъ чувствъ, которыя вами руководятъ. Имѣю честь быть, сударыня, вашего превосходительства покорнѣйшимъ и преданнѣйшимъ слугою. Ю. Нелединскій-Мелеуцкій.

2.

Москва, 3-го Марта 1800 г.

Вы ожидали этого письма, матушка Катерина Ивановна! Да, я въ томъ увѣренъ, вы слишкомъ хорошо меня знаете, чтобы сомнѣваться въ томъ, какую цѣну имѣтъ для меня ваша память и что бы предположить, что я въ состояніи упустить случай напомнить вамъ о себѣ, какъ только будетъ возможно. Случай, которымъ я пользуюсь въ настоящую минуту, также безопасенъ, какъ если-бы я лично передалъ вамъ мое письмо, хотя все то, что я имѣю сказать, вамъ можетъ точно также быть поручено почтѣ и даже не закрѣпляясь никакою печатью: могли-бы прочесть только мое удивленіе, мою къ вамъ преданность и благодарность, чувства, которыми я всегда буду гордиться, которыми постоянно будетъ пронизано все, что мною будетъ къ вамъ обращено и которымъ, я льщу себя надеждою, вы вѣрите нынѣ и всегда будете вѣрить.

До вашего возвращенія въ Петербургъ, я не могъ нисколько полагаться на то, что слышалъ о васъ; съ тѣхъ поръ я имѣлъ уже болѣе достовѣрныя извѣстія, а наконецъ сегодня я навѣстилъ дѣвицу Рославлеву, которая сообщила мнѣ, что вы сооблаговостили вспоминать обо мнѣ и даже поручили ей мнѣ передать о томъ. Я былъ-бы вполне счастливъ, если-бы она въ то же время не упомянула о вашихъ ужасныхъ головныхъ боляхъ, которыя она описала мнѣ самымъ ужаснымъ образомъ. Я желалъ-бы убѣдиться, что ея рассказъ по крайней мѣрѣ преувеличенъ, и я озлобленъ противъ нея за то, что она отчасти разрушила удоволь-

ствіе, съ которымъ я слышалъ ее говорящею о васъ. Наше свиданіе продолжалось полтора часа, и я думаю, что знаю теперь все то, что могъ только узнать отъ нея. Ничто до васъ относящееся не было забыто: судите сами. Ни Марѳа, ни Алексаша уже не при васъ; послѣдняя замужемъ, и вмѣсто нея ваши волосы убираетъ горничная дѣвица Львовою. Изъ мушинъ у васъ все тотъ-же Василій. Жако здоровъ и продолжаетъ поѣдать порошокъ, когда вы за вашимъ туалетомъ. У васъ уже нѣтъ болѣе птички-ряполова, названнаго въ мою честь Юркою. Ратонъ благоденствуетъ; но мнѣ ничего не могли сообщить о Розеттѣ. Ваши комнаты и мебель все тѣже; вы предпочитаете, какъ бывало и прежде, оставаться въ вашихъ антресоляхъ; голубяня-бесѣдка существуетъ. Вы видите, что мнѣ все извѣстно. Мнѣ приятно мысленно окружать себя всѣмъ, что принадлежитъ вамъ: это составляетъ отдохновеніе для моего воображенія, служить средствомъ моего приближенія, къ вамъ; убѣждаетъ меня, такъ сказать, въ возможности вашего присутствія. Увы! Богу одному извѣстно, когда именно и даже удастся-ли когда либо имѣть счастье увидѣть васъ, и даже Богъ знаетъ, когда мнѣ еще придется писать къ вамъ: я знаю только, что я не пропущу ни одного случая, столь-же вѣрнаго какъ нынѣшній. Получить нѣсколько строчекъ отъ васъ. Ахъ! какъ былъ-бы я счастливъ.

Г-жа Рославлева сказала мнѣ, что вы не выѣзжаете; но я еще зналъ это прежде, чѣмъ оно было другимъ извѣстно. Вы, которая уже *чувствуете себя хорошо*, когда *вамъ несовсѣмъ дурно*, не станете искать удовольствія внѣ самой себя. Вы теперь счастливы, что находитесь вновь въ томъ мѣстѣ, гдѣ васъ знаютъ и обожаютъ съ дѣтства и гдѣ всѣ, васъ окружающіе, не доставятъ вамъ случая сомнѣваться, что благодарности и дружба еще существуютъ въ этомъ мірѣ. Эта послѣдняя мысль не есть послѣдствіе моего разговора съ дѣвицею

Рославлевою; она пришла мнѣ въ голову еще много ранѣе, благодаря разнымъ слухамъ, здѣсь распространившимся.

Мнѣ пріятно думать, матушка, что вы не остались-бы вполне мною довольны, если-бы и не сказалъ вамъ ни слова о томъ, что до меня касается.

3.

Москва, Апрель 1800.

„Конечно виновата! И очень виновата, матушка“, если вы могли подумать, что я въ состояніи добровольно отказаться отъ удовольствія писать къ вамъ. Ради самаго Бога, какимъ путемъ могъ-бы я доставлять вамъ мои письма? Развѣ слѣдовало поручать ихъ обычной посланницею? Но я считаю ее отъ природы такою продувною мошенницею, что даже всѣми признанная честность ея новыхъ директоровъ... (посоветси) не можетъ вполне успокоить меня на счетъ ея измѣны. При подобномъ взглядѣ на вещи, я съ меньшимъ нетерпѣніемъ выносилъ горе быть лишеннымъ извѣстій о васъ; но мнѣ никогда не приходило на мысль, что къ этому могло примѣшиваться колебаніе съ моей стороны въ воспоминаніи о васъ. Нѣтъ, сударыня, съ той минуты, какъ я оставилъ васъ, вы не переставали ни одного дня присутствовать передо мною. Уже-ли вы считаете меня способнымъ забыть ваши благодѣянія и то счастье, которое я испыталъ среди всеобщаго маскарада, найдя въ васъ существо благорасположенное, передъ которымъ я безъ боязни могъ казаться, таковымъ, каковъ я есмь; не скрывать моей собственной наружности, дерзая не ограничиваться въ моихъ разговорахъ одними „конечно“ или „такъ“, улыбками или недомолвками, или непремѣннымъ одобреніемъ... наконецъ этими вѣчными „слышу и вижу“, для которыхъ не требуется ни глазъ, ни ушей и которыя для толпы, составившей мою долю, служать единственною ходячею монетою той среды, гдѣ я въ то время находился? Растерянный въ этой средѣ, для которой я не былъ рожденъ, я прибѣгалъ единствен-

но къ вамъ: вы были мое убѣжище, моя исключительная охрана. Вы это знаете... и тѣмъ не менѣе, *вы считаете нужнымъ напоминать мнѣ о себѣ!* Вы!!! Ощущаю потребность поскорѣ простить васъ и забыть о томъ! Не знаю, что и думать о вашихъ головныхъ боляхъ: вы говорите о нихъ такъ легко! Вы какъ будто подсмѣиваетесь надо мною за слово „ужасное“, которое я употребилъ, упоминая объ описаніи, сдѣланномъ Марьею Николаевною. Но могъ-ли я иначе чувствовать и выражаться, когда я узналъ, что эти боли до того были сильны, что во время припада вы лишались зрѣнія? Быть можетъ, гипербола на сторонѣ Марьи Николаевны, и дай Богъ, чтобы такъ было! Но если ея рассказъ справедливъ, то вы сознаетесь, что выраженіе, мною употребленное, не преувеличено. Впрочемъ умоляю васъ сообщить мнѣ всю истину. Ваши головныя боли принадлежатъ вамъ; вы вольны издѣваться надъ ними и если вы въ состояніи это дѣлать, то оно даже хорошо; но не топчите ногами участія, принимаемаго мною въ вашемъ здоровьи; ради Бога говорите объ нихъ со мною безъ шутокъ и даже не позднѣе слѣдующаго раза, когда вы удостоите меня словечка о себѣ.

Увы! Я никакъ не въ состояніи заблуждаться до такой степени, чтобы ласкать себя надеждою увидѣть васъ передъ моею смертію въ вашей славѣ. Я не говорю о той, которой я былъ свидѣтелемъ: она не сознавалась таковою нашимъ сердцемъ; но я не могу иначе называть ваше настоящее положеніе. Чувствую, матушка, до какой степени вы созданы, чтобы цѣнить счастье мирной и свободной жизни въ уединеніи, во многихъ отношеніяхъ для васъ миломъ и гдѣ вы окружены, какъ вы говорите, вѣрными и вполне испытанными друзьями. И подлинно, какое сближеніе, какое довѣріе должно существовать между нами и этими друзьями—подругами вашего дѣтства, которыя во всѣхъ случаяхъ находили васъ одинаковою по отношенію къ нимъ; видѣли васъ сохраняющую

постоянно тѣже къ нимъ чувства, тоже обращеніе..... Но развѣ это не вполнѣ естественно, возразите вы мнѣ? О, конечно, ничего нѣтъ неестественнаго, повторить эхо не лѣсовъ, но Двора. Да, господа, согласенъ; но сознайтесь также, что *естественное* не синонимъ *обычнаго* и что подобныя вещи, хотя и естественны, но не встрѣчаются однако ежедневно!

И такъ вы полагаете, что мнѣ неизвѣстенъ вашъ чердачекъ? Спросите барышню Челищеву! Благодаря возрожденію ея страсти ко мнѣ, она вѣроятно вспомнитъ, что она меня туда водила однажды, потому что не знаю отчего, нельзя было подняться въ ваши антресоли по обыкновенной лѣстницѣ. Я былъ тамъ, я въ томъ увѣренъ; я очень хорошо помню, что для того, чтобы очутиться въ антресоляхъ, мнѣ пришлось спускаться; а откуда-же можно спускаться въ антресоли, если не съ чердака? Ахъ! Какъ-бы я желалъ тамъ очутиться! Хотя-бы вы вновь возымѣли умыселъ спеленать меня, даже при этомъ условіи. Я чувствую, что мое поэтическое настроеніе пробудилось-бы, только благодаря этой обстановкѣ; чердаки болѣею частью служатъ убѣжищемъ для поэтовъ: въ стихахъ или въ прозѣ, я чувствую, что я *поумнѣлъ бы*, увидя васъ, тогда какъ здѣсь съ нѣкотораго времени не перестаютъ упрекать меня въ угрюмости.

Пусть г-жа Челищева успокоится на счетъ моего свиданія съ Марьею Николаевною. Плѣнительные лучи ея прекрасныхъ глазъ не произвели впечатлѣнія на мое сердце, потому что я зналъ, что они здѣсь не останутся. Только моя страсть къ глазамъ г. Челищевой торжествуетъ надъ временемъ и, что еще замѣчательнѣе, надъ разлукою. Я убѣдительно прошу мѣстечка въ ея воспоминаніяхъ, а равно и въ памяти дѣвицы Львовой, Ростокъ и Зильберейзенъ.

Тысячу разъ благодарю васъ, матушка, за ваши подробности на счетъ земныхъ существъ, составляющихъ вашу

прислугу. Среди всего этого народа, одинъ только вновь поступившій Мурза будетъ мнѣ бесполезенъ передъ вами. Остальные будутъ вамъ говорить обо мнѣ всякій по своему: птичка-ряполовъ, нося мое имя; милый Жако, являясь клеветать въ вашей коробкѣ съ пудрою, будетъ напоминать вамъ, что онъ иногда покидалъ ее для временнаго пребыванія на маковкѣ моей головы.... Даже прелестныя кудри Тулуду не могутъ не вызывать въ васъ желанія, чтобы отдохнуть отъ восхищенія ими, вспомнить скромную простоту моихъ кудрей. Одинъ только Мурза! Предвижу однако возможность установить нѣкоторое соотношеніе между нимъ и мною. Ну-да! Пусть онъ замѣняетъ меня по отношенію къ порціи бисквитовъ и въ особенности большаго кренделя, который появляется сверхъ положенія за вашимъ завтракомъ и котораго остатками я постоянно пользовался, не смотря на мое нѣжное чувство къ Алексашѣ, лишенной ихъ по милости моей жадности. Кстати объ Алексашѣ: мнѣ кажется, что я знаю того придворнаго лакея, за котораго она вышла за мужъ. Я примѣтилъ одного изъ нихъ, въ присутствіи котораго эта коварная особа отвѣчала на мой поклонъ менѣе привѣтливо, чѣмъ обыкновенно; вѣроятно то былъ именно этотъ счастливый смертный.

4.

Съ береговъ Вороны, 30-го Іюля 1800 г.

Справедливо утверждаютъ, что наша жизнь есть странствіе! Это размышленіе, повидимому съ неба свалившееся, покажется вамъ совершенно естественнымъ съ моей стороны, когда вы узнаете, матушка Катерина Ивановна, что вотъ уже болѣе двухъ недѣль, какъ я покинулъ свое пепелище и странствую по горамъ и доламъ за 700 в. отъ моего дома.

И такъ я развѣзжаю уже пятнадцать дней, матушка, скучая тѣми незнакомыми лицами, которыхъ вижу и весьма пристыженный моимъ полнѣйшимъ невѣже-

ствомъ въ хозяйствѣ, которое служить однако-же единственнымъ поводомъ моего путешествія. Проѣзжая черезъ Тамбовъ, я имѣлъ удовольствіе встрѣтить тамъ г. Баратынскаго. Мы немного поговорили о васъ; результатомъ нашего разговора было сознаніе, что въ настоящую минуту вы счастливые, чѣмъ были когда либо, и затѣмъ я поздравилъ себя „*in pello*“ что и въ „*nei giorni tuoi felici*“ вы еще вспоминаете обо мнѣ.....

5.

31-го Іюля.

Прежде чѣмъ я оставилъ Москву (это было въ концѣ Мая) я поспѣшилъ навѣстить милѣйшую Анну Степановну, которая только что пріѣхала съ своею племянницею, недавно овдовѣвшею. При мнѣ навѣхали къ ней гости, чтобы посѣтить штатсъ-даму недавно прибывшую отъ Двора и вновь туда возвращающуюся. Что до меня касается, то я шелъ навѣстить особу, которая всегда радушно меня принимала и всегда оказывала мнѣ расположеніе: что я люблю помнить, потому что благодарность для меня удовольствіе. Я говорю это не изъ хвастовства; но вамъ болѣе всѣхъ другихъ надлежитъ это знать, матушка. Когда я сидѣлъ противъ нея, въ моей памяти воскресли многія минуты, когда я васъ видѣлъ вмѣстѣ и въ особенности одно утро въ Гатчинѣ, гдѣ я былъ третьимъ между вами и гдѣ вы порядкомъ издѣвались надо мною вдвоемъ. Не имѣя привычки видѣть Анну Степановну тамъ, гдѣ нѣтъ Двора, я впадалъ въ такое заблужденіе, что ежeminутно ожидалъ вашего появленія — „*Заблужденіе! Владыко міра!*“, которое на колесницѣ, влекомой мечтами и пр. и пр. Бѣда въ томъ, что эта колесница мчитъ слишкомъ быстро; но я стараюсь вознаграждать себя тѣмъ, что становлюсь елико возможно на ея пути.

Сельскія занятія меня не привлекаютъ. потому что, благодаря моему несчастію, здѣшняя мѣстность, одна изъ плодороднѣйшихъ въ Имперіи, не производитъ

почти ничего въ теченіи двухъ послѣднихъ лѣтъ, когда я сталъ заниматься хлѣбопашествомъ. Какъ разъ съ того времени дожди въ этой мѣстности прекратились. Это меня нѣсколько сердитъ, хотя и не очень огорчаетъ. Но видъ этой деревни смущаетъ меня совершенно по другой причинѣ. Когда мнѣ ее пожаловали, прошло только пять мѣсяцевъ со времени вступленія моего на службу. Очевидно, что этимъ знаніемъ благоволенія я не могъ быть обязанъ ни моей службѣ, ни тому, чего могли ожидать отъ меня въ будущемъ; еще менѣе моимъ внѣшнимъ достоинствамъ. Я очень хорошо понимаю, что я этимъ былъ обязанъ обстоятельствамъ того времени, мѣсту, мною занимаемому и тому, что, когда я занималъ его, не было причинъ поступать со мною иначе, чѣмъ съ другими. Несмотря на это, я ощущалъ за себя и за своихъ, которымъ предстояло этимъ пользоваться, чувство особенной благодарности, независимо отъ отношеній долга и права, существующихъ между повелителемъ и слугою. Вооруженный моимъ „*Credo*“, которое я уже вамъ высказывалъ, я надѣялся моимъ упорнымъ отреченіемъ отъ собственной свободы отличить себя отъ жадной и своекорыстной толпы, наводнявшей ту среду, въ которой я пребывалъ въ то время. Порядокъ вещей съ тѣхъ поръ измѣнился; и однако-же я продолжаю пользоваться благодѣніемъ, не смотря на то, что ничто не препятствуетъ причислить меня къ числу неблагодарныхъ. Эти мысли наводятъ на меня грусть, матушка. Но изъ этого не выводите еще заключенія, что я ощущаю малѣйшее желаніе вернуться къ моему служебному поприщу. Нѣтъ, клянусь вамъ! И если-бы даже я и вернулся къ нему противъ моей воли, то все мое время было-бы посвящено изысканію средствъ его покинуть безъ непріятностей. Эти мысли приходятъ ко мнѣ только во время моего пребыванія здѣсь, и я вамъ сообщаю ихъ по мѣрѣ того, что онѣ возникаютъ.

6.

Изъ Москвы.

Наконецъ я опять дышу! Какая разни-ца быть въ городѣ! Здѣсь не видишь той грубой природы, которая существуетъ въ деревнѣ. Здѣсь человекъ появляется во всемъ своемъ первобытномъ достоинствѣ: онъ какъ будто освобождается отъ того общаго закона, который со времени его паденія обрекаетъ его на работу. „Человѣкъ въ городѣ“, пожалуй-ста обратите на это вниманіе, „человѣкъ въ городѣ ничего не дѣлаетъ“. Нѣтъ-ли чего-то божественнаго въ этомъ образѣ существованія? Праздность мать всѣхъ добродѣтелей.... Но кажется я запутался. Къ тому-же мое краснорѣчіе на эту тему съ вами-бы пропало понапрасну; я это знаю, а потому будемъ кратки. Позвольте мнѣ, матушка, предпочесть городъ деревнѣ. Главная къ тому причина въ настоящую минуту та, что только здѣсь я могу найти случай доставить вамъ мое письмо.

7.

Москва, 15 Ноября 1800.

Не смотря на полнѣйшій недосугъ, не могу не сообщить вамъ о затрудненіи, въ которое я былъ поставленъ всемилостивѣйше дарованнымъ всѣмъ *исключеннымъ и удаленнымъ дозволеніемъ* явиться для поступленія вновь на службу. Мнѣ-бы хотѣлось немедленно воспользоваться этою милостью, чтобы заявить тѣмъ о моей благодарности за благодѣянія нѣкогда мнѣ оказанныя, которыя ни мало не считаю заслуженными; но жена моя, страдающая болѣе чѣмъ когда нибудь отъ хронической болѣзни, а равно разстройство моихъ дѣлъ и мѣры, принимаемая мною къ ихъ исправленію—требуютъ моего присутствія въ Москвѣ. Къ тому-же, каюсь вамъ, недоброжелательство окружающихъ меня устало. Я боялся, что мой прїездъ въ Петербургъ имъ не понравится и что мое усердіе будетъ истолковано въ дурную сторону. Всѣ эти причины убѣдили меня оставаться тамъ, гдѣ я нахожусь и не дѣлать никакихъ попытокъ. Хорошо-ли

я дѣлаю, или дурно? Не знаю; но я-бы желалъ быть въ состояніи дѣйствовать иначе.

8.

Москва, 7 Апрѣля 1801 г.

Возможно-ли мнѣ было рѣшиться безпокоить васъ, матушка Катерина Ивановна, въ первыя минуты смятенія, въ которое должно было повергнуть васъ событіе, столь-же внезапное, сколь неожиданное? Несомнѣнно, что вы болѣе всякаго другаго были имъ поражены и ваша преданность вдовствующей Императрицѣ, внушая вамъ живѣйшее сочувствіе къ ея скорби, должна была только усиливать ваше собственное горе. Не говоря уже обо мнѣ, осыпанномъ милостіями Ея Величества, здѣсь не найдется никого, кто-бы среди радости, возбуждаемой вступленіемъ на престолъ Государя, которому всѣ сердца давно уже преданы, не пролилъ нѣсколько слезъ при мысли о двойной скорби, ощущаемой этою августѣйшею, нѣжною супругою и матерью, лишенною однимъ ударомъ двухъ существъ, одинаково дорогихъ ея сердцу. Правда, что Провидѣніе готовитъ ей великое утѣшеніе въ любви народа къ ея Державному Сыну и въ благоденствіи подданныхъ, котораго этотъ благодушный Государь будетъ постояннымъ виновникомъ. Благость его, всѣми признанная, упрочиваетъ за нами неизмѣнность нашего благополучія, и соединенныя мольбы всей Имперіи ниспошлютъ благословеніе небесъ на его царствованіе и продлятъ его для блага человѣчества.

Я повергъ мои пожеланія къ подножію престола. Ея Императорское Величество благоволила явить доказательство своего высокаго ко мнѣ вниманія, удостоивъ меня письменнаго отвѣта. Это проявленіе милостиваго расположенія присоединяетъ къ долгу вѣрноподданнаго поводъ къ благодарности: чувство столь дорогое моему сердцу! Это-же чувство внушаетъ мнѣ благословлять постоянно память Монарха, при которомъ я находился въ теченіи двухъ лѣтъ и отъ котораго удостоенъ лично столькими ми-

лостями. Да будетъ ему дарованъ Все-
вышнюю Десницею на томъ свѣтѣ тотъ
покой, которымъ (осмѣлюсь-ли сказать)
не въ его природѣ было пользоваться
въ здѣшнемъ мірѣ!

9.

Москва, 20-го Мая 1801 г.

Ничто не можетъ быть пріятнѣе, утѣши-
тельнѣе, живительнѣе для сердца каждаго
вѣрноподаннаго какъ то единеніе, ко-
торое господствуетъ по словамъ вашимъ
въ царской семьѣ *). Подлинно, всеобщее
благосостояніе не можетъ покоиться на
болѣе прочномъ основаніи, и въ тоже вре-
мя это служитъ вѣрнѣйшимъ средствомъ
къ подавленію интригъ и къ смущенію
интригановъ. Враждебныя тучи, соби-
рающіяся вокругъ солнца, чтобы пере-
хватить или исказить его благотѣль-
ный свѣтъ, были-бы скоро разсѣяны,
сокрушены блескомъ этого свѣта, еслибы
нѣсколько соединенныхъ свѣтилъ едино-
душно содѣйствовали къ его распростра-
ненію. Да сохранится нашъ горизонтъ
неизмѣнно яснымъ и чистымъ и да не во-
царятся на немъ зловредныя метеоры!
Подъ обширнымъ сводомъ небесъ много
другихъ мѣстъ, гдѣ они могутъ блистать!

Вы уже вѣроятно извѣщены о кончи-
нѣ князя Репнина. Онъ уснулъ мирнымъ
сномъ; и если тихая смерть можетъ по-
читаться залогомъ блаженства, то спа-
сеніе его души несомнѣнно. Вѣрнѣйшимъ
ручательствомъ въ томъ служитъ его
благотворительность, которая была его
любимою добродѣтелью и которую онъ
проявлялъ когда только могъ. Скорбь
о его утратѣ, усталость отъ ежедневныхъ
поѣздокъ въ деревню, гдѣ находятся мои
кузины (его дочери), грустная обстановка
похоронной церемоніи, все это совсѣмъ
растроило мои нервы. Я похожу на ав-
томата, который сознаетъ свое существо-
ваніе, лишь для того, чтобы ощущать въ
тоже время его полнѣйшую бесполезность.

*) Намекъ на тѣ натянутыя отношенія, кото-
рыя въ первые мѣсяцы царствованія были меж-
ду новымъ государемъ и его матерью; а так-
же на устраненіе отъ Двора графа Палена. П. Б.

10.

Москва, 8 Декабря 1808 г.

Я не знавалъ своей матери. Одна изъ
ея сестеръ, нынѣ уже умершая, пріют-
ла меня въ своемъ сердцѣ и съумѣла
внушить мнѣ чувства, которыя съ тѣхъ
поръ ни одно постороннее лице не воз-
буждало во мнѣ въ такой степени, какъ
вы. Я невольно дѣлаю это сближеніе въ
минуту сильнѣйшаго волненія, которое
душа моя когда либо ощущала: въ ту
минуту, когда мы просватали нашу стар-
шую дочь, нашу милую, добрую Агра-
ѳену. Жена моя присоединяется ко мнѣ,
чтобы возвѣстить вамъ о томъ, потому
что она сознаетъ и цѣнитъ по достоин-
ству ваше доброе ко всѣмъ намъ распо-
ложеніе. Да, вы расположены къ намъ!
Вы будете творить молитвы о счастіи
нашей дочери, и ваше благословеніе бу-
детъ сопровождать ее въ ея новомъ по-
ложеніи! Благословенія существа добраго
и праведнаго всегда бываютъ услышаны
на небесахъ и всегда ими выполняются.

Наша Аграфѳена помолвлена за князя
Алексаандра Петровича Оболенскаго, дра-
гунскаго офицера, брата княгини Шер-
батовой, вамъ знакомой и мужъ которой
былъ генералъ-адъютантомъ покойнаго
Государя. Онъ молодой и красивый му-
щина, весьма кроткій и учтивый. Не
богаты, но принадлежатъ къ семейству,
гдѣ постоянное согласіе между многочис-
ленными его членами составляетъ ре-
зультатъ счастливаго нрава всѣмъ срод-
наго и строгаго соблюденія своихъ взаим-
ныхъ обязанностей, въ основаніи како-
выхъ лежитъ уваженіе къ отцу и мате-
ри, которые съ своей стороны любятъ
ихъ всѣхъ одинаково. Позвольте мнѣ
поручить вашему вниманію моего буду-
щаго зятя, покуда настанетъ счастливый
день, когда мнѣ можно будетъ лично вамъ
его представить.

II.

Москва, 30 Сентября 1809.

Въ Твери я вамъ повиновался: я мно-
го говорилъ; я даже старался быть за-

бавнымъ. Великій Князь можетъ сообщить вамъ многія о томъ свѣдѣнія. Великую Княгиню обожаютъ въ этомъ краѣ. Если-бы вы видѣли ее на балѣ, данномъ купечествомъ! Какъ она была хороша! Привлекательна! Внимательна! Между прочимъ она велѣла подвести къ себѣ для полонеза представителя купеческаго общества (голову). Онъ былъ съ бородою, одѣтъ порусски. Этотъ человекъ былъ въ восторгѣ отъ этой чести, которой его удостоили и никакъ не могъ рѣшиться держать Великую Княгиню за руку; такъ что танецъ заключался для нихъ въ томъ, что они нѣсколько разъ прошли по залѣ одинъ подлѣ другаго. И все что дѣлаетъ Великая Княгиня, она дѣлаетъ такъ, какъ будто все удовольствіе на ея сторонѣ! Я имѣлъ честь объѣдать каждый день за ея столомъ и даже по вечерамъ, кромѣ послѣдняго, когда мы были на балѣ; въ остальные дни я участвовалъ въ партіи бостона всѣхъ трехъ Императорскихъ Высочествъ.

12.

Тверь, 29 Декабря 1809.

Вчера я познакомился съ дѣвницею Бунной, съ которою я нахожусь съ нѣкотораго времени въ перепискѣ, никогда ее не видѣвши. Узнавъ, что я здѣсь, она извѣстила меня о своемъ проздѣ черезъ Тверь, и я навѣстилъ ее. Она чрезвычайно благодарна за милости къ ней Ея Императорскаго Величества и не нахвалится милымъ приѣмомъ, нами ей сдѣланнымъ. Снабженная письмами Ея Величества и графини Ливенъ къ Великой Княгинѣ, она ей представлялась; она говоритъ, что имѣла счастье видѣть ее только на нѣсколько секундъ и чувствуетъ себя оскорбленною получениемъ двухсотъ рублей за книжку, которую она поднесла герцогу Голштинскому. Я говорилъ съ нею не болѣе получаса. Она говоритъ ясно, съ большою связью въ своей рѣчи; но мнѣ кажется, что у нея слишкомъ пылая голова. Ей непріятно, говоритъ она, что могутъ подумать, что она поднесла эту книгу въ видахъ полученія

денежнаго подарка. По видимому, она находитъ великую разницу между приѣмомъ, сдѣланнымъ ей Ея Величествомъ и тѣмъ, котораго она ожидала здѣсь, будучи снабжена рекомендательными письмами.

ЗУБРИЛОВСКИЙ ПАНСИОНЪ.

Въ селѣ Зубриловкѣ (Саратовской губерніи Балашовскаго уѣзда) бывшимъ владѣльцемъ его княземъ Ѳеодоромъ Сергѣевичемъ Голицынымъ учреждено было много полезныхъ заведеній, полезныхъ не только для крестьянъ, но и для помѣщиковъ. Тамъ между прочимъ существовало закрытое учебное заведеніе, извѣстное подъ именемъ Зубриловскаго пансіона. Г. Леопольдовъ въ своемъ описаніи Саратовской губерніи говоритъ объ этомъ пансіонѣ, но вскользь; упоминаетъ впрочемъ, что въ пансіонѣ воспитывались дѣти дворянъ, что заведеніе учреждено княземъ Голицынымъ и вскоре послѣ его смерти закрыто.

Архивъ Саратовской гимназіи далъ намъ болѣе обстоятельныя свѣдѣнія объ этомъ пансіонѣ, хотя все таки недостаточно полныя.

Пансіонъ заведенъ въ 1821 г., слѣдовательно при попечителѣ Магницкомъ. Знакомится съ этимъ пансіономъ можно всего лучше изъ донесенія директора училищъ совѣту университета о положеніи, правилахъ пансіона, объ управленіи и наставникахъ его. Директоръ училищъ Саратовской губерніи говоритъ, что онъ лично осматривалъ пансіонъ и нашелъ его въ слѣдующемъ положеніи. Заведеніе занимаетъ два двухъ-этажные корпуса: въ одномъ изъ нихъ помѣщается 36 мальчиковъ, въ другомъ 46 дѣвочекъ. Дѣти обучаются закону Божію, исторіи, географіи, чистой математикѣ, языкамъ Россійскому, Нѣмецкому, Французскому, а также пѣнію, танцованію и музыкѣ, съ платой по 600 руб. съ каждой учащейся (навѣрно и съ мальчиковъ брали ту же плату, но въ дѣлѣ объ этомъ глухо говорится). Закону Божію обучаетъ мѣстный протоіерей, Россійскому

языку, географіи, исторіи и чистой математикѣ — обучавшійся въ коммерческомъ училищѣ нѣкто Поляковъ, Французскому языку — бывший учитель Пензенской гимназіи г. Андюсъ; бывший факторъ типографіи Казанскаго университета Бокельманъ — Нѣмецкому. Успѣхи учащихся оказались весьма хорошими, особенно въ законѣ Божіемъ. Женское отдѣленіе находилось подъ надзоромъ иностранки Греко-россійскаго исповѣданія, нѣкоей Мансардъ. При этомъ донесеніи директоръ училищъ Саратовской губерніи представилъ совѣту университета аттестаты и дипломы г. Андюса и Мансардъ; аттестатъ же Полякова хотѣлъ представить по полученіи его отъ князя Голицына.

Въ ту эпоху, какъ извѣстно, съ большими предосторожностями, чѣмъ прежде дозволяли иностранцамъ заниматься обученіемъ и воспитаніемъ. Кромѣ испытаній въ знаніи, отъ нихъ требовали автобіографій, обозначенія принадлежности къ извѣстной религіи и т. д. Поэтому совѣтъ университета потребовалъ этихъ документовъ отъ директора, предлагая, въ противномъ случаѣ, закрыть женскій пансіонъ. Представлены ли были всѣ эти документы и закрытъ ли былъ хотя на время этотъ пансіонъ, изъ дѣла не видно.

Въ 1823 году директоръ, въ бытность въ Зубриловкѣ у князя Голицына, долженъ былъ ревизовать пансіонъ „въ религіозно-нравственномъ и учебномъ отношеніяхъ“. Но ни самъ директоръ, ни совѣтъ университета не рѣшились — первый ревизовать, второй дозволить ревизію безъ позволенія кн. Голицына. Директоръ по этому поводу обращается къ князю съ письмомъ. Письмо это интересно по своему изложенію. Директоръ не прямо приступаетъ къ дѣлу, а предварительно проситъ князя о покровительствѣ; затѣмъ, разлившись въ подобающихъ случаю выраженіяхъ преданности и почтенія, проситъ предписать довѣренной особѣ, начальствующей надъ тѣмъ пансіономъ допустить его къ за-

вѣдыванію онымъ и удостоить увѣдомленіемъ, къ кому онъ можетъ относиться съ бумагами, до сего учебнаго заведенія касающимися, такъ какъ до полученія сего увѣдомленія онъ не смѣетъ приступить къ обрѣзкованію Зубриловскаго пансіона. Цѣлыхъ два года ждалъ директоръ этого увѣдомленія, но увѣдомленія не было. Директоръ доноситъ объ этомъ совѣту университета; но совѣтъ университета, не уполномочивая директора ревизовать пансіонъ, проситъ его только извѣстить въ случаѣ неполученія увѣдомленія.

Наконецъ, въ Октябрѣ 1825 года, попечитель округа Магницкій предписываетъ директору училищъ Саратовской губерніи по первому зимнему пути отправиться въ Зубриловку, собрать и представить въ округъ свѣдѣнія о Зубриловскомъ пансіонѣ, съ чьего разрѣшенія онъ открытъ, на какомъ положеніи и какъ обучаютъ въ немъ, что учителя, имѣютъ ли они право на обученіе, исполняютъ ли христіанскія обязанности.

Директоръ училищъ отправился въ Зубриловку, но училища уже не засталъ: князь Голицынъ умеръ, и съ смертію его пансіонъ былъ закрытъ.

Написано бывшимъ учителемъ Саратовской гимназіи, г. Арнольдowymъ и сообщено Д. А. Столыпнымъ при обязательномъ посредствѣ Авдія Ивановича Соколова.

ВСТРѢЧА НѢМЦА СЪ ПУШКИНЫМЪ.

(Изъ записокъ Нѣмецкаго путешественника).

Это было въ началѣ Іюля 1833 года, въ одну изъ тѣхъ очаровательныхъ ночей, какія только можно видѣть на дальнемъ Сѣверѣ. Не черная тьма ночи, но свѣтлое легкое покрывало опустилось надъ землею; освѣжительная прохлада наступила послѣ нестерпимаго дневнаго зноя, и на далекомъ горизонтѣ вечерняя заря соединялась съ утреннею. Въ такую пору я съ моимъ пріятелемъ гвард. офиц. барономъ Ст., Нѣмцемъ изъ Остзейскихъ провинцій, гулялъ по прекра-

снымъ зеленымъ островамъ, образуемымъ Невою на сѣверной сторонѣ Петербурга. Дворъ находился въ лѣтнемъ дворцѣ на Елагиномъ островѣ; во весь вечеръ хоры гвардейской музыки играли въ паркѣ окружающемъ дворецъ и привлекали весь Петербургскій модный свѣтъ на прекрасный островъ.

Уже прошла полночь, и число гуляющихъ значительно уменьшилось. Мы перешли чрезъ мостъ на Крестовскій островъ, — самый пріятный изъ всѣхъ острововъ по своимъ длиннымъ, тѣнистымъ аллеямъ и прекраснымъ темнозеленымъ рощамъ. Вокругъ царствовало молчаніе; только въ вершинахъ деревъ шумѣлъ легкій ночной вѣтерокъ, да зеркальная Нева катилась передъ нами къ близкому морю. На ея слегка струящейся поверхности пылалъ отражаясь поздній румянецъ заката.

Изъ отдаленной рестораціи на противоположномъ концѣ острова, почти исключительно посѣщаемой Нѣмцами, особенно поселившимися здѣсь богатыми Нѣмецкими ремесленниками, — къ намъ доносились веселые звуки и ликованье. Эти люди при помощи вина, пива, пунша и табаку старались перенестись въ Нѣмецкое отечество. Но мы были далеки отъ того, чтобъ ихъ громкое веселье могло помѣшать нашей меланхолической ночной прогулкѣ.

Въ недалекомъ разстояніи отъ насъ, то медленно, то ускоряя шаги, прогуливался средняго роста, стройный чловѣкъ. Походка его была небрежна; иногда онъ поднималъ правую руку высоко вверхъ, какъ пламенный декламаторъ. Казалось, что незнакомецъ разговаривалъ самъ съ собою. Порою слова его переходили въ тихое пѣніе какой-то изъ трогательныхъ народныхъ пѣсень, которыя особенно въ тишинѣ ночи производятъ невообразимое впечатлѣніе на душу слушателя. „Кто бы это могъ быть? спросилъ я идущаго подлѣ меня друга. „Если я не ошибаюсь, отвѣчалъ онъ, то это....“ — „Въ это мгновеніе незнакомецъ остановился, оборотился къ рѣкѣ и съ

сложенными на груди руками прислонился къ дереву; тогда мы могли разглядѣть до того времени скрытыя отъ насъ черты лица чловѣка 34 или 35 лѣтъ. То не была одна изъ тѣхъ физиономій, какія обыкновенно Нѣмцы называютъ въ насмѣшку „Русскими“, воображая при томъ маленькіе узкіе глаза, большой ротъ, широкій плоскій носъ и выдающіяся скулы, что впрочемъ вообще несправедливо: мужчины въ Россіи, особенно высшихъ сословій, побольшей части прекрасны, какъ головою, такъ и станомъ. Конечно есть исключенія, есть физиономіи съ Монгольскимъ животнымъ выраженіемъ, типы скотства и собачьей жажды крови; но вообще Русскія физиономіи образованныхъ сословій представляютъ пріятное сліяніе типовъ Итальянскаго съ Греческимъ. Такимъ мнѣ показалось лицо стоявшаго передъ нами незнакомца. Темные нѣсколько углубленные глаза, на небольшомъ блѣдномъ лицѣ; прекрасный ротъ полный бѣлыхъ зубовъ. Только носъ казался нѣсколько широкимъ. У него были черные курчавые волосы, прекрасныя брови и полныя бакенбарды. Одѣтъ онъ былъ по послѣдней модѣ, но замѣтна была какая-то небрежность, съ которою мы обыкновенно соединяемъ въ своихъ мысляхъ понятіе объ одѣждѣ гениальнаго чловѣка.

Между тѣмъ и незнакомецъ насъ замѣтилъ. Мой спутникъ подошелъ къ нему и, протягивая къ нему руку, привѣтствовалъ его словами: здравствуйте Пушкинъ!

Теперь я зналъ, что передъ нами стоитъ знаменитѣйшій Русскій поэтъ.

Пріятель мой, уже знакомый съ Пушкинымъ, представилъ насъ другъ другу, и мы обмѣнялись немногими словами обыкновенной свѣтской вѣжливости. Поэтъ и мой спутникъ, восторженный поклонникъ поэзіи, начали между собой оживленный разговоръ пофранцузски. Тоска и разорванность со свѣтомъ были замѣтны въ рѣчахъ Пушкина и не казались мнѣ пустымъ, поверхностнымъ представленіемъ, которое такъ часто про-

глядываетъ въ словахъ поэтовъ, жадно наслаждающихся жизнью. Такъ нѣкогда наслаждался и Пушкинъ, и наслажденія его ослабили, что доказываетъ дѣловое его молчаніе въ послѣдніе годы жизни.

„Я не могу болѣе работать“, отвѣчалъ онъ на вопросъ: не увидимъ ли мы вскорѣ какое нибудь новое его произведение? „Здѣсь бы я хотѣлъ построить себѣ хижину и сдѣлаться отшельникомъ“, прибавилъ онъ съ улыбкою.

„Еслибы въ Невѣ были прекрасныя русалки, отвѣчалъ мой спутникъ, намекая на прекрасное юношеское стихотвореніе Пушкина „Русалка“ и приводя изъ него слова которыми она манитъ отшельника:

„Монахъ! Монахъ! Ко мнѣ! Ко мнѣ!“
— „Какъ это глупо! проворчалъ поэтъ: „никого не любить кромѣ самаго себя“.

„Вы имѣете достойную любви, прекрасную жену.“ Сказалъ ему мой товарищъ. Насмѣшливое протяжное „Да!“ было отвѣтомъ.

Потомъ онъ сталъ говорить о красивой лошади, купленной моимъ другомъ и прибавилъ: „Завтра послѣ обѣда я заѣду къ вамъ—мнѣ надобно посмотрѣть вашего коня.“

Я сказалъ пару словъ, выражая мое восхищеніе прекрасною, теплою сѣвѣрою ночью. „Она очень пріятна послѣ сегодняшней страшной жары,“ небрежно и прозаически отвѣчалъ мнѣ поэтъ. Я начиналъ разочаровываться въ томъ, кѣмъ прежде, чѣмъ я узналъ его лично, я такъ восхищался въ пламенныхъ его стихахъ; все болѣе и болѣе исчезало въ моихъ глазахъ сіяніе, которое дотогдѣ окружало для меня голову Пушкина.

Товарищъ мой, самъ смѣшавшійся, старался навести поэта на болѣе серьезный разговоръ; но онъ постоянно отъ того отклонялся ¹⁾.

¹⁾ Пушкинъ, какъ видно, былъ въ такомъ настроеніи духа, что желалъ поскорѣе отдѣлаться отъ своихъ докучливыхъ собесѣдниковъ, чего не скрываетъ и самъ рассказчикъ.

Тамъ вечерняя заря—малое пространство ночи, а тамъ уже заря утренняя, сказалъ задумчиво другъ мой, указывая на горизонтъ, склонившійся къ близкому морю. „Смерть, мракъ гроба и пробужденіе къ прекраснѣйшему дню!“

Пушкинъ улыбнулся. „Оставьте это, мой милый, сказалъ онъ. Когда мнѣ было 22 года, зналъ и я такія возвышенныя мгновенія. Но въ нихъ ничего нѣтъ дѣйствительнаго. Утренняя заря! Пробужденіе! Мечты, только однѣ мечты!“

Признаюсь, эти слова какъ ножомъ пронзили мнѣ душу. Въ это время плыла внизъ по Невѣ лодка съ большимъ обществомъ. Бывшіе на ней пѣвцы только что окончили народную мелодію. Пушкинъ внимательно слушалъ послѣдніе ея звуки, и нога его невольно двигалась какъ въ Русской народной пляскѣ. Раздалось нѣсколько аккордовъ гитары, и мягкій мужской голосъ запѣлъ прекрасную пѣсню Пушкина „Черная шаль.“ Если я не ошибаюсь, эта пѣсня была положена на музыку славнымъ композиторомъ Глинкою,—такъ что музыка соотвѣтствовала ея содержанію. Лишь только окончилась первая строфа, какъ Пушкинъ, лицо котораго мнѣ показалось гораздо блѣднѣе обыкновеннаго, проговорилъ про себя: „Съ тѣхъ поръ я не знаю спокойныхъ ночей!“ и, сказавъ намъ короткое: *Bonsoir, messieurs!*, исчезъ въ зеленой темнотѣ лѣса. Когда звуки пѣсни замолкли, и мы тоже отправились въ городъ.

„Зачѣмъ Пушкинъ такъ скоро насъ оставилъ?“ „Пушкина гонитъ его злой духъ“, отвѣчалъ мнѣ другъ мой. Чтобы лучше понять эти слова, здѣсь надобно привести стихотвореніе Пушкина Черная шаль. 32 года тому назадъ мы перевели его на Нѣмецкій языкъ, когда Боденштедтъ не выступалъ еще передъ публикою съ своими переводами Пушкина. Молва говорила, что это поэтическое произведеніе было печальною истинною изъ жизни поэта, и что темное дѣло совершилось за много лѣтъ передъ тѣмъ, въ пребываніе Пушкина на Югѣ. Правду ли говорила молва? Мы желаемъ-

чтобъ это было ложью ²⁾. Пушкинъ горячо любилъ свое отечество; онъ доказалъ это пламеннымъ и вдохновеннымъ стихотвореніемъ Клеветникамъ Россіи, написаннымъ въ 1831 году по поводу Польской революціи. Еслибы Пушкинъ родился Французомъ, онъ вѣрно бы игралъ значительную роль въ республиканскомъ мірѣ. Въ первыхъ его стихотвореніяхъ по выходѣ изъ Лицея дышетъ необузданная любовь къ свободѣ. Когда его стихи сдѣлались извѣстными кроткому императору Александру, Пушкинъ сталъ еще смѣлѣе и шелъ все далѣе и далѣе, такъ что государь, чтобы спасти его отъ дурныхъ послѣдствій, сослалъ его сначала въ Бессарабію, а потомъ на Кавказъ. Начальники молодого поэта покровительствовали ему, цѣня его пресвосходный талантъ и оказывали ему всевозможное снисхожденіе, имѣя на то особенное повелѣніе достойнаго любви императора; но они принуждены были наконецъ довести до его свѣдѣнія, что Пушкинъ своими безумными политическими мнѣніями заражаетъ другихъ молодыхъ людей, его окружающихъ. Пушкинъ былъ посланъ въ свое имѣніе, въ отдаленную провинцію, какъ въ нѣкоторый родъ изгнанія, гдѣ онъ оставался до восшествія на престолъ императора Николая. Пушкинъ явился въ Москвѣ во время коронаціи новаго императора, и съ того времени, казалось, поэтъ оставилъ преслѣдуемое съ такимъ упорствомъ политическое направленіе и перешелъ къ болѣе умѣреннымъ воззрѣніямъ. Извѣстно, что императоръ Николай въ Москвѣ долго бесѣдовалъ съ нимъ, и строгая важность монарха успокоительно подѣйствовала на взволнованный духъ Пушкина.

²⁾ Смѣшно было бы оправдывать Пушкина: обвиненіе скорѣе можетъ служить къ его славу. Живое, поэтическое изображеніе побуждаетъ толпу вѣрить, что событіе, представленное съ такою истинною, могло существовать не въ одномъ воображеніи поэта, но дѣйствительно съ нимъ случилось. Эту славу нашъ Пушкинъ раздѣлялъ съ Байрономъ, которому тоже приписывали дѣянія Манфреда и Гяура.

Въ свитѣ князя Паскевича Пушкинъ потомъ находился во время похода въ Малую Азію.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина вездѣ ярко пылаетъ огонь чувства; онъ мало заботится о формѣ и вездѣ легко переступаетъ ее, гдѣ она служитъ ему препятствіемъ. Онъ рассказываетъ живо и всегда умѣетъ поддержать любопытство; онъ болѣе заставляетъ угадывать, чѣмъ занимается изложеніемъ подробностей. При всемъ томъ его рассказы такъ понятны, что невольно увлекаешься ими. Въ своихъ поэтическихъ созданіяхъ онъ не любитъ показывать отдѣльныя части постройки; онъ не раскрашиваетъ ихъ густо наложенными красками, но овѣваетъ ихъ легкимъ облакомъ, такъ что онѣ кажутся настоящими поэтическими воздушными замками. Онъ мало заботится о томъ, что это легкое прозрачное облако можетъ показаться пустымъ туманомъ для лѣниваго и тупаго глаза. Онъ думаетъ: кто можетъ, тотъ пойметъ меня; не мое дѣло, чтобы близорукій уткнулся носомъ въ мои изображенія.

Мы считаемъ лучшими изъ его большихъ произведеній: Русланъ и Людмила, Борисъ Годуновъ, Кавказ. Плѣн., Бакчис. Фонт. Мѣсто дѣйствія первой, дворъ Владимира и его рыцарской дружины; два послѣднихъ произведенія возникли во время пребыванія поэта на Кавказѣ и въ Тавридѣ.

Мѣстный колоритъ вездѣ сохраненъ съ величайшею свѣжестью и живостью, особенно въ двухъ послѣднихъ произведеніяхъ.

Небо Востока пылаетъ въ чувствахъ и слогѣ поэта. Пушкинъ былъ ревностный изыскатель сказокъ—этихъ богатыхъ поэтическихъ мнѣвъ, изъ которыхъ онъ создавалъ свои творенія. Языкъ свой онъ образовалъ по лучшимъ образцамъ Нѣмцевъ ³⁾ и старался нахо-

³⁾ Пушкинъ, кажется, не зналъ хорошо Нѣмецкаго языка и не могъ образовывать свой слогъ по Нѣмецкимъ образцамъ. Кромѣ свое-

дить новыя выраженія и обороты, какъ дѣлалъ это передъ нимъ Ломоносовъ. Онъ думалъ, что Русскій языкъ не слѣдуетъ подвергать Китайской неподвижности. „Развѣ челоуѣческія лица“, говорилъ онъ, хотя онѣ состоятъ изъ одинаковыхъ частей, поэтому всѣ отлиты въ одну общую физиономію? А выраженіе не есть ли физиономія рѣчи?“ Какъ много были достоинствъ любви Пушкинъ-поэтъ, столь же мало и бы могъ любить его какъ челоуѣка.

Что касается религіи, имѣлъ ли онъ хоть какую нибудь въ сердцѣ? Всѣ знавшіе его сомнѣвались въ томъ, и я также, послѣ немногихъ, но рѣшительныхъ словъ его, услышанныхъ мною. ⁴⁾

У него было много знакомыхъ; онъ былъ знаменитый поэтъ, къ нему охотно тѣснилась толпа, чтобы на нее упалъ отблескъ его славы; но едвали онъ имѣлъ друга, потому что Пушкинъ не могъ и не хотѣлъ быть кому нибудь другомъ.

Онъ былъ чувствителенъ ко всякой хулѣ и всегда мстилъ за нее самымъ рѣзкимъ образомъ, какъ видно изъ эпиграмы *Ex Ungue Leonem*, которую онъ наказалъ рецензента, осмѣлившагося слегка побранить его стихотвореніе: „Однажды я стихами какъ-то свистнулъ“.

Эти бранныя слова напоминаютъ намъ въ эту минуту, когда мы ихъ переписываемъ,

образной сцены изъ Фауста и раза два упомянутыхъ именъ Шиллера и Гёте ничто въ его сочиненіяхъ не намекаетъ на знакомство съ Нѣмецкой литературой; прозаическій же слогъ Пушкина, по своей легкости, совершенно противоположенъ столь несвойственнымъ нашему языку тяжелымъ Нѣмецкимъ періодамъ.

⁴⁾ Въ молодости своей, воспитанный подъ вліяніемъ Французскихъ идей XVIII вѣка, Пушкинъ легко смотрѣлъ на религію, но въ зрѣлыхъ лѣтахъ мысль его и поэзія, можно сказать, принимали постепенно религіозное направленіе. Довольно будетъ указать на его отвѣтъ митрополиту Филарету: Въ часы забавъ и празднои скуки, Молящу: Отцы пустынники и жены непорочны, Отрывокъ: Подражаніе Пуританину Буньяну: Однажды странствуя среди долины дикой и друг. Известно, что Пушкинъ умеръ искреннимъ христианиномъ, на смертномъ одрѣ простилъ враговъ своихъ.

сываемъ, грубыя ругательства: животное, осель и проч., которыми теперь честятъ другъ друга противники въ Прусской палатѣ.

Въ любви Пушкинъ былъ весьма непостояненъ и, несмотря на то, безпрестанно мучился жестокою ревностью. Она была причиною его смерти.

Мы узнали, что дуэль его происходила, какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, на Крестовскомъ островѣ, гдѣ я лично познакомился съ Пушкинымъ.

Вскорѣ послѣ моей случайной встрѣчи съ поэтомъ я оставилъ Петербургъ и болѣе его не видѣлъ.

(Ein Russischer Dichter. Petersburger Erinnerung aus dem Jahre 1833, von Fr Tietz. Familien-Journal 1865. № 606).

РОДОСЛОВНАЯ ДЕМИДОВЫХЪ.

Выраженная въ Русскомъ Архивѣ (1871, 1535) мысль о необходимости новыхъ трудовъ по генеалогіи Русскихъ людей встрѣтила превосходное осуществленіе въ „Русской Родословной книгѣ“, изданной въ нынѣшнемъ году въ Петербургѣ Русскою Стариною. Незвѣстный составитель названной книги, съ точностью и полнымъ знаніемъ приемовъ этой утомительной работы, изложилъ сто шестьдесятъ два родословія болшею частію такихъ семей, которыя опущены въ извѣстныхъ четырехъ книгахъ покойнаго князя П. В. Долгорукова. Разумѣется, что вполне отчетливое веденіе подобныхъ розысканій почти невозможно, за скудостью данныхъ, а часто и по причинѣ невѣрныхъ показаній. Мы увѣрены, что у генеалога нашего, уже по обнародованіи почтеннѣйшаго труда его, накопилось много поправокъ и дополненій. Такъ родословіе Демидовыхъ перепечатано имъ и добавлено 30-ю лицами; но оказалось, что и этотъ перечень не полонъ. Представитель старшей вѣтви Демидовскаго поколѣннаго дерева, г. товарищъ прокурора

Московского Окружнаго Суда, Платонъ Александровичъ Демидовъ, доставилъ намъ новую, умноженную еще 15-ю лицами и исправленную роспись, которая и помѣщается здѣсь въ видѣ предисловія къ бумагамъ и письмамъ достопамятнаго представителя Демидовскаго рода, Прокофія Акинеіевича Демидова. Изъ этихъ бумагъ письма къ сыновьямъ, къ генералу Михельсону и сочиненіе о пчелахъ получены также отъ Платона Александровича Демидова. II. Б.

КОЛѢНО I.

1. Демидъ Григорьевичъ Антуфьевъ, кузнецъ города Тулы, уроженецъ Тульской губерніи, деревни Павшиной, въ 20 верстахъ отъ города Тулы. 1.

КОЛѢНО II.

2. Никита Демидовичъ, родился 26 Марта 1656 года, скончался 17 Ноября 1725 года; кузнецъ, мастеръ оружейнаго дѣла, основатель оружейнаго завода въ городѣ Тулѣ и горнозаводскаго дѣла на Уралѣ. Петръ Великій, грамотою 11 Февраля 1709-го года, пожаловалъ его въ комиссары, грамотою 21 Сентября 1720 года возвелъ лично въ дворянское достоинство подъ фамилію „Демидова“ и въ 1722 г. далъ ему свой портретъ. — Былъ женатъ на Евдокіи Ѳедотовнѣ (сконч. въ 1730 году). Погребенъ въ г. Тулѣ, въ Христорождественской (называемой Демидовскою) церкви, въ палатѣхъ подъ папертью. 1.

3. Семенъ Демидовичъ Антуфьевъ 1.

4. Григорій Демидовичъ Антуфьевъ 1.

КОЛѢНО III.

5. Акинеій Никитичъ, родился въ г. Тулѣ въ 1678 году, скончался 5 Августа 1745 года на пути въ Сибирь, на рѣкѣ Камѣ, близъ села называемаго „Ицкое Устье“; погребенъ въ г. Тулѣ. Дѣйствит. статскій совѣтникъ. Былъ женатъ: 1) на Евдокіи Тарасевнѣ Коробковой и 2) на Еюиміи Ивановнѣ Пальцовой (отъ перваго брака имѣлъ 2 сыновей, отъ втораго брака — 1 сына и 1 дочь). Императрица Екатерина I, грамотою 24 Марта 1726 года, подтвердивъ дворянство, данное Никитѣ Демидовичу, возвела Акинеія Никитича, съ братьями его Григоріемъ и Никитою и со всѣмъ нисходящимъ отъ нихъ потомствомъ въ „потомственное дворянское достоинство, по Нижнему Новгороду“ съ привилегіей: „ихъ (Акинеія, Григорія и Никиту) и дѣтей ихъ и потомковъ, противъ другихъ дворянъ, ни въ какія службы не выбирать и не употреблять.“ *) Гра-

*) Во исполненіе мысли Петра Великаго, чтобы служба дворянская не мѣшала Демидовымъ заниматься горнозаводскимъ дѣломъ. Первые Демидовы тѣмъ и отличались отъ другихъ простыхъ людей, замѣченныхъ прозорливостію и сердцеядвѣніемъ великаго государя, открывавшаго имъ широкую дѣятельность, что они не стремились въ знатъ и, самымъ занятіемъ своимъ привязанные къ родной землѣ, продолжали трудиться надъ своимъ дѣломъ, умножая и усовершенствуя его.

мотою этою пожалованъ и гербъ Демидовымъ: „Щитъ горизонтально на полозѣнѣ раздѣленъ. Верхняя часть: въ полѣ серебряномъ три лозы рудискательныя зеленыя, во знакъ ихъ любопытства въ пріисканіи металловъ. Нижняя часть: въ полѣ черномъ молотъ серебряный, во знакъ произведенія ихъ трудомъ и коштомъ мѣдныхъ и желѣзныхъ заводовъ. Посрединѣ чрезъ весь щитъ полоса золотная, во знакъ ихъ дворянскаго достоинства; надъ щитомъ шишакъ желѣзнаго вида, отъ верху его и по обѣимъ сторонамъ щита украшенъ лаврами.“ 2.

6. Григорій Никитичъ . . . 2.
7. Никита Никитичъ . . . 2.

КОЛѢНО IV.

8. Прокофій Акинѣевичъ, родился въ Сибири 8 Іюля 1710 года, скончался въ Москвѣ 4 Ноября 1786 года. Дѣйствительный статск. совѣтникъ. Былъ женатъ: 1) на Матренѣ Антиповнѣ Пастуховой (сконч. 1764 г.) и 2) на Татьянѣ Васильевнѣ Семеновой (родил. 1746 г., сконч. 18 Іюля 1800 г.). Отъ перваго брака имѣлъ 3 сыновей, отъ втораго брака 4 дочерей. — Извѣстный чудакъ и шутникъ своего времени. — Не-

Это были своеобразные, умные Русскіе люди, нѣкоторые въ третьемъ поколѣніи уже Сибиряки, крѣпкіе волею, готовые принять все лучшее изъ чужихъ краевъ, но въ тоже время упорно державшіеся коренныхъ основъ Русскаго быта. И. Б.

довольный своими сыновьями, онъ продалъ за недорогую цѣну 4 завода свои (Невьянскій, Шуралинскій, Быньговскій и Верхнетагильскій) Саввѣ Яковлеву. 5.

9. Григорій Акинѣевичъ, родился 14 Ноября 1715 г., скончался 13 Ноября 1761 года. Былъ женатъ на Анастасіи Павловнѣ Сурмищевой (р. 16 Декабря, 1713 г., сконч. 3 Декабря 1753 г.) 5.
10. Никита Акинѣевичъ, статскій совѣтникъ, родился 8 Сентября 1724 года на берегу рѣки Чусовой, во время пути Акинѣя Никитича и Еeimіи Ивановны изъ Тулы въ Сибирь; скончался въ 1781 году. Былъ женатъ: 1) на Натальѣ Яковлевнѣ Евреиновой (сконч. 11 Августа 1756 г); 2) на Марьѣ Сверчковой и 3) на Александрѣ Евтихѣевнѣ Сафоновой. 5.
Еeimія Акинѣевна, была замужемъ за сыномъ строителя Вышневолоцкихъ шлязовъ, Иваномъ Михайловичемъ Сердюковымъ . . . 5.
11. Иванъ Григорьевичъ, казненъ (убитъ) Бирономъ . 6.
12. Василій Никитичъ . . . 7.
13. Евдокимъ Никитичъ, скончался 29 Января 1782 года. Былъ женатъ на Аннѣ Ѳедоровнѣ 7.
14. Иванъ Никитичъ 7.
15. Никита Никитичъ 7.
16. Алексій Никитичъ 7.

КОЛѢНО V.

17. Акакій Прокофьевичъ . . . 8.
18. Левъ Прокофьевичъ . . . 8.

- 19.** Аммосъ Прокофьевичъ . . . **8.**
 Анна Прокофьевна была за мужемъ за Даниломъ Ивановичемъ Земскимъ; скончалась въ Зачатьевскомъ монастырѣ въ Москвѣ. . . **8.**
 Анастасія Прокофьевна 1-я, за Сергѣемъ Кириловичемъ Станиславскимъ . . . **8.**
 Анастасья Прокофьевна 2-я за Маркою Ивановичемъ Хозиковымъ. . . **8.**
 N N Прокофьевна за Щепочкинымъ. . . **8.**
- 20.** Александръ Григорьевичъ, скончался въ 1803 г. . . **9.**
- 21.** Павелъ Григорьевичъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ, родился 29 Декабря 1738 г., скончался 1-го Юля 1821 года, кавалеръ ордена Св. Владимира 1-й степени, основатель Ярославскаго Демидовскаго Лицея . . . **9.**
- 22.** Петръ Григорьевичъ. . . **9.**
 Пульхерія Григорьевна, родил. 1741 г., скончалась 3 Апрѣля 1784 г., была замужемъ за Алексѣемъ Филиповичемъ Кокориновымъ, директоромъ Академіи Художествъ. . . **9.**
 N. N. Григорьевна, за мужемъ за Григорьемъ Никитичемъ Даниловымъ, Тульскимъ помѣщикомъ. . . **9.**
 Екатерина Никитична, родил. 26 Сентября 1772 г., была за мужемъ за извѣстнымъ шутникомъ Сергѣемъ Лаврентьевичемъ Львовымъ (род. 1740 г., сконч. 7 Апр. 1812 г.) . . . **10.**
- 23.** Николай Никитичъ, родился 9 Ноября 1773 года, скончался во Флоренціи 22 Апрѣля 1828 года. Тайный совѣтникъ. Былъ женатъ на баронессѣ Елизаветѣ Александровнѣ Строгановой (сконч. 1818 г.) **10.**
 Марья Никитична, родилась 1774 года; была замужемъ за оберъ-гофмейстеромъ Дмитріемъ Николаевичемъ Дурново . . . **10.**
- 24.** Василій Евдокимовичъ. . . **13.**
25. Иванъ Евдокимовичъ . . . **13.**
26. Петръ Евдокимовичъ . . . **13.**
27. Степанъ Евдокимовичъ. . . **13.**
28. Григорій Евдокимовичъ . . . **13.**
29. Аммосъ Евдокимовичъ. . . **13.**
 Анастасія Евдокимовна, родилась въ г. Тульѣ 26 Октября 1754 г., скончалась 24 Августа 1772 года; дѣвица . . . **13.**
- 30.** Иванъ Ивановичъ . . . **14.**
31. Петръ Ивановичъ. . . **14.**
- КОЛѢНО VI.**
- 32.** Дмитрій Акакіевичъ . . . **17.**
 Анна Акакіевна за Петромъ Астафьевичемъ Рейхенбергомъ. . . **17.**
 Марья Акакіевна за Павломъ Александровичемъ Рүкинымъ. . . **17.**
- 33.** Александръ Акакіевичъ. **17.**
 Татьяна Акакіевна за Львомъ Ивановичемъ Чирковымъ . . . **17.**
 Наталья Акакіевна, дѣвица. . . **17.**
- 34.** Александръ Львовичъ . . . **18.**
35. Никита Львовичъ. . . **18.**
36. Василій Львовичъ, род. въ Юльѣ 1769 г., сконч. 13

Августа 1861 г. Былъ женатъ на Неонилѣ Ивановнѣ Ивановой; флота капитанъ-лейтенантъ; въ 1788 г., подъ командой адмирала Самуила Карловича Грейга, былъ въ кампаніи противъ Шведовъ, на фрегатѣ Мстиславецъ, на которомъ принималъ участіе въ сраженіи 6 Іюня у острова Гогланда. Въ 1789 г. перешелъ въ Черноморскій флотъ подъ команду генералъ - адъютанта Д. Н. Сенявина и находился на кораблѣ Іосифъ Второй. Въ 1791 г., подъ командой контръ-адмирала Федора Федоровича Ушакова, на кораблѣ Навархія, Вознесеніе Господне, 31 Іюля, былъ въ сраженіи съ Турецкимъ флотомъ. Въ 1795 году, будучи, вызванъ отцомъ своимъ, вышелъ въ отставку и уѣхалъ въ Нижегородскую губернію въ Васильскій уѣздъ, въ с. Быковку, гдѣ и жилъ до самой своей смерти, посвятивъ себя общественнымъ дѣламъ уѣзда и сельскому хозяйству, которое довелъ до возможнаго въ его время совершенства. Особенное его вниманіе было обращено на улучшеніе крестьянскаго быта; онъ задолго предвидѣлъ освобожденіе крестьянъ и, владѣя слишкомъ 1000 душами, оставилъ особый капиталъ, которымъ крестьяне, еще при жизни его, выкупили свой надѣлъ;

запасные хлѣбные магазины, отправленіе рекрутской повинности, пожарная часть были доведены до совершенства. Память о немъ какъ о благодѣтелѣ до сихъ поръ живетъ въ крестьянахъ его имѣній 18.

37. Платонъ Львовичъ, морякъ, въ 1802 году утонулъ въ Невѣ, въ С. Петербургѣ, катаясь на шлюпкѣ. . . . 18.
38. Петръ Львовичъ. . . . 18.
39. Давръ Львовичъ 18.
Елизавета Львовна за Василиемъ Семеновичемъ Свѣшниковымъ. . . . 18.
Графира Львовна, дѣвица. 18.
Екатерина Львовна за Николаемъ Леонтьевичемъ Другорть. . . . 18.
Прасковья Львовна за Даниломъ Григорьевичемъ Волчковымъ. . . . 18.
Надежда Львовна за Петромъ Петровичемъ Смирновымъ 18.
40. Петръ Аммосовичъ. Первая супруга Екатерина Алексѣевна Чичерина; вторая Надежда Семеновна Скрипицина. . . . 19.
41. Евграфъ Аммосовичъ, ж. на Аннѣ Алексѣевнѣ Киреевской *). . . . 19.
Анна Аммосовна за Ростиславомъ Ивановичемъ Демидовымъ (по прозванью Калмыкомъ⁴, который не изъ этого рода Демидовыхъ). . . . 19.
Наталья Аммосовна, за княземъ Мещерскимъ. . . 19.
Елисавета Аммосовна (ум.

*) Родной теткѣ А. С. Хомякова. П. Б.

- въ 1827 г.) за гв. прапорщикомъ Иваномъ Герасимовичемъ Хитровымъ (ум. 14 Декабря 1845 г.) . **19.**
- 42.** Григорій Александровичъ, гофмейстеръ, р. 10 Апр. 1765 г., ум. 19 Янв. 1827 г. Ж. на кн. Екатеринѣ Петровнѣ Лопухиной (р. 11 Апр. 1785 г., ум. 21 Июля 1830 г.) **20.**
- 43.** Петръ Александровичъ, кол. совѣтникъ **20.**
Софья Александровна (ум. въ Декабрѣ 1831 года) за оберъ-егермейстеромъ графомъ Петромъ Гавриловичемъ Головкинымъ (ум. 3 Декабря 1821 г.) **20.**
- 44.** Акиной Петровичъ **22.**
- 45.** Алексѣй Петровичъ, полковникъ, ум. 1854 г. Ж. на Марья Денисовнѣ Мельниковой. **22.**
Александра Петровна за генерал. барономъ Егоромъ Карлович. Арнгофеномъ . **22.**
Екатерина Петровна за Николаемъ Александр. Васильчиковымъ. **22.**
Елизавета Петровна. **22.**
- 46.** Павелъ Николаевичъ, егермейстеръ. Род. 6 Авг. 1798 г., сконч. 21 Марта 1840 г. Жен. на Аврорѣ Карловнѣ Шерваль, во 2-мъ бракѣ за Андреемъ Николаев. Карамзинымъ (родил. 1814 г., убитъ въ Валахіи 1854 г.) **23.**
- 47.** Анатолій Николаевичъ; д. с. с. Род. во Флоренціи въ 1812 г. сконч. въ Парижѣ въ 1869 г., бездѣтный. Ж. съ 21 Окт. 1841 г. на графинѣ Матильдѣ де-Монфоръ (р. 27 Мая 1820 г., дочь принца Жерома Банапарта, бывшего короля Вестфальскаго) **23.**
- 48.** Никита Васильевичъ. Ж. N. N. **24.**
- 49.** Михаилъ Васильевичъ, ум. бездѣтнымъ **24.**
- 50.** Сергѣй Васильевичъ, поручикъ, ум. 1824 г., бездѣт. **24.**
- 51.** Дмитрій Петровичъ. **26.**
- 52.** Владиміръ Петровичъ. **26.**
- 53.** Николай Петровичъ, д. с. с., ж. на Вѣрѣ Егоровнѣ Паниной. **26.**
- 54.** Петръ Петровичъ, ж. на N. N. Васильчиковой. . . **26.**
Минодора Петровна за Бѣдняковымъ. **26.**
- 55.** Петръ Григорьевичъ, ум. бездѣтнымъ. **28.**
- 56.** Николай Ивановичъ, генер. адъютантъ, генер. отъ инфантеріи, род. 1774 г., ум. 1834 г. бездѣтнымъ. . . . **30.**
- 57.** Дмитрій Петровичъ, умер. бездѣтнымъ. **31.**

КОЛѢНО VII.

- Анна Александровна за Ростиславомъ Ѳедоровичемъ Боллобоновымъ. **33.**
- 58.** Дмитрій Александровичъ. Ж. на Екатеринѣ Петровнѣ N. **33.**
- 59.** Михаилъ Александровичъ, ум. бездѣтнымъ **33.**
Еликанида Александровна. **33.**
Авдотья Александровна ум. дѣвицей **34.**
Аграѳена Александровна, за Иваномъ Степановичемъ Дурново. **34.**
Марья Александровна, за

- Петромъ Назаровичемъ
Глушковымъ. **34.**
Александра Васильевна. . . **36.**
Авдотья Васильевна. . . **36.**
Екатерина Васильевна за
Павломъ Алексѣевичемъ
Веселовскимъ. **36.**
Прасковья Васильевна за
Иваномъ Гавриловичемъ
Поливановымъ **36.**
Марья Васильевна за
Дмитріемъ Ивановичемъ
Суцовымъ **36.**
- 60.** Александръ Васильевичъ,
инженеръ-маіоръ, родился
7 Сентября 1811 г., сконч.
22 Іюля 1872 года, похоро-
нены въ Нижегород. губерні.,
Васильскаго уѣзда, въ селѣ
Быковкѣ. Ж. на Анастасіи
Николаевнѣ Суцовой . . . **36.**
Авдотья Васильевна. . . **36.**
- 61.** Николай Васильевичъ, ин-
женеръ-капитанъ. Жен. на
Александрѣ Ивановнѣ Та-
тариновой. **36.**
Вѣра Васильевна, ум. . . **36.**
- 62.** Аркадій Васильевичъ, ин-
женеръ-маіоръ. Ж. на Ели-
саветѣ Ѳедоровнѣ фонъ-
Кубе **36.**
- 63.** Павелъ Васильевичъ. Ж. на
Поликсенѣ Александровнѣ
Нертовской (бездѣтный). **36.**
- 64.** Всеволодъ Петровичъ, ж. на
Екатеринѣ Захаровнѣ Ол-
суфьевой **40.**
- 65.** Павелъ Петровичъ, ж. на
Елисаветѣ Михайловнѣ
Скрипициной. **40.**
- 66.** Алексѣй Петровичъ. . . . **40.**
- 67.** Михаилъ Петровичъ, пол-
ковникъ, р. 1824 г., ум. въ
Августѣ 1869 г. Ж. на
Александрѣ Николаевнѣ
Муравьевой. **40.**
Надежда Петровна, за Аб-
рамомъ Петр. Зубковымъ . **40.**
Варвара Петровна за Ар-
кад. Григор. Лавровымъ. . **40.**
Александра Петровна . . . **40.**
Екатерина Петровна. . . **40.**
Анна Петровна, за Стой-
ковичемъ **40.**
- 68.** Никита Григорьевичъ, род.
26 Іюня 1798 г., ум. 28
Дек. 1813 г. **42.**
- 69.** Александръ Григорьевичъ,
полковникъ, род. 8 Февр.
1803 г., ум. 30 Января
1853. Ж. Ольгѣ Александр.
Алединской **42.**
- 70.** Петръ Григорьевичъ, ге-
нер. адъют., генер. лейтен.,
ум. въ 1862 г. Ж. на Елиса-
ветѣ Никол. Безобразовой. **42.**
- 71.** Павелъ Григорьевичъ, д.
с. с., ум. 1 Іюля 1858 г. Ж.
на граф. Софѣ Александр-
овнѣ Бенкендорфъ (во 2
бракъ за кн. Серг. Викт.
Кочубеемъ). **42.**
- 72.** Александръ Алексѣевичъ,
холост. (р. 1801 г. ум.
1829 г.). **45.**
- 73.** Акинѣй Алексѣевичъ, ум.
младенцемъ **45.**
- 74.** Никита Алексѣевичъ, ум.
младенцемъ. **45.**
- 75.** Денисъ Алексѣевичъ, пол-
ковникъ. Ж. 1) Марья Ѳедо-
ровна Мирковичъ, 2) Тере-
за Егоровна Бунтингъ (отъ
1-го брака 3 сына и 4 до-
чери; отъ 2-го брака 5 сы-
новей и 2 дочери.). . . . **45.**
- 76.** Петръ Алексѣевичъ, пол-
ковникъ. Ж. 1) Анна Пет-
ровна Чагина; 2) Юлія

- Ивановна Гейденрейхъ; 3) Татьяна Петровна Савельева (отъ 1-го брака 1 сынъ и 1 дочь; отъ 2 брака 1 сынъ; отъ 3 брака 1 сынъ). Софья Алексѣевна, за гв. шт. ротм. Дюклу. 45.
- Елисавета Алексѣевна, за генер. лейт. Давгелемъ. 45.
- Екатерина Алексѣевна, за генер. лейт. Золотницкимъ. 45.
- Александра Алексѣевна, за генер. лейт. Самсоновымъ. 45.
77. Павелъ Павловичъ, род. 9 Окт. 1839 г. Ж. 1) кн. Марья Елимовна Мещерская, сконч. въ Вѣнѣ 26 Юля 1868 г.; 2) княжна Елена Петровна Трубецкая (отъ каждаго брака по сыну). 2 Юня 1872 г. получилъ высочайшее разрѣшеніе принять пожалованный королемъ Итальянскимъ титулъ князя Санъ-Донато. 46.
78. Николай Никитичъ ум. бездѣтнымъ. 48.
79. Никита Никитичъ ум. бездѣтнымъ. 48.
80. Викторъ Никитичъ 48.
81. Евгеній Николаевичъ, полковникъ, ум. 24 Апр. 1871 г. Ж. Надежда Егоровна Жадимеровская. 53.
- Александра Николаевна, за д. т. с. граф. Александр. Густавовичемъ Армфельдомъ (его 2-я жена). 53.
- Софья Николаевна, за генер. маіор. Александромъ Борисович. Казаковымъ. 53.
- Минодора Николаевна, за Англичаниномъ Бюрнетомъ. 53.
82. Дмитрій Петровичъ 54.
83. Алексій Петровичъ 54.
- Аграѣена Петровна, ум. въ Мартѣ 1855 г. 1) за сенаторомъ Никол. Андр. Небольсинымъ, ум. 1846 г.; 2) за Никол. Петров. Ермоловымъ. 54.
- Анна Петровна, за Дмитр. Соломоновичемъ Мартыновымъ. 54.
- КОЛѢНО VIII.**
- Елисавета Дмитріевна. 58.
84. Георгій Дмитріевичъ, ум. младенцемъ. 58.
85. Платонъ Александровичъ, род. 17 Сент. 1840 г. Женатъ на Ольгѣ Владиміровна Даль. 60.
86. Александръ Александровичъ, род. 23 Авг. 1842 г. Марія Александровна, род. 9 Мая 1845 г., сконч. 1 Августа 1871 г., за кол. сов. Николаемъ Густавов. Каргеромъ 60.
- Евгенія Александровна, р. 30 Декабря 1847 г., за докторомъ медицины Николаемъ Дементьевичемъ Бубновымъ. 60.
87. Михаилъ Александровичъ, р. 29 Января 1850 г., ум. 21 Мая 1871 г. 60.
- Софья Александровна, ум. младенцемъ. 60.
- Екатерина Александровна р. 25 Мая 1852 г. — за докторомъ Семеномъ Николаевичемъ Зененко. 60.
- Александра Александровна, ум. младенцемъ. 60.
88. Николай Александровичъ, род. 29 Января 1859 г. 60.
- Марья Николаевна — за

- Павломъ Николаевичемъ
Петровскимъ **61.**
Екатерина Николаевна ум.
младенцемъ **61.**
- 89.** Александръ Николаевичъ
ум. младенцемъ **61.**
Ольга Николаевна умер.
младенцемъ **61.**
- 90.** Владиміръ Николаевичъ ум. **61.**
91. Константинъ Николаевичъ. **61.**
Елисавета Аркадьевна, за
Владиміромъ Васильеви-
чемъ Корвинъ - Крукон-
скимъ **62.**
- 92.** Левъ Аркадьевичъ, ум. **62.**
93. Антоній Аркадьевичъ . . **62.**
Анастасія Аркадьевна, ум.
младенцемъ **62.**
- 94.** Алексѣй Аркадьевичъ . . **62.**
Елена Аркадьевна, **62.**
- 95.** Павелъ Аркадьевичъ . . **62.**
Валентина Аркадьевна. **62.**
- 96.** Валерій Аркадьевичъ. **62.**
97. Василій Аркадьевичъ. . **62.**
Анастасія Аркадьевна ум.
младенцемъ **62.**
- 98.** Петръ Всеволодовичъ, д. с.
с. Женатъ на Лидіи Алек-
сѣевнѣ Писаревой **64.**
Софья Всеволодовна . . . **64.**
- 99.** Александръ Александро-
вичъ **69.**
- 100.** Николай Александровичъ,
р. 15 Іюня 1829 г., ум. 24
Апр. 1839 г. **69.**
- 101.** Григорій Александровичъ
Ж. NN **69.**
Екатерина Александровна,
за д. с. с. Александромъ
Осиповичемъ Гурко . . **69.**
- 102.** Николай Петровичъ, пол-
ковникъ. Ж. Ольга Валері-
ановна Столыпина. Род. въ
Январѣ 1866 г., получилъ
- Высочайшее разрѣшеніе,
по смерти кн. Павла Пет-
ровича Лопухина (сконч.
23 Февр. 1873 г.) имено-
ваться свѣтлѣйшимъ кня-
земъ Лопухинымъ, съ тѣмъ
чтобы фамилія эта была
присвоена только старше-
му въ его родѣ **70.**
Екатерина Петровна, за
кн. Никол. Серг. Кудаше-
шевымъ **70.**
- 103.** Александръ Павловичъ,
почетн. попечитель Яро-
славскаго Демидовскаго Ли-
цея. Ж. Александра Алек-
сандровна Абаза. **71.**
- 104.** Григорій Павловичъ. . . **71.**
Ольга Денисовна—за Ми-
хаиломъ Петровичемъ Анд-
реевымъ. **75.**
- 105.** Михаилъ Денисовичъ, ж.
Прасковья Николаевна
Болдырева **75.**
Александра Денисовна, за
Николаемъ Никитичемъ
Жадовскимъ **75.**
- 106.** Владиміръ Денисовичъ. . **75.**
Вѣра Денисовна, ум. млад. **75.**
Марья Денисовна, р. 1857 г. **75.**
- 107.** Николай Денисовичъ ум.
младенцемъ. **75.**
- 108.** Александръ Денисовичъ
ум. младенцемъ **75.**
- 109.** Сергій Денисовичъ ум.
младенцемъ. **75.**
- 110.** Алексѣй Денисовичъ ум.
млад. **75.**
Евгенія Денисовна р.
1866 г. **75.**
- 111.** Романъ Денисовичъ р.
1868 г. **75.**
Юлія Денисовна р. 1870 г. **75.**
- 112.** Алексѣй Петровичъ, ум.
въ дѣтствѣ **76.**

- Зинаида Петровна, ум. въ дѣтствѣ 76.
113. Алексѣй Петровичъ, р. 1865 г., ум. 76.
114. Анатолій Петровичъ, р. 1862 г. 76.
115. Елимъ Павловичъ, р. 25 Юля 1868 года. 77.
116. Никита Павловичъ, р. въ 1872 году 77.
117. Георгій Евгеніевичъ . . . 81.
 Вѣра Евгеніевна, за Ковалевымъ. 81.
 Марія Евгеніевна 81.

КОЛѢНО IX.

- Ольга Платоновна, род. 11 Апр. 1865 г. 85.
118. Владиміръ Платоновичъ, ум. младенцемъ 85.
 Евгенія Платоновна, род. 30 Юня 1868 года. . . . 85.
119. Левъ Платоновичъ, род. 10 Марта 1870 года. . . . 85.
 Неонила Платоновна, род. 24 Септ. 1871 года 85.
120. Игорь Платоновичъ, род. 5 Юня 1873 года. 85.
121. Павелъ Николаевичъ, ум. младенцемъ. 102.
122. Петръ Николаевичъ ум. 30 Мая 1871 г. младенц. 102.
123. Левъ Николаевичъ . . . 102.
124. Александръ Николаевичъ 102.
 Елисавета Николаевна . 102.
 Вѣра Николаевна род. въ Юнѣ 1871 г. 102.
 Марья Михайловна р. 1868 г. 105.
125. Николай Михайловичъ, род. 1871 г. 105.

ПРОКОФІЙ АКИНѢИВИЧЪ
ДЕМИДОВЪ.

I. ДВА ПИСЬМА КЪ ДѢТЯМЪ.

Получено 1763 году, Генваря 23 дня.

Дѣтямъ моимъ Акакію и Льву Прокофьевичамъ. Письма ваши получены. Благодарствую, и по отпуску сего мы здоровы. Пишете, что работные люди, взирая на сосѣднихъ приписныхъ крестьянъ, отъ работъ отказались. О томъ я жалѣю, и хоша они совсѣмъ работать не стануть, въ томъ ихъ не принуждать и въ канцеляріи просить на нихъ не велѣтъ; а какъ они проживутся, тогда работать охотно стануть. Да отъ всемилостивѣйшей Государыни для противниковъ посланъ генераль, и ежели близко прибудетъ, то прикащикамъ, а когда случится и вамъ его превосходительства просить, чтобъ съ вами, ежели возможно, до разоренія не доводить, развѣ отъ нихъ какія будутъ безчеловѣчности: въ такомъ случаѣ просить защищенія и, ежели явится опасность, то и вамъ выѣхать въ Катеринбургъ. Во оныя дѣла вы не вступайте, понеже вы посланы учиться.

Да при семъ посылаю работнымъ людямъ повелѣніе, которое велите прикащикамъ копію оставить, а оригиналъ имъ отдать и многія копіи во всѣ мои вѣдомства прибить.

Въ бытность его превосходительства Волкова отъ работныхъ людей прошено, и что отъ прикащиковъ учинено изрядно; потому же можно и въ приѣздъ генеральскій сказать; токмо главныхъ къ тому заводчиковъ, безо всякой милости учинить съ ними надлежитъ, понеже они столько народу къ разоренію приводятъ. Ежели работные люди стѣкаются, то отъ нихъ заводчиковъ требовать, нежели доискиваться;

а ежели не дадутъ, то чтоже дѣлать! Въ такомъ случаѣ воля милостивой Государыни какъ изволить генералъ: съ чѣмъ онъ отъ Ея Величества посланъ, то съ ними и учинить. Правда, намъ остановка и ущербъ въ народѣ быть можетъ; да знать за грѣхи наши Богъ такъ благоволилъ. Приписую Божіе благословеніе.

Прокофій Демидовъ.

5 Генваря
763 года
Москва.

*

Получено Марта 22 дня 1764 года.

Дѣтямъ моимъ Акакію и Льву. При семъ послана въ Екатеринбургскую Монетную Экспедицію промеморія и для вѣдома вамъ копія о выдачѣ 30 тысячъ рублей мѣдныхъ денегъ, которую получа немедленно подать и стараться, чтобъ нынѣшнимъ путемъ оныя перевезены были и сколько подводъ и на которой подводѣ сколько пудовъ и по чемъ за пудъ отъ Екатеринбурга до моихъ заводовъ заплачено будетъ, такожъ и приказнымъ во время пріема денегъ сколько будетъ расходу, всему тому сдѣлать акуратное описаніе и ко мнѣ въ скорости прислать: понеже отъ его сіятельства мнѣ то поручено и велѣно оное отослать, почему тѣ расходы заплатитъ общалъ.

Да съ господиномъ Недобровымъ я говорилъ о половинной дистанціи, которую расположилъ господинъ Порѣцкій, чтобъ разсмотрѣть и учинить межеваніе по Томиловскимъ описямъ; понеже тѣ описи учинены по имянному указу; что же господинъ Порѣцкій толкуетъ, мы дѣлили равно, такъ слѣдуетъ—де и лѣса дѣлить равно жъ, оное его толкованіе несправедливое, потому 1) Томиловъ описывалъ имѣніе и ко всѣмъ заводамъ лѣса означилъ по имянному указу, какъ и при покой-

номъ отцѣ было опредѣлено. 2) Въ раздѣлѣ написанъ мнѣ Невьянской заводъ съ принадлежностями, такъ слѣдовательно чѣмъ оной заводъ владѣлъ, тому быть такъ. 3) Да и деревни мы дѣлили одними званіями, не росписывая земляныя дачи, понеже по писцовымъ и переписнымъ книгамъ ко всякой деревнѣ, а къ заводамъ въ Бергъ-Коллегіи извѣстно; и о семъ надо заблаговременно осмотрѣться, дабы остановки не послѣдовало и что сумнительное окажется, то бы заблаговременно представить въ Бергъ-Коллегію.

Да съ Алексѣевскими крестьянами 5 Марта посланы деревянныя модели, о которыхъ я вамъ въ Алексѣевскѣ говорилъ и что сумнительно такъ господинъ Недобровъ растолкуетъ, понеже я ему показывалъ и сказывалъ, которыя по полученіи на приложенныя колодки собрать, по которымъ можетъ увидѣть полное обстоятельство; токмо внутреннихъ перегородокъ или колодокъ выливать не надобно, дабы одна скорлупа выливалась; такожъ и вмѣсто каменнаго столба исподняя часть съ крестомъ безъ перегородки жъ была. А противу креста вмѣстѣ же вылить пилястръ, а въ верху, гдѣ гнѣзда, поставится ваза, и когда выльется и поставится, чтобъ могла плотно стоять яко столбъ, къ которому пилястру и рѣшетки привязываться могутъ, а пространное приложено описаніе.

Да при семъ же посланы въ двухъ ящикахъ 4 скрипицы: по полученіи велите ребятамъ учиться; а Аглицкіе валторы посланы съ моделями. Куда отпустить желѣзо, о томъ отъ 5 Марта писано въ Контору.

Да для Петербургскаго управленія въ прикачки изъ торгашей на нынѣшномъ караванѣ отпустить вамъ, кромѣ Егора Лебедева, двухъ человекъ съ женами и съ дѣтьми, понеже въ

Петербуржскомъ моемъ домѣ никого нѣтъ и продажа желѣзная вся оставилась, для чего я сдѣлалъ съ Нѣмчиномъ договоръ, съ котораго посылаю копію. И тѣ двое торгаши будутъ ему желѣзо отдавать и въ корабли грузить и прочія исправности отправлять; токмо чтобъ оныя торгаши были добрые и разумные люди, почему бъ я могъ ими довольствоваться, да и они бъ были мною довольны. А при томъ смотрите, дабы не роскошную, а умѣренную скупость имѣли; тако, ежели и они для себя торговать хотятъ, то имъ то запрещено быть не можетъ: понеже разумному и трудолюбивому въ Петербургѣ достать деньги можно. И для того таковыхъ, которые бъ какъ для меня, такъ и для себя могли бъ теченіе имѣть; понеже Петербургскіе товары и въ Сибирь возятся же, почему они могутъ то свое теченіе учредить, для чего мнѣ ихъходы не надобны кромѣ того, чтобъ они мое дѣло справедливо исправляли. А которыхъ у нихъ большія дѣти для своихъ теченіевъ не поѣдутъ, тѣ бы не худо и дома остались, потому чтобъ старики могли и дѣтямъ какое теченіе пересылать, а малолѣтныя будутъ съ отцами.

Да при семъ посылаю сѣмячекъ 3 сорта-гераніумъ, африкана, да ирисъ куріозный; буде вы хотите, такъ посѣйте и содержите въ ранжереяхъ: понеже оныя цвѣты хороши и куріозны, а между тѣмъ и вы можете охотиться; потому что у меня къ тому охота, да и собрано много плантовъ, которое для вашего жъ увеселенія впредъ служить можетъ. Посланному за проѣздъ заплатите, который съ оными письмами нарочно посланъ, а сверхъ того довольствуйте.

Прокофей Демидовъ.

6 Марта 764 года. Москва

II. ПИСЬМО П. А. ДЕМИДОВА КЪ МИХЕЛЬСОНУ.

Покорвѣйшую мою благодарность приношу столь справедливо прославившемуся храбростію и неутомленностію своею господину полковнику Михельсону; а за то, что съ малымъ, но храбрымъ корпусомъ и непобѣдимымъ Ея Императорскаго Величества оружіемъ не устранился нападать на множественную толпу разбойничью государственнаго бунтовщика Пугачева, и не препятствовали тебѣ недостатки въ пищѣ и лошадяхъ, и не удерживала медленность отъ вспоможенія живущихъ. Вы, государь мой, слѣдовали по пятамъ его болѣе пяти тысячъ верстъ, по мѣстамъ пустымъ и почти непроходимымъ и многія ему вору съ большимъ урономъ дѣлали нападенія. Всего того удивительнѣе: уже Пугачевъ, пришедши въ городъ Казань, грабилъ и разорялъ и огню предавалъ, но помощію Божию вы, государь мой, радвнїемъ и усердіемъ своимъ съ тѣмъ же небольшимъ храбрымъ корпусомъ ускорили и Казанское царство отъ совершеннаго разоренія сохранили и многихъ плѣнныхъ благородныхъ отъ мучительныхъ смертей избавили, и тутъ со всею его поганою толпою разбили; а паче всего, что тѣмъ разбитіемъ отвратили его намѣреніе придти въ царство Московское, къ чему прозорливостію, примѣрнымъ ко Отечеству усердіемъ и благоразумными наставленіями великаго въ наши времена мужа графа Петра Ивановича Панина совѣмъ его вора искоренили, за чтò, милостивый государь, приношу наивящую мою съ презентомъ благодарность и покорно прошу принять во знакъ моего усердія, что далъ мнѣ жизнь и прочимъ

Московскимъ мѣщанамъ отъ убіенія собственныхъ нашихъ людей, которые, слышавъ его злодѣйскія прелести, многіе прихода его ожидали и жадно разорять, убивать и грабить дома господъ своихъ желали. И за такія ко всему обществу усердные и радѣтельные поступки должны обществу въ вашему высокородію всегда благодарность приносить и Бога молить.

И остаюсь вашимъ милостиваго государя моего усерднымъ слугою.

Прокофей Демидовъ.

8 Января
1775 года.
Москва.

(Тутъ же приложенъ современный списокъ съ письма Екатерины II-й).

Господинъ полковникъ Михельсонъ. Неутомленные ваши труды, преслѣдовавшіе государственнаго злодѣя, усердіе ваше и храбрость, съ которою вы сего изверга многократно поражали, всякой похвалы достойны. Вы мнѣ и государству не токмо знаменитѣйшія заслуги тѣмъ самымъ показали, но и роду человѣческому, избавляя оной вездѣ отъ лютейшаго тиранства. Сія ваша служба безъ знатнаго награжденія не можетъ и впредь остаться; но на первый случай посылаю я къ вамъ, военному человѣку необходимую вещь, шпагу. Алмазы на ней изображаютъ отличныя ваши заслуги. Продолжайте, какъ начали. Богъ да поможетъ вамъ, а я всегда къ вамъ пребываю доброжелательна. Екатерина.

Письмо писано собственною Ея Императорскаго Величества рукою.

Сентября 16 числа
1774 года.

Изъ Санктъ-Петербурга.

III. О ПЧЕЛАХЪ.

(Писано П. А. Демидовымъ).

Въ которыхъ ульяхъ медъ старъ и узъ черна, таковыя надлежитъ въ новые перегонять, для того что оныя мухи никакой дурности и никакого кислаго и грубаго и сыраго духа терпѣть не могутъ, отъ чего больны, лѣвивы и бесплодны бываютъ, а иногда зимнимъ временемъ умираютъ, а иногда лѣтнимъ временемъ оставляютъ свой прокислый и нечистый домъ и отлетаютъ въ другіе новые ульи, отчего въ просторѣчїи говорятъ: къ кому отлетать, будто тотъ волшебствомъ приманилъ.

И для того кислой и негодной улей въ пасмурной или немного дождливой день выставитъ вонъ, а подлѣ его поставитъ новой улей и немного свѣжимъ медомъ внутри вымажи и кресты; а потомъ у стараго улья открой нижнюю и верхнюю колодку и дымомъ всѣхъ пчелъ выгони; а какъ они вонъ всѣ выйдутъ на колоду вверхъ, тогда изъ роту чистою водою немного покропи, чтобъ пчелы смиренны были. Тогда взять небольшое деревянное блюдо въ лѣвую руку, а въ правую руку взять гусиное крыло и тѣхъ пчелъ однажды на блюдо крыломъ сгрести, сколько можно, и тотъ часъ съ блюда въ новой улей въ нижнюю колодку сбросить, и тако вторично на блюдо крыломъ сгребать и въ новой улей сбрасывать, и помногу разъ всѣхъ пчелъ въ новые ульи вбросаешь. Матку не лови, а во время дымокурения, на которыхъ сотахъ пчелъ нѣтъ, тѣ соты обрѣзывать, для того, дабы охотнѣе отъ дыма пчелы вонъ выходили. И тако пчелы выходятъ, а медъ обрѣзываетъ. И когда весь медъ вырѣжешь, а пчелы всѣ

выйдутъ, то на другой день въ новой улей тотъ же медъ въ исподъ класть сотъ подлѣ сота и летки запереть; тогда въ новомъ ульѣ пчелы съ исподика въверху медъ поднимутъ. Оное учинять дѣя въ 3 и въ 4. Тогда порожнія вошины, то есть узы выбрать и летки отпереть. И тако пчелы пойдутъ въ работу, а другія дома удѣлываются.

А когда молодую бѣлую узу хоша сдѣлаютъ и медомъ будутъ богаты, то оставить таковыхъ въ зиму; а у которыхъ увидишь, что еще меду мало, таковымъ фунтовъ до 10 или больше или меньше съ медомъ сотовъ на пята класть, дабы пчелы медомъ богаты были, которое производить въ половину Юля, или послѣ роевъ, почему въ будущій годъ и роиться будутъ; а ежели мало меду, то роиться не будутъ, или зимою съ голоду померуть.

Такожъ и весною осмотрѣть, ежели мало медны, прикладывая соты, чтобъ до роевъ пчелы медомъ богаты были: тогда увидишь, какъ рано роиться будутъ. Да и роевъ отъ одного 3 или 4 получить можешь, а прочіе меньшіе рои пускать на старовье или по разсмотрѣнію и въ новой улей вмѣстѣ смѣшивать, хоша и не выбирать матки, въ заперти держать съ приложеніемъ меда съ недѣлю.

Примѣчаніе.

Когда дымомъ пчелъ послѣ роевъ выгонишь и медъ обрѣзывать станешь, тогда смотри, буде въ сотахъ останутся много молодыхъ пчелъ, будто бѣлые черви; оные соты не бросай, а бережно положить въ новой улей, то старыя пчелы въ новомъ ульѣ оныхъ червей выкормятъ, и будутъ пчелы; а останется одна сушь: тогда сушь выбросить для воску.

Такожъ осенью въ ульяхъ подрѣзывать, по разсмотрѣнію, болѣе оставлять меду нежели вырѣзывать; понеже и весною излишнее отнять можно. А въ которомъ ульѣ меду мало, а суши много, въ таковыхъ и ничего обрѣзывать не надобно, а еще надобно прикладывать меду, чтобъ они ту сушь наполнили. Отъ того убытка не будетъ, а много роевъ принесутъ, а послѣ роевъ можешь и медъ получить.

Да коротко сказать: когда у пчелъ оставляешь больше меду, тогда получаешь много роевъ; а когда жадуешься медъ отъ пчелъ отнимать, то пчелы худо роятся; да и по пословицѣ говорятъ: счастья нѣтъ, а самъ виновать. И тако надлежитъ помнать и сіе исполнять, дабы по крайней мѣрѣ ото всякаго улья получить молодыхъ 3 или 4 улья; понеже я здѣсь самъ своими руками вышписанную пробу дѣлалъ, да еще въ голодныхъ мѣстахъ и безильными пчелами, а только помогалъ прикладованіемъ меда. И никакими образами не отговаривайтесь, чтобъ меньше трехъ отъ одного стараго улья новыхъ не получили; а въ вашихъ избобильныхъ мѣстахъ съ прикладованіемъ меда можно по 4 или больше получить; понеже вашъ обычай надобно перемѣнять, а примѣчать и сыскивать пользы. И тако будьте прилежны, примѣчательны, чѣмъ можете скоро и чрезвычайно умножить.

Еще я усмотрѣлъ, что во время роевъ, которое начинается въ Юль мѣсяцѣ, въ таковыя времена, которые дни солнечныя, хоша бы и вѣтеръ былъ, отлучиться человѣку отъ пчелъ ни на четверть часа не должно: понеже пчелы охотно роятся, для чего надлежитъ огребать, и знающихъ мушницъ во время роевъ прибавить надлежитъ. Я думаю на одного человѣка надобно не болѣе шести ульевъ опредѣлить и

къ вимъ по два мальчика. Мальчики будутъ подавать воду, роевню и протчія вспоможенія чинить; а когда рои минуются, тогда можно къ двадцати ульямъ одного человѣка; а въ зиму на сто ульевъ довольно двухъ, да въ запасъ третьяго, кто захвораетъ или для нужды отлучится.

Весною, какъ снѣгу не будетъ, тогда у пчелъ летки откупорить и дать имъ облетаться; при томъ примѣчать, рано не открывать, хоша бы и тепло стояло, да снѣгъ нисколько не растаялъ, то терпѣть: отъ того худа не будетъ. А какъ снѣгъ растворится, то можно летки откупорить, и какъ облетаютъ, въ ульяхъ осмотрѣть, вычистить нечистое; мало меда, приложить, а много, вырѣзать.

А въ половину Маія совсѣмъ нижнюю колодку отворить, чтобъ пчелы лучшей воздухъ въ своемъ гнѣздѣ чувствовали; только притомъ примѣчать, дабы другъ у друга не крали: которыя и безсильны, у таковыхъ сильныя послѣдній медъ отнимутъ. И у безсильныхъ для такой нужды колодку не отворять, а сильныхъ унимать: нѣсколько сотовъ тоненькимъ вострымъ прутикомъ или лучинкою медъ проколоть, отъ того нахалить не будутъ, а стануть свою бѣду починивать и воровать забудутъ; а ежели тѣмъ не будутъ довольны, то можно съ медомъ одинъ сотъ вырѣзать.

А во время открытія, пчельникъ хо рошо можетъ пчелъ видѣть, въ какомъ они состояніи. Такожъ ежели мало меду, тотчасъ прикладовать; хоша оной новой манеръ, токмо онъ неубыточной. Осенью медъ обратно возмешь, а сверхъ того молодыхъ роевъ много получишь.

Еще главное дѣло: во время роевъ отъ сдѣланнаго домика, гдѣ поставле-

ны ульи, аршинъ по 7 впереди ульевъ, натывать низенькихъ и способныхъ къ сгребанію пчелъ березовыхъ деревцовъ; понеже, когда молодой рой отлетитъ, въ такомъ случаѣ на первый разъ сядетъ близко стараго улья на приготовленныя березки и будетъ дожидаться матку: понеже пчелы напередъ вылетаютъ, а матка послѣ. И для того надлежитъ много людей быть и онаго смотрѣть, какъ и выше писано. И когда пчелы въ клубокъ свернуты, тогда тотъ часъ одинъ мужикъ возметъ чистую воду, а другой мальчикъ ему ведро съ водою и съ ковшикомъ подастъ, а мужикъ изъ рота на пчелъ прыцетъ, и тако ихъ замочить, какъ бы дождикомъ: отъ того пчелы будутъ смиренны. Послѣ того осматривать матку, тутъ ли она или изъ стараго улья приближается. Хорошо, коли можете ее поймать, а коли и не поймаете, въ томъ бѣды нѣтъ. А какъ увидите, что пчелы всѣ въ клубкѣ, тогда въ роевню вдругъ, коли способно, стряхнуть и немного водою усмирить; а коли неспособно, можно гусинымъ крыломъ сгрести и мокрая въ новой улей въ исподнюю колодку вбросить и запереть, а вечеромъ приложить въ исподъ съ медомъ сотовъ и запереть же.

Во время пчельнаго выхода надлежитъ одному мужику тотъ часъ улей приготовить, крыломъ паутины выместъ и чистыми руками медомъ въ верхней части, по бокамъ стѣны и кресты вымазать и когда улей готовъ, то тотчасъ сгребенныя пчелы, еще мокрая, отворя нижнюю колодку, изъ роевни пчелъ въ улей выбросить. Хоша бы онъ нѣсколько въ роевнѣ и остались, то можно роевню рукою поколотить, а пчелы въ исподъ въ кучку упадутъ. А послѣ изъ роевни вторично и третично выбросить въ но-

вой улей и съ поможеніемъ крыла бережненько пчелъ вгрестъ и колодку запереть, а летки дни на три или на четыре сѣткою запереть: тогда пойдутъ на работу, и въ такое время надлежитъ приложить фунтовъ до 5 или до шести въ сотахъ меду, дабы молодыя поскорѣе разбогатѣли.

Хоша бы матки двѣ-три вдругъ случилось, оныхъ разбирать ненадобно, понеже пчелы въ вышеписанные дни одну матку полюбятъ, а другихъ подсъкуютъ. И въ такомъ случаѣ много трудиться не надобно, чтобъ дожидаться вечера и пчелъ по дубочку въ новой улей впускать и разсматривать матки; а вышеписаннымъ правиломъ, какъ скоро огребешь и водою усмиришь, и тотчасъ мокрыхъ въ новой улей бросить и запереть, и тоже недурно: я отвѣдовалъ.

Когда на воткнутыя березки пчелы сядутъ, а человекъ водою не усмирить, и ихъ матка изъ стараго улья къ нимъ придетъ, тогда тотчасъ пчелы всѣ полетятъ и будутъ искать другаго мѣста; и для того надлежитъ водою ускорять, а притомъ прилежно не отлучаться и смотрѣть.

Хорошо во время роень новыхъ ульевъ два или три приготовить, а именно паутины вытереть и медомъ стѣны вымазать: понеже иногда такой день удастся, что не успѣешь новыхъ ульевъ заготовить, такъ скоро роятся. А которые ульи медомъ богаты, и нижняя колодка не заперта, случится передъ обѣдомъ онъ роится, а послѣ обѣда онъ же еще роится. У меня не однажды то было, и для того людей укомплектовать на то время надлежитъ.

А прежде я слыхалъ: коли нижнюю колодку не отпирать передъ роень, старая и молодая матка пищать; а

нынѣ какъ растворя колодку Іюнь и половину Іюля стоитъ, то матки не пищать; а какъ скоро будутъ роиться, то молодыя пчелы видно большими плетенками и кусками въ исподъ висятъ и часто крыльями играютъ, будто летѣть хотятъ; молодыя же пчелы покороче старыхъ. И тако на другой или на третій день конечно роятся.

Еще хорошо, что для пчелъ сдѣланы домики: хоша и большой вѣтеръ, да небольшое солнышко, а молодыя пчелы готовы, то тотчасъ роятся, а безъ домика таковыя пчелы дожидаются теплова и тихова дня.

Пчелиная матка долѣ и тонѣ и острогузѣй пчелы, и чернѣе, съ глянецемъ, ноги имѣетъ красныя, крылья имѣетъ короткія и узкія; на груди горбъ не столько мохнать, голова поменьше и круглѣе пчелы, усы короче, также имѣетъ 4 крыла. А пчела короче и толстогуза, имѣетъ поперекъ желтые поясы, ноги черны, крылья большія, голова и усы больше и мохнатѣй; а матку легко узнать, что красныя ноги; она же тонѣ и подолѣ.

Прокофей Демидовъ.

22 Января
765 года.

IV. ПИСЬМА П. А. ДЕМИДОВА КЪ ЕГО ЗЯТЮ М. И. ХОЗИКОВУ, КЪ Н. И. РИБАСЪ И КЪ И. И. БЕЦКОМУ.

Своеручные подлинники этихъ писемъ, а равно и помѣщаемой передъ ними „сказки“, или автобіографическаго показанія, сообщены въ Р. Архивъ правнучкомъ Демидова, Николаемъ Николаевичемъ Хозиковымъ. Письма эти писаны къ его родному дѣду Маркѣ Ивановичу Хозикову, который былъ женатъ на Настасѣ Прокофьевнѣ (род. 8 Февр. 1768 г., ум. 8 Февр. 1802), любимой

дочери П. А. Демидова. Марка Ивановичъ Хозиковъ (род. 11 Марта 1726, ум. 11 Марта 1810; возведенъ въ потомственное дворянское достоинство Россійской имперіи) по происхожденію былъ Шведъ и состоялъ домашнимъ секретаремъ при славномъ Иванѣ Ивановичѣ Бецкомъ (рожденномъ въ Швеціи и отъ Шведки, баронессы Вреде). Хозиковъ пользовался полнѣйшимъ довѣріемъ Бецкаго, до такой степени, что когда Екатерина навѣщала стараго друга своей матери, одному только Хозикову дозволялось быть свидѣтелемъ ихъ бесѣдъ, причѣмъ никогда не смѣли являться слуги, и чай или угощеніе долженъ былъ приносить Хозиковъ. Семейное преданіе Хозиковыхъ передаетъ при этомъ замѣчательную черту, дополняющую наши свѣдѣнія о тѣхъ чрезвычайно близкихъ, почти родственныхъ отношеніяхъ, въ которыхъ находилась Екатерина, въ теченіи всей своей жизни, къ Бецкому (1704—1795): Марка Ивановичъ Хозиковъ помнилъ и рассказывалъ дѣтямъ, что, входя въ комнату къ Ивану Ивановичу, Государыня всегда цаловала у Бецкаго руку.

Бецкій вступилъ въ сношенія съ Демидовымъ по дѣламъ Воспитательнаго Дома, и черезъ его посредство любимый и вѣрный секретарь его женился на дочери Прокофія Акинѣевича Демидова, который нашель въ Маркѣ Ивановичѣ преданнаго себя зятя.

Мы печатаемъ эти письма и выдержки изъ нихъ, потому что они живо и наглядно изображаютъ намъ одно изъ своеобразнѣйшихъ лицъ чуднаго XVIII столѣтія. Сибирякъ, Прокофія Акинѣевичъ Демидовъ (род. 8 Іюля 1710, ум. 4 Ноября 1786, похороненъ въ Донскомъ) былъ человѣкъ въ всѣхъ отношеніяхъ достопамятный. Читатели увидятъ, что Екатерина была права, сдѣлавъ его почетнымъ опекуномъ и сенаторомъ, и глядя сквозь пальцы на его такъ называемое самодурство, отъ котораго терпѣть приходилось лишь немногимъ, тогда какъ тысячи людей пользовались пло-

дами его умной благотворительности. Оказывается, что Московскій Воспитательный Домъ обязанъ Демидову не одними только деньгами, что онъ искренно и горячо заботился о благѣ этого учрежденія и что самъ онъ, при видимой грубости, одаренъ былъ теплымъ сердцемъ и тонкимъ наблюдательнымъ умомъ. Пребываніе въ Голландіи и Англіи, очевидно, утвердило его воззрѣніи на жизнь, эту привычку идти прямо, цѣнить только трудъ и достоинства существенныя, презирать всякую мишуру. Живая любовь къ природѣ, заботы о пчелахъ, о птицахъ, о садахъ замѣняли Демидову вышнія развлечения. Его чужество доходило до юродства и вѣроятно было неудобно въ близкихъ съ нимъ сношеніяхъ, но онъ былъ человѣкъ истинно-почтенный и достоинъ сочувственнаго воспоминанія въ потомствѣ. П. Б.

Сказка П. А. Демидова.

1774-го года, Августа 18 дня, въ Государственной Юстицъ-коллегіи статскій совѣтникъ Прокопія Акинѣевичъ Демидовъ сказалъ. 1) Отъ роду ему шестьдесятъ четыре года; изъ дворянъ, потому что, когда дѣдъ его Никита Демидовичъ въ 1672 году, будучи кузнецъ въ Тулѣ, раченіемъ своимъ достигъ и умножилъ про армію Всероссийскую солдатскаго ружья, по одному рублю по восьмидесяти копѣекъ фузею, яко и дешевою цѣною; за что его, блаженный и вѣчной славы достойныя памяти, Государь Императоръ Петръ Великій началъ знать и жаловать, и въ 1702-мъ году пожаловалъ ему въ Сибири желѣзные заводы. 2) Но какъ Сибирь тогда была весьма малолюдна, то помянутый дѣдъ его, чрезъ вызываніе къ тѣмъ заводамъ и приохочиваніе людей, собственными деньгами своими умножилъ народъ; а тѣмъ желѣзные и мѣдные заводы до такого возвелъ совершенства, что со оныхъ,

какъ военные припасы, даже и до пушекъ, такъ и желѣзо, не только въ казенныя мѣста доставлялъ дешевыми цѣнами, но и для народнаго удовольствія въ Москвѣ по сороку копѣекъ пудъ продавалъ; за что помянутымъ Государемъ Императоромъ въ 1720-мъ году всемилостивѣйше и пожалованъ онъ и его потомки въ дворянское достоинство. 3) А по смерти того дѣда, отецъ его Прокофьевъ Акиноей Демидовъ сверхъ того еще приумножилъ въ Колывано-воскресенскихъ заводахъ мѣдныя, серебряныя и золотыя заводы-жъ, такъ что корона отъ нихъ получаетъ и донинѣ знатные доходы. 4) А послѣ того отца своего, онъ, Прокофей, по 1769 годъ, то есть по день продажи означенныхъ заводовъ, тѣжъ самыя пользы государству трудами своими доставлялъ, каковы были отъ его предковъ. 5) А по продажѣ заводовъ принять онъ во общество Императорскаго Воспитательнаго Дома, въ 1771 году, гдѣ для государственнаго блага и въ пользу общества продолжаетъ услуги свои и донинѣ, а именно: а) Въ Москвѣ, зачатое при томъ домѣ оставшее каменное строеніе строить, по высочайше апробованнымъ чертежамъ, своимъ иждивеніемъ. б) Въ силу опубликованнаго отъ Опекунскаго Совѣта въ 1770 году объ открытіи Воспитательнаго въ Санктъ-Петербургѣ дома объявленія при ономъ госпиталю для сирыхъ и неимущихъ родильницъ двадцать тысячъ рублей отъ него дано, и на оной суммѣ надлежащее установленіе основано. в) Определѣли онъ для ста мальчиковъ въ непрерывное и на вѣчныя времена продолжаемое содержаніе изъ купеческихъ дѣтей для обученія коммерціи двѣсти пять тысячъ рублей, на которомъ его иждивеніи оное Коммерческое Воспитательное Училище при

томъ-же домѣ, по высочайшей Ея Императорскаго Величества конфирмаціи съ представляемою апробаціею отъ разсматривающихъ оный планъ уполномоченныхъ особъ и заведено, за что онъ въ 1772-мъ году именнымъ Ея Императорскаго Величества всевысочайшимъ указомъ въ статскіе совѣтники всемилостивѣйше пожалованъ, о чемъ и всей публикѣ знать дано. г) Сверхъ же того вспомоствовать онъ будетъ къ открытію учреждаемой при томъ же домѣ въ пользу общества ссудной денежной казны, ежели нашедшія на него Демидова утѣснительныя обстоятельства ему не воспрепятствуютъ. 6-е) А въ штрафахъ онъ Демидовъ бывалъ по нижеслѣдующимъ случаямъ такимъ: а) Въ 1767-мъ году Іюля 8 числа, въ день его именинъ приходилъ къ нему въ домъ сенатскихъ ротъ солдатъ; а кто онъ таковъ, не знаетъ; поздравлялъ его со днемъ именинъ, объявляя, что онъ для того поздравленія присланъ къ нему отъ всѣхъ сенатскихъ солдатъ, которому онъ, Демидовъ, безъ всякаго намѣренія, а изъ одной только чести, и далъ на всю команду двадцать рублей, но за то по указу Правительствующаго Сената взыскано съ него Канцеляріею Конфискаціи двѣсти рублей, и отданы въ Московскій Воспитательный Домъ. б) Въ томъ-же году Октября 12-го дня, по резолюціи Главной Полицимейстерской Канцеляріи, въ силу повелѣнія господина генерала-аншефа сенатора, генераль-полицимейстера и кавалера Николая Ивановича Чичерина, взыскано съ него Демидова за держаніе имъ у себя въ домѣ Новороссійской губерніи купца Леви Вульфа, за необъявленіе въ полицію паспорта, штрафъ пятьдесятъ рублей. в) А въ 1768 году въ Іюль мѣсяцѣ, по челобитью двоюроднаго брата его

Никиты Демидова, за сочиненное имъ Прокоемъ письмо, которое признано за пасквиль и по докладу вышеписаннаго-жъ господина генерала аншефа, сенатора и генерала полицеймейстера и кавалера Николая Ивановича Чичерина, а по всевысочайшей Ея Императорскаго Величества кофирмаціи, то письмо на болотѣ съ барабаннымъ боемъ подъ висѣлицею черезъ палача сожжено, а онъ, Демидовъ, въ Московской полиціи предъ присутствіемъ у того брата своего прощенія просилъ. А болѣе того ни въ какихъ штрафахъ и подозрѣніяхъ онъ не бывалъ.

На подлинной подписано тако: къ сей сказкѣ Прокоей Демидовъ руку приложилъ.

Письма къ М. И. Хозикову.

1.

Милостивый государь Марка Ивановичъ!

При отъѣздѣ Галанское письмо ты видѣлъ, какъ Емельянъ мнѣ подалъ; а Галанцы пишутъ, какъ ходилъ пѣшкомъ и ѣздилъ на извозчикѣ и будто я въ посмѣяніе оное чинилъ тѣмъ, у которыхъ недостаточны карманы, а ѣздить въ каретахъ; и столько имъ пріятно, что я погалавски скупю жилъ, для чего они радуются и не вытерпѣли за оное меня похвалить. Вотъ какіе черти, знаютъ и дурачество мое. Желаю вамъ дражайшаго здравія и благополучія. Мои птички хуже твоихъ поютъ; а безъ меня мои садовники изо всего растенія, можно сказать, третью часть поморили; цвѣточковъ я не имѣю и только наглядѣлся у тебя.

Иногда либо что тебѣ вздумается, ко услугамъ вашимъ, повели мнѣ: я

бы радостно по возможности желалъ исполнить.

Севодни ко мнѣ пришла подагра. Вашъ слуга Прокоей Демидовъ.

14 Февраля
1773 году
Москва.

2.

При семъ посланъ солдатъ Ивановъ, а съ нимъ два ящика: одинъ съ гербаріею—отдать Солодовникову, а другой съ бутылками—раскупорь. Двѣ дюжины красной смородины вода: 12 господину Рыбасу, или его превосходительству Ивану Ивановичу, а другіи 12 отошли его свѣтлости князю Потемкину. Да тутъ же 6 бутылокъ, горлышки связаны веревочкой, малиновая водка: 4 князю, а двѣ господину Рыбасу, или Ивану Ивановичу на столъ. Да 4 бутылки рябиноваго вина, привязаны бумажки; изъ нихъ 2 князю, а 2 хоша Рыбасу, или бросить, понеже оно не очень пріятно; да къ тому же, ежели двѣ рюмки я выпью, будетъ слабить. Какъ то другимъ? А ежели годно что будетъ, отпиши ко мнѣ: я въ будущее время побольше пришлю. Да не осуди меня, что я деревенское посылаю; а князю я общалъ. И письмо отошли же. Да его высокопревосходительству двѣ баночки для пробы патоки; одна подъ 1-мъ, а другая подъ 2-мъ №. Ежели угодно будетъ, отпиши, сколько прислать; а буде не покажется, напиши же. А о хорошей патокѣ съ Армянами я еще не говорилъ, а со временемъ велю прислать.

19 Февраля 1779 году.
Москва.

3.

Ежели кормилицу зовутъ Аннушка, сто рублевую асигнацію запеча-

тай и подпиши колдунѣ Аннушкѣ и отдай ей; скажи, что изъ Москвы прислано. И кто у васъ Аннушка, пожалуй отпиши; я не знаю. Да при ней двѣушкѣ пятидесятную асигнацію дай же, и оныя деньги возьми отъ Емельяна. А ежели не Аннушка, такъ у Настасіи Ивановны спросай; какая Аннушка смѣетъ превосходитьство *) бранить?

28 Февраля 1779 году.
Москва

4.

Князевъ пишетъ, что дѣло ихъ кончили: будутъ дѣлать выписку да слушать, и тако продолжится на годъ; а мнѣ очень хотѣлось, чтобъ онъ былъ въ Воспитательномъ Домѣ: я безъ него, какъ безъ рукъ. Онъ какъ человекъ знающій и прилежный, хотѣлося въ Воспитательномъ Домѣ для удовольствія гражданъ, а паче въ прославленіе покровительницѣ премудрой Екатерины. За полезность хорошаго учрежденія неусыпная бы отъ народа благодарность была, а теперь будто связанное все лежитъ. Я же одинъ, по недостатку моего разума, того привести не могу; да и отъ меня дичатся, потому что я не умѣю гладко отвѣтствовать. Не разсудится ли съ кѣмъ о семъ поговорить?

Да сегодня просилъ его высокопревосходительства. Малой знакомъ, хорошъ, въ главные надзиратели; а должность, думаю, онъ свесетъ; а если полѣнится, можно тогда и попришить.

Болтливымъ на томъ свѣтѣ сквозь темя языкъ продѣнуть да и повѣсять, такъ и за неволю помолчишь. А васъ прошу, коли ладно, скажи мнѣ.

7 Марта 1779 году.
Москва.

*) Т. е. самаго Демидова? И. Б.

5.

Къ И. И. Бецкому.

Милостивый государь Иванъ Ивановичъ!

Вашему высокопревосходительству осмѣлился представить, не разсудили ли опредѣлить главнымъ надзирателемъ господина капитана Ивана Сергѣевича Сергѣева? Онъ прежде служилъ при дворѣ лакеемъ и камеръ-лакеемъ, оттуда бѣжалъ къ князю Потемкину поручикомъ, оттуда бѣжалъ въ полицію капитаномъ. Я его называю вошью. Онъ таперя здѣсь опредѣляется въ полицію; а мнѣ жаль отпустить. И такъ-то совѣтую, не угоднולי вашему высокопревосходительству его опредѣлить. Онъ не пьяница, не гуляка; вины въ этомъ нѣтъ, что молодъ. У него только старуха мать. Да къ тому же не спѣсивъ и не прихотливъ, да и мнѣ знакомъ, да и ваше высокопревосходительство понавѣдайся объ немъ. Да мнѣ болѣе любитися, что не волочится, и меня бранивалъ, когда Богдановна придетъ. И ежели наши мысли сходны, браковать нечего. И сіе оставляю во благоволеніе ваше; мнѣ хочется, чтобъ было хорошо.

А господивъ Коваленскій хорошъ бы, да не знаю какъ всѣмъ Домомъ онъ нелюбимъ, и многіе офиціанты отошли.

Ваше высокопревосходительство обо мнѣ извѣстны, что я люблю такое: какъ увижу дурно, хоша и не моя должность, прикажу поправить; то бы и исполнилось. А такіе, которому хошь колъ на головѣ теши, а онъ разумомъ своимъ не исполняетъ, таковыя-то мнѣ нелюбимы.

Желаю дражайшаго здравія и благополучія. Я таки думаю, не Боже-

ское ли споспѣшествованіе къ зрѣлости времени, да какъ Богъ дастъ старика, совершенно скажу: пойдетъ хорошо.

Всегда готовымъ слугою остаюсь
Прокофей Демидовъ.

7 Марта 1779 году. Москва.

Къ М. И. Хозикову.

6.

Поговори съ его высокопревосходительствомъ Иваномъ Ивановичемъ: ежели купцы въ Комерческое Училище дѣтей отдавать будутъ, чтобъ Иванъ Ивановичъ дозволилъ обще съ господами опекунами и мнѣ быть. И ежели хорошенькія ребятки попадутся не свыше 10 лѣтъ, однимъ приѣмомъ меня бы пожаловалъ, черезъ что приохотить отцевъ къ отдачѣ дѣтей, да и мнѣ бы охотнѣе было около ихъ возиться. Пожалуй, государь, на первой почтѣ скажи мнѣ.

Вотъ приѣму срокъ 21-го Апрѣля; мнѣ бы надо съ купцами заблаговременно поговорить. А я къ его высокопревосходительству объ ономъ не писалъ, а для того, чтобъ ему не напоршить голову; такъ оное будто стороннее. При томъ примѣть, не противно ли ему, что я черезъ тебя съ просьбами лѣзу; ежели противно, то я буду вѣреть къ нему писать: а мнѣ разсудилось о эдакой бездѣлицѣ утрудять такого старика не для чего.

25 Марта 1779 году.
Москва.

7.

Выпрѣси у его высокопревосходительства, дабы нынѣшній приѣмъ въ Комерческое Училище мнѣ дозволили обще съ господами опекунами. Я уже по городамъ повѣстки печатныя разослалъ, и дабы между нами препятствія не было. А преж-

де сего о дозволеніи я уже тебя просилъ. Такъ пожалуй; вѣдь не для меня, а для полезности; и только одинъ приѣмъ, а впередъ, какъ планъ *) говорить. Немного купцы меня любятъ. Мнѣ таки и почваниться захотѣлось, приѣхавши изъ Питера. Пожалуй, сударь! И у купцовъ дѣти воспитаны не хуже училища, а кому Богъ дастъ и кого благословить; не потому, что пятилѣтній будетъ, а другой и выкастаетъ глаже. Власть Божеская! Правда, хорошо воспитаніе, а лучше и природа. Вотъ и слава Богу!

28-го Марта 1779 году.
Москва.

8.

О наборѣ купецкихъ дѣтей его высокопревосходительство, видно, оставляетъ во благоволеніе господъ опекуновъ. Я отъ тебя объ ономъ не имѣю извѣстія. Да все ли онъ здоровъ? Ужь я замучилъ его. Да какъ-же мнѣ хочется, чтобы Богъ далъ ему помощника старика. Развѣ его превосходительство не очень хочетъ? Мнѣ хотѣлось, чтобъ Иванъ Ивановичъ только отъ народу слышалъ удовольствіе.

У насъ кудряво, да все въ обманяхъ, да въ приказныхъ догадкахъ. Мнѣ оное не знакомо. А ежели бы старикъ былъ, онъ бы тѣ догадки и крючки приказные далеко бы видѣлъ и могъ бы у насъ поправить.

За присланную банную книжку скажи г-ну Рыбасу спасибо; въ ней есть хорошія примѣчанія, а сто разъ украшенія, въ которыхъ и нужды нѣтъ, кромѣ хорошему затменія и продолженія время и напраснаго труда. Еще, въ обычаѣ, пишутъ для простаго народа Русскими литерами, чтобъ всякій читать могъ; а въ оной

*) Т. е. планъ, или постановленіе Воспитательнаго Дома.

нѣсколько есть писаны Латинскими литерами. Хорошо, кто ученъ; а болванъ и не прочтетъ. Хорошо бы и вторично приписали толкованіе Русское, то бы и простымъ людямъ было угоднѣе; и потому-то я думаю, по ея пространству, немногіе полюбятъ; а чтó короче да яснѣе, то бы и лучше *).

Хотѣлъ бы ваше здоровье съ праздникомъ мученика Фомы поздравить, да не смѣю; а потому, что на Васильевъ островъ для худаго льда опасно и подумать, не токмо ѣхать къ празднику. Такъ-то, мой другъ! По пословицѣ: какъ собакѣ дѣлать нечего, такъ лежа битку лижетъ. А уповаю, тебѣ же не во гнѣвъ будетъ, что навралось? Аглицкой попъ ѣдетъ въ Питеръ: пишетъ, ѣсть нечего. Да егото я просилъ привезть въ Комерческое Училище мастера. Онъ очень охотится; не глупъ.

8 Апрѣля 1779 году.
Москва.

9.

Иванъ Ивановича благодарствую, что дозволилъ съ опекунами мнѣ сидѣть. Они и безъ дозволенія всегда меня допускали, да я не хотѣлъ. Да и теперя, когда нужды не будетъ, такъ не поѣду; а когда Богъ дастъ мнѣ помощника, я почаше гулять буду.

11-го Апрѣля 1779 году.
Москва.

10.

*Письмо къ Н. И. Рибасъ, дочери
Беукаго.*

Милостивая государыня моя Настасья Ивановна!

За предражайшій гостинецъ, а именно: книжка неощенная, опи-

*) Это отамвъ объ извѣстной книгѣ Саншеса, вышедшей въ Русскомъ переводѣ въ Петербургѣ въ 1779 году (Смирдинъ, 4899). П. Б.

саніе Русскихъ бань, приношу мою глубокую благодарность, въ которой писаны чрезвычайно хорошія примѣчанія; да жаль много пустыми разсказами затменено, для простаго народа неохотно читать; а особливо намъ съ г-номъ Каменскимъ ¹⁾ полюбилось о дѣтяхъ; да и я по сю пору не зналъ. Въ родильняхъ, какъ скоро разрѣшится, ребенка того же дни въ квадратъ ²⁾; а родильница, какъ выздоровѣетъ, выходитъ на свободу. Каменскій хотѣлъ учредить, да будетъ ребенокъ съ матерью, покуда она продолжится, чтобъ первымъ молокомъ ребенокъ очистился. Вотъ еще сколько у насъ простоты! Оное довольно знаютъ доктора, да только лѣнь бабушкѣ приказать.

Вотъ сколько мнѣ жаль трудовъ графскихъ; я никому еще не благодарилъ, а ожидаю конца. Да будетъ ли? А для того, что, большимъ титуломъ награжденъ Сава ³⁾, чего Государыня не любитъ. Однако не повсѣмъ отчаяваюсь; можетъ быть, его высокопревосходительство выпросить. Дружень г-нъ Завадовскій съ графомъ Воронцовымъ; не ихъ ли вексели мѣшаютъ? У васъ очень кудряво; я насилу отъ васъ бѣжалъ, да тѣмъ-то и проигралъ. Сумнѣваюсь, главное дѣло, не простуженъ ли я усвѣтлѣйшаго князя. Не знаю какъ-то простительной отъѣздъ мнѣ отъ него, кажется, былъ холоденъ; а потому сказалъ: „Ну, инъ поѣзжай“. Благодарить ⁴⁾ пред-

¹⁾ Яковлевъ? П. Б.

²⁾ Т. е. въ квадратное зданіе или въ главную часть зданія Московскаго Воспитательнаго Дома? П. Б.

³⁾ Николаемъ Николаевичемъ, начальникомъ Московскаго главнаго архива Коллегіи Иностр. Дѣлъ и опекуномъ Воспитательнаго Дома? П. Б.

⁴⁾ Т. е. Государыню за пожалованіе генеральскимъ чиномъ. П. Б.

ставлялъ на походѣ въ комедію и такъ будто чинилъ, не имѣя времени представить и будто прислуживалъ ко мнѣ, часто прихаживалъ, сказывалъ: „скоро пойдетъ“. Я сумнѣвался: такъ былъ поставленъ. Либо говорить будетъ, либо такъ пролетитъ: а на послѣдокъ и вышло ничего. А васъ я не послушалъ, до воскресенья не побылъ, вотъ и не на кого пенять. Не можно-ли, моя матушка, толико намъ на семь свѣтъ пожить, какъ увидимъ изъ Европы учиться ѣздить къ намъ будутъ!

А я таки купцамъ губы мажу; да такія головы: думаютъ, будто дѣти вѣчно къ нимъ не возвратятся. Хоша планъ видить, да какъ баранъ головой трясеть. Вотъ что здѣсь непостоянно. А со спѣсивыми улаживаюсь всякими пристойными неправдами, и будто нѣсколько подаются.

Съ г-ми опекунами смолвились. Первый наборъ дѣтямъ 27-го Апрѣля будетъ; а сколько Богъ дастъ намъ, не знаю; изъ Ярославля обѣщали привезть-же.

Вѣдь вы, государыня моя, ошибаетесь, будто я упрямъ. И правда, кто меня не знаетъ, назоветъ такъ; а потому, что я не умѣю учтиво выговорить. Въ томъ и вижу себя; да воспитаніе мнѣ не дало, къ тому же и мысли мои коротки.

За присылку въ Совѣтъ отъ его высокопревосходительства о наборѣ въ Комерческое Училище дѣтей, и я приглашенъ, за оное приношу мою нижайшую благодарность: меня много тѣмъ порадовало. Я только однажды напакою. Да, ежели хорошо, можетъ быть полюбится, а дурно, такъ плюнется. Всегда готовымъ слугою остаюся Прокофей Демидовъ.

15 Апрѣля 1779 году.
Москва.

Къ М. И. Хозикову.

11.

Отъ 30 Апрѣля письмо получилъ. Другъ епитафинъ, г-нъ Друковцовъ, какъ услышалъ первую исторію, то штрафовалъ себя такою гадостію; однако всѣ бранялъ. Только г-нъ Друковцовъ поскакалъ было въ Питеръ и поѣхалъ на плоту черезъ Москву. Чуть до смерти не утонулъ. Я сегодня копію о похвалѣ г-ну Друковцову пошлю. Онъ еще не очень здоровъ: въ холодной водѣ часа два сидѣлъ; можетъ быть, онымъ рецептомъ поправится.

Я, мой батюшка, о моей радости тебѣ доношу, что Богъ меня благословилъ двухъ дѣтей богатыхъ отцевъ въ Комерческое Училище принять. Я думаю, его превосходительство на меня гнѣвается; да я уже отважился, чтобы было за что. Одинъ 6-ти лѣтъ, а другой 11-ти, которой Русскую, Нѣмецкую, Ариметикъ уже выучился и говорить изрядно немного и пофранцузски. Да я богатымъ купцамъ и отважился отъ 5-ти до 12-ти лѣтъ принимать и обнадеживалъ ихъ, а небогатыхъ, въ силу плана, около половины собрано; обѣщаютъ, да не скоро; а какъ помедлятъ, такъ какихъ Богъ дастъ: можетъ и въ Юнѣ кончится.

Меня, государь мой, богатый много порадовалъ. Какъ его сынъ выдетъ и будетъ въ чужихъ краяхъ, отецъ жедаетъ, чтобъ тамъ Россійская контора завелась. Тогда-то богатые купцы жалѣть будутъ о глупости своей.

6 Маія 1779 году. Москва.

12.

Вѣдный господинъ Князевъ можетъ быть ушибенъ отъ графа Алексѣя Григорьевича *); а вотъ за что. Ему пожа-

*) Орлова, сосѣда Демидову по Нескучному.
П. Б.

ловали степь съ означенными десятинами; а его сіятельство хотѣлъ взять отъ моря до моря, до Кіева города.

Князевъ отговаривался несмѣлостью; многіе Князеву говорили съ пристрастіемъ, да и самъ графъ Федоръ Григорьевичъ пріѣзжалъ, просилъ: Князевъ отказался. Видно стороною заряжены на Князева лгуны; а генераль-прокуроръ графовъ очень любить и во угожденіе имъ дѣлаеть. Объ этомъ поговорить съ Князевымъ; я такъ-то думаю.

А что свѣтлѣйшій князь Григорій *) ѣздитъ и защищаетъ Князева, это пустяки: дѣлаеть отводъ, будто не ихъ пакости человекъ ушибить.

Я думаю, скоро большая часть за эдакія жадности свалится. За степь оброку въ годъ около десяти тысячъ достанеть; да все общество обижается, потому что коровьи скупщики откармливають скоть, осенью гоняють въ Москву и въ Питеръ и всѣхъ кормятъ: лучше бы помогать, нежели ихъ притѣснять. Куды, батюшка, мудрено, какими дальностями жадность погашають! Я уповаю, свыше небесная сила за несправедливость тихонько ползеть. То-то комедія смѣшная и диковинная! А, можетъ быть, мнѣ такъ почудилось: кто что любить, то и грезится.

Больше всего мнѣ чудо, что князь Потемкинъ, какой преразумница, а графовъ тѣшить и Князева давить; я отъ него и выспросить не могу. Хоша бы съ Князевымъ поговорилъ. Еще мнѣ таки чудо: Волкова, Моисеева, Князева какъ-то худо любятъ; ужъ не зато-ли, что они одарены большимъ понятіемъ, такъ для нужды ихъ, какъ кровавыхъ собакъ, для медвѣдя берегутъ?

*) Т. е. Орловъ. Д. Б.

Вотъ и Собакинское дѣло, господинъ Завадовскій замѣшался и остановилъ. Здѣсь у многихъ объ ономъ пишутъ. Я уповаю, нашему старику объ ономъ извѣстно. Да я то не знаю, такъ и лучше.

Чудо, мой государь! Сколько я любилъ Алексѣя Григорьевича, а теперича духъ мой колеблется. А можетъ, я обманываюсь; только безъ вымысла, а такъ натурально. Богъ изволилъ. Въ моихъ примѣчаніяхъ, хотя кто незнакомъ, да справедливъ, такъ дѣлаеться какая-то любовь и почтеніе; а за лукавство какъ-то отмѣняется.

13 Маія 1779 году.

Москва.

13.

Знаешь-ли, мой батюшка, нынѣ сахаръ повышелся, и такъ-то губы мазать убыточно. Уже въ Сенатѣ за печкою проваляется; да противу его превосходительства господина Завадовскаго кто смѣетъ передѣлать? Развѣ я пособачусь заочно. Не на кого пенять. Кабы подождалъ масляной, авось бы на первой недѣли кончилось или въ воскресенье. Да я не думалъ свыше физическихъ доказательствъ: изъ горяча въ холодность не ходять. Вотъ перемѣнилась ось! Да и пословица: ни въ Мартѣ воды, ни въ Апрѣлѣ травы. Нынѣ въ Мартѣ вода и въ Апрѣлѣ трава. То-то бають: вѣкъ живи, да все натирайся; а я съ дуру никого не послушалъ.

23 Маія 1779 году.

Москва.

14.

Отъ 21 Маія ваше письмо получилъ и благодарствую. Что скоро въ Сенатѣ кончится, я не вѣрю, а потому, что тутъ замѣшался графъ Воронцовъ; и такъ-то, для дружбы господна Безбородка и Завадовскій пи-

кого не послушаютъ, а сдѣлаютъ, какъ имъ угодно. Я ужъ думаю, не лучше-ли съ его высокопревосходительствомъ поговорить, чтобъ Воронцовъ открылся, чего онъ по векселю требуетъ. Напрасно онъ маленькимъ большое ломаетъ. Лучше маленькое изломать, а большое оставить; Воронцовъ же, когда продалъ заводы, тогда и о векслѣ съ Савою рѣшено. Да знать, что Сава хлѣбитъ, что Воронцовъ крѣпко за Саву уцѣпился.

27 Маія 1779 году.
Москва.

15.

Вчера былъ въ Университетѣ при собраніи главнаго Куратора, гдѣ отъ господъ профессоровъ была благодарственная рѣчь къ дражайшей и премудрой Екатеринѣ на восшествіе на престолъ.

А послѣ была и мнѣ рѣчь отъ молодого студента, и прилагаю. Послѣ экзаменовали студентовъ и по ихъ наукамъ производили и дарили. Было собраніе господъ и духовенства. Въ 7-мъ часу разѣхались.

Можно сказать, хоша на курячьихъ лапкахъ кураторъ основалъ, да слава Богу хорошо. Жаль, что тѣсно. Благородное общество для ученья отдають дѣтей, и въ тѣснотѣ обучаются. И тѣхъ ради нуждовъ я прикупилъ домишко за 10 тысячъ и сегодня отослалъ. Иванъ Ивановичъ подумаетъ, такъ скажи ему: я еще оставилъ; а вѣдь это, право, надобно.

У меня перелиняли соловьи и едва запѣли, только не громко. Малиновки, жаворонки, поютъ, и твоя юлка не покидаетъ, тудаже реветъ! (безъ числа; но должно быть писано 1 Іюля 1779 года, см. Шевырева, Исторію Моск. Университета, стр. 113).

16.

Знаешь ли ты и вѣдаешь, что семидесятной старикъ съ ума сего дня спятилъ: нашелъ сегодня же бумажку; а желаетъ, еслибы Богъ услышалъ его прошеніе, въ тридцати саженьхъ дистанціи изъ фузей другъ по дружкѣ выпалить. Любезный другъ его, что на цѣпяхъ держать, просить отъ дражайшей барыни справедливости. Вотъ и конфирмація: я бы для того старика прислалъ. Справедливость бы Богъ обличилъ, а въ кудряхъ пути нѣтъ. Да старику паче всего удивительнѣе, что по-сю пору не знаетъ, кто ее обманываетъ. И такъ-то старикъ въ отчаяніи, что обнесень ей несправедливымъ. Бывало сегодня солнышко, а сегодня же дождливо, только тепло. Старикъ заперся, поѣхалъ въ поля, боится, чтобъ по прежнему на арканъ не подцѣпили. Несчастливы всѣ, что потеряли любленіе и благодарность къ Господу.

Куда мнѣ жаль, что осмидесятнй старичокъ - философъ, недостаетъ въ немъ приказныхъ кудрей. Хоша бы для семидесятнаго нанялъ кудри расчитать. Теперича бумаги брошены во второй департаментъ: пошло опочивать до скончанія жизни. Эдакъ-то у васъ, что и рѣдко сказать. Семидесятной желаетъ вамъ любезнымъ всѣмъ дражайшаго здравія и всякаго благополучія. Живите, поживите между людьми, какъ жаркое на вертелѣ. И приписую нижайшій поклонъ господину Рыбасу.

8 Іюля 1779 году.
Москва.

17.

Ты меня не зазри, что я тебя въ надеждѣ прошу; а я никому не скажу.

Въ Воспитательномъ Домѣ перешептываютъ, будто господинъ Ильинъ по прѣздѣ отъ Ивана Ивановича вмѣсто благодарности получилъ не благодарность, и будто Иванъ Ивановичъ столько гнѣвался, что и волосы на себѣ рвалъ, и будто Ильинъ на кирпичахъ живетъ и больше на глаза не вздѣтъ.

Да я между разговорами и отъ господъ опекуновъ примѣтилъ. Ильинъ многія ремарки для донесенія повезъ, а отвѣту нѣтъ. И такъ-то немного они колеблются.

Вотъ, государь мой, дѣло бездѣлица, до надобно что-нибудь въ Совѣтъ о Ильинѣ написать, понеже здѣсь много и напраснаго чудится, а отъ подтвержденія, можетъ быть, придуть во осторожность. Не прогнѣвайся, государь: хоша и благородные опекуны, да шатаются, какъ повѣсы.

Ежели Ильинъ въ опалѣ, пожалуй, скажи мнѣ; я онаго никому не скажу; а по полученіи извѣстія утверждать постараюсь.

Государь мой! Мнѣ Ильинъ ничего, только я дивовался, сколько онъ къ лучшему порядку приводилъ и въ такой скорости многія слабости нашелъ. И нынѣ въ Совѣтъ и въ Домѣ, кажется, все построжѣя и по порядочнѣя пошло, да вотъ вѣтренныя эхи, чтобъ не избаловали.

Мнѣ таки и то чудо, ежели оная холодность была. Зачѣмъ и отъ кого здѣсь сказано? Ильинъ мужикъ не промахъ, болтать не станетъ, а у Ивана Ивановича, кажется, отъ большой части употребляется на уединностяхъ, а не въ публикѣ. А въ публикѣ Иванъ только рассказываетъ чтѣ сдѣлано и чего сдѣлать еще надлежитъ.

Вчера обѣдалъ у меня Грекъ, который былъ и живетъ въ Цареградѣ;

я о кофи къ нему писалъ; онъ везетъ и за недостаткомъ дороги оставилъ въ Тулѣ. Таперь дорога хороша и ожидаетъ скоро. Сказываютъ, Салтанской нѣтъ, да и утверждалъ мнѣ, будто и Салтанское величество кофи не пьеть; а для того, будто дѣлаетъ сердитымъ и меланхолію, а у двору хорошую употребляютъ,—Ливаную. Грекъ нарочно самой свѣжей и лучшей досталъ изъ Италіи, которая мало въ морѣ была. Какова-то будетъ, не знаю, а называется ее Ливанскою; жетъ или правду говорить? Греки рѣдко справедливы. Вотъ увижу.

9 Декабря 1779 году. Москва.

18.

О господинѣ Ильинѣ въ Домѣ ту благодарность разсѣяли, что господа опекуны въ робость пришли и хорошее бросили. А мутили бы воду для ловли рыбы. Это и вездѣ водится. Мотарыгу хвалятъ, а скупыхъ бранятъ.

О вѣздѣ вашей ошибаешься, не то баишь. Да болѣе и не пиши: шило въ мѣшкѣ сыщется. Пятница твоя *) ужъ пятится; то-то зависть и чужаго жаль.

Здѣсь прѣзжіи молодець скупаютъ картежныя деревни. За 20 тысячъ платитъ 5. А буде-де не возмешь, такъ и совсѣмъ пропадешь; а я-де заплачу. Понадобилось ему 30 тысячъ; прѣхавши ко мнѣ, говоритъ: получилъ съ Лобанова, такъ дай мнѣ. Я сказалъ сущую по евангельской правдѣ: получилъ да и промоталъ. Таперь нѣтъ, а если Пятницу умастеришь, такъ подарю. Видно только здѣсь нашу братью страшатъ, а дѣла ни на полплѣши нѣтъ. Такъ-то я

*) Вѣроятно по Пятницамъ былъ докладъ у Государыни, по дѣламъ Демидова. П. Б.

къ зависти говорю; эдакой бы молоденькій благодвориль, а не деревни бы хваталь. Слава Богу, съ шесть тысячч душъ наловилъ; а здѣсь ловить больше двухъ. Куда ихъ дѣнетъ? Часто планъ ломается.

26 Декабря 1779 году. Москва.

19.

Мнѣ еще сказали, что Ливанскую кофѣ ненадобно до черна жечь, а только чтобъ колеръ былъ коричневый, то будетъ вкуснѣя, такожь и въ чашкѣ масло плаваесть. А ежели пережечь, будто масла и вкусу такого не будетъ. Пожалуй отвѣдай я не умѣю. Не обманываютъ - ли меня тамошніе народы?

Таперя-то передъ его высокопревосходительствомъ много мнѣ стыдно, что я Пятницею ошибся и то тѣмъ, что чрезвычайныя отъ его высокопревосходительства просьбы продолжаются. Уже о томъ и сумнѣваюсь. Можетъ быть какъ его увидятъ, такъ и смѣются, что онъ толико привязался; а ежели кончится, то въ нынѣшнія времена это изъ чудъ чудо. Мнѣ таки плохо вѣрится, а паче потому, что много моихъ хлопотишекъ набралося вдругъ. Уповаю, всякому оно огорчительно. Мнѣ ужъ и поминать стыдно, да только хотѣлось для Дому бросить; а для меня, думаю, какъ ушей своихъ не видать. Вотъ, уповаю, хорошо распарываетъ г-нъ Сахаровъ Другое здѣшній сенаторъ г-нъ Камынинъ. А слышно не одно мое, но и 20, по милости Камынина, дѣлъ, къ генераль-прокурорскимъ дѣламъ отослано. Уже здѣшніе и сенаторы дивятся, сколько Богъ передъ всѣми Камынину разуму далъ. И первая въ здѣшнемъ Сенатѣ умница. Увѣряютъ, ежели бы посмотрѣть голосъ, каковъ отъ Камынина на Попова изъясненъ, то бы

подлинно безъ сожалѣнія не осталось. Поповъ сынъ достоинъ и въ протопопы, нежели нынѣ заводчикъ. Спасибо Камынину, что объ немъ старается.

Государь мой, какъ-то мы несчастливы! Приѣзжій г-нъ экономъ еще боленъ; сказываетъ, зубы болятъ, и такъ-то въ должность свою, почитай, не вшелъ. Я сумнѣваюсь. Конечно его Иванъ Ивановичъ не видалъ; а видѣлъ его, какъ былъ онъ молодъ, а теперя поизносился. Примѣчай эконому помоложе. Оная должность будто собачья. 1) Чтобъ чутье было, для того что потребно ускорить купить. 2) Лежачи не вдругъ пронюхаесть; надобно походить, да и попровѣдать. 3) А въ Домѣ такъ и смѣты нѣскольکو переглядѣть, побраниться, пособачиться; а безъ того нельзя. Бездѣлица сказать, и за маркигантами хлопотъ много; они ужъ избалованы. Ежели главный надзиратель не въ силахъ поправить, всѣхъ перемѣнить новыми маркигантами понадобится.

30 Декабря 1779 году.
Москва.

20.

Какъ-то Богъ благословить впередъ, мой сосѣдъ графъ Алексѣй Григорьевичъ подарилъ мнѣ шесть лошадей, на которыхъ я и погуливаю. Особливо ребятишки жадно глядятъ и дивуются лошадамъ. Онѣ ростомъ не много больше аршина, и бѣгаютъ рѣзво.

Вчера въ холодной эпанчѣ видѣлъ я бѣгъ конской. Князь Орловъ спрашивалъ, для чего я не озябъ, а они и въ шубахъ дрожали. Отвѣчалъ: дѣло мое жепиховое. А послѣ глядѣли въ манежѣ Алексѣя Григорьевича Аглинскихъ скакуновъ. Куда много и гражданъ съѣзжаются. Спасибо

Алексѣю: проворенъ и догадливъ, а паче всего что имѣеть ко всякому ласковую благопріятность. И такъ здѣсь его любятъ.

6 Января 780 году.
Москва.

21.

Отъ 14 Генваря ваше письмо получилъ и благодарствую; а во ономъ, что старый экономя на меня гнѣвается и со мной не говоритъ. И не знаю, какъ онъ вздумалъ мимо меня къ его высокопревосходительству писать; оное разсуди, будто онъ уже меня и бранить. Сколько я объ немъ старался! Да вотъ бѣда: бывъ въ экономахъ, карманы наколотилъ, да что на мѣсто его экономя присланъ, я и сдѣлался виноватъ.

Я уповаю, его высокопревосходительство отъ него потребуетъ, чтобъ былъ атестать, и тогда-то по достоинству и чинъ получить. У добраго хозяина должно только за то, что онъ недостойно просить и утруждаетъ, и обманываетъ такого старика, каковыхъ рѣдко имѣется, за уши драть; а надлежить спросить отъ него, отчего напакостилъ, да прочь бѣжить? Я таки думаю, что его высокопревосходительство не вдругъ его пожалуетъ. Знаю его милость; развѣ особливо старый экономя счастливъ, что нашего старичка обманетъ.

Я бы не думалъ, чтобъ о залѣ чертежи работались; однако, когда сдѣлали такъ, намъ легче. Да правда, что нужды до лѣта нѣтъ. А мнѣ только было надобно потолки или хоры сдѣлать.

Новый экономя еще неизвѣстенъ. Дай Господи, чтобъ таковъ былъ, какъ ты пишешь; только здѣсь все такіе псы, хоша и святаго съ ума сведуть: крадутъ, другъ о другѣ по-

такають и новыхъ закупають, всякую хитрость приводятъ, чтобъ сдѣлался такой-же мошенникъ, какъ и всѣ. Съ пріѣзда Ильина немного поправилось, а нынѣ, чтобъ не ослабло. Я смѣну видѣлъ экономякую — все по прежнему, такъ какъ бы обыкновенно караулъ смѣняютъ, а не съ рукъ на руки отдають. Можно смѣло сказать, что во опекунахъ чорта въ нихъ, когда они не исполняютъ, а только поговаряють. Повѣрь, ей Богу, за милость его высокопревосходительства я только продолжаюсь; а то бы давно бросилъ.

Пожалуй, выпроси у его высокопревосходительства, чтобъ только одно во обычай вошло, а именно: кто найдетъ или увидитъ, чего недостаетъ или что не такъ, тотчасъ бы и поправить; вотъ день ото дня и будетъ хорошо. А таперя самые опекуны, а по нихъ и другіе, что увидяють да поговаряють, да и бросяють; и оттого накопилось дурно, что едва ли возможно безъ горячности поправить: всякую бездѣлицу 50 разъ говорить надлежитъ. Вотъ примѣръ: Ильинъ здѣсь былъ. Господинъ Каменскій отдалъ баню. Я благодарилъ и хвастался. Онъ больше двухъ мѣсяцевъ не кончилъ, и таперя бы, пропусая къ строенію время, бросилось. Случилось мнѣ заглянуть въ Совѣтъ и спросить; тутъ ужъ Ильинъ и всѣ принудили кончить и съ баньщикомъ заключить контрактъ. Исполненіе, кажется, бездѣлица, да оное крѣпко, а таперъ владычествуетъ по сей день въ своихъ желаніяхъ, и ничего. Я примѣръ скажу. Ежели навралъ, увидитъ что, да не поправитъ, и умножится слабостей; сіе уже вамъ знакомо. Я не алтынничаяю, только достатку-разуму моего нѣтъ не войтить во оное, понеже меня скоро обмануть. Въ Домѣ не все то, что дѣ-

латъ надобно; а большая надобность въ примѣчаніяхъ, въ уловкахъ, черезъ что узнаешь и благопристойнымъ пріемомъ уладишь.

Подлинно сказать, какъ же глупо, бѣдно, будто и благочестиво, да тако на зло и на пакости хитро, что надобно съ большимъ терпѣніемъ ихъ сердце знать. Примѣръ тебѣ скажу: ежели на рапирахъ биться, должно знать его намѣреніе, куда ударъ его или обманъ представится. Спросай-ка, кто оному гораздъ; а я помоложе учился.

20 Января 1780 году.
Москва.

22.

Его высокопревосходительство, по жалобѣ на меня, приказалъ чрезъ тебя освѣдомиться о архитекторѣ Ситниковѣ, дабы я потребовалъ другаго. И такъ-то почтительно прошу его высокопревосходительству донести: на Ситникова мѣсто послать другаго, оное состоитъ во благоволеніи его; а для меня и Ситниковъ бы остался, не худо. А вотъ таперя идетъ столярная работа: окошки и двери неравныя; зову Ситникова, онъ уже и гнушается пріѣхать. Я просилъ главнаго надзирателя; вотъ и прилагаю обои письма. Такъ-то Иванъ Ивановичъ нашу братію балуетъ. Таперя столярные два этажа кончено; а достальные три, лучше или такіе же, не знаю. Да какъ я вижу, Ситниковъ уже и окошекъ не посмотрѣлъ; а какъ у него сдѣланы куполы, вотъ весна покажетъ. Правда, я себя не выправляю, а для того, что положился на Ситникова, а Ситниковъ не смотрѣлъ: и такъ-то я виновать.

А мнѣ хотѣлось, уже корделожъ Ситниковъ бы окончилъ, а какія дурности, я бы попросилъ господъ опе-

куновъ, чтобъ они засвидѣтельствовали.

Да, какъ нашей братьи всякія дряни упускаться стануть, такъ чорта въ насъ есть, на что и опредѣленные. Сердцемъ моимъ жалѣю трудовъ и великодушія Ивана Ивановича.

Корделожъ, кажется, нынѣшнимъ лѣтомъ кончился бы. Столярная работа идетъ, а лѣтомъ внутри подмазать; а сверху балахонъ есть. Да спроси у господина Ильина, онъ видѣлъ, уже немного осталось; развѣ господинъ Ситниковъ въ чемъ оставитъ.

Ситниковъ мнѣ и чертежей порядочныхъ окошкамъ и дверямъ не даетъ: такъ-то онъ избаловался. Я ужъ самъ ѣзжу, да таперя въ подагрѣ; а послать не кого. Ежели попродажусь, такъ, по надобности, кого изъ архитекторовъ попрошу.

Да и не можно-ли мнѣ сказать, въ Москвѣ ли или въ Питерѣ Ситниковъ опредѣляется? Онъ очень усердивъ былъ; да чортъ знаетъ, что ему слѣдалось: яко безумный, или какая надежда власно, мой батюшка, будто мнѣ бы въ карманѣ кукишки представлялъ. Много виновать я передъ Иваномъ Ивановичемъ; таперя заклинаю себя его о производствахъ просить. Просьбою я всю Академію Художествъ опорочилъ, что эдакому довольно и много за архитекторовъ быть. Говоритъ онъ гораздъ, а дѣла нѣтъ.

Много Иванъ Ивановичъ намѣренъ новое уставовленіе мнѣ сказать, да я по моей глупости не согласенъ буду; а для того, что мнѣ такія обстоятельства не знакомы, для чего идетъ излишество; и такъ-то я только принесу ему озлобленіе.

Какъ зеленаго, такъ и чернаго въ

Москвѣ чаю отыскать невозможно. Я сегодня просилъ господина Грифа, чтобъ онъ небольшую коробочку изъ Лондона зеленого чаю самого лучшаго прислалъ. Оное ожидать на первыхъ корабляхъ. Въ Лондонѣ я чай пилъ: очень хорошъ, только духу нѣтъ. Однако за неимѣніемъ хорошаго, какъ старый кучеръ ни исправляетъ, хошъ бичемъ хлопаеть; лучше того, какъ нѣтъ ничего. Вотъ матушка Русь! Спѣсью и портъ остановила. Таперя всѣ разсуждаютъ о цитронѣ. Какъ сокъ выдавать, его бросать. Благо-слови, Господи, дожить конецъ!

3 Февраля 1780 года.
Москва.

23.

Благодарствую, что господинъ Архаровъ о Домѣ любезно говоритъ. Хорошо, кабы и практика была. То-то бѣда: въ глазахъ губы мажутъ, а заочно кукишки кажутъ. Зачѣмъ-же онъ Сахарова привезъ? Да какъ не удалось, такъ и перевернулся лисцею. Дай Богъ, чтобъ хорошо было.

Благодарствую за увѣдомленіе питомцевъ. Тамъ моя полюбовница Аксинья Васильевна кривоzubая. Мнѣ бы пріятно, когда бы они хороши представились у его высокопревосходительства.

Слава Богу, что господинъ Голохвостовъ понравился. Онъ будто какъ не смѣлъ; не сдѣлается-ли проворнѣе по прѣздѣ?

Да за выборъ канареекъ приношу многую благодарность, которыя получены. Дорогою свалилась одна; поють. Да мнѣ въ голову не лѣзеть: подагра беспокоить.

17 Февраля 1780 году.
Москва.

24.

Я, слава Богу, продолжаюсь въ подагрѣ, только безъ терзанія: обѣими ногами ходить могу.

Да вотъ, мой батюшка, лежачи войди бѣшеная. Хорошаго не купятъ; а ежели бы, выправя, да прибавя какихъ нибудь пустошекъ, какой-бы бѣдняга напечаталъ, можетъ быть христіюлюбивые раскупили жите нѣшняго именинника Касьяна Михайловича. Тутъ главное изъясненіе: онъ любительную болѣзнь сочинилъ и изъ Кіева внутрь государства принесъ; а до того не знали, и народы онымъ не утѣшались. Не понравится ли сія благочестивая древность господину отцу Кошелевскому, какъ по примѣчанію благосмиреніе его къ таковому склонно?

Здѣсь, мой батюшка, зѣло въ модѣ всякія пустоши. Бываютъ ли у васъ таковыя въ употребленіи?

Не подивуй на меня, что я обезпокоиваю ваше здоровье таковыми важностями; а по пословицѣ: песь отъ скуки, лежа, куську своего лижетъ. Подобно и мнѣ тоже грезится.

24 Февраля 1780 году.
Москва.

25.

Научи меня, гдѣ сыскать тепло: у насъ ночи очень холодны, будто какъ маленькіе морозы; а днемъ пасмурно, и въ нынѣшнемъ во всемъ мѣсяцѣ болѣе не было какъ дня два теплыхъ. Нѣжное растеніе выставленное изнемогло. Къ тому же всякій день превеликіе вѣтры. Какъ-бы уладить, чтобы благорастворенный воздухъ насъ наградилъ? У меня только и радости. Какъ жадный, веселюсь на растенія. Изъ семянъ много пропало; а было посажено разностей безъ мало двѣ тысячи. А четыре человекъ

садовниковъ; перенисовъ и деревьевъ тысячи съ три; все то берегутъ да поливаютъ.

Жалю, что здѣсь нѣтъ ботаническаго сада: я бы удѣлилъ; а потому что изъ всего свѣта получаю всякое разное растеніе и семена; а другой, кромѣ короны, пожалѣть.

Вишень въ натурѣ цвѣло много, завязалось мало; да и оранжерейныхъ посредственно. Грушъ, яблोकъ — изрядно; а не такъ какъ много. Травы очень растутъ. Ежели дни хорошіе, и сѣнокосъ поспѣлъ; а къ осени и вдругорядь можно. Соловьи, малиновки, пѣночки линять зачали и твоему здравью кланяются.

Да посѣщаетъ-ли тебя моя красавица Богдановна? Ежели увидишь, скажи ей, что батюшка ея летаетъ по деревьямъ, въ Москвѣ его нѣтъ. Какъ увидишь Емельянушку — живали кухарка, которая меня кормила сигами?

25 Маія 1780 году.

26.

Третьяго дня графъ Фалькенштейнъ въ 10-мъ часу утра былъ у надзирателя и съ нимъ пошли въ квадратъ и тамъ глядѣлъ, ходилъ какъ императоръ, не разиня ротъ, и во многихъ мѣстахъ щедро награждалъ.

15 Іюня 1780 году.

Москва

27.

Письмо къ Н. И. Рибасъ.

Матушка моя Настасья Ивановна! Отъ 7-го Іюля ваше пріятное письмо получилъ и благодарствую.

Мое дурачество тебя въ смѣхъ привело; писалъ я по пословицѣ, что Русакъ задомъ крѣпокъ. Да я же, моя матушка, къ тебѣ пишу только для одного знанія, а не для исполненія.

Однако, ежели бы вышелъ законъ, такъ бы ябедъ убавилось; а такой: ежели кто съ кѣмъ дѣло начнетъ, да положится на него, не оговорится, что надобно; а послѣ хватится недостатку, таковымъ въ присутственныхъ мѣстахъ отказывать. А ежели кто попятится, такого понудить ко исполненію.

Вотъ, моя матушка, мое дѣло съ Сахаровымъ. Государыня отдала мнѣ; а я пожалѣлъ, посрочилъ на три года; таперя виноватъ, сдѣлался отвѣтчикомъ. И сколько я хлопотъ добрымъ людямъ надѣлалъ, за что бы надо меня высѣчь. Ежели бы Иванъ Ивановичъ въ мою глупость не вступился, вотъ-бы я и потерялъ. Скоро оное дѣло отъ князя Долгорукова пришлется къ Государынѣ *).

Да, моя матушка, не можешь-ли примѣтить, чѣмъ я прогнѣвалъ Государыню, что она по сю пору Савино дѣло не кончить? Я хоша и не завидливъ, да меня мучить. Ужъ не за то ли, что я въ работѣ при Воспитательномъ Домѣ? Она учредила, а таперя бросила; такъ-то и я хочу, окончивъ корделожъ, бросить; да пойду въ Университетъ.

Знаю и то, что много потеряю. Безсмертной Иванъ, какъ мочалка. Да только надежда, что дворяня обучаются, и можетъ быть впредь кто-нибудь спасибо скажетъ. Они какъ крапива стрекучая и будто смола липучая, другъ за друга хватаются; а насъ мохнорылыхъ за носъ водятъ. Я ужъ не доживу, какъ мои труды, по кончинѣ Ивана Ивановича, придеть какой богатырь, да Воспитатель-

*) Камердинеръ Государыни Александръ Игнатьевичъ Сахаровъ купилъ у Демидова деревню въ долгъ за 145 тысячъ и, не заплативъ долга, продалъ свою покупку. См. XVIII-й Вѣкъ, 95.

ный Домъ и пхнеть ногою въ Москву-рѣку: вотъ и пузырѣя вверхъ.

А для того: наше государство молодое, и всякая сволочь сперва смѣшалась; а больше вынѣ владычествуетъ Азіатское зло: не имѣють благодарности, какія общія полезности Государыня отъ Дому пожаловала, и употребляютъ ту милость себѣ въ грабежъ.

Поговорит-ка съ Иваномъ Ивановичемъ; онъ о привлеканіи сердець неусыпно старается, да успѣховъ мало видно; да по немъ, кто можетъ столько стараться?

Смотрит-ка Римскій императоръ видѣлъ замыслы Ивана Ивановича. Въ какую же впелъ въ диковинку, что и вторично въ Воспитательный Домъ ходилъ. Да правда, есть-ли такое строеніе и порядки въ свѣтѣ? А нашъ народъ оного за благодарность принять не хотять, кромѣ грабежа. Кто мало говоритъ, а дѣлаетъ много, да видитъ далеко, тотъ называется въ эпанчѣ; то-то о князѣ говорилъ. А вотъ какъ моя милость, скорохватъ, все болтаю, да еще и бранюсъ; такovýchъ называютъ дураками и вмѣсто употребляютъ шутилы. Да я уже и тому радъ, что пошливы съ меня не дергаютъ, только хохочуть.

Катехизмусъ послалъ: сколько тамъ ученые, что яичница драченая, наврала. А профессоръ Барсовъ еще свидѣтельствоваъ, такъ и мнѣ было страшно. Посмотрит-ка въ Библии, Богъ Адаму какое первое слово приказалъ? А ученые зачали передѣлывать да указывать. Да чортъ ихъ спрашиваетъ! Будто кромѣ ихъ не знаютъ, какъ жить да быть. Да только раскольщикамъ пыли подсыпываютъ. А по пословицѣ: и въ хитромъ найдется простоты; а Давидъ просилъ: удержи языкъ отъ зла! А какъ

придетъ судьба, не уберешься, и потому лучше всегда помнитъ: Да будетъ воля Твоя, и помилуй меня Господи!

Уже мою отъ 29-го бумагу тапера поймешь-ли? Я лучше этой азбуки къ тебѣ послать не умѣю. Да ежели тебѣ педосугъ, такъ вели отцу Маркѣ писать. У насъ съ тобою дѣлнѣтъ, опасаться нечего; а господинъ Рибесъ еще и радъ, что ты меня любишь, что я за тобой волочусь.

У князя я въ такомъ содомѣ въ первой обѣдалъ, такъ не гнѣвайся на меня, будто я не обѣдалъ. Скажит-ка ты Ивану Ивановичу, я вѣдь передъ нимъ виноватъ: солгалъ, что корделожъ кончитсѣ; а не додѣлано только въ церквахъ живопись, констасъ, въ проходныхъ сѣняхъ и въ залѣ живопись, да живопись же надъ подъездомъ комнаты, да главы и серваторія, а прочее вымощено, лѣстницы вставлены, подбѣлено, печи сдѣланы, окшки и стекла вмазаны, замки къ дверямъ прирѣзаны, кошъ жи-ви; только не сыро ли будетъ?

На серваторію желѣзныя стропила дѣлають; и такъ-то я похвасталъ, сдѣлаю-ли? Въ морской церкви шпиль я дѣлалъ и золотилъ; а шалили мы оное съ покойнымъ адмираломъ Голицынымъ; онъ меня любилъ, и я такихъ дураковъ скупыхъ люблю и для него-то мучился. Желѣзо въ стропилахъ съ работою и съ провозомъ въ Питеръ пудъ обошелся по 1 рублю 15 коп.; а въ лицѣ былъ покойный Чевачинскій, а я будто былъ чертенокъ. Когда мужикъ съ горы съ горшками везъ два воза, одну лошадь мужикъ велъ, а другая сама шла и взвалилась, то-то мужикъ съ горя болтнулъ: чортъ взвалилъ. Близко чертовка на колѣнахъ ребенка кормила. Сынокъ

матери жалуется: вотъ, матушка, ты свидѣтель, что я не ходилъ. Отвѣчала: дитятко, духъ твой тамъ былъ. Вотъ тебѣ сказочка. Ты, моя сударыня, не умѣешь сказокъ посылать, Марка умѣетъ. Я люблю все съ пыльцею: мѣшай дѣло съ бездѣльемъ; и купцы товаръ прежде разберутъ чтѣ плоше, да партіями худое и хорошее продаютъ.

Сколько я браню себя, для чего помоложе не зналъ Амстердамъ или Лондонъ: тамъ-то житье-то, а здѣсь хоть съ ума сойди, кромѣ смѣха не получишь.

Вотъ чортъ Сава и ленту у меня отнял. Я на тебя князю Потемкину жаловался, что за брата меня бранила.

Матушка моя! Ради Бога поблагодари Государыню въ 777-мъ году, что она по моимъ рассказамъ учредила на Кяхтѣ торгъ; купцы очень довольны и благодарятъ за милость Государыню; а мнѣ-то пріятно, что хорошо купцы рѣзвятся. Да не забудь же! Я хотѣлъ было благодарное письмо послать, да не смѣлъ; а для Англичанъ писалъ къ ней: либо побранить, либо промолчить. Отецъ Марка и Емельянушка знаютъ; они тебѣ и растолкуютъ, какая неприличная бездѣлица писана. Такъ-то старохваты шалятъ!

Желаю здравія и благополучія. У насъ 5 дней такъ тепло, что все растеніе изнемогло; въ домѣ моемъ людей всѣхъ я замучилъ поливаньемъ моей охоты. Кажется, нынѣшнее лѣто въ первой. Какъ-то у отца Марки?

Я очень люблю, кто меня оговариваетъ или учитъ; пожалуй, не лиши меня и на сіе; знаю, что тебѣ недосугъ, да ты хоть отцу Маркѣ прикажи; а я чрезъ оное натираюсь; пожалуй, натирай меня побольше.

Я безъ шутки снятлся. Поговори съ Иваномъ Ивановичемъ, дабы на мѣсто мое прислать какой архитекторъ. Здѣсь архитекторовъ очень мало; которые есть, все у дѣла.

Вотъ сколько Сенатъ безразсудно учинилъ, что архитектурскую науку бросилъ; а Государь съ какимъ же прилежаніемъ обучалъ и заводилъ! Бывало найдешь, а нынче негдѣ взять. Бланкъ отолстѣлъ, да и одряхлѣлъ: найму получаетъ по 5000 р. въ годъ; Баженовъ амбиціозенъ; хорошъ, да чорта въ немъ: цѣлуй, лижи, улаживай, какъ въ банѣ паръ. А прочіе у дѣла казенныхъ, такъ недосугъ, что ни б... ни п...: время нѣтъ; въ недѣлю будто Николу дожدهшься и молебень отслужишь, что и въ ... мокро будетъ, и для такого-то недостатка у меня нынѣшнимъ годомъ и не кончится.

Тягу я всю отмѣнилъ для муховъ и пауковъ, а велю расписать красками. Побей челомъ Ивану Ивановичу, чтобъ приказалъ въ залѣ плафонъ и стѣны водяными красками сдѣлать чертежи. Пристойность Воспитательнаго Дома; онъ какъ свалится, ужъ не кому такихъ дать мыслей. Побей челомъ, пожалуй.

Въ церквахъ я съ попами разболтаюсь, или какъ онъ изволить: чтобы научилъ, а я художниковъ искать стану; а безъ него я не съищу, потому что я всему тому не мастеръ.

13 Іюля 780 году. Москва.

28.

Къ М. И. Хозикову.

Правду ко мнѣ писала Настасья Ивановна, что я прогнѣвалъ Ивана Ивановича; только еще сумнительно, здоровъ-ли, или недосугъ, или скучилось на заочность, что на двѣ почты о залѣ не пишетъ. Таперя я и ожи-

дать не намѣренъ: сдѣланные хоры сломаю; а вмѣсто ихъ потолокъ, и такъ-то будетъ очень хорошо. Да къ тому-же господа опекуны залу опредѣлили въ ломбардъ; внутри довольно высоты будетъ, 9 аршинъ.

Таперя-то я и жалѣю, что о эдакой бездѣлицѣ къ нему прежде писалъ, на что онъ и чертежи прислалъ; а кабы не писалъ да ворочалъ какъ чортъ, вотъ бы по сей день и кончена была внутренняя работа.

Князя Потемкина матушка 1-го числа скончалась. Зять ея былъ, Высоцкій; сказывалъ, будто лѣкари въ боку нашли съ пригоршины каменьевъ. Вотъ какія еще болѣзни! Лѣто красное прошло, а календарь ноябрьскій хорошъ: спасибо профессорамъ! Отъ 23-го Настасья Ивановна пишетъ ко мнѣ и обѣдалъ у меня графъ Мартиненго, чтобъ я показалъ что у меня есть, да и что въ Воспитательномъ Домѣ. Я свое показывалъ. Онъ хотѣлъ 5 числа пріѣхать: тогда поѣдемъ въ Воспитательный Домъ. Графъ, видно, мужикъ похожъ на Иванъ Ивановича.

3 Августа 1780 году.
Москва.

29.

къ И. И. Бецкому.

Батюшка Иванъ Ивановичъ! Я, батюшка, не догадался о сохранной казнѣ; а думаю, что очень хорошо. Таперя буду улаживаться, да впередъ скажу. Не покручнись, милостивый государь, какое благоволеніе Божіе. Давно ли я въ Питерѣ пучеглазиль, а подобнаго не слышалъ. Какъ въ людяхъ тонко. Вмѣсто слезъ лучше смѣяться. Да какъ правда, хорошо; а лучше привычка; а воспитаніе мое Сибирское: и во снѣ не видывалъ.

За отеческую любовь отъ вашего высокопревосходительства приношу нижайшую благодарность. Красно и увеличить не умѣю, кромѣ: Богъ тебѣ заплати за доброе, челоуѣколюбивое и божественное сердце.

22 Октября 1780 году.
Москва.

30.

къ М. И. Хозикову.

Что разсуждалъ его высокопревосходительство Иванъ Ивановичъ о пріѣздѣ моемъ, я ѣздою колыбаюсь. Когда Иванъ Ивановичъ не можетъ повторять, а я что же за понукала? Въ комиссіи я и Сава перемолоди, да сверхъ того и Сенатъ просѣялъ. Мнѣ что осталось давать, когда судьба отъ меня отдалена. Да правда, и пасквильное ко мнѣ письмо хотя и вранье, да удерживаетъ.

Ежели какая надобность Ивану Ивановичу во мнѣ, то другое дѣло. Развѣ заочно нельзя?

30 Ноября 1780.
Москва.

31.

Мнѣ, отчаянному челоуѣку, очень грустно, да къ тому-же тысячу лѣтъ отъ твоего здоровья писемъ не имѣю. Пожалуй, пиши, хошь что нибудь. Я, когда получаю Петербургскія письма, хоша меня и обманываютъ, да я пріемлю какъ бы за какой праздникъ. И Солодовниковъ на нынѣшней почтѣ не пишетъ, а обѣцалъ всякую почту писать, кромѣ замерзанія Невы. И отъ того-то мнѣ скучно. И къ тому-же и слышу всякое посмѣяніе, да и практикою вижу. Сава Яковлевичъ, да Александръ Игватьевичъ Сахаровъ, да Василій Ивановичъ Баженовъ, да изъ купцовъ челоуѣка 4 такіе-же обидкики. Да я съ ними

на одной доскѣ, на ряду, и мнѣ преференціи передъ ними нѣтъ, кромѣ того какъ ха, ха, ха! Да зачѣмъ ты съ ними вязался, да опять-таки ха, ха, ха! Пожалуй, батюшка, въ моей отчаянности, хошь ты меня какъ повѣсу тѣшь. Вотъ, мой батюшка, жаль мнѣ разстаться съ Иваномъ Ивановичемъ. Боюсь притѣсненія: паче чаянія, Боже сохрани, оберутъ да сошлютъ.

Магистратскій президентъ господинъ Дурасовъ къ Ивану Ивановичу вкрался какъ мышь въ закромъ.

Здѣсь проявился нотаріусъ Щербинъ; забравъ денегъ, недавно женѣ купилъ домъ, а достальными деньгами съ боярами дѣлаетъ компанію: графъ Иванъ Григорьевичъ Орловъ ему кумъ. А что было въ чужой дворъ перевезъ: кареты и бѣгуны-лошади, и всегда съ Орловыми бѣгаетъ; и такъ-то суда на него нѣтъ, хоша прошлаго году я съ него подписку взялъ и прилагаю. Да что дѣлать, когда мошенникамъ потачка? Истинно передъ Европою безчастная монархія. Правду не знаю, а говорятъ люди, у Щербина жена толста и хорошо подчуетъ и будто президентъ Дурасовъ часто ѣздитъ къ ней въ гости, и такъ-то Щербинъ бережется. Эту исторію я сказывалъ князю Долгорукову, только въ смѣхъ, да въ трублѣ, да съ большою нуждою; чрезъ полицію Щербина захватили, и таперя празднуютъ въ Магистратѣ, а дѣла нѣтъ. Кажется бы порядокъ разобрать, деньги ли прежде, или крѣпость на жену; вотъ бы квитъ. На что-жь у насъ и законы, когда нѣтъ исполненія?

Да, государь мой, смѣются моей глупости; да есть-ли хошь одинъ чловѣкъ, который бы въ глупость не вхо-

дилъ? И потому-то умными людьми помогать приказано. Да и натура свидѣтельствуетъ. Вѣдь и глупѣе меня въ Питерѣ счастливы, только передо мною наряднѣе, да паруки исправнѣе; я ужъ думаю сдѣлать кафтанъ и парукъ и также мотать. Не буду-ли счастливъ и уменъ? Только по скупости не смогу опуститься, а ежели мнѣ Богъ поможетъ, хоша Миколѣ на свѣчу удѣлю. Тогда скажутъ, какой-де умница: и денегъ не даетъ, и живетъ какъ сыръ въ маслѣ. Тогда-то опасно, не пошлютъ ли телятъ гонять. А пословица: не радъ, да готовъ, да безъ вины виноватъ. А нужда мнѣ велитъ перемѣнить себя и сдѣлаться такимъ же бездѣльникомъ, на которыхъ по ихъ движеніямъ суда нѣтъ, когда въ нынѣшнихъ временахъ не съискивается химика дѣлать прецепитацію.

Я тебѣ, мой государь, покаюсь: думаю, что ты не пишешь ко мнѣ для того, что я наскучилъ безчетными просьбами. Нелаящую собаку бояться надобно, а лающая не кусаетъ. Пожалуй, оставь себя въ покоѣ, не пиши ко мнѣ. Я ужъ дурачиться по своему летучему разуму опредѣлить себя хочу.

16 Ноября 1780 году.
Москва

32.

Что желаешь мнѣ такъ быть здорову какъ ты, того-то нельзя: у меня ужъ песочекъ сыпется. А сказываютъ, у царя-дѣвицы въ тридесятомъ царствѣ растутъ яблоки: поѣшь, будешь молодъ. Того-то царства я не съищу; а ежели бы зналъ, твою бы кривошлыкую тещу туда бы за яблоками прогналъ.

3 Августа 1783 г.
Москва.

Чудо, братецъ: Туенъ изо Франціи въ Мартѣ яблоковъ да грушъ, завернувъ въ мохъ, прислалъ; а я получилъ 26 Іюля; и тако безъ земли такая нѣжность продолжалась съ пять мѣсяцовъ. Здѣсь многіе отпрыски дали. А куплено за дерево по 15 коп.

33.

Третьяго дня пріѣхалъ сюда князь Потемкинъ; ѣздилъ въ подмосковную. Вчера поѣхалъ купить фабрику Земскова; а какъ въ Питеръ поѣдетъ—неизвѣстно. Я былъ. Онъ очень здоровъ и молодъ, показался только немножко потонѣ.

16 Ноября 1783 году.
Москва.

34.

Я тебѣ, государь, хочу вѣсточки новыя сказать: вчера вечеромъ пріѣзжали ко мнѣ четверо кавалеровъ, говорили много и упоминали какую-то ленту. Я хожу въ рубахъ. Хвалили, сколько пристала. Да безъ штановъ, да босикомъ.... Вотъ правда, что Москва прежде Питера узнала; а все сиги ѣздили къ Коробкову, да къ княгинѣ. А тотъ сказалъ на биржѣ, а биржа сказала по дворамъ. Вотъ какія случились-же бѣшенныя деньги. Сто рублей проѣздили; да его подарить, а за то, что хорошо улыбается, да о своей покойной княгинѣ движеніе сказываетъ, какъ она на Васильевскомъ острову благоговѣнно подвиги свои исправляетъ. Таперя онъ пріѣхалъ. Помирилъ-ли онъ меня съ вами, или вы прогнѣвались?

18 Декабря 1783 году.
Москва.

35.

Здѣсь говорятъ, графъ Владиміръ Григорьевичъ Орловъ, пріѣхавши къ

вамъ, выпросилъ брату графу Алексію Григорьевичу покойнаго князя привѣски, и кто-то ихъ отправить?

Господинъ Баженовъ отправился къ его превосходительству господину Безбородкѣ на меня жаловаться, что я свои деньги требую. Да ему же здѣсь помогаетъ и градодержатель; называетъ его государственнымъ разумнымъ человекомъ. Я не нахожу, кромѣ его дураческаго ума. Не смотря на законы, на совѣсть, бранить меня во всѣхъ домахъ, сколько выдумаетъ; и его вексель въ призравніе отдать я намѣренъ. Оно не худо его превосходительству сказать. Но и Баженова жена вексель въ платежъ подписала. И что дѣлать? Всѣ намѣстники боятся господина Баженова, который угроживаетъ государскою милостию и данною ему отъ Академіи Художествъ привилегією. Будто для того дана, чтобъ онъ грабилъ и обманывалъ!

26 Февраля 1784 году.
Москва.

36.

Сегодня былъ у меня искуситель, отставной генералъ Мерлинъ; а прежде былъ въ Крингъ-комисаріатѣ и тамъ повадились лакомиться. Просилъ, чтобъ я ему продалъ городской стѣны на 30 сажень. Я сказалъ: коли полторы тысячи заплатить, ломать не стану. Вотъ отъ него еще отвѣта нѣтъ. А какъ денежки возьмемъ, тогда опекуны велѣли бы сломать; а меня бы за то тою суммою оштрафовали; то бы и было намъ мошенничать не повадно. А отказать по нынѣшнему обычаю я постыдился; не останется ли отъ моей учтивости и такъ? Оно для смѣху, такъ пожалуй издери.

18 Апрѣля
1784 году.

37.

У меня въ закладѣ степная деревня въ Лебедянскомъ уѣздѣ, очень хлѣбная, 400 душъ, земли 6000 десятинъ, безлѣсная. Ежели тебѣ надобна, пришли проворнаго человѣка съ повѣреннымъ письмомъ: я его пошлю въ деревню и велю за себя записать, а тебѣ крѣпость дамъ. Она деревня заложена отъ господина Князева и просрочена, и во время записки, какъ Князевъ беспокоенъ, для того надобенъ проворный человѣкъ. А Князевъ по неблагодарности ко мнѣ сдѣлался лихъ; а выкупить ему нечѣмъ, и для того я намѣренъ съ нимъ потерять дружбу. Ежели удастся, такъ-то и запишу. Къ тамошнему намѣстнику, къ его превосходительству Михайлѣ Фодотовичу Каменскому не худо въ запасъ отъ кого просительное письмо приложить, дабы пожаловалъ помогъ записать; а на рассказы господина Князева не полагаться, понеже отъ Князева уповательно хлопотъ будетъ много.

Ежели можно, письмѣ попросить отъ господина Ланскаго или отъ князя Вяземскаго, дабы успѣхъ у намѣстника сдѣланъ былъ.

Пожалуй на сіе не помѣшкай, дай мнѣ знать.

Ежели ты разсудишь, не можно-ли и отъ господина Бецкаго о письмѣ попросить, или какъ ты хочешь.

9 Мая 1784 году.
Москва.

38.

Вчерашній день, Іюня 30, то есть воскресенъ послѣ обѣда, въ 3-мъ часу заманилъ меня священникъ въ церкву и твою тещу сдѣлалъ превосходительною; только братъ Никита былъ, а то никто не зналъ, да званъ Коробковъ для расписыванья у попа; а гос-

ти были: попъ съ попадѣй, дьяконъ съ дьяконицей, староста съ просвирпей и прочіе церковники. Вотъ, государь, безъ воли твоей, какія вольности сотворились; пожалуй, не гнѣвайся: ужъ дѣло кончено, и прошу вашу милостію не бросить.

1 Іюля 1784 году.

39.

Отъ 17-го Февраля ваше письмо получено; а во ономъ пишешь вторично о медали. Объ ономъ ежели бы ты услышалъ отъ своего пріятели, который на монетномъ дворѣ, онъ тебѣ сказалъ бы, что съ десять лѣтъ какъ партикулярныя медали печатать запрещено; ты бы, поклонясь, да и вонъ, да и мнѣ такъ бы сказалъ. А твой пріятели, какъ искуситель, сказалъ тебѣ: развѣ доложить главному директору? А ты побилъ челомъ: пожалуй, доложи. А главный директоръ, какъ нашелъ новенькое, сказалъ Государыни; а тамъ въ разные голоса изъ блохи сдѣлали слона и меня ушибли. Мнѣ только жаль того: таперя моя просьба у Государыни, и эдакою глупостью остановили; отъ Генваря по сей день конца не вижу.

Мнѣ диковинка, что ни съ кѣмъ ты не спросился и не разсудили; выпуча глаза, бросился, какъ въ омутъ. Тебѣ эдакія дѣла не знакомы, не худо бы съ кѣмъ посовѣтовать. Ты, государь мой, повадился у Ивана Ивановича Бецкаго за печкой сидѣть; а Бецкій, что хочетъ какъ лукошки ломаетъ. На него глядѣть нечего; ему Богъ далъ такое участіе: какъ вздумаетъ кого ушибить, будто орѣхъ разгрызетъ; а пожаловать или сдѣлать вспоможеніе, того еще не видно.

3 Марта 1785 году.
Москва.

V. НАСТАВЛЕНИЕ ДОЧЕРИ.

Настасья Прокофьевна, прошу тебя. Живи весело, не кручинься.

Благодари Господа за все. Не прося Его ни о чемъ. Онъ устроилъ и устроитъ все полезное. А только всечасно проси, дабы не лишиться милости Своей. Отъ кручины умножаются разныя болѣзни, помѣшательства разума, прекращеніе жизни и всякое неустройство.

Не будь спѣсива, самолюбива и жадна.

Отъ спѣси люди отъ тебя отстанутъ, отъ самолюбія потакаютъ тебѣ будутъ, что тебѣ пріятно будетъ, и введутъ тебя во всякое дурачество и въ неистовство. Не сердись, кто въ несправностяхъ твоихъ встрѣчно говорить будетъ. Отъ жадности все потеряешь.

Не перенимай новѣшнихъ роскошей.

Живи умѣренно, не скупю, да и не чливо. Роскошь столько льстива, какъ бы въ зеркало поглядѣться, а послѣ будетъ печально. Помни, какъ я живу. Въмѣсто роскоши, помогай недостаточнымъ, а другихъ ласкою довольствуй. Не гнушайся, не пересмѣхивай и не переговаривай. Бѣдныхъ или щоголей, кои потеряли свой хлѣбъ, рассказовъ ихъ потакай съ сожалѣніемъ, дабы не расквелить кого, а отъ нихъ не перенимай. Кто бы тебѣ о щегольствахъ представлялъ, поблагодари; да что лишнее не исполняй, а ежели вдругорядъ осудить, скажи: батюшка не велѣлъ.

Кто тебѣ полезное и благопрстойное къ жизни учить будетъ, таковыхъ люби, благодари и почитай ихъ со всякою искренностью, и тако привынешь и добра будешь.

Послѣ отъѣзда вашего, Богъ пока-

залъ величество и славу Свою: за неблагопрстойные поступки, сколько тебѣ извѣстно, опасность моя, Алексѣй Никифоровичъ Нагаткинъ, 25 Іюля умеръ и погребенъ. Кончина его была страдательная. Ночью у Резанова пьянствовали, рѣзвились, пролили водку, зажгли, а остатки нечаяннымъ случаемъ на себя влили. И весь загорѣлся, бѣгалъ по двору весь въ огнѣ безъ памяти, и тако черезъ 8 часовъ умеръ. Примѣчай, сколько неблагопрстойность не похвальна и въ какой скорости Богъ смиряетъ. Покойный хотѣлъ коварствомъ всѣхъ насъ побить, и многимъ грозилъ, и многихъ отъ меня отвращалъ, и отсюда въ послышки отлучалъ и только вымышлялъ свое похабство получить. Да небесная сила послѣ отъѣзда вашего черезъ 10 дней всю ту дурность прекратила: вотъ помни, что Господь Сотворитель всего глобуса и движенія есть. Не перенимай, будто Господа нѣтъ, и будто все натура да летучій разумъ хранить, да исполняетъ наши дураческія и спѣсивыя неблагодарности.

Желаю благополучія и съ Маркою Ивановичемъ; отъ меня ему поклонись. Отецъ твой приписуетъ Божию милость и благословеніе, ежели сего наставленія не погнушаешься.

Прокофей Демидовъ.

27 Іюля 783 году. Москва.

По отпускѣ сего мы и съ твоею матерью, слава Богу, здоровы. Москва дивуется, что Марка Ивановичъ тихонько тебя увезъ и побѣдилъ желающаго къ жадности. (Конечно, у такой богатой невѣсты, какъ дочь Демидова, жениховъ было довольно. Марка Ивановичъ Хозиковъ одержалъ верхъ въ глазахъ старика своею дѣловитостью и тихимъ, покорливымъ обычаемъ). П. Б.

(Собщицею П. П. Хозиковыля).

VI ПИСЬМО КЪ КАРАВАННЫМЪ И ЗАВОДСКИМЪ ПРИКАЩИКАМЪ.

Вы, архибестіи, смѣлоотчаянные, двухголовые и сущіе клятвопреступники и ослушники, Блиновъ и Серебряковъ, за всѣ генерально дурности и неправды и не такія уже вамъ плети достанутся, какъ писалъ, подтверждалъ съ караванными, но гораздо не въ примѣръ. Божусь вамъ Богомъ, болѣе! Да и денежнаго превеликаго штрафа, сверхъ крѣпкихъ плетей, не минуете, вѣрно и перевѣрно, двухголовые архибестіи и смѣлоотчаянные, наглые, хищные волки. Да и сверхъ того божусь вамъ самимъ Богомъ, будете вы, каналы Блиновъ и Серебряковъ, въ золѣ валяться.—А чтобъ по куренямъ и всюду для прочихъ дѣлъ еженедѣльно вамъ яко бы нельзя ѣздить, то цыцъ и перецыцъ! Не токмо думать, но и мыслить сего вамъ архибестіямъ страшиться: ибо ничего, хотя бабку свою пойте, въ резонъ нимаю не приму. И чинить въ самой точности, какъ я и подтверждалъ неоднократно, и ѣздить точно и переточно вамъ архибестіямъ по куренямъ и всюду еже едѣльно, а то какъ лягушекъ раздавлю. А на сіе писать ко мнѣ.

Прокофій Демидовъ.

17 Января
1788.

(Сообщено М. М. Евреиновымъ).

ПЕТРЪ ВЕЛИКІЙ-ПЕРВЫЙ ОВЦЕВОДЪ НА ЮГЪ РОССИИ.

(Выдержки изъ семейныхъ бумагъ 1723—1781 годовъ).

Разбирая старинныя бумаги, оставшіяся отъ моего дѣда, прадѣда и прапрадѣда (документы по имѣніямъ, дневники, письма и пр.), я недавно встрѣтилъ нѣсколько любопытныхъ данныхъ, несомнѣнно доказывающихъ, кто былъ первоначальнымъ виновникомъ разведения тонкорунныхъ, мериносовыхъ (Шпанскихъ или Шлѣнскихъ) овецъ на Югъ Россіи. Первымъ овцеводомъ въ нынѣшнихъ Харьковской, Полтавской и Екатеринославской губерніяхъ былъ императоръ Петръ Великій.

Въ находящейся въ моихъ рукахъ копіи съ челобитной императрицѣ Аннѣ Ивановнѣ, поданной въ 1732 г. Іюня 12, моимъ прапрадѣдомъ, полковникомъ Изюмскаго Слободо-Украинскаго полка, Евстафіемъ Данилевскимъ *), между прочимъ, говорится: „А на означенной жалованной, купленной и на займочной землѣ и всякихъ угодьяхъ поселилъ отецъ мой (Изюмскій сотникъ Данило Данилевскій) по своей Черкасской обшкlosti, два села—Лебяжее и Пришибѣ, у самыхъ опасныхъ на рѣкѣ Донцѣ бродовъ, чрезъ которые до того поселенія непріятельскіе люди съ Крымской стороны имѣли всегда свободный переѣздъ. И во оныхъ отцомъ моимъ, съ 1692 года, поселенныхъ сѣлахъ, Шлѣнскій Вашего Императорскаго Величества овечій заводъ на станицахъ содержится, и всѣмъ оныя овцы отъ оныхъ сѣлъ довольствуются.“

На мой вопросъ, какой-же это заводъ „императорскихъ Шлѣнскихъ овецъ“ былъ въ 1732 г. у нашего предка, мой дядя Ив. Ив. Д-ій (умеръ недавно 65-ти лѣтъ) передалъ мнѣ, что, по семейному нашему преданію и по словамъ его отца,

*) Былъ женатъ на дочери князя Никиты Юрьевича Трубецкаго, Марья.

а моего роднаго дѣда, Ив. Як. Данилевскаго (умершаго около сорока лѣтъ назадъ, также на 65 году жизни и извѣстнаго тѣмъ, что онъ засѣялъ сосновымъ лѣсомъ болѣе 1000 десятинъ сыпучаго песку на р. Донцѣ), императоръ Петръ Великій, въ бытность свою въ 1709 г. въ гостяхъ у нашего пращура, выше названнаго Изюмскаго сотника Данилы Данилевскаго ¹⁾, подарилъ ему на заводъ пару Шленскихъ (т. е. Испанской породы, вывезенныхъ изъ Шлезіи) овецъ и взялъ съ него слово, что сотникъ Данило будетъ заботиться о ихъ размноженіи. Устное, семейное преданіе подтвердилось несомнѣнными доказательствами. Въ бумагахъ моего дѣда, минувшею зимою, я нашелъ копію съ слѣдующаго указа императора Петра Великаго

„Объ овцахъ въ Малой Россіи.

Божію Милостію Мы, Петръ Первый, Императоръ и Самодержецъ Всероссийскій и протчая, и протчая, и протчая. Объявляемъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ, Малороссійскимъ жителямъ всякаго чина и достоинства, что Мы, для пользы всего Нашего государства, учинили суконныя фабрики, на которыя потребно многое число овечьей шерсти; а понеже Малую Россію Богъ благословилъ, паче иныхъ краевъ Нашего государства, способнымъ воздухомъ къ размноженію овецъ и доброй шерсти, но токмо Малороссіяне, не имѣя искусства въ содержаніи овецъ, шерсть къ суконному дѣлу негодную продаютъ: того для Мы, въ прошломъ 1722 году, въ Москвѣ говорили съ гетманомъ Скоропадскимъ, такожъ указомъ Нашимъ писано изъ Нашей Манифактуръ-коллегіи ²⁾ къ нему Гетману и къ генеральному писарю Савичу и къ полковнику Полуботку, чтобъ въ Малой Россіи господа своихъ овецъ содержали по Шленскому обыкновенію, и регулы, какъ оныхъ овецъ содержать, къ нимъ посланы. Но по се число ни-

какого успѣху въ томъ дѣлѣ въ Малой Россіи нѣтъ, ибо гетманъ Скоропадкой покойной вскорѣ потомъ умре, а Полуботокъ и Савичъ, яко недоброжелательные своему отечеству и Намъ (въ чемъ уже изобличились), не хотѣли видѣть въ дѣйствѣ повелѣнія Нашего, и оное утаили, и никому тѣхъ регулъ не объявили; а между тѣмъ уже нѣкоторые Велікороссійскіе помѣщики, такожъ и въ Слободскихъ полкахъ, зачали по тѣмъ регуламъ содержать овецъ и отъ того прибыль великую противъ прежняго получаютъ, такъ что продаютъ шерсть по два рубли, по двѣ гривны и больше, а по прежнему содержанію овецъ токмо по полтинѣ и по двадцать алтынъ пудъ въ продажу идетъ, а Малая Россія той пользы по се время не имѣетъ. Того для Мы паки нынѣ всемплостивѣйше повелѣваемъ всѣмъ Малороссійскимъ жителямъ овецъ своихъ содержать по регуламъ, каковы дадутся изъ Нашей Малороссійской Коллегіи, и шерсть продавать на Наши суконныя фабрики, и тою прибылью пользоваться, за что Мы каждая изъ Малороссійскихъ жителей, кто съ прилежаніемъ въ томъ будетъ трудиться, послѣдуя Нашему повелѣнію и для своей пользы, обнадеживаемъ Нашею Императорскою милостію, а мастеровъ, которые будутъ каждого наставлять въ содержаніи по тѣмъ регуламъ овецъ и надсматривать, велѣли Мы оной же Коллегіи содержать на Нашемъ жалованьѣ.“
Помѣта: „Подлинной за подписаніемъ Его Императорскаго Величества собственныя руки. Іюня 15 дня 1724 года.“

Въ тѣхъ-же бумагахъ я нашелъ и нижеслѣдующій, упоминаемый въ приведенномъ повелѣніи Петра Великаго, указъ Мануфактуръ-коллегіи. Копія этого указа писана на листѣ толстой, полуистлѣвшей бумаги. Къ ней присоединены „кондиціи или регулы о содержаніи овецъ“. Указъ и кондиціи писаны очень неразборчиво.

„Указъ Мануфактуръ-коллегіи:

„Манифактуръ-коллегія заочно того расположенія учинить не можетъ, а кому

¹⁾ См. объ этомъ Историко-статистическое описаніе Харьковской Епархіи, пр. Филарета, 1857 г. т. IV, стр. 362.

²⁾ См. ниже.

имянно и на колкое число дворовъ и сколько овецъ дано будетъ и съ которой станицы сколько кому отдастся, и что снятой шерсти на которой станицѣ вѣсомъ останется, такожь кто съ осени изъ шлехетства надзирателя былъ, обо всемъ томъ, учивъ обстоятельную вѣдомость, прислать какъ наискорѣе въ государственную Манифактуръ-коллегію; ежелижъ тѣ овцы и овчары нынѣ заблаговременно разданы не будутъ и останутся паки на коштѣ Его Императорскаго Величества, то все приключившееся оттого Его Императорскаго Величества интересу и убытки доправлены будутъ на губернаторахъ и воеводахъ, безъ всякаго отлагательства, и оныя овцы и при нихъ овчары и прочіе служители содержаны будутъ, до росдачи, на ихъ губернаторскихъ и воеводскихъ коштахъ; да сверхъ того штрафованы будутъ, по Его Императорскаго Величества указу, безъ всякой пощады, и для правежа тѣхъ штрафовъ присланы будутъ изъ Манифактуръ-коллегіи нарочіе. А какіи образомъ у всякаго вотчинника люди и тѣ овцы содержаны быть имѣютъ, посланы, по прежнему приговору, учиненному прошлаго году Юля 30 дня, вѣдомыя кондиціи полковнику и воеводѣ, господину Лачинову. Учинивъ по вышеписанному, по Его Императорскаго Величества указу, получше, да будетъ о томъ въ государственную Манифактуръ-коллегію репортовано, какъ Его Императорскаго Величества имянной указъ, 1720 году Мая 12 дня, о томъ повелѣваетъ. *Августа 19-го дня 1723 г.* Въ Санктпетербургѣ. У подлиннаго Его Императорскаго Величества указа подписано тако: Василей Новосильцевъ, князь Яковъ Гагарянь, Андрей Кочневъ, Лука Никифоровъ. Секретарь Семенъ Селезневъ. Канцеляристъ Иванъ Сяровъ.

На оборотѣ, вслѣдъ за симъ указомъ, помѣщены:

Кондиціи о содержаніи овецъ многовотчинныхъ людей:

1. „Къ каждой вотчинѣ, въ которыхъ овцы дадутся по пренорціи, отнынѣ построить кошары теплыя, гдѣ въ лѣсныхъ мѣстахъ, дубленныя, а въ безлѣсныхъ мѣстахъ плетѣныя, и для тепла обмазать глиною или инымъ чѣмъ кому способнѣе, токмо были бѣ зимою теплы; а какъ наступитъ зима, то держать ихъ въ тѣхъ кошарахъ, и зимою выпускать по дважды и по трижды въ день, когда сѣно закладывать будутъ, а въ лѣто выгонять въ поля, какъ солнце восходитъ, а пригонять на закатѣ солнца, а въ неясные дни держать ихъ въ кошарахъ.

2. „Пасти на такихъ же мѣстахъ, на какихъ прежде паслися, токмо на болото пасти не пускать. Зимою, въ большіе дни, давать сѣно, какое гдѣ есть, по четырежды; а въ малые по трижды въ сутки, и поить черезъ двои сутки въ ведрѣныя, а въ неясные черезъ недѣлю. Соль давать зимою, ежели кто имѣетъ довольство, въ недѣлю по однона; а ежели довольства не имѣетъ, въ двѣ недѣли; а въ лѣто на всякую недѣлю по однона; и что чаще даётся соль, то шерсть будетъ лутче, и овцамъ здорово; а когда бываютъ мокрости зимою метелчныя, а лѣтомъ дождевыя, не давать.

3. „Овецъ стричь по дважды въ годъ, а имянно Марта въ первыхъ числахъ и въ Сентябрь мѣсяцѣ, и ту волну разбирать вешнюю особо, а осеннюю особо, а поярочную особо-жъ, и употреблять въ продажу повольною цѣною на суковныя фабрики, а за границу не отпускать, и деньги за взятую шерсть имѣть въ свой пожитокъ.

4. „Когда овцы захвораютъ, и въ такомъ случаѣ давать имъ, и съ полевицею, тутъ же, мѣшать уксусъ и вино, наприимѣръ на тысячу овецъ по четыре квар-

ты, такожь и ячменю муки, которой надобно быть въ годъ на тысячу овецъ по двѣ четверти; а когда бываетъ короста или раны, мазать чистымъ дѣгтемъ, хотя въ нихъ и черви бываютъ.

5. „Кто имѣеть черныхъ и сѣрыхъ собственныхъ овецъ, чтобъ были со временемъ оныя переведены; а которыя будутъ приплодными овцы бѣлыя, пускать на племя и протчихъ содержать такимъ-жъ регуламъ, дабы добрая шерсть вкорениться могла, а козъ и козловъ, и черныхъ и сѣрыхъ овецъ весьма со всѣми въ пастъ не гонить и въ кошарахъ не держать, а держали-бъ съ другою какою скотиною, для того, что они весьма овечью шерсть портятъ.

6. „Барановъ припускать къ овцамъ въ одно время, а именно Октября съ 26 числа, для того чтобъ овцы ягнились на траву, и отлучать отъ овецъ барановъ съ Апрѣля мѣсяца, чтобъ не во время со овцами не сообщались, и оттого въ приплодѣ помѣшательства не было. Для обстоятельнаго о содержаніи овецъ извѣстія надлежитъ смотрѣть и освѣдомляться въ сосѣдствѣ, въ которыхъ мѣстахъ овчарные мастера обрѣтаться будутъ“. У подлинной копіи подписано тако: секретарь Семенъ Селезнѣвъ, секретарь Аванасій Безсоновъ, подканцеляристъ Никифоръ Второвъ.“

Что сынъ моего пращура, полковникъ Евстафій Давидевскій, скончавшійся въ 1743 г., выполнялъ какъ обязаніе своего отца, данное Петру Великому, такъ и распоряженія Мануфактуръ-коллегіи, доказывається приведенною въ началѣ этой статьи выдержкою изъ его челобитной императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ, отъ 1732 г. Но и въ малолѣтство внука сотника Данилы, моего прадѣда, Якова Евстафича (родился 1739, умеръ 1786 г.) стадо Шлѣнскихъ овецъ, заведенное въ нашихъ родовыхъ Украинскихъ помѣстьяхъ по желанію Петра Великаго, было цѣло и въ исправности. Это доказывається письмами къ старо-

стамъ с. Пришиба, Марку Вайлу и Данилѣ Криворучкѣ, опекуна Якова Евстафича, Федора Краснокутскаго. Такъ послѣдній пишетъ, отъ 7 Октября 1753 г.: „Съ овецъ пояркову шерсть снимать съ тѣхъ, которыя оставлены быть должны въ заводѣ; а которыя должны быть проданы, съ тѣхъ не снимать, а для продажи въ Изюмскій ярмонокъ пригнать.“

Въ дневникѣ-же моего прадѣда, Якова Евстафича (дневникъ этотъ онъ велъ съ 1776 года по годъ своей смерти, 1786 г.) сохранились слѣдующія извѣстія о Шлѣнскомъ овцеводствѣ того времени.

Подъ 1772 г.: „Генвари съ 19 противъ 20 числа, 48 овецъ удушилось, во время овчарей Романа Дзюбы и Терентія Кононенка. Положены каждая въ цѣну по 70 копѣекъ.“

Подъ 1778 г.: „23 Августа нанять въ овчары Федоръ Павловъ Пѣলেখъ, по 4 р. въ годъ и 6-ть четвертей харчей.“

Подъ 1779 годомъ стоитъ замѣтка: „Въ колокольномъ ряду, въ Москвѣ, Калининъ фабрикантъ Шлѣнскую шерсть покупаетъ.“

Подъ 1779 г. Іюля 20-дня: „Въ четвергъ продалъ я Шлѣнскую шерсть Московскому купцу 3 гильдіи Леонтію Артемьеву Бекетову (на Болотѣ свой дворъ имѣеть, подлѣ Никиты Юрьевича Трубецкаго, въ Москвѣ) цѣною за пудъ по 4 р 50 коп.“

Подъ 1781 г. 30 Марта: „Продана вчера Шлѣнская шерсть Ивану Ивановичу Клячнину, по пяти рублѣвъ пудъ.“

Подъ 1783 г. Ноября 10 дня: „Продана Шлѣнская шерсть купцу Клячнину, пудъ 4. р. 50 коп.“

Владѣющій нынѣ милліонами головъ меринсовыхъ овецъ, Югъ Россіи, какъ оказывается, обязанъ своимъ богатствомъ по этой части заботамъ Петра Великаго. Со времени указа 19 Августа 1723 года нынѣ исполнилось полтора ста лѣтъ.

Въ губерніяхъ Новороссійскихъ и Малороссійскихъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, насчитывается до 10.000.000 тонкорунныхъ овецъ, дающихъ въ годъ болѣе 1.000.000 пудовъ шерсти, то есть среднимъ счетомъ отъ 12 до 16 милліоновъ рублей дохода. Въ Днѣпровскомъ и Мелитопольскомъ уѣздахъ теперь есть собственники, имѣющіе, какъ напримѣръ колонистъ Фальцъ-Фейнъ, до 400.000 головъ тонкорунныхъ овецъ. Изъ вышеприведенныхъ данныхъ, между прочимъ, видно, что прочное основаніе тонкорунному овцеводству на Югѣ Россіи положено указамъ Петра Великаго: Мая 12, 1720 г., Августа 19, 1723 года и Іюля 15, 1724 годовъ. Шлѣнская шерсть въ Слободскихъ полкахъ, продававшаяся до изданія „регулъ“ (1720 г.) „по полтинѣ и по двадцати алтынъ за пудъ“, со времени изданія регулъ и содержанія по нимъ овецъ (съ 1724 г.), стала продаваться за пудъ „по два рубля и по двѣ гривны“. Обнадеживая „императорскою милостію“ какъ владѣльцевъ стадъ, такъ и „мастеровъ, наставляющихъ въ содержаніи овецъ“, Петръ Великій еще и лично отъ себя разсылалъ Шлѣнскихъ овецъ поземельнымъ многовотчиннымъ собственникамъ. При этомъ отъ послѣднихъ требовалась строгая отчетность въ правильномъ содержаніи овецъ; деньги же за собираемую шерсть предоставлялись „въ пожитокъ“ содержателямъ ихъ. Губернаторы и воеводы, подъ страхомъ личной и имущественной ответственности, обязаны были въ срокъ раздать „по препорціи“ въ разныя помѣстья заготовленныхъ отъ лица Государя къ разведенію тонкорунныхъ овецъ. Замѣчательно, до какихъ мелочныхъ подробностей доходила, въ этомъ случаѣ, заботливость Петра Великаго: указывалось не только, какъ кормить, поить, выгонять въ поле и пасти овецъ, какъ имъ давать соль, какъ лѣчить ихъ и стричь, но даже какъ строить овечьи загоны „кошары“ и чѣмъ послѣдніи для тепла мазать. Заботы Петра принесли видимую пользу. Овцеводство въ

Малороссіи и на Украинѣ стало улучшаться. Спустя пятьдесятъ лѣтъ, а именно въ семидесятыхъ и осьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, въ Изюмскомъ Слободскомъ полку, какъ видно изъ дневника моего прадѣда (1779—1781 годы), Шлѣнская шерсть продавалась на мѣстѣ уже по 4 р. 50 к. и по 5 р. за пудъ. Её покупали тогда на Украинѣ Московскій купецъ Бекетовъ, Московскій фабрикантъ Калининъ и купецъ Кличинъ. Штука овцы цѣвилась въ 1772 году среднимъ счетомъ въ 70 копѣекъ.

Г. Данилевскій.

19 Августа 1873 г.

ЕЩЕ О ПЕЧАТИ АНТИХРИСТА.

(См. выше стр. 2068).

Такъ какъ въ этой статьѣ недостаточно выяснился историческій фактъ, на основаніи воли Петра Великаго, выраженной въ письмѣ его къ князю Я. Ѳ. Долгорукову, о клейменіи рекрутъ, была ли эта строгая мѣра приводима въ исполненіе: то спѣшу пояснить, что по найденному мной новому дѣлу бывшей Военной Канцеляріи 1718 г. (кн. 3, св. 11, № 49) фактъ сей подтверждается донесеніемъ сей канцеляріи въ Канцелярію Правительствующаго Сената, отъ 5 Декабря тогоже года. Военная Канцелярія писала: „3-го числа тогоже мѣсяца, въ С. Петербургѣ, въ ту Канцелярію явился капитанъ Игнатій Лампъ и подалъ доношеніе, въ которомъ написано. Въ нынѣшнемъ-де 1718 году, по указу Великаго Государя и по наряду на Москвѣ, послано съ нимъ въ Петербургъ разныхъ полковъ драгунъ и солдатъ и недорослей собою явившихся и пойманныхъ, сто человекъ; и изъ нихъ-де умре дорогою въ Новгородѣ, Игнатьева полка, недоросль города Галича Борисъ Коротыгинъ.

За тѣмъ нынѣ въ приводѣ девяносто девять человекъ. И чтобъ о приѣмѣ ихъ въ Военную Канцелярію и объ опредѣленіи ихъ въ полки указъ учинить.“ Въ заключеніе сего Военная Канцелярія испрашивала разрѣшенія Канцелярія Сената о приѣмѣ приведенныхъ людей и о распредѣленіи ихъ въ службу.

Подъ симъ доношеніемъ помѣщенъ списокъ драгунамъ, солдатамъ, недорослямъ и рекрутамъ годнымъ въ службу, изъ плѣнныхъ, изъ бѣглыхъ и собою явившихся, и за побѣги битыхъ батоги и кнутомъ, и гоненныхъ сквозь строй шпицрутень *„и запятенныхъ въ левыя руки рекрутскимъ пятномъ“*.

Нѣтъ надобности поименовывать здѣсь всѣхъ приведенныхъ капитаномъ Лампомъ людей. Для читателей здѣсь важно то, что въ царствованіе Петра Великаго были, хотъ нѣсколько времени, клеймены крестомъ, на лѣвой рукѣ, рекруты; а это давало поводъ грубому невѣжеству утверждать, что мужиковъ обращаютъ въ вѣру Антихристову, накладывая, въ знакъ того, печать Антихриста.

Г. Александровъ.

13 Октября 1873.
Москва.

ПОПРАВКА О КНЯЖНИНѢ.

Выше, на стр. 1796-ой, вкралась важная ошибка: записка Екатерины II-й въ Военную Коллегію о Княжнинѣ, растратившемъ казенныя деньги, относится не къ 1777 (какъ напечатано), а къ 1773 году. Такимъ образомъ нашъ комикъ, будучи съ не большимъ 30-ти лѣтъ отъ роду, въ теченіи четырехъ лѣтъ числился солдатомъ, что и составляетъ доселѣ

неизвѣстную черту его біографіи. Талантливость, близость къ Бецкому и родство съ Сумароковымъ, вѣроятно, содѣйствовали его спасенію. *И. Б.*

РАСПОРЯЖЕНІЕ ОТНОСИТЕЛЬНО ТЕАТРАЛЬНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ.

1800 года.

Его Императорское Величество съ крайнимъ негодованіемъ усмотрѣвъ изволилъ, во время послѣдняго въ Гатчинѣ бывшаго театральнаго представленія, что нѣкоторые изъ бывшихъ зрителей, вопреки прежде уже отданныхъ приказаній по сему предмету, принимали вольность плескать руками, когда Его Величеству одобренія своего изъявлять было не угодно, и напротивъ того воздерживались отъ плесканія, когда Его Величество своимъ примѣромъ показывалъ желаніе одобрить игру актеровъ. Равно и то, что при самомъ дворѣ Его Величества женскій полъ не соблюдаетъ въ одеждѣ того вида скромности и благопристойности, приличнаго ихъ званію и состоянію, относить всѣ такія упущенія противъ предпочтенія и нравственности, духу своевольному и неблаговоспитанію, почему принужденнымъ нашелся всему двору своему и гарнизону города Гатчины отказать входъ въ театръ и церковь, кромѣ малаго числа имѣющихъ входъ на вечернія собранія и, наказавъ удаленіемъ отъ своего присутствія въ собраніяхъ, въ знакъ справедливаго своего негодованія, приказать соизволилъ сдѣлать приглашеніе всему городу, для предосторожности жителей столицы. А дабы въ слѣдствіе сего извѣщенія здѣшняя публика, во время представленій театральныхъ, воздерживалась

отъ всякихъ неблагопристойностей, какъ то стучать тростями, топать ногами, шикать и аплодировать во время пѣнія или дѣйствія и тѣмъ отнимать удовольствіе у публики безвременнымъ шумомъ, а потому его высокопревосходительство предложилъ здѣсь въ городѣ живущимъ объявить, что если и за какимъ предлогомъ кто либо осмѣлится вопреки вышесказанному учинить, тотъ преданъ будетъ яко ослушникъ суду. Къ подлежащему сему исполненію обвѣщеніемъ онаго сего числа и впредъ наблюденію симъ приписываю. Сентября 25 1800 года.

(Изъ бумагъ А. Я. Булакова).

**ПИСЬМО ГРАФА БЕНКЕНДОРФА КЪ
С. Т. АКСАКОВУ (ЦЕНЗОРУ МОСКОВСКОГО
ЦЕНЗУРНАГО КОМИТЕТА).**

Милостивый государь Сергѣй Тимофѣевичь!

Искреннѣйше благодарю васъ, милостивый государь, за довѣріе, оказанное мнѣ вами въ письмѣ, при коемъ вы изволили препроводить ко мнѣ экземпляръ трагедіи Марѳа По-

садница Новгородская ¹⁾, напечатанной по дозволенію вашему, но не выпущенной въ свѣтъ по нѣкоторому сомнѣнію, для разрѣшенія коего вы, милостивый государь, съ согласія г. сочинителя сей трагедіи, спрашиваете мнѣнія моего. Честь имѣю васъ увѣдомить, что чтеніе сей трагедіи, написанной въ духѣ отлично благородномъ и похвальномъ, доставило мнѣ величайшее удовольствіе и что я не предвижу ничего, могущаго препятствовать выпуску оной въ продажу; но въ уваженіе причинъ, побудившихъ васъ, милостивый государь, обратиться съ симъ вопросомъ ко мнѣ, я съ своей отороны полагаю бы излишнимъ, въ предупрежденіе какой нибудь неприяности, отложить обнародованіе сего сочиненія до перемѣны нынѣшнихъ смутныхъ обстоятельствъ ²⁾. Предоставляя впрочемъ сіе мое мнѣніе собственному вашему благоусмотрѣнію, честь имѣю быть и пр.

Графъ Бенкендорфъ.

№ 1301.

10 Марта 1831.

¹⁾ Сочиненіе М. П. Погодина. П. Б.

²⁾ Подавленіе мятежа въ Польшѣ. П. Б.

Продаются оставшіеся экземпляры изданія

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

КНИГА ПЕРВАЯ

(533 стр.)

1. Биографія Е. А. Головина, соч. Ю. В. Толстаго.
2. Записки Н. В. Басаргина.
3. Записка о духовномъ союзѣ Татаривой (по неизданнымъ бумагамъ).
4. Дневникъ художника Боровиковскаго.
5. Записка князя Грабе-Горскаго.
6. Новыя автобіографическія показанія Магницкаго.
7. Воспоминанія о Венгерской кампаніи, Д. П. Сонцова.
8. Крестьяне Царства Польскаго въ 1863 г.
9. Неизданныя бумаги и письма Рылѣва, статьи и воспоминанія о немъ.
10. Письма Рылѣва къ Пушкину и Пушкина къ Нащокину.
11. Письма Жуковскаго къ Е. Г. Пушкиной.
12. Обзорніе жизни и царствованія императора Александра Павловича, Н. В. Путята.

ДЕВЯТНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ

КНИГА ВТОРАЯ

(296 и 0271 стр.)

- I. Письма графа Ѳ. В. Растопчина къ князю П. Д. Цицанову (1803—1806). Съ подлинниковъ, съ предисловіемъ и примѣчаніями издателя.
- II. Изъ Записокъ графа Ѳ. В. Растопчина:
 - 1) Двѣнадцатый годъ
 - 2) Путевыя записки 1815 года.
 - 3) Последнія страницы графа Растопчина.
- III. Историческая записка о разныхъ предположеніяхъ по предмету освобожденія крестьянъ (Проекты Аракчсева, Мордвинова, Сперанскаго, кн. Меншикова, гр. Перовскаго, С. П. Шипова. кн. Друцкаго-Соколинскаго и др., дѣйствія комитетовъ 1826, 1839, 1840, 1844, 1846 и 1848 годовъ). Сообщено Н. А. Милютинымъ.
- VI. Записка о народномъ образованіи, представленная А. С. Пушкинымъ Императору Николаю Павловичу въ 1826 году, съ послѣсловіемъ издателя.
- V. Старая Записная Книжка, начатая въ 1813 году, неизвѣстнаго сочинителя.
- VI. Записки очевидца о войнѣ Россіи противъ Турціи и западныхъ державъ. Сочиненіе Н. И. Ушакова.
- VII. Азбучный указатель.

Цѣна каждой книги «XIX Вѣка» — по три рубля, пересылка за 3 фунта по разстояніямъ (за каждую книгу).

Получать можно во всѣхъ книжныхъ магазинахъ Москвы, Петербурга и Одессы.

Иногородные обращаются преимущественно въ Москву, въ Контору Русскаго Архива, на Берсеневской Набережной, близъ Каменнаго моста, въ домъ Археологическаго Общества.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1874

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ
РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ ВООБЩЕ.—
КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ,
ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕКДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

Цѣна головному изданію Русскаго Архива
1874 года, въ Москвѣ и Петербургѣ, съ до-
ставкою на домъ, равно и съ пересылкою
гг. многогороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получить Русскій Архивъ въ
1874 году доставляютъ или высылаютъ эти
восемь рублей, съ приложеніемъ четко
написаннаго мѣста своего жительства, въ
Москву, на Берсеневской Набереж-
ной Москвы-рѣки, въ домъ Москов-
скаго Археологическаго Общества,
издателю Русскаго Архива Петру
Ивановичу Бартеневу. Кромѣ того
подписка на Русскій Архивъ принимается
на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ ма-
газинѣ И. Г. Соловьева и въ книжномъ
магазинѣ братьевъ Салаевыхъ, на Мяс-

ницкой, № 7-й (въ бывшемъ помѣщеніи
Чертковской бібліотеки).

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій
Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ
А. Ѳ. Базунова, на Невскомъ проспектѣ.

Для перемѣны адреса необходимо высы-
лать адресъ прежній и 10 копѣчную марку.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не
продаются; но шесть соединенныхъ въ одну
большой томъ тетрадей можно покупать от-
дѣльно, по 4 рубля (съ пересылкою).

Заграничные подписчики къ вышепоказан-
ной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи
и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англіи—**3** р.
50 к., для Швейцаріи и Италіи—**3** р. За
полгода цѣны на пересылку за границу—по-
ловинныя.

Составитель и издатель Русскаго Архива **Петръ Бартенева**.

ГОДЪ

ОДИНАДЦАТЫЙ

РУССКОЙ АРХИВЪ

12.

1873.

ИЗДАВАЕМЫЙ

Петромъ Вартеневымъ

(БЫВШИМЪ БИБЛИОТЕКАРЕМЪ ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛИОТЕКИ).

СОДЕРЖАНІЕ.

1. Письма императрицы Екатерины II-й къ Тимоѳею Ивановичу Тутолмину. 1786—1795 (Оборона противъ Швеціи, вѣроисповѣдныя дѣла въ Польскихъ губерніяхъ, раздача Польскихъ имѣній Русскимъ людямъ). Сообщено княземъ Н. Н. Голицынымъ. Стр. 2273.
2. Приношеніе князя Потемкина Московскому Успенскому собору. Стр. 2317.
3. О взысканіи съ наследниковъ князя Потемкина казенныхъ денегъ. Г. Н. Александрова. Стр. 2322.
4. Московскій проповѣдникъ - обличитель (1821). Письмо оберъ-прокурора Св. Синода князя А. Н. Голицына къ митрополиту Серафиму, съ дознаніемъ о проповѣдникѣ. Стр. 2325.
5. Донесенія изъ Франціи графа А. И. Моркова императору Александру Павловичу. 1801—1803 годы. Французскіе подлинники съ Русскимъ переводомъ и послѣсловіемъ. Стр. 2329.
6. Славянофилы. Историко - критическій очеркъ (въ отвѣтъ г-ну Пыпину) Э. А. Дмитриева-Мамонова. Стр. 2488.
7. Письмо къ издателю по поводу предъидущей статьи. И. С. Аксакова. Стр. 2508.
8. По поводу статьи г-на Берже о Н. Н. Муравьевѣ - Карскомъ. Статья Ф. И. Тимирязева. Стр. 2530.
9. Содержаніе второй книги Русскаго Архива 1873 года.
10. Указатель къ Русскому Архиву 1873 г.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЧЧИСТ. ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1873.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива въ 1874 году съ доставкою и пересылкою восемь рублей.

(Подробнѣе о подпискѣ см. на оборотѣ тетради).

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ

ШЕСТАЯ КНИГА

АРХИВА КНЯЗЯ ВОРОНЦОВА.

(Цена два рубля, пересылка за три фукта).

СОДЕРЖАНІЕ.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
I. Дневникъ докладовъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ, 1744 г.	1	а) Чинопроизводство 1758 года.	
II. Извлеченіе изъ слѣдственнаго дѣла о Ферберѣ по поводу оскорбленія величества. (Объ отношеніяхъ Пруссіи къ Рес- сіи) 1746	177	б) Докладъ о пушкахъ (1760).	
III. Переводъ съ письма къ графу М. Л. Воронцову отъ капитана Фридриха Стакельберга 1754.	184	в и г) Просьбы объ увольненіи (1760 и 1761).	
IV. Дѣло Ливенскаго воеводы Щепеткова. 1761	186	д) О чиновникахъ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ (1761).	
V. Письмо полковника Дурова къ графу Воронцову	190	X. Письма и записки И. И. Шувалова къ графу М. Л. Воронцову (1754—1766)	268
VI. Письма Ѳ. Д. Бехтѣва къ графу М. Л. Воронцову. 1755—1758.	193	XI. Письмо И. И. Шувалова къ графинѣ А. К. Воронцовой. (1766)	306
VII. Письмо Ивана Данилевскаго къ графу М. Л. Воронцову. 1754.	242	XII. Изъ черновыхъ писемъ графа М. Л. Воронцова къ И. И. Шувалову (1758—1761).	308
VIII. Письмо графа Воронцова къ одному изъ членовъ Св. Синода. 1757	247	XIII. Три черновыя письма графа М. Л. Воронцова къ начальнику Тайной Канцеляріи графу А. И. Шувалову (1760).	315
IX. Черновые доклады и прошенія графа М. Л. Воронцова императрицѣ Елисаветѣ	248	XIV. Списокъ первыхъ пяти классовъ придворныхъ чиновъ, обрѣтающихся въ Санктпетербургѣ (до 1758 г.).	317
		XV. Письмо гетмана графа Разумовскаго къ графу М. Л. Воронцову (1757).	327

ПИСЬМА ИМПЕРАТРИЦЫ ЕКАТЕРИНЫ II-Й КЪ ТИМОВЕЮ ИВАНОВИЧУ ТУТОЛМИНУ *).

1.

Секретно.

Господинъ генераль-поручикъ Тутолминъ. Дошедшія къ намъ извѣстія о производимыхъ королемъ Шведскимъ вооруженіяхъ побуждаютъ насъ принять осторожность противу всякихъ вредныхъ умысловъ.

Между прочими на сей случай распоряженіями признали мы нужнымъ предписать вамъ, чтобъ состоящій въ Олонецкой губерніи Бѣлозерскій пѣхотный полкъ, по лучшему вашему на мѣстѣ благоусмотрѣнію, расположенъ былъ такимъ образомъ, дабы онъ, охраняя часть Олонецкой губерніи противу Шведской Кареліи и за-

*) Съ подлинниковъ, найденныхъ на Волыни и сообщенныхъ княземъ Николаемъ Николаевичемъ Голицынымъ. Т. И. Тутолминъ (1740—1809), воспитанникъ сухопутнаго Кадетскаго корпуса, близкій человекъ при Румянцовѣ-Задунайскомъ, управлялъ послѣдовательно намѣстничествами Тверскимъ, Екатеринославскимъ, Олонецкимъ и Архангельскимъ; за тѣмъ онъ вводилъ Русское устройство въ присоединенныхъ по второму раздѣлу Польши земляхъ и былъ генераль-губернаторомъ Подольскимъ и Волынскимъ. Шавель полтора года содержалъ его подъ стражею. Послѣдняя его должность было главное командованіе въ Москвѣ (1806—1809). Бантышъ-Каменскій, въ словарѣ своемъ, говоритъ, что только кончина воспрепятствовала Тутолмину занять мѣсто председателя въ новообразованномъ государственномъ Советѣ. Если дѣйствительно императоръ Александръ Павловичъ намѣревался поручить Тутолмину такую должность, то это показываетъ, что онъ особенно былъ извѣстенъ своею опытностію въ гражданскомъ управленіи.

И. Б.

воды въ той губерніи находящіяся, къ границѣ ближайшіе, могъ противустать всякому покушенію въ ту сторону. По исполненіи сего вы не оставьте донести намъ и Военной нашей Коллегіи. Пребываемъ и пр.

Въ Царскомъ Селѣ.
Іюня 2. 1786.

2.

Секретнѣйшій.

Вы уже предувѣдомлены отъ насъ о надобности, чтобъ полкъ Бѣлозерскій пѣхотный укомплектованъ и въ такое состояніе приведенъ былъ, дабы по первому повелѣнію могъ употребленъ быть въ дѣло. Способы къ укомплектованію его отъ васъ въ указѣ отъ 3-го сего Іюля преподаны, и сверхъ того велѣно вамъ собрать сколько можно стрѣлковъ, изъ имѣющихся въ Олонецкой губерніи. Въ удостовѣреніи о вашемъ усердіи къ службѣ нашей, мы вамъ теперь сообщаемъ намѣреніе наше сдѣлать новому непріятелю нашему, королю Шведскому, диверсію въ Кареліи отъ сѣверной части Ладожскаго озера, какъ то вы усмотрите изъ записи, при семъ прилагаемой. Произведеніе въ дѣйство сего предпріятія тѣмъ удобнѣе, что непріятель, двинувшися съ знатнѣйшими силами своими чрезъ Аберфорсъ къ Фридрихсгаму, удаленъ будетъ отъ всякихъ сильныхъ способовъ препятствовать назначаемой нами диверсіи, въ чемъ и мѣстное положе-

ніе и другія обстоятельства послужать ему преградою. Къ исполненію того употребленъ будетъ генераль-майоръ и камергеръ нашъ баронъ Спренгпортенъ, ва котораго вѣрность и признательность къ нашимъ благодѣяніямъ мы надѣемся и который съ превосходными талантами соединяетъ великое рвеніе споспѣшествовать освобожденію отечества своего Финляндіи изъ подъ ига Шведскаго короля; приготовить же и устроить все къ сему потребное препоручаемъ вамъ съ тѣмъ, чтобы оно исполняемо было съ крайнею осторожностію, храня отъ насъ сказанное въ непроницаемой тайнѣ. Какъ тутъ нужна конница, то и приказано изъ Псковскаго карабинернаго полку, сюда слѣдующаго и по послѣднимъ рапортамъ въ Валдаяхъ бывшаго, отправить прямѣйшею дорогою къ вамъ одинъ эскадронъ полный, выбравъ лошадей надежныхъ, но полегче и подѣ командою самаго исправнѣйшаго изъ штабъ-офицеровъ, которому вы пошлите на встрѣчу дать знать, куда ему слѣдовать и велите расположить гдѣ удобнѣе и ближе для исполненія вышеупомянутаго поиска, стараясь, чтобы въ продовольствіи его не встрѣтился ни малѣйшій недостатокъ. Баронъ Спренгпортенъ пріѣдетъ къ вамъ въ слѣдъ за симъ и будетъ имѣть съ собою одного унтеръ-офицера и четырехъ человекъ изъ лейбъ-эскадрона нашего, дабы съ помощію вашею, если возможно, набрать изъ тамошнихъ поселянъ нѣкоторое число; чего ради теперь же къ вамъ послано будетъ еще человекъ на двѣсти конныхъ вооруженія, а пики вы можете заказать сдѣлать на тамошнихъ заводахъ. Вы не оставьте съ означеннымъ генераль-майоромъ о всемъ къ лучшему и надежнѣйшему

дѣла сего производству касающемся согласиться, постановить и учредить, подавая ему всемѣрное пособіе и поступаая съ нимъ съ довѣренностію. Надобно, чтобы вы употребили стараніе провѣдывать о всѣхъ движеніяхъ въ сосѣдствѣ, употребляя и деньги на таковыя развѣданія, на счетъ суммы, которую мы опредѣлимъ на сіе предпріятіе и коею вы вскорѣ снабдены будете. Мы будемъ ожидать предварительнаго донесенія о нашихъ тутъ усмотрѣніяхъ, равно какъ и о томъ, что вамъ нужно быть можетъ отсюда.

Въ С. Петербургѣ.
Іюля 4-го 1788 года.

З.

Секретно.

Для извѣстной вамъ экспедиціи, порученной отъ насъ генераль-майору барону Спренгпортеву, отправляются отсюда водою до Новой Ладоги двѣ шестифунтовые пушки и два двѣнадцати фунтовые единорога съ потребнымъ количествомъ зарядовъ и съ прочимъ, къ нимъ принадлежащимъ, да сверхъ того разное оружіе по приложенной при семъ росписи; отъ Новой-же Ладоги, куда вы назначите все оное отвезти, имѣть быть доставлено на почтѣ, чего ради и прикажите поставить на то время по сороку лошадей на каждомъ стану, которымъ заплатитъ какъ указные прогоны, такъ и пристойныя деньги по пятидесять копѣекъ на день; но долго ихъ не держать, а по провозѣ всего вышеписаннаго тотчасъ отпустить. Для привіятія сихъ вещей и надлежащаго доставленія, пошлите въ Новую Ладогу исправнаго и надежнаго человека. Между тѣмъ постарайтесь для помянутыхъ четырехъ орудій полевой артиллеріи ку-

пить надобное количество лошадей изъ суммы, на разные по сей экспедиции расходы назначаемой, пятидесяти тысячъ рублей, которую мы указали нашему дѣйствительному тайному совѣтнику и генералу-прокурору князю Вяземскому вамъ доставить и въ томъ числѣ серебряною монетою шесть тысячъ рублей. Гусары изъ нашего лейбъ-эскадрона и казаки уже къ вамъ прѣѣхали; ихъ также нужно снабдить лошадьми изъ той же суммы; а эскадронъ карабинеръ Псковскаго полку вскорѣ къ вамъ прибудетъ, которому вы не оставьте заранѣе дать знать, куда слѣдовать и гдѣ остановиться. Завтра отправится и генералъ-маіоръ баронъ Спренгпортенъ, дабы, покуда все на мѣсто поспѣетъ, съ вами о нужномъ согласиться и оное учредить заранѣе; а особливо о пропитаніи, чтобъ сей отрядъ, какъ во время пребыванія его въ границахъ, такъ и при отдаленіи его для дѣйствія въ ономъ обезпеченъ былъ, о чемъ вы и распорядитесь по условію съ означеннымъ генералъ-маіоромъ.

Вчера имѣли мы извѣстіе, что на каменныхъ ломкахъ, близъ Сердоболья и Русколя, произошла тревога по причинѣ появленія Шведовъ, какъ то вы изъ копій, у сего вложенной, усмотрите. Мы надѣемся, что вы не упустите взять нужную осторожность, дабы границы Олонецкой губерніи не были непріателемъ обезпечены, простирая ту осторожность и на Ладожское озеро, наипаче же дабы онъ не нашель у береговъ судовъ, коими могъ бы воспользоваться къ нанесенію тревоги. Когда же сія экспедиція будетъ имѣть дѣйствіе, натурально, что непріатель самъ озабочель и о своемъ зашщитеніи, а не о безпеченіи предѣловъ нашихъ помышлять

принужденъ будетъ. Какія къ вамъ дойдуть извѣстія о его движеніяхъ, насъ часто увѣдомляйте.

Въ С. Петербургѣ.
Юля 8 1788 года.

4.

Секретно.

Отправляя съ симъ генерала-маіора барона Спренгпортева для произведенія въ дѣйство извѣстнаго нашего предположенія, подтверждаемъ вамъ о показаніи ему со стороны вашей довѣренности и о всемѣрномъ пособіи къ наилучшему исполненію на него возложеннаго; а дабы вы могли удобнѣе въ томъ ему споспѣшествовать, сообщаемъ, для единственнаго вашего свѣдѣнія, копію съ указа, отъ насъ ему даннаго. Объ успѣхахъ въ приуготовленіяхъ, до сего касающихся, мы будемъ ожидать вашихъ увѣдомленій.

Въ С. Петербургѣ.
Юля 8 1788 г.

5.

Генералу-маіору барону Спренгпортену повелѣваемъ, покуда онъ въ извѣстной намъ экспедиціи останется, производить на столъ по сту пятидесяти рублей на мѣсяцъ изъ суммы, назначенной къ распоряженіе ваше и его по той экспедиціи.

Въ С. Петербургѣ.
Юля 9-го 1788.

6.

Секретно.

Препровождается симъ къ вамъ Олонецкій купецъ Михайло Мешелевъ, объявившій желаніе его служить намъ по настоящимъ обстоятельствамъ въ возбужденіи Шведскихъ Карельскихъ погостовъ Греческаго исповѣданія вооружиться противу непріателя нашего, короля Шведскаго, какъ то вы

усмотрите изъ записки, при семъ вложенной. Мы возлагаемъ на ваше усмотрѣніе и распоряженіе, какимъ образомъ возможно воспользоваться симъ помянутого купца предложеніемъ, наблюдая однакожъ не премѣнно, чтобъ сіе дѣло не послужило въ разстройку и помѣшательство извѣстной вамъ экспедиціи, отъ сѣверной стороны Ладожскаго озера назначенной, но чтобы, если оно и удобно, съ тою же экспедиціей связано было, о чемъ вы, по прибытіи на мѣсто генерала майора барона Спренгпортена, учредите и насъ обстоятельно увѣдомьте. Затѣмъ, если исполненіе того, какъ выгодное для службы нашей, рѣшено будетъ, нужныя пособія подать не оставьте.

Въ С. Петербургѣ.
Юля 12-го 1788.

7.

Секретно.

Въ отвѣтъ на донесеніе ваше и представленную намъ записку, симъ вамъ знать даемъ. Первое, что вещи, потребныя для Бѣлозерскаго пѣхотнаго полку, уже отъ Комисаріата посланы, мы васъ предупѣдомили; да и на остальное число, чтобъ оныя въ самой скорости были доставлены, подтверждено отъ насъ Военной Коллегіи и генералу крингсъ-комисару. Второе, полкъ Бѣлозерскій, по силѣ указа нашего отъ 13 Юля, будетъ составленъ, какъ и прочіе пѣхотные полки арміи нашей Финляндской, въ двухъ гренадерскихъ ротахъ по-прежнему штату и осьми мушкетерскихъ, каждая изъ сихъ послѣднихъ въ двухъ стахъ двѣнадцати человѣкахъ. Но нѣтъ нужды ожидать, покуда онъ такъ наполненъ будетъ; а должно, какъ скоро все потребное на мѣсто привезено, стрѣлки жъ и нѣсколько конницы собраны будутъ, съ

наличнымъ числомъ начать производство въ дѣйствіе экспедиціи, на генерала-майора барона Спренгпортена возложенной, дабы не терять времени удобнаго. Формированіе же остальной части вы можете сдѣлать послѣ гораздо свободнѣе и новое подкрѣпленіе барону Спренгпортену доставить. Третіе, сверхъ доставленныхъ прежде драгунскихъ двухъ сотъ ружей и ста карабиновъ съ пистолетами, кои для казаковъ служить могутъ, вмѣсто трехъ сотъ фузей вы получите теперь пять сотъ со всѣмъ приборомъ, коими и снабдите стрѣлковъ. Но что до одежды ихъ, такожъ набираемыхъ тамъ казаковъ касается, сего скоро справить нельзя, да и обойтись безъ того можно, ибо каждый изъ нихъ можетъ служить въ своей собственной одеждѣ; равнымъ образомъ сѣдла надобно стараться достать тамъ или въ околичныхъ мѣстахъ, употребля на всѣ сіи расходы деньги изъ суммы, вамъ опредѣленной. Четвертое, малой артиллеріи для стрѣлковъ довольно будетъ, если положить на каждые сто человѣкъ по двѣ пушки; но что до канонеровъ касается, оныхъ отсюда удѣлить вовсе не можно, а старайтесь приучить изъ набираемыхъ тамъ людей. Пятое, распоряженія ваши въ приуготовленіи провіанта и фуража для сихъ войскъ, тоже въ охраненіи магазиновъ и границы, да и вообще труды ваши въ исполненіи вамъ порученнаго, приедемъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Въ С. Петербургѣ.
Юля 15-го 1788 года.

8.

Секретно.

Предположеніе ваше, обще съ генераломъ майоромъ барономъ Спренг-

портеномъ учиненное, объ устройствѣ укрѣпленнаго поста для отряда означеннаго генерала-маіора въ Сердобольѣ, о закрытіи границъ Олонецкаго намѣстничества и о сдѣланіи поисковъ на непріятели въ томъ краѣ, мы приедемъ за благо, бывъ увѣрены, что вы всѣми зависящими отъ васъ приуготовленіями поспѣшите, дабы таковыя поиски могли скорѣе начаты и производимы быть. Офицеровъ человекъ до двадцати на первое время къ вамъ отъ генерала Салтыкова тотчасъ прислано будетъ; а сверхъ того, позволяя употреблять къ формированію стрѣлковъ и конницы изъ унтеръ-офицеровъ Бѣлозерскаго пѣхотнаго и Псковскаго карабинернаго полковъ, предоставляемъ о тѣхъ сержантахъ и вахмистрахъ, кои отличатся трудами въ составленіи сихъ войскъ, представить въ Военную Коллегію для награжденія ихъ офицерскими чинами. О причисленіи удержанной вами команды Пермскаго пѣхотнаго полку въ Бѣлозерскій полкъ и о замѣнѣ ея рекрутами, въ Пермскій полкъ отъ Военной Коллегіи будетъ предписано. Что касается до вещей, къ снабженію Бѣлозерскаго пѣхотнаго полку потребныхъ, генераль-кригсъ-комисарь Потемгинъ поспѣшитъ доставленіемъ и тѣхъ, кои на прибавочное число по новому для нынѣшняго военнаго времени штату слѣдуютъ. Для одѣянія стрѣлковъ и конницы, тамъ составляемой, всего лучше употребить сукна цвѣту голубаго, сходно съ мундиромъ губерскимъ, шивъ оное одѣяніе по образцу казачьему или пикинерному; чего ради генераль-кригсъ-комисарь и пошлетъ суконъ, колико можно сыскать, дабы остановки не произошло за формированіемъ. Объ установленіи сообщенія между Сердоболья и Кекс-

гольма не оставьте снести съ генераломъ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ и оное по соглашенію съ нимъ учредите, да и вообще увѣдомляйте его обо всемъ что къ свѣдѣнію вашему дойдетъ о непріятельскихъ движеніяхъ въ мѣстахъ близъ васъ лежащихъ.

Въ С. Петербургѣ.

Іюля 24-го 1788-го года.

9.

Тимофей Ивановичъ! Шведы 22-го числа приступили съ нарочитой силою къ Фридрихсгаму и начали дѣлать формальной атаки приготвленіе, но въ ночь съ 23-го на 24 число они, снявъ лагери, съ поспѣшностью и съ противнымъ вѣтромъ сбѣли на суда и удалились отъ берега, о чемъ генераль-поручикъ Левашевъ репортовалъ генералу графу Пушкину, и сіе приписывалось приближенію ген. пор. Михельсона и ген. маіора Бовера съ отряженными войсками. По вчерашнее число каковы получены репорты ко мнѣ и къ гр. Брюсу отъ Выборгскаго губернатора ген. поруч. Гинцеля, при семъ прилагаю копии, которыя прошу сообщить ген. маіору Шпренгпортену; ибо теперь совершенно открывается, каково расположеніе умовъ у нашихъ сосѣдовъ и колико нужно подкрѣпить въ Финнахъ доброе таковое намѣреніе. Пробываю къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Іюля 28

1788-го года.

Теперь отъ Фридрихсгама до самаго Аберсфорса ни одного Шведа нѣтъ.

(Все письмо собственноручное)

10.

Поручикъ Георгій Гирнецъ, во время прежней съ Турками войны при Арнаутахъ бывшій, съ симъ къ вамъ

отправляется, съ тѣмъ, что онъ, какъ наѣздникъ, можетъ съ пользою употребленъ быть при detachmentъ генерала-маіора барона Спренгпортена, по его усмотрѣнію.

Юля 29
1788 года.

11.

Тимомей Ивановичъ! Приложенное мое письмо прошу доставить немѣшкательно къ генералу-маіору Шпренгпортену. Пребываю къ вамъ доброжелательна.

Екатерина.

Августа 1 ч.
1788 года.

Увѣдомьте меня о полученіи сего письма и двухъ предъидущихъ.

(Все письмо собственноручное)

12.

Бригадиръ Увалевъ, служившій въ прошедшую съ Турками войну полковникомъ Елизаветградскаго пикнернаго полку и вамъ извѣстный, пожелалъ усердно употребить себя въ настоящей войнѣ противу короля Шведскаго. Мы его симъ къ вамъ препровождаемъ, въ чаяніи, что онъ можетъ съ пользою опредѣленъ быть при конницѣ легкаго отряда генерала-маіора барона Спренгпортена. Жалованье производитъ ему повелѣваемъ полное по чину, съ раціонами, изъ суммы на порученную помянутому генералу-маіору экспедицію опредѣленной, покуда онъ останется при семъ отрядѣ.

Въ С. Петербургѣ
Августа 8. 1788 года.

13.

Видѣвъ изъ полученныхъ отъ васъ извѣстій разныя движенія Шведскихъ войскъ въ сѣверной ихъ Кареліи и что вы не оставили принять нуж-

ныя мѣры на обезпеченіе предѣловъ нашихъ, увѣрены мы, что непріятель въ случаѣ покушенія его найдетъ опоръ и преграду въ дальнѣйшемъ того распространеніи. Между тѣмъ предписываемъ здѣсь на примѣчаніе ваше и распоряженіе по лучшему на мѣстѣ усмотрѣнію и соображенію съ числомъ и силою войскъ подъ начальствомъ вашимъ оставленныхъ, не можно ли будетъ отъ тѣхъ войскъ сдѣлать какую либо диверсію непріятелю для вящаго его озабоченія, не обнажая границъ нашихъ и не подвергая отрядовъ, къ подобному поиску употребляемыхъ, опасности быть отрѣзанными или же потерпѣть весьма чувствительный уронъ отъ превосходящихъ силъ. При рѣшимости вашей на сіе, нужно вамъ снестися о томъ съ главнокомандующимъ арміею нашею въ Финляндіи генераломъ графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ, да и вообще извѣщать его о непріятельскихъ въ сосѣдствѣ вашемъ движеніяхъ и доходящихъ къ вамъ оттуда новостяхъ, такъ какъ и всякое его по службѣ нашей требованіе исполнять.

14.

Изъ предосторожности, дабы въ случаѣ покушенія непріятеля нашего короля Шведскаго чрезъ арматеровъ или легкія военныя суда на Соловецкій монастырь не допустить сдѣлать тамъ вредъ и нанести въ той сторонѣ какое либо безпокойство, признали мы нужнымъ послать къ вамъ инженеръ-поручика Васильева съ тѣмъ, дабы вы его отправили подъ видомъ богомолья въ означенный монастырь, препоручая осмотрѣть оный, могутъ ли стѣны его обороняться при нападеніи непріятельскомъ; да и какъ извѣстно, что въ немъ немало нахо-

дилось артиллерии, то сколько точно числомъ, какихъ орудій, годятся ли они къ употребленію и есть ли къ нимъ снаряды; а въ случаѣ неимѣнія сихъ послѣднихъ постарайтесь доставить, такъ какъ и людей для услуги той артиллеріи и для обороны стѣнъ потребнымъ отъ гарнизоновъ тамошнихъ. Что же по осмотру найдется и какія распоряженія къ защитѣ того мѣста учинены вами будутъ, дайте намъ знать.

Въ С. Петербургѣ.
Февраля 13 дня 1790.

*

15.

(Секретное).

Нашему генералу порутчику Тутолмину. Настоящее положеніе республики Польской, не позволяющее ей содержать толь многочисленнаго войска, которымъ она нынѣ обременена, и пользы Имперіи нашей побудили насъ принять въ службу нашу часть изъ войскъ оныхъ, къ уничтоженію назначаемую, для укомплектованія части полковъ арміи нашей. Въ слѣдствіе сего предписали мы чрезвычайному и полномочному послу нашему въ Гроднѣ Сиверсу, при окончаніи нынѣшняго Сейма, предложить о семъ оному, а генералу-аншефу барону Игельstromу принять людей, отъ реторы имѣющихъ остаться и препроводить ихъ въ сборныя мѣста отъ насъ ему назначенныя, какъ то увидите вы изъ прилагаемой при семъ копіи съ даннаго ему наставленія. Во время прохожденія сихъ рекрутъ чрезъ губерніи, управленію вашему ввѣренныя, повелѣваемъ вамъ принять надлежащія мѣры, дабы они имѣли всѣ закономъ позволенныя выгоды, пред-

писавъ по сношенію съ генераломъ барономъ Игельstromомъ всѣмъ земскимъ начальникамъ о чиненіи имъ возможнаго въ пути пособія. Включаемую же здѣсь копію съ указа, даннаго отъ насъ генералу князю Долгорукову, имѣете обратитъ себѣ въ наставленіе, по колику что до васъ относится будетъ, исполняя какъ сего, такъ и генерала барона Игельstromа требованія по сему предмету безъ замедленія съ извѣстнымъ намъ раченіемъ вашимъ и соотвѣтственно важности сего государственнаго дѣла.

Въ С. Петербургѣ.
Августа 29 дня 1793.

16.

(Секретное).

Тимофей Ивановичъ. Изъ донесеній вашихъ видимъ мы всю важность злодѣйскаго заговора, въ которомъ къ сожалѣнію нашему многіе изъ новыхъ подданныхъ нашихъ оказались участниками и клятвопреступниками. Для изысканія сего дѣла во всей его подробности, за благо признали мы учредить особую слѣдственную комиссію въ Смоленскѣ, составленную изъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ подъ вѣдѣніемъ правящаго тамъ должность генерала-губернатора, генерала-порутчика Осипова, повелѣвая вамъ всѣхъ явившихся подозрительными въ предпріятіяхъ толико злобныхъ и ненавистныхъ, какъ тѣхъ, которые уже захвачены, такъ равно и кои впередъ отысканы будутъ, не различая хотя бы кто изъ нихъ и не былъ нашъ подданный, препроводять въ Смоленскъ къ помянутому генералу-порутчику Осипову. Впрочемъ на благоразуміе и осторожность вашу полагаемъ надежду, что вы, имѣя неусыпное бдѣніе и попеченіе о спокойствіи ввѣреннаго вамъ края, не до-

пустите, чтобъ дѣйствія сего вражескаго заговора гдѣ либо въ мѣстахъ вашего управленія отрыгнуться могли.

Въ С. П. бургъ Апрѣля 19. 1794 года

17.

Тимофей Ивановичъ. Настоящія въ Польшѣ замѣшательства по справедливости обратили вниманіе наше. Число войскъ туда отправленныхъ, для усиленія тамъ уже находившихся, конечно достаточно для пораженія бунтовщиковъ. Предписанной образъ употребленія ихъ закрытъ долженъ предѣлы наши и обезпечить въ оныхъ спокойствѣ. Но при всемъ томъ единымъ оружіемъ нельзя истребить образа мыслей и тѣхъ скаредныхъ заговоровъ, которые тѣмъ вреднѣе, чѣмъ тайнѣе производятся, а посему должно изыскивать всѣ средства и употреблять всѣ способы, съ одной стороны въ умаленіи числа противниковъ, въ отнятіи у нихъ всѣхъ случаевъ и способовъ быть вредными и наконецъ въ поступленіи по всей строгости съ законными измѣнниками и въ наказаніи ихъ примѣрнымъ образомъ въ страхъ другимъ; а съ другой ободрять и возстановлять благонамѣренныхъ, оказанные ими опыты вѣрности и заслуги награждать щедро и привязывать ихъ ко власти и къ правленію Россійскому собственною ихъ пользою. Знатныя имѣнія князей Черторыжскихъ, Яблоновскихъ, Морскаго, Дзялынскаго, Косовскаго и многихъ другихъ сообщниковъ ихъ, отчасти уже явныхъ, а отчасти еще тайныхъ измѣнниковъ должны обратить вниманіе правленія и взяты быть въ ближайшій присмотръ, наблюдая, дабы доходы съ тѣхъ имѣній во вредъ намъ употребляемы не были и чтобы не всчинались тамо ка-

кія либо предосудительныя общей тишинѣ скопища и отвращены были всякія сношенія съ отсутствующими бунтовщиками. Когда кто либо откроется явно или въ заговорѣ доказанъ будетъ, то немедленно наложить секвестръ на его имѣніе и взять въ казенное управленіе, а собираемые доходы отсылать въ губернское казначейство для храненія до времени рѣшительнаго объясненія въ невинности или въ преступленіи того чье имѣніе такимъ образомъ въ присмотръ взято будетъ, и тогда, по точному удостовѣренію, послѣдовать можетъ повелѣніе возвратитъ ли или вовсе лишитъ имѣнія сего. Симъ способомъ, во время возжигаемыхъ безпокойствъ, бунтовщики лишены будутъ знатныхъ доходовъ, которые безъ того намъ во вредъ обращены бы были.

Имѣнія же отобранныя отъ преступниковъ по частямъ розданы быть могутъ явившимъ несомнѣнные опыты вѣрности и усердія, отъ чего собственностію привязаны будутъ къ тому порядку вещей, который отъ насъ постановленъ будетъ; — ибо въ противномъ случаѣ потеряли бы они имущества, кои, при перемѣнѣ власти, возвратились бы къ прежнимъ владѣльцамъ, намъ измѣнившимъ. При взятіи въ казенное управленіе подобныхъ имуществъ имѣете вы немедленно доносить намъ о всѣхъ обстоятельствахъ, а равномерно и о количествахъ душъ и о числѣ доходовъ съ оныхъ. Для успокоенія въ вѣрности пребывающихъ и для обезпеченія ихъ въ собственностяхъ, объявить можете при томъ и причины, понудившія васъ учинить сей шагъ. Оныя суть: сохраненіе спокойствія въ областяхъ Россійскихъ, благосостояніе коихъ долженствуетъ быть единымъ изъ главнѣйшихъ предметовъ попе-

ченія вашего, и что вы конечно не допустите малому числу дерзкихъ и развратныхъ бунтовщиковъ, измѣняющихъ присягѣ и отечеству своему, разрушать благополучіе и увѣренность каждаго изъ спокойныхъ и вѣрныхъ подданныхъ нашихъ, которыхъ личную и имущественную безопасность обязаны вы охранять всѣми способами вамъ данными. Для привлеченія же большаго числа къ пользамъ и ко власти нашимъ и для утвержденія ихъ въ вѣрности, привязывая къ тому собственными ихъ выгодами, можете давать чувствовать, что отобранныя имѣнія отъ измѣнниковъ раздаваемы будутъ вѣрнымъ сынамъ отечества, чѣмъ и будутъ заслуги ихъ награждены.

Черный народъ, обитающій въ областяхъ нашихъ, а паче намъ единовѣрный, Поляковъ господъ своихъ ненавидитъ, что самымъ дѣломъ доказано многими доселѣ происшествіями, а потому не трудно будетъ имѣть оный въ свою пользу, ободряя покровительствомъ отъ единовѣрныхъ ему. Сіе тѣмъ удобнѣе исполнить можно, что въ деревняхъ, которыя въ казенное управленіе взяты быть могутъ, должны отрѣшены быть конечно поселянамъ ненавистные настоящіе управители имѣній тѣхъ, яко люди для насъ вовсе ненадежныя, поелику поставлены отъ Поляковъ господъ своихъ и слѣдовательно преданные имъ. И естли они уроженцы областей нашихъ и имѣютъ тутъ родственниковъ своихъ, тогда остаться могутъ, однакоже въ присмотрѣ; когдаже изъ иныхъ мѣстъ, то выслать ихъ за границу; а естли окажутся подозрительными, въ такомъ случаѣ отправить ихъ въ Кіевъ до восстановленія общаго спокойствія. Къ имѣніямъ же симъ приставить вѣрныхъ

и честныхъ смотрителей, коимъ и дать наставленія о принятіи въ управленіе свое по точнымъ описаньямъ, о чемъ, а равно и о собираемыхъ доходахъ, отдавать обстоятельные отчеты директорамъ экономіи, облегчая жителей елико возможно въ повинностяхъ, чѣмъ сердца народныя совершенно къ себѣ привлечь можно, въ исторженіе измѣнниковъ и возжигателей неустройствъ.

Въ С. П. бургѣ. Апрѣля 19-го 1794-го.

18.

Тимофей Ивановичъ. Послѣ случившагося въ Варшавѣ съ генераломъ барономъ Игельстромомъ происшествія, признали мы за благо всѣ войска въ Польшѣ поручить въ команду генералу князю Репнину, снабдивъ его наставленіями нашими о собраніи тѣхъ войскъ, о обезпеченіи границъ нашихъ, истребленіи мятежа въ близости ихъ происшедшаго и потомъ о распространеніи дальнѣйшемъ оружія нашего на совершенное пресѣченіе неспокойства въ землѣ помянутой. Онъ не оставитъ имѣть съ вами въ чемъ потребно сношеніе, а вамъ повелѣваемъ удовлетворять его требованія по службѣ нашей и доставлять ему деньги изъ доходовъ Минской, Изьяславской и Брацлавской губерній сколько возможно, за оставленіемъ надобныхъ суммъ на необходимые по тѣмъ губерніямъ расходы, увѣдомляя насъ, сколько когда отпущено будетъ. Хотя и можно предполагать, что распоряженіями генерала князя Репнина обезпечены будутъ границы Минской губерніи, и тѣмъ болѣе, что край тамошній по скудости въ хлѣбѣ не представляетъ удобства непріятелю къ успѣхамъ значущимъ и могущимъ повлечь за собою важныя слѣдствія, въ запасъ однакожъ нужно имѣть въ особенномъ

вниманіи городъ Несвижъ, яко мѣсто укрѣпленное, которое можетъ для насъ служить опорою, а для сего и долженъ оный снабденъ быть всѣмъ въ оборонѣ потребнымъ; да и всякое покушеніе непріятельское противъ сего поста указали мы стараться отражать. Равнымъ образомъ заслуживаетъ вниманія и городъ Слуцкъ; почему, въ случаѣ, буде вы пребываніе присутственныхъ мѣстъ Минской губерніи и храненіе казны въ городѣ Минскѣ не найдете надежными, можете помѣстить оныя въ упомянутыхъ укрѣпленныхъ городахъ.

По оказавшемся участію со стороны короля и многихъ чиновъ правительства въ мятежъ нынѣ происшедшемъ, вопреки доброй вѣры и трактата союзнаго, съ нами заключеннаго, мы почитаемъ справедливымъ, чтобъ вы тотчасъ приказали взять въ секвестръ всѣ имѣнія фамиліи Понятовскихъ и всѣхъ другихъ Польскихъ помѣщиковъ, кромѣ тѣхъ, которые въ тѣхъ губерніяхъ или другихъ мѣстахъ Имперіи нашей пребываніе имѣютъ: ибо не сходно съ интересами нашими, чтобъ доходы съ сихъ имѣній обращаемы были въ пользу непріятелей нашихъ и на подкрѣпленіе бунта. Сборы съ сихъ деревень должны служить получаемы быть въ казну нашу до будущаго отъ насъ повелѣнія; а вы доставите намъ подробное донесеніе, чьи маестности, въ которыхъ мѣстахъ и въ какомъ количествѣ въ секвестръ поступаютъ.

Въ Санктпетербургѣ. Апрѣля 22. 1794 года.

19.

Тимофей Ивановичъ. Изъ дошедшихъ въ Синодъ нашъ отъ архіепископа Минскаго Виктора репортовъ усмотрѣли мы съ удовольствіемъ, что жители многихъ селеній Брадлавской

губерніи, находящіяся въ Уніи съ Римскою церковью, изъявили желаніе чрезъ гражданское правительство присоединиться къ Православной Греко-россійской церкви, отъ которой были они насильственно отторгауты. Для способствія такому благонамѣренію тамошнихъ нашихъ подданныхъ и къ удобнѣйшему искорененію Уніи, указали мы Синоду обнародовать отъ имени помянутаго архіепископа пастырскую грамоту его съ ободреніемъ и увѣщаніемъ обитателей епархіи его возвратиться ко благочестію, которой списокъ при семъ слѣдуетъ для свѣдѣнія вашего. Обнародованіе сея грамоты долженствуетъ произведено быть по всѣмъ городамъ и селеніямъ губерній вамъ ввѣренныхъ съ пособіемъ управляющихъ земскою полиціею, при чемъ вы приложите стараніе ваше въ такомъ богоугодномъ дѣлѣ оказывать всевозможное пособіе, и тѣмъ паче, что сіе есть самое надежное средство къ утвержденію народа тамошняго въ единомысліи и спокойствіи, и не оставьте имѣть прилѣжное наблюденіе, дабы всякой неурядокъ и безпокойство отвлечены были, чтобъ никто изъ помѣщиковъ, временныхъ владѣльцовъ и чиновниковъ духовныхъ и мірскихъ Римскаго Уніятскаго закона не осмѣлился дѣлать ни малѣйшаго въ томъ препятствія, обращающимся же въ благочестіе притѣсненія и обидъ. Всякое подобное покушеніе, яко противу господствующей вѣры обращаемое и начинающее преслушаніе воли нашей, долженствуетъ быть принято за уголовное преступленіе суду подлежащее и влекущее секвестръ имѣнія до окончанія дѣла. А какъ изъ письма вашего къ Минскому архіепископу отъ 28-го Февраля мы видимъ, что вы по сему дѣлу имѣете предварительныя

переписки съ Уніатскимъ митрополитомъ Θεодосіемъ Ростоцкимъ, то въ прекращеніе оныхъ и во избѣжаніе могущихъ произойти для желающихъ присоединенія къ Православію препятствій, за нужное находимъ предписать всѣхъ таковыхъ прошенія, для немедленнаго исполненія отсылать архіепископу Виктору, извѣщая только о семъ Уніатскаго митрополита.

Въ Санктпетербургѣ.
Апрѣля 22-го 1794 года

20.

Тимофей Ивановичъ! По содержанию донесенія вашего отъ 8-го Мая нашли мы за нужное объяснить вамъ. *Первое:* при обнародованіи пастырской грамоты архіепископа Минскаго, нѣтъ нужды присовокуплять никакаго особаго обвѣщенія отъ свѣтской власти, а довольно когда вы посредствомъ губернаторовъ предпишете тѣмъ чиновникамъ, которые въ городахъ и землѣ имѣютъ смотрѣніе надъ полицією, что помянутый архіепископъ во исполненіе воли нашей по благословенію Синода издалъ пастырскую свою грамоту о свободномъ присоединеніи къ Православной нашей Церкви всѣхъ тѣхъ, кои сами, или въ особахъ предковъ своихъ, насиліемъ и разнымъ ухищреніемъ, совращены въ Унію съ Латинами; и для того, чтобъ означенные чиновники наблюдали и имѣли попеченіе, дабы та грамота съ надлежащимъ порядкомъ и тишиною повсемѣстно была опубликована, чтобъ никто изъ духовныхъ или свѣтскихъ инновѣрныхъ ни въ такомъ обнародованіи, ниже въ самомъ обращеніи къ благочестію затрудненія дѣлать не отваживался, чтобъ озлобляемымъ и гонимымъ вѣры ради Православной дана была за-

конная защита, и наконецъ, чтобъ смотрѣли они, дабы, при подобномъ присоединеніи къ церкви нашей того желающихъ, не взяли сіи послѣдніе за поводъ уклоняться отъ повиненія помѣщикамъ своимъ, или же къ другимъ своевольствамъ. *Второе:* Синоду повелѣніе наше сообщено о снабдѣніи по всей возможности епархіи Минской добрыми священниками изъ ближайшихъ епархій, а между тѣмъ *третье:* за благо приемя положеніе ваше, съ архіепископомъ учиненное, о способахъ на сей разъ къ управленію требъ церковныхъ, повелѣваемъ изъ доходовъ вѣрренныхъ вамъ губерній выдать архіепископу двѣ тысячи червонныхъ для собственнаго его снабдѣнія всѣмъ надобнымъ и сану его приличествующимъ и для пособія въ переѣздахъ, которыхъ польза дѣла подлежащаго можетъ востребовать; сверхъ того, дабы на первое время подкрѣпить опредѣляемыхъ духовныхъ, покуда съ распространеніемъ благочестія приходы церковные сами собою придутъ въ ихъ состояніе, дозволяемъ вамъ отдѣлать изъ тѣхъ же доходовъ до двадцати тысячъ рублей и изъ нихъ по распоряженію вашему обще съ архіепископомъ Минскимъ производить дачи опредѣляемымъ нашего закона священникамъ и прочимъ церковнослужителямъ, какъ на проѣздъ до мѣсть ихъ, такъ и на содержаніе ихъ, соображая сіе послѣднее съ назначеннымъ по духовнымъ штатамъ и извѣщая насъ объ успѣхѣхъ въ дѣлѣ и о суммѣ, сколько будетъ издержано.

Въ Царскомъ Селѣ. Мая 17. 1794.

21.

Тимофей Ивановичъ! Вы получили уже отъ слѣдственной комисіи, учрежденной въ Смоленскѣ, списокъ тѣмъ

зломышленнымъ Полякамъ, кои оговорены въ соучастіи возмущенія происшедшаго въ Польшѣ и въ покушеніи распространить пламень онаго въ предѣлахъ Имперіи нашей; и хотя не сомнѣваемся, что вы и сами собою будете стараться какъ поименованныхъ тутъ, такъ и впредь требуемыхъ тою комиссіею подозрительныхъ людей сыскивать и за стражею посылать въ Смоленскъ, тѣмъ не меньше однакожъ почитаемъ нужнымъ подтвердить вамъ о приложеніи всемѣрнаго попеченія, дабы таковые вредные и для тишины и спокойствія ввѣреннаго вамъ края опасные Поляки пойманы были; наипаче же употребите всѣ зависящія отъ васъ средства, чтобъ Прозоръ, въ числѣ первѣйшихъ бунтовщиковъ почитаемый, отъ поисковъ вашихъ укрыться не могъ. Равнымъ образомъ не оставьте по долгу начальства вашего имѣть бдительное вниманіе на поведеніе всѣхъ вообще бывшихъ въ повѣтахъ по конституціи 3-го Маія судей и поповъ, наблюдая только, чтобъ невиннымъ и въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ ненарушимую вѣрность сохранившимъ не было причинено напраснаго какого либо притѣсненія и озлобленія.

Въ Царскомъ Селѣ. Іюня 19 1794 года.

22.

Тимофей Ивановичъ. Увѣдомившись чрезъ посла нашего въ Вѣнѣ пребывающаго, что отъ князя Адама Чарторижскаго посылается нѣкто изъ преданныхъ ему по имени *Гогель* для управленія имѣніемъ его, которое, по сильнымъ подозрѣніямъ на участіе сего владѣльца въ мятежъ и бунтъ Польскомъ, находится нынѣ въ секвестрѣ, почитаемъ нужнымъ предостеречь васъ, чтобъ вы наставили

кого слѣдуетъ и накрѣпко подтвердили ни вышесказаннаго Гогеля, ниже другаго, чтобы таковъ ни былъ присланъ отъ князя Адама Чарторижскаго, не только къ управленію имѣнія его, состоящаго въ губерніяхъ начальству вашему ввѣренныхъ, не допускать, да и самый вѣздъ въ оныя имъ запретить.

Въ С. П.бурговъ.
Октября 3-го 1794 года.

23.

Тимофей Ивановичъ. Причины, подвигнувшія насъ при самомъ открытіи въ Польшѣ возмущенія учинить вамъ предписанія о принятіи въ секвестрѣ имѣній помѣщиковъ соучастными въ мятежъ оказавшихся, довольно вамъ извѣстны изъ тѣхъ самыхъ предписаній; мѣра таковая принята была сколько потому простому основанію справедливости, что всякій измѣняющій своей присягѣ теряетъ естественнымъ образомъ права и выгоды, предоставленныя спокойному и вѣрному гражданину, столько и по предосторожности, чтобы изъясвившіе себя явными мятежниками или разными путями имъ благопріятствующіе, бывъ оставлены при имѣніяхъ своихъ, не могли замысламъ своимъ получать подкрѣпленія, обращая доходы съ владѣній, въ нашихъ областяхъ находящихся, въ предосужденіе нашимъ же пользамъ. Сіе правило распространяется во всей строгости на имѣнія не токмо признанныхъ за явныхъ бунтовщиковъ, но и всѣхъ другихъ сомнительныхъ помѣщиковъ, кромѣ тѣхъ, которые въ губерніяхъ управленію вашему ввѣренныхъ или въ другихъ мѣстахъ Имперіи нашей пребываніе имѣютъ, какъ о томъ въ указѣ нашемъ отъ 22-го Апрѣля сего года вамъ изъяснено; слѣдственно и всѣ

пребывающіе внѣ предѣловъ государства нашего кромѣ тѣхъ, о коихъ вѣрности и всегдашней благонамѣренности не предстоить сомнѣнія, подвергаются оному же правилу неизбѣжно, и въ особенности *Чацкіе* и *Дзедзичкіи*, о коихъ вы представляете въ отношеніи къ нашему генералу фелдцейгмейстеру графу Зубову и о которыхъ узнаете изъ прилагаемаго здѣсь списка съ рапорта генераль-маіора Хрущова къ генералу-фельд-маршалу графу Румянцову-Задунайскому и изъ повелѣнія, даннаго имъ генералу графу Салтыкову о происходящемъ въ Галиціи, и увидите по показанію помянутаго генераль-маіора, сколько на свидѣльста о нихъ тамошнихъ правителей полагаться можно. Въ слѣдствіе всего вышеизъясненнаго подтверждаемъ вамъ наблюдать, чтобы помѣщики, подозрѣніе о себѣ подающіе, отъ имѣній своихъ всемѣрно были отчуждены, не пріемля никакихъ свидѣльствъ и ходатайствъ постороннихъ, а основываясь на несомнѣнныхъ доказательствахъ, что они подданныческую къ намъ вѣрность сохранили непоколебимо, что никакого съ зломысленниками сообщенія не имѣли и что вели жизнь спокойную и добрымъ гражданамъ приличную. Таковыхъ токмо, по строгомъ изысканіи всего вышесказаннаго, къ владѣнію имѣніями допускать можно, представляя о томъ къ намъ и ожидая на сіе нашего разрѣшенія, не упуская при томъ изъ виду и того, что мы не находимъ никакой пользы въ умноженіи владѣющихъ недвижимыми имѣніями въ областяхъ нашихъ такихъ людей, въ вѣрности и усердіи коихъ вѣтъ никакой благонадежности, почитая напротивъ того выгодною и лучшею увѣренностію для спокойствія тѣхъ областей, еслибъ число

таковыхъ умалилось выѣздомъ ихъ изъ предѣловъ нашихъ и продажею имѣній своихъ такимъ, въ вѣрности и усердіи коихъ болѣе надѣяться можно. Сіе за нужное почли мы объяснить вамъ, дабы вы при всякомъ случаѣ знали, въ чемъ состоитъ истинная польза дѣлъ нашихъ, основанная на благѣ и спокойствіи нашихъ вѣрныхъ подданныхъ, отъ коихъ всякой развратъ отдаляемъ быть имѣть.

Въ С. П.бурга.
Ноября 22-го 1794 года.

24.

Тимофей Ивановичъ! Изъ дошедшихъ къ нашему митрополиту Гавриилу чрезъ Минскаго архіепископа Виктора донесеній, которыя при семь къ вамъ препровождаетъ, увидѣли мы, что въ Иязславской губерніи происходятъ не только препятствія жителямъ въ обращеніи ихъ къ Православной Греко-россійской церкви, но якобы поношеніе и даже побои проповѣдающимъ истинное слово Божіе. А какъ высочайшимъ указомъ нашимъ отъ 22-го Апрѣля предписано вамъ: „наблюдать, чтобы никто изъ помѣщиковъ, временныхъ владѣльцовъ, и чиновниковъ духовныхъ и мірскихъ Римскаго и Уніатскаго закона не осмѣлился дѣлать жителямъ ни малѣйшаго въ присоединеніи ихъ къ благочестію препятствія, а обращающимся обидѣ и притѣсненія, и что всякое подобное покушеніе, яко противъ господствующей вѣры обращаемое и означающее преслушаніе волѣ нашей, долженствуетъ быть принято за уголовное преступленіе суду подлежащее и влекущее за собою секвестръ имѣнія“: то за симъ, не имѣя нужды васъ во ономъ случаѣ болѣе наставлять, подтверждаемъ вамъ,

чтобъ введеніе благочестія во всѣхъ вамъ ввѣренныхъ губерніяхъ производимо было на точномъ основаніи вышеизъясненнаго нашего повелѣнія, при чемъ даемъ вамъ на замѣчаніе поступокъ помѣщиковъ Гижичскихъ, заслуживающій все вниманіе правительства, о коемъ надлежитъ строжайше изслѣдовать и, буде извѣщеніе протоіерея справедливо, то поступить съ виновными по нашимъ законамъ, въ страхъ другимъ, для истребленія примѣровъ непослушанія и неистовства. И понеже обращеніе къ Православному нашему исповѣданію отторгнутыхъ отъ онаго насильственно есть самопроизвольное, совѣстію ихъ возрожденное и торжественно ими самими изъясняемое, слѣдственно нѣтъ надобности ни въ чьемъ по оному обстоятельству участіи и посредствѣ, а на сей конецъ помянутымъ отъ 22-го Апрѣля указомъ прекратили мы ваши предварительныя съ Уніятскимъ митрополитомъ переписки; не взирая на сіе однакожъ, къ справедливому нашему неудовольствію, видимъ, что правитель Изъяславской губерніи разослалъ по округамъ повелѣнія и письма о удержаніи введенія благочестія, естли приходскіе священники ко оному не присоединятся, или примѣчено будетъ неудовольствіе помѣщиковъ, какъ будто бы помѣщики имѣли какое либо право стѣснять крестьянъ своихъ въ отправленіи господствующей вѣры по внутреннему убѣжденію совѣсти ихъ, когда и мы ни мало не стѣсняя, не токмо терпимъ, но и покровительствуемъ свободное и публичное отправленіе ихъ Римскаго исповѣданія. Черезъ помянутыя повелѣнія и письма всѣ значущіеся въ прилагаемыхъ при семъ бумагахъ непорядки произошли. Во отвращеніе оныхъ предписываемъ

вамъ, чтобы обнародованіе грамоты архіепископа Виктора производилось впредь самимъ поселянамъ, и введеніе благочестія во всѣхъ ихъ обиталищахъ чинилось безъ всякаго духовныхъ и мірскихъ чиновниковъ Римскаго и Уніятскаго закона участія и посредства и, дабы предавшіеся въ объятія Православной нашей церкви отъ мести, притѣсненій и обидъ дѣятельно оберегаемы были, а обидчики и наглецы безъ наказанія не оставались; но надлежитъ употреблять стараніе и мѣры, чтобъ при повсемѣстномъ сего исполненіи, отвращаемы и истребляемы были пустые толки и вымышленія, яко разрушающіе спокойство жителей и въ благоустроенномъ правленіи нетерпимые. Для удобнѣйшаго же въ семъ дѣлѣ успѣха, чтобы обѣщываемая поселянамъ грамотою преосвященнаго Виктора безопасность и защита дѣйствительно исполняемы были, долгъ вашъ правителей и всѣхъ подчиненныхъ вамъ, да будетъ ревностнѣйшее наблюденіе, чтобы никто изъ присоединившихся къ благочестію притѣсняемъ не былъ: ибо мы, позволяя свободное и ни въ чемъ несограниченное отправленіе вѣры Римско-католической, желаемъ, чтобы и помѣщики исповѣданія сего никакъ не дерзали угнетать тѣхъ изъ ихъ подданныхъ, которые желаютъ обратиться къ прежнему ихъ Греческому исповѣданію, и чтобы, по обращеніи ихъ къ благочестію, власти наши не только предохраняли ихъ отъ всякихъ притѣсненій и обидъ, но паче принимали бы объ нихъ возможное попеченіе; ибо сіе обращеніе навѣяще сблизитъ ихъ съ Россіянами, и они ни мало не должны уже бояться, чтобъ когда либо отъ нашей державы отторгнуты были. Равно слѣдуетъ вразумить по-

мѣщиковъ, временныхъ владѣльцевъ и приходскихъ священниковъ, что изъясляемое при введеніи благочестія сопротивленіе и разсѣваемые толки и выдумки, удобныя только что совратить поселянъ съ истиннаго пути, ихъ самихъ довести могутъ до неприятностей, и что въ прочемъ нѣтъ никому изъ нихъ ни малой пользы чинить въ семь лучаѣ препятствія и сопротивленія: ибо всѣмъ извѣстны наши великодушныя о всѣхъ повоприобрѣтеннаго края обитателяхъ намѣренія, дабы каждый, въ предѣлахъ своей должности живущій, обезпеченъ былъ въ его достояніи и собственности, а посему всякій владѣлецъ останется при всемъ своемъ имуществѣ, хотя бы подданные его и обратились къ благочестію; также и священники, буде обращенію сему послѣдуютъ, не лишатся приходовъ своихъ, но будутъ во оныхъ утверждены отъ нашихъ духовныхъ властей, въ чемъ и многіе примѣры видятъ въ глазахъ своихъ. Въ заключеніе сего, нужнымъ почитаемъ изъяснить вамъ желаніе наше, дабы при дальнемъ обращеніи поселянъ въ предѣлахъ вамъ ввѣренныхъ къ благочестію, вездѣ и при каждомъ случаѣ и съ обоюдныхъ сторонъ, удаляемъ былъ всякой видъ принужденія и насилія; держающіе же явно возставать противу закона и спокойства должны быть судимы по законамъ, памятуя, что всякое ослабленіе удобно посягнуть въ сихъ вѣтренныхъ умахъ поползновеніе къ неповиновенію власти и законамъ. Симъ способомъ, надѣмся, предупредите исполнить намѣренія наши, клонящіяся ко благу и спокойствію народовъ, обитающихъ въ сихъ новыхъ областяхъ нашихъ и не оставите по удостовѣреніи въ истинѣ исправить и впредь отвращать всѣ тѣ препоны,

кои неблагонамѣренность духовныхъ властей Римской церкви и помѣщиковъ сего исповѣданія нашему духовенству въ непринужденныхъ успѣхахъ его постановить возмогутъ.

Въ С. П.бургѣ.
Сентября 10-го 1795 года.

*

Роспись, кому какія именно деревни и въ какомъ числѣ душъ отъ Ея Императорскаго Величества всемилоствѣйшіе пожалованы въ вѣчное и и потомственное владѣніе въ губерніяхъ Минской, Брацлавской, Волынской и Подольской, и въ частяхъ отдѣленныхъ отъ оныхъ къ сопредѣльнымъ намѣстничествамъ.

1795-го года Августа 18-го.

1. Пожалованные по росписи съ провозглашенной въ день мирнаго торжества 2 Сентября 1793-го.

Число душъ

1. Генералу-порутчику Голенищеву-Кутузову.	
Конфискованные у судьи Андрея Дубровскаго въ Волынской губерніи разныя фольварки съ принадлежащими къ нимъ селеніями	2531
Мѣстечко Рай-городокъ	136
	и того 2,667
2. Генералу-маіору Ираклію Моркову,	
въ Брацлавской губерніи старство Сальницкое.	222
Да изъ секвестрованныхъ у графини Коссаковской имѣній въ Подольской губерніи села Кукавку и Олчедаевъ	661
въ Брацлавской губерніи село Пеньковку	122
	<hr/> 1005

	Число душъ
3. Генералу-аншефу графу Н. Салтыкову.	
Изъ секвестрованныхъ у подскарбія Литовскаго Михайлы Огинскаго:	
въ Минской губерніи мѣстечко Раковъ и дворъ Поморовщизну, фольварокъ Левковъ съ деревнями	964
Мѣстечко Илія съ фольварками, да въ части отдѣленной отъ Минской губерніи къ Могилевской село Цецержинъ съ деревнями	2732
	4701
4. Дѣйствительному тайному совѣтнику и вице-канцлеру графу Остерману.	
Принадлежавшіе капитулѣ Виленской: въ Минской губерніи фольварокъ Береснѣовка съ деревнями	1560
Село Окжица	320
Да въ части отдѣленной отъ Минской губерніи къ Могилевскому намѣстничеству мѣстечко Стрешинъ съ деревнями	2,287
	4167
5. Дѣйствительному тайному совѣтнику и оберъ-гофмейстеру графу Безбородку.	
Въ Брацлавской губерніи староство Хмельницкое . . .	4981
6. Дѣйствительному тайному совѣтнику Стрекалову.	
въ Подольской губерніи староство Куцкое	1549
Лясковицкое	405
и того	1954
7. Тайному совѣтнику и коллегіи иностранныхъ дѣлъ члену Моркову:	

	Число душъ
въ Подольской губерніи староство Каменецкое.	1142
Летичевское	2162
	3304
8. Генералу-порутчику Турчанинову:	
въ части отдѣленной отъ Минской къ Могилевской губерніи староство Заболоцкое	974
9. Генералу - провіантмейстеру Новосильцову:	
Изъ секвестрованныхъ у бывшего шамбеляна Тадеуша Павши, въ Волынской губерніи село Главкевичи съ деревнями	936
10. Дѣйствительному статскому совѣтнику Сергѣю Лашкареву:	
въ Минской губерніи староство Озарицкое	656
11. Статскому совѣтнику Дмитрію Трощинскому: въ части отдѣленной отъ Брацлавской губерніи къ Кіевскому намѣстничеству староство Кагорлыцкое	700
въ Подольской губерніи староства: Вербовецкое	249
и Хрептевское	765
	1759
12. Полковнику Адріану Грибовскому:	
въ Подольской губерніи староство Вишневецкое	653
13. Коллежскому совѣтнику Андрею Алтести:	
въ Брацлавской губерніи староство Литинецкое	535
14. Подполковнику Михайлѣ Пафнутьеву:	
Изъ конфискованнаго у судьи Андрея Дубровскаго имѣ-	

Число душъ
 нія въ Брацлавской губерніи
 село Фридровъ 304

*II. Пожалованные частными
 указами.*

1793-го года Сентября 15-го.

15. За заслуги генерала-фельдмаршала князя Потемкина Таврическаго, племянницамъ его графинѣ Александрѣ Браницкой и графинѣ Катеринѣ Скавронской: въ части отдѣленной отъ Брацлавской губерніи къ Кіевскому намѣстничеству, изъ секвестрованныхъ у графа Рафаила Тарнавскаго, ключъ Васильевскій съ принадлежащими къ нему деревнями и селеніями 2064

въ Волынской губерніи изъ секвестрованныхъ у Игнатія Дзялиwsкаго: ключъ Шуминскій и деревню Головинекъ 565

въ Подольской губерніи фольварокъ Пилевскій съ деревнями 726

въ части отдѣленной отъ Брацлавской губерніи къ Кіевскому намѣстничеству, мѣстечко Ржищевъ, села Березовку, Липовый Рогъ и Ульяники 658
 1949

въ Подольской губерніи староство Скальское 1773

да въ тойже губерніи принадлежавшіе бискупу Каменецкому и его капитулѣ села Чернокозинцы, Зинковцы, Шустовцы, Циверку, Безносковцы, мѣстечко Черчь, село Нѣгичь, часть села Милявецъ,

Число душъ
 села Хропотово, Степановку,
 Демковцы и Мочапинцы . . . 2628
 и того 8414

Октября 19-го.

16. Дѣйствительному тайному совѣтнику *Сиверсу*: въ Минской губерніи изъ секвестрованныхъ у стражника Литовскаго Яна Оскирки, мѣстечко Барбаровъ съ деревнями 1396

въ тойже губерніи изъ принадлежавшихъ бискупу Виленскому село Уборцы съ деревнями 1412
 2808

1794-го Сентября 15-го.

17 Генералу-маіору князю *Циціянову*: въ Минской губерніи изъ секвестрованныхъ у Ксаверія Зинковича дворъ и мѣстечко Волколаны съ деревнями . . . 981
 Фольварокъ Загаце 133
 Завличе 110

1795-го Января 1-го.

18. Генералу-фельдмаршалу графу Петру Александровичу Румянцову-Задунайскому: сверхъ пожалованныхъ ему въ Литовской губерніи изъ экономіи Бржестской, бывшей въ числѣ королевскихъ столовыхъ имѣній, пяти тысячъ семи сотъ душъ въ Брацлавской губерніи изъ секвестрованныхъ у подчашаго, короннаго Михайлы Чацкаго, село Серебринецъ съ деревнями 1399

19. Генералу-аишефу князю Репнину: въ Минской губерніи экономія Пинская 3995

РУССКІЙ АРХИВЪ. 1873. 73.

	Число душъ		Число душъ
въ Подольской губерніи часть же экономіи, фольварокъ Сварицевичской съ деревнями	390 4385	25. Генералу-поручику <i>Нельеву</i> : въ Минской губерніи изъ принадлежащаго бискупу Виленскому мѣстечка Поляновъ съ деревнями	1200
20. Генералу - поручику графу <i>Ферзену</i> : въ Волынской губерніи, изъ секвестрованныхъ у старосты Новгородскаго Тедеуша Чацкаго, ключъ Острогскій, за исключеніемъ изъ него по случаю устрояемаго тутъ окружнаго города изъ числа поселенцевъ 188 душъ	2367	26. Генералу - поручику <i>Шевичу</i> : изъ тогоже мѣстечка Поляновъ	1200
да въ тойже губерніи староство Просвятковское	754 3121	27. Генералу-поручику <i>Денисову</i> : изъ тогоже мѣстечка	1200
21. Тайному совѣтнику барону <i>Ашу</i> : въ Минской губерніи принадлежавшій архидіаконіи Виленской дворъ Парашановъ съ деревнями	741	28. Генералу-маіору <i>Новову</i> : изъ тогоже мѣстечка остальные	1775
22. Коллежскому совѣтнику Кирилѣ <i>Юзефовичу</i> : въ Минской губерніи принадлежавшее Попорскому Доминиканскому монастырю село Томиловичи	471	29. Генералу-маіору <i>Веннсену</i> : въ Минской губерніи, изъ принадлежавшихъ бискупу Виленскому село Козловъ-Берегъ	180 138
23. Статскому совѣтнику Петру <i>Ермолову</i> : въ Минской губерніи, принадлежавшій Виленскаго монастыря монахинямъ, именуемымъ Визитки, дворъ Вилейка съ деревнями	252 312	Село Долбиновъ Мѣстечко Медвѣдичи съ деревнями	769 1087
III. <i>Вновь нѣтъ пожалованы.</i>		30. Генералу-маіору <i>Исаеву</i> : въ Минской губерніи принадлежавшіе Виленскому Бенедиктинскому дѣвичьему, монастырю, мѣстечко Козины съ деревнями	466
24. Генералу-поручику <i>Туттолмину</i> : въ Волынской губерніи, изъ секвестрованного у старосты Новгородскаго Тедеуша Чацкаго, ключа Брусилевскаго	3000	въ Волынской губерніи принадлежавшіе капитулѣ Луцкой село Долгую-Волю съ деревнями	404 875
		31. Генералу-маіору <i>Полливанову</i> : въ Волынской губерніи изъ секвестрованныхъ у поручика Якова Павши село Новополе	211

	Число душъ
Село Черниговка съ деревнями	293
Деревню Кручинцы	90
Село Каменку и приселокъ Паушинку	94
	<hr/> 688

32. Генералу-маіору *Милашевичу*:

въ Минской губерніи принадлежавшіе капитулъ Нѣмудской, суфрагану и каноникамъ селенія	853
---	-----

33. Генералу маіору *Хрущову*:

въ Минской губерніи принадлежавшіе ксензамъ миссіонаріямъ Виленскимъ, Рудноселье съ деревнями	269
---	-----

Суфрагану Точилковскому дворъ Задевъ съ деревнями	138
---	-----

Плебану Вишневному, фольварокъ Отмыте	121
---	-----

Островецкому Доминиканскому монастырю фольварокъ Запрудье.	188
	<hr/> 716

Генералъ-маіорамъ и губернаторамъ.

34. Минскому, *Нелюеву*:

въ Минской губерніи принадлежавшій капитулъ Виленской, фольварокъ Боръ.	521
---	-----

Ганевичи.	317
-------------------	-----

Дворъ Ваншты съ деревнями	220
-------------------------------------	-----

Трусевичи	44
	<hr/> 1102

35. Волынскому, *Шереметьеву*:

въ Волынской губерніи староство Ушицкое	383
---	-----

Теремицкое	967
	<hr/> 1350

	Число душъ
36. Брацлавскому <i>Бергману</i> : Брацлавской губерніи староство Маркушевское	648
да въ Минской губерніи староство Марковское	777
	<hr/> 1425

37. Статскому совѣтнику и Минскому вице-губернатору *Михайлову*:

въ Минской губерніи староство Домановицкое	314
--	-----

38. Коллежскому совѣтнику и Брацлавскому вице-губернатору *Грохольскому* *):

Изъ секвестрованныхъ у Яна Оскирки, въ части отдѣленной отъ Изъяславской губерніи къ Черниговскому намѣстничеству, село Кожушки съ деревнями	379
--	-----

39. Надворному совѣтнику и директору домоводства Минской губерніи Карлу <i>Лану</i> : въ Минской губерніи, староство Холенищевское.	231
--	-----

40. Коллежскому ассесору Филипу Четверикову: въ Подольской губерніи староство Цизковское	220
---	-----

41. Секундъ-маіору и Подольской губерніи совѣтнику таможенныхъ дѣлъ Степану *Качерину*:

въ Подольской губерніи староство Горчичинское	210
---	-----

42. Секундъ-маіору *Кандорскому*:

въ Минской губерніи принадлежавшіе заграничному бискупу Лопатинскому, фольва-	
---	--

*) Прадѣду его высокопревосходительства Александра Львовича Истапова. *И. Е.*

Число душъ	Число душъ		
рокъ Каплавцы съ дерев- нями	208	Село Старинки	380
43. Генералу-поручику Ко- новницыну:		Мѣстечко Першую съ селе- ніями	331
44. въ Волынской губерніи, принадлежавшіе капитулѣ О- лыцкой села Тинька и Забара и деревня Чабель	470	Село Доры	382
Тайному совѣтнику и генера- лу-рекетмейстеру Терскому:		да въ той же губерніи изъ конфискованныхъ у Яна Ос- кирки, дворъ Конотопъ	179
въ Минской губерніи при- надлежавшіе ольтаристу и ка- нонику Виленскому Сулис- тровскому деревни Кузмичи и Журахи, да дворъ Минчента съ деревнями	640		1580
45. Генералу-маіору Горичу:		49. Бригадиру Ивану Се- лукекому:	
въ Минской губерніи, при- надлежавшіе Виленскому Бе- ведиктинскому дѣвичьему мо- настырю дворъ и мѣстечко Вя- зинь съ деревнями	1000	вмѣсто пожалованной ему въ Бѣлоруссіи аренды, по- томственно въ Минской губер- ніи принадлежавшіе Базиліан- скому Виленскому монасты- рю, дворъ Беличаны съ де- ревнями	255
46. Генералу-маіору Сми- зову:		50. Артиллеріи полковнику Александру Воейкову:	
въ Минской губерніи при- надлежавшіе епископу загра- ничному Триполитавскому, деревня Старинки и деревня Слобода съ прочими	389	на обмѣнъ пожалованныхъ ему въ Полоцкой губерніи 300 душъ, кои обратно поступили въ казну, Волынской губерніи изъ конфискованныхъ у под- стоя Новгородскаго Хар- жевскаго, село Кичкиру и де- ревню Гнилицу	336
47. Генералу-маіору и Смо- ленскому оберъ-коменданту Восводскому:		51. Коллежскому совѣтнику Петру Обрьскову:	
въ Минской губерніи при- надлежавшій Супрідельскому Базиліанскому монастырю фольварокъ Хористовъ съ деревнями	395	изъ секвестрованныхъ у Флоріана Чернецкаго въ По- дольской губерніи мѣстечко Ожиговцы съ деревнями . . .	274
48. Дѣйствиельному стат- скому совѣтнику и лейбъ-ме- дику Розерсону:		52. Коллежскому совѣтни- ку Александру Макареву:	
въ Минской губерніи изъ при- надлежавшихъ бискупу Ви- ленскому, экономію Андрея- шинъ	308	въ Минской губерніи изъ секвестрованного у хорунжа- го Виленскаго Антона Тизен- гаузена фольварокъ Бобрика съ деревнями	200
		53. Надворному совѣтнику Титову:	
		изъ тогоже фольварка осталь- ные	123

	Число душъ
54. Секундъ-маіору Степану <i>Тычинину</i> : въ замѣну недостающихъ 54 душъ къ пожалованнымъ ему въ Выборгской губерніи 150 душамъ, въ части отдѣленной отъ Минской губерніи къ Черниговскому намѣстничеству, секвестрованное у Антона Приборы сельцо Малодушъ	60
55. Дѣйствительному статскому совѣтнику <i>Алонесу</i> : въ Минской губерніи староство Якимовицкое да въ тойже губерніи изъ секвестрованныхъ у Ивана Зинковича, дворъ Верещаты съ деревнями	563 347
	910
56. Подполковнику Андрею <i>Ставискому</i> : въ Подольской губерніи староство Бокатское: въ Брацлавской губерніи староство Сіомаковское	86 120
	206
57. Вдовѣ умершаго артиллеріи генерала-поручика <i>Витовтова</i> : въ Минской губерніи принадлежавшіе Базилянскому, Виленскому монастырю, фольварокъ Залѣсье съ деревнями.	609
58. Вдовѣ и дѣтямъ убитаго полковника <i>Караваева</i> : въ Минской губерніи принадлежавшіе Доминиканскому Виленскому монастырю дворъ Вардомичи съ деревнями	547
59. Вдовѣ и дѣтямъ убитаго полковника <i>Днева</i> :	

	Число душъ
въ Минской губерніи изъ секвестрованныхъ у Оадея Городенскаго фольварокъ Вержню съ деревнями	511
60. Вдовѣ и дѣтямъ убитаго полковника <i>Козлянилова</i> : въ Минской губерніи принадлежавшее Бенедиктинскому Старотроицкому монастырю, село Обровъ	238
61. Графу <i>Эстергазию</i> : въ Брацлавской губерніи староство Табуровское да изъ секвестрованныхъ у полковника Загурскаго, село Лука Маяновъ Часть села Витавы	66 462 49 76
	587
у шамбеляна Агима Дениски, село Загорцы и часть села Михайловки у графини Катерины Косакской село Нишовцы	101 212
	966
<i>IV. Въмѣсто аренды пожаловано по смерти.</i>	
<i>По росписи при мирномъ торжествѣ Септября 2-го 1793.</i>	
62. Подполковнику <i>Лабату де Вивансз</i> : въ Подольскомъ намѣстничествѣ староство Цециновское.	280
<i>По росписи къ князю Реннину 28 Июня 1794 года.</i>	
63. Бригадиру <i>Бардакову</i> : изъ секвестрованныхъ у Яна Гораина, въ Минской губерніи мѣстечко Костеневици съ деревнями	403
64. Артиллеріи маіору <i>Фоку</i> : въ Минской губерніи при-	

Число душъ

надлежавшіе прелатамъ и каноникамъ Виленскимъ фольварокъ Гребіонка съ деревнями. 252

*По росписи къ графу Румянцову
26 Октября 1794 года.*

65. Генералъ-маіору *Боровскому*:
въ Волынской губерніи изъ секвестрованныхъ у Юзефа Богуша, мѣстечко Ушомиръ съ деревнями и фольварками. 443
(Всего 65 особамъ 79,550 душъ.)

26.

Тимофей Ивановичъ. Взятая въ казенный прісмотръ въ губерніяхъ вамъ вѣрныхъ, князя Адама Чарторижскаго деревни, въ *сороку трехъ тысячъ пять стахъ шестидесяти шести душъ* состоящія, всемилостивѣйше повелѣваемъ отдать во владѣніе находящимся здѣсь двумъ сыновьямъ его, гвардіи нашей порутчикамъ князьямъ Чарторижскимъ *).

Въ С. Пбургъ.
Августа 20. 1795 года.

27.

Тимофей Ивановичъ. Вамъ извѣстно, какое употребленіе сдѣлали мы изъ взятыхъ отъ участвовавшихъ въ послѣднемъ Польскомъ мятежѣ имѣній. А какъ по вѣдомостямъ отъ васъ представленнымъ показаны были изъ нихъ многія состоящими въ закладѣ, и слѣдственно подлежащими на основаніи рескрипта нашего, вамъ данаго въ 3-ій день Мая сего года, къ

*) Думала ли Екатерина, подписывая это распоряженіе, что она подгапывала тѣмъ все свое мудрое зданіе? Князь Чарторижскій съ сыновьями принуждены преданными Россіи, а отецъ одного изъ сихъ послѣднихъ, князь Н. В. Репнинъ вѣроятно помогъ своимъ ходатайствомъ. П. Б.

выкупу изъ казны; по кто именно заимодавцы и кому таковой платежъ произвести должно, въ тѣхъ вѣдомостяхъ не значится; сверхъ же того на нѣкоторыя изъ тѣхъ имѣній предъявлены претензіи, о коихъ предоставили вы разборъ въ надлежащихъ судебныхъ мѣстахъ, подъ обереженіемъ права казеннаго, стряпчимъ казенныхъ дѣлъ, и для того повелѣваемъ вамъ. *Первое*: объ имѣніяхъ кои находились въ закладѣ, доставить намъ обстоятельную вѣдомость, кому точно какая сумма подлежитъ къ заплатѣ изъ казны, показавъ время, въ которое займы подъ то имѣніе сдѣланы, гдѣ тѣ заимодавцы нынѣ пребываніе свое имѣютъ и представили ли они вѣрныя доказательства какъ о справедливости таковыхъ закладовъ, такъ и о безпорочности поведеній своихъ въ продолженіе мятежа въ Польшѣ бывшаго, дабы инако не достались деньги въ руки людей никакого къ нимъ уваженія не заслуживающихъ. *Второе*: дѣла по претензіямъ къ тѣмъ же секвестрованнымъ имѣніямъ приказать производить законнымъ порядкомъ, и по мѣрѣ окончанія оныхъ доносить намъ о тѣхъ, по коимъ требованія на казнѣ признаны будутъ справедливыми и никакому сумнѣнію не подлежащими. *Третье*: представить намъ подробныя вѣдомости съ показаніемъ селеній и числа душъ, такоужъ собираемаго съ нихъ дохода о поступившихъ вновь въ казну нашу имѣніяхъ, какъ по случаю отобранія оныхъ отъ духовенства Римско-католическаго и Уніатскаго исповѣданія, такъ и присоединенія на вѣчныя времена къ Имперіи нашей прилежныхъ къ намѣстничествамъ вашего управленія новыхъ областей, замыкающихъ въ себѣ всю остальную часть Волынскаго и часть Хелмскаго

воеводства, лежащаго на правомъ берегу рѣки Буга, разобравъ имѣнія въ сихъ новоприосоединенныхъ частяхъ по тѣмъ правиламъ, какія о прочихъ Польскихъ деревняхъ вышепомянутымъ рескриптомъ нашимъ отъ 3-го Маія вамъ предписаны. *Четвертое:* о старостинскихъ и прочихъ имѣніяхъ, которыя въ пожизненное владѣніе или другимъ образомъ временно только кому либо изъ Поляковъ оставлены, прислать намъ также обстоятельную вѣдомость, съ показаніемъ, на какомъ основаніи кто ими владѣть, сколько въ нихъ селеній и душъ, и какой доходъ съ нихъ въ казну и помѣщичій собирается.

Въ С. П.-бургѣ
Сентября 28, 1795 года.

ПРИНОШЕНІЕ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА МОСКОВСКОМУ УСПЕНСКОМУ СОБОРУ.

I.

Въ Государственную Военную Коллегію. Отъ генерала-аншефа оной Коллегіи вице-президента и кавалера, князя Потемкина.

Рапортъ.

По окончаніи бывшей съ Портою войны, внесена была отъ первой арміи въ Государственную Военную Коллегію остальная сумма, въ которой состояло золота, собраннаго съ Валахій до полупуда. Сіе золото ея императорское величество изволила приказать употребить мнѣ по моему разсмотрѣнію.

Я не могъ сыскать ничего приличнаго, какъ соорудить утварь въ первопрестольный въ Россіи храмъ, соборъ Успенскій, на память побѣды и въ хранилище рукописанія Самодержицы нашей, которое я тутъ и

влагаю. *) Донеся о семъ Государственной Военной Коллегіи, покорнѣйше прошу указать заплатить золотыхъ дѣлъ мастеру Дювалю какъ за работу, такъ и за прибавочное имъ собственное его золото и серебро, всего четыре тысячи пятьсотъ восемьдесятъ пять рублей.

Подписалъ: „Князь Потемкинъ“.

Юля дня
1777 г.

Слушанъ 12-го Юля, 1777 г. (М. Отд. Архива 2, штаба, оп. 52, кн. 238, № 7763).

II.

Fait par ordre de son altesse monseigneur le Prince de Potemkin.

Une grande pièce d'orfèvrerie qui contient dix neuf livres d'or de différens alliages et dix neuf livres vingt quatre solotnics d'argent.

19 livres 24 solotnics arg. à 20 roubles r^o. 385

Le travail du grand modèle en cire, en plâtre et des modèles de chaque pièce en particulier, des grandes estampes de cuivre, les fondeurs et différens ouvriers employés, ainsi que le surplus de déchet d'or et d'argent

R. 4585

J'ai reçu 18 livres 61¼ sol. d'or.

Louis Dav. Duval.

S. Pétersbourg le 30 Juin 1777.

На подлинномъ рукою князя Потемкина написано: „четыре тысячи пятьсотъ восемьдесятъ пять рублей“ „выдать слѣдуетъ. Князь Потемкинъ“.

*) Это рукописаніе императрицы Екатерины II-й есть чернивая тетрадь знаменитаго Наказа. Устроенный кн. Потемкинскимъ ковчегъ для любимаго произведенія Государыни представляетъ Моисей, принимающаго на горѣ Синаѣ скрижали съ десятью заповѣдями.
Г. А.

III.

ПЕРЕВОДЪ ИЗЪ СЧЕТА ЛЮДВИГА ДАВЫДОВА ДЮВАЛЯ.

По повелѣнію его свѣтлости князя Григорія Александровича Потемкина сдѣлано слѣдующее; а именно:

Большая штука золотыхъ дѣлъ работы, содержащая девятнадцать фунт. золота разной работы, а серебра девятнадцать фунтовъ двадцать четыре золотника.

За девятнадцать фунт.
24 золот. серебра по 20
рублей фунтъ 385 рублей

За работу большихъ восковой и алебастровой моделей, за каждую особо, за гравированіе большихъ мѣдныхъ досокъ, литейщикамъ и другимъ разнымъ работникамъ и за прибавленіе выгорѣннаго золота и серебра 4200 —

Всего 4585 руб.

Получено мною 18 фунт. 61¼ золот.
Подлинный подписалъ Людвигъ Давыдовъ Дюваль.

Переводилъ переводчикъ Карлъ Вагнеръ.

Въ С. Петербургѣ
Іюня 10 дня 1777 года.

IV.

1777-го года Іюля 12-го дня. По указу ея императорскаго величества Государственная Военная Коллегія, по рапорту господина генераль-аншефа, оной Коллегіи вице-президента и кавалера князя Григорія Александровича Потемкина, которымъ объявляетъ, что по окончаніи бывшей съ Портою войны внесена была отъ первой арміи въ оную Коллегію ос-

тальная сумма, въ которой состояло золота, собраннаго съ Валахіи до полупуда. Сіе золото ея императорское величество изволила приказать употребить ему господину генераль-аншефу по своему рѣзсмотрѣнію, а какъ не могъ онъ сыскать ничего приличнаго, какъ соорудить утварь въ первопрестольный въ Россіи храмъ, соборъ Успенскій, на память побѣды и въ хранилище рукописанія Самодержицы нашей, которое онъ, господинъ генераль-аншефъ, тутъ влагая, просить о заплатѣ золотыхъ дѣлъ мастеру Дювалю какъ за работу, такъ и за прибавочное имъ собственное его золото и серебро, всего четырехъ тысячъ пяти сотъ восьмидесяти пяти рублевъ; а по представленному отъ объявленнаго мастера Дюваля счету показано: сдѣлана имъ большая штука золотыхъ дѣлъ работы, содержащая девятнадцать фунтовъ золота разной доброты, а серебра девятнадцать фунтовъ двадцать четыре золотника, за которое серебро назначена цѣна по двадцати рублевъ за фунтъ, триста восемьдесятъ пять рублевъ; за работу большихъ восковой и алебастровой модели, за каждую особо; за гравированіе большихъ мѣдныхъ досокъ литейщикамъ и другимъ разнымъ работникамъ, и за прибавленіе выгорѣннаго золота и серебра четыре тысячи двѣсти, а всего и составляетъ показанную въ рапортѣ именованнаго господина генераль-аншефа и кавалера сумму. Приказали: показанному золотыхъ дѣлъ мастеру Дювалю за сдѣланіе объявленной утвари и за прибавочное имъ собственное его золото и серебро четыре тысячи пять сотъ восемьдесятъ пять рублевъ выдать изъ контрибуціонной суммы, записавъ въ расходъ съ роспискою и о томъ коллежскому рас-

ходчику регистратору Полякову дать указъ.

Подлинный за подписаніемъ Военной Коллегіи. Въ вѣрности скрѣпилъ протоколистъ Иванъ Соколовъ, съ подлиннымъ читаль генеральный писарь Иванъ Дмитріевъ.

По сему опредѣленію указъ расходчику регистратору Полякову данъ Іюля 13 дня 1777 года подъ №5850-мъ.

У.

Указъ ея императорскаго величества Самодержицы Всероссійскія изъ Святѣйшаго Правительствующаго Синода въ Военную Коллегію. Сего 1777 года Августа 23-го дня въ Святѣйшей Правительствующей Синодъ взнесенъ отъ господина генераль-аишефа, Военной Коллегіи вице-президента и кавалера князя Григорія Александровича Потемкина, оной же Коллегіи членомъ господиномъ генераломъ поручикомъ и кавалеромъ Апухтинымъ рапортъ, которымъ объявлено, что Военная Коллегія, имѣвъ въ остаткахъ отъ сборовъ Волоскаго княжества золото рѣкъ той земли, благодарзудила соорудить утварь въ соборъ Успенскій въ честь Господу Силь и на память въ томъ краю побѣдъ, отъ Него дарованныхъ, и положивъ въ подножіе сей утвари рукописание всеавгустѣйшей Самодержицы нашей, подносятъ сіе Святѣйшему Синоду, прося о препровожденіи въ Москву въ назначенное мѣсто, которую утварь такожъ и рукописанія ея императорскаго величества отъ господинъ генераль поручикъ и кавалеръ Апухтинъ собранію Святѣйшаго Синода и предъявилъ, и по указу ея императорскаго величества Святѣйшей Правительствующей Синодъ Приказали: оную утварь, купно съ рукописаніемъ ея императорскаго ве-

личества, послать въ Московскую Святѣйшаго Синода Контору при указѣ о постановленіи той утвари въ Успенскомъ соборѣ надлежащимъ порядкомъ поручить и поручено Синодальному члену преосвященному Платону архіепископу Московскому; Военной же Коллегіи дать знать указомъ, что сооруженіе сей показанной утвари Святѣйшій Синодъ за отмѣнный знакъ усердія его къ Святой Церкви почитаетъ. Сентября 6 дня 1777 года.

Подъ тѣмъ подписано:

оберъ-секретарь Аполлосъ Наумовъ, секретарь Андрей Орловъ, канцеляристъ Сергѣй Коноплевъ.

Въ Военной Коллегіи полученъ тогожъ Сентября 23 числа и послушанію приказано въ экспедиціи дать копію.

Въ вѣрности скрѣпилъ: подлинный читаль регистраторъ Никита Ашурковъ.

(Сообщено Г. Н. Александровымъ)

О ВЗЫСКАНІИ СЪ НАСЛѢДНИКОВЪ КНЯЗЯ ПОТЕМКИНА-ТАВРИЧЕСКАГО, КАЗЕННЫХЪ ДЕНЕГЪ

Князь Потемкинъ-Таврическій, взявъ изъ суммъ Военной Коллегіи 8000 руб., далъ въ нихъ долговую росписку слѣдующаго содержанія:

„Взаты мною заимообразно изъ Государственной Военной Коллегіи восемь тысячъ рублей на употребленіе по дѣламъ Астраханской части, которыя вскорѣ возвратятся“.

Подписалъ: „Князь Потемкинъ“.

Іюля 1-го дня
1779 года.

Кромъ того полковникъ Турчаниновъ „по повелѣнію его свѣтлости“

(князя Потемкина), взялъ изъ суммъ типографскихъ, на счетъ Потемкина, 65 руб., для уплаты за переписку „Австрійскаго Регламентъ“. Въ полученіи сихъ денегъ далъ росписку Турчаниновъ.

Въ собственноручной роспискѣ князя Потемкина хотя и сказано, что взятыя имъ деньги вскорѣ возвратятся, но онѣ не были имъ возвращены до самой его смерти, да и послѣ болѣе 5 лѣтъ считались на немъ въ долгу. Военная Коллегія при жизни князя Потемкина, какъ президента ея, не смѣла требовать съ него означенныхъ денегъ, и онѣ на немъ считались почти 18 лѣтъ *). Князь Потемкинъ, конечно, могъ уплатить такую для него ничтожную сумму денегъ, но онъ, будучи занятъ другими важными дѣлами, забылъ о пей; а напомнить ему про нее вѣрно не нашлось смѣльчака. Подобныя явленія въ новѣйшее время могутъ быть и у насъ и вездѣ: противъ сильныхъ міра, сего кто посмѣетъ открыть уста? Старинная Русская поговорка „Противъ рожна не подобаетъ прати“ не потеряла еще своего смысла. Но виновать, отвлекаюсь отъ сущности дѣла.

Военная Коллегія уже въ царствованіе императора Павла Петровича донесла о долгѣ князя Потемкина Правительствующему Сенату рапортомъ 30 Апрѣля 1797 года, прося его распоряженія о взысканіи 8065 руб. съ наследниковъ князя Потемкина. Но Сенатъ указомъ 4-го Іюня того же года, № 2368, отклоняя отъ себя это взысканіе, замѣтилъ, что деньги сіи съ 1779 года донынѣ (т. е. до Апрѣля 1797 года), оставались безгласными и были выданы

недозволительнымъ образомъ и безъ наблюденія постановленныхъ на подобные случаи законныхъ правилъ, и при томъ Коллегія довольное время имѣла въ виду невозвращеніе въ казну сихъ денегъ; а потому Сенатъ и взысканіе оныхъ предоставляетъ самой Коллегіи; въ противномъ же случаѣ отвѣтствовать за сіе обязаны тѣ, кои таковому ко взысканію промедленію были причиною. И такъ, по сему указу, вся вина пала на членозъ Военной Коллегіи, кои при жизни князя Потемкина считали, можетъ быть, неудобнымъ напомнить ему о семъ. Да и Сенатъ тоже едва ли бы посмѣлъ тогда поднимать это дѣло. При жизни своей князь Потемкинъ громадная расходовалъ суммы казенныхъ денегъ на потребности государства и въ нихъ давалъ отчетъ развѣ только императрицѣ Евсатеринѣ II-й, коей онъ былъ искренно преданъ.

Военная Коллегія, чтобъ самой не подпасть подъ взысканіе означенной суммы, послѣшила обратиться на наследниковъ князя Потемкина: дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Самойлова, генераль лейтенанта (внеспѣдствіи тоже дѣйстви. тайн. сов.), Энгельгардта и генераль-маіора Высоцкаго. Переписка по этому предмету продолжалась до половини Марта 1801 года, т. е. до кончины императора Павла I-го. Изъ послѣдней по сему дѣлу справки видно, что было взыскано: съ графа Самойлова 1468 руб., 33¼ коп., съ Энгельгардта 768 руб. и съ Высоцкаго 1344 руб. 16¼ коп., а всего 3580 руб. 50¼ к. Затѣмъ осталось не взысканныхъ 4484 руб. 49¼ коп., кои падали на генераль-маіоршу Давыдову, бригадирну Лопухину и сестеръ Энгельгардта: ибо по рапорту его въ Военную Коллегію отъ 13

*) Потемкинъ умеръ 5 Октября 1791 года.

Юля 1797 г. за № 58-мъ, онъ полученную имъ часть наслѣдства раздѣлилъ съ своими пятью сестрами. Взысканіе же остальной суммы съ наслѣдниковъ князя Потемкина прекращено по случаю восшествія на престолъ Александра Благословеннаго и, вѣроятно, всемилостивѣйшаго его манифеста, по коему взысканіе сложено. (Моск. Отд. Общ. Арх. Глав. Шт. оп. 54, св. 285, № 23).

Григорій Александровъ.

9 Сентября 1873 г.
Москва.

МОСКОВСКІЙ ПРОПОВѢДНИКЪ-ОБЛИЧИТЕЛЬ.

ПИСЬМО КНЯЗЯ А. Н. ГОЛИЦИНА КЪ МОСКОВСКОМУ МИТРОПОЛИТУ СЕРАФИМУ.

Секретно.

Высокопреосвященнѣйшій владыко, милостивый государь и архипастыр!

Пріѣзжіе изъ Москвы сказывали, что тамъ, въ церкви Богоявленія, не знаю ни на какой улицѣ, ни другихъ примѣтъ (ибо сіе мнѣ пересказали, а я самъ не видалъ пріѣзжихъ сихъ), что священникъ той церкви говоритъ проповѣди чрезвычайно вредныя: онъ проповѣдуетъ совершенное неповиновеніе и презрѣніе къ властямъ и что генерально его проповѣди наполнены революціоннымъ духомъ. Я поспѣшилъ съестись съ вашимъ высокопреосвященствомъ, чтобъ вы, узнавъ о семъ священникѣ, велѣли подъ рукою за нимъ посмотреть и увѣдомили меня о его поведеніи, и о мнѣніи вашемъ о немъ. Надобно, чтобъ никто не видалъ моего письма, и тогда вы болѣе можете открыть истину. Имѣю честь быть съ истиннымъ

почтеніемъ и таковою же преданностью и испрашивая благословенія вашего высокопреосвященства милостиваго государя и архипастыря покорнѣйшій слуга князь Александръ Голицынъ.

С. Петербургъ.
19-го Марта
1821-го года.

Вслѣдствіе этого письма митрополитъ приказалъ произвести розысканіе и получилъ отъ благочиннаго Николая Петрова такой рапортъ:

Вѣдомства моего при Богоявленской церкви, что на Елоховѣ, находятся два священника, изъ коихъ одинъ, Никита Ивановъ, другой Михаилъ Ѳедоровъ. Оба они ученые, кончившіе курсъ богословскаго ученія; а другой священникъ, Ѳедоровъ, еще и магистръ Академіи. И тотъ и другой, по долгу званія своего, занимаются проповѣданіемъ слова Божія. Священникъ Никита Ивановъ говоритъ проповѣди своего сочиненія, хотя не больше пяти или шести въ годъ, судя по его лѣтамъ, коихъ ему 58, но всегда основательныя и утверждающіяся на Словѣ Божіемъ и слогомъ простымъ и яснымъ, и говоритъ оныя не прежде, какъ мною будутъ разсмотрѣны. А другому священнику, магистру, по указу на нынѣшній годъ назначено въ своей церкви по воскреснымъ днямъ преподавать катихизисъ, который, по окончаніи года, велѣно ему представить на разсмотрѣніе здѣшней митрополіи преосвященному викарію, слѣдствительно его катихизисъ на сей годъ остается безъ предварительнаго моего разсмотрѣнія. Между тѣмъ на счетъ его катихизиса дошли слухи до вашего высокопреосвященства, по поводу коихъ дано мнѣ вашимъ высокопреосвященствомъ словесное приказаніе или самому или черезъ другихъ освидѣтель-

ствовать, основательно ли означенный священникъ-магистръ говоритъ катихизисъ; поелику жъ я, занимаясь постоянно 16 лѣтъ сказываніемъ проповѣдей моего сочиненія каждый воскресный день, не имѣю времени лично освидѣтельствовать въ воскресные дни означеннаго священника, какъ именно говоритъ онъ проповѣди или катихизисъ, то я посылаю многократно моего же вѣдомства двухъ священниковъ и еще діакона, всѣхъ троихъ ученыхъ, искусныхъ въ сочиненіи проповѣдей, а притомъ честныхъ и добросовѣстныхъ, для освидѣтельствованія означеннаго священника. И по ихъ свидѣтельству оказалось, что помянутый священникъ - магистръ въ своей приходской церкви по воскреснымъ днямъ, когда не служитъ, вмѣсто причащеннаго стиха, а когда служитъ то въ обыкновенное время говоритъ не катихизисъ, какъ предписано, а краткія поученія или бесѣды безъ экзордіа и расположенія по правиламъ риторическимъ изъ читаемаго на тотъ разъ Евангелія, которое онъ вмѣсто приступа всякій разъ прочитываетъ; при чемъ замѣчаемы были ими всѣми троими всякій разъ въ его сочиненіи многія слова и выраженія несвойственныя христіанскому оратору и проповѣднику Слова Божія, какъ-то грубыя простонародныя, иностранныя, а иногда лично на какое либо состояніе направленные, въ предосужденіе оному и обиду: дворянскому женскому пблѣ напоминаетъ о Кузнецкомъ мостѣ, о модныхъ лавкахъ, о какомъ-то ящикѣ съ цидулками; духовныхъ попрекаетъ корыстолюбіемъ и завистію; купцамъ часто твердитъ о банкротствѣ и процентахъ; раскольникамъ о Хопидовкѣ, въ которой они перекрещиваютъ отпадшихъ отъ нашей церкви, о стриженныхъ маков-

кахъ; приказнымъ или охотникамъ до тяжебъ совѣтовалъ нѣкогда заготовить побольше бумаги и чернилъ, чтобъ не умереть съ голоду. Сверхъ того замѣчены ими въ его голосѣ и тѣлодвиженіяхъ не совсѣмъ приличныя храму Божію, то слишкомъ сильныя возвышенія, то пониженія, то плаксивость, то усмѣшка, которая слушателей его невольнымъ образомъ не разъ заставляла смѣяться; руками часто сплескиваетъ, или обѣ подымаетъ вверхъ слишкомъ высоко, бьетъ по налою, и вообще тѣлодвиженія его слишкомъ живы. Наконецъ замѣчено и подтверждено потомъ всѣмъ причтомъ, что онъ въ день Благовѣщенія сего года предъ поученіемъ самъ запѣлъ церковный задостойникъ: О Тебѣ радуется всякая тварь и проч. и велѣлъ дьячку пѣть; потомъ, начавъ поученіе, въ срединѣ онаго опять велѣлъ дьячку пропѣть оный, тоже велѣлъ сдѣлать и по окончаніи поученія.

Поелику жъ сверхъ освидѣльствованія чрезъ другихъ велѣно мнѣ вашимъ выспреосвященствомъ потребовать отъ означеннаго священника доселѣ говоренныя имъ поученія или бесѣды и, по разсмотрѣніи, представить оныя къ вашему высокопреосвященству, то я разсматривалъ ихъ, и хотя ничего не нашелъ противнаго религіи, нравственности и гражданскимъ законамъ, однако же нашелъ противное благоприличію, регламенту и указнымъ предписаніямъ, въ коихъ означено, чего въ поученіяхъ должно держаться и чего остерегаться, и замѣтилъ тоже, что и посланные мною для свидѣльствованія священники и діаконъ, то есть грубыя слова и выраженія, индѣ неясность и темноту, смѣлое, личное указаніе на пороки людскіе, духъ сатиры и кол-

кой критики, также слова и выраженія простонародныя и иностранныя, какъ-то: рекрутъ, портные и кохмейстеры, Хапиловка, бухгалтеры и банкроты, масляница, или слова военныя: лозунгъ и пароль.

Что касается до поведенія обоихъ Богоявленскихъ священниковъ, то Ни-

кита Ивановъ—похвальнаго, а Михайлъ Ѳедоровъ хорошаго поведенія. О семъ почтеннѣйше донося вашему высокопреосвященству, представляю и сіи самыя бесѣды означеннаго священника-магистра Михаила Ѳедорова, говоренныя имъ съ новаго года до 1-ой недѣли великаго поста.

Апрѣля 23-го 1821-го года.

ДОНЕСЕНІЯ ИЗЪ ФРАНЦІИ ГРАФА А. И. МОРКОВА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ. *)

I.

Sire!

Par ma dépêche à mr le conseiller privé actuel comte de Panin Votre Majesté Impériale aura déjà été instruite du moment de mon arrivée à Paris. L'absence du ministre des relations extérieures, qui dura pendant cinq jours, a retardé jusques-là ma première entrevue avec lui, ainsi que mes audiences auprès du premier consul de la république. J'ai demandé d'y être introduit sans aucun cérémonial, et cela fut exécuté, comme je l'avais demandé deux heures après les audiences publiques que le même jour il avait données au corps diplomatique. Il n'y avait de présent à mes audiences que le ministre Talleyrand, et je n'ai remis au premier consul que la lettre de notre

cabinet, dont V. M. I-le avait bien voulu me charger pour lui, supprimant les lettres de créance dont j'étais muni pour écarter de ma mission tout caractère de publicité.

En remettant la lettre de V. M. I-le, je l'ai accompagnée d'un compliment analogue à son contenu et exprimant son désir de s'entendre avec la France pour travailler à la consolidation de la tranquillité générale et de donner dans toutes les occasions des témoignages particuliers de son estime et de sa considération pour la personne du premier consul.

Après y avoir répondu par les assurances de dispositions parfaitement réciproques, le premier consul manifesta ses regrets de ce que, malgré cette réciprocité d'intentions, la négociation entre les deux puissances s'entravait par des demandes qui se fondaient sur les engagements pris avec le défunt Empereur Paul 1-er de glorieuse mémoire, que ces engagements n'étaient que personnels et motivés uniquement sur les conceptions vastes et nobles de ce Souverain et qui entraient si parfaitement dans les vues de la France, que lui, premier consul, n'aurait point hésité

*) Печатаются съ черновыхъ подлинниковъ, сообщенныхъ племянникомъ графа Моркова, покойнымъ княземъ М. А. Оболенскимъ, по порученію котораго издатель Русскаго Архива, служа по вѣдомству министерства иностранныхъ дѣлъ, написалъ подробную біографію графа А. И. Моркова, напечатанную въ Русской Бесѣдѣ 1857 года. Къ сожалѣнію, въ то время донесенія эти еще не были отысканы, и содержаніе ихъ поэтому не могло войти въ жизнеописаніе славнаго Русскаго дипломата. П. Б.

té pour les accomplir et se faire lieutenant de Paul Premier; mais qu'actuellement que V. M. I-le rentrait dans les bornes d'une politique sage et modérée, mais ordinaire, il fallait tenir la marche qu'elle était accoutumée à suivre; qu'il ne doit être question maintenant que de faire la paix, sans la tenir en suspens par des considérations aussi secondaires que devait l'être pour V. M. I-les celles de l'intérêt pour le *roitelet* de Sardaigne, qu'il faudrait, si même on le rétablissait en Piémont, soutenir par des bayonnettes, attendu que ses sujets s'étaient unanimement déclarés contre son retour; intérêt d'ailleurs manifesté dans des termes, qui semblaient dicter la loi et traiter la France comme la république de Lucques. Il rappela alors la note que mon prédécesseur *) avait donnée à ce sujet et se plaignit de ce qu'elle fut rendue publique par la voie des gazettes, ajoutant que c'est cette note qui portait le coup mortel au roi de Sardaigne. Il fit une longue énumération de ses condescendances envers V. M. I., qu'il fit consister dans les facultés qu'il avait apportées dans ce qui concerne l'électeur de Bavière et le duc de Wurtemberg et dans la cession des conquêtes que les armes de V. M. I. avaient faites sur lui des isles ci-devant Vénitiennes dont il plaignit beaucoup le sort à cause des vexations que les Turcs y exerçaient. Il finit par dire: faisons la paix et puis nous parlerons d'autre chose.

J'ai répliqué tranquillement que je ne m'étais nullement attendu au langage que je venais d'entendre; que je pensais avec tout le monde que les engagements qui se prenaient entre les chefs des états se prenaient d'état à

état et n'avaient d'autres limites que celles dont ils convenaient entre eux; que ces limites n'ont point eu lieu dans les engagements pris entre le défunt Empereur et le premier consul, et que par conséquent ils devaient avoir leur effet même à présent; que les vues et les conceptions de V. M. I. n'étaient pas moins nobles et moins vastes que celles de Son auguste Prédécesseur, puisqu'elles embrassaient la paix et le bonheur du monde; que le désir que V. M. n'avait cessé de manifester de s'entendre avec lui sur un aussi grand objet, joint au sentiment qu'il devait avoir de sa propre force, semblait écarter des rapports qui pouvaient exister entre V. M. et lui toute idée d'humiliation préméditée; que l'intérêt que V. M. I. prenait au roi de Sardaigne n'était pas moins dicté par les sentimens de justice et d'amitié envers ce prince, que par les considérations qui ne peuvent La laisser indifférente sur le sort d'aucune des puissances de l'Europe; qu'il serait bien malheureux que celui de ce prince en particulier dépendit d'un incident, comme celui de la note en question et dont il était parfaitement innocent; que la paix entre nous existait de fait depuis longtems et que la confection d'un traité à ce sujet n'était plus qu'une formalité; que l'objet de ma mission a été celui de régler et d'établir les résultats qu'elle devait amener pour la pacification générale et que je voyais à regret dès mon début, que loin de mettre la dernière main à une oeuvre aussi salutaire, comme j'ai eu tout lieu de m'en flatter d'après les assurances aussi positives que celles qui ont été données par ce gouvernement-ci, je n'aurai à annoncer à ma cour qu'une marche entièrement rétrograde qu'il adopte et qui semble prouver une par-

*) Графъ Спрентпортенъ?

faite indifférence pour un rapprochement qu'elle croyait au moins également partagé.

Le premier consul reprit en me disant qu'il ne pensait pas du tout à rétrograder, qu'il m'avait parlé avec franchise dès le premier moment, parce que tel était son caractère; mais qu'il n'en était pas moins dans les dispositions les plus conciliantes et qu'il espérait qu'en discutant les objets dans des conférences réglées, on parviendrait à tout arranger à l'amiable et que l'esprit de conciliation, pour le quel j'étais réputé, lui en inspirait principalement la confiance. Comme il fit un mouvement pour se retirer, je l'arrêtai pour m'acquitter des ordres que V. M. I. m'avait donnés pour rendre auprès de lui témoignage de la bonne conduite du sieur Duroc.

Le soir du même jour j'ai revu m-r Talleyrand chez lui et, revenant sur la conversation que j'ai eue avec le premier consul, je l'ai prié d'avoir soin de bien assurer ce dernier qu'on était tout aussi éloigné chez nous de penser à traiter la république Française comme celle de Lucques, que de craindre d'ici qu'on voulut traiter avec la Russie comme avec l'Étrurie ou la Cisalpine; qu'au contraire les intentions de V. M. I. étaient bien prononcées d'établir et de cultiver avec la France les relations les plus amicales et surtout de s'entendre avec elle dans la plus intime confiance sur tous les objets relatifs à une prompte et solide rétablissement de la tranquillité générale; que du reste, instruit depuis mon arrivée que toutes les difficultés de la négociation, établie entre nous, étaient applanies et qu'il n'en restait plus que sur la rédaction de l'article par rapport au roi de Sardaigne, pour lequel

m-r de Kalitcheff ainsi que m-r Duroc étaient chargés de se référer à ma cour et qu'un courier, qui devait m'apporter les déterminations à cet égard, allait arriver incessamment, je croyais devoir remettre à ce moment mes conférences formelles avec lui.

Avant mon arrivée, mon prédécesseur avait rendu compte à V. M. I. des discours que Bonaparte a tenu au vice-chancelier e-cte de Cobenzl et dans lesquels il lui avait annoncé son intention de garder le Piémont et sur l'observation que m-r de Cobenzl lui a faite, que toute l'Europe réclamerait contre cette usurpation, il répondit: hé bien, qu'elle vienne le reprendre! Cela me fut confirmé par l'ambassadeur d'Autriche et ne prouve que trop que cette résolution ne fut pas l'effet de prétendue humeur que la note de m-r Kalitschef a pu inspirer, mais bien celui d'un plan prémédité et arrêté depuis longtemps.

C'est dans ces termes que m'a trouvé le conseiller de Collège Gervais, porteur des ordres de V. M. I-le en date de 23 Aout dernier. Je n'ai pas perdu un instant pour demander un entretien à m-r Talleyrand afin de lui en faire part. Après m'avoir marqué l'heure deux jours de suite et me l'avoir remis chaque fois sous prétexte d'avoir été appelé chez le premier consul, je parvins à le trouver le troisième jour et en entrant en matière je lui ai exposé historiquement tout ce qui s'était passé entre notre cabinet et le leur. Je lui ai rappelé les cinq points proposés de notre part et acceptés par eux, ce qui à mon avis leur donnait la force et la valeur de préliminaires de paix en toute forme et ce qui aurait du éloigner toutes les discussions interminables aux quelles on

s'était livré de leur côté. Il contesta ce caractère à ces cinq articles, les traita de simples propositions, acceptées à la vérité, mais aux quelles on sous entendait des concessions réciproques, qui n'ayant point eu lieu et les événemens d'ailleurs ayant marché en sens contraire, il était tout naturel de revenir à de nouvelles idées.

Sans consentir à cette assertion, je lui produisis la rédaction du sixième article séparé et secret, qui était joint au rescript de V. M. I. Après l'avoir lue, il m'a dit qu'il la trouvait assez approchante de leur sens, mais qu'elle avait besoin encore de quelque autre modification sur la quelle il demanda du tems pour réfléchir. Ensuite il me dit qu'on lui mandait de Pétersbourg que le courrier, qui venait de m'arriver, m'avait apporté les ratifications des actes que nous devons passer et que j'avais un plein-pouvoir absolu de les modifier à ma volonté. Ne m'étant point attendu qu'il dut être instruit de cette circonstance et ne voulant point, en la niant, lui donner mauvaise opinion de ma franchise, j'en convins et lui fis sentir tout le prix de l'empressement et de la droiture, avec les quels V. M. I. voulait bien procéder dans toute cette négociation. Quant aux pleins pouvoirs qu'il me supposait, il était vrai qu'ils étaient tels pour les termes, mais nullement pour les intentions que V. M. I. avait manifestées et dont elle ne prétendait se désister d'aucune manière. Il reprit alors tous les articles séparés et secrets et à l'exception du premier il les trouva presque tous superflus et inapplicables aux circonstances présentes, disant que le second article, concernant l'Italie, était surtout inutile, attendu que le sort de cette contrée était fixé par les traités de Tolentino, de Luneville et de Florence;

que celui qui garantit la neutralité aux royaumes de Naples et de Sicile était trop favorable à l'Angleterre et que celui de la Bavière était même inadmissible, attendu qu'il supposait la possibilité du démembrement de cet électorat, tandis que le premier consul s'est déjà entendu avec l'électeur pour n'en permettre jamais, et il finit par vouloir me ramener à la signature du seul traité patent. Je me levai alors en lui demandant un passeport pour un courrier avec lequel je rendrais compte des dispositions que j'avais rencontrées ici, aussi peu correspondantes à celles que V. M. I. témoignait. Il me retint en me disant que si je faisais un pareil rapport, je ne rendrais pas justice aux véritables sentimens qu'on avait ici, que le premier consul était sincèrement porté à complaire à V. M. I. et que si lui Talleyrand m'avait fait quelques objections, c'était qu'elles naissaient de la nature même des choses, mais qu'elles n'en étaient pas cependant moins accomodables et qu'il espérait m'en convaincre tout à fait à la première entrevue que nous aurions.

Les bruits d'un accomodement prochain avec l'Angleterre avaient succédé de bien près à mon arrivée dans cette ville, et leur fondement m'était en quelque façon garanti et par les lenteurs, qu'on avait mise à ma légitimation et par les nouvelles difficultés qu'on suscitait à la négociation dont je suis chargé. En effet il ne s'est passé qu'un jour d'intervalle entre la conférence, dont je viens de rendre compte à V. M. I. et la nouvelle officielle de la signature des préliminaires. Je fus le même jour en faire compliment au ministre Talleyrand, en le priant d'assurer le premier consul que cet événement serait infiniment agréable à V. M. I. et passant à un en-

retien particulier je lui ai reparlé de l'article concernant le roi de Sardaigne. Il leva alors tout à fait le masque et sans me dire que ce fut un parti pris, il me fit sentir qu'on garderait le Piémont à moins que l'Angleterre ne se désistât de l'acquisition de l'isle de Ceylon. Il ajouta qu'il s'en ouvrirait à moi confidentiellement. Je lui répondis que je pouvais l'assurer aussi confidentiellement que quelque fut la rédaction dont nous tomberions d'accord pour l'article touchant le roi de Sardaigne, V. M. I. ne cesserait d'insister sur le rétablissement de ce prince dans ses états et qu'elle se joindrait à toutes les puissances qui concoureraient au même but. Il me replica qu'aucune puissance ne s'y intéressait et que l'Angleterre-même, ayant parlé dans ses préliminaires de l'Italie et du roi de Naples, n'avait fait aucune mention du roi de Sardaigne. Nous nous séparâmes en convenant de nous retrouver après demain à l'hôtel des relations extérieures.

L'événement de la paix avec l'Angleterre et la connaissance que j'avais des intentions pacifiques de V. M. I. m'ont convaincu de la convenance absolue de terminer son arrangement avec la France. C'est dans cette conviction, mais parfaitement renfermée dans ma pensée, que j'ai rejoint m-r Talleyrand. Il reprit alors pour la dernière fois tous les articles séparés et secrets. Il n'objecta rien contre le premier, mais se borna à le faire valoir, comme concédant à V. M. I. de très grands avantages par l'influence qu'il lui donnait dans les affaires d'Allemagne. Je lui ai répondu que cette influence existait depuis longtemps et existerait toujours non par cet article, mais par la force des choses et celle des moyens, que la Providence avait départi à V. M. I.

et qu'en la combinant avec celle de la France, elle n'avait d'autres vues que de faciliter le rétablissement de la paix générale. Il passa à l'article II et me proposa de l'expliquer par une note qu'il joindrait au traité et par la quelle il exprimerait que les deux parties contractantes ne voulaient pas que par cet article il fut dérogé en rien aux traités de Tolentino, de Luneville et de Florence, qui réglaient le sort de l'Italie etc. Je lui ai fait connaître que je ne pouvais pas admettre cette note, ainsi rigidée, attendu qu'elle impliquerait la reconnaissance de ces traités par V. M. I., les quels ne lui ont jamais été communiqués; mais que s'il disait dans cette note que la France n'entendait pas déroger aux traités susmentionnés et que la stipulation ne fut qu'unilatérale, je l'accepterais, quoique je la regarde comme absolument superflue, attendu que l'article, de lui-même, ne parle que d'affaires *ultérieures* et que cette épithète seule porte avec soi qu'on ne s'occuperait plus de celles qui se trouvaient arrangées. Il adopta ma proposition, mais insista sur la nécessité de la note. A l'article III et au mot de pacification il demanda qu'on ajouta l'épithète définitive, car il était, a-t-il dit, sur le point de signer ici les préliminaires avec l'ambassadeur Turc. J'y ai consenti. L'article VI fut le sujet de nouveaux et de très longs débats. Après avoir insisté en vain sur l'insertion du mot du rétablissement du roi de Sardaigne dans ses états, j'ai enfin proposé la rédaction suivante: „Les intérêts de S. M. le roi de Sardaigne et de ses états seront discutés et réglés dans un concert ultérieur entre S. M. l'Empereur de toutes les Russies et le premier consul de la république Française“.

Je n'ai pu emporter cette rédaction toute insignifiante qu'elle était et j'ai du préférer celle que m-r Talleyrand lui avait substituée, en protestant toutes fois que je m'exposais peut-être à un désaveu complet et qu'après cela je ne pourrais plus procéder à l'échange des ratifications jusqu'à nouvel ordre.

Le ministre Talleyrand proposa que l'article VIII, concernant la Bavière, entrât aussi dans la nôte explicative. Comme cette explication est absolument insignifiante et rentre dans la rédaction de l'article-même qui ne stipule aucun engagement, mais offre des facilités de s'arranger de gré à gré et à l'amiable, j'ai adopté cette proposition, en me contentant de faire observer son inutilité.

A l'article IX m-r Talleyrand a fait une tentative pour faire une restriction, à la garantie de l'indépendance et de la constitution des sept isles unies, ci-devant Venitiennes en exceptant, disait-il, quelques villages situés en terre ferme et dont il voulait favoriser quelques individus, qui avaient rendus des services aux Français lorsqu'ils en étaient les maîtres.

J'ai rejeté totalement cette proposition, et le vrai but en était de pouvoir cultiver les connexions qu'ils ont établis dans ces parages et qu'il importe plutôt de détruire que de faciliter.

Enfin il proposa de changer l'intitulé des articles séparés et secrets en celui de convention secrète. Lorsque je lui eus demandé la raison de ce changement, il me répondit que leur gouvernement était nouveau et que chaque pas qu'il faisait était pour lui un sujet d'hésitation. Comme ce n'en est pas un de grande importance, j'y consentis Il insista ensuite sur la né-

cessité de procéder à un échange immédiat des ratifications respectives, alléguant que cette mesure était essentielle pour l'accélération du concert que la convention secrète établissait entre les deux puissances.

Les instructions, dont j'ai été muni à mon départ, me prescrivant dans certaines hypothèses (qui n'y ont été que trop bien appréciées et dont malheureusement, malgré le briéveté de mon séjour ici, la réalité ne m'a été que trop démontrée) d'observer la marche du gouvernement et d'amuser le tapis jusqu'à de nouvelles circonstances, j'ai cru qu'il n'y avait pas de meilleur moyen de remplir les intentions de V. M. I. que d'accepter les actes dans la forme et la teneur, dans les quelles nous sommes parvenus avec le ministre français à les rédiger, et en conséquence nous étant rassemblés le (26 Sept) 8 Oct. nous avons respectivement signé les actes au nombre de trois, savoir: le traité de paix, la convention secrète en la postdatant de deux jours et la nôte y annexée, qui renferme une stipulation faite en faveur de monseigneur le margrave de Bade, que le consul fit ajouter par le désir de donner à V. M. I. une nouvelle marque de sa considération pour elle. En pesant bien la raison ci-dessus énoncée, que le ministre Talleyrand m'a alléguée, j'ai consenti aussi à procéder à l'échange des ratifications; ce qui s'est également effectué deux jours après, c'est à dire le (28 Sept) 10 Oct., et j'ai l'honneur de mettre ci-joints tous les actes aux pieds de V. M. I.

Si mon zèle a égaré ma raison et que celle-ci ne justifie pas la confiance dont V. M. I. a daigné m'honorer, j'ose invoquer son indulgence ma-

gnanime en faveur du motif qui m'avait guidé.

Je suis avec le plus profond respect etc.

Paris
le 1/13 Octobre
1801.

Переводъ донесенія графа Моркова отъ
1 (13) Октября 1801 года.

Всемилютейшій Государь!

Издъ моей депеши на имя дѣйств. тайн. сов. графа Паллина, Ваше Императорское Величество уже усмотрѣть изволили, когда именно я прибылъ въ Парижъ. Отсутствіе министра иностранныхъ дѣлъ, продолжавшесся пять дней, замедлило мое первое свиданіе съ нимъ, а равно и мою аудіенцію у перваго консула республики. Я просилъ, чтобы представленіе совершилось безъ всякаго церемоніала, и оно такъ и состоялось, два часа спустя послѣ официальныхъ аудіенцій, данныхъ имъ дипломатическому корпусу. При моихъ представленіяхъ присутствовалъ только министръ Талейрантъ, и я вручилъ первому консулу лишь письмо изъ Вашего кабинета, которое Ваше Императорское Величество изволили поручить мнѣ для передачи ему, не предъявляя вѣрительныхъ грамотъ, мнѣ препорученныхъ, чтобы устранить отъ моей миссіи всякій официальный характеръ

Вручая письмо В. И. В., я присовокупилъ къ нему привѣтствіе, согласующееся съ его содержаніемъ и выражающее Ваше желаніе вступить въ соглашеніе съ Франціею съ цѣлью споспѣшествовать къ упроченію общаго спокойствія и проявлять во всѣхъ случаяхъ особенныя чувства Вашего уваженія и расположенія къ особѣ перваго консула.

Въ отвѣтъ на это, первый консулъ, послѣ увѣреній въ полнѣйшей взаимности этихъ чувствъ, выразилъ сожалѣніе, что, не взирая на эти взаимныя добрыя намѣренія, переговоры между двумя го-

сударствами останавливаются по случаю требованій, основываемыхъ на обязательствахъ, заключенныхъ съ Императоромъ Павломъ I-мъ блаженной памяти; что эти обязательства были исключительно личныя и опирались на обширныя и благородныя соображенія этого Государя и въ такой степени согласовались съ видами Франціи, что первый консулъ не усомнился-бы привести ихъ въ исполненіе и сдѣлаться подручникомъ Павла I-го; но въ настоящее время, когда В. И. В. вошли назадъ въ предѣлы политики мудрой и умѣренной, но обычной, то и слѣдуетъ вернуться къ ея обычному теченію; что весь вопросъ теперь долженъ состоять въ томъ, чтобы заключить миръ, не подвергая его недоумѣніямъ, ради такихъ второстепенныхъ соображеній, каковы должны быть въ глазахъ В. И. В. интересы *маленькаго* Сардинскаго короля (roitelé), котораго пришлось-бы, даже въ случаѣ его водворенія въ Пиемонтъ, поддерживать вооруженною силою, такъ какъ его подданные единодушно высказались противъ его возвращенія; къ тому-же эти интересы были выставлены въ такихъ выраженіяхъ, которыя какъ будто предписывали законы и относились къ Франціи какъ бы къ Луккской республикѣ. При этомъ онъ напомнилъ ноту, представленную моимъ предѣстникомъ по этому предмету и жаловался, что она сдѣлалась публичною путемъ газетъ, присовокупивъ, что именно эта нота и нанесла смертельный ударъ Сардинскому королю. Онъ сдѣлалъ подробное перечисленіе своихъ уступокъ, сдѣланныхъ для В. И. В. и состоявшихъ будто-бы въ стараніяхъ, приложенныхъ имъ ко всему относящемуся до курфирста Баварскаго и герцога Виртембергскаго и въ уступкѣ тѣхъ завоеваній, которыя совершены В. И. В. на бывшихъ Венеціанскихъ островахъ, при чемъ онъ скорбѣлъ объ ихъ участи ради производимыхъ тамъ Турками притѣсненій. Въ заключеніе онъ сказалъ: заключимте миръ, а потомъ уже будемъ говорить о другомъ.

Я спокойно возразилъ, что я никакъ

не ожидалъ той рѣчи, которую сейчасъ выслушалъ; что я полагалъ, наравнѣ со всѣми, что обязательства, принимаемыя на себя правителями государствъ, заключались между государствами и не допускали другихъ предѣловъ, кромѣ тѣхъ, которые были между ними постановлены; что эти предѣлы не выразились нисколько въ тѣхъ обязательствахъ, которыя состоялись между покойнымъ Императоромъ и первымъ консуломъ, и поэтому они должны оставаться въ дѣйствіи и понынѣ; что виды и предположенія В. И. В. были не менѣе обширны и благородны, чѣмъ виды Вашего Августѣйшаго Предшественника, такъ какъ они относились до мира и благоденствія вселенной; что непрестанно выражаемое В. И. В. желаніе прійти къ соглашенію съ нимъ по столь возвышенному вопросу, въ связи съ неизбѣжно существующимъ въ немъ сознаниемъ своего собственнаго могущества, повидимому должно устранить въ его сношеніяхъ съ В. И. В. всякое подозрѣніе о предвѣренномъ униженіи; что участіе, принимаемое В. И. В. въ судбѣ короля Сардинскаго, основывалось столько же на чувствѣ справедливости и дружбы къ этому монарху, сколько и на соображеніяхъ, которыя не дозволяли Вамъ оставаться равнодушнымъ къ участи какого-бы то ни было Европейскаго государства; что было-бы весьма прискорбно предполагать, что судьба именно этого государя могла зависетьъ отъ такой случайности, какъ вышеупомянутая нота, въ которой онъ вполнѣ неповиненъ; что миръ между нами на дѣлѣ существуетъ уже давно и что заключеніе трактата по этому предмету составляетъ лишь одну формальность; что назначеніе моего посольства заключалось въ томъ, чтобы опредѣлить и установить послѣдствія этого мира въ видахъ общаго примиренія и что я съ самаго начала къ прискорбію убѣждаюсь, что вмѣсто того, чтобы довершить столь благое дѣло (какъ я имѣлъ право надѣяться, судя по столь положительнымъ увѣреніямъ, даннымъ

мнѣ здѣшнимъ правительствомъ) мнѣ придется возвѣстить моему двору полнѣйшее съ его стороны отступленіе отъ прежняго образа дѣйствій, съ цѣлью по видимому доказать совершенное равнодушіе къ сближенію, которое, казалось, было вполнѣ обоюднымъ.

Первый консулъ отвѣчалъ, что онъ нисколько не думалъ объ отступленіи, что онъ съ первой минуты заговорилъ со мною откровенно, потому что таковъ уже его характеръ; но что онъ сохраняетъ самое примирительное настроеніе и надѣется, что, при обсужденіи вопросовъ, на правильно-организованныхъ совѣщаніяхъ, удастся все устроить дружелюбно и что тотъ примиряющій характеръ, которымъ я славлюсь, внушаетъ ему наибольшую въ томъ увѣренность.

Такъ какъ онъ сдѣлалъ при этомъ движеніе, чтобы удалиться, я остановилъ его, чтобы выполнить данное мнѣ В. И. В. повелѣніе и засвидѣтельствовать передъ нимъ о достойномъ поведеніи г. Дюрока.

Вечеромъ того-же дня я видѣлся съ г. Талейраномъ у него на дому и, возвращаясь вновь къ разговору моему съ первымъ консуломъ, я просилъ его принять на себя трудъ увѣрить сего послѣдняго, что у насъ также мало думаютъ отпоситься къ Французской республикѣ на подобіе Лукской, какъ мало опасаются, чтобы кому-либо вздумалось относиться къ самой Россіи, какъ къ Етруріи и Цизальпинской республикѣ; что напротивъ того, В. И. В. сохраняете опредѣленные намѣренія установить и продолжать самыя дружественныя отношенія съ Франціею и въ особенности достигнуть съ нею соглашенія по всѣмъ вопросамъ, касающимся до быстрого и прочнаго возстановленія всеобщаго спокойствія; впрочемъ, узнавъ по времени моего пріѣзда, что всѣ затрудненія, возникшія при нашихъ переговорахъ, уже устранены за исключеніемъ статьи, относящейся до Сардинскаго короля, по поводу чего г. Колычеву, а равно и г.

Дюроку поручено было обратиться къ моему двору и что курьеръ долженъ былъ въ скоромъ времени прибыть и привести мнѣ рѣшеніе по этому предмету, — я находилъ нужнымъ отложить до той минуты мои личные переговоры съ нимъ.

До моего пріѣзда мой предмѣстникъ доносилъ уже В. И. В. о тѣхъ бесѣдахъ, которыя Бонапартъ имѣлъ съ вице-канцлеромъ графомъ Кобенцелемъ, гдѣ онъ высказывалъ свое намѣреніе сохранить за собою Пиемонтъ и на сдѣланное ему г. Кобенцелемъ возраженіе, что вся Европа будетъ протестовать противъ этого захвата, онъ отвѣчалъ: „ладно, пусть ихъ придутъ отнимать!“ Это было мнѣ подтверждено Австрійскимъ посланникомъ и служить полнѣйшимъ доказательствомъ, что это намѣреніе не было послѣдствіемъ мнимой вспышки негодования, внушеннаго нотою г. Колыцова, а скорѣе является плодомъ умысленнаго и уже давно рѣшеннаго предположенія.

Въ такихъ-то отношеніяхъ засталъ меня коллежскій совѣтникъ Жерве, доставившій мнѣ повѣстія В. И. В. отъ 23-го минувшаго Августа мѣсяца. Я безъ малѣйшаго замедленія просилъ свиданія съ г. Талейраномъ, чтобы сообщить ему ихъ содержаніе. Послѣ того, что онъ два дня сряду назначалъ мнѣ часъ и потомъ отлагалъ его подъ предлогомъ вызова его къ первому консулу, мнѣ удалось застать его на третій день и, вступивъ въ разговоръ, я изложилъ ему историческій ходъ всего происходившаго между ихъ кабинетомъ и нашимъ. Я напомнилъ ему о пяти пунктахъ нами предложенныхъ и ими принятыхъ, что, по моему мнѣнію, придавало имъ въ полномъ смыслѣ силу и значеніе предварительныхъ мирныхъ условій и должноствовало-бы устранить всѣ безконечныя препиранія, къ которымъ они съ своей стороны прибѣгали. Онъ оспаривалъ подобное значеніе этихъ пяти пунктовъ, относился къ нимъ, какъ къ простымъ предположеніямъ, признаннымъ, это правда, но подразумѣвая при этомъ необходимость

взаимныхъ уступокъ, которыя не состоялись къ тому-же, и такъ какъ событія развивались въ противоположномъ смыслѣ, то естественно приходится вернуться къ новымъ соображеніямъ.

Не соглашаясь съ этимъ доводомъ, и предъявилъ ему редакцію шестаго отдѣльнаго и секретнаго пункта, приложеннаго съ рескрипту В. И. В-ва. Прочитавъ его, онъ сказалъ мнѣ, что онъ находитъ его подходящимъ къ ихъ толкованію, но что онъ требуетъ еще нѣкоторыхъ измѣненій, для которыхъ онъ просилъ извѣстнаго срока на размышленіе. Затѣмъ онъ заявилъ мнѣ, что его увѣдомили изъ Петербурга, что только что прибывшій ко мнѣ курьеръ привезъ мнѣ ратификацію актовъ, подлежащихъ обмѣну между нами и что мнѣ было дано полнѣйшее, неограниченное полномочіе измѣнять ихъ по моему усмотрѣнію. Не приготовленный къ тому, что это обстоятельство могло быть ему извѣстно и не желая внушить ему моимъ запирательствомъ невыгодное мнѣніе о моей откровенности, я сознался въ томъ и далъ ему почувствовать всю дѣйю той готовности и того прямоты, съ которыми В. И. В-у угодно дѣйствовать при этихъ переговорахъ. Что-же касается до неограниченнаго полномочія, которымъ я былъ облеченъ, по его мнѣнію, то это правда, что оно было таково по формѣ изложенія, но нисколько не относилось до принятыхъ В. И. В. намѣреній, отъ которыхъ Вамъ не угодно было ни въ какомъ случаѣ отступить. Тогда онъ перебралъ всѣ отдѣльныя и секретныя статьи и, за исключеніемъ первой, нашелъ ихъ всѣ излишними и непримѣнными къ настоящимъ обстоятельствамъ, утверждая, что вторая статья, относящаяся до Италіи, была въ особенности бесполезна, въ виду того, что судьба этой страны была уже рѣшена трактатами въ Толентино, Люневиллѣ и Флоренціи; что статья, обеспечивающая нейтральность за королевствомъ Неаполитанскимъ и Сицилійскимъ, была слишкомъ выгодна для Англіи; а та, которая

касается Баваріи, была немислима, заключая въ себѣ предположеніе о возможности раздробленія этого курфиршества, тогда какъ первый консулъ вступилъ уже съ курфюрстомъ въ соглашеніе о недопущеніи подобной случайности. И въ заключеніе онъ желалъ обратить меня къ подписи лишь одного прямого договора. Тогда я всталъ, прося его снабдить меня паспортомъ для курьера, съ которымъ я отправлю донесеніе о томъ настроеніи, которое я засталъ здѣсь и которое столь мало согласовалось съ расположеніемъ, обнаруженнымъ В. И. В.-мъ. Онъ удержалъ меня, сказавъ, что, отправляя подобное донесеніе, я не отдамъ должной справедливости истиннымъ чувствамъ, здѣсь питаемымъ; что первый консулъ искренно расположенъ дѣйствовать въ угоду В. И. В. и если онъ-Талейранъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько возраженій, то лишь потому, что они вытекали изъ самаго хода событій, но что они тѣмъ не менѣе могутъ быть улажены и что онъ надѣется убѣдить меня въ томъ вполне, при первомъ предстоящемъ намъ свиданіи.

Слухи о близкомъ примиреніи съ Англіею послѣдовали вскорѣ за моимъ прибытіемъ въ этотъ городъ, и ихъ достоверность въ нѣкоторомъ смыслѣ подтверждалась для меня столько-же тѣми замедленіями, которыми сопровождали признаніе моего полномочія, сколько и тѣми новыми затрудненіями, которыя были возбуждаемы при обсужденіи возложенныхъ на меня переговоровъ. И дѣйствительно, прошелъ только одинъ промежуточный день между той конференціей, о которой я только что имѣлъ счастье доносить В. И. В. и официальнымъ извѣщеніемъ, что предварительныя условія подписаны. Въ тотъ-же день я отправился поздравить министра Талейрана, прося его увѣрить перваго консула, что это событіе будетъ для В. И. В. чрезвычайно приятно и, переходя затѣмъ къ частной бесѣдѣ, я вновь заговорилъ съ нимъ о статьѣ, относящейся до Сардинскаго короля. Тогда онъ уже совсѣмъ

снялъ маску и, не высказывая прямо, что это уже было предрѣшено, далъ мнѣ понять, что Пиемонтъ будетъ удержанъ, развѣ только Англія отступится отъ пріобрѣтенія острова Цейлона. Онъ присовокупилъ, что онъ открываетъ мнѣ это конфиденціально. Я отвѣчалъ, что могу тоже сообщить ему не менѣе конфиденціально, что, какова-бы ни была редакція, принятая нами съ общаго согласія для статьи о Сардинскомъ королѣ, но что В. И. В. не прекратитъ Вашихъ настояній насчетъ возстановленія правъ этого государя и будете готовы присоединиться ко всѣмъ державамъ, расположеннымъ содѣйствовать этой дѣли. Онъ возразилъ мнѣ, что ни одно государство этому не сочувствуетъ и что сама Англія, коснувшись въ предварительныхъ условіяхъ Италіи и короля Неаполитанскаго, не упомянула даже о Сардинскомъ королѣ. Мы разстались, условившись сойтись вновь послѣ завтра въ зданіи министерства иностранныхъ дѣлъ.

Состоявшееся примиреніе съ Англіею и моя увѣренность въ миролюбивыхъ намѣреніяхъ В. И. В. убѣдили меня въ безусловной необходимости заключить Ваши переговоры съ Франціею. Въ этомъ убѣжденіи, глубоко затаенномъ въ самомъ себѣ, я свидѣлся вновь съ г. Талейраномъ. Онъ въ послѣдній разъ перечислилъ всѣ отдѣльныя и секретныя статьи договора. Онъ не возразилъ ничего противъ первой статьи, но ограничился тѣмъ, что выставилъ всѣ великія преимущества, доставляемыя ею В. И. В., благодаря тому вліянію, которое она упрочиваетъ за Вами въ дѣлахъ Германіи. Я отвѣчалъ ему, что это вліяніе существуетъ уже давно и всегда будетъ существовать, не вслѣдствіе этой статьи, но силою вещей и вслѣдствіе тѣхъ средствъ, которыя Провидѣнію угодно было даровать В. И. В.-ву, и что, соразмѣряя его съ вліяніемъ Франціи, Вы не имѣли въ виду иной дѣли, какъ содѣйствовать къ возстановленію всеобщаго спокойствія. Онъ перешелъ ко второй

статью и предложил мне разъяснить ее ноту, приложенную къ договору, гдѣ было-бы имъ выражено, что обѣ договаривающіяся стороны не желаютъ, чтобы этою статьею были въ чемъ-бы то ни было нарушены трактаты, заключенные въ Толентино, Люневиллѣ и Флоренціи, которые устанавливаютъ судьбу Италіи и пр. и пр. Я объявилъ ему, что я не могу допустить ноты, составленной такимъ образомъ, потому что она подразумѣвала-бы признаніе Вами этихъ трактатовъ, которые никогда не были сообщаемы В. И. В-ву, но если-бы онъ выразилъ въ этой нотѣ, что Франція не намѣрена нарушать вышеприведенныхъ трактатовъ и что этотъ договоръ обязателенъ лишь для одной стороны, я согласился бы принять ее, хотя считаю ее совершенно излишнею, такъ какъ сама статья договора касается только *последующихъ* предметовъ и что одно это значеніе ихъ уже ведетъ къ тому, чтобы не заниматься тѣмъ, что уже рѣшено. Онъ принялъ мое предложеніе, но настаивалъ на необходимости ноты. При статьѣ III, при словѣ „примиреніе“ онъ просилъ прибавить выраженіе „окончательное“, потому что, сказалъ онъ, ему предстояло заключить предварительный договоръ съ Турецкимъ посланникомъ. Я согласился на это. Статья VI была вновь предметомъ долгихъ прений. Послѣ долгихъ настояній, чтобы было помѣщено слово „возстановленіе“ короля Сардинскаго во всѣхъ его владѣніяхъ, я наконецъ предложилъ слѣдующую редакцію: „Интересы Е. В. короля Сардинскаго и его владѣній будутъ обсуждены и опредѣлены по особому слѣдующему соглашенію между Е. В. Императоромъ Всероссійскимъ и первымъ консуломъ Французской республики.“

Мнѣ не удалось провести эту редакцію, не смотря на ея скромное значеніе, и я былъ вынужденъ предпочесть ту, которую предложилъ замѣнить г. Талейранъ, при чемъ я впрочемъ заявилъ, что я, быть можетъ, подвергаю себя пол-

нѣйшему непризнанію, и что затѣмъ мнѣ нельзя уже будетъ приступить къ обмѣну договоровъ впредъ до новыхъ распоряженій.

Министръ Талейранъ предложилъ, чтобы статья VIII, относящаяся до Баваріи, также вошла въ объяснительную ноту. Въ виду того, что это разъясненіе не имѣетъ никакого значенія и совпадаетъ съ редакціей самой статьи, которая не опредѣляетъ никакого обязательства, но представляетъ возможность прійти къ добровольному соглашенію съ обоюдного согласія, я принялъ это предложеніе, ограничившись указаніемъ, что оно вполне бесполезно.

При статьѣ IX Талейранъ попытался ввести оговорку относительно обезпеченія независимости и конституціи семи соединенныхъ острововъ, принадлежавшихъ прежде Венеціи, желая исключить, говорилъ онъ, нѣсколько деревень, находящихся на материкѣ, въ видахъ поощренія нѣсколькихъ личностей, которые оказали услуги Французамъ, когда они тамъ господствовали.

Я положительно отвергъ это предложеніе, и его дѣйствительная цѣль состояла въ томъ, чтобы поддерживать тѣ сношенія, которыя образовались въ нихъ въ той мѣстности и которыя слѣдуетъ не поддерживать, а уничтожать.

Наконецъ онъ предложилъ замѣнить названіе отдѣльныхъ, секретныхъ статей именемъ секретнаго соглашенія. Когда я спросилъ о причинѣ подобной перемѣны, онъ отвѣчалъ мнѣ, что ихъ правительство есть новое и что всякій шагъ его служить для него предметомъ колебанія. Такъ какъ это не имѣло большаго значенія, то я согласился. Затѣмъ онъ настаивалъ на необходимости приступить къ немедленному обмѣну обоюдныхъ ратификацій, подъ тѣмъ предлогомъ, что эта мѣра была существенно нужна для того, чтобы ускорить то соглашеніе, которое водворялось секретнымъ договоромъ между двумя государствами.

Имѣя въ виду, что на основаніи инструкцій, данныхъ мнѣ при отъѣздѣ, мнѣ было предписано, въ случаѣ извѣстныхъ предположеній (которые были оценены по достоинству и которые даже въ мое кратковременное здѣсь пребываніе уже вполне осуществились) наблюдать за направлениемъ правительства и вести пустые переговоры до новыхъ случайностей, я нашелъ, что не могу лучше выполнить намѣренія В. И. В., какъ выразивъ согласіе принять эти акты въ томъ видѣ и въ томъ изложеніи, въ которомъ намъ удалось ихъ составить съ Французскимъ министромъ; а потому, собравшись (26 Сент.) 8 Окт. мы взаимно подписали эти акты въ числѣ трехъ, а именно: мирный договоръ, секретное соглашеніе съ числомъ на два дня позднѣйшимъ и приложенную къ нему ноту, заключающую въ себѣ условіе въ пользу его свѣтлости маркграфа Баденскаго, присовокупленную по требованію перваго консула, желавшаго предъявить тѣмъ новое доказательство своего уваженія къ особѣ В. И. В. Възвѣсивъ вышеприведенное основаніе, на которое сослался министръ Талейранъ, я также согласился приступить къ общему ратификаціи, что и было нами исполнено два дня спустя, т. е. (28 Сент.) 10 Окт., и я имѣю честь повергнуть при семъ всѣ эти акты къ стопамъ В. И. В-ва.

Если мое усердіе затмило мой разумъ и онъ не оправдалъ того довѣрія, котораго В. И. В. меня удостоили, я осмѣливаюсь прибѣгнуть къ Вашему великодушному снисхожденію во имя того побужденія, которое мною руководило. Съ глубочайшимъ уваженіемъ и пр.

Парижъ $\frac{1}{2}$ Октября 1801. г.

II.

Sire! Depuis mon arrivée en France je n'ai pas cessé de chercher à m'instruire de l'état réel de ce pays et de la situation véritable de Bonaparte. J'ai puisé là-dessus quelques notions dans la conversation des personnes qui m'ont

paru le plus au fait et les plus impartiales et d'après cela j'ose présenter ici à V. M. I. les opinions que j'ai pu recueillir et que je crois de mon devoir de soumettre à Ses hautes lumières.

Tant d'enthousiasme pour des personnes aujourd'hui oubliées ou méprisées, tant de changements et de malheurs ont rendu les Français le peuple le plus indifférent qui soit au monde; il ne désire plus rien fermement, il n'estime personne par conviction, et c'est aujourd'hui l'opinion de l'Europe qui forme la sienne. Cette opinion de l'Europe est si favorable à Bonaparte, qu'on peut assurer qu'il lui doit la considération dont il jouit en France, et le congrès d'Amiens est en ce moment la plus forte garantie de son pouvoir. Aucun parti ne sera assez fort pour tenter de le renverser, tant qu'on discutera la paix: parceque tous les partis craignent le retour de la guerre et qu'il n'en est aucun qui ait un homme prêt ou propre à remplacer Bonaparte. D'ailleurs personne ne voudra sa chute pour lui substituer un homme de la révolution.

Pour se faire une juste idée des chances pour et contre Bonaparte, il faut entrer avec impartialité dans les détails de sa position.

Dans les pays étrangers on a de lui une grande idée, et cependant on ne croit pas qu'il soit très difficile de le renverser. En France c'est absolument le contraire; les intérêts opposés aux siens ont appris à l'estimer à sa juste valeur, mais on croit généralement que sa chute pourra se balancer encore longtems.

De la différence de ces deux opinions il résulte que l'estime dont il jouit en Europe assure réellement son

pouvoir en France et que les rois qui craignent que la stabilité d'un usurpateur ne soit d'un exemple dangereux pour tous les peuples, deviennent la première cause de cette stabilité, en traitant Bonaparte avec une considération excessive. Peut-être aujourd'hui est-il impossible que cela soit autrement, car toujours le passé commande à l'avenir; mais aussi ne faut-il pas se faire illusion: tant que durera le congrès d'Amiens, Bonaparte régnera invinciblement sur le trône des Bourbons. En toutes autres circonstances il n'est que l'homme de la révolution; pour la première il est réellement l'homme de la France. Le congrès d'Amiens terminé, il perd le plus grand de ses avantages, et alors il faudra l'examiner seulement dans ses rapports avec la révolution, et voici quels paraissent être ces rapports.

Il n'y a eu en France que deux partis, les royalistes et les philosophes; cette dernière désignation renferme toutes les nuances de républicains et de révolutionnaires.

Les royalistes sont très nombreux et ne peuvent absolument rien, parce qu'ils ne forment pas un parti actif et de longtems ils n'en formeront un, capable d'influencer directement sur les événements. La raison en est toute simple; depuis la révolution les royalistes n'ont jamais eu de chef dans l'intérieur. Louis XVI-même n'était pas le leur. Ils ont sans cesse vu hors de France les Bourbons et les nobles dont les noms pouvaient être un point de ralliement; ils ont espéré dans les succès des armées étrangères. Depuis la paix les royalistes sont intérieurement déconcertés. Il est vrai que dans les tems où les partis révolutionnaires se déchiraient, il s'en trouvait toujours un

qui flattait le parti royaliste pour gagner l'opinion dont en effet les royalistes seules disposaient, mais le parti qui s'unissait à eux les perdait, quand il succombait; on les abandonnait, quand il triomphait.

Tel doit être en effet le sort des royalistes toujours obligés, pour être quelque chose, de chercher un chef hors d'eux. Quand tous les partis révolutionnaires sont d'accord ou restent sans s'agiter, le parti royaliste devient entièrement nul.

Telle est la position d'aujourd'hui; il faut le regarder comme le plus fort dans l'opinion et le plus faible en action; tout ce qu'il peut, est d'aider à amener la division entre les autres partis; tout ce qu'il doit aujourd'hui est de préparer le rétablissement de toutes les idées, de tous les usages favorables à la monarchie, et on croit qu'il remplit à présent son devoir et agit selon son pouvoir.

Les philosophes depuis la révolution n'ont cessé de gouverner la France, que pendant le règne de la terreur, et à leurs yeux le plus grand crime de Robespierre, celui qui décida sa mort, fut de les avoir méprisés dans ses discours ou confondu parmi ses victimes. Ils ont fait et défait les hommes qui lui ont succédé; ils ont fait Bonaparte, ils le soutiennent quand il faiblit et l'attaquent sourdement, mais avec succès quand il essaye de marcher sans eux; ils font sa plus grande fortune et son plus grand danger.

Par la voye de l'Assemblée Constituante la philosophie a dégagé les Français de tout respect pour les anciennes institutions. On lui doit cette apparence de gouvernement représentatif qui change pour la forme et jamais dans le fond, qui fait honte au bon

sens, mais qui satisfait tant de prétentions et qui sous ce rapport est la plus chère propriété de ceux qui croient que l'esprit suffit pour arriver à tout: c'est plus grand nombre en France. La philosophie n'a pu prolonger l'enthousiasme de la révolution, elle ne dissimule plus même l'horreur qu'inspire tant de crimes, mais elle s'est fait des complices: 1. des spoliateurs des biens du clergé et des proscrits; 2. des hommes qui ont pris part directe aux assassinats et 3. de ceux qui ont profité du scandale de tant de loix désastreuses et immorales. Elle se fait chaque jour des associés par l'argent que le gouvernement consulaire prodigue aux beaux esprits dans toutes les grandes et les petites places. Elle mène Bonaparte comme elle a mené le directoire; elle le rend responsable de tous les malheurs passés en le forçant constitutionnellement à prolonger leur effet; en un mot, la philosophie régnait encore plus sur le premier consul qu'il ne régnait sur la France. La facilité étonnante avec laquelle il a perdu sa popularité, que lui avait acquise la signature des préliminaires de paix avec l'Angleterre, annonce clairement à quiconque connaît la révolution, le projet formé de le perdre aussitôt qu'on croira pouvoir s'en passer, et on pense que la fin du congrès d'Amiens marquera pour lui le terme des ménagemens du parti philosophe et républicain.

Ici se place naturellement une observation très importante. Bonaparte trouve des maîtres dans les philosophes et des rivaux dans les généraux qui ne veulent pas descendre au métier de courtisans. C'est le plus grand nombre. Les uns sont retenus par une certaine fierté, les autres par la grossièreté

même de leurs manières, tous par l'ambition. Il faut donc qu'il marche entre les républicains qui le supportent avec peine pour chef et n'en voudront jamais pour maître, entre les royalistes dont il est forcé de ménager les habitudes, parcequ'elles sont favorables au gouvernement d'un seul, et entre les militaires dont l'impatience de lui succéder ne peut pas toujours se modérer par des formes. Cette position n'est pas tenable; aussi son pouvoir est-il moins assuré après deux ans d'usurpation qu'il ne l'était le premier jour.

Quoique cette vérité soit de fait, il est bon de remonter à sa cause. Les philosophes, seuls auteurs, seuls propagateurs, seuls soutiens de la révolution, ont toujours craint l'ascendant du pouvoir militaire, et pendant dix années leur soin le plus constant fut d'éloigner du gouvernement tout homme qui avait commandé des armées. Quand le directoire ne fut plus assez fort pour garantir les républicains, ils pensèrent sérieusement à députer vers le roi, et dans leur lassitude toutes leurs prétentions se bornaient à obtenir quelques conditions pour les fauteurs de la révolution. Bonaparte revient d'Egypte à cette époque; les philosophes mirent en discussion les dangers du rétablissement de la monarchie et les dangers de l'ascendant militaire. La monarchie parut plus dangereuse, parcequ'elle ne laissait plus d'espérance, et Bonaparte fut choisi par les philosophes.

Certes, malgré la réputation dont il jouit en Europe, on peut assurer qu'il n'est pas un seul général qui, à sa place, n'eût commencé par se débarrasser de toute révolution. Bonaparte, dit-on, le pouvait; mais il tient de la phi-

лософии cette prétention à l'esprit, si ridicule et si dangereuse dans tout homme qui gouverne, et il se fit héritier de la révolution, lorsqu'il pouvait devenir son juge le plus sévère.

La révolution pèse donc toute entière sur lui, et sa position devient chaque jour plus pénible. Après s'être laissé lier par les philosophes, tout effort qu'il fait pour secouer le joug ne sert qu'à le rendre plus pesant. Les républicains qui avaient tremblé de l'ascendance militaire, se sont rassurés, et ils semblent conserver provisoirement Bonaparte, puisqu'ils le regardent avec raison parmi tous les généraux comme le moins rétif à la philosophie, ne fut-ce que par sa prétention à tous les genres d'esprit et de connaissance.

C'est de cette situation que sortira la première révolution. La philosophie et l'amour du pouvoir se combattent dans l'âme de Bonaparte; la philosophie et la haine du pouvoir militaire se mêlent dans le caractère de tous les révolutionnaires. Les généraux présentent les événemens par dépit et par ambition. Les royalistes les attendent dans la persuasion que quels qu'ils soient ils seront favorables à la royauté dans un avenir plus ou moins éloigné. Tel est le tableau que j'ai puisé dans la conversation des personnes que j'ai indiquées ci-dessus.

C'est de ces-mêmes personnes que j'ai appris qu'avant le trois Nivose, époque de l'explosion de la machine infernale, Bonaparte avait paru pencher pour le parti de rappeler le roi; mais qu'après cet événement, auquel il soupçonna ce prince d'avoir eu quelque part, il écarta cette idée. Cependant l'on m'a assuré que, même à présent, il a autour de lui quelques personnes

aux quelles il prend confiance et à qui il permet de l'entretenir de cette même idée, sans cependant laisser connaître en rien quelle est là-dessus son opinion.

Paris.
ce 1³/₂₅ Decembre 1801.

Переводъ донесенія отъ 13 (25) Декабря 1801 года.

Всемилоствѣйшій Государь!

Со времени моего прибытія во Францію, я постоянно старался изучить истинное состояніе этой страны и дѣйствительное положеніе Бонапарта. Мнѣ удалось извлечь нѣкоторыя свѣдѣнія изъ моихъ разговоровъ съ нѣсколькими лицами, которыя казались мнѣ наиболее свѣдущими и безпристрастными, и вслѣдствіе того я осмѣливаюсь представить здѣсь В. И. В-у собранныя мною мнѣнія, считая своимъ долгомъ повернуть ихъ на высочайшее усмотрѣніе.

Столько энтузіазма, потраченнаго на личности, нынѣ забытыя и презираемыя, столько перемѣнъ и бѣдствій превратили Французовъ въ самый равнодушный народъ въ мірѣ. Онъ уже ничего твердо не желаетъ, не уважаетъ никого по убѣжденію и принимаетъ нынѣ мнѣніе Европы за свое собственное. Это мнѣніе Европы столь благопріятно для Бонапарта, что можно утвердительно сказать, что онъ обязанъ ему тѣмъ значеніемъ, которымъ онъ пользуется во Франціи, и Аміенскій конгрессъ служитъ нынѣ главнѣйшимъ обезпеченіемъ его власти. До тѣхъ поръ, покуда будутъ продолжаться переговоры о мирѣ, никакая партія не будетъ довольно сильна, чтобы мечтать о его низверженіи, потому что всѣ партіи страшатся возобновленія войны, и ни одна изъ нихъ не имѣетъ готоваго человека, способнаго замѣнить Бонапарта. Притомъ никто не пожелаетъ его паденія, чтобъ замѣнить его человекомъ революціи.

Чтобы составить себѣ вѣрное понятіе о всѣхъ данныхъ за и противъ Бонапар-

та, слѣдуетъ безпристрастно выикнуть въ подробности его положенія. Въ иностранныхъ государствахъ составляютъ себя о немъ высокое понятіе и въ тоже время не считаютъ весьма труднымъ его свергнуть. Во Франціи совершенно противное; интересы ему враждебные оцѣнили его по достоинству, но всѣ вообще убѣждены, что его паденіе можетъ еще долго колебаться.

Изъ различія этихъ двухъ мнѣній проистекаетъ, что значеніе, которымъ онъ пользуется въ Европѣ, положительно упрочиваетъ его власть во Франціи и что тѣ короли, которые опасаются, чтобы упроченіе похитителя престола не служило опаснымъ примѣромъ для всѣхъ народовъ, служатъ главною причиною этого упроченія по своимъ отношеніямъ къ Бонапарту, исполненнымъ чрезвычайнаго уваженія. Быть можетъ въ настоящее время оно и не могло быть иначе, потому что прошлымъ всегда опредѣляется будущее; но за то и не слѣдуетъ заблуждаться: покуда будетъ продолжаться Амьенскій конгрессъ, Бонапартъ будетъ несокрушимо властвовать на престолѣ Бурбоновъ. При всякихъ другихъ обстоятельствахъ онъ былъ-бы только человекомъ революціи; въ этомъ случаѣ онъ дѣйствительно человекъ—Франціи. По окончаніи Амьенскаго конгресса, онъ лишится главнаго своего преимуществва, и тогда придется только изслѣдовать его въ его отношеніяхъ къ революціи, и эти отношенія мнѣ кажутся слѣдующія.

Во Франціи существовали только двѣ партіи, роялисты и философы; это послѣднее наименованіе заключаетъ въ себя всѣ отѣнки республиканцевъ и революціонеровъ.

Роялисты весьма многочисленны и не имѣютъ никакого значенія, потому что они не составляютъ дѣйствующей партіи и еще долго не будутъ въ состояніи вліять на событія; тому причина весьма простая: со времени революціи роялисты никогда не имѣли вождя внутри государства. Даже Лудовикъ

XVI имъ не былъ. Они постоянно видѣли внѣ предѣловъ Франціи Бурбоновъ и вельможъ, которыхъ имена могли бы служить имъ точкою опоры; они возлагали всѣ свои надежды на успѣхи иностраннаго оружія. Послѣ заключенія мира, роялисты внутренно смущены. Правда, что въ тѣ времена, когда революціонныя партіи истребляли другъ друга, всегда которая нибудь изъ нихъ сближалась съ партіею роялистовъ, чтобы заручиться общественнымъ мнѣніемъ, которымъ дѣйствительно одни роялисты располагали; но партіи, примыкавшая къ нимъ, или губила ихъ въ случаѣ своего паденія или покидала ихъ послѣ своего торжества.

Такова поистинѣ должна быть постоянная судьба роялистовъ, всегда обреченныхъ искать вождя извнѣ для того, чтобы имѣть нѣкоторое значеніе. Когда всѣ революціонныя партіи между собою согласны или прекращаютъ волненія, партія роялистовъ впадаетъ въ полнѣйшее ничтожество.

Таково ея положеніе въ настоящую минуту; слѣдуетъ считать ее сплывшею въ общественномъ значеніи и слабѣйшею въ дѣйствіи. Все что она можетъ—это содѣйствовать къ возбужденію раздоровъ между другими партіями; все что она призвана дѣлать въ настоящее время это приготовить возстановленіе всѣхъ понятій и обычаевъ благоприятныхъ для монархіи, и полагаютъ, что она нынѣ выполняетъ свой долгъ и дѣйствуетъ по мѣрѣ своихъ силъ.

Со времени революціи философы постоянно властвовали надъ Франціею, за исключеніемъ господства террора, и въ ихъ глазахъ величайшее преступленіе Робеспьера, которое обрело его на смерть, состояло въ томъ, что онъ выражалъ къ нимъ презрѣніе въ своихъ рѣчахъ или смѣшивалъ ихъ съ своими жертвами; они возвышали и низвергали лицъ ему наслѣдовавшихъ; они создали Бонапарта; они поддерживаютъ его въ минуты колебанія и втайнѣ, но съ успѣхомъ, на него нападаютъ, когда онъ

пытаетъ подвигаться безъ нихъ; они составляютъ его величайшую опору и главнѣйшую его опасность.

Путемъ Учредительнаго Собранія философія освободила Французовъ отъ всякаго уваженія къ старымъ учрежденіямъ. Ей обизаны этою личною представительною правительствомъ, которая измѣняется по формѣ, но никогда по существу, которая приводитъ разумъ въ смущеніе, но удовлетворяетъ столькимъ требованіямъ и въ этомъ отношеніи составляетъ драгоценнѣйшую принадлежность тѣхъ, кто вѣритъ, что достаточно одного разума, чтобы достичь всего, — а таково большинство во Франціи. Философія не могла продлить революціоннаго упоенія; она даже не скрываетъ ужаса, возбужденнаго столькими преступленіями; но она приобрѣла себѣ сообщниковъ: 1) между похитителями имѣній духовенства и ссыльныхъ; 2) среди людей, непосредственно принимающихъ участіе въ убійствахъ и 3) между тѣми, кто воспользовался оглашеніемъ столькихъ разрушительныхъ и безнравственныхъ законовъ. Она всякій день приобретаетъ соучастниковъ съ помощью денегъ, расточаемыхъ мыслителямъ на всѣхъ значительныхъ и мелкихъ должностяхъ. Она управляетъ Бонапартомъ, какъ она управляла директорією; она дѣлаетъ его отвѣтственнымъ за всѣ прошлыя несчастія, вынуждая его конституціоннымъ образомъ къ продолженію ихъ послѣдствій; однимъ словомъ, философія господствуетъ надъ первымъ консуломъ еще болѣе, чѣмъ надъ Францією. Изумительная быстрота, съ которою онъ лишился своей популярности, доставленной ему заключеніемъ предварительнаго мирнаго договора съ Англією, ясно предвѣщаетъ всякому знакомому съ революцією опредѣленное намѣреніе отвѣтяться отъ него, какъ только окажется возможнымъ обойтись безъ него, и полагаютъ, что съ окончаніемъ Аміенскаго конгресса наступитъ для него срокъ прекращенія всякой пощады со стороны философской и республиканской партій.

Здѣсь кажется особенно умѣстнымъ одно весьма важное замѣчаніе. Бонапартъ встрѣчаетъ владыкъ между философами и соперниковъ среди генераловъ не согласныхъ свизойти до роли царедворцевъ; а таковыхъ большинство. Однихъ удерживаетъ извѣстная спѣсь, другихъ самая грубость ихъ обращенія, а всѣхъ вмѣстѣ честолюбіе. И такъ онъ обреченъ дѣйствовать среди республиканцевъ, которые съ трудомъ признаютъ его своимъ вождемъ, но никогда не захотятъ видѣть въ немъ своего властелина; среди роялистовъ, которыхъ обычай онъ вынужденъ сносить, потому что они расположены въ пользу единовластія и среди военныхъ, которыхъ нетерпѣніе замѣнить его не всегда умѣряется виѣшними формами. Это положеніе невыносимо, такъ что его власть менѣе прочна послѣ двухъ лѣтъ незаконнаго пользованія, чѣмъ въ первый день.

Хотя эта истина существуетъ на дѣлѣ, но не бесполезно доискаться до ея причины. Философы, единственные творцы, единственные распространители, единственные подпоры революціи, всегда опасались превосходства военной власти, и въ теченія десяти лѣтъ постоянно заботою ихъ было отдалять отъ правленія всякаго, кто предводительствовалъ арміями. Когда директорія оказалась недовольно сильною, чтобы оградить республиканцевъ, они серьезно вознамѣрились отправить депутацію къ королю, и въ эту эпоху изнеможенія всѣ ихъ требованія ограничивались нѣкоторыми условіями въ пользу виновниковъ революціи. Въ это время Бонапартъ возвращается изъ Египта; философы приступили къ обсужденію опасныхъ сторонъ возстановленія монархіи и опасностей со стороны военнаго преобладанія. Монархія показала опасность, потому что не оставляла никакихъ надеждъ, и Бонапартъ былъ избранъ философами.

Не смотря на ту репутацію, которою онъ пользуется въ Европѣ, можно по истинѣ утвердительно сказать, что нѣтъ

ни одного генерала, кто на его мѣстѣ не началъ бы съ того, что отдѣлался бы отъ всякой революціи. Говорятъ, что Бонапарту это могло бы удасться; но онъ заимствовалъ у революціи это притязаніе на умственное преобладаніе, столь смѣшное и опасное для всякаго правителя, и онъ сдѣлался наслѣдникомъ революціи въ то время, когда могъ сдѣлаться ея строжайшимъ судьей!

Такимъ образомъ революція всею своею силою тяготѣетъ надъ нимъ, и его положеніе становится ежедневно тяжелѣе. Онъ дозволилъ философамъ связать себя, и всякое его усиліе къ сверженію этого ига служить только къ тому, чтобы сдѣлать его еще тягостнѣе. Республиканцы, страшившіеся всякаго военнаго господства, ободрились, и они повидимому временно сохраняютъ Бонапарта, считая его по справедливости среди всѣхъ генераловъ наименѣе упорнымъ, хотя бы вслѣдствіе его притязанія на всякаго рода умственные силы и познанія.

Изъ этого положенія должна именно возникнуть первая революція. Философія и любовь ко власти ведутъ взаимную борьбу въ душѣ Бонапарта; философія и ненависть къ военному господству сливаются въ характерѣ всѣхъ революціонеровъ. Генералы ускоряютъ ходъ событій изъ зависти и честолюбія; роялисты выжидаютъ, въ убѣжденіи, что каковъ бы ни былъ исходъ, онъ будетъ благоприятенъ для монархіи въ болѣе или менѣе дальнемъ будущемъ. Такова картина, созданная мною въ моихъ бесѣдахъ съ вышеупомянутыми личностями.

Отъ этихъ-же лицъ я узналъ, что до третьяго числа Нивоза (Nivose), эпохи взрыва inferнальной машины, Бонапартъ повидимому склонялся къ намѣренію вернуть короля; но послѣ этого событія, въ которомъ онъ подозрѣвалъ нѣкоторое участіе этого государя, онъ отстранилъ эту мысль. Впрочемъ меня увѣряли, что даже и теперь онъ имѣетъ около себя нѣсколько личностей, которыя приобрѣтаютъ его довѣріе и ко-

торымъ онъ дозволяетъ говорить ему объ этомъ намѣреніи, хотя онъ при этомъ ничѣмъ не обнаруживаетъ, каково его личное мнѣніе на этотъ счетъ.

Парижъ

13/25, Декабря 1801 г.

III.

Всемиловѣйшій Государь!

Я уже донесъ министерству В. И. В. о пріѣздѣ курьера Прохницкаго, съ которымъ удостоился я получить В. И. В. рескрипты отъ 4, 7 и 8 минутшаго Ноября со всѣми ихъ приложеніями. Приступая къ отвѣту на оныя, первымъ долгомъ поставлю повергнуть къ стопамъ В. И. В. чувство радости, ощущенной мною при полученіи высочайшаго и всемиловѣйшаго одобренія, коимъ удостоить соблаговолили поведеніе мое при заключеніи мирнаго трактата и секретной конвенціи съ здѣшней областію, мною подписанныхъ. Велико было счастье мое, когда Вашему И. В. угодно было избрать меня къ служенію сему; несравненно увеличилось оно, всемиловѣйшій Государь, симъ благоволеніемъ Вашимъ и ежели къ вящему заслуженію онаго силы мои соразмѣрны будутъ моему усердію, то безъ сомнѣнія увижу я совершеніе единаго желанія, которое можетъ счастливить остатокъ жизни моей.

Преисполненъ будучи убѣжденія о миролюбивыхъ намѣреніяхъ, которыми В. И. В. въ письменныхъ и словесныхъ наставленіяхъ проявить мнѣ изволили, я старался при всѣхъ случаяхъ внушать какъ самому первому консулу, такъ и всѣмъ окружающимъ его, что В. И. В., ища сближенія съ Франціею, не можете подозрѣваемы быть ни въ страхѣ, ни въ надеждѣ: ибо отъ перваго ограждаютъ

Васъ совершенно какъ могущество, такъ и разстояніе областей Вашихъ, а вторая состоитъ токмо въ томъ, чтобы утвердить и обезпечить спокойствіе и тишину Европы. Франція же, соотвѣтствуя оному, пріобрѣтетъ превосходную пользу, открывъ себѣ торговыя сношенія, столь нужныя для возстановленія истребленныхъ морскихъ силъ ея, сношенія, кои облегчить или затруднить всегда отъ воли В. И. В. зависѣть будетъ и въ коихъ натуральнымъ образомъ В. В. руководствоваться будете по мѣрѣ ограниченія Франціи въ тѣхъ предѣлахъ, кои сначала возвѣстила она нужными къ собственной ея безопасности, не присоединяя излишняго, а именно Піемонта, ни къ чему иному не служащаго какъ къ возрожденію всеобщихъ подозрѣній о дальнѣйшихъ намѣреніяхъ ея нарушить независимость Италіи и тревожить смежныя съ нею области. Рѣчи сіи и поведеніе, съ оными сообразное, кажется, по сіе время не сдѣлали предосужденія ни видамъ В. И. В., ни собственному моему здѣсь положенію; а посему, не будучи еще извѣщенъ о благоволеніи В. И. В. на учиненныя мною здѣсь постановленія, не усумнился я сдѣлать подвигъ въ пользу короля Сардинскаго, основанный на словахъ и разумъ послѣдней нашей секретной конвенціи. Въ чемъ оный состоялъ, то В. И. В. усмотрѣть изволите изъ подносимой у сего копіи съ ноты здѣшнему министерству, мною поданной. Таковую же копію приприводилъ я къ послу В. И. В. графу С. Р. Воронцову.

Не настоялъ я у здѣшняго министерства объ отвѣтѣ на ноту сію въ ожиданіи высочайшаго В. И. В. утвержденія всего прежде мною сдѣланнаго; получивъ же оное, требовалъ

я свиданія съ министромъ Талейраномъ, на которомъ объявилъ ему, что хотя В. И. В. и соблаговолили одобрить перемѣны въ изрѣченіяхъ, кои дозволилъ я себѣ изъ уваженія къ здѣшной области, но тѣмъ не менѣе полагаю изволите, что исполненіе обязательства со стороны ея послѣдуетъ согласно съ прежними увѣреніями и обѣщаніями ея, какъ словесными, такъ и письменными, и въ слѣдствіе сего просилъ во первыхъ, чтобъ по содержанію ноты моей приступили они къ рѣшенію жребія короля Сардинскаго и чтобы для того дозволено было министру Сардинскому пріѣхать въ Парижъ. Потомъ спросилъ, дано ли повелѣніе о изпраздненіи Неаполитанскихъ областей Французскими войсками. На первое Талейранъ сказалъ мнѣ, что дѣла сіи такого свойства, что требуютъ дальнѣйшихъ соображеній, въ кои они еще войти не въ состояніи, но что во всякомъ случаѣ присутствіе Сардинскаго министра здѣсь для государя сего бесполезно, а для нихъ можетъ быть заботливо и возмутить можетъ въ Піемонтѣ тѣхъ, кои страшатся возвратиться подъ власть прежняго государя своего. На второе объявилъ онъ мнѣ утвердительно, что повелѣнія о выходѣ войска изъ областей Неаполитанскихъ уже посланы.

Нѣсколько дней послѣ сихъ объясненій встрѣтился я случайно съ ген. Мюратомъ, зятемъ перваго консула и командующимъ Французскими войсками въ Италіи и, войдя съ нимъ въ разговоръ, спросилъ я у него, дѣйствительно ли выведены войска изъ Неаполитанскихъ областей? На сіе отвѣтствовалъ онъ мнѣ, что оныхъ выведено оттуда только двѣ тысячи человекъ; но 10 т. оставлены по причинѣ трудности перехода настоящейю

порою чрезъ Аппенинскія горы и что сверхъ того войска тѣ могутъ еще тамъ остаться, ибо-де по трактату нашему съ Англіею войска не должны выступить оттуда прежде истечения мѣсяца по подписаніи окончательнаго мирнаго трактата. Оставляя всякое съ нимъ изъясненіе объ обязательствѣ Франціи съ нами по семуже пункту, обратилъ я нечувствительно рѣчь на Піемонтъ. Тутъ услышалъ я отъ него отзывъ, по увѣренію его и по собственному моему мнѣнію нисколько несоображенный съ извѣстными ему мыслями перваго консула, но единственно основанный на его воинскихъ усмотрѣніяхъ, а именно, что Франція никакъ не можетъ возвратитъ Піемонта, ежели императоръ Римскій не оставитъ Венеціанскихъ своихъ владѣній. Разговоръ нашъ кончился тѣмъ, что г. Мюрать увѣрилъ меня, что, по собственному убѣжденію его и по добротству къ королю Неополитанскому, желаетъ онъ, чтобы сей скорѣе былъ свободенъ отъ бремени содержанія чужихъ войскъ въ предѣлахъ своихъ и что онъ уже неоднократно предлагалъ о семъ первому консулу.

Увѣренный такимъ образомъ въ неосновательности даннаго мнѣ Талейраномъ отвѣта, почелъ я долгомъ требовать отъ него письменно исполненія статьи, до сего касающейся въ конвенціи нашей. Записку у сего въ копіи подносимую вручилъ я ему самъ, и онъ, прочтя ее при мнѣ, вступилъ въ изъясненія совсѣмъ мною неожиданныя, говоря, что, держась самыхъ словъ артикула секретной конвенціи о выводѣ войска изъ земель Неополитанскихъ, *какъ скоро жребій Египта рѣшится*, не можно сего теперь еще требовать: ибо жребій Египта тогда только такимъ почтется, ког-

да трактатъ съ Англіею и Портою подписанъ будетъ. Не могъ я скрыть отъ него удивленія, симъ отзывомъ его во мнѣ произведеннаго, а потомъ напомнилъ ему тѣ объясненія, которыя дѣлали мы при сочиненіи сего артикула и въ коихъ точно постановлено и соглашено было, что войска Французскія оставлятъ Неополитанскія владѣнія въ то самое время, какъ оныя выступаютъ изъ Египта и что когда въ семъ послѣднемъ случаѣ никакого нѣтъ сомнѣнія, то и въ первомъ его быть не должно. Талейранъ не зазрелся оспоривать и того, что войска ихъ совершенно оставили Египетъ, говоря, что на то никакихъ нѣтъ доказательствъ кромѣ публичныхъ вѣдомостей. Я просилъ отвѣта сего письменно, опасаясь, будто бы, что по странности и совершенной несообразности его съ предшедшимъ, не былъ бы онъ у насъ написанъ единому недоразумѣнію моему. И онъ обѣщаль удовлетворить меня въ семъ; однакоже, не исполня того, уѣхалъ въ Ліонъ, откуда писалъ ко мнѣ о пропускѣ привезенныхъ мнѣ изъ Лондона экипажей, но не упомянулъ ни слова о вышеозначенной статьѣ.

Сей примѣръ послужитъ новымъ доводомъ неискренности, съ которою поступаетъ здѣшнее правительство во всѣхъ дѣлахъ своихъ съ иностранными державами. Вся тонкость чловѣка свѣтскаго и благовоспитаннаго недостаточна ко открытію коварства, заносчивости и гордости, Талейрану еще болѣе свойственныхъ, нежели кому другому изъ участвующихъ въ семъ правленіи.

Вчера, увидясь въ первый разъ послѣ полученія моего курьера съ первымъ консуломъ на церемоніальномъ

обѣдѣ, къ которому пригласилъ онъ дипломатическій корпусъ, я нашель случай сдѣлать ему привѣтствіе отъ имени В. И. В. по случаю благополучнаго совершенія актовъ, возставоляющихъ прежнее доброе согласіе между обѣими державами, сопроводивъ оное внушеніемъ въ пользу короля Сардинскаго и такимъ же о скорѣйшемъ выводѣ войскъ Французскихъ изъ Неаполитанскихъ владѣній основывая и то и другое какъ на словахъ нашихъ трактатовъ, такъ и на примѣрѣ, которой В. И. В. подать изволили, приведя къ немедленному исполненію принятыя со стороны Вашей обязательства, одержавъ у Порты Оттоманской освобожденіе Французскихъ плѣнныхъ и повелѣвъ войскамъ своимъ, въ семи соединенныхъ островахъ находившимся, оттуда выступить, что уже и дѣйствительно исполнено. Отвѣтствовавъ приличнымъ образомъ на привѣтствіе мое, первый консулъ прошелъ въ молчаніи внушеніе о королѣ Сардинскомъ и отвѣчалъ на второе, что уже давно занимается мѣрами нужными для испраздненія Неаполитанскихъ владѣній отъ войскъ Французскихъ, но что встрѣчаетъ въ томъ разныя препятствія, причиняемыя особливо настоящимъ неудобнымъ для сего временемъ, кои однакоже онъ надѣется скоро превозмочь. Въ слѣдъ за тѣмъ спросилъ онъ у меня, получилъ-ли я достаточныя наставленія по дѣламъ Германскимъ. На положительный мой о семъ отвѣтъ, сказалъ онъ мнѣ, что по возвращеніи изъ Ліона онъ обратитъ вниманіе къ сему предмету.

Разногласіе между отзывами перваго консула и министра его доказываетъ истину, давно уже всѣми иностранными министрами здѣсь пребывающими узнанную, что сей по-

слѣдній не всегда и не во всей точности доносить первому консулу о чинимыхъ ему внушеніяхъ и требованіяхъ, или переиначиваетъ ихъ по произволу; но совсѣмъ тѣмъ всема трудно пособить сему неудобству, ибо Талейранъ видитъ съ великимъ негодованіемъ всякое по дѣламъ его части прямое отношеніе къ Бонапарту, увѣряя всѣхъ и меня самого, что онъ ею управляетъ и совсѣмъ отъ него независимъ.

На первомъ свиданіи моемъ съ сямъ министромъ, тотчасъ по пріѣздѣ курьера Прохницкаго, не преминулъ я коснуться до дѣлъ Германскихъ въ общихъ выраженіяхъ и совершенно былъ доволенъ его отзывами: ибо не только здраво, но и безпристрастно судилъ онъ поступки дворовъ Вѣнскаго и Берлинскаго и предполагалъ, что дворы сіи никогда между собою не согласятся и что рано или поздно необходимо будетъ, чтобы В. И. В. и здѣшній кабинетъ развязку сему сдѣлали, опредѣливъ каждой участвовавшей сторонѣ жребій, по справедливости по обоюднымъ обязательствамъ ей принадлежащій. Почитая, что таковое предположеніе согласно можетъ быть съ мыслями и намѣреніями В. И. В-а, я не оставилъ одобрить онаго; и Талейранъ сказалъ мнѣ, что, тотчасъ по возвращеніи его изъ Ліона, примется онъ за сіе дѣло. Между тѣмъ слышалъ я стороною, что онъ дѣйствительно занимался имъ и подалъ планъ на разсмотрѣніе перваго консула; но въ чемъ оный состоитъ, мнѣ еще неизвѣстно.

Поведеніе мое съ Турецкимъ посломъ здѣсь находящимся образовано было съ самаго моего сюда пріѣзда небреженіемъ его войти со мною не только въ дружескія сношенія, ка-

ковыя требовалъ бы союзъ В. И. В-ва съ Портою Оттоманскою существующій, но даже и въ личное знакомство; такъ что и по сіе время я съ нимъ совсѣмъ не видался. Единный отавъ, который я къ нему сдѣлалъ чрезъ посредство его драгомана, и о немъ въ свое время имѣлъ честь донести; не получивъ на оный никакого отвѣта и узнавъ чрезъ здѣшнія публичныя бумаги, въ чемъ состояли прелиминарные пункты имъ подписанныя, я и болѣе оставилъ всякое попеченіе о сведеніи съ нимъ знакомства. Сіе само собою предохранило меня отъ всякой въ разсужденіи его нескромности, oprичъ того, что принятіе подобныхъ прелиминарій утвердило меня въ мнѣніи, что какъ онъ самъ, такъ и руководствующій имъ драгоманъ Кудрино здѣшнему правительству совершенно преданы.

За нѣсколько передъ симъ Талейранъ хвалился передо мною съ примѣтною гордостію, что по полученнымъ имъ изъ Царь-града извѣстіямъ, заключеніе сего мира произвело какъ въ народѣ Турецкомъ, такъ и въ министертвѣ крайнее восхищеніе. Но я знаю чрезъ графа С. Р. Воронцова, что Лондонскій дворъ точное имѣетъ свѣдѣніе, что Порты напротивъ того не захотѣла ратификовать тѣхъ прелиминарій, а намѣрена держаться постановленій Англіею по сему учиненныхъ. Въ надеждѣ таковой ея рѣшимости, я не теряю изъ виду всего того, что можетъ исторгнуть Піемонтъ изъ рукъ Франціи. Я отнесся къ гр. С. Романовичу, предлага ему сокупить содѣйствіе В. И. В. съ королемъ Великобританскимъ, если то возможно будетъ и потомъ уговорить Порту, чтобы, приведя торговыя постановленія въ негоціацію съ Франціею, поставитъ уступки и сличхожденія

ея по сей матеріи въ дѣну возвращенія Піемонта и независимости Италіи, яко такого края, чрезъ который Франція можетъ возобновить опять покушенія свои на Египетъ или на другія владѣнія Турецкія. Въ томъ же смыслѣ писалъ я къ г. т. сов. Тамарѣ; но корабельный капитанъ Брео, съ коимъ я отправилъ письмо сіе, ѣхавъ въ Марселію и переправляясь черезъ рѣку Рону, имѣлъ несчастіе утонуть, а съ нимъ и письмо мое.

Зная справедливую важность, которую приписываетъ Франція какъ нашей, такъ и Левантской торговлѣ, дѣйствительно думаю я, что Франція уваженіямъ симъ прихотью своею удержать Піемонтъ пожертвовать можетъ. Въ сей мысли утверждаетъ меня и находящійся здѣсь папскій легатъ кардиналъ Капрара, съ которымъ я имѣю довольно откровенныя сношенія по дѣламъ Италіанскимъ.

Въ заключеніе сего всеподданнѣйшаго донесенія, имѣю честь поднести оригинальную ноту, подписанную при размѣнѣ ратификацій на мирный трактатъ и секретную конвенцію нашу съ Франціею. Объяснивъ ея содержаніе въ тогдашнихъ моихъ донесеніяхъ, я оставилъ ее при здѣшнихъ актахъ, почитая доставленіе ея ненужнымъ. Прошу всеподданнѣйше простить мнѣ сію ошибку мою.

Съ глубочайшимъ благоговѣніемъ и проч.

Парижъ, Декабря 25 дня 1801 г.
(Января 7 дня 1802).

Нота графа Моркова Талейрану ^{16/28}
Ноября 1801.

Le soussigné, ayant vu dans l'exposé de la situation de la république, inséré dans le Moniteur, papier officiel

du gouvernement, un passage concernant le Piémont, se croit en devoir de prévenir les ordres de sa cour et de mettre de lui-même sous les yeux du citoyen-ministre des relations extérieures quelques observations résultantes des négociations qui ont précédé le traité de paix entre la Russie et la France, ainsi que de la convention secrète conclue récemment entre ces deux puissances. Ces observations portent essentiellement:

1. Sur la promesse positive de la France, promesse consignée dans une lettre du citoyen-ministre des relations extérieures au ministre des affaires étrangères de feu l'Empereur Paul 1-er de glorieuse mémoire, de rétablir le roi de Sardaigne dans ses états, comme base principale et préliminaire du rapprochement entre les deux puissances, et en effet cette base a été constamment mise en avant et soutenue par le prédécesseur du sousigné et par lui-même.

2. Sur l'article II de la convention secrète qui stipule un concert intime entre S. M. I. de toutes les Russies et le premier consul de la république Française pour terminer les affaires ultérieures de l'Italie. Or, comme le Piémont fait incontestablement partie de cette contrée et qu'il n'a rien été statué à son sujet dans les traités de Tolentino, de Florence et de Luneville, dont les clauses sont exceptées par une déclaration particulière de la convention secrète entre la Russie et la France: il s'en suit nécessairement qu'aucune des deux parties contractantes ne peut disposer du Piémont unilatéralement et sans concours de l'autre.

3. Sur l'article VI de la même convention qui traite spécialement des intérêts du roi de Sardaigne, le soussigné

en appelle au témoignage du citoyen-ministre des relations extérieures, qu'en adoptant et signant la rédaction de cet article, il lui a déclaré à plusieurs reprises avant et après la signature de l'acte, que cette rédaction n'était accordée qu'aux égards que semblait exiger une aussi grande puissance que la France de ne point recevoir comme condition absolue ce que sa propre justice et sa générosité devaient lui inspirer, mais qu'elle ne préjudiciait en rien au droit de l'Empereur son maître de réclamer en faveur du roi de Sardaigne la restitution de son ancien patrimoine. Mais indépendamment de ce titre et prenant l'article VI dans sa teneur littérale et isolée, à moins de le rendre tout à fait illusoire, il porte avec soi l'obligation de s'occuper des intérêts du roi de Sardaigne et d'y pourvoir équitablement. Or, quels peuvent être ses intérêts, si ce n'est de se voir rétabli dans la possession des états qui lui appartiennent si légitimement et dont il se trouva privé sans y avoir donné le moindre sujet, ou tout au moins d'en être dédommagé par un équivalent équitable et proportionnel? En admettant l'une et l'autre de ces deux alternatives comme fondées en justice et en équité, il en résulte la conséquence de la nécessité d'aborder incessamment cette question, et pour la discuter et la résoudre, il me semble que rien n'est plus convenable que d'appeler ici un ministre ou quelqu'autre agent muni de pleins-pouvoirs suffisants de la part de s. m. Sarde, comme partie principalement intéressée à l'arrangement dont on pourrait convenir. Cette marche est si parfaitement d'accord avec la justice de la chose en elle-même, avec les engagements précédens et actuels de la France vis-à-vis de la Russie et avec

les idées libérales de générosité et d'équité que le premier consul a manifestées si solennellement et en tant d'occasions, que le soussigné, en appelant sur cet objet l'attention du citoyen-ministre des relations extérieures, se repose avec une confiance entière sur la justice qu'il saura rendre à la pureté et à la droiture des motifs qui font parler et agir le soussigné et qui ne sont point autres que ceux qu'il a déjà développés dans le cours de la négociation qui lui a été confiée, en employant tous ses soins et tous ses efforts à rétablir entre son pays et la France les rapports de bonne harmonie et de bonne intelligence, qui leur peuvent être si avantageux et à les cimenter de plus en plus par une stricte et respective observation des traités.

Il saisit en même tems cette occasion pour réitérer au citoyen-ministre des relations extérieures l'assurance etc.

Переводъ ноты графа Моркова Талейрану
16 (28) Ноября 1801 г.

Нижеподписавшійся, усмотрѣвъ изъ напечатаннаго въ Монитерѣ (официальномъ органѣ правительства) изложенія настоящаго положенія республики одно мѣсто, относящееся до Пиемонта, считаетъ своею обязанностью предупредить указанія своего двора и обратить вниманіе гражданина-министра иностранныхъ дѣлъ на нѣкоторыя замѣчанія, вытекающія изъ переговоровъ, предшествовавшихъ мирному договору между Россією и Францією, а также изъ секретнаго соглашенія, состоявшагося недавно между этими двумя правительствами. Эти замѣчанія имѣютъ, главнымъ образомъ, своимъ предметомъ: 1) Положительное обѣщаніе Франціи, обѣщаніе, выраженное въ письмѣ гражданина-министра по иностранной части къ мини-

стру иностранныхъ дѣлъ покойнаго Императора Павла I блаженной памяти, относительно возстановленія короля Сардинскаго въ его владѣніяхъ, въ видѣ главнаго предварительнаго основанія къ сближенію двухъ державъ; и дѣйствительно это основаніе всегда было выставляемо и поддерживаемо предѣстникомъ нижеподписавшагося и имъ самимъ.

2) Статью II-го секретнаго соглашенія, которая утверждаетъ искреннее единомысліе между Е. И. В. Императоромъ Всероссійскимъ и первымъ консуломъ Французской республики на счетъ опредѣленія будущихъ судьбъ Италіи. А такъ какъ Пиемонтъ составляетъ безспорно часть этой страны, и о немъ ничего не было постановлено въ трактатахъ Толентинскомъ, Флорентинскомъ и Люневильскомъ, каковыя постановленія исключены въ силу особаго заявленія въ секретномъ соглашеніи между Россією и Францією: то изъ этого необходимо слѣдуетъ, что ни одна изъ договаривающихся сторонъ не можетъ располагать Пиемонтомъ единолично и безъ участія другой стороны.

3) Статью VI той-же конвенціи, которая исключительно обсуждаетъ интересы Сардинскаго короля. Нижеподписавшійся ссылается здѣсь на свидѣтельство гражданина-министра иностранныхъ дѣлъ, что, принимая и подписывая редакцію этой статьи, онъ заявлялъ ему неоднократно и прежде и послѣ подписи самаго трактата, что эта редакція допускалась имъ только во вниманіе къ тому, что такая великая держава какъ Франція не могла, по мнѣнію его, принимать въ видѣ непремѣннаго условія то, что ея собственное чувство справедливости и великодушія должно было внушить ей; но что эта редакція нисколько не лишала Императора, его державнаго повелителя, права требовать въ пользу Сардинскаго короля его прежняго достоинства. Но независимо отъ этого права и обращаясь къ буквальному и отдѣльному смыслу статьи VI, она заключа-

еть въ себѣ (если только не желать при этомъ полнаго ея уничтоженія) обязательство обратить вниманіе на интересы Сардинскаго короля и обезпечить ихъ по справедливости; а въ чемъ могутъ состоять его интересы, если не въ томъ, чтобы быть возстановленнымъ въ пользованіи своими столь законно-принадлежащими ему владѣніями, которыхъ онъ лишился безъ всякаго съ его стороны повода; или покрайней мѣрѣ, чтобы получить за нихъ справедливое и соразмѣрное вознагражденіе? Если признать любой изъ этихъ двухъ исходовъ основаннымъ на справедливости и правосудіи, то изъ этого вытекаетъ, какъ прямое послѣдствіе, необходимость приступить безотлагательно къ этому вопросу для его обсужденія и разрѣшенія. Мнѣ кажется, что было-бы всего умѣстнѣе пригласить сюда какого нибудь министра или другаго представителя, облеченнаго надлежащимъ полномочіемъ со стороны Сардинскаго короля, какъ стороны наиболѣе заинтересованной въ соглашеніи, которое могло-бы состояться. Подобный образъ дѣйствій согласуется въ такой степени съ присущимъ самому дѣлу закономъ справедливости, съ предыдущими и настоящими обязательствами Франціи относительно Россіи и съ либеральными понятіями о великодушій и правосудіи, провозглашенными первымъ консуломъ такъ торжественно и при столькихъ случаяхъ, что нижеподписавшійся, призывая на этотъ предметъ вниманіе гражданина-министра иностранныхъ дѣлъ, остается въ полной увѣренности, что онъ съумѣетъ отдать справедливость чистотѣ и прямотѣ тѣхъ побужденій, которыя вынуждаютъ нижеподписавшагося говорить и дѣйствовать; каковыя побужденія суть тѣже самыя, которыя руководили имъ въ теченіи порученныхъ ему переговоровъ, при чемъ онъ напрягалъ всѣ свои заботы и усилія къ тому, чтобы возстановить между своимъ отечествомъ и Франціею отношенія добраго согласія и единомыслія, могущія быть для нихъ столь выгодны-

ми и закрѣпить ихъ болѣе и болѣе съ помощью строгаго и обоюднаго соблюденія трактатовъ.

IV.

Всемилоствѣйшій Государь. Въ бытность здѣсь Англинскаго посла лорда Коривалиса, я имѣлъ съ нимъ частыя свиданія и старался привести его къ сильному содѣйствію со мною въ пользу короля Сардинскаго; но посоль сей объявилъ мнѣ не обвиняясь, что инструкціями его предписано ему не запутывать собственныхъ интересовъ Англіи посторонними притязаніями и ограничиваться касательно короля Сардинскаго одними дружескими внушеніями, что онъ и исполнилъ, но безъ успѣха. По отъѣздѣ его въ Аміенсъ, лишился я всякаго съ нимъ отношенія и сколько ни старался продолжать оное чрезъ посредство г. Жаксона, который, по трехъ-недѣльномъ ожиданіи, предуспѣлъ наконецъ въ прошлую среду вручить первому консулу кредитивныя грамоты на характеръ полномочнаго министра; но онъ отъ того уклонился подъ предлогомъ, что ему не велѣно никакъ вмѣшиваться въ переговоры Аміенскаго конгресса. Изъ переписки моею съ гр. С. Р. Воронцовымъ вижу я, что министерство Англинское дѣйствительно устранило отъ негоціаціи сей все, что затруднить ее можетъ. Здѣшнее же министерство равномѣрно удалитъ ищетъ всѣ державы отъ всякаго участія въ семь дѣлъ, что кажется гораздо сходнѣе и полезнѣе для него, чѣмъ для Англіи, которая не разъ уже испытала, что опрометчивостію своею въ прежнихъ негоціаціяхъ ея и устраниеніемъ отъ оныхъ союзныхъ или благопріятствующихъ ей дворовъ, была она жертвою коварства и изво-

ротовъ здѣшнихъ негосіаторовъ. Сіе замѣчаніе не оставилъ я сообщить послу В. И. В-а въ Лондонъ и просилъ его, чтобы онъ старался уговорить министерство Англинское послать предписание лорду Корнвалису или г. Жаксону, дабы они имѣли со мною сношенія по дѣламъ Италіи. Между тѣмъ получилъ я чрезъ него высочайшій рескриптъ В. И. В-ва отъ 8-го, а другой по почтѣ отъ 14 минувшаго Ноября, касательно предполагаемаго возстановленія ордена Мальтійскаго въ прежнемъ бытіи его и удаленія бывшаго великаго магистра Гомпеша отъ возстановленія его въ семь достоинствъ. Я предупредилъ сіе повелѣніе В. И. В-ва, предъявивъ неоднократно Талейрану рѣшимость Вашу какъ на то, такъ и на другое, подкрѣпляя сіе послѣднее тѣмъ, что послѣ изданныхъ блаженныя памяти Родителемъ Вашимъ манифестовъ, достоинство Ваше не дозволеть вамъ уступить право, отъ него на Мальту наслѣдованное, въ пользу человѣка, котораго онъ отринулъ и которой по общей извѣстности, при сдачѣ острова Мальты Французамъ, не соблюлъ ни долга чести, ни обязанности въѣреннаго ему мѣста. Талейранъ, оспаривая весьма слабо разсужденія сіи, старался болѣе возбудить жалость и милосердіе В. И. В-ва къ сему человѣку, поверженному по словамъ его въ крайнюю нищету и существующему теперь единою щедротою и милостынею перваго консула. Касательно же видовъ В. И. В-ва о новомъ устроении бытія Мальтійскаго ордена нашелъ онъ ихъ согласными съ видами перваго консула, но изъявилъ опасеніе свое о согласіи Мадритскаго двора по причинѣ недобротства его Неаполитанскому и заключилъ разговоръ сей увѣреніями, что съ ихъ

стороны будетъ соблюдено тутъ все, что можетъ служить къ угодности и охраненію достоинства В. И. В-ва.

Къ сему прошенію послужило поводомъ полученное мною письмо изъ Клагенфурта отъ главнаго пріора, Французскаго герцога де-Берри съ приложеніемъ созывныхъ здѣшнимъ кавалерамъ грамотъ на избраніе великаго магистра. Письмо сіе пришло по почтѣ и потому было уже здѣшнему министерству извѣстно, не дойдя еще до рукъ моихъ; слѣдовательно и почелъ я нужнымъ изъясниться прямо о содержаніи его съ Талейраномъ и требовать его мнѣнія о способѣ доставленія сихъ грамотъ. Онъ не скрылъ отъ меня, что первый консулъ желалъ бы, чтобы Франція имѣла по прежнему участіе въ существѣ сего ордена; но что теперь приступить къ сему и кавалерамъ собраться въ здѣшнихъ предѣлахъ дозволить еще не можетъ. Я не постоялъ на семъ по двумъ убѣжденіямъ; первое то, что Талейранъ, да и самъ консулъ сдѣлать сего не могутъ, а второе, что еслибы и сыскалось средство составить такое собраніе въ здѣшной области, то выборъ здѣшнихъ кавалеровъ наклоненъ былъ бы конечно на того-же Гомпеша; а сверхъ того поѣздка въ Ліонъ и созданная туда Сизальпинская консульта такъ овладѣли умомъ и мыслями перваго консула и министерства его, что ни на какой другой предметъ обратить вниманія ихъ было невозможно. Но что за предметъ самого собранія сего? Въ публикѣ положительно извѣстно только то, что Сизальпинская республика, постановя форму правленія своего и получа на оную одобреніе перваго консула, предоставила ему избраніе главнѣйшихъ чиновниковъ своихъ. Консулъ требовалъ, чтобы

первѣйшіе люди оной изъ всѣхъ состояній съѣхались въ Ліонъ, гдѣ, узнавъ ихъ лично, будетъ онъ въ состояніи учинить такой выборъ. Но умствующие въ подобныхъ случаяхъ люди заключаютъ тутъ намѣреніе его поставить себя по общему всего собранія восклицанію первымъ консуломъ Сизальпины; другіе прочатъ къ сему брата его Людвигу, котораго онъ на сихъ дняхъ женилъ на дочери жены своей; третьи считаютъ, что тамъ рѣшится жребій Италіи, короля Сардинскаго и Швейцаріи. Наконецъ нѣкоторые думаютъ, что все сіе происходитъ отъ того, что первый консулъ читалъ въ Запискахъ Юлія Кесаря, что когда онъ начальствовалъ въ Галлахъ, то въ томъ же Ліонѣ было такое же собраніе, на коемъ Юлій Кесарь назначилъ разныхъ начальниковъ въ Сизальпину. Впрочемъ хотя ежедневно разглашаютъ въ Парижѣ, что онъ не только ѣдетъ, но уже уѣхалъ, однакоже онъ еще по сей день здѣсь находится. Не прежде какъ по возвращеніи его и Талейрана могу я быть въ состояніи довести В. И. В-ву, въ чемъ состоятъ виды ихъ на будущее устройство Италіи; по сіе время какъ изъ стороннихъ свѣдѣній, такъ и изъ ихъ отзывовъ рѣшительно ничего сказать не можно

Парижъ
28 Дек. 1801 (9 Янв. 1802)

V.

Sire! Le premier consul est enfin parti pour Lyon avant-hier dans la nuit, emmenant avec lui m-me Bonaparte. Son absence, à ce qu'il a annoncé, ne doit durer que douze ou quinze jours et nécessitera naturellement une grande célérité dans son voyage, et comme il en fait partager les fatigues à sa femme, bien des personnes se confirment dans l'opi-

nion qu'il lui en procurera l'adoucissement dans l'exhaussement de son nouveau gendre Louis Bonaparte au rang de premier consul de Cisalpine. Il serait peut-être plus simple de croire que, se proposant d'étaler un certain faste pendant son séjour à Lyon, il ne l'a conduite avec lui que pour l'aider à en faire les honneurs. Le tems n'est pas éloigné où toutes les opinions seront fixées par la notoriété publique. Mais ce qui est certain, c'est que ce voyage a été longtems retardé par des embarras que le premier consul a éprouvé dans l'exercice de son gouvernement. A plusieurs généraux mécontents du despotisme qu'il affecte, peut-être imprudemment, depuis ses négociations pour la paix, se sont réunis beaucoup de membre du Corps Législatif et du Tribunat. C'est l'époque où doit s'exécuter l'élimination du cinquième des membres, qui composent ces deux autorités. Bonaparte, averti de la mauvaise volonté de ces corps envers lui, vient de frapper un coup d'autorité en conférant au Sénat le pouvoir de ne procéder au mode d'exécution pour cette élimination, se fondant sur ce que la constitution n'a rien statué à ce sujet et a laissé la question dans une espèce de vague.

Il avait déjà marqué son mécontentement à ces deux corps, en leur retirant quelques jours auparavant la discussion du code civil, que le gouvernement leur avait présenté, sous prétexte, que le tems n'était pas encore venu où l'on apporterait l'unité d'intention et le calme nécessaires à la discussion de ces grands intérêts.

L'humeur du premier consul est motivée par les tentatives du Tribunat et du Corps Législatif pour placer au Sénat-conservateur des ennemis du gouvernement en général et de sa personne en particulier. Déjà ils avaient fait élire l'ex-

prêtre Grégoire, Jacobin exécré du public, et ils présentaient encore Daunon noté pour sa haine contre le premier consul, sur le compte duquel il a tenu des propos fort peu mesurés.

C'est pour punir cette mauvaise volonté que Bonaparte a cherché à paralyser ces deux corps, en leur ôtant la discussion d'un code attendu avec impatience.

Tous ces actes d'autorité n'ont pas laissé que d'exciter beaucoup de murmures, mais cependant sans compromettre la sûreté du premier consul qui paraît les mépriser hautement. Le ministre de la police en parle aussi sur un ton fort rassurant; mais il est bien étonnant que cet homme se permette à cette occasion des propos tels que ceux qu'il tint en dernier lieu à m-r Jackson, ministre d'Angleterre et à moi, disant que malgré la sûreté qu'il y avait actuellement pour Bonaparte, il était persuadé cependant que si jamais il avait le projet de se faire proclamer roi ou d'en faire proclamer un autre, il serait poignardé.

Le mariage de m-lle Beauharnais avec Louis Bonaparte a été béni par le cardinal Caprara dans une chapelle des Tuileries, et à cette même occasion le général Murat, qui avait épousé civilement il y a une année la soeur du premier consul et dont la femme était près d'accoucher, a reçu aussi la bénédiction nuptiale de la même main et en face de l'église.

La catholicité que professe ou qu'affecte de professer le premier consul ne laisse pas que d'exaspérer encore davantage les Jacobins ou les prétendus philosophes, et il paraît que cette disposition lui en impose, puisqu'il n'a pas jusqu'à présent osé produire le concordat avec la cour de Rome.

Paris ce 30 Décembre 1801 (11 Janvier 1802).

Переводъ донесенія отъ 30 Декабря 1801
(11 Января 1802).

Всемилоствѣйшій Государь!

Первый консулъ наконецъ уѣхалъ въ Лионъ третьяго дня въ ночь, взявъ съ собою г-жу Бонапарте. Его отсутствіе, по его словамъ, должно продолжаться всего отъ 12-ти до 15-ти дней и потребуетъ, разумѣется, необыкновенной быстроты въ путешествіи; а такъ какъ онъ подвергаетъ этому утомленію свою жену, то многіе присоединяются къ тому мнѣнію, что онъ доставитъ ей нѣкоторое услажденіе возведеніемъ ея новаго зятя Луи Бонапарта на степень перваго консула Цизальпинской республики. Было бы, можетъ, естественнѣе предполагать, что, намѣреваясь выказать нѣкоторую пышность во время своего пребыванія въ Лионѣ, онъ увезъ её съ собою для содѣйствія въ его приѣмахъ. Въ близкомъ будущемъ всё мнѣніе опредѣлится путемъ всеобщаго соглашенія. Но достовѣрно то, что это путешествіе было долгое время отсрочиваемо, вслѣдствіе затрудненій, испытанныхъ первымъ консуломъ при выполненіи его правительственныхъ обязанностей. Къ нѣсколькимъ генераламъ, кои недовольны тѣмъ деспотизмомъ, который онъ быть, можетъ даже неосторожно, обнаруживаетъ со времени переговоровъ о мирѣ, присоединились многіе члены Законодательнаго Корпуса и Трибуната. Нынѣ наступила минута, когда надлежитъ исключить пятого изъ членовъ, образующихъ эти двѣ власти. Бонапартъ, узнавъ о дурномъ расположеніи этихъ учрежденій къ его особѣ, явилъ нынѣ примѣръ самовластия, представивъ Сенату власть установить способъ исполненія для означеннаго исключенія, основываясь на томъ, что конституція ничего не постановила на этотъ счетъ и оставила этотъ вопросъ въ какомъ-то неопредѣленномъ состояніи.

Онъ уже выразилъ свое неудовольствіе этимъ двумъ учрежденіямъ, лишивъ ихъ нѣсколько дней тому назадъ права обсуждать гражданскій кодексъ, предоста-

вленный имъ правительствомъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что не наступило еще времени, когда при обсужденіи столь важныхъ интересовъ можетъ выразиться единеніе въ намѣреніяхъ и требуемое спокойствіе духа.

Неудовольствіе перваго консула основывается на сдѣланныхъ Трибунатомъ и Законодательнымъ Корпусомъ попыткахъ помѣстить въ консервативный Сенатъ нѣкоторыхъ противниковъ правильства вообще и его особы въ особенности. Имъ уже удалось провести избраніе бывшаго священника Грегуара, ненавистнаго обществу Якобинца, и они еще представляли Донона, извѣстнаго своею ненавистью къ первому консулу, на счетъ котораго онъ позволялъ себѣ весьма неумѣренные выходки.

Въ видахъ возмездія за это враждебное настроеніе, Бонапартъ старался ослабить эти два учрежденія, лишивъ ихъ права обсуждать законоположеніе, ожидаемое съ нетерпѣніемъ.

Подобныя проявленія власти способствовали къ возбужденію сильнаго ропота, не подвергая впрочемъ опасности положеніе перваго консула, который повидимому относится къ нему съ открытымъ презрѣніемъ. Министръ полиціи также выражается въ весьма увѣренномъ тонѣ; но чрезвычайно удивительно, что этотъ человекъ дозволяетъ употребить себѣ по этому случаю такіа изрѣченія, какія онъ недавно высказалъ г. Жаксону, Англійскому министру и мнѣ, говоря, что, не взирая на безопасность Бонапарта въ настоящую минуту, онъ однако увѣренъ, что онъ былъ бы умерщвленъ, еслибы вздумалъ когда нибудь провозгласить себя или кого либо другаго королемъ.

Брачный союзъ дѣвницы Богарне съ Лудовикомъ Бонапартомъ былъ благословенъ кардиналомъ Капрара въ Тюльерійской капеллѣ, и по этому же случаю генералъ Мюрать, который годъ тому назадъ сочетался гражданскимъ бракомъ съ сестрою перваго консула и котораго жена приближалась къ родамъ, также

принялъ брачное благословеніе изъ тѣхъ же рукъ передъ алтаремъ.

Католицизмъ, исповѣдуемый или намѣренно выказываемый первымъ консуломъ, еще болѣе раздражаетъ Якобинцевъ или мнимыхъ философовъ, и повидимому это настроеніе устрашаетъ его, потому что онъ не дерзнулъ до сихъ поръ предъявить конкордатъ, заключенный съ Римскимъ дворомъ.

Парижъ
30 Дек. 1801 г. (11 Янв. 1802 г.)

VI.

Sire! L'accueil qu'a fait le ministre des relations extérieures aux premières ouvertures que je lui ai faites par ordre de V. M. I. des bases qu'Elle proposait pour l'arrangement de l'affaires des indemnités en Allemagne et dont j'ai rendu compte dans ma dépêche à m-r le c-te de Kotchoubey en date du $\frac{3}{15}$ Février, m'avait fait espérer qu'en expédiant aujourd'hui mon courrier je serais à même de faire un rapport décisif des déterminations de ce cabinet-ci à ce sujet; mais ayant revu le ministre au bout de huit jours et ayant remis le même objet sur le tapis, j'ai entendu un langage tout différent du précédent. C'étaient des divagations générales sur la conformité des tableaux que je lui avais remis avec ceux que la cour de Vienne avait présentés, tandis que le premier consul s'attendait à de nouvelles idées; c'était une difficulté de concilier les prétentions des parties intéressées qu'on affectait de vouloir ménager; c'est défaut de tems, tout absorbé par l'attention que demande le congrès d'Amiens et qui ne permet pas au premier consul, tant que ce congrès n'est pas terminé, de s'occuper de cette question avec la maturité de réflexion qu'elle exige, et en dernière analyse m-r de Talleyrand m'a déclaré que l'on ne l'en-

tammerait sérieusement qu'après l'affaire d'Amiens achevée.

Le c-^{te} de Cobenzl, ambassadeur d'Autriche, n'a pas été plus heureux que moi dans les tentatives qu'il avait faites pour entrer en matière. Il ne s'est pas contenté de parler, comme j'ai eu l'honneur de rendre compte dans mon rapport du même $\frac{3}{15}$ Février: il a remis une nôte d'après le projet qu'il m'avait communiqué et dont je joins ici une copie, mais il n'a encore jusqu'à présent reçu aucune réponse.

Cependant, instruit par le baron de Krüdner que les négociations entre la cour de Berlin et ce cabinet étaient en pleine activité et que quelques objets y étaient clairement articulés et énoncés, j'en ai parlé à m-r de Talleyrand, provoquant sa confiance par celle que V. M. I. lui marquait, en lui communiquant Ses sentimens et Ses opinions. Mais il a tout désavoué, traitant ces négociations de simples pourparlers, qui ne devaient tendre qu'à éclaircir la matière et promettant de ne rien conclure que dans un parfait concert avec V. M. I. Toutefois il n'a pas pu disconvenir qu'en effet il avait fait faire à cette cour-là quelques ouvertures par rapport au Meklembourg; mais ce fut, disait-il, pour s'assurer si elle conservait encore les idées que Frédéric II avait fait apercevoir à cet égard.

Toutes les lenteurs, avec les quelles on procède ici à l'arrangement définitif de ces affaires d'Allemagne, n'indiquent que trop le projet d'y prolonger la confusion, d'engourdir et d'enchaîner les cours par l'espoir d'obtenir des lots plus ou moins considérables selon le plus ou moins de déférence qu'elles montreront pour les plans ultérieurs de ce pays-ci, pour frapper encore un coup semblable à celui de la Cisalpine. Ce coup ne peut por-

ter que sur la Suisse et s'annonce déjà par le prélude des actes d'autorité et de vexations qu'on y exerce. J'en ai également rendu compte dans ma dépêche du 29 Nov. (11 Dec. 1801) et dont le duplicata accompagne cette expédition.

L'opération de la Cisalpine a excité beaucoup de murmures dans Paris. Bien des personnes de sens et de jugement y ont vu le germe d'un prochain renouvellement de la guerre. Le premier consul, informé de ces murmures, se hâta de rédiger lui même un écrit à ce sujet et le fit inscrire dans les papiers publics. Je l'en ai fait extraire et le soumetts ici à la connaissance de V. M. I., s'il n'y est déjà parvenu par la voie de l'impression.

Si cet écrit est bien calculé pour calmer la fermentation des cafés, il ne l'est point assez pour dissiper les alarmes et les craintes des cabinets. On le sent ici parfaitement bien; mais on est sûr d'imposer aux états voisins par l'appareil de la force, et on se flatte d'endormir ceux qui sont encore hors de son atteinte par de fausses démonstrations d'égards et de considération jusqu'à ce que tout eut croulé autour d'eux. Tel est nommément le plan adopté vis-à-vis de V. M. I-le.

Le général Hédouville part demain, chargé probablement de le mettre en exécution. Il emmène avec lui pour copérateurs une colonie entière, savoir deux secrétaires d'ambassade, deux aides-de-camp et huit élèves. Très probablement aussi il ouvrira ses négociations par la proposition d'un traité de commerce, auquel on attache ici la plus grande importance et avec raison, puisqu'il facilitera beaucoup le rétablissement de la marine française, dont on s'occupe avec la plus grande sollicitude, comme d'un moyen indispensable non

seulement pour consolider, mais pour agrandir encore le colosse de puissance déjà existant. Aux ouvertures qui m'ont été faites relativement à ce même objet, j'ai toujours répondu que quelque disposée que soit V. M. I. à étendre Ses relations avec la France, elles ne doivent et ne peuvent être qu'une suite de l'établissement d'un système général en Europe qui fixe d'une manière stable et solide à chaque état ses limites et ses bornes et lui assure une tranquillité et une paix durable, et qu'aussi longtemps que le sort de l'Allemagne et celui de l'Italie resteront incertains, V. M. ne saurait regarder que comme précaire ou secondaire tout autre objet de Ses engagements avec la France. Je ne sçais si, en tenant ce langage, j'ai saisi l'intention de V. M. I.; mais il m'a semblé en effet, qu'Elle avait celle de ne contracter d'engagement avec aucune puissance qu'après le débrouillement de chaos actuel. Le système, adopté dans Sa sagesse, me paraît selon mon faible jugement propre à remplir le double but et à contenir l'ambition démesurée de la France et de relever l'esprit des autres cabinets, trop affaîssés sous le joug qui pèse sur eux et qui ne verront qu'avec un nouveau découragement et une nouvelle crainte toute espèce de liaison qu'Elle formerait avec ce-pays ci. Déjà la cour de Londres en montre une espèce de jalousie, et son ministre résidant ici le sieur Jackson m'a témoigné beaucoup d'inquiétude au sujet de la lettre de m-r de Talleyrand au maire de Lion par la quelle il lui annonce (sans doute avec exagération) les avantages que V. M. I. promettait dans Ses états au commerce français. Pour tranquilliser m-r Jackson sur ce sujet, j'ai cru devoir lui montrer le passage de la lettre de V. M. au premier consul, qui en faisait mention.

Enfin ce ministre anglais a reçu ordre de sa cour de faire une démarche en faveur de l'admission du ministre du roi de Sardaigne à Paris pour traiter des intérêts de son maître. Il s'en est acquitté hier et est venu me dire qu'elle a été aussi infructueuse que toutes celles que j'ai faites à ce même sujet et à différentes reprises. Il me paraît que le sort de ce prince est tout à fait décidé, malgré que m-r d'Hédouville, à qui j'en ai parlé discoursivement, m'eut dit que le premier consul ferait à cet égard et au moment où V. M. s'y attendrait le moins, quelque chose qui Lui serait assurément agréable. Mais ce sont des paroles aux quelles je ne crois devoir prendre aucune confiance.

Le marquis de Gallo, ambassadeur de Naples, quoiqu'il n'eut point encore eu ses audiences auprès du premier consul, n'en a pas moins parlé au ministre des relations extérieures au sujet de l'évacuation du territoire Napolitain par les troupes françaises; mais il a reçu la même réponse que moi, également tendante à remettre la chose à l'issue du congrès d'Amiens. La marche de ce congrès, enveloppée dans l'ombre du plus profond secret, étonne par sa durée, lorsque l'on considère l'étendue des préliminaires, signés à Londres et qui ont réglés presque définitivement tous les objets principaux. Il faut cependant qu'il y existe quelques difficultés, sur la nature des quelles il n'y a cependant que des conjectures. Quelqu'un des parens de la famille de Joseph Bonaparte, à qui le marquis de Gallo témoignait l'espoir de voir bientôt ce dernier à Paris, lui répondit que cela ne serait pas de sitôt. Cependant le premier consul, dans ses entretiens avec les gens en place, leur annonce la fin du congrès comme très prochaine. M-r de Talleyrand tient le même langage, en y ajoutant seule-

ment, qu'il était survenu quelques doutes par rapport à Malte et à cause d'une députation que les habitans de l'isle ont envoyé à Londres pour manifester leur désir de ne point retourner sous la domination de l'Ordre, comme ayant été de tout tems très oppressive pour eux; mais qu'on avait aplani cette difficulté et ramené la question à ses premiers errements. On m'a dit que le premier consul songeait lui-même à aller à Amiens, pour y presser la marche de la négociation et qu'il y avait même fait filer une partie de sa garde; mais je n'ai pas pu m'assurer de la vérité de ce fait.

à Paris ce $11\frac{1}{23}$ Février 1802.

Переводъ донесенія отъ 11 (23) Февраля 1802 года.

Всемилоствѣйшій Государь!

Приемъ, сдѣланный министромъ иностранныхъ дѣлъ первоначальнымъ объясненіемъ, даннымъ мною по приказанію В. И. В-ва относительно тѣхъ основаній, которыя Вамъ угодно было предложить для разрѣшенія вопроса о вознагражденіяхъ въ Германіи (о чемъ мною было донесено въ моей депешѣ къ графу Кочубею отъ $\frac{3}{15}$ Февраля) подавалъ мнѣ надежду, что, отправляя сегодня курьера, я буду въ состояніи представить рѣшительное донесеніе о намѣреніяхъ этого кабинета на этотъ счетъ; но, увидѣвшись съ министромъ восемь дней спустя и возобновивъ разговоръ по этому предмету, я услышалъ рѣчь вполне несогласную съ прежнею. То были уже общія разсужденія о сходствѣ представлений, сдѣланныхъ ему мною, съ тѣми, которыя были предложены Вѣнскимъ дворомъ. Тогда первый консулъ ожидалъ какихъ либо новыхъ идей; казалось затруднительнымъ согласить требованія заинтересованныхъ сторонъ, съ которыми желали повидимому жить въ согласіи. Висюю тому недостатку времени, поглощеннаго тѣмъ вниманіемъ, котораго требуетъ Аміенскій конгрессъ,

не позволяющій первому консулу, впредъ до окончанія этого конгресса, заняться этимъ вопросомъ съ надлежащею зрѣлостію размышленія, и въ заключеніе г. Талейранъ объявилъ мнѣ, что къ серіозному обсужденію его приступятъ лишь по завершеніи Аміенскаго дѣла.

Графу Кобенцелю, Австрійскому посланнику, посчастливилось не болѣе много въ попыткахъ, сдѣланныхъ имъ къ началю переговоровъ. Онъ не ограничился одними разговорами, какъ я имѣлъ честь доносить въ моей депешѣ отъ того-же $\frac{3}{15}$ Февраля, но представилъ ноту, согласно съ сообщеннымъ мнѣ проектомъ, копію съ котораго я при семъ прилагаю, и до сихъ поръ онъ не получилъ никакого отвѣта.

Впрочемъ, извѣстия черезъ барона Крюднера, что переговоры между Берлинскимъ и здѣшнимъ дворомъ въ полномъ разгарѣ и что нѣкоторые вопросы были уже имъ ясно выражены и опредѣлены, я сообщилъ о томъ г. Талейрану, стараясь вызвать его довѣріе въ отвѣтъ на ту довѣренность, которую В. И. В. изволили оказывать ему, сообщая о Вашихъ чувствахъ и намѣреніяхъ. Но онъ отрекся отъ всего, относясь къ этимъ переговорамъ какъ къ простымъ совѣщаніямъ, имѣющимъ въ виду лишь разъясненіе вопроса и общалъ не приступать ни къ какому окончательному заключенію иначе, какъ при полнѣйшемъ соглашеніи съ В. И. В. Однако онъ не могъ не сознаться, что имъ были сдѣланы этому двору нѣкоторыя предложенія по поводу Меклембурга; но съ тою лишь цѣлью, говорилъ онъ, чтобы увѣриться, сохраняеть-ли онъ еще тѣ намѣренія, которыя Фридрихъ II обнаруживалъ на этотъ счетъ.

Всѣ эти промедленія, съ которыми приступаютъ здѣсь къ окончательному устройству Германскихъ дѣлъ, слишкомъ ясно доказываютъ мнѣ ихъ намѣреніе продлить въ нихъ неурядицу, отуманить и завлечь всѣ эти дворы надеждою на большій или меньшій выигрышъ, смотря по большей или меньшей долѣ ихъ

уступчивости въ вопросѣ о будущихъ планахъ здѣшной страны, съ тѣмъ, чтобы совершить еще переворотъ, подобный Цизальпинскому. Этотъ ударъ можетъ разразиться только надъ Швейцарією, и предвѣстниками его уже служатъ тѣ произвольныя и стѣснительныя дѣйствія, которыя тамъ совершаются. Я уже доносилъ о томъ въ моей депешѣ отъ 29 Ноября (11 Дек.) 1801 г., копія съ которой при семъ прилагается.

Цизальпинская операція возбудила сильный ропотъ въ Парижѣ. Многія здравомыслящія и благоразумныя личности признавали въ этомъ зародышъ скорого возобновленія войны. Первый консулъ, узнавъ объ этихъ неудовольствіяхъ, поспѣшилъ составить самъ статью по этому предмету и велѣлъ напечатать ее въ официальныхъ изданіяхъ. Я поручилъ сдѣлать изъ нея извлеченіе и представляю ее здѣсь на благоусмотрѣніе В. И. В-ва, если она еще не дошла до Васъ путемъ печати.

Если эта статья еще можетъ нѣсколько успокоить броженіе въ кофейняхъ, то она недовольно дѣйствительна, чтобы разсвѣять смущеніе и опасенія кабинетовъ. Это сознаютъ здѣсь вполне; но при этомъ увѣрены, что могутъ устрашить сосѣднія государства вооруженною обстановкою силы и льстятъ себя надеждою, что могутъ усыпить всѣхъ, остающихся еще внѣ ихъ вліянія, ложными выраженіями уваженія и вниманія, покуда все не рухнетъ вокругъ. Таковъ именно образъ дѣйствій, усвоенный по отношенію къ В. И. В-ву.

Генералъ Гедувилль (Hédouville) отправляется завтра, вѣроятно, чтобы приводить этотъ планъ въ исполненіе. Онъ увозитъ съ собою, въ качествѣ сотрудника, цѣлую колонію, а именно двухъ секретарей, двухъ адъютантовъ и восемь воспитанниковъ. Онъ вѣроятно начнетъ свои переговоры съ предложенія заключить торговый трактатъ, которому приписываютъ здѣсь величайшее значеніе, и весьма справедливо, потому что онъ много будетъ способствовать къ

возстановленію Французскаго флота, на что обращено здѣсь особенное вниманіе, какъ на средство, необходимое не только для упроченія, но даже для усиленія уже существующаго колосса силы. На всѣ предложенія, дѣланныя мнѣ съ этою цѣлью, я постоянно отвѣчалъ, что при всей готовности В. И. В-ва расширить свои отношенія къ Франціи, они не должны и не могутъ быть ничѣмъ инымъ, какъ послѣдствіемъ утвержденія одной общей системы для всей Европы, способной опредѣлить положительнымъ и прочнымъ образомъ для каждаго государства его границы и предѣлы и упрочить за нимъ долготѣйшій миръ и спокойствіе и что покуда судьбы Германіи и Италіи остаются непредѣленными, В. В-о не можете не считать всякій другой предметъ Вашихъ обязательствъ относительно Франціи чѣмъ-то сомнительнымъ и второстепеннымъ. Выражаясь такимъ образомъ, не знаю я, понялъ-ли намѣренія В. И. В.; но мнѣ дѣйствительно казалось, что они заключались въ томъ, чтобы не вступать ни въ какія обязательства съ какою-бы то ни было державою, прежде чѣмъ настоящій хаосъ будетъ распутанъ. Эта система, указанная Вашею мудростью, представляется мнѣ, по крайнему моему разумію, способною достигнуть двойной цѣли: обуздать безмѣрное честолюбіе Франціи и ободрить духъ остальныхъ кабинетовъ, слишкомъ подавленныхъ тяготѣющимъ надъ ними ярмомъ и готовыхъ встрѣтить съ новымъ отчаяніемъ и новыми опасеніями всякое Ваше сближеніе съ здѣшнею страной. Лондонскій дворъ уже высказываетъ нѣкоторую зависть, и его министръ-резидентъ г. Жаксонъ выразилъ мнѣ сильное несогласіе по поводу письма г. Талейрана къ Лионскому меру, гдѣ онъ возвѣщаетъ ему, вѣроятно въ преувеличенномъ видѣ, тѣ выгоды, которыя В. И. В-у угодно было обѣщать для Французской торговли въ Вашихъ владѣніяхъ. Чтобы успокоить г. Жаксона на этотъ счетъ, я счелъ нужнымъ

показать ему то мѣсто изъ письма В. И. В-а къ первому консулу, гдѣ о томъ упоминается.

Наконецъ этотъ Англійскій министръ получилъ приказаніе отъ своего двора сдѣлать попытку къ тому, чтобъ министръ Сардинскаго короля былъ допущенъ въ Парижъ для переговоровъ объ интересахъ своего государя. Онъ это исполнилъ и пріѣхалъ сообщить мнѣ, что эта попытка оказалась столь-же безплодною, какъ и всѣ тѣ, которыя дѣлались мною неоднократно по этому предмету. Мнѣ кажется, что участь этого государя уже вполнѣ рѣшена, не смотря на то, что г. Гедувиль, съ коимъ я недавно говорилъ объ этомъ, увѣрялъ меня, что первый консулъ намѣренъ совершить въ этомъ отношеніи и въ такую минуту, когда В. В. всего менѣе будете того ожидать, нѣчто положительно Вамъ угодное. Но это одни слова, которымъ я не считаю возможнымъ придавать какое нибудь довѣріе.

Маркизь Галло (de Gallo), Неаполитанскій посланникъ, хотя онъ не имѣлъ еще аудіенціи у перваго консула, говорилъ уже однако съ министромъ иностранныхъ дѣлъ объ очищеніи Неаполитанскихъ владѣній отъ Французскихъ войскъ; но онъ получилъ тотъ-же отвѣтъ, какъ и я, т. е. чтобъ отсрочить этотъ вопросъ до окончанія Аміенскаго конгресса. Продолженіе этого конгресса, окруженнаго мракомъ величайшей тайны, удивляетъ своею продолжительностью, если принять во вниманіе подробное содержаніе предварительныхъ переговоровъ, подписанныхъ въ Лондонѣ, гдѣ уже почти окончательно были рѣшены главные предметы. Должны-же однако существовать какія нибудь затрудненія, на счетъ которыхъ имѣются впрочемъ лишь одни только предположенія. Одинъ изъ родственниковъ семейства Юсіфа Бонапарта, которому маркизь Галло выражалъ надежду скорѣ увидѣть сего послѣдняго въ Парижѣ, возразилъ ему, что это еще не такъ скоро совершится. Впрочемъ первый консулъ, въ своихъ

разговорахъ съ должностными лицами, возвѣщаетъ окончаніе этого конгресса въ весьма близкомъ будущемъ. Г. Талейранъ повторяетъ тоже самое, присовокупляя лишь къ тому, что тамъ произошли какія-то недоумѣнія относительно Мальты, по поводу депутаціи, отправленной съ этого острова въ Лондонъ, чтобы выразить ихъ желаніе не возвращаться подъ владычество Ордена, будтобы ихъ постоянно угнетавшаго; но что это затрудненіе было устранено, и вопросъ этотъ вновь обращенъ къ своимъ первымъ основаніямъ. Мнѣ даже сказывали, что первый консулъ намѣревался лично отправиться въ Аміенъ, чтобы ускорить ходъ переговоровъ и что онъ направилъ туда часть своей гвардіи; но мнѣ не удалось еще удостовѣриться въ истинѣ этого извѣстія.

Парижъ

1¹/₂₃ Февраля 1802 г.

VII.

Sire! Dans mes entretiens avec le c-те Cobenzl au sujet des indemnités, j'ai observé qu'il bornait ses confidences aux seuls objets dont sa cour avait fait part à V. M. I., et on dit cependant qu'il est question entre les cabinets de Vienne et des Tuileries d'une négociation qui a pour objet de faire céder à l'Autriche par la république Helvétique la partie des Grisons appelée l'Engadine, au moment où le Sénat de Berne sera forcé d'accéder aux usurpations de la France dans le Valais, où, au mépris de tous les traités, le général Thurcan, non content d'être installé de force dans cette province, y exerce encore un despotisme qui met à découvert l'esprit de ce gouvernement. C'est au moyen d'exécutions militaires que Thurcan a vaincu la résistance de tous les fonctionnaires publics qui n'ont cessé de protester contre leurs déplacemens et qui sont remplacés aujourd'hui par des agens de la France.

Le Sénat Helvétique fait d'inutiles représentations contre cette violence; elles ne sont point écoutés, et en même tems que Verninac demande ouvertement la cession légale du Valais à la France, il insinue aux membres du gouvernement que lui sont dévoués la nécessité où la France sera pour s'assurer la tranquille possession du Valais de faire céder à l'Autriche l'Engadine qui touche à ses possessions actuelles. Le ministre Autrichien qu'on attend à Berne sera probablement chargé de finir cette affaire à la quelle les Suisses seront forcés de consentir le jour où on les menacera, comme ils s'y attendent, d'une nouvelle armée française sur leur territoire.

Paris le 12/24 Février 1802.

Переводъ донесенія отъ 12 (24) Февраля 1802 года.

Всемилоствѣйшій Государь!

Въ моихъ разговорахъ съ графомъ Кобенцелемъ по вопросу о вознагражденіяхъ, я примѣтилъ, что онъ ограничивалъ свои объясненія только тѣми предметами, о которыхъ его дворъ уже сообщалъ В. И. В-ву; а между тѣмъ есть слухи, что между Вѣнскимъ и Тюльерійскимъ кабинетами существуютъ переговоры съ цѣлью уступить Австріи со стороны Швейцарской республики часть Гризонскаго кантона, именуемой Енгадинъ, въ тотъ моментъ, когда Бернскій Сенатъ будетъ вынужденъ согласиться на вторженіе Франціи въ Вале (Valais), гдѣ, на перекоръ всѣмъ трактатамъ, генераль Тюрканъ, не довольствуясь тѣмъ, что онъ силою водворился въ этой области, проявляетъ свой деспотизмъ, который изобличаетъ направленіе его правительства. Съ помощью военнаго насилія генераль Тюрканъ сломилъ всякое противодѣйствіе должностныхъ лицъ, которыя продолжали протестовать противъ ихъ увольненія и заѣннены нынѣ Французскими агентами.

Швейцарскій Сенатъ напрасно возражаетъ противъ этого насилія; этимъ возраженіямъ не внимаютъ, и Верниакъ, настаивая открыто на формальной уступкѣ Франціи кантона Вале, намекаетъ нѣкоторымъ членамъ правительства, ему преданнымъ, что Франція будетъ поставлена въ необходимость, въ видахъ обезпеченія для нея спокойнаго пользованія провинціею Вале, настоять на уступкѣ Австріи Енгадина, прилегающаго къ ея нынѣшнимъ владѣніямъ. Австрійскому министру, ожидаемому въ Бернъ, вѣроятно поручено будетъ окончить это дѣло, на которое Швейцарцы будутъ вынуждены согласиться въ тотъ день, когда имъ, согласно съ ихъ ожиданіемъ, пригрозятъ появленіемъ новой Французской арміи на ихъ границѣ.

Парижъ
12/24 Февраля 1802 г.

VIII.

Sire! J'ai fait différens rapports à V. M. I. des démarches que j'ai faites pour obtenir du baron de Nordmann, envoyé extraordinaire de s. alt. sérénissime le duc de Wurtemberg, les audiences qu'il sollicitait auprès du premier consul. Tous mes efforts, combinés avec ceux de l'ambassadeur d'Autriche, ont été vains jusqu'à ce que m-r de Nordmann eut trouvé par les entours du ministre Talleyrand le secret de nouer une négociation d'un traité, prétendu de paix, dans lequel seraient déterminées les indemnités de m-r le duc. Le prix de ces concessions a été fixé à deux millions de livres qui seraient payées à m-r Talleyrand, aussitôt que ces concessions seraient réalisées. Le b. de Normann m'a fait confidence lui-même de ce marché, mais il n'aura ses audiences que lorsque ce traité sera parvenu à son entière confection.

Paris 3/15 Avril 1802.

Переводъ донесенія отъ 3 (15) Апрѣля
1802 года.

Всемилоствѣйшій Государь!

Я неоднократно доносилъ В. И. В-у о тѣхъ мѣрахъ, которые принимались мною, чтобы добиться для барона Нордмана, чрезвычайнаго посланника его высочества герцога Виртембергскаго, аудіенціи, которую онъ испрашивалъ у перваго консула. Всѣ мои старанія, въ связи съ таковыми же со стороны Австрійскаго посланника, были напрасны до той поры, покуда г. Нордманъ съ помощью окружающихъ г. Талейрана не нашелъ секрета завязать переговоры о мнимомъ мирномъ договорѣ, которымъ имѣлось въ виду опредѣлить вознагражденія, падающія на долю герцога. Цѣна этихъ уступокъ была опредѣлена въ два милліона ливровъ, имѣющихъ быть уплаченными г. Талейрану немедленно по приведеніи въ исполненіе этихъ уступокъ. Баронъ Нордманъ самъ сообщилъ мнѣ объ этомъ торгѣ, но ему будутъ даны аудіенціи лишь тогда, когда этотъ трактатъ будетъ совершенно слагенъ.

Парижъ
¼, Апрѣля 1802 г.

IX.

Sire! Dans un entretien que j'ai eu avec m-r Talleyrand il y a quatre jours il m'a informé qu'il avait des nouvelles de Constantinople qui lui annonçaient l'expédition prochaine d'un des premiers secrétaires de Reiss-effendi, chargé de négocier ici le rétablissement des rapports d'amitié et de bonne intelligence qui ont subsisté entre la Turquie et la France avant la guerre. Il m'a fait connaître en même temps qu'il se flattait que ce plénipotentiaire serait autorisé à acquiescer aux propositions de la France à l'égard de son commerce dans la Mer Noire et qu'il espérait que je les appuyerais de mon

côté. Instruit des intentions de V. M. I. sur cet objet pas les ordres antérieurs, je n'ai pas hésité de donner au ministre des relations extérieures l'assurance de concourir à l'accomplissement de ce voeu, en appelant toute fois son attention particulière sur les ménagemens et le secret qui devaient accompagner une négociation, dont le but était si important pour toutes les nations commerçantes. Il parût sentir toute la justesse de cette observation et me promit que cette négociation serait conduite dans le plus grand secret. Le lendemain de cet entretien je rencontrai le ministre d'Espagne qui m'apprit que le premier consul venait de lui dire qu'il attendait incessamment un négociateur Ottoman qui serait autorisé de traiter librement du commerce de France sur la Mer Noire et que non seulement il était sûr que V. M. ne s'y opposerait pas, mais qu'elle y prêterait même son appui. Quelques jours après m-r Merri, ministre d'Angleterre, me tint le même langage, en manifestant son chagrin de l'accord qui régnait sur ce sujet entre V. M. I. et ce gouvernement-ci. Je crus devoir en parler à m-r Talleyrand et lui observer qu'on s'écartait du secret au moment même, où l'on convenait. Il s'appuya sur la franchise naturelle du premier consul qui ne lui permettait pas quelquefois de dissimuler les espérances qu'il concevait. Ce nouveau négociateur Turc est attendu sous quinze jours et, malgré l'indescrétion de ce gouvernement-ci, je me croirai en devoir de suivre les ordres que j'ai reçus de V. M. I. et de concourir au plus prompt achèvement de cette négociation.

M-r Talleyrand m'a également annoncé que le premier consul venait de fixer ses idées sur l'affaire des indemnités; il a ajouté que V. M. I. acque-

rerait à cette occasion une nouvelle preuve du désir qu'a le gouvernement français de Lui complaire; que les tableaux qu'Elle avait fait remettre ici serviraient de base à son travail pour l'indemnisation des maisons de Wurtemberg et de Bade; qu'on tâcherait de maintenir la constitution germanique autant qu'il serait possible; que l'on ménagerait à l'archiduc son indemnité pour le grand duché de Toscane telle qu'elle serait proposée par V. M. I.; (que) quand à la clause de remplir les plans qu'on s'était proposés d'éloigner des possessions françaises et bataves tout contact immédiat avec elles et pour satisfaire aux engagements antérieurs, la France croyait devoir lui accorder ce qu'elle avait demandé à V. M. I. dans la note du 28 Janvier dernier que le c-te de Haugwitz avait remise au baron de Krudener en exceptant toute fois la ville de Münster avec toutes ses appartenances et les parcelles en Franconie; qu'on n'avait encore fixé aucun territoire pour le prince d'Orange, mais que le premier consul lui assignerait un apanage de trois cent milles saxonnes qui composeraient sa domination sur un local dont on conviendrait par la suite; que la distribution de toutes ces indemnités pourrait difficilement être combinée avec la conservation des trois électors ecclésiastiques, mais qu'on pourrait maintenir celui de Mayence et peut-être même l'un de ceux de Cologne ou de Trèves; (que) par une suite de l'intérêt que le gouvernement Français mettait à complaire à V. M. I., il Lui offrait de transférer la dignité électoral que viendrait à vaquer dans ce cas sur la maison de Bade et enfin, pour effectuer et terminer cet arrangement, il m'a proposé une forme qui m'a parue tout à fait incompatible avec

les égards que l'on doit aux grandes puissances que cet arrangement concerne et intéresse le plus directement, c'est d'appeler l'ambassadeur d'Autriche et de Prusse à une conférence et de leur remettre deux notes uniformes: l'une signée par lui, ministre des relations extérieures et l'autre par moi, qui contiendraient ces propositions comme conditions péremptoires et sans arrêt. Les modifications significatives qu'il proposait dans la répartition des lots aux parties intéressés, aussi bien que la manière de les mettre en exécution, ont excité naturellement des objections de ma part. Je lui ai demandé des évacuations et des comparaisons exactes entre les lots offerts par V. M. I. et ceux qu'il proposait maintenant. Il m'a promis de s'en occuper et de me communiquer son travail. Quant aux formes à suivre, il m'a dit que celle qu'il proposait était la meilleure en ce qu'elle coupait court à toutes les discussions et terminait tout sur le champ; qu'il fallait se comporter dans cette occasion comme si l'on était en guerre et la regarder comme une dernière campagne que l'on faisait. Le lui ai répondu que cela n'était pas trop équitable à eux et tout à fait inconvenable à V. M. I., attendu que, loin d'avoir été en guerre avec les puissances dont il s'agissait, Elle avait été ou était leur alliée, et j'ai insisté absolument qu'on accordât au moins quelques jours à leurs plénipotentiaires respectifs pour délibérer. Je l'ai obtenu, mais au terme si court, qu'il ne leur laisserait seulement pas le tems de s'en référer à leurs cours. J'attends ce plan, que m-r de Talleyrand doit dresser sur cet objet. Ce qu'il m'a dit de vive voix offre tant de vague que difficilement même il pourra se ranger sur le papier. C'est sous peu de jours, qu'il m'a annon-

cé devoir me remettre ce plan, et ce ne sera qu'alors que je pourrai me déterminer sur l'application que j'aurai à faire des ordres de V. M. I. et des intentions qu'Elle a daigné me faire connaître

Paris, 1er/₃₀ Avril (1802).

Переводъ донесенія отъ 18 (30) Апрѣля 1802 года.

Всемплостивѣйшій Государь!

Въ одномъ разговорѣ, который и имѣлъ четыре дня тому назадъ съ г. Талейраномъ, онъ сообщилъ мнѣ, что имъ получены извѣстія изъ Константинополя, возвѣщающія скорую присылку одного изъ первыхъ секретарей рейсъ-эфендія съ порученіемъ вести здѣсь переговоры о возстановленіи тѣхъ отношеній дружбы и добраго согласія, которыя существовали между Турціею и Франціею до войны. Онъ передалъ мнѣ въ то же время о своемъ предположеніи, что этому уполномоченному будетъ разрѣшено выразить свое согласіе на предложенія Франціи относительно ея торговли въ Черномъ морѣ и что онъ надѣется, что и поддержку ихъ съ своей стороны. Посвященный предыдущими повелѣніями въ намѣренія В. И. В-ва на этотъ счетъ, я не колеблясь выразилъ министру иностранныхъ дѣлъ готовность содѣйствовать осуществленію этого желанія, обративъ впрочемъ особенное его вниманіе на тѣ предосторожности и ту тайну, которыя должны быть соблюдаемы при переговорахъ, имѣющихъ въ виду цѣль столь важную для всѣхъ торговыхъ націй. Онъ повидимому созналъ всю справедливость этого замѣчанія и обѣщалъ мнѣ, что эти переговоры будутъ ведены въ величайшей тайнѣ. На другой день послѣ этого разговора, я встрѣтилъ Испанскаго министра, который сообщилъ мнѣ, что первый консулъ только что увѣдомилъ его о скоромъ прибытіи Оттоманскаго уполномоченнаго, которому будетъ поручено вести обширные переговоры о торговлѣ Франціи въ Черномъ

морѣ и что онъ не только убѣжденъ, что В. И. В. не пожелаете тому противодѣйствовать, но что даже готовы будете оказать поддержку. Нѣсколько дней спустя, г. Меррип, Англійскій министръ, повторилъ мнѣ тоже самое, выразивъ мнѣ свое сожалѣніе о томъ согласіи, которое существуетъ между В. И. В. и здѣшнимъ кабинетомъ. Я счелъ своею обязанностию заявить объ этомъ г. Талейрану и дать ему замѣтить, что тайна нарушается въ самое то время, когда было условлено хранить ее. Онъ сослался на природную откровенность перваго консула, часто не позволяющую ему скрывать возникавшія надежды. Этотъ новый Турецкій посланникъ ожидается здѣсь черезъ пятнадцать дней и, не взирая на нескромность здѣшняго правительства, я считаю своею обязанностию слѣдовать указаніямъ, полученнымъ мною отъ В. И. В. и содѣйствовать къ скорѣйшему окончанію этихъ переговоровъ.

Г. Талейранъ равнымъ образомъ извѣстилъ меня, что первый консулъ пришелъ къ окончательному заключенію по вопросу о вознагражденіяхъ; онъ присовокупилъ, что В. И. В-о усмотрите въ этомъ случаѣ новое доказательство желанія Французскаго правительства сдѣлать Вамъ угодное; что предположенія, Вами сюда присланныя, будутъ служить основаніемъ его соображеніямъ о вознагражденіи Виртембергскаго и Баденскаго государей; что будутъ стараться сохранить на сколько возможно Германскую конституцію; что эрцъ-герцогу будетъ присуждено взамѣнъ великаго герцогства Тосканскаго то вознагражденіе, которое будетъ предложено В. И. В-омъ. Что же касается до выполненія того предположенія, чтобы отдалить отъ Французскихъ и Батавскихъ владѣній всякое съ ними прикосновеніе и чтобы исполнить прежнія обязательства, то Франція считаетъ своею обязанностию даровать то, о чемъ она ходатайствовала предъ Вашимъ И. В. въ нотѣ отъ 28 Января, переданной графомъ Гаугвицемъ барону Крюденеру, за исключеніемъ впрочемъ города

Мюнстера со всеми принадлежащими ему владѣніями и нѣкоторыхъ частицъ Франконіи: что герцогу Оранскому еще не было назначено никакой области, но что первый консулъ намѣренъ опредѣлить ему въ собственность пространство въ триста Саксонскихъ миль, которое будетъ составлять его владѣнія въ мѣстности, имѣющей быть избранною впоследствии; что распредѣленіе всехъ этихъ вознагражденій сдѣлали возможно будетъ согласовать съ сохраненіемъ трехъ церковныхъ курфиршествъ, но что можно будетъ сохранить Майнцское и быть можетъ одно изъ остальныхъ двухъ, Кельнское или Трирское. Въ видахъ дальнѣйшаго проявленія того желанія, которое Французское правительство имѣетъ дѣлать угодное В. И. В. и чтобы предложить Вамъ возможность передать предстоящую ваканцію курфиршескаго достоинства Баденскому дому и наконецъ, чтобы осуществить и окончить эту сдѣлку, онъ предложилъ мнѣ такой приемъ, который показался мнѣ совершенно несообразнымъ съ уваженіемъ присутствующимъ великимъ державамъ, этою сдѣлкою наиболее заинтересованнымъ; а именно: пригласить Австрійскаго и Прускаго пословъ на конференцію и вручить имъ двѣ тождественныя ноты, одну подписанную имъ министромъ иностр. дѣлъ, а другую мною, которыя содержали бы въ себѣ эти предложенія, какъ рѣшительныя и безапелляціонныя условія. Существенныя чертвыны, предложенныя имъ въ распредѣленіи вознагражденій между ихъ участниками, а равно и способъ ихъ выполненія, естественно вызвали возраженія съ моей стороны. Я просилъ его сдѣлать точную сравнительную оцѣнку вознагражденій, предложенныхъ В. И. В.-омъ и тѣхъ, которыя онъ мнѣ предлагаетъ. Онъ обѣщавъ мнѣ заняться этимъ и сообщить мнѣ свой трудъ. Что касается до самаго приема при выполненіи, то онъ сказалъ мнѣ, что предложенный имъ самый лучший, потому что онъ превращалъ всякія пререканія и оканчивалъ все немедленно; что

въ этомъ случаѣ слѣдовало держать себя какъ-бы въ военное время и считать это какъ-бы послѣднимъ походомъ. Я возразилъ ему, что это было-бы далеко не правосудно съ ихъ стороны и вполне недостойно В. И. В.-а, такъ какъ Вы не только не изволили быть въ войнѣ съ вышеупомянутыми державами, но были и продолжаете быть ихъ союзникомъ, и я непремѣнно настаивалъ, чтобы ихъ уполномоченнымъ было даровано хоть нѣсколько дней на размышленіе. Я этого достигъ; но срокъ оказывается столь кратокъ, что онъ едва-ли дастъ имъ время свестись съ ихъ правительствами. Ожидаю того проекта, который г. Талейранъ долженъ составить по этому предмету. То, что онъ сообщилъ мнѣ словесно заключаетъ въ себѣ столько неопредѣленнаго, что оно едва-ли можетъ быть изложено на бумагѣ. Онъ объявилъ мнѣ, что передастъ мнѣ этотъ проектъ черезъ нѣсколько дней, и тогда только мнѣ можно будетъ опредѣлять предстоящее мнѣ примѣненіе повелѣній В. И. В.-а и тѣхъ намѣреній, которыя Вамъ угод-но было сообщить мнѣ.

Парижъ.
18/29 Апр. 1802 г.

X.

Sire! Le 15 Thermidor ou 4 Aout n. st. il y a eu l'audience ordinaire du corps diplomatique auprès du premier consul. Cette audience a été interrompue par l'arrivée de la députation du Sénat-conservateur qui, ayant son président à la tête, remit à Bonaparte l'acte qui le proclame premier consul à vie. Le lendemain il fit rassembler le Sénat et lui fit décréter une nouvelle constitution qui fut mise le jour suivant dans tous les papiers publics. Ainsi ce grand changement, préparé d'avance, s'est vu adopter et consommé dans une seule séance d'un corps, qui n'y était nullement autorisé, et Bonaparte voit concentrer dans ses

mains l'autorité la plus illimitée sans aucune réclamation qui se soit fait entendre du moins jusqu'à présent. Il n'a pas perdu un seul instant pour mettre en activité cette nouvelle organisation et dès le jour suivant il rassembla son conseil privé, auquel a été d'abord introduit le ministre des relations extérieures.

Le jour de cette même audience, Sire, il y eut dîner et cercle du soir sans interruption, et le premier consul s'est beaucoup et à plusieurs reprises entretenu avec moi. Sa conversation roula d'abord sur les deux événemens du jour: l'arrivée des courriers qui ont apporté l'adhésion de V. M. I. au plan des indemnités en Allemagne et la proclamation de son consulat à vie. Il m'adressa des complimens de satisfaction sur cette adhésion de V. M. et me parla de l'autre objet, comme consolidant le gouvernement de la France et par là-même influant avantageusement sur la tranquillité générale de l'Europe. Il passa delà à la situation de l'empire Turc, qu'il voyait prêt à crouler de manière qu'il ne restait plus qu'à recueillir ses débris. Il ajouta qu'il n'y avait qu'un seul moyen de le relever et c'est que le grand seigneur prit la résolution courageuse de se mettre à la tête de dix mille hommes, de parcourir toutes les provinces et d'abattre les têtes rebelles à ses volontés et motrices du désordre et de la désorganisation de l'empire Ottoman; que les Turcs étaient naturellement braves et belliqueux et que s'ils avaient été bien guidés et bien conduits, jamais la Russie n'aurait acquis ce degré de puissance et de splendeur où on la voit actuellement. Je commençais à être embarrassé de ces propos lorsqu'il me fournit heureusement une occasion de les tourner en

plaisanterie, en me demandant s'il n'y avait pas dans les états de V. M. I. quelque héritier présomptif du throne de Constantinople. Je lui ai répondu que je n'en connaissais pas, mais que je pensais qu'il y en avait un en France dans la personne du général Junot, commandant de Paris et une de ses créatures, qui avait épousé la fille ou la nièce d'un Comnène, qui se prétendait descendre des empereurs de ce nom, qui ont régné à Constantinople. Il me repliqua en riant qu'il lui fallait un Musulman et qu'il avait entendu me parler de ces princes Tartares, descendants de Gengis-chan et dont quelques uns s'étaient établis en Russie.

Cette jalousie contre la puissance de V. M. I. se manifeste souvent non seulement dans les discours du premier consul, mais aussi dans les écrits qu'il fait publier, et si Elle daigne lire quelques fois les journaux qui paraissent ici, Elle en aura vu plus d'un exemple. Tout le monde s'accorde à croire et le ministre de l'Angleterre en a une vraie allarme, que la France médite quelque chose contre ou avec la Porte; les soupçons portent principalement sur la Morée. En attendant le ministre Turc qui se trouve actuellement ici s'est mis, pour ainsi dire, aux gages de ce gouvernement-ci, qui lui a fait avancer ces jours-ci la somme de cinquante mille francs. C'est un fait que je tiens à la fois du premier consul lui-même et du ministre des relations extérieures.

C'est à mon grand regret, Sire, que je dois déposer aux pieds de V. M. I. l'extrême chagrin que j'éprouve en perdant tout espoir d'effectuer quelque chose en faveur du malheureux roi de Sardaigne. La dernière fois que j'en ai parlé au premier consul, il y a mis beaucoup de mauvaise grâce jusqu'à

me dire que cette affaire ne devait pas intéresser plus V. M. I. que ne l'intéressaient lui, premierconsul, les affaires de Perse. J'avais sur le bout de la langue de lui repliquer qu'il y existait cette différence, qu'il n'y a pas longtemps que les troupes russes ont été à Turin et qu'il n'y avait pas d'apparence que celles de France arrivassent jamais à Tiflis. Mais je m'en suis abstenu par prudence. Cependant le premier consul a tort de dire qu'il est si indifférent à ces affaires de Perse, car outre qu'il en fait parler dans les journaux de manière à répandre l'allarme sur les suites qu'elles pouvaient avoir, il a repris l'idée d'y faire partir le colonel Sebastiani. Celui-ci m'aborda à ce même cercle pour me dire qu'il me demanderait bientôt des lettres de recommandation pour un voyage qu'il allait entreprendre par curiosité d'abord à Constantinople, ensuite en Crimée et de là à Pétersbourg et que peut-être il pousserait sa course jusqu'aux frontières de la Perse pour y être témoin des exploits de nos braves guerriers. Ainsi, si ce n'est une armée de combattans, ce sera un essaim d'émissaires que Bonaparte pourrait fort bien envoyer jusqu'en Perse.

Paris, ce (27 Juillet) 8 Aout 1802.

Переводъ донесенія отъ 27 Июля (8 Августа) 1802.

Государь! 15-го числа Термидора или 4-го Августа н. ст. происходила обычная аудиенция дипломатическаго корпуса у перваго консула. Этотъ приемъ былъ прерванъ появленіемъ депутации Консервативнаго Сената, которая съ своимъ президентомъ во главѣ вручила Бонапарту актъ, провозглашающій его пожизненнымъ первымъ консуломъ. На слѣдующій день онъ велѣлъ созвать Сенатъ и издать новое законоположеніе, которое

было на другой-же день отпечатано во всѣхъ публичныхъ изданіяхъ. Такимъ образомъ, этотъ важный переворотъ, заранее подготовленный, оказался принятымъ и совершеннымъ въ одно засѣданіе собранія, которое несколько не было на то уполномочено, и Бонапартъ сосредоточилъ въ своихъ рукахъ самую неограниченную власть, при чемъ до сей поры не раздалось еще ни одно возраженіе. Онъ не потерялъ ни одной минуты, чтобы привести въ дѣйствіе это новое учрежденіе и на другой-же день онъ созвалъ свой тайный совѣтъ, которому прежде всего былъ представленъ министр иностранныхъ дѣлъ.

Въ самый день этой аудиенціи, Государь, происходилъ обѣдъ и велѣдъ, затѣмъ вечерній приемъ, и первый консулъ нѣсколько разъ и долго со мною бесѣдовалъ. Разговоръ его сперва относился до двухъ событій того дня, до приѣзда курьеровъ, привезшихъ согласіе В. И. В-ва на проектъ вознагражденій для Германіи и до провозглашенія пожизненнаго консулата. Онъ выразилъ мнѣ свое удовольствіе по поводу согласія В. И. В-ва, а на счетъ другаго предмета, находилъ, что оно упрочиваетъ правленіе во Франціи и тѣмъ самымъ должно благотѣльно вліять на общее спокойствіе въ Европѣ. Затѣмъ онъ перешелъ къ положенію Турецкой Имперіи, которую онъ считалъ близкою къ паденію, такъ что оставалось только подбирать ея обломки. Онъ присовокупилъ, что оставалось лишь одно средство возстановить ее, а именно, чтобы султанъ принялъ отважное рѣшеніе стать во главѣ 10 т. человекъ, проѣхать во всѣ области и порубить всѣ головы непокорныхъ его волѣ и виновныхъ въ безпорядкахъ и разложеніи Оттоманской Имперіи; что Турки отъ природы храбры и воинственны и еслибы они были хорошо направляемы и руководимы, то Россія никогда не достигла бы настоящей степени своего могущества и блеска. Я начиналъ приходить въ затрудненіе отъ подобныхъ рѣчей, когда онъ къ сча-

стію самъ доставилъ мнѣ случай обратиться ихъ въ шутку, спросивъ меня, не имѣется-ли во владѣніяхъ В. И. В. въ виду какой нибудь наслѣдный принцъ для Константинопольскаго престола. Я отвѣчалъ ему, что я такового не знаю, но что, по мнѣнію моему онъ существуетъ во Франціи въ лицѣ генерала Жюно, Парижскаго коменданта, одного изъ его клеветовъ, который женился на дочери или племянницѣ Комнена и потому считалъ себя потомкомъ Императоровъ этого имени, царствовавшихъ въ Константинополь. Онъ со смѣхомъ возразилъ мнѣ, что ему нуженъ Мусульманинъ и что онъ слыхалъ отъ меня о Татарскихъ князьяхъ, потомкахъ Чингисъ хана, поселившихся нынѣ въ Россіи.

Эта зависть къ могуществу В. И. В. выражается часто не только въ словахъ перваго консула, но и въ статьяхъ, публикуемыхъ по его распоряженію, и если-бы Вы соблаговолили пробѣгать иногда издаваемые здѣсь газеты, то нашли бы тому немало примѣровъ. Всѣ убѣждены здѣсь, а Англійскій министръ даже ощущаетъ серьезныя опасенія, что Франція задумываетъ что-то противъ Турціи или сообщая съ нею; подозрѣнія главнымъ образомъ сосредоточиваются на Морей. Тѣмъ временемъ Турецкій министръ, нынѣ здѣсь пребывающій, поступилъ, такъ сказать, на содержаніе къ здѣшнему правительству, которое на дняхъ ссудило ему сумму въ 50-т. франковъ. Этотъ фактъ мнѣ извѣстенъ какъ лично отъ перваго консула, такъ и отъ министра иностранныхъ дѣлъ.

Съ искреннею скорбью я вынужденъ повергнуть къ стопамъ В. И. В-ва мое крайнее сожалѣніе, что я теряю всякую надежду достигнуть чего либо въ пользу несчастнаго Сардинскаго короля. Последній разъ, что я говорилъ о томъ съ первымъ консуломъ, онъ до того недоброжелательно къ этому отнесся, что высказалъ даже, что это дѣло не должно было интересовать В. И. В. болѣе то-

го, насколько его перваго консула могли интересовать дѣла Персіи. У меня было на языкѣ отвѣчать ему, что различіе заключалось въ томъ, что недавно еще Русскія войска были въ Туринѣ, а что мало надежды, чтобы Французскія силы когда либо проникли до Тифлиса. Но я воздержался изъ осторожности. Однако первый консулъ не правъ, говоря, что онъ такъ равнодушенъ къ своимъ сношеніямъ съ Персіею; кромѣ того, что по его повелѣнію въ газетахъ толкуютъ о нихъ въ такомъ видѣ, что внушаются опасенія, онъ снова вернулся къ мысли отправить туда полковника Себастьяни. Этотъ послѣдній обратился ко мнѣ на томъ-же вечернемъ приемѣ и сообщилъ мнѣ, что онъ вскорѣ будетъ просить у меня рекомендабельныхъ писемъ по случаю предпринимаемаго имъ изъ любопытства путешествія сперва въ Константинополь, затѣмъ въ Крымъ и оттуда въ Петербургъ, и что быть можетъ онъ продолжитъ свое странствіе до предѣловъ Персіи, чтобы быть свидѣтелемъ подвиговъ нашихъ храбрыхъ воиновъ. И такъ легко возможно, что Бонапартъ отправитъ въ Персію если не воинственную армію, то толпу эмиссаровъ.

Парижъ, (27 Июля) 8 Августа 1803 г.

XI.

Sire!

Par mon rapport du $\frac{1}{18}$ Novembre dernier j'ai rendu sommairement compte à V. M. I. de l'entretien que j'ai eu avec le premier consul à l'occasion de la lettre qu'Elle a bien voulu lui adresser. Cet entretien a duré plus de trois heures et embrassé tous les objets politiques propres aux pays des quatre parties du monde, mais je me bornerai à en rapporter les traits les plus saillants. Après m'avoir parlé des intérêts du roi de Sardaigne, il m'entretint du manifeste que V. M. I. a fait émaner à l'égard de Son Sénat, quali-

fiant les dispositions qui y sont contenues de nouvelle constitution tendante à la diminution de Son autorité souveraine. J'ai rectifié son opinion là-dessus en lui disant que les droits que V. M. venait de rendre au Sénat lui ont été attribué par son instituteur Pierre le Grand, le prince le plus jaloux de son autorité qui eut régné en Europe; qu'ils étaient à la vérité tombés en désuétude et que V. M., en jugeant à propos dans Sa sagesse et Sa magnanimité de les rétablir, s'était réservée toutes les facultés nécessaires, soit pour empêcher, soit pour réprimer les abus qui en pourraient résulter. Je l'ai invité à relire ce même manifeste avec plus d'attention pour se convaincre de la vérité de ce que je lui disais. Malgré cela il s'étendit longtems sur l'esprit du siècle qui rendait plus que jamais nécessaire le soin de comprimer dans un seule main les ressorts du gouvernement de tout état grand en étendue et en population. Il dit que les flots excités par le dernier orage n'étaient pas assez calmés pour ne pas faire craindre une nouvelle tempête et que dans le cas d'une nouvelle explosion son parti était pris de proclamer l'empire des Gaules et de marcher à ses ennemis. Il passa delà à des plaintes contre l'ambition démesurée des Anglais dans les Grandes Indes, citant leurs envahissemens continuels dans cette contrée et après s'être arrêté quelque tems il me dit: „N'est ce pas que vous pourriez même par terre leur causer une grande diversion de ce côté-là et apposer une digue à leurs déprédations?“ Je convins de cette facilité et la lui montrai même plus grande que certainement je ne le pensais; mais ensuite j'ai ajouté qu'après une guerre aussi longue et aussi épuisante en tout genre que celle qui vient d'être terminée,

l'imagination de chacun doit se porter sur son intérieur et laisser au moins pour quelque tems reposer des idées qui en pourraient distraire. Il revint encore au roi de Sardaigne, releva l'effort qu'il faisait en sa faveur et me recommanda de le faire valoir auprès de V. M. I. Je lui repliquai que tout ce que je pouvais faire c'était d'en rendre compte à V. M., persuadé d'avance qu'Elle ne le trouverait nullement proportionné ni à Sa juste attente, ni aux pertes peu méritées que le roi de Sardaigne a faites et dont il a droit de réclamer le dédommagement.

Paris. ¹/₁₃ Décembre 1802.

Переводъ донесенія отъ 1 (13) Декабря 1802.

Въ моемъ донесеніи, отъ ⁶/₁₈ Ноября я въ общихъ чертахъ представилъ В. И. В. отчетъ о разговорѣ, происходившемъ между мною и первымъ консуломъ по поводу письма, которое Вамъ угодно было прислать ему. Этотъ разговоръ продолжался три часа и конулся всѣхъ политическихъ вопросовъ, относящихся до всѣхъ странъ четырехъ частей свѣта, но я ограничусь приведеніемъ здѣсь лишь самыхъ крупныхъ его сторонъ. Поговоривъ со мною объ интересахъ Сардинскаго короля, онъ перешелъ къ объявленному по повелѣнію В. И. В-ва манифесту къ Правительствующему Сенату, именуя распоряженія, въ немъ возвѣщаемыя, новою конституціею, ведущею къ умаленію Вашей монархической власти. Я исправилъ его мнѣніе на этотъ счетъ, сообщивъ ему, что права, возвращенныя нынѣ В. И. В-омъ Сенату, были предоставлены ему его основателемъ Петромъ Великимъ, самымъ властолюбивымъ монархомъ, какой когда либо царствовалъ въ Европѣ; что ови дѣйствительно утратили постепенно свое значеніе и В. И. В-во, находя своевременнымъ по Вашей мудрости и великодушію возставить ихъ нынѣ, сохранили за

Собою всѣ необходимыя средства къ тому, чтобы предотвратить или обуздать могущія произойти отъ того злоупотребленія. Я просилъ его прочесть еще разъ съ бѣльшимъ вниманіемъ этотъ манифестъ, чтобы убѣдиться въ истинѣ моихъ словъ. Не смотря на это, онъ весьма подробно распрастранился на счетъ того направленія нашего вѣва, которое болѣе чѣмъ когда либо должно вызывать заботу о томъ, чтобы сосредоточить въ одной рукѣ правительственную пружину каждой страны, значительной по своему пространству и населенію. Онъ сказалъ, что волны, созданныя послѣднею грозю, еще не стихли на столько, чтобы не опасаться новой бури и что, въ случаѣ новаго взрыва, онъ твердо намѣренъ провозгласить Имперію Галловъ и выступить противъ ея враговъ. Онъ перешелъ затѣмъ къ жалобамъ на влестолюбіе Англичавъ относительно Индіи, указывая на ихъ постоянныя завоеванія въ этой странѣ и, помолчавъ немного, онъ сказалъ мнѣ: „Не правда-ли, что вы могли-бы даже сухимъ путемъ причинить значительное отвлеченіе ихъ силъ съ этой стороны и постановить преграду ихъ грабительству?“ Я сознался въ этой возможности и изобразилъ ее даже болѣею, чѣмъ находилъ ее самъ; но къ этому я присовокупилъ, что послѣ столь продолжительной и обременительной войны какъ та, которая только что была окончена, вниманіе важдаго должно быть исключительно обращено на свои внутреннія дѣла, дабы хотя на время отложить въ сторону всѣ мысли, могущія вновь отвлечь отъ этой цѣли. Онъ вернулся вновь къ Сардинскому королю, остановился на тѣхъ стараніяхъ, которыя прилагалъ въ его пользу и поручилъ мнѣ выставить ихъ передъ В. И. В-вомъ. Я возразилъ ему, что все, чтѣ я могъ сдѣлать, есть довести о нихъ до свѣдѣнія В. В-ва, заранѣе убѣжденный, что Вы найдете ихъ ни мало не соответствующими ни Вашимъ ожиданіямъ, ни тѣмъ столь малю заслуженнымъ утратамъ, которыя по-

несъ король Сардинскій и за которыя онъ имѣетъ право требовать вознагражденія.

Парижъ.
1 (13) Декабря 1802.

ПИСЬМО КЪ ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ.

Dimanche il y a huit jours, qu'ayant regardé par hazard à une de mes fenêtres, qui donnent sur l'Hotel des Invalides, j'ai aperçu un homme perché sur le sommet du dôme qui couronne ce bâtiment. J'ai envoyé demander ce que cet homme-là y fesait; on me rapporta qu'il jettait à bas le bonnet de la liberté qui était à la vérité depuis longtemps tout de travers. Deux heures après j'ai entendu le canon et j'ai encore fait demander ce que c'était: on me dit qu'on plaçait dans une des salles des Invalides le portrait de Bonaparte, peint par David et dont il a fait présent à cette maison. Ce rapprochement des deux actes qui se sont succédés immédiatement y a fait sous-entendre de l'affectation, comme si la peinture même de Bonaparte ne pouvait pas supporter un emblème, qui contrastait avec son despotisme. Un invalide, comtemplant ce bonnet à terre, dit: Voilà donc cette liberté pour la quelle nous sommes fait égorger et mutiler! Dans les sociétés de Paris personne n'a osé hazarder une seule observation sur ce fait: tant ou craint la surveillance de la police et celle des espions dont aucune de ces sociétés n'est épurée. Mais on y a beaucoup parlé du titre de majesté que le premier consul devait se faire décerner. On croit même que cela n'est que différé. La chose est d'autant plus probable, que dans l'almanac national le premier consul, par un feuillet qu'il a

envoyé lui-même, adjuge aux ministres le titre d'excellence, d'où l'on conclut qu'il a voulu se frayer la voye à celui de majesté. Le cas venant à échoir ne laisserait pas d'être embarrassant pour nous; car si c'est à la nation à donner des titres à ses chefs, c'est aux souverains à les reconnaître. Je demande sur cela d'avance des ordres à v. ex. et s'ils n'arrivent pas à tems je me conformerai à l'exemple de mes autres collègues.

Il n'y a pas longtems que Talleyrand m'a dit que l'ordre de la légion d'honneur que le premier consul voulait instituer, allait paraître incessamment. Il en doit être le chancelier, et il a ajouté avec une sorte d'affectation que cet ordre aurait cet avantage qu'il ne serait point incompatible avec d'autres ordres étrangers. J'ai grande peur que Bonaparte ne forme la prétention de conférer son ordre aux souverains et de demander les leurs. Cependant tout ceci ne tenant qu'à la vanité ne serait nullement allarmant; mais ce qui l'est beaucoup, c'est son ambition insatiable et l'orgueil indomptable qu'il dévoile dans toutes ses actions et dans tous ses discours. Talleyrand a dit dernièrement au comte de Choiseul qui me l'a rapporté sur le champ, que si ces deux passions ne rendaient pas le premier consul fou à lier, il recommencerait la guerre dans deux ans au plus tard et qu'il détrônerait l'empereur d'Allemagne, comme celui qu'il craignait au plus à cause de ses liaisons avec l'Angleterre, et tout récemment dans un nouvel entretien qu'il eut avec le même comte de Choiseul, il lui annonça l'intention de quitter sa place aussitôt que les affaires d'Allemagne seraient arrangées, et lorsque celui-ci lui en demanda le motif, il dit qu'il ne voulait pas être inculpé dans toutes

les insolences et toutes les provocations que le premier consul se permettait et qui ne tarderaient pas à amener la guerre de nouveau. J'ai cru devoir rendre compte à v. e. de ces propos qui m'ont paru d'autant plus remarquables qu'ils ne cadrent que trop avec ceux que m'a tenu le premier consul lui-même dans notre dernier entretien. Je lui ai demandé pourquoi il se montrait si peu bienveillant pour l'Autriche; il n'hésita pas un instant de me répondre: par ce qu'elle tripote toujours avec l'Angleterre et qu'il était assuré qu'elle ne manquerait pas de se joindre à elle à la première explosion. Pour cette dernière son animosité éclate en toute occasion. Il lui fait une guerre ouverte de plume. Il compose contre elle des articles qu'il fait insérer dans les journaux, et cela par représaille contre les papiers anglais. Il ne respire que de son anéantissement et n'y voit d'obstacle que dans l'Autriche. C'est pour écarter cet obstacle, qu'après avoir d'un côté relégué cette puissance à l'extrémité de l'Italie et après l'avoir repoussée de l'autre jusqu'aux bords du Danube, il cherche à asservir la Suisse et à s'assurer des autres états intermédiaires par les faveurs précaires et illusoire qu'il leur a dispensés. Ces derniers payeront peut-être bien cher les avantages qu'il viennent d'obtenir, et très certainement c'est à leurs dépens qu'il parviendra au but qu'il se propose. Peut-être même y sera-t-il poussée plutôt qu'on ne le pense, si la fermentation qui éclate dans les provinces, surchargées d'un fardeau insurmontable d'impôts reçoit un nouvel accroissement: on sçait que dans les gouvernements de l'espèce de celui-ci une guerre étrangère a été souvent un moyen de faire une diversion aux agitations de l'intérieur.

Ce n'est pas en vous parlant, m-r le comte, que je me croirai permis de pousser plus loin mes reflexions. Aussi me hâte-je de les terminer en vous suppliant de vouloir bien ne faire usage de cette dépêche que vis-à-vis de l'Empereur, si vous la jugez digne d'être mise sous Ses yeux ou de quelque autre personne que vous honnerez de votre confiance. M-r de Choiseul que j'ai cité m'a fortement recommandé cette circonspection.

à Paris
ce 17/29 D-bre 1802.

Переводъ письма къ государственному канцлеру отъ 17 (29) Декабря 1802.

Воскресеніе, дней восемь тому назадъ, взглянувъ случайно въ окно, обращенное къ Дому Инвалидовъ (Hôtel des Invalides), я увидѣлъ человѣка, взмостившагося на вершину купола, который возвышается надъ этимъ зданіемъ. Я послалъ спросить, что дѣлаетъ тамъ этотъ человѣкъ и получилъ въ отвѣтъ, что онъ сбрасываетъ Фригійскій колпакъ свободы, который подлинно уже давно скривился на сторону. Два часа спустя я услышалъ пушечный выстрѣлъ и опять послалъ спросить, что это значитъ: мнѣ сказали, что въ одной изъ залъ Инвалиднаго Дома выставляется портретъ Бонапарта, нарисованный Давидомъ и подаренный имъ этому учрежденію. Это сближеніе двухъ дѣйствій, слѣдовавшихъ одно за другимъ, заставляло подразумѣвать нѣкоторое притворство, какъ будто самое изображеніе Бонапарта не могло выносить этого символа, столь ненавистнаго для его деспотизма. Одинъ инвалидъ, взглянувъ на этотъ колпакъ, валяющійся на землѣ, сказалъ: Такъ вотъ эта свобода, за которую насъ умерщвляли и истязали! Въ общественныхъ кружкахъ Парижа никто не дерзнулъ сдѣлать ни малѣйшаго замѣчанія по этому поводу: до того страшатся наблюденія полиціи и шпионовъ, отъ которыхъ не

свободенъ ни одинъ изъ этихъ кружковъ. Но много говорили о титулѣ величества, который первый консулъ долженъ былъ себѣ присвоить; думаютъ даже, что это лишь временно отложено. Оно тѣмъ болѣе вѣроятно, что въ національномъ альманахѣ, въ особомъ листкѣ отъ него присланномъ, первый консулъ приписываетъ министрамъ титулъ превосходительства; отсюда заключаютъ, что онъ желалъ этимъ проложить себѣ путь къ величеству. Если это должно совершиться, то не обойдется для насъ безъ затрудненій; но дѣло народа подносить званія своимъ вождямъ, а дѣло государей признавать ихъ въ этомъ званіи. Я прошу на этотъ предметъ указаній в. сѣят-ва и если они не поспѣютъ въ время, то я буду руководиться примѣромъ моихъ сотоварищей.

Недавно Талейранъ сообщилъ мнѣ, что орденъ Почетнаго Легіона, который первый консулъ намѣревался учредить, въ скоромъ времени появится. Онъ долженъ быть его канцлеромъ, и онъ присовокушилъ съ нѣкоторымъ особеннымъ удареніемъ, что этотъ орденъ будетъ заключать въ себѣ ту выгоду, что онъ не будетъ несомѣстимъ съ другими иностранными орденами. Я очень опасаясь, чтобы Бонапартъ не вздумалъ пожаловать свой орденъ государямъ, ожидая отъ нихъ такового-же отличія. Впрочемъ все это, основанное на одномъ тщеславіи, не заключаетъ въ себѣ еще ничего особенно тревожнаго; но что несравненно опаснѣе, такъ это его ненасытное честолюбіе и неукротимая снѣсь, которую онъ обнаруживаетъ во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ и рѣчахъ. На дняхъ Талейранъ сообщилъ гр. Шуазелю, который немедленно мнѣ это передалъ, что первый консулъ, если только эти двѣ страсти не доведутъ его до безумія, не позднеѣ двухъ лѣтъ возобновить войну и свергнетъ съ престола Германскаго императора, котораго онъ болѣе всего опасается, благодаря его связямъ съ Англіею, и еще намеренъ въ бесѣдѣ съ тѣмъ же графомъ Шуазелемъ,

онъ объявилъ ему о своемъ намѣреніи покинуть свою должность, какъ только Германскія дѣла будутъ устроены, и въ отвѣтъ на вопросъ его о причинѣ таковаго намѣренія, присовокупилъ, что онъ не желаетъ быть замѣшанъ во всѣ оскорбленія и вызывающія дѣйствія, которыя первый консулъ себѣ дозволяетъ и которыя не замедлятъ вызвать новую войну. Я счелъ своимъ долгомъ довести до свѣдѣнія ваш. сіят-ва объ этихъ толкахъ, которые показали мнѣ тѣмъ болѣе знаменательны, что они вполне согласуются съ словами, слышанными мною изъ устъ самаго перваго консула во время нашего послѣдняго съ нимъ свиданія. Я спросилъ его, почему онъ обнаруживаетъ такую неблагоприятность къ Австріи, и онъ безъ малѣйшаго колебанія возразилъ мнѣ, что она постоянно замышляетъ что-то въ связи съ Англіею, и онъ увѣренъ, что она присоединится къ ней при первомъ взрывѣ. Относительно послѣдней (т. е. Англіи) ненависть его вслываетъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Онъ ведетъ съ нею открытую письменную борьбу. Онъ сочиняетъ противъ нея статьи, которыя приказываетъ помѣщать въ газетахъ въ отмщеніе Англіискимъ журналамъ. Онъ дышетъ только при мысли о ея сокрушеніи и видитъ къ тому лишь одно препятствіе въ Австріи. Желая отстранить это препятствіе, послѣ того, что онъ съ одной стороны загналъ это государство на крайніе предѣлы Италіи, а съ другой отбросилъ его къ берегамъ Дуная, онъ стремится нынѣ поработить Швейцарію и обезпечить себя со стороны посредствующихъ державъ съ помощью непрочныхъ и обманчивыхъ милостей, которыя онъ передъ ними расточаетъ. Эти послѣднія страны, быть можетъ, слишкомъ дорого заплатятъ за тѣ выгоды, которыя нынѣ приобрѣли, и уже конечно онъ достигнетъ цѣли ихъ предположенной, въ явный ущербъ ихъ пользѣ. Быть можетъ, онъ будетъ даже вовлеченъ въ борьбу ранѣе, чѣмъ онъ самъ пред-

полагаетъ, если то броженіе, которое возникаетъ въ провинціяхъ, обремененныхъ невыносимою тягостю налоговъ, приметъ новые размѣры: извѣстно, что въ правленіяхъ, подобныхъ здѣшнему, иноземная война весьма часто служила средствомъ къ отвлеченію внутреннихъ смутъ.

Считаю непозволительнымъ продолжать далѣе мои разсужденія, когда имѣю честь относиться къ вашему сіятельству. А потому спѣшу кончить, прося васъ не сообщать этой депеши никому, кромѣ Государя, если вы сочтете ее достойною Его вниманія и тѣхъ лицъ, которыхъ вы удостоиваете вашего довѣрія. Г. Шуазель, котораго слова мною здѣсь приводятся, настоятельно просилъ меня объ этой предосторожности.

Парижъ 17го Декабря 1803 г.

XII.

Sire! Quoique prévenu quelques jours d'avance sur la mission de m-r de Colbert, porteur de la présente dépêche, l'indécision où l'on m'a tenu sur les déterminations définitives du premier consul dans la négociation que j'ai entamée par rapport au roi de Sardaigne, ne m'a pas permis de préparer mes rapports de manière à rendre un compte détaillé à V. M. I-le des termes où se trouve cette négociation. Je me réserve de m'en acquitter par un courrier que j'expédierai sous peu de jours; pour aujourd'hui je me contenterai d'exposer fort à la hâte à V. M. I. que dimanche dernier, jour d'audience et de cercle ordinaires chez le premier consul, il me fit appeler dans son cabinet et m'entretint fort au long moins sur ces affaires du roi de Sardaigne, que sur les discussions vives et pressantes qui se sont élevées entre le gouvernement-ci et la cour de Londres par rapport à l'évacuation de l'isle de Malte. Dans la première question il

offrait, comme par le passé, la principauté de Sienne avec l'état des Presides ou bien la république de Lucques avec les enclaves de Toscane et le duché de Massa-Carrara et quelques villages du Modenois qui seraient distraits des possessions actuelles de la république Cisalpine; mais il exigeait de ce prince une renonciation entière à ses états de Piémont et de V. M. I. la reconnaissance de tout ce qui s'était fait en Italie, s'appuyant dans cette dernière demande sur la lettre qu'il Lui a plu de lui adresser en date du $\frac{9}{21}$ Oct. dernier. J'ai rappelé au premier consul, que dans ses premières ouvertures sur l'établissement qu'il destinait au roi de Sardaigne, sentant lui-même combien il était peu proportionné à la perte que faisait ce prince, il m'avait annoncé qu'il n'exigerait pas de lui de renonciation; que quand à la seconde demande, savoir, la reconnaissance de V. M. I., elle n'était pas de nature de faire partie de stipulations, et il n'est purement question que des intérêts du roi de Sardaigne et que cet objet doit absolument être traité d'une autre manière et par une autre voye, et il me parut sentir la justesse de ces observations et me renvoya à m-r de Talleyrand pour discuter et régler toutes ces questions. Je fus donc trouver ce ministre le lundi suivant et l'instruisis de tout ce que s'était dit dans mon entretien avec le premier consul. Il se chargea de dresser un nouveau projet de convention et m'invita à venir en recevoir la communication le lendemain matin. Il me fit part alors de deux actes qu'il avait rédigés et dont l'un portait l'ancienne concession de la principauté de Sienne et de l'état des Presides et l'autre celle de la république de Lucques, des enclaves de Toscane et du duché de Mas-

sa-Carrara. Dans l'un ni dans l'autre il n'était fait mention ni de la renonciation du roi de Sardaigne, ni de la reconnaissance de V. M. I. des nouveaux états érigés en Italie. En outre on y proposait une pension de 500 m. livres au roi qui vient d'abdiquer et 3 millions de livres une fois payés pour l'établissement du roi régnant dans les nouveaux états qu'on lui assignait, et on réservait aux princes et princesses de la maison de Savoye la faculté de disposer dans un terme prescrit des biens qu'ils possédaient dans le Piémont. M-r de Talleyrand me proposa de signer sur le champ l'un de ces deux actes. Je lui ai proposé à mon tour de les signer tous deux et de les envoyer à V. M. I. afin qu'Elle put choisir celui des deux qu'elle croirait le plus convenable au roi de Sardaigne et renvoyer l'autre comme non venu. Il parut goûter ma proposition, mais ne voulut point passer outre sans avoir pris l'avis du premier consul. Cet avis que m. de Talleyrand n'a pas tardé de me communiquer fut que, sans insérer dans le traité patent la renonciation du roi de Sardaigne, il fallait la réserver dans un acte ou une note séparée où il serait dit que sans cette renonciation le premier consul ne serait point tenu à ratifier l'acte de concession faite au roi de Sardaigne. Je me suis fortement élevé contre cette clause, mais m-r de T. m'invita à y réfléchir sérieusement et à chercher quelque expédient pour applanir cette difficulté. Je m'en occupais lorsqu'on a reçu de Londres la nouvelle du message que le roi d'Angleterre sur les explications qui ont eu lieu entre les deux cabinets au sujet de Malte fit à son parlement pour appeler son attention sur les suites qu'elles pourraient avoir, et lorsque je revis m-r de

T., il changea tout à fait la marche de la négociation que nous avons entamée au sujet du roi de Sardaigne et me proposa d'en faire part à ce prince et d'attendre pour conclure sa réponse. Il mit de côté l'alternative des deux plans et se restreignit à celui qui porte la cession de la république de Lucques avec les autres parties ci-dessus énoncées. Je ne puis attribuer ce changement qu'à la proximité plus grande de l'état des Presides de l'isle d'Elbe, proximité qui paraît avoir des inconvenients dans la possibilité d'une guerre prochaine. Le langage de ce cabinet-ci vis-à-vis de l'Angleterre paraît ferme et décidé. Il s'occupe déjà de positions militaires à prendre dans ce moment, et malheureusement ses mesures portent sur les états du roi de Naples où l'on veut occuper de port de Tarante pour se mettre en parité avec l'occupation de Malte par les Anglais. Le marquis de Gallo, ambassadeur de cette cour, a été formellement prévenu de cette intention, et le premier consul ainsi que son ministre m'en ayant parlé à moi-même, j'en ai pris l'occasion pour représenter combien ce procédé serait attentatoire à l'indépendance et à la souveraineté du roi de Naples; mais on m'a répondu que quoiqu'on ne méconnut pas ce principe, il devait céder dans cette circonstance à l'intérêt majeur et essentiel de la France. On parle également d'envoyer des troupes en Sicile pour attaquer de ce côté l'isle de Malte et en déloger les Anglais. Au reste comme la raison ou le prétexte qu'alléguent les Anglais pour se maintenir dans la possession de Malte sont puisés dans la crainte des vues de la France sur l'empire Ottoman et surtout sur l'Égypte, ce gouvernement-ci offre de signer avec les puissances le plus res-

pectables de l'Europe les garanties les plus formelles et les plus solennelles de l'intégrité de cet Empire, et il serait à souhaiter pour le bien de l'humanité que l'adoption de ce moyen servit à conjurer l'orage qui vient de s'élever sur l'horizon politique de l'Europe.

Paris
ce (28 Févr.) 12 Mars
1803.

Переводъ донесенія отъ 28 Февраля (12 Марта) 1803 г.

Хотя я и былъ предупрежденъ за нѣсколько дней о порученіи, возложенномъ на г. Кольбера, подателя этой депеши, но степень неизвѣстности, въ которой я находился относительно начатыхъ мною переговоровъ съ первымъ консуломъ о Сардинскомъ королѣ, не дозволила мнѣ подготовить мое донесеніе въ такомъ видѣ, чтобы представить В. И. В-ву подробный отчетъ о настоящемъ положеніи этихъ переговоровъ. Я намѣренъ исполнить это на дняхъ съ особымъ курьеромъ, мною отправляемымъ, а сегодня я ограничусь краткимъ ожевленіемъ В. И. В-у, что прошлое Воскресеніе, въ день послѣдняго приѣма и обычнаго вечерняго собранія у перваго консула, онъ пригласилъ меня въ свой кабинетъ и весьма подробно говорилъ со мною не столько о Сардинскомъ королѣ, сколько о возникшихъ между здѣшнимъ правительствомъ и Лондонскимъ дворомъ сильныхъ и настоятельныхъ пререканіяхъ по поводу очищенія острова Мальты. По первому вопросу онъ по прежнему предлагалъ княжество Сиену съ областью Президы или Луккскую республику съ частью Тосканы и герцогство Массу-Каррару и нѣсколько Моденскихъ деревень, которыя могли-бы быть отдѣлены отъ владѣній нынѣшней Цизальпинской республики; но онъ требовалъ отъ этого государя полнѣйшаго отреченія отъ своихъ Неомонтскихъ владѣній, а отъ В.

И. В-ва признанія всего совершившагося въ Италиі, опираясь въ этомъ послѣднемъ требованіи на то письмо, съ которымъ Вы заблагоразсудили отнестись къ нему $\frac{9}{21}$ прошлаго Октября мѣсяца. Я напомнилъ первому консулу, что въ его первыхъ предложеніяхъ по вопросу о предположенномъ имъ обезпеченіи короля Сардинскаго, сознавая, въ какой степени они несоразмѣрны съ потерями, понесенными этимъ государемъ, онъ самъ объявилъ мнѣ, что не потребуетъ отъ него никакого отреченія; что же касается до другаго требованія, а именно. признанія совершившихся событій В. И. В-омъ, то оно такого свойства, что не можетъ входить въ составъ переговоровъ, гдѣ идетъ рѣчь исключительно объ интересахъ Сардинскаго короля и что этотъ предметъ долженъ быть обсуждаемъ иначе и совершенно другимъ путемъ; и онъ повидимому созналъ справедливость этихъ замѣчаній и обратилъ меня къ г. Талейрану, чтобы обсудить и порѣшить все эти вопросы. А потому я и отправился къ этому министру въ слѣдующій Понедѣльникъ и сообщилъ ему о всемъ происходившемъ на этомъ свиданіи моемъ съ первымъ консуломъ. Онъ принялъ на себя составленіе новаго проекта конвенціи и пригласилъ меня пріѣхать на другой день выслушать ея содержаніе. Тогда онъ передалъ мнѣ два акта имъ составленные, изъ которыхъ одинъ заключалъ въ себѣ прежнюю уступку княжества Сиены и области Президы, а другой республики Луккской съ частью Тосканы и герцогства Массы Каррары. Ни въ томъ, ни въ другомъ не упоминалось ни объ отреченіи короля Сардинскаго, ни о признаніи В. И. В-омъ новыхъ государствъ, образованныхъ въ Италиі. Кромѣ того въ нихъ предлагалась пенсія въ 500 т. ливровъ нынѣ отрекшемуся королю и 3 милліона ливровъ одновременно для водворенія царствующаго государя во вновь отводимыхъ ему владѣніяхъ, и предоставлялась принцамъ и принцессамъ Савойскаго дома возможность въ

извѣстный опредѣленный срокъ распорядиться тѣми владѣніями, которыя принадлежали имъ въ Пиемонтѣ. Г. Талейранъ предложилъ мнѣ немедленно подписать одинъ изъ этихъ двухъ актовъ. Я съ своей стороны предложилъ ему подписать ихъ оба и отправить ихъ къ В. И. В., дабы Вамъ можно было избрать изъ нихъ тотъ, который Вы найдете наиболѣе выгоднымъ для Сардинскаго короля и возратить другой, какъ бы не существующій. Мое предложеніе, повидимому, его удовлетворило, но онъ не хотѣлъ приступить къ его осуществленію, не заручившись сперва мнѣніемъ перваго консула. Это мнѣніе, переданное мнѣ немедленно г. Талейраномъ, состояло въ томъ, что, не включая отреченія короля Сардинскаго въ подлинный трактатъ, слѣдовало упомянуть о томъ въ особомъ актѣ или нотѣ, гдѣ было бы сказано, что безъ этого отреченія первый консулъ не счелъ бы себя обязаннымъ утверждать своимъ согласіемъ уступку, сдѣланную въ пользу Сардинскаго короля. Я сильно возсталъ противъ этой оговорки, но г. Талейранъ совѣтовалъ мнѣ серьезно о томъ подумать и изыскать какой нибудь исходъ для устраненія этого препятствія. Я занялся этимъ, когда было получено изъ Лондона извѣстіе о посланіи, съ которымъ Англійскій король, вслѣдствіе переговоровъ, происходившихъ между двумя кабинетами по поводу Мальты, отнесся къ своему парламенту, предлагая ему обратить вниманіе на могущія произойти отъ нихъ послѣдствія, и когда я вновь увидѣлся съ г. Талейраномъ онъ совершенно измѣнилъ ходъ переговоровъ, происходившихъ между нами относительно короля Сардинскаго и предложилъ мнѣ сообщить о томъ этому государю и ожидать его отвѣта впрямь до заключенія условій. Онъ устранилъ выборъ двухъ проектовъ и уперся на томъ изъ нихъ, гдѣ говорится объ уступкѣ Луккской республики и другихъ вышепоименованныхъ владѣній. Я не могу приписать эту перемѣ-

ну ничему иному, какъ болѣе близкому сосѣдству области Президы съ островомъ Эльбы—сосѣдству, повидимому не совсѣмъ удобному въ виду возможности близкой войны. Тонъ здѣшняго кабинета относительно Англїи кажется весьма твердымъ и рѣшительнымъ. Онъ уже занимается въ настоящую минуту соображеніями о военныхъ позиціяхъ, которыя слѣдуетъ занять и, къ несчастію, эти соображенія относятся до владѣній Неаполитанскаго короля, гдѣ намѣрены занять Тарентскую гавань, чтобы уравновѣсить свои силы съ Англичанами, занимающими Мальту. Маркизь Галло, посланникъ этого двора, уже формально извѣщенъ объ этомъ намѣреніи и такъ какъ первый консулъ и его министръ лично говорили мнѣ объ этомъ, то я и воспользовался этимъ случаемъ, чтобы выразить, въ какой степени подобное дѣйствіе окажется посягательствомъ на самостоятельность и верховныя права короля Неаполитанскаго; но мнѣ возразили, что, при всей готовности признать этотъ принципъ, онъ въ настоящемъ случаѣ долженъ уступить первенство главнѣйшимъ и существеннѣйшимъ интересамъ Франціи. Толкуютъ также объ отправкѣ войска въ Сицилію, чтобы произвести съ этой стороны нападеніе на островъ Мальту и выгнать оттуда Англичанъ. Впрочемъ, въ виду того, что причина или предлогъ, приводимый Англичанами для занятія Мальты, основывается на опасеніяхъ, чтобы Франціи не возмѣла какихъ либо видовъ на Оттоманскую Имперію и особенно на Египеть: здѣшнее правительство предлагаетъ подписать съ наиболѣе значительными Европейскими державами особый договоръ, могущій служить самымъ положительнымъ и торжественнымъ ручательствомъ въ неприкосновенности этой Имперіи, и было бы желательно для блага человечества, чтобы принятіе этого предложенія послужило къ устраненію той грозы, которая готова вспыхнуть на политическомъ горизонтѣ Европы.

Парижъ (28 Февр). 12 Марта 1803 г.

XIII.

Sire! Le lendemain du départ du colonel de Colbert qui s'est chargé de mes dépêches pour V. M., I., il y a eu cercle chez madame Bonaparte auquel comme de coutume ont assisté le corps diplomatique et les étrangers des deux sexes qui se trouvent à Paris. Le premier consul en y arrivant rencontra l'ambassadeur d'Angleterre le premier sur le chemin. Il s'adressa à lui pour lui dire „que d'après les nouvelles que l'on venait de recevoir de Londres il semblait que la France et l'Angleterre, après s'être battus quinze ans, étaient destinées à se battre encore quinze autres“. L'ambassadeur y répondit qu'il se flattait qu'on n'en viendrait pas à ces extrémités, que la démarche actuelle du roi d'Angleterre n'était qu'une suite de la constitution anglaise et nullement une provocation à une rupture et qu'il espérait que tout s'arrangerait par des explications amicales. „Il n'y a pas à en donner, repliqua le premier consul, sur des stipulations aussi claires et aussi positives que celles du traité d'Amiens“, et en le quittant et s'approchant de moi, il me répéta: „Très bien, nous nous battons encore quinze ans“. J'ai pris la liberté de lui observer modestement qu'il y en a eu trop des quinze premiers pour le bien de l'humanité et qu'il vaudrait bien mieux recourir à un accommodement amiable. „Je ne demande pas mieux, reprit-il, mais Malthe ou la guerre“, et il ajouta avec un mouvement d'indignation: „Il faudrait après cela étendre un crêpe noir sur les traités et sur la statue de bonne foi“. Il continua sa tournée et en revenant il me demanda, si j'avais vu m-r de Colbert. Je lui ai répondu qu'il a eu la complaisance de passer chez moi et de se charger de mes paquets. Il rejoignit encore l'am-

bassadeur d'Angleterre et après lui avoir demandé des nouvelles de sa femme, lorsque celui-ci lui répondit qu'elle était restée à la maison pour garder un de ses enfants malades, il lui dit: „Vous avez passé ici une mauvaise saison, je souhaite que vous restiez la bonne; mais il n'y a pas d'apparence après ce qui vient d'arriver. La France n'est pas faite pour intimider l'Angleterre, mais l'Angleterre n'intimidera non plus la France. Vous pouvez, ajouta-t-il, la *tuer*, mais vous ne la ferez pas plier sur les droits que lui donnent ses traités, et nous sommes prêts à les aller réclamer jusqu'à chez vous“. Il quitta le cercle et en se retirant il criait à haute voix: „Malthe ou la guerre, et malheur à ceux qui violent les traités“. Plus de cinquante assistants ne perdirent pas un mot de cette étrange scène. On ne saurait trop louer la prudence de l'ambassadeur d'Angleterre. Il fit de son mieux pour abrégier la durée de cette singulière explosion. Mais il n'y a eu que la suffocation de la colère, dont le premier consul paraissait animé et qui ne lui permettait pas même le choix de ses expressions qui y mit fin. L'ambassadeur d'Angleterre a été vivement blessé de cette algarade, quoiqu'il n'y eut rien de personnel pour lui. Il s'en plaignit à ses collègues et il se proposait, à ce qu'il m'a dit, d'aller trouver m-r de T. pour le prier de représenter au premier consul que les ambassadeurs et ministres étrangers n'allaient aux cercles où ils étaient appelés que pour faire leur cour et non pour traiter publiquement d'affaire, qui dans tous les pays du monde sont du ressort de la solitude des cabinets.

Au sortir du cercle le premier consul fit appeler chez lui les ministres de l'extérieur, de la guerre et de la

marine. Plusieurs expéditions de courriers dans les ports et sur les frontières de France, ainsi que pour l'armée d'Italie, ont eu lieu dans la même journée, et tout Paris a retenti des bruits d'une guerre prochaine. Ce qui semble la rendre moins telle, c'est précisément ce fracas avec lequel on l'annonce et surtout la situation de la France. Elle a peu de vaisseaux dans ses ports; la plus grande et la meilleure partie de ses flottes est dans les isles et deviendrait la première proie des Anglais. Son armement sur les côtes d'Hollande est très peu considérable et serait exposé au même sort que son escadre aux isles. Mais d'un autre côté elle aura tout-à fait beau jeu sur le continent et principalement en Italie. Le parti d'occuper le pays d'Otrante et peut-être une grande partie du royaume de Naples et d'y faire subsister à ses dépens les troupes françaises paraît être décidément pris. M-r de T. a dit à quelqu'un de ma connaissance qu'on pourrait profiter de cette position pour s'emparer de la Morée. On m'a aussi dit que dans les propositions que le général Duroc est chargé de faire à la cour de Berlin se trouve celle d'occuper non seulement l'électorat de Hanovre, mais aussi la ville de Hambourg et ce dernier pour couper à l'Angleterre toute communication avec le Nord, comme elle le sera avec tout le Midi.

Dans mes entretiens avec lord Whithworth j'ai tâché d'apprendre de lui quel était le point fixe auquel sa cour s'arrête dans toute cette discussion, et j'ai compris qu'elle ne voulait pas garder Malthe, mais qu'elle aurait désiré y rester jusqu'à ce que les puissances continentales et nommément l'Autriche puissent se réunir avec elle et agir de concert pour la défense de l'Orient

contre l'ambition du premier consul. Il ajouta que Malthe, outre que c'est la seule position que les Anglais aient dans la Méditerranée, c'est encore la seule, qui leur procure la facilité de protéger l'empire Turc contre une entreprise des Français, si elle était faite prochainement, et que la laisser entre les mains du roi de Naples ce serait absolument la livrer aux Français, et malheureusement cette réflexion ne paraît que trop juste: car sur la première réquisition de la France le roi de Naples se verrait contraint de retirer sa garnison et de la laisser remplacer par une garnison française. Je lui ai rappelé qu'il m'avait entretenu du moyen de se rassurer sur l'ambition de la France par celui d'un traité de garantie pour l'intégrité de l'empire Ottoman entre la France, l'Angleterre et d'autres grandes puissances de l'Europe. Il me répondit que ce moyen serait peut-être adopté par sa cour, malgré que plusieurs exemples aient prouvé son insuffisance et sa fragilité. Il conserve cependant l'espoir de la prolongation de la paix, et m'en de Talleyrand me paraît aussi le partager. Les réponses qui ne tarderont pas à nous arriver de Londres fixeront nos incertitudes; mais ce que je sais de science certaine c'est que le premier consul est aussi impatient qu'inquiet d'apprendre la manière dont V. M. I. envisagera la situation actuelle des choses.

Paris
ce 4/16 Mars
1803

Переводъ донесенія отъ 4/16 Марта 1803.

На другой день послѣ отъѣзда полковника Кольбера, принявшаго на себя доставленіе В. И. В-у моихъ депешъ, былъ вечерній приемъ у мадамъ Бо-

напартъ, гдѣ по обыкновенію присутствовалъ дипломатическій корпусъ и всѣ находящіеся въ Парижѣ иностранцы обоего пола. Первый консулъ, по своемъ прибытіи туда, встрѣтилъ прежде всѣхъ на своемъ пути Англійскаго посланника. Онъ обратился къ нему и сказалъ: „что, судя по полученнымъ изъ Лондона извѣстіямъ, надобно полагать, что Франція и Англія послѣ пятнадцатилѣтней борьбы должны воевать между собою другія пятнадцать лѣтъ.“ Посланникъ отвѣчалъ, что онъ сохраняетъ надежду, что не дойдетъ до подобной крайности, что настоящій образъ дѣйствій Англійскаго короля былъ только послѣдствіемъ Англійской конституціи, а нисколько не вызовомъ къ разрыву, и онъ надѣется, что все будетъ улажено дружескими объясненіями. „Они совершенно излишни,“ возразилъ первый консулъ, „относительно постановленной столь ясныхъ и положительныхъ, какъ Аміенскій трактатъ“; и отойди отъ него и приближайся ко мнѣ, онъ повторилъ: „Очень хорошо, будемъ еще воевать лѣтъ пятнадцать!“ Я принялъ на себя смѣлость скромно замѣтить ему, что для блага человечества и первыя пятнадцать лѣтъ были излишними и что несравненно лучше было-бы прибѣгнуть къ полюбившему примиренію. „Я былъ-бы очень тому радъ, возразилъ онъ; но Мальта или война“; и при этомъ онъ присовокупилъ съ гнѣвнымъ движеніемъ: „Послѣ того пришлось-бы навѣсить черный крестъ на всѣ трактаты и на статую совѣсти!“ Онъ продолжалъ свое шествіе и на обратномъ пути спросилъ меня, видѣлъ-ли я г. Кольбера. Я отвѣчалъ ему, что онъ весьма любезно завѣщалъ ко мнѣ и принялъ на себя доставку моихъ пакетовъ. Онъ опять подошелъ къ Англійскому посланнику, спросилъ у него о здоровьи его жены и когда тотъ отвѣчалъ, что она осгалась дома по случаю нездоровья одного изъ дѣтей, онъ сказалъ ему: „Вы провели здѣсь дурное время года; желаю, чтобы вы пробыли здѣсь въ его лучшую по-

ру; но едва-ли это удастся, судя по тому, что случилось. Франція не создана, чтобы напугать Англію; но и Англіи не напугать Францію. Вы можете *сокрушить* ее, прибавилъ онъ; но вы не заставляйте ее отступить отъ правъ, которыя предоставляютъ ей трактаты, и мы готовы проникнуть даже къ вамъ для ихъ достиженія. Онъ оставилъ собраніе и удаляясь воскликнулъ громкимъ голосомъ: „Мальта или война, и горе тѣмъ, кто нарушаетъ трактаты!“ Болѣе пятидесяти присутствующихъ лицъ не проронили ни одного слова въ этой странной сценѣ. Нельзя достаточно восхвалить осторожность Англійскаго посланника; онъ употребилъ все свое стараніе къ потушенію этого непонятнаго взрыва. Но въ сущности онъ погасъ потому, что первый консулъ задыхался отъ овладѣвшаго имъ гнѣва и не находилъ даже нужныхъ ему словъ и выраженій. Англійскій посланникъ былъ сильно оскорбленъ этою выходкою, хотя она не имѣла ни малѣйшаго личнаго характера. Онъ жаловался на то своимъ товарищамъ и предполагалъ, по словамъ его, отправиться къ г. Талейрану, чтобы просить его передать первому консулу, что иностранные послы и министры появляются въ собраніяхъ, куда ихъ приглашаютъ, единственно для того, чтобы исполнить долгъ учтивости, а не для того, чтобы публично трактовать о дѣлахъ, которыя во всѣхъ странахъ свѣта совершаются въ тиши кабинета.

По выходѣ своемъ изъ этого собранія, первый консулъ вызвалъ къ себѣ мистровъ военнаго, морскаго и иностранныхъ дѣлъ. Въ тотъ-же день произошла разсылка разныхъ курьеровъ къ портамъ и границамъ Франціи, а равно и къ Итальянской арміи, и весь Парижъ огласился слухомъ о предстоящей войнѣ. Если еще что либо представляетъ сомнѣваться въ ея скоромъ наступленіи, такъ это именно тотъ трескъ, съ которымъ ее возвѣщаютъ, и даже самое положеніе Франціи. У нея мало кораблей въ ея пор-

тахъ; главная и лучшая часть ея морскихъ силъ находится на островахъ и сдѣлалась-бы первою жертвою Англичанъ; ея вооруженія у береговъ Голландіи весьма незначительны и подверглись-бы той-же участи, какъ и ея эскадра на островахъ. Но съ другой стороны вся выгода будетъ на ея сторонѣ на материкѣ и въ особенности въ Италіи. Повидимому вполне рѣшено занять Отрантскую мѣстность и, быть можетъ, даже большую часть Неаполитанскаго королевства и содержать на ихъ счетъ Французскія войска. Г. Талейранъ сообщилъ кому-то изъ моихъ знакомыхъ, что можно воспользоваться этимъ положеніемъ и завладѣть Мореею. Мы передавали также, что въ числѣ предложеній, которыя поручено генералу Дюроку сдѣлать Берлинскому двору, заключается и намѣреніе занять не только курфиршество Ганноверское, но и городъ Гамбургъ съ цѣлью отрѣзать для Англіи всякое сообщеніе съ Сѣверомъ, какъ она уже отрѣзана отъ Юга.

Въ нашихъ разговорахъ съ лордомъ Витвортомъ, я старался узнать отъ него, каковъ опредѣлившійся взглядъ его правительства на всѣ эти переговоры, и я понялъ, что оно не желаетъ удержать Мальты, но что оно желало-бы оставаться тамъ до тѣхъ поръ, покуда континентальныя державы и въ особенности Австрія не примкнутъ къ ней, чтобы дѣйствовать сообща на защиту Востока противъ властолюбія перваго консула. Онъ присовокупилъ, что Мальта не только единственная станція, которую Англичане занимаютъ въ Средиземномъ морѣ, но что она и единственное мѣсто, дающее имъ возможность ограждать Турецкую имперію отъ вторженія Французовъ, если-бы оно совершилось въ близкомъ будущемъ, и кѣли оставить ее въ рукахъ Неаполитанскаго короля, то это равнялось-бы уступкѣ ея Французамъ. Къ несчастію подобное разсужденіе слишкомъ справедливо, потому что по первому требованію Франціи король Неаполитанскій нашелся-бы вынужденнымъ вы-

вести оттуда свой гарнизонъ и допустить замѣну его Французскимъ. Я напомнилъ ему, что онъ сообщалъ мнѣ о возможности обезпечить себя противъ властолюбія Франціи посредствомъ особаго трактата, заключеннаго въ видахъ упроченія цѣлости Оттоманской имперіи между Франціею, Англіею и другими великими Европейскими державами. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что это средство быть можетъ и будетъ испытано его дворомъ, хотя нѣсколько примѣровъ свидѣлствуютъ о его недостаточности и непрочности. Впрочемъ онъ еще сохраняетъ нѣкоторую надежду на продленіе мира, и г. Талейранъ повидимому раздѣляетъ это мнѣніе. Отвѣты, которые не замедлятъ явиться изъ Лондона, разрѣшатъ наши недоумѣнія; но мнѣ изъ достовѣрнаго источника извѣстно, что первый консулъ съ такимъ-же нетерпѣніемъ, какъ и тревогою желаетъ узнать, каковъ взглядъ В. И. В-ва на настоящее положеніе вещей.

Парижъ
¼ Марта 1803 г.

XIV.

Sire! Dans mon rapport expédié par le colonel Colbert j'ai rendu compte à V. M. I. de l'entretien que j'ai eu avec le premier consul. Je vais avoir l'honneur de Lui en rapporter les principaux traits. Il commença par des plaintes de la part du premier consul de la conduite des Anglais à son égard diamétralement opposée au traité d'Amiens. Ils alléguent, a-t-il dit, pour excuse, les changemens effectués en Italie, la présence des troupes françaises en Hollande et en Suisse; mais lorsque le congrès de pacification était assemblé à Amiens, la consulta Italienne était à Lyon, et tout y a été réglé de la manière dont cela existe actuellement, avant que les traités d'Amiens fussent signés. C'était donc alors, qu'il fallait développer les prétentions qu'ils annoncent sur Malte. „Ils m'imputent, a-t-il

ajouté, des vues de convoitise sur l'Égypte et le dessein de recommencer la guerre. Je n'ai entrepris ma première expédition en Égypte que parcequ'il importait à mes convenances personnelles de ne pas rester en France dans ce tems-la; j'y ai renoncé aussitôt que j'ai pu revenir avec sûreté et espérance de réussite dans les objets de la plus grande conséquence pour moi, et depuis je n'ai plus songé à une misérable contrée où j'ai éprouvé toutes sortes de désagrémens. Quant à mon envie de recommencer la guerre, je suis homme comme un autre: je ne perds point de vue le point d'où je suis parti et je considère celui où je suis arrivé. Que puis-je désirer de mieux que de jouir tranquillement des avantages et des douceurs qu'il me procure? Mais mon honneur, ainsi que celui de la nation française, m'imposent le devoir de faire observer les traités conclus avec moi, et je suis déterminé à y tout sacrifier, s'il le faut, indispensablement“.

Il vint ensuite à l'article du roi de Sardaigne et me fit de nouveau valoir toute l'entendue de la déférence qu'il cherche à témoigner à V. M. I. en s'occupant du sort de ce prince. Il me proposa pour lui les deux lots dont j'ai déjà fait mention dans plus d'un de mes rapports à V. M. I. Je l'ai prié de considérer qu'il s'agissait d'un prince qui naguères avait une armée de 30 à 40 mille hommes, tenait une cour, envoyait et recevait des ambassadeurs et qu'en équivalent on ne lui offrait que de misérables villages qui lui rapporteraient à peine 1500 mille livres de revenus. Il me répondit qu'il ne fallait pas songer à rien de tout cela; qu'il n'était question ni de justice, ni de droit, mais d'une simple attention

pour V. M. I. et d'une pure libéralité envers un prince à qui ni lui, ni aucun autre puissance ne prennent le mondre intérêt, et après cela il m'invita à conclure cette affaire avec m-r de Talleyrand. Celui-ci rédigea un projet d'acte, qu'il m'envoya accompagné d'une lettre. M-r de T. m'a proposé de le signer immédiatement, et quoique j'y fusse autorisé en quelque façon par les ordres que le chancelier de l'Empire m'a transmis de la part de V. M. I., la considération des chances que pourrait amener l'aspect actuel des affaires m'a fait hésiter d'y souscrire jusqu'à la réception de nouveaux ordres de V. M. I. J'ai en même tems profité d'un courrier que le marquis de Gallo, ambassadeur de Naples, expédiait à sa cour pour faire parvenir à m. de Lisakewitz la copie des deux pièces susmentionnées et pour le prier de les porter à la connaissance de sa m. Sarde et de m'instruire de sa détermination, afin d'éviter tout reproche de la part de ce prince d'avoir disposé de son sort sans l'avoir consulté. J'ose me flatter que V. M. I. daignera ne pas désapprouver la marche que j'ai cru d'avoir adopter dans cette circonstance.

Avant de terminer ce rapport, je me permettrai d'observer que ce que m'a dit le premier consul au sujet de sa façon de penser sur l'Égypte ne se trouve nullement d'accord avec le discours qu'il a tenu sur le même sujet à l'ambassadeur d'Angleterre, auquel il a soutenu que l'Égypte tôt ou tard doit être une colonie de la France, soit par la chute de l'empire Ottoman, soit par conquête, soit par arrangement amiable avec la Porte. L'ambassadeur d'Angleterre m'a certifié encore hier que ces propos lui ont en effet été tenus, qu'il en avait rendu compte à sa

cour et que la dépêche qu'il lui a adressée à ce sujet sera produite, quand il sera tems, par le ministère britannique parmi ses pièces justificatives.

Paris le $\frac{1}{16}$ Mars 1803.

Переводъ донесенія отъ 4 (16) Марта 1803.

Государь! Въ моемъ донесеніи, отправленномъ съ полковникомъ Кольберомъ, я представилъ В. И. В-у отчетъ о моемъ разговорѣ съ первымъ консуломъ. Я буду имѣть честь привести его здѣсь въ главныхъ его чертахъ. Онъ начался жалобами со стороны перваго консула на поведеніе Англичанъ, совершенно противоположное Аміенскому трактату. Они приводятъ въ свое оправданіе, сказалъ онъ, тѣ перемѣны, которыя совершились въ Итали, присутствіе Французскихъ войскъ въ Голландіи и въ Швейцаріи; но когда мирный конгрессъ былъ созванъ въ Аміенъ, то Итальянская консульта (consulta) была собрана въ Лионъ, и все было установлено въ томъ видѣ, какъ оно теперь существуетъ, прежде чѣмъ Аміенскій трактатъ былъ подписанъ. Тогда слѣдовало высказывать требованія, которыя они нынѣ выражаютъ относительно Мальты. Они приписываютъ мнѣ (прибавилъ онъ) завоевательные виды на Египетъ и желаніе возобновить войну. Я предпринялъ мой первый походъ въ Египетъ единственно потому, что, по моимъ личнымъ соображеніямъ, мнѣ необходимо было не оставаться въ то время во Франціи; я тотчасъ отъ него отказался, какъ только я могъ вернуться безопасно и съ надеждою на успѣхъ по вопросамъ величайшей важности для меня, и съ тѣхъ поръ я никогда не думалъ объ этой жалкой странѣ, гдѣ я испыталъ столько разныхъ неприятностей. Что-же касается до моего желанія возобновить войну, то я такой-же человекъ, какъ и всѣ прочіе; я не терю изъ виду мою точку отправленія и принимаю во вниманіе ту, которой я достигъ. Чего оставалось-бы мнѣ желать лучшаго, какъ

спокойно наслаждаться тѣми выгодами и удобствами, которыя она мнѣ доставила? Но честь моя, а равно и честь Франціи предписываютъ мнѣ долгъ наблюдать за сохраненіемъ заключенныхъ со мною трактатовъ, и я рѣшился всѣмъ пожертвовать для этой цѣли, если это окажется неизбѣжнымъ.

Затѣмъ онъ перешелъ къ вопросу о Сардинскомъ королѣ и снова выставлялъ мнѣ на видъ то чрезмѣрное уваженіе, которое онъ старается выказать В. И. В. своими заботами о судьбѣ этого монарха. Онъ предложилъ мнѣ для него одинъ изъ тѣхъ двухъ исходовъ, о которыхъ я уже упоминалъ въ нѣсколькихъ моихъ донесеніяхъ. Я просилъ его принять во вниманіе, что рѣчь идетъ о государѣ, который имѣлъ нѣкогда армию въ 30 или 40 тысячъ человекъ, содержалъ особый дворъ, акредитовывалъ и посылалъ отъ себя пословъ и, въ замѣнъ всего этого, ему предлагаютъ нѣсколько жалкихъ деревень, могущихъ съ трудомъ приносить ему 1,500,000 ливровъ дохода. Онъ возразилъ мнѣ, что объ этомъ и думать не слѣдуетъ; что вопросъ тутъ не въ справедливости и не въ правѣ, а въ простомъ вниманіи къ В. И. В. и въ положительномъ великодушій отъносительно монарха, въ которомъ ни онъ, ни другія державы не принимаютъ рѣшительно никакого участія, и послѣ этого онъ предложилъ мнѣ покончить это дѣло съ г. Талейраномъ. Этотъ послѣдній составилъ проектъ трактата и переслалъ мнѣ его при письмѣ. Г. Талейранъ предложилъ мнѣ немедленно подписать его и, хотя я въ нѣкоторомъ родѣ и былъ на то уполномоченъ повелѣніями В. И. В-ва, сообщенными мнѣ государственнымъ канцлеромъ, но видъ тѣхъ случайностей, которыя можетъ повлечь за собою настоящее положеніе вещей, вынудилъ меня остановиться подписью, впредь до получения на этотъ счетъ новыхъ приказаній В. И. В-ва. Тѣмъ временемъ я воспользовался отъѣздомъ курьера, отправляемаго маркизомъ Галло, Неаполитанскимъ посланникомъ, къ своему двору,

чтобы переслать г. Лизакевичу копию съ двухъ вышеупомянутыхъ статей и просить его довести о нихъ до свѣдѣнія его Сардинскаго величества и увѣдомить меня о его заключеніи, во избѣжаніи со стороны этого государя упрека, что участь его была рѣшаема безъ его вѣдома. Смѣю надѣяться, что В. И. В-во удостоите Вашего одобренія тотъ образъ дѣйствій, которому я счелъ нужнымъ слѣдовать въ этомъ дѣлѣ.

Прежде чѣмъ заключить это донесеніе я позволю себѣ замѣтить, что все то, что было сказано мнѣ первымъ консуломъ на счетъ его мнѣнія объ Египтѣ, ни мало не согласуется съ тою рѣчью, съ которою онъ обратился по тому-же предмету къ Англійскому посланнику, утверждая, что Египетъ рано или поздно долженъ сдѣлаться Французскою колоніею, или вслѣдствіе паденія Оттоманской имперіи, или путемъ завоеванія, или посредствомъ добровольной сдѣлки съ Портою. Вчера еще Англійскій посланникъ подтвердилъ мнѣ, что эти слова были ему сказаны, что онъ ихъ сообщилъ своему двору и что отправленная имъ на этотъ счетъ депеша будетъ обнародована Британскимъ министерствомъ своевременно въ числѣ его оправдательныхъ документовъ.

Парижъ.

¼ Марта 1803 г.

XV.

Sire! Le chasseur Schourakoff, porteur des ordres de V. M. I., est arrivé ici mercredi dernier (29 Avril) 11 May. Après m'avoir remis exactement les différentes dépêches dont il avait été chargé, il a continué le même jour au bout de quelques heures sa route pour Londres. Je me suis empressé de communiquer dans la même journée à m-r de Talleyrand le rescrit que V. M. I. a daigné m'adresser sous la date du 10 Avril. Il m'en a demandé une copie pour la mettre sous les yeux du premier consul, et je n'ai

pas balancé de le lui accorder. Lorsque je fus le voir le lendemain, il m'a assuré que le premier consul avait reçu les ouvertures que V. M. m'a autorisé de lui faire comme une nouvelle marque de l'amitié pour lui et d'intérêt pour la conservation de la paix, qu'il acceptait avec plaisir et reconnaissance l'offre qu'Elle lui faisait de Son intervention et qu'il désirait vivement que l'Angleterre marquat à cet égard le même empressement. Sur cette assurance je n'ai pas hésité d'offrir à m-r de T. tous mes services pour seconder les intentions pacifiques qu'il venait de m'annoncer. Il ne m'a demandé pour le premier moment que de tâcher d'engager l'ambassadeur d'Angleterre à ne pas précipiter son départ, en lui communiquant les dispositions qu'a manifestées V. M. I., et j'ai fait tous mes efforts pour cela, mais inutilement. Cet ambassadeur m'a déclaré qu'il avait des ordres trop positifs et trop précis de ne différer sous aucun prétexte de partir dans les trente six heures, s'il n'obtenait pas de réponse favorable aux propositions de sa cour, pour oser prendre sur lui d'y désobéir, d'autant plus qu'il avait essuyé un reproche de son premier délai. Il insista donc auprès de ce gouvernement sur ses passeports, les obtint et quitta Paris hier à dix heures du soir. Ces passeports ont été accompagnés d'une note dans laquelle m-r de Talleyrand le prévient qu'il serait peut-être dans le cas de s'arrêter quelque tems à Calais jusqu'à ce qu'on y reçoive la nouvelle de l'arrivée de l'ambassadeur français à Douvre. Dans la même journée le cabinet des Thuilleries expédia un courrier à ce dernier à Londres, et ces deux circonstances réunies laissent encore quelqu'espoir que la négociation pourra se renouer et que lord Whitworth

reviendra dans cette capitale. Ce sont du moins les vœux de tout le public d'ici et peut-être ceux du premier gouvernant lui-même.

Paris le 1/3 May 1803.

Переводъ донесенія отъ 1 (13) Мая 1803.

Государь! Фельдъ-егерь Шураковъ, посланный съ повелѣніями В. И. В-ва, прибылъ сюда въ прошлую среду 29 Апр. (11 Мая) и, передавъ мнѣ въ точности всѣ депеши, которыя были ему поручены, онъ въ тотъ-же день, по истеченіи нѣсколькихъ часовъ, продолжалъ свой путь въ Лондонъ. Того-же числа я посѣщилъ сообщить г. Талейрану рескриптъ, котораго В. И. В-о меня удостоили сего 10 Апр. Онъ просилъ у меня копіи съ него для поднесенія ея на усмотрѣніе перваго консула, и я не колеблясь вручилъ ему такую. Когда я навѣстилъ его на слѣдующій день, онъ увѣрялъ меня, что первый консулъ принялъ предложенія, которыя В. И. В. уполномочили меня сдѣлать, какъ новое доказательство Вашей дружбы къ нему и Вашего участія къ сохраненію мира, что онъ принимаетъ съ удовольствіемъ и благодарностію Ваше предложеніе о посредничествѣ и что онъ пламенно желаетъ, чтобы Англія выразила въ этомъ отношеніи ту же готовность. Основываясь на этихъ увѣреніяхъ, я не преминулъ предложить г. Талейрану мои услуги для содѣйствія тѣмъ миролюбивымъ намѣреніямъ, которыя онъ мнѣ возвѣщалъ. На первыхъ порахъ онъ просилъ меня только постараться убѣдить Англійскаго посланника не ускорять своего отъѣзда, сообщивъ ему о выраженныхъ В. И. В. намѣреніяхъ; я употребилъ къ тому всѣ усилія, но понапрасну. Этотъ посланникъ объявилъ мнѣ, что ему даны слишкомъ опредѣленные и положительныя приказанія совершить свой отъѣздъ въ теченіи тридцати часовъ, если онъ не получитъ благоприятнаго отвѣта на предложенныя его дворомъ условія, чтобы дерзнуть послушаться, тѣмъ болѣе, что онъ

уже получилъ выговоръ за свою первую проволочку. А потому онъ настоятельно потребовалъ отъ здѣшняго правительства своихъ паспортовъ, получилъ ихъ и выѣхалъ изъ Парижа вчера въ 10 часовъ вечера. Эти паспорта сопровождались нотою, гдѣ г. Талейранъ предупреждалъ его, что ему, быть можетъ, придется остановиться на нѣкоторое время въ Кале, покуда тамъ получитъ извѣстіе о прибытіи Французскаго посланника въ Дувръ. Въ тотъ-же день Тюльерійскій кабинетъ отправилъ курьера въ Лондонъ къ сему послѣднему, и сопоставленіе этихъ двухъ обстоятельствъ подаетъ нѣкоторую надежду, что переговоры могутъ возобновиться и что лордъ Витвортъ еще вернется въ здѣшнюю столицу. По крайней мѣрѣ таковы желанія всей публики и, быть можетъ, даже и самаго главнаго правящаго лица.

Парижъ $\frac{1}{15}$ Мая. 1803 г.

XVI.

Sire! Ayant déjà fait mon rapport à V. M. I. de la réception des ordres augustes qu'il Lui a plu de m'adresser dans Son rescrit du 10 Avril dernier, ainsi que de l'employ que j'en ai fait vis-à-vis du ministère français, j'ai réservé à l'occasion présente de lui rendre également compte de l'impression que leur teneur a faite sur l'esprit de ce dernier. J'ai cru m'apercevoir qu'elle n'a pas répondu à Son attente. Il s'était flatté que V. M. I. ne s'arrêterait qu'à l'article du traité d'Amiens qui concerne Malte sans remonter aux causes de son infraction, sans lesquelles celle-ci serait véritablement inexécutable. Cependant m-r de Talleyrand a dissimulé son mécontentement et m'a même adressé quelques complimens d'usage sur l'intérêt que V. M. I. avait daigné manifester dans cette circonstance; mais en même tems il m'a marqué une réserve entière sur une entrevue qu'il a eue dans la même journée avec l'am-

bassadeur d'Angleterre et s'est borné à m'engager à l'aller trouver immédiatement pour lui communiquer aussi les instructions que je venais de recevoir de V. M. I., les regardant comme très propres à suspendre la résolution qu'il avait annoncée de partir le jour suivant. J'ai déferé à cette demande et quoiqu'il fut tard lorsque j'ai quitté m. de T., je me rendis chez l'ambassadeur; mais il était déjà couché. Je rentrai chez moi et je lui écrivis un billet, qui lui fut remis de bon matin, pour lui demander un rendez-vous. En attendant j'ai jeté sur le papier quelques idées qui, en modifiant l'ultimatum proposé par l'Angleterre, me semblaient sauver l'orgueil national que le gouvernement français mettait en avant pour rejeter les conditions de cet ultimatum. Je dois avouer aux pieds de V. M. I. que la crainte de Sa désapprobation a cédé en moi à celle du danger pressant de voir éclater une rupture immédiate, que je sçavais si contraire aux vœux et aux intentions générales de V. M., si je ne réussissais à faire différer le départ de l'ambassadeur. Lorsque celui-ci vint me voir, je lui ai fait d'abord la lecture du rescrit de V. M. I. Il en fut effarouché dans le premier moment. Il lui parût plus favorable à la France qu'à l'Angleterre, et j'eus besoin d'un long commentaire pour dissiper ce doute. Ce n'est qu'après m'être assuré de cet effet que je lui produisis le papier ci-joint en lui demandant s'il pouvait le prendre ad referendum et remettre son départ et en lui offrant dans ce cas de le proposer également au ministère français. Il me protesta que les ordres de quitter Paris étaient si positifs et si précis, qu'à moins d'une acceptation pure et simple de son ultimatum il ne pourrait admettre aucun délai à son dé-

part. Ce fut un dernier trait de lumière pour moi, que l'Angleterre voulait fortement sinon la guerre, du moins l'annulation du traité d'Amiens, qui serait l'effet du premier coup de canon tiré de part ou d'autre.

Quelques heures après cette conférence je me rendis chez m. de T. pour l'instruire de son résultat, sans lui faire part toutefois de l'expédient que j'avais proposé à l'ambassadeur d'Angleterre pour différer son départ. Il n'est entré avec moi dans aucune explication et s'est contenté de me dire que sur la demande répétée de cet ambassadeur il venait de lui envoyer ses passeports.

J'ai laissé passer quelques jours sans parler à m. de T. d'aucune affaire, qui put le distraire de celle qui devait lui donner nécessairement des occupations aussi essentielles que pressantes. Dans cet intervalle j'appris que m. de T. témoignait contre moi une espèce de mécontentement, dont voici le sujet. On a imprimé dans le Moniteur que la Russie et la Prusse avaient garanti l'article du traité d'Amiens qui concernait Malte. M-r de Luchesini m'a demandé ce qui en était. Je lui ai répondu par la vérité du fait qui était que V. M. I. avait en effet offert de garantir cet article moyennant certaines modifications que les deux puissances contractantes au traité d'Amiens concerteraient à cet égard, mais que ce concert n'ayant point eu lieu, l'acte de garantie de V. M. n'existait pas non plus. M-r de Luchesini n'a eu rien de plus pressé que d'instruire m. de Talleyrand de cette réponse de ma part. Celui-ci partit de là pour m'accuser de mauvaise volonté pour la France et de partialité pour l'Angleterre. Ses plaintes me parvinrent indirectement; mais fort

de ma conscience qui me disait que j'ai été plutôt au delà qu'en deça de la mesure qui m'a été prescrite par V. M. I. pour maintenir la paix en tant que cela pouvoir dépendre de moi, je ne me suis point laissé imposer ni par le ton réservé, ni par le silence affecté de ce ministre, et comme peu de jours avant la rupture, à la suite d'un entretien particulier que j'ai eu aux Thuilleries avec le premier consul, il appela m. de T. et lui donna en ma présence l'ordre de terminer avec moi l'affaire du roi de Sardaigne, je la remis sur le tapis et lui proposai de procéder à sa conclusion. Mais il m'objecta que le moment n'y était point favorable et que le sort d'Italie entière était retombé dans le même état où il était avant la paix d'Amiens. A trois tentatives que j'ai faites à ce sujet, j'ai toujours reçu la même réponse et j'ai cessé d'y insister, non sans rappeler cependant que ces instances étaient fondées sur des traités formels entre V. M. I. et la France et sur les promesses les plus positives du premier consul. Une autre raison, Sire, qui m'a fait discontinuer ces instances, c'est la situation actuelle de l'Italie. Inondée comme elle est de troupes françaises, le roi de Sardaigne, au milieu des nouveaux états où il s'agissait de le placer, en proie à la malveillance invétérée du premier gouvernant, l'aurait été à toutes sortes de vexations et d'insultes de la part des commandants de ces troupes, et sa situation aurait été encore plus malheureuse qu'elle ne l'est dans son état actuel. D'ailleurs il est évident que l'intention du premier consul est de faire du sort de ce prince un objet de compensation dans ses futures négociations avec l'Angleterre. Une partie des domaines du roi de Naples a la même destination. J'ai ce-

pendant cédé aux instances de l'ambassadeur de cette cour et ai renouvelé mes représentations au sujet de l'invasion du pays d'Otrante; mais elles furent tout aussi infructueuses que les deux notes du marquis de Gallo, dont je prends la liberté de transmettre ci-joint les copies. Il a accompagné la communication qu'il m'en a faite d'instances les plus vives pour recommander les intérêts de son maître aux soins bienveillants et à la protection de V. M.

Le ministre de Portugal m. de Souza s'est aussi adressé à moi pour seconder les efforts qu'il faisait pour conjurer l'orage qui grondait sur cet état. Je me suis borné à des insinuations aussi générales que celles que j'ai faites en faveur du royaume de Naples. On m'assure que ce gouvernement-ci a enfin adopté le système de la neutralité pour l'Espagne, et de cette manière le Portugal se trouvera à couvert du danger qui le menaçait. Mais il ne l'est point des insolences que le général Lasne, ministre de la république à Lisbonne exerce contre cette cour. M. de Souza m'a dit qu'il les a poussées au point de déclarer au prince-régent en face, qu'il ne les discontinuerait point à moins que ce prince ne le désarmât par des présens d'argent considérables. M-r de Souza en a fait des plaintes officielles à m. de Talleyrand, mais il n'a point été écouté. Cela ne m'étonne point du tout, car ce ministre raconte avec une espèce de jactance dans la société privée qu'il y a dans ce moment plus de 140 m. hommes de troupes françaises qui vivent aux dépens de l'étranger et sans couter un sol à l'état.

Les villes Ansatiques paraissent soustraites, pour un moment du moins, au sort dont elles ont été menacées. Leur agent le sénateur Schulde a re-

çu des assurances tranquillisantes, et m-r de Luchesini m'a fait entendre que c'est à l'intervention de sa cour qu'elles les doivent. L'occupation de Hannovre est effectuée. V. M. I. aura vu sans doute avec indignation la proclamation révoltante que le général Mortier, chargé de prendre possession de cet électorat, y a fait publier. Elle a été insérée dans le Moniteur, papier officiel et avoué du gouvernement.

C'est avec douleur, Sire, mais avec vérité que je dois dire à V. M. I. que tous les écrits et tous les procédés qu'ont occasionné les circonstances présentes se ressentent des tems à jamais exécrables de Robespierre et du Directoire et tendent à réveiller partout les idées de rebellion et de subversion, aux quelles on s'était flatté pendant quelque tems que ce gouvernement-ci avait totalement renoncé.

Paris le (25 May) 6 Juin 1803.

Переводъ донесенія отъ 25 Мая (6 Юня) 1803.

Государы! Я уже доносилъ В. И. В-у о получении мною всемилостивѣйше выраженныхъ въ рескриптѣ отъ 10 Апр. предписаній на мое имя, а равно и о сдѣланномъ мною изъ нихъ употребленіи относительно Французскаго министерства; но я пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы довести до Вашего свѣдѣнія о впечатлѣніи, произведенномъ ихъ содержаніемъ на министерство. Мнѣ показалось, что оно не соответствовало его ожиданіямъ. Оно повидимому надѣялось, что В. И. В. оставите Ваше вниманіе лишь на той статьѣ Аміенскаго трактата, которая относится до Мальты, не восходя до причинъ ея нарушенія, безъ чего эта статья была-бы дѣйствительно невыполнима. Впрочемъ г. Талейранъ съумѣлъ скрыть свое неудовольствіе и даже высказалъ мнѣ нѣсколько обычныхъ привѣтствій по поводу участія, ко-

торое В. И. В. соблаговолили выразить въ этихъ обстоятельствахъ; но въ тоже время онъ остался въ полнѣйшемъ молчаніи на счетъ свиданія, которое имѣлъ онъ въ тоже утро съ Англійскимъ посланникомъ и ограничился просьбою отъправиться къ нему немедленно, чтобы сообщить ему также только что полученныя мною отъ В. И. В. инструкціи, полагая, что онъ способенъ остановить возвѣщенное имъ намѣреніе уѣхать на слѣдующій день. Я согласился на эту просьбу и хотя уже было поздно, когда я оставилъ г. Талейрана, но я отправился къ посланнику; онъ уже былъ въ постели. Я вернулся домой и написалъ ему записку, переданную ему рано утромъ, прося у него свиданія. Между тѣмъ я набросалъ на бумагу нѣсколько мыслей, которыя измѣняли ультиматумъ, предложенный Англіею и могли, по моему мнѣнію, удовлетворить національное самолюбіе Французовъ, побуждавшее ихъ отвергать условія этого ультиматума. Повергаю къ стопамъ В. И. В. мое признаніе, что опасеніе заслужить Ваше неодобреніе было заглушено во мнѣ мыслию о грозящей опасности немедленнаго разрыва, который, какъ мнѣ было извѣстно, такъ мало согласовался съ Вашими желаніями и великодушными намѣреніями, Государь, въ томъ случаѣ, если мнѣ не удалось-бы настоять на замедленіи отъѣзда посланника. Когда онъ навѣстилъ меня, то я прежде всего прочелъ ему рескриптъ В. И. В-а. Въ первую минуту онъ былъ озадаченъ. Онъ показался ему болѣе благоприятнымъ для Франціи, чѣмъ для Англій, и потребовалось долгое разъясненіе съ моей стороны, чтобы разъяснить это сомнѣніе. Лишь тогда, когда я въ этомъ удостовѣрился, я приступилъ къ прилагаемой при семь бумагахъ, прося его сказать мнѣ, можетъ-ли онъ принять ее на докладъ и отложить свой отъѣздъ и предлагая ему въ такомъ случаѣ сообщить ее также и Французскому министерству. Онъ завѣрялъ меня, что приказанія оставить Парижъ были до того положительны и опредѣленны,

что, за исключеніемъ полнаго и безуловнаго принятія ультиматума, онъ ни подъ какимъ видомъ не можетъ отложить своего отъѣзда. Это послужило для меня послѣднимъ неотразимымъ доказательствомъ, что Англія желаетъ, если не войны, то расторженія Аміенскаго договора, что соотвѣтствовало-бы первому пушечному выстрѣлу съ той и другой стороны.

Нѣсколько часовъ спустя послѣ этого совѣщанія, я отправился къ г. Талейрану, чтобы сообщить о его результатѣ, не упоминая впрочемъ о томъ исходѣ, который мною былъ предложенъ посланнику Англій, съ цѣлью отложить его отъѣздъ. Онъ не вступалъ со мною ни въ какія объясненія и ограничился сообщеніемъ, что, вслѣдствіе неоднократныхъ настояній этого посланника, онъ только что препроводилъ къ нему его паспорта.

Я пропустилъ нѣсколько дней безъ всякихъ разговоровъ съ г. Талейраномъ о дѣлахъ, которыя могли-бы отвлечь его отъ всего того, что неизбѣжно должно было причинять ему столь существенныя и неизбѣжныя заботы. Въ этотъ промежутокъ времени я узналъ, что онъ питаетъ противъ меня нѣкоторое неудовольствіе по слѣдующей причинѣ. Въ Мониторѣ было напечатано, что Россія и Пруссія приняли на себя ручательство за соблюденіе той статьи Аміенскаго договора, которая относится до Мальты. Г. Лукезини спрашивалъ меня, въ чемъ дѣло. Я отвѣчалъ ему изложеніемъ истиннаго факта, заключавшагося въ томъ, что В. И. В-о дѣйствительно предлагали ручательство для этой статьи, при нѣкоторомъ ея измѣненіи съ обоюднаго согласенія сторонъ, участвующихъ въ Аміенскомъ трактатѣ; но, такъ какъ соглашеніе не состоялось, то и актъ ручательства В. И. В-а также не существуетъ. Г. Лукезини поспѣшилъ уведомить г. Талейрана объ этомъ отзывѣ съ моей стороны; а сей послѣдній воспользовался этимъ, чтобы обвинить меня въ нерасположеніи къ Фран-

ціи и въ пристрастіи къ Англіи. Эти жалобы дошли до меня косвеннымъ путемъ; но, опираясь на мою совѣсть, которая мнѣ говорила, что я скорѣе пре-высилъ, чѣмъ не выполнилъ полномо-чія, даннаго мнѣ В. И. В-омъ для поддержа-нія мира, на сколько оно могло отъ меня зависить, — я не поддался ни вліянію сдержаннаго тона, ни притворно-му молчанію этого министра, и такъ какъ за нѣсколько дней до разрыва, вслѣдствіе частнаго разговора, проис-ходившаго между мною и первымъ кон-суломъ въ Тюльери, онъ позвалъ г. Талейрана и въ моемъ присутствіи при-казалъ ему покончить со мною дѣло Сардинскаго короля, я завелъ съ нимъ рѣчь объ этомъ и предложилъ ему присту-пить къ его окончанію. Но онъ воз-разилъ мнѣ, что минута неблагоприятна и что судьба всей Италіи вернулась къ тому положенію, въ которомъ она нахо-дилась до Аміенскаго мира. На три попытки, сдѣланныя мною по этому предмету, я получалъ все тотъ же отвѣтъ, и я пересталъ настаивать, при-чемъ заявилъ впрочемъ, что эти насто-янніи основывались на формальныхъ трак-татахъ между В. И. В-омъ и Франціею и на самыхъ положительныхъ убѣждені-яхъ перваго консула. Другая причина, вынудившая меня прекратить мои на-стоянія, Государь, это настоящее со-стояніе самой Италіи. Она наводнена Французскими войсками, и Сардинскій король, среди новыхъ областей, гдѣ предстояло-бы ему водвориться, преслѣ-дуемый укоренившимся недоброжелатель-ствомъ перваго властелина, подвергся-бы всякаго рода испытаніямъ и оскор-бленіямъ со стороны начальствующихъ этими войсками, и его положеніе было-бы еще хуже того, въ которомъ онъ находится въ настоящее время. Къ то-му-же очевидно, что первый консулъ намѣренъ сдѣлать судьбу этого монарха предметомъ вознагражденія въ своихъ будущихъ переговорахъ съ Англіею; часть владѣній Неаполитанскаго короля имѣетъ тоже назначеніе. Однако я ус-

тупилъ убѣжденіямъ посланника этого двора и возобновилъ мои настоянія от-носительно вторженія въ Отрантскую область; но они остались также бесплод-ны, какъ и двѣ ноты маркиза Галло, съ которыхъ позволяю себѣ препро-водить при семъ копіи. Онъ присоеди-нилъ къ ихъ сообщенію самыя насто-ятельныя убѣжденія, чтобы поручить интересы своего повелителя благосклон-ному вниманію и покровительству В. И. В.

Португальскій министръ г. Суза то-же обратился ко мнѣ за содѣйствіемъ къ отклоненію грозы, разражающейся надъ этою странюю. Я ограничился на-меками, столь-же общими, какъ и тѣ, ко-торыя я дѣлалъ на счетъ Неаполитанска-го королевства. Меня увѣряютъ, что это правительство наконецъ усвоило систе-му нейтралитета относительно Испаніи, и такимъ образомъ Португаліи будетъ ограждена отъ угрожавшей ей опаснос-ти. Но она не избавлена отъ оскорбле-ній, которыя генералъ Ланъ, министръ республики въ Лиссабонѣ позволяетъ себѣ при этомъ дворѣ. Г. Суза сказалъ мнѣ, что онъ довелъ ихъ до того, что объявилъ прямо въ лице принцу-реген-ту, что онъ не прекратитъ ихъ иначе, какъ если принцъ обезоружитъ его зна-чительнымъ денежнымъ подаркомъ. Г. Суза приносилъ на этотъ счетъ офи-ціальную жалобу г. Талейрану, но его не захотѣли выслушать. Это меня ни-сколько не удивляетъ, потому что этотъ министръ рассказываетъ въ частныхъ кружкахъ съ нѣкоторымъ самодоволь-ствомъ, что въ настоящую минуту болѣе 140 человекъ Французскихъ войскъ содержатся на иноземный счетъ и не сто-ятъ государству ни гроша.

Ганзейскіе города повидимому избав-лены хоть на время отъ участи, имъ угрожавшей. Ихъ агентъ сенаторъ Шульде получилъ самыя успокоитель-ныя увѣренія, и г. Лукезини далъ мнѣ понять, что они этимъ обязаны вмѣ-шательству его двора. Занятіе вой-сками Ганновера совершилось. В. И. В.

вѣроятно съ негодованіемъ извѣстились о возмутительной прокламаціи, которую публиковалъ генеральъ Мортъе, имѣвшій порученіе овладѣть этимъ курфиршествомъ. Она была напечатана въ Мониторѣ, газетѣ официальной и признаваемой правительствомъ.

Съ грустью, Государь, но и съ полнѣйшимъ убѣжденіемъ я обязанъ высказать В. И. В-у, что всѣ письменные документы и дѣйствія, порожденные нынѣшними обстоятельствами, отзываются на вѣки проклятыми временами Робеспьера и Директоріи и клянутся къ повсемѣстному возбужденію инстинктовъ мятежа и разрушенія, тогда какъ въ продолженіи перваго времени всѣ ласкали себя надеждою, что это правительство отъ нихъ отстранилось.

Парижъ 25 Мая (6 Іюня) 1803 г.

Bases d'une convention ou déclaration à signer.

1. Conformément au traité d'Amiens l'isle de Malte sera rendue à l'Ordre.

2. Comme l'Ordre manque de moyens d'assurer l'indépendance de l'isle et de défendre les forts, l'Empereur de Russie sera prié d'y envoyer une garnison de ses troupes, qui relevra la garnison anglaise et y restera le tems convenu.

3. Le transport des troupes russes et leur entretien pendant tout le tems de leur séjour à Malte seront aux frais de l'Angleterre et de la France partagés entre elles par égales moitiés.

4. Si cependant, par quelque considération que ce soit, l'Empereur de Russie se refusait à se charger de la garde de Malte, les troupes anglaises qui y sont actuellement y resteront pendant l'espace de „ „ ans, à moins que l'Angleterre ne juge à propos de les retirer plutôt.

5. Quoique l'administration civile soit abandonnée au grand maître de

l'Ordre et à son conseil, rien d'important ne doit y passer sans l'aveu et l'agrément du chef de la garnison, qui occupera les forts.

6. La France promet de réunir ses bons offices et ses soins à ceux de l'Angleterre pour procurer à cette dernière la possession de l'isle de Lampeyousa.

7. Aussitôt après la signature ou la ratification du présent acte, l'Angleterre cessera ses armemens, et la France retirera ses troupes de tous les pays reconnus libres et indépendants par le traité d'Amiens et nommément de la république Batave et de la Suisse.

Основанія конвенціи или деклараціи, могущей быть заключенною.

1) Согласно съ Амьенскимъ трактатомъ островъ Мальта будетъ возвращенъ Ордену.

2) Такъ какъ Орденъ лишенъ средствъ обезпечить независимость острова и оградить его укрѣпленія, то имѣютъ просить у Императора Россійскаго отправить туда гарнизонъ своихъ войскъ, который замѣститъ Англійскій гарнизонъ и пробудетъ тамъ до опредѣленнаго срока.

3) Перевозка Русскихъ войскъ и ихъ продовольствіе во все время ихъ пребыванія на островѣ Мальтѣ совершится на счетъ Англійи и Франціи, съ раздѣленіемъ этихъ издержекъ между ними по равной части.

4) Если-бы однако, по какимъ нибудь соображеніямъ, Россійскій Императоръ отказался отъ охраны Мальты, то Англійскія войска, нынѣ тамъ находящіеся, останутся на этомъ островѣ въ теченіи „ „ лѣтъ, развѣ Англія нашла-бы нужнымъ отозвать ихъ ранѣе.

5) Хотя гражданское управленіе представлено гротмейстеру Ордена и его со-

вѣту, но ничто сколько нибудь важное не должно совершаться безъ вѣдома и согласія командующаго тѣмъ гарнизономъ, который будетъ занимать укрѣпленія.

6) Франція обязуется присоединить свои старанія и заботы къ тѣмъ, которыя обнаруживаетъ Англія, для доставленія сей послѣдней владычества надъ островомъ Лампедузою.

7) Немедленно по подписаніи или утвержденіи этого акта, Англія прекратить свои вооруженія, а Франція вызоветъ свои войска изъ всѣхъ мѣстностей, признанныхъ свободными и самостоятельными по Амьенскому договору, а именно изъ Батавской республики и Швейцаріи.

XVII.

Sire! Le prince Obolensky, maître de cérémonies de la cour de V. M. I., en revenant de Londres, où il a été faire une courte excursion, m'a apporté, mercredi dernier, de la part de m-r le comte de Woronzoff une lettre particulière accompagnée de la traduction de celle que lui avait adressée lord Hawkesbury et dont je joins ici la copie.

Quoique m. le c-te de Woronzoff ne m'eut point autorisé dans sa lettre à la communiquer, j'ai cru, en le faisant, servir le désir que V. M. I. m'a fait connaître de voir au plutôt se rétablir la paix entre les deux puissances actuellement belligérantes. Je fus donc en faire part à m-r de Talleyrand, qui en fut plus déconcerté que réjoui, car il avait bâti son plan défensif et offensif sur le refus que fesait l'Agnetterre d'accepter la médiation de V. M. I. Il lut la lettre à trois reprises différentes et ne sçut enfin que me prier de la lui laisser pour pouvoir la montrer au premier consul dans le premier travail qu'il aurait avec lui. J'y consentis à

condition qu'il me donnerait sa parole d'honneur de n'en point tirer de copie, ni de la citer dans aucune occasion.

Ne recevant point de réponse de m-r de Talleyrand, je fus le chercher vendredi suivant, et il me dit que je l'avois trouvé occupé à m'écrire au sujet du papier que je lui avais remis et qu'il m'enverrait sa lettre ce jour-là même ou demain au plus tard. Il ajouta à cette même occasion qu'il avait entretenu le premier consul sur la contenu de la note verbale que je lui avais fait lire concernant ma conversation de dimanche dernier; qu'il croyait que je n'avois pas bien entendu ce qu'il m'avait dit et qu'en tout cas son intention n'avait pas été de me blesser et de me faire de la peine.

Le samedi matin j'ai en effet reçu la lettre que m-r de Talleyrand m'a annoncée la veille et j'y fis réponse sur-le-champ. Elles se commentent l'une par l'autre. Mais je dois en peu de mots me justifier devant V. M. I. d'avoir osé parler, à côté d'un aussi grand intérêt que celui de la paix entre deux grandes puissances dont il s'agissait dans ma réponse, d'un aussi petit intérêt que celui de ma santé et de mon voyage. J'ai cru par là faire ressortir encore d'avantage le peu de fonds qu'on doit faire sur des dispositions pacifiques, quand elles s'annoncent par de nouvelles injures et de nouvelles offenses. Cependant j'ai préparé pour le c-te de Woronzoff deux dépêches, mais j'en ai suspendu l'expédition, parceque on nous a annoncé un cercle pour le lendemain à St. Cloud et que j'ai espéré de profiter de cette occasion pour tirer des notions plus positives et les transmettre à m. le c-te Woronzoff. Ce cercle eut lieu en effet; il fut suivi d'un spectacle. On don-

na la tragédie d'Esther de Racine avec les chœurs en musique. La pièce finie et la toile baissée, mais le premier consul restant dans sa loge, on s'attendait à voir une seconde pièce. La toile se releva en effet, et nous vîmes paraître un comédien en habit de ville, qui, après avoir fait ses trois révérences, tira de sa poche un papier et récita une cantate composée la veille et qu'on n'a pas eu le tems de mettre en musique. L'auteur en était Fontanes poète du gouvernement, et le sujet la conquête du Hannovre et une foule d'invectives contre le roi de l'Angleterre et tout son peuple. Pendant cette lecture il régnait tant parmi les étrangers que parmi les Français qui y assistaient un silence morne et profond. Une seule voix osa le troubler pour applaudir à la beauté des vers, et ce fut celle de m-r le marquis de Luchesi, envoyé extraordinaire et ministre plénipotentiaire de la cour de Berlin, son ancien ministre d'état et chevalier de ses ordres.

Au sortir du théâtre nous suivîmes m-me Bonaparte qui établit une cour. Le premier consul ne tarda pas d'y paraître et s'empara de moi pour m'emmener dans une chambre à part. Nous y eumes un entretien qui depuis minuit dura j'usqu'à trois heures du matin. Il m'est impossible de le rapporter en entier et de suite à V. M. I. Il appuya d'abord sur l'étendue de la confiance qu'il accordait à V. M. et sur la grandeur du rôle qu'il La mettait à même de jouer. Je l'ai assuré que V. M. n'en méconnaîtrait pas le prix, mais qu'Elle n'en serait pas moins affectée de voir qu'il ne remplissait pas les engagements qu'il avait pris avec Elle, en ne faisant pas justice au roi de Sardaigne, en violant la neutralité de Naples et celle de l'Allemagne et sur-

tout des villes Anséatiques. Il me répondit que le roi de Sardaigne ne perdra rien pour avoir attendu, qu'il lui accorderait, si V. M. le désirait, même au-delà de ce qu'il avait offert, bien entendu que le Piémont n'y serait pas compris; qu'il sentait fort bien que ce qu'il fesait à l'égard du roi de Naples était tout à fait injuste, mais qu'il avait intérêt de faire aux Anglais directement et indirectement tout le mal possible et que c'était par la même considération qu'il agissait vis-à-vis des villes Anséatiques. „Vous avouez-donc, lui dis-je, que vous ne voulez suivre d'ordre droit que celui de la conve-nance et de la force et si c'est ainsi, où est la sécurité de l'Europe, où est la confiance qu'elle peut mettre dans les traités que les états font avec vous?“ „L'Angleterre, dit-il, donne un bel exemple de ce respect pour les traités, et pourquoi est-ce que toutes les puissances ne se réunissent pas pour lui faire observer celui d'Amiens? C'est à regret que j'ai fais la guerre et avec horreur que j'en prévois les suites; car, parlant en européen plutôt qu'en français, je serais tout aussi affligé que vous, si, en vous levant un beau matin, vous apprenez que l'Angleterre n'existe plus. Croyez que rien n'est plus facile que d'arriver à Londres à l'aide de tant de mauvais sujets dont cette ville fourmille“. Il partit de là pour me faire de nouvelles protestations sur son désir de la paix. Je l'ai prié de m'expliquer, comment je pouvais concilier ce désir de la paix qui l'anime avec des procédés et un langage qui lui sont si opposés. „Volontiers, me répondit-il; je ne suis point sûr de la paix et je dois, par des raisons qu'on y dispose les Français.*) Il faut les échauffer, les irri-

*) Место неясное въ черномъ подлинникѣ. П. Б.

ter par toutes sortes d'imputations aux adversaires qu'ils ont à combattre, en un mot mettre en jeu leurs passions. On me croit fol, inconséquent; mais je sais ce qu'il y a à faire mieux que ceux qui me jugent". „Pourquoi, lui ai-je demandé encore, ayant tant de côtes et de ports sur la Méditerranée, il ne voulait que les Anglais en aient un seul?" „Parceque, me répondit-il, les Anglais ruinaient notre commerce dans le Levant, parcequ'ils feraient des nabobs de tous les pachas maritimes qui, à leur instigation et dans la faiblesse actuelle du gouvernement Turc, feraient toutes sortes d'avanies à nos commerçans et finiraient par les expulser; que cela exciterait de clameurs contre moi, et je m'exposerais à perdre ma place". „Mais si l'Empereur, lui dis-je, adjuge Malte aux Anglais?" — „Je me flatte, répliqua-t-il, qu'il sera trop juste pour cela, mais je m'y soumettrai, puisque je Lui en engage ma parole!" Nous nous résumames enfin quand à la démarche qu'il me commettait. Je lui ai demandé qu'il instruisit m-r de Talleyrand de tout ce que nous avions arrêté ensemble, afin que celui-ci ne traitât pas de simples propos des ouvertures que lui, premier consul, m'autorisait de faire passer à Londres. En nous séparant, il me fit promettre que je ne quitterai point Paris avant d'avoir reçu réponse de Londres.

Lundi, dans la matinée, je rédigeai une troisième dépêche pour m-r le c-te de Worontzoff et avant de la fermer je l'ai portée à m-r de Talleyrand pour la lui faire lire et pour lui demander, si elle était conforme à ce qui a été convenu entre le premier consul et moi. Il l'a trouve telle, et dans la soirée du même jour je fis partir un courrier pour Londres, le conseiller de cour Lanskoу.

Paris le $\frac{3}{4}$ Juin 1803.

Переводъ донесенія отъ 2 (14) Юня 1803.

Государь! Князь Оболенскій, церемоніймейстеръ двора В. И. В., возвращаясь изъ Лондона, гдѣ онъ провелъ короткое время, привезъ мнѣ въ прошлую Среду отъ графа Воронцова частное письмо съ приложеніемъ перевода письма, написаннаго къ нему лордомъ Гавксбури и коію съ котораго я при семъ препровождаю.

Хотя гр. Воронцовъ не уполномочилъ меня въ своемъ письмѣ сообщать его кому либо, но я полагаю, что дѣлая это, я выполняю желаніе, выраженное мнѣ В. И. В-омъ, чтобы возстановилось скорѣе мирное соглашеніе между нынѣ воюющими державами. А потому я и передалъ содержаніе его г. Талейрану, который былъ имъ скорѣе озадаченъ, чѣмъ обрадованъ, такъ какъ онъ построилъ весь свой оборонительный и наступательный планъ на отказъ, который Англія несомнѣнно выразитъ къ посредничеству В. И. В-а. Онъ прочелъ это письмо три раза и ограничился просьбою оставить его у себя, чтобы показать его первому консулу при первомъ своемъ докладѣ. Я согласился на это подъ условіемъ, что онъ дастъ мнѣ честное слово не снимать съ него копіи и не ссылаться на него ни въ какомъ случаѣ.

Не получая отъ г. Талейрана отвѣта, я самъ отправился за нимъ въ слѣдующую Пятницу, и онъ сказалъ мнѣ, что я засталъ его пишущимъ мнѣ по поводу документа, мною ему переданнаго и что онъ пришлетъ мнѣ свое письмо въ тотъ-же день или не позднѣе завтрашняго дня. При этомъ случаѣ онъ добавилъ мнѣ, что онъ докладывалъ первому консулу о содержаніи той словесной ноты, которую я сообщалъ ему относительно моего разговора въ прошлое Воскресеніе; что онъ полагаетъ, что я не хорошо разслыхалъ имъ сказанное и что во всякомъ случаѣ онъ не имѣлъ намѣренія оскорбить меня или причинить мнѣ какую либо непріятность.

Въ Субботу утромъ дѣйствительно получено отъ г. Талейрана письмо, возвѣ-

ценное мнѣ наканунѣ, и я тотчасъ отвѣчалъ на него. Они поясняютъ одно другимъ. Но я считаю себя обязаннымъ въ нѣсколькихъ словахъ оправдать себя передъ В. И. В-омъ въ томъ, что рядомъ съ такимъ важнымъ интересомъ, каково мирное соглашеніе между двумя великими державами (о чемъ и говорилось въ моемъ отвѣтѣ), я осмѣлился коснуться такого ничтожнаго интереса, какъ мое здоровье и мое путешествіе. Я думалъ этимъ еще болѣе выставить наружу то слабое довѣріе, которое можно питать къ мирному настроенію, когда оно проявляется въ видѣ новыхъ обидъ и оскорбленій. Впрочемъ я приготовилъ двѣ депеши къ графу Воронцову, но я остановилъ ихъ отправку, потому что намъ возвѣстили для слѣдующаго дня пріемъ въ С-тъ Клу, и я надѣялся воспользоваться этимъ случаемъ, чтобы получить болѣе положительныя свѣдѣнія и сообщить ихъ графу Воронцову. Пріемъ дѣйствительно состоялся, и за нимъ слѣдовалъ спектакль. Давали трагедію „Есфирь“ Расина съ музыкальными хорами. Когда по окончаніи пьесы и по спускѣ занавѣса, первый консулъ продолжалъ оставаться въ своей ложѣ, то предположили, что пойдетъ еще другая пьеса. Дѣйствительно занавѣсъ вновь поднялся, и появился актеръ въ партикулярномъ платьѣ, который, послѣ своихъ обычныхъ трехъ поклоновъ, вынулъ изъ кармана бумагу и продекламировалъ кантату, сочиненную наканунѣ и потому еще не положенную на музыку. Авторъ ея былъ Фонтанъ, правительственный поэтъ, а содержаніе ея—покореніе Ганновера и всякія ругательства противъ Ангійскаго короля и всего его народа. Во время этого чтенія какъ среди иностранцевъ, такъ и присутствовавшихъ при этомъ Французовъ господствовало глубокое, гробовое молчаніе. Одинъ только голосъ дерзнулъ его нарушить и выразить одобреніе красотѣ стиховъ.—то былъ маркизъ Лукезини, чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ Берлинскаго двора, бывшій его государ-

ственный министръ и кавалеръ его орденовъ.

При выходѣ изъ театра мы послѣдовали за г-жею Бонапартъ, которая открыла аудіенцію. Первый консулъ вскорѣ появился, овладѣлъ мною и отвелъ въ особую комнату. Тамъ у насъ произошелъ разговоръ, который продолжался съ полночи до 3 часовъ утра. Мнѣ невозможно привести его В.И. В-у немедленно и въ полномъ его объемѣ. Онъ начиналъ сперва на степени довѣрія, питаемаго имъ къ В. И. В-у и на величій той роли, которую онъ предоставлялъ Вамъ выполнить. Я увѣрилъ его, что В. И. В-о не усомнится оцѣнить это по достоинству, но что Вамъ не менѣе будетъ чувствительно сознавать, что онъ не исполняетъ обязательствъ, принятыхъ на себя по отношенію къ Вамъ, не воздавая должной справедливости королю Сардинскому, нарушая нейтралитетъ Неаполя и Германіи и въ особенности Ганзейскихъ городовъ. Онъ возразилъ мнѣ, что Сардинскій король не будетъ въ убыткѣ отъ нѣкотораго ожиданія, что онъ предоставитъ ему, если только Вы того желаете, болѣе того, сколько онъ обѣщалъ, разумѣется за исключеніемъ Пьемонта; что онъ весьма хорошо сознаетъ, что дѣйствія его по отношенію къ Неаполитанскому королю вполне несправедливы, но ему необходимо причинить Англичанамъ непосредственно и косвеннымъ путемъ наибольшее зло, и въ виду тѣхъ-же соображеній онъ дѣйствуетъ и относительно Ганзейскихъ городовъ. „Значитъ Вы признаетесь, сказалъ я, что Вы не желаете соблюдать другаго права, кромѣ права выгоды и силы и если это такъ, то въ чемъ заключается обезпеченіе для Европы, гдѣ то довѣріе, которое она можетъ питать къ трактатамъ, заключаемымъ Вами съ другими государствами?“—“Англія, возразилъ онъ, подаетъ хорошій примѣръ этого уваженія къ трактатамъ, и почему же всѣ державы не соединятся, чтобы заставить ее соблюсти Амстердамскій договоръ? Я веду войну съ со-

жалѣніемъ и съ ужасомъ предвижу ея послѣдствіи, потому что, говоря болѣе какъ Европеецъ, чѣмъ Французъ, я буду столь же огорченъ какъ и Вы, если, вставши въ одно прекрасное утро, Вы увидите, что Англія перестала существовать. Повѣрьте, что ничего нѣтъ легче, какъ появиться въ Лондонѣ, съ помощью тѣхъ негоднявъ, которыми переполненъ этотъ городъ. Отправляясь отъ этого, онъ пустился въ новыя увѣренія на счетъ своего желанія мира. Я просилъ его объяснить мнѣ, какимъ образомъ могъ бы я согласить это желаніе мира, его наполняющее, съ дѣйствіями и рѣчами, столь ему противоположными. „Весьма охотно, возразилъ онъ мнѣ; я не увѣренъ въ мирѣ, и я обязанъ приготовить расположеніе Французовъ; ихъ слѣдуетъ воспламенить, раздражить ихъ различными обвиненіями противъ врага, съ которыми имъ предстоитъ бороться, словомъ возбудить ихъ страсти. Меня считаютъ безумнымъ, неспослѣдовательнымъ; но я знаю, что мнѣ нужно дѣлать лучше тѣхъ, кто меня судить“. Почему-же, спросилъ я его еще, имѣя столько увѣреній и береговыхъ владѣній на Средиземномъ морѣ, онъ не желаетъ, чтобы Англичане владѣли и однимъ. „Потому, отвѣчалъ онъ мнѣ, что Англичане разорили-бы нашу торговлю на Востока, потому что они обратили-бы въ набобовъ всѣхъ приморскихъ пашей, которые, по ихъ наущенію и при настоящей слабости Турецкаго правительства, стали-бы препятствовать нашимъ торговцамъ и въ концѣ концовъ совершенно изгнали бы ихъ, что возбудило-бы нопли противъ меня и подвергло-бы меня опасности лишиться моего мѣста.“ — „Если-же Императоръ присудитъ Мальту Англичанамъ?“, сказалъ я. — „Надѣюсь, возразилъ онъ мнѣ, что Онъ слишкомъ справедливъ для этого; но я подчинюсь тому, коль скоро я посылаю Ему мое честное слово.“ Наконецъ мы вкратцѣ условились на счетъ той мѣры, которую онъ поручилъ мнѣ принять. Я просилъ его сообщить г. Талейрану о всемъ, что вами было рѣшено,

съ тѣмъ, чтобы онъ не считалъ простыми предположеніями тѣ предложенія, которыя онъ, первый консулъ, уполномочивалъ меня препроводить въ Лондонъ. При нашемъ разставаніи, онъ взялъ съ меня обѣщаніе, что я не оставлю Парижа до полученія отвѣта изъ Лондона.

Въ Понедѣльникъ, въ теченіи утра, я составилъ третью депешу къ гр. Воронцову и прежде чѣмъ запечатать ее, отвезъ ее г. Талейрану, чтобы онъ прочелъ ее и сказалъ мнѣ, составлена-ли она согласно съ тѣмъ, что было постановлено между мною и первымъ консуломъ. Онъ одобрилъ ее, и вечеромъ того же дня я отправилъ курьеромъ въ Лондонъ надворнаго совѣтника Ланскаго.

Парижъ.

2 (14) Іюня 1803.

XVIII.

Sire! J'ai déjà rendu compte à V. M. I. de l'usage que j'ai fait du rescript qu'Elle a daigné m'adresser en date du 7 Juillet dernier, ainsi que du projet de points préliminaires pour une pacification entre l'Angleterre et la France, et comme m-r de Talleyrand m'a notifié par une lettre qu'il m'a écrite pendant que j'étais encore à Bârèges qu'il s'était expliqué sur leur contenu directement avec le cabinet de V. M. I., je me suis abstenu, à l'entrevue que j'ai eue avec lui immédiatement après mon retour à Paris, de toucher à cette question. Mais ayant trouvé ici une lettre de m-r le comte Woronzoff par la quelle il recommandait à notre chargé d'affaires m-r Oubril de travailler auprès de ce gouvernement-ci à faire lever les difficultés, qu'il a mises à la communication des bâtimens parlementaires entre les deux pays, sans la quelle celle des pourparlers de paix ne pouvait avoir lieu, j'ai profité de cette circonstance pour presentir indirectement les dispositions du

ministère français relativement à une négociation de cette nature. M-r de Talleyrand me dit que cette défense de communication était une mesure que la prudence avait dictée au premier consul pour dérober à la connaissance de l'ennemi les préparatifs qui se faisaient dans les ports de France et que, loin de l'adoucir, il allait encore l'aggraver, de sorte qu'il n'y aurait plus pour la correspondance des neutres que la voie de Hambourg. Sur l'observation que je lui ai faite que ce ne serait pas le moyen d'accélérer la marche de la négociation déferée aux soins et à la médiation de V. M. I., il me répondit sans biaiser, qu'il n'y fallait plus songer de sitôt, que l'Angleterre ne s'y montrait nullement disposée, que le premier consul lui-même, qui était prêt à faire la paix aux termes qu'il avait proposés, s'ils avaient été d'abord acceptés, pensait à présent qu'après tous les préparatifs qu'il avait fait et qui l'ont constitué dans des dépenses énormes, il fallait tenter les chances des événemens.

Ces notions sur les intentions de l'Angleterre viennent du marquis de Luchesini, qui a avancé qu'un courrier anglais, dépêché à Pétersbourg et qui avait passé par Berlin, avait porté des réponses totalement déclinatoires des propositions que V. M. I. avait fait faire au gouvernement anglais, en même tems qu'à celui-ci. Quant aux préparatifs dont m. de Talleyrand parle, il n'est aucun doute que les frais n'en soient excessifs et les résultats jusqu'ici peu satisfaisans. Les côtes des rivières sont converties en chantiers de construction, quelques bateaux plats et chaloupes canonnières ont été lancées; mais on ne pourra en rassembler de sitôt un nombre suffisant pour tenter un premier transport. La manière dont les troupes sont

disposées prouve qu'elles sont encore loin de l'époque de leur embarquement. La plupart des régimens ont été baraqués sur les côtes pour servir à la défensive. Les personnes qui se croient les mieux informées ne fixent l'époque de la descente qu'au premier Frimaire (23 Novembre) et d'autres doutent même qu'elle ait jamais lieu. Les difficultés et les retards que cette expédition éprouve aigrissent le premier consul au dernier point et le portent toujours aux alternatives les plus violentes. La répugnance que montre l'Espagne à entrer en guerre augmente ces dispositions et a donné lieu à des démarches très prononcées. Le premier consul a fait demander la destitution du prince de la Paix et déclarer par son ambassadeur à Madrid qu'il cesserait toute communication avec cette cour, tant que ce ministre serait au timon des affaires, et en effet on dit que le général Beurnonville a déjà cessé d'aller à la cour. L'administration intérieure de la république est menée avec non moins d'apreté, et elle occasionne beaucoup de mécontentement contre le premier consul. Les entraves qu'il met au commerce des Français pour éviter l'introduction des marchandises anglaises a fait faillir les meilleures maisons de Paris. Le crédit national s'en altère de plus en plus, et c'est au milieu de la consternation générale que le premier consul s'occupe d'organiser sa maison entièrement à l'instar de l'ancienne cour de France. On parle d'une nomination prochaine d'une grande maîtresse de palais pour diriger les cinq dames du palais, placées auprès de m-me Bonaparte. Le général Duroc vient d'être nommé grand-maître de palais, le préfet Solmatorès a été chargé de l'inspection des bâtimens et des jardins, le préfet Rémusat de celle des biblio-

thèques, des collections précieuses et des spectacles du gouvernement, et le colonel Caullaincourt des écuries. On a découvert il y a quelques tems un homme qui se rendait au spectacle armé d'un fusil à vent très fort et qui ne présentait que l'apparence d'une canne. On croit qu'il avait le projet d'attenter aux jours du premier consul; son arrestation n'a point été remarquée au milieu de tant d'autres qui ont eu lieu, et le Temple regorge de victimes de tous rangs et de toutes qualités, qui sont arrêtées et détenues sans aucune formalité ni cause connue.

Paris, ce 19es Septembre 1803.

Переводъ донесенія отъ 16 (28) Сентября 1803.

Государы! Я уже доносилъ В. И. В-у объ употребленіи, сдѣланномъ мною изъ рескрипта, всемилостивѣйше адресованнаго на мое имя 7-го Іюля сего года, а равно и проекта предварительныхъ переговоровъ для мирнаго соглашенія между Англією и Францією; и такъ какъ г. Талейранъ письмомъ, писаннымъ, покуда я еще находился въ Барейѣ, извѣстилъ меня, что онъ входилъ на этотъ счетъ въ непосредственныя объясненія съ кабинетомъ В. И. В-а, то я воздержался при свиданіи съ нимъ, послѣ моего возвращенія въ Парижъ, отъ всякаго упоминанія объ этомъ предметѣ; но, найдя здѣсь письмо отъ гр. Воронцова, гдѣ онъ поручаетъ нашему повѣренному въ дѣлахъ г-ну Убри содѣйствовать къ тому, чтобы здѣшнее правительство устранило тѣ затрудненія, которыя оно возбуждало при сношеніяхъ парламентарскихъ кораблей между двумя государствами (безъ чего мирные переговоры не могли имѣть мѣста), я воспользовался этимъ обстоятельствомъ, чтобы косвеннымъ путемъ попытать настроеніе Французскаго министерства относительно подобныхъ переговоровъ. Г. Талейранъ сказалъ мнѣ, что это запрещеніе сношеній была мѣра, внушенная перво-

му консулу осторожностью, чтобы скрыть отъ непріятели приготовленія, совершаемыя въ портахъ Франціи и что онъ не только не думаетъ смягчить его, но даже усилить, такъ что для нейтральной переписки не останется другаго пути, какъ черезъ Гамбургъ. На мое замѣчаніе, что оно не можетъ служить средствомъ къ ускоренію хода переговоровъ, предоставленныхъ вниманію и посредничеству В. В-а, онъ отвѣчалъ мнѣ на отрывъ, что объ этомъ нечего болѣе и думать, коль скоро Англія не обнаруживаетъ къ тому ни малѣйшаго расположенія, что самъ первый консулъ, выражавшій готовность примириться на предложенныхъ имъ условіяхъ, если-бы онъ были немедленно приняты, находить нынѣ, послѣ всѣхъ предпринятыхъ имъ приготовленій, вовлекшихъ его въ огромныя издержки, что слѣдуетъ попытать случайности событій.

Это мнѣніе на счетъ намѣреній Англіи внушено маркизомъ Лукезини, который утверждалъ, что Англійскій курьеръ, отправленный въ Петербургъ и проѣзжавшій черезъ Берлинъ, привезъ отвѣтъ, вполне отклоняющій предложенія, сдѣланныя В. И. В-омъ въ одно время и Англіискому и здѣшнему правительствамъ. Что-же касается до приготовленій, о которыхъ упоминаетъ г. Талейранъ, то нѣтъ сомнѣнія, что расходы на нихъ громадны, а результаты до сихъ поръ весьма неудовлетворительны. Всѣ береговыя линіи обращены въ корабельныя верфи, нѣсколько плоскодонныхъ судовъ и канонерскихъ лодокъ уже спущены на воду; но не скоро удастся собрать достаточное количество, чтобы предпринять первый десантъ. Настоящее расположеніе свидѣтельствуетъ, что имъ еще не скоро предстоитъ сѣсть на суда; большинство полковъ расположено въ баракахъ вдоль берега, чтобы образовать оборонительную линію. Наиболее свѣдущія лица полагаютъ, что десантъ не можетъ состояться ранѣе перваго Фримера (23-го Ноября), а другіе сомнѣваются, чтобы онъ когда либо могъ осу-

ществiться. Затрудненiя и замедленiя, возникающiя въ этомъ предпрiятiи, въ высшей степени раздражаютъ перваго консула и доводятъ его до чрезвычайныхъ крайностей. Нерасположенiе, вызываемое Испанiею къ участiю въ войнѣ, еще усиливаетъ это настроенiе и послужило поводомъ къ весьма рѣзкимъ мѣрамъ. Первый консулъ потребовалъ увольненiя князя Мира и объявилъ черезъ своего посланника въ Мадридъ, что онъ прекратитъ всякiя сношенiя съ этимъ дворомъ, покуда этотъ министръ будетъ находиться у кормила правленiя; и дѣйствительно говорятъ, что генераль Бернонвилъ пересталъ ѣздить ко двору. Внутреннее управленiе республикою ведется не менѣе круто и возбуждаетъ сильное неудовольствiе противъ перваго консула. Препятствiя, воздвигаемыя имъ торговлѣ Французовъ, чтобы устранить ввозъ Англiйскихъ товаровъ, привело къ упадку лучшiе торговые дома въ Парижѣ. Національный кредитъ все болѣе и болѣе упадаетъ, и среди этого всеобщаго унынiя, первый консулъ занимается устройствомъ своей обстановки, совершенно по примѣру прежняго двора Францiи. Говорятъ о предстоящемъ назначенiи гофмейстерины дворца, чтобы завѣдывать пятью статсъ-дамами, состоящими при мадамъ Бонапартъ. Генераль Дюрокъ только что назначенъ оберъ-гофмейстеромъ дворца, префекту Сальматоресу поручено завѣдывать строенiями и садами, префекту Ремюза библіотеками, драгоценными коллекціями и театральными представленiями, а полковнику Коленкуру конюшными. Недавно схватили человѣка, шедшаго въ театръ и вооруженнаго духовымъ ружьемъ въ видѣ трости. Думаютъ, что онъ имѣлъ намѣренiе покуситься на жизнь перваго консула; его арестованiе прошло незамѣченнымъ среди столь многихъ другихъ, и Тамплъ переполненъ всякаго званiя и всякаго рода жертвами, которыхъ задерживаютъ и заточаютъ безъ всякихъ формальностей и признаннаго повода.

Парижъ, 16 (28) Сентября 1803 г.

ПРИЛОЖЕНІЕ.

Письмо къ государственному канцлеру.

Il y a bien longtems, m-r le comte, que le voeu public vous appelait à la place que vous occupez actuellement. Le mien en particulier y a été constamment et sincèrement uni, et je me sou mets par devoir aux rapports, qu'elle établit entre nous, avec autant de déférence et de plaisir que j'en avais autrefois à m'y soumettre par le seul sentiment de la supériorité de vos lumières et vos talens.

Dans le rapport qui accompagne la présente expédition, je n'ai rendu à l'Empereur qu'un compte sommaire de l'entretien particulier que j'ai eu avec le premier consul. Votre excellence me permettra de lui en exposer tous les détails qui ne lui paraîtront peut-être pas indifférents. Le consul m'invita à déposer le langage diplomatique et à lui parler avec franchise. J'ai cru ne pas devoir balancer de profiter de cette permission et de lui tracer à la fois et tout ce que l'Empereur a bien voulu faire à sa seule considération et le peu de retour dont il l'avait payé. Je lui ai rappelé qu'à Son avènement au trône, l'Empereur, déterminé à la vérité par Ses sentimens pacifiques à ne plus prendre part à la guerre qui durait encore, aurait pu, sans aucun inconvénient ni danger, rompre la négociation que Son Prédécesseur avait entamée avec la France et par là seul prolonger la durée de la guerre, en entretenant l'espérance d'Angleterre de l'y engager; que bien loin de là, en m'envoyant à Paris, Il fit évanouir cet espoir, et cette puissance se déterminait à la paix bien plutôt et à des conditions bien plus modérées que sans cela elle n'aurait assurément pas fait; que

dans la rédaction des conditions de Sa propre paix il ménagea la gloire du premier consul, en se désistant de celles qu'il avait consenties et en voulant devoir à Sa modération tout ce qu'Il aurait pu exiger de la rigueur de ces mêmes conditions; que lorsqu' ensuite le premier consul Lui témoigna le désir de voir rétablir la liberté du commerce entre les deux états, l'Empereur, loin d'é luder ses intentions à cet égard, choisit la voye la plus courte pour les séconder, en rétablissant un traité, nul à toutes sortes de titres, par un acte de Son autorité; que lorsqu'également il voulut obtenir de la Porte Ottomane la libre navigation de la Mer Noir, Sa Majesté s'empressa à y disposer cette puissance et y réussit à l'entière satisfaction de la France, et enfin Elle adopta avec une entière complaisance dans les affaires l'Allemagne le système que le premier consul avait proposé, et concourt efficacement et avec loyauté à le faire recevoir par l'Empire Germanique. Quelle a été jusqu'à présent la réciprocité de la part du gouvernement français à des procédés aussi francs et aussi amicaux? Un roi dépouillé de ses états invoque en vain jusqu'à présent la protection d'un Souverain qui a acquis de si justes droits à l'efficacité de Sa magnanime intervention. Sa médiation dans la paix entre la Turquie et la France, formellement demandée d'une part et acceptée de l'autre, est éludée, et on lui substitue l'entremise d'une puissance tierce, qui n'a eu aucune part à l'achèvement de cette paix. Tandis qu'on concertait avec Lui les mesures pour établir le nouveau système en Allemagne, on les déterminait par un traité fait à Son insçu avec une autre puissance, tel que le traité du 23 May conclu avec la Prusse. Enfin après que l'Em-

pereur eut déjà donné Son entier assentiment au plan d'indemnité et qu'il eut donné Ses ordres à Ses ministres de concourir à son adoption avec ceux de France, on fit encore un traité également à l'insçu de la Russie, avec la Prusse et la Bavière, pour garantir à cette dernière un ordre de choses, qu'il n'appartient qu'à une autre puissance de déterminer définitivement, savoir l'Empire Germanique dont on a tout à fait l'air de forcer le consentement, et la France convertit tout à coup son rôle de puissance-médiatrice vis-à-vis de lui en celui de puissance contractante, et cela sans aucune nécessité: car si la Russie et la France restaient unies, comme elles le sont pour cette cause, la Bavière s'y joignant comme partie intéressée et la Prusse par une suite de ses rapports avec les deux puissances, il ne restait aucune doute qu'elles ne triomphassent au gré de leurs intentions réunis, au lieu qu'après cette mesure la France, voulant à présent distraire du lot de la Bavière l'évêché d'Eichstadt, se verra dans le cas de demander par voye de négociation ce dont conjointement avec la Russie elle aurait pu disposer de droit et, pour ainsi dire, d'autorité. Enfin, ai-je continué, un objet très peu important en lui même en comparaison de tous ceux que je viens de toucher et dont je n'aurais pas même fait mention, si son peu d'importance même ne servait pas à prouver encore d'avantage le peu de complaisance que le premier consul a témoigné jusqu'ici envers l'Empereur, c'est celui de quelques émigrés dont Sa Majesté lui avait demandé la radiation, qu'il avait d'abord accordée et qu'il a révoquée ensuite sans aucun sujet, au moins connu de moi. J'ai terminé mon discours, en excusant la liberté avec laquelle je lui ai parlé par l'encourage-

ment qu'il y avait donné et surtout par le désir qui m'animait de voir se perpétuer les rapports actuellement existans entre l'Empereur et lui sur la base d'égarde et d'attentions réciproques.

Il me laissa achever tranquillement et, prenant la parole, il me dit qu'il ne méconnaissait pas les services que lui avait rendus l'Empereur, qu'il aurait désiré pouvoir Lui en témoigner sa reconnaissance nommément dans la personne du roi de Sardaigne, en le rétablissant dans ses états, et alors il alléguait les raisons qui l'en empêchaient, telles que je les ai consignées dans mon rapport à l'Empereur. Il a ajouté cependant que l'Angleterre, qui s'était toujours intéressée à ce prince, l'avait enfin abandonné dans cette question, parcequ'elle avait senti qu'en le remplaçant en Piémont on n'en aurait fait qu'un préfet de province française, exposé à être destitué au premier sujet de mécontentement qu'il aurait donné et par conséquent à jouer un rôle avilissant pour la dignité royale et capable d'exciter entre les cabinets des discussions désagréables et même fâcheuses dans leurs suites; que c'est à la seule considération de l'Empereur qu'il lui laisse encore la Sardaigne et qu'il avait laissé subsister le royaume de Naples; qu'il n'avait insisté sur l'éloignement du roi de Sardaigne de Rome, que parceque, selon les rapports qui lui étaient parvenus, il n'y faisait pas un personnage convenable à son rang et qu'il y était à la suite de tous les cardinaux et des autres personnes considérables de Rome; que lui, premier consul, n'avait point eu intention d'écarter la médiation de la Russie de la paix avec la Porte Ottomane, mais que le négociateur de cette dernière, dès l'ouverture de la négociation, en avait émis le voeu formel; que le souvenir du pas-

sé et la crainte de l'avenir, en entretenant les ombrages de cette puissance, portaient naturellement sa confiance vers une puissance dont elle n'avait aucun danger à craindre, et que c'est ainsi qu'elle s'est adressé de préférence à la Prusse pour être secondée dans sa négociation; que dans les affaires d'Allemagne il s'était particulièrement appliqué à être agréable à Sa Majesté Impériale en assignant aux princes, Ses alliés et Ses parens, des avantages au delà de leur attente et de leurs droits; que pour lui il n'y avait porté d'autres vues d'intérêt, que celles d'établir en Allemagne un système au moyen duquel l'influence exclusive que s'y étaient arrogées les cours de Vienne et de Berlin put être balancée, et que pour cela il crut devoir jeter le germe d'une troisième puissance en concentrant et étendant la Bavière; que comme la Prusse voyait ce système d'un aussi mauvais oeil que l'Autriche, il crut devoir s'assurer d'elle par un traité avant de lui décerner les indemnités qu'elle demandait, connaissant d'ailleurs sa manière d'agir, qui était celle de ne plus se soucier des affaires des autres, quand elle a fait les siennes; que quant à la dernière transaction passée entre la France, la Prusse et la Bavière par les mêmes considérations à l'égard de la seconde, j'avais été appelé à y concourir, mais que je m'y étais refusé, faute de pouvoir et d'autorisation.

Je l'ai interrompu ici pour lui dire qu'il avait été mal informé des raisons que j'avais alléguées; que ce n'était pas faute de pouvoirs, mais faute de conviction sur la convenance de cette mesure; qu'en effet il m'avait paru très peu convenable, que tandis que les déclarations des deux puissances-médiatrices laissaient place aux modifications du plan qu'elles proposaient, tandis que

la députation de l'Empire ne l'acceptait, que sous la réserve de ces mêmes modifications et que les puissances-médiatrices marquaient-elles mêmes les intentions de les admettre en convenant d'augmenter entr'autres le lot du grand duc de Toscane aux dépens de celui de l'électeur de Bavière, puisqu'on convenait de lui ôter l'évêché d'Eichstaedt, on fit avec ce prince une convention qui lui garantit en totalité tout ce qui lui avait été assigné dans le premier plan.

Le premier consul parût sentir la force de cette objection et ne la combattit que par la facilité d'obtenir de l'électeur de Bavière un sacrifice aussi léger; mais aussi, ajouta-t-il, ce sera le dernier que je demanderai ou que je ferai en faveur de la maison d'Autriche: car elle n'est déjà que trop puissante et le deviendra encore davantage lorsqu'elle sera naturellement appelée au partage des débris de l'Empire Ottoman, menacé d'une dissolution prochaine. Il est à remarquer que cette idée au sujet de la Turquie se reproduit dans tous les entretiens qu'il a avec moi et que si ce n'est des pièges qu'il me tend pour ranimer les craintes et les soupçons de la Porte, il faut qu'il cherche à préparer les esprits à quelque invasion soudaine dans ses possessions actuelles. Enfin il vint au dernier article de mes griefs, celui des émigrés et m'offrit de faire expédier la radiation du duc de Richelieu, telle qu'il l'avait fait dresser sur la première demande que je lui en avais faite. Il fut au reste d'une aménité parfaite dans tout cet entretien. Il répéta plusieurs fois les protestations de son désir de cultiver l'amitié de l'Empereur, désir, disait-il, fondé sur son penchant autant que sur son intérêt d'être bien avec une puissance dont l'influence ne pourrait

que lui être utile et avantageuse dans toutes les occurrences. Il m'adressa personnellement bien des choses obligantes, que je crois d'autant plus inutile de répéter, que je les crois tout aussi peu sincères que les assurances qu'il m'a données de ne songer qu'à consolider le gouvernement et la puissance de la France sans lui vouloir donner aucune extension.

L'étiquette de S. Cloud, où il fait son séjour, se rapproche beaucoup de celles de Versailles d'autrefois; il y a tous le dimanches messe, où il assiste accompagné de sa femme, des deux autres consuls, de tous les ministres du pays et des autorités constituées. Le grand juge y a paru dernièrement dans le grand costume, tout-à fait semblable à celui des anciens chanceliers. On dit toujours que les sénateurs auront aussi leur costume pareil à celui des ducs et pairs, quand ils venaient au parlement. M-me Bonaparte aura quatre dames d'atours, qui seront incessamment nommées. Tout cet étalage donne lieu à des propos et ceux-ci à l'explosion de la mauvaise humeur du premier consul. Elle vient d'atteindre les deux frères du ministre des relations extérieures. J'ai déjà mandé que l'un de ses frères, Archambaud Périgord, a été exilé dans sa terre de Rosny; depuis quelques jours il a eu ordre de se retirer dans une terre plus éloignée, située au delà de Lyon. Le second frère, appelé m-r de Bozon, pour avoir proféré des plaintes contre ce traitement, a eu également ordre de sortir de Paris, mais on le laisse dans un exil plus rapproché de cette capitale. M. de Talleyrand, soit par caractère d'insouciance, soit par dissimulation, conserve une attitude tranquille et sereine. Il n'y a que m-me Grand, devenue depuis quelque temps m-me de Talleyrand, qui montre

quelqu'agitation, mais qui se renferme dans l'intérieur de sa maison.

Paris

le ½^o Octobre 1802.

ПЕРЕВОДЪ ПИСЬМА КЪ ГОСУДАРСТВЕННОМУ КАНЦЛЕРУ *).

Уже очень давно, графъ, общественный голосъ призывалъ васъ на занимаемую вами нынѣ должность. Я постоянно и искренно присоединялъ къ этому мой собственный и по обязанности подчинюсь нынѣ съ величайшимъ уваженіемъ и удовольствіемъ возникающимъ между нами отношеніямъ, которыя поддерживалъ бывало исключительно во имя сознанія превосходства вашихъ познаний и вашихъ дарованій.

Въ донесеніи, сопровождающемъ настоящую посылку, я представилъ Государю лишь краткій отчетъ моего свиданія съ первымъ консуломъ; ваше сіятельство дозволите сообщать вамъ все его подробности, которыя быть можетъ не покажутся вамъ излишними. Консулъ пригласилъ меня откинуть дипломатическій языкъ и говорить съ нимъ откровенно; я счелъ нужнымъ не колеблѣясь воспользоваться его дозволеніемъ и изобразить ему за одинъ разъ все что Государю было угодно сдѣлать исключительно во вниманіе къ нему и какъ мало онъ отвѣчалъ на то. Я напомнилъ ему, что, при своемъ вступленіи на престолъ, Императоръ, истинно готовый по своимъ мирнымъ наклонностямъ не принимать участія въ продолжавшейся еще войнѣ, могъ-бы безъ малѣйшаго затрудненія и опасности прервать переговоры, начатые Его Предмѣстникомъ съ Франціею и тѣмъ самымъ продлить ходъ войны, поддерживая надежду Англіи на Его содѣйствіе; что напротивъ того, отправляя меня въ Парижъ, Онъ разрушилъ эту надежду, и эта держава рѣшилась заключить миръ гораздо ранѣе и на гораздо болѣе умѣренныхъ условіяхъ, чѣмъ она-бы это сдѣлала прежде сего; что въ редакціи условій своего собственнаго

мирнаго договора, Онъ берегъ славу перваго консула, отказавшись отъ тѣхъ, на которыя тотъ изъявилъ уже согласіе, предпочитая быть обязаннымъ своей умѣренности всѣмъ, чего могъ-бы требовать въ силу тѣхъ-же тяжкихъ условій; когда впоследствии первый консулъ выразилъ ему желаніе возобновить свободу торговли между двумя государствами, то Государь не только не уклонился отъ подобнаго намѣренія, но избралъ кратчайшій путь къ его осуществленію, возстановивъ собственною властью трактатъ, ничтожный во многихъ отношеніяхъ; равнымъ образомъ когда онъ пожелалъ получить отъ Порты Оттоманской право свободного плаванія по Черному морю, Его Величество поспѣшила склонить къ тому эту державу и успѣлъ въ томъ къ полнѣйшему удовольствію Франціи; и наконецъ Государь съ величайшею готовностью усвоилъ въ отношеніяхъ своихъ къ Германіи ту систему, которую предложилъ первый консулъ и продолжаетъ съ успѣхомъ и честно содѣйствовать къ принятію ея Германскою Имперіею. Какова-же была до сихъ поръ со стороны правительства Франціи взаимность въ отвѣтъ на подобныя столь открытыя и дружественныя одолженія? Король, лишенный своихъ владѣній, до сего времени напиралъ на взысканіе къ покровительству Монарха, Который пріобрѣлъ столь справедливое право на успѣхъ въ Его великодушномъ посредничествѣ. Его вмѣшательство въ мирные переговоры между Турціею и Франціею, формально неспрошенное съ одной стороны и признанное съ другой, отклоняется и замѣняется участіемъ третьей державы, несколько не участвовавшей въ направленіи къ миру. Въ то самое время, когда съ Нимъ совѣщались относительно примѣненія новой системы къ Германіи, ее приводили въ исполненіе безъ Его вѣдома путемъ трактата съ другою державою, каковъ былъ договоръ 23-го Мая съ Пруссіею. Наконецъ, когда Императоръ уже изъявилъ свое полное согласіе на прозектъ

*) Графу А. Р. Воронцову.

вознагражденія и сообщилъ своимъ министрамъ повелѣніе содѣйствовать его выполненію сообща съ Французскимъ, правительственными лицами, былъ вновь заключенъ договоръ безъ вѣдома Россіи съ Пруссіею и Баваріею, чтобы обезпечить за послѣднею такой порядокъ вещей, который могъ быть опредѣленъ окончательно лишь другою державою, т. е. Германскою Имперіею, которой согласіе какъ-бы насильственно вымощается, и Франція вдругъ измѣнила свою роль посредническаго государства по отношенію къ нему на положеніе государства договаривающагося и къ тому же безъ всякой видимой причины. Потому что въ томъ случаѣ, если-бы Россія и Франція оставались въ дружбѣ (какъ-бы и надлежало) по этому вопросу, то Баварія присоединилась-бы къ нимъ изъ собственныхъ интересовъ, а Пруссія влѣдствіе своихъ отношеній съ двумя державами; и не оставалось-бы ни малѣйшаго сомнѣнія, что они восторжествовали-бы въ своихъ совокупныхъ намѣреніяхъ; тогда какъ послѣ этого поступка Франціи, желая нынѣ отдѣлать отъ Баваріи Ейштадское епископство, она будетъ вынуждена требовать путемъ переговоровъ того, чѣмъ совместно съ Россіею она могла-бы располагать по праву и, такъ сказать, въ силу своего значенія. — Наконецъ, продолжалъ я, еще одинъ предметъ, весьма неважный самъ по себѣ по сравненію со всѣми мною вышеприведенными и о которомъ я и не упомянулъ-бы здѣсь, если-бы онъ не свидѣтельствовалъ еще болѣе о совершенномъ отсутствіи вниманія со стороны перваго консула къ Императору, заключается въ нѣсколькихъ эмигрантахъ, о помилованіи которыхъ Его Величество ходатайствовалъ, что и было сперва даровано, а затѣмъ взято назадъ безъ всякой извѣстной мнѣ причины. Я окончилъ свою рѣчь, извиняя свободу моихъ выражений даннымъ мнѣ на то дозволеніемъ и искреннимъ моимъ желаніемъ упрочить существующія нынѣ отношенія между

нимъ и Императоромъ, опирающіяся на взаимномъ довѣрїи и вниманїи.

Онъ спокойно далъ мнѣ докончить и затѣмъ, начиная возражать, сказалъ, что онъ вполне признаетъ услуги, оказанныя ему Императоромъ, что онъ желалъ-бы доказать Ему свою благодарность именно въ лицѣ Сардинскаго короля, возстановивъ его въ его владѣніяхъ, и тогда онъ привелъ тѣ препятствующія ему въ томъ причины, которыя я помѣстилъ въ моемъ донесенїи къ Государю. Впрочемъ къ этому онъ присовокупилъ, что Англія, всегда принимавшая участіе въ этомъ монархѣ, наконецъ отступилась отъ него въ этомъ вопросѣ, прїидя къ сознанію, что въ случаѣ возстановленія его въ Пьемонтѣ, онъ обратился-бы въ простаго префекта одной изъ Французскихъ провинцій, рискующаго быть уволеннымъ при малѣйшемъ противъ него неудовольствїи; а слѣдовательно обреченнаго играть роль, унижительную для его королевскаго достоинства и способную возбудить между кабинетами пререканія непрїятныя и даже опасныя по своимъ послѣдствїямъ; что единственно изъ уваженія къ Императору онъ еще сохраняетъ за нимъ Сардинію и допустилъ существованіе Неаполитанскаго королевства; что онъ настоялъ на удаленїи короля Сардинскаго изъ Рима собственно потому, что, по дошедшимъ до него свѣдѣніямъ, онъ не держалъ себя тамъ съ подобающимъ его сану достоинствомъ и состоялъ въ свитѣ кардиналовъ и другихъ важныхъ Римскихъ особъ; что онъ первый консулъ не имѣлъ намѣренія устранить посредничество Россїи въ мирномъ договорѣ съ Оттоманскою Портою, но ея уполномоченный при самомъ началѣ переговоровъ выразилъ положительное къ тому желаніе; что воспоминаніе прошлаго и опасеніе въ будущемъ, поддерживая недовѣрїе этого государства, естественно влекли его болѣе къ другой державѣ, отъ которой ему не приходилось ожидать опасности, и поэтому оно предпочло обратиться къ Пруссїи за со-

дѣйствіемъ въ ея переговорахъ; что въ дѣлахъ Германіи онъ особенно старался быть пріятнымъ Е. И. В., предоставляя принцамъ, Его союзникамъ и родственникамъ, выгоды, превышающія ихъ ожиданія и права; что онъ лично не прилагалъ къ этому вопросу другихъ видовъ и интересовъ, кромѣ утверженія въ Германіи особой системы, съ помощью которой пріобрѣтенное Вѣнскимъ и Берлинскимъ дворомъ и исключительное вліяніе могло-бы быть уравновѣшено, и поэтому онъ считалъ нужнымъ положить основаніе третьей силѣ, сосредоточивъ и распространивъ Баварію; въ виду того, что Пруссія смотрѣла на эту систему такимъ же неблагопріятнымъ окомъ, какъ и Австрія, онъ нашелъ нужнымъ увѣриться въ ней съ помощью трактата, прежде чѣмъ предоставить требуемыя ею вознагражденія, знакомый при этомъ съ ея способомъ дѣйствія, состоящаго въ томъ, чтобы не заботиться о нуждахъ другихъ, когда ея собственныя уже удовлетворены; что же касается до послѣдняго соглашенія, состоявшагося между Франціею, Пруссіею и Баваріею, въ виду тѣхъ-же соображеній по отношенію ко второй изъ нихъ, то я былъ призванъ къ участию, но что я отказался, по неимѣнію власти и полномочій.

Я прервалъ его здѣсь, чтобы замѣтить, что ему неправильно объяснили причины, мною приведенныя; что я отказался не по недостатку полномочій, а по недостатку убѣжденія въ достоинствѣ этой мѣры; что мнѣ поистинѣ казалось неприличнымъ, въ то время, когда деклараціи двухъ посредствующихъ державъ давали свободное мѣсто для измѣненій предлагаемаго ими проекта, въ то время, когда депутаты Имперіи принимали его лишь подъ условіемъ тѣхъ-же измѣненій и что посредническія державы сами выражали намѣреніе принять ихъ, соглашаясь увеличить долю герцога Тосканскаго въ ущербъ владѣніямъ курфирста Баварскаго, у котораго предполагалось отнять Ейштадтское

епископство — была заключена съ этимъ государемъ особая конвенція, которая обезпечивала за нимъ все, что было ему назначено по первому проекту.

Первый консулъ повидимому почувствовалъ всю силу этого возраженія и возразилъ только, что легко было достигнуть этого пожертвованія со стороны Баварскаго курфирста; но за то, присокупилъ онъ, это будетъ послѣдняя жертва, которую я принесу или буду приносить въ пользу Австрійскаго дома, потому что онъ уже слишкомъ могущественъ и сдѣлается еще сильнѣе, когда онъ будетъ призванъ къ раздѣлу обломковъ Османской Имперіи, подлежащей скорому распаденію. Слѣдуетъ замѣтить, что къ этой мысли на счетъ Турціи онъ возвращается при каждой бесѣдѣ со мною и, если только это не западня, которую онъ мнѣ готовитъ, чтобы воспламенить вновь опасенія и подозрѣнія Порты, то надо полагать, что онъ желаетъ приготовить умы къ какому нибудь внезапному вторженію въ ея настоящія владѣнія. Наконецъ онъ дошелъ до послѣдняго пункта моихъ жалобъ по поводу эмигрантовъ и предложилъ мнѣ отправить помилованіе герцогу Ришелье въ томъ видѣ, какъ оно было составлено по первому ходатайству, мною заявленному. Впрочемъ онъ былъ необычайно пріятливъ при этомъ свиданіи. Онъ повторилъ нѣсколько разъ увѣреніе въ своемъ желаніи поддержать дружественное къ нему расположеніе Императора, желанія (сказалъ онъ) основанномъ столько-же на влеченіи, сколько на выгодахъ быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ державою, вліяніе которой можетъ быть ему только полезнымъ и выгоднымъ во всѣхъ случаяхъ. Онъ выразилъ мнѣ лично множество любезныхъ вещей, которыя я считаю тѣмъ болѣе бесполезнымъ повторять, что я имъ придаю столько-же вѣры, сколько и даннымъ имъ увѣреніямъ, что онъ заботится единственно объ упроченіи правительства и могущества

Франціи, не желая нисколько содѣйствовать къ расширенію ея владѣній.

Этикетъ въ Сень-Клу, гдѣ онъ пребываетъ, весьма походитъ на Версальскій прежнихъ временъ; всякое Воскресеніе тамъ обѣдиня, гдѣ онъ присутствуетъ въ сопровожденіи своей жены, двухъ другихъ консуловъ, всѣхъ иностранныхъ министровъ и правительственныхъ лицъ. Главный судья наемни тамъ появился въ своемъ парадномъ одѣяніи, совершенно сходномъ съ костюмомъ прежнихъ канцлеровъ. Говорятъ, что сенаторы получаютъ также костюмъ, подобно герцогамъ и папамъ, когда они появляются въ парламентѣ. Мадамъ Бонапартъ будетъ имѣть чetyрехъ штатсъ-дамъ, которыя будутъ на дняхъ назначены. Вся эта обстановка подаетъ поводъ къ толкамъ, которые возбуждаютъ неудовольствіе въ первомъ консулѣ. Оно разразилось надъ двумя братьями министра иностранныхъ дѣлъ. Я уже сообщалъ вамъ, что одинъ изъ братьевъ, Аршамбо-Перигоръ, былъ сосланъ въ свое имѣніе Росни; на этихъ дняхъ онъ получилъ приказаніе удалиться въ болѣе отдаленное имѣніе, расположенное за Лиономъ. Второй братъ, называемый г. Бозанъ, за выраженные имъ жалобы на подобное обращеніе, также получилъ приказаніе покинуть Парижъ, но его оставили въ ближайшей къ столицѣ ссылкѣ. Г. Талейранъ, отъ беззаботности-ли характера или изъ притворства, сохраняетъ спокойный и ясный видъ. Только мадамъ Гранъ, недавно сдѣлавшаяся мадамъ Талейранъ, обнаруживаетъ нѣкоторое волненіе, замкнутое впрочемъ въ стѣнахъ ея дома.

Парижъ.
20 Октября
1802 г.

Депеши эти напечатаны здѣсь не всѣ. а только тѣ, которыя сохранились въ черновыхъ бумагахъ, оставшихся послѣ графа Моркова. Читатель согласится,

что нельзя не пожелать полнаго ихъ изданія. Они представляютъ ключъ къ пониманію нашей дипломатической исторіи въ началѣ нынѣшняго столѣтія, и ихъ слѣдуетъ сопоставить съ письмами и депешами графа Жозефа де Местра (Р. Архивъ 1871). Отношеніями къ Франціи опредѣлились на долго высшія судьбы Россіи, повлекшія къ погрому 1812 года, который въ свою очередь измѣнилъ все бытіе нашего отечества. Уклонившись отъ Екатерининской, самостоятельной и по отношенію къ Европѣ только наблюдательной политики, мы вняли нашептываніямъ коварнаго паниста и вступились за Сардинскаго короля и Нѣмецкихъ владѣтелей. Въ 1804 году графъ Морковъ былъ отозванъ изъ Парижа. Послѣдовало убіеніе герцога Энгіенскаго, и съ нашей стороны излишество предупредительности замѣнилось излишествомъ непріязненнаго заявленія. Россія дорого поплатилась за трауръ, надѣтый при нашемъ дворѣ по герцогѣ Энгіенскомъ, и Александръ Павловичъ не могъ простить отзывовъ Наполеона по поводу этого траура. Отсюда война 1805 года, съ личнымъ участіемъ самаго Государя; за тѣмъ 1806 и 1807 годы, и новые потоки крови, новыя растраты Русскихъ силъ, накопленныхъ во вторую половину XVIII вѣка.

Зоркій, дальновидный и опытный глазъ нашего дипломата сразу разгадалъ гениальнаго честолюбца, еще скрывавшаго въ то время подѣ консульскою тѣлою будущаго влстителя Франціи и законодателя Европы. Приводимыя гр. Морковымъ, въ донесеніяхъ Государю, пренія и бесѣды его съ Бонапартомъ и Талейраномъ могутъ, по мнѣнію нашему, служить образцами дипломатическихъ переговоровъ, основанныхъ на глубокомъ, всестороннемъ изученіи международныхъ сношеній и непоколебимо опиравшихся на твердомъ и ясномъ сознаніи достоинства и политическаго значенія своей страны. Быть можетъ, въ личныхъ своихъ отношеніяхъ съ правителемъ Франціи и его министрамъ.

графъ Морковъ и раздражалъ ихъ высокоуміемъ и чрезмѣрною стойкостью, составлявшихъ такую разительную противоположность съ запуганною уступчивостью остальныхъ членовъ дипломатическаго корпуса; но во всѣхъ своихъ письменныхъ и официальныхъ сношеніяхъ, выясняемыхъ напечатанными нынѣ бумагами, онъ обнаруживаетъ въ себѣ глубоко свѣдущаго, опытнаго и въ высшей степени искуснаго дипломата—неуклоннаго защитника Русскихъ интересовъ и достоинства Русскаго Государя. Такъ могъ говорить и дѣйствовать только человекъ, бывший очевидцемъ и участникомъ Русской славы и Русскаго величія во времена великой Екатерины. Ея генію было дано вселять въ исполнителей ея державной воли тотъ высокій духъ истиннаго патриотизма и преданности къ престолу и отечеству, которыя отличаютъ всѣхъ главныхъ дѣятелей той эпохи въ нашей исторіи. Екатерининскій вѣкъ со всею его славою и блескомъ еще вполнѣ отражается въ рѣчахъ и дѣйствіяхъ Русскаго посла, въ его сношеніяхъ съ Бонапартомъ, который просилъ объ отозваніи графа Моркова, будучи не въ состояніи сломить этотъ непреклонный духъ и эту твердую, дипломатическую силу.

Ноябрь 1873 года.

СЛАВЯНОФИЛЫ.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ *).

(По поводу статьи г-на Пыпина).

Было время, когда наши писатели западнаго лагеря не иначе относились къ Славянофиламъ и ихъ направленію, какъ съ тупою злобою, которая конечно ничего не могла ни понять, ни объяснить. Многимъ годамъ надлежало пройти, прежде чѣмъ рѣшились они отдавать справедливость если не самому ученію, то хоть нравственному характеру Московскихъ борцовъ, искренности и честности ихъ стремленій. Это уже былъ успѣхъ; но въ снисходительныхъ отзывахъ невольно слышалось:

Они немножечко дерутъ,
За то ужъ въ ротъ хмѣльнаго не берутъ
И всѣ съ отличнымъ поведеньемъ.

Какъ много выигрывала дорогая Западникамъ наука оттого, что умершіе уже Кирѣевскіе и Аксаковъ оказывались порядочными людьми!

Статья г. Пыпина (Вѣстникъ Европы 1873 г.) представляетъ едва ли не первую попытку добросовѣстнаго отношенія къ вопросу. Въ своемъ очеркѣ Славянофиловъ авторъ желаетъ опредѣлить характеръ и значеніе ихъ дѣятельности въ исторіи Русской мысли и подвергаетъ критическому разбору все то, что ему изъ этой дѣятельности извѣстно. Но, къ сожалѣнію, ему далеко не все извѣстно, и отсюда происходятъ и неполнота оцѣнки, которую нельзя объяснить тѣмъ только, что писатель стѣснялся независимыми отъ него обстоятельствомъ, и несправедливая суровость приговора. Вѣрная критика Московскаго умственнаго движенія 1840—

*) Печатаая этотъ очеркъ и слѣдующее за нимъ письмо И. С. Аксакова, мы полагаемъ, что оба они служатъ къ историческому разъясненію понятій объ одномъ изъ важныхъ явленій Русской умственной жизни въ нынѣшнемъ столѣтіи. И. Б.

1850-х годовъ представляетъ въ настоящую минуту много трудности. Впервые, учение Славянофильское не могло, въ свое время, высказываться съ полною откровенностью; это знаетъ и говоритъ г-нъ Пыпинъ. Дѣйствительно, многое весьма существенное въ немъ не выходило изъ тѣснаго кружка единомышленниковъ; многое появлялось въ печати въ видѣ намековъ, до того осторожныхъ, что только посвященные знали въ точности всю ихъ силу. Очень возможно, что Славянофилы были въ этомъ случаѣ и слишкомъ робки, и слишкомъ разсчитывали на проницательность тогдашней читающей публики. Какъ бы то ни было, но ненапечатанное, или недостаточно пропечатанное осталось доселѣ неизвѣстнымъ и даетъ поводъ къ неправильному толкованію. Трудность увеличивается тѣмъ, что направленіе Славянофильское не установилось въ цѣльную округленную систему. Мнѣнія еще не были согласны, работа не кончена, итоги не подведены. Славянофилы спорили между собою также горячо и упорно, какъ съ Западниками. Согласіе ограничивалось самыми основными положеніями, за которыми люди нерѣдко расходились во взглядахъ очень далеко другъ отъ друга. Но что особенно затемняетъ дѣло и должно сбивать съ толку всякаго наблюдателя, приходящаго со стороны, это то обстоятельство, что, по смерти Кирѣевскихъ, Хомякова и Константина Аксакова, сами ихъ послѣдователи въ большинствѣ случаевъ потеряли главнѣйшія Славянофильскія преданія. Они сошли съ точки зрѣнія своихъ предшественниковъ, запутались, и *свободнѣйшее* направленіе превратилось въ какую-то патріотически-благонамѣренную доктрину, которая въ одну сторону хочетъ всё и всёхъ русить, а въ другую всёхъ проповѣдуетъ уже не народно-православіе, а просто полицейскую мѣру, подхваченную Ю. О. Самаринымъ у дикихъ Латышей и Эстовъ, торгующихъ своею религіозною совѣстью. Живое славянофильство исчезло;

оно сдѣлалось пошленькимъ, формальнымъ, худосочнымъ катехизисомъ клерикально-полицейскихъ сентенцій. Вотъ почему оно, къ началу 1860-хъ годовъ¹⁾, вдругъ такъ распространилось по всему Русскому царству, вдругъ получило одобреніе отъ всѣхъ маменекъ и генераловъ и приняло въ свое лоно всѣхъ матушкиныхъ сынковъ, желавшихъ сдѣлать карьеру. Славянофилы выросли за одну ночь, какъ грибы, вмѣстѣ съ патріотами самаго подозрительнаго качества. Славянофильство увѣнчалось тогда тѣмъ успѣхомъ, отъ котораго такъ ревниво оберегалъ его Константинъ Аксаковъ.

Тутъ случилось тоже самое, что почти всегда случается со всѣми школами. Взгляните на знаменитый плафонъ Сикстинской капеллы, и вы увидите, что это гениальный вопросъ художника, вопросъ, который живъ и будетъ вѣчно жить. Сухарь-академикъ найдетъ въ рисункѣ Микель-Анджело много неправильностей, даже уродства. Но развѣ великій Флорентинецъ выдавалъ свои приемы за абсолютную мѣрку истины и красоты? Нисколько. Онъ работалъ, онъ искалъ, *дапрошалъ* естество и продолжалъ бы допрашивать его, еслибы смерть не положила предѣла его творчеству. Но для учениковъ, не понявшихъ духа своего учителя, а ухватившихся за его черту, онъ сталъ авторитетомъ и гробомъ.

Хомяковъ смотрѣлъ на всѣ задачи славянофильства какъ на вопросы, требующіе повѣрки и самостоятельнаго, свободнаго рѣшенія. Конечно онъ ихъ каждую минуту, по своему, рѣшалъ и записывалъ свои выводы; но также вѣрно и то, что онъ своими рѣшеніями не стѣснялся и ставилъ ихъ точно также, какъ землемѣръ ставитъ вѣхи, обозначая ими пройденное пространство—только, и больше ничего. Умершій Хомяковъ сталъ для учениковъ авторитетомъ;

¹⁾ А. С. Хомяковъ скончался 23 Сентября, а К. С. Аксаковъ 7 Декабря 1860 года.

его вѣхи стали въ ихъ глазахъ не простыми значками подвигающей работы, но послѣднимъ словомъ, послѣднимъ предѣломъ мысли, за который лучше и не заглядывать. Хомяковъ на каждомъ шагу встрѣчался съ неизвѣстными величинами и старался ихъ измѣрить; для учениковъ все стало ясно: имъ стоило развернуть книжку, и рѣшеніе готово. При этомъ конечно забывается имя, что Хомяковъ многое бросалъ на полъ-дорогѣ, для того, чтобы ухватиться за другое, болѣе важное; забывается даже и то, что онъ умеръ, а еслибы былъ живъ, то продолжалъ бы свои изслѣдованія въ духъ полной свободы. Для насъ, знавшихъ коротко Хомякова, несомнѣнно, что истинный послѣдователь его—тотъ, кто свободно ищетъ, хотя бы онъ пришелъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые успѣлъ записать Хомяковъ; а не тотъ, кто изъ него дѣлаетъ себѣ Римскаго папу, ненавистнѣйшее Хомякову явленіе.

Для вѣрной оцѣнки Московскаго направленія 1840-хъ годовъ не должно забывать весьма важное обстоятельство, именно, что оно было въ опалѣ не только у правительства, но у всего консервативно-настроеннаго общества, что оно ставило себя, какъ *протестъ противъ общества и его апатіи*, оставляя правительство въ сторонѣ: вотъ его характеристическая черта, мало замѣченная и еще меньше понятая противниками.

Славянофилы явились въ средѣ нашей людьми *странными*, чужаками, непохожими на всѣхъ другихъ людей, и потому уже казались опасными и подозрительными. Западники могли быть либеральными, вольнодумцами, но не странными, не пугающими никого, ибо не вносили въ среду нашу ничего новаго и были только продолженіемъ и развитіемъ всѣми давно принятаго, признаннаго направленія. Наше общество прожило эпоху фронтёрства; оно помнило, какъ опдшлялось волтеріанство; не испугалось

оно Декабристовъ, не испугалось потомъ и новѣйшаго Европейскаго либерализма, явившагося подъ названіемъ гегеліанства, особенно когда присмотрѣлось къ его уживчивой натурѣ, готовой скоро мириться со всѣмъ на свѣтѣ. Между Гегеліанцами встрѣчались отдѣльные личности, по своей природѣ неугомонныя, которыя и подвергались за это непріятностямъ; но само гегеліанство было даже поощряемо и правительствомъ, и публикою. Какъ же иначе объяснить себѣ то обстоятельство, что почти всѣ кафедры всѣхъ Русскихъ университетовъ, гимназій, корпусовъ, были заняты иными поклонниками Гегеля, тогда какъ ни одинъ Славянофилъ, особенно если онъ талантливый, не могъ добиться профессорства? Мы знаемъ много такихъ случаевъ.

Вольнодумство Славянофиловъ казалось тѣмъ опаснѣе и вредоноснѣе, что опиралось на старину и на христіанство. Оно являлось съ такой стороны, откуда его никто не ждалъ. Хомяковъ превозносилъ и проповѣдывалъ православіе; а между тѣмъ очень многіе, слушая его, ужасались, приходили къ убѣжденію, что онъ не признаетъ никакого авторитета, позволяетъ себѣ толковать догматы, къ святынь относитя съ неслыханною свободою, вольно обращается съ самыми великими столпами церкви. Всѣ матушки старались предупреждать своихъ сынковъ противъ вождя Славянофильской шайки, вольнодумца и еретика, и въ тоже время онѣ радовались, когда ихъ дѣтки попадали на вечера профессора Рѣдкина, гдѣ философія Гегеля пускалась на всѣхъ парахъ. Не пишется ли это критической мудрости тогдашнихъ свѣтскихъ барынь?

Не менѣе Хомякова страннымъ и подозрительнымъ казался Петръ Кирѣевскій, дворянинъ, не служащій, вѣчно водящійся съ простымъ народомъ, пренебрегающій всѣми условіями высшаго тона, одѣтый въ Святославку, съ кружокъ остриженный; вмѣстѣ съ этими

аскетъ (*ветхонепещерникъ*, какъ называлъ его поэтъ Языковъ), человекъ, глубоко образованный, прямой, честный, страстно любящій свой народъ и мучительно ожидающій избавленія Израилю.

Не страненъ ли былъ Константинъ Аксаковъ, Новгородецъ, прибѣжавшій прямо съ вѣча въ гостиную, не замѣчавшій, да и не хотѣвшій замѣтить, что это не вѣче, а салонъ?

Какъ отношеніе Славянофиловъ къ церкви, такъ и отношеніе ихъ къ государству выходили изъ общей колеи. Они, въ противность обычаю, не искали ни крестовъ, ни чиновъ, ни мѣстъ; желая служить обществу, они считали, что служба ему бываетъ, въ иныхъ странахъ, при извѣстныхъ условіяхъ, несомнѣстима съ чиновничествомъ; западный же лагерь никогда не гнушался чиновничествомъ. Матеріально обезпеченное состояніе, безъ сомнѣнія, облегчало Славянофиламъ ихъ задачу; но мы здѣсь говоримъ о принципахъ, а вмѣстѣ не забудемъ и того, что хорошее положеніе въ свѣтѣ, богатство и связи бываютъ несравненно чаще стимулами для блестящихъ карьеръ, нежели для добровольнаго недоросльства. Славянофилы требовали искренности, неподкупной честности, безкорыстнаго и свободнаго служенія народу. Теперь имъ въ этомъ всё отдають справедливость; тогда не отдавали. И теперь читателю стануть понятны слова К. Аксакова, говорившаго: „Успѣха намъ не надо, мы не хотимъ его.“ Подъ этимъ словомъ онъ разумѣлъ покровительство моды, или покровительство силы. Онъ понималъ, что и то, и другое подрываетъ славянофильство въ самомъ корнѣ, что дѣло проповѣдника, цивилизатора, возможно только какъ вполне свободное, чистое отъ всякой примѣси власти; что Славянофилъ, надѣвающій на себя мундиръ, черезъ это уже становится Западникомъ. Замѣтимъ кстати, что словомъ западничество обозначалась не Европейская наука, которую Славянофилы всегда гото-

вы были пользоваться, и не Европейская образованность, которую они всё имѣли, но извѣстный *приемъ* нашихъ цивилизаторовъ, или извѣстное отношеніе ихъ къ народу. Къ западничеству ближе всего подходитъ понятіе чиновничества. Само собою разумѣется, что подобныя понятія имѣли смыслъ только для нашей *тогдашней* Россіи, гдѣ, вслѣдствіе особенности ея историческаго развитія, коронный чиновникъ не могъ быть представителемъ націи, а представлялъ только одно правительство; гдѣ процессъ цивилизаціи совершался исключительными путями правительственной монополіи. А Славянофилы думали, что наука бываетъ плодотворна только тогда, когда она либо самостоятельно добыта, либо принята свободно во всей ея полнотѣ; когда же она насильно навязывается, да еще отмѣренная чиновничьей мѣркой, то польза ея сомнительна*). Впрочемъ, еслибъ Западники ограничились доказательствомъ, что и такая наука лучше, чѣмъ совсѣмъ ничего, то очень возможно, что они не встрѣчали бы рѣшительныхъ противниковъ, или по крайней мѣрѣ ихъ противники не почувствовали бы нужды сплотиться въ особую боевую фалангу, съ своимъ отдѣльнымъ знаменемъ, на коемъ было написано: „Недовѣріе къ официальнымъ цивилизаторамъ, недостаточность одного усвоенія чужаго, необходимость тщательной и бережной провѣрки основъ роднаго быта, прежде огульнаго ихъ осужденія, и наконецъ непригодность нѣкоторыхъ началъ Европейской цивилизаціи для нашей земли“. Когда Славянофилы выдѣлились въ свой кружокъ, съ своимъ направленіемъ, то естественно было пожелать внѣшняго отличія. Многие изъ нихъ одѣлись порусски, но не потому, чтобъ подозрѣвали они въ Русскомъ покрое ма-

*) Не можемъ согласиться съ умозаключеніями, коимъ очевидно сочувствуетъ авторъ: свѣтъ, разливающійся сверху, во всё вѣка приносилъ великую пользу и необходимъ, коль скоро въ горизонтальномъ распространеніи его ощущается недостатокъ. *И. Б.*

гическую силу, не потому даже, что считали его особенно-изящнымъ или удобнымъ; но какъ рыцари, выходящіе на защиту своихъ красавицъ, облакаются въ ихъ цвѣта, и отчасти для заявленія своего протеста противъ духа моды.

Mais montrez nous donc vos Slaves *), говорили новые посѣтители Москвы, и хозяйки салоновъ показывали имъ Славянофиловъ, какъ диковинныхъ звѣрей, увѣривъ гостей своихъ, что звѣри не кусаются, что, не смотря на ихъ дикій видъ и дикія парадоксальныя рѣчи, они въ сущности люди почтенные и очень образованные. Замѣтимъ тутъ, что отъ нихъ немедленно отворачивались всѣ зачатые Могиканы и рутинные клерикалы. Эти господа ненавидѣли ихъ больше, нежели Западняки и больше, нежели Западняковъ.

Лучшіе представители западнаго лагерь всегда старались дѣйствовать на правительство и черезъ него уже на общество, продолжая такимъ образомъ давнишній, съ Петра установившійся, приемъ. Славянофилы взглянули на дѣло иначе; они думали пересоздать, облагородить общество, поднять его уровень, вызывать къ дѣятельности усиленныя его силы: тогда внѣшность государственная должна была бы исправляться сама собой, не сверху внизъ, а снизу вверхъ, должна была расти и возвышаться вмѣстѣ съ обществомъ, органически соединиться съ народомъ; она была бы всегда истиннымъ выраженіемъ его интеллигенціи и его нуждъ. Европейская наука давно пришла къ этому взгляду, но наши Западняки его и до сихъ поръ себѣ не усвоили. Мы это докажемъ ниже.

Не менѣе Западняковъ Славянофилы чувствовали, что цивилизація бесплодна, пока она составляетъ исключительное преимущество высшаго слоя общества; но они чувствовали еще и другое, именно, что для того, чтобы привить ее, сдѣлать доступною и понятною народу, необходимы два условія. Во первыхъ,

*) Да покажите намъ вашихъ Славянъ.

нужно цивилизаторамъ съ народомъ сблизиться и приобрѣсть его довѣріе. Нынче сблизеніе низшихъ классовъ стало возможно на многихъ мѣстахъ: въ земствѣ, въ гласномъ судѣ, въ народной школѣ; достаточно пользоваться ими честно. Въ 1840 и 1850-хъ годахъ ничего этого не существовало. Во вторыхъ, нужно было отыскать способъ связать само просвѣщеніе съ даннымъ существующимъ міровоззрѣніемъ народа. Нація не *tabula rasa*, на которой можно писать какіе угодно знаки и слова; она имѣетъ свои бытовыя, глубоко сидящія, вѣками укоренившіяся воззрѣнія на вещи; понятія народныя нельзя смести долой для какихъ бы то ни было прекрасныхъ насажденій; нельзя ихъ игнорировать, а должно открыть въ нихъ такое мѣсто, такой органъ, который бы могъ служить звѣномъ между наукою, приходящею извнѣ и непосредственнымъ туземнымъ преданіемъ. Не всѣ науки являются къ намъ въ чистой отвлеченности, какъ математика; науки историческія, политическія, экономическія и т. д. приносятся съ примѣсью крови и мяса другихъ народовъ и съ ихъ особенными болѣзнями. Можно ли было ставить Славянофиламъ въ упрекъ то, что они просили нѣсколько вниманія къ Русскому народу?

Для достиженія своей цѣли, имъ больше ничего не оставалось какъ вздумываться, вживаться въ народное, на сколько это возможно людямъ уже оторваннымъ отъ него, принять въ себя народное міровоззрѣніе, глубоко проникнуться основами, лежащими въ Русскомъ бытѣ. Задача трудная и небезопасная. И мы не беремся сказать, на сколько она удалась тому или другому, много ли потребовала внутренней борьбы и жертвъ и въ какой мѣрѣ была она искренна; но знаемъ, что ни тогда, ни послѣ, ни въ наше время никто не осмѣливался заподозрить кого-нибудь изъ нихъ въ лицемѣрїи, а это немало важно и достаточно показываетъ неослабность и рѣдкую энергію ихъ подвига, невозмож-

наго безъ глубокой любви и преданности своему дѣлу.

Здѣсь-то кроется причина всѣхъ Славянофильскихъ обращеній отъ философіи къ православію, и это набрасывало на ихъ школу ту романтическую черту, которую очень вѣрно замѣтилъ г. Пыпинъ. Но насъ удивляетъ, что вслѣдъ за этимъ тонкій критикъ задается такими вопросами: были ли Славянофилы людьми учеными или только образованными, и почему не употребили они въ своихъ изслѣдованіяхъ научнаго приема? На первый вопросъ мы отвѣчать не станемъ, считая его совершенно празднымъ; замѣтимъ только, что ученость есть вещь весьма относительная. На второй вопросъ вотъ нашъ отвѣтъ. Г. Пыпинъ въ теоріи очень строгъ къ приемамъ, но не на практикѣ. Вотъ примѣръ: онъ называетъ Языкова поэтомъ *тенденціознымъ*. Прямое доказательство, что онъ его не читалъ. Языковъ — пѣвецъ студенческихъ пирушекъ, веселья, красоты, деревенскаго простора, Волги. Что же въ немъ тенденціознаго, и въ какой литературѣ найдетъ онъ поэта *менше* тенденціознаго? Два стихотворенія противъ Западниковъ конечно еще не даютъ права на такое названіе. Научнаго приема нашъ критикъ, видно, требуетъ отъ однихъ Славянофиловъ. Но возможно ли требовать его отъ людей, постоянно и вездѣ заявлявшихъ, что этотъ *разсудочный* приемъ ихъ не удовлетворяетъ и считавшихъ для себя недоказанною необходимость удовлетворяться однимъ научнымъ приемомъ? Вѣдь это всё равно, что упрекать Славянофиловъ въ славянофильствѣ!

Цивилизація совершается не одною наукою, но и искусствомъ. Анализъ разсудка очень важенъ для вѣрности опредѣленій, для точности и безповоротности приговоровъ, для открытій, но не для возбужденія общественной мысли и не для борьбы. Ни отдѣльные люди, ни народы не отказываются отъ лжи и отъ живыхъ представленій, потому только, что лживость ихъ доказана на-

уюко, но потому что ложь изнасилась, извѣрилась. Тутъ искусство являетъ всю свою силу, давая людямъ возможность безконечно ускорить процессъ самой жизни и въ короткій срокъ прожить и перечувствовать настроеніе многихъ вѣковъ. Вотъ почему мы часто видимъ, что художникъ однимъ ударомъ валитъ то, надъ сокрушеніемъ чего провозились бы цѣлыя поколѣнія ученыхъ и однимъ словомъ вносятъ въ жизнь то чего не внесутъ въ нее сотни диссертаций. Уничтожая одну ложь, искусство, правда, можетъ создавать ложь другую; но оно тогда только имѣетъ успѣхъ, когда не вовсе лишено критики, когда дѣйствительно даетъ обществу, что-нибудь новое и отвѣчаетъ на его современные требованія: такимъ образомъ сама прогрессирующая общественная жизнь ручается за правильность средства, подобно тому, какъ жажда больного указываетъ на необходимость ея утоленія, для противодѣйствія болѣзни.

Художественнаго, интуитивнаго взгляда искали Кирѣевскіе и Хомяковъ, когда говорили о *цѣльномъ* пониманіи въ противоположность пониманью разсудочному. Взглянемъ на Славянофильскую литературу и мы увидимъ въ ней именно преобладаніе художественнаго характера. Всѣ свои политическія, историческія, даже филологическія мысли и наблюденія К. Аксаковъ передавалъ въ формѣ стихотвореній, которые оттого часто походили на диссертациі въ стихахъ; за то и диссертациі его были въ родѣ стихотвореній, гдѣ писатель не находилъ вужнымъ стѣснять свою фантазію. По этой причинѣ онъ читались всѣми, расходились по рукамъ, запоминались; объ нихъ толковали, спорили; однихъ онъ радовали, другихъ бѣсили. Онъ были главнымъ событіемъ дня, служили умственнымъ возбужденіемъ и интеллектуальною связью для всѣхъ слоевъ общества, задѣвая за живое европейски-ученаго профессора и какогонибудь кладбищенскаго раскольника, мѣщанина Вѣтрова, знатную барыню и патри-

руемыхъ ею сиротъ приюта, церковнаго архипастыря фрондирующаго франтика. Болѣе или менѣе всѣ Славянофильскія статьи, статейки, диссертациі, книги имѣли художественный и непремѣнно задирающій характеръ, отнюдь не пугающій, а только вызывающій. Всѣ люди постоянно приглашались къ спору, къ общему мысли, опытности, вслѣдствіе чего Славянофилы по принципу избѣгали всего докторально-ученаго. Ограничиться одною наукою значило бы отстранить отъ участія всю публику и замкнуться въ стѣнахъ академіи, куда не доходитъ и откуда не исходитъ никакая жизнь. Но отойдемъ на минуту отъ Славянофиловъ и посмотримъ, чѣмъ дѣйствовалъ на своихъ слушателей, чѣмъ увлекалъ ихъ Грановскій? Конечно не глубокими историческими изслѣдованіями, которыхъ онъ по себѣ не оставилъ, но необыкновеннымъ художественнымъ изложеніемъ, и мы позволимъ себѣ думать, что тогдашняя Московская среда немало способствовала развитію его таланта, поощряя даровитаго профессора въ томъ направленіи, которое было такъ сродно его природѣ. Въ Петербургѣ, Кіевѣ или Казани, Грановскій могъ бы посвятить себя строго-научной дѣятельности; но тогдашняя Москва требовала инаго: она даже въ старикахъ вызывала художественный жаръ, чему блестящимъ примѣромъ служить Сергій Тимофеевичъ Аксаковъ.

Для объясненія художественной струнки Славянофиловъ, надо помнить, что они находились въ самой тѣсной и прямой связи съ прежними кружками Пушкина и Жуковскаго и жили тѣми же самыми преданіями.

Славянофильское общество не было ни комиссіей ученыхъ, собравшихся съ какою-нибудь специально-ученою цѣлью, ни совѣтомъ профессоровъ, по званію своему обязанныхъ держаться строго-научныхъ приемовъ; но свободнымъ литературнымъ кружкомъ, не стѣснявшимся никакою программю и никакою методою изслѣдованія. А между тѣмъ

сравните, какое значеніе для Москвы имѣлъ ея Университетъ въ то время, и какое онъ имѣлъ поздиѣ? Въ сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ вся публика интересовалась лекціями не только Грановскаго, но и Крылова, Рѣдкина, Морощкина и Чивилева, интересовалось даже инспекторомъ студентовъ. Событія въ Университетѣ занимали всю Москву; событія въ Москвѣ немедленно отзывались въ Университетѣ. Послѣ было не то: Москва и ея Университетъ два незнакомца, и публика смотрѣла на храмъ науки точно также, какъ на какую-нибудь бумагопрядильную фабрику, съ той только разницей, что на фабрику она могла и не заглядывать, а въ Университетѣ все же должна была посылать свое молодое поколѣніе.

Все это доказываетъ, что тактика Славянофильская имѣла благородное вліяніе не только на тогдашнее общество, но и на университетскую науку, сблизилъ и оживилъ обѣ стороны. Бывало такъ, что общественный споръ, завязавшійся вечеромъ въ гостиной, на слѣдующее утро получалъ отвѣтъ съ университетской кафедры, который въ свою очередь вызывалъ горячіе толки въ гостиной.

Представивъ читателю общій очеркъ славянофильства сороковыхъ годовъ, мы постараемся вѣсколько обстоятельнѣе объяснить ему отношенія Славянофиловъ къ реформѣ Петра; но и сказаннаго нами уже достаточно для того, чтобы опровергнуть неслѣпое мнѣніе, будто славянофильство имѣло цѣлью одно возбужденіе національнаго чувства. Такая задача невозможна и невыслима среди глубокаго мира. Въ 40-хъ годахъ она никому не могла придти на умъ. Не проявилось ли возбужденіе національнаго чувства гораздо поздиѣ, въ Крымскую войну, или во время Польскаго восстанія, и уже вовсе не подъ вліяніемъ Славянофильскихъ доктринъ? Оно и прошло вѣстѣ съ миновавшею опасностью. Национальные инстинкты всѣмъ понятны, никто не ищетъ ихъ объясне-

нія, тогда какъ Славянофильское направление представляетъ собою такую небывалую новость въ Русской жизни, что г. Пыпинъ никакъ не можетъ доскаться его генеалогіи, и она и теперь еще требуетъ для себя правильной критической оцѣнки. Превозношеніе роднаго, Русскаго не было исходною точкою для Московскихъ дѣятелей, но скорѣе результатомъ,—и получался онъ только тогда, когда земля наша, своимъ призыву Славянофильства, очищалась отъ *всякой мерзости*, которою она, по словамъ Хомякова, была *полна*. Позднѣйшій патріотизмъ нашъ, и уже вовсе не Славянофильскій, взглянулъ на дѣло обратнo: онъ нашель, что мы такъ уже хороши, что намъ ничуть ни опасно принимать въ себя еще и еще новыя дозы мерзости, при всякомъ удобномъ случаѣ, припѣвая при этомъ: „Не выпить ли водочки по этой причинѣ?“ Такъ патріотизмъ этотъ пѣлъ и пилъ водочку. и по случаю освобожденія крестьянъ, и по случаю усмиренія возстанія, и при открытіи земства, и по поводу гласныхъ судовъ и т. д. Если можно въ чемъ-нибудь упрекнуть Славянофиловъ, такъ развѣ въ томъ, что они затигнали шапвы уже чересчуръ великопостныя и ветхопещерныя.

Въ спорѣ о Петровской реформѣ Западники занимали самую выгодную позицію: они стояли за гениальнаго человека, за славу Россіи и могли задавить Славянофиловъ громадностью Петровскихъ подвиговъ. Въ самомъ дѣлѣ, Россія послѣ долгаго, тяжелаго сна, вдругъ пробудилась какъ будто волшебствомъ. По манію Петра изъ земли выросли у насъ флотъ, Европейская и побѣдоносная армія: проложились по пустынямъ пути, дальнія моря соединились каналами, выстроились фабрики, заводы, образовались мастера, распространились предѣлы государства, расширились торговыя сношенія, пересоздались нравы, Россія разомъ вступила въ Европу и занявъ въ ней непоследнее мѣсто среди, просвѣщенныхъ государствъ, могла

пользоваться ихъ многовѣковою опытностью. Противъ этого Славянофилы не находили возраженій и только спрашивали: Умѣстно ли волшебство въ исторіи? Хорошо ли сказку переносить въ быль? Можно ли положиться на современную цивилизацію? Прочны ли новыя декорации? Не потребуетъ ли завтра же новой ихъ передѣлки? Въ ли онѣ Русскому народу пригодны? Полезно ли приучать націю къ „лучшему повелѣнію?“ и т. д. Вопросовъ было почти столько же сколько Петровскихъ дѣлъ, и Западники въ свою очередь, были поставлены въ неловкое положеніе: ибо не могли не сознавать внутренно, что народная жизнь не должна походить на сказку о Коньѣ-Горбунѣ, и тогдашнее состояніе Русскаго просвѣщенія, не представляя не только блестящаго, но хотя бы сноснаго результата, никакъ не могло ихъ выручить.

Еслибы вопросъ оставался на этой почвѣ, то вѣроятно очень бы скоро найдено было соглашеніе; но онъ запутался, затянулся, принялъ страстный характеръ, и обѣ стороны, завлекшись борьбою, наговорили множество такого вадору, который прямо противорѣчилъ ихъ собственнымъ основнымъ положеніямъ. Какъ г-нъ Пыпинъ могъ привести нѣсколько нелѣпостей, высказанныхъ Славянофилами по поводу Петровской реформы, такъ и намъ не трудно бы было пристыдить западниковъ выписками не только изъ ихъ тогдашнихъ, но даже изъ новѣйшихъ статей, хоть бы напримѣръ изъ панегирика Петру, напечатаннаго въ Юньской книжкѣ Вѣстника Европы за прошлый 1872 годъ. Но такое занятіе намъ кажется бесполезнымъ литературнымъ сплетничаньемъ, способнымъ подбавить въ лампадѣ много масла, но очень мало свѣта. Останемся при коренныхъ основахъ того и другаго направленія и постараемся изъ нихъ сдѣлать наши выводы, предоставляя Бобчинскому и Добчинскому препираться о томъ, кто первый изъ нихъ сказалъ: Э!

Славянофилы никогда не любовались на Китайскую замкнутость и не ставили ее въ образецъ для Россіи; никогда не проповѣдывали они исключительной національности, очеркивающей около себя заколдованный кругъ противъ всего остальнаго человечества, и потому когда осуждали Петровскую реформу, то осуждали ее не въ принципѣ, но за ея бѣшеный, бурный и деспотическій характеръ. Еслибъ она не пронеслась по Россіи какъ всеокрушающій ураганъ, безопадно валившій всё туземное и безъ разбора наносившій въ нее все что смогъ и что успѣлъ схватить въ Европѣ, обрывки ея рѣчей, обломки ея словъ, лохмотья ея костюмовъ, куски ея учреждений, клочки ея нравовъ и мыслей, обѣдки ея стола: то она бы не вызвала у насъ ни страха, ни негодованія. Колоссальная и страшная фигура всемогущаго царя Петра, рѣшительная, ни передъ чѣмъ не задумывающаяся, циническая и просвѣщающая свой народъ пудовою дубинкою, очень въ немногихъ людяхъ способна была пробудить охоту къ ученю и любовь къ наукѣ. Великую массу народа Петровская дубинка испугала, ошеломила и не только не поощрила на пути къ прогрессу, но задержала еѣ на долго. Кто, съ самаго начала XVIII вѣка и до нынѣшняго дня, былъ въ Россіи для массы представителемъ просвѣщенія Европейскаго? Ученый профессоръ, поэтъ, литераторъ? Нѣтъ! До нея еле доходили ихъ мнѣнія. Въ ней просвѣщеніе орудовалъ чиновникъ, становой. Мудрено ли же, что народъ до тѣхъ поръ страшился цивилизаци и готовъ былъ откупаться отъ нея послѣднимъ грошомъ? Кто самъ когда нибудь пробовалъ учить грамотѣ Русскихъ крестьянскихъ дѣтей и обяснять имъ явленія ближайшей къ нимъ природы, тотъ знаетъ, сколько виновать Петръ въ ихъ совершенномъ невѣжествѣ*.

* Это напоминаетъ слѣдующій вполнѣ достоверный случай, относящійся къ одному изъ послѣднихъ царствованій. У одного жи-

Извѣстно, что вмѣстѣ съ Петромъ возникла въ Россіи потребность новой жизни съ высшими задачами. Но Петръ ли виноватъ былъ въ томъ, что старое устарѣло, что духота дошла въ его время до нестерпимости? Конечно нѣтъ, и Славянофилы въ этомъ никогда не обвиняли его. Но если нельзя его винить за обвѣтшанье и разложение старою гнили, то точно также мало можно ему приписать необходимость новыхъ виходовъ. Смерть стараго и рожденіе новаго совершается въ мірѣ самъ собою, въ силу жизни, не допускающей пустоты; а Петръ имѣлъ только счастье родиться въ эту минуту, такъ что рожденіе Россіи совпало съ его рожденіемъ. Какъ человѣкъ умный и энергическій, какъ человѣкъ дѣла, онъ сталъ на сторону новаго, гдѣ дѣло было возможно, но къ сожалѣнію вообразилъ себѣ, что это новое есть его индивидуальное дѣло, безъ него нестаточное, невозможное, имъ лично вызванное къ бытію. Западники восхищаются скромностью Петра, никогда не говорившаго: *l'etat c'est moi*; но зачѣмъ ему было такъ выражаться, когда онъ мнилъ о себѣ гораздо больше, когда онъ смотрѣлъ на себя какъ на Русскую судьбу, видѣлъ въ себѣ воплощенный прогрессъ великаго народа, и потому какъ бы сказалъ: *исторія—это я*. * Вотъ причина его равнодушія даже къ династическому вопросу; въ ней лежитъ тайна его изумительной силы, но въ ней же кроется

нигра была деревня, крестьяне которой отличались полною исправностью въ исполненіи своихъ повинностей, мало пьянствовали и были зажиточны. Въ награду за то, министръ, искренно и глубоко преданный дѣлу просвѣщенія, вознамѣрился учредить въ этой деревнѣ училище. Однако намѣреніе это не исполнилось; ни личные, ни посторонніе убѣжденія не дѣйствовали на крестьянъ. Наконецъ они являютъ къ его управляющему и просятъ пощады. «Мы всегда были исправны передъ баринномъ: за что хочетъ онъ насъ наказывать?»

И. Б.

* Это напоминаетъ отзывъ Пушкина про Петра Великаго: «Онъ презиралъ человечество еще болѣе, нежели Наполеонъ». И. Б.

и страшное зло, подчинившее досель Русскую жизнь субъективному пониманію отдельных лиц....

Петръ не только не говорилъ: *l'état c'est moi*, но любилъ называть себя *службой своего народа*. Этимъ онъ высказалъ мысль прекрасную и вѣрную. А каково было исполненіе? Не странный ли образъ слуги, который не иначе относился къ своему господину, какъ съ приказами и указами, а когда господинъ изъяснялъ малѣйшую непокорность, или даже простое непониманіе воли своего слуги, такъ слуга готовъ былъ умудрить его своею дубинкою?

Видъ не даромъ Русская земля отворачивалась отъ стараго и желала новаго. Во всѣхъ слояхъ населенія Петръ нашелъ людей, сочувствовавшихъ его цѣлямъ; безъ помощи этихъ людей онъ конечно не могъ бы совершить своего дѣла. Чего-то они чаяли, ради чего нибудь они побросали съ себя свои, хотя заношенные зипуны и кафтаны, но всё же сколько нибудь прикрывавшіе ихъ члены. Неужели они обнажили свои спины затѣмъ только, чтобъ по нимъ удобнѣе могла гулять дубинка? Западники не замѣтили того, что деспотическій характеръ Петровскаго просвѣщенія уничтожалъ самое ихъ дѣльное возраженіе противъ Славянофиловъ. Петръ помогъ намъ сокрушить старый, противный, патріархальный бытъ. Это несомнѣнно. Но гдѣ же развитіе личности, на которую Западники съ торжествомъ указываютъ, и возможно ли оно тамъ, гдѣ все совершалось одною грубою силою, хотя бы эта сила была преисполнена благонамѣренности и любви къ народу?..

Славянофилы хотѣли быть народными знахарями и старались знахарству научиться. Если имъ это не удалось въ желанной мѣрѣ, то ихъ можно только пожалѣть, а не бранить...

А что сдѣлали Западники для Русскаго человѣка? Устроили они ему театры, концерты, какъ въ Европѣ, или хотя бы школы?..

КабINETный философъ можетъ говорить себѣ: ну, патріархальное начало сломано, стало быть наступило время для развитія личности. Въ абстрактѣ это вѣрно, но въ дѣйствительности оно не такъ. Личность живая не развивается въ пустотѣ и одиночествѣ, а дичаетъ. Сначала человѣкъ живетъ въ семьѣ; выходя изъ семьи, онъ долженъ найти себѣ общество, замѣняющее ему семью. Ему нужно сознаніе и чувство солидарности со всѣми людьми, живущими въ обществѣ. Если этого сознанія нѣтъ ни въ немъ, ни въ обществѣ, если изъ семьи онъ выбрасывается съ такую среду, гдѣ всё во враждѣ между собою и другъ друга только стараются эксплуатировать, то человѣкъ уйдетъ въ себя, запрется въ своемъ эгоизмѣ, и пожалуй будетъ развиваться, но въ отрицаніе: его понятія о правдѣ, нравственности, о законѣ станутъ его субъективными измышленіями, придуманными имъ съ единственною цѣлію оправдать свой эгоизмъ, оградить себя отъ челоуѣчества, а не для того, чтобы жить съ нимъ въ согласіи и братствѣ.

Развитіе личности, какъ понимали ее Западники въ сороковыхъ годахъ и какъ понимала ее въ то время Европа, ведетъ прямо къ пролетариату денежному, умственному, нравственному. Въ Европѣ онъ уже осуществился, къ ея несчастью и ужасу.

Допустимъ, что Славянофилы ошибались, думая найти для лица истинную солидарность съ челоуѣчествомъ въ церковной общинѣ; но столько же ошибались въ другую сторону и Западники, отвергая всякую общину и такимъ образомъ обрекая челоуѣка на войну противъ всѣхъ и противъ всего.

Мы знаемъ, что впоследствии въ западномъ лагерѣ произошло раздвоеніе: одни изъ Западниковъ, призвавъ общину и только освободивъ ее отъ церковнаго характера, подошли ближе къ Славянофиламъ; другіе, многочисленнѣйшіе, на противъ того, стали еще упорнѣе на

своей односторонней точкѣ зрѣнія, съ тѣхъ поръ, какъ прочли у Дарвина о борьбѣ за существованіе, ведущейся въ животномъ мірѣ. Они не поняли того, что есть природа нерелективирующая и есть природа релективирующая, въ которой, какъ въ зеркалѣ, всѣ явленія первой природы представляются въ обратномъ видѣ: въ этомъ-то и заключается весь смыслъ *рефлекціи*. Такъ для природы нерелективирующей грабительство есть необходимый законъ, за исполненіе котораго казни не полагается; для релективирующей природы оно есть только возможное явленіе и потому подлежитъ исправленію. Для одной природы мышьякъ есть убійственный ядъ, для другой цѣлебное средство; для одной природы борьба за существованіе есть законъ, для другой же явленіе. А если такъ, то отъ насъ зависитъ не возводить его въ законъ. Борьба ведется въ человѣческомъ обществѣ только потому, что общество не выросло изъ нерелективирующаго состоянія, не освободилось отъ звѣрства; она ослабѣваетъ по мѣрѣ того, какъ наша умственная рефлекція очищается, и если человечеству не суждено осуществить на землѣ идеальнаго мира и согласія, то все же прогрессивное наше умиротвореніе есть такой же необходимый законъ для насъ, людей, какъ борьба за существованіе для звѣрей. Герценъ сказалъ про Хомякова: онъ показываетъ намъ хорошія вещи, но освѣщаетъ ихъ паникадилломъ. Нельзя ли сказать про большинство Западниковъ: они владѣютъ солнечнымъ лучемъ, да только направили его не туда куда слѣдуетъ и освѣщаютъ имъ всякій вздоръ? Это происходитъ у нихъ отъ того, что къ наукѣ они слишкомъ часто относятся какъ *вруноціе* и останавливаются на каждомъ послѣднемъ ея рецептѣ. Въ сороковыхъ годахъ они вѣрили въ панацею Гегеля, нынче ихъ пророкъ Дарвинъ. Они похожи на педанта-медика, который моритъ больнаго и утѣшается тѣмъ, что субъектъ издыхаетъ по всѣмъ правиламъ медицины. Это

преимущественно и вызвало противъ нихъ Славянофильскую оппозицію. Если Славянофилы перегнули дугу въ другую сторону и въ свою очередь впади въ ошибку, то все же они отстаивали права жизни, которыя Петровщина зацеловала, а Гегелевщина взялась пользоваться своими микстурами...

Указывая намъ на Европу въ антипетровскомъ смыслѣ, Славянофилы предостерегали насъ отъ многихъ ложныхъ доктринъ, вошедшихъ въ ея науку, какковы, напримѣръ, субъективный идеализмъ въ ея философіи, или *laissez faire*, *laissez passer* въ ея политической экономіи. Петръ Великій сказалъ намъ: смотрите на Европу; а Славянофилы только прибавили: но не ротожѣйничайте. Петръ вѣроятно желалъ того же, и въ такомъ случаѣ Славянофилы ему не противорѣчили. Противорѣчіе вышло только отъ того, что Петръ отшибъ у насъ всякое пониманіе, и мы по неволѣ ранили рты...

И такъ, если нашъ взглядъ правиленъ, то поблагодаримъ Славянофиловъ за то, что они не увлеклись громадностію Петровскаго разгрома и не были ослѣплены внѣшнимъ блескомъ...

Э. Мамоновъ.

ПИСЬМО КЪ ИЗДАТЕЛЮ ПО ПОВОДУ ПРЕДЪИДУЩЕЙ СТАТЬИ.

Вы желаете знать мое мнѣніе о статьѣ Э. А. Мамонова, написанной въ отвѣтъ г. Пышину и въ защиту Славянофиловъ, именно Кирѣевскихъ, Хомякова и моего брата Константина Сергѣевича, и требуете отъ меня замѣчаній... Мнѣ дорого память умершихъ, дорого каждое о нихъ слово сочувствія; мнѣ не хотѣлось бы поэтому ослабить силу защиты. Статья читается легко, проникнута, повидимому, искренней симпатіей къ личности покойныхъ, довольно мѣтко очерчиваетъ ихъ внѣшній обликъ, довольно вѣрно излагаетъ ихъ взглядъ

на реформу Петра (взглядъ, который и самому автору внушаетъ нѣсколько счастливыхъ выраженій), удачно воспроизводитъ картину Московскаго общества 40-хъ и 50-хъ годовъ, наконецъ рисуетъ славянофильство даже въ *выгоднolibеральномъ* свѣтѣ, способномъ списать расположеніе либераловъ и не-славянофильскаго отгѣнка... Чего же лучше? Большинство публики ею удовлетворится, — не я конечно; однакожъ, не будь въ ней нѣкоторыхъ мѣстъ, я бы можетъ быть оставилъ статью во все безъ замѣчаній. Но именно въ виду этихъ мѣстъ я не могу молчать, — гдѣ мѣстъ, гдѣ авторъ рѣшительно извращаетъ нравственный образъ умершихъ Славянофиловъ и гдѣ, опираясь на свое личное съ ними знакомство и на ихъ авторитетъ, съ непросительною вѣтренностью (чтобъ не сказать хуже) клеветаетъ на живыхъ, т. е. на непосредственныхъ преемниковъ ихъ дѣятельности въ литературѣ.

Извращеніе нравственнаго образа первыхъ Славянофиловъ происходитъ у автора отъ того, что онъ очевидно поставилъ себѣ задачу: представить ихъ въ *очищенномъ*, такъ сказать, *облупленномъ* видѣ. Авторъ систематически ограничивается одною внѣшнею, отрицательною стороною Славянофильскаго протеста, тщательно отсѣкая внутреннее содержаніе, положительную сторону Славянофильской проповѣди. Сдѣланъ ли этотъ пробѣлъ въ видахъ „*carptatio benevolentiae*“, или отъ того, что самъ авторъ не придаетъ никакого значенія этой положительной сторонѣ, — я пока устранию этотъ вопросъ; но какъ бы ни было, отъ такого усерднаго процесса очищенія, въ славянофильствѣ, изображаемомъ г. Мамоновымъ, остается такъ мало своеобразнаго, что съ трудомъ вѣрится, будто оно дѣйствительно было „замѣчательнымъ историческимъ моментомъ въ умственномъ развитіи Русскаго общества“, какъ это признаютъ въ наше время многіе писатели даже западнаго лагеря. Осторожная, про-

цѣженная апологія автора сводится къ самымъ тощимъ результатамъ и къ похваламъ самаго скромнаго, незазорнаго свойства, въ родѣ слѣдующихъ: „Можно ли ставить Славянофиламъ въ упрекъ, что они просили не много вниманія къ Русскому народу?“ — „Петръ сказалъ намъ: Смотрите на Европу, а Славянофилы прибавили только: но не ротозѣйничайте.“ — „Поблагодаримъ же Славянофиловъ“ (заключительныя слова автора статьи о Славянофильской заслугѣ) „за то, что они не увлеклись громадностью Петровскаго разгрома и не были ослѣплены внѣшнимъ блескомъ.“ Внимательный читатель, желающій ознакомиться съ сущностью Славянофильскаго ученія, не могъ бы составить себѣ о ней понятія изъ авторскихъ опредѣленій. — Я попрошу васъ прослѣдить, вмѣстѣ со мной, всѣ главныя мѣста статьи, въ которыхъ авторъ „опредѣляетъ“. Это довольно скучно, особенно въ началѣ, гдѣ авторъ обходится посредствомъ выраженій повидимому самыхъ общихъ; къ тому же приходится подбирать штрихъ за штрихомъ, доко разбросанные по всей статьѣ. Но имѣйте терпѣніе, я мы доберемся даже до забавнаго.

„Славянофильство ставило себя какъ *протестъ противъ общества и его апатіи*, оставляя правительство въ сторонѣ“ и проч. Курсивъ въ самомъ подлинникѣ и означаетъ, что авторъ придаетъ этому опредѣленію особенную важность, но оно ничего не опредѣляетъ. Что Славянофильскій протестъ не касался вопроса въ тѣсномъ смыслѣ политическаго, а имѣлъ характеръ по преимуществу общественный, это вполне справедливо; но не *апатія* общества вызвала этотъ протестъ, — противъ апатіи ратовали и Западники, — а *возможное* направленіе общественнаго развитія и всякая дѣятельность въ этомъ направленіи, *тѣмъ болѣе не-апатическая!* Причину золь, удручавшихъ Россію, Славянофилы видѣли въ поврежденіи органической цѣльности народной жизни по-

слѣ Петровскаго переворота, въ духовной разрозненности образованныхъ классовъ съ народомъ, въ ихъ „измѣнѣ“ кореннымъ основамъ народности, — измѣнѣ, слѣдствіемъ которой было оскудѣніе творческаго духа въ нашемъ обществѣ, бесплодность нашего просвѣщенія, незавидный удѣлъ вѣчнаго подражательства и нравственнаго рабства западно-европейскому образу. Авторъ ничего этого не поясняетъ, но ошибочно было бы думать, что здѣсь только недомолвка: мы увидимъ ниже толкованіе автора, что Славянофильскій протестъ обращенъ собственно къ принудительному, казенному характеру вносимой къ намъ западной цивилизаціи, а не къ внутреннему ея строю, — такъ что этимъ толкованіемъ значительно суживается „общественное“ значеніе самаго протеста...

„Славянофилы, — говорятъ далѣе авторъ, — „требовали искренности, неподкупной честности, безкорытнаго и свободнаго служенія народу“. Это, разумѣется, вполне вѣрно; но отъ требованія, предъявленнаго въ такой общей формулѣ, не откажется вѣроятно никакая партія и никакая школа. „Служеніе народу“ — выраженіе, даже до пошлости износившееся у всѣхъ западныхъ демократовъ. Весь вопросъ въ томъ: *о чемъ же* полагалось такое служеніе? Славянофилы стояли не просто за „народъ“, но главнымъ образомъ за *народность* — а слово „народность“ знаменуетъ у нихъ цѣлый поринокъ понятій и мыслей: и какъ народность вообще, и какъ Русская народность въ особенности. Безъ разъясненія этихъ понятій нельзя ни уразумѣть значеніе Славянофильской проповѣди, ни воспроизвести сколько нибудь вѣрно нравственный образъ Славянофиловъ. Замѣчательно, что во всемъ своемъ очеркѣ авторъ ни разу не употребилъ выраженія „народность“, тогда какъ около этого термина, какъ около центра, группировалась вся борьба и ожесточенно ломались копыя въ теченіи чуть не двадцати лѣтъ. Опредѣленію этого термина

посвящено большинство статей Славянофильскаго содержанія; вспомнимъ хоть заглавный споръ обоихъ лагерей по поводу вопроса: „о народности въ наукѣ“. Забыть или не примѣтить этого явленія невозможно, — все равно, что въ христіанствѣ не примѣтить вѣры во Христа. Но для цѣли автора: представить Славянофильство въ *очищенномъ* видѣ — такое умолчаніе вѣроятно было пригодно. Это систематическое очищеніе продолжается и далѣе. Вотъ какъ опредѣляется авторомъ *западничество*.

„Словомъ „западничество“ обозначалась не Европейская наука, которую „Славянофилы всегда готовы были почитать, и не Европейская образованность, которую они имѣли, но извѣстный приемъ нашихъ цивилизаторовъ, или извѣстное отношеніе ихъ къ народу. Къ западничеству ближе всего подходитъ понятіе *чиновничества*“. Далѣе слѣдуютъ разсужденія о процессѣ цивилизаціи, совершаемомъ „исключительными путями правительственной монополіи“.

Понятіе „чиновничества“ нисколько само по себѣ не поясняетъ понятія „западничества“. Западничествомъ называлось то направленіе, которое видѣло для Россіи спасеніе только въ полнѣйшемъ духовномъ отреченіи отъ своей народности и въ полнѣйшемъ усвоеніи себѣ западной цивилизаціи со всѣми ея началами, безъ всякихъ притязаній на самостоятельное развитіе. Однимъ изъ выраженій такого направленія былъ, напримеръ, Чаадаевъ, который, признавая католицизмъ существеннымъ двигателемъ западной цивилизаціи, скорбѣлъ о принятіи Россіею христіанства не отъ Рима, а отъ Византіи. Западниками же были Грановскій и отчасти Герценъ, съ которыми плохо вяжется понятіе о чиновничествѣ. Они, точно также какъ и Славянофилы, желали свободы для науки и также мало сочувствовали съ правительственной монополіей. Еслибъ вопросъ былъ поставленъ собственно о свободѣ для науки, то вѣро-

ятно не было бы п спора; еслибъ борьба Славянофиловъ ведена была собственно съ „чиновничествомъ“, то она была бы проще и легче. Но въ томъ-то и дѣло, что соблазнъ западной цивилизаціи оболѣстилъ людей вполне независимыхъ, что почти все образованное общество свободно отдалось въ „духовный плѣнъ“, по выраженію К. С. Аксакова, что это нравственное порабощеніе, вмѣстѣ съ отреченіемъ отъ народности, проникло почти во всѣ изгибы общественнаго бытія и искажало его развитіе. Это-то и дѣлало особенно труднымъ подвигъ Славянофиловъ. Это-то и заставляло ихъ такъ настойчиво выяснять понятіе о *народности*, въ смыслѣ духовной самобытности въ области общечеловѣческаго просвѣщенія, — въ отличіе отъ понятія о *государственной* или *политической національности*: ибо, надобно сказать правду, пренебрегая и жертвуя, въ ослѣпленіи своемъ, Русскою народностью, всѣ лучшіе Западники того времени не менѣе Славянофиловъ дорожили одновременно внѣшнею государственною самостоятельностью Россіи, считали себя и дѣйствительно были, что называется, хорошими „патріотами“, и не въ пошломъ смыслѣ этого выраженія. Вотъ какія понятія приходилось распутывать; вотъ противъ какой добровольной „измѣны“ гремѣлъ Славянофильскій протестъ, и вотъ что обуславливало по преимуществу его общественный характеръ. Зло, на взглядъ Славянофильскій, было гораздо глубже и важнѣе, чѣмъ внѣшнее, неуклюжее чиновничье вмѣшательство въ сферу науки.

Между тѣмъ г. Мамоновъ упорно силится доказать, что вся сущность Славянофильской дѣятельности, весь поводъ къ ней и чуть ли не вся заслуга сводятся главнымъ образомъ къ борьбѣ съ этимъ чиновничьимъ вмѣшательствомъ. Нѣтъ спора, что оно было имъ противно, какъ и всякое стѣсненіе свободы мнѣнія и совѣсти, какъ и всякое насильственное вторженіе государства въ

жизнь народнаго духа, — но все это понималось не въ томъ, узкомъ смыслѣ, въ какомъ представляетъ авторъ, утверждая, будто бы, по мнѣнію покойныхъ Славянофиловъ, Славянофильскій падревающій мундиръ становился Западникомъ, и дѣло цивилизатора, проповѣдника, какимъ образомъ не могло совмѣщаться съ „коронною“ службою. Разумѣется, Славянофильскій, прибѣгавшій къ мундиру съ тѣмъ, чтобы удобнѣе властвовать *надъ народною совѣстью*, тѣмъ самымъ измѣнилъ бы нравственнымъ основамъ Славянофильства, — но этого ни разу и не случилось. Если же авторъ, какъ надо думать, понимаетъ дѣло чисто-внѣшнимъ, формальнымъ образомъ, то какъ согласить съ этимъ его собственное увѣреніе, высказанное за нѣсколько страницъ прежде, что Славянофильскіе „добивались“, хотя и безъ успѣха, *кафедръ* профессорскихъ кафедръ въ университетахъ и даже гимназіяхъ?

Далѣе авторъ характеризуетъ Славянофиловъ слѣдующимъ образомъ: Славянофилы думали, что „когда наука сильно навязывается, да еще отмѣренная чиновничьей мѣркой, то польза ея „сомнительна“... (мнѣніе замѣчательное развѣ по своей умѣренности: не особенно же оригинальны и глубокомысленны выходятъ у него Славянофилы!) „Впрочемъ — продолжаетъ авторъ — „еслибъ Западники ограничились доказательствомъ, что и такая наука лучше чѣмъ совсѣмъ ничего, то очень возможно, что они не встрѣтили бы рѣшительныхъ противниковъ, или, по крайней мѣрѣ ихъ противники не почувствовали бы нужду сплотиться въ особую боевую фалангу, съ своимъ отдѣльнымъ знаменемъ“. Такъ вотъ благодаря какому ничтожному недоразумѣнію, изъ-за какой недомолвки возникло Славянофильство какъ цѣлое оригинальное явленіе въ исторіи нашего общественнаго развитія! Съ одной стороны Славянофилы не отрицали *вообще* пользы отъ науки, навязываемой по чиновничьей мѣркѣ, а только призывали эту поль-

зу сомнительно, и въ теченіи 15—20-ти лѣтъ не нашлось ни одного Западника, который бы допустилъ даже возможность подобнаго сомнѣнія! А между тѣмъ намъ помнится слова Грановскаго въ его рѣчи на торжественномъ университетскомъ актѣ: „наука прихотливое растеніе, она всходитъ не на всякой почвѣ“ и проч., что считалось тогда очень либеральнымъ. Съ другой стороны ни у одного Западника не хватило остроумія или догадки покончить всѣ споры и предупредить образованіе Славянофильской фаланги—удовольствовавшись доказательствомъ, что и такая наука все же лучше, чѣмъ ничего! Вотъ если бы авторъ не такъ усердно скоблилъ все что касается до положительныхъ сторонъ славянофильства, если бы не умолчалъ объ ихъ главномъ лозунгѣ „народность“, который возведенъ былъ ими на степень философскаго принципа, тогда смыслъ спора о наукѣ между Западниками и Славянофилами былъ бы для читателя вполне ясенъ. Ни тѣ, ни другіе не рознили между собою относительно пользы и даже необходимости для полнаго успѣха науки—ей совершенной свободы отъ казенной опеки, цензуры и покровительственнаго насилія. Дѣло шло объ иной свободѣ и иномъ рабствѣ. Славянофилы, доказывали, что народъ, отрекающійся отъ своей народности, съ тѣмъ вмѣстѣ отрекается отъ всякой духовной самостоятельности и осуждаетъ себя на духовное рабство; что безъ самобытности невозможно усвоеніе живаго знанія; что духовное рабство даетъ въ результатъ лишь попугайничество, обезьянство, знаніе безплодное, мертвенное. „Народность -- говорилъ Хомяковъ — есть необходимое орудіе истиннаго просвѣщенія; она есть начало общечеловѣческаго, облеченное въ живыя формы народа, призваннаго жить и строить умъ человѣка къ ней принадлежащаго, и въ тоже время богатить собою все человѣчество“. Отказываясь отъ народности, Русскій человѣкъ отказывается отъ самостоятельной дѣя-

тельности въ наукѣ; онъ уже не можетъ быть ея двигателемъ; ему придется только твердить зады и оставаться вѣчно въ хвостѣ западной Европы. Вотъ чего не понимали и не хотѣли понимать Западники; вотъ сущность ожесточеннаго спора о наукѣ вообще, раздѣлявшаго оба стана. Уже не думалъ ли г. Мамоновъ, измѣняя такимъ образомъ смыслъ борьбы, оказать услугу покойнымъ Славянофиламъ и поднять ихъ въ общественномъ мнѣніи? Хороша услуга! Но поплетемся за нимъ далѣе.

Мы уже видѣли, какое ничтожное обстоятельство заставило Славянофиловъ, по увѣренію автора, сплотиться въ особую фалангу съ своимъ отдѣльнымъ знаменемъ. На этомъ знамени, по словамъ г. Мамонова, было написано: „Недовѣріе къ официальнымъ цивилизаторамъ“, „недостаточность одного усвоенія чужаго“, „необходимость тщательной и бережной провѣрки основъ роднаго быта“, „прежде огульнаго ихъ осужденія и наконецъ непригодность въкоторыхъ началъ Европейской цивилизаціи для нашей земли“. Хотя и трудно понять логическую связь такой программы, особенно послѣднихъ ея пунктовъ, съ вышеуказанною авторомъ побудительною для Славянофиловъ причиною поставить особое знамя, — тѣмъ не менѣе это опредѣленіе одно изъ самыхъ полныхъ во всей статьѣ. Но и оно выражено въ отрицательной формѣ, и при томъ съ деликатностью — сказать по правдѣ -- вовсе не свойственно умершимъ Славянофиламъ. Оно также мало поясняетъ дѣло, какъ и всѣ предыдущія.

„Недовѣріе къ официальнымъ цивилизаторамъ“... Не только къ официальнымъ, но еще болѣе къ неофициальнымъ. Первые считались менѣе опасными, потому что они были официальны. Опаснѣе были, въ глазахъ Славянофиловъ, непризнанные просвѣтители... Но объ этомъ подробнѣе ниже.

„Недостаточность усвоенія одного чужаго“... Споръ велся не о достаточности

сти или недостаточности только, но о томъ, что безъ духовной народной самобытности, какъ психическаго фактора, не можетъ быть плодотворно усвоено и чужое.

„Необходимость бережной провѣрки „основъ роднаго быта *прежде огульнаго ихъ осужденія*“... Какъ будто Славянофилы соглашались въ принципъ на осужденіе и просили только, чтобъ оно было не огульное, а производилось съ выборомъ! Какъ будто они не признавали за основами роднаго быта полное право на бытіе, потому уже, что онѣ — *основы* и покуда онѣ — дѣйствительныя органическія основы. Спрашивается: за уничтоженіемъ *основъ* въ чемъ бы то ни было, что же останется?

„Непригодность нѣкоторыхъ началъ „Европейской цивилизаціи“... Еслибъ вопросъ былъ поставленъ въ такой формѣ, не было бы и мѣста запальчивому спору. „Ну конечно, не все что годно для Франціи, пригоже для Россіи“: съ этой дешевой истиной не трудно было бы согласиться самому отчаянному Западнику. Тутъ было нѣчто другое. Борьба кипѣла изъ-за основныхъ началъ; съ обѣихъ сторонъ выставлялись начала рѣзко противоположныя, — столь же противоположныя, какъ напримѣръ духовная свобода и вещественная необходимость, какъ христіанство и безбожіе или всебожіе и т. п.

Такимъ образомъ вся эта программа, написанная на Славянофильскомъ знамени, пройди сквозь реторту г. Мамонова, обращается въ перечень тощихъ, пошлыхъ, отрицательныхъ истинъ, не объясняющій ни славянофильства, ни Славянофиловъ, каковыми были Кирѣевскіе, Хомяковъ, К. С. Аксаковъ, ни причины ихъ радикальнаго разномыслія съ Западниками.

Интересенъ рассказъ автора о внутреннемъ процессѣ развитія, совершавшемся въ названныхъ Славянофилахъ. Мы увидимъ, во что превращаются подъ перомъ г. Мамонова люди такого высо-

каго нравственнаго закала, — эти мочуля, крѣпкія, цѣльныя убѣжденія.

Славянофилы — повѣствуетъ авторъ — признавъ вмѣстѣ съ Западниками, что „цивилизация безплодна, пока составляетъ исключительное преимущество вышшаго слоя общества“, чувствовали вмѣстѣ съ тѣмъ, что „для того, чтобъ привить ее, сдѣлать доступною и понятною народу“, необходимо во первыхъ, „цивилизаторамъ съ народомъ сблизиться и приобрести его довѣріе“, что въ ту эпоху фактически было невозможно. Во вторыхъ, „отыскать способъ связать „само просвѣщеніе съ даннымъ существующимъ міровоззрѣніемъ народа“ и среди народныхъ понятій „открыть такое мѣсто, такой органъ, который бы „могъ служить звѣномъ между наукой „приходящей извнѣ и туземнымъ преданіемъ“... Но какъ же это сдѣлать? „Для достиженія этой цѣли — посвящаетъ авторъ — „Славянофиламъ *больше ничего не оставалось*, какъ вдумываться, „вживаться въ народное, принять въ „себя народное міровоззрѣніе“... *Здѣсь-то* — утверждаетъ въ заключеніе авторъ — „крется причина *всѣхъ Славянофильскихъ обращеній отъ философіи къ православію*, и это набрасываетъ на „ихъ школу ту *романтическую черту*, „которую очень върнотамъ замѣтилъ тонкій „критикъ г. Пыпинъ“.

Выходитъ, что православіе въ Иванѣ Кирѣевскомъ, Хомяковѣ, Константинѣ Аксаковѣ было дѣломъ одной формальной логической послѣдовательности. Не потому являются они православными, что православіе было для нихъ высшею истиною, а потому, что были къ тому вынуждены неумолимыми требованіями логики: „*имъ больше ничего не оставалось дѣлать*“, такъ что исповѣдуй Русскій народъ Ламайскую вѣру, буддизмъ, они, скривя сердце и наслушавшись, поклонялся бы Далай-Ламѣ, обратились бы въ буддистовъ. Назвался груздемъ — полѣзай въ кузовъ! Дѣйствительно *романтическое* положеніе, какъ замѣчаетъ,

не безъ умилени г. Мамоновъ вышетъ съ „тонкимъ критикомъ“, г. Пыпинимъ.

Во первыхъ вообразить себѣ, что прапославныя убѣжденія Русскаго народа пригодны для того, чтобы „служить звѣномъ между туземнымъ преданіемъ и наукою приходящею извнѣ“ то есть (по понятіямъ того времени) философію Гегеля съ одной стороны и ученіемъ о саморазвивающейся до личнаго самосознанія матеріи съ другою (это считалось послѣднимъ словомъ науки) могли бы только люди крайне ограниченные и положительно неспособные понять ни сущности православія, ни сущности того, что разумѣлось подъ словомъ наука. Тогдашніе Западники, по крайней мѣрѣ послѣдовательные изъ нихъ, гораздо лучше понимали дѣло и нисколько не скрывали, что для прививки къ Русскому народу просвѣщенія, какъ они его разумѣли, желательно было прежде всего вытравить въ Русской душѣ всякое религіозное убѣжденіе.

Во 2-хъ, здѣсь все не вѣрно. Должно указана самая точка отравленія. Славянофилы того времени меньше всего заботились о просвѣщеніи *простаго* народа, не потому, чтобъ въ принципѣ считали просвѣщеніе для него ненужнымъ, но потому, что прежде всего, по ихъ мнѣнію, надобно было просвѣтяться намъ самимъ, и не его учить, а у него поучиться. *Прививать къ простому народу цивилизацію* (кромѣ развѣ обученія грамотѣ) они и не думали: предлежало еще рѣшить для самихъ себя вопросъ — что такое общечеловѣческая цивилизація, въ чемъ она, гдѣ ея истинныя начала; — а вопросъ этотъ не могъ быть рѣшенъ людьми, осудившими себя на умственное рабство предъ западно-европейскою цивилизаціей и не вѣдающими началъ собственной народности, слѣдовательно людьми духовно-безличными, неспособными ни воспринять, ни передать истинное просвѣщеніе. Рабы, поугаи, обезьяны — какъ энергически выражались Славянофилы — все эти самозванные цивилизаторы мог-

ли лишь увлечь простой народъ на тотъ ложный путь, которымъ шло все Русское, такъ называемое, образованное общество, со времени Петровской реформы. Въ томъ именно, что западная цивилизація почти не коснулась народа и онъ, отчужденный, продолжаетъ хранить для насъ, затанъ въ себѣ самомъ, жизненный заветъ старины, самую сущность нашей народности, — въ томъ именно и видѣли Славянофилы залогъ спасенія для Россіи, ея внутренняго возрожденія, возстановленія духовной цѣльности всего народнаго организма. „Въ твоей груди, Россія — говоритъ Хомяковъ въ извѣстныхъ стихахъ — есть свѣтлый ключъ, льющій живыя воды, сокрытый, безвѣстный, но могучій“. Онъ же зывалъ къ ней:

О вспомни свой удѣлъ высокій,
Было въ сердце воскреси
И въ немъ сокрытаго глубоко
Ты духа жизни допроси.

Г. Мамонову должна быть также памятна переписка, въ видѣ объѣма цѣлыхъ статей, между К. С. Аксаковымъ и А. И. Кошелевымъ по вопросу о народномъ образованіи. И такъ

въ 3-хъ, не для того чтобы сдѣлать науку популярною, т. е. „понятною и доступною простому народу“, какъ утверждаетъ г. Мамоновъ, а для того, чтобъ самимъ возродиться въ духѣ народности и обрѣсти правый путь, стали Славянофилы вникать, „вдумываться въ народное міровоззрѣніе“ и пр. Они допрашивали *духа жизни* въ быломъ, т. е. въ исторіи, въ до-петровской старинѣ, и въ современномъ бытѣ простаго народа. Въ этомъ заключается все призваніе, весь смыслъ, вся заслуга Славянофильства. Ихъ подвигъ былъ подвигъ *народнаго самосознанія*. — Не было въ Россіи недостатка ни въ политическомъ національномъ чувствѣ или патриотизмѣ, ни въ *протестѣ противъ власти Петра*, ни даже въ *протестѣ противъ подражательности* (Шинковъ, сатира Фонъ-Визина, Радоичина, Грибо-

вдова), но все это было бессильно и бесплодно, потому что сознание коснулось только внѣшнихъ формъ жизни, а не проникло въ глубь началъ, составляющихъ духовную сущность Русской народности. Вотъ эти-то начала и дождался своего оправданія въ лицѣ поименованныхъ Славянофиловъ, и притомъ оправданіи не только какъ органическая, свойственная Русскому народу особенность, уже по одному этому заслуживающая уваженія, но и по внутреннему достоинству. Однимъ словомъ, изъ области истинъ частныхъ, мѣстныхъ, условныхъ или относительныхъ, они, въ Славянофильскомъ толкованіи, достигали до значенія истины міровой, абсолютной. Ибо основнымъ началомъ Русской народности признано было православіе, подъ воздѣйствіемъ котораго она исторически сложилась и въ которомъ (т. е. въ православномъ ученіи), по убѣжденію Славянофиловъ, содержались нынѣ просвѣтительныя начала, начала высшей цивилизаціи, чѣмъ тѣ, которыми жила и которые уже почти изжила Западная Европа. И такъ не потому сочли Славянофилы православіе истинною, что оно оказалось „туземнымъ преданіемъ“, по выраженію автора, Русскою національною особенностью; но самую Русскую національную особенность возводили они на степень просвѣтительнаго органа тодько потому и во сколько она была проникнута духомъ православія. Православіе мыслимо и внѣ Россіи; Россія же немыслима внѣ православія.

Въ 4-хъ, что касается до Славянофильскихъ романтическихъ *обращеній* отъ философіи къ православію, то это положительно ложно. Иванъ Васильевичъ Кирѣевскій, издатель Европейца и самъ Европеецъ по преимуществу, точно обратился отъ философіи къ православію, но не вслѣдствіе стараній добиться сближенія съ Русскимъ народомъ, а путемъ строго - научнаго исканія истины, путемъ философскаго анализа системъ западно-европейской философіи, и также

вслѣдствіе живаго, почти случайнаго столкновенія съ нѣкоторыми проявленіями Русской религіозной жизни. Только принявъ въ свою душу православіе, почувствовавъ онъ себя естественно ближе къ Русскому народу, сталъ углубляться въ народную сущность, вникать въ туземныя преданія, и только съ того времени сталъ „Славянофиломъ“. При этомъ онъ никогда и не думалъ отрекаться, отчураться и отрекаться отъ философіи, какъ можно было бы предположить изъ словъ г. Мамонова. Онъ только сдѣлался христіанскимъ философомъ, убѣжденный въ „возможности болѣе полной и глубокой философіи, которой корни лежатъ въ познаніи полной и чистой веры — православія. (См. его предсмертный трудъ „О новыхъ началахъ для философіи“). Признавая вполне разумную, самостоятельную свободу философіи, онъ только определялъ ея мѣсто въ отношеніи къ вѣрѣ. Онъ первый поставилъ *философски* задачу о различіи идеаловъ лежащихъ въ основѣ двухъ разнородныхъ просвѣщеній, западнаго и восточнаго, противопоставляя „разсудочности и раздвоенности, какъ „основному характеру западнаго просвѣщенія, — *цѣльность и разумность, составляющія характеръ того просвѣтительнаго начала, которое было положено въ основу нашей умственной „жизни.“* Этотъ выводъ сдѣлался теперь уже почти общимъ достояніемъ, вошелъ въ оборотный капиталъ Русской мысли и служить точкою опоры при сужденіяхъ о Западѣ, даже для тѣхъ, которые не вполне его понимаютъ, или же принимаютъ, но съ разными *суррогатами*, какъ на примѣръ самъ г. Мамоновъ. Онъ тоже сочувствуетъ *цѣльности*, и увѣряетъ, что „когда Кирѣевскій и „Хомяковъ говорили о *цѣльности* пониманія, въ противоположность *разсудочному*“, то разумѣли лишь *художественный* интуитивный взглядъ: *просвѣтительное начало православія* улетучилось. Г. Мамоновъ можетъ думать, какъ ему угодно; но зачѣмъ же навязывать свои

возрѣнія другимъ, и особенно умершимъ?

Въ К. С. Аксаковѣ были всегда, съ дѣтства, живы всѣ инстинкты народныя и православныя, и какъ ни сильно было въ юности вліяніе на него Гегеля, К. С. никогда не разрывалъ съ ними. Напротивъ, и тогда Гегель употреблялся имъ лишь какъ орудіе для защиты и пущаго возвеличенія Русской народности: немилосердно, въ молодомъ увлеченіи, натягивалъ и гнулъ онъ тяжеловѣсныя, тугія Гегелевскія формулы подъ свое толкованіе Русской Исторіи (см. его Диссертацию о Ломоносовѣ). При первомъ же его сближеніи съ Хомяковымъ, уяснились и оправдались въ немъ его православныя инстинкты: тутъ не было ни борьбы, ни *обращенія*. Христіанско-православное міросозерцаніе стало для него путеводнымъ маякомъ въ его изслѣдованіяхъ и, можетъ быть даже до пристрастія, отождествлялось у него съ возрѣніемъ народнымъ. Но философскій приемъ мысли никогда не покидалъ его, былъ имъ любимъ, и даже послѣдній его трудъ, къ несчастію не вполне довершенный („Опытъ Русской Грамматикъ), можетъ быть по справедливости названъ „философіею Русскаго языка.“ Смерть застигла Хомякова также за трудомъ чисто-философскимъ (см. неоконченное письмо къ Ю. Ѳ. Самарину во II томѣ). Что же относится до *обращенія* Хомякова... Да развѣ въ жизни его была хоть одна минута, когда бы онъ не былъ православнымъ? Отъ рожденія до гроба онъ пребывалъ въ православіи и, повывраженію издателя его богословскихъ сочиненій „жилъ въ церкви“.

Но нашего развязнаго критика ничто не смущаетъ. Очевидно, онъ и самъ задавалъ себѣ вопросъ: если и можно, въ прочіяхъ Славянофилахъ, отношеніе къ христіанской вѣрѣ обозвать „романтизмомъ“, то какъ быть съ Хомяковымъ, котораго Славянофильство почти исключительно состояло въ православіи и который даже прославился разъясненіемъ православнаго ученія о церкви? Какъ

быть!! Кого другаго можетъ затруднить эта задача, но не г. Мамонова. Приемъ употребленный имъ—это Геркулесовскіе столбы нравственной отваги...

Вольно жъ было ученикамъ Хомякова—объявляеть авторъ—принимать его писанія за послѣднее слово, послѣдній предѣлъ „мысли.“ „Конечно Хомяковъ „каждую минуту рѣшалъ по своему задачі Славянофильства и записывалъ „свои выводы, но онъ рѣшеніями своими не стѣснялся и ставилъ ихъ точно „также, какъ землемѣръ ставитъ вехи, „обозначая имъ пройденное пространство: *больше ничего!*“ „Забывають что онъ умеръ,“ а еще неизвѣстно, доего бы онъ додумался, еслибъ былъ живъ. „Для насъ продолжаетъ авторъ (т. е. для него, г. Мамонова) несомнѣнно, что истинный послѣдователь его тотъ, кто „свободно ищетъ, хотя бы онъ пришелъ „къ результатамъ совершенно противоположнымъ тѣмъ, которые *устыль* записать Хомяковъ“. (Курсивъ подъ словомъ *устыль* поставленъ самимъ авторомъ. Говоря о Хомяковѣ, нельзя конечно разумѣть подъ *результатами* его историческія или филологическія изслѣдованія, а только то, что составляло постоянно-главный предметъ его мышленія).

И такъ Хомяковъ, по изображенію г. Мамонова, былъ чѣмъ-то въ родѣ неустановившагося, неопредѣлившагося мальчика, который и самъ въ своихъ выводахъ не увѣренъ и самъ не знаетъ, куда еще онъ забредеть. И такъ для Хомякова не существовало истины абсолютной, а были лишь истины условныя, по сей день записанныя, за которыми онъ самъ не признавалъ характера непреложности (а между тѣмъ ихъ горячо и настойчиво проповѣдывалъ, какъ истины несомнѣнныя?? дерзко же онъ морочилъ публику!). И такъ въ духовной жизни Хомякова не было мѣста Вѣрѣ, потому что нельзя же, подведя итогъ записанныхъ 5 Октября результатовъ, прописать себѣ Вѣру, съ тѣмъ чтобы быть въ готовности завтра же, при новомъ выводѣ, ее отставить... И

такъ, по логикѣ автора, истиннымъ послѣдователемъ Хомяковскаго ученія можетъ назваться и тотъ, кто пришелъ къ совершенному отрицанію вѣры, и, положимъ, перестроилъ бы свои убѣжденія, правила, всю внутреннюю жизнь свою, хоть бы наприимѣръ по „Der alte und neue Glaube“ Штрауса: это вѣдь кажется послѣдняя новинка, выставленная Берлинскими книгопродавцами.

И все это говорится о человѣкѣ, въ которомъ истина вѣры была основой всего духовнаго бытія,—стихіей, обнимавшей его съ колыбели до могилы, началомъ, изъ котораго органически, стройно и цѣльно развивалось все его міросозерцаніе. Конечно истина вѣры не стѣсняла въ Хомяковѣ свободы разума, но она опредѣляла ее: свободно окунался онъ пытливымъ умомъ въ самую глубь скепсиса, но не для отысканія истины (она жила въ немъ неколебимо какъ вѣра), а для вѣщаго ея утвержденія и для провѣрки умственныхъ доводовъ, твердо убѣжденный, что истина не можетъ бояться свободы и свѣта, и что нѣтъ мѣста противорѣчію между Вѣрой и Разумомъ. При томъ же на одноличномъ и не на логическомъ только разумѣ опиралось, въ понятіяхъ Хомякова, познаніе истины, но ставилось въ зависимость отъ нравственнаго закона любви и въ полнотѣ своей обрѣталось лишь въ церкви.....

Не хитрые осмѣянныхъ г. Момоновымъ Московскихъ барынь разсуждаетъ онъ и о свободѣ Хомякова, только въ другую сторону.

Такъ какъ авторъ въ своей характеристикѣ Хомякова сослался на авторитетъ своего личнаго съ нимъ знакомства, то мы въ правѣ заключить, что онъ-то и есть его „истинный послѣдователь“ въ разъясненномъ самимъ авторомъ смыслѣ; то есть, что г. Мамоновъ,—конечно вполне свободно и „собственнымъ умомъ“, по выраженію Ляпкина-Тяпкина, — пришелъ къ результатамъ совершенно противоположнымъ, въ чемъ мы ему охотно вѣримъ. Да и мудрено

не повѣрить: только въ этомъ и заключается разгадка всей его странной статьи. Въ самомъ дѣлѣ, какъ же было иначе и разрѣшить такое противорѣчіе? Какъ примирить званіе „послѣдователя“ (а отказаться отъ него было неудобно: г. Мамоновъ слишкомъ долго, во время оно, числился въ Славянофильской дружинѣ) съ отрицаніемъ ученія, которому слѣдовалъ, и какимъ образомъ въ качествѣ „послѣдователя“ приобрести права на то общественное сочувствіе, какимъ Славянофилы не имѣли счастья пользоваться? Для этого оставалось одно средство: выкинуть изъ славянофильства все, по мнѣнію автора, излишнее или неспособное доставить Славянофиламъ благоволеніе „либеральной и просвѣщенной публики“ и отрекомендовать ихъ ей съ болѣе сочувственной стороны,—преимущественно со стороны протеста противъ Петровскаго деспотизма и вообще вѣнческаго насилія: все же прочее выдать за пустяки, романтизмъ, который можно и простить, ради другихъ добродѣтелей, и отъ котораго, по всей вѣроятности и сами Славянофилы бы отказались, еслибъ жили подольше, —особенно Хомяковъ: „вѣдь это было свободнѣйшее направленіе!“ выражается г. Мамоновъ. Нужды нѣтъ, что Хомяковъ умеръ почти 60-ти лѣтъ; нужды нѣтъ, что подобный авторскій приемъ въ историческомъ очеркѣ даетъ ошибочное освѣщеніе самому протесту покойныхъ Славянофиловъ; что отдѣлится отъ нихъ положительную сторону ихъ проповѣди—все равно что содрать съ человѣка кожу.... Такія бездѣлицы не оставяиваютъ г. Мамонова. Онъ идетъ дальше. Не могутъ же послѣдователи одного и того же направленія очутиться въ направленіяхъ разныхъ: есть и другіе люди, которыхъ общественное мнѣніе признаетъ послѣдователями, но которые не умѣли придти къ противоположнымъ результатамъ г. Мамонова. Отдѣлиться отъ нихъ автору необходимо,—да и не трудно: стоитъ только назвать себя „истиннымъ“, а ихъ послѣдова-

телями ложными, и не стѣсняться въ выборѣ средствъ. Онъ и не стѣсняется, — полюбуйтесь.

„Эти такъ называемые послѣдователи только мѣняютъ уразумѣть покойныхъ Славянофиловъ, Кирѣевскихъ, Хомякова, Константина Аксакова, — такъ негодуешь г. Мамоновъ. Они затерли главнѣйшія „Славянофильскія преданія; они *свободнѣйшее* направленіе превратили въ патристически-благонамѣренную доктрину, которая... проповѣдуетъ ужъ не народное православіе, а *просто царскую вирю, подхваченную Ю. Ѡ. Самаринымъ у дикихъ Латышей, торгующихъ своею религіозною совѣстью*“... Вотъ что называется „свободно придти къ противоположнымъ результатамъ, чѣмъ тѣ, которые записалъ Хомяковъ“, къ диаметрально-противоположнымъ — это несомнѣнно. Ничто не можетъ быть противнѣ Хомякову и другимъ покойнымъ Славянофиламъ какъ точка зрѣнія Остзейскихъ бароновъ. Весь этотъ дикій отзывъ объ угнетенномъ народѣ и обвиненіе, взведенное на г. Самарина, это не только воззрѣніе, но и *нравственный поступокъ*—отнюдь не Славянофильскаго свойства.... Авторъ „Предисловія“ къ заграничному изданію богословскихъ сочиненій Хомякова не нуждается въ оправданіи; его взглядъ на свободу вѣрующей совѣсти такъ извѣстенъ, что всякая попытка гг. Мамоновыхъ очернить его образъ мыслей и дѣйствій въ этомъ отношеніи—истощится въ напрасныхъ усиліяхъ.... Четыре тома „Окраинъ“ служатъ достаточнымъ опроверженіемъ грубому подлѣпу на Латышей. Бѣдное племя! Насильно онѣмчиваемое, тѣснимое матеріально и нравственно чужеземною враждебною властью, оно ищетъ исхода изъ своего душнаго тройнаго плѣна, протестантскаго, Нѣмецкаго и социальнаго, изъ подъ ига наставровъ и бароновъ,—обращаетъ взоры свои къ Россіи, отъ которой одной ждетъ себѣ избавленія; инстинктивно стремится, волнуемое неясными, многосложными побужденіями, къ духовному сліянію съ нею въ вѣрѣ,

--которой еще не вѣдаетъ, но истину которой смутно чувствуетъ, которую называетъ то Русскою, то *царскою*, не отдѣляя въ своихъ понятіяхъ Россіи отъ царя, воплощая, по общему народному свойству, въ живой человѣческой образъ отвлеченное политическое представленіе, — и простодушно опираясь на авторитетъ этого сильнаго имени предъ своими сильными гонителями.... И вотъ, находится ревнители чистоты православія, въ родѣ г. Мамонова, которымъ бы хотѣлось, чтобъ Русскіе люди—въ руку просящую хлѣба сунули камень, обляли Латышей насмѣшками и бранью, и вытолкали взащел.... Кстати, если г. Мамоновъ ссылается на авторитетъ покойныхъ Славянофиловъ, то не благоволитъ ли онъ припомнить, что еще въ 1848 г. и Хомяковъ и К. С. Аксаковъ встрѣтили съ живымъ, всеполнымъ сочувствіемъ рукопись Ю. Ѡ. Самарина „письма изъ Остзейскаго края“, которые, какъ извѣстно, заключали въ себѣ тѣ же самыя положенія, что и въ послѣдующихъ сочиненіяхъ, только полнѣе и фактически развитыя...

Говоря о недостойныхъ послѣдователяхъ, г. Мамоновъ называетъ имя одного г. Самарина. Но я не могу отклонить отъ себя чести подлежать, наравнѣ съ нимъ, негодованію г. Мамонова—какъ по солидарности моея литературной дѣятельности съ г. Самаринимъ, также потому, что я одинъ, съ начала 60-хъ годовъ, издавалъ журналы Славянофильскаго направленія. Слѣдовательно къ моимъ изданіямъ, а не къ чему другому, должны относиться слова автора, что славянофильство, по смерти первыхъ Славянофиловъ, обратилось въ „формальный катехизисъ клерикально-полицейскихъ сентенцій, вслѣдствіе, чего, къ началу 1860-хъ годовъ, вдругъ „распространилось по всему Русскому царству, вдругъ получило одобреніе „отъ всѣхъ маменекъ и генераловъ и „приняло въ свое лоно всѣхъ материнскихъ сынковъ, желавшихъ сдѣлать „карьеру“....

Эти строки истинно увеселительны, особенно когда вспомнишь судьбу „Дня“, „Москвы“, „Москвича“, заграничных изданій Ю. О. Самарина, между прочимъ извѣстной его статьи богословскаго содержанія, не удостоенной одобренія со стороны высшаго духовнаго начальства, — должно быть за *клерикально-полицейскія* сентенціи, не иначе. Не въ клерикализмъ ли повинны и статьи о свободѣ совѣсти въ запрещенной „Москвѣ“? Не знаю, много ли генераловъ одобряло мои изданія. Я не раздѣляю суевѣрнаго страха предъ генеральскимъ рангомъ; мнѣ не приходило въ голову справляться о чинахъ лицъ, мнѣ искренно сочувствовавшихъ, возбранять состоящимъ въ IV классѣ сочувствіе къ направленію людей VIII и VII разряда (чины Хомякова и Кирѣвскаго); но достовѣрно одно, что наши изданія лишены были счастья пользоваться расположеніемъ высшихъ чиновъ, имѣвшихъ власть надъ литературою. Желательно было бы, уже ради курьеза, чтобъ г. Мамоновъ указалъ хоть одно лицо, которому славянофильство послѣ 1860-хъ годовъ помогло сдѣлать карьеру. И гдѣ же тотъ успѣхъ, которымъ стыдить насъ авторъ и которымъ такъ бы хотѣлось порадоваться? Не можетъ же авторъ *добросовѣстно* смѣшивать дѣятельность лицъ, которыхъ онъ самъ называетъ послѣдователями Хомякова и прочихъ покойныхъ Славянофиловъ, съ тѣми патріотическими изданіями, которыя, защищая лишь одну политическую Русскую національность, отрицаютъ значеніе духовныхъ основъ Русской народности, и къ самому славянофильству относились и относятся или постоянно враждебно, или же съ полупрезрительнымъ снисхожденіемъ?

Но толковать съ авторомъ о добросовѣстности я считаю излишнимъ. Если вы помѣщаете статью г. Мамонова въ Русскомъ Архивѣ, то вѣроятно признаете справедливымъ, чтобъ одновременно съ нею было напечатано и мое письмо.

Иванъ Аксаковъ.

ПО ПОВОДУ СТАТЬИ БЕРЖЕ О Н. Н. МУРАВЬЕВЪ-КАРСКОМЪ.

Въ Октябрьской книжкѣ Русской Старины за 1873 годъ, прочли мы между прочимъ статью г. Берже: „Николай Николаевичъ Муравьевъ, во время его намѣстничества на Кавказѣ 1854—1856 г.“ Мы намѣрены сказать нѣсколько словъ по поводу этого „сочиненія“; но свѣщимъ оговориться, что ни мало не имѣемъ въ виду писать серьезнаго возраженія, а еще менѣе принимать на себя апологию характеризуемаго лица. По нашему крайнему разумію, люди, подобные Николаю Николаевичу Муравьеву, если даже не своими личными заслугами и достоинствами, то во всякомъ случаѣ во имѣтѣхъ высокихъ, государственныхъ должностей, которыя они занимали, — требуютъ внимательнаго, дѣльнаго и строгаго отношенія къ ихъ дѣятельности; въ какой степени эти условія въ данномъ случаѣ выполнены, мы предоставляемъ судить читателю. И такъ мы не намѣрены ни „возражать“ автору, т. е. опровергать приводимые имъ факты и доказательства; ни принимать на себя „защиту“ разбираемаго лица, потому что оно ни само по себѣ, ни въ силу этой статьи въ томъ не нуждается. Цѣль наша заключается лишь въ томъ, чтобы остановить вниманіе читателя на этомъ произведеніи, не позволяя себѣ никакихъ опроверженій или возстановленій истины; а дѣло читателя уже будетъ наложить свою окончательную *резолуцію* на этомъ докладѣ. Словомъ, авторъ этой статьи взялся намъ что-то „доказать“; мы позволимъ себѣ утверждать, что онъ „ничего не доказалъ“ и уже во всякомъ случаѣ не то, что желалъ; и читающей публикѣ предстоитъ рѣшить, кто изъ насъ двухъ правъ и кто виноватъ. Мы намѣренно настаиваемъ на этомъ исключительномъ характерѣ нашей „замѣтки“, чтобы окончательно выяснитъ, что мы отнюдь не хотимъ здѣсь касаться ни личныхъ свойствъ, ни общественнаго по-

прища Николая Николаевича Муравьева, желая поставить рѣзкое различіе въ данномъ случаѣ между нашими намѣреніями и задачей автора статьи. Онъ видимо хотѣлъ представить намъ на 18-ти страничкахъ по возможности полный очеркъ государственной дѣятельности Муравьева на Кавказѣ; но „по независящимъ отъ него самого обстоятельствамъ“, по нашему мнѣнію, въ томъ не успѣлъ; а мы прямо заявляемъ, что не желаемъ, насколько возможно, касаться самой личности бывшего Кавказскаго наместника, а желаемъ имѣть дѣло лишь съ тѣми 18-ю страничками, которыя только что прочтены нами въ Русской Старинѣ.

Прежде всего считаемъ справедливымъ заявить, что пріемъ, избранный г-номъ Берже для подтвержденія своего тезиса, неоспоримо носить на себѣ характеръ чего-то оригинальнаго и своеобразнаго, весьма рѣдко встрѣчаемаго въ печати. Ему пришлось вступить въ борьбу съ весьма существеннымъ, почти неодолимымъ затрудненіемъ, а именно: факты имъ приводимые говорятъ одно а онъ желаетъ доказать другое, совершенно противоположное. Положеніе дѣйствительно трудное; но съ помощью своего замѣчательнаго пріема, онъ съ своей отдѣльной точки зрѣнія выходитъ изъ него совершеннымъ побѣдителемъ; по крайней мѣрѣ слѣдуетъ такъ полагать: иначе мы не имѣли-бы удовольствія видѣть его произведенія въ печати. Въ сущности этотъ пріемъ довольно простой и несложный самъ по себѣ, и заслуга автора состоитъ только въ томъ, что онъ избрѣлъ и удачно примѣнилъ его. Съ полнѣйшею добросовѣстностью, достойною искренней похвалы, г. Берже приводитъ факты и письменные документы пѣликомъ, нисколько не измѣняя и не искажая ихъ подлиннаго смысла и значенія; онъ лишь дополняетъ ихъ своими личными разсужденіями и умозаключеніями, основанными на собственномъ убѣжденіи; а главное, заставляетъ само описываемое имъ лицо думать и чувствовать совершенно противное то-

му, что оно въ дѣйствительности говорило и писало. Очевидно пріемъ простой и къ тому-же весьма „убѣдительный“, потому что г. Берже не самъ отъ себя опровергаетъ факты, а кладетъ всѣ эти опроверженія въ уста и мысли самаго Муравьева; весь вопросъ состоитъ въ томъ, чтобы опредѣлить степень тождественности между героемъ Карса и героемъ г-на Берже.

Съ первыхъ словъ разсказа мы узнаемъ, что „ничему въ жизни, казалось, не радовался онъ (т. е. Муравьевъ) такъ, какъ этому назначенію: съ одной стороны обширное поприще, на которомъ предстояла возможность удовлетворить даже самому притязательному честолюбію, а съ другой—какъ нельзя болѣе удобный случай свести старые счеты съ нѣкоторыми изъ своихъ недоброжелателей, среди коихъ едва-ли не самое видное мѣсто занималъ князь Воронцовъ; все это рисовало передъ нимъ открывавшуюся роль въ самыхъ заманчивыхъ краскахъ“. Усматривая съ первыхъ строкъ статьи столь строгое и положительное обвиненіе въ мстительности и желаніи „свести старые счеты“, читатель, на основаніи общихъ законовъ логики, чести и правды, вправѣ былъ ожидать, что на 18-ти послѣдующихъ страничкахъ хотя-бы въ нѣсколькихъ словахъ, однимъ какимъ нибудь намекомъ или примѣромъ, подобная возмутительная черта характера будетъ обнаружена или доказана. Ожиданія его напрасны, и ему остается только вѣрить, со словъ г. Берже, что Муравьевъ именно такъ думалъ и чувствовалъ, и радовался его радости. „Вотъ уже подлинно было-бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно.“ Именно грустно подобное отношеніе къ дѣлу, къ чувству, къ правдѣ, и мы считаемъ всего приличнѣе въ этомъ случаѣ, не останавливаясь, идти далѣе. Говоря о прежней службѣ Муравьева вообще, объ участіи его въ войнахъ Турецкихъ и Персидскихъ, объ его экспедиціи къ Босфору и о первой его службѣ на Кавказѣ, авторъ, вѣрный своей

вышеуказанной системѣ, прямо заявляетъ, „что все это вмѣстѣ взятое заставило въ Россіи (!) смотрѣть на него какъ на замѣчательный военный талантъ. „Кромѣ того онъ пользовался репутаціей строгаго, но справедливаго начальника и, въ добавокъ человѣка не только образованнаго, но по тогдашнему — и ученаго, въ особенности-же хорошаго ориенталиста.“ Но оказывается, что такъ думали въ Россіи; а г. Берже, въ качествѣ представителя Кавказцевъ, не того мнѣнія: онъ не колеблясь откидываетъ всѣ эти долги и славнымъ жизненнымъ путемъ выработанныя и всею Россіею призванныя достоинства и замѣняетъ ихъ однимъ педантически-строгимъ характеромъ, внушающимъ такой трепетъ, что храбрѣйшіе боевые генералы едва-ли не умираютъ при одномъ его приближеніи!.... Затѣмъ, по поводу крѣпости Грозной, посѣщенной Муравьевымъ на пути въ Тифлисъ, авторъ, разумѣется, останавливается на извѣстномъ письмѣ Николая Николаевича къ А. П. Ермолову, писанномъ изъ Грозной. Даже въ то время, когда оно было написано и по непонятной для насъ причинѣ огласилось, насъ всего болѣе смущалъ (я помню) самый фактъ его повсемѣстнаго оповѣщенія и опубликованія. Нося вполнѣ частный, интимный характеръ исповѣди со стороны бывшаго подчиненнаго къ уважаемому начальнику, исполненное нѣкотораго, быть можетъ, преувеличеннаго отношенія къ славной, Ермоловской эпохѣ по сравненію съ настоящимъ положеніемъ Кавказа, это письмо очевидно предназначалось исключительно маститому Кавказскому герою, и высокое довѣріе ему выраженное должно было, казалось, служить порукою, что оно не можетъ перейти за порогъ того кабинета, куда оно было адресовано. Во всякомъ случаѣ оно никакъ не можетъ уже служить подтвержденіемъ той самоувѣренности и того высокаго о себѣ мнѣнія, которое авторъ приписываетъ Н. Н. Муравьеву. — Считаемо излишнимъ останавливаться на вѣздѣ на-

мѣстника въ Тифлисъ и разговоръ его съ комендантомъ Ротомъ. Если дѣйствительно таковъ былъ отвѣтъ коменданта, то приходится только удивляться долготерпѣнію главнокомандующаго, который въ отвѣтъ на подобную, ничѣмъ не вызванную дерзость со стороны подчиненнаго „только нахмурился и отошелъ.“

Относительно перваго оффиціального представленія говорить нечего, потому что, по словамъ самаго лѣтописца, „оно обошлось благополучно;“ что-же касается эпизода съ гр. Сологубомъ, то мы слышали этотъ рассказъ отъ самаго его виновника, и намъ кажется, что онъ переданъ нѣсколько иначе; но вообще онъ настолько не важенъ самъ по себѣ, что дальнѣйшее его разъясненіе завлекло-бы насъ слишкомъ далеко. Затѣмъ г. Берже приступаетъ къ медвѣжьей услугѣ, оказываемой имъ князю Воронцову. Онъ видимо желалъ рельефно изобразить контрастъ между двумя эпохами для Кавказа; показать наглядно, въ какой степени необщительная, непривѣтливая, суровая натура новаго намѣстника легла какимъ-то гнетомъ на весь край, послѣ блестящей, привлекательной обстановки, къ которой пріучилъ его прежній главнокомандующій. Но подъ перомъ г. Берже картина производитъ совершенно противоположное понятіе и можетъ скорѣе служить жестокою насмѣшкою надъ прошлымъ. Если-бы высокое имя князя Воронцова, его блестящія дарованія и многолѣтнія заслуги, какъ опытнаго военальника и просвѣщеннаго государственнаго мужа не покоились на такомъ прочномъ, историческомъ основаніи; если-бы всякій здравомыслящій человѣкъ не сознавалъ, что тотъ-же князь Воронцовъ, будь онъ во главѣ управленія на Кавказѣ въ ту критическую для Россіи минуту, въ которую принялъ начальство Муравьевъ, неизбежно отрѣшился-бы временно отъ той привлекательной обстановки, отъ того ослабленія служебной дисциплины, которая живописуетъ намъ авторъ: то

подобныя разоблаченіи не послужили-бы въ пользу ихъ героя. Противопологая суровому, педантически-добросовѣстному отношенію къ дѣлу новаго намѣстника блестящее и веселое прошлое, когда Тифлисъ утопалъ въ постоянныхъ удовольствіяхъ и развлеченияхъ, г. Берже доходитъ до того, что изображаетъ намъ князя Воронцова, „входящаго въ адъютантскую и старающагося полоу сюртука разсвѣять облако табачнаго дыма, чтобы въ числѣ другихъ отыскать одного изъ своихъ приближенныхъ“. Воображаю себѣ фигуру пресловутаго Прускаго фельдмаршала графа Мольтке, читающаго описаніе подобнаго вступленія главнокомандующаго въ приемную или адъютантскую комнату своего дворца! Но и всякаго не-спеціалиста въ этомъ дѣлѣ поразитъ не столько самый фактъ, который можетъ служить только дальнимъ фономъ на славной и знаменательной для Кавказа картинѣ намѣстничества князя Воронцова, сколько то, что авторъ нашелъ возможнымъ выставить одну лишь эту почти отрицательную черту изъ дѣятельности бывшаго главнокомандующаго, чтобы окончательно затемнить ею образъ его преемника. Вотъ уже подлинно припоминается въ этомъ случаѣ Французское изреченіе: „избавьте меня отъ моихъ друзей...“

Далѣе слѣдуетъ анекдотъ о солдатѣ, подавшемъ главнокомандующему во время его прогулки прошеніе съ жалобою на ротнаго командира. Чтѣ именно хотѣлъ доказать этимъ рассказомъ г. Берже, мы поистинѣ не разберемъ: почему „солдатъ разсудилъ, что у сильнаго безсильный, хотя-бы и правый, всегда выигрываетъ“, этого даже самъ авторъ, столь опытный въ разоблаченіи чужихъ мыслей и помысловъ, не разъяснилъ; и если даже допустить, что у него сложилось подобное понятіе о справедливости начальствующихъ лицъ, то оно могло-бы служить лишь для характеристики прежняго, но никакъ не настоящаго, назначающагося управленія. Общаніе личнаго разсмотрѣнія этого дѣла со стороны

намѣстника должно-бы, казалось, ободрить всякаго справедливо жалующагося; а обѣщанная кара клеветнику, въ особенности въ военное время, едва-ли могла удивить фронтоваго служака. Во всякомъ случаѣ положительно недоумѣваемъ, почему этотъ случай вѣззася въ памяти г. Берже! — Эпизодъ съ самимъ авторомъ за обѣдомъ у Муравьева свѣдѣтельствуемъ единственно о томъ, что новому намѣстнику приходилось даже давать уроки приличія чиновникамъ своей канцеляріи, чего онъ вѣроятно еще не предвидѣлъ въ его знаменитомъ письмѣ къ Ермолову изъ крѣпости Грозной.

Относительно вступленія Муравьева въ командованіе дѣйствующимъ корпусомъ и начала его похода разсказъ не представляетъ ничего существеннаго; чтѣ-же касается до неудачнаго штурма Карса 17-го Сентября 1855 года, то объ немъ распространяться нечего. Считаемъ лишь справедливымъ напомнить, что генераль Муравьевъ безусловно и всецѣло принялъ на себя лично всю отвѣтственность въ этой тяжелой неудачѣ, повторяя громогласно: „что въ случаѣ успѣха вся слава досталась-бы ему; а потому по справедливости онъ одинъ обязанъ принять на себя всю тяжесть неудачи“. Едва-ли всякій главноначальствующій понимаетъ свое назначеніе такимъ образомъ, и военные событія, совершавшіяся въ тоже самое время на Крымскомъ полуостровѣ, не представляютъ-ли многіе примѣры совершенно другаго взгляда на свои обязанности и свою отвѣтственность?... *)

Потомъ слѣдуетъ довольно подробный разсказъ о пріѣздѣ въ Тифлисъ извѣстнаго академика Бера, во главѣ экспедиціи, командированной для изслѣдованія Каспійскаго рыболовства. Повидимому этотъ эпизодъ предназначался слу-

*) Слѣдуетъ повиниться передъ читателемъ въ невольномъ увлеченіи отъ предпринятой нами задачи не принимать на себя непрошенную защиту Н. Н. Муравьева, — мы не могли воздержаться, чтобы не привести здѣсь этой отличительной черты его характера.

жить послѣднимъ, окончательнымъ ударомъ для той личности, которую „Россия привыкла считать образованною и даже для тогдашняго времени ученою“; но признаемся откровенно, что въ примѣ, сдѣланномъ намѣстникомъ нашему почтенному академику, мы видимъ только довольно невинное и комическое столкновение двухъ ярыхъ специалистовъ своего дѣла. Для Муравьева, всецѣло поглощенного тяжелыми заботами о военныхъ дѣйствіяхъ и управленіи краемъ въ эту критическую для Россіи минуту, ученое изслѣдованіе рыболовства (предпринятое вѣроятно въ эпоху мира) могло дѣйствительно показаться по меньшей мѣрѣ несвоевременнымъ и излишнимъ, и съ свойственною ему суровостью обращенія, онъ и выразилъ свое мнѣніе въ обычной рѣзкой формѣ. Для академика предстоившая ему задача преобладала естественно надъ всѣми другими соображеніями, и равнодушіе къ ней не могло не возбудить въ немъ негодованія. А потому ихъ свиданіе и носитъ на себѣ отпечатокъ ихъ индивидуальных мнѣній и относительныхъ положеній, и отвѣтъ Бера не менѣе типиченъ въ данномъ случаѣ, чѣмъ привѣтъ Муравьева. Насъ несравненно болѣе удивляетъ послѣдующій отзывъ знаменитаго академика о Муравьевѣ въ письмѣ къ г. Берге и если дѣйствительно, послѣ этого единственнаго ихъ свиданія, онъ прямо называетъ его „вандаломъ, примѣняя это слово какъ къ его личности, такъ и къ системѣ его управленія“, то можемъ объяснить себѣ это предвзятое сужденіе развѣ только его Нѣмецкимъ происхожденіемъ.

Здѣсь повѣствовательная часть статьи кончается; 18-ть страничекъ исчерпаны, и остаются письменные документы въ видѣ двухъ приказовъ къ войску при вступленіи въ должность и при отъѣздѣ и 10-ть писемъ къ князю В. О. Бебутову, въ формѣ особаго приложенія. Приказы замѣчательно хорошо написаны, и въ первомъ изъ нихъ въ заключеніи приносятся краснорѣчивая и высокая дань

уваженія къ геройской личности и заслугамъ князя Бебутова. Но вслѣдъ за текстомъ этого приказа, г. Берге заявляетъ, что Муравьевъ *думалъ* совершенно противное тому, что писалъ; что онъ завидовалъ славѣ побѣдителя при Башкадыкларѣ и Курюкъ-дарѣ и „смотрѣлъ на нихъ далеко не равнодушно!“ Если это заключеніе авторъ выводитъ изъ того, что Муравьевъ поручилъ князю Бебутову главное управленіе въ Тифлисѣ, а самъ принялъ начальство надъ дѣйствующими войсками; то намъ кажется, что оно не могло быть иначе. Какъ на Кавказѣ, такъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, гдѣ наступала критическая минута военныхъ дѣйствій или предпринималась какая-нибудь рѣшительная экспедиція, главнокомандующіе считали своею прямою обязанностью лично начальствовать надъ войсками, и позволяемъ себѣ думать, что всякому показалось-бы по меньшей мѣрѣ страннымъ, если-бы, во время послѣдняго похода на Кавказѣ, главнокомандующій князь Барятинскій продолжалъ подписывать бумаги въ Тифлисѣ и предоставлялъ-бы генералу Евдокимову или кому либо другому взятіе Гуніба и плѣненіе Шамиля.

Но нигдѣ такъ ярко не обнаруживается г. Берге всей послѣдовательности усвоенной имъ въ его очеркѣ оригинальной системы, какъ въ тѣхъ строкахъ, въ которыхъ онъ поясняетъ и дополняетъ смыслъ и значеніе помѣщаемыхъ имъ въ особомъ приложеніи 10-ти писемъ Муравьева къ князю Бебутову. „Въ очеркѣ нашемъ“ говоритъ онъ, „упоминается между прочимъ о недовѣрчивости Муравьева и о той увѣренности въ своемъ умѣ, вслѣдствіе которой онъ не уважалъ чужихъ мнѣній, тогда какъ въ приводимыхъ ниже письмахъ онъ не только обращается за совѣтами къ князю Бебутову, но даже, по мѣстамъ, какъ будто отдастъ преимущество его знанію и опытности. Очевидно, одно съ другимъ не согласуется“.

И дѣйствительно эти письма замѣчательны по искренности

глубокому довѣрію къ мнѣніямъ и взглядамъ Бебутова; они носятъ на себѣ печать такой преданности къ пользамъ и нуждамъ вѣреннаго ему края, тако-го высоко-добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу, „что очевидно не согласуются“ и не могутъ согласоваться со взглядами г. Берже. Изъ этихъ писемъ читатель между прочимъ узнаетъ, что всѣ донесенія, приготовляемыя Муравьевымъ для Петербурга, отправлялись имъ *открытыми* къ князю Бебутову для его предварительнаго просмотра и затѣмъ уже отсылки по назначенію. Желательно-бы знать, много-ли найдется такихъ главныхъ начальниковъ, которые считали-бы возможнымъ, полезнымъ и подчасъ даже безопаснымъ посвящать своихъ подчиненныхъ въ ихъ сношенія съ высшимъ столичнымъ правительствомъ, и совѣстимъ-ли подобный образъ дѣйствій съ тѣми умозаключеніями, которыя выводитъ авторъ, подкрѣпляя ихъ какими-то яко-бы Ермолову принадлежащими отзывами?

Но довольно! 18 страничекъ исчерпаны, приговоръ г. Берже сформулированъ, послѣднее слово остается за читателемъ. Останавливаться далѣе на подобномъ произведеніи не слѣдуетъ, и мы нашли нужнымъ упомянуть о немъ лишь подъ вліяніемъ того тяжелаго и грустнаго чувства, которое возбуждаетъ въ насъ всякое особенно-рѣзкое проявленіе незрѣлаго отношенія къ дѣлу и неразборчивости при выборѣ средствъ для достиженія какихъ-то личныхъ, тайнственныхъ цѣлей. Даже съ юридической точки зрѣнія неудача не избавляетъ *неудачника* отъ отвѣтственности въ задуманномъ имъ намѣреніи; а намѣреніе г. Берже очевидно и если онъ не могъ успѣть въ немъ, то это случилось уже воплію „по непредвидѣннымъ имъ самимъ обстоятельствамъ!“

Въ нашъ до отвращенія положительный вѣкъ, когда всякое чувство счи-

тается недостойнымъ человѣка, а всякій душевный порывъ принимается чуть-ли не за помраченіе ума, ужели одной нашей литературѣ суждено дѣйствовать безъ положительнаго, прочнаго основанія? Ужели въ наше время, когда всякій шагъ, всякое слово, всякое дѣйствіе подвергается неумолимому анализу, почти химическому разложенію въ умственной лабораторіи нашего ни во что не вѣрующаго поколѣнія, печатное слово не должно опасаться другой критики, кромѣ правительственной цензуры. Приводимый нами здѣсь очеркъ не есть одно изъ тѣхъ отрывочныхъ воспоминаній очевидца, одинъ изъ тѣхъ рассказовъ или эпизодовъ изъ прошлаго времени, которые мы привыкли съ такимъ жаднымъ удовольствіемъ встрѣчать на страницахъ нашихъ почтенныхъ сборниковъ родной старины. Въ этомъ очеркѣ очевидно выражается опредѣленное намѣреніе представить полную характеристику описываемаго лица, и потому мы вправѣ требовать отъ него по меньшей мѣрѣ серьезнаго и достойнаго отношенія къ своей задачѣ. „Взявшись за гужъ, не говори что не дюжъ“, справедливо гласитъ наша пословица и, принявъ на себя призваніе историческаго повѣствователя, нельзя примѣнять къ нему пріемовъ фельетоннаго рассказчика. Мы готовы согласиться, что этотъ очеркъ не принесъ рѣшительно никому ни малѣйшаго вреда; но къ историческимъ эпохамъ, къ ея государственнымъ и другимъ виднымъ дѣятелямъ, на какомъ-бы поприщѣ они не подвизались, нельзя относиться съ такимъ безцеремоннымъ, неуважительнымъ обращеніемъ, а еще тѣмъ болѣе нельзя изрекать своихъ приговоровъ и нареканій, не представляя ни малѣйшаго факта или доказательства въ оправданіе своего мнѣнія.

Θ. Тимирязевъ.

24 Октября 1873 г.

АЗБУЧНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ СОБСТВЕННЫХЪ ИМЕНЪ

ВЪ

РУССКОМЪ АРХИВЪ 1873 ГОДА.

- Абакумовичъ, Андр. Ив. 264.
Аббасъ Великій шахъ, 1335, 1339.
Аббасъ-Кула, 1579.
Аббасъ-Мирза, 1582, 1745, 1746.
Абшеронтовъ, капит. 0456.
Августиновичъ (рожд. Врангель) Анжел. Бор. 254.
Августа императр. Германск. 2083, 2123.
Августъ, пр. Прусск. присутств. на смотру въ Вознесенскѣ 794.
Авейде, Оскаръ, студ. Спб. унив. 1240.
Авель, видѣнія его 958 — 959.
Авчурино, Калужское село Полторацк., библиотека 976.
Ададуровъ, Вас. Евд. 1459.
Адаиръ, Анг. пос. въ Вѣнѣ, 404.
Адалъбертъ пр. Прусск. присутств. на смотру въ Вознесенскѣ 794.
Азанчевъ, помѣщ. Смоленскій 178.
Адлербергъ, графъ Вл. Ѳед. 476, 483.
Адмиралтейская церковь, въ Спб. 30.
Академія Наукъ, 1410—1412; сатира на нее 1911—1914.
Академія Художествъ, сатира на нее 1914—1918.
Аксаковъ, Ив. Серг. сообщ. письма кн. Шаховск. 0479; пис. его о Славяноф. 2488.
Аксаковъ, Конст. Серг., его посланіе къ Петру 1408; Славяноф. 2488 — 2490, 2493.
Аксаковъ, Серг. Тим., пис. къ нему кн. Шаховск. 0479; Бенкендорфа 0299—02300.
Акулина Васильевна, при дворѣ Ан. Іоан. 1644, 1659, 1660.
Александра Юсифовна, в. кн. 1298, 01345.
Александра Павловна, в. кн. 310.
Александра Ѳеодоровна имп., пис. къ ней Жуковск. о воспитан. Наслѣдника I — XL; чатала съ удовольств. Юрія Милославск. 0473; присутств. на маскарадѣ, въ котор. дѣйствовалъ Крыловъ 0475; присутств. на смотру въ Вознесенскѣ 794.; въ пис. Гумбольдта 1521.; воспомин. о ней Измайловск. солдата 2074—2075; въ воспом. Блудовой 2052, 2072, 2074.; въ пис. матери 2103; уп. 2121.
Александръ I, имп. 166, 175; равнодуш. къ морю 176; письмо къ нему Смоленск. предводит. 180 — 184; жалуетъ Новосильц. 50.000 корней 0196; вступл. на престолъ 291 — 293; въ пис. Курак. 419 — 421, 423, 426, 427, 435, 440, 441, 453, 455; стих. въ честь его Сибиряка 641, 642; Броунъ присыл. ему сливы 643; замѣч. его на прозектъ Мосолова о крестьян. избахъ 646, 647; учреж. Ляцев 902; пис. къ нему Вологод. еп. Онисифора о бывш. ему видѣніи 957; Караз. подаетъ ему зап. 962, 963; поѣздки его по Россіи 1017 — 1018; отнош. къ Карамз.

УКАЗАТЕЛЬ КЪ Р. АРХИВУ 1873.

1

- 1019 — 1021; недоброжелат. и недоверчивое расположеніе къ кн. Кутуз. 1026, 1028—1030; отв. объ И. П. Дмитр. 1027; слова его о Наполеонѣ 1030; колонна въ память его 1033; ссылаетъ Пушк. 1065; Польша 0840 — 0841, 1082; уп. 307, 308, 314, 316, 328, 338, 339; 688, 689, 697; 722 — 733; 816, 817, 831, 859; посѣщен. имп. Мар. Θεод. 1130; путешествія 1319; Семеновск. исторія 01319 — 01334; въ воспомин. Дивова 01332; въ Зап. Фотія 1434, 1439, 1443, 1445, 1446, 1449, 1450, 1452; Херасковъ 1462; кончина 1529—1532, 1538, 1539, 1546, 1551, 1552; замѣчаніе о немъ А. Н. Турген. 1517; воен. поселен. 1716, 1718, 1724, 1726; пис. Вильмотъ 1826, 1852; въ Зап. Тучк. 1959—1961; въ его царствованіе вкрался въ Россію *style de l'Empire* 2053; въ воспомин. Блудовой 2063; въ пис. королевы Луизы 2096; дружба его съ нею 2107; Штейнъ 2131; Каподистрія 2135; пис. къ нему Ермолова 2142; уп. 2169; въ пис. Нелединск. 2198; Пушк. 2209; намѣренъ былъ назначить Тутотлина предсѣдателемъ Государственнаго Совѣта 2273; прекращ. взысканія казенныхъ денегъ съ наследниковъ Потемк. 2325; донесен. ему изъ Франціи гр. Моркова 2329—2479.
- Александръ II, Имп., письма Жуковск. объ Его воспитанія I — XL; уп. XLV, 457. присутств. на смотру въ Вознесенскѣ 794; уп. 311, 607, 622, 623, 632, 1312; Вугъ подноситъ Ему свои изданія 1208; Польскія дѣла 1222, 1244, 1245, 1247, 1248, 1256, 1257, 1261, 1262, 1284; 01346; Его кормилица 1533; въ воспомин. Блудовой 2074.
- Александръ Александровичъ, В. Кн. Наслѣдникъ, 35; рукописи о Севастопольск. оборонѣ 1089—1102.
- Александръ Кара Георгіевичъ, 1155.
- Александръ, герц. Виртемберг. 459.
- Алексѣй Алексѣевичъ, царев. 1771.
- Алексѣй Михайловичъ, ц. 1388; дѣло патр. Никона 1601 — 1609; грамота къ нему Иерусал. патр. Нектарія 1609—1617; уп. 1771.
- Александръ Петровичъ, царев. 649.
- Александровъ, Гр. Ник. его сообщенія LX, 0449 — 0450; 0470, 592, 643—644, 1722, 1796, 2068, 02296.
- Алексѣевъ, Лар. Спир., правит. Кавказск. намѣстн. свѣдѣн. о немъ 768, 771—773.
- Алексѣй Петровичъ, царев. 649; въ Записк. Фокерода 1397, 1398; его дворець LVI.
- Алертъ, куп. 704, 705.
- Алопеусъ, 2213.
- Алопеусъ, графиня 2072.
- Алтести, Андрей 2304.
- Альбертъ, эрцгерц. воен. правит. Вѣны 1145, 1146, 1148.
- Альбертъ, пр. 2074, 2121, 2123.
- Амвросій (Подобѣдовъ) митр. Новгородск. и Сибургскій 389, 1439—1440.
- Амвросій, еп. Крутицкій 145.
- Амвросій, митр. Сараевскій 1139, 1147.
- Амвросій, архіеп. Московск. 67—68, 71.
- Амвросій (Протасовъ) еп. Тульскій 901.
- Аміо, книгопродавецъ, СХVІІІ.
- Аму Дарья, р. 880, 1340, 1341, 1342.
- Андреевское, село гр. А. Р. Воронц. 1857.
- Анастасевичъ, Васил. Григ. воспомин. о немъ Сахар. 965—966. 970—974.
- Ангальтъ, гр. Фед. Евст., директ. корп. 797.; адъют. Фридриха Великаго 1554, 1556, 1562, 1563.
- Андерсъ, Фед. Самойл. воспом. о немъ П. X. Граббе 400, 805 — 807, 809, 810, 812, 817, 821, 828.
- Андреевъ, В. А., о Паскевичѣ и Ермоловѣ 1571.
- Андреевъ, Н. Θ. 898, 899.
- Андре, 2116.
- Аничковскій дворець, свѣдѣніе о немъ XLIX—LI.
- Анна Иоанновна, имп., XLI, XLII, XLVI — XLVIII; замѣч. объ ея царств. 1641 —

- 1643; рассказы Шестаковой 1643—1647; переп. съ гр. С. А. Салтык. 1647—1672. уп. 02288.
- Анна Леопольдовна, XLIII, XLVII.
- Анна Петровна XLXII, XLVI.
- Анна Θεодоровна, в. кн. 419—420.
- Аниепковъ, Никол. Никол. 494.
- Антоній (Румовскій) архіеп. Астраханскій 148.
- Антоній (Стаховскій) еп. Черниговскій 368.
- Антоновичъ, Влад. 1238.
- Апостоль, гетм. 370, 377, 378.
- Апраксина (рожд. Закревская) гр. Соф. Осип. 0468.
- Апраксинъ, Ал-й Петр. 1657, 1667, 1668.
- Апраксинъ, В. В. LIII.
- Апраксинъ, Васил. 1788.
- Апраксинъ, гр. Никол. Θεодор. 0468.
- Апраксинъ, Θεод. Матв., XLII, 1405.
- Апраксинъ дворъ, въ Сибургъ 1001.
- Апухтинъ, ген., членъ Воен. Коллегіи 2321.
- Аракчеевъ, гр. Алекс. Андр. отъ. его о Бракѣ 588 — 589; переписка его съ кн. Д. Вл. Голиц. о крестьянск. избахъ 646—648; ненависть къ нему народа 1018; уп. 0221, 256, 284, 427, 721, 723, 724, 827, 1318; покушен. на его жизнь 1544—1549, 1551 — 1552; военн. поселен. 1716—1722, 1724—1728.
- Арбузова (рожд. Паули) Ел. Март. 239.
- Арбузовъ, Гуръ, 239.
- Арбутовъ, Англ. пос. 794.
- Арендъ, докт. 2111.
- Аригольдъ, офиц. 1285, 1288, 01346.
- Аримъ, гр., 1521, 1528.
- Ариольдовъ, о Зубрил. нанс. 2204.
- Арсеній (Москвинъ) еп. Воронежскій 391.
- Арсеній, Калязинск. архим. 72.
- Арсеньевичъ, Лазарь, 1153.
- Арсеньевъ, академ. 1319.
- Артемовъ, поруч. 399.
- Арфъ, адмир. 66.
- Архаровъ, Ив. Петр. 683—684.
- Архаровъ, Никол. Петр. свѣдѣн. о немъ 70, 681—683.
- Аршамбо-Перигоръ, 2485.
- Астафьевъ, флиг. адъют. 197.
- Астрахань, г. пребыван. въ ней Сувор. 146—149.
- Ауербахъ, Юл. Θεод., свѣдѣн. о ней 1479.
- Афремовъ, Ив. Θεод. помѣщ. Тульск. въ воспом. Сахар. 897, 899, 901, 907, 908.
- Ахметъ-паша, Турец. пос. въ Вѣнѣ 795.
- Ашъ, бар. 2307; губерн. Смоленск. въ воспом. Шестака. 178, 179; жалоба на него имп. Александру Смоленск. предводит. 181—184.
- Аѳанасій, митр. Иконійскій, переп. его съ Никономъ 1601, 1618—1626.
- Аѳанасьевъ, граверь, 907.
- Аѳанасьевъ, Алексан. Ник., СХХI, СХХХV; свѣдѣн. о немъ 1479.
- *
- Багговуть,.... ген. 477, 1929, 1958.
- Багратионъ, кн. ген. участв. въ усмир. Пугач. 0452, 0459.
- Багратионъ, (рожд. гр. Скавронская), ея салонъ 2144.
- Багратионъ, кн. Пет. Ив. въ Зап. Граббе 426, 427, 437 — 442, 444, 454, 455, 460, 461; анекдотъ о немъ 1024; упом. 295, 296, 805; въ Зап. Тучк. 1934, 1937, 1942, 1962; отъ. о немъ Ермол. 2141, 2142; отношен. къ Милорадовичу 2143—2144.
- Бадеръ, ученый 856.
- Бажановъ, Вас. Ив. 02278, 02282.
- Байеръ, фотографъ, 1224.
- Байронъ, замѣч. о немъ 1057, 1062, 1078; вліян. его на Пушк. 1063—1064, 1067, 1074; сравненіе его съ Пушк., сдѣланное Мицкѣв. 1072—1073.
- Бакунинъ, Мих. Мих. 0470, 0475.
- Бакъевъ, солд. 1650.
- Балкъ-Полевъ, послан. въ Бразиліи 1047.
- Балашовъ, Алексан. Дмитр. 299, 963, 1929.
- Балла, ген. 1940.
- Бантышъ-Каменскій Ник. Ник. 390, 2254, 2266.

- Барабанъ, Петръ, 1670.
 Баранова, Анна Панкрат. 148.
 Баратовъ, кн. чин. мин. фин. 532.
 Баратынскій, Евг. Абр. стихи его 228; имя его вырѣзано на кубѣ Мицкев. 1060; упрекаетъ Мицкев. за подражаніе Байрону 1084.
 Бари, о Русск. бытѣ, СХХ.
 Барклай-де-Толли, кн. Мих. Богд. въ Зап. Граббе 420—424, 426, 428, 435, 437—441, 445, 446, 448 — 451, 454, 455, 457, 458, 462, 463, 467, 468, 787, 839—842, 844; пис. къ Кутуз. о Граббе 860 — 861; грам. къ Граббе 859—860; упом. 328, 421, въ воспом. Дивова 01333; Тучк. 1930, 1933, 1937, 1938, 1947, 1963.
 Барьеръ, Пр. ген. 794.
 Барсовъ, Ант. Алексѣев., проф. Моск. Унив., 02273.
 Барсовъ, Елпидиф. Вас., рѣчь его о Невоструевѣ 0846—0860; возраженіе на нее 01343—01344.
 Барсовъ, Петръ, гофь-макл. 1675.
 Барсуковъ, Алексан. Плат., жизнеописаніе кн. Г. Г. Орлова 1—146; поѣздка въ Гатчину 2074—2076.
 Бартоломей, Ив. Алекс., свѣдѣн. о немъ 1514—1515.
 Барятинскій, кн. правит. Малороссіи 377—380.
 Барятинскій, кн. Ив. Ив., посл. въ Мюнхенѣ, свѣдѣн. о немъ 419, 850—852, 855, 856.
 Барятинскій, кн. 690.
 Барятинскій, кн. Фед. Серг. 27, 89.
 Басистовъ, Пв. Е., 492, 493, 502; пис. къ издат. о Ростовцовѣ 0656—0664.
 Батуринъ, гор. 358.
 Батюшковъ, Помп. Ник., Памятн. Русск. Старины въ Западн. губерн. СХХХVII—СХLIV.
 Бауеръ, Фед. Вил., инжен., 95, 107.
 Бахметевъ, помѣщ. 4.
 Башиловъ, Алексан. Фед., сенат. об. прок. 263, 279.
 Башкирцы, въ Москвѣ, 1662, 1663.
 Башмаковъ, кавалергардск. офиц. 451.
 Башуцкій, А-ъ Павл. въ воспом. Сахар. 942, 947, 966, 967; уп. 782.
 Бебутовъ, кн. В. А., 1579.
 Безобразовъ, П. М., полк. 01321.
 Безакъ (рожд. Гречъ) Ан. Ив. 244.
 Безакъ, Елена Пв. 302.
 Безакъ (рожд. Гречъ) Соф. Ив. 302.
 Безакъ (рожд. Рашетъ) Сусанна Яковл. 300, 301.
 Безакъ, Алексан. Павл., ген. ад. 0211, 0216, 291.
 Безакъ, Конст. Павл., 302.
 Безакъ, Ник. Павл., 302.
 Безакъ, Пв. Пв., 302.
 Безакъ, Пав. Христ. 245, 280; въ Зап. Греча 286—303, 702.
 Безакъ, Христіанъ, магистръ философ., свѣдѣн. о немъ 243 — 244, 245—246, 286, 287.
 Безбородко, кн. Алексан. Андр., свѣдѣн. о немъ 330, 331; поддержив. порядки Разумовск., заведенные въ Малороссіи 384; уп. 263; пис. къ нему Потемк. 1685 — 1687; С. Р. Воронц. 1687—1693. Сандун. 1986; Демидовъ 2258; пожалов. деревни 2303.
 Безбородко, Андрей, генер. писарь, свѣдѣн. о немъ, 377—381.
 Безобразовъ, Алексан. Мих. сенат. 548.
 Безручка, Дарья, уп. въ переп. Анны Иоанновны, 1647, 1654.
 Безсоновъ, И. А., другъ Полторацк. 976—977.
 Бекетовъ, Н. А., 5, 6. ген. пор. губерн. Астрахан. 0450.
 Бекетовъ, Московск. куп., 02296.
 Беклешовъ, Алексан. Андр. ген. прок. 235, 293, 294, 731, 1888.
 Беллярминовъ, И., его Элементарн. курсъ всеобщ. и Русск. исторіи СХLIV—CLIV.
 Бемъ, ген. 1180, 1183.

- Бемъ, падчерица ген. Бауера 107.
 Беннигсенъ, гр. 423, 426, 468, 474, 476, 478, 479, 814, 859, 2308.
 Бенкендорфъ, гр. Алексан. Христоф. 296, 308, 483, 555, 0471, 741, 742; пис. къ С. Т. Аксакову 02299—02300.
 Бенкендорфъ, Конст. Христ. 1737, 1745.
 Бенкендорфъ, 1971.
 Бергманъ, 2310.
 Бергъ, г-жа, пис. ея о кор. Луизѣ 2105.
 Бергъ, Никол. Вас., Записки о Польск. заговорахъ 1222—1317.
 Бергъ, упом. въ пис. кн. Мамон. 0314.
 Беретниковъ, Яков. Ив., членъ Археограф. Комисіи 975.
 Березовскій рядокъ, село Вышневолоц. уѣзда. 1011.
 Бересневичъ, епископъ-суффраганъ, 1245.
 Бернадотъ, 409; пис. къ Граббе 861; анекд. о немъ 1023, 1024.
 Бернгарди, соч. Зап. гр. Толя 411—412, 415.
 Бернардинскій, костелъ въ Варшавѣ, 1225, 1250, 1259.
 Бернардъ, Матв. Ив., свѣдѣн. о немъ 1481.
 Бернгардъ, пр. Прусс., присутств. на смотрѣ въ Вознесенскѣ 794.
 Бернонвиль, ген., 2471.
 Беррійскій, герц., 2380.
 Бертоме, 1971.
 Бертрамъ, собр. сказокъ и преданій Ладожск. края СХХІІ.
 Бертъе, кн. Невшательскій, 428, 430, 479, 1953—1955, 1957, 1958, 1959, 1966.
 Берхъ, Васил. Никол., историкъ 907, 971.
 Бестужевъ, Мих. Ал. свѣдѣн. о немъ 1482.
 Бестужевъ-Рюминъ, гр. Алексѣй Петр., 5, 16, 17, 34, 35.
 Бестужевъ-Рюминъ, гр. Мих. Петр., его донесен. изъ Парижа LX LXI, LXII.
 Бестужевъ, Алексан. Ѳедос., отецъ декабриста 731.
 Бецкій, Ив. Ив., 14., 96, 104. свѣдѣн. о немъ 335, 336, 1914, 1915, 1917, 1918, 2243; пис. къ нему Пр. Ак. Демидова 2250 — 2251, 02277 — 02278; уп. въ пис. Демидова 2248, 2251—2253, 2261, 2272, 02274, 02279, 02283, 02284, уп. 02298.
 Бибииковъ, Ал-ъ Ил., 55, 120, 121.
 Бибииковъ, Вас. Ил., 27, 43.
 Бибииковъ, Дм. Гавр., 494.
 Биронъ, 230, 231.
 Бисмаркъ, кн. 2093.
 Бистромъ, о Русск. эпосѣ СХХVI.
 Бистромъ, Карлъ Ив., 459, 467, 471, 474, 475, 476, 477—480.
 Бицынъ, Н., замѣтк. о Польск. катехиз. 200—203.
 Бларамбергъ, капит., 1333, 1337.
 Блудова, гр. Антон. Дмитр., воспомин. ея, 2049—2138.
 Блудова, рожд. кн. Щербатова, кн. Ан. Андр. 2051, пис. ея 2062, 2063—2067, 2072—2074, 2109, 2110, 2114.
 Блудова (впослѣдствіи Шевичъ), Лид. Дм., 2057.
 Блудовъ, гр. Андр. Дм. 2058.
 Блудовъ, гр. Вад. Дм. 2058.
 Блудовъ, гр. Дм. Ник. служба при Каменск. 297—298; рассказ. о Карамз. 1019; замѣч. о Хвост. 1032; уп. въ пис. Вука 1200; въ воспомин. дочери 2049—2051, 2075; семейн. переп. 2052, 2053, 2056, 2058, 2060 — 2062, 2067 — 2069, 2110 — 2112, 2115 — 2122, 2126—2130; графск. знакъ въ его гербѣ 33; свидѣтельство его 51.
 Блументаль, перев. истор. Русск. церкви Филар. Черниговскаго и Катехизисъ Филарета Московскаго СХХV.
 Блументростъ, Л. мед. 1410, 1411.
 Бобанскій, сотн. Царычанскій 380.
 Богаевскій, Ив. Ив. сенат. об. секр. 307.
 Богдановичъ, Ив. Ѳед. 1457, 1458.
 Богдановичъ, воен. истор. руководств. сочин. Бернгарда 412, мало Записками Тучкова 1928.
 Богомоловъ, Ѳедотъ, самозв. 0449 — 0450.

- Боденштедтъ, 2208.
 Бодмеръ, гр-ня, 848.
 Бодянский, Юсифъ Максимовичъ, въ пис. Вука къ Надеждину 1154, 1155, 1221.
 Бозанъ, 2485.
 Бокъ, его полемика по Остзейск. вопросу СХУІІІ.
 Болотовъ, Андр. Тим., 4, 8—9, 21—23, 24, 29.
 Бонами, ген. 460, 01337.
 Бончаръ, переп. его съ Мирославск. 1266.
 Боричевскій, въ воспом. Сахарова 963—964.
 Борнстетенъ, 2116.
 Борнъ (рожд. Врангель) Екат. Карл. 254.
 Борнъ (рожд. Безакъ), Ел. Пв. 301, 302, 319.
 Борнъ, Ив. Карл. 254, 300, 328.
 Борнъ, Карлъ, докт. 254.
 Боровичскій уѣздъ Новгородск. губ. 1006.
 Боровичи, г. 1007.
 Бородинская битва по опис. Граббе 458—469.
 Бородкинъ, Як. Мих., 700.
 Бороздина, Наст. Андр. 263.
 Бороздинъ, Андр. Мих., 264.
 Бороздинъ ген. 01324.
 Бороздинъ, Конст. Матв. въ воспом. Сахар. 959, 960; сочувствовалъ трудамъ Сахарова 1017; въ воспомин. Блудовой 2053.
 Бороздинъ, Ник. Мих. 837.
 Борцова, фрейл., 1971.
 Боффа, архитект., сост. проэктъ Кагульск. памятн. 0463.
 Бохенскій, 1240.
 Боянусъ, проф. ветерин. искусства, 215, 216.
 Брадке (фонъ) Егор. Ѳед., директ. Деиарт. Сельск. Хоз., свѣдѣн. о немъ 577—581, 584, 586, 588, 589.
 Брадфордъ, издала письма миссъ Вильмоть 1825.
 Брандтъ, коррект. и сочин. 947.
 Браницкая, гр. Ал-дра Вас. 2305.
 Браницкій, 0838.
 Браницкій, гр., садъ его въ Варшавѣ 1275.
 Бредихинъ, Ив. Ал., свѣд. о немъ 1482.
 Бретель, Фр. пос., 36—37.
 Брео, капит., 2372.
 Бржозовская (рожд. гр. Замойская), 1231.
 Бржозовскій, помѣщ. Подольск. 1231, 1232.
 Бревернъ, плацъ-маіоръ, 699.
 Бреславль, г., описан. бывшаго при немъ лагеря 1567—1570.
 Бриджманъ, на ней женатъ гр. Н. Л. Ростовцевъ 458.
 Бриммеръ, Егор. Евстаф. 322, 323.
 Брискорнъ, Алексан. Макс. 303, 316, 317, 322.
 Брискорнъ, Ив. Макс. 308, 309.
 Брискорнъ, Карл. Макс. 309.
 Брискорнъ Максимъ, придв. аптекаръ 308, 309.
 Брискорнъ, Як. Макс. 309.
 Брискорнъ, Ѳед. Макс., сенат. 309, 314.
 Брискорнъ (въ 1-мъ бракѣ Струкова) 316.
 Брозинъ, воен. аг. въ Касселѣ 845.
 Брокгаузъ, А. И., 1719.
 Брокдорфъ, Голштин., 15.
 Брокеръ, А. Ѳ. 779.
 Броневскій, В. Б. директ. Тульск. кадетск. корп. 901.
 Бржозовскій, управл. Потемк. 0208.
 Бронскій, предводит. 207.
 Брунъ гр. Юр. Юр. Рижск. ген. губерн., пис. къ Н. И. Салтык. 643—644.
 Bruges (рожден. гр. Головкина) ея семейство 2079, 2080.
 Брюйеръ, ген. 429—431, 433, 434.
 Брюловъ, живописецъ, 591, 947, 949.
 Брюсъ, гр. Як. Алекс. 2282.
 Брянскій, 0478.
 Брянчаниновъ, Серг. Аван. ген. м., правит. Кавказск. намѣстн., свѣдѣнія о немъ 773—776.

- Брюнеттъ, 1971.
 Будзишевскій, ксендзъ, 1244, 1252.
 Букеръ, Анг. агентъ въ Кронштадтѣ 1829, 1830.
 Букингамъ лордъ 36.
 Буксгевденъ, Спб. губери. 2168.
 Булановскій, А. И. 260. _
 Булгаковъ, Алексан. Яковл. пис. къ нему в. кн. Мих. Павл. 0419—0425; Мытишинск. встрѣча 1529—1552.; бумаги его 02299.
 Булгаковъ, Конст. Алексан. пис. о немъ в. кн. Мих. Павл. 0422—0425.
 Булгаковъ, Конст. Як. 1530, 1531, 1549.
 Булгаковъ, Пв. Алекс. 1530.
 Булгаковъ, Як. Ив. 1457, 1541.
 Булгаринъ, Фед. Венедикт. отзыв. о немъ кн. Шаховск. 0473, 0477; въ воспом. Сахарова 946, 952; уп. 225, 229, 591; знаком. съ Стороженкою 1740, 1741.
 Бунзенъ, историкъ и дипломатъ 1518, 1520, 1521.
 Бунина, писательн. 2201.
 Буоръ, ген. кварт. 0464.
 Буржинскій, Тома, 1238, 1240.
 Бурнашевъ, Влад. Петр. 742, 947.
 Бурцовъ, 1580.
 Буслаевъ, Фед. Ив., 1202.
 Бутковъ, Вл. Петр., 503.
 Бутурлина (рожд. Комбурлей) Елиз. Мих. 416, 831.
 Бутурлинъ, Д. П. истор. 412; пис. къ нему гр. Толя 413—415; замѣч. его о холерѣ 1028; сооб. разск. о Кутузовѣ 1029; о Новиковѣ 2148.
 Бутурлинъ, гр. Дм. Петр., его библиофильство 1990.
 Бухаревъ, А-ъ Матв., свѣд. о немъ 1482—1484.
 Бухарія, 863, 864, 866, 868, 870.
 Бушъ, Ив. Фед. 254.
 Быковъ, жандарм. подполк. 0198 — 0199.
 Былина, сотн. Носовск. 373, 374—376.
 Бычковъ, Аѳ. Фед., академикъ принадле. ему рукописн. сборникъ 1910, 1673.
 Бѣгичевъ, авт. „Сем. Холмск.“ 531.
 Бѣжецкое село Орловыхъ 3.
 Бѣлинскій, 685; замѣчан. объ его почитателяхъ 1048.
 Бѣловодскій, Никол. Алексѣев., плем. Сахарова, 897.
 Бѣлозерскій уѣздъ 1010.
 Бѣлосельскій - Бѣлозерскій кн. посланикъ въ Туринѣ, славился какъ рассказчикъ 1040—1041.
 Бѣляевъ, поруч. 1663.
 Бюловъ, племян. Гумбольдта 1520, 1521.
 Бюцовъ, 2060, 2062.
 Вюшингъ, 246.
 Бялобржевскій, 1225, 1226, 1227, 1246, 1248, 1259, 1267.
 Б..... книжня въ Зап. Инсарск. 572—573.
 Б-въ чин. мин. госуд. имущ. составл. судебн. уставъ для крестьянъ 554.
 Вагнеръ, подполк. 1758.
 Вацковскій, Ив. Фед. зап. его о Семеновск. исторіи 01319; ходатайств. за него сестра предъ Александромъ I-мъ 01322—01331.
 Вацковскій, Ф. И. 01319.
 Вацковскій, Фед. Фед., стихи его на в. кн. Мих. Павл. 01324.
 Ваксель, Лев. Васил. свѣдѣн. о немъ, 711—712.
 Ваксмуть (рожд. Гречь) Ел. Ив., 278. 329.
 Ваксмуть, Андр. Яковл., 278.
 Валдайскій уѣздъ, Новгород. губ. 1006, 1012.
 Валевскій, гр. 829.
 Валуевъ (Петръ Степан., презид. Моск. Дворцовой Конторы) 1888.
 Валуевъ, мичм. 1930.
 Вальтеръ Скоттъ, 1072.
 Вальцъ, Я. И., подпор. 01337.
 Варлаамъ, архим. Серг. Лавры, 1651.
 Василевскій, Густ. 1338.
 Васильевскій проф. Спб. унив., замѣтка объ его изслѣдов. о Визант. и Печенѣг. 0425—0431.
 Васи льева, (рожд. кн. Урусова) гр. Варв. Серг. 1456.

- Васильевъ, гр. Ал-й Ив. 731—732, 1456.
 Васильевъ, Серг. Вас. 2049—2052.
 Васильевъ, адъют. кн. Меншик. 1326, 01316.
 Васильевъ, инжен., 2284.
 Васильчикова, (рожд. Архарова) Алексан. Ив. 684.
 Васильчиковъ, Ал-ъ Алексѣев., 88.
 Васильчиковъ, Алекс. Семенов., случай его при Дворѣ 84, 85, 86, 88, 101, 103, 107, 108, 127.
 Васильчиковъ, кн. Ларіон. Васил. 476, 477, 01320, 1540, 1576.
 Вашингтонъ, 857, 858.
 Вашкевичъ, проф. 206.
 Вѣкъ, его поэма изъ Русск. жизни СХХІІ.
 Велепольскій, марк. начальн. гражданск. управл. въ Польшѣ, 1229, 1230, 1238, 1239, 1243, 1261, 1262, 1267, 1281, 1283, 1284, 1290, 1291, 1297, 1302, 1304, 1309, 1312, 1313, 1314, 01345—01346, 01348.
 Веллингтонъ, герц., его корреспонденція CIV—CV.
 Вельденъ, кап., объ Австрійской кампаніи противъ Россіи CIV.
 Вельяминовъ, издат. Воен. Журн., свѣдѣнія о немъ 842—843.
 Венгрія, 417, 418.
 Веневитиновъ, Воронеж. помѣщ. 283.
 Венедиктъ, Григоровичъ, викарій С. Пбургскій 0850.
 Венедиктъ, Кралевичъ, еп. Далматинск., 1138.
 Венеція, 1971—1976.
 Веніаминъ, архим., намѣстн. Чудова мон., 0859, 01343—01344.
 Верещагина, Пелаг. Тих. 327.
 Верещинскій, 1239.
 Вернетъ, издат. книг. гр. Мець 966.
 Вернинакъ, 2398.
 Верстовскій, А. Н. инспект. репертуара Московск. театр. 151. 2064.
 Веселитскій, полк., 01337.
 Веселовскій, Конст. Степ., непрем. секр. Акад. Наукъ 560.
 Вессенбергъ, Австр. посл. въ Мюнхенъ, 854; ми. 1178.
 Вестенрикъ, начальн. чертежи. 518.
 Вестманъ, Вл. Ил., товар. мин. ин. дѣлъ 314.
 Вестманъ, Ил. Карл. 311, 312, свѣдѣн. о немъ 314.
 Весьегонскій уѣздъ, 1009—1010.
 Вибекингъ, инжен. 856.
 Вигель, Фил. Фил. 242.
 Викторовъ, Алексѣй Егор. 138.
 Викторовъ, пріят. гр. Граббе 781—782, свѣдѣн. о немъ 807, 808, 820—822, 823.
 Викторъ, архіеп. Минск. 2291, 2293, 2298, 2300.
 Викторъ, марш. 485.
 (Викторъ Эммануилъ I) кор. Сардинск. 2342, 2343, 2347—2349, 2365, 2366, 2369, 2376, 2377, 2378, 2381, 2395, 2411, 2414, 2415, 2426, 2427, 2428, 2441, 2442, 2453, 2464, 2486.
 Викторъ Эммануилъ, кор. Итальянск. 1228.
 Вилламова, (рожд. Свербихина) 310.
 Вилламовъ, Григ. Ив. свѣдѣн. о немъ 310—312, 819—820.
 Вилламовъ, поэтъ и эллинистъ 310.
 Вилліе, Джемсъ, л. мед., наход. на Бородин. битвѣ, 462; свѣдѣн. о немъ 688—689, 01338; уп. 986, 1539.
 Вильбуа, Ал-ъ Никит., 21.
 Вильгельмъ, пр. Прусск. (нынѣшній императоръ), въ воспомин. Блудовой 2062, 2065, 2082—2083, 2084, 2097, 2106, 2107, 2121, 2122, 2130.
 Вильмотъ, пис. ея о Россіи 1825—1908.
 Виндшигренъ, кн. 794, 1147, 1148, 1178, 1179, 1180—1183, 1189, 1190.
 Вирстъ, (рожд. Безакъ) Дар. Христ. 244—245.
 Вирстъ, Пв. Христ. 301.
 Виртембергскій король, 679.

- Витвортъ, лордъ, 2436.
 Витгенштейнъ, кн. фельдм. 440, 795, 1931, 1932.
 Витлокъ, 1830.
 Виттъ, гр. 416, 795, 1725, 1726, 1727, 1728, 1742, 1992.
 Витцлабенъ, 2109.
 Вишневскій, полиц. 1302.
 Виардо, перев. Тараса Бульбу и Капитанск. Дочку СХХV—СХХVI.
 Владиславлевъ, издат. Утрен. Зари, 942, 943, 945, 947, 951.
 Влодекъ, 416.
 Водонкуръ, ген. 412.
 Воейковъ, Алексан. Ѳед. устр. обѣдъ по случаю новоселья типографіи 941—949; воспом. о немъ Сахарова 949—952, 955; въ Зап. Стороженки 1738, 1740.
 Воейковъ, Никол. Пв., свѣдѣн. о немъ 1484.
 Вознесенскъ, бывший тамъ смотръ 792—795.
 Возницына, Мар. Мих. 1641.
 Войцеховичъ, А. И. нынѣ членъ Госуд. Сов., сочувств. предположенію Сахар. объ учрежд. библіот. дух. вѣд. 1016.
 Войцеховскій, Титъ, 1235, 1238, 1240.
 Волкова, Ан. Ѳед. 1643.
 Волковъ, Ал-й Андр., 0467.
 Волковъ, Гавр. 2043.
 Волковъ, Григ. 2043.
 Волковъ, Дм. Вас. 55, 1681.
 Волковъ, Ѳедоръ, акт. 2043; анекдотъ о немъ 2146.
 Волконетти, Молд. болг. колон. 0463.
 Волконская, кн. Александра, выходитъ за мужъ за Дурново 2061.
 Волконская, кн. Зинаида, ея Московск. салоны 1085—1086.
 Волконская, княгиня, 1836.
 Волконскій, кн. Г. П., 1712.
 Волконскій, кн. Пет. Мих. 427, 795, 1018, 1531.
 Воловичъ, гр. 1929.
 Воловскій, гр., 1271, 1275.
 Володимировъ, Ѳед. Петр. 1674, 1675.
 Володковичъ, Слоним. город. глава, 0197, 0198.
 Волынскій, Артем. Петр. 1669.
 Вольватъевъ, агроном. 533, 534.
 Вольтеръ, сравненіе его Златоустымъ 176; перепис. съ Екатер. 53, 69.
 Вороновъ, А. С. 633.
 Воронцова, гр. ея сестра княжна Голицына 1835.
 Воронцова, гр. Ел. Ром. 24.
 Воронцовъ, гр. Ал-ъ Ром., 1857, 2254, 2258; бумаги его 1—2; пис. къ нему Моркова изъ Парижа 2472—2485.
 Воронцовъ, гр. Мих. Лар., заботился о сохран. бумагъ Петра В. 779.
 Воронцовъ, кн. Мих. Сем. острота Меньшик. 199; присутств. на смотру въ Вознесенскѣ, 296; увѣковѣч. память Кагуль. б. сооруж. памятника 0463—0466; уп. у Булгак. 1539, 1541, 1549; дѣло Копьева 1754—1769.
 Воронцовъ, гр. Ром. Лар. бѣглый его челоуѣкъ выдав. себя за Петра III, 0450, уп. 49.
 Воронцовъ, гр. Сем. Ром. Кагуль. памяти. 0463—0466; пис. къ Безбородкѣ 1687—1693; въ донесен. Морк. 2365, 2371, 2378, 2462, 2463, 2466, 2469.
 Воронцовъ-Вельяминовъ, Евгр. Никол.; въ воспом. Сахар. 897, 901, 907, 908.
 Воронцовъ-Дашковъ, гр. И. И., 1840.
 Востоковъ, Алексан. Христоф. филологъ 971—972.
 Врангель, (рожд. Шне) Мар. 253, 254.
 Врангель, Бор. Карл. 253, 254., 1759.
 Врасскій, Б. А. 954, 974.
 Вреде, кн. фельдм. 409, 854.
 Вронченко, гр. мин. фин., сравненіе его съ Безбородкой 330, 727.
 Всеволожскіе, Всев. и Серг. Алексѣевичи 145.
 Всеволожскій, ген. 1942, 1944.
 Всесвятское село подъ Москвою, 513.
 Вужъ Караджичъ, 1131, 1132, 1136, 1138,

- 1140, 1141; пис. его къ Надеждину 1140--1218.
- Вульфъ, куп. 2246.
- Вучичъ, Сербъ 1155.
- Вылежинскій, 1793.
- Вырвичъ, проф. матем. въ Вилен. Унив. 214.
- Вырубовъ, П. И., 145.
- Высоцкій, подполк., 1579 (02277?)
- Вышневолоцкій уѣздъ 1011.
- Вышній Волочокъ, г. 1007.
- Вьельгорская, гр. 2116.
- Вѣржболовичъ, подполк. учредит. Варшавск. тайн. общ. 208.
- Вяземская (рожд. кн. Друцкая), кн. Тат. Дан., 1456.
- Вяземская (рожд. Столыпина, въ 1-мъ бракѣ Бегъ), кн. Мар. Арк. 2062.
- Вяземская (рожд. кн. Трубецкая), Елена Никит., 1455.
- Вяземскій, кн. Алексан. Алексѣев. ген. пр. 54, 108, 246, 264, 340, 1455, 02283 2277.
- Вяземскій, кн. Ив. Прох. 1456.
- Вяземскій, кн. Пет. Анд. 493, о Булгаковыхъ 0424; въ пис. къ Шаховск. 0474; въ воспом. Сахаров. 942, 945—947; уп. 1712; о Тютчевѣ 1994; архивъ его 32; замѣчан. его 47; сообщ. стихотворен. А. И. Одоевск. ХСІХ—СІІ.
- Вязмитиновъ, ген. губ. Спбургск., 321.
- *
- Габлицъ, Каря. Ив. 303.
- Габріели, пѣвица 1036—1037.
- Гавриловна, крестьянка села Мытищъ, кормилица Имн. Александра II, воспѣта Языковымъ 1533.
- Гавріилъ, митр. Спб. 2298.
- Гавріилъ, архим. Коляз. мон. 1772, жалоба на него 1776—1782.
- Гавксбури, лордъ, 2462.
- Гагарина (рожд. Лопухина) кн. Ан. Петр. 687.
- Гагаринъ, кн. А. П., 1763.
- Гагаринъ, кн. Вас. 1665, 1666, 1667.
- Гагаринъ, кн. Вас. 1023—1024.
- Гагаринъ, кн. Николай, женатый на гр. Бобринской 2129.
- Гагаринъ, кн. супр. Лопухиной, свѣдѣн. о немъ 687.
- Гагаринъ, кн. Сибирск. губернат., 1405.
- Гагаринъ, іезуитъ, 1523, 1525; о Русск. духовенствѣ СХІХ.
- Гагарины, кн. 975.
- Гагичъ, 1212.
- Гай, Хорв. писат. 1136, 1157, 1158, 1206.
- Гакманъ, еп. Вуковинскій 1215.
- Галаганъ, Григ. полк. Прилуцкій 381, 383.
- Галатей, журн. 907.
- Галленъ, гр. 2115, 2129.
- Галло, марк., Неаполит. послан., 2395, 2429, 2441.
- Галкинъ-Враскій, Мих. Ник. сообщ. бумаги, касат. Пугачевщ. 0451—0460.
- Гамалея, будучи, Тамбовск. губернт., принималъ участіе въ образов. Мин. Госуд. Имущ. 557—558, 565.
- Гамильтонъ, 1847.
- Ганзейскій союзъ, историч. о немъ изысканія СХVІ.
- Гарашанинъ, Илья, 1198.
- Гарбинскій, гр. Андр., 1266.
- Гарденбергъ, бар. 2105.
- Гарибальди, 1228.
- Гарраxъ, графиня, 2085.
- Гарроуби, лордъ 1835.
- Гаспарини, пѣв. 320.
- Гастингсъ, 1583.
- Гатчина, описан. 91—93.
- Гаугвицъ, гр. 2404.
- Гауровицъ, докт., описан. остр. Корфу СХХІV.
- Гацфельдъ, кн. 2107, 2108; ея сынъ 2109.
- Гевличъ, А. П. губернт. Тульск. 899.
- Геденовъ, А. М., директ. театр. 2054.
- Гедувиль, ген. 2393, 2395.
- Гейсмаръ, бар. ген. 837.
- Гельбигъ, 26, 27, 33, 74, 109, 143.
- Гельгудъ, ген., 1738.

- Генваровскій, сотн. Кролевецк. 369.
 Генке, сочин. его по судебноймедицинѣ 986.
 Геннади, Гр. Ник., отв. на его библиограф. вопросъ 1584; объ умерш. писателяхъ 1479.
 Геннингъ, Ив. Яковл. врачъ 238.
 Генрихъ IV, 687.
 Генсъ, полк., 1321, 01314, 01315.
 Георгій Черный, 1152.
 Георгій, мон. скоп., совращ. Фотія въ скопчество 1443—1444.
 Герасимовъ, купецъ, 1334.
 Гербель, Николай инжен., родоначальн. Русск. Гербелей, вызван. Петромъ В. для строенія Петербурга, 0223.
 Гербель, Никол. Вас. 0224.
 Германъ, мон. 1773.
 Германъ, инжен. 707, 745, 972, 974.
 Германъ, историкъ, 1360, о Россіи при Петрѣ Великому СХ—СХІV.
 Гернгросъ, полковн. 181.
 Герценъ, Алексан. Ив. 153. Запѣч. о немъ Садовск. 154—155, упом. 0219, 630, 631, 685, 686, 1286; о Ростовцовѣ 450, 452, 454, 456, 486—502, 504—506, 509, 510; біографія его СХХVІІІ; свѣдѣн. о немъ 1515.
 Герштенцвейгъ 1229.
 Гетрофъ, заговорщ. 36.
 Гецъ (рожд. Вилламовъ) Ан. Григ. 312.
 Гижицкіе, помѣщика 2299.
 Гиллеръ, 1276; изд. Исторію возстан. Польск. нар. СХVІІ.
 Гинтовтъ, морск. офнц. 795.
 Гинцель, губерн. Выборгск., 2282.
 Гинцъ, официантъ Слонимск. экономіи, 0199.
 Гирманъ, 385.
 Гирнецъ, поруч. 2282.
 Гирсъ, Алексан. Карл., 560.
 Гіелгутъ, 2125.
 Гладковъ, 724.
 Глинка, Мих. Ив. 591.
 Глинка, Серг. Ник. о гр. М. А. Милород. 0220—0221.; о Чупят. 1685, уп. 1986.
 Глинка, Фед. Ник. 0220, 460.
 Глогау, о Русск. литературѣ СХХІV.
 Глухово, родовое село кн. М. А. Оболенск. въ Дмитр. у. Моск. губ. 0655.
 Глюкъ, паст., 1408—1409.
 Гнѣдичъ, Ник. Ив. въ пис. Шаховск. 0472—0474, уп. 236—237; поклон. Семеновою 1022.
 Говорскій, Ксеноф. Антон., 1484.
 Гогель, 197.
 Гогель, 2295, 2296.
 Годлевскій, Фр., 1239.
 Голенищевъ-Кутузовъ, кн. Смоленскій, Мих. Ларіон. 412; показ. о немъ Толя 413, 440, 449, 457—460, 464, 469, 474—477, 479, 480, 0417; директ. корп. 797—798. (826); пис. къ нему Баркляя о Граббе 860—861; въ воспомин. Дивова 01335, 01336; запѣчан. о немъ Стороженки 1750, 1751; пожалов. деревнями 2302; недовѣріе къ нему имп. Александра I, 1026, 1028—1030.
 Голиковъ, Клем. Гавр. 288.
 Голиковъ, 963.
 Голицына. кн. Е. И. 964.
 Голицына (рожд. Куракина) Тат. Бор., жена кн. Мих. Мих. 399.
 Голицына (рожд. Шувалова), кн. привязанность ея къ Татьянѣ Пушкина 1073.
 Голицынъ, кн. Алексан. Мих. фельдм. 0449.
 Голицынъ, кн. Ал-ъ Мих., об. камерг. 54, 63, 109; отв. о немъ Вильмотъ 1859.
 Голицынъ, кн. Алексан. Никол. ходатайств. о награжд. Сахар. за историч. изысканія его по Русск. народности 920—927; приним. участіе въ судьбѣ Сахар. 930; бумаги Вологод. еп. Онисифора 956; огорч. конч. Маркелова 961; поруч. Прянишн. разобр. бумаги Маркел. 962; къ нему являлся Соколовск. 968.; въ Зап. Фотія 1439, 1440, 1446, 1449, 1453; упом. 1979. 2111.; пис. къ митр. Серафиму о Московск. обличитель 2325—2330.
 Голицынъ, кн. Ал-ъ, 1666, 1667.

- Голицынъ, кн. Ив., 2145.
 Голицынъ, кн. Дм. Влад. переп. его съ
 Аракчеев. о крестьян. избахъ 646—648;
 уп. у Булгак. 1529, 1547, 1548, 1551;
 разск. о немъ 1794.
 Голицынъ, кн. Ив. Мих. 1650.
 Голицынъ, кн. Мих. Алексѣев., его жена
 1648—1650, 1656.
 Голицынъ, кн. Ник. Ник. 2273.
 Голицынъ, кн. Серг. Мих. 491. 2061.
 Голицынъ, кн. Серг. Ѳед. 832, учреждаетъ
 пансионъ въ селѣ Зубриловкѣ 2202 —
 2204.
 Голицынъ, кн. Яросл. губерн., сводный
 братъ кн. Алексан. Никол., столкнов. его
 съ Мамонов. 1042, 1043.
 Голицынъ, кн., адмир., 02274.
 Голицынъ, кн. 476.
 Головинскій, архіеп., 1232, 1233.
 Головинскій дворецъ въ Москвѣ 71.
 Головинъ, Евг. Ал., 1031.
 Головкинъ, гр. 376.
 Головкинъ, гр. посл. въ Китай, 1979—
 1980.
 Голубевъ, нач. отдѣл. департ. гос. имущ.
 518—520.
 Голубинскій, Ѳ. А., протоіер. 0852, 0853.
 Голуховскій проф. философ. въ Вилен.
 Унив. 213.
 Гольдберги, Слонимск. Жиды 0198, 0199.
 Гольцъ, Ад., 1235.
 Гольцъ-Миллеръ, И. И. свѣд. о немъ
 1484—1485.
 Гомпешъ, велик. маг. Мальт. ордена, 2379,
 2380.
 Гончарова, Нат. Ив. пис. къ ней Пушк.
 736—740.
 Гончаровъ, Серг. Ник. 736.
 Горайнъ, Янъ, 2314.
 Горголи, Ив. Сав. сенат. 290, 514; свѣ-
 дѣн. о немъ 724—725.
 Гордонъ, ген. 1395, 1396.
 Горетово, подмосковное село, 16.
 Горичъ, ген. м., 2311.
 Горюковенко, М. Ф. инспект. клас. Морск.
 Корп. 192.
 Городецъ, село Балахинск. у., Нижегородск.
 губ., въ которомъ умеръ Александръ Нев-
 ский 1438.
 Городынскій, Луціанъ, 1235.
 Горскій, Ал-ъ Вас., протоіер. 0853, 0856.
 Горчаковъ, кн. Алексан. Мих. канцлеръ,
 пис. къ нему Ѳ. И. Тютчева о цензурѣ въ
 Россіи 607—632.
 Горчаковъ, кн. Дм. Мих. намѣстн. царства
 Польск. 1290.
 Горчаковъ, кн. Мих. 01332.
 Горчаковъ, кн. Петръ, 01332.
 Гофманъ (рожд. Рашетъ) Елиз. Яковл. 301.
 Граббе, фамил. 797.
 Граббе, мать гр. Пв. Хр. свѣдѣн. о ней 817—
 820. 822. 823.
 Граббе, Карл. Христофор. 797, 799.
 Граббе, гр. Пв. Христ., ген., его Записки
 416—0418, 781—858, прилож. къ нимъ
 858—862; воспомин. Дивова 01332,
 01333, 01336—01338.
 Граббе, Петръ Христоф. 817. 819.
 Грабовскій, Михаилъ 0201.
 Грабовскій, ген. 1941.
 Грановскій, Тимоѳ. Ник.; знаком. его съ Са-
 довск. 153, пис. къ Станк. 0479—0480.
 Грамницкій, Ѳед. Эмман. лекарь 897, 908.
 Гранъ, мадамъ, 2485.
 Гревеницъ (рожд. кн. Воронцовая) барон.
 819, 825.
 Гревеницъ, бар. директ. Воспит. Дома 819.
 Грегаръ, священ. 2385.
 Грекова, Ѳедосья, 1659.
 Грекуловъ, полк. 1758, 1761, 1769.
 Грессеръ, коменд. Борисовск. 426.
 Греческій проектъ, 66—67.
 Гречь, Адрианъ, Бенедикт. 228.
 Гречь, Алексан. Ив. 272, 276, 278, 319,
 323, 328.
 Гречь, Ек. Ив. 278, 327.
 Гречь (рожд. Паули.) Екат. Март. 239.
 Гречь (рожд. Фрейгольдъ) Екат. Яковл. въ
 Зап. Греча 248, 259—282, 321, 326.

- Гречъ, Ел. Ив. 245.
 Гречъ, Ел. Карл. 242.
 Гречъ, Ив. Ив. отецъ Никол. Ив. 242, во-
 спом. о немъ сына 245—248, 260, 264—
 282, 306, 321, 322, 326—330, 333.
 Гречъ, Ив. Мих. свѣдѣн. о немъ 230—237,
 239, 242, 243.
 Гречъ, Карлъ Ив. 242.
 Гречъ, Лог. Ив. 242, 243.
 Гречъ, Михаилъ, выходецъ изъ Богеміи, 230.
 Гречъ, Никол. Ив. Записки его 225—341;
 673—735; вечера его 782; въ воспом.
 Сахаров. 946, 952; отъ. о немъ Шаховск.
 0472; знакомство съ Стороженк. 1740—
 1741.
 Гречъ, Пв. Ив. 278, 326, 329.
 Гречъ, Ѳед. 237, 238.
 Грибовскій, Адр. 2304.
 Григорій, патр. Константиноп., кончина его
 послужила Мицкевичу предметомъ импрови-
 заціи 1084—1085.
 Григорій Ѳедоровъ, сельск. староста, во-
 спом. о немъ И. А. Шестаков. 171—173.
 Григоровичъ, Николай Ивановичъ, началь-
 никъ синод. Архива въ Спб.; состав. указа-
 тель къ II. Собр. Зак. въ приложен. къ 6
 №, сообщ. пис. Потемк. и Воронц. 1685—
 1686.
 Григорьевъ, Вас. Вас. ориентал. 633, 974.
 Григорьевъ, Никиф., священ. Царицынскій
 0450.
 Григорьевъ, Петръ Ив. свѣд. о немъ 1485—
 1487.
 Грифъ, 2269.
 Гриць, 1205.
 Громовъ, докт. 986.
 Гротъ, Як. Карл., 1672.
 Грохольскій, Брацл. вицегубернат. 2310.
 Грузинскій, кн., 1888.
 Грумъ, протосинг., свѣдѣн. о немъ 1176,
 1213.
 Грязевъ, мѣщан. Тульск. 899.
 Губеръ, писат. 942, 943.
 Губеръ, восточные папы-кесари СХ.
 Гудовичъ, гр. Ив. Вас. пис. къ нему гетм.
 Разумовск. 0467—0468; управл. Кавк.
 878, 1578.
 Гуляновъ, египтологъ, свѣдѣн. о немъ
 0479. 513.
 Гумбольдтъ, Алекс., переписка съ А. И.
 Тургенев. 1516—1525; шутка его 1047.
 Гундобинъ, Петр. Ил. 1487.
 Гундуоровъ, кн. Петръ, 1656.
 Гурбанъ, писат. Словакскій 1165, 1166,
 1197.
 Гурьевъ, гр. мин. фин. 406.
 Гурьевъ, академикъ 709.
 Густавъ III, кор. Шведск. 2163.
 Гусятниковъ, свѣдѣн. о немъ 1986.
 Гуттенбрунъ, живописецъ 1690—1692.
 Гуфландъ, 2093.
 Гюденъ, ген. 452.
 Г.... Густ. Ив. морск. ген. 818, 822.
- *
- Даву, марш. 425—427, 439, 452.
 Давыдовъ, Денис. Вас. 0475, 1024, 1992,
 2153, 2154.
 Далевскій, Фр., 1338.
 Даль, Вл. Ив. 962.
 Дамаскинъ, еп. Тульскій, 899, 908.
 Даммъ, гр. свѣдѣн. о немъ 854.
 Данилевская, (рожден. кн. Трубецкая),
 Марья Никит. 02288.
 Данилевскій, Владиславъ, 1240.
 Данилевскій, Гр. Петр. писат. 02296.
 Данилевскій, Дан. 02288, 02289.
 Данилевскій, Евстаф., полк. 02288.
 Данилевскій, Ив. Ив. 02288.
 Данилевскій, Ив. Яковл. 02289.
 Данилевскій, Як. Евст. 02293.
 Даниличъ, Сербск. филологъ 1142., 1152,
 1154, 1160, 1168—1169, 1174, 1176,
 1185, 1186, 1192, 1195, 1198, 1199,
 1202, 1205, 1211, 1213, 1216, 1217,
 1218.
 Дашкова, (рожд. Алферова) кн. Ан. Сем.
 263, 1898—1900, 1904.
 Дашкова, кн. Ек. Ром. 30, 31, 139, 140,
 родство съ кн. Моврокордато 513; пис. о
 ней Вильмотъ 1825—1908; пис. къ гр.

- Н. П. Шеремет. 1908—1909; замѣчан. о ней 1909.
- Дашковъ, (Дм. Вас.) 2062, 2067, 2068, 2159.
- Дашковъ, кн. Мих. Ив. 139, 1852.
- Дашковъ, кн. Пв. Мих., въ пис. Вильмотъ 1854, 1897, 1900.
- Дверницкій, 2125, 2126.
- Декирховъ, 182, 183.
- Деллингаузенъ, бар. ген. ад., свѣдѣн. о немъ 566, 569.
- Дельвигъ, бар. Ант. Анг. 0472, 956, 2067, 2069.
- Деманжъ, ориентол. 635.
- Дембовскій, сотн. Корибутовск. 381 — 382.
- Демидовъ, Акакій Пр. 2230, 2231.
- Демидовъ, Акино. 2245.
- Демидовъ, Гр. Акино. 1677.
- Демидовъ, Ив. Евд. 1675, 1680.
- Демидовъ, Левъ Пр., 2230, 2231.
- Демидовъ, Никит. Тульск. кузнецъ 2244.
- Демидовъ, Пл. Алексан., 2212 — 2213.
- Демидовъ, Пр. Акино. 1674, 1677; свѣдѣн. о немъ 2242—2244. пис. къ дѣтямъ 2230—2233; Михельсону 2234—2235; о пчелахъ 2236—2242; пис. къ Хозикову 2242 — 2244, 2247 — 2249, 2251 — 2271, 02276, 02277 — 02184; сказка 2244—2247; пис. къ Бецк. 2250—2251, 02227, Н. И. Рибасъ 2253—2255, 2271 — 02276; наставленіе дочери 02285—02286; пис. къ прикащикамъ 02287.
- Демидовы, родословная ихъ 2212—2229.
- Дензель, ген. 1954.
- Денисовъ, ген. пор., 2308.
- Депрерадовичъ, 300.
- Державинъ, 141, ода на восшеств. Алексан. 721—722; уп. 242, 300, 1462, Чупятовъ 1672, 1684; стихъ его 1754, 1974, 2155; замѣчан. о немъ 1984.
- Дери, ген. 479.
- Де-Роштейпъ, Алфр., 1239.
- Деруа, уб. въ Россіи 854.
- Deux-Pont, уб. при Бородинѣ 854.
- Джангеръ, Букѣвск. орды, 1320, 1321, 01315.
- Джонсъ, препод. въ Морск. Корп. 196.
- Джупковскій, С. С., свѣд. о немъ 1515.
- Дзезицкій, 2297.
- Дзялынскій, Игнат. 2287, 2305.
- Дибичъ, фельдм. свѣдѣн. о немъ 783—785; пис. къ нему Ридигера 01339—01343; уп. 1539, 1574, 1578, 1579, 1580; въ Зап. Стороженки 1738, 1746, 1748, Блудовой 2085.
- Дивовъ, Никол. Адриан., воспом. его 01331—01338.
- Дионисій, патр. Констант. 1602, 1604, 1605, 1606, 1607, 1608, 1618, 1619, 1622.
- Джафаръ-Кули-Ага, 1580.
- Димитрій, св. Ростовскій, 1879.
- Димитрій, архіеп. Новгородск. 24, 27.
- Димитрій, еп. Кишиневск. 1452.
- Димсдаль, докт. 58.
- Диринъ, въ воспом. Сахар. 942, 966.
- Диштель, проф. Спб. унив. 635.
- Дмитревскій, акт. 236, 237.
- Дмитріевъ, Ив. Ив., отъ. о немъ Граббе 796; въ воспом. Сахар. 954—955; столкнов. и примирен. его съ Молчапов. 1027—1028; замѣчан. его на одинъ стихъ 1032; опредѣл. Мамонова въ сен. оберъ прокуроры 1043, душеприкащикъ Хераскова 1463; замѣчаніе его 1989, его библиофильство 1990; свѣдѣн. о немъ 2147—2148.
- Дмитріевъ-Мамоновъ, гр. Матв. Александр., свѣдѣн. о немъ 1042—1045.
- Добровольскій, Сем. Мих. учит. законов. 0218.
- Добросклонскій, медикъ 951, 952.
- Догеръ, бар., Голландск. посл. 1905, 1906.
- Долгорукій, кн. Вас. Андр. 501.
- Долгорукій, (Крымскій Вас. Мих.?) кн. 2272.
- Долгорукій, кн. Петр. Владим., родосл. 1014.
- Долгорукій, кн. Юр. Владим. свѣдѣн. о немъ 836.

- Долгорукій, кн. Як. Фед.; пис. къ нему Петра В. 2068—2073, 02296.
 Домашневъ, 1457.
 Домбровский, Ярославъ, основат. офицерск. революціон. кружка въ Пбургѣ 1240, 1276, 1278, 1279, 1281, 1310.
 Дондуковъ, кн. полк., участв. въ усмир. Пугач. 0452—0453.
 Дондуковъ-Корсаковъ, кн. А. М., 1763.
 Дононъ, 2385.
 Доппельмейеръ, губернат. Гродненск. 0197.
 Доппельховъ, Австр. мин., 1172.
 Дора д' Истріа, о Монголахъ, Рюриковичахъ и ПIANO Карпини СХХVI.
 Дореръ, (рожден. Рашетъ) Эмил. Як. 301.
 Дорогомиловскій, мостъ въ Москвѣ 470.
 Дороховъ, 424, 425, 474.
 Достоевскій, Фед. Мих. 685.
 Дохтуровъ, ген., въ Зап. Граббе, 424, 438, 444, 445, 448, 456, 462, 464, 480, 809, 812—813; Тучк. 1942.
 Драговичъ, Вас. Пв. 1133, 1135.
 Дребушъ, жандарм. ген. 0197, 0198.
 Древновскій, ксендзъ 1240.
 Дроздовъ, докт., 475.
 Друковцовъ, 2256.
 Дружининъ, Як. Александр. 309; свѣдѣн. о немъ 312—314; 1038—1039.
 Друцкая, (рожд. кн. Трубецкая), кн. Варв. Ив. 1456.
 Друцкая, кн. Дар. Дан. 1456.
 Друцкой, кн. Андр. Данил. 1456.
 Друцкой, кн. Дан. Андр. 1455.
 Дубельтъ, Леонт. Вас. ген., 308; въ воспом. Сахар. 942, 951.
 Дубенскій, Ник. управл. департ. госуд. имущ. свѣдѣн. о немъ 515—519, 521—532, 547—549.
 Дубенскій, Порф. Ник. 523.
 Дубовицкій, Алекс. Петр. 1441.
 Дубровицы, село Мамопов. въ Подольск. г. 1044.
 Дубровский, Андрей, 2302.
 Дуницъ-Барковскій, Дм. Андр. 01332.
 Дурасовъ, въ пис. Вильмотъ 1889.
 Дурасовъ, магистр. презид. въ пис. Демид. 02279.
 Духанинъ, подпоруч., 0456.
 Душанъ, 1152.
 Дѣдиново, село, 1647.
 Дѣевъ, полк., 2313.
 Дюваль, золот. дѣлъ маст., 2318—2322.
 Дюрокъ, Фр. посл. въ Спбургѣ 725, 2344—2345, 2436, 2471.
 Дюранъ, Фр. аг., въ Спб., 102.
 *
 Евгений, (Болховитиновъ) митр. Кіевск. и Галиц., пис. его къ Г. А. Петрову 388—392; знакомство его съ Анастасев. 970—971; уп. 973—974; его статьи о Вологодск. древност. 1016.
 Евгений, (Булгари) митр. 970.
 Евгений, (Казанцевъ), архіеп., свѣдѣн. о немъ 1487—1489.
 Евгений, еп. Карлштадтскій 1134, 1136.
 Евгений, пр. Виртембергскій. 445—446.
 Евдокія Лукьяновна Стрѣшнева, царица 648—649.
 Евдокія, Феодоровна, царица, память о ней 648—653; въ Зап. Фокерода 1390, 1397.
 Евсевій, архіеп. Могилевскій, 0853, 0854.
 Евстолия, иг. Вознесенск. 1659, 1660.
 Егорья на Вспольѣ, ц. въ Москвѣ 4.
 Ежова, Ек. Ив., актр. 0476—0477.
 Ейндизель, посл. Саксонск. въ Мюнхенѣ 854.
 Екатерина I, имп., въ Зап. Фокерода 1408—1410, 1416.
 Екатерина II, имп. вступаетъ 14, 15; попытка Бестужева 16; жизнь послѣ кончины Елизаветы 18, 19, 20, 21, 24, 26; вступленіе на престолъ 1—3, 27—32; слухъ о намѣреніи ея вступить въ бракъ съ Орловымъ 33—36; господство Орлов. (12, 17, 21, 23) 36, 37, 39, 41, 42, 44, 45, 47, 48, 49, 51, депутаты 52—58; Турецк. война 58—67; чума 67—76; кончина Потемкина и возникшій споръ между Каменскимъ и Каховскимъ о правѣ роман-

- дованія армією LX—XCVI; донесен. ей о Сувор. 147, 149; упом. 234, 241, 244, 251, 252, 261, 289, 310, 312 — 313, 328, 388, свѣдѣн. о ней 330—340; народн. учил. 392; пис. къ Сатину 0449; 3. Г. Чернышеву 0449—0451; Броунъ присыл. ей сливы 643; уп. 673—674, 676—678, 681; похор. 690—691; 722, жалуетъ Академія 20 т. 709; Кавказскія дѣла 765, 767, 768; Персидск. походъ 887—891; Станиславъ Понятовскій 0838, 0842—0844. 1025; разск. о ней 1036—1037; Херасковъ 1462; Красно-сельск. маневры; въ пис. Каменск. 1556; уп. 1569; Чупятовъ 1685; эрмитажъ 1692—1693, уп. 1792; зап. ея о Княжнинѣ 1796, 02297, памяти. ей въ с. Троицк. 1840; въ пис. Вильмотъ 1848, 1852, 1897, 1904, 1905, 1906; Волковъ 2043; Сумарок. 2044; воспомин. о ней Измайловск. солдата 2074 — 2076; разск. о ней Жофре 2139 — 2140; рассказы о ней 2145 — 2146; Гатчинскій дворъ 2161, 2162, 2164, 2165; письмо Михельсону 2235, Демидовъ 2243, 2246, 2249, 2254, 2259, 2262, 2272, 02273, 02275, 02284; пис. къ Тутолину 2273—2317; ея политич. мудрость 2486—2487.
- Екатерина Алексѣевна, царевна 1655.
Екатерина Павловна, в. кн. 2201.
Екельнъ, ген. 1735, 1737.
Екатерина Іоанновна, царевна, 1648, 1659.
Елагинъ, Ив. Перф. 55, 104.
Елагинъ Алексѣй Андреевичъ, имя его вырѣзано на кубкѣ Мицкевича 1060.
Елагинъ, ген. 1854.
Елачичъ, банъ 1157, 1165, 1167, 1170, 1172—1174, 1185, 1187—1190, 1195, 1198, 1199, 1206, 1210, 1211.
Елена Іоанновна, 187.
Елена Павловна, в. кн. присутств. на смотру въ Вознесенскѣ, 0423, 794.
Еленевъ, Фед. Павл., биограф. свѣдѣн. о Ростовц. 449—458.
- Елисавета Алексѣевна, имп. 1130, 1538, 1834, 1835.
Елисавета Петровна, им. 5, 6, 10, 12 14, 16, 18—20; отъ нея скрывали число раненыхъ въ Семилѣт. войнѣ 251, (275, 336,) ея дворцы LIII—LIV.
Елисавета, кронъ-принц. Прусская 2123.
Еллизентъ, докт. 819.
Еллинскій, Ив. Никит. медикъ 388.
Ельчинъ, капит., 0455.
Еммануиль, ген., 1992.
Енгель, предсѣдатель временнаго правл. ц. Польскаго 2111.
Еремѣевъ, нумизм. 964—965.
Еропкинъ, Петр. Дм. 68.
Ермоловъ, Ал-й Петр. люб. разск. Садовск. 152; записки его къ Садовск. 158—159; въ Зап. Граббе 419—421, 423, 427, 435, 436, 438, 442, 451, 455—458, 460—462, 467, 469, 470, 472, 474; 790—792, 794, 795, 817, 823, 824, 826—830, 829, 830, 832, 834—836, 839—841, 843, 845, 853; воспомн. Дивова 01333, 01335, 01337, 01338; у Булгак. 1540; отношен. къ Паскевичу 1571—1583, 1745; въ воспом. Тучкова 1942; свѣдѣн. о немъ 1031, 1032, 2141 — 2143.
Ермоловъ, Петр. Никол. 470.
Ермоловъ, Петръ 2307.
Есиповъ, Г. В., 1642.
Ефремовъ, Петр. Алексан., о Хмыровѣ СXXXVII.
Ефта, Иван., еп. Карлштадтск. 1175, 1204, 1215.
- *
- Жаксонъ, 2378, 2379, 2385, 2394.
Жандръ, Андр. Андр. 314.
Ждановъ, столонач. департ. госуд. имущ. 518, 519.
Желтухинъ, управл. Молдавіею и Валахіею, 535, 536.
Жемчужниковъ, губ. Сибургскій 557, 558.

- Жерве, 2345.
 Жеребцовъ, Н. А. в. директ. департ. сельск. хоз. 567, 584.
 Живановичъ, Яковъ, 1197.
 Жижка, 1152.
 Жидинскій, архіеп, митр. 1245.
 Жиркевичъ, губ. Витебскій 557, 558.
 Жихаревъ, Ст. Петр. даетъ примирительн. объѣдъ Дмитр. и Молчан. 1027—1028.; уп. 1530, 1548.
 Жоинни, ген. 816.
 Жорданъ, Пр. послан. въ Саксоніи 2085.
 Жофре, объ Екатер. 2139—2140.
 Жуковскій, Вас. Анд. 298, письма къ имп. Александрѣ Ѳеодор. о воспитаніи Наслѣдника I-XL, въ пис. къ Шаховск. 0472, 0473, 0475; посѣщ. Киселева 575; принимаетъ участіе въ судьбѣ Сибирякова 639; присутств. на смотру въ Вознесенскѣ 795; пошетъ объявл. о ром. Шишкиной 964; отз. о немъ Мицкевича 1062, 1063, 1070; Херасковъ 1462; пис. Турген. 1516—1518, 1527—1529; стихотворен. его 1693—1705.
 Жуковскій, интенд. 1580.
 Жуковъ, Мих. Мих. правит. Кавказск. на-мѣстнич., свѣдѣн. о немъ 769—776.
 Жуковъ, табачн. фабр. 942, 947.
 Жулькѣвскій, акт. 1786, 1787.
 Журавлевъ, племян. Анастасевича 966.
 Журба, сотн. Бобровицк. 380.
 Жюно, ген. 450, 1964, жен. на Комненой 2411.
 Заблоцкій-Десятовскій, Андр. Наро., служба его въ мин. госуд. имущ. 559, 567.
 Завадовская, (рожд. гр. Апраксина) Вѣра Никол. 0468.
 Завадовскій, гр. Пет. Вас. 263, 330, 332; женитьба его 0468; Демидовъ 2254, 2258.
 Завьяловъ, 1532.
 Загоскинъ, Мих. Ник. въ пис. кн. Шаховск. 0470, 0472—0473, 0475, 0476, 0479.
 Загряжскій, Г. А. ген. 782—783.
 Зайцевскій, полк. 1681.
 Заіончикъ, ген. 0840—0841, (1941).
 Закревскій, гр. Арс. Анд, 860; адъют. Каменск. 296, 297.; замѣч. его о занятіяхъ Невоструева 0858.
 Закревскій, Ник. Вас., свѣдѣн. о немъ 1489.
 Залыцъ (рожд. Рашетъ) 301.
 Залѣскій, Богданъ, взглядъ его на поэта 1075—1076.
 Замоискій, гр. Андрей 1235, 1238, 1242, 1282.
 Замоискій, гр. Владисл. Андр. 1235, 1237, 1238.
 Занъ, учредит. тайн. общ. въ Вилен. университ. 210—211, 213—220.
 Зарѣчье, усадьба Сахарова въ Валд. у. 897.
 Зауэрбрей-фонъ-Зауэрбруннъ, Пр. ген. 249.
 Захаровъ, академикъ, 709.
 Зварковская, (рожд. Безакъ) Ольга Павл. 302.
 Зварковскій, Алексан. Ник. 302.
 Зварковскій, Ник. Яковл. ген. 302.
 Зволинскій, каноникъ, 1249.
 Звѣревъ, майоръ 0453.
 Зеге-фонъ-Лауренбергъ, инжен. 675.
 Зейдеръ, наст., свѣдѣн. о немъ 684—685.
 Зейдлицъ, Пр. ген. 1556, 1567, 1568.
 Зелячъ, архам. 1159.
 Земліе дворцы, въ Сиб., свѣдѣн. о нихъ XII—XLV.
 Зинковичъ, Ксаверій, 2306.
 Зичъ, гр. Евг., 1168.
 Зиновьевъ, А-ъ Ник., 7, 9.
 Зиновьевъ, Нв. Никит. 4.
 Зловъ, акт. 2152.
 Змаевичъ, вице-адмир. 1649.
 Зоммерлингъ, учен. 856.
 Зиновьевъ, Ал-й Павл. 391.
 Зонненбергъ, Карл., 1235.
 Зотовъ, Рафаилъ Мих., свѣдѣн. о немъ 1489—1492.
 Зубовъ, Валеріан. Алексан. 290; зап. митр. Хрисано. объ Азіи 863—876; пис. къ бра-

- ту Платону 863—876; обзорѣн. торговл. съ Азією 879—894.
- Зубовъ, кн. Плат. Алекс. 290, 330, 340, 722; митр. Хрисанъ подаетъ ему записку объ Азіи 863—876; пис. къ нему брата Валеріана 876—879; уп. LXI. 2297; 1462, 2145.
- Зубриловскій пансіонъ, свѣдѣн. о немъ 2202—2204.
- Зыбликевичъ, 1238.
- *
- Ивановъ, Никита, священ. Московск. 2326, 2330.
- Ивановъ, Ниган. Иван., свящ. Тульск. 897, 900, 908.
- Ивашищевъ, Ник. Алексѣев., свѣдѣн. о немъ 1492—1493.
- Игельстромъ, бар. Ос. Мак. 2285—2286, 2290.
- Игнатъевъ, флиг. адъют., 1670, 1671.
- Игнатъевъ, Пв. Ник. 494.
- Измайловъ, (Алек. Еф.?), 2069.
- Измайловъ, В. В., замѣчан. о немъ Карам. 2154.
- Измайловъ, ген. м. 29.
- Иловайскій, Дм. Ив. замѣтка его объ изслѣдов. Васильевс. о Визант. и Печенѣг. и отвѣтъ Погод. о Варягахъ 0425—0432; о лѣтопис. 654—667.
- Ильинскій, майоръ 795.
- Ильинскій, гр. свѣдѣн. о немъ 828.
- Ильинъ, писат. 288.
- Ильинъ, въ пис. Демид. 2261, 2262, 2266, 2268.
- Ильичъ, подпор. 0455.
- Индія, 892—894.
- Инокентій (Борисовъ) въ послѣдствіи архіеп. Херсон. и Таврич., сочувств. предположенію Сахарова объ учрежден. бібліотеки духов. вѣдомства 1016; предполагалъ учредить Вологодск. епарх. музей 1016;
- Инокентій, (Смирновъ), еп. Пензенск., въ Зап. Фотія 1442, 1443, 1450, 1451.
- Ирсарскій, Вас. Ант. Записки его, 513.
- Иродіонъ, Жураховскій, еп. Черниговскій 368.
- Исаевъ, ген. м., 2308.
- Исленьевъ, ген. пор., 2308.
- Итальянскій дворецъ, свѣдѣн. о немъ LI—LIII.
- *
- Іаковъ, архіеп. Нижегородск. 1438.
- Іаковъ, мон. Коневскій, 1443.
- Іежовскій, 217.
- Іерооидъ, еп.; свѣд. о немъ 1493.
- Іоанна Іерусалимскаго костель, 1244.
- Іоанна, пр. Цербская, 335.
- Іоаннъ, Алексѣевичъ царь, 1389, 1391.
- Іоаннъ, IV Васильевичъ, царь, 1012.
- Іоаннъ, эрц. герц. присутств. на смотру въ Вознесенскѣ, 794.
- Іоаннъ, Златоустый, сравн. его съ Вольтеромъ 176.
- Іоаннъ, Максимовичъ, архіеп. Черниговск. 357, 368.
- Іовъ, законоуч. Морск. Корп. 1438.
- Іона, архіеп. Тверск. 1452.
- Іосифъ II, имп. 1970, 1971, 1976, 2271, 02273.
- Іосифъ Бонапартъ, 2395.
- Іосифъ Раяичъ, митр. 1134, 1136, 1153, 1156, 1157, 1206, 1211.
- *
- Іабуля, 871—872.
- Іавелинъ, Конст. Дм. 490, пис. къ издат. по поводу переп. Ростовц. съ Оболенск. 0218—0219.
- Іавказъ, его правители 741—776.
- Іагульская, дочь гр. С. П. Румянц. 260.
- Іагульская битва, памяти. 0463—0466.
- Іазанскій соборъ, въ Спб; 192.
- Іазанская ц. въ Туль, 900.
- Іайсаровъ, ген. 01338.
- Іай, мед. 972.
- Іалачковскій, помѣщ. 1234., 1235, 1242.
- Іалашниковъ, дѣлопроизвод. V Отд., свѣдѣн. о немъ 536—539, 554, 561, 564.

- Калиникъ, сотн. Нехворощанск. 380.
 Каленинъ, Моск. Фабрик: 02296.
 Калиостро, 272—273.
 Калмыки, нар. 765, 766.
 Калышкина, Праск. Дм., 1644.
 Калмыковъ, Петръ Дав., проф., въ воспом. гр. Блудовой 2065, 2073.
 Калязинскій, уездъ 1107.
 Камарашовъ, ротм. 0461.
 Каменская, (рожд. гр. Толстая) 590.
 Каменскій, гр. Мих. Ѳедотов., у Фридриха Великаго 1552—1570; въ исс. Демидова 02283; споръ его о правѣ командованія арміею послѣ смерти Потемкина I.X—XCVI; исс. его къ Н. И. Салтык. I.XVI—I.XXI, I.XXIII—I.XXIV, I.XXVI—I.XXIX; Попову I.XXII—I.XXIII; переп. съ Каховск. I.XXV, I.XXIX, I.XXX—I.XXXVI, I.XXXVIII—XCIV.
 Каменскій, гр. Ник. Мих. 296, 298.
 Камынинъ, сенат., 2263—2264.
 Кандиба, ротн. команд. 435, 01334.
 Кандорскій, сек. м. 2310.
 Канкринъ, гр. Ег. Фр., мин. фин. 314: борьба его съ Киселев. 560—563.; слова его 2160.
 Кантакузенъ, княгиня 1454.
 Каподистрія, въ воспомин. гр. Блудовой 2132, 2133, 2134, 2135.
 Капрара, кардин., 2372, 2385.
 Капуани, Итал. гр. 263.
 Капцевичъ, ген. 444—445.
 Карабановъ, П. Ѳ., 75.
 Караваевъ, полк. 2313.
 Каразина, (рожден. Бланкенгель) 963.
 Каразинъ, Вас. Назар., разск. о немъ 962—963.
 Карамзинъ, Никол. Михайл. почтилъ память кн. Орловой 141—142, его песторія 900; ода на восшеств. Александра 721; неважность его къ лихоимству и бережливость въ частной жизни 1018—1019; отношен. къ Александру 1019—1021, упом. 0473., въ Ц. Сель 01323, 01326; отз. его о В. В. Измайл. 2154; записка его о др. п нов. Россіи 2173.
 Каратыгинъ, Борисъ, недоросль гор. Галича 02296.
 Каратыгины, акт. 942, 947.
 Карелина, Соф. Гр., сообщ. 1318.
 Карелинъ, Григ. Сил., биограф. о немъ свѣдѣнія 1318—01319.
 Карны, 1457.
 Карлгофъ, Елиз. Алексѣевна 947.
 Карлгофъ, писат. 942, 946, 947.
 Карлъ, эрцгерц. 417, 831, 834.
 Карлъ, пр. Мекленбургскій, 2123.
 Карлъ, пр. Прусск., 2066, 2093, 2122.
 Карлъ XII, кор. Шв., 252.
 Карніолинъ-Пинскій, сенат. 556.
 Карповъ, ген. м., 1944, 1947.
 Карскій, Станисл. 1235.
 Кастелчикалла, Итал. посл., 2124.
 Касторскій, Мих. Ив., 1221.
 Катакази, о столкновеніи его съ С. Американск. правительствомъ CXVIII—CXIX.
 Катенинъ, нападки его на Крылова 1794—1795.
 Катехизисъ Польскій, замѣтка о немъ 200—203, 025, 026, 028, 0212, 0213.
 Катиды и Конкресты, поколѣнія въ Хивѣ, 864.
 Каткартъ, лордъ 38.
 Каховскій, гр. Мих. Вас., мѣстнич. съ Каменск. LX—XCVI; примѣч. о Тавридѣ и Таманѣ 592—607.
 Качаловъ, контръ-адмир., помощн. директ. Морск. Корп., въ воспом. Шестакова 193, 194, 196.
 Качеринъ, Стен., 2310.
 Кашемпрія, 872—874.
 Кашинскій, уездъ, 1007.
 Кейзерлингъ, гр. Германъ, презид. Академіи 1411; послан. въ Польшѣ 0837, 0838—0840, 0843.
 Кейтъ, Англ. послан., 1.
 Кексгольмъ, гор. при Ладожск. оз., родина гр. Граббе 797.
 Кёллеръ, академ. 317.
 Кёллеръ, (рожд. Брискорнъ), Софья Макс. 317.
 Келлеръ, его библиот. 965.
 Кельбергъ, кассиръ заемн. банка 304—306.

- Кемницъ, Е. К., 1494.
- Кешпенъ, Петръ Ив., академ., свѣдѣн.
о немъ 567, 586, 587, 972, 1142,
1168, 1186.
- Килмансегъ, 2135.
- Кимра, село Корчевск. у. 1007.
- Кине, отъ. о немъ 1058, 1060.
- Кипренскій, портр. Дмитревск. 237.
- Кириловскій, уѣздъ, 1010.
- Кирианово, дача кн. Дашковой подъ
Петербургомъ 1909.
- Кирковъ, солд. 1660.
- Кирѣевскій, Ив. Вас., имя его вырѣз.
на кубкѣ Мицкев. 1060; Славяноф.
2488, 2492, 2493.
- Кирѣевскій, Петръ Вас., имя его вы-
рѣзано на кубкѣ Мицкев. 1060; пис.
объ отмѣнѣ крѣпости. права въ Рос-
сіи 1345—1360; Славяноф. 2488.
- Киселевъ, гр. Пв. Дм., 0198 — 0199;
427; образуетъ М-во Госуд. Имущ.
528, 530—532, 534, 536—551, 555—
563, 565—570, 572—576, 578, 581—
582, 588, 589; уп. 1024.
- Киселевъ, Ник. Дм. 2157—2158.
- Киселевъ, Фед. Ив., отвѣтъ его на
предложен. вступитъ въ Масонск. общ.
1024.
- Кишкинъ, Фед. Вас., куп. 1671, 1675.
- Клари, пр. 1968.
- Клейвъ, лордъ 1583.
- Клейнмихель, гр. Петръ Андр., 964.
- Клействъ, ген. м., 1561.
- Клодтъ, бар., Вл. Карл., ген. 259.
- Клодтъ, бар. Карлъ Федор. 259.
- Клодтъ, бар. Петръ Карл., скульпт.
259.
- Клодтъ, (рожд. Фрейгольдъ), Елис. Яв.,
259.
- Клоцовъ, дѣлопроизводитель, свѣдѣнія
о немъ 536—537, 554, 556—558, 564—
565, 568, 579, 589.
- Клячинъ, Московск. купецъ 02296.
- Клячко, Юл., 203.
- Кничанинъ, Стеф., 1164, 1198.
- Кнорре, 315.
- Кнорингъ, ген., свѣдѣн. о немъ у Виль-
моль 1862.
- Кнутсенъ, бакиръ, 10.
- Княжевичъ, Ал-ъ Макс. 1154, 1161,
1162, 1163, 1166, 1168, 1169, 1186,
1190, 1192, 1195; 1198, 1200, 1201,
1202, 1206, 1207, 1208—1212, 1216—
1218.
- Княжевичъ, Дм. Макс. 1138, 1161.
- Княжнинъ, Як. Бор., къ біографіи его
1796, 02297.
- Князевъ, 2256. 2257, 02283.
- Кобенцель, гр. 2345, 2392, 2397.
- Кобургъ, пр. 1687.
- Коваленскій, 2250.
- Ковальскій, Феликсъ, начальн. пов-
станск. полиціи въ Варшавѣ 1304.
- Ковалькова, рожден. Яковлева 975.
- Ковальковъ, Алексан. Иван., воспомин.
о немъ Сахар. 961—962, 975.
- Козельскій, Никита, сотн. Келебердян-
ск. 380.
- Козицкій, Г. В., 45, 46.
- Козьма, мон. Коневскій, 1441.
- Козлиновъ, полк., 2314.
- Кокосинскіе, Эдуардъ и Эразмъ 1239.
- Кокоскинъ, об. полицм. Спб., 566.
- Коленкуръ, полк., 2471.
- Кологривова, жена Кадымскаго воен.
Алексѣя Мирон, 1664.
- Кологривовъ, ген. 814.
- Колларъ, Янъ, пис. его къ Надежд.
1131—1132, 1220—1221; въ пис. Бу-
ка 1197, 1211.
- Колоча, р., 01336.
- Кольберъ, 2426, 2433, 2434, 2440.
- Кольбъ, издат. Аугсбургск. Газ., пис.
къ нему Тютчева о Россіи и Германіи
1993—2042.
- Колычевъ, Степ. Алексѣев., 2344 —
2345.
- Комаровскій, гр. Евгр. Федот., 300,
1029.
- Комаровъ, Дм. Трофим. землем. 897,
907, 908.
- Комбурлей (рожден. Кондратьева) Ан.
Андр. 416—417, 830—831.
- Комбурлей, Мих. Ив., губернат. Жи-
томірск., свѣдѣн. о немъ 830—831.
- Коммиссія для составленія новаго уло-
женія 386.
- Конарскій, 1231.

- Конде, пр. 1038.
 Коновницынъ, ген. пор., 2311.
 Коновницынъ, ген., въ Зап. Граббе 435, 451, 457, 462; Дивова 01336, Тучк. 1933, 1947, 1949.
 Константинъ, Конст. Ив., 1494.
 Константинъ, Николаевичъ, В. Кн. 0209; назначеніе намѣстникомъ Ц. Польскаго 1282—1283, 1285, 1291, 1292, 01345, 01348; прибытіе въ Варшаву 1295—1297, 1298—1299, 01346; покушеніе на его жизнь 1300—1303, 01346.
 Константинъ, Павловичъ, цесарев. 208, 216—217. 220 — 221, 328, 643, 697; участв. въ войнѣ 1812-го года 454—455, 01335; отвѣтъ его Базилевскому 1527; присяга ему 1529, 1532, 1550; свѣдѣн. о немъ 1783—1788; въ воспом. гр. Блудовой 2058, 2060; уном. 2142, 2156.
 Копьевъ, Ал-й Дан., свѣдѣн. о немъ 682—683, 1755, 1766, 1978—1979.
 Копьевъ, полковн. флиг. адъют., опроверженіе показаній о немъ Фелькнера 1754—1769.
 Корвалисъ, лордъ, 2378, 2379.
 Корниловъ, В. А. 187.
 Коробка, ген., 1829.
 Коробковъ, 02281, 02283.
 Коробчевскій, провіантск. комис. 1579.
 Коробьинъ, Гр. Никол. 01332.
 Коростовцовъ, В. Л., 1052.
 Корсаковъ, Ал-й Иван., 306.
 Корсаковъ, Григор. 1047.
 Корсаковъ, Ив. Ник., 1533.
 Корсаковъ, фавор., замѣч. о немъ Вильмотъ 1860.
 Корсаковъ, П. А., пенз. 942, 947, 948.
 Корфъ, бар., ген. 1934, 1936.
 Корфъ, гр. Модестъ Андр., 453, 487, 488, 510, госуд. секр. 565.
 Корфъ, бар. Никол. Андр., Кенигсбергск. губернат. 7, 8, Спб. полицм. 21—23.
 Корфъ, бар. Фед., 965.
 Коссаковская, гр. Екат. 2302, 2314.
 Коссовскій, кн. 2287.
 Коссовскій, офиц., 1240.
 Костенецкій, Вас. Гр. 256, 699, (1036).
 Костенская, Акс. Никит., 318.
 Костомаровъ, Николай Иван., историкъ, о лѣтописяхъ 654—665; некрологъ кн. М. А. Оболенскаго 667—0655.
 Костровъ, Ерм. Ив., его перев. Оссиана 455.
 Котельниковъ, С. К. 1913.
 Котта, поѣздка по Алтаю СХХIV.
 Кохиусъ, Кіевск. коменд. 263.
 Коцебу, П. Е. 1735.
 Кочетова, 1830.
 Кочубей, Дем., сенат. 531.
 Кочубей, кн. Викт. Пв. 723.; въ Зап. Фотія 1435; Блудовой 2067, 2068, 2111; въ донесен. Моркова 2391.
 Кочубей, кн. Серг. Викт., его Диканьск. Арх. 1685.
 Кошелевъ, Александръ Иван., приобр. и пожертв. бібліотеку Полтавацк. въ Московск. Музей 976; пис. къ нему П. В. Кирѣевск. 1345—1360.
 Кошелевъ, И. Р., 1548.
 Кошелевъ, Родіонъ Александр., оберъ-гофм. въ Зап. Фотія 1413, 1450, 1451, 1452.
 Кошутъ, 1164, 1194.
 Краевскій, редакт. журн. Землед. Общ. 1266.
 Краевскій, Андр. Александр., отв. его о Инсарск. 577; воспомин. о немъ Сахарова 942, 948—951, 956, 957, 974—975; служилъ въ Археогр. Комисс. 974—975.
 Краевскій, помѣщ. Смоленск., 177 — 178.
 Крамштюкъ, Еврейск. проповѣдн. 1224.
 Красновъ, Ив. Ив., свѣдѣн. о немъ 1494, 1495.
 Красное село, лагерь 1552.
 Красовскій, акад. 960.
 Красильниковъ, А. А. 643.
 Красинскій, гр. 1792—1793.
 Краусъ, Австр. млн. 1172.
 Крашенинниковъ, академ. 2044.
 Крейдъ, Сем. Ив., 327—328.
 Крекшянъ, Петръ, донесен. его Сенату о бумагахъ Петра Вел. 776—779.
 Кременецкій Лицей 2059.

- Кречетниковъ, Мих. Нябит., 1687.
 Кречетниковъ, Петръ, губерн. Астраханск. 0452—0453.
 Кречетовъ, Вас. Иван., воспом. о немъ Сахар. 966—969.
 Кривцова, (рожд. Вадковская), Ек. Фед., 01321.
 Кривцовъ, Ник. Ив., Воронежск. губернат., 01321.
 Криднеръ, въ Записк. Фотія 1440, 1444—1446, 1449, 1451.
 Кроль, Ник. Ив., 1495.
 Крокау, ген. 1557, 1558.
 Кронебергъ, Леоп., 1236, 1238.
 Кроссаръ, 469.
 Кругъ, академ. 964.
 Крузенштейнъ, И. Ф., директ. Морск. Корп., въ воспомн. Шестака. 192—195.
 Крузъ, Ал-ъ Ив., адмпр., 1686.
 Кршиштопорскій, 1235.
 Крузъ, докт. 1971.
 Крыжановскан, (рожд. Безакъ), Мар. Ив., 239, 302.
 Крыжановскій, Андр. Конст. 302, 732.
 Крыжановскій, Никол. Андр. (ген. губ. Оренбургскій) 239, въ Польшѣ 1223, 1263.
 Крыловъ, Ив. Андр., свѣдѣн. о немъ 0472, 0473, 0475. 942, 948; отъ. о немъ Мицкев. 1070; знаком. съ Граббе 785, 787; нападки на него Катенина 1794, 1795.
 Крѣпостное право, въ Россіи, объ отъѣзъ его 1345—1360.
 Крюднеръ, бар. 2392, 2404.
 Крюднеръ, бар. о Лифляндск. привлекіяхъ СХVІІІ.
 Кугушевъ, кн. Гр. Вас., свѣдѣн. о немъ 1495.
 Кудашевъ, кн. 479.
 Кудлай, (рожд. Крейторъ), 319.
 Кудлай, Дм. Мих., 318—319.
 Кудлай, Екат. Игнат., 318—319.
 Кудлай, Ив. Мих., 318—319.
 Кудлай, Ник. Мих. 318—319, 325.
 Кудринъ, драгоманъ, 2371.
 Кузминъ, маіоръ 282.
 Кукольникъ, Нест. Вас., 782, свѣдѣн. о немъ 590—591, 942, 944—949.
 Кукольникъ, Пл. В., воспомн. о Новосильц. 203—0200.; упом. 0196, 0197, 0199, 0200, 942, 946.
 Кукушкинъ, прапорщ. 1329.
 Куликовъ, прапорщ., 1329.
 Купавна, деревни кн. Юсуп. 1881.
 Куракина, кн. Елена Степ., 12.
 Куракинъ, кн. Алексан. Борис., 290; пос. въ Парижъ, пис. къ гр. Н. П. Румянц. 392—410; путеш. вмѣстѣ съ Павл. 1971; переѣ. его съ Павломъ о Нелидовой 2164—2165.
 Куракинъ, кн. Ал-й Бор., 407.
 Куракинъ, кн. 1657.
 Курута, ген. 1037, 1789.
 Кусовъ, Пб. городск. голова, 1439.
 Купчинскій, сотн. Яготинск. 378—381.
 Кутайсовъ, гр. Алексан. Иван., убитый при Бородинѣ, воспом. о немъ Граббе 421, 423, 444—448, 451, 455, 461, 467, 690; Дивова 01333—01338, Тучк. 1949.
 Кутайсовъ, гр. Ив. Ив., свѣдѣн. о немъ 687—690, 706.
 Кутайсовъ, гр. Ив., сенат., 689.
 Куторга, Мих., проф. 2054.
 Кушлинъ, бар., издат. „Славянск. Юга“ 1185.
 Кювилли, 1916, 1917.
 Кюль, Андр. Данил. 322.
 Кюль, Дан. Ив., 322.
 Кюстинъ, авторъ „La Russie en 1839“ 1994.
 *
 Лабзинъ, Ал-ъ Фед. въ Зап. Фотія 1435—1440, 1443, 1464.
 Лагарпъ, 723.
 Лагарпъ, замѣч. о курсѣ его литературы 1989.
 Лагербіельке, 409.
 Ладинскій, ген., 1758.
 Ладыженскій, Мих., 0460.
 Ладыженскій, полк. 751.
 Ладыженскій, въ пис. Нелединск. 2188.
 Лазаревскій, А. М., очерки быта Малорос. 341—388.
 Лазаревъ, Армянск. купецъ 118.
 Лазаревъ, М. П., 169, 174, 187.

- Лакостовъ, каштерзам. 1648, 1652.
 Лакруа, его новыя сочин. СХІV—СХV.
 Ламанскій, Вл. Ив., 44.
 Ламбергъ, гр. 1167.
 Ламбертъ, гр. Кар. Кар., намѣстн. въ
 Польшѣ 1229, 1234, 1237, 1282, 1283.
 Ламбинъ, Петр. Петр. библиографъ 1496.
 Лампъ, Игнат., капит. 02296—02297.
 Лангенбекъ, хирургъ 1289.
 Лангъ, совѣтн. 1650, 2310.
 Ланжеронъ, гр. (Алексан. Фед.) 295;
 боялся холеры 1028.
 Ланская, (рожден. Вилламова), Ел. Ив.,
 310.
 Ланской, (Ал-ъ Дм.?), 02283.
 Ланской, 2466.
 Ланской, Серг. Серг. 310.
 Ланнъ, ген., 2454.
 Ларрей, докт. 1953.
 Латуръ, Австр. воен. мнн. 1171, 1180,
 1184.
 Лачиновъ, воен., 02291.
 Лебедевъ, Егоръ, 2232.
 Леваидовскій, сотн. Корибутовск.
 381—382.
 Левашовъ, Вас. Ив., ген., 2282.
 Левашовъ, гр. Василій Васильевичъ,
 575.
 Левенштернъ, бар. Карлъ Федор. 264.
 Левинскій, ген., 1239.
 Левицкій, ген., коменд. Варшавы 206—
 207.
 Левшина, (рожд. Брискорнъ) 316.
 Левшинъ, Ал-й Иракл. 316.
 Левшинъ, Анд. Алек., 908.
 Левшинъ, В. А. 898.
 Леду, Фр. конс. въ Бухарестъ 295.
 Ледюкъ, 1955, 1956, 1966.
 Лелевель, 213, 1087.
 Леманъ (рожд. Брискорнъ) Мар. Макс.
 317.
 Ленартовичъ, его стихи СХХ.
 Ленскій, воспом. о немъ 2055—2057,
 2065—2066.
 Леонидъ, (Кавелинъ), архип. Нового
 Иерусалима, сообщ. о ц. Евдокин 648—
 653.; переп. Никона 1601—1640.
 Леонтьева, Ирина Александр., 1670,
 1671.
 Леопольдъ, кор. Бельг. 420, 854.
 Лепарскій, отз. о немъ Граббе 795—
 796.
 Лермонтовъ, Мих. Юр., 527—528,
 1079.
 Лесли, Серг. Ив., предвод. Смоленск.,
 жалоба его имп. Александру на гу-
 бернск. начальство 180—184.
 Лефортъ, 1390.
 Ливенцовъ, Ил. Ив. куп. 1675, 1683.
 Ливень, (рожд. гр. Бенкендорфъ), кн.
 Дар. Христов., свѣдѣн. о ней 847,
 2144.
 Ливень, кн. Карлъ Андр., мнн. нар.
 проsv., 2111.
 Ливень, кн. Христ. Андр., посл. въ
 Берлинъ 419, 420, 846, 847.
 Ливень, гр. Шарл. Карл. 2201.
 Лигницъ, кн-я, въ воспом. Блудов.
 2085, 2086, 2120, 2124.
 Лидерсъ, ген. адъют. назначеніе его
 намѣстникомъ Ц. Польскаго 1222, 1223;
 прибытіе въ Варшаву и первыя дѣй-
 ствія 1229, 1245, 1249, 1250, 1281,
 1282, 1284; покушен. на его жизнь
 1288, 1289, 1290, 1291, 1292, 1296,
 1301, 1302, 1303.
 Лизакевичъ, 2442.
 Лизогубъ, Андр. сотн. Конотопск.,
 370—371.
 Ликлама, поѣздка по Россіи, СХХІV.
 Линденъ, ген. 1573.
 Линдль, паст. 303, 317.
 Лисенковъ, Спб. книгопрод. 950.
 Лисикевичъ, Эдуардъ, 1239.
 Лисовскій, Федоръ, протопопъ, сотникъ
 Новгородсѣверскій, свѣдѣн. о немъ
 355—369.
 Литке, гр. Фед. Петр., 1209.
 Лихачевъ, ген. 462—463.
 Лихтенштейнъ, уб. при Бородинѣ
 854.
 Лионъ, содержат. увеселител. дома въ
 Спб. 330.
 Лобановъ-Ростовскій, кн. Дм. Ив.
 734.
 Лобановъ-Ростовскій, кн. Як. Ив.,
 его шутка 2068.
 Ловичъ, кн-я 2058.

- Ломоносовъ, Мпх. Вас. 8; отношен. къ Орлову 41, 45, 46, 911, 1913. 2153, 2211.
- Лонгиновъ, Мпх. Нлк., I. 25; замѣтки о Пб. дворцахъ XII—LVII; о Херасковѣ 1453—1479; о первонач. истор. Русск. театра 2042—2046.
- Ложечниковъ, писат. 948.
- Лопатинскій, бискупъ 2310.
- Лопатинскій, гр. 431 432.
- Лопухина, Ан. Петр. 2168.
- Лопухинъ, Ив. Вл., свѣдѣн. о немъ 2149—2150.
- Лопухинъ, кн. Пет. Вас. 332.
- Лопухинъ, Фед. Авр. 1658.
- Лопухины, свѣдѣн. о нихъ 649—553.
- Лорпстонъ, Фр. посл. въ Сиб. 428.
- Лорисъ-Меликовъ, Мих. Таріел., его архивъ 741.
- Лощкаревъ, секр. пос. въ Мюнхенъ 850.
- Лубинскій, Константинъ, еп. Августовской 1230. 1243.
- Лужинъ, Моск. об. полицм. 2064—2065.
- Лузинъ, крѣг. комис., прошеніе его Павлу 644—645.
- Луиза, кор. Прусская, въ воспом. Блудовой 2086—2093; письма ея 2093—2107, 2122.
- Луиза, пр. Прусск., за Авт. Радзивил. 2081.
- Лукасинскій, маіоръ, учредит. Варш. тайн. общ. 208.
- Лукезяни, марк., 2452, 2454, 2463, 2470.
- Лукинъ, В. И., писат. 1554, 1570.
- Лунинъ, Петръ Мпх., 1794, 1985.
- Львовы, отз. о нихъ гр. Блудовой 2053.
- Лысыя горы, село Аткарев. уѣзда, Саратовск. г. 4.
- Люблино, подмосковное с. 1890.
- Люкбургъ, гр-ня 2066.
- Лънивцовъ, М. А. 975.
- Любара, мѣст. гр. Валеваго на Бюльши 829.
- Любомирская кв., 829.
- Любомирскій, кн. 0208, 829.
- Людвигъ, барон. Ал-а Ив. 693.
- Людвигъ, (рожд. Буше), бар Соф. Ив. 693, 695.
- Людвигъ, бар. Алексан. Иван. 693.
- Людвигъ, бар. Ал-й Ив., 693.
- Людвигъ, бар. Ив. Хр. 693.
- Людвигъ, бар. Кар. Ив., 693.
- Людвигъ, бар. Пет. Ив., 693.
- Людвигъ, бар. Яв. Ив., 693.
- Людвигъ, капит. 312.
- Людвикъ Бонапарте, кор. Голландск., 856, 2381, 2384 (женится на Богарне 2385).
- Людвикъ-Филиппъ, кор. Французск. 156—157, 1989, 2080, 2117.
- Людвикъ XVI. 2.
- Людвикъ XVII, 2134.
- Лютцовъ, оиц. 445.
- Лясковскій, Никол. Эраст., 1496.
- *
- Маврокордато, кн. свѣдѣн. о немъ 613, 1901—1902.
- Магницкій (Мих. Леонт.) 299; доносъ его на Павск. 960; Зубриловск. паясіонъ 2202, 2204.
- Маевскій, Карлъ, 1236. 1237, 1238, 1276, 1277, 1281, 1290.
- Мажаровъ, ротм. 0460.
- Мазепа, гетм. 343—347; 358, 363.
- Мазолевскій, каб. курьеръ 1652.
- Майковъ, Вас. Пв. 70, 74.
- Майковъ, Леонидъ Никол., о Каменск. 1552—1570; Чупятонъ 1672—1685.; сатира на Академіи Наукъ и Худож. и Сухонутн. Корп. 1910—1928.
- Майергоферъ, ген. м. 1202, 1205, 1206.
- Майзельсъ, раввинъ 1224.
- Майлатъ, гр. 1167.
- Макарій, владыка епархіи Св. Мавра, 1159.
- Макаревъ, Ал-ъ, 2312.
- Макаровъ, Алексѣй Иван., секр. Петра Вел., 1406.
- Макаровъ, управл. Тайн. Канцел. 306.
- Микеровскій, 1530.
- Македонецъ (рожд. Граббе) Мар. Христопор. 798.
- Македонецъ, Вас. Игн., помѣщ. Воронежск. 799.

- Македонецъ, Мих. Вас. 798—799.
 Маковскій, сотн. Кролевецк. свѣдѣн.
 о немъ 343—345.
 Максимилианъ, пр. Лейхтенбергскій,
 присутств. на Вознесенск. смотру 794.
 Максимовичъ, преподават. Морск.
 Корпуса 196.
 Малевскій, деканъ юрид. факульт. Ви-
 денск. универс. 224.
 Малиновская (рожденная Исленьева),
 Ан. Петр., супруга археолога 1844,
 1847, 1849, 1853, 1854, 1857, 1872,
 1900, 1907.
 Маловъ, священ. отъ Исакія, хоронилъ
 Анастасевича 972; духовный членъ
 корабля Татариновой 1449.
 Малороссія, очерки ея быта въ XVIII
 вѣкѣ 341—388.
 Малоирославецъ, 0417.
 Мальмсбюри, лордъ, 136, 137.
 Мамоновъ, кн., пис. къ Карел. 1343—
 01314.
 Мальтицъ, бар., 2062, 2073.
 Мальчевскій, Польск. поэтъ 1078.
 Мандини, пѣвецъ, 320.
 Мансардъ, надзирала за женскимъ от-
 дѣленіемъ въ Зубриловск. пансіонѣ
 2203.
 Мансуровъ, ген. 242.
 Мансуръ, шейхъ, 762.
 Маноцковъ, казач. офц. 1289—1290.
 Маргарита, Алексѣевна, царица, 1651,
 1652.
 Маргарита, игум. Астраханск. 147—
 148.
 Мариновичъ, секр. 1153.
 Маринъ, Серг. Никит., свѣдѣн. о немъ
 1021—1022.
 Маріанна, пр. Веймарская, 2123.
 Марія Николаевна, В. Кн., присутств.
 на смотру въ Вознесенскѣ 794.
 Марія Павловна, в. кн. 419—420, 1030,
 2083.
 Марія Федоровна, имп. 236, 310, 421,
 643, 678, 819—820, 976; воспомина. о
 ней 1121—1130; въ Зап. Фотія, 1451;
 въ пис. Вильмотъ 1828, 1837; свѣдѣн.
 о ней 1968, 1969—1972, 2090; Нели-
 дова 2160, 2161, 2162, 2164, 2167,
 2168, 2169, 2170 отз. о ней Стединга
 2163, 2164; въ пис. Нелединск. 2198.
 Марія, принц. Веймарская, 2123.
 Маріинскій дворецъ, свѣдѣн. о немъ
 XV.
 Маркеловъ, Петр. Дм. 956, 959, 961,
 962.
 Маркеловъ, купецъ, 1439.
 Мартини, капелм. 677.
 Марчевскій, Витольдъ, 1240. 1277.
 Масальскій, коменд. Бахмутскій 1405.
 Масковъ, истор. 230—231.
 Маслениковъ, Ив., 1334, 1337, 01318.
 Масловпчь, 1235.
 Мейендорфъ (рожд. Брискорнъ) барон.
 316.
 Мейендорфъ (рожд. д'Огеръ), бар.
 2078, 2079.
 Мейендорфъ, бар. Ал-дръ Казимир.
 2078, 2079, 2119.
 Мейендорфъ, 2072, 2073.
 Мелетій Грекъ, іеродіаконъ, 1602—
 1606, 1609, 1610, 1622.
 Мелицъ, гр., ген. 0458—0459.
 Мелиссино, Ив. Ив., 1458, 1459.
 Мелиссино, Петръ Иван., 257, 306.
 Меллеръ-Закомельскій, бар. Ег. Ив.,
 830, 840.
 Меллеръ-Закомельскій, бар. Петръ
 Ив., 826, 830, 840.
 Мельгуновъ, Ал-й Петр., 138, 1681.
 Мельгуновъ, рассказы о Шишковѣ
 960.
 Мельниковъ, Пв. Ив., 1453.
 Мельхисидекъ, архим. Нового Іеру-
 салима, 1904.
 Менгсъ, Антоп. 1690, 1691, 1692.
 Меньшиковъ, кн. Алекс. Давид., 0224;
 Малорос. 347, 348, 355, 358, 367; за-
 мѣч. о немъ Фокерода 1405.
 Меньшиковъ, кн. Алексан. Серг., 39,
 575; въ воспомин. Шестаев. 187, 198,
 199; въ Зап. Граббе 789; присутств.
 на смотру въ Вознесенскѣ 795.
 Мерзляковъ, замѣч. объ его критикѣ
 1989.
 Мере, Фр. компъ 1785—1786.
 Мерлианъ, Пв. Ив., 257, 02282.
 Мерри, Англ. мив., 2404.

- Мессарошъ, мин. Венгерск. 1168.
 Мессенгаузеръ, ген. 1178. 1179, 1181, 1183.
 Местръ, гр. Жоз., 2486.
 Меттернихъ, 404, 407, 1144, 1148, 1152, 01320.
 Мехти-Кули Ханъ-Карабагскій 1580, 1581.
 Мешелевъ, Мих., Олонецк. куп. 2278, 2279.
 Мещерская, кн. Соф. Серг. 1443, 1450.
 Мещерскій, кн. Петръ Ив., 1518.
 Мещерскій, кн. об. прок. Св. Синода 2062.
 Меѳодій (Смирновъ), еп. Тульск. 901.
 Миклошичъ, Фр., пис. его къ Надежду 1132, 1142, 1158, 1159, 1160, 1165, 1168, 1170, 1174, 1186, 1188, 1192, 1195, 1198, 1199, 1216, 1218—1219.
 Микошевскій, ксендзъ, 1265.
 Микулинъ, Ст. Дан., инженер. 797.
 Милашевичъ, ген. м., 2309.
 Миловъ, основат. въ Спбургъ старообрядч. часовни 965—966.
 Миллеръ, Христ. Ив. 311; свидѣн. о немъ 314.
 Милорадовичъ, Андр. Степ., 263.
 Милорадовичъ, гр. Мих. Андр., показан. о немъ С. Н. Глинки 0220—0221; въ Зап. Граббе 462—464, 474, 475, 477, 478, 0417; хлопоч. о выкупѣ Сибирякова изъ крѣпости. состоянія 640—643. уп. 295, 805, 862.; упом. 1548, въ Зап. Стороженки 1743; рассказъ о немъ 2143, 2145.
 Милорадовъ, Алмпій, 1153.
 Милошъ Обреновичъ, кн. Сербскій 1131, 1153, 1157, 1158, 1164, 1185, 1189, 1192, 1198, 1199.
 Мильчевская, 2064.
 Милютинъ, Никол. Алексѣев., 575, 1283—1284.
 Милютинъ, уп. въ пис. имп. Аяны Юановны 1661.
 Минихъ, 29, 231, 1454, 1455.
 Митивье, докт. 1953, 1954.
 Митрополія, игум. Успенск. двѣвич. мон. въ Александровой Слободѣ 1652.
 Михайловскій, Алексѣй Ив., 180, 188.
 Михайловскій Данилевскій, воен. истор. замѣч. Граббе 411, 438, 440, 452, 458, 459, 470. 479, 0418, 816; воспом. Сахар. 942, 947.; отз. о немъ Сахена 1017. уп. 1928.
 Михайловскій Замокъ, свидѣн. о немъ XLIX.
 Михайловъ, Мпнск. вице-губернат. 2310.
 Михайлъ, митр. Новгородской, 1440, 1442, 1449, 1450, 1452.
 Михаилъ Милошевичъ, кн. Сербскій, 1141, 1142, 1154, 1155, 1158, 1164, 1165, 1173, 1177, 1184, 1185, 1190, 1191, 1192, 1193, 1194, 1198, 1210.
 Михаилъ Павловичъ, в. кн., 449, 457, 470, 482, 491. пис. къ А. Я. Булгак. 0419—0425.; въ Зап. Граббе 787—789; присутств. на смотрѣ въ Вознесенскѣ 794; стихи на него Вадковск. 01324; путешеств. вмѣстѣ съ Паскевичемъ 1736.
 Михаилъ Ѳеодоровичъ, царь, 1386, 1387, 1388, 1775, 2054, 2055.
 Михаилъ, мон. Коневскій. 1443.
 Михельсонъ, Ив. Ив., пис. его о Пугач. 0456, 0457, 0460; пис. къ нему П. А. Демид. 2234; Екатер. 2235; 2282.
 Михельцъ, купчиха 326.
 Мицкевичъ, Адамъ, 1034; воспом. о немъ 1057—1061, 1081—1088; біограф. и литературн. изв. его о Пушк. 1062—1088, 1062—1088; примѣч. къ нимъ 1065, 1068, 1069—1071—1081; замѣтки о немъ 632, 636—638; уп. 217, 218. 965, 2077, 2078.
 Мицѣльскій, адъют. в. кн. Коуст. Павл. 1788.
 Мишле, отз. о немъ 1060.
 Могилянскіе, 1758.
 Модерахъ, Карлъ Ѳед. 235, 236.
 Молчановъ, Петръ Степ. 733, 734; свид. о немъ 1025—1028.
 Мольтке, 2130.
 Монастыри: Александро-Невская лавра, 1646. Донской. 68, 1902. Калазинъ, бытъ его 1771, 1772, 1776—1782. Колоцкій, 466. Коневскій 1441.

- Мещовскій, 648. Николы Радовицкій близъ Рязани 1647. Николы Теребенева, 1011. Нилова пустынь, 1770, 1771, 1773—1776. Новый Иерусалимъ, 34, 1893, 1904. Островецкій Доминиканскій, 2309. Соловецкій, 2284; Спасскій, въ Астрахани, 148. Симоновъ, 1606, 1608, 1619. Троицко - Сергіева Лавра 1390 по опис. Вильмотъ 1881—1885. Успенскій дѣвич., въ Александровъ 1651 — 1652. Ченстоховскій, 1245. Чудовъ, 53, 0846, 01343. Чуркинская пустынь, близъ Астрахани 148. Юрьевъ, 146.
- Монжеласъ, гр., мин. Баварск. 850, 851; его жена 851, 853.
- Монтескье, 1192.
- Морковъ, гр. Арк. Ив., 2147, 2303; донесен. его изъ Франціи 2329.
- Морковъ, Ир. Ив., 2302.
- Морской Корпусъ, воспом. о немъ Шестака. 192—198.
- Мортемаръ, герц. 2116.
- Мортъе, ген. 2455.
- Москва. бунтъ и чума 67—72; въ 1812-мъ году, 452, 453, 465, 466, 469 — 473; замѣчн. о ней Фокерода 1406, 1407; Вильмотъ 1840, 1858, 1859, 1860—1866, 1874—1878, 1879, 1880; окрестности ея 1902.
- Мосоловъ, проектъ его о крестьянск. избахъ 646, 647.
- Мохнацкій, учред. Варшавск. тайн. общ. 208; выписка изъ его Записокъ 209—213, 215, 216.
- Мочульскій, Викт. Ив., 1496, 1497.
- Мраморный дворецъ, 98, LV—LV.
- Мудровъ, Матв. Як., проф. 959.
- Муравьева, Ек. Фед. 1517.
- Муравьевъ Апостолъ, Матв. Ив; 01330.
- Муравьевъ Апостолъ, Серг. Ив. 01330.
- Муравьевъ, гр. Млх. Никол., 501—502, будучи Курск. губернат., принималъ участіе въ образов. Мин. Госуд. Имущ. 557—558.
- Муравьевъ, Никол. Ерөө., 54.
- Муравьевъ, Ник. Ник., присутств. на смотрѣ въ Вознесенскѣ 794; 2530.
- Муравьевъ, офиц., 1342.
- Мурзакевичъ, Ник. Никиф., о Кагульск. памятникѣ 0463—0466.
- Муромцевъ, 1881.
- Мусинъ Пушкинъ, гр. Алексій Алексѣевичъ, 295.
- Мусинъ Пушкинъ, гр. Вал. Плат. 2282, 2284.
- Мусинъ Пушкинъ, гр., въ пис. Шаховск. 0471.
- Мутибаричъ, еп. Далматинск., 1215.
- Мухановъ, Пв. Ал., дѣятельн. его въ Польшѣ 0201—0205.; свѣдѣн. о немъ 1497—1499.
- Мухановъ, сенат., 1548.
- Мухинъ, Ефр. Ос., проф. 897.
- Мухлинскій, ориентал. 634.
- Мѣрославскій, Людов., ему припис. сочинен. Польск. катихизиса 202 — 203.; уп. 1234, 1266.
- Мюллеръ, I, эленистъ, 1218.
- Мюллеръ, о мореологіи Латышско-Славянскихъ нарѣчій СХХIV.
- Мюратъ, 442, 450, 457. 474—478, 480, 1933, 1947, 1952, 2366, 2367, 2385.
- Мятлевъ, авторъ Курдюковой 1981.
- Мятлевъ, 2068.
- М., Дм. Ник., Рязанск. предвод. дворянства 638—643.

*

- Нагаткинъ, Ал-й Никифор. 02286.
- Нагаткинъ, майоръ 836—837.
- Надеждинъ, Ник. Ив., 0478; пис. къ нему Атанацковича 1132—1136; Вука Караджича 1140 — 1218; Мпклошича 1218—1219; Коллара 1220—1221.
- Надиръ-шахъ, 1337.
- Назаренко, Пот., сотн. Воронеж., свѣдѣн. о немъ 352—355, 362, 367, 369.
- Назимовъ, 197.
- Назаровъ, Тульск. продав. 906—907.
- Назаровъ, Ник. Ст. 1499.
- Наусути, ген. 429—433.
- Наполеонъ I, въ пис. Курак. 400, 401, 403, 407, 402, 410; 1812 годъ 418, 419, 423, 428, 435, 437, 440, 442—444, 448 — 450, 452, 453, 459, 464, 465, 467, 468, 471, 472, 475, 480, 0417, 01332, 01336, 1929, 1952, 1953,

- 1957, 1958, 1960, 1961, 1963, 1966; слово о немъ Александра 1030; упом. 294, 295, 729 — 731, 807, 809, 814 — 817, 831, 834, 835, 849, 850, 854 — 858, 1059, 1062; въ Запск. Тучк. 1929, 1952 — 1954, 1957 — 1966.; въ донесен. Моркова 2341 — 2487; 1979, 2093, 2095, 2099, 2101, 2102, 2107, 2131, 2133, 2134, 2135.
- Наполеонъ III. имп., исключаетъ Милчевича изъ числа преподавателей Фр. Коллеги, 1060.
- Нарбонъ, маршалъ 423, 1229.
- Наржимскій, Юсифъ, 1239.
- Нартовъ, А. А., 1459.
- Нарышкина. Мар. Ант. 2092.
- Нарышкина, дочь Марьи Ант. 1020.
- Нарышкина (рожден. кн. Трубецкая), Анна Никит. 1465.
- Нарышкинъ, А. А., 2140—2141.
- Нарышкинъ, Алексан. Льв., нерасположен. его къ Румянц. 1038; разс. о немъ 1046.
- Нарышкинъ, Л. А., 330, 1681.
- Нарышкинъ, уб. Американцемъ 839.
- Наталія Алексеевна, в. кн. 111, 112, 119, 678.
- Наталія Кирилловна, царица, 1416.
- Началово, село близъ Астрахани 147—148.
- Неандеръ, 1517, 1518.
- Неаль, Паулина, 2081, 2084, 2085.
- Невзоровъ, въ воспом. Сахар. 974.
- Неволинъ, Констант. Алексеев., 2058.
- Невоструевъ, Алекс. Ив., протоіер., 0850, 0851.
- Невоструевъ, Капитонъ Иванов., археологъ, показаніе о немъ Е. В. Барсова 0846—0860; возраженіе 01343—01344.
- Небольсяна, пріятельница гр. Раstopчина 1843, 1881.
- Невъжинъ, прапор., 1662.
- Невъровскій, ген. въ Зап. Граббе 412, 446, 447; Тучк. 1937, 1942.
- Неголевскій, Владисл. 1338.
- Недобровъ, 2231—2232.
- Ней, ген. 169, 450, 451, 1947
- Нейгардтъ, А. И., ген., въ Зап. Граббе 789—790., 1031, ун. 1757.
- Нектарій, патр. Іерусалимскій, 1604; 1605, 1609; грамота его къ ц. Алексью о Никонъ 1609—1616.
- Нелатонъ, докт. 1289.
- Нектарій, архіеп. Тобольскій, свѣдѣн. о немъ 1770, 1771; грамота его 1773.
- Нелединскій, Юр. Ал., 1980, 2150, 2172—2208.
- Нелидова, Ек. Ив., 1971.; біограф. очеркъ 2160—2172; пис. къ ней Нелединск. 2172—2208.
- Нелидовъ, Александр. Ив., 2169.
- Ненчини, пѣв., 320.
- Неплюевъ, И. И., 24.
- Неплюевъ, Никол. Ив., 1681.
- Неплюевъ, Мвск. губери. 2309.
- Несвижъ, г., 2291.
- Нессельроде, гр., канцл. 1323, 01318, 2056, 2060, 2062, 2155.
- Нестеровъ, 1405.
- Нечаевъ, А-ъ Еф., 1499.
- Нечаевъ, С. Д., 901.
- Неѣловъ, свѣдѣн. о немъ 1980, 1984, 2152.
- Никитенко, Алексан. Вас., академ. 942, 948.
- Никитинъ, А. Н., въ воспом. Сахар. 986.
- Николаевская слобода 0458.
- Николай, бар., 1763.
- Николай Александровичъ, цесарев., воспомн. о немъ Измайловскаго солдата 2075.
- Николай I, имп., геройство его 71, Польск. дѣло 222—224; вазнач. Новосильц, предсѣд. Госуд. Совѣта 0194; при немъ сооруженъ Кагульск. памятн. 0465 — 0466.; Мннст. Госуд. Имущ. 529, 530, 536, 542, 547—551, 562—566.; въ Зап. Граббе 782—784, 789, 791—792, 793, 811, 812; дѣлаетъ православіе и Русскую народность сивозами Мннистерства Народнаго Провѣщенія; награжд. Сахарова 920, 921, 923—926; награжд. Карамз. 1020 — 1021; освобождаетъ Пушкина и даетъ ему аудіенцію 1063 — 1066, 2209. уп. 33, 185, 199, 228, 242, 308, 335, 0477, 0478, 724; свидан. съ вн. Мп-

- лошомъ 1164, 1165; жалуеть Вуку перстень 1210 — 1211; бесѣдуетъ съ Карелин. 1323.; прекраш. дѣло объ убіеніи Настасьи 1552; дарить офицерамъ сукно на обмундировку 1572; награжд. Стороженку 1733; въ Записк. Стороженк. 1741; въ воспомин. Блудовой 2052, 2053, 2054, 2055, 2056, 2060, 2066, 2068, — 2070, заботы его о воспитаніи 2109 — 2114; Нелидова 2171; Ростовцовъ 466 — 472, 453, 462 — 465, 476, 477, 480 — 485, 487, CVI — CIX.; свидѣт. о немъ бар. Штокмарара CV — CIX.
- Николичъ, Исидоръ, 1209.
Николай, митр. Грузинскій 144.
Николь, аб., 902.
Никонъ, патр., дѣло его 1601 — 1617; переписка его съ митр. Иконійск. Аванасіемъ 1618 — 1626; съ грамотоносцемъ Іерусалимск. патр. 1626 — 1640.
- Новаковскій, Ферд. 1224.
Новгородскій, у. 1006.
Новгородцы 1012 — 1013.
Новиковъ, Никол. Ив., 1459 — 1461; свидѣн. о немъ 2148 — 2149, 2150.
Новиковъ, адъют. Тучк. 1944.
Новокушновъ, 907.
Новосильцовъ, Никол. Никол. о воспом. о немъ Циприуса 1054; Мицкев. изобр. его въ Дзиддахъ 1058; воспом. о немъ Кукольні. 203 — 200; уп. 313, 638, 727, 731, 735.
Новосильцовъ, ген. провіантм., 2304.
Нольде, 799 — 801.
Нордбергъ, Андр. Ив., 268.
Нордбергъ, Ан. Ив. 284 — 286, 323.
Нордбергъ, Еф. Ив., 284.
Нордбергъ, Ив. Густ. 277 — 286.
Нордманъ, 2399.
Норова, (вѣроятно мать Аврама Сергѣевича?) 1899.
Норовъ, Авр. Серг., 494, 915, 01332, 1712.
Ностицъ, 0837.
- *
- Обирскій, свидѣн. о немъ, 1274, 1275.
Оболенскій, кн. А-ръ Петр. женит-ся на дочерѣ Нелединск. Аграе. Юр. 2200.
Оболенскій, кн. Дм. Александ., сообщилъ письма Нелединскаго 2172.
Оболенскій, кн. Евген. Петр., переписка съ Ростовцовымъ 486 — XCVIII.
Оболенскій, кн. Мпх. Андр., некрологъ его 667 — 0655; племян. гр. Моркова 2329.
Оболенскій, кн. Евген. Петр., переписка его съ Ростовцевымъ 486 — XCVIII.
Оболенскій, кн. 2462.
Обольяниновъ, Петръ Хрисан., ген. пр. 289, 290, 292; разск. о немъ 1030, 1031.
Обрѣзковъ, А. М., пос. въ Константиноп. 61, 79.
Обрѣзковъ, Петръ, 2312.
Обуховъ, 145.
Овечкинъ, правит. канцел. кн. П. А. Зуб. 340 — 341.
Огаревъ, Ник. Ив., об. пр. 1041 — 1042.
Огаревъ, Никол. Нл., знаком. его съ Садовск. 153.
Огинскій, Мих., 2303.
Одпнецъ, 799.
Одоевскій, Алекс. Ив., его стихотворенія XCIX — CII.
Одоевскій, кн. Вл. Фед., въ воспом. Сахар. 942, 944 — 946; 948, 967, 974. уп. 584.
Одоевскій, кн., ген. на Кавк. 748.
Ожеро, марш. 465, 809, 811.
Озерецковскій, академ., свидѣн. о немъ 710, 711, 713 — 715.
Окуловъ, ген. м. 1933.
Оленинъ, Ал-й Ник., 235, 293, 339.
Олинъ, 0472.
Олсуфьевъ, Ад. Вас. 96.
Олсуфьевъ, губ. Московск., 557, 558.
Ольга Николаевна, Кор. Виртемб. 853.
Ольгердъ (Шестаковымъ по ошибкѣ названъ вмѣсто Александра) 187.
Омельяненко, 297 — 298.
Онисфоръ, еп. Вологодскій, бумаги его 956; воспом. о немъ П. И. Саввантова 957 — 959.

- Оранскій, герц. 2405.
 Органовъ, К. М., протоіер. Тульск. 901.
 Оріоли, гр., 2073.
 Орлова Чесменская, гр. Ан. Алекс., 146, 1434, 1439, 1450, 2143, 2144.
 Орлова (рожд. Зиновьева), кн. Ек. Няк., свѣдѣн. о ней 133—136, 141—142.
 Орлова (рожд. Зиновьева), Лук. Ив. 4.
 Орловъ, кн. Ал-й Ѳед., его графск гербъ 33, свѣд. о немъ 783—784; присутств. на смотру въ Вознесенскѣ 795; уп. 308, 427 575, 1738; свѣдѣн. о немъ 2154—2156; уп. 501, 502.
 Орловъ, гр. Вл. Гр. 4, 32, 145, 02281.
 Орловъ, кн. Гр. Г., жизнеописаніе его 1—146; книги его 289; сынъ 0469; воспом. о немъ Измайловск. солдата 2074—2076.
 Орловъ, Гр. Ив., 3, 4.
 Орловъ, Григ., чиновн. Русск. посольства въ Берлинѣ 847.
 Орловъ, гр. Ив. Гр. 4, 39, 94, 96, 145, 1681, 02279.
 Орловъ, Ив. Ив., стрѣл. 3.
 Орловъ, Мих. Ѳед., былъ въ пріятельск. отношен. съ Мамоновымъ 1044 — 1045; въ Зап. Тучк. 1938, 1956, 1957.
 Орловъ, Никита Ив., 10.
 Орловъ, гр. Ѳед. Гр. 4, 100, 145, 1681.
 Орловъ Денисовъ гр. Вас. Вас. 423, 451, 476, 877, 1687, 1947.
 Орловъ Чесменскій, гр. Ал-й Гр. 4, 26, 27, 29, 35, 60, 61, 65, 76, 98, 126, 145, пис. его къ гр. Н. И. Салтык. 0468—0470; уп. 690, 1681; замѣч. о немъ Вильмотъ 1859 — 1860; садъ его въ Москвѣ 1902; въ пис. П. А. Демид. 2256 — 2257, 2264—2265.
 Осиповъ, ген. губерн. Смоленскій 2286.
 Основскій, Нилъ Андр. 1499.
 Осташковскій у. 1007.
 Осташковъ, гор. 1007.
 Остенъ-Сакенъ, гр. отз. его о Михайловскомъ Данилевск. 1017.
 Остенъ-Сакенъ, кн. Фаб. Вильг., замѣчаніе его о Московскихъ дорогахъ 1018.
 Остерманъ, гр. Андр. Ив., 1650
 Остерманъ, гр. Ив. Андр., замѣчан. о немъ Вильмотъ 1859; пожалов. ему деревень 2303.
 Остерманъ Толстой, гр. ген. 435, 1933, 1934, 1962.
 Островскій, А. Н., писат., 2049.
 Островскій, учит. Русск. яз. 216—217.
 Отрада, село 146.
 *
 Павелъ I, 19; объявленъ наслѣдникомъ 27, 30; 41, пребывав. въ Москвѣ во время сѣзда депутатовъ 53; оспори-вив. 58; отношен. къ матери 101; 86, 108, 410; свидан. съ Орловымъ 105; вступаетъ въ 1-й бракъ 111 — 113, 119; Панинъ 115, 116; стремленія Орловыхъ и Чернышевыхъ 117; совершеннѣе его 119; пис. къ нему Екатер. 142, 143; замѣч. о его царств. 288, 289, 334; пис. къ Румиц. 0461 — 0462; Броунъ присыл. ему сливы 643; резолюц. на прошен. Лузина 644—645.; воцареніе 673 — 676; супруж. 677—679; порядки 680—682, 686—691, 697; Сувор. 705—707; Станисл. Понятовск. 0845, наказыв. Каразина за поѣздку за границу 962; покровит. старообрядцамъ 965; С. И. Плещеевъ 976; конч. 290—292, 312—313, 720—722; упом. 259, 272, 305, 309, 314 — 317, 388; покровит. Мартинист. 1462; лагерная жизнь 1552; оказыв. вниманіе къ Каменск. 1553, 1554; рассказы о немъ 1038 — 1039; Каменск. описыв. емуБредавск. лагерь 1555 — 1565; пребыв. во Флоренціи 1968—1972; рассказы о немъ 1976—1978, 1980, 2059, 2140, 2146; Нелидова 2160—2170, 2171; удаленіе Нелединскаго 2172; пис. Нелад. о его кончинѣ 2198; распоряджен. относит. театралън. дисциплины 02298; содержалъ подъ стражею Тутолмина 2273; взысканіе казен. денегъ съ наслѣдниковъ Потемк. 2323; отношен. къ Франціи 2342.

- Павловичъ, Федоръ, 1204, 1213.
 Павловскъ, близъ С. Петербурга 1130.
 Павловъ, Никол. Фил. 0476.
 Павскій, Герас. Петр., протоіер. 959—960, 1142.
 Пажоли, ген. 425.
 Паисій, влад. Итаскій, 1159.
 Паисій Лигаридъ (сравненіе его съ патер. Груберомъ 1603) мптр. Газскій 1605, 1606, 1607, 1608, 1622, 1624.
 Палацкій, Чешскій историографъ, 1160, 1197.
 Паленъ (рождени. гр. Чернышева) гр. Вѣра Гр. 2068.
 Паленъ, гр. Петръ Ив., 290, 292, въ Зап. Граббе 424—425, 437, 441; разск. о немъ 1038; уп. 685, 2169, 2199.
 Паленъ, гр. П. П., 01334.
 Палеиъ, гр. Фед. Петр. 783, 1931, 1934, 2068.
 Палисеръ, персв. Степнаго Короля Лира СХХV.
 Памфиловъ, Вас. протоіер. Астраханск. 147—149.
 Панаева (рожд. Брянская), жена Ив. Ив., 952.
 Панаевъ, Ив. Ив., въ восп. Сахар. 942, 947, 948, 952, 966, 967.
 Панинъ, гр. Викт. Никит., 501, 502.
 Панинъ, гр. Никита Ив., 19, 34, 36, 52, 59; отношен. къ Орлову 69, 70, 76; уп. въ депеш. Сольмса 87, 95, 101—104, 105, 109, 112 — 119, 127; отношен. къ Потемк. 125; Станисл. Понятовск. 0842, 676, 1553, 1684, 1911, 1916, 1920.
 Панинъ, гр. Никита Петр. 2341.
 Панинъ, гр. Петръ Ив., Пугачевщина 0457; Красносельск. лагерь 1552; Пугач. 2234.
 Пановъ, издат. Московск. Сборн. 1221.
 Пантелеймонъ Жупковичъ, еп. Темшварскій 1134, 1153, 1175, 1191, 1206, 1207, 1213, 1214, 1215.
 Папазолп, Грекъ 59, 60, 61.
 Папенгеймъ, 2081, 2119.
 Пародовскій, Алексан. Грпг. 277, 279, 281, 321.
 Паскевичъ, фельдм. 0202, 0205, 300, 443, 795, 1083, замѣтка его о Польшѣ 0837; отнош. его къ Ермолову 1571—1583; служба при немъ Стороженка 1728, 1731, 1733; въ Зап. Стороженка 1735, 1737, 1738, 1742—1754; уп. 2210.
 Паскевичъ, адвокатъ 1197.
 Пассекъ (Петръ Богд.) 26.
 Пассекъ, Петръ Петр., ген. 813.
 Паули, Ан. Март. 239—241.
 Паулуччи, марк. 435, 0471, 1932.
 Пафнутьевъ, Мих., подполк., 2304.
 Пацекъ, секр. и докт. кн. Милоша 1142, 1153, 1155, 1167.
 Нашкевичъ, Юл., 1235, 1277, 1281, 1290.
 Пезаровіусъ, 0477.
 Пекарскій, Мих., свидѣн. о немъ 1294—1295.
 Пеликанъ отецъ 964.
 Переверзевъ, губ. Саратовск. 557, 558.
 Перекусихина, Марья Сав., 138.
 Перецъ, откупщ. 299—300.
 Переяславль Залѣскій, гор. 1886.
 Перовскій, гр. Бор. Алексѣев., сообщ. пис. Булгак. 0423, 1552.
 Перовскій, гр. Вас. Алексѣев. 1326; перепис. съ Карел. 1328 — 1329, 01316—01319.
 Перовскій, гр. Левъ Алексѣев., по его требованіи Карелинъ отправл. въ Башкирію для минералогич. раскопокъ 1320; его коллекція минераловъ 01318.
 Персіяниновъ, книгопрод. Тульскій 901.
 Персія, 863, 865, 868, 882—891.
 Перскій, директ. Корп. 844.
 Перфильевъ, Степ. Вас. 25, 26.
 Перцъ, архивистъ, взглядъ его на войны Россію съ Наполеономъ 411.
 Пестель, декабр. 01330.
 Петерсонъ, кавал. Русск. посольства въ Берлинъ 847.
 Петровъ, Алексан. Грпг., предсѣд. Спб. цензурн. комитета, сообщ. пис. Евгениа 388.
 Петровъ, Грпг. Андр., директ. учил. Воронежск. губ., пис. къ нему Евгениа 388—392.

- Петроніевичъ. Авр. 1198.
- Петръ Великій, 3; Малороссія 345—347, 360, 364, 367; бракъ съ Лопух. 649, распоряден. Сената касательно его бумагъ 776—779; памяти. его 1026—1027, 1033; дума Мицкев. предъ его памятник. 1061, 1830; уп. 250, 252. Записки Фокерода 1360; измѣненія, предпріятыя имъ относительно вѣрученія 1367—1384; реформы въ государств. управл. 1384—1408; народн. просвѣщеніе 1408—1413; одежда, нравы и обычаи 1413—1423; народонаселеніе 1423 — 1429; доходы 1429—1432; замѣчан. о немъ Каменск. 1557; возраженіе на это замѣчаніе 1568—1569; уп. 1838, 1886, 1912; печать Антихриста 2068—2072; 02296—02297; пис. къ Долгоруку. 2072—2073; Демид. 2244, 2245; первый овцеводъ 02288—02296; о завѣщан. его СХVIII; издан. его писемъ СІІV; объ его пребываніи въ Лондонѣ СХХVI; Сенатъ 2414.
- Петръ II, имп. 0224, 1379, 1398, 1410, 1411.
- Петръ III, имп. I, наслѣд. престола 13—19; вступл. на престолъ 19, 20 23 — 26; отреченіе 26 — 29; вторич. похор. 690—691.; уп. 234—235, 241, 336, 0450, 1554, 1919.
- Пещуровъ, губ. Псковск. 557
- Пилецкій, З. И. докт. 1769.
- Пиллерсдорфъ, мнн., 1189.
- Пселъ, Григ., согн. Орланскій 380.
- Пильсудскій, об. полицм. Варшавск., 1263.
- Пире, ген. 429, 430, 433.
- Пихельштейнъ, поруч. 824—825.
- Пій IX, 1227, 1243, 1281.
- Плавильщиковъ, 2043.
- Платеръ, еп. 1244, 1259.
- Плейеръ, о Петръ В. 1360.
- Платовъ, гр. Матв. Ив., атам. 877; въ Зап. Граббе 421—426, 441, 454.
- Платонъ Атамановичъ, епископъ Сербскій, пис. его къ Надеждину 1131—1136; свѣдѣн. о немъ 1136—1140.
- Платонъ (мпр. Московск.) 72, 727; пис. къ нему в. кн. Павла Петр. 1553, (1684); отв. о немъ Вильмотъ 1884, 1885; напутствоваль и отпѣваль кн. Г. Г. Орлова 144—145; приношен. Потемк. въ Усненск. Соб. 2322
- Плетневъ, Пет. Алексан., въ воспом. Сахар. 942, 945, 948, 964, 974.
- Плещеева (рожд. Веригина), Нат. Фодот. 975—976, 2120
- Плещеевъ, Серг. Ив. свѣдѣн. о немъ 975—976.
- Плисовъ, чиновникъ 556.
- Плюшаръ, издат. Энцикл. Лекс. 950.
- Плятеръ, Мих., 216.
- Пнинъ, Ив. Петр. 731.
- Побѣдинскій-Платоновъ, Иван. протоіер. 1499—1500.
- Погодинъ, Мих. Петр., историкъ, нолемпка его о Варягахъ 0431—0432; получ. отъ Дая Зап. Шишк. 962; купилъ у Снегиръ 974; путев. записк. 1016; въ пис. Вука 1195, 1216; Колара 1221; отзывъ Бенкендорфа объ его Марѣѣ Посадницѣ 02299—02300.
- Подобѣдовъ, Серг. Ив. 279
- Пожарскій, кн. Дм. Мих., изслѣд. о мѣстѣ его погребенія 978—980.
- Пожарскіе князья, родословная ихъ 980—982; мѣстничество 982—986.
- Поздѣевъ, адъют. Кутайс. 01334.
- Позень, М. П., 502—503
- Позняковъ, жизнь его въ Москвѣ 1982—1985.
- Покровскій, Теофилактъ, учит. Тульск. гимн. 898
- Полевой, Никол. Алексѣев, Моск. Телегр. 907; въ воспом. Сахар. 942, 943, 946, 952, 955, 977; его Исторія 2147, имя его вырѣзано на кубкѣ Мицкевича 1060.
- Полежаевъ, писат. 955.
- Полевика, Петр. Ив. 2062, 2129.
- Поливановъ, ген. л., 2308.
- Поликарпова, Мар. Андр. 2090.
- Полотниковъ, П., 01315.
- Полтарацкій, Серг. Дм. библиофилъ, воспом. о немъ Сахар. 978—978; наружность и характ. его 977—978.
- Полуботокъ, 02290.
- Полуботокъ, гетм. 350.

- Полѣновъ, Васпл. Алексѣев. управл. Госуд. Архив. 962.
- Полянская, 1829, 1832, 1833, 1835, 1838.
- Полятовскіе, кн. 2291.
- Полятовскій, кн. 410, 468, 833—834.
- Понейко, И. А., 1765.
- Поповъ, ген. м., 2308.
- Поповъ, Александръ Никол. указалъ на письмо гр. Толя 413; его путеш. по Черногоріи 1142.
- Поцовъ, Вас. Мих. 951, 1451.
- Поцовъ, Вас. Ст. LXIII—LXIV, LXVI, LXVIII—LXXIII, LXXVII, LXXVIII, XCVI.
- Поповъ, М. М., въ воспом. Сахар. 948.
- Поповъ, Мих., замѣч. о немъ 2043.
- Поповъ, Никита Ив., проф. астрон. 1914.
- Поповъ, Нилъ Александр., проф., замѣтка о торговлѣ Русск. книгами между Австр. Славянами 159—163, примѣчан. его къ письмамъ Славянск. ученыхъ къ Надеждину 1131—1221.
- Поповъ, въ пис. Демид., 2263—2264.
- Поповъ, Фед. Дм. 1500.
- Порецкій, 2231.
- Норошинъ, воспятат. Павла Петровича 1554, 1920.
- Постельсъ, Ал.—ъ Фил. 1500—1501.
- Постниковъ, 1854.
- Потановъ, Ал.—ъ Льв., 2310
- Потемкинъ, кн. Таврической, возвышеніе его 123—128; управ. Кавказ. 741—745, 751, 755, 757, 768; нелюбовь къ нему Павла и Мар. Феод. 0462; упом. 0208; пис. къ Безбородкѣ 1685—1687; кн. Циціановъ 1792. Книжникъ 1796. уп. 1766; въ пис. Демид. 2248; конч. его матери 02211; прѣвѣж. въ Москву 02281; споръ возникшій по смерти его о командованіи арміею IX—XCVI; его племянницы 2305; приношен. въ Успенск. Собор. 2317—2322; взмыканіе съ наследниковъ его казенн. денегъ 2322—2325.
- Потемкинъ, гр. Мих. Серг. 2281.
- Потемкинъ, гр. Пв. Серг. его дѣят. на Кавказѣ 751—758, 761—769, поспит. въ Моск. Унив. 1457.
- Потоцкій, гр. Северинъ, 2127.
- Потоцкій, гр. Стависл., свѣдѣн. о немъ 2061, 2078.
- Поццо ди Борго, свѣдѣн. о немъ, 2115, 2156—2158.
- Прасковья Іоанновна, царевна 1659.
- Прасковья Феодоровна, царица 1655; ея дворецъ въ Спб. I.VI.
- Превосудн. чин. при Фран. посольствѣ въ Петербургъ 404.
- Прейсишъ-Эйлау, 809—810.
- Прозоровскій, кн. Александр. Александр. фельдм. 294—296, 743, 2141.
- Прозоръ, бунтовщ. 2295.
- Прокторъ, повѣдка по Россіи СХХIII.
- Просперъ-Мериме, 2147.
- Протасова, гр. Анна Степ. 10, гофмейстер. 1833, 1834.
- Протопопова, Дар. Степ. 1655.
- Протичъ, Сербск. мив., 1161.
- Протасова, Анисья Никит. 10.
- Протопоповъ, Дм. Ст. свѣд. о немъ 1501.
- Прошка, камерд. Сувор. 706.
- Пржилускій, архіеп. 1245.
- Пришибиниковъ, ему поруч. кн. Голлиц. разобрать бумаги Маркел. 962.
- Пулавы, помѣстье Чарторыйскихъ, 0841.
- Пурпуръ, Андр. Яковл. ген., 21.
- Пугачовъ, 119—123, маниф. его 0451—0452; бумаги за его время 0451—0460; 2234—2235.
- Пузыревскій, Платонъ Алексѣев., свѣд. о немъ 1501.
- Пузыревскій, членъ Радзв. комисс. 207.
- Пульскій, секр., 1180, 1183.
- Путятинъ, кн. 264.
- Путита, П. В., замѣчаніе на его статью объ Александрѣ 1716.
- Пушкина (рожд. Гончарова) Нат. Цякол. 739, 740.
- Пушкинъ, Алексан. Серг. любилъ в. кн. Мих. Павл. 0425; въ пис. Шаховск. 0472—0474; пис. къ тещѣ 736—740; знакомство съ Граббе 785—787, 796; воспом. о немъ Сахар. 955, 961, 974; уп. 638; твердитъ стихи Тан-

- креда въ переводѣ Гвѣдича 1022; замѣчан. по поводу воспомин. о немъ Ципринуса 1055 (1057); отношен. къ Мицкевичу 1060 — 1061; литературн. и биографическ. извѣстія о немъ 1062 — 1088, отношен. къ родителямъ 1795; рассказы о немъ 2139; встрѣча съ Нѣмцемъ 2204—2212.
- Пушкинъ, Алексѣй Мих., 1023, 1294; свѣдѣн. о немъ 2150—2152.
- Пушкинъ, Вас. Льв., рассказы о немъ 2147, 2148, 2150, 2151.
- Пушкинъ, Лев. Серг. 1794, 1795.
- Пушкинъ, Серг. Льв. 1795, 1979.
- Щолка, Ант. Ив. 1502.
- Пыпинъ, Ал.—ъ Никол., о Славянофилахъ, 2448—2489.
- Пятая гора, дер. Спб. губ. 253. 315.
- *
- Раденъ, маіоръ 231.
- Радзивиль, Ант. 2081.
- Радзивиль, Ванда, 2082.
- Радзивиль, Елиза 2082, 2083, 2084.
- Радзивилы, 2084, 2125.
- Радигъ, грав., портр. Екатер. 335.
- Радичевичъ, Сербск. мин. 1160, 1161, 1176..
- Радловъ, о нарѣч. Тюркскихъ СХХIV.
- Раевскій, Ив. солд. 1657.
- Раевскій, Мих. Ѳед. протоіер. 1135, 1154, 1159, 1165, 1168, 1170, 1174, 1186, 1188, 1190, 1198, 1214.
- Раевскій, ген. Ник. Ник., въ Записк. Граббе 442—444, 458, 460—462, 465; Дивова 01337, 01338.
- Раевскій, (сынъ), Ник. Ник. свѣд. о немъ 785—786.
- Раевскій, команд. конной гв. 1783 — 1785.
- Раевскій, чиновн. департ. госуд. имущ. 527—528.
- Разумовскій, гр. Кир. Гр., гетм. 34, 134, 382 — 384; пис. къ нему Гудов. 0467, 0468; презид. Академіи 1912, 2146.
- Райковскій, Серг. Андр., 1502, 1503.
- Райчъ, писат. 907.
- Ранке, новыя его сочиненія CIV.
- Ранцау-фонъ-Ассебургъ, бар. 677.
- Растопчинъ гр. Ѳед. Вас. автобіограф. стихотвор. 779 — 780; рассказы его 1030—1032; уп. 1530; замѣч. о немъ 1543, 1976—1978, 1985.
- Рахмановъ, издат. воен. журн., свѣдѣн. о немъ 842—843.
- Рачинскій, Ант. Мих., Пб. полицм. 2169.
- Рашетъ (рожд. Фрейгангъ) Ел. Ив. 301.
- Рашетъ, Ант. Як. 301.
- Рашетъ, Вл. Ант. 301.
- Рашетъ, Евг. Карл. 301.
- Рашетъ, Ив. Карл. 301.
- Рашетъ, Карлъ Як., 301.
- Рашетъ, Пв. Ант. 301.
- Рашетъ, Эм. Карл. 301.
- Рашетъ, скульпт. 300.
- Ребиндеръ, (рожд. Буцковская), Дар. Март. 258.
- Ребиндеръ, В. М. шталмейст. 73.
- Ребиндеръ, Ник. Ром. 258.
- Ребиндеръ, Ром. Ив. 258.
- Рейнботъ, 265—266.
- Рейхель, Ал. Каз. 1503.
- Рексъ, 1830, 1831, 1838.
- Рембелинскій, Евгений, 1235.
- Ренкевичъ, маіоръ 253.
- Ренкевичъ, рожден. Шне, Екат. Мих. 253, 263—264.
- Ренне, воен. аг. въ Берлинѣ 845, находился воен. агентомъ при Фр. арміи, въ Польшѣ 2290; пожалов. ему деревень 2306, 2314.
- Ренинъ, вл. Ник. Вас. 1919, 1920, 2199; I.VII—I.VIII; рескриптъ ему I.VII—I.X; Чартор. 2315.
- Ресавацъ, Милосавъ Здравовичъ, 1193.
- Реутъ, полк. 1579.
- Ржевскій, А. И. 145.
- Ржевускій, ксендзь 1249—1250, 1251.
- Ржевускій, маршалъ 0838.
- Ржонца, Ив., литогр., свѣдѣн. о немъ 1303, 1304, 1310, 1312, 1315, 1317, 01347, 01348.
- Рибасъ, 2248, 2252, 2260.
- Рибасъ, Наст. Ив., пис. къ ней П. А. Демид. 2271—02276.
- Ридигеръ, Ѳедоръ, ген. 794; пис. его къ Дибичу 01339—01343.

- Римскій Корсаковъ, (Алексан. Мих.), ген. губ. Виленск., 216.
- Римскій Корсаковъ, Войнъ Андр., адм. 1503.
- Ришелье, герц., 2484.
- Ровно, мѣст. кн. Любомірска. 829.
- Родовичъ, злоумышл. 1294, 1295, 1296—1299. 1300, 1304,
- Родожницкій, директ. Тульск. оруж. зав. 908.
- Родофиникинъ, Конст. Конст., директ. Азіатск. Департ, 1323, пис. къ нему Карел. 1324—1328., уп. въ пис. Перовск. 01317.
- Рожалинъ, имя его вырѣзано на кубкѣ Мицкев. 1030.
- Рожерсонъ, л. мед. 2371.
- Розановъ Серг. Матв., 1504.
- Розбергъ, Ал-ъ Петр. біограф. о немъ свѣдѣн. 1705—1715.
- Розенкамповъ, барон. 973.
- Розенкамповъ, бар. его изслѣд. о Кормчей 972—973.
- Розенъ, бар. писат. 942, 948.
- Розенъ, декабр., перев. его Записокъ СХХV.
- Розенъ, бар., ген. 1031.
- Розоновъ, З. П. его библиот. 1584.
- Рольскіе, Эдуардъ и Юсифъ, 1239.
- Рольстонъ, сочин. о Русск. народности СХХ—СХХII.
- Ромодановскій, кн. (Фед. Юр.), 1393.
- Ростковскій, унт. офиц. 1286.
- Рославлева, 2189, 2190, 2191.
- Ростовцовъ, Іак. Ів., біограф. о немъ свѣдѣн. 449—458; Записки его 459 — 485; переп. съ кн. Оболенск. 486 — ХСVIII. 0218—0219; свѣдѣн. о немъ 0656—0664; Савваитовъ ему представл. просктъ о древлехранилищѣ памятниковъ Русск. благочестія 1016.
- Ростовъ, гор. 1886, 1887.
- Роттъ, ген. 795.
- Ротчевъ, 0477.
- Рудковскій, сотн. Корибутск. 384—385.
- Румовскій, С. А. 1913. 1914.
- Румянцова, (рождеп. кн. Голицына), Екатер. Мих. 399, 0462.
- Румянцова, (рожд. гр. Матвѣева), гр. Мар. Андр. 337.
- Румянцевъ, гр. Александръ Иван., правит. Малорос. 377—379. 380.
- Румянцовъ, гр. Мих. Петр., свѣд. о немъ 0461—0462.
- Румянцовъ, Никол. Петр., канцел. 295; показан. о Екатер. 336—338; пис. къ нему кн. А. Б. Курак. 392—410.; 1812-й годъ 418, 420. уп. 844; отв. о немъ Нарышк. 1038; уп 1907.
- Румянцовъ. гр. Петръ Алекс. въ Зап. Греча 250, 251, 256, 260—263; правит. Малорос. 384 — 387; пис. къ нему Павла 0461—0462; Кагульск. памяти. 0464 — 0466; повѣдка въ Берлинъ съ Павломъ 679; непріятн. съ Суворов. 742, 743; 746—747; анекд. о немъ 1785; близость къ нему Тутолмина 2273; пожалов. ему деревень 2306, 2315.
- Румянцовъ, гр. Серг. Петр. 260.
- Руничъ, Дм. Пв., 1451.
- Руссель, ген. 429—430.
- Руссовъ, въ воспом. Сахар. 942, 948, 949, 951.
- Руссо, пис. кн. Г. Г. Орл. 39—40.
- Рыбинскъ, гор. 1010—1011.
- Рыль, Людв., литогр., свѣдѣн. о немъ 1303—1312, 1317, 01347, 01348.
- Рыльевъ, Кондрат. Фед., отношен. къ Ростовц. 453, — 462, 464, 465, 472, 483. (ХСVIII).
- Рышникъ, ручей и мѣстечко 836.
- Рынинъ, С. М., церковн. стар. Вологодск. Соф. Соб. 1016.
- Рѣдкинъ, Петръ Гр., 2492.
- Рѣзвый, ген. 804, 810, 813—814.
- Рѣпинскій, чиновникъ 556.
- Рѣшетниковъ, Фед. Мих. 1504.
- Рюльеръ, его рукопись 2, 29.
- Рязановъ, ген. 293.
- Рязановъ, Назар., служит. Волынск. 1369—1370.
- Рязановъ, въ пис. Демид. 02286.

*

Сава (Яковлевъ?) въ пис. Демид. 2254, 2259, 2272, 02275.

Савва (Дмитріевъ), граматоносецъ Іез-

- русалимск. патріарха, переп. его съ патр. Никономъ 1602, 1616, 1617, 1626 — 1640.
- Савва, Грекъ, мон. 1605, 1622.
- Савваитовъ, Іоаннъ, протоіерей Вологодск. Софійск. собора 957, 958.
- Савваитовъ, Пав. Ів., археологъ, сообщ. матер. для біогр. Сахар. 897—1017; воспом. его о Вологодск. еп. Онисифоръ 957—959; его посъщ. Сахар. и Полторацк. 976—977; воспом. объ Іннокентіѣ 1016.
- Савельевъ, Н. В. въ воспом. Сахар. 974.
- Савельевъ, Степ. офиц. 0450; рап. его Ципл. о Пугачевъ 0459—0460.
- Савельевъ, нумизм. 633.
- Савичъ, пясарь, 02289, 02290.
- Садовскій, Мих. Пров. 155.
- Садовскій, Провъ Мих. акт., воспом. о немъ 149—155; разск. его о Французск. революц. 155—158; записка къ нему Ермолова 158—159.
- Салтыкова, Мар. Ів., 1661.
- Салтыковъ, гр. Ів. Петр. завѣдыв. воен. част. на Кавказъ 773—776, 2297.
- Салтыковъ, Мих. Ал., 2069.
- Салтыковъ, гр. Ник. Ів. 1026, пис. къ нему Орл. Чесменск. 0468—0470; уп. 592; гр. Броуна 643—644; Каменскаго LXVI—LXXIX; Каховскаго LXXXVI—LXXXVIII, XCIV—XCV; пожалован. ему деревень 2303; нерасполож. къ И. И. Дмитріеву 1027.
- Салтыковъ, Петр. Мих., 1671.
- Салтыковъ, гр. Петр. Сем. 67.
- Салтыковъ, гр. Сем. Андр., Моск. губерн., перепис. съ имп. Анной Іоановн. 1647—1672.
- Сальдернъ, 115, 116, 1553.
- Сальматоресъ, прелекъ, 2471.
- Самаринъ, Дм. Ѳед. сообщ. переп. гр. Аракч. съ кн. Голиц. 646.
- Самаринъ, И. В. акт. 153, 2053.
- Самаринъ, Н. Ѳ. 876, 894.
- Самаринъ, Юр. Ѳед. 2489.
- Самаркандъ, 874.
- Самборскій, ген., 1759.
- Самойловичъ, гетм. 343.
- Самойловъ, Алексан. Никол., ген. прок. 181, 306, 2324.
- Самуйленко, сотн. Новомлинск. 347.
- Сандуновъ, Ник. Ник., проф. 1986, 1987.
- Сандуновъ, Сила Ник., акт. 1986, 1987.
- Сандунова, пѣвица, 1986.
- Санковскій, 1457, 1458.
- Санги, гр. 1854.
- С. Петербургъ, замѣч. о немъ Наполеон. 453; Фокерода 1407, 1417, 1421; Вильмотъ 1837, 1906.
- Сашшесъ, его книга 2253.
- Сапоретти, пѣвецъ, 320.
- Саражиновичъ, Ів. Гринг. 296—298.
- Сатаровъ, кварт. комисс. 697.
- Сатинъ, Ів., вахмис., упом. въ пис. Екатер. 0449.
- Сатинъ, Іос., полн. команд. Острогоск. гусарск. п., пис. къ нему Екатер. 0449.
- Сафоновъ, Аван. Лар. 907.
- Сафоновъ, С. В., 1763.
- Сахаровъ, Ал-дръ Игн., камердин. Имп. 2263, 2269, 2272, 02278.
- Сахаровъ, В. Е. 986.
- Сахаровъ, Ів. Петр. восп. 897—919; аттест., выданный ему изъ Моск. универс. 919—920; ходатайство кн. А. Н. Голиц. о награжд. его за историч. изыск. его о Русск. народн. 920—927; записка о сочин. и издан. его 927—941; Записки его 941—986; путешествіи 986—1013; предположенія: объ изданіи родословн. книги 1014—1015; объ образов. Русск. школ. иконописанія 1015, объ образов. библиот. духовн. вѣдомства 1015—1017; предположенія объ описаніи Макарьевск. Мпней 1017; Пролога 1017; ученыхъ братствъ 1017.
- Сахаровъ, Петръ свящ. Тульск. 900.
- Сахаровъ, въ пис. Демида. 2263, 2269.
- Са-и-ъ, кап. 824, 825.
- Свентоянскій костелъ, въ Варш., 1225, 1252, 1258, 1259, 1299, 1313.
- Свербеевъ, Никол. Яковл. свѣдѣнія о немъ, 0456.

- Свербишинъ, Арт. Семен., куп. 310.
 Свиницъ, П. П., 119.
 Свѣчина, въ шпе. Гумбольдта 1521, 1525; ея салонъ 2144.
 Себастьяни, ген. 420, 2412.
 Севастопольская оборона, собран. о ней рукописи 1089—1102.
 Севергинъ, академикъ 709.
 Сегюръ, гр. 423, 464.
 Сегюръ, о Растончинѣ (Paris 1872) CXVI—CXVII.
 Седенъ, Фр. комикъ, 2160.
 Селунскій, бригад. 2312.
 Семенова, актр. 0474, 0476, 1022.
 Семень, Ивановичъ Великій, свѣдѣн. о немъ 309—314.
 Семиковъ, об. провантм., 1579.
 Семинскій, Яцекъ, 1235.
 Сенковскій, Ос. Ив., замѣтки о немъ 632—634; въ воспом. Сахар. 946, 952, 955; ун. 782.
 С. Бевъ, біографъ Жюминн CXVII.
 Сепъ-Симонъ, 839.
 С. Эленсъ, милордъ, 1691.
 Серафимъ, митр. Новгородск. и Сибургскій, резолюція его 304; въ Зап. Фотія 1442, 1452; пис. къ нему кн. А. Н. Голиц. о Моск. обличителѣ 2325—2330.
 Сербиновичъ, Конст. Степ., сообщ. бумаги Жуковск. 1693, примѣч. къ нимъ 1701.
 Сербы (Австр.) торговля Русск. книгами 159—163.
 Сергѣевъ, Ив. Серг., 2250.
 Сердюковъ, Ив. Мих., 1674.
 Серебряковъ, 02287.
 Серебряное село, близъ Мещовск. мон., свѣдѣн. о немъ 643—653.
 Середникинъ, казакъ, 0450.
 Серно-Соловьевичъ, Ал-ъ Конст. 1504.
 Серра-Каприоли, посл. Неаполитанск. 1905.
 Сеславинъ, адъют. Барклая 422, 480,
 Сибиряковъ, Ив. стихотв., выкупъ его пзъ крѣпост. состоянія 638—643; ун. 948.
 Сиверсъ, гр. Ег. Карл. свѣдѣн. о немъ 698—699; ун. 237.
 Сиверсъ, Карль Еф. гофм. 2045.
 Сиверсъ, гр. Як. Еф. 698, 2285.
 Сиверсъ, гр. 426, 833, 834.
 Силезія, 802.
 Симеонъ, архіеп. Тверскій 1772, 1776.
 Симоновъ, Дм., гофъ-кур., 1664.
 Ситниковъ, архитект. 2267.
 Скавронская, гр. Ек. Вас. 2305.
 Скалонъ, ген. 1940.
 Скаржинскій, Діон. 1235.
 Скопцы, свѣдѣн. о нихъ 1447—1448.
 Скоропадскій, Ив. Ил. гетм. 347, 355, 359, 361, 364—372, 376, 377, 02289—02290.
 Скроботовъ, П. И., докт., 1504, 1505.
 Скюдери, К. И. 187.
 Славянофилы, историко - критическ. очеркъ 2488.
 Сленпнъ, книгопродавецъ ХCVIII.
 Сливицкій, офиц. 1285, 1286, 01346.
 Сливовъ, ген. м. 2311.
 Словацкій, Юл., поэтъ, 1232—1233, 1263.
 Смарагдовъ, Серг. Ник., 1505.
 Смирдино, село близъ Троицк. Лавры, 1530.
 Смирновъ, Сем. Алексѣев. 741.
 Смоленскъ, гор. 184; въ 1812-мъ году 443—450, 2071.
 Смолинскій, Матв., 1235.
 Смолка, Полякъ, 1172, 1338.
 Смѣльскій, Елеаз. Никит., докт. 986.
 Снегиревъ, Ив. Мих. 970; размолвна съ Анастасев. за Словарь Евгенія 973—974.
 Снѣжковъ, Дан. Осип. 389, 391.
 Соболевская, (рожд. Рашетъ) Юл. Яковл. 301.
 Соболевскій, Петр. Григор. химикъ, 301.
 Соболевскій, Серг. Александ. 786.; 1981.; имя его вырѣзано на кубкѣ Мицкевича 1060.
 Соймоновъ, Петр. Алексан., сенат. 279, 674, 702.
 Сокальскій, Ник. Петр. 1506.
 Соколовскій, Влад. писат., воспом. о немъ Сахар. 967—969.
 Соколовскій, Пет. Вас. 391.

- Соколовскій, 385, 387.
 Соколовъ, Авдій Ив., 2204.
 Соколовъ, И. Д. въ воспом. Сахар. 942, 948.
 Соколовъ, М., арт. 2053. 2067.
 Сокологубъ, гр. Влад. Алексан. 684; дарить Далю Записки Шишкова 962; знакомишь Сахар. съ Полторацк. 977.
 Соловьевъ, Серг. Мих., сообщ. распоряд. Сената касат. бумагъ Петра В. 779; Исторія его 1603, 1605, 1608.
 Соловьевъ, С. П. наблюд. за сценою Московск. малаго театра, воспом. о Садовск. 149—155 и о проч. 2046—2068.
 Солодовниковъ, въ пис. П. А. Демид. 2248, 02278.
 Сольмсъ, Прусск. посл. въ Спб., депеша его 84—118, 126, 127.
 Сонцовъ, Алексан. Бор., губерн. Воронежскій 390, 391.
 Сонцовъ, Дм. Петр., нумизм. 390.
 Сонцовъ, камерг., разск. о немъ 1982.
 Сорокунскій, Акинѳ. Ив. 297, 298.
 Софія Алексѣевна, царевна 1389, 1391, 1395.
 Сперанскій, гр. Мих. Мих. въ Зап. Греча, 288, 289, 299; Караз. 962 — 963; служба у Оболянина 1030 — 1031.
 Сперанскій, священ., 1438.
 Спиридонова, танцовщица 687.
 Спренгпортенъ, бар. 2275—2283.
 Срезневскій, Измаилъ Ивановичъ, филологъ, въ письм. Вука 1154, 1162, 1163, 1166, 1168, 1186, 1190, 1192, 1195, 1198, 1199, 1212, 1216, 1218; Коллара 1221.
 Сталь, отзывъ ея о царств. Наполеона I-го 1059.
 Ставискій, Андр. подполк. 2313.
 Станевскій, еп. суфраганъ 1245.
 Станкаръ, экзекут. канцел. мин. госуд. имущ. 573.
 Стаматовичъ, протоіер. Новосадск. и Сербск. писат. 1152, 1154, 1175, 1190, 1198, 1200, 1213.
 Станиславъ Августъ, кор. Польск., Записки его 0832—0846.
 Станкевичъ, Алексан. Влад. сообщ. пис. Грановск. 0480.
 Станкевичъ, Никол. Влад. пис. къ нему Грановск. 0479.
 Станкевичъ, ген. м. 206.
 Станьковский, портной, 1292, 1293, 1299.
 Старжинскій, гр. Генр. 1235., 1266.
 Старынкевичъ, Н. А. 853.
 Стедянгъ, бар. Шв. посл. въ Спб., пис. его о Павлѣ 2163.
 Степановъ, Никол. Петр. 645.
 Степановъ, П., 2048.
 Степановъ, каррикатур. 948, 950, 954.
 Стефанъ, эрцгерц., палат. Венгерск. 1167.
 Стефанъ, еп. Вологодскій, 1016.
 Стефанъ, Крагуевичъ, еп. Пакрачкій 1134, 1175, 1215.
 Стефанъ Поповичъ, еп. Вершачкій 1134, 1136, 1175, 1191, 1194, 1196, 1200.
 Стефанъ Яворскій, въ Зап. Фокер. 1369—1371, 1377, 1378.
 Стефанъ Грекъ, мон. 1605, 1606.
 Столыпинъ, Дм. Арк., 2204.
 Стороженко, Андр. Яковл., воспом. о немъ 1722—2735; Зап. его 1735 — 1754.
 Стороженко, Вл. Андр. 1735.
 Стоянъ, Симичъ, 1164, 1198.
 Стоячковичъ, Васил. 1137.
 Стратимировичъ, Георг. 1193, 1197.
 Стратимировичъ, Фед. 1138.
 Страховъ, Петр. Ларіон., профес. Московскій 959.
 Стрекаловъ, пожалов. ему деревень 2303.
 Строгановъ, бар. Александръ Григ., 1656.
 Строгановъ, гр. Ал—дръ Григ., 2111.
 Строгановъ, гр. Алексан. Серг. въ Зап. Греча 279, дача его 329—330, 333, 674, 702.
 Строгановъ, бар. Гр. Ал. 1131.
 Строгановъ, гр. Серг. Гр., 491, въ воспомин. Блудовой 2062, 2074, 2075, 2111.
 Строгановъ, гр. Пв. Алексан. 731, 735.

- Строгоновыхъ домъ въ Москвѣ, 1655.
 Струйскій, родств. Полежаева 955.
 Струковъ, инспект. сельск. хозяй. южной Россіи, свѣдѣн. о немъ 587—588.
 Стурдза, А. С., разск. его о Штейнѣ 2130—2135.
 Ступишинъ, И. В., 145.
 Стюартъ, 1836.
 Стюрмеръ, Австр. посл. въ Константинополь 1987.
 Субботичъ, Юванъ, докт. 1194, 1213.
 Суворова, (рожд. кн. Прозоровская) Варв. Ив. 146—149.
 Суворовъ, кн. Ал—ръ Арк., 2127.
 Суворовъ, кн. Алексан. Вас. анекд. о немъ 146—149; ордера его къ Цицлят. о Пугач. 0458—9459; дѣят. на Кавказѣ 742, 745, 746—747; уп. 1748—1750, 1754; родство съ Хвостов 1032, свѣдѣн. о немъ 704—707.
 Суворовъ, кн. Аркад. Алексан. свѣдѣн. о немъ 831—836.
 Суворовъ, Вас. Ив. 35—36.
 Суза, мин. Португ. 2454.
 Сультъ, маршалъ 812.
 Сумароковъ, Ал—ъ Петр. 5, 1455, 1916, 2043—2046, 02298.
 Сумароковъ, Серг. Пв. 01332, 1555.
 Сухозанетъ, Никол. Онуфр., 1222, 1223, 1229.
 Суханово, подмосковн. Волконск. 1018.
 Сухопутный Кадетскій Корпусъ, сатира на него 1918—1922.
 Сухтеленъ, гр. Пав. ген. (328); начал. Оренбургск. края 1320—1322; пис. его къ Карелину 01315—01316.
 Сушковъ, Ник. Вас., свѣд. о немъ 1506.
 Сырно, знач. этого слова, 374.
 Сытинъ, учпт. Тульск. гимназ. 908.
 Сырохлевъ, полк. 877.
 Сырно-Соловьевичъ, 1504.
 Сѣровъ, Ал—ъ Ник., свѣд. о немъ 1507—1508.
 Сѣверные Цвѣты, бар. Дельвига ХСVIII.
 Сѣрпковъ, Ив. Ст., 1674.
 Сьюаръ, академ. 1989—1990.
 Таврическій дворецъ, свѣдѣн. о немъ I, II.
 Таврическій полуостровъ, записка о немъ 592—606.
 Таирова домъ въ Спб. 942.
 Талейранъ, 295; замѣч. его о Парижск. салонахъ до революціи 1040; уп. 2133, нота его Маркову 2372—2378; въ донесен. Маркова, 2341, 2344, 2345; 2347, 2348—2351, 2367, 2368, 2369—2372, 2379, 2380, 2381, 2392, 2394, 2396, 2399, 2402, 2403, 2404, 2406, 2420, 2427, 2428, 2435, 2436, 2441, 2444, 2445, 2450, 2453, 2462, 2466, 2469, 2485.
 Талейранъ Перигоръ, адъют. Нансуги 430.
 Таллицкій, свѣдѣн. о немъ 1369.
 Талызинъ, 725.
 Тамань, остр., свѣдѣн. о немъ 606—607.
 Тамара, тайн. сов. 2372.
 Тарновскій, гр. Рафаиль, 2305.
 Тарутино, 474.
 Татищевъ, Ал—й, кам. юнк., 1665, 1666, 1667.
 Татаринова, въ Зап. Фотія 1440—1445, 1447—1449, 1451.
 Татпщевъ, Дм. Пв., посл. въ Вѣнѣ, замѣчан. его объ „Жизни за Царя“ 2159.
 Таубертъ, 49, 1913.
 Тауенцинъ, Пр. ген. 1553, 1558.
 Тайлеръ, разсказъ изъ Русскаго быта СХХII.
 Тейлсъ, Тульск. мистикъ 907.
 Текеллій, Пав. Абр. 768.
 Телешевъ, 2057.
 Тепловъ, Гр. Ник. 29, 43, 45.
 Терещенко, 942, 948, 974.
 Терпигоревъ, Серг. Иван., въ послѣдствіи предводит. дворянства Козловск. у. Тамбовск. губ., воспом. о немъ Сахар. 952, 953.
 Терскій, рекетн. 2311.
 Теттау, директ. Сухопутн. Корп. 231.
 Тетъ-Румянцовы, 260.
 Тильзитскій миръ 817.
 Тимпрязева, полковница 207.
 Тимпрязева (рожден. Вадковская въ

*

- 1-мъ бракъ Безобразова) С. Θ, свидан. ея съ Александромъ I, 0139—01331.
- Тимирязевъ, Θ. И. 01331; по поводу рукописей о Севастопольск. оборонѣ 1089—1102; о Берже, 2540.
- Тимковскій, Васил. Θед. Бессараб. губери., разсказъ о немъ 1039.
- Тимковскій, цейсоръ 1039.
- Титовъ, книгопродав. Тульскій 901, 906, 907, 977.
- Титовъ, наѣв. сов. 2312.
- Тихменевъ, въ воспом. Сахар. 908.
- Тихорскій, Пик. Як. 1509.
- Тодоровичъ, ген. 1193, 1196.
- Тодте, хирургъ 70.
- Толбухинъ, Мамоновець, 1044.
- Толстая, (рожд. Протасова), гр. свѣдѣн. о ней 1033—1034.
- Толстой, гр. Ал.—й Конст. 2054, перев. его Ивана Грознаго СХХVI.
- Толстой, гр. Варѣолом. Васильев. свѣдѣн. о немъ 1034.
- Толстой, Владим. Серг., о Кошневѣ 1762.
- Толстой, гр. Ив. Матв. 707.
- Толстой, гр. Ник. Алексан. об. гофм. 427.
- Толстой, гр. Петръ Алексан. 729.
- Толстой (Американецъ) гр. Θед. Пш., свѣдѣн. о немъ 837—839; разсказ. о немъ 1046; свѣдѣн. о немъ 1102—1104.
- Толстой, гр. Θед. Петр. 590, художникъ 948, 968
- Толь, гр. Кар. Θед. ген., псе. его къ Д. М. Бутурл. 411—415, въ Зап. Граббе 454, 455, 464; Стороженка 1747, 1748, Тучкова 1944.
- Толь, Конст. Карл. 412.
- Томиловъ, 2231.
- Тондини, о напахъ западныхъ и восточныхъ СІХ—СХ.
- Топчибашевъ, ориентал. 634.
- Торжковскій у. 1007.
- Торжекъ, г. 1007.
- Тотлебенъ, инженеръ. 583.
- Точилловскій, суфраганъ, 2309.
- Траверсе, замѣч. о немъ Шестаки. 176.
- Трейблутъ, губери. Тульскій, 898.
- Треповъ, Θед. Θед., градонач. Спбургскій 0220,
- Тресвятское, 73.
- Трифоновъ, Остафій, казак. Яицк. 128—132.
- Тройницкій. Ал-ъ Гр. 1509.
- Тропцкое, село, старинная, Серпуховская вотчина кн. Дашковыхъ, 1825, 1826, 1839, 1845, 1846, 1850, 1874, 1909.
- Троцкій, Кир. 350—352.
- Трошинскій, Дм. Прок. 331, 2304.
- Тройновскій, 0843.
- Трубецкая (рожден. Нелидова) кн. Алексан. Алексан. 2170.
- Трубецкая (рожден. кн. Друцкая), кн. Ан. Дан. 1454, 1455.
- Трубецкая (рожд. Салтыкова), кн. Ан. Петр. 1455.
- Трубецкая (рожд. Руминцова), кн. Дар. Алексан., 1455.
- Трубецкая (рожд. кн. Черкасская) кн. Вар. Алексан. 1455.
- Трубецкой, Ив. Юр. 1918.
- Трубецкой, кн. Никита Петр. 2170.
- Трубецкой, кн. Никита Юр. 1454, 1455, 1458.
- Трубецкой, кн. Никол. Никит., 1455, 1459, 1463.
- Трубецкой, кн. Юр. Никит. 1455, 1459.
- Тршетршевинскій, Авг. 1235.
- Тульскій Кадет. Корпусъ 901.
- Туманскій, Θед. Ос. 684, 702.
- Туннеръ, о горномъ и желѣзномъ промыслѣ въ Россіи СХХII—СХХIII.
- Тургеневъ, Ал-ъ Ив., въ Зап. Фотин 1451, 1453; псе. къ Жуковск. 1516—1518, 1527—1529; переп. съ Гумбольдт. 1519—1525; съ кор. Фридр Вильг. IV, 1525—1527; споръ съ Пушк. 2139; пзд. его переписка съ братомъ СХVII.
- Тургеневъ, Ив. Петр. 2150.
- Тургеневъ, Ив. Серг., перев. его Вешнихъ водъ СХХV.
- Тургеневъ, Серг. Ив., 1529.
- Тургеневъ, Ник. Ив., свѣдѣн. о немъ 1509—1511.
- Туркоманы, 864, 865.
- Турнай Таропесвъ, Армян. 1328.

- Турчавиновъ, ген. пор. 2304.
 Турчаниновъ, капр., 1668, 1669.
 Туръ, 2051. 2124.
 Тутолминъ, Тимоѡ. Ив., Московск. главнокоманд. 1888; свѣдѣн. о немъ 2273, пис. къ нему Екатер. 2273—2317.
 Тучковъ, Ал-дръ Пв., 1928.
 Тучковъ 1-й (Николай Алексѣев.) ген. 450, 1934, 1942, 1945, 1958, 1967 (2142?)
 Тучковъ 2-й (Серг. Алексѣев.), ген. 1967.
 Тучковъ 3-й Пв. Алексѣев., 450—452, 453, 458, 468; воспомин. его о 12-мъ годѣ 1928—1968.
 Тучковъ 4-й, (Алексан. Алексѣев.), ген. 1945, 1967.
 Тычининъ, Стен. 2313.
 Тышкевичъ (рожд. кн. Понятовская) 410.
 Тьеръ, разск. о немъ, 1989.
 Тюрканъ, ген., 2397.
 Тютчевъ, Фед. Ив. пис. его: о цензурѣ въ Россіи 607—632; Россіи и революціи 895—0834; Россіи и Германіи 1993—2042.
 Т—чевъ, директ. канц. мин. гос. имущ., свѣдѣн. о немъ 567, 569—572.
 Т... О... чин. департ. сельск. хозяйств. свѣдѣн. о немъ 567, 591—592.
 *
 Убри, совѣт. посол. въ Берлинъ 847, 2469.
 Увалевъ, бригад. 2283.
 Уваровъ, гр. Серг. Сем., мин. нар. прос. 0479, 685, 715, 915; перениска его съ кн. Ан. Голицынымъ о Сахар. 923—925; ему Шимкевичъ представл. свой Словарь 963; въ пис. Вука 1200, 1202; Остъ. край 1708, 1709, 1712.
 Уваровъ, Фед. Петр. 1979.
 Углевъ, 01318.
 Удомъ, ген. 836.
 Узень, р. 0458, 0459.
 Умянцовы, 260.
 Ундольскій, Вуколь Мих., 1617.
 Урбановичъ-Пилецкій, Март. Степ. 1441.
 Урусова, княжна, Ек. Серг. 1456.
 Урусѡва, (рожд. Друцкая), кн. Ир. Дан. 1455.
 Урусовъ, кн. Ив. Алексѣев., 1660, 1661.
 Урусовъ, кн. Серг. Вас. 1455—1456.
 Успенскій, Гавр. Петр., археологъ, 388.
 Успенская ц. въ Рютинск. погостѣ Волд. у. 897.
 Успенскій Соборъ, въ Москвѣ, 31, 53; припошеиіе Потемк. 2317—2322.
 Устряловъ, Никол. Герас. преподав. въ Морск. Корп. 196; свѣдѣн. о немъ 1511.
 Устюжскій у. 1010.
 Уткинъ, граверь 948.
 Ушаковъ, Андр. Ив., 1643, 1657.
 Ушаковъ, Ник. Ив., 1722.
 Ушаковъ, штыкъ-юнкеръ 0455.
 Уздовскій, Карлъ, 1235.
 *
 Фабіанъ, патеръ 1648, 1649.
 Фабриціанъ ген. м. 751, 752.
 Фалль, имѣніе гр. Бенксндорфа 555.
 Фальцъ-Фейнъ, овцесодъ, 02295.
 Фатъиновъ, сек. м. 0456.
 Фаустъ, учит. 246.
 Фе, мед. 0479.
 Фейкиндъ, Евр. проповѣдн., 1224.
 Фелпнскій, Сигизмундъ, архіеп. Варшавскій, свѣдѣн. о немъ 1230—1233, 1243—1267, 1302.
 Фельдерндорфъ, адъют. Баварск. кор. 419.
 Фелькнеръ А. И., опроверженіе показаній его о Кошневѣ 1754—1769.
 Фелькнеръ, Вл. Ив., 1511.
 Фелькнеръ, 1337.
 Феннебергъ, 1183.
 Фердинандъ, имп. Австрійск. 1143, 1144, 1147, 1149, 1150, 1151, 1157, 1166, 1167, 1171, 1180.
 Фердинандъ VII, кор. Испанск. 400.
 Ферзень, гр. ген. 257, 797, 2307.
 Ферриѣ, ген. 474.
 Филисовъ, ген. 1948.
 Фигнеръ, партиз. 472—473.

- Фикельмонъ, правнучка князя Смоленскаго 1968.
- Фикельмонъ, гр. Австр. пос. 794; отъ его кн. А. Ѳ. Орловъ 2155.
- Филаретъ, патр., 1386, 1387, 1388.
- Филаретъ, митр. Московскій 0851, 0852, 0853, 0855, 0856; покровительств. Невоструеву 0859—0860, 01343, 01344, въ Зап. Фотія 1437, 1442, 1450, 1452; конч. Александра I, 1530; строгость его 1973; отв. ему Пушк. 2211.
- Филаретъ, архіеп. Черниговск. 24, 0851, 0852, 0853.
- Фили, дер. 469.
- Филимоновъ, въ воспом. Сахарова 942.
- Филисъ-Андіе, актр. 1986.
- Философовъ, М. М., директ. Сухопутн. Корп. 1919, 1920.
- Фіалковскій, архіеп. Варшавск. 1243, 1259, 1260, 1261, 1267.
- Флейшеръ, 693—695.
- Фокеродъ, свѣдѣн. о немъ 1360—1362; Записки его 1362—1434.
- Фокъ, Алексан. Бор. ген. 416, 841, 842, 844.
- Фокъ, Ив. Егор., капит. 257, 324, 340, 341.
- Фокъ (фонъ) Ив. Егор. 686.
- Фокъ (фонъ) Макс. Яковл. 308, 1737.
- Фонтопъ, Фр. правит. поэтъ 2463.
- Фонъ-Фрикень, Ѳ. К. ген. 1721.
- Фотій, архим. Юрьевск., Записки его 1434—1453.
- Франковскіе, 1240, 1241.
- Францискъ II, кор. Неаполт., 1228.
- Французскій театръ въ Спб. 725—726.
- Францъ Іосифъ, имп. Австр. 1150, 1194, 1203, 1211, 1221.
- Фредериксъ, бар. П. А. штабм. 284.
- Фрейгангъ (рожд. Брискорнъ) Екат. Макс. 317.
- Фрейгангъ, В. И. 309.
- Фрейгангъ, медикъ 317.
- Фрейгангъ, въ воспом. Сахар. 942, 948.
- Фрейгангъ, адмир., 1214.
- Фрейгольдъ, (рожд. Зауэрбрей фонъ Зауэрбруннъ) 249.
- Фрейгольдъ, Елиз. Яковл. 258.
- Фрейгольдъ, Алексан. Яковл. 248, 256—259, 277, 303, 316, 322—325, 329.
- Фрейгольдъ, Фил., паст. 249, 250.
- Фрейгольдъ (рожд. Шне, во 2-мъ бракѣ Фокъ) Христ. Мих., въ Зап. Греча 254—258, 260, 261, 263, 265—268, 271, 277—279, 322.
- Фрейгольдъ, Яковъ Филип. 250 — 252, 254—256, 260, 261, 263, 265, 268, 269.
- Фридрихъ II, кор. Прусск. 14, 25, 26, 678, 679, 1516, 1526, 1529, 2100, донесен. ему Сольмса 1201, 2106. Бреславльск. лагерь 1552—1570; сочин. его 2159—2160.; упом. 2392.
- Фридрихъ Вильгельмъ III, кор. Прусск., 2083, 2096, 2097, 2119, 2120, 2121.
- Фридрихъ Вильгельмъ IV, кор. Пр., сношен. съ А. И. Тургеневымъ 1516—1529; воспом. о немъ гр. Блудовой 2122.
- Фрицше, Юл. Ѳед. 1511—1512.
- Фуль, 1961.
- Фуссъ, непрем. секрет. Акад. 964.
- *
- Хаджичъ (Милошъ Светичъ), Юванъ. поэтъ, историкъ и юристъ 1153, 1194, 1204, 1206.
- Халиль-паша, виз. 0466.
- Ханыковъ, ген., посл. въ Дрезденъ, свѣдѣн. о немъ 847—848, 855.
- Ханыковъ, адмир., 1829.
- Харитоновъ, Григор. майоръ, ром. его о Пугачевѣ 0454—0456.
- Хвостова, въ Зап. Фотія 1441—1443.
- Хвостова (рожд. Хераскова) Ал-дра Петр. 1464.
- Хвостовъ, Ал. Сем. 735.
- Хвостовъ, гр. Дм. Ив., замѣч. о немъ Блудова 1032; домъ его 705.
- Хераскова (рожд. кн. Друцкая) Ан. Дан. 1454, во 2-мъ бракѣ кн. Трубецкая 1454—1456.

- Хераскова (рожд. Неронова), Ел. Вас. 1463.
- Херасковъ, Ал-ъ Матв., ген. 1454.
- Херасковъ, Матв. Андр. 1453—1454.
- Херасковъ, Мих. Матв., свѣдѣн. о немъ 1453—1466; библиографія его сочинен. 1466—1479.
- Херасковъ, Петръ Матв. 1454; жен. на гр. Ел. Петр. 1464.
- Херасковыхъ фамилія 1453.
- Хива, 863—866, 1323, 1325, 1327, 1328, 1344, 01317, 01318.
- Хилкова (рожд. кн. Оболенская) кн. Ал. Мих. 0655.
- Хилкова (рожд. кн. Волконская), кн. Ел. Гр., воспомн. ея объ имп. Мар. Ѳеодор. 1121—1130.
- Хилковъ, кн. Георг. Дм. 0655.
- Хитровъ, Ѳед., кам. юнк. 34—36.
- Хитровъ, Т. Т. свѣщ. Тульск. 898, 899.
- Хлудовъ, А. И., 0860.
- Хлѣбниковъ, Вас. Мих. 247.
- Хмельнскій, Игнат., 1239, 1261, 1292, 1297, 1299, 1304.
- Хмельницкій, Ив. Ив. 247.
- Хмельницкій, Никол. Ив., губерн. Смоленскій 185, 308.
- Хмыровъ, Мих. Дм., біограф. о немъ свѣдѣн. СХХVIII—СХХХVII.
- Ховенъ, полк. 459. Ег. Ѳед. 01336.
- Ходзько, служ. при посол. въ Тегеранъ 1336.
- Хозпковъ, Марка Ив., пис. къ нему П. А. Демид. 2242, 2243, 2247—2249, 2251, 2256—2271, 02276—02284; 02286.
- Холодовскій, чин. мпн. госуд. пмуш., свѣдѣн. о немъ 570, 572, 578, 579.
- Хомяковъ, Ал-й Степ., 138, замѣч. его о Латинск. послоницѣ: „de mortuis“ 227, 228; славяноф. 2489—2492; замѣч. его о слѣдств. Тильзитск. мира 817; стихи его 1518.
- Хоростовецкіе-Остоя, фамилія, о гербѣ ихъ 1049—1050.
- Хотекъ, графиня, ея Записки 1968, 1969, 1974.
- Хотяинцовъ, акт. 0478.
- Храповицкая, упом. въ Зап. Граббе 448.
- Храповицкій, Алексан. Вас. 247, 313, свѣдѣн. о немъ 330, 332—333.
- Хрисанфъ, Греческ. митр., зап. его объ Азій, подан. гр. Зубову 863—876.
- Христіанъ-Августъ, князь Цербской 14.
- Хрулевъ, ген., 1289.
- Хрущовъ, ген. м., 2297, 2309.
- *
- Царево-Займище, 457.
- Царскосельскій Лицей, замѣч. о немъ Мицкев. 1062.
- Цвѣтковъ, совѣт. Тульск. казен. пал. 398.
- Цейнеръ, Емилиа, 2080, 2081.
- Циммерманъ, сношен. съ кн. Гр. Гр. Орловымъ 140—141.
- Цициановъ, ген. м., 2306.
- Цыплетевъ, Ив. Ерем., Царицынск. коменд., пис., рап. и орд. къ нему о Пугач. 0452—0460.
- *
- Чаадаевъ, Петръ Яковл., Семеновск. исторія 01320, 01321.
- Чаплинъ, Дм. Андр. 1769.
- Чаплины, купцы, 277.
- Чаплыгинъ, Григ. Алексан. въ воспом. Сахар. 953.
- Чарповскій, 1235.
- Чарнышъ, полков. Гадяцк. 359—360.
- Чарторійскіе, кн. 2287.
- Чарторійскій, кн. Ад. Ад. 207, 208, 214, 215, 731, 735; 0841, 0842, во время Крымск. войны послан. Мицкев. въ Константиноп. 1060; уп. 1283, 2059; Екатер. возвращ. ему съ братомъ имѣнія 2315.
- Чарторійскій, кн. Адамъ (отецъ) 0838, 0839, 0840, 2295—2296; имѣнія его 2315.
- Чарторійскій, кн. Владисл., 1242.
- Чацкій, 2297.
- Чацкій, Мих., 2306.
- Чацкій, Тадеушъ, 2307.
- Чацкій, его Кременецкій Лицей 2059 (2126).

- Чевакинскій, 02274.
 Челищсва, въ пис. Пелесинск. 2493.
 Черенковъ, Ив. Пякт., помѣщ. 388.
 392.
 Череповецъ, гор. 1011.
 Череповскій у. 1009, 1010.
 Черкасскій, кн. Ал-й Мих. 1646, 1650.
 Черницкій, полк. ген. штаба, 1223.
 Чернышова (рожд. Ржевская), Авд.
 Ив. 1644.
 Чернышовъ, кн. Алексан. Ив., остр.
 Меньшик. 199; свѣдѣн. о немъ 727—
 731. ун. 845, 1083.
 Чернышевъ, гр. Гр. Ив. 01323; об.
 шенкъ 2068.
 Чернышовъ, Гр. Петр. 1646.
 Чернышовъ, гр. Зах. Григ. 34, 63,
 97, 115, пис. къ нему Екатер. 0449—
 0450.
 Чернышовъ, гр. Ив. Гр. 103.
 Черныавскій, Ник. Ив. свѣд. о немъ
 1512.
 Черняевъ, Вас. Матв., свѣд. о немъ,
 1512.
 Чертковъ, Алексан. Дмитр., пумизм.
 388—389.
 Чесменскій, Алекс. Алексѣев., свѣдѣн.
 о немъ 0468—0470.
 Чесскій, граверь 1463.
 Четвериковъ, Филиппъ, 2310.
 Чечоть, 217, 218.
 Чижовъ, Фод. Вас., предисл. къ воспом.
 Шестак. 164—165.
 Чириковъ, кригсъ-коммис. 2071.
 Чирковъ, 1190, 1198.
 Чирчіани, о настоящемъ и будущемъ
 Европы и Россіи СХІХ.
 Чичагова, (рожд. Зварковская) Мар.
 Никит. 302.
 Чичаговъ, Мих. Никифор. 302.
 Чичаговъ, Вас. Яковл. адмир. 1686.
 Чичаговъ, Пав. Вас. адмир. 176, 1967;
 его жена 1830.
 Чичеринъ, Никол. Ив., ген. полицм.
 2246, 2247.
 Чокойханъ, 1321.
 Чубарова, Варв. Серг. 257.
 Чудовскій, священ. 2062, 2063, 2067,
 2072.
 Чуйкевичъ, капит. 802.
 Чулковъ, полицмейст. Сиб. 682—683.
 Чулковъ, Мих. Дм. 2042.
 Чумиковъ, 636—637.
 Чупятювъ, Вас. Анис., біогр. о немъ
 свѣдѣнія 1672—1685.
 Ч, бар., свѣдѣн. о немъ, 837.
 *
 Шагунъ, бар., 1204, 1215, 1217.
 Шадець, Юганъ Матіасъ, проф. Моск.
 Университ. 903.
 Шадла, Сем., сотн. Писовск. 371—373.
 Шампаньи, герц. Кадорскій, 401, 403,
 406.
 Шамфоръ, разск. его о Екат. II, 1036.
 Шармуа, ориент. 635.
 Шарьеръ, 2047.
 Шауфусъ, (рожд. Брискорнъ) Ан. Макс.
 317.
 Шауфусъ, Фод. Фод. 315, 317.
 Шафарикъ, 1135, 1160, 1211.
 Шафировъ, бар. Петръ Ив., подкашл.
 1405.
 Шаховская, (рожд. Пассекъ) кн. Анаст.
 Иван. 0470.
 Шаховской, кн. А. А., пис. къ С. Т.
 Аксак. 0470—0479.
 Шаховской, кн. И. Л. ген. 423, 1937,
 1943, 1945.
 Шаховской, кн. правит. Малорос. 377.
 Шахъ-Фонъ-Виттенау, капит. 239.
 Шванебахъ, (рожд. Пашковская) Варв.
 Ив. 303. 304.
 Шванебахъ, (рожд. Шпальдингъ) 304.
 Шванебахъ, Ант. Фодор. 303—305,
 308.
 Шванебахъ, Христ. Ант. 308.
 Шванебахъ, Христ. Фод. 303—304.
 Швансбахъ, подполк. вут. сообщ. 185.
 308.
 Шванвичъ, л. кампан, 11.
 Шварцъ, Ив. Григ., проф. Моск. Ушнь.
 903, 1460, 1461.
 Шварцъ, Тульск. мистикъ, 907.
 Шварцъ, полк. 01331.
 Шверянъ, гр. свѣдѣн. о немъ 7, 10,
 22.
 Шевалье, актр., свѣдѣн. о ней, 725—
 727.
 Шевичъ, ген., 2308.

- Шевыревъ, Степ. Петр. имя его вырѣзано на кубкѣ Мицкевича. 1066.
- Шеллингъ, 1517.
- Шенгофъ, Ив., коменд. Лембергск. 252.
- Шенигъ, С. Н. сообщ. ипе. Курак. 392.
- Шеншинъ, Серг. Влад., 1928.
- Шенингъ, чин. Русск. посол. въ Берлинъ, 847.
- Шенингъ, бар. От. Дм., ген. 01334.
- Шереметевъ, Волынск. губ., 2309.
- Шереметевъ, гр. Никол. Петр. 1108.
- Шереметевъ, гр. Петр. Борис., 1658.
- Шереметевъ, гр. Серг. Дм. 1908.
- Шереметева, Ар. Оед. 1652, 1653, 1659.
- Шестакова, Наст. Филат., разск. ея объ Ан. Иоан. 1643—1647.
- Шестакова, мать автора „Воспоминаній“, свидѣн. о ней 167—173.
- Шестаковъ, Ал-й Антип. воспом. о немъ сына, 173—180, 182—192.
- Шестаковъ, Дмитр. Алексѣев. 187.
- Шестаковъ, Ив. Алексѣев., воспомин. его 166—200.
- Шестаковъ, Никол. Алексѣев. 187.
- Шестаковъ, Петръ Алексѣев. 187.
- Шестаковъ, Оед. 187.
- Шидловскій, 1235.
- Шиллингъ, бар., кавал. Русск. посол. въ Мюнхенъ 850, 856.
- Шиллингъ-фонъ - Канштадтъ 782, 795—796.
- Шилль, 2104.
- Шимкевичъ, рассказы о немъ 963—964.
- Шиповъ, Серг. Пв., 1573.
- Ширинскій - Шихматовъ, кн. Пл, Алексан., мин. нар. проsv. 635, 945. 960; пис. къ нему Вука 1207, 1208, 1210.
- Шишкевичъ, Григ., сотникъ Ново-млинскій, свидѣн. о немъ 347—352, 367, 369.
- Шинкина, фрѣйл. и сочинит. романа „Скоп. Шуйск.“, въ воспом. Сахар. 964.
- Шипковъ, Алексан. Сем. 320; стихи на Александр. мин. 734—735; рассказы о немъ 959—961, Записки его 962, адмир. 1036.
- Шкляревичъ, сотн. Хмѣлевск. 380.
- Шкуринъ, гардероб. мейст., 30.
- Шлегель, И. Б. Презид. Медик. Хирург. Акад. 972.
- Шлецеръ, Августъ 1943.
- Шлипенбахъ, ген. 0423.
- Шлихеузъ, поруч. 0460.
- Шмидтъ, 0837.
- Шис, (рожд. Шенгофъ) Тереза Ивап., воспом. о ней Греча 252.
- Шие, Мих. Ив., бригад., коменд. Кеке-гольмскій 252, 253.
- Шопенъ, акад. 587.
- Шпальдингъ, бирж. макл. 304, 305, 307, 308.
- Шредеръ, учредит. Варшавск. тайн. общ. 208.
- Шрейдеръ, совѣтн. Русск. посол. въ Дрезденъ 847.
- Штоденъ, Ев. Ев. 908.
- Штакельбергъ, гр. Густ. посл. въ Вѣнъ 405.
- Штакельбергъ, гр. Э. Г., 1515.
- Штѣберъ, (рожд. Гречь) Ан. Ив. 245.
- Штѣберъ, (рожд. Гречь) Вѣр. Ив. 271—272.
- Штѣберъ, Алексан. Петр. 245.
- Штѣберъ, Петр. Ив. ротм. 245, 272.
- Штевенъ, въ воспом. Сахар. 942, 948.
- Штейнъ, бар., въ воспомин. гр. Блудовой 2099, 2100, 2104; рассказъ о немъ Стурдзы 2130—2138.
- Штелинь, академ., 16.
- Штепа, Григ., сотн., Полтавск. 380.
- Штокмаръ, бар., его Записки CV—CIX.
- Штольцъ, Ел. Петр., ворожея 273—276.
- Штрандманъ, чин. мин. госуд. имущ. 0198—0199.
- Штрандманъ, секр. Русск. посол. въ Берлинъ 847.
- Штуръ, Сл. писат. 1197.
- Шуазель, гр., 2420, 2422.
- Шуберскій, Эрн. Ив., 1512, 1513.
- Шубинъ, офиц. Семен. полка, свидѣн. о немъ 733.
- Шуваловъ, запѣвало Жукоевск. пѣсель-никовъ 943.
- Шуваловъ, гр. (Андр. Петр.?), 2153.

- Шуваловъ, гр. Петръ Ив., 12. 21.
 Шуваловъ, Ив. Ив. 12, 18, 1459, 1460.
 Шульгинъ, Ив. Петр., преп. въ Морск. Корп. 196.
 Шульгинъ, Ив. Яв. 1513.
 Шульде, агентъ Ганзейск. городовъ 2454.
 Шульманъ, Фед. Макс. 804.
 Шульцъ, ген. 751, 753.
 Шупликацъ, Сербск. воев., 1168, 1174, 1191, 1197.
 Шураковъ, капит. 1663, (2444).
 Ш..... Ив. правит. канцеляр. департ. гос. имущ., свѣдѣн. о немъ, 516, 517, 526, 530, 547.
 Шютте, докт. 1180.
- *
- Щебальскій, П. К., его сообщ. 876.
 Щепинъ, режис., 2067.
 Щепкинъ, Мих. Сем. акт. 153, 0478.
 Щербатова, кн. Аграѳ. Алексан., свѣдѣн. о ней 1643, 1645.
 Щербатова (рожд. кн. Оболенская, Варв. Петр.), кн. 2200.
 Щербатовъ, (кн. Алексан. Фед.), кн., 2200.
 Щербатовъ, кн. Мих. Мих. 12, 48, 1459,
 Щербининъ, Мих. Пв., 0464.
 Щербинъ, нотаріусъ, 02279.
 Щигельскій, ксендзъ, 2244, 1252.
 Щиглевъ, Ром. Петр., 1513.
 Щицинская, 1292, 1293.
 Щура, солд. 1286, 1289.
- *
- Эвенгофъ, священ. 2-го Кадетск. Корп. 1438.
 Эйлеръ, ген. м. 823, 824, 01334.
 Эминъ, Никит. Осип., сообщ. пис. Пушк. 736.
 Эминъ, Ф. А., писат. 1910, 1921, 1922.
 Эмо, кавал., 1972.
 Эмсъ, Василий Ив. свѣдѣн. о немъ 712—714.
 Энгіенскій, герц., 2486.
 Энегольмъ, виц. дирскт. 1-го департ. мин. госуд. имущ. 565, 574, 575, 578.
- Эпiniusъ, академ. 42, 1921.
 Эрбрейхъ, о Донецк. каменноугольн. бассейнѣ СХХVI.
 Эртель, ген., столкнов. съ Мамонов. 1044.
 Эссенъ, Ив. Никол. ген. 802.
 Эссенъ, гр., начальн. Оренбургск. края 1319.
 Эстергази, гр., пожалов. деревня 2314.
 Эстерейхъ, напис. портр. Хераск. 1463.
 Этіенъ, Фр. оф. 1950, 1951, 1952.
- *
- Юзефовичъ, Кирилль 2307.
 Юзефовичъ, Мих. Вл., отвѣтн. слово Ципринуру 0201—0218.
 Юнзель, гр. 428.
 Юній, Ф. А. 1530.
 Юнкеръ (де) кавалеръ, офиц. 451.
 Юсуповъ, кн. Бор. Гр. 5.
 Юсуповъ, кн. Ник. Борис. 1691, 1858, 1881, 1982,
 Юргенсъ, Эдуардъ, 1235, 1236, 1238.
 Юшкова, Ан. Фед. 1643, 1644, 1647.
 Юшковъ, Степ. Вас. 391.
- *
- Яблоновскіе, кн., 2287.
 Яблоновскій, кн. 2059.
 Языковъ, Дм. Ив. рассказы его о Шишковѣ 959—961; Караз. 963; знаком. съ Анастасев. 970—971, 973.
 Якоби, проф. 308.
 Якобій, Ив. Вароол., дѣятельн. его на Кавказѣ 742—752; перепис. съ Суворов. 748, 750; съ Одоевск. 748—750.
 Яковлевъ, Ив. Тарас., 962.
 Яковлевъ, полк., въ воспом. Сахар. 948, 954, 956.
 Якубовичъ, Ив. Алексан. 835.
 Якубовичъ, Лукьян. Андр., воспом. о немъ Сахар. 941, 942, 948, 951—956, 967.
 Яненко, 591, въ воспом. Сахар. 942.
 Янковскій, студ. Вилен. универс. 217.
 Яновичъ, Ал-й Анис. 1514.
 Янскій, о воен. силахъ Россіи СХІХ.

Ярошинскій, Людов., портной, свѣдѣн. о немъ 1292—1311, 1317, 01347.	Федоровъ, Пав. Степ. его водевил. кушеты 989.
Ясликовскій, сотн. Корибутовск. 381, 382.	Федоровъ, губерн. Бессарабскій 0465—0466.
Ястрембовскій, свѣдѣн. о немъ 374—376.	Федоровъ, Михаилъ, священ. Московск., проповѣдн., свѣдѣн. о немъ 2326—2330.
Ястровъ, Евр. проповѣдн., 1224.	Феодоръ Алексѣевичъ, ц. 1388.
Ячевскій, Станисл., 1304.	Феодосій Ростоцкій, митр. уніатск. 2293.
Яшвилъ, кн. 827.	
*	
Фадѣевъ, перев. его ст. о Русск. арміи СХХV.	Феофанъ Прокоповичъ, свѣдѣн. о немъ 1371, 1372, 1378.
Федоровичъ, 385—387.	Феофилактъ Лопатинскій, 1377.
Федоровъ, Борис. Мпх. писат. 948, 949.	Феофилъ, архим. свѣдѣн. о немъ 1437—1438.

Съ 1874 года, для удобства отыскиванія, указатели къ Русскому Архиву будутъ слѣдовать въ концѣ каждой книги годового изданія.

ВАЖНЫЕ НЕДОСМОТРЫ И ОПЕЧАТКИ.

Въ *Старой Записной Книжкѣ*:

Стр. 1783, 8 строка снизу вмѣсто *зававлялз* слѣдуетъ *зававлялся*.

Стр. 1981, 17 строка сверху вмѣсто *скромиле* слѣдуетъ *скоромиле*.

Въ статьѣ Н. В. Берга о Польскихъ заговорахъ и возстаніяхъ, на стран. 1285-й сказано, что „солдаты 6-го стрѣлковаго баталіона собираются, въ свободные отъ ученія часы, слушать какія-то чтенія и рассказы двухъ молодыхъ офицеровъ, Арнольда и Слявицкаго“. Мы получили, отъ бывшаго командира 6-го стрѣлковаго батальона, г-на Спичакова (командующаго нынѣ въ Керчи 52-мъ пѣхотнымъ Виленскимъ полкомъ) увѣдомленіе, что означенные офицеры состояли не въ 6-мъ, а въ 4-мъ стрѣлковомъ батальонѣ, кои оба были расположены рядомъ, въ деревянныхъ баракахъ на Повонзкахъ.

*

Въ Родословной Демидовыхъ, стр. 2220-я, первую супругою Петра Аммосовича Демидова названа Екатерина Алексѣевна Чичерина, тогда какъ она была Любовь Алексѣевна Редрикова.

Въ *Воспоминаніяхъ С. П. Соловьева*.

Стр. 2048	строки 14	сверху	<i>Поговоривз</i>	надо	<i>Покончивз</i>
— 2060	— 20	—	Воспитанниками		Воспитанницами
— 2060	— 28	—	И		А
— 2061	— 15	—	толстый		золотой
— 2063	— 27	—	странное		страшное
— 2064	— 7	—	Укрѣпленія		украшенія

*

Мы забыли также оговорить, что помѣщенный нами на стр. 1643-й Разказъ Н. Ф. Шестаковой объ Аниѣ Юанновнѣ былъ уже напечатанъ академикомъ Пекарскимъ въ бумагахъ К. И. Арсеньева, Сиб. 1872, стран. 133—136. Нашъ списокъ этого любопытнаго разказа былъ сообщенъ намъ въ цѣломъ сборникѣ бумагъ XVIII вѣка покойнымъ княземъ М. А. Оболенскимъ, а къ нему перешелъ отъ А. Ѳ. Малиновскаго. *П. Б.*

ВЫШЛИ И ПРОДАЮТСЯ У ВСѢХЪ КНИГОПРОДАВЦЕВЪ

(ПО ДВА РУБЛЯ, ПЕРЕСЫЛКА ЗА 3 ФУНТА)

ЗАПИСКИ Н. В. БЕРГА

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ

1831 — 1862.

СОДЕРЖАНІЕ ЗАПИСОКЪ Н. В. БЕРГА.

О ПОЛЬСКИХЪ ЗАГОВОРАХЪ И ВОЗСТАНІЯХЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Польская эмиграція въ Европѣ.—Партіи и Комитеты.—Заговоръ Заливскаго.—Эмиссаръ Коварскій.—Послѣдствія его пропаганды.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Заговоры и революціонные взрывы 1846 года.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

Распоряженія фельдмаршала Паскевича.—Занятіе Кракова Русскими войсками.—Краткій очеркъ безпорядковъ въ Княжествѣ Познанскомъ.—Нѣсколько словъ о послѣдующихъ возстаніяхъ до 1849 года.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Прибытіе въ Варшаву князя Горчакова.—Перемѣна въ воздухѣ.—Партіи.—Первыя манифестаціи.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

Адресъ.—Медицинско-судебный осмотръ тѣлъ.—Торжественныя похороны пяти жертвъ.—Занятія делегатовъ.—Слѣдственная коммиссія для разбора дѣла о выстрѣлахъ.—Маркизь Велепольскій.—Упраздненіе делегации.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

Трудность положенія Велепольскаго.—Закрытіе Земледѣльческаго Общества.—Манифестаціи у дома Кредитнаго Общества и у дома графа Замойскаго.—Сборища народа у Замка.—Стрѣльба.—Зачатки бѣлой организаціи.—Смерть князя Горчакова.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

Назначеніе намѣстникомъ военнаго министра Сухозанета.—Прѣздъ графа Ламберта черезъ Варшаву изъ за границы.—Возобновленіе манифестацій.—Первый подземный листокъ.—Назначеніе намѣстникомъ графа Ламберта, а военнымъ генераль-губернаторомъ г. Варшавы генераль-адъютанта Герштенцвейга.—Выборы.—Борьба противъ нихъ красной партіи.—Городельская манифестація.—Смерть архіепископа Фіалковскаго.—Манифестація похоронъ.—Объявленіе военнаго положенія.—Панихида по Костюшкѣ.—Аресты въ храмахъ.—Закрытіе ихъ по распоряженію духовенства. Послѣдствія этого.—Смерть Герштенцвейга.—Отъѣздъ за границу графа Ламберта.

ДНЕВНИКЪ
АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА
ХРАПОВИЦКАГО,

СОСТОЯВШАГО ПРИ СОБСТВЕННЫХЪ ДѢЛАХЪ ИМПЕРАТРИЦЫ
ЕКАТЕРИНЫ II И У ПРИНЯТІЯ ЧЕЛОБИТЕНЬ.

ПО ПОДЛИННОЙ РУКОПИСИ СЪ БІОГРАФИЧЕСКОЮ СТАТЬЕЮ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ УКАЗАТЕЛЕМЪ

НИКОЛАЯ БАРСУКОВА,

ЧЛЕНА АРХЕОГРАФИЧЕСКОЙ КОММИССИИ.

ИЗДАВЕНІЕМЪ КНИГОПРОДАВЦА А. Ф. КАЗУНОВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ТИПОГРАФІЯ М. М. СТАСЮЛЕВИЧА.

1873.

ТАМЪ ЖЕ ПОЛУЧИТЬ МОЖНО:
НАЧАЛО
ИСТОРИЧЕСКОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ
БОГДАНА ХМЕЛЬНИЦКАГО.

ИСТОРИКО-КРИТИЧЕСКОЕ ИЗСЛѢДОВАНІЕ

ГЕННАДІЯ КАРПОВА.

МОСКВА.

ТИПОГРАФІЯ ГРАЧЕВА И КОМП., У ПРЕЧИСТЕНСКИХЪ ВОР., Д. ШИЛОВОЙ.

1873.

ОБЪ ИЗДАНИИ ХРИСТИАНСКАГО ЧТЕНІЯ ВЪ 1874 ГОДУ.

„Христіанское Чтеніе“ будетъ издаваться въ 1874 году по прежней программѣ и въ томъ же объемѣ, какъ въ 1873 году, т. е. ежемѣсячно книгами отъ 12 до 15 листовъ.—Въ первомъ отдѣлѣ журнала будетъ помѣщаться, съ особымъ счетомъ страницъ, **Собраніе древнихъ Литургій, восточныхъ и западныхъ, въ переводѣ на русскій языкъ.** Во второмъ мы надѣемся представить лучшіе въ настоящее время опыты изслѣдованій по разнымъ отраслямъ богословскихъ наукъ, при выборѣ ихъ обращая вниманіе сколько на ученое ихъ достоинство, столько же на близость отношенія ихъ къ современнымъ вопросамъ науки и потребностямъ церковной жизни. Затѣмъ, въ отдѣлѣ современнаго обозрѣнія, первая часть будетъ посвящена обзору текущихъ явленій внутренней жизни нашей отечественной церкви, а вторая, по прежнему, обойметъ важнѣйшія современныя событія въ средѣ православныхъ церквей на Востокѣ, въ кругу вообще славянскихъ церквей и въ жизни инославныхъ религіозныхъ обществъ, насколько это касается церкви русской.

Редакція считаетъ долгомъ и въ наступающемъ году оправдать то сочувствіе и то довѣріе къ своему журналу, которое продолжаетъ высказываться къ нему постоянно болѣе и болѣе со стороны просвѣщеннѣйшей части нашего общества, какъ къ органу духовной литературы, который всегда служилъ лучшимъ выраженіемъ современнаго состоянія у насъ духовнаго образованія.

Подписная цѣна за годовое изданіе: въ С.-Петербургѣ, безъ доставки на домъ, 6 р., а съ доставкою и пересылкою во всѣ губерніи 7 р. Книгопродавцамъ дѣлается уступка по 30 к. съ экземпляра.

Въ избѣжаніе замедленія въ высылкѣ первыхъ номеровъ журнала, редакція покорнѣе проситъ иногородныхъ подписчиковъ не опаздывать своими требованіями и адресовать ихъ *исключительно въ Редакцію Христіанскаго Чтенія при духовной академіи въ С.-Петербургъ*, съ точнымъ обозначеніемъ города или почтовой конторы, въ которую слѣдуетъ доставлять журналъ, а также—званія, имени, отчества и фамиліи подписчика.

Въ Редакціи „Христіанскаго Чтенія“ можно получать также:

1) „Христіанское Чтеніе“ за 1822, 1823, 1824, 1826, 1827, 1833, 1836, 1839, 1840, 1843, 1844, 1845, 1846 и 1847 годы. Цѣна за экземпляръ каждаго изъ этихъ годовъ, порознь, назначается 3 р. безъ пересылки, и 4 р. съ пересылкою. Выписывающіе журналъ за всѣ исчисленные годы вмѣстѣ (всего за 14 лѣтъ) платятъ и съ пересылкою 35 р.

2) „Христіанское Чтеніе“ за 1848, 1849, 1856, 1857, 1858, 1859, 1860, 1861, 1862, 1863, 1864, 1865, 1866, 1867 и 1868 годы. Цѣна за экземпляръ каждаго года 4 р. безъ пересылки и 5 р. съ пересылкою.

3) „Христіанское Чтеніе“ за 1850, 1852, 1853, 1854, 1855, 1870, 1871, 1872 и 1873 годы. Цѣна за экземпляръ каждаго года 6 р. безъ пересылки, и 7 р. съ пересылкою.

Помѣщены въ „Христіанскомъ Чтеніи“ слѣдующія бѣседы св. Іоанна Златоустаго:

- а) на книгу Бытія—за 1849, 1851 (нѣтъ въ продажѣ), 1852 и 1853 годы;
- б) на книгу Дѣяній святыхъ Апостоловъ—за 1856 и 1857 годы;
- в) на посланіе къ Ефесеямъ и къ Колоссяямъ—за 1858 г.;
- г) на посланіе къ Солунянамъ, а также на 1-е и 2-е посланія къ Тимоѳею, на посланія къ Титу, Филимону и къ Евреямъ—за 1859 г.

Слѣдующія бесѣды св. Іоанна Златоустаго, напечатанныя въ Христіанскомъ Чтеніи за разные годы, можно получать и отдѣльными книгами по слѣдующимъ цѣнамъ:

- 4) на Псалмы, два тома. Цѣна 3 р.
- 5) къ Антиохійскому народу. Цѣна 2 р.
- 6) на разные мѣста св. Писанія, три тома. Цѣна 4 р. 50 к.; отдѣльно каждый томъ по 1 р. 50 к.;
- 7) на разные случаи, два тома. Цѣна 3 р.;
- 8) на Евангеліе отъ Іоанна, два тома. Цѣна 2 р.;
- 9) на 1-е посланіе къ Коринѳянамъ, два тома. Цѣна 1 р. 50 к.;
- 10) письма св. Іоанна Златоустаго къ разнымъ лицамъ. Цѣна 1 р.
- 11) письма преп. Θεодора Студита, два тома; 2 р. 50 к.; отдѣльно: 1-й томъ—1 р., 2-й—1 р. 50 к.
- 12) Церковная исторія Евсевія Памфила. Цѣна 2 р.
- 13) Св. подвижницы восточной церкви, сочиненіе пресв. Филарета. Цѣна 1 р. 50 к.
- 14) Древнія формы Символа вѣры православной церкви, или такъ называемые Апостольскіе Символы, — истор. изслѣдованіе профессора И. В. Чельцова. Цѣна 1 р. 25 к.
- 15) Систематическій указатель къ Христіанскому Чтенію за 1821—1870 г. Цѣна 75 к.
- 16) и Каноническое Право митрополита Андрея Шагуны; переводъ съ нѣмецкаго. 2 р.

Пересылку всѣхъ означенныхъ отдѣльныхъ изданій редакція принимаетъ на свой счетъ

Редакторъ „Христіанскаго Чтенія“ *Профессоръ Иванъ Чельцовъ.*

О ПОДПИСКѢ НА 1874 ГОДЪ НА

„ВСЕМІРНУЮ ИЛЛЮСТРАЦІЮ“

БОЛЬШОЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

въ родѣ „The Illustrated London News“, „The Graphic“, „Leipziger Illustrirte Zeitung“, „Illustration“, „Monde Illustré“, „Univers illustré“.

Съ перваго января 1874 г. Журналь „Всемирная Иллюстрація“ начнетъ VI годъ (т. е. Томы XI и XII) своего существованія. Извѣстность, приобретаемая этимъ журналомъ, избавляетъ меня отъ труда подробно распространяться о его достоинствахъ.

Онъ будетъ выходить также аккуратно, какъ и въ прошлые года, еженедѣльно (т. е. 52 нумера въ годъ), въ форматѣ большого двойного листа самой лучшей бумаги и каждый нумеръ будетъ заключать въ себѣ 16 страницъ, изъ которыхъ половина будетъ наполнена роскошными рисунками изъ прошлой и современной жизни, исполненными лучшими художниками и граверами.

ПРОГРАММА ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦИИ:

I. Политическій отдѣлъ. Современная исторія. Портреты и жизнеописанія современныхъ историческихъ дѣятелей. Славянскій обзоръ.—II. Внутреннія извѣстія. Портреты и жизнеописанія русскихъ современныхъ дѣятелей. Геральдика. Судебная лѣтопись.—III. Изящная словесность. Повѣсти, рассказы, очерки, сочиненія въ драматической формѣ, какъ оригинальныя, такъ и переводныя.—IV. Науки и художества. Историческіе очерки съ изображеніемъ лицъ и мѣстъ, которыя въ нихъ описываются. Очерки изъ естественныхъ наукъ, съ изображеніемъ предметовъ и явленій природы. Очерки современнаго и историческаго развитія художествъ, съ изображеніемъ зданий, картинъ, статуй и пр., съ портретами и жизнеописаніями художниковъ. Географическіе и этнографическіе очерки съ необходимыми рисунками и чертежами и т. п.—V. Прикладныя науки и промышленность. Новыя и старыя открытія и изобрѣтенія, съ изображеніемъ машинъ, мостовъ и проч.—VI. Критика и библіографія. Обзоръ замѣчательнѣйшихъ русскихъ и иностранныхъ, литературныхъ и ученыхъ произведеній. Литературная лѣтопись. Обзоръ журналовъ.—VII. Театральный и музыкальный обзоръ. Обзоръ художественныхъ выставокъ. Рисунки, изображающіе сцены изъ новыхъ оперъ, драмъ и т. п., русскихъ и иностранныхъ.—VIII. Смѣсь и новости. Мелкія литературныя, художественныя и ученые извѣстія. Новыя книги. Разныя мелкія происшествія и т. п.—IX. Фельетонъ. Очерки общественной жизни, нравовъ, увеселеній и пр.—X. Юмористическій листокъ. Карриатуры.—XI. Шахматныя задачи, ребусы и т. п.—XII. Частныя объявленія.

ЦѢНА ГODOVOMY ИЗДАНИЮ ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ НА 1874 Г.

Безъ доставки въ С.-Петербургъ 13 р. — к. | Съ доставкою въ С.-Петербургъ 14 р. 50 к.
Безъ доставки въ Москвѣ . . . 14 „ 50 „ | Съ доставкою въ другіе города. 16 „ — „

„Всемирная Иллюстрація“ представляетъ исторію, географію, путешествія, изящныя искусства, естественную исторію, технологію, промышленность, морское и военное искусства, политическія событія, войну и проч. и проч., однимъ словомъ: цивилизацію, нравы и обычаи народовъ

ВЪ КАРТИНАХЪ.

Каждый томъ „Всемирной Иллюстраціи“ представляетъ собою

РОСКОШНЫЙ АЛЬБОМЪ

въ 450 печат. страницъ, съ 350—400 рисунками, и есть необходимое дополненіе каждой хорошей бібліотеки, а также одно изъ лучшихъ настольныхъ украшеній каждой гостинной. „Иллюстрація“ необходима вездѣ и для всѣхъ.

По просьбѣ многихъ подписчиковъ, издатель заказалъ роскошныя

ПОКРЫШКИ ДЛЯ ПЕРЕПЛЕТА

изъ англійскаго коленкора, съ золотыми тисненіями по рисунку художника А. Брюса. Цѣна покрывки для переплета на каждый томъ: безъ пересылки 1 р. 75 к., съ пересылкою 2 р. 50 к.

ЦѢНА ПЕРВЫХЪ 10 ТОМОВЪ ВСЕМІРНОЙ ИЛЛЮСТРАЦІИ:

1869 г. (томы I и II), 1870 г. (т. III и IV), 1871 г. (т. V и VI), 1872 г. (т. VII и VIII) и 1873 г. (т. IX и X)—по 12 руб. безъ пересылки, каждый годъ; съ пересылкою 15 р.

Въ англ., тиснен. золотомъ переплетяхъ, каждый годъ стоитъ 16 р. безъ пересылки и 19 р. съ пересылкою.

1874 г. Для сохраненія постепенно получаемыхъ господами подписчиками №№ „Всемирной Иллюстраціи“ за 1874 г., т. е. для томовъ XI и XII, имѣются также роскошныя покрывки для переплетовъ, по тому же рисунку и по той же цѣнѣ, какъ и для предшествующихъ томовъ.

Для подписчиковъ на 1873 или 1875 г., „Всемирная Иллюстрація“ за грошлые года уступается: каждый годъ: (т. е. 2 тома) безъ пересылки за 10 р., съ пересылкою за 13 р.; въ переплетѣ 14 р.; съ пересылкою 17 р.

Главная контора „Всемирной Иллюстраціи“ находится въ С.-Петербургѣ, на Бол. Садовой ул. д. Корвина № 16.

Редакторъ-Издатель «Всемирной Иллюстраціи» ГЕРМАНЪ ГОШЕ.

Въ Москвѣ подписка принимается у книгопродавцевъ: И. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева, А. Ланга, на Кузнецкомъ мосту; Г. Постъ, М. М. Черенина, А. Ф. Живарева и др.

Дозволено Цензурою. Москва, 28 Ноября 1873 г.

	<i>Стр.</i>		<i>Стр.</i>
XVI. Письмо изъ Познани къ конферентцъ-секретарю Д. В. Волкову отъ князя М. Н. Волконскаго (1761)	330	яхъ Дании въ Семилѣтнюю войну (1760)	425
XVII. А. Письма графа Вилима Вилемовича Фермора	336	XXXI. Переводъ съ письма къ графу М. Л. Воронцову отъ генерала Корфа о наборъ рекрутъ съ Пруссiи (1760).	440
XVIII. Изъ черновыхъ писемъ графа М. Л. Воронцова къ графу В. В. Фермору	350	XXXII. Перечневой списокъ, сколько жителей въ королевствѣ Прусскомъ (1759)	443
XIX. Письма графа Петра Семеновича Салтыкова	356	XXXIII. Письма графа З. Г. Чернышева къ графу М. Л. Воронцову	444
XX. Изъ черновыхъ писемъ графа М. Л. Воронцова къ графу П. С. Салтыкову	368	XXXIV. Письмо графа П. И. Панина къ графу М. Л. Воронцову	452
XXI. В. Письма графа Александра Борисовича Бутурлина	376	XXXV. Реляція графа П. А. Румянцова 12 Сентября 1761 г.	453
XXII. Изъ черновыхъ писемъ графа М. Л. Воронцова къ графу А. Б. Бутурлину	380	XXXVI. Изъ письма маіора Клебeka о взятiи Русскими войсками Берлина (1760).	457
XXIII. Переводъ двухъ промеморiй, врученныхъ канцлеру Цесарскимъ генераломъ маіоромъ Тиллiе (1759)	392	XXXVII. Реляція графа Тотлебена о занятiи города Берлина Русскими войсками (1760)	458
XXIV. Переводъ съ записки Французскаго посла маркиза Лопиталя (1759)	407	XXXVIII. Письмо Симолина къ графу М. Л. Воронцову (1758).	474
XXV. Переводъ съ меморiала маркиза Лопиталя (1759)	413	XXXIX. Письмо вояжира изъ Риги о состоянiи Россiйской арміи и о свойствахъ командировъ оной.	478
XXVI. Предъявленіе Цесарскаго посла графа Эстергазія (1759).	417	XL. Краткія извѣстія о Французской арміи	494
XXVII. } Переписка графа М. Л. Воронцова съ Терсье по поводу тайныхъ пересылокъ императрицы Елисаветы Петровны съ королемъ Французскимъ Людовикомъ XV-мъ (1760).	420	XLI. Подробный азбучный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ шестой книгѣ Архива Князя Воронцова.	
XXVIII. }			
XXIX. }			
XXX. Переводъ съ письма къ графу М. Л. Воронцову отъ маркиза Лопиталя съ приложеніемъ переписки объ отношені-		(Приложена карта города Берлина и его окрестностей съ означеніемъ подступа къ нему Русскихъ войскъ въ Сентябрь 1760 года, передъ его взятіемъ. (Снимокъ съ подлинной карты, присланной графу М. Л. Воронцову графомъ З. Г. Чернышевымъ).	

Получать можно въ С. Петербургъ у А. Θ. Бабунова, въ Москвѣ, въ Конторѣ Русскаго Архива на Берсеневкѣ, въ домѣ Археологическаго Общества.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
НА
РУССКІЙ АРХИВЪ
1874

(ДВѢНАДЦАТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ).

ПИСЬМА, БУМАГИ, ВОСПОМИНАНІЯ И ЖИЗНЕОПИСАНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ДѢЯТЕЛЕЙ
РУССКОЙ МЫСЛИ И РУССКОЙ ЖИЗНИ.—СТАТЬИ ПО РУССКОЙ ИСТОРИИ ВООБЩЕ.—
КРИТИЧЕСКІЯ И БИБЛОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ, НЕКРОЛОГИ, КНИЖНЫЯ ВѢСТИ,
ИСТОРИЧЕСКІЕ АНЕВДОТЫ И МЕЛОЧИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО.

(ГODOVое ИЗДАНИЕ СОСТАВЛЯЕТЪ ДВѢ КНИГИ)

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1874 года, какъ въ Москвѣ и Петербургѣ, съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

ВОСЕМЬ РУБЛЕЙ.

Желающіе получить Русскій Архивъ въ 1874 году доставляютъ или высылаютъ эти **восемь** рублей, съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства, въ Москву, на Берсеневской Набережной Москвы-рѣки, въ домъ Московскаго Археологическаго Общества, издателю Русскаго Архива Петру Ивановичу Бартеневу. Кроме того подписка на Русскій Архивъ принимается на Страстномъ бульварѣ, въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева, и въ бывшемъ помѣ-

щеніи Чертковской библіотеки, въ магазинѣ Салаевыхъ, на Мясницкой, № 7.

Въ С.-Петербургѣ подписка на Русскій Архивъ принимается въ книжномъ магазинѣ А. О. Базунова, на Цевскомъ проспектѣ.

Для перемѣны адреса необходимо высылать адресъ прежній и 10 копѣчную марку.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются; но каждую книгу, заключающую въ себѣ шесть соединенныхъ тетрадей, можно покупать отдѣльно, по 4 рубли (съ пересылкою).

Заграничные подписчики къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ за годъ: для Германіи и Бельгіи—**2** р., для Франціи и Англии—**2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи—**3** р. За полгода цѣны на пересылку за границу—половинныя.

Составитель и издатель Русскаго Архива **ПЕТРЪ БАРТЕНЕВЪ.**